

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

СЛОВО
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ТЕКСТ

*Сборник статей в честь
Е. В. Падучевой*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Ю. Апресян.</i> О судьбе и не-судьбе	7
<i>Ю. Д. Апресян.</i> Английский толково-комбинаторный словарь. I. Лексические функции	20
<i>П. М. Аркадьев.</i> Таксономические категории глагола и темпоральные наречия: свидетельства адыгейского языка	59
<i>Н. Д. Арутюнова.</i> То, да не то, а сам не знаю что	71
<i>О. Ю. Богуславская.</i> Причина в логике и в языке	88
<i>А. Богуславский.</i> Однозначное <i>кроме</i>	99
<i>И. М. Богуславский.</i> Актантное поведение адвербиальных дериватов	110
<i>А. В. Бондарко.</i> К вопросу об имплицитном представлении семантического содержания	129
<i>В. Борцев, Барбара Парти (Barbara H. Partee).</i> Бытийные и локативные предложения — что их различает? Тема-рематическая структура или диатеза?	137
<i>Д. Вайс (Daniel Weiss).</i> Временная соотнесенность двойных глаголов совершенного вида	154
<i>А. Вежбицкая.</i> Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серю утверждает, что нет)	177
<i>В. И. Гаврилова.</i> Термины «декаузатив» и «квазипассив» как конкурирующие термины	190
<i>Р. Гжегорчикова.</i> О различиях в восприятии понятия ‘вины’ в польском и русском языках	214
<i>М. Я. Гловинская.</i> Семантические и прагматические факторы как источник оценки у безоценочных слов	224
<i>Е. Л. Григорьян.</i> Действия, происшествия, состояния или ощущения?	236
<i>В. З. Демьянков.</i> Очаровательная красота	249
<i>Д. О. Добровольский.</i> Регулярная многозначность в сопоставительном аспекте	280
<i>Н. Р. Добрушина, М. А. Даниэль.</i> Русская частица <i>смотри</i> в типологическом освещении	293
<i>В. М. Живов.</i> Юридические кодексы и режим интерпретации	309
<i>А. К. Жолковский.</i> 1984 (<i>Взгляд лингвиста</i>)	329
<i>Г. Зельдович.</i> Русские двувидовые глаголы: референциальный инвариант	331
<i>Е. А. Земская.</i> Об одной новой модели в русском словообразовании (может ли приставка присоединять к себе суффиксы?)	348
<i>Вяч. Вс. Иванов.</i> К метонимии у Пастернака: испарина вальса и аромат мандарина ..	352
<i>Ю. П. Князев.</i> Адресатное и обобщенно-личное значения форм 2-го лица	364
<i>С. В. Кодзасов.</i> Эмфаза как разновидность фокализации	380
<i>А. Д. Кошелев.</i> О классификации и эволюционной динамике лингвистических теорий	398
<i>Г. Е. Крейдлин, П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий.</i> Сравнительный анализ вербальных и невербальных знаковых кодов (постановка задачи и способы ее решения)	439

<i>М. А. Кронгауз.</i> Число в названиях.....	450
<i>С. А. Крылов.</i> Несколько положений общей теории залога.....	458
<i>Л. П. Крысин.</i> Структурные и функциональные свойства иноязычных неологизмов... 482	
<i>Г. И. Кустова.</i> Многозначность глаголов и многозначность частиц в семантическом и грамматическом пространстве языка (<i>пустить</i> и <i>пусть</i>)... 489	
<i>И. Б. Левонтина.</i> Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира.....	510
<i>Н. Н. Леонтьева.</i> Постсемантический анализ текста: промежуточные структуры... 526	
<i>А. Б. Летучий.</i> К типологии классов лабильных глаголов.....	547
<i>Х. Р. Мелиг (Hans Robert Mehlig).</i> Взаимодействие между видом и «накопителями» в русском языке.....	562
<i>М. Михеев.</i> Понимание — <i>не-</i> , <i>недо-</i> , <i>сверх-</i> понимание	594
<i>С. Е. Никитина.</i> Что делает молоканский пророк? (На материале духовных песен и полевых интервью)	605
<i>Т. М. Николаева.</i> «Зеркало рецепции»: восприятие информации. Московские диалоги	620
<i>А. Г. Пазельская.</i> Образование отглагольных существительных и актантные преобразования в русском языке	634
<i>В. А. Плунгян.</i> Об одном «незамеченном» типе русского стиха: логаэдический пеонический дольник.....	646
<i>Е. В. Рахилина, О. Н. Ляшевская.</i> Генитив субъекта и наречие <i>пока</i> : прагматика структуры события	664
<i>Р. И. Розина.</i> Метонимия в поэзии Бродского	676
<i>С. Ю. Семенова.</i> О таксономии актантов параметрических имен	691
<i>Д. В. Сичинава.</i> Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность	711
<i>С. Г. Татевосов.</i> Номинализация и проблема непрямого доступа.....	750
<i>Я. Г. Тестелец.</i> Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке.....	773
<i>С. М. Толстая.</i> Многозначность слова в зеркале его дериватов	790
<i>Ханну Томмола.</i> «Несобственная собачья речь» и «свободный псовый дискурс»	802
<i>Е. В. Урысон.</i> Синтаксические свойства союзов и теория валентностей	809
<i>Б. А. Успенский.</i> Вид и дейксис	825
<i>М. В. Филипенко.</i> Структура многозначности наречия <i>автоматически</i> и акцентные сдвиги в толковании	867
<i>В. С. Храковский.</i> Похвальное слово диатезе	879
<i>И. Б. Шатуновский.</i> Общие (полные) вопросы в русском языке.....	896
<i>А. Д. Шмелев.</i> Посессивы в современной русской грамматике.....	927
<i>Т. Е. Янко.</i> Интонационные стратегии незавершенного текста.....	943
<i>Е. Hajičová, J. Panevová, P. Sgall.</i> The Meaning of the Sentence in Corpus Tagging	962
<i>L. A. Janda.</i> Transitivity in Russian from a Cognitive Perspective	970
<i>Igor Mel'čuk.</i> Remarks on Semantic Neutralization.....	989
<i>С. А. Крылов.</i> Динамические модели в грамматике и лексике: вклад Елены Викторовны Падучевой и её научной школы.....	1009
Научные труды Елены Викторовны Падучевой	1025

О СУДЬБЕ И НЕ-СУДЬБЕ *

В. Ю. Апресян

Елене Викторовне Падучевой

Была — судьба. Было русское «*не-судьба*»
(Марина Цветаева. Повесть о Сонечке)

О лингвоспецифичности русского понятия «судьба» было написано немало. Достаточно упомянуть классическую работу Анны Вежбицкой о трех ключевых концептах русской культуры [Wierzbicka 1990], а также более поздние исследования на эту тему [Булыгина, Шмелев 1997]. Интересно, однако, что в вышеприведенной цитате из Марины Цветаевой «русским» называется нечто противоположное *судьбе* — *не-судьба*. Может ли это сочетание претендовать на роль этноспецифичного языкового элемента, выражающего ключевую для русской языковой картины мира идею? Нам представляется, что для этого есть серьезные языковые основания, которые мы излагаем ниже.

1. Языковые основания этноспецифичности языковых единиц

Что может считаться достаточным основанием для отнесения языковой единицы к числу этноспецифичных, культурно значимых элементов? В современной лингвистике этот вопрос неоднократно ставился и были предложены лингвистические критерии оценки этноспецифичности, которые представляются весьма убедительными.

В работах [Апресян 1995; 2006] предлагается систематическая и детально разработанная система таких критериев. По-настоящему этноспецифичные ключевые идеи, подобно системообразующим смыслам, пронизывают язык

* Данная работа выполнена при поддержке следующих грантов: гранта для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-3205.2008.6, гранта РГНФ № 06-04-00289а на «Разработку словника и проспекта активного словаря русского языка», гранта РГНФ 07-04-00-202а на «Системообразующие смыслы и их связи в языке», гранта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

на всех уровнях: «Реально „особый способ мировидения“ проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей — своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы — морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими»; «Определенная ключевая идея имеет тем больше оснований на лингво-, или этноспецифичный статус, чем больше арсенал средств ее выражения в данном языке по сравнению с другими языками, чем разнообразнее их природа (особенно показательны в этом отношении грамматикализованные значения) и чем больше число языков, в которых она не может быть выражена столь же простыми средствами»; «Об этноспецифичности картины мира в языке L относительно какого-то другого языка или языков можно говорить в двух случаях: а) когда в L есть простые по своей структуре языковые единицы с таким значением, которое в других языках может быть выражено только описательно, т. е. сложными единицами типа словосочетаний или предложений (этноспецифичность в сильном смысле); б) когда какое-то значение, в принципе выразимое простыми средствами и в других языках, имеет в L некий особый — грамматикализованный или полуграмматикализованный — статус (этноспецифичность в слабом смысле)» [Апресян 2006: 34—36].

Эта система критериев может быть дополнена соображениями, высказанными в работе [Шмелев 2002: 13], где наиболее показательными с точки зрения понимания культурных особенностей мировосприятия предлагается считать «нетривиальные семантические конфигурации¹, достаточно частотные в бытовом дискурсе (возможно, повторяющиеся в значении ряда слов) и относящиеся к неассертивным компонентам высказывания». Замечания о частотности нетривиальных семантических конфигураций в бытовом дискурсе, а также о неассертивности этноспецифических семантических компонентов представляются весьма важными.

Нам кажется, что для утверждения об этноспецифичности какого-то концепта важно и само сознание носителей языка: если какое-то слово осознается ими как выражающее типичную для данной культуры идею, это также следует принимать во внимание; ср. «русский *авось*» или, как в вышеприведенном примере, «русское *не-судьба*».

Представляется, что выражение *не судьба* может претендовать на статус этноспецифичного элемента, выражающего важные для русской языковой картины мира ключевые идеи, по следующим причинам:

¹ Понятие «нетривиальной семантической конфигурации», которым оперирует А. Д. Шмелев, как нам кажется, пересекается, хотя и не совпадает полностью, с понятием «культурных скриптов», предложенным А. Вежицкой [Вежицка 2002], и близко к понятию «ключевой идеи» или «семантического лейтмотива» Ю. Д. Апресяна.

а) оно, как будет показано ниже, содержит, в числе неассертивных смысловых компонентов, некоторые ключевые для русской языковой картины мира идеи, выражаемые также и другими лексическими единицами;

б) оно не переводимо простым образом на другие языки;

в) оно имеет полуграмматикализованный статус.

2. Грамматикализованность сочетания *не судьба*

Рассматривая значение сочетания отрицательной частицы *не* с какой-то языковой единицей, естественно, казалось бы, сравнивать его с исходной единицей как наиболее близкой по значению. Оказывается, однако, что в случае выражения *не судьба* это не лучший путь. Как видно из цветаевского примера *Была — судьба. Было русское «не-судьба»*, синтаксически сочетание *не судьба* вовсе не является отрицанием существительного *судьба*. При том, что в большинстве случаев *не судьба* согласуется с глаголом в женском роде, есть некоторое количество примеров, подобных цветаевскому, где это выражение трактуется как принадлежащее к среднему роду, что, конечно, абсолютно невозможно для существительного *судьба*. Эта особенность очень показательна, и указывает она на особый лексический и синтаксический статус сочетания *не судьба*.

Синтаксически выражение *не судьба* представляет собой вовсе не существительное в комбинации с отрицательной частицей, а предикатив, по свойствам близкий скорее к категориям состояния или безличным глаголам типа *не суждено*, которые подчиняют пропозицию с субъектной именной группой в дательном падеже и инфинитивом; ср. *Мне не судьба (не суждено) с ней увидеться*. Существуют отдельные другие примеры перехода существительного в предикатив; ср. *Мне радость, что ребенок в надежных руках*. Однако это весьма нерегулярный тип словообразования; ср. невозможность **Ей горе его терять*, **Мне обида такое выслушивать*. Обычно роль предикатива в таких конструкциях выполняют краткие прилагательные, причастия и безличные глаголы.

Грамматикализация сочетания *не судьба* в качестве предикатива, закрепленность его за очень частотной в русском языке, типичной для категории состояния и безличных глаголов конструкцией, при том что в принципе русским существительным такой род деривации абсолютно не свойствен, указывает на особый статус этого сочетания и выражаемых им семантических идей в языке.

3. Фразеологизованность сочетания *не судьба*

Помимо грамматикализованности, на особый языковой статус выражения *не судьба* указывает также его преимущественно негативное употребление. Хотя утвердительный аналог этого выражения, предикатив *судьба*, встреча-

ется; ср. *Видно, мне судьба мыкаться по свету*, однако он гораздо менее употребителен. Ср. фразы, в которых замена отрицательной формы на утвердительную была бы неуместной:

- (1) *Но, видимо, не судьба была показать парашютистам собственные навыки нынешней зимой* [Андрей Введенский. Погода помешала машине, но не легионерам // «Сургутская трибуна», 2000.02.26].
- (2) *Я со вздохом поднялась с диванчика: не судьба* [Гала Рудых. Такой устойчивый мир // «Октябрь», 2002, № 12].

Ср. странность или неправильность фраз:

- (3) ^{??}*Судьба была парашютистам показать собственные навыки нынешней зимой.*
- (4) ^{??}*Я радостно улыбнулась: судьба.*

Таким образом, *не судьба* не только не является отрицанием существительного *судьба*, но и не является отрицанием предикатива *судьба*: это самостоятельная, отчасти фразеологизованная единица.

При этом у ближайшего синонима выражения *не судьба*, сочетания *не суждено*, есть столь же употребительная утвердительная форма *суждено*.

По-видимому, в русском языке существует потребность в отдельной единице, выражающей значение нереализуемости событий в силу неблагоприятности судьбы, и именно *не судьба* является этой единицей. В английском языке существует некий аналог сочетания *не судьба* в этом отношении, а именно, выражение *it was not to be* ('этому не суждено было состояться'), которое также не употребляется в утвердительной форме, однако их языковой статус совершенно различен. Выражение *it was not to be* стилистически маркировано как редкое и книжное, в то время как *не судьба* нейтрально или даже разговорно, т. е. гораздо более частотно и в большей степени интегрировано в языковое сознание говорящих.

4. Семантика и прагматика выражения *не судьба*

Ближайшим синонимом выражения *не судьба* является *не суждено*. Семантически эти языковые единицы очень близки. Ср. следующие примеры, где эти выражения практически взаимозаменяемы:

- (5) *Только не судьба была стать ему морским офицером* [Морис Симашко. Пятый Рим. Главы из книги // «Октябрь», 2001, № 7].
- (6) *Увы, не суждено Арчакову стать чемпионом в четвертый раз* [Ирина Подлесова. Все бегут. В марафоне участвовали почти 2,5 тысячи человек // «Известия», 2001.09.09].

Для них можно предложить следующее общее толкование:

- (7) *не судьба X / не суждено X* = ‘событие X не происходит, потому что такова судьба’²

В этом толковании часть ‘X не происходит’ является ассертивной, а ‘потому что такова судьба’ — пресуппозитивной. Их отрицание, *судьба и суждено*, соответственно, дает смысл ‘X происходит, потому что такова судьба’; ср.:

- (8) *Очевидно, мне судьба писать Вам каждый день* [Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986—1987)].

Два столетия назад, в 1803 году произошло событие, которому суждено было существенным образом изменить картину музыкальной жизни Саратова, — открылся первый общедоступный городской театр [К 200-летию оперы в Саратове // «Российская музыкальная газета», 2003.10.].

Встает вопрос, почему толкуется не утвердительная, а отрицательная форма этих выражений. Дело в том, что для предикатива *не судьба*, как было показано выше, именно отрицательная форма является основной. Формы *не суждено* и *суждено* одинаково употребительны, однако мы будем рассматривать в первую очередь отрицательную форму, синонимичную выражению *не судьба*.

Несмотря на семантическую близость, *не судьба* и *не суждено* очень различаются в употреблении. Как будет показано ниже, *не судьба* обладает, по сравнению с *не суждено*, рядом прагматических особенностей. Именно эти прагматические особенности, наряду с вышеуказанными синтаксическими, формируют лингвистическую специфику этого выражения.

4.1. Временная ориентация

Выражения *не судьба* и *не суждено* различаются прежде всего временной ориентацией. *Не суждено* нейтрально в этом смысле; для этого выражения предпочтительны в первую очередь ретроспективные нарративные контексты, хотя возможна и проспективная ориентация. Ср.:

- (9) *Но Михаил Александрович «числился» императором ровно сутки: царствовать ему было не суждено* [Юрий Гуллер. Русский бунт, демократический, но беспощадный // «Вечерняя Москва», 2002.03.14].

Не суждено X = ‘событие X не произошло, потому что такова судьба’

Царствовать ему было не суждено = ‘Он не царствовал, потому что такова судьба’ — ретроспективная ориентация относительно момента речи.

² Толкование слова *судьба* см. [Wierzbicka 1990].

(10) *Овидию не суждено было вернуться на родину* = ‘Овидий не вернулся на родину’.

(11) *Этим планам не суждено сбыться.*

Не суждено X = ‘X не произойдет, потому что такова судьба’

Планам не суждено сбыться = ‘Планы не сбудутся, потому что такова судьба’ — проспективная ориентация относительно момента речи.

Для выражения *не судьба* такое употребление не характерно; ср. странность

(12) [?]*Овидию была не судьба вернуться на родину.*

(13) ^{??}*Похоже, мне не судьба будет поехать во Францию.*

Таким образом, для *не судьба* не характерна функция констатации фактов, точнее, не-фактов — не произошедших событий.

При этом нельзя утверждать, что *не судьба* вообще не может употребляться в контекстах будущего или прошлого; ср.:

(14) *Рекс был убит на месте, ему бампером разбило голову. --- Узнав о беде, я зарекся — не судьба мне водить собак...* [Олег Волков. Мои любимцы — пойнтеры (1985)] — ретроспективная ориентация.

(15) *Но, видимо, не судьба была показать парашютистам собственные навыки нынешней зимой* [Андрей Введенский. Погода помешала машине, но не legionерам // «Сургутская трибуна», 2000.02.26] — ретроспективная ориентация.

(16) *Похоже, не судьба мне тебя сегодня проводить, Наталья* [Всеволод Данилов. Банк (2000)] — проспективная ориентация.

Предикатив *не судьба* задает несколько более сложную временную ориентацию, чем *не суждено*. Рассмотрим прототипический случай употребления этого выражения; ср.:

(17) *Нет билетов. Ну, значит, не судьба нам сегодня уехать.*

Неосуществление события X (*уехать*) относится к будущему, а вывод о невозможности его осуществления делается на основе только что произошедших событий (*нету билетов*), т. е. недавнего прошлого. Таким образом, *не судьба* задает временную отсылку сразу к двум событиям: недавнего прошлого и будущего.

Ср. еще один типичный пример употребления *не судьба*, где на основании только что произошедшего события делается вывод о невозможности чего-то в будущем:

(18) *Волю Божию он узнавал по монетке. Выпадет решка — получится, орел — знать, не судьба. Так всю жизнь и кидал* [Олег Радзинский. Артемова заманка 1985].

Однако почему речь идет именно о *недавнем* прошлом? Попробуем использовать выражение *не судьба* в контексте, где утверждение о невозможности осуществления X делается на основании давно прошедших событий. Ср.:

(19) *Пятнадцать лет назад мне не дали американскую визу. Видно, не судьба мне съездить в Америку.*

Фраза (19) прагматически неадекватна. Однако если изменить время событий на недавнее прошлое, она становится абсолютно естественной:

(20) *Представляешь, мне не дали американскую визу. Видно, не судьба мне съездить в Америку.*

Таким образом, *не судьба* представляет собой интересный лексический аналог грамматического времени, в русском языке не существующего, напоминающего французское *passé immédiat*.

Однако, как было показано в примерах (14) и (15), некоторые контексты прошедшего времени для выражения *не судьба* возможны. Рассмотрим теперь, что происходит с временной ориентацией в подобных контекстах.

(21) *Рекс был убит на месте, ему бампером разбило голову. — Узнав о беде, я зарекся — не судьба мне водить собак...*

Как видно из этого примера, событие, на основании которого выносится суждение о невозможности чего-то в будущем, произошло незадолго до момента вынесения суждения, т. е. относительно момента суждения оно произошло в недавнем прошлом. Таким образом, можно сделать вывод о том, как устроена временная референция, задаваемая выражением *не судьба*: незадолго до момента референции (момента вынесения суждения) происходит какое-то событие, на основании которого делается вывод о невозможности какого-то события в будущем, после момента референции. Контекст недавнего прошлого является обязательным, но задается он не относительно момента речи, а относительно момента референции, момента вынесения суждения. Аналогично, контекст будущего для события, которое не должно произойти, задается тоже относительно момента референции. Момент референции может совпадать или не совпадать с моментом речи, соответственно, временная ориентация не абсолютна, а относительна.

Из-за того, что указание на несбыточность события относится к будущему относительно момента референции, выражению *не судьба* не свойственна результирующая интерпретация, столь характерная для его синонима *не суждено*.

4.2. Интерпретационность

Эта особенность временной референции, задаваемой выражением *не судьба*, является следствием другой его прагматической особенности — ин-

терпретационности. В каком смысле *не судьба* является интерпретационной единицей? Безусловно, это выражение не обладает всеми языковыми свойствами классических интерпретационных глаголов, типа *обманывать*, *грешить* и т. п.; ср. о них в [Апресян 2006: 145—159]. Синтаксически выражение *не судьба* не имеет и не может иметь свойств, присущих основным интерпретационным единицам — глаголам: не являясь глаголом, оно не может подчинять себе деепричастия и придаточные предложения с союзами *если* и *когда*, как это свойственно интерпретационным глаголам.

Не судьба также не обладает типичной для интерпретационных глаголов семантической структурой. У таких классических интерпретационных глаголов, как *ошибаться*, *грешить* и пр., указание на само действие составляет пресуппозицию, а указание на интерпретацию этого действия — ассерцию. Ср.

- (22) *Петя не ошибается, считая, что она его очень любит* ‘Он считает, что она его очень любит; говорящий не считает это неверным’.

Отрицанию подвергается только утверждение об ошибочности Петиного мнения, составляющее ассерцию; при этом содержание мнения, являющееся предметом оценки и составляющее пресуппозицию, не отрицается.

Выражение *не судьба* устроено обратным образом: указание на то, что нечто не произойдет, является ассерцией, объяснение, почему говорящий так считает, — пресуппозицией. Отрицанием *не судьба* является *судьба*. Ср.

- (23) *Вчера он мне опять позвонил. Видно, мне судьба с ним подружиться* VS.

- (24) *Вчера он мне опять не позвонил. Видно, мне не судьба с ним подружиться*.

Различие между (23) и (24) состоит в том, что в (23) указывается, что нечто, скорее всего, произойдет, а в (24) — что нечто, скорее всего, не произойдет. При этом интерпретационная часть в обоих предложениях одинаковая: и в (23), и в (24) некоторое событие (*позвонил*, *не позвонил*) интерпретируется как указание на другое событие (*подружиться*, *не подружиться*).

Хотя семантическая структура настоящих интерпретационных единиц обратна структуре сочетания *не судьба*, все-таки семантически *не судьба* служит именно для интерпретации: какие-то факты и н т е р п р е т и р у ю т с я как проявление воли судьбы, направленной против осуществления некоторого события в будущем. Типичные фразы с выражением *не судьба* содержат слова-интерпретаторы типа *видно*, *значит* или иное указание на интерпретацию; ср. *Видно, не судьба нам встретиться*; *Она ушла, значит, не судьба*; *Больше туда не ездили, решили, что не судьба*, а также литературные примеры:

- (25) *Я думал, что буду служить вместе с дядей Витей. Но что-то никаких запросов нет. Не судьба, значит* [Павел Евдокимов. Два Виктора // «Спецназ России», 2003.08.15].
- (26) *Теперь [она] прекрасно знает, если телефон пропал, — значит, что называется, не судьба. Найдется сам собой — и тогда встреча с известным человеком обязательно состоится* [Лада Акимова. Умные вещи // «Семья», 2000.01.19].
- (27) *В 17.30 понял, что «не судьба»: прошло 16 человек* [Екатерина Выхухолева, Елена Загородняя. Потеря лица. Зарегистрировать предприятие по новым правилам уже почти невозможно // «Известия», 2002.12.10].

Как видно из этих примеров, именно интерпретация составляет семантическое ядро выражения *не судьба*; эксплицитно описываются события в недавнем прошлом или только что произошедшие, которые определенным образом интерпретируются. При этом событие в будущем, которое квалифицируется как невозможное, может даже не упоминаться в контексте: часто оно самостоятельно реконструируется адресатом.

У выражения *не суждено*, напротив, в фокусе внимания оказывается то событие, которое не смогло состояться. *Не суждено* невозможно поэтому употребить без эксплицитного указания на это событие; ср. неправильность следующих фраз при отсутствии разъяснений в контексте:

(28) **Она ушла, значит, не суждено.*

(29) **Телефон пропал — значит, не суждено.*

Таким образом, основная функция *не суждено* — констатировать, что событие X не произошло, потому что судьба была против X, в то время как основная функция *не судьба* — интерпретировать какие-то факты, как означающие, что событие X не произойдет, потому что судьба против X.

Интерпретация, равно как и вытекающее из интерпретационности указание на временную ориентацию, не входят в ассертивный компонент значения *не судьба*; они составляют часть пресуппозиции. Таким образом, важное для русской языковой картины мира представление о том, что все в мире контролируется некой высшей силой — судьбой, — представляется как нечто заданное, очевидное. Это дает основания считать выражение *не судьба* культурно специфичной языковой единицей.

4.3. Негативность

О негативности выражения *не судьба* речь уже шла выше. Как было показано, в отличие от пары *суждено — не суждено*, где и утвердительная, и отрицательная формы одинаково частотны и имеют совершенно равный статус,

в паре предикативов *судьба* — *не судьба* отрицательная форма сильно прева-лирует, таким образом, о паре можно говорить лишь с сильной натяжкой. Однако это не единственное доказательство внутренней негативности *не судьба*.

Пары *суждено* — *не суждено*, *судьба* — *не судьба* различаются не только в том, что касается статуса их утвердительных коррелятов. Они сильно различаются и с точки зрения того, какого рода события они могут описывать. *Не суждено* одинаково уместно и в тех случаях, когда речь идет о несостоявшихся желательных событиях, и в тех случаях, когда события нежелательны; ср.:

(30) *Ему было не суждено стать знаменитым* — не сбывается желательное событие;

(31) *Ему было не суждено погибнуть на войне* — не сбывается нежелательное событие.

Выражение *не судьба* используется только тогда, когда речь идет о невозможности осуществления желательных событий:

(32) *Не судьба мне успеть на поезд.*

(33) *Видно, не судьба нам сегодня помириться.*

Однако прагматически странно сказать:

(34) [?]*Видно, мне не судьба опоздать на поезд.*

(35) [?]*Видно, не судьба нам сегодня поссориться.*

Ср. также естественный литературный пример, где *не суждено* используется в контексте нежелательного события:

(36) *Но я уверен, что мне не суждено погибнуть в этой войне* [Е. А. Ковалевская. Реквием // «Звезда», 2001, № 5].

Аналогичная фраза с *не судьба* была бы странной (если только говорящий не ищет смерти, считая ее желательным для себя событием):

(37) [?]*Не судьба мне погибнуть в этой войне*

Таким образом, *не судьба* содержит пессимистическую прагматическую импликацию: плохих событий трудно избежать, а хорошие события чаще не происходят.

4.4. Покорность судьбе

Прагматическая структура выражения *не судьба* предполагает наличие следующих важных элементов:

- а. говорящий интерпретирует какие-то события в недавнем прошлом как знак того, что судьба против события X;

- б. событие X желательно для говорящего;
- в. говорящий считает, что X не может произойти, потому что судьба против этого;
- г. поэтому говорящий считает, что не имеет смысла делать что-то, что могло бы способствовать наступлению X;
- д. говорящий принимает тот факт, что X не будет.

Первые три элемента этой структуры уже обсуждались выше. Элементы (г) и (д), указывающие на отношение говорящего к ситуации, также составляют важную часть прагматики выражения *не судьба*.

Рассмотрим следующие примеры:

- (38) *Ну что ж, — Забелину ничего не оставалось, как, со всей возможной небрежностью улыбнувшись, откланяться. — Похоже, не судьба мне тебя сегодня проводить, Наталья* [Всеволод Данилов. Банк (2000)].
- (39) *«Нет, уже баста, видно, мне не судьба в этот раз свое усердие исполнить»* [Н. С. Лесков. Очарованный странник (1873)].

Из этих примеров видно, что говорящий, считая, что желательное событие X все равно не произойдет, оставляет всякие попытки как-то воздействовать на ситуацию.

Таким образом, *не судьба* предполагает пассивное, примиренное отношение к действительности: говорящий смиряется перед силой, противодействовать которой не в его власти (*судьбой*).

Каковы же чувства говорящего по этому поводу? Явно в некоторых случаях, в частности в приведенных выше примерах, говорящий испытывает сожаление по поводу того, что событие X не состоится. Однако это далеко не единственная возможная эмоция. Рассмотрим еще пару примеров:

- (40) *Он обрадовался: она ушла, значит, не судьба, так было надо, можно успокоиться и идти разбираться с предками* [Дмитрий Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001, №12].
- (41) *По лени решили — не судьба, нуцай спартанцы растут* [Женщина + мужчина: Брак // Форумы на Eva.ru, 2005].

Из этих примеров видно, что говорящий испытывает облегчение из-за отсутствия необходимости что-то делать. При этом он прикрывает свою пассивность благовидным предлогом — ссылкой на непреодолимую судьбу. В самом деле, отношение говорящего к неосуществлению X, заложенное в выражении *не судьба*, может быть настолько легким, что это выражение как бы девальвируется, начиная использоваться в бытовых, легкомысленных контекстах, в ситуациях слишком несерьезных для того, чтобы можно было говорить о вмешательстве в них судьбы. Ср.:

- (42) *Значит, коллективный поход в буфет отменяется, выпить водки в веселой компании коммунальщиков не удастся, не судьба* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)].

5. Заключение

Таким образом, выражение *не судьба* оказывается носителем сразу целого ряда идей, которые принято считать лейтмотивами русской языковой картины мира — пассивности, пессимистичности, фаталистичности, смирения перед судьбой. При этом в выражении *не судьба* все эти импликации присутствуют в легком, не всегда вполне серьезном ключе. Похожий набор ключевых идей присутствует в значении знаменитого и многократно обсуждавшегося в литературе слова *авось*, однако если *авось* представляет собой случай оптимистического легкомыслия, то *не судьба* — это формально пессимистическое слово, поскольку оно содержит пресуппозицию ‘хорошие события обычно не сбываются, потому что судьба против этого’. Однако в реальном употреблении это выражение обычно не указывает ни на какое особенное сожаление говорящего, а скорее подразумевает, что говорящий готов с легкостью принять то, что ему пошлет (или не пошлет) судьба и, в случае если она ему чего-то желательного не посылает, порадоваться отсутствию необходимости действовать — специфическая вариация на тему *нет худа без добра*.

Некая несерьезность, девальвированность серьезных понятий, подразумеваемая выражением *не судьба*, привела к тому, что оно стало невероятно частотным и используется в современном языке преимущественно в разговорной речи.

Проникновение этого выражения в бытовые контексты, его распространенность, грамматикализованность, осознание его носителями языка как выражающего типично русский концепт (ср. пример из эпиграфа), набор ключевых идей в прагматическом — неассертивном — компоненте значения (пессимизм, пассивность, фатализм) — все это, рассмотренное через призму еще одной ключевой идеи (легкости и беззаботности), дает, как нам кажется, основания считать *не судьба* одним из самых ярких, самых красноречивых этноспецифических компонентов русской языковой картины мира.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 33—161.

-
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М., 1997. С. 200—207.
- Вежбицка 2002 — *А. Вежбицка. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Рус. яз. в науч. освещении*. 2002. № 2 (4). С. 6—34.
- Шмелев 2002 — *А. Д. Шмелев. Русская языковая модель мира: материалы к словарю*. М., 2002.
- Wierzbicka 1990 — *Anna Wierzbicka. Duša 'soul', toska 'yearning', sud'ba 'fate': three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne v opisie języków słowiańskich / Ed. Z. Saloni. Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku*, 1990. P. 13—36.

АНГЛИЙСКИЙ ТОЛКОВО-КОМБИНАТОРНЫЙ СЛОВАРЬ. I. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ*

Ю. Д. Апресян

Елене Викторовне Падучевой к славному юбилею

1. Введение

Хорошо известная в современной лингвистике и исключительно плодотворная идея толково-комбинаторного словаря (ТКСа) была выдвинута на рубеже 60—70-х годов прошлого века в работах И. А. Мельчука и А. К. Жолковского. Существование нового подхода к описанию лексики отчасти выражено в самом названии словаря. Кроме толкований слов, гораздо более аналитических и формализованных, чем в традиционной лексикографии, он содержит подробное описание их комбинаторных свойств. К числу последних были отнесены, во-первых, управляющие свойства предикатов и, во-вторых, лексически обусловленная сочетаемость слов.

Главное новшество в описании управления состояло в том, что состав семантических актантов предиката (или, с другой точки зрения, его валентностей) непосредственно выводился из его аналитического толкования и поэтому предстал в гораздо более полном виде, чем в традиционной лексикографии. Ср. следующее толкование глагола *обвинять* в юридическом значении (с небольшими упрощениями по сравнению с ТКСовским): *X обвиняет Y-а в Z-е по U = 'X, действуя в качестве представителя закона, утверждает, что Y совершил преступление Z, наказуемое в соответствии с частью U этого закона'*. Это толкование дает основание приписать глаголу следующую четы-

* Данная работа была поддержана грантами РГНФ № 06-04-00289а и 06-04-00090а, грантом РФФИ № 05-06-80361, грантом для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-3205.2008.6, и грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

рехактантную модель управления (тоже с небольшими упрощениями): кто утверждает (ИМ); о ком утверждает (ВИН); что считает преступлением (*в + ПР/в том, что + ПРЕДЛ*, ср. *обвинить Y-а в превышении служебных полномочий* (*в том, что Y превысил служебные полномочия*)); на каком основании утверждает (*по + ДАТ/на основании + РОД*, ср. *по такой-то статье/на основании такой-то статьи*).

Что касается лексически связанной сочетаемости слов, то для ее описания впервые в лингвистике был предложен формальный язык универсальных синтагматических лексических функций (ЛФ), или ЛФ-«параметров»¹. Так были названы значения весьма высокого уровня абстракции в количестве нескольких десятков, которые предположительно выражаются во всех языках мира, притом более или менее идиоматично. Классический пример — ЛФ MAGN = ‘высокая степень того, что обозначено ключевым словом’, ср. *закадычный друг, заклятый враг* (но не наоборот), *круглый дурак, полный идиот* (но не наоборот).

Другой важный класс ЛФ, введенный в тех же работах, — парадигматические ЛФ, описывающие «лексический мир» слова, т. е. его семантические связи с другими единицами словаря. Здесь, наряду с такими хорошо и давно известными категориями, как синонимия, антонимия и гиперонимия, стали учитываться конверсивы слова и его широко понимаемые семантические дериваты (ср. S0(*строить*) = *строительство*, S0(*хотеть*) = *желание*, S1(*учить*) = *учитель*, S2(*учить*) = *ученик*, S1(*лечить*) = *врач*, S2(*лечить*) = *пациент*)).

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что на основе обоих классов ЛФ оказалось возможным сформулировать, тоже впервые в лингвистике, строгие правила перифразирования (синонимического преобразования) высказываний. Особенно плодотворным на перифразы оказалось семейство ЛФ OPER_i — LABOR_{ij} — FUNC_i. Напомню, что в модели «Смысл ⇔ Текст» И. А. Мельчука OPER₁ — это глагол, соединяющий первый актант ключевого слова в качестве подлежащего с самим ключевым словом в качестве главного дополнения (*P1 обстреливает P2 = P1 производит [OPER₁] обстрел* [ключевое слово = S0(*обстреливать*)] P2); OPER₂ — это глагол, соединяющий второй актант ключевого слова в качестве подлежащего с самим ключевым словом в качестве главного дополнения (*P2 подвергается [OPER₂] обстрелу со стороны P1*); LABOR₁₋₂ — это глагол, соединяющий первый актант ключевого слова в качестве подлежащего со вторым актантом ключевого слова в качестве главного дополнения и с самим ключевым словом в качестве второ-

¹ Мы будем называть сочетаемостные ЛФ «коллокатами», поскольку за терминами «параметр», «параметрический» в теоретической семантике утвердилось иное значение.

го дополнения (*P1 подвергает P2 обстрелу*); FUNC1 — это глагол, соединяющий ключевое слово в качестве подлежащего с его первым актантом в качестве главного дополнения (*Обстрел P2 производится P1*); FUNC2 — это глагол, соединяющий ключевое слово в качестве подлежащего с его вторым актантом в качестве главного дополнения (эта ЛФ от слова *обстрел* естественным образом не выражается).

Изложенные идеи произвели революцию в лексикографическом и вообще лингвистическом мышлении и повлияли на творчество многих выдающихся филологов современности, в том числе тех, кто, как Елена Викторовна Падучева, всегда представлял самостоятельное направление в нашей науке. Однако до сих пор эти идеи не были воплощены на репрезентативном лексическом материале в виде законченных лексикографических продуктов.

Новаторский русский ТКС [Мельчук, Жолковский 1984], разработанный коллективом, в который входил и автор этих строк, насчитывает всего 286 словарных статей, включая вспомогательные. Его французский аналог [Mel'čuk et al. 1984; 1988; 1992; 1999], создаваемый большой бригадой под руководством И. А. Мельчука, содержит в общей сложности около 400 входов. Другие опыты в области толково-комбинаторной лексикографии, упоминаемые в многочисленных исследованиях и библиографиях по модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» (см. [Mel'čuk et al. 1992: 59—66], и недавно вышедшие книги [Meaning — Text Theory 2003; Восток — Запад 2005]), еще более скромны по объему. Словари с такими словниками представляют собою скорее опыты описания лексики, собрания образцов словарных статей, чем цельные словари, и могут выполнять лишь иллюстративные, но не информационные функции. Даже элементарные школьные учебные словари требуют лексического минимума объемом в 3000—3500 входов.

Уникален в мировой лексикографии по качеству и глубине проработки материала словарь [Jordanskaja, Paperno 1996]. Он содержит исчерпывающее системное описание значений, моделей управления, сочетаемости и лексического мира всех слов выбранного класса — наименований основных частей тела в русском и английском языках. Однако его словник узко предметно ориентирован и содержит в совокупности чуть более 140 слов.

Упомянем еще [ВВІ 1986] объемом в 20 000 входов. Хотя его авторы нигде не ссылаются на опыт русского или французского ТКС'ов, материал этого словаря не оставляет никаких сомнений в том, что они хорошо знакомы с обоими трудами и с теорией ЛФ, особенно в той ее части, которая трактует сочетаемостные ЛФ типа OPERi или MAGN. Они использовали небольшой фрагмент таких ЛФ для сбора своего лексического материала, но сам язык ЛФ оставили за кадром, т. е. не стали вводить непосредственно в словарные статьи. Кроме того, в ВВІ никак — даже на уровне простых списков — не

представлены парадигматические ЛФ типа синонимов, конверсивов, антонимов, гиперонимов, дериватов; в нем нет ни систематических толкований, ни моделей управления. Таким образом, хотя по объему словника ВВІ намного превосходит все упомянутые выше словари, по качеству разработки слов он намного им уступает.

Тем самым задача создания ТКСов для естественных языков, поставленная около сорока лет назад, по-прежнему ждет своего решения.

Актуальность этой задачи возрастает в свете еще двух обстоятельств.

Во-первых, за последние два десятилетия серьезно развились теоретическая семантика и лексикография. Для нашей темы особый интерес представляют следующие четыре взаимосвязанные области теории: а) фундаментальная классификация предикатов²; б) семантический метаязык для описания языковых значений, теория толкований и правила взаимодействия языковых значений в текстах; в) теория синтаксического управления, связывающая модели управления конкретных лексем не только с их аналитическими толкованиями, но и с фундаментальной классификацией предикатов (см. [Апресян 2006а]); г) новая версия теории ЛФ, которая тоже существенно опирается на фундаментальную классификацию предикатов. Все это позволяет подвести более общую основу под практическую, в том числе толково-комбинаторную лексикографию.

Во-вторых, в результате бурного развития компьютерной лингвистики область возможных приложений ТКСов, особенно в их ЛФ-части, стала неизмеримо более широкой. Отметим, в частности, что в лингвистическом процессе ЭТАП, который был создан в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН и на опыт работы которого мы здесь опираемся, обновленный аппарат ЛФ использовался как эффективное средство решения следующих прикладных задач: а) оптимизации процедур автоматического анализа текста (например, снятия лексической и синтаксической неоднозначности); б) оптимизации алгоритмов автоматического перевода; в) компьютеризации системы перифразирования предложений; г) компьютеризации некоторых процедур изучения лексики.

Ниже речь пойдет о разработке английского ТКСа объемом в 3000 единиц, предназначенного для различных систем и подсистем лингвистического

² Так я называю классификацию предикатов, известную также под названиями «классификация Маслова-Вендлера», «аспектуальная классификация предикатов», «таксономическая классификация» и рядом других. В последние десятилетия большой вклад в ее развитие внесли отечественные ученые; см., например, [Булыгина 1982; Гловинская 1982; 2001; Арутюнова 1988; Апресян В. 1992; Зализняк Анна 1992; Апресян 2003; 2004б; Зализняк Анна, Шмелев 2000; Кустова 2004]. Особое место в этом ряду занимают работы [Падучева 1996; 2004].

процессора ЭТАП. Как ясно из сказанного выше, для словаря толково-комбинаторного типа главными являются вопросы, связанные с толкованием значений, управляющими свойствами лексем, их лексико-семантической сочетаемостью и их лексическим миром, т. е. синонимами, антонимами, конверсивами, семантическими производными и т. п. Однако в данной статье мы сумеем коротко рассмотреть только вопросы, связанные с понятием ЛФ.

2. Аппарат ЛФ в системе ЭТАП

Аппарат ЛФ является частью лингвистической модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И. А. Мельчука (см. [Мельчук 1974; 1995; Mel'čuk 1997; 2004], а также уже упоминавшийся словарь [Mel'čuk et al. 1984; 1988; 1992; 1999] и многие другие работы этого автора). Эта модель была существенно развита и реализована на компьютере в виде полифункционального лингвистического процессора ЭТАП; см., например, [Апресян и др. 1989; 1992; Apresjan et al. 2002; 2003; 2007]. Сегодня в его состав входят: система англо-русского и русско-английского машинного перевода (полные формальные модели морфологии и синтаксиса обоих рабочих языков, морфологические и комбинаторные словари объемом около 120 000 единиц каждый, формальные правила перевода с английского языка на русский и с русского на английский); конверторы и деконверторы для универсального сетевого языка UNL [Boguslavsky 2002; 2005; Boguslavsky et al. 2000; 2001; 2004]; компьютерная система перифразирования высказываний [Апресян, Цинман 2002]; пилотные версии компьютерных учебников лексики русского и английского языков [Apresjan 1996; Апресян и др. 2008]; и ряд других.

Во всех этих работах существенно использовался аппарат ЛФ, однако в несколько модифицированном по сравнению с классической версией виде.

2.1. Состав ЛФ

При реализации аппарата ЛФ на компьютере пришлось отказаться от использования функций, которые не могли быть опознаны в тексте формальными средствами ЭТАПа или требовали для своего опознания чересчур громоздких алгоритмов. Это касается почти всех так называемых нестандартных ЛФ (с одной оговоркой, см. ниже), композиций типа FUNC0 + MAGN (ср. *Бушевал шторм*), открытых Л. Н. Иорданской двухаргументных ЛФ типа *Зубы стучат от страха, выпучить глаза от удивления, задыхаться от гнева* [Иорданская 1972] и ряда других. Были устранены также ЛФ PERF и IMPERF, поскольку они соответствуют, в сущности, грамматическим формам слова.

Еще одно (менее существенное) расхождение касается формального способа представления некоторых стандартных ЛФ, теряющих свою стандартность в условиях, когда их аргументами являются семантически и прагматически сложные слова. Одной из таких ЛФ является MAGN = ‘высокая степень того, что обозначено ключевым словом’. Посмотрим на значения этой ЛФ от аргумента *война*. Очевидно, общему смыслу ‘высокой степени’ отвечают такие прилагательные, как *изнурительная, кровопролитная, беспощадная, разрушительная, тотальная, мировая, затяжная* и, видимо, ряд других. Они, однако, не синонимичны друг другу, потому что имеют разные области действия внутри полного семантико-прагматического представления существительного *война* (о полном семантико-прагматическом представлении лексемы см. [Апресян 2006б: 56—60]). Иными словами, эти прилагательные присоединяются либо к разным компонентам его толкования, либо к разным элементам его прагматики: MAGN(*война*) = *изнурительная* — по количеству прилагаемых усилий; *кровопролитная* — по количеству людских потерь; *беспощадная* — по стремлению нанести возможно больший ущерб людской силе противника (не брать пленных, не щадить мирное население и т. п.); *разрушительная* — по наносимому или нанесенному материальному ущербу; *тотальная* — по количеству объектов, на которые она направлена; *мировая* — по числу участвующих в ней сторон; *затяжная* — по времени.

В модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» такие MAGN-ы различаются с помощью субскриптов, содержащих указание на смысл или элемент прагматики, от которого берется данная функция. В системе ЭТАП в подобных случаях (т. е. не только для MAGN-ов, но и для OPER-ов и других ЛФ-коллокатов) используются сдвоенные символы вида MAGN-NS1, MAGN-NS2, MAGN-NS3 и т. д. (NS = non-standard), что обеспечивает, в частности, правильный автоматический перевод всех перечисленных выше и других подобных словосочетаний.

Более существенное отличие аппарата ЛФ в системе ЭТАП по сравнению с его классическим прототипом состоит в том, что в ЭТАПе в состав ЛФ были введены некоторые новые функции и даже целые новые семейства функций. Я коротко рассмотрю одно из них — семейство REALi-M — FACTi-M, выделившееся в результате расщепления прежде единого семейства REALi — LABREALij — FACTi. Новое семейство было подробно описано в работе [Апресян 2001], и здесь я ограничусь перечислением аргументов, послуживших основанием для этого решения.

В исходной версии модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» рассматриваемое семейство состояло из трех классов: REALi — LABREALij — FACTi. Синтаксически они были полностью уподоблены трем другим классам ЛФ, а именно OPERi — LABORij — FUNCi, однако семантически были им противопоставлены. «В отличие от „пустых“ ЛФ OPER, FUNC и LABOR, рассматриваемые здесь ЛФ

соответствуют определенному смыслу — ‘выполнять требование, содержащееся в смысле C_0 ’» [Мельчук, Жолковский 1984: 87]³. Это определение было сохранено и во всех более поздних работах И. А. Мельчука по теории ЛФ. Примеры: $FACT_0(\text{нож}) = \text{резать}$, $FACT_0(\text{пистолет}) = \text{стрелять}$, $FACT_0(\text{судно}) = \text{плыть}$, $FACT_0(\text{мечта}) = \text{сбываться}$, $FACT_0(\text{сомнение}) = \text{подтверждаться}$, $REAL_1(\text{обвинение}) = \text{доказывать}$, $REAL_2(\text{обвинение}) = \text{соглашаться с (обвинением)}$, $REAL_2(\text{соблазн}) = \text{поддаваться (соблазну)}$, $REAL_2(\text{гипотеза}) = \text{подтверждать (Факты подтверждают гипотезу)}$, $FACT_2(\text{гипотеза}) = \text{соответствовать (Гипотеза соответствует фактам)}$, $LABREAL_{1-2}(\text{виселица}) = \text{вздернуть (кого-л. на виселицу)}$.

Из приведенных примеров следует, что в исходной версии модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» ЛФ семейства $REAL_i$ — $LABREAL_{ij}$ — $FACT_i$ приписывались словам двух разных семантических классов. Во-первых, это названия артефактов типа *виселица*, *нож*, *пистолет*, *судно*. Во-вторых, это предикаты типа *гипотеза*, *мечта*, *обвинение*, *соблазн*, *сомнение*, в лексические значения которых входят разного рода модальные и оценочные смысловые компоненты. Однако дать единое определение REAL-ам и FACT-ам от аргументов, столь различных по своей семантике, невозможно.

В самом деле, применительно к названиям артефактов, например, инструментов типа *нож*, *пистолет* или транспортных средств типа *поезд*, *судно*, формулировка «выполнять требование, содержащееся в смысле X» не допускает буквального понимания. Значения перечисленных слов не включают компонента ‘требование’. Смысл, который действительно в них входит, — это ‘назначение’, в соответствии с которым данные инструменты и транспортные средства в норме используются. Тот же смысл входит и в названия всех других артефактов, а также в названия некоторых органов и атрибутов тела человека.

Иными словами, ЛФ этого семейства должны включать в свое определение формулировки типа ‘X функционирует в соответствии со своим назначением’ (для ЛФ $FACT_0$, ср. *Будильник звонит*, *Глаза видят*, *Лампа светит* (*горит*), *Печь греет*, *Уши слышат*); ‘использовать X в соответствии с его назначением’ (для ЛФ $REAL_1$, ср. *лежать / лечиться в больнице*, *ехать на велосипеде*, *читать газету*, *принимать лекарство*); ‘быть доступным для использования в соответствии с назначением X-а’ (для ЛФ $REAL_2$, ср. *экспонироваться на выставке*, *идти в кино* [о фильме], *быть на рынке* [о товарах],

³ Символом C_0 авторы обозначают ключевое слово. В данной работе для этой цели будет в дальнейшем использоваться символ X, который может представлять, в зависимости от контекста, либо само ключевое слово, т. е. аргумент ЛФ, либо обозначаемую им ситуацию.

идти в театре [о постановке]); ‘воздействовать на что-либо с помощью X-а в соответствии с его назначением’ (для ЛФ LABREAL1-2, ср. *лечить кого-л. в госпитале, сверлить что-л. дрелью, закрывать что-л. на замок*). Более полные определения см. в разделе 3.

Что касается второго класса слов — *гипотеза, мечта, обвинение, соблазн, сомнение* и т. п., — то единственными общими элементами в их лексических значениях (и, тем самым, в толкованиях) являются разного рода модальности и/или оценки. Ни смысл ‘требование’, ни смысл ‘назначение’ в их толкования не входит. Но тогда ЛФ типа *подтверждать (гипотезу), отдавать (долг), осуществлять (мечту), соглашаться с (обвинением), поддаваться (соблазну)* и т. п. не могут быть определены ни через понятие «выполнение требования, содержащегося в значении X-а», ни через понятие «функционирование в соответствии со своим назначением».

На самом деле ситуация со словами рассматриваемого класса еще сложнее. Некоторые из них, например *гипотеза* и *соблазн*, могут не содержать в своих лексических значениях никаких общих семантических компонентов. Единственное общее свойство всех слов этого класса — некое прагматическое ожидание, связываемое с референтом ключевого слова. С гипотезой связывается ожидание, что она будет подтверждена, с долгом — ожидание, что рано или поздно он будет возвращен, с мечтой — что она, может быть, сбывается, с соблазном — что он будет преодолен и т. п. Только через понятие такого прагматически естественного, в некотором смысле нормального ожидания и может быть сформулировано определение искомых ЛФ.

По указанной причине для рассматриваемых предикатов было введено новое семейство ЛФ вида REALi-M, FACTi-M и LABREALij-M, где M значит ‘модальность’, и все они были определены через понятие нормального ожидания. Так, FACT0-M = ‘X находится в состоянии, соответствующем нормальным ожиданиям’, ср. (*Гипотеза*) *подтверждается*, (*Мечта*) *сбывается*, (*Попытка*) *удается*, (*Справедливость*) *торжествует* и т. п.; FACT1-M = ‘X находится в таком состоянии по отношению к первому участнику ситуации, которое соответствует нормальным ожиданиям’, ср. (*Долг*) *велит кому-либо/обязывает кого-либо*, (*Слово/обещание*) *связывает кого-либо* и т. п.; REAL1-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от первого участника ситуации’, ср. *утолять (голод), искупать (грех), выполнять (контракт), сдерживать (слово/обещание)* и т. п.; REAL2-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от второго участника ситуации’, ср. *признавать (авторитет), отражать/отбивать (атаку), принимать (вызов), оправдывать (доверие)* и т. п.; REAL3-M = ‘Делать по отношению к X-у то, что нормально ожидается от третьего участника ситуации’, ср.

исполнять (приказ), удовлетворять (просьбу), следовать (совету) и т. п. См. более полные определения в разделе 3.

Принципиальные различия в семантике ключевых слов, от которых берутся соответствующие ЛФ, являются главным аргументом в пользу расщепления старого семейства REAL—FACT на два новых семейства. Есть, однако, и другие аргументы.

1. В семействе простых REAL-ов очень хорошо представлена ЛФ LAB-REAL1-2 (*лечить кого-л. в госпитале, сверлить что-л. дрелью, закрывать что-л. на замок*, и т. п.). Это вполне естественно. Язык должен располагать глаголами со значением ‘воздействовать на объект с помощью артефакта, который для такого воздействия предназначен’. В семействе модальных REAL-M — FACT-M подобной ЛФ нет вообще.

Наоборот, в семействе REAL-M — FACT-M хорошо представлена ЛФ REAL3-M (см. примеры выше), практически отсутствующая в семействе REAL—FACT. Она определена для трехместных существительных со значением актов речи, в толкования которых часто входят модальные и оценочные элементы (см. примеры выше).

2. В том же семействе хорошо представлены антонимичные ЛФ ANTI-FACT0-M, ANTIREAL1-M, ANTIREAL2-M и ANTIREAL3-M: *Атака захлебывается, Мечты развеиваются, Память подводит, План проваливается* (ANTI-FACT0-M); *проиграть битву, подавить желание, нарушить контракт, упустить шанс* (ANTIREAL1-M); *обмануть доверие, проглотить оскорбление, провалить экзамен* (ANTIREAL2-M); *пренебрегать запретом, нарушать приказ, отклонять просьбу* (ANTIREAL3-M). Дело в том, что в значения аргументов таких ЛФ входят модальные и оценочные смыслы, у которых есть антонимы; ср. *можно — нельзя, разрешение — запрет, хорошо — плохо* и т. п. При этом, поскольку в большинстве случаев имеет место антонимия типа ‘Р’ — ‘не Р’, для ЛФ семейства REAL-M — FACT-M оказываются возможны синонимические перифразы по правилу $X = не + ANTI(X)$; ср. *Атака захлебнулась ≈ Атака не удалась, обмануть доверие ≈ не оправдать доверия, оправдать доверие ≈ не обмануть доверия, пренебречь советом ≈ не последовать совету*. У смысла ‘назначение’ антонимов нет и поэтому отсутствуют такие ЛФ и такие правила перифразирования.

3. Для некоторых аргументов типа *надежда, приказ* значения ЛФ LIQUFACT0-M совпадают со значениями LIQUFUNC0; ср. *развеять надежды, отменить приказ*. В семействе REAL—FACT такие эквивалентности невозможны.

4. В свою очередь, в семействе REAL—FACT значения ЛФ MAGN, BON и VER, с одной стороны, и ЛФ ANTIMAGN, ANTIBON и ANTIVER, с другой, в подавляющем большинстве случаев совпадают.

MAGN = BON = VER(*алиби*) = *железное/надежное*; MAGN = BON = VER(*видеть*) = *ясно/отчетливо*; MAGN = BON = VER(*земля*) = *плодородная/тучная*; MAGN = BON = VER(*зрение*) = *острое/орлиное*; MAGN = BON = VER(*сердце*) = *здоровое*.

ANTIMAGN = ANTIBON = ANTIVER(*алиби*) = *шаткое/сомнительное*; ANTIMAGN = ANTIBON = ANTIVER(*видеть*) = *смутно/неясно*; ANTIMAGN = ANTIBON = ANTIVER(*земля*) = *бесплодная/тощая*; ANTIMAGN = ANTIBON = ANTIVER(*зрение*) = *слабое/плохое*; ANTIMAGN = ANTIBON = ANTIVER(*сердце*) = *слабое/больное*.

Действительно, ‘очень зрение’, например, т. е. ЛФ MAGN(*зрение*) = *острое*; но именно таково оно должно быть в норме (VER), и именно так его хвалят (BON). Из этого с необходимостью следует и совпадение значений антонимичных ЛФ. В семействе ЛФ REAL-M — FACT-M такие совпадения практически исключены.

5. С ЛФ семейства REAL—FACT тесно связаны ЛФ DEGRAD = ‘X становится хуже, портится или выходит из строя’ и PREPAR = ‘готовить X к использованию в соответствии с его назначением’. Функция DEGRAD определена для названий артефактов, органов и атрибутов тела человека и продуктов питания, потому что все они со временем портятся. Функция PREPAR определена почти исключительно для названий артефактов и продуктов питания, поскольку и те и другие часто требуют подготовки перед их использованием. Ср.

DEGRAD(*здоровье*) = *расшатывается*; DEGRAD(*зубы*) = *портятся*; DEGRAD(*каблук*) = *стаптывается*; DEGRAD(*лампа*) = *перегорает*; DEGRAD(*масло*) = *горкнет*; DEGRAD(*одежда*) = *изнашивается*; DEGRAD(*сердце*) = *сдаёт*.

PREPAR(*апельсин*) = *чистить*; PREPAR(*будильник*) = *ставить*; PREPAR(*бутылка*) = *откупоривать*; PREPAR(*карты*) = *сдавать*; PREPAR(*сигарета*) = *зажигать*; PREPAR(*стол*) = *накрывать*; PREPAR(*чай*) = *заваривать*.

Ни та, ни другая ЛФ не представлены в семействе REAL-M — FACT-M.

Приведенные соображения подтверждают обоснованность расщепления прежде единого семейства ЛФ REAL—FACT на два новых семейства.

2.2. Интерпретация некоторых ЛФ

В классической версии модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» подчеркивалось свойство лексической связанности, фразеологичности, идиоматичности значений ЛФ-коллокатов: выбор слова F для выражения данной ЛФ не свободен, а определяется тем словом L (аргументом ЛФ), при котором она выражается (см., например, [Мельчук 1995: 9 и сл.]). Так, мы говорим *производить атаку* и *заниматься флиртом*, *иметь авторитет* и *испытывать зависть*, но не

**заниматься атакой, *производить флирт, *иметь зависть и *испытывать авторитет.* При этом на первых этапах развития теории считалось невозможным дать этим фактам семантическое объяснение.

Кроме того, относительно самого большого класса ЛФ-коллокатов, а именно семейства глаголов OPER_i—LABOR_{ij}—FUNC_i, дополнительно утверждалось, что они обладают свойством семантической пустоты. Пример — глаголы *вести, давать и оказывать*, которые являются значениями ЛФ OPER₁ от существительных *война, разрешение и помощь* соответственно: *коль скоро вести войну = воевать, давать разрешение = разрешать, а оказывать помощь = помогать*, семантический вклад глаголов в значение всего словосочетания оказывается нулевым. Собственно лексическое значение таких словосочетаний сосредоточено в существительном, а на долю глагола остается лишь функция выражения глагольных грамматических значений (времени, вида, лица и т. п.).

По указанной причине в классической версии МСТ ЛФ семейства OPER_i—LABOR_{ij}—FUNC_i получают чисто синтаксические определения (см. выше).

В последние 10—15 лет было показано, отчасти в работах самого автора МСТ, что выбор значений некоторых ЛФ-коллокатов не полностью предопределен конкретным аргументом L; см. об этом [Падучева 1991; Ройтер 1994; Mel'čuk, Wanner 1996; Reuther 1996; 2003]. При этом в большинстве случаев речь шла о некоторых глаголах класса OPER₁, в особенности OPER₁ от названий эмоций, на материале которых семантическая мотивированность этой ЛФ становится совершенно очевидной: обычно в этой роли выступает глагол *испытывать*.

В работах [Апресян 2004а; 2004б; 2006б] этот вывод был экстраполирован на материал всех OPER₁, OPER₂ и суперпозиций с ними. Более точно, было продемонстрировано, что все ЛФ этого семейства имеют собственные лексические значения, т. е. семантически содержательны, и что поэтому выбор слова F для выражения данной ЛФ от аргумента L семантически мотивирован, хотя и не полностью, семантическим классом аргумента L и слова F, которым выражается данная ЛФ⁴. Иными словами, было дано по крайней мере частичное семантическое объяснение того, почему мы говорим *производить атаку и заниматься флиртом, иметь авторитет и испытывать зависть*, а не **заниматься атакой, *производить флирт, *иметь зависть и *испытывать авторитет*.

В связи с этим было уточнено общее определение ЛФ-коллокатов: под ЛФ-коллокатом понимается одно из нескольких десятков значений весьма

⁴ Возможно, как кажется, и более широкое обобщение, касающееся не только глагольных ЛФ семейства OPER_i—LABOR_{ij}—FUNC_i, но и всех вообще ЛФ-коллокатов.

высокого уровня абстракции, такое, что его выражение F зависит: а) от семантического класса лексемы L, с которым F сочетается, б) от семантического класса самого слова F, в) от конкретной лексемы L.

В [Апресян 2008] к анализу были привлечены остальные ЛФ семейства OPER_i—LABOR_{ij}—FUNC_i. Было замечено, что степень семантической мотивированности нарастает при переходе от OPER-ов через LABOR-ы к FUNC-ам (т. е. весьма естественным образом — обратно пропорционально численности класса), а внутри каждого из этих классов — от меньших номеров к большим. Во всех этих случаях она достаточна для того, чтобы установить тенденции и сформировать полезные лексикографические ожидания, хотя недостаточна для формулировки правил.

Наконец, было установлено, что выбор конкретного глагола на роль данной ЛФ имеет двойную семантическую мотивацию. Во-первых, он зависит от того, к какому классу фундаментальной классификации предикатов принадлежит сам ЛФ-глагол и его аргумент (в дальнейшем нам понадобятся четыре класса «верхнего» уровня — действия, деятельности, процессы и состояния). Во-вторых, на более глубоком уровне он зависит от того, к какому более узкому семантическому подклассу внутри определенного фундаментального класса предикатов принадлежит аргумент ЛФ.

Поскольку основной материал по ЛФ OPER₁, OPER₂ и суперпозиций с ними был опубликован в [Апресян 2004б; 2006б], мы изложим его здесь совсем кратко, но добавим к нему небольшой материал по ЛФ LABOR₁₋₂ и FUNC₁.

2.2.1. OPER₁

OPER₁ от действий — это лексемы, значение которых либо включает в свой состав семантический примитив ‘делать’ в роли главного компонента толкования, либо сводится к нему: *бросать (вызов), говорить (комплименты), давать (совет), делать (шаг), оказывать (влияние), производить (обстрел), совершать (посадку)*.

OPER₁ от деятельностей — обычно глагол *вести*: *вести агитацию, борьбу, войну, дебаты, кампанию, наблюдение, осаду, поиски, торговлю*. Деятельность — это совокупность неоднородных и одновременных действий, имеющих одну конечную цель; этой семантике идеально соответствует глагол *вести* с его образом сложного пути к цели.

OPER₁ от процессов — глаголы с пассивным значением, поскольку первый актанта таких глаголов выполняет семантическую роль пациенса. Самые употребительные из них — *подвергаться* и *претерпевать*: *подвергаться вы-*

ветриванию, мутации, распаду, старению; претерпеть деформацию, изменения, метаморфозу, превращение.

OPER1 от состояний — чаще всего глаголы *испытывать* и *питать*: *испытывать боль, гнев, голод, жажду, зависть, зуд, нужду, ревность, сомнения, страх, стыд, ужас; питать доверие, иллюзии, любовь, надежду, страх.*

Семантическая мотивированность на втором уровне (предпочтения):

Давать: а) речевые акты: *давать зарок, инструкцию, клятву, команду, обещание, ответ, приказ, присягу, разрешение, совет*; б) названия сигналов: *давать гудок, отбой, сигнал.*

Делать: а) одноактные, часто моментальные действия: *делать бросок, вдох, выбор, выпад, выстрел, надпись, надрез, ошибку, поворот, прыжок*; б) речевые акты: *делать выговор, заявление, комплимент, признание.*

Производить: существительные, обозначающие изменение положения вещей, часто с префиксом *пере-*: *производить переворот, перемотку, переоценку, перепечатку, перепланировку, переработку, пересмотр, переучет.*

Совершать: а) отрицательно оцениваемые действия: *совершать агрессию, грех, кражу, ошибку, плагиат, подлог, промах, убийство* (редкие исключения — *совершать подвиг, чудо*); б) перемещения на большие расстояния: *совершать виток вокруг земли, полный кругооборот, круиз, марш через Европу, обход, объезд, перелет, турне, хадж*; в) обрядовые и ритуальные действия: *совершать богослужение, обряд, омовение, ритуал, церемонию.* Во всех случаях речь идет о значительных, крупномасштабных событиях; ср. *Он совершил роковую ошибку VS. *Он совершил орфографическую ошибку* [надо: *сделал*].

Питать в роли OPER1 от состояний, в отличие от *испытывать*, не сочетается с именами физических, физиологических и материальных состояний человека; нельзя, например **питать боль, зуд, мучения; *питать возжелание, голод, жажду, похоть; *питать лишения, нехватку, нужду.* Главный класс существительных — чувства-отношения: *питать антипатию, доверие, любовь, нежные чувства, ненависть, отвращение, презрение, самые добрые чувства, симпатию, склонность, слабость, уважение* и т. п. Из существительных, обозначающих эмоциональные и ментальные состояния, с глаголом *питать* сочетаются только три: *питать иллюзии, надежду, страх*⁵.

⁵ В НКРЯ встретились по одному разу словосочетания *питать амбиции* и *питать амбициозные планы*, а в 34-миллионном Корпусе сектора теоретической семантики ИРЯ РАН, тоже по одному разу, словосочетания *питать веру в победу*, *питать подлые убеждения* и *питать ужас к кому-л.* Ни одно из них нельзя считать соответствующим современной литературной норме. Поразительно, с какой последовательностью сам язык маркирует различия между чувствами-состояниями (эмоциями) и чувствами-отношениями.

2.2.2. OPER2

Глаголы этого класса выполняют ту же синтаксическую роль, что и грамматическая форма СТРАД: сами они обозначают действия, но их подлежащее является пациенсом. Это как раз та семантическая роль, которую играет первый актант процессов. Поэтому функцию OPER2 от действий чаще всего выполняет глагол, являющийся значением OPER1 от процессов, т. е. *подвергаться*.

Семантическая мотивированность на втором уровне: а) имена «агрессивных» действий и деятельности; ср. *подвергаться агрессии, атаке, бойкоту, бомбардировке, воздействию, гонениям, давлению, допросу, критике, наказанию, насилию, налету, нападению, нападкам, обвинению, обстрелу, осуждению, порке, преследованиям, пытке, суду, травле, цензуре, штрафу, эксплуатации*; б) существительные со значением изучения или проверки какого-то объекта: *подвергаться анализу, изучению, контролю, осмотру, переоценке, пересмотру, проверке, экспертизе, экзамену*; в) существительные со значением обработки или переработки какого-то объекта: *подвергаться обработке, операции, очистке, перегонке, переработке, пересадке, чистке*.

2.2.3. LABOR1-2

Первый уровень мотивированности: имена действий (*подвергать*), состояний (*держать кого в чем, на чем, под чем*) и чувств-отношений (*относиться к кому с чем*).

Второй уровень мотивированности.

Подвергать: а) «агрессивные» действия: *подвергать кого-что-л. аресту, атаке, бойкоту, бомбардировке, взысканию, гонениям, допросу, зачистке, критике, наказанию, обстрелу, порицанию, порке, преследованиям, пытке, суду, травле, цензуре, штрафу*; б) существительные со значением изучения или проверки какого-то объекта: *подвергать что-л. анализу, изучению, инспекции, контролю, осмотру, переоценке, проверке, экзамену, экспертизе*; в) существительные со значением обработки или переработки какого-то объекта; ср. *подвергать обработке, очистке, перегонке, переработке, пересадке*.

Держать: а) имена состояний, по большей части отрицательно оцениваемых, указывающих на подконтрольность второго участника ситуации — обязательно человека — ее первому участнику: *держать кого-л. в заключении, в строгой изоляции, в напряжении, в неволе, в плену, в повиновении, в полном подчинении, в своих руках, в узде, в цепях*; *держать кого-л. на (коротком) поводке, на расстоянии*; *держать кого-л. под арестом, под башмаком, под каблуком, под колпаком, под контролем, под надзором, под обстре-*

лом, под стражей, под угрозой чего-л.; б) имена состояний, указывающих на то, что для их поддержания требуются постоянные усилия; ср. *держат что-л. в образцовом порядке, в равновесии, в секрете, в тайне, в чистоте*.

Относиться сочетается с именами чувств-отношений: *относиться к кому-чему-л. с любовью, с ненавистью, с неодобрением, с одобрением, с отвращением, с подозрением, с презрением, с симпатией, с сочувствием, с терпением, с уважением*.

2.2.4. FUNC1

Очевидна семантическая мотивированность на втором уровне:

Вина (ответственность) *лежит на ком-л.*, *Гнев* (ненависть, ярость) *клокочет/кипит в ком-л.*, *Голод* (лихорадка) *терзает/мучит кого-л.*, *Догадка* (мысль) *осеняет кого-л.*, *Зависть* (ревность) *мучит кого-л.*, *Заявление* (предложение, приглашение, приказ, просьба) *поступает от кого-л.*, *Несчастье* (неудача, участь) *постигает кого-л.*, *Озноб* (дрожь) *пробирает/бьет кого-л.*, *Печаль* (тоска) *глохнет/снедает кого-л.*, *Приключение* (авария, беда, инцидент) *случается/происходит с кем-л.*, *Радость* (страх) *владеет кем-л.*, *Удача* (успех) *сопутствует кому-л.*

2.3. Основной принцип новой системы определений ЛФ

В основе новой системы определений ЛФ семейства OPERi—LABORij—FUNCi лежит уже сформулированный выше тезис: все эти глаголы семантически содержательны, т. е. каждый из них имеет собственное лексическое значение. В пользу этого свидетельствуют два рода соображений — чисто эмпирические и теоретические.

Эмпирическим свидетельством является тот факт, что в случае, когда значением данной ЛФ от данного аргумента является не один глагол, а сразу несколько, они далеко не всегда являются точными синонимами. Например, *сделать* в роли OPER1 от существительных *вывод* (заключение) имеет более общее значение, чем *прийти к (выводу (заключению))*. *Прийти* в метафорическом значении сохраняет связь со своим исходным значением и поэтому может предполагать относительно более сложный и долгий путь от каких-то фактических или логических предпосылок к окончательному суждению. *Допустить* можно и крупную, и мелкую ошибку, а *совершают* обычно крупные ошибки с серьезными последствиями.

Теоретическим свидетельством в пользу их семантической содержательности является тот факт, что выражающие их глаголы, подобно подавляющему большинству других языковых единиц, подчиняются вполне определен-

ным правилам семантического согласования со своими аргументами. Но любое семантическое согласование состоит в повторении какого-то смысла в значениях двух сочетающихся друг с другом элементов. Какая же часть значения аргумента повторяется в лексическом значении ЛФ-глагола?

Наиболее яркий случай, — ЛФ OPER1: в лексическом значении такого глагола повторяется общее значение того класса фундаментальной классификации предикатов, к которому принадлежит его аргумент. При аргументах-действиях OPER1 содержит смысл типа ‘делать’, при состояниях — смысл типа ‘быть в состоянии, испытывать’, при свойствах — смысл типа ‘иметь’. Именно такие смыслы включаются в состав новых определений ЛФ; см. ниже раздел 3.

3. Словарь английских ЛФ

Словарь английских ЛФ (как и его русский аналог) насчитывает 116 словарных статей, материал которых вводился в нужные модули системы ЭТАП. Словарная статья делится на четыре зоны: 1) символ ЛФ, 2) определение, 3) два представительных примера, 4) материал, который может включать более ста строчек вида «аргумент — значение или значения данной ЛФ от данного аргумента». Прокомментируем вторую зону.

В основу определений всех «старых» ЛФ, заимствованных из классической версии модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» И. А. Мельчука, были положены традиционные формулировки из упомянутых выше работ. Однако большинство определений было модифицировано и унифицировано в соответствии с принципами, которые были изложены в разделе 2. Это значит, среди прочего, что все ЛФ семейства OPER_i — LABOR_{ij} — FUNC_i определяются не чисто синтаксически, как в классической версии теории, но и семантически тоже. В новой системе определений учитываются: а) собственное лексическое значение ЛФ или ее семантическое отношение к ключевому слову; б) внешние способы ее выражения от разных аргументов (часть или части речи, предложно-именные группы и т. п.); в) способ синтаксической связи слова, являющегося значением ЛФ, с его аргументом (для тех ЛФ, которые образуют с ключевым словом словосочетания или предложения); г) для тех ЛФ, которые присоединяют к себе актаны P1 или P2 ключевого слова, указываются их синтаксические функции; д) место данной ЛФ в кругу родственных ей семантически и синтаксически ЛФ (алгебра ЛФ).

Ключевое слово набирается прописными буквами. В случае необходимости в круглых скобках дается пояснение, позволяющее понять, какая часть речи / какое лексическое значение имеется в виду; переменная P0 обозначает участника ситуации.

Ниже перечисляются, с определениями и репрезентативными примерами, все 116 английских ЛФ, вошедших в словарь. Они разбиты на крупные «семейства», назначение которых — сделать явной алгебру ЛФ. Мы полагаем, что этот материал представляет самостоятельный интерес. К сожалению, в рамках данной статьи невозможно привести словарь целиком, потому что большую часть пространства словарной статьи занимают примеры (на особенно «популярные» ЛФ типа MAGN или OPER1 — до нескольких сотен). Мы будем вынуждены ограничиться подборками до 5—7 примеров.

3.1. ЛФ-коллокации

3.1.1. Глагольные ЛФ

3.1.1.1. Семейство OPER—LABOR—FUNC (28 ЛФ)

OPER1 = ‘To do X, to have X or to be in the state X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: ACCENT: *speak with (an accent)*, ATTENTION: *pay (attention)*, BLOW: *deal (a blow)*, BLUNDER: *commit (a blunder) / perpetrate (a blunder)*, CHARGE: *bring (a charge) / exhibit (a charge)*, CONSENT: *give (one’s consent)*, DEBT: *have (a debt)*.

INCEOPER1 = ‘To start to do X, to have X or to be in the state X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: AGE (of a person): *attain (the age) / reach (the age)*, ALLIANCE: *enter into (alliance)*, BATTLE: *join (battle) / enter (a battle)*, BLAME (noun): *take (the blame) / assume (the blame)*, BUSINESS: *go into (business)*, DESPAIR: *fall into (despair) / sink in (despair) / plunge into (despair)*, POWER: *come to (power)*.

FINOPER1 = ‘To cease to do X, to have X or to be in the state X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: APPE-TITE: *lose (appetite)*, ATTEMPT: *abandon (the attempt)*, BATTLE: *go out (of battle)*, CHARGE (accusation): *drop (a charge) / retract (a charge) / withdraw (a charge)*, DISEASE: *get over (a disease)*, EXISTENCE: *go out of (existence)*, JOB: *leave (one’s job) / quit (one’s job)*.

CAUSOPER1 = ‘To cause P1 to do X, to have X or to be in the state X (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, P1 as its primary object and X as a secondary object)’: ACTION (act): *spur (somebody) on to (an action)*, ACTION (battle): *bring (somebody) into (action) / put (somebody) into (action)*, CHARGE (control): *leave (somebody) in charge*, COMMAND (noun): *put (somebody) in (command) / place (somebody) in (command)*, CONCLUSION: *bring (somebody) to (the conclusion) / force (somebody) to (the conclusion)*, CONFUSION: *throw (somebody) into (confusion)*.

LIQUOPER1 = 'To cause P1 to cease to do X, to have X or to be in the state X (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, P1 as its primary object and X as a secondary object)': BATTLE: *withdraw (somebody) from (battle) / pull (somebody) out of (battle)*, CAPTIVITY: *deliver (somebody) from (captivity)*, CLUB: *expel (somebody) from (the club)*, DEATH: *raise (somebody) from (death)*, FREEDOM: *deprive (somebody) of (freedom)*, HABIT: *break (somebody) out of (a habit)*, ILLNESS: *cure (somebody) of (an illness)*.

OPER2 = 'To undergo X, to experience X, or to be subject to X (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)': ACCEPTANCE: *find (acceptance)*, BLESSING: *receive (a blessing)*, CHECK-UP: *have (a check-up) / undergo (a check-up)*, CONFIDENCE: *have (somebody's confidence) / enjoy (somebody's confidence) / be in (somebody's confidence)*, DANGER: *be in (danger) / run (a danger) / face (a danger)*, INFLUENCE: *be under (somebody's influence)*, INSPECTION: *undergo (an inspection)*.

INCEOPER2 = 'To start to undergo X, to experience X, or to be subject to X (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)': AMBUSH: *fall into (an ambush)*, CONFIDENCE: *gain (confidence) / win (confidence)*, CONTROL: *get under (control)*, NEGLECT: *fall into (neglect) / come into (neglect)*, RECOGNITION: *win (recognition) / gain (recognition) / receive (recognition)*, RESISTANCE: *meet with (resistance)*.

FINOPER2 = 'To cease to undergo X, to experience X, or to be subject to X (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)': CONFIDENCE: *lose (somebody's confidence)*, CONTROL: *get out of (control) / go out of (control)*, DANGER: *be out of (danger)*, FASHION: *fall out of (fashion) / go out of (fashion)*, SIGHT: *pass out of (sight) / disappear from (sight)*, USE (noun): *go out of (use) / fall out of (use) / pass out of (use)*.

CAUSOPER2 = 'To cause P2 to undergo X, to experience X or to be subject to X (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X as a secondary object)': ACCOUNT (in a bank): *put (something) to (somebody's account)*, ATTACK: *expose (somebody) to (attack)*, CONTROL (noun): *put (somebody) under (somebody's control) / place (something) under (somebody's control)*, EXECUTION: *send (somebody) to (an execution)*, POWER: *put (somebody) under (the power)*, RIDICULE: *expose (somebody) to (ridicule)*.

LIQUOPER2 = 'To cause P2 to cease to undergo X, to experience X, or to be subject to X (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X as a secondary object)': CONTROL (noun): *relieve (somebody) from (somebody's control)*, EXAMINATION: *exempt (somebody) from (an examination)*, LIST: *erase (something) from (the list) / strike (something) off (the list)*, POWER: *free (somebody) from (somebody's power)*, RECORD (minutes of a session): *strike (something) from (the record)*.

OPER3 = ‘To be the recipient of X (a collocate verb taking P3 as its grammatical subject and X as its primary object)’: ANSWER: *receive (an answer) / get (an answer)*, ASSIGNMENT: *get (an assignment)*, COMPLAINT: *hear (a complaint)*, LECTURE: *be at (the lecture) / attend (a lecture)*, ORDER: *get (an order) / receive (an order)*, PERMISSION: *get (permission) / receive (permission) / obtain (permission)*.

LABOR1-2 = ‘To subject or to expose P2 to X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X as a secondary object)’: APPLAUSE: *meet (somebody) with (applause) / receive (somebody) with (applause)*, BAN (prohibition): *put (something) under (a ban)*, CAUTION: *treat (something) with (caution)*, CONTEMPT: *hold (somebody) in (contempt)*, INSPECTION: *submit (something) to (inspection) / subject (something) to (inspection)*, TRIAL: *put (somebody) on (trial)*.

INCEPLABOR1-2 = ‘To start to subject or to expose P2 to X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X a secondary object)’: ACCOUNT: *take (something) into (account)*, ARREST1 (noun): *put (somebody) under (arrest) / place (somebody) under (arrest)*, CARE1 (noun): *take (somebody) in (one’s care)*, CONFIDENCE: *take (somebody) into (one’s confidence)*, LEASE (property): *take (something) on (lease)*, OPERATION (surgery): *subject (somebody) to (an operation)*.

FINLABOR1-2 = ‘To cease to subject or to expose P2 to X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X as a secondary object)’: ARREST1 (noun): *free (somebody) from (arrest)*, CONTROL1 (noun): *let (somebody) out of (one’s control)*, FRIENDSHIP: *deprive (somebody) of (one’s friendship)*, PROTECTION: *deprive (somebody) of (one’s protection)*, SUPPORT1 (noun): *deprive (somebody) of (support)*.

FUNC0 = ‘X exists or is taking place (a collocate verb taking X as its grammatical subject)’: BATTLE: *is on / rages*, CUSTOM: *obtains*, DANGER: *exists*, RAIN: *falls / pours*, SILENCE: *reigns*, STORM: *rages*.

INCEPFUNC0 = ‘X starts to exist or to be taking place (a collocate verb taking X as its grammatical subject)’: APPLAUSE: *breaks out*, CHAOS: *ensues / results*, CLOUDS: *gather / form*, DIFFICULTY: *arises*, EPIDEMICS: *bursts out*, FASHION: *sets in*.

FINFUNC0 = ‘X ceases to exist or to be taking place (a collocate verb taking X as its grammatical subject)’: ANGER: *subsides / evaporates / melts away / peters out*, APPLAUSE: *goes down / subsides*, CLOUDS: *disperse / dissipate / scatter*, FAME: *wanes*, FAMILY: *breaks up*, FOG: *lifts / clears / lets up / melts away*.

CAUSFUNC0 = ‘To cause X to happen or to exist (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: AMBUSH: *set (an ambush) / lay (an ambush)*, ANGER: *provoke (anger)*, BALL (a festive activity):

throw (a ball) / give (a ball), BARGAIN: *drive (a bargain)*, DANGER: *create (danger)*, WAR: *start (a war) / unleash (a war)*.

LIQUFUNC0 = 'To cause X to cease to exist or to be taking place (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject and X as its primary object): ARMY: *disband (an army)*, ASSEMBLY: *dismiss (the assembly)*, ATTEMPT (noun): *quell (an attempt)*, BLOCKADE: *lift (the blockade)*, CLOUDS: *dispel (clouds) / disperse (clouds) / dissipate (clouds)*, DESIRE: *suppress (a desire)*, FAITH: *shatter (somebody's faith)*.

FUNC1 = 'X is taking place or is the state of affairs with regard to P1 (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P1 as its primary object)': BLAME: *(the blame) falls on (somebody) / (the blame) lies with (somebody)*, CONTROL: *belongs to (somebody)*, FEAR: *possesses (somebody)*, MELANCHOLY: *possesses (somebody)*, RESPONSIBILITY: *rests with (somebody)*, RU-MOUR: *reaches (somebody)*.

INCEPFUNC1 = 'X starts to be taking place or to be the state of affairs with regard to P1 (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P1 as its primary object)': ANGER: *takes possession of (somebody)*, DOUBTS: *visit (somebody) / assail (somebody)*, FEAR: *overcomes (somebody) / takes hold of (somebody) / takes possession of (somebody)*, IDEA: *occurs to (somebody) / strikes (somebody) / smites (somebody) / dawns on (somebody) / hits (somebody)*, NIGHTMARE: *rides (somebody)*, PANIC: *seizes (somebody) / grips (somebody)*, RAGE: *overcomes (somebody)*.

FINFUNC1 = 'X ceases to be taking place or to be the state of affairs with regard to P1 (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P1 as its primary object)': COURAGE: *deserts (somebody) / abandons (somebody)*, DOUBT: *leaves (somebody)*, LUCK: *fails (somebody)*, PRESENCE OF MIND: *deserts (somebody)*.

CAUSFUNC1 = 'To cause X to be taking place or to be the state of affairs with regard to P1 (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, X as its primary object and P1 as a secondary object)': ADVANTAGE: *give (advantage) to (somebody)*, ALLOWANCE: *grant (allowance) to (somebody)*, AUTONOMY: *grant (autonomy) to (somebody)*, BLAME (noun): *lay (the blame) on (somebody) / put (the blame) on (somebody) / place (the blame) on (somebody)*, HOPE: *stir up (hope) in (somebody)*, LOVE: *inspire (love) to (somebody)*.

LIQUFUNC1 = 'To cause X to cease to be taking place or to be the state of affairs with regard to P1 (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, X as its primary object and P1 as a secondary object)': BANDAGE: *remove (the bandage) from (something)*, BLAME: *take (the blame) off (somebody)*, BLOW: *avert (the blow) from (somebody)*, FREEDOM: *take away (freedom) from (somebody)*, RESPONSIBILITY: *take off (the responsibility) from (somebody) / lift (the responsibility) from (somebody)*, VICTORY: *steal (victory) from (somebody)*.

FUNC2 = ‘X involves P2 or consists in P2 (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P2 as its primary object)’: ADVICE: *consists in (something)*, CHANGES: *bear upon (something)*, DANGER: *hangs over (somebody) / overhangs (somebody) / is hovering over (somebody)*, EVIL: *impends (something)*, INFLUENCE: *bears upon (something)*, REVENGE: *falls upon (somebody)*.

CAUSFUNC2 = ‘To cause X to involve P2 (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject, X as its primary object and P2 as a secondary object)’: ACCUSATION: *bring (an accusation) against (somebody)*, AMBUSH: *lay (an ambush) for (somebody) / make (an ambush) for (somebody) / set (an ambush) for (somebody)*, CARE: *provide (care) for (somebody)*, CENSORSHIP: *impose (censorship) on (something)*, DAMAGE: *inflict (damage) on (something)*, HOPES: *pin (one’s hopes) on (something)*.

LIQUFUNC2 = ‘To cause X to cease to involve P2 (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject, X as its primary object and P2 as a secondary object)’: BAN (prohibition): *lift (the ban) from (something)*, CRITICISM: *divert (criticism) from (something)*, DANGER: *avert (the danger) from (somebody)*, LOOK (noun): *divert (the look) from (something)*, SIEGE: *raise (the siege) from (something) / lift (the siege) from (something)*.

FUNC3 = ‘X issues from P3, is addressed to P3 or consists in P3 (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P3 as its primary object)’: CONCLUSION: *follows from (something)*, ORDER (instruction): *is addressed (to somebody)*, PRESSURE (of the gas): *amounts to (something)*, REQUEST: *is addressed to (somebody)*.

3.1.1.2. Семейство REAL—LABREAL—FACT (20 ЛФ)

REAL1 = ‘To use X according to its destination (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: ANCHOR: *be at (anchor) / lie at (anchor) / ride at (anchor)*, BATH (washing): *take (a bath)*, BICYCLE: *ride (a bicycle)*, BOOK: *read (a book)*, CHURCH: *attend (a church) / go to (church)*, CIGARETTE: *smoke (a cigarette)*.

INCEPREAL1 = ‘To start to use X according to its destination (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: ANCHOR: *cast (anchor) / drop (anchor) / let go (the anchor) / come to (anchor)*, CHAIR: *sit down on (a chair)*, COLLEGE: *enter (a college)*, EYES: *open (one’s eyes)*, HOTEL: *check in (at a hotel) / check up at (a hotel)*, HOSPITAL: *go to (hospital)*.

FINREAL1 = ‘To cease to use X according to its destination (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: ANCHOR: *raise (anchor) / weigh (anchor)*, BICYCLE: *get off (the bicycle)*, BOOK: *close (the book)*, CIGAR: *put out (the cigar)*, CLOTHES: *take off (one’s clothes)*, COLLEGE: *quit (college)*.

CAUSREAL1 = ‘To cause P1 to use X according to its destination (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, P1 as its primary object and X as a secondary object)’: ANCHOR: *bring (something) to (anchor)*, COLLEGE: *enroll (somebody) in (a college) / enlist (somebody) in (a college) / accept (somebody) to (a college)*, HOSPITAL: *place (somebody) to (hospital) / put (somebody) to (in) (hospital) / take (somebody) to (hospital)*, JAIL: *put (somebody) to (jail)*, MARKET: *put (something) on (the market)*, SERVICE: *put (somebody) into (service)*.

LIQUREAL1 = ‘To cause P1 to cease to use X according to its destination (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, P1 as its primary object and X as a secondary object)’: APARTMENT: *evict (somebody) out of (an apartment)*, ARMY: *dismiss (somebody) from (the army) / release (somebody) from (the army)*, CABINET (government): *oust (somebody) from (the cabinet)*, CLUB: *pitch (somebody) out of (the club)*, COLLEGE: *expel (somebody) from (college)*, HOME: *rout (somebody) out of (home)*.

REAL2 = ‘To be accessible for use according to the destination of X (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)’: ARCHIVES: *be stored in (the archives)*, EXPOSITION: *be exhibited at (the exposition)*, LIBRARY: *be in (the library)*, MARKET: *be on (the market)*, THEATRE: *be on (at the theatre)*.

INCEPREAL2 = ‘To start to be accessible for use according to X’s destination (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)’: IMAGINATION: *catch (somebody’s imagination)*, LIBRARY: *appear in (the library)*, MARKET: *appear on (the market)*, MEMORY: *stick in (one’s memory) / get etched in (one’s memory) / get registered in (one’s memory) / get engraved on (one’s memory)*, SCREEN: *get on (the screen) / go on (the screen)*.

FINREAL2 = ‘To cease to be accessible for use according to X’s destination (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)’: MARKET: *go off (the market)*, MEMORY: *escape (somebody’s memory)*, SCREEN: *go off (the screen)*.

CAUSREAL2 = ‘To cause P2 to be accessible for use according to the destination of X (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X as a secondary object)’: ARCHIVES: *send (something) to (the archives)*, FORK: *harpoon (something) with (a fork)*, MARKET: *deliver (something) onto (the market)*, MEMORY (of a human): *commit (something) to (memory)*, THEATRE: *stage (something) in (the theatre)*.

LIQUREAL2 = ‘To cause P2 to cease to be accessible for use according to X’s destination (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X as a secondary object)’: BANK (for keeping money): *withdraw (something) from (a bank)*, MEMORY: *erase (something) from (memory)*.

LABREAL1-2 = ‘To act upon something with or by X while using X according to its destination (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject, P2 as its primary object and X as a secondary object)’: KEY: *close (something) with (a key)*, KNIFE: *cut (something) with (a knife)*, MEMORY: *keep (something) in (one’s memory) / bear (something) in (one’s memory) / have (something) in (one’s memory) / hold (something) in (one’s memory)*, TELESCOPE: *look at (something) through (a telescope)*, TELEVISION: *see (something) on (the television) / see (something) over (the television)*.

FACT0 = ‘X functions or is functioning according to its destination (a collocate verb taking X as its grammatical subject)’: AIRPLANE: *flies*, ALARM-CLOCK: *goes*, BUS: *runs*, GUN: *shoots*, KING: *reigns*, MOVIE: *is on / is showing*.

INCEPFACT0 = ‘X starts to function according to its destination (a collocate verb taking X as its grammatical subject)’: BUS: *starts*, DOOR: *closes*, KING: *is crowned*, PLANE (aviation): *takes off*, PROGRAM (computer science): *starts running*, RESTAURANT: *opens up / opens*.

FINFACT0 = ‘X ceases to function according to its destination (a collocate verb taking X as its grammatical subject)’: AIRPLANE: *touches down / lands*, COMMITTEE: *dissolves*, HEART: *stops*, KING: *abdicates*, PARLIAMENT: *dissolves*, VISA: *expires*.

CAUSFACT0 = ‘To cause X to function according to its destination (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject and X its primary object)’: BOMB: *explode (a bomb)*, BRAKE (for stopping): *put on (the brake)*, CAR: *drive (a car)*, FIREWORKS: *shoot off (the fireworks)*, LIGHT (electric): *put on (the light) / switch on (the light)*, PLANE: *fly (a plane) / pilot (a plane) / navigate (a plane)*.

LIQUFACT0 = ‘To cause X to cease to function according to its destination (a collocate verb taking P1 or P0 as its grammatical subject and X as its primary object)’: AIRPLANE: *land (the airplane)*, CAR: *stop (the car)*, CIGARETTE: *put out (the cigarette)*, DEPUTY: *depose (the deputy)*, EARS: *stop (the ears)*, LAMP: *switch off (a lamp) / turn off (a lamp) / unplug (a lamp)*, VISA: *cancel (the visa) / annul (the visa)*.

FACT1 = ‘X functions according to its destination with regard to P1 (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P1 as its primary object)’: ALARM-CLOCK: *wakes up (somebody)*, BAROMETER: *shows (something) / gives (something)*, KNIFE: *cuts (something)*, LAMP: *lights up (something)*, RADIATOR: *heats (something)*, WAITER (in a restaurant): *serves (somebody) / waits on (somebody)*.

CAUSFACT1 = ‘To cause X to function with regard to P1 according to its destination (a collocate verb taking P0 as its grammatical subject, X as its primary object and P1 as its secondary object)’: BANDAGE: *put (a bandage) on (something) / apply (a bandage) on (something) / place (a bandage) over (something)*,

DRUGS (medicine): *administer (drugs) to (somebody)*, HANDCUFFS: *put (handcuffs) on (somebody)*, HOUNDS: *turn (the hounds) loose on (somebody)*, SEAL (under a document): *attach (a seal) to (something)*, STAMP (on a letter): *attach (a stamp) to (something)*.

LIQUFACT1 = 'To cause X to cease to function according to its destination with regard to P1 (a collocate verb taking P0 as its grammatical subject, X as its primary object and P1 as its secondary object)': BANDAGE: *take off (the bandage) from (something)*, HANDCUFFS: *remove (the handcuffs) from (somebody's hands)*, SHOULDER-STRAPS: *tear off (the shoulder-straps) from (somebody)*, SWORD: *knock out (the sword) from (somebody's hands)*.

FACT2 = 'X functions according to its destination with regard to P2 (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P2 as its primary object)': LORRY: *carries (something)*, MEMORY: *stores (something)*, MIRROR: *reflects (something)*, NEWSPAPER: *informs of (something)*, SPEEDOMETER: *reads (something)*, WATCH (time measuring instrument): *shows (something)*.

3.1.1.3. Семейство REAL-M — FACT-M (21 ЛФ)

REAL1-M = 'To do with regard to X that which is normally expected of P1 in X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)': ALIBI: *prove (one's alibi) / establish (one's alibi) / substantiate (one's alibi)*, BATTLE: *win (the battle) / gain (the battle)*, CEASE-FIRE: *honour (honor) (the cease-fire) / observe (the cease-fire)*, DEBT: *pay (one's debt) / pay off (one's debt) / discharge (one's debt) / settle (one's debt)*, DIFFICULTY: *overcome (a difficulty) / surmount (a difficulty) / clear up (a difficulty) / resolve (a difficulty)*, ERROR: *correct (an error) / rectify (an error)*, PRINCIPLE: *adhere to (a principle)*.

ANTIREAL1-M = 'To do with regard to X that which is opposite to what is normally expected of P1 in X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)]: BET: *lose the bet*, COMPROMISE (noun): *decline (a compromise)*, CONTRACT (noun): *break (a contract) / breach (a contract) / violate (a contract)*, DEBT: *repudiate (a debt)*, DESIRE (noun): *stifle (a desire) / suppress (a desire)*, DUTY: *shirk (a duty) / fail in (one's duty)*.

INCEPREAL1-M = 'To start to do with regard to X that which is normally expected of P1 in X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)': DUTIES (obligations): *take up (one's duties) / enter upon (one's duties)*, DUTY (temporary function): *go on (duty)*, LEAVE1 (rest from work): *go on (leave)*, NEWS: *learn (the news)*, PENSION: *go on (a pension) / retire on (a pension)*, PRINCIPLE: *accept (a principle)*.

FINREAL1-M = 'To cease to do with regard to X that which is normally expected of P1 in X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as a secondary object)': ATTEMPT: *abandon (the attempt) / give up (the attempt)*,

CEASE-FIRE: *break (the cease-fire) / violate (the cease-fire)*, ENGAGEMENT: *retract from (an engagement)*, PROMISE: *go back on (one's promise) / abrogate (one's promise)*, THRONE (royal power): *abdicate (the throne) / abdicate from (the throne)*, WORD (promise): *go back on (one's word)*.

CAUSREAL1-M = 'To cause P1 to do with regard to X that which is normally expected of P1 in X (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, P1 as its primary object and X as its secondary object)': DIET: *put (somebody) on a (diet)*, ERRAND: *dispatch (somebody) on (an errand)*, OBLIGATION: *lay (somebody) under (an obligation)*, PROMISE: *bind (somebody) with (a promise)*, RIGHT: *vest (somebody) with (the right)*.

LIQUREAL1-M = 'To cause P1 to cease to do with regard to X that which is normally expected of P1 in X (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, P1 as its primary object and X as a secondary object)': AUTHORITY (power): *strip (somebody) of (his authority)*, DEBT: *release (somebody) from (a debt) / discharge (somebody) from (a debt)*, DUTY: *relieve (somebody) of (a duty)*, OBLIGATION: *free (somebody) from (an obligation) / discharge (somebody) from (an obligation)*, POWER: *strip (somebody) of (his power)*.

REAL2-M = 'To do with regard to X that which is normally expected of P2 in X (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)': ATTACK: *repel (an attack)*, BLOCKADE: *run (the blockade) / break (the blockade)*, BLOW: *parry (the blow) / beat off (the blow)*, CHALLENGE: *meet (the challenge)*, CHARGE (accusation): *deny (the charge) / refute (the charge) / repudiate (the charge)*, COMPLIMENT: *return (a compliment)*.

ANTIREAL2-M = 'To do with regard to X that which is opposite to what is normally expected of P2 in X (a collocate verb taking P2 as its grammatical subject and X as its primary object)': ACCUSATION: *admit (the accusation)*, CONFIDENCE: *betray (somebody's confidence) / forfeit (somebody's confidence)*, INSULT (noun): *take (an insult) / swallow (an insult)*, INVITATION: *decline (an invitation) / spurn (an invitation)*, OBSTACLE: *give in to (an obstacle)*, PUNISHMENT: *escape (punishment)*.

REAL3-M = 'To do with regard to X that which is normally expected of P3 in X (a collocate verb taking P3 as its grammatical subject and X as its primary object)': ACCOUNT (in a restaurant): *settle (the account)*, ADVICE: *follow (advice) / defer to (somebody's advice)*, BAN (prohibition): *observe (the ban)*, DEBT: *collect (smb's debt) / recover (smb's debt)*, MOTION (in voting): *accept (the motion) / adopt (the motion) / carry (the motion)*, TERMS (conditions): *submit to (terms)*.

ANTIREAL3-M = 'To do with regard to X that which is opposite to what is normally expected of P3 in X (a collocate verb taking P3 as its grammatical subject and X as its primary object)': ADVICE: *ignore (the advice)*, APPLICATION: *reject (the application) / turn down (the application)*, BAN (prohibition): *disregard*

(*a ban*), ORDER: *break (the order) / disobey (the order)*, OFFER: *reject (the offer) / repel (the offer) / decline (the offer)*, RULE (regulation): *break (a rule) / violate (a rule)*.

FACT0-M = 'X is in the state corresponding to that which is normally expected of it (a collocate verb taking X as its grammatical subject)': ATTACK (noun): *succeeds*, BLOW: *gets home / tells*, HOPE: *comes true*, HYPOTHESIS: *is confirmed*, ILLUSION: *dissolves*, JUSTICE: *triumphs*.

ANTIFACT0-M = 'X is in the state opposite to that which is normally expected of it (a collocate verb taking X as its grammatical subject)': ATTEMPT: *fails*, CANDIDATE (for presidency): *loses / is defeated*, DREAM (to become an actor): *dissolves*, HOPE: *is scattered / fails*, NEGOTIATIONS: *break down / collapse*, PLAY (in the theatre): *flops*.

CAUSFACT0-M = 'To cause X to be in the state corresponding to that which is normally expected of it (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject and X as its primary object)': ARGUMENT (dispute): *settle (the argument)*, CASE (LEGAL): *decide (the case) / settle (the case)*, CURIOSITY: *satisfy (one's curiosity)*, DISPUTE: *resolve (the dispute)*, NEWS: *spread (the news)*, SENTENCE (of the court): *carry out the sentence / execute the sentence*.

LIQUFACT0-M = 'To cause X to cease to be in the state corresponding to that which is normally expected of it (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject and X as its primary object)': ATTACK (noun): *repel (an attack) / beat off (an attack) / repulse (an attack) / rebuff (an attack)*, BAN (noun): *lift (a ban) / remove (a ban)*, BARGAIN: *declare off (a bargain)*, BILL (in parliament): *reject (the bill) / vote down (the bill)*, BLOW (noun): *deflect a blow / parry a blow / ward off a blow*, CONTRACT (noun): *cancel (a contract) / abrogate (a contract) / repudiate (a contract) / rescind (a contract)*.

FACT1-M = 'X affects P1 in a way which is normally expected of X (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P1 as its primary object)': CONFLAGRATION: *damages (something)*, CONSCIENCE: *tortures (somebody) / gnaws at (somebody's heart)*, DISEASE: *kills (somebody)*, DUTY: *binds (somebody) / demands of (somebody)*, PROMISE: *binds (somebody)*.

INCEPFACT1-M = 'X starts to affect P1 in a way which is normally expected of X (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P1 as its primary object)': CONSCIENCE: *wakes up in (somebody) / speaks up in (somebody)*, SENSE OF DUTY: *wakes up in (somebody)*.

CAUSFACT1-M = 'To cause X to be in such a state with regard to P1 as corresponds to what is normally expected of X (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, X as its primary object and P1 as its secondary object)': CONSCIENCE: *arouse (conscience) in (somebody)*, LAW: *apply (the law) to (something)*, NEWS: *give (somebody) (the news) / give (the news) to (somebody) /*

announce (the news) to (somebody) / break (the news) to (somebody) / flash (the news) to (somebody), REGARDS (greetings): *give (regards) from (somebody)*, TAXES: *collect (taxes) from (somebody)*.

LIQUFACT1-M = ‘To cause X to cease to be in such a state with regard to P1 as corresponds to what is normally expected of X (a collocate verb taking P0 or P2 as its grammatical subject, X as its primary object and P1 as its secondary object)’: DEBT: *forgive (a debt) to (somebody)*, RESPONSIBILITY: *take off (the responsibility) from (somebody) / lift (the responsibility) from (somebody)*.

CAUSFACT2-M = ‘To cause X to be in such a state with regard to P2 as corresponds to what is normally expected of X (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject, X as its primary object and P2 as its secondary object)’: BAN: *put (a ban) on (something) / lay (a ban) on (something)*, FIRE (military): *direct (fire) against (somebody)*, LIMITATIONS: *impose (limitations) on (something)*, REGARDS (greetings): *give (regards) to (somebody)*.

FACT3-M = ‘X affects P3 in a way which is normally expected of X (a collocate verb taking X as its grammatical subject and P3 as its primary object)’: CARGO: *arrives (has arrived) to (somebody)*, LETTER (message): *arrives (has arrived) to (somebody)*, MESSAGE: *reaches (has reached) (somebody)*, TELEGRAM: *comes (has come) to (somebody) / arrives (has arrived) to (somebody)*.

CAUSFACT3-M = ‘To cause X to be in such a state with regard to P3 as corresponds to what is normally expected of X (a collocate verb taking P0 as its grammatical subject, X as its primary object and P3 as its secondary object)’: CARGO: *deliver (the cargo) to (somebody) / carry (the cargo) to (somebody)*, LETTER (message): *deliver (a letter) to (somebody)*, MESSAGE (electronic): *deliver (a message) to (somebody) / transmit (a message) to (somebody)*, TELEGRAM: *deliver (a telegram) to (somebody)*.

3.1.1.4. Другие глагольные ЛФ (5)

MANIF = ‘To make possible for the observer to perceive X (a collocate verb taking P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’: ABILITY: *show (ability) / display (ability)*, APOLOGIES: *extend (apologies)*, COURAGE: *demonstrate (one’s courage) / show (one’s courage)*, CURIOSITY: *evinced (curiosity)*, DESIRE: *express (a desire) / manifest (a desire)*, GRIEF: *vent (one’s grief)*.

DEGRAD = ‘X becomes worse or unfit for use through the loss of its quality or vital function (a collocate verb taking X as its grammatical subject)’: APPELITE: *dulls*, BULB: *fuses*, BUTTER: *turns rancid / goes rancid*, CLOTHES: *wear off / wear out*, HEALTH: *deteriorates / breaks down*, METAL: *rusts / goes rusty*, TOOTH: *decays*.

CAUSDEGRAD = ‘To cause X to become worse or to lose its function (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject and X as its primary object)’:

APPETITE: *damp* (one's appetite), ATTENTION: *blunt* (somebody's attention), CLOTHES: *wear off* (one's clothes), HOPES: *damp* (somebody's hopes), MEMORY: *rust* (somebody's memory) / *dull* (somebody's memory) / *dim* (somebody's memory), MORALE (of the army): *undermine* (the morale) / *shatter* (the morale).

PREPAR = 'To prepare X for use according to its destination (a collocate verb taking P0 or P1 as its grammatical subject and X as its primary object)': ALARM-CLOCK: *set* (the alarm-clock), BED: *undo* (the bed), CIGARETTE: *light up* (a cigarette) / *light* (a cigarette), COFFEE (beans): *grind* (coffee), COFFEE (drink): *pour* (coffee), GUN: *load* (the gun).

SON = 'To issue a sound characteristic of X (a collocate verb taking X as its grammatical subject)': BELL: *rings*, BUG (insect): *buzzes* / *hums* / *drones*, CAR: *whirrs*, CAT: *mews*, COW: *bellows* / *lows*, DOG: *barks*, WIND: *howls* / *wails*.

3.1.2. Адъективные ЛФ (6)

MAGN = 'An adjective, an adverb, a preposition + noun collocation or a comparative set expression with a conjunction denoting a large degree or a high intensity of X and fulfilling the function of an attribute or an adverbial modifier of X': ACCENT: *heavy* / *thick* / *strong* / *pronounced*, FEELING: *deep* / *profound*, GALLOP (noun): *mad*, GRIEF: *deep* / *bitter* / *heavy*, LUNATIC: *raving*, MAJORITY: *absolute* / *overwhelming* / *thumping*.

ANTIMAGN = 'An adjective, an adverb or a preposition + noun collocation denoting a small degree of X and fulfilling the function of an attribute or an adverbial modifier of X': ACCENT: *slight*, ATTEMPT: *feeble*, CHANCE: *slight* / *weak* / *slim*, DIFFERENCES: *minor*, INFLUENCE: *weak* / *insignificant*, TEMPERATURE: *low*.

BON = 'An adjective or an adverb expressing a standard positive evaluation of X and fulfilling the function of an attribute or an adverbial modifier of X': BEHAVE: *well* / *correctly* / *properly*, BUSINESS: *thriving* / *flourishing*, CARE (noun): *paternal*, CONSCIENCE: *clear*, CURIOSITY: *healthy*, DEAL: *fair* / *square*.

ANTIBON = 'An adjective or an adverb expressing a standard negative evaluation of X and fulfilling the function of an attribute or an adverbial modifier of X': AGGRESSION: *brazen* / *naked*, BREAD: *stale*, BUTTER: *rancid*, CAREER: *checkered*, COMPLIMENT: *dubious* / *doubtful* / *backhanded* / *left-handed*, ODOUR: *foul* / *harsh*, WAR: *dirty*.

VER = 'An adjective, an adverb or a preposition plus noun collocation denoting the property which is normally required or expected of X and fulfilling the function of an attribute or an adverbial modifier of X': ACCIDENT: *pure* / *sheer*, REPUTATION: *clean* / *spotless* / *unstained* / *unspotted* / *unsullied* / *unblemished* /

untarnished / undamaged / without a spot / without a blot, RISK: *justified*, SUSPICIONS: *well-grounded / reasonable*, TICKET: *valid*, TRADE: *legal*.

ANTIVER = ‘An adjective or an adverb denoting the property opposite to that which is normally required or expected of X and fulfilling the function of an attribute or an adverbial modifier of X’: ACT (action): *illegal*, ALIBI: *faked / questionable / dubious*, BELIEF: *erroneous / mistaken / false*, CHEQUE: *forged*, CLAIM (noun): *unsupported / unsubstantiated / unreasonable*, FEAR: *groundless*.

3.1.3. Субстантивные ЛФ (5)

SING = ‘A noun denoting one element, instance or sample of X and either subordinating X syntactically or including the meaning of X in its own meaning’: ADVICE: *piece (of advice)*, ANGER: *fit (of anger) / burst (of anger) / blaze (of anger)*, BREAD: *loaf (of bread)*, CABBAGE: *head (of cabbage)*, DEPRESSION: *fit (of depression)*, DEW: *drop (of dew)*.

MULT = ‘A noun denoting an organized or natural set or group of X’s and either subordinating X syntactically or including the meaning of X in its own meaning’: BANANA: *hand (of bananas)*, BEE: *swarm (of bees)*, BIRD: *flock (of birds) / flight (of birds)*, COW: *herd (of cows)*, FISH: *shoal (of fish) / school (of fish) / run (of fish)*, TREE: *forest / wood*.

EQUIP = ‘A noun denoting the staff or personnel of X and either subordinating X syntactically or including the meaning of X in its own meaning’: CIRCUS: *troupe (of the circus)*, HOSPITAL: *personnel (of the hospital) / house staff*, MORTAR: *detachment (of the mortar)*, PLANE: *crew (of the plane)*, SCHOOL: *teaching staff*, THEATER: *company (of the theatre)*.

CAP = ‘A noun denoting head or leader of X and either subordinating X syntactically or including the meaning of X in its own meaning’: ARMY: *commander (of the army)*, BANK (organization): *president (of the bank)*, DELEGATION: *head (of the delegation)*, EMPIRE: *emperor*, FACULTY: *dean (of the faculty)*, UNIVERSITY: *rector (of the university)*.

FIGUR = ‘A noun which is a traditional figurative name for X, subordinates X syntactically and in collocation with X is synonymous to X itself’: ANGER: *flame (of anger)*, DESPAIR: *abyss (of despair)*, ENVY: *poison (of envy)*, MARRIAGE: *bonds (of marriage)*, RESPONSIBILITY: *burden (of responsibility)*, SLAVERY: *chains (of slavery)*.

3.1.4. Предложные ЛФ (1)

LOC = ‘A preposition denoting the normal spatial or temporal localization of something with regard to X which subordinates X syntactically, or a nominal group

whose meaning contains that of X': APRIL: *in (April)*, AWNING: *under (the awning)*, BATTLE (noun): *in (battle)*, COURT: *at (court)*, DAY: *on (the day)*, LAST YEAR: *last year*, TRAIN: *on (the train)*.

3.2. ЛФ-дериваты

3.2.1. Синтаксические дериваты (4)

S0 = 'A noun with the same lexical meaning as that of X': ABOUND: *abundance*, DEFEND: *defence <defense>*, ELOPE: *elopement*, FLEE: *flight*, HIGH: *height*, KNOW: *knowledge*, WIN: *victory*.

V0 = 'A verb with the same lexical meaning as that of X': CRITICISM: *criticize*, PRESCRIPTION: *prescribe*, SURGERY: *operate on (somebody)*, THREAT: *threaten*, TREATMENT: *treat*, VICTORY: *win*, WARNING: *warn*.

A0 = 'An adjective with the same lexical meaning as that of X': BIOLOGY: *biological*, BROTHER: *fraternal*, CAT: *feline*, SPACE: *spatial*, TIME: *temporal*.

ADV0 = 'an adverb with the same lexical meaning as that of X': CORRECT: *correctly*, DEVOTED: *devotedly*, FAST (ride): *fast*, GOOD: *well*, TRUE: *truly*, WRONG: *wrong / wrongly*.

3.2.2. Актантные дериваты (12)

S1 = 'A noun semantically derived from X and denoting P1 — the person, thing or situation that does X, has X or is in the state X': AGENCY: *agent*, ASSASSINATE: *assassin*, COMPETE: *competitor*, CRIME: *culprit*, DEBT: *debtor*, HAPPEN: *event*.

S2 = 'A noun semantically derived from X and denoting P2 — the person, thing or situation that undergoes X, experiences X or is the object of X': CRIME: *victim*, EAT: *food*, EMPLOY: *employee*, IMPRISON: *prisoner*, MARRY: *spouse*, SHOOT: *aim / target*.

S3 = 'A noun semantically derived from X and denoting P3 — the person, thing or situation that is the recipient of X': LECTURE: *audience*, LEND (money to somebody): *debtor*, RENT (a house from somebody): *renter*, RENT (a house to somebody): *renter*, SELL: *buyer*, SEND (something to somebody): *recipient*.

S-INSTR = 'A noun semantically derived from X and denoting the typical tool, device or organ used to carry out X, which is fully preserved in the process of use': COMB (one's hair): *comb*, CONVINCe: *argument*, CUT: *knife*, LIGHT (a cigarette): *lighter*, LOCK (a door): *key*, PAINT: *brush*.

S-MED = 'A noun semantically derived from X and denoting the typical object or material necessary to carry out X, which is gradually spent in the process of

use': CURE (verb in the medical meaning): *medicine / medication / drug*, FRY (verb): *fat / butter*, LIGHT (a cigarette): *match / lighter*, PAINT (verb): *paints*.

S-LOC = 'A noun semantically derived from X and denoting the typical place where action X is carried out or situation X is taking place': BATTLE: *battlefield*, BURY (the dead): *grave / cemetery*, BOXING: *ring*, GRAZE (of cows): *pasture*, LAND (of planes): *landing strip*, PARK (a car): *parking*.

S-MOD = 'A noun semantically derived from X and denoting the typical manner of doing X': LIVE: *lifestyle*, PAINT: *manner*, PRONOUNCE: *pronunciation*, RESEARCH: *method*, WALK: *gait*, WRITE: *handwriting*.

S-RES = 'A noun semantically derived from X and denoting the result or consequence of X': ADD (of numbers): *sum*, BURN (of wood): *ashes*, DESTROY: *ruins*, FALL ASLEEP: *sleep*, MARRY: *marriage*, MULTIPLY: *product*, SAY: *words*, SUBTRACT: *difference*.

A1 = 'An adjective, participle or a preposition + noun collocation semantically derived from X and describing the property, state or action of P1': ANGER: *angry*, BRAVERY: *brave*, CAN: *able*, CLOTHES: *clad*, CONCERN: *concerned*, LOVE (a girl): *in love (with)*, VICTORY: *victorious*.

A2 = 'An adjective, past participle or a preposition + noun collocation semantically derived from X and describing the property or state of P2 or the relation of P2 to P1': ABHOR: *abhorrent*, CAN: *possible*, CONTEMPT: *contemptible*, CONTROL: *under control*, GUIDE: *under the guidance (of)*, HABIT: *habitual*.

ADV1 = 'An adverb or a preposition + noun collocation semantically derived from X and describing the property, state or action of P1': CONTEMPT: *contemptuously / with contempt*, DESPAIR: *in despair*, DINE: *at dinner*, INTEREST: *with interest*, RUN (verb): *on the run*.

ADV2 = 'An adverb or a preposition + noun collocation semantically derived from X and describing the property or state of participant P2 or the impact of something which P2 undergoes': BREAKFAST: *for breakfast*, EXAMINE (something): *under examination*, FIRE (of artillery): *under the fire*, SUPPORT: *with the support*, TRANSLATE: *in the translation*.

3.2.3. Другие типы ЛФ-дериватов

3.2.3.1. Глагольные ЛФ (4)

INCEP = 'To start to do X, to have X or to be in the state X (a verb including the meaning of X in its own meaning and taking P1 as its grammatical subject)': BE AWAKE: *wake up*, KNOW: *learn / get to know*, LIVE (be alive): *be born*, LIVE (in a house): *settle*, SLEEP (verb): *fall asleep / drop off to sleep*.

FIN = 'To cease to do X, to have X or to be in the state X (a verb, including the meaning of X in its own meaning and taking P1 as its grammatical subject)':

BE MARRIED: *divorce*, KNOW: *forget*, LIVE: *die*, MOVE (verb): *stop*, REMEMBER: *forget*, SLEEP: *wake up*, TALK (verb): *shut up / fall silent*.

CAUS = 'To cause X to exist or to be taking place (a verb including the meaning of X in its own meaning and taking P0 as its grammatical subject and P1 as its primary object)': BELIEVE: *convince*, DIE: *kill*, HAVE: *give*, LEARN: *teach*, LIE (verb of spatial position): *lay*, MARRY: *marry off*.

LIQU = 'To cause X to cease to exist or to be taking place (a verb including the meaning of X in its own meaning and taking P0 as its grammatical subject and P1 as its primary object)': BELIEVE (have an opinion): *dissuade (somebody)*, HANG (on the wall): *take off (something)*, MOVE (verb): *stop (something)*, SLEEP (verb): *wake up (somebody)*, TALK (verb): *silence (somebody)*.

3.2.3.2. Субстантивные ЛФ (4)

MASC = 'A noun denoting the male of X': COW: *bull*, DOE: *deer / hare*, DUCK: *drake*, HEN: *cock*, TIGRESS: *tiger*, WOLF: *he-wolf*.

FEM = 'A noun denoting the female of X': BOAR: *swine / pig*, COCK: *hen*, DOG: *bitch*, GOOSE: *she-goose*, HARE: *doe*, HORSE: *mare*.

FIL = 'A noun denoting the juvenile of X': CAT: *kitty / kitten*, COW: *calf*, DOG: *cub*, DUCK: *duckling*, HEN: *chick / chicken*, HORSE: *colt*.

CARN = 'A noun denoting the flesh of X used as food by humans': CALF: *veal*, COW: *beef*, DEER: *venison*, HEN: *chicken*, SHEEP: *mutton*, SWINE: *pork*.

3.3. ЛФ-субституты (6)

SYN = 'Synonym, a lexeme of the same part of speech as X with the same or very much the same meaning as that of X': AMAZEMENT: *astonishment*, BATTLE: *combat*, BRAVE: *bold / daring / plucky / courageous / audacious*, DEAL: *bargain*, DECLARE: *announce*, LOOK: *glance*.

ANTI = 'Antonym, a lexeme of the same part of speech as X with the meaning opposite to that of X': ABSTAIN (from): *indulge (in)*, ACCUSE (legally): *acquit*, BEHIND: *in front of*, COME IN: *go out*, FORMER: *latter*, WEALTH: *poverty*.

CONV = 'Converse term, a lexeme of the same part of speech as X and denoting the same situation as X but with at least two of its syntactic actants swapping their semantic roles with the respective actants of X': BORROW: *lend*, CAUSE (verb): *result from*, COMPRISE: *consist of*, GIVE: *take / receive*, LIKE: *appeal*, OWN: *belong to*.

GENER = 'A noun, an adjective or a verb denoting the genus under which X is subsumed': BLUE: *colour <color>*, BREAKFAST (noun): *meal*, CHURCH: *institution*, DENIAL: *statement*, GAS: *substance*, INDIGNATION: *feeling / emotion*, OXYGEN: *gas*.

HYPO = ‘A noun, an adjective, or a verb denoting a species or a subdivision of X’: COLOUR: *red / orange / yellow / green / blue / purple*, DAY (of the week): *Sunday / Monday / Tuesday / Wednesday / Thursday / Friday / Saturday*, PAINTING (picture): *portrait / landscape / still life*, RANK (in the army): *sergeant / lieutenant / captain / major / colonel / general*, SEASON: *summer / autumn (fall) / winter / spring*, SEX: *male / female*.

COHYP = ‘A noun, an adjective or a verb denoting a different species of the same genus as that to which X belongs’: AUTUMN: *spring / summer / winter*, BROTHER: *sister*, EVENING: *night / morning / afternoon / day*, HEART: *liver / brain / kidneys / bladder / gall-bladder / spleen*, KNOW (that): *believe / think / understand*, TOWN: *city / village*.

4. Функции ЛФ в системе ЭТАП

Как ясно из сказанного выше, ЛФ используются в системе ЭТАП для решения ряда прикладных задач, из которых мы назовем четыре наиболее важных (по работам [Апресян et al. 2002; Апресян, Цинман 2002; Апресян и др. 2008], но на обновленном материале).

4.1. Разрешение синтаксической неоднозначности при анализе текста

Известно, какую проблему для автоматического анализа создает синтаксическая неоднозначность текста. В словосочетаниях типа *support of the president* ‘поддержка президента’ первое существительное может быть связано со вторым либо квазиагентивным отношением (‘президент поддерживает’), либо первым комплетивным отношением (‘президента поддерживают’). Если, однако, словосочетание *support of the president* встретилось в контексте ЛФ OPER2(*support*) = *enjoy (the support)* в качестве его первого комплетивного зависимого (ср. *He enjoys the support of the president* ‘он пользуется поддержкой президента’), возможность второго осмысления немедленно исключается. Объясняется это тем, что второй актанта существительного *support* уже реализован в качестве подлежащего ЛФ-глагола *enjoy* и поэтому не может быть выражен при слове-аргументе. Поскольку, таким образом, для слова *president* функция второго актанта слова *support* исключена, на его долю остается только функция первого актанта. Тем самым данный случай синтаксической омонимии разрешается в пользу агентивного осмысления актанта *president* в словосочетании *support of the president*.

Очевидно, что предложенные рассуждения легко экстраполируются на все словосочетания с классической омонимией субъектно-объектного типа, если они встречаются в контексте таких ЛФ-глаголов, которые связаны друг

с другим диатетическими отношениями и отличаются друг от друга только меной диатезы. В этом отношении парными к глаголам класса OPER2 являются глаголы класса OPER1. Ср. *to exercise* [= OPER1] *control of the government* ‘осуществлять контроль правительства’: кто-то осуществляет контроль правительства, а не само правительство осуществляет контроль над кем-то. Те же рассуждения справедливы и для ЛФ семейств REALi — LABREALij — FACTi, REALi-M — FACTi-M и других подобных.

4.2. Разрешение лексической неоднозначности при анализе текста

Большую проблему для автоматического перевода представляют сильно многозначные слова. Глаголу *держат*, например, русские толковые словари приписывают до 20 значений (с подзначениями), ср. *Не держи меня, держат рубеж, держат собаку, держат ответ, держат экзамен, держат речь, держат окна открытыми, держат кого-л. в плену, держат кого-л. в неведении* и т. п. Нужное значение такого глагола легко выбирается, когда глагол употреблен в контексте существительного, для которого он является значением какой-то ЛФ: *держат речь* (OPER1), *держат пари* (OPER1), *держат экзамен* (OPER1), *держат оборону* (OPER1), *держат кого-л. в неведении* (LABOR1-2), *держат кого-л. на привязи* (LABOR1-2), *держат кого-л. под контролем* (LABOR1-2), *держат слово* (REAL1-M) и т. п. В ходе анализа текста на основе ЛФ-информации в словарных статьях существительных *речь, пари, экзамен, оборона, неведение, привязь, контроль, слово* ему приписывается символ соответствующей ЛФ, и тем самым многозначность, по крайней мере в указанных случаях, разрешается.

4.3. Оптимизация алгоритмов автоматического перевода

Очевидно, что после получения ЛФ-интерпретации словосочетаний типа *держат речь, держат пари, держат кого-л. в неведении, держат слово* и т. д. (см. пункт 4.2 выше) такую информацию легко использовать и для выбора нужного эквивалента при автоматическом переводе текста. Глаголу *draw*, например, английские словари приписывают до 50 различных значений. Вопрос о выборе нужного русского эквивалента снимается, если *draw* подчиняет существительное, для которого он является значением какой-то ЛФ. В таких условиях достаточно перевести на русский язык только существительное, а затем по словарной статье русского существительного найти значение соответствующей ЛФ. Несколько примеров.

OPER1: *draw a conclusion* ⇒ *делать вывод*

INCEPOPER1: *draw inspiration* ⇒ *черпать вдохновение*

OPER3: *draw a reply* ⇒ *получать ответ*

CAUSFUNC0: *draw jury* ⇒ *выбирать присяжных*

CAUSFUNC1: *draw tears from smb* ⇒ *вызвать слезы у кого-л.*

CAUSFUNC2: *draw smb's attention to smth* ⇒ *обратить чье-л. внимание на что-л.*

CAUSFACT0: *draw the window curtains* ⇒ *задернуть шторы*

PREPAR: *draw the bow* ⇒ *натягивать тетиву лука*

PREPAR: *draw one's sword* ⇒ *выхватить шпагу*

4.4. Компьютеризация системы перифразирования высказываний

Как известно, на основе ЛФ в модели «Смысл ⇔ Текст» формулируются глубинно-синтаксические правила перифразирования, например, $X = \text{OPER1} + \text{S0}(X) = \text{FUNC1} + \text{S0}(X) = \text{COPUL} + \text{A1}(X) = \text{COPUL} + \text{A2}(X)$, ср. *I doubt [X] that anyone survived the explosion = I have [OPER1] doubts [S0(X)] that anyone survived the explosion = I am [COPUL] doubtful [A1(X)] if anyone survived the explosion = It is [COPUL] doubtful [A2(X)] to me that anyone survived the explosion*. Соответствующий куст русских перифраз, с учетом некоторых лексических и типологических особенностей русского языка по сравнению с английским, выглядит так: *Я сомневаюсь [X], что кто-то остался в живых после взрыва = У меня есть [FUNC1] сомнения [S0(X)], что кто-то остался в живых после взрыва = Мне ∅ [нулевая связка] сомнительно [A2(X)], что кто-то остался в живых после взрыва*.

В конце 90-х годов в Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН была впервые в мире реализована на компьютере, правда, пока только на материале русского языка, лексически репрезентативная система перифразирования. Она была опробована в нескольких сериях экспериментов, давших интересные результаты, и сейчас можно перейти к аналогичным английским экспериментам. Имеющийся у нас лексический материал вполне для этого достаточен.

4.5. Компьютерные учебники лексики

На основе аппарата ЛФ в той же Лаборатории были разработаны компьютерные учебники лексики английского и русского языков, предназначенные для изучения значений, сочетаемости и лексического мира слов в режиме лингвистических игр с компьютером. Упомянем три основные игры, основанные на аппарате ЛФ: а) игра «слово»: пользователь должен указать значения всех предлагаемых компьютером ЛФ для произвольного слова, выбранного пользователем; б) игра «слово с подсказкой»: то же самое, но в качестве

подсказки пользователю сообщается соответствующее слово его родного языка и то, как выглядят значения тех же ЛФ от этого слова; в) игра «ЛФ»: пользователь должен указать все значения выбранной им ЛФ для предлагаемого компьютером слова-аргумента.

Литература

- Апресян 2001 — *Ю. Д. Апресян*. О лексических функциях семейства REAL — FACT // *Nie bez znaczenia ... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileusza 15000 dni pracy naukowej*. Białystok, 2001. С. 23—40.
- Апресян 2003 — *Ю. Д. Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие: Мат-лы междунар. науч. конф.* СПб., 2003. С. 7—21.
- Апресян 2004a — *Ю. Д. Апресян*. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // *Сокровенные смыслы: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой*. М., 2004. С. 13—33.
- Апресян 2004б — *Ю. Д. Апресян*. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // *Вопр. языкознания*. 2004. № 4. С. 3—18.
- Апресян 2006a — *Ю. Д. Апресян*. Глагольное управление revisited // *Od fonemu do tekstu: Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu / Pod red. I. Bobrowskiego i K. Kowalik*. Kraków, 2006.
- Апресян 2006б — *Ю. Д. Апресян*. Основания системной лексикографии // *В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография*. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.
- Апресян 2008 — *Ю. Д. Апресян*. О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов // *Вопр. языкознания*. 2008. № 5.
- Апресян и др. 1989 — *Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Н. В. Перцов, В. З. Санников, Л. Л. Цинман*. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1989.
- Апресян и др. 1992 — *Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, А. В. Лазурский, Л. Г. Митюшин, В. З. Санников, Л. Л. Цинман*. Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М., 1992.
- Апресян и др. 2008 — *Ю. Д. Апресян, П. В. Дяченко, А. В. Лазурский, Л. Л. Цинман*. О компьютерном учебнике лексики русского языка // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 2 (14). С. 48—112.
- Апресян, Цинман 2002 — *Ю. Д. Апресян, Л. Л. Цинман*. Формальная модель перифразирования предложений для систем переработки текстов на естественных языках // *Рус. яз. в науч. освещении*. 2002. № 4. С. 102—146.
- Апресян В. 1992 — *В. Ю. Апресян*. «Природные процессы» в сфере человека // *Логический анализ языка: Модели действия*. М., 1992. С. 150—156.
- Арутюнова 1988 — *Н. Д. Арутюнова*. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

- Булыгина 1982 — *Т. В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Восток-Запад 2005 — *Восток-Запад 2005: вторая международная конференция по модели «Смысл ⇔ Текст»*. М., 2005.
- Гловинская 1982 — *М. Я. Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 — *М. Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Зализняк Анна 1992 — *Анна А. Зализняк*. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Зализняк Анна, Шмелев 2000 — *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Иорданская 1972 — *Л. Н. Иорданская*. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Вып. 16. С. 3—30.
- Кустова 2004 — *Г. И. Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Мельчук 1974 — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мельчук 1995 — *И. А. Мельчук*. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М.; Вена, 1995. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 39.)
- Мельчук, Жолковский 1984 — *И. А. Мельчук, А. К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14.)
- Падучева 1991 — *Е. В. Падучева*. Предикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. 1991. № 5. С. 21—31.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Ройтер 1994 — *Т. Ройтер*. О перифрастических наименованиях речевой деятельности // Логический анализ языка: Язык речевых действий / Отв. ред. чл.-корр. Н. Д. Арутюнова и к. филол. н. Н. К. Рябцева. М., 1994. С. 76—82.
- Апресян 1996 — *Ju. D. Apresjan*. Enseignement du lexique assisté par ordinateur // Lexicomatique et dictionnaires. IVes Journées scientifiques du réseau thématique «Lexicologie, Terminologie, Traduction». Lyon, France, 28, 29, 30 septembre 1995. Montréal, 1996. P. 1—10.
- Апресян et al. 2002 — *Ju. D. Apresjan, I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. L. Tsinman*. Lexical Functions in NLP: Possible Uses // Computational Linguistics for the New Millennium: Divergence or Synergy?: Proceedings of the International Symposium held at the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 21—22 July 2000 / M. Klenner, H. Visser (eds.). Frankfurt am Main, 2002. P. 55—72.
- Апресян et al. 2003 — *Ju. Apresjan, I. Boguslavsky, L. Iomdin, A. Lazursky, V. Sannikov, V. Sizov, L. Tsinman*. ETAP-3 Linguistic Processor: a Full-Fledged NLP Implementation of the Meaning-Text Theory // Proceedings 2003 on Meaning-Text Theory. First

- International Conference on Meaning-Text Theory / S. Kahane, A. Nasr (eds.). Ecole normale supérieure, Juin 16—18. Paris, 2003. P. 279—288.
- Apresjan et al. 2007 — *Ju. D. Apresjan, I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. L. Tsinman*. Lexical Functions in Actual NLP-Applications // L. Wanner (ad.). Selected Lexical and Grammatical Issues in the Meaning-Text Theory. In Honour of I. Mel'čuk. Amsterdam; Philadelphia, 2007. P. 199—230.
- BBI 1986 — The BBI Combinatory Dictionary of English: a Guide to Word Combinations / By M. Benson, E. Benson, R. Ilson. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
- Boguslavsky 2002 — *I. Boguslavsky*. Some Lexical Issues of UNL // Proceedings of the First International Workshop on UNL, Other Interlinguas and their Applications. Las Palmas; Paris, 2002. P. 19—22.
- Boguslavsky 2005 — *I. Boguslavsky*. Some Controversial Issues of UNL: Linguistic Aspects // Proceedings of the 2nd International workshop on UNL and other interlinguas. Mexico, 2005.
- Boguslavsky et al. 2000 — *I. Boguslavsky, N. Frid, L. Iomdin, L. Kreidlin, I. Sagalova, V. Sizov*. Creating a Universal Networking Module within an Advanced NLP system // Coling in Europe. The 18th International Conference on Computational Linguistics. Saarbrücken, Proceedings. Vol. 1. 2000. P. 83—89.
- Boguslavsky et al. 2001 — *I. Boguslavsky, I. Chardin, N. Frid, N. Grigoriev, S. Grigoryeva, L. Iomdin, L. Kreidlin, V. Sizov*. UNL from the Linguistic Point of View // Electro-technical Laboratory Sigmatics. Tokyo, 2001. P. 1—6.
- Boguslavsky et al. 2004 — *I. Boguslavsky, L. Iomdin, V. Sizov*. Multilinguality in ETAP-3. Reuse of Linguistic Resources // Proceedings of the Workshop «Multilingual Linguistic Resources. 20th International Conference on Computational Linguistics». Geneva, 2004. P. 7—14.
- Iordanskaja, Paperno 1996 — A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body / By L. Iordanskaja, S. Paperno. Columbus (Ohio), 1996.
- Meaning—Text Theory 2003 — *Meaning—Text Theory*. First International Conference on Meaning—Text Theory / S. Kahane, A. Nasr (eds.). Ecole normale supérieure, Juin 16—18. Paris, 2003.
- Mel'čuk 1997 — *I. Mel'čuk*. Vers une linguistique Sens-Texte. Paris, 1997.
- Mel'čuk 2004 — *I. Mel'čuk*. Actants in semantics and syntax I: actants in semantics // Linguistics. An interdisciplinary journal of language sciences. Berlin; N. Y., 2004. P. 1—66.
- Mel'čuk et al. 1984 — *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, A. Lessard*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques I. Montréal, 1984.
- Mel'čuk et al. 1988 — *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Dagenais, L. Elnitsky, L. Iordanskaja, M.-N. Lefebvre, S. Mantha*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques II. Montréal, 1988.
- Mel'čuk et al. 1992 — *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques III. Montréal, 1992.
- Mel'čuk et al. 1999 — *I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère*. Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV. Montréal, 1999.

-
- Mel'čuk, Wanner 1996 — *I. A. Mel'čuk, L. Wanner*. Lexical Functions and Lexical Inheritance for Emotion Lexemes in German // *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing* / L. Wanner (ed.). Amsterdam; Philadelphia, 1996. P. 209—278.
- Reuther 1996 — *T. Reuther*. On dictionary Entries for Support Verbs: the Case of Russian VESTI, PROVODIT' and PROIZVODIT' // *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing* / L. Wanner (ed.). Amsterdam; Philadelphia, 1996. P. 181—208.
- Reuther 2003 — *T. Reuther*. Support verb combinations with existential verbs (German and Russian) // *Actes/Proceedings 2003 on Meaning—Text Theory. First International Conference on Meaning-Text Theory* / S. Kahane, A. Nasr (eds.). Ecole normale supérieure, Juin 16—18. Paris, 2003. P. 1—10.

ТАКСОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА И ТЕМПОРАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВА АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА*

П. М. Аркадьев

Елене Викторовне Падучевой с неизменными любовью, восхищением и благодарностью

Предварительные замечания

Аппарат **таксономических категорий** ([Падучева 1996; 2004a], ср. [Апресян 2003; 2006]), или **акциональных классов** ([Tatevosov 2002; Татевосов 2002; 2005]), показал свою применимость к языкам самых разных типов (см., например, [Smith 1991; Bache et al. (eds) 1994; Bertinetto et al. (eds) 1995; Filip 1999; Dahl (ed.) 2000]) и мощную объяснительную силу по отношению к различного рода явлениям, тем или иным образом соприкасающимся с понятием **аспектуальности**, т. е. семантическим параметрам, указывающим на внутреннюю структуру ситуации и ее репрезентацию говорящим (ср. [Comrie 1976; Dahl 1985; Klein 1994; Плунгян 2000]).

В настоящей статье я хочу остановиться на том, как должным образом определенное понятие акционального класса предиката помогает описать ряд не вполне тривиальных с типологической точки зрения явлений, наблюдаемых в адыгейском языке, а именно модели сочетаемости разных глаголов с временными наречиями, указывающими на продолжительность ситуации.

* Материал адыгейского языка был собран во время летних лингвистических экспедиций Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета в ауле Хакуринохабль Шовгеновского района Республики Адыгея в 2004—2005 гг. Работа выполнена при поддержке Фонда Содействия отечественной науке и Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН. Я благодарю Н. А. Короткову, Ю. А. Ландера, А. Б. Летучего, А. Г. Пазельскую, Б. Х. Парти, Н. Р. Сумбатову, С. Г. Татевосова, Я. Г. Тестельца и А. Б. Шлуинского за разнообразную помощь в работе.

Предлагаемый здесь композиционный анализ, по моему мнению, свидетельствует о продуктивности надления глагола богатой семантической структурой, релевантной для его аспектуальной характеристики, и четкого разграничения разных факторов, влияющих на семантическую интерпретацию предложения.

В основе используемого в данной работе подхода лежит типологически ориентированная концепция акциональности, разработанная С. Г. Татевосовым (указ. соч.), исходящая из того, что набор акциональных классов варьируется от языка к языку, и предлагающая универсальную эмпирическую процедуру выявления этих классов в каждом отдельном языке. Суть этой процедуры заключается в том, что акциональная характеристика лексемы выводится из акциональной характеристики ее комбинаций с основными видовыми граммемами: Перфективом («прошедшим совершенным») и Имперфективом (в общем случае — актуально-длительным значением настоящего времени). Акциональная же характеристика видо-временной формы принадлежит к закрытому универсальному набору **элементарных акциональных значений**: «состояние» (S; *спит*), «процесс» (P; *работает*), «мультипликативный процесс» (M; *кашляет*); «вхождение в состояние» (ES; *заснул*), «вхождение в процесс» (EP; *заработал*), «квант мультипликативного процесса» (Q; *кашлянул*)¹. Акциональный класс образует множество лексем с тождественными акциональными характеристиками всех релевантных видо-временных форм.

На акциональную характеристику глагола могут оказывать влияние семантические характеристики его аргументов; так, английское предложение (1a) с единичным (**квантованным**) пациенсом имеет акциональную характеристику «вхождение в состояние», а предложение (1b) с множественным (**кумулятивным**) пациенсом — «процесс»:

- (1) a. *John ate an apple in a minute / *for a minute.*
 ‘Джон съел яблоко за минуту’
 b. *John ate apples *in an hour / for an hour.*
 ‘Джон ел яблоки полчаса’

Объяснению этого явления и его описанию в различных языках посвящена обширная литература (см., например, [Verkuyl 1989; 1993; Krifka 1989; 1998; Filip 1999]).

¹ Последнее из указанных значений сам С. Г. Татевосов не выделяет, отождествляя его с «вхождением в состояние»; я полагаю разумным различать эти два акциональных значения.

1. Видо-временная система адыгейского языка

Адыгейский — полисинтетический язык с чрезвычайно богатой и сложной глагольной морфологией (см. [Рогава, Керашева 1966; Гишев 1989]). Однако его видо-временная система скорее является бедной и включает «классический» европейский набор из немаркированного Презенса (отличающегося от прочих видо-временных форм особым набором лично-числовых согласовательных показателей), покрывающего всю зону настоящего времени, как актуально-длительного, так и хабитуального; Претерита (с суффиксом *-ke*), имеющего преимущественно перфективные значения (комплетив, лимитатив); и Имперфекта (с суффиксом *-š'təke*), употребляющегося как в дуративном, так и в хабитуальном значениях².

Акциональные классы в адыгейском языке были выделены на основании исследования акциональных характеристик формы Презенса в актуально-длительном значении и Претерита. Основные акциональные классы в адыгейском языке представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Акциональные классы в адыгейском языке

Класс	Интерпретация Презенса	Интерпретация Претерита	Примеры
стативный	S	S	<i>š'əlan</i> 'лежать', <i>psewəp</i> 'жить'
стативно-инхоативный	S	ES	<i>šen</i> 'знать', <i>leβ_wən</i> 'видеть'
процессуальный	P	P	<i>žeg_wən</i> 'играть', <i>txen</i> 'писать' (неперех.)
процессуально-ингрессивный	P	EP	<i>k_wen</i> 'идти', <i>bəbən</i> 'лететь'
мультипликативный	M	Q	<i>k_wəwen</i> 'кричать', <i>wəž_wəntxen</i> 'плевать'
моментальный	—	ES	<i>žən</i> 'бросить', <i>qewen</i> 'лопнуть'
сильный предельный	P	ES	<i>žen</i> 'умирать', <i>jetən</i> 'давать'
слабый предельный	P	ES, P	<i>tən</i> 'копать', <i>qebegən</i> 'опухать'

Как видно из таблицы 1, в большинстве случаев видо-временные формы адыгейских глаголов однозначны, что, в общем случае, не обязательно (ср. [Татевосов 2005], где приводятся данные разных языков). Значимым исключением является противопоставление так называемых *сильных* и *слабых* предельных

² Подробнее о системе времен адыгейского глагола см. [Рогава, Керашева 1966: 181—198; Короткова 2004].

глаголов: первые допускают лишь предельную интерпретацию Претерита, ср. пример (2), а вторые — как предельную, так и неопределенную, ср. пример (3):

- (2) *λəžə-r* *λa-ke.*
 СТАРИК-ABS (3SG.S)УМЕРЕТЬ-PST
 ‘Старик умер || *умирал некоторое время, но не умер’
- (3) *č’ale-r* *txələ-m* *je-žə-k.*
 МАЛЬЧИК-ABS КНИГА-OBL 3SG.S/3SG.IO-ЧИТАТЬ-PST
 ‘Мальчик прочел книгу || некоторое время читал книгу, но не дочитал’

Отмеченное противопоставление будет играть важную роль в дальнейшем.

2. Сочетаемость акциональных классов с временными наречиями

Перейдем к тому материалу, который представляет основной интерес, а именно к поведению глаголов разных акциональных классов в сочетании с темпоральными наречиями. Рассматриваться будут глаголы только в форме Претерита и лишь два класса наречий: наречия типа *полчаса*, далее именуемые «простыми» (например, *səhatnəq_we* ‘полчаса’, *taqjəqjət_we* ‘две минуты’), и наречия типа «за два часа», образующиеся от первых при помощи показателя творительного падежа *-č’e* (например, *səhatnəq_weč’e* ‘за полчаса’, *taqjəqjət_wəč’e* ‘за две минуты’), именуемые далее «*č’e*-наречия».

Начнем с *č’e*-наречий. В отличие от их русских аналогов, в норме сочетающихся лишь с предельными глаголами (ср. *за два часа написать письмо* vs. *??за две минуты обрадоваться, ??за пять минут побежать*), данные наречия имеют более широкую сочетаемость, требуя лишь того, чтобы в семантику глагола был встроен компонент ‘изменение состояния’; иными словами, эти наречия сочетаются с глаголами всех классов, где Претерит имеет событийную интерпретацию (ES, EP или Q), ср. следующие примеры:

стативно-инхоативный:

- (4) *č’ale-m* *pšaše-r* *taqjəq-jə-t_wə-č’e* *ə-lək_wə-k.*
 ПАРЕНЬ-OBL ДЕВУШКА-ABS МИНУТА-INF-ДВА-INS 3SG.A/3SG.P-ВИДЕТЬ-PST
 ‘Парень через две минуты увидел девушку’

процессуально-ингрессивный (ср., однако, ниже):

- (5) *č’ale-r* *səhat-nəq_we-č’e* *čə-ke.*
 ПАРЕНЬ-ABS ЧАС-ПОЛОВИНА-INS (3SG.S)БЕЖАТЬ-PST
 ‘Парень через полчаса побежал’

мультипликативный:

- (6) *č’ale-r* *taqjəq-jə-t_wə-č’e* *wəžəntxa-k.*
 ПАРЕНЬ-ABS МИНУТА-INF-ДВА-INS (3SG.S)ПЛЕВАТЬ-PST
 ‘Парень через две минуты (опять) плюнул’

моментальный:

- (7) *šarikə-r taqjəq-jə-t_wə-č'e qe-wa-β.*
 ШАРИК-ABS МИНУТА-INF-ДВА-INS INV(3SG.S)-ЛОПНУТЬ-PST
 'Шарик через две минуты лопнул'

сильный предельный:

- (8) *mašine-r taqjəq-jə-tfə-č'e qe-wəc_wə-β.*
 МАШИНА-ABS МИНУТА-INF-ПЯТЬ-INS INV(3SG.S)-ОСТАНОВИТЬСЯ-PST
 'Машина остановилась за пять минут'

слабый предельный:

- (9) *pšəše-r fil'mə-m səhat-jə-t_wə-č'e je-plə-β.*
 ДЕВУШКА-ABS ФИЛЬМ-OBL ЧАС-INF-ДВА-INS 3SG.S/3SG.IO-СМОТРЕТЬ-PST
 'Девушка за два часа посмотрела фильм'

Как видно из приведенных примеров, *č'e*-наречия, в отличие от русских наречий типа *за два часа*, обозначают не то, что ситуация длилась соответствующее время и дошла до своего естественного предела, а лишь то, что событие, выраженное глаголом, наступило через временной промежуток, специфицированный наречием.

Рассмотрим теперь более сложные случаи. Как видно из примера (5), процессуально-ингрессивные глаголы (к этому классу в адыгейском языке, насколько можно судить, относятся лишь глаголы направленного движения) в сочетании с *č'e*-наречиями ведут себя так же, как и стативно-инхоативные: эти сочетания имеют начинательную интерпретацию. Такое положение дел, однако, имеет место лишь до тех пор, пока в предложении не появляется аргумент со значением конечной точки движения, ср. примеры (10а) и (10б). Пример (10а) показывает, что в отсутствие наречия ингрессивная интерпретация сохраняется даже при указании на конечную точку движения; значение достижения конечной точки в этом случае возможно лишь при добавлении к глаголу «инверсивного» префикса *qe-*, основное значение которого — 'движение к дейктическому центру', ср. (10с)

- (10) а. *č'ale-r wəne-m ča-βe.*
 ПАРЕНЬ-ABS ДОМ-OBL (3SG.S)БЕЖАТЬ-PST
 'Парень побежал || *прибежал в дом'
 б. *č'ale-r səhat-nəq_we-č'e wəne-m ča-βe.*
 ПАРЕНЬ-ABS ЧАС-ПОЛОВИНА-INS ДОМ-OBL (3SG.S)БЕЖАТЬ-PST
 'Парень за полчаса прибежал в дом || ?через полчаса побежал в дом'
 с. *č'ale-r wəne-m qe-č'a-β.*
 ПАРЕНЬ-ABS ДОМ-OBL INV(3SG.S)-БЕЖАТЬ-PST
 'Парень прибежал || *побежал в дом'

Интересно, однако, что в примере (10b), где есть и именная группа *wənet* ‘в дом’, и *č'e*-наречие, предельное прочтение возможно и даже предпочтительно и без добавления преверба.

Перед тем как дать объяснение этому контрасту, я бы хотел рассмотреть факты, на первый взгляд еще более неожиданные. А именно, с *č'e*-наречиями сочетаются не только процессуально-ингрессивные, но и просто процессуальные глаголы, не имеющие в своей семантике компонента ‘изменение состояния’. Это оказывается возможным лишь в контексте, способствующем ингрессивному прочтению, возникающему, очевидно, под воздействием наречия, ср. (11):

- (11) *se sə-qə-z-je-ha-m* *pšaše-r* *səhat-nəq_we-č'e*
 я 1SG.S-INV-REL-3SG.IO-ВОЙТИ-OBL ДЕВУШКА-ABS ЧАС-ПОЛОВИНА-INS
televizorə-m je-plə-β.
 ТЕЛЕВИЗОР-OBL 3SG.S/3SG.IO-СМОТРЕТЬ-PST
 ‘После того как я вошел, девушка через полчаса начала смотреть телевизор’

Предложения типа (11), где, помимо основного события — начала процесса, имеется также указание на другое событие, служащее точкой отсчета для временной локализации первого при помощи наречия, оцениваются носителями как существенно более приемлемые, нежели предложения типа (12), где такой точки отсчета нет:

- (12) *??č'ale-r minut-jə-tfə-č'e qe-š_wa-β.*
 ПАРЕНЬ-ABS МИНУТА-INF-ПЯТЬ-INS INV(3SG.S)-ТАНЦЕВАТЬ-PST
 ‘Парень через пять минут начал танцевать’

Более того, в присутствии обстоятельственных предложений, задающих точку отсчета, ингрессивная интерпретация делается доступной даже у предельных глаголов, ср. (13):

- (13) *se sə-qə-z-je-ha-m č'ale-m pisme-xe-r*
 я 1SG.S-INV-REL-3SG.IO-ЗАЙТИ-OBL ПАРЕНЬ-OBL ПИСЬМО-PL-ABS
səhat-jə-t_wə-č'e ə-txə-βe-x.
 ЧАС-INF-ДВА-INS 3SG.A/3SG.P-ПИСАТЬ-PST-PL
 ‘После того как я вошел, парень через 2 часа написал || начал писать письма’

Приведенные факты свидетельствуют о том, что для *č'e*-наречий наиболее естественным контекстом употребления является такой, в котором эксплицитно задана точка отсчета. При этом в тех случаях, когда точка отсчета эксплицитно не задана, как в примерах (4)—(9), (10b), она определяется либо прагматически (событие происходит через определенное время после некото-

рой обозначенной в предтексте или подразумеваемой ситуации, как в (4)–(7)), либо отождествляется с началом самой ситуации, как в (8) и (9), что, однако, возможно лишь в том случае, когда глагол предельный, поскольку лишь у них имеется лексически заданная конечная фаза ситуации, попадающая в конечную точку интервала, заданного наречием. Пример (10b) относится именно ко второму типу: при наличии в предложении указания на конечную точку движения глагол становится потенциально предельным; реализация этой предельности, однако, делается возможной лишь в определенном контексте — при наличии *ǰ'e*-наречия (10b) или направительного префикса (10c). Тем самым можно говорить о том, что наречие и аргумент со значением конечной точки «взаимно поддерживают» друг друга: ни одного из них по отдельности не достаточно для предельной интерпретации предложения, но когда они присутствуют вместе, она делается возможной.

В заключение обсуждения сочетаемости глаголов разных классов с *ǰ'e*-наречиями отмечу, что единственный акциональный класс, вообще не допускающий таких сочетаний, — стативный; для того, чтобы инхоативное понимание стало возможно, необходим префикс *qe-*, ср. примеры (14a, b):

- (14) a. **mǎ ǰǎfǎ-r jǎles-jǎ-tǎ-ǰ'e žǎ-be.*
 ЭТОТ ЧЕЛОВЕК-ABS ГОД-INF-ПЯТЬ-INS (3SG.S)СТАРИЙ-PST
 b. *mǎ ǰǎfǎ-r jǎles-jǎ-tǎ-ǰ'e qe-žǎ-be.*
 ЭТОТ ЧЕЛОВЕК-ABS ГОД-INF-ПЯТЬ-INS INV(3SG.S)СТАРИЙ-PST
 'Этот человек за пять лет постарел'

Обратимся теперь к «простым» наречиям. Они обозначают продолжительность ситуации, обозначенной глаголом, и, следовательно, могут сочетаться лишь с теми глаголами, в семантике которых есть компонент, имеющий ненулевую длительность, т. е. 'процесс' или 'состояние', ср. следующие примеры:

- стативный:
 (15) *ǎžǎ-r jǎles-jǎ-tǎwe leš'a-be.*
 СТАРИК-ABS ГОД-INF-ДВА (3SG.S)ХРОМАТЬ-PST
 'Старик два года хромал'
- процессуальный:
 (16) *ǰǎfǎ-r sǎhat-naqwe gwǎš'ǎ'a-be.*
 ЧЕЛОВЕК-ABS ЧАС-ПОЛОВИНА (3SG.S)ГОВОРИТЬ-PST
 'Человек поговорил полчаса'
- слабый предельный:
 (17) *pšǎše-r sǎhat-naqwe fil'mǎ-m je-plǎ-be.*
 ДЕВУШКА-ABS ЧАС-ПОЛОВИНА ФИЛЬМ-OBL 3SG.S/3SG.IO-СМОТРЕТЬ-PST
 'Девушка полчаса посмотрела фильм'

Однако сочетаться с «простыми» наречиями могут не только глаголы, имеющие неопредельную интерпретацию Претерита (S или P), но и глаголы других классов, в частности стативно-инхоативные (18), процессуально-ингрессивные (19) и мультипликативные (20):

- (18) *č'ale-m pšaše-r taqjəq-jə-tfe ə-лєк_wə-к.*
 ПАРЕНЬ-OVL ДЕВУШКА-ABS МИНУТА-INF-ПЯТЬ 3SG.A/3SG.P-ВИДЕТЬ-PST
 'Парень видел девушку пять минут'
- (19) *č'ale-r səhat-nəq_we je-sə-к.*
 ПАРЕНЬ-ABS ЧАС-ПОЛОВИНА (3SG.S)LOC-ПЛЫТЬ-PST
 'Парень поплавал полчаса'
- (20) *çəfə-m čəgə-r taqjəq-jə-š'e ə-кє-səsə-к.*
 ЧЕЛОВЕК-OVL ДЕРЕВО-ABS МИНУТА-INF-ТРИ 3SG.A/3SG.P-CAUS-ТРЯСТИСЬ-PST
 'Человек три минуты потряс дерево'

Такое, казалось бы, неожиданное поведение глаголов указанных трех классов легко объясняется, если принять во внимание, что, как видно из таблицы 1, в их семантике есть имеющий длительность компонент, проявляющийся в формах Презенса. Тем самым можно считать, что если глагол в принципе допускает неопредельное прочтение какой-либо из своих видо-временных форм, то он сочетается с «простыми» наречиями. Напротив, в тех случаях, когда длительное прочтение Презенса невозможно, как у моментальных глаголов, ср. (21a), невозможно и наречие (21b):

- (21) a. *#pšaše-m ?_wenč'əbzə-r qe-к_wetə.*
 ДЕВУШКА-OVL КЛЮЧИ-ABS INV(3SG.S)-НАЙТИ
 '#Девушка находит ключи' (только хабитуальное прочтение).
 b. **pšaše-m ?_wənč'əbzə-r səhat-nəq_we qə-к_wetə-кє.*
 ДЕВУШКА-OVL КЛЮЧИ-ABS ЧАС-ПОЛОВИНА INV(3SG.S)-НАЙТИ-PST
 '*Девушка полчаса понаходила ключи'

Проблематичным для такого анализа является поведение предельных глаголов. Действительно, как слабые, так и сильные предельные глаголы допускают актуально-длительное прочтение Презенса, ср. (22a) и (23a), однако лишь слабые предельные сочетаются с «простыми» наречиями, ср. (22b) и (23b):

- (22) a. *č'ale-m pisme-r je-txə.*
 ПАРЕНЬ-OVL ПИСЬМО-ABS 3SG.A/3SG.P-ПИСАТЬ
 'Парень пишет письмо'
 b. *č'ale-m səhat-nəq_we pisme-r ə-txə-к.*
 ПАРЕНЬ-OVL ЧАС-ПОЛОВИНА ПИСЬМО-ABS 3SG.A/3SG.P-ПИСАТЬ-PST
 'Парень полчаса пописал письмо (но так и не дописал)'

- (23) a. *thamate-m ze'wəč'e-r r-je-ka-ž'e.*
 ДИРЕКТОР-OBL СОБРАНИЕ-ABS LOC-3SG.A/3SG.P-CAUS-НАЧАТЬ
 'Директор начинает собрание'
- b. **txamate-m taqjaq-ja-š'e ze'wəč'e-r*
 ДИРЕКТОР-OBL МИНУТА-INF-ТРИ СОБРАНИЕ-ABS
r-ja-ke-ž'a-k.
 LOC-3SG.A/3SG.P-CAUS-НАЧАТЬ-PST
 '*Директор три минуты поначинал собрание (но так и не начал)'

Как объяснить подобный, на первый взгляд неожиданный, контраст? Для этого следует обратить внимание на то, что наречие типа *səhatnəq_we* 'полчаса' в сочетании со слабым предельным глаголом не просто обозначает, что ситуация длилась соответствующее время, но и имплицитно, что она не достигла своего предела: например, фраза (22b) означает не только то, что процесс писания письма занял полчаса, но и то, что после получаса он был прерван, не будучи доведенным до конца. Можно выдвинуть гипотезу, что слабыми предельными в адыгейском языке являются как раз те глаголы, семантика которых совместима с делимитативной интерпретацией, а сильными предельными — те, которые не могут иметь осмысленного неопределенного понимания.

Возможность как предельного, так и неопределенного понимания глагола связана с таким его свойством, как *инкрементальность* (см. литературу, процитированную в связи с примерами (1a) и (1b), а также [Падучева 2004б]; о связи инкрементальности и делимитативности см. [Tatevosov 2003]). Говоря неформально, предикат является инкрементальным, если в его семантике имеется некоторый параметр (в простейшем случае — аргумент, например, Пациент), который исчерпывается по мере того, как обозначаемая предикатом ситуация развивается во времени. Так, предикат *писать* является инкрементальным, поскольку его Пациент постепенно возникает в процессе писания: чем дольше *X пишет письмо*, тем большая часть письма оказывается написанной. Напротив, глагол *умирать* не является инкрементальным, т. к. неверно, что чем дольше *X умирает*, тем более *мертвым* он становится.

Рассмотрим в этом свете классы предельных глаголов в адыгейском языке. К сильному предельному классу относятся следующие лексемы: *λen* 'умирать', *qeḵ_wen* 'приходить', *к_weləž'ən* 'ложиться', *qewəc_wən* 'останавливаться', *tjeḵ_wen* 'выигрывать', *tjeḵ'ən* 'прилипнуть', *jetən* 'давать', *jevež'ən* 'начинать', *š'tən* 'замерзнуть' и др. К более многочисленному слабому предельному классу относятся следующие лексемы: *qeč'en* 'течь', *qe'w_wen* 'говорить', *jeḵlən* 'смотреть', *ḵən* 'копать', *stən* 'гореть', *ḵ_wən* 'таять', *qež_wen* 'кипеть', *txən* 'писать', *vež_wen* 'варить', *šxən* 'есть', *bzən* 'резать', *qewəbətən* 'ловить/поймать', *wəfən* 'гнуть' и др. Как видно, большинство слабых предельных глаголов — инкрементальные, а большая часть сильных предельных не являются тако-

выми. Интересны неинкрементальные слабые предельные глаголы, например, *qewəbatən* ‘ловить/поймать’; действительно, неверно, что чем дольше *X ловит Y*, тем бóльшую часть *Y* он поймал (при единичном *Y*) или тем ближе он находится к успеху. Однако, в отличие, например, от действия *дать*, действие *ловить* может быть прервано в произвольный момент времени, не будучи доведенным до конца, ср. русские примеры (24) и (25):

(24) *Учитель некоторое время подавал ученику книгу.

(25) Кошка некоторое время половила мышь, устала и бросила.

Таким образом, учитывая семантическую структуру обозначаемой глаголом ситуации, отраженную в его принадлежности к тому или иному акциональному классу, а именно наличие в семантике глагола компонентов, соответствующих универсальным акциональным значениям («состояние», «процесс», «вхождение в состояние» и др.), или инкрементального параметра, можно объяснить особенности сочетаемости глаголов с наречиями длительности и увидеть систему за кажущимися исключениями.

3. Заключение

В данной статье, я надеюсь, мне удалось продемонстрировать, что такой параметр значения глагола, как **акциональность** (в терминах Е. В. Падучевой **таксономическая категория**), понимаемая как зафиксированная в семантике лексемы структура обозначаемой ею ситуации, может объяснить сочетаемость глаголов с темпоральными наречиями. Следует подчеркнуть, что предлагаемый в этой работе анализ основан на двух важных предпосылках, лишь сравнительно недавно получивших признание аспектологов (во многом благодаря работам Е. В. Падучевой и ее школы):

- акциональная классификация глаголов не является универсальной, но должна устанавливаться для каждого языка отдельно при помощи единообразной эмпирической процедуры, в основе которой лежат общие для всех языков семантические примитивы — базовые акциональные значения «состояние», «процесс», «вхождение в состояние» и др.;
- на семантические характеристики лексем, ответственные, в частности, за их сочетаемость с наречиями, могут оказывать влияние такие контекстные (в широком смысле этого слова) факторы, как наличие в предложении тех или иных аргументов или модификаторов, их семантические особенности и проч.

Материал адыгейского языка, не обсуждавшийся ранее в свете современной аспектологической проблематики, позволяет яснее увидеть и тщательнее

отделить друг от друга разные факторы, влияющие на аспектуальную интерпретацию предложения, и точнее определить вклад в нее каждого из них.

Сокращения

A — Агнс переходного глагола, ABS — абсолютный падеж, CAUS — каузатив, INF — соединительный показатель, INS — инструментальный падеж, INV — инверсив, IO — не прямой объект, LOC — локативный префикс, OBL — косвенный падеж, P — Пациенс переходного глагола, PL — множественное число, PST — Претерит, REL — релятивизатор, S — Субъект непереходного глагола, SG — единственное число

Литература

- Апресян 2003 — Ю. Д. *Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Мат-лы конф. Санкт-Петербург, 22—24 сентября 2003 г. / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2003. С. 7—21.
- Апресян 2006 — Ю. Д. *Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 75—109.
- Гишев 1989 — Н. Т. *Гишев*. Глагол адыгейского языка. М., 1989.
- Короткова 2004 — Н. А. *Короткова*. Видо-временная система адыгейского языка. Экспедиционный отчет. М., 2004.
- Падучева 1996 — Е. В. *Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004а — Е. В. *Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2004б — Е. В. *Падучева*. Накопитель эффекта и русская аспектология // Вопр. языкознания. 2004. № 5. С. 46—57.
- Плунгян 2000 — В. А. *Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Рогава, Керашева 1966 — Г. В. *Рогава*, З. И. *Керашева*. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- Татевосов 2002 — С. Г. *Татевосов*. Теория акциональности и марийский глагол // Лингвистический беспредел: Сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой / Под ред. А. Е. Кибрика. М., 2002. С. 95—105.
- Татевосов 2005 — С. Г. *Татевосов*. Акциональность: типология и теория // Вопр. языкознания. 2005. № 5. С. 108—141.
- Bache et al. (eds) 1994 — C. *Bache*, H. *Basbøll*, C.-E. *Lindberg* (eds.). Tense, Aspect and Action: Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology. Berlin, 1994.
- Bertinetto et al. 1995 — P. M. *Bertinetto*, V. *Bianchi*, J. *Higginbotham*, Ö. *Dahl*, M. *Squarini* (eds). Temporal Reference, Aspect and Actionality. Vols 1—2. Torino, 1995.
- Comrie 1976 — B. *Comrie*. Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge, 1976.

- Dahl 1985 — *Ö. Dahl*. Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
- Dahl (ed.) 2000 — *Ö. Dahl* (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin; N. Y., 2000. (EUROTYP, Vol. 6).
- Filip 1999 — *H. Filip*. Aspect, Eventuality Types, and Noun Phrase Semantics. N. Y., 1999.
- Klein 1994 — *W. Klein*. Time in Language. London; N. Y., 1994.
- Krifka 1989 — *M. Krifka*. Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen. München, 1989.
- Krifka 1998 — *M. Krifka*. The origins of telicity // Events and Grammar / Ed. by S. Rothstein. Dordrecht, 1998. P. 197—235.
- Smith 1991 — *C. Smith*. The Parameter of Aspect. Dordrecht, 1991.
- Tatevosov 2002 — *S. G. Tatevosov*. The parameter of actionality // Linguistic Typology. Vol. 6. 2002. № 3. P. 317—401.
- Tatevosov 2003 — *S. G. Tatevosov*. Imperfectivity, perfectivity and delimitativity. Paper presented at the *Workshop on Grammatical Polysemy «The Case of Russian Imperfective Aspect»*, University of Leipzig, February 2003.
- Verkuyl 1989 — *H. Verkuyl*. Aspectual classes and aspectual composition // Linguistics and Philosophy. Vol. 12. 1989. № 1. P. 39—94.
- Verkuyl 1993 — *H. Verkuyl*. A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure. Cambridge, 1993.

ТО, ДА НЕ ТО, А САМ НЕ ЗНАЮ ЧТО

Н. Д. Арутюнова

Статья посвящена употреблению дейктического местоимения (*не*) *то* в позиции ремы, преимущественно в предложениях идентификации и деидентификации (*Это то; Это не то*). В качестве материала были использованы тексты Достоевского, в которых местоимение (*не*) *то* выполняет определенную — стилистическую и концептуальную — функцию.

Но предварительно остановимся очень коротко на специфике местоимения *то*. Оно исключительно продуктивно и полифункционально в русском языке. Активизация употребления *то* имеет ряд причин, в том числе дискурсивных и формально-грамматических. *То* входит во множество разнообразных дискурсивных сочетаний (ср.: *а то; и то; а не то; а то нет; не до того; то-то; ну то-то же, то и дело, то ли дело, да и то, то бишь* и др.). Но сейчас для нас важнее грамматические значения *то*. Характерной особенностью русского синтаксиса является употребление *то* после глаголов, требующих предложного дополнения, если это последнее выражено придаточным. В функции «посредника» *то* употребляется в разных падежах; ср. *Он наблюдал за ходом работ* и *Он наблюдал за тем, как шли работы*; ср. также: *Мальчик был наказан за то, что сказал ложь; Никто не знал про то (о том), что здесь произошло*. Предлог в русском языке, в отличие от других и.-евр. языков, более отдален от союза. Он не может непосредственно сочетаться ни с придаточным, ни с инфинитивом, форма же герундия в русском языке отсутствует; ср. *после того, как он пришел* и англ. *after he came; after his coming*; исп. *después de venir (haber venido), después de que vino*. Употребление *то* в связующей функции явилось источником образования ряда союзов, союзных, адвербиальных и вводных слов: *потому что; оттого что; для того чтобы; ради того чтобы; вместо того чтобы; вследствие того что; несмотря на то что; вопреки тому что; из-за того что; при том что; зато; потом; затем; с тем чтобы; вместе с тем; вслед за тем; между тем; со всем тем; тем самым; во что бы то ни стало; и то сказать; как (что) бы то ни было; в том-то и дело* и др.

Практика такого употребления укрепила связь *то* с пропозицией (об использовании *то* в соотносительной функции см.: [КРГ 1989: 522 и сл.]). *Это*

любит брать на себя функцию посредника между субъектом и предикатом, *то* — между глаголом и зависимой от него пропозицией. Связь *то* с придаточным предложением имеет и другое следствие. Она видоизменила функцию *то*, сделав его показателем номинализации пропозиции и тем самым освободив от управляющего предложного глагола. В небрежной речи *то* встречается даже после беспредложных глаголов: *Я думаю (знаю) то, что ты обманываешь; Я забыл то, что хотел сказать.*

Роль *то* как номинализатора особенно очевидна в субъектной позиции. В составе подлежащего, а также дополнений эпистемических глаголов *то* может выполнять двоякую функцию — местоимения и номинализатора пропозиции, близкую к артиклевой. Это различие очевидно даже тогда, когда в обоих случаях *то, что* соотносительно с пропозицией, как это имеет место при глаголах речи. В предложениях типа «*То, что ты говоришь (сказал), правда*» *то, что* служит местоименным дополнением глагола *говорить*, замещающим высказывание (суждение) и передвинутым в субъектную позицию. Отсылка к акту речи может быть заменена экспликацией его содержания: *То, что Петр уехал в Бразилию, правда (факт, ложь).* В этом случае *то* является знаком номинализации пропозиции (о специфике и видах пропозитивного значения см. подробно [Арутюнова 1976: 70—80]; там же содержится обзор библиографии по теме). В обоих типах предложений *то, тот факт* соотносятся с пропозицией. Однако в одном случае *то* является номинализатором пропозиции, а в другом — местоименным эквивалентом суждения. Поэтому, хотя и в том и в другом контексте предикатом может быть истинностная оценка, она колеблется между первичной, относящейся непосредственно к суждению (связке), и вторичной, относящейся к семантике уже ранее введенного в текст суждения (событию, факту) или даже развернутому дискурсу, зависимому от глагола *говорить*. Ср.: *То, что Пушкин говорит сейчас с Онегиным, маловероятно (сомнительно, факт)* и *То, что Онегин рассказал о себе Пушкину, истинная правда (выдумка, ложь, хвастовство, *факт).* В этом втором случае сфера предикатов достаточно разнообразна: в нее входит все, что может характеризовать содержание текста: *Все то, что он рассказал, весьма сомнительно (неправда, вздор, интересно, занимательно, давно известно).* Предикаты же пропозитивного *то*-субъекта ограничены истинностной оценкой. Таким образом, в одном случае *то* — номинализатор предложения, соотносительный с его истинностным значением (связкой), в другом *то* — местоимение, соотносительное с дополнением переходного глагола. В русских грамматиках номинализирующая функция *то* не всегда четко отделяется от местоименной. Структура русского сложного предложения весьма раскованна, поэтому судить о ней бывает подчас рискованно (см. [Грамматика 1954: 294—298]).

В местоименной функции *то* располагает рядом возможностей употребления. В зависимости от семантики переходного глагола местоименное сочетание *то, что* может скрывать за собой разные объекты — конкретные и абстрактные; ср. *то, что ты принес, может пригодиться* (конкретный предмет); *то, что ты сказал, истинная правда* (пропозиция); *то, что я здесь наблюдал, возмутительно* (событие или процесс); *то, что вы говорите, наводит тоску* (содержание дискурса); *то, о чем вы говорите, запретная тема* (сюжет разговора) и т. п. Во всех приведенных примерах *то* занимает позицию местоименного субъекта, соотносительного с актантом глагольного сказуемого придаточного предложения.

Итак, местоимение *то* полифункционально. По своей грамматической активности Т-местоимения существенно превосходят своего партнера и соперника — Э-местоимения — *этот, эта, это, эти*. В Словаре Ушакова статья *тот* занимает более 3,5 столбцов, а статья союза и частицы *то* — около 2-х столбцов, в то время как статья *этот* лишь немногим превышает один столбец, а статья *это* занимает всего $\frac{3}{4}$ столбца. Язык предпочитает говорить про *то*, а не про *это*: про *это* говорят поэты. В грамматиках же обычно эти местоимения описываются как пара, в которой *этот* отсылает к близлежащему предмету, а *тот* — к более отдаленному. Ниже пойдет речь о местоимении *то*. Из всего множества употреблений *то* мы выбрали *не то*.

Говоря обобщенно, можно утверждать, что Т-местоимения используются преимущественно проспективно (или перспективно), а Э-местоимения — ретроспективно: *это* постоянно оглядывается назад, а *то* — любит заглядывать вперед; ср.: *Они расстались, и это всех огорчило* и *Меня огорчило то, что они расстались*. В языке XIX в. такое разграничение не было четким. Э-местоимения изредка употреблялись проспективно, чем подчеркивалась актуализация былого, ср.: *Но мой Онегин вечер целый Татьяной занят был одной. Не этой девочкой несмелой, Влюбленной, бедной и простой, Но равнодушною княгиней...* (Пушкин). Т-местоимения, напротив, нередко употреблялись ретроспективно: *Сердцу было сладко, и, странно, Алеша не удивлялся тому* (14, 22)¹. *Он меня сестрой назвал, и я никогда того не забуду* (14, 318). В приведенных предложениях теперь употребили бы местоимение *это*. В тех случаях, когда Т-местоимения имеют предметную референцию, они также часто употреблялись ретроспективно: *Так она удерживала Катю, а та не послушалась* (14, 143). В современной речи в таких контекстах предпочтение отдается личным местоимениям: *Мать удерживала Катю, но она не слушалась*. Однако когда прономинализации подлежат два имени, *тот* во избежание рефе-

¹ Здесь и далее отсылки к текстам Ф. М. Достоевского даются в круглых скобках с указанием тома и страницы по Полному собранию сочинений в 30 тт. (Л., 1972—1990).

ренциального конфликта сохраняет свою позицию, замещая обычно последнее существительное: *Граф дал барону пощечину, а тот вызвал его на дуэль; Иван заметил вора, когда тот переходил мост* [Кибрик 1987: 135—137]. В статье А. А. Кибрика систематизированы все виды анафорического использования Т-местоимений.

Ретроспективное употребление Т-местоимений иногда обнаруживает значение редукции, умаления или неоправданных ожиданий: *У Маши была только одна комната, и та маленькая; У Мити был только один друг, да и тот уехал в Африку; Маша очень любила мужа, а тот ее — не очень; Мы ждали Петю, а тот так и не появился*. Такое употребление, возможно, связано с тем, что ретроспекция особенно характерна для отрицательных контекстов: *Ах, как бы мне хотелось помириться с вашим мальчиком! ... Но теперь не про то, совсем не про то, слушайте* (14, 190); *Алеша подумал было, что он (старец) упал от бессилия, но это было не то* (14, 69); *Он знал, что старец и сам бы, без вопроса, ему разъяснил, если бы можно было. Но значит, не было на то его воли* (14, 72); *В исступление пришла? — Нет, не то... Там было совсем не то* (14, 142); *Не оттого ли, что боюсь быть убитым? Нет, совсем не то, совсем даже не то* (14, 270). Приведенные примеры показывают, что ретроспективное (*не*) *то* прочно вошло в язык, особенно диалогический. В предложениях типа *Это не то, что ты думаешь (предполагаешь)* оба местоимения ретроспективны, причем *это* обращено к теме (событию, происшествию, ситуации, суждению), а *то* — к реме предшествующего высказывания (его истинностному значению). Рема отстраняется как неистинная, оставляя вопрос об истинном положении дел открытым. Рематическая функция (*не*) *то* побуждает ожидать продолжения высказывания и утверждения истинного положения дел. Но это сделать не всегда просто. Тому есть несколько препятствий.

Первое связано с местом отрицания, во многом определяющим сферу его действия, см. подробно [Богуславский 1985: 39—82]. Присутствие отрицания в предложениях дезидентификации составляет синтаксически значимый фактор. Негатив часто семантически неполноценен. В положении не перед предикатом (связкой) он предвещает контраст: *С ними живет не дочь, а сын*. Отрицание в предложениях такого рода ставится непосредственно перед именем. В связочных предложениях настоящего времени не всегда ясно место отрицания: стоит ли оно перед связкой или перед предикативом, то есть выполняет ли оно общеотрицательную или контрастивную функцию. *Петя не дома* в принципе может соотноситься с двумя формами прош. времени: *Петя не был дома* и *Петя был не дома*. Первое не требует контраста, но оно допускает две интерпретации, обусловленные разным пониманием формы прош. времени как предшествующего ('не приходил домой') или одновре-

менного ('не находился дома в момент повествования'). Во избежание двусмысленности в русском языке для снятия контраста используется отрицательная форма бытийных предложений: *Пети нет дома; Пети не было дома*. Бытийные отрицательные предложения, в отличие от небытийных, не требуют уточнения; ср. *Петя не дома (а где?)* и *Пети нет дома*. Связочные предложения с местоименным предикативом еще более ограничивают возможности противопоставления. В них отрицание тяготеет к местоимению, а местоимения предельно сокращают возможности противопоставления (см. [Арутюнова 1990: 20—22]). Так, с негативом Т-местоимений непосредственно могут контрастировать только Э-местоимения, а также местоименные слова *другой, иной* или перифразы: *Не то, а это (а совсем другое, а что-то иное, а сам не знаю что)*; *Я живу не в том доме, а в этом*. Эти ограничения особенно чувствительны, когда в отрицательной форме стоит обобщающее местоимение *то*, денотация которого может охватывать целое высказывание и даже текст. *Не то*, как отмечалось, отсылает к предтексту и предваряет посттекст. Подсказывая контраст, отрицание перед местоимением препятствует его выражению. Поскольку возможности непосредственного противопоставления для местоимений ограничены, интерпретация *то* часто выходит за рамки одного предложения: *...Бывало, Когда гремел мазурки гром, В огромной зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком ...Теперь не то: и мы, как дамы, Скользим по лаковым доскам* (Пушкин). *Не то* маркирует поворот в событиях или синтаксический перебой в повествовании. Его интерпретация может выходить за рамки прямого контраста, *Теперь не то* подсказывает вопрос: *А что? Что же теперь?* Ответ на него дается в форме обособленного предложения или присоединяется сочинительным союзом *и*, реже *а*. Союз *а* выражает собственно противительные отношения, а союз *и* указывает на различия в признаках, часто с противительным оттенком. Например: *Ох, не забыл старинных я проказ! Теперь не то, не то, что прежде было! И молодежь, ей-ей — не так смела, И красота не так уж весела* (Пушкин). В этой фразе *не то* знак сопоставления и отчасти противопоставления нынешней ситуации былой.

В приведенном примере ощутимо еще одно свойство *не то*, препятствующее прямой реализации контраста. *Не то* есть, в сущности, усеченная форма, отстранившая от себя придаточное; ср.: *не то, что ...*. Опущенное придаточное скрывает за собой второй термин сравнения или условие, которому создавшееся положение не удовлетворяет, ср.: *Это не то, что прежде было; не то, что мне нужно; не то, чего я хочу; не то, что я думаю; не то, о чем я мечтаю* и т. д. *То* особенно часто выражает обобщение признаков объекта или класса объектов, удовлетворяющих модальности необходимости или желательности. Итак, *(не) то* — знак коммуникативного разрыва, затруд-

няющего последовательное продолжение текста (см. ниже примеры из прозы Достоевского). В этом смысле *не то* имеет дискурсивный статус. Модальный ореол, свойственный Т-местоимениям, чужд местоимению *это*, предпочитающему субъектную функцию. Такое распределение согласуется с ретроспективной ориентацией *это* и перспективностью местоимения *то*.

Итак, грамматическая специфика формы *не то* состоит в ее двойственности: 1) она может выступать в функции контрастного отрицания, и тогда ее завершением служит местоименная оппозиция, возможности которой очень ограничены (*возьми не то, а это*); 2) она может имплицировать придаточное (*это не то, что нужно; это не то, что ты думаешь; это не то, что я просил* и др.). Место придаточного, даже если оно опущено, не может быть занято расшифровкой *то*, то есть прямым указанием на его референцию. Оно открывает путь вперед, но на него не вступает. Приведем тому пример: *Право, иной раз, вначале, я иногда подумывал, что она всё еще считает меня за своего барина и боится, но это было совсем не то* (13, 382). В диалоге собеседник вправе задать вопрос: *Не то, а что? Что это было на самом деле?* Ответ на этот вопрос не может ограничиться простым введением отрицания: *Но она уже не считала меня своим барином и не боялась*. Контраст же, в котором осуществлен переход от признаков местоимений к обобщающему местоимению *то*, не сводим к снятию или введению отрицания. Логика естественного языка не всегда логична. Для русского синтаксиса характерны обрывы и разрывы в логических цепочках. Не случайно русские писатели времен авангарда нередко пользовались приемом так называемой рубленой, или «актуализирующей», прозы (см. [Арутюнова 1972: 189—200]).

Позицию субъекта при модализованном предикате иногда занимает также личное местоимение или имя собственное: *Он (Петр) совсем не то, что тебе нужно*. Однако *то* не может иметь денотацию к объекту, если в придаточном определительном стоят предикаты конкретного действия: **Это не то, что выполнит данную работу (что переплывет эту реку* и т. п.). Чем дальше предикат придаточного от значения конкретного действия, тем более естественна его сочетаемость с *не то*.

Итак, предложения типа *это (не) то* и их трансформы выражают значение признакового (квалификативного, сигнификативного) тождества, в отличие от тождества предметного (шире — денотативного).

П р и м е ч а н и е. Перестройка характерна для русского предложения не меньше, чем для русского общества. Перспективная функция Т-местоимений позволила им создать определенный синтаксический комплекс, в котором соединились в одно целое разные грамматические значения — идентификации, дезидентификации (негации), обобщения и модализации признаков. Однако в сфере лингвистического анализа, благодаря исследованиям Е. В. Падучевой, имеет место обратная ситуация: пер-

спективным оказалось местоимение *это*. Оно было детально проанализировано и его функции систематизированы в статье Е. В. Падучевой [Падучева 1982]. В ней описаны Э-местоимения в контексте всего множества конструкций, в которых они употребляются. Особенно пронизательно рассмотрены анафорические возможности местоимения *это*. Впрочем, местоимение *то*, указывающее на отдаленные объекты, было отдалено, но не удалено. В частности, Е. В. Падучева отмечает возможность предваряющей направленности *это*: «*Это* употребляется вместо более обычного *то* в составе сложного предложения изъяснительного — либо в случае препозиции его придаточной части, либо в качестве предваряющего местоимения: *Что у нас ладу нету в семье, это я сам чувствую; Это плохо, что ты уходил; Что ты сердилась, это меня огорчает*» (с. 85). Ср. также: «*То, что вы рассказываете, бесспорно, но этому трудно поверить*» (с. 88).

* * *

Теперь рассмотрим варианты предложений типа *Это (не) то* в сопоставительном аспекте. Проследим путь перехода от предложений, в субъекте которых стоит обобщающее *это*, а в предикате — *тот, та (это не тот человек)*, к предложениям с личным субъектом и обобщающим *то* в предикате: *Он теперь совсем не то, что прежде*. Такие предложения указывают не на неидентичность разных людей, а на изменения, произошедшие в человеке, на нетождественность его образов. Например: *О, это был не тот человек прежде, тысячу раз не тот, а теперь, а теперь!* (5, 290); ср. *Он раньше был совсем не такой (человек), как теперь; Он раньше был другой (человек)*. В приведенных предложениях обычно речь идет об изменениях к худшему. Стоит только перенести имя существительное (или местоимение) в субъектную позицию, и *тот*, оказавшись один в предикате, охотно уступит место обобщающей форме среднего рода *то*: *Это был не тот человек прежде — Этот человек (он) прежде был совсем не то, что теперь. Не то* охотно соединилось с *что*-придаточным. Например: *Конечно, я теперь седа, Немножко, может быть, горбата; Не то, что в старину была, Не так жива, не так мила* (Пушкин); (Онегин) *В своей одежде был педант И то, что мы назвали фронт* (Пушкин). Заметим, moreover, что в связочных предложениях может сохраняться согласование в роде и числе: *Она уже не та, что раньше*.

Предложения приведенного типа закончены, но не всегда однозначны. Рассмотрим высказывание *...Я здесь по ошибке; я не то, что вы думаете* (2, 67). Оно может быть понято как эквивалент предложения *Я не такой человек, за какого вы меня принимаете (каким вы меня считаете)* или *Я выполняю здесь не ту роль, которую вы мне приписываете*. Однако речь может идти и о дезидентификации разных объектов: *Я не тот человек, за которого вы меня принимаете*. На принципе *qui pro quo* построен сюжет повести Достоевского «Чужая жена и муж под кроватью». В нем предложения типа *Я не*

то... допускают разные толкования. Так или иначе, все предложения, предикат которых вводится местоимением (*не*) *то*, *что*, резюмируют сравнение, указывая на качественные различия состояний одного объекта, на различие в выполняемых объектом функциях или на несовпадение самих объектов. Специфика рассмотренных предложений заключается во взаимодействии значений характеристики и тождества.

Примечание. Разница между *то* и *такой* хорошо видна в следующем примере. Иван Карамзев говорит о феномене Христа: *Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе* (14, 231). Здесь *то* указывает на единичность и целостность объекта, а *такое* выделяет из целого совокупность главных признаков, роль которых уточняется в придаточном.

* * *

Итак, устанавливается синонимический ряд предикатов (или рем): (*не*) *такой* (*человек*) — (*не*) *тот* (*человек*) — (*не*) *то*. Нас интересует последний компонент ряда. В нем, сравнительно с первым членом, выражено значение, обобщающее признаки объекта или класса объектов, а сравнительно со вторым компонентом представлено значение всей совокупности релевантных признаков, то есть определен предел сходства или различия сопоставляемых объектов или свойств одного объекта в разные периоды его существования.

Однако ситуация сопоставления может существенно усложниться за счет двух факторов: употребления в субъекте обобщающего *это* и модализации предиката придаточного, определяющего *то*. Возникающие контексты можно условно свести к формулам: *Это то*, (*что нужно*) и *Это не то*, (*что нужно*), поместив между ними модальные операторы или интенсификаторы: *похоже на то*, *вроде бы то*, *как будто то*, *совсем не то*, *отнюдь не то*: *Это как будто совсем не то, что могло бы тебе помочь*. Приведенные формулы сообщают о правильном или неправильном выборе, о соответствии или несоответствии данного нужному или желанному. В контекстах приведенного выше типа присутствие придаточного ощутимо даже тогда, когда оно опущено, ср. *Это то самое лекарство (которое тебе поможет или о котором я тебе говорил)*. Особенно заметен дополнительный смысл в отрицательном контексте: *Это совсем не то (не то, что нужно; не то, что я просил; не то, чего мне хочется; не то, к чему я стремился)*. Иногда не эксплицированное придаточное появляется в реплике собеседника: ... — *Сударыня, это не то, не то, — сложил было умоляя руки Дмитрий Федорович. — То самое, Дмитрий Федорович, именно то, что вам надо, чего вы жаждете, сами не зная того* (14, 350).

Примечание. Аналогичное значение выделено в Словаре Ушакова под номером 6 в статье *тот*, которое толкуется следующим образом: «со словами *самый*, *именно* и без них. Такой, который вполне соответствует потребности, ожиданиям, предположениям, настоящий, нужный: *Сел не в тот поезд. Та это книга или опять не та? Та самая. На этот раз та. Именно та. Федот, да не тот*». Как видно из примеров, это значение ограничено сочетаниями с конкретными именами. В центре нашего внимания находится преимущественно обобщающее употребление местоимения *то*, отсылающее к совокупности качеств или скрывающее за собой «несказанное».

* * *

Благодаря форме ср. рода ед. числа, а также модальным коннотациям значение местоимения *то* очень широко. Оно образует своего рода фрейм, включающий серию ситуативных признаков и обстоятельств. В него могут входить одновременно объекты, их свойства и вызываемые ими ассоциации. Например, можно сказать девушке о претенденте на ее руку и сердце: *Это как раз то (что тебе нужно)*. Поставленное в субъекте дейктическое местоимение *это* имеет в качестве своего антецедента (точнее, денотата) как самого жениха, так и все, что ему сопутствует в предполагаемой роли. Поставленное в предикате *то* подразумевает некий идеал, который удовлетворил бы требованиям невесты. Так, сваха в «Женитьбе» Гоголя могла бы предварять представление невесте каждого нового жениха словами «Это то самое и есть» или «Это как раз то, что ты хочешь». Невеста же, после знакомства с претендентом, могла бы всякий раз коротко говорить: «Опять не то». Приведем, впрочем, пример из ранней прозы Достоевского, в котором *то* обобщения признаков, несмотря на форму среднего рода, непосредственно относится к одушевленному предмету, получающему в придаточном качественные характеристики: *Я — я не люблю его, потому что я могу любить только то, что великодушно, что понимает меня, что благородно* (2, 137). Переход от личного местоимения к указательному (от *его* к *то*) — знак перехода от личности к типу, от объекта к желательным для человека в данной роли свойствам: *то, что великодушно = такой человек, который великодушен = великодушный человек*. Местоимение *то* в приведенном предложении подразумевает не лицо как таковое, а, скорее, некоторую ситуацию, в центре которой находится человек. Не случайно в предложениях типа *это было (не) то* первый компонент может варьировать и его место занимать локальные и темпоральные наречия и местоимения *здесь, там, в том случае, тогда, тут* и др. Это обнаруживает характерное для русского языка сближение бытийных и связочных предложений; ср.: *Тут (тогда) было совсем не то* и *Это было совсем не то*. Такому сближению способствует форма обобщающего среднего рода, отнесенного не к предмету, а к ситуации или событиям, происходящим в некото-

рое время и в некотором месте. Таким образом, первый компонент вариативен. Его место может занимать местоимение *это*, личное местоимение, локативы, указывающие на ситуацию (*тут, там, здесь*), темпоральные обстоятельства (*тогда, в тот момент, в то время* и др.). Наконец, место первого компонента может оставаться незанятым, см. примеры ниже.

Итак, предложения типа *это (было) не то* весьма специфичны. Во-первых, в них отрицание примыкает к местоимению, а не к глаголу и тем самым получает контрастивное (а не общеотрицательное) значение. Однако, контраст указательных местоимений имеет ограниченные возможности выражения. Поэтому он реализуется за пределами одного высказывания в дальнейшем тексте. Во-вторых, предложения анализируемого типа соединяют в себе черты связочного предложения (дез)идентификации и бытийного предложения небытия.

Присоединенность к местоимению *то* дополнительного смысла (модального ореола) обеспечивает предложениям типа *Это то самое и есть; Это то, что нужно в данном случае законченность*. Несколько иначе обстоит дело с отрицательными предложениями, построенными по модели *Это не то*. Отрицание перед именами, субстантивированными придаточными и дейктическими местоимениями требует противопоставления, выражающего другое мнение или исправляющего ошибку: *Не то беда, что ты поляк: Костюшко лях, Мицкевич лях! ... Беда, что ты Видок Фиглярин*; вариант: *Не то беда, Авдей Флюгарин, Что родом ты не русский барин. ... Беда, что скучен твой роман* (Пушкин). *То* должно быть расшифровано. Если противопоставление отсутствует, то высказывание может быть воспринято как семантически незавершенное. Человек чувствует *не то*, но *то* остается для него загадкой. В высказывании содержание *то* не разъясняется. Говорящий может произносить высказывание с интонацией завершенности, то есть с падающим в конце тоном, при том что сохраняется высокий регистр. Интонация обнаруживает двойственность высказываний анализируемого типа. Они не требуют завершения, но наводят на размышления. Рассмотрим более внимательно виды высказываний, построенных по модели (*это) не то* в текстах Достоевского, для которых очень характерна незавершенность предложений, идей, мыслей и даже образов героев. «Беда до конца высказываться. ... Недоговаривать лучше», — считал он (23, 58). Однако неэксплицитность мыслей не должна скрывать их от читателя. «Хоть и не объяснять словами всю владычествующую идею..., но чтоб читатель видел...» (9, 133—124). Несколько в другой связи Достоевский замечает: «Стоило бы вспоминать лишь почаще о золотом правиле, что высказанное слово серебряное, а невысказанное — золотое» (21,73). Таков был метод Достоевского, но с течением лет попытки проникновения в его золотые слова все чаще обращают их в серебряные.

Начнем с простых случаев. Первый член противопоставления (*это, тут, в этом случае, тогда*) обычно разъяснен в предтексте. *То* имеет детерминированный субъект, само же оно лишено семантической определенности. Например: *О, я слишком знал и тогда, что я всегда начинал любить твою маму, чуть только мы с ней разлучались, и всегда вдруг холодел к ней, когда опять с ней сходились; но тут было не то, тогда было не то* (13, 384). *Не то* значит что-то другое, но что именно, говорящий затрудняется определить. «Партнером» *то* может быть субъективная интерпретация события или поступка. Например: *Старец шагнул по направлению к Дмитрию Федоровичу и... опустился перед ним на колени. Алеша подумал было, что он упал от бессилия, но это было не то* (14, 69). Позднее старец Зосима разъясняет, что именно заставило его преклонить перед Дмитрием колени: «Я вчера великому будущему страданию его поклонился» (14, 258); ср. также: *Не знаю, просто ли он болтал со мной, потому что не с кем ему поболтать. Но, казалось, что, как будто, не то* (16, 279). В приведенных контекстах *не то* эквивалентно *не так*, указывающему на ошибочность предположения. Но повторные *не то* маркируют шаги к скрытой за *то* истине. Это можно показать на следующем примере. Иван Карамазов пытается установить причину внезапно охватившей его тоски: *Не в тоске была странность, а в том, что Иван Федорович никак не мог определить, в чем тоска состояла <...> И все-таки в эту минуту, хотя тоска нового и неведомого действительно была в душе его, мучило его вовсе не то. «Уж не отращение ли к родительскому дому? — подумал он про себя. — Похоже на то...». Но нет, и это не то. Уж не прощание ли с Алешей и бывший с ним разговор... Конечно, и это было, то есть эта досада даже непременно должна была быть, но и это было не то, всё не то. «Тоска до тошноты, а определить не в силах, чего хочу». ...Достиг родительского дома... и вдруг... разом догадался о том, что его так мучило и тревожило. На скамейке у ворот сидел <...> лакей Смердяков* (14, 241—242; курсив мой. — Н. А.). Повторное *не то* во внутреннем диалоге Ивана раскрывает метод проб и ошибок в поисках истины. Во всех приведенных контекстах *не то* стимулирует поиск того самого, которое должно попасть в точку: противовесом *не то* является *то самое* или *именно то, как раз то*.

Не то — то самое образуют модель спора. Приведем в качестве примера ссору между Степаном Трофимовичем и Варварой Петровной в романе «Бесы». «Когда дорогой в Петербург я вам объявила, что намерена издавать журнал <...>, вы тотчас же поглядели на меня иронически и стали вдруг ужасно высокомерны. — *Это было не то, не то...* мы тогда боялись преследований... — *Это было то самое*, а преследований в Петербурге вы уж никак не могли бояться» (10, 263). Продолжая свои упреки, Варвара Петровна говорит: «— <...> а когда я... заговорила с вами потом о впечатлении после Мадонны,

вы не дослушали и высокомерно стали улыбаться в свой галстук <...> — *Это было не то, вероятно не то... J'ai oublié. — Нет, это было то самое*» (10, 264; курсив везде мой. — Н. А.). Формулой *не то* Степан Трофимович отводит упреки Варвары Петровны, но за отводом не следует оправдание. Смысл фразы остается незавершенным. Иначе говоря, *не то* ведет в неведомое (см. подробнее ниже).

Итак, в предложениях типа *это не то* происходит сопоставление двух сущностей: данной и желаемой, неведомой, истинной. Сравнимые сущности могут быть весьма различны и даже не вполне однородны. Поэтому дифференциальный признак между ними не всегда устанавливается. Указывается лишь на степень несоответствия данного желаемому. При этом искомое (*то*) представлено как единственное, не допускающее разброса. Именно единичность искомого ставит его в отношение тождества (а не характеристики) к субъекту. *То самое* как бы отвергает свободу воли при выборе. Мы не имеем в виду бытовой выбор из компаративных классов с вполне конкретной целью. В мире свобода выбора легко оборачивается свободой делать ошибки. Свободный выбор предполагает как бы «вольное хотение» подпольного парадоксалиста Достоевского, или свободу игрока ставить на *goûce, zéro* или *manque*.

В социальных ситуациях истина постоянно ускользает от человека. Его отталкивает *не то*, его манит и привлекает *то*, которое в ходе своего осуществления постоянно оказывается *не тем*. Не случайно в текстах Достоевского мы встречаем *не то*, и лишь редко оно приводит к *тому самому*. Укороченная дорога редко ведет к добру. Религия дает человеку лаконичные заповеди, удлиняющие его «укороченные» действия. Эта мысль в разных вариантах проходит через все романы Достоевского.

Приведем тому пример. В романе «Бесы» высказывание *Это не то* является ключевым в сцене убийства Шатова. Оно повторяется несколько раз Виргинским — возможно, наименее испорченным из сообщников Петра Верховенского. Об этом говорит его фамилия, восходящая к лат. *virgo* ‘дева’, *virgineus* ‘девственный’. Виргинский потрясен случившимся. Он смотрит на тело Шатова «с каким-то особенным и как бы посторонним любопытством; (...) Когда же камни были подвязаны, а Петр Степанович приподнялся, Виргинский вдруг задрожал весь мелкою дрожью, сплеснул руками и горестно воскликнул во весь голос: — *Это не то, не то! Нет, это совсем не то!*» (10, 461). Через несколько минут крик звучит снова: «...и только уже у самого пруда Виргинский, нагибаясь под ношей... вдруг воскликнул опять точно таким же громким и плачущим голосом: *Это не то, нет, нет, это совсем не то!*» (с. 462). Наконец, уже вернувшись домой, он, «ломая руки, бросился ничком на кровать и всё повторял, сотрясаясь от конвульсивных рыданий: „*Это не то, не то; это совсем не то!*“» (10, 507; курсив везде мой. — Н. А.).

В подготовительных материалах к роману читаем: «Виргинский серьезный социалист. Он говорит: „Я бы умер за это“. Он отстраняется от Нечаева и Инженера: „*Это не то*“. (...) Виргинский, уже убивая, на месте в роще говорит про себя: „*Это не то, не то*“» (11, 310; курсив автора). Таким образом, несмотря на свою преданность делу, Виргинский отходит от борьбы, ведущейся не теми методами. *Это* оказалось не *то*. Ставка на *route* была проиграна. Герои Достоевского часто напоминают неудачливых игроков. Не случайно Игрок в конце повести говорит: «Все это покамест *не то*» (5, 315).

Вернемся к «Бесам». Что же и с чем сопоставляет Виргинский? Он сопоставляет замысел и действительность, цель борьбы с ее методами, выбранный идеал с коротким путем к нему, бросающим тень на саму цель. *Это* — данность (убийство как путь к идеалу), *то* — путь, который бы соответствовал цели. Виргинский его не определяет. Сама структура высказывания, как уже отмечалось, этого не предполагает. За дейктическим местоимением *не то* может следовать только оппозиция, оценивающая субъект (*это*), но не эксплицирующая адекватный *modus actionis*; ср. *Это не то, а что это?* — *Это преступная акция, которая не может вести к нашей цели. ?Это не то, а преступление.* Но если за *то* следует придаточное определительное, то сама суть вопроса меняется. Ответ на него состоит не в правильной идентификации субъекта, а в поисках другого способа выполнить нужную задачу. *Это не то.* — *А что есть то?* — *Сам не знаю что.* Логическая связность не привела диалог к финалу.

Итак, в приведенном предложении осуществляется дезидентификация реального и идеального, причем это последнее представлено как единичное, но еще не найденное. Человек должен следовать *единственно* верному пути, а не *шататься* по любым тропам и тропинкам, лишь бы они приближали его к цели. Идея шатания и шатости проходит через все тексты Достоевского [Арутюнова 2005]. Не случайно именно после убийства *Шатова* Виргинский *отшатнулся* от своих единомышленников. Напомним, что в подготовительных материалах к роману соответствующий персонаж фигурирует под фамилией *Шапошников*. Замена фамилии, надо полагать, не была случайной. Таким образом, *не то* в приведенном контексте указывает на ошибку в выборе пути, а *то* скрывает за собой правильный, но упущенный путь. Борьба за осуществление идеи становится борьбой *против* врагов идеи, средства которой в атеистическом обществе не имеют этических ограничений. Не только практические, но и возвышенные цели, идеи и идеалы постоянно приходят в противоречие с возможными способами их достижения. Позитивная идея вырождается на пути к ее осуществлению. Сюжет и основная проблема романов Достоевского, особенно таких, как «Преступление и наказание» и «Бесы», формируются колебанием весов, на одну чашу которых положена цель, а на

другую путь к ней. Эта тема ясно прослеживается и в последующих романах. Цель и метод, идея и ее воплощение, замысел и его реализация, как правило, этически не согласованы между собой. Это одна из основных проблем, тревоживших героев Достоевского и по-разному ими решаемая (ср. размышления на эту тему Раскольникова, отца и сына Верховенских, Кириллова, Шатова, концепцию Шигалева, в которой на смену этике пришла арифметика). Неизбежность зла как бы вызвана безоглядной устремленностью человека к добру.

Человек не может попасть «в точку» и в более простых жизненных ситуациях, и это ведет к неудачам, неловкостям, ошибкам, *mal à propos*, конфузам, «скверным анекдотам», и даже печальным исходам. Так, пойдя на свадьбу своего подчиненного, генерал становится героем «скверного анекдота»: «Одним словом, *все это было не то, совсем не то*, но Иван Ильич далеко еще не хотел в этом сознаться» (5, 25; курсив мой. — Н. А.). См. также (8, 483).

У одра Настасьи Филипповны Мышкин не может найти нужный тон и модус поведения: «Новое, грустное и безотрадное чувство сдавило ему сердце; он вдруг понял, что в эту минуту, и давно уже, *всё говорит не о том, о чем надо ему говорить, и делает всё не то, что бы надо делать*» (8, 505; курсив мой. — Н. А.). Неумение вести себя адекватно ситуации характерно для Мышкина и при более простых обстоятельствах. Ему легко найти общий язык с детьми, но он почти всегда отделен и отдален от окружающих его людей. Приведем тому пример. Когда Мышкин взволнован, охвачен каким-либо чувством, он иногда изливает его, так сказать, не тому адресату.

«— Евгений Павлыч, — сказал он [Мышкин] с странною горячностью, схватив его за руку, — будьте уверены, что я вас считаю за самого благороднейшего и лучшего человека, несмотря ни на что; будьте в этом уверены (...) Евгений Павлович даже отступил на шаг от удивления (...) — Бьюсь об заклад, — вскричал он, — что вы, князь, *хотели совсем не то сказать, и, может быть совсем и не мне...* — Может быть, очень может быть, и вы очень тонко заметили, что, может быть, я не к вам хотел подойти! — Сказав это, он как-то странно и даже смешно улыбнулся» (8, 282; курсив мой. — Н. А.).

Придя как бы из другого мира в общество, отношения в котором регулируются определенными правилами, Мышкин постоянно попадает впросак: он говорит и делает *не то*. Его образ воспринимается как своего рода соотношение *того самого и не того*, поскольку и сам он слегка *не того* (прошу прощения за каламбур): *не то*, характеризуя его со стороны социального поведения, в то же время выявляет в нем *то* — его внутреннюю причастность к истине. Когда Мышкин делает или говорит *не то*, *то* может относиться одновременно к нарушаемому им социальному этикету и к той сущности, которая не находит адекватного себе выражения.

Раскольников также в трудной для него ситуации постоянно делает и говорит *не то*: «— Соня, у меня сердце злое, ты это заметь: этим можно многое объяснить. Я потому и пришел, что зол. Есть такие, которые не пришли бы. А я трус и... подлец! Но... пусть! *всё это не то*» (6, 318; курсив мой. — Н. А.). *Не то* в словах Раскольникова отстраняет объяснения его прихода, причина которого скорее спонтанна, чем обдуманна. В разговоре с Дуней он говорит: «...если бы мне удалось, то меня бы увенчали, а теперь в капкан! — *Но ведь это не то, совсем не то!* Брат, что ты это говоришь! — А! не та форма, не так эстетически хорошая форма!» (6, 400, курсив мой. — Н. А.).

Приведем пример, в котором *не то* как бы делает шаг от неопределенности в сторону непознаваемости, непроницаемости некоторых сфер для человека. Речь идет об иных мирах. Напомним, что «русские мальчики», по словам Ивана Карамазова, любили рассуждать «о мировых вопросах: есть ли Бог, есть ли бессмертие» (14, 213). Между тем именно эти разговоры табуированы, ибо они ведут человека по ложным путям (о табу у Достоевского см. [Meerson 1998]). Вот что говорит об этом Мышкин: «Утром ехал по одной новой железной дороге и часа четыре с одним С-м проговорил, тут же и познакомился. ...В Бога он не верует. Одно только меня поразило: что он вовсе как будто *не про то говорил*, во всё время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, всё мне казалось, что *и говорят они и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то*. Я это ему тогда же и высказал, но, должно быть, неясно или не умел выразить, потому что он ничего не понял...» (8, 182; курсив мой. — Н. А.). Отвечая на вопрос Рогожина о вере, Мышкин говорит еще яснее: «...Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут *не про то* говорить» (там же, с. 184; курсив автора). Здесь уместно напомнить о двойственности религиозной истины, утверждавшей Аверроэсом. Вера в Бога и иные миры существует как стихийное чувство. В переводе на язык рациональных понятий она становится разговором *не о том*. Иррациональное безъязыко. Поэтому обращение к нему ведет к сдвигу в самой теме, к ее рационализации, допускающей рассуждение. За местоимением *то* стоит тайна «иных миров», которой не следует касаться.

Итак, *не то* проходит через все множество ситуаций, описываемых в произведениях Достоевского. Оно как бы является символом несоответствия человека тому миру, в котором он живет, о чем особенно ясно свидетельствует образ Мышкина. Оно указывает на сбой в межличностных отношениях и социальном поведении, в выборе жизненной позиции, в интерпретации собы-

тий, в понимании себя и своего пути, в понимании Другого, в решении этических проблем, в выборе методов и способов для достижения личных или социальных целей. Оно, наконец, говорит о бессилии человека в суждениях о вере и бытии Божиим. Что же скрывает за собой *то* в отвлечении от отрицания? Оно остается в тени. В простых случаях *то* выводимо из контекста, в сложных оно относится к сфере вечно искомого или непостижимого. В поле зрения человека попадает множество *не-то*, которое следует отделить от истинного *то*. Плюрализм грозит обернуться свободой выбора из этого множества.

Местоимение *то* в своем первичном значении дейктично или анафорично. Оно указывает на определенный, присутствующий в тексте или прагматической ситуации объект. Но если ему сопутствует модальный ореол желаемого, должного или необходимого, он снимает определенность, превращая данное в искомое, ясное — в туманное, определенное — в неопределенное. Данное становится *не тем*. Происходит своего рода инверсия *то* и *не то*: *то* в составе *не то* переходит в сферу смутно чаемого, в цель поиска, идеал, истину, а *не то* — в реально существующее. Категория неопределенности внедряется в зону определенности, создаваемую дейктическими знаками, которые при этом передвигаются в предикатную позицию (*это совсем не то, что нужно*), либо берут на себя функцию ремы (*тут было совсем не то*). Неопределенность влечет за собой изменение коммуникативной направленности высказывания.

Оппозиция *то* — *не то* чрезвычайно характерна для текстов Достоевского. Это не случайно. Достоевский постоянно сравнивает и противопоставляет воображаемое — мир фантазии и мечты — и наблюдаемое, замыслы и их воплощение в жизнь, мир земной — и иные миры. Взаимодействие разных миров, их схождение и расхождение ведет к тому, что реальное и воображаемое, мечта и идея попеременно представляются как *то* или как *не то*, а иногда как *то, да не то*, события же сплошь и рядом происходят *так, да не так*. Позволим себе привести пример, иллюстрирующий сказанное. Герой романа «Подросток» говорит о себе: «Самая яростная мечтательность сопровождала меня вплоть до открытия „идей“, когда все мечты из глупых стали разумными и из мечтательной формы романа перешли в рассудочную форму действительности» (13, 73). Вскоре, подводя итог приобретенному жизненному опыту, Аркадий говорит: «Я все это напредставил и выдумал, а оказывается, что **в мире совсем не то**» (13, 164). Точно то же говорит он о романе своих родителей — Версилова и Софьи Долгорукой (13, 12).

Не то — общий и всеохватный символ мыслей, идей и теорий основных героев Достоевского, а также того, что происходит в результате их воплощения в жизнь. Жизнь и действия Версилова, Раскольникова, Ставрогина, Верховенских — отца и сына, Дмитрия и Ивана Карамазовых, равно как и их от-

ца, и даже князя Мышкина, не говоря о менее значимых персонажах, могут быть почти на всех этапах развития охарактеризованы как *не то*.

Но есть другая сфера деятельности, в которой, согласно теории Достоевского, *не то* — невозможно. Это сфера искусства. В статьях об искусстве, помещенных в первом номере журнала «Время», Достоевский настойчиво утверждал: «Главное в том, что искусство всегда в высшей степени верно действительности (...) оно не только всегда верно действительности, но и не может быть неверно современной действительности. Иначе оно не настоящее искусство. В том-то и признак настоящего искусства, что оно всегда современно, насущно-полезно» (18, 101). В жизни человек постоянно творит и говорит *не то*, но высокое искусство этого не допускает.

В заключение напомним, что форма среднего рода ед. числа *то* в именной позиции и при наличии модального ореола отсылает не к конкретным предметам или событиям, а к совокупности их признаков, то есть близка по значению к местоимению *так*. Это особенно заметно в безличных предложениях типа *Тут что-то не то (не так)*. Употребление *то* примыкает к излюбленной Достоевским категории неопределенности, а употребление *так* — к категории произвольности, неудержимости действий, также характерной для Достоевского.

Литература

- Арутюнова 1972 — Н. Д. Арутюнова. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 189—199.
- Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1990 — Н. Д. Арутюнова. Высказывание в контексте диалога и чужой речи // *Revue des études slaves*. Paris, 1990. Vol. 64, fasc. 1—2.
- Арутюнова 2005 — Н. Д. Арутюнова. Колеблющийся мир Достоевского: между образом и концептом // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.
- Богуславский 1985 — И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Грамматика 1954 — Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.
- Кибрик 1987 — А. А. Кибрик. Механизмы устранения референциального конфликта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 128—145.
- КРГ 1989 — Краткая русская грамматика. М., 1989.
- Падучева 1982 — Е. В. Падучева. Значение и синтаксические функции слова *это* // Проблемы структурной лингвистики, 1980. М., 1982. С. 76—90.
- Meerson 1998 — O. Meerson. Dostoevsky's Taboos. Dresden; München, 1998.

ПРИЧИНА В ЛОГИКЕ И В ЯЗЫКЕ*

О. Ю. Богуславская

Е. В. Падучевой — с неизменным восхищением

0. Введение

Работа продолжает цикл исследований причинно-следственных отношений и способов их выражения в русском языке в русле традиций Московской семантической школы. Общий подход к проблеме представлен в статье [Богуславская, Левонтина 2004].

Причинно-следственные отношения связывают две ситуации, исходную и производную. Эти ситуации наиболее естественным образом описываются пропозициями. Если каждая из двух пропозиций описывается целым предложением, а на причинно-следственную связь указывают, например, союзы *потому что*, *так как* или предлог *из-за*, вводящий придаточное типа *то, что*, особых синтаксических трудностей не возникает.

(1) *Ветер дует, потому что деревья качаются.*

(2) *Ветер дует из-за того, что деревья качаются.*

Но имеется много существительных, так или иначе указывающих на причинно-следственную связь. Это *причина*, *предпосылка*, *повод*, *предлог*, *основание*, *мотив*, *мотивация*, *мотивировка*, *стимул*, *толчок*, *фактор*, *результат*, *итог* и под. В этих случаях пропозиция поневоле должна быть свернута, вступают в силу многочисленные ограничения, частично имеющие син-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Программы фундаментальных исследований ОИФИ РАН «Русская культура в мировой истории», Российского гуманитарного научного фонда, грант № 06-04-00289а «Разработка словаря и проспекта Активного словаря русского языка», а также гранта для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-3205.2008.6. Автор приносит свою глубокую благодарность коллегам, обсуждавшим и критиковавшим разные версии этой работы на семинарах сектора теоретической семантики Института русского языка РАН.

таксический характер. Кроме того, многие однозначные причинные слова имеют стилистические ограничения.

А людям свойственно искать в окружающей действительности и отмечать причинно-следственные связи. Часто понять ситуацию — это и значит установить эти связи. Недаром маленьких детей зовут почемучками из-за бесчисленных вопросов, начинающихся с *почему*, которые они, постигая мир, задают взрослым. И взрослые, и дети подчас склонны злоупотреблять установлением причин, объективируя причины своих действий, чтобы эти действия оправдать.

(3) — *Ты зачем фломастером скатерть пачкаешь? — А это потому, что ты его не убрал!*

Поэтому возникает противоречие между именными средствами выражения, имеющими часто книжный, необходимый характер, и обыденностью, обычностью потребности устанавливать причинно-следственную связь.

Обычное, близкое к естественнонаучному представление о причинно-следственной связи между двумя явлениями предполагает, что при условии существования исходной ситуации обязательно реализуется и определенная производная ситуация. В языке логики такому представлению о причине соответствует понятие импликации. Этот тип связи представлен в примерах (4) и (5).

(4) *Дунуло еще раз, и тогда, открыв глаза, Левий увидел, что все в мире, под влиянием ли его проклятий или в силу каких-либо других причин, изменилось* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита);

(5) *Причина этой болезни... не микроб... — Вирус* (А. Найман, Сэр).

В примерах подобного рода причинно-следственное отношение предполагает двух «участников», исходную и производную ситуации. Эти две ситуации следуют одна за другой на временной оси (ср. (4)) или существуют одновременно, ср. (5):

(5) *Река постепенно утрачивает способность к самоочищению. По этой причине (= поэтому) в зимний период при дефиците кислорода в воде гибнет не только семга, но и сиг, хариус, нельма* (О. Ларин, Югид Ва).

Но этот тип употребления причинных слов вовсе не является наиболее распространенным. Гораздо чаще встречаются указания на причины действий человека. Ср. (6) и (7):

(6) *Это еще не причина для разговоров о смерти и тому подобном* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне);

(7) *У него были основания обидеться и уйти, но он этого не сделал.*

В рассмотренных выше примерах (1), (2), (4), (5) и (6) причинные слова описывают объективную связь между двумя ситуациями, не зависящую от воли человека. Там, где мы имеем дело с причинами действий субъекта, воля субъекта может противостоять действию причины (см., например, (7)). В таких случаях, когда исходная ситуация так или иначе воздействует на субъекта производной ситуации и реализация производной ситуации зависит в том числе и от воли субъекта, мы будем говорить о субъективной причине и субъективных причинно-следственных отношениях¹.

Настоящая объективная причина участвует в описании в первую очередь природных явлений, и человека — лишь как части природы. Но только небольшая часть причинных слов в русском языке призвана выражать причинно-следственные отношения такого рода. Примечательное многообразие лексических манифестаций причины появилось для того, чтобы описывать ситуацию, когда внешняя причина воздействует на эмоции и разум человека и вынуждает его не столько действовать, думать или чувствовать определенным образом, сколько выбирать, как он будет реагировать на внешний вызов.

1. Лексические средства выражения причины

Субъективная и объективная причина противопоставлены в русском языке по способам выражения. Лексические средства делятся по этому признаку на четыре группы. 1) Лексические средства, выражающие в рамках одного значения и объективную и субъективную причину; 2) лексические средства, выражающие только объективную причину; 3) лексические средства, выражающие только субъективную причину; 4) стоящее особняком слово *причина*, в первом, основном своем значении выражающая объективную причину, а в другом значении — причину субъективную. Рассмотрим разные группы лексики, уделив особое внимание слову *причина*.

Союзы *потому что, так как* способны выражать как объективную, так и субъективную причину. Причем нет никаких оснований, считать, что при этом мы имеем дело с многозначностью. Ср. пары а) и б):

- (8а) *Я молчал, потому, что не мог выговорить и звука разбитой челюстью* (Ф. Незнанский, Э. Тополь, Журналист для Брежнева);
- (8б) *Я промолчал, потому что боялся себя выдать*;
- (9а) *Я молчал, так как не мог выговорить и звука разбитой челюстью*;
- (9б) *Я промолчал, так как боялся себя выдать*.

¹ Следует подчеркнуть, что субъективная причина, которая является основным предметом обсуждения в настоящей статье, субъективна не для говорящего, а для субъекта производной ситуации, поскольку у него остается свобода выбора — подчиняться давлению обстоятельств или сопротивляться им.

Лексико-функциональные глаголы с чисто причинным значением распадаются на две группы: глаголы *вести*, *приводить* и *влечь за собой* указывают на то, что при условии существования исходной ситуации обязательно реализуется и определенная производная ситуация, то есть выражают объективную причину.

- (10) *Начавшееся окисление ведет к образованию эфирных масел, отвечающих за запах и вкус конечного напитка* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 36);
- (11) *А не приводят ли мои рассуждения о юморе к некоторой опасной потере чувства юмора?* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема);
- (12) *Хвастовство не влечет за собой никаких неприятных последствий* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора). Ср. также неприемлемые сочетания **вести* (<**приводить*) к *беспокойству*, **влечь за собой чувство страха*.

Глаголы *вызывать*, *порождать*, *рождать* и *обуславливать*, в отличие от рассмотренных выше, указывают либо на объективную связь между ситуациями, не зависящую от воли людей, либо на то, что исходная ситуация так или иначе воздействует на субъекта производной ситуации, который в принципе может сопротивляться этому воздействию. Ср. пары (13)—(16), где примеры серии а) иллюстрируют объективную причинную связь, а примеры серии б) — субъективную.

- (13а) *Увы, ранения, вызвавшие ее смерть, не соответствовали очень легким повреждениям, которые потерпел автомобиль* (В. Набоков, Лолита);
- (13б) *Это тонкое замечание вызвало полное сочувствие у женской части аудитории* (Б. Акунин, Пелагия и белый бульдог);
- (14а) *Вегетарианство не только обедняет человеческий организм, не предоставляя ему необходимых питательных веществ, но и даже несет прямую угрозу его существованию, порождая различные заболевания* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 7);
- (14б) *Эти постоянные искания приюта порождали странное чувство бездомности* (В. Набоков, Другие берега);
- (15а) *Минувшие десятилетия оснастили наш политический и экономический язык терминологией фронта. Иначе, видимо, и быть не могло: казарменные методы управления рождали соответствующий стиль* (Политическая метафора);
- (15б) *Произведение литературы только тогда становится близким читателю, когда оно рождает отклик в душе* (Б. Панкин, Человек начинается с утра);

- (16а) *Радуга первого порядка, которую обычно наблюдают после дождя, обусловлена резким увеличением интенсивности рассеянного света при угле 138° ; она намного ярче радуг более высоких порядков* (Уппсальский корпус);
- (16б) *Самооценка поэта, вернее его отношение к своим стихам в период работы, всегда пристрастна и обусловлена множеством сложных причин* (Н. Мандельштам, Воспоминания)².

В русском языке имеется большое количество причинных предлогов. Их семантика подробно описана в работе [Иорданская, Мельчук 1996] и словарной статье И. Б. Левонтиной в [НОСС 2000; 2004]. Противопоставление объективной и субъективной причины существенно для предлогов *вследствие*, *в результате*, описывающих объективную причину, и *ввиду*, указывающего на субъективную причину³.

Важно определить отношение к противопоставлению объективного/субъективного причинно-следственного отношения для слова *причина* — основной манифестации рассматриваемого концепта.

Как показано в работах [Богуславская 2003; 2004; Богуславская, Левонтина 2004], слово *причина* в русском языке многозначно. Основное семантическое различие между лексемами *причина 1* и *причина 2* как раз и состоит в противопоставлении объективной (*причина 1*) и субъективной причины (*причина 2*). В пользу такого решения можно привести не только семантические аргументы. *Причина 1* и *причина 2* различаются набором валентностей, разными способами выражения одинаковых валентностей, соотношением единственного и множественного числа. Имеются также многочисленные сочетаемостные различия.

Очень важен для противопоставления двух лексем состав валентностей. Лексема *причина 1*, указывающая на объективную причинно-следственную связь между двумя ситуациями, имеет две валентности: валентность исходной ситуации и валентность производной ситуации. Валентность производной ситуации выражается существительным в родительном падеже (*причина смерти, причина землетрясения*) или — реже — дательным падежом.

- (17) *Озон сильно убывает в стратосфере и несколько возрастает внизу, в тропосфере. Причин тому несколько — и естественных, и связанных с вмешательством человека* (Уппсальский корпус).

У лексемы *причина 2* — три валентности: валентности исходной и производной ситуаций, а также валентность субъекта.

² См. подробнее о семантических противопоставлениях в этой группе глаголов в [Богуславская 2005].

³ См. об этом в работе [Богуславская, Левонтина 2004].

Хотя валентность субъекта при *причине 2* не может быть выражена непосредственным синтаксическим зависимым, но она часто выражается предложно-именной группой *у + РОД*, подчиненной лексико-функциональному глаголу. При этом возможно и присоединение к этой лексеме притяжательно-возвратного местоимения *свой*.

- (18) *У заведующей отделением Ф. Бородиной причина [чтобы просить о помощи] самая что ни на есть обыденная — не работает домашний телефон (Уппсальский корпус).*

Более того, можно найти примеры, где привязанность причины к субъекту производной ситуации выражается притяжательными местоимениями.

- (19) *Начиная с середины 90-х общая наша знакомая (...) стала регулярно и настойчиво убеждать меня, что я «должен» это сделать. Так как ее причины, почему я «должен», не были моими, то в споре со мной ей приходилось подверстывать свои доводы под ту простую логику, что «должен», потому что «могу» (А. Найман, Сэр)⁴.*

Валентность производной ситуации, которая имеется у обоих лексем, при лексеме *причина 2* имеет больше способов выражения. Она может быть выражена не только родительным падежом, но и, если *причина 2* подчинена лексико-функциональным глаголам типа *быть* (в экзистенциальном значении или в функции связки), *иметь*, *давать*, *видеть*, *послужить*, *найти*, *найтись*, — инфинитивом, придаточным предложением, вводимым союзом *чтобы*, а также дательным падежом и предложно-именными группами *для + РОД* и *к + ДАТ*.

- (20) *Если у тебя есть серьезные причины остаться у себя, хотя на Сивцево вам будет в тысячу раз удобнее, ты должен ей сказать, и basta (В. Каверин, Два капитана);*
- (21) *У меня были свои причины, чтобы избежать встреч с нею;*
- (22) *Причин этому [исчезновению банд] несколько: и ужесточение политики карающих органов, приведшее к просто физическому уничтожению «цвета» питерского бандитизма, и эмиграция тех, кто успел скопить хоть какой-то капитал (А. Константинов, Бандитский Петербург);*

⁴ Хотя причинные союзы *потому что* и *так как*, как и слово *причина*, могут указывать как на объективное, так и на субъективное причинно-следственное отношение, этого одного недостаточно для того, чтобы выделять и у них разные значения. В частности, выразить валентность субъекта при союзах невозможно: можно сказать *для меня это веская причина* или *для него это было достаточным основанием*, но не **для него это потому что* и **для меня это так как*.

- (23) *Это еще не причина для разговоров о смерти и тому подобном* (А. и Б. Стругацкие, Улитка на склоне);
- (24) *Цезарь бывает несправедлив, лишь имея к тому справедливую причину* (Б. Джонсон, Записные книжки).

Лексема *причина 1*, по-видимому, не может быть истолкована с помощью более простых слов⁵. Лексема *причина 2* может быть истолкована через *причину 1* следующим образом:

Для X -а P является причиной 2 для Q = ‘Говорящий или человек X понимает, что существование ситуации P может быть причиной 1 того, что субъект X делает или испытывает Q или хочет делать Q ’.

Кроме лексем *причина 2* в русском языке имеется еще несколько существительных, так или иначе выражающих субъективную причину. Это *основание, резон, предлог, повод, стимул, толчок*⁶.

2. Сопоставление объективных и субъективных причинно-следственных отношений.

При сопоставлении объективных и субъективных причинно-следственных отношений становится видно, что они имеют разную природу. Основополагающие свойства объективных причинно-следственных отношений, близких к логическим понятиям, размываются при переходе к субъективным отношениям. Мы выделяем четыре таких свойства. Рассмотрим их последовательно.

2.1. Обязательность. Как и логическое понятие импликации, объективное причинно-следственное отношение предполагает, что если имеет место исходная ситуация, то обязательно будет иметь место и ситуация производная. Этим свойством не обладает субъективная причина. Поскольку исходная ситуация воздействует на субъекта, субъект может сопротивляться давлению обстоятельств и, несмотря на осуществление исходной ситуации, производная ситуация может не иметь места. Ср. выше пример (7).

⁵ В [Богуславская, Левонтина 2004] приводятся аргументы в пользу выбора одной из манифестаций причины на роль примитива. В частности, предлагается считать примитивом союз *потому что*. Для автора этой статьи вопрос о выборе примитива пока остается открытым: для решения этого вопроса нужно построить систему толкований для всех причинных слов.

⁶ Семантика многих из перечисленных существительных описывается в словарных статьях автора **ПРИЧИНА 2**, **ОСНОВАНИЕ 5**, **РЕЗОН 1** и **ПРЕДЛОГ 1**, **ПОВОД 2** в [НОСС 2003; 2004], словарной статье А. В. Птенцовой **СТИМУЛ**, **ТОЛЧОК** в [НОСС 2003; 2004].

2.2. Единственность. Субъективная причина, воздействуя на субъекта, не столько принуждает его действовать определенным образом, сколько выбирать, как он будет реагировать на внешний вызов. Поэтому производная ситуация не задается полностью исходной, она может быть разной; выбор — за субъектом. Ср. (25):

- (25) *Чтобы этот миазм оттенить, нужна хоть крупица благоухания. По этой причине в денатурат вливают в пропорции 1:2:1 бархатное пиво, лучше всего останкинское или сенатор, и очищенную политуру* (Вен. Ерофеев, Москва—Петушки).

Объективная причина однозначно задает производную ситуацию и множественности не допускает.

2.3. Временная последовательность. Когда речь идет об объективных причинах, исходная и производная ситуации могут следовать одна за другой (ср. пример (4)) или сосуществовать (пример (5) и (26)), но следствие (в полном соответствии с внутренней формой) не может предшествовать причине.

- (26) *Нервный ребенок худеет по двум причинам: нервность, с одной стороны, снижает его аппетит, а с другой — обуславливает большие затраты энергии* (Б. Спок, Ребенок и уход за ним, пер. с англ.).

Эти два типа временного соотношения возможны и в случае субъективной причины. Ср. (27) и (28).

- (27) *О причинах популярности биографического романа и очерка можно говорить много. Так, одной из этих причин была победа романтического мировоззрения и романтизма как школы* («Новый мир», № 1, 1999);
- (28) *Я сожалею, что Вы не можете приехать, но понимаю причины, заставляющие Вас остаться* (А. Солженицын, Угодило зернышко между двух жерновов).

Но в случае субъективной причины возможна еще большая свобода временного соотношения.

- (29) — *Почему я не могу остаться дома? — Потому что сегодня будет важное совещание;*
- (30) *Он рано ушел с банкета, так как завтра у него лекции с самого утра.*

Значит, союзы *так как* и *потому что* допускают возможность для причины (разумеется, только субъективной) следовать во времени за следствием. Это не столь уж удивительно, ведь субъект производной ситуации знает о

том, что ему предстоит в будущем, в момент принятия решения о действии. Характерно, однако, что построить аналогичный пример со словом *причина* затруднительно.

(29а) [?]*Я не остался дома по той причине, что сегодня будет важное совещание;*

(31) [?]*Причина того, что я пошел на экзамен, то, что меня лишат стипендии.*

2.4. Сближение с целью. Н. Д. Арутюнова в работе [Арутюнова 1992] пишет: «причина может быть транспонирована во внутренний мир человека, и тогда она идентифицируется с мотивом действия, приобретает свойственную ему субъективную модальность и входит в контакт с целью действия» (с. 15).

[МАС 1981; СУ 1939] не отмечают употреблений слова *причина* в значении, близком к целевому. Между тем в словаре В. Даля такое указание содержится: «*Причина есть исходная, начальная точка, а цель конечная; посему причиной зовут и цель, намеренье, то, для чего (а в первом случае от чего) что случается, бывает. Ради какой причины это сделано?*» [Даль 1955, III: 459].

В современном словоупотреблении подобное употребление слова *причина* также возможно.

Сопоставим примеры (32а) и (32б). В (32а) лексема *причина 2* употреблена в своем прототипическом значении. В (32б) мы имеем дело с модификацией значения лексем, сдвигом в сторону цели.

(32а) *У него были причины хвалить магазин. Выбор большой и цены вполне приемлемые;*

(32б) *У него были причины хвалить магазин. Он очень хотел понравиться хозяйке [= хвалил, чтобы понравиться].*

Приведенное выше толкование лексем *причина 2* модифицируется в подобных контекстах следующим образом:

Х имеет причину Q для совершения P = 'у X-а есть цель Q, X делает или мог бы сделать P, потому что считается, что если сделать P, то это поможет достичь цели Q'.

Аналогичным образом сдвинуто значение лексем *причина 2* в рассмотренном выше примере (25).

Лексема *причина 2* имеет два близких синонима *резон* и *основание*⁷. Целевые употребления характерны для одного из этих синонимов — лексем

⁷ Оба этих существительных многозначны. Здесь речь идет, разумеется, о соответствующих лексемах с причинным значением. О системе значений этих лексем см.

резон. Наряду с прототипическими причинными употреблениями типа представленного в примере (33), для существительного *резон* характерны сдвинутые, причинно-целевые (34) и (35).

- (33) Глушением рыбы возле моста они показывали, что у них теперь нет никакого резона беречь мост, по которому собираются наступать меньшевики, а, наоборот, даже есть интерес взорвать его (Ф. Искандер, Сандро из Чегема);
- (34) У возвращений есть и свой резон. / Не ультрафиолет и не озон / влекут сюда того, кто был здесь прежде, / а лишь надежда мертвых обрести (Ю. Ряшенцев, Танцплощадки отчизны);
- (35) Винтовку он никогда не заряжает. Какой резон заряжать, если зимой вокруг — никого (Саша Соколов, Школа для дураков).

А вот для лексемы *основание* подобные употребления невозможны. Повидимому, причина этого — влияние внутренней формы слова.

Подведем некоторые итоги. Языковая картина причинно-следственных отношений намного сложнее, чем представленная в логике. Отклонения от логической картины вызываются появлением целесообразно действующего субъекта, обладающего свободой воли и способного сопротивляться давлению обстоятельств.

Литература

- Арутюнова 1992 — Н. Д. Арутюнова. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 14—23.
- Богуславская 2003 — О. Ю. Богуславская. Структура значения существительного *причина* // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Мат-лы междунар. конф. (Москва, 8—10 июня 2002 г.). 2003. С. 102—105.
- Богуславская 2004 — О. Ю. Богуславская. Причина, повод, предлог // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2004. С. 34—43.
- Богуславская 2005 — О. Ю. Богуславская. Противопоставление объективной и субъективной причины в семантике причинных глаголов // Восток—Запад 2005: 2-я Междунар. конф. по модели смысл — текст. М., 2005. С. 53—64.
- Богуславская, Левонтина 2004 — О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке // Вопр. языкознания. 2004. № 2. С. 68—88.
- Даль 1955 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1955.

в словарной статье автора ПРИЧИНА 2, ОСНОВАНИЕ 5, РЕЗОН 1 в [НОСС 2004] и в статье И. В. Галактионовой ОСНОВАНИЕ 3, ПОДНОЖИЕ 1, ПОДОШВА 2 [Там же].

-
- Иорданская, Мельчук 1996 — *Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук*. К семантике русских причинных предлогов // *Московский лингвистический журнал*. Т. 2. М., 1996. С. 162—211.
- МАС 1981 — *Словарь русского языка* / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1—4. М., 1981.
- НОСС 2000 — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 2 / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000.
- НОСС 2003 — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Вып. 3 / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2003.
- НОСС 2004 — *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
- СУ 1939 — *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1939.

ОДНОЗНАЧНОЕ КРОМЕ

А. Богуславский

В статье предлагается семантическая интерпретация слова *кроме* (думается, пригодная и для его возможных эквивалентов в других языках).

С самого начала сделаем следующую оговорку: в нашем обсуждении будут учитываться также конструкции *кроме того, что* __, в которых группа *того, что...* считается настоящим регулярным (канонически отделяющимся) пополнением «частицы» *кроме* (это просто родительный падеж номинализации *то, что* __ [в именительном падеже]).

Хорошо известно, что наша «частица» обычно рассматривается в описаниях как обладающая двумя значениями: ‘включения’ того, что названо в пополнении, *в* некоторое множество и аналогичного ‘исключения’ того, что названо в пополнении, *из* некоторого множества, ср., напр. [Апресян 2004a; 2004b].

Даже решительный сторонник (сторонник на словах) однозначности польского соответствия слова *кроме*: (*o*)*prócz*, Анджей Баньковский [Bańkowski 1977], по сути дела, дает два несводимых друг к другу или к какому-либо обобщению толкования интересующего его слова; они объединяются им чисто внешне на основании того, что естественным образом, можно сказать, автоматически роднит ‘включение’ и ‘исключение’, а именно на основании того, что роднит их как взаимные понятийные *противочлены*. Приведем его примеры в переводе на русский язык [Bańkowski 1977: 148]: (A') *Кроме Зоси прибыли одни приглашенные.* (B') *Прибыли все приглашенные кроме Зоси.* Согласно комментарию автора, в (A') множество приглашенных включает все множество прибывших, если из «*прибывших*» исключить Зосю, в (B') же множество прибывших включает все множество приглашенных, если из «*приглашенных*» исключить Зосю. Автор как будто не замечает, что в обоих случаях мы, правда, имеем дело, при такой формулировке, с *одним* отношением инклюзии с теми же множествами, но оно в каждом из этих случаев коренным образом отличается от его реализации в другом из них: применяя простую символику, мы можем сказать, что в (A') имеется $X — a [a \in X] \subset Y$,

в то время как в (B') имеется $Y — a [a \in Y] \subset X$, где $X = \langle \text{прибывшие} \rangle$, $Y = \langle \text{приглашенные} \rangle$, $a = \langle \text{Зося} \rangle$.

И все же приходится в то же самое время констатировать, что никто из говорящих не ощущает непосредственно какой бы то ни было многозначности слова *кроме*. Наоборот: если только дана одна часть его употреблений (с хорошо известными их особенностями), слово тут же всплывет и в других, казалось бы, совсем несходных, но все же требующих именно его обстоятельствах. Баньковский пытался как-то отразить этот факт в своем (к сожалению, безуспешном) рассуждении.

Таким образом, возникает достаточно знакомая языковедам дилемма, которую можно проиллюстрировать с помощью следующего сопоставления предложений, квалифицированных с точки зрения их приемлемости:

- (1) а. *Иван пришел.* ⁺*Кроме Ивана пришел (и) Роман.*
 Иван не пришел. **Кроме Ивана пришел (и) Роман.*
 б. *Иван пришел.* **Кроме Ивана все (тоже) пришли.*
 Иван не пришел. ⁺*Кроме Ивана все пришли.*

Решение дилеммы, которое я предпринимаю, будет дано в следующем порядке. Сначала я сразу же изложу обобщающую по предположению, т. е. элиминирующую многозначность, семантическую репрезентацию рассматриваемой частицы, а затем перейду к истолкованию этой репрезентации, ее обоснованию и показу ее действия по отношению к проблемным явлениям употребления нашей частицы.

Семантическая репрезентация

я говорю о чем-то_c [знаешь, о чем_c я говорю], что: что-то_k, что-то_l,
 причем k, l таковы, что

- (i) $k \cap l = \emptyset$
 (ii) $\forall f \in F \{f \in Cn(l) \wedge \sim (f \in Cn(k) \rightarrow k \cap l \neq \emptyset)\} \rightarrow f \in Cn(k)$
 (iii) я не таков, что [говорю, что k , не говорю, что l]

Объяснения. k = некоторое положение вещей, соответствующее той части предложения, которая синтаксически непосредственно связана с *кроме*;

l = некоторое положение вещей, соответствующее остальной части предложения (или такой части предложения, другой, чем часть, синтаксически непосредственно связанная с *кроме*, которая по содержанию не безразлична по отношению к части, синтаксически непосредственно связанной с *кроме*);

когда в дальнейшем говорится о «предложении», предполагается, что речь идет о такой структуре, в которой сфера действия *кроме* охватывает

весь ее состав, за вычетом лишь его самого, т. е. слова *кроме*, но не охватывает элементов, по содержанию безразличных с точки зрения части, синтаксически непосредственно связанной с *кроме* (например, каких-то вводных, скобочных замечаний и т. п.).

Какие очевидные аспекты интересующих нас предложений отражены в нашей репрезентации?

Надо обратить внимание, в частности, на следующие обстоятельства:

1. Единство темы всего предложения (*c*); знание адресата (признаваемое говорящим), что именно является этой темой.

2. Предложение охватывает представление *двух* положений вещей.

3. Эти положения вещей не пересекаются; их темы и аскрипции строго разделены: ни один элемент одной из этих величин не является элементом второй; если аскрипция в обоих случаях тождественна (что все-таки возможно), то она во всяком случае характеризует *разные темы*.

4. Каждое функциональное свойство *l*, которое здесь понимается как консеквент *l*, является также консеквентом *k*, если только это не нарушает требования 3. или закона непротиворечия.

5. Подбор тем и положений вещей происходит по воле говорящего, которая, впрочем, ограничена требованиями 1.—4.

6. Избранные положения вещей *эксплицитно*, с помощью самого *кроме*, иерархизируются в соответствии с волей говорящего (ограниченной требованиями 1.—4.); а именно, *l* является необходимым — в волитивном смысле — информационным пополнением *k*, что надо понимать следующим образом: говорящий мог бы не сказать ни *k* ни *l* или сказать *только k* (в последнем случае уже, во-первых, без употребления *кроме*, которое *синтаксически* требует пополнения, относящегося к *l*, во-вторых, со всеми необходимыми видоизменениями), но *не* разрешает себе сказать *только k* (разумеется, сказать соответственно видоизмененным способом). Иначе говоря, **центр тяжести** — относительно характеристики *c* — лежит в *l*.

Как можно обосновать вышенамеченные положения? Как обычно: с помощью положительных и отрицательных примеров.

Вот наш набор примеров.

По п. 3.

(2) **Кроме того, что он ее застрелил, он ее убил.*

(3) **Кроме того, что он ее убил, он ее застрелил.*

(4) **Кроме того, что Каитанка бежала, она мчалась.* / **Каитанка, кроме того, что бежала, мчалась.*

- (5) ⁺*Кроме того, что он ее по часту крыл матом, он ее избивал.*
 (6) *Все кроме Ивана пришли.* [Здесь речь идет о всех тех из подразумеваемого множества лиц, которое имеется в виду, которые не тождественны с Иваном.]

По п. 4.

- (5): к логическим следствиям k относится «плохое обращение», но не «избивание ее».
 (6): к логическим следствиям k относится применение к множеству {Иван} пропозициональной функции ‘пришел/не пришел в данное место в данное время’, но не включение «Ивана» во множество, к которому относится выражение *все* (это отношение подлежит ограничению 3.).
 (7) **Кроме того, что он написал разносную рецензию на ее статью, он боролся как лев за то, чтобы эту статью опубликовали.*
 (8) **Кроме большинства солдат майора Б., все его солдаты были наказаны.* [Комментарий. Если наказание коснулось как большинства, так и буквально всех солдат, то нарушено требование 3. Если же наказание коснулось меньшинства солдат, а большинство солдат не были наказаны, то консеквент l «характерная связь между статусом солдата майора Б. и наказанием» не воспроизводится в k , поскольку в k , три таком толковании, налицо как раз «характерная связь между статусом солдата майора Б. и отсутствием наказания».]
 (9) ⁺*Кроме ничтожного меньшинства солдат майора Б., все его солдаты были наказаны.* [Ср. комментарий к (8).]

По п. 5.

- (10) *Кроме того, что жена Клинтона надоела Клинтону, мне надоело писать стихи.*
 (11) *Кроме того, что Москва столица России, алкоголь вредит здоровью.* [Комментарий. Здесь логическое следствие l , перенесенное на k , это истинность, разумеется, в смысле того, за что ответственность принимает на себя говорящий. (11) можно себе представить как ироническое замечание по поводу поведения подвыпившего зануды.]
 (12) *Кроме премьер-министра Японии, который вошел в свою ванную, вошел в какую-то ванную и я.*
 (13) *Кроме премьер-министра Японии, который вошел в свою ванную, вошел в какую-то ванную, а затем прыгнул с самого верха высотного здания (где, кстати, не было никакой ванной) и я.*

- (14) *Кроме премьер-министра Японии, который однажды вошел в свою ванную, прыгнул с самого верха высотного здания (где, кстати, не было никакой ванной) Сергей.*

Решение основной дилеммы

Для решения вышеописанной дилеммы я воспользуюсь следующей предпосылкой, касающейся любой ассерции. Предметом любой ассерции является **контраст аскрипций** в контрадикторной паре, т. е. в дуальной пропозициональной функции: одна из этих аскрипций выбирается как «реальный» член; ее же «нереальный» партнер, или противочлен, остается, так сказать, в тени (как говорил Шеллинг, он только «просвечивает»). Иначе говоря, любой контраст аскрипций сопровождается неотъемлемый ассертивный (эксплицитный или, гораздо чаще, имплицитный) префикс ‘кто-то знает о $_$, что $_$, не: $_$ ’ (с не подлежащими никакому определению — во-первых, чисто референциальным *кто-то* и, во-вторых, (супер-) предикативным *знает о $_$, что $_$, не: $_$*); об этом говорится подробно в [Bogusławski 1998], см. также [Danielewiczowa 2002].

В случае универсальной, или «всеобщей», квантификации все это проявляется со всей очевидностью. Иначе обстоит дело в случае партикулярных предложений (т. е. предложений, касающихся конкретных, «единичных» фактов): там необходимый контраст явственно налицо (как мы только что наметнули) лишь в особых высказываниях, ср. *р, не иначе.*; *Напротив, р.*; *Как раз наоборот, р.* и т. п.

В чем состоит универсальная квантификация? Она состоит в том, что от утверждения о существовании каких-то F -аков переходят к альтернативе существования и несуществования $F \cap G$ -аков (или $F \cap \sim G$ -аков), а также, и это самое главное по отношению к тому, о чем мы здесь говорим, к альтернативе несуществования либо $F \cap G$ -аков (‘ни один F не G / каждый F — $\sim G$ ’) либо $F \cap \sim G$ -аков (‘каждый F — G ’).

‘Несуществование’ следует представлять как знание (*кто-то знает о $_$*), касающееся, в качестве темы или эпистемического объекта, *пропозициональной функции*, которую может изображать запись $G/\sim G$ и которая в данном случае становится иерархически *высшей* темой знания. Иначе говоря, ‘несуществование’ следует представлять как знание (и здесь появляется именно *контрастная* аскрипция) двоякого рода: либо (i) знание, что имеет место что-то другое (в смысле контрадикторности), чем ‘кто-то знает о ком-то/чем-то, кто/что является F , что он/оно G ’ (это можно изложить также как: *кто-то знает о $G/\sim G$ что-то, не: что кто-то знает о ком-то/чем-то, кто/что является F , что он/оно является G , не: чем-то другим*), либо (ii), наоборот, как знание, что имеет место что-то другое, чем ‘кто-то знает о

ком-то/чем-то, кто/что является F , что-то, не: является G '. В первом случае утверждается, что нет $F \cap G$ -аков («ни один F не является G »), во втором случае — что нет $F \cap \sim G$ -аков («каждый F — G »).

Применим нашу предпосылку к узловому примеру (6). В этом примере универсальной квантификации подлежит такое подмножество принимаемого как известное множества, которое получается в результате обогащения соответствующей аскрипции, определяющей это множество, с помощью «нетождества с Иваном». Итоговая информация в (6) легко видна: не существуют члены нашего подмножества, которые не пришли. Но вполне возможным является другой результат (по отношению к l): «не существуют такие, которые пришли». Однако в k , в соответствии с нашей репрезентацией *кроме* (ср. п. 3), допустимо лишь *другое* подмножество, подмножество, которое обладает строгой раздельностью по отношению к *тому* подмножеству (каким бы оно ни было). Таким *другим* подмножеством в нашем иллюстративном случае является множество {Иван}. Оно, в соответствии с п. 4 репрезентации, подлежит обзору с точки зрения той же *пропозициональной функции*. Но *не требуется*, чтобы результат был *таким же*, как тот, который верен для l : если он *должен был бы* быть таким же, Иван был бы элементом подмножества из l и, следовательно, подмножества в k и l не были бы раздельными, что противоречило бы п. 3 нашей репрезентации. Тем не менее *не требуется также*, чтобы результат был *другим*. Именно поэтому наш «кромешный» Иван мог повести себя двояким образом: он мог прийти, т а к ж е, к а к другие лица из знакомого нам множества (не: подмножества в l), или же не прийти, в о т л и ч и е о т других членов того же множества (т. е. в отличие от членов подмножества в l).

Все это можно показать вполне отчетливо, воплощая всю ситуацию в определенном символическом образце. Обозначим всех «не-Иванов» из интересующего нас множества (к которому относится и Иван) с помощью AI , а их приход — с помощью P . Сущность универсальной квантификации в (6) передают следующие эквивалентные схемы: $\sim (AI \wedge \sim P)$, или $AI \rightarrow P$, или $\sim AI \vee P$. Напомним, что в k появляется $\sim AI$, т. е. Иван. К нему применяется альтернатива того, что может быть присуще $\sim AI$ как члену только что указанной альтернативы $\sim AI \vee P$. Совершенно ясно, что таким образом мы получаем следующую двоякую возможность: $(\sim AI \wedge P) \vee (\sim AI \wedge \sim P)$. Она сводится к тому, что Иван мог прийти или не прийти (указанная альтернатива обозначает именно эту двойную возможность), никак не нарушая требований слова *кроме* и в то же время никоим образом не подрывая его *однозначности*.

Что касается выбора одной из этих возможностей в конкретном высказывании, то он происходит в соответствии с тем, что подсказывает контекст. Эта процедура носит недвусмысленно *прагматический* характер.

К этому можно еще добавить, что природа *кроме* обобщенным способом создает некоторые благоприятные условия для относительной *предпочтительности отрицания* в таких случаях, как рассматриваемый нами: речь идет о рефлексах требования раздельности множеств/тем в *k* и *l*. В нашем случае это означает, что в контексте (б) *неприход* Ивана как будто имеет некоторое преимущество перед его приходом. Другое добавочное замечание касается решительного предпочтения *положительного* члена альтернативы в *k* при кванторном слове *никто* или *ничего*, ср. *Кроме Ивана, никто не пришел*. Повидимому, здесь работает механизм т. наз. обобщенной разговорной имплицатуры Грайса [Grice 1975]: если бы Иван не пришел так же, как и все остальные члены описываемого множества лиц, незачем было бы прибегать к конструкции со словом *кроме*; в таком случае естественно употребить самую элементарную и самую простую формулировку: *никто не пришел* (с возможной добавкой: *никто (не исключая Ивана) не пришел*).

В заключение этого рассуждения стоит отметить ценность описанных фактов, касающихся слова *кроме*, как красноречивого и веского свидетельства в пользу принятой нами *контрастной картины ассерции* (в частности, ее вес проявляется с особой силой там, где речь идет об экзистенциальных и отрицательно-экзистенциальных обобщениях). Оказывается, что она правильна не только в умозрительном плане: она позволяет эффективно справиться с совсем конкретными, да притом иногда очень сложными, вопросами семантики.

Место *кроме* в общей структуре высказывания

Перейдем к попытке характеристики статуса *кроме*, однозначность которого можно ныне считать установленной, как особой семантически-функциональной единицы языка в полной сети отношений, создающей предложения и их классы, т. е., в конечном счете, язык как целое.

Категориальная грамматика Айдукевича несомненно требовала бы трактовки нашего слова как высшего фактора предложения (его номером в записи по Айдукевичу был бы 0). Это как будто гармонирует с тем фактом, что высказывания с *кроме* по преимуществу имеют дело с вполне «объективными» ситуациями. Однако, с другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что наше слово недвусмысленным образом служит орудием той во многом произвольной иерархизации содержания говорящим, на которую мы указывали и даже делали упор выше.

Особое обстоятельство, которое тоже следует учесть в нашем рассуждении, состоит в том, что *кроме* не отличается полной регулярностью своих

синтаксических связей, по образцу «классических» доминирующих функторов предложений, таких как нормальные глаголы. Правда, «разнокатегориальность» пополнений (на которую специальное внимание обращает Вайшук, см. ниже) в случае *кроме* выражена гораздо менее сильно, чем в таких выражениях, как большинство (беспорных) частиц и многие союзы (ср. *писатель, но лишенный таланта; уже в тюрьме, уже наш, уже никогда* и т. п.). Все же и слову *кроме* такие особенности не чужды, ср.:

- (15) *Кроме того, чтобы ее разругать, он стремился к тому, чтобы ее высмеять.* [Здесь квази-обстоятельственная группа как будто ставится наравне с полной аргументно-предикатной структурой.]
- (16) *Катя пришла с двумя мальчиками. Кроме Саши, она пришла с Юрой.* [Здесь фиксированный родительный падеж при *кроме* функционирует параллельно с совсем другой предложно-падежной структурой.]

Выскажем сразу определенное мнение по поводу глубинной природы выражения *кроме*. Это выражение вообще не относится к базисной предикативной структуре. Оно является формой некоторого *метавысказывания*, которое лежит в особой «плоскости» или «линии» текста, «надстроенной» над базисным представлением того или иного фрагмента действительности. Эта линия образует *текущий* метатекст, осуществляющий *параллельный* по отношению к основному сообщению комментарий говорящего, имеющий дело как раз с этим собственным сообщением. Предположение о существовании такой особой линии метатекста было высказано Ядвигой Вайшук в ее разных работах, в частности, в [Wajszczuk 1997]; в дальнейшем я отталкиваюсь именно от этих идей автора прекрасного новаторского описания польских союзов. Сама семантическая репрезентация, которую я предложил, с ее вершиной в виде *я говорю*, построена в соответствии с этим подходом к разбору предложения.

В чем же, однако, состоит *необходимость* такой интерпретации?

Она вытекает из следующего факта. Возможные переформулировки высказываний с многочисленными «частицами» или «союзами», а среди них и со словом *кроме* (которое, кстати, наряду с некоторыми другими, как будто бы внушает также мысль о причислении его к «предлогам»), такие, что мы пытаемся как-то передать содержание этих «частиц» и т. д. в подходящих *предикативных* структурах (в обычном смысле этого слова), *в принципе* все же **оставляют место для тех же выражений** и, соответственно, для более сложных высказываний (я говорю: «в принципе», поскольку во многих случаях несомненно пришлось бы по-разному видоизменять словесный вид целого). Больше по поводу оснований предлагаемой интерпретации я сказал в [Богуславский (в печати)].

Проиллюстрируем сказанное с помощью примеров, содержащих *кроме* и одновременно связанных с главным предметом нашего более раннего анализа в виде предложения (6):

- (17) *Иван пришел. Впрочем, кроме Ивана все пришли.*
 (18) *Иван пришел. Иван пришел, все другие (чем Иван) пришли (не могу не сказать этого о всех других (чем Иван)).*
 (19) *Иван пришел. Впрочем, кроме того, что Иван пришел, все другие (чем Иван) пришли (не могу не сказать этого о всех других (чем Иван))./Кроме Ивана все другие пришли (не могу не сказать этого о всех других).*

Как видно, (19) пространным образом повторяет смысл (17), а в то же время не без пользы использует опять слово *кроме* — для того, чтобы заново ввести в свое содержание характерную связанную с этим словом иерархизацию элементов данного содержания.

Неизбыточность, своеобразная неустранимость *кроме* (так же, как и других метатекстовых слов) отражается со всей очевидностью в контрастах соответствующих высказываний и параллельных аргументно-предикатных структур (с возможной квантификацией). Эти контрасты показывают особую ценность и специфику нашего слова. Вот некоторые противопоставления этого рода:

- (20) *Иван пришел. Кроме Ивана, пришла Катя.*
 (21) *Иван пришел. Иван пришел, пришла Катя.*
 (22) *Кроме солдата, который был только вчера принят в подразделение старшины В., все солдаты из этого подразделения расстреляны.*
 (23) *Солдат, который был только вчера принят в подразделение старшины В., не расстрелян; каждый солдат, который (i) был в этом подразделении, (ii) не был принят в это подразделение только вчера, расстрелян. / [с обратным линейным порядком] Каждый солдат, который (i) был в подразделении старшины В., (ii) не был принят в это подразделение только вчера, расстрелян; солдат, который был только вчера принят в это подразделение, не расстрелян.*

Чего не хватает в предложениях (21), (23), так это прежде всего ранее упомянутой иерархизации содержания. И вполне очевидно, что восстановить ее, не прибегая к услугам слова *кроме*, можно исключительно за счет какой-то чрезвычайно многословной формулировки.

В заключение этой части нашего обсуждения обратим внимание на одну особенность взаимодействия метатекстовой и базисной линий предложения в

высказываниях со словом *кроме*. Это слово способно навязывать определенную интерпретацию того, что явно относится к обычной аргументно-предикатной структуре. Итак, в предложении (6) квантор *все* исчерпывает множество, в котором нет места Ивану, т. е., в сущности, *определенное подмножество*. Этого требует свойство «раздельности» тем, описанное выше в п. 3 объяснений к семантической репрезентации *кроме*.

Такого рода ситуация может способствовать укреплению идеи о том, что наше слово (так же, может быть, как и другие «частицы», «союзы» и т. д.) все же относится к строительному материалу основного костяка предложения.

Но указанного обстоятельства явно недостаточно для того, чтобы сбросить со счетов яркие и превалирующие признаки особой языковой категории метатекстовых единиц, которыми наделено слово *кроме* и которые мы попытались описать.

Замечание по поводу тематико-рематических особенностей

Метатекстовые выражения, к которым относится слово *кроме*, по своей глубинной природе нерематичны. Это согласуется с «добавочным» характером (параллельного) метатекста, присутствие которого в предложении ни в коем случае не обязательно. Соответственно, такие выражения не несут фразового ударения (они могут выступать лишь под т. наз. контрастным, т. е. корректирующим, ударением).

Однако это не значит, что группы, состоящие из метатекстовых выражений и их пополнений, не могут попадать под фразовое ударение и, в конечном счете, даже служить содержательным и интонационным центром всего предложения.

Это, в частности, справедливо по отношению к слову *кроме*. Вот пример:

(24) *Французские войска проходили через Валенсию. Солдаты изнасиловали всех монахинь — кроме Юстины. Некоторое время спустя они возвращались тем же путем. Солдаты изнасиловали всех монахинь — кроме Юстины. Почему? Потому что Юстина не хотела.*

Совершенно очевидно, что целое *кроме Юстины* находится под фразовым ударением и играет роль фокуса всего предложения; мало того, соль анекдота нашла себе место именно в этом словосочетании.

Как объяснить такого рода рематизацию того, что хотелось бы считать метатекстовым элементом фразы?

Не вдаваясь во все подробности, я коротко намечу свое интерпретационное предложение. Примем в качестве темы определенную языковую структу-

ру в ракурсе, который можно обозначить, используя традиционную терминологию, *suppositio simplex*; пусть этой структурой будет ‘солдаты изнасиловали всех монахинь’ (она раньше используется в нормальной роли — правда, не совсем всерьез). Этой теме приписывается, в свою очередь, аскрипция в виде целой фразы с включением слова *кроме* вместе с его пополнением — в его обычной, т. е. нерематической, роли. Внешне эта фраза видоизменяется в соответствии с правилом, английским именем которого является термин *gapping*; в конечном счете из словосочетания *солдаты изнасиловали, кроме Юстины, всех монахинь* получается короткое: *кроме Юстины*.

Литература

- Апресян 2004а — В. Ю. Апресян. КРОМЕ 1, КРОМЕ 2, ВКЛЮЧАЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Апресян 2004б — В. Ю. Апресян. Кванторы со значением исключения, включения и добавления // Доклады междунар. конф. Диалог 2004. М., 2004.
- Богуславский (в печати) — А. Богуславский. Уступительность как метатекстовое явление // Сборник в честь проф. Руселины Ницоловой. София, в печати.
- Bańkowski 1977 — A. Bańkowski. Funkcja przyimka *prócz* // Studia Semiotyczne VII. Warszawa, 1977.
- Bogusławski 1998 — A. Bogusławski. Science as linguistic activity, linguistics as scientific activity. Warszawa, 1998.
- Danielewiczowa 2002 — M. Danielewiczowa. Wiedza i niewiedza. Studium polskich czasowników epistemicznych. Warszawa, 2002.
- Grice 1975 — P. H. Grice. Logic and conversation. // P. Cole, J. L. Morgan (eds.). Syntax and semantics. Vol. 3. Speech acts. 41—58. N. Y.; San Francisco; London, 1975.
- Wajszczuk 1997 — J. Wajszczuk. System znaczeń w obszarze spójników polskich. Wprowadzenie do opisu. Warszawa, 1997.

АКТАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ*

И. М. Богуславский

1. Постановка задачи

Одно из наиболее наглядных проявлений системности лексики можно видеть в синтаксической деривации. Как известно, язык располагает средствами представить одно и то же или весьма близкие значения лексическими единицами разных грамматических разрядов. Иначе говоря, речь идет о возможности преобразовывать слова одних грамматических разрядов в другие без существенного изменения или со стандартным изменением лексического значения. Удобная нотация для подобных явлений была предложена И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским в рамках системы лексических функций [Мельчук 1974: 84, 86, 89—91]. Более подробно эта проблематика изучалась в «Лексической семантике» Ю. Д. Апресяна [1974], а лексикографический материал был накоплен в словарях [Мельчук и др. 1984; Mel'čuk et al. 1984; 1988; 1992].

Нас будут интересовать АДВЕРБИАЛЬНЫЕ синтаксические дериваты существительных, такие как *в ярости*, *в подарок*, *по привычке*, *под предлогом*, *с акцентом* и др. Как правило, они выражаются сочетанием исходного существительного с некоторым предлогом.

Мы будем различать два типа адвербиальных дериватов: «чистые», то есть такие, которые не содержат компонентов значения, которых не было бы в исходном слове, и «семантически осложненные», в которых такие компоненты имеются. В качестве примера семантически осложненного деривата рассмотрим сочетание *под именем*:

(1) *Наполеон ехал под именем «герцога Виченцкого», то есть Коленкура*
(Г. П. Данилевский, Сожженная Москва)

* Настоящая работа выполнена при поддержке грантов РФФИ 05-06-80256-а, 04-06-80148-а и РГНФ 04-04-00263а, за что выражаем искреннюю признательность. Данная статья развивает и дополняет доклад автора на конференции МСТ-2005, см. [Boguslavsky 2005].

В значение этого выражения входит компонент маскировки подлинного имени. Употребляя сочетание *под именем X*, мы не имеем в виду, что некоторое лицо имеет имя *X*. Скорее это выражение значит, что данное лицо (или кто-то другой) хочет, чтобы его называли именем *X*, в то время как говорящий знает, считает или допускает, что это имя не подлинное. Очевидным образом, исходное существительное *имя* не содержит такого компонента (в отличие, например, от *псевдонима* или *прозвища*). Также этот компонент нельзя приписать предлогу *под*, поскольку в данном сочетании этот предлог выступает в том же значении, что и в сочетаниях *под названием* (*рубрикой, заголовком*), которым значение сокрытия истины совершенно чуждо. Таким образом, значение сочетания *под именем* не складывается полностью из значений его компонентов. Это сочетание идиоматично, образует самостоятельную лексическую единицу и заслуживает собственной словарной статьи в словаре.

Дериваты, не содержащие семантических добавок, больше достойны статуса чисто синтаксических дериватов. С точки зрения теории фразеологии, развиваемой И. А. Мельчуком, они относятся к классу коллокаций и должны фиксироваться в словарной статье своего ключевого слова [Mel'čuk 1995: 184].

Мы сосредоточимся в первую очередь на проблеме СООТНОШЕНИЯ АКТАНТНОЙ СТРУКТУРЫ исходного слова и деривата. В случае адвербиальной деривации эта проблема предстает в несколько специфическом виде. Продемонстрируем это на примере дериватов от существительных, обозначающих эмоциональные состояния. Актантная структура таких существительных единообразна. Они имеют две валентности — кто испытывает эмоцию и чем она вызвана: *ярость (наслаждение) отца; ярость от того, что все сорвалось; наслаждение от жизни*. Однако их адвербиальные дериваты, даже построенные одним и тем же способом, могут иметь разные актантные свойства. Ср. дериваты *с яростью* и *с наслаждением*:

(2) *Отец с яростью вырвал у нее письмо.*

(3) *Отец с наслаждением выкурил сигарету.*

В предложении (2) выражается только носитель эмоционального состояния (*отец*) и ничего не говорится о его причине. Ярость отца явно вызвана предшествующими событиями, и в том, как он вырвал письмо, проявилась уже имеющаяся эмоция. В предложении (3) также есть значение манифестации. По тому, как отец курил сигарету, было видно, что он наслаждается. Однако дополнительно к этому в (3) эксплицитно выражен и источник эмоции: наслаждение вызвано именно курением.

Сочетания типа *в ярости*, так же, как и сочетания типа *с яростью*, оставляют источник эмоции невыраженным. Но между ними имеется смысловое различие. Если сочетания с предлогом *с* говорят о внешнем проявлении эмо-

ции, то сочетания с *в* сообщают лишь о наличии состояния субъекта безотносительно к его проявлению. Это противопоставление сочетаний с предлогами *в* и *с* свойственно большому кругу сочетаний предлогов с существительными, обозначающими состояния, способные к внешнему проявлению, например *гнев, радость, печаль, восторг* и т. п. (см., например, [Мельчук и др. 1984: 208—209; Апресян 1992: 28]). Интересно, что выражения типа *с негодованием, с яростью, с восторгом* и т. п. обозначают внешне проявляемую эмоцию только тогда, когда определяемый ими глагол обозначает действие, которое само имеет внешние проявления. Если же глагол сугубо ментальный, то подобные выражения утрачивают компонент манифестации и обозначают чистое сопутствование: *Откуда он взял, что я замолк?* — с горьким негодованием думал *Георгий Андреевич* (Ф. Искандер, Авторитет). *«Ни одной искренней ласки не дала она мне», — думал Клим, с негодованием вспоминая, что ласки Лидии служили для нее только материалом для исследования их* (М. Горький, Жизнь Клим Самгина). Ср. также *Она с благодарностью посмотрела на него — Он с благодарностью думает о своих учителях; Она с отвращением отвернулась — Я с отвращением вспоминаю эту сцену.*

2. Как описывается актантная структура?

Для слов, не являющихся коррелятами лексических функций, описание актантной структуры осуществляется, как известно, двумя способами. Активные валентности¹ удобно описывать с помощью моделей управления (см. [Апресян 1974; Мельчук 1974]), а для пассивных валентностей, которые заполняются не путем управления и поэтому не могут описываться аппаратом моделей управления, необходимы правила сферы действия [Богуславский 1985; 1996]. Для лексических функций некоторых типов (прежде всего таких, как Conv_{ij} , Oper_i , Func_i , Labor_{ij} , S_i , A_i) этого недостаточно. Мало указать актантную структуру коррелята такой лексической функции самого по себе. Необходимо еще соотнести ее с актантной структурой ключевого слова. Покажем это на простом примере. Глаголы *покупать* и *продавать*, как и все другие глаголы, снабжаются в словаре моделью управления, в которой указан состав их валентностей и все способы их поверхностного выражения. С другой стороны, глагол *покупать* является конверсивом от глагола *продавать*. Лексико-функциональное описание пары *покупать — продавать* предполагает указание того, как соотносятся актантные структуры этих глаголов. А

¹ Активной валентностью слова *L* называется такая, которая заполняется выражением, синтаксически подчиненным слову *L*. Пассивная валентность заполняется выражением, которое само подчиняет слову *L*. Подробнее см. [Богуславский 1996].

именно: первому актанту *продавать* («кто продает») соответствует четвертый актант *покупать* («у кого покупает»), третьему актанту *продавать* («кому продает») — первый актант *покупать* («кто покупает»), четвертому актанту *продавать* («за сколько продает») — третий актант *покупать* («за сколько покупает»), и только второй актант — «что покупается/продается» — занимает у обоих глаголов одно и то же место. Это соотношение задается с помощью цифрового индекса при символе лексической функции: $\text{Conv}_{4213}(\text{покупать}) = \text{продавать}$. Индекс строится следующим образом: если на j -м месте в индексе стоит цифра i , то это значит, что j -му актанту конверсива соответствует i -й актант исходного (= ключевого) слова².

Для адвербиальных дериватов проблема соотношения актантных структур имеет особую остроту. Если глагол *продавать* безусловно является самостоятельной лексической единицей, отдельной от своего конверсива *покупать* и имеющей полное право на свою собственную актантную структуру, то адвербиальные сочетания типа *в ярости*, *по привычке*, *с акцентом* или *под предлогом* традиционно считаются свободными и не образуют самостоятельных словарных единиц в словарях. В ряде случаев словари выделяют отдельные значения предлогов, тем более что подобные сочетания часто образуют достаточно однородные группы, ср. *в испуге*, *в страхе*, *в восторге*, *в ужасе*, *в смятении*, ...; *с радостью*, *с наслаждением*, *с тревогой*, *с нежностью*, ...; *по привычке*, *по приказу*, *по распоряжению*, *по правилу*, *по обычаю*... Например, в МАС так описываются значения предлогов *в*, *по* и *с*, часто выступающих в составе адвербиальных дериватов:

В — употребляется при указании состояния, в котором кто-л. или что-л. находится, или состояния, которое сопровождает, вызывает какое-л. действие — *быть в негодовании*, *быть в раздражении*, *кричать в ужасе*, *стоять в ожидании*.

По — употребляется при указании на то, в соответствии с чем, согласно с чем осуществляется действие, проявляется состояние: *жить по правде*, *уехать по совету врачей*, *уволиться по собственному желанию*.

С — употребляется при обозначении действия, состояния, сопровождающего какое-л. другое действие: *проснуться с головной болью*, *старушки с плачем обнялись*, *дивизия прошла с боями почти от самой границы*.

² Ю. Д. Апресян обнаружил, что необходимо расширить цифровой индекс при функциях семейства Oper — Func — Labor и Real — Fact — Labreal. Существующий индекс, состоящий из одной цифры (в случае Oper — Func и Real — Fact) или из двух цифр (в случае Labor и Labreal), не полностью задает актантную структуру соответствующих глаголов [Апресян 2001].

Однако интересующая нас информация о валентных свойствах деривата не может быть извлечена из значения предлога самого по себе.

В толково-комбинаторном словаре такие сочетания фиксируются в словарных статьях существительных как значение ЛФ Adv-*i*. Это значит, что их значение и поведение, в том числе актантная структура, должны выводиться по достаточно общим правилам из свойств предлога (взятого в определенном значении) и существительного. Каковы эти правила? В какой степени адвербиальный дериват наследует актантную структуру исходного существительного? Прежде чем обсуждать этот вопрос, напомним, как трактуются интересующие нас дериваты в теории лексических функций.

3. Дериваты в теории лексических функций

Различаются два вида деривации — «нулевая» и «актантная». «Нулевые» дериваты имеют то же значение, что и исходные слова, но принадлежат к другой части речи. Это то, что Л. Теньер называл трансляцией [Tesièrè 1959]. Различаются четыре основных части речи: S — существительное, V — глагол, A — прилагательное и Adv — наречие. В соответствии с этим имеется четыре «нулевые» лексические функции: S₀, V₀, A₀ и Adv₀. Например,

S₀(*двигаться*) = *движение*

S₀(*читать*) = *чтение*

V₀(*шум*) = *шуметь*

V₀(*рядом*) = *соседствовать*

A₀(*правительство*) = *правительственный*

A₀(*учиться*) = *учебный*

Adv₀(*политика*) = *политически*.

Второй вид синтаксической деривации связан с понятием актанта, также восходящим к Л. Теньеру. Здесь различаются только три типа лексических функций — субстантивные (S_{*i*})³, адъективные (A_{*i*}) и адвербиальные (Adv_{*i*}) актантные дериваты.

S_{*i*} — это типовое название *i*-го актанта, даваемое по его роли в исходной ситуации. Так, глагол *продавать* имеет четыре актанта, упорядоченные следующим образом: «кто продает», «что продает», «кому продает» и «за сколько продает». В соответствии с этим, роль S₁ выполняет существительное со значением ‘тот, кто продает’, то есть *продавец*, S₂ — ‘то, что продается’, то есть *товар*, S₃ — ‘тот, кому продается’, то есть *покупатель*, а S₄ — ‘то, за сколько продается’, то есть *цена*.

³ Мы отвлекаемся здесь от некоторых («штриховых») разновидностей лексических функций класса S_{*i*}, проанализированных в [Апресян 1974: 165—167].

A_i — это характеристика i -го актанта в адъективном синтаксическом статусе. Это значит, что его типовая синтаксическая роль — быть определением к существительному, заполняющему его i -ую валентность. В русском языке грамматикализованным способом выражения A_i служат причастия. Так, от глагола *гореть* A_1 выражается либо активным причастием *горящий*, либо предложно-падежным сочетанием *в огне* [Апресян 1974: 49].

Более сложно дело обстоит с адвербиальными актантами дериватами (Adv_i). Эта лексическая функция определяется следующим образом:

« Adv_i — типовое обозначение действия i -го участника ситуации в виде наречия: Adv_1 (*скорость*) = *so* [*скоростью*], ср. *мчатся со скоростью...*; Adv_2 (*сомневаться*) = *вряд ли*» [Мельчук и др. 1984: 84].

« Adv_1, Adv_2, \dots : adverbe typique pour caractériser le comportement du premier, deuxième, ... actant du mot clé, autrement dit l'adverbe qui signifie 'étant le premier, deuxième, ... actant de'»

$Adv_1(joie)$ = *avec [joie]*

$Adv_2(joie)$ = *a [la joie]*» [Mel'čuk et al. 1984: 9].

« Adv_i — determining property of the action by the i -th (DSynt-) actant of L according to its role in the situation denoted by L . Adv_1 is roughly equivalent to an active verbal adverb ('while L-ing') and Adv_2 , to a passive verbal adverb ('while being L-ed').»

$Adv_1(anger)$ = *with [anger], // angrily*

$Adv_2(bombard)$ = *under bombardment*

$Adv_1(speed)$ = *at [a speed of..]*» [Mel'čuk 1996: 55].

Так же как и другие актантами дериваты, Adv_i семантически связан с i -м актантами исходной ситуации. Однако характер этой связи может быть двояким. Продемонстрируем это на примерах, взятых непосредственно из приведенных выше определений.

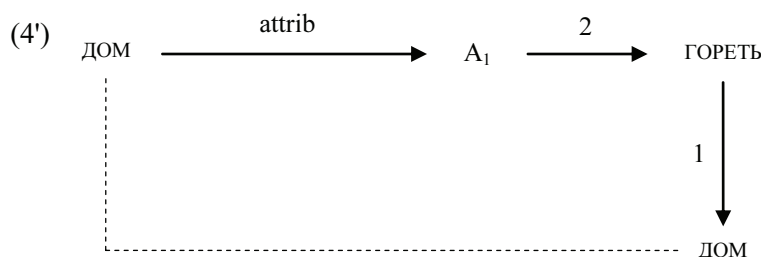
С одной стороны, Adv_i может, так же как и A_i , характеризовать i -й актантами исходной леммы, но, естественно, в форме не адъективного, а адвербиального определения. А это возможно тогда, когда i -й актантами имеет пропозиционный характер. Рассмотрим выражения *в огне* (= $A_1(гореть)$) и *à la joie* 'к радости' (= $Adv_2(joie)$ 'радость'), реализованные в примерах (4) и (5):

(4) *дом в огне*

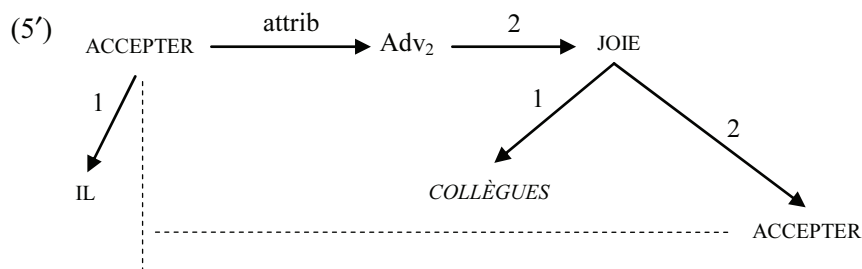
(5) *Il a accepté ce poste à la joie de ses collègues* 'к радости своих коллег он принял этот пост'

В атрибутивном сочетании (4) выражение *в огне* синтаксически определяет существительное *дом*, которое заполняет ПЕРВУЮ валентность предиката 'гореть'. Этим объясняется индекс 1 в обозначении функции A_1 . Глубинно-

синтаксическая структура, эксплицирующая актантные связи между элементами этого сочетания, выглядит следующим образом ⁴:

Аналогичным образом в предложении (5) выражение *à la joie de ses collègues* 'к радости своих коллег' синтаксически определяет выражение *il a accepté ce poste* 'он принял этот пост', которое заполняет ВТОРУЮ (причинную) валентность предиката *joie* 'радость'. Поэтому функция Adv_2 имеет индекс 2. Глубинно-синтаксическую структуру этого предложения можно изобразить так:

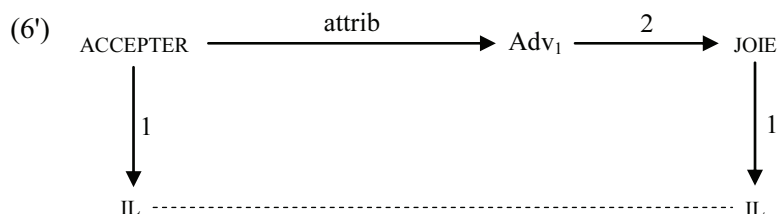
Как в случае (4), так и в (5) связь деривата с *i*-м семантическим актантом исходной лексики состоит в том, что ДЕРИВАТ ЗАНИМАЕТ ПОЗИЦИЮ ЕГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

С другой стороны, семантическая связь Adv_i с *i*-м семантическим актантом исходного слова может проявляться в том, что дериват характеризует НЕ САМ АКТАНТ, А ЕГО ДЕЙСТВИЕ (в широком смысле термина 'действие'). Точнее говоря, дериват служит синтаксическим определением к глаголу, первым актантом (подлежащим) при котором служит *i*-й актант исходного слова. Например, сочетание типа *avec joie* 'с радостью' представляет собой Adv_1 от *joie* 'радость'. Предложение (6)

(6) *Il a accepté ce poste avec joie* 'он принял этот пост с радостью'

имеет следующую глубинно-синтаксическую структуру:

⁴ Пунктирной линией обозначается отношение кореферентности.

Очевидным образом, в этой структуре синтаксический хозяин Adv_i — *accepter* — не является первым актантом исходного слова (*joie*). Здесь лексическая функция Adv_i является аналогом деепричастия: *avec joie* ‘с радостью’ ≈ *raduясь*. Именно на этот тип использования Adv_i ориентированы определения, приведенные выше. Согласно этим определениям, Adv_i характеризует именно ДЕЙСТВИЕ i -го актанта, а не сам актант. Однако в таком случае определения не охватывают случаи типа *à la joie* ‘к радости’. В структуре (5') вторым актантом *joie* служит глагол *accepter*, который сам обозначает действие, и у него никакого собственного действия, которое характеризовала бы функция Adv_i , быть не может.

Итак, мы видим, что лексическая функция Adv_i имеет два отчетливо различающихся типа употребления. Назовем их ПРИЧАСТНЫЙ и ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ по прототипической ситуации, которую они описывают. В первом случае функция Adv_i параллельна функции A_i в том отношении, что обе они характеризуют i -й актант исходного слова и в синтаксической структуре занимают позицию его определения. Во втором случае функция Adv_i построена по аналогии с деепричастиями и определяет не актант, а глагол, обозначающий действие этого актанта.

Замечание. В первых публикациях по лексическим функциям указанная двойственность адвербиальных дериватов не осталась незамеченной. В отличие от субстантивных и адъективных дериватов, адвербиальные снабжались не одним актантным индексом (цифровым), а двумя — цифровым и буквенным, например Adv_{1B} [Мельчук 1974: 90]. Цифровой индекс фиксировал, как и сейчас, «деепричастные свойства» функции Adv , а буквенный индекс использовался для обозначения актанта, выходящего в позицию синтаксического определения. Однако в дальнейшем буквенный индекс был исключен из определения функции Adv . Заметим, кстати, что если и пользоваться цифровым и буквенным индексами для фиксации обсуждаемых свойств функции Adv , то представляется логичным поменять их интерпретацию. Следовало бы закрепить за цифровым индексом ту же роль, которую он выполняет при функции A_i , а для специфической («деепричастной») роли использовать новый индекс.

Рассмотрим еще одну важную черту функции Adv_i . Что значит, что она, в соответствии с определением, характеризует ДЕЙСТВИЕ i -го актанта (the action by the i -th actant of L)? В более конкретных терминах это означает, что i -й

актант ключевого слова совпадает с ПОДЛЕЖАЩИМ (или, точнее говоря, с ПЕРВЫМ актантом) глагола, от которого синтаксически зависит дериват. Так, в предложении (6) радость испытывает именно то лицо, которое приняло пост. Эта связь с подлежащим главного глагола объясняется, очевидно, тем, что функция Adv_i ориентирована на моделирование глагольных наречий русского типа — таких, которые накладывают строгие ограничения на свой первый актант: он невыразим в поверхностной структуре и должен быть кореферентен подлежащему главному глаголу. Остальные актанты ключевого слова не обладают никакой спецификой и присоединяются к деривату так же, как и к самому ключевому слову. Ср.:

(7) *Петр покупает одежду в модных магазинах за огромные деньги.*

(8) *Покупая одежду в модных магазинах за огромные деньги, Петр вечно по уши в долгах.*

Однако многие языки не накладывают подобных ограничений на глагольные наречия и допускают абсолютные конструкции, в которых первый актант деривата не кореферентен актантам главного глагола:

(9) *His wife buying clothes in fashionable shops, Peter is always in debt up to his neck* ‘жена Петра покупает (букв. покупая) одежду в модных магазинах, и он вечно по уши в долгах’.

(10) исп. *Viajando en tren, el riesgo es mínimo* ‘если путешествовать (букв. путешествуя) на поезде, риск минимален’.

(11) исп. *Cumplido el plazo, nadie podía protestar* ‘поскольку срок был соблюден (букв. срок (будучи) соблюден), никто не мог протестовать’.

Таким образом, как мы видели выше, лексическая функция Adv_i не в состоянии описать актантное поведение адвербиальных дериватов. Она не покрывает даже тех примеров, которые ее иллюстрируют (ср. *avec joie — à la joie*) и не охватывает даже прототипические (грамматикализованные) адвербиальные дериваты — герундии.

При поиске более удачного решения можно идти разными путями. Один путь приводит к расщеплению функции Adv_i на две: первая (за которой естественно оставить прежний символ Adv_i) является адвербиальным аналогом функции A_i , а вторая представляет собой аналог деепричастия (ее можно обозначить через Ger_i). Второй путь состоит в том, чтобы обобщить индекс при функции Adv_i и сделать его более содержательным. Эти возможности вместе с дополнительным материалом разбираются в [Богуславский 2003].

Существенно, однако, что, как бы мы ни усложняли аппарат лексических функций, полностью описать актантную структуру адвербиального деривата с помощью лексических функций, по-видимому, невозможно. При других

типах актантной деривации, таких как субстантивная деривация или конверсия, актантную структуру деривата легко задать через актантную структуру исходного предиката. Для этого достаточно указать при символе лексической функции цепочку цифр, которая описывает перестановку актантов исходного предиката (см. выше Cопv_{4213} (*покупать*) = *продавать*). При переходе к такому деривату актант может либо остаться на прежнем месте, либо изменить свой номер, либо вообще оказаться заблокированным (ср. *лечить антибиотиками* — **врач антибиотиками*). Однако его синтаксическое подчинение может измениться в очень ограниченной степени. Если актант исходного слова выразим в предложении с конверсивом или субстантивным дериватом, то он либо должен подчиняться деривату непосредственно, либо через связку или другой лексико-функциональный глагол (*Петр учил математике* — *Петр был учителем математики*).

При адвербиальной деривации дело обстоит значительно сложнее. Некоторые валентности исходного предиката приобретают такую свободу, что обнаружить их реализацию в предложении оказывается не всегда легко. Ниже мы продемонстрируем несколько типов актантного поведения адвербиальных дериватов, не укладывающихся в аппарат лексических функций, и предложим способ лексикографического описания этих явлений.

4. Актантное поведение адвербиальных дериватов

Мы рассмотрим три типа выражения валентности адвербиального деривата:

- валентность выражается при самом деривате (п. 4.1);
- валентность заполняется подчиняющим глаголом (п. 4.2);
- валентность заполняется внутри группы подчиняющего глагола (п. 4.3).

4.1. Валентности, выражаемые при адвербиальном деривате

В каноническом случае дериват полностью сохраняет управление исходного слова:

- (12а) *скорость 800 км/час* — *Самолет летел со скоростью 800 км/час*;
- (12б) *совет Ивана* — *по совету Ивана*;
- (12в) *Это подарок от Виктора* — *Я получил это в подарок от брата*.

В некоторых случаях управляющие свойства несколько видоизменяются. Например, общее правило русского языка состоит в том, что именные группы, управляемые существительным, в нейтральном стиле ставятся в постпозицию к нему: *ответ ей* — ?*ей ответ*. Однако дериват *в ответ* допускает помещение этой группы в препозицию:

(13) *Садитесь, — произнес он ей в ответ.*

Интересное соотношение актантных свойств демонстрирует пара *предлог — под предлогом*. Существительное *предлог* трехвалентно: Для X-а P — *предлог, чтобы сделать Q* = ‘желая сделать Q, которое, по мнению X-а или говорящего, нарушает нормы этики или этикета, субъект X использует ситуацию P, чтобы сделать Q, считая, что наличие P оправдывает Q’ [Богуславская 2004]. Выступая вне контекста *под*, существительное *предлог* управляет актантом со значением действия Q, но не со значением мотива действия P. Последний выражается вне группы слова *предлог*:

(14а) *Головная боль [P] — хороший предлог, чтобы остаться дома [Q].*

(14б) **предлог головной боли [P].*

Управляющие свойства деривата *под предлогом* — противоположные: валентность мотива действия P становится управляемой, а валентность действия Q теряет это свойство:

(14в) *Она осталась дома [Q] под предлогом головной боли [P].*

Последнее обстоятельство — утрата адвербиальным дериватом способности управлять одним из актантов — есть проявление общей закономерности, связанной с «актантно-ориентированными» лексическими функциями, такими как функции группы *Oper-Func*. Такие функции, присоединяясь к ключевому слову, оттягивают один из его актантов на себя и тем самым лишают его способности управлять этим актантом:

(15а) *давление газа (жидкости) на стенки сосуда*

(15б) *Газ (жидкость) оказывает давление на стенки сосуда.*

(15в) **Газ оказывает давление жидкости на стенки сосуда.*

Это явление систематически проявляется и при адвербиальной деривации. Если некоторый актант ключевого слова выражается при подчиняющем глаголе, то соответствующая валентность при деривате оказывается заблокирована:

(16а) *девятикилометровая высота полета самолета*

(16б) *самолет летел на высоте (*полета) девять километров.*

В связи в этом правилом представляет интерес адвербиал *по привычке*. Существительное *привычка* имеет две валентности: «кто имеет привычку?» и «в чем она состоит?»: *привычка отца рано ложиться спать*. Адвербиал *по привычке* в первом приближении имеет следующее толкование:

(17) *X делает P по привычке* = ‘X делает P потому, что X привык делать P’.

(18) *Отец по привычке рано лег спать.*

Поскольку валентность действия, совершаемого по привычке, выражается подчиняющей глагольной группой, по отмеченному выше правилу адвербиал *по привычке* не должен управлять инфинитивом:

- (19а) *Он по привычке включил телевизор* ('включил, потому что он имеет привычку включать телевизор').
 (19б) **Он включил телевизор по привычке проводить вечер дома.*
 (19в) **Он включил телевизор по привычке жены.*

Тем не менее построения с валентностью действия, заполненной при адвербиале *по привычке*, встречаются и вполне правильны:

- (20а) ***По привычке трогать*** предметы без надобности, Иван нажал ее [кнопку] (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).
 (20б) ...он, против обыкновения, ...ни с кем не говорил и лишь согнал с места одного здешнего купеческого приказчика, но это уже почти бессознательно, ***по привычке к ссоре***, без которой, войдя в трактир, он уже не мог обойтись (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы).
 (20в) Ныне, то есть в те дни, когда начинается наш рассказ, Александре Ивановне Синтяниной от роду двадцать восемь лет, хотя, ***по привычке ни в чем не доверять*** ей, есть охотники утверждать, что генеральше уже стукнуло тридцать, но она об этом и сама не спорит (Н. С. Лесков, На ножах).
 (20г) Однако на нее записывали, и много, тем более, что граф ***по привычке играть*** большую коммерческую игру играл сдержанно, подводил очень хорошо и никак не понимал толчков под столом ногой корнета и грубых его ошибок в вистованьи (Л. Н. Толстой, Два гусара).

Примеры типа (20) противоречат приведенной выше закономерности лишь на первый взгляд. В действительности в этих примерах *по привычке* выступает не в своем основном значении, а в модифицированном и имеет не две валентности, а три.

Модификация 1. *X* делает *P* по привычке делать *Q* = 'X делает *P*, потому что X привык делать *Q*, и *P* является частным случаем *Q*'.

Так, предложение (20а) сообщает, что Иван нажал кнопку, потому что привык трогать предметы без надобности, и в нажимании кнопки не было никакой надобности. Таким образом, примеры (20) лишь подтверждают указанное выше правило. Действие *P*, выраженное подчиняющей глагольной группой, не может быть одновременно выражено при самом адвербиале, в то время как то действие *Q*, которое при нем оказывается выраженным, заполняет другую валентность адвербиала.

В этой модификации валентность исходного предиката «что привык делать?» расщеплена на две: привычное действие и его актуальная реализация. Нечто похожее может происходить и с другой валентностью исходного предиката «кто имеет привычку?». Ср. предложения (21):

- (21a) *Вдруг маленький поляк произнес имя депутата Мадье де Монжо, но, **по привычке очень многих поляков**, выговорил его по-польски, то есть с ударением на предпоследнем слоге, и вышло не Мадье́ де Монжо́, а Ма́дье де Мо́нжо* (Ф. М. Достоевский, Подросток).
- (21б) *Правая пристяжная, которую я невольно наблюдал, вместе с длинной ременной кисточкой шлеи, бившейся и подпрыгивающей с полевой стороны, заметно спускала постромки, требовала кнутика, но, **по привычке доброй, даже горячей лошади**, как будто досадовала на свою слабость, сердито опускала и подымала голову, попрашивая повода* (Л. Н. Толстой, Метель).

Подобные предложения также требуют введения модификации толкования адвербиала *по привычке*, но уже другого:

Модификация 2: *X делает P по привычке R-ов* = ‘X делает P, потому что R-ы привыкли делать P, и X есть R’.

Весьма примечательно, что указанные модификации совместимы. Возможны предложения, в которых одновременно реализованы они обе:

- (22a) ***По привычке очень многих поляков делать ударение** на предпоследнем слоге, он произнес имя депутата неправильно, и вышло не Мадье́ де Монжо́, а Ма́дье де Мо́нжо.*
- (22б) *Татьяна Марковна перешла в дружеский тон, потрепала (милого Николеньку) по плечу и прибавила, что сама знает, как напрасны эти слова, но что говорит их **по привычке старой бабы — читать мораль*** (И. А. Гончаров, Обрыв).

Это значит, что указанные модификации следует объединить в одну, четырехвалентную, и считать, что в примерах (20) и (21) реализованы частные случаи, состоящие в том, что участник X совпадает с R, а P — с Q:

Модификация: *X делает P по привычке R-ов делать Q* = ‘X делает P, потому что R-ы привыкли делать Q, X есть R, и P является частным случаем Q’.

Следующим шагом могло бы быть объявление этой модификации единым толкованием для выражения *по привычке*, охватывающим не только случаи типа (20)—(22), но и стандартные случаи типа (18). Тогда толкование (17) стало бы излишним.

4.2. Валентности, выражаемые подчиняющим глаголом

Адвербиальные дериваты от многих предикатов, имеющих пропозициональную валентность, заполняют эту валентность подчиняющим глаголом. Приведем еще несколько примеров, помимо уже приводившихся выше:

- (23а) *Отец по привычке рано лег спать.*
- (23б) *Отец имеет привычку рано ложиться спать.*
- (24а) *В конце концов, сама Люся Кинжалова признала грубость своего замечания и в доказательство полной сдачи своих позиций поцеловала Марата в нос (Ф. Искандер, Маленький гигант большого секса).*
- (24б) *Люся Кинжалова доказала полную сдачу свих позиций тем, что поцеловала Марата в нос.*
- (25а) *В ответ он что-то многозначительно промычал.*
- (25б) *Он ответил многозначительным мычанием.*

В предложениях с подобными адвербиалами может возникать осложнение, состоящее в том, что пропозициональная валентность адвербиала заполняется не самим подчиняющим глаголом, а лишь теми словами, которые ему синтаксически подчинены. В этом смысле можно сказать, что подчиняющий глагол семантически прозрачен по отношению к адвербиалу или же что адвербиал синтаксически смещен к предикату, занимающему более высокое положение в синтаксической структуре:

- (26а) *По постановлению суда налоговики возместили компании расходы на адвокатов.*
- (26б) *По постановлению суда налоговики были вынуждены возместить компании расходы на адвокатов.*

В предложении (26а) валентность содержания постановления заполняется группой подчиняющего глагола: суд постановил, чтобы налоговики возместили компании расходы на адвокатов. В предложении (26б) содержание постановления суда, очевидно, то же самое. Включение компонента 'быть вынужденным' в состав актанта со значением содержания приводит к маловероятной интерпретации предложения: 'суд постановил, чтобы налоговики были вынуждены возместить расходы'. Более правдоподобно предположить, что валентность адвербиала заполняет не синтаксическая вершина предложения, а глагол *возместить*: (26б) = налоговики были вынуждены (по постановлению суда возместить компании расходы на адвокатов).

Еще два примера, иллюстрирующие это же явление:

- (27) *Оленька сказала мне, что я не противен ее сестре, но что она... требует в доказательство любви моей, чтоб я целый год не говорил*

ни слова об этом ее матери и ей самой (М. Н. Загоскин, Рославлев, или Русские в 1812 году).

С синтаксической точки зрения адвербиал *в доказательство* принадлежит главному предложению и связан с его вершиной *требует*. Между тем семантически он принадлежит придаточному и заполняет свою валентность внутри него: ‘требует, чтобы я доказал свою любовь тем, что целый год не буду говорить о ней ни матери, ни ей самой’.

(28) *Иван Димитриевич в награду за услуги, оказанные им Василию в Орде, надеялся, что великий князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою в то время, когда князья часто женились на дочерях боярских и выдавали за бояр дочерей своих* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен).

Здесь также адвербиал *в награду* находится в главном предложении, в то время как семантически принадлежит придаточному: ‘надеялся, что великий князь в награду женится на его дочери’, а не ‘в награду надеялся’.

4.3. Валентности, выражаемые зависимыми подчиняющего глагола

Если валентность адвербиального деривата выражена зависимыми подчиняющего глагола, то возникает вопрос, как идентифицировать такое зависимое среди остальных зависимых глагола. Покажем, что позиция такого зависимого может быть идентифицирована на основе его синтаксической функции (4.3.1), семантической роли (4.3.2) или коммуникативной функции (4.3.3).

4.3.1. Синтаксическая функция

В прототипическом случае один из актантов исходного предиката (первый или второй) выражается подлежащим подчиняющего глагола. Самый чистый пример таких адвербиалов — это деепричастия. Если с подлежащим подчиняющего глагола совпадает первый актант исходного предиката, то мы имеем дело с активным деепричастием (Adv_1 , в терминологии [Мельчук 1974]), а если второй актант, то перед нами пассивное деепричастие (Adv_2). Отклонение от этого соотношения между актантами приводит в случае деепричастий к хорошо известным аномалиям типа **Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа*. В случае неглагольных адвербиалов требование совпадения одного из актантов исходного предиката с подлежащим подчиняющего глагола может в той или иной степени размываться. Приведем несколько примеров в порядке ослабления этого требования.

Адвербиал *по привычке* жестко требует для своего актанта позиции подлежащего:

- (29а) *Переселенцы и на новом месте по привычке строили дома у реки.*
(29б) ^{??}*Дома и на новом месте по привычке строились (переселенцами) у реки.*

Выражения группы *по приказу, по распоряжению, по совету* и т. п. чаще всего употребляются тогда, когда адресат приказа, распоряжения, совета и т. п. (и он же агент соответствующего действия) выполняет функцию подлежащего:

- (30а) *По приказу командующего войска перешли в наступление.*

Однако на этот раз уже допустимо, чтобы предикат стоял в пассиве и адресат приказа утратил позицию подлежащего:

- (30б) *По приказу Шуйского была построена плотина на речке Уже, которая протекала через Тулу.*

Если вместо пассивизации использовать такое близкое явление, как замену на конверсив, то возникнет аномалия:

- (31а) *По приказу командующего войска осуществили массированный артобстрел противника.*
(31б) **По приказу командования противник подвергся массированному артобстрелу нашими войсками.*

Причина здесь, видимо, в том, что при пассивизации первый глубинный актант остается прежним, а при конверсии он меняется.

Следующий шаг ослабления канонического требования подлежащности демонстрирует пример (32), в котором адресат приказа — первый актант первого актанта подчиняющего глагола:

- (32) *По приказу командующего наступление началось ровно в 3 часа утра.*

4.3.2. Семантическая роль

Еще дальше на пути ослабления требования того, чтобы определенный актант адвербиального деривата выражался подлежащим подчиняющего глагола, прошли дериваты типа *в подарок, в дар, в награду*. Существительные типа *подарок* имеют три валентности: субъект дарения или награды (X), объект (Y) и адресат (Z). Эти адвербиалы сочетаются с обширным классом глаголов, которые группируются вокруг значения передачи: *получать, принимать, требовать, просить; приносить, привозить, доставлять, посылать,*

отправлять, предназначать, обречь, жаловать, подносить, передавать, вручать, давать, отдавать, и др. Сформулировать синтаксическое ограничение на соотношение актантов адвербиалов и актантов глаголов невозможно: подлежащим в предложениях с этими адвербиалами может быть любой из трех актантов дарения:

- (33а) *Отец (X) привез ей в подарок ожерелье.*
 (33б) *Она (Z) получила в подарок ожерелье.*
 (33в) *Ожерелье (Y) досталось ей в подарок от бабушки.*
 (34а) *В награду он (X) пообещал полцарства.*
 (34б) *В награду он (Z) потребовал полцарства.*

Несмотря на различие в синтаксических позициях относительно подчиняющего глагола, актанты адвербиального деривата подчиняются следующему семантическому правилу: если валентность не выражена непосредственно при адвербиале (*в подарок сыну, в подарок от отца*), то валентность адресата дарения заполняется тем актантом подчиняющего глагола, который выполняет семантическую роль адресата при предикате передачи, входящем в состав значения глагола. То же верно относительно валентностей субъекта и объекта. Иначе говоря, соотношение актантов адвербиального деривата и подчиняющего глагола формулируется не в терминах синтаксических позиций, а в терминах семантических ролей.

4.3.3. Коммуникативная функция

В заключение отметим, что, помимо синтаксических позиций и семантических ролей, ограничение на выразимость актанта адвербиала может формулироваться в терминах коммуникативной функции. В работе [Богуславский 2005] мы подробно разбирали актантные свойства существительного *большинство* и производного от него адвербиала *в большинстве*. Для целей настоящей работы интерес представляет валентность объемлющего множества, которая при слове *большинство* прототипически выражается группой предлога *из*:

- (35) *Большинство из них было арестовано и подверглось ссылке в Гвиану и на Сэйшельские острова, откуда редко кто возвращался.*

При адвербиале *в большинстве* эта валентность, как правило, выражается подлежащим подчиняющего глагола:

- (36) *Они были арестованы и подверглись в большинстве своем ссылке в Гвиану и на Сэйшельские острова, откуда редко кто возвращался (Е. Тарле, Наполеон).*

Однако подлежащее — не единственная синтаксическая возможность для валентности объемлющего множества. В предложениях (37) и (38) в этой функции выступают прямые дополнения *иностранные (книги) и этаж*:

- (37) *Русские книги были собраны покойным мужем княгини, ведем дружбу с Новиковым и другими московскими мартенистами, иностранные же — в большинстве вывезла сама Анна Аркадьевна из Парижа, где в ее салоне собирались некоторые из светил современной французской литературы* (Г. П. Данилевский, Сожженная Москва) [= 'большинство иностранных книг'].
- (38) *Кстати говоря, седьмой этаж в абсолютном большинстве неизменно составляли мистики* (С. Залыгин, Мистика) [= 'большая часть седьмого этажа'].

Как оказывается, ключевую роль играет здесь не синтаксическая позиция, а актуальное членение. Валентность объемлющего множества соответствует теме предложения. Поскольку позиция темы часто занята подлежащим, то ясно, почему в большинстве случаев эта валентность заполнена именно им.

5. Заключение

В начале статьи мы говорили о том, что с помощью символов лексических функций актантного типа, таких как Conv, Oper-Func-Labor, Real-Fact-Labreal и производных от них, можно достаточно эффективно задать актантное поведение выражений, являющихся коррелятами этих лексических функций. Рассмотренный материал дает основания считать, что попытка аналогичным образом задать актантное поведение адвербиальных дериватов обречена на неудачу. Актантная структура адвербиальных дериватов в общем случае не может быть задана в сугубо синтаксических терминах. Описание ограничений на выражение их пассивных валентностей требует гораздо более разнообразных средств. Такое описание возможно только в рамках самостоятельной словарной статьи адвербиального деривата.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
- Апресян 1992 — Ю. Д. Апресян. О новом словаре синонимов русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 51. 1992. № 1. С. 18—39.
- Апресян 2001 — Ю. Д. Апресян. О лексических функциях семейства REAL — FACT // Nie bez znaczenia ... Prace ofiarowane Profesorowi Zygmuntowi Saloniemu z okazji jubileuszu 15000 dni pracy naukowej. Białystok, 2001. С. 23—40.

- Богуславская 2004 — *О. Ю. Богуславская. ПРЕДЛОГ, ПОВОД* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. С. 825.
- Богуславский 1985 — *И. М. Богуславский. Исследования по синтаксической семантике*. М., 1985.
- Богуславский 1996 — *И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц*. М., 1996.
- Богуславский 2003 — *И. М. Богуславский. Замечания об актантной структуре адвербиальных дериватов* // *Die het kleine eert, is het grote weerd. Uitgeverij Pegasus. Amsterdam, 2003. С. 23—40. (Pegasus Oost-Europese Studies 1.)*
- Богуславский 2005 — *И. М. Богуславский. Валентности кванторных слов* // *Квантификативный аспект языка*. М., 2005. С. 139—165.
- Мельчук 1974 — *И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»*. М., 1974.
- Мельчук и др. 1984 — *И. А. Мельчук, А. К. Жолковский, Ю. Д. Апресян и др. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики*. Wien, 1984.
- Boguslavsky 2005 — *I. Boguslavsky. Actant properties of adverbial derivatives* // *East-West Encounter: Second International Conference on Meaning — Text Theory*. М., 2005. P. 65—76.
- Mel'čuk 1995 — *I. Mel'čuk. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics* // М. Everaert, E.-J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder (eds.). *Idioms. Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale; Hove (N. J.), 1995. P. 167—232.
- Mel'čuk 1996 — *I. Mel'čuk. Lexical Functions: A Tool for the Description of Lexical Relations in the Lexicon* // L. Wanner (ed.). *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing*, Amsterdam; Philadelphia, 1996. P. 37—102.
- Mel'čuk et al. 1984 — *I. Mel'čuk et al. DEC: Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain: Recherches lexico-sémantiques I* // Les Presses de l'Université de Montréal. Montréal (Québec), 1984.
- Mel'čuk et al. 1988 — *I. Mel'čuk et al. DEC: Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain: Recherches lexico-sémantiques II* // Les Presses de l'Université de Montréal. Montréal (Québec), 1988.
- Mel'čuk et al. 1992 — *I. Mel'čuk et al. DEC: Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain: Recherches lexico-sémantiques III* // Les Presses de l'Université de Montréal. Montréal (Québec), 1992.
- Tesnière 1959 — *L. Tesnière. Eléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛИЦИТНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ*

А. В. Бондарко

В трудах Елены Викторовны Падучевой осмысляется широкий круг проблем семантики (лексической и грамматической), таксономических категорий и классов, лингвистики текста, вопросов синтаксиса и аспектологии (см., в частности, [Падучева 1974; 1985; 1986; 1990; 1996; 1998; 2000; 2001; 2003; 2004а; 2004б]). С этой проблематикой во многом связан выбор темы, обсуждаемой в последующем изложении.

Основное внимание в этой статье уделяется имплицитности, обусловленной элементами системно-структурной организации семантического содержания. Речь идет преимущественно о семантике в сфере аспектологии.

Ситуативная и системно-языковая имплицитность. Ситуативная имплицитность предполагает, что передается смысл, вытекающий из речевой ситуации и соответствующей ситуативной информации в ее связях со значениями, выраженными языковыми средствами. Например, в определенной речевой ситуации высказывание *Вы не устали?* может содержать имплицитный смысл 'пора сделать перерыв'. Особая разновидность ситуативной имплицитности — смысл, связанный с «фоновыми знаниями», с тем, что считается известным в данной общественной среде, например: *Ну что, опять «хотели как лучше...»?* Системно-языковая имплицитность заключается в следующем: передается семантический элемент, имплицитность которого обусловлена особенностями системной организации значений в анализируемом языке. Одной из разновидностей имплицитности данного типа является импликация, обусловленная семантической немаркированностью (имеется в виду привативная оппозиция в структуре грамматической категории). Итак, могут быть выделены два типа имплицитности: а) ситуативная и б) системно-языковая, обусловленная элементами системной организации семантического

* Исследование осуществлено при содействии Фонда Президента РФ на поддержку ведущих научных школ, грант НШ-6124.2006.6.

содержания в его языковом выражении. Далее рассматриваются конкретные проявления системно-языковой имплицитности аспектуальной семантики.

Имплицитность, обусловленная семантической немаркированностью несовершенного вида. Непосредственное отношение к вопросу о системно-языковой имплицитности имеет трактовка маркированности/немаркированности в морфологических корреляциях, предложенная Р. О. Якобсоном: «...если категория I указывает на наличие А, категория II не указывает на наличие А, иными словами, она не свидетельствует о том, присутствует А или нет. Общее значение категории II сравнительно с категорией I ограничивается, таким образом, отсутствием „сигнализации А“» [Якобсон 1985: 210] («О структуре русского глагола»; нем. оригинал — 1932 г.). Отмечается, что немаркированный член противопоставления используется прежде всего для обозначения противоположного признака «не А» (в этом заключается главное, специфическое значение немаркированного члена), но он может использоваться и для выражения признака А [Там же: 144] («К общему учению о падеже»; нем. оригинал — 1932 г.). Данное истолкование отношения маркированности/немаркированности распространяется на категорию глагольного вида (значение совершенного вида определяется как абсолютная граница действия): «...формы совершенного вида (признаковая категория) ~ формы несовершенного вида (беспризнаковая категория)» [Там же: 213].

С семантической немаркированностью НСВ связана проявляющаяся в некоторых типах употребления этой формы имплицитная интерпретация семантических признаков «ограниченность действия пределом» и «возникновение новой ситуации», эксплицитно выражаемых при функционировании СВ. Одним из таких типов употребления НСВ является настоящее историческое. Например: *Иду* [конкретно-процессное значение, ср. в прошедшем времени *шел*] *однажды по нашим переулкам, возле Староконюшенного, и встречаю его...* (И. Бунин. Освобождение Толстого) [в прошедшем времени была бы употреблена форма СВ *встретил* в конкретно-фактическом значении]; *Сижусь сегодня в редакции и читаю корректуру своей передовой. Вдруг, знаешь, открывается дверь и входит князь Прочуханцев...* (А. Чехов. О, женщины, женщины!)¹.

Существенны суждения по данному вопросу, высказанные Ю. С. Масловым: «Контраст НСВ : СВ в контекстах вроде *Шел я вчера по улице и встре-*

¹ Варианты нейтрализации видового противопоставления и его реализации в плане настоящего исторического по-разному проявляются в славянских языках (этому вопросу посвящена кандидатская диссертация, текст которой вошел в состав кн. [Бондарко 2005: 425—601]).

тил знакомого исчезает в *Иду я вчера по улице и встречаю знакомого*; лежащее в основе грамматического контраста смысловое противостояние „длительность: наступление нового“ улавливается во втором варианте только на основе учета лексического значения глаголов *иду* и *встречаю*; оно может быть также подчеркнуто добавлением слова *вдруг* (*вдруг встречаю*) и т. п. Какое же частное видовое значение выражает форма *встречаю*? Эрвин Кошмидер говорит в подобных случаях о „несобственной несовершенности“. Точнее можно было бы сказать, что здесь выступает своеобразная комбинация противоположных значений обоих видов... В историческом настоящем *встречаю знакомого* (или *входит, открывает окно* и т. д.) „протекание“ и „целостность“ совмещены в одной форме... В *иду я вчера по улице* перед нами — „фикция настоящего“, но процессность является „подлинной“, не фиктивной. В *и (вдруг) встречаю знакомого* к „фикции настоящего“ присоединяется „фикция процессности“» [Маслов 1984: 82—84; 2004: 109—110].

Таким образом, в условиях нейтрализации видового противопоставления проявляется примечательная особенность языковой интерпретации аспектуальной семантики: импликация предельности может сочетаться с импликацией оттенка процессности. Этот оттенок связан с функцией актуализации прошлого и с процессностью как основным частным значением НСВ. Возможность сочетания импликации предела с импликацией оттенка процессности при употреблении форм презенса связана с воздействием семантики настоящего времени. Эта семантика может актуализировать образное представление действия в процессе его протекания даже при имплицитной «фактичности». Например: *Она осторожно, без шума, поворачивает ручку замка и тихонько приоткрывает дверь* (В. Белов. Свидания по утрам). Процессуализации могут способствовать обстоятельственные конкретизаторы характера осуществления действия (ср. обстоятельства *осторожно, без шума; тихонько* в приведенном выше примере).

Одним из факторов, актуализирующих оттенок процессности в сочетании с «несобственной несовершенностью» в плане настоящего исторического, является обозначение наблюдаемых конкретных действий. Примечательно, что оттенок процессности не выявляется в тех высказываниях, в которых обозначаются не конкретные наблюдаемые действия, а факты, не связанные с представлением о протекании, развитии ситуации во времени, например: *...Нотариус неожиданно дает Путохину отставку и на его место сажает какую-то барышню* (А. Чехов. Старый дом).

С точки зрения нейтрализации видового противопоставления и возможности импликации семантики предела с настоящим историческим отчасти сближается настоящее сценическое: *Вольский стоит неподвижно и вдруг поднимает одну руку* (И. Тургенев. Вечер в Сорренто). В подобных

высказываниях налицо тот же комплекс имплицитных признаков «ограниченность действия пределом» и «возникновение новой ситуации», который представлен в настоящем историческом, однако в данном случае отсутствует характерная для настоящего исторического тенденция к регулярности соотношения с формами прошедшего времени.

Имплицитная интерпретация семантики ограниченности действия пределом, обусловленная возможностью нейтрализации видового противопоставления, представлена также в высказываниях с признаком нелокализации ситуации во времени, например: *Иногда на него напала хандра* (И. Герасимов. Предел возможного); *Мужчины заговаривали с ней всюду, где она появлялась* (С. Довлатов. Иностранка).

В связи с анализом импликации семантического признака «ограниченность действия пределом» в условиях нейтрализации видового противопоставления представляется возможным истолкование импликации предела как особого частного значения НСВ. Это значение можно назвать имплицитно-лимитативным (ср. соотношение «эксплицитный — имплицитный предел» в рассматриваемой нами системе аспектуальной семантики в [Бондарко 1996: 126, 136—137])².

При благоприятных условиях контекста возможно сочетание эксплицитной результативной предельности, выражаемой формой СВ, с представленным в высказывании дополнительным имплицитным элементом предваряющего процесса. Например: *Она сейчас придет в себя* (подразумевается «фондовый» оттенок смысла 'уже приходит в себя'); *Наконец мы докопались до подлинных причин* (подразумевается предваряющий процесс). Оттенок подразумеваемой направленности, предшествующей достижению результата, выступает как имплицитная предпосылка реального предела. Эксплицитно выраженная семантика результата сочетается с имплицитным элементом процесса, который был направлен к этому результату и привел к нему. Во всех случаях такого рода в передаче данного семантического элемента существенную роль играют два фактора: лексическое значение глагола, допускающее данную импликацию, и обстоятельства типа *наконец, постепенно* и т. п. Имплицитный процесс предваряет не только предел, но и сопряженное с ним возникновение новой ситуации.

² Следует заметить, что уже существует прецедент отнесения одного из вариантов семантики, которую мы трактуем как импликацию предела и возникновения новой ситуации, к сфере частных значений НСВ. М. Я. Гловинская, выделяя в сфере НСВ несколько периферийных значений, в том числе актуально-длительное значение (главное), узуальное, общефактическое и потенциальное, включает в этот ряд и то значение, для наименования которого используется сочетание «настоящее историческое». Приводится пример: *Он совершенно теряется, несет суицидальный вздор, принимает извиняться, и даже, видать, согласен, чтобы его ударили по морде* (М. Зощенко) (см. [Гловинская 1982: 14]).

Элементы системно-языковой имплицитности в различных сферах грамматической семантики. Имплицитное представление семантического содержания, разумеется, не ограничивается полем аспектуальности. Далее приводятся некоторые примеры импликации семантических признаков, относящихся к различным категориям.

Импликация футуральной перспективы при употреблении форм повелительного наклонения. В различных типах функционирования форм императива эксплицитное грамматическое значение побуждения (например: *Снимите, пожалуйста, чемодан с полки*) является основой имплицитного элемента отнесенности действия к будущему времени. В соотношении момента речи и времени действия, к которому побуждается адресат, имплицитируется футуральная перспектива. Если же время осуществления действия специально обозначается теми или иными обстоятельствами (*Зайдите к нам во вторник* и т. п.), темпоральный элемент императивной ситуации, естественно, становится эксплицитным. Ср. также инфинитивные конструкции с семантикой побуждения (*Построиться!* и т. п.).

Импликация семантики объекта, субъекта и предиката. При анализе субъектно-предикатно-объектных ситуаций отмечается возможность имплицитного способа представления того или иного элемента в составе рассматриваемых семантических структур (см. [Бондарко 1992: 53]). Выделяются некоторые разновидности этого подтипа: а) имплицитируемый объект при ситуативно и/или контекстуально обусловленном эллипсисе, например: *Дайте!* (в ситуации, когда имеется в виду телефонная трубка и т. п.); б) имплицитируемый субъект; ср., например, инфинитивные конструкции типа *Отдохнуть бы* с оптативным значением: ситуация речи обуславливает импликацию субъекта, в роли которого выступает говорящий (имеется в виду ‘мне’); в) имплицитируемый предикат; ср., например, императивные высказывания типа *Воды!*; в таких случаях эксплицитно выражен объект и по ситуации речи имплицитируется предикат со смысловым содержанием ‘принеси(те), подай(те)’. В случаях такого рода системно-языковая имплицитность, обусловленная типом синтаксической конструкции, допускающей эллипсис дополнения или сказуемого, взаимодействует с имплицитностью, определяемой конкретной ситуацией.

Семантика субъекта в активных и пассивных конструкциях. Ср. активную конструкцию *В работе 1971 года мы рассматриваем эту проблему...*, характеризующуюся эксплицитным выражением семантики субъекта, и пассивную конструкцию, в которой представление субъекта посредством формы творительного падежа также является эксплицитным: *В работе 1971 года эта проблема рассматривается нами...* В пассивной конструкции на переднем плане — в роли подлежащего — оказывается не субъект (автор), а объект (проблема). Использование пассивной конструкции в какой-то степени снижает степень актуализации семантики лица-субъекта,

однако эта семантика сохраняет в своем выражении признак эксплицитности. Вместе с тем в данном контексте возможно устранение эксплицитно выраженного субъекта: *В работе 1971 года эта проблема рассматривается...* Контекст, в котором речь идет об авторе, а не о другом исследователе, предполагает возможность имплицитной интерпретации лица–субъекта. Системно обусловленная определенным типом синтаксической конструкции возможность имплицитного представления рассматриваемой семантики реализуется в контекстуально и ситуативно обусловленной разновидности имплицитности. Рассматриваемое соотношение активных и пассивных конструкций может находить отражение в процессе формирования высказывания (в динамике дискурса). В процессе написания научной работы может фигурировать «фактор скромности»: в пассивных конструкциях без обозначения субъекта в иерархии участников ситуации на переднем месте оказывается не автор, а предмет проводимого им анализа. Налицо импликация смысла ‘рассматривается автором’ как того, что само собой подразумевается в данном контексте. Выход в сферу «авторского дискурса» демонстрирует возможность варианта дискурса, при котором различие между эксплицитным и имплицитным представлением некоторых семантических элементов отражается в сознании говорящего (пишущего) в процессе порождения высказывания.

Имплицитная перцептивность. Говоря о перцептивности, мы имеем в виду языковую и речевую интерпретацию наблюдаемости и других типов восприятия явлений внешнего мира (в частности, восприятия слухового) с точки зрения перцептора — прежде всего говорящего и слушающего (в письменной речи — автора, повествователя, персонажей, неопределенного множества реальных и потенциально возможных лиц, воспринимающих обозначаемую ситуацию). Проблема перцептивности рассматривается в работах ряда исследователей (см. [Апресян 1995: 629—650; Арутюнова 1999: 413—428; Кустова 1999: 229—238; Падучева 2000; 2001; Пупынин 2000: 36—51]. Предлагаемое истолкование понятия перцептивности (см. [Бондарко 1983: 132—135; 2002: 273—285]) связано прежде всего с анализом семантики вида и времени в различных типах высказываний и целостных текстов.

Перцептивность может быть эксплицитной, выраженной определенными языковыми средствами, например: *И вижу я ветряную мельницу при дороге... Ну, я гляжу, мельница тихо кружится по воздуху* (А. Платонов. Ветер-хлебопашец). Существуют различные варианты актуализации. Один из них связан с элементами типа *посмотрите!* в окружающем контексте, создающими своего рода «доминанту перцептивности». Имплицитное представление рассматриваемой семантики выступает в высказываниях следующего типа: *Клава, поставив ногу на раму велосипеда, вытянула из сумки телеграфный бланк* (Г. Бакланов. Друзья). Наблюдаемость в подобных случаях специально не обозначается, не выражается эксплицитно, тем не менее она

представлена в высказывании: речь идет о наблюдаемых действиях. В подобных случаях элементы «литературной перцептивности» относятся не к семантическому центру высказывания, а к тому, что называют «фоном»; эти элементы специально не подчеркиваются, не актуализируются, их нельзя признать элементами актуального речевого смысла.

Говоря об имплицитной перцептивности, уместно привести высказывание Ю. С. Маслова, относящееся к характеристике художественного повествования: «Автор как бы всеведущ: он незримо присутствует при всех событиях, видит своих героев „насквозь“ и так же „насквозь“, с их сокровенными помыслами, показывает их читателю. Вместе с тем он нигде, никак и ни в чем не обнаруживает себя и как бы вообще не существует, — действие происходит „само собою“, без его участия» [Маслов 1984: 183; 2004: 218].

* * *

Вопрос об эксплицитном и имплицитном представлении семантического содержания тесно связан с проблемой соотношения значения и смысла. Между ситуативной и системно-языковой имплицитностью имеется существенное различие, касающееся уровней и аспектов семантики. Ситуативная имплицитность — это подразумеваемый смысл, тогда как системно-языковая имплицитность так или иначе связана с языковыми значениями, в частности, с речевыми реализациями грамматических значений.

Анализ соотношения эксплицитности и имплицитности, а также разных типов имплицитности (ситуативной и системно-языковой) в их взаимосвязях — сфера исследований, требующая дальнейшей разработки, в частности, в системе функциональной грамматики (ср., например, такие категории, как персональность, залоговость, субъектность, объектность, определенность/неопределенность, эвиденциальность). Одно из возможных направлений анализа — сопоставительное исследование различных типов соотношения эксплицитности и имплицитности в изучаемых языках.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова 1999 — Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Бондарко 1983 — А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983 (2-е изд., стер.: М., 2001; 3-е изд., стер.: М., 2003).
- Бондарко 1992 — А. В. Бондарко. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992. С. 29—71.

- Бондарко 1996 — *А. В. Бондарко*. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Бондарко 2002 — *А. В. Бондарко*. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М., 2002.
- Бондарко 2005 — *А. В. Бондарко*. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- Гловинская 1982 — *М. Я. Гловинская*. Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М., 1982.
- Кустова 1999 — *Г. И. Кустова*. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 229—238.
- Маслов 1984 — *Ю. С. Маслов*. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 2004 — *Ю. С. Маслов*. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Падучева 1974 — *Е. В. Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1985 — *Е. В. Падучева*. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Падучева 1986 — *Е. В. Падучева*. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424.
- Падучева 1990 — *Е. В. Падучева*. Вид и лексическое значение глагола (от лексического значения глагола к его аспектуальной характеристике) // *Russian Linguistics*. Vol. 14. 1990. С. 1—18.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 1998 — *Е. В. Падучева*. Наблюдатель и его коммуникативные ранги (о семантике глаголов *появиться* и *показаться*) // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1998. № 12. С. 23—28.
- Падучева 2000 — *Е. В. Падучева*. Наблюдатель как Эксперимент „за кадром“ // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 185—201.
- Падучева 2001 — *Е. В. Падучева*. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // *Вопр. языкознания*. 2001. № 4. С. 23—44.
- Падучева 2003 — *Е. В. Падучева*. Глаголы восприятия: Опыт выявления структуры тематического класса // *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность*. СПб., 2003. С. 75—100.
- Падучева 2004a — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2004b — *Е. В. Падучева*. О семантическом инварианте видового значения глагола в русском языке // *Рус. яз. в науч. освещении*. 2004. № 2 (8). С. 5—16.
- Пупынин 2000 — *Ю. А. Пупынин*. О роли перцептора в функционировании грамматических категорий вида, залога и времени в русском языке // *Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании*. СПб., 2000. С. 36—51.
- Якобсон 1985 — *Р. Якобсон*. О структуре русского глагола // *Избранные работы*. М., 1985. С. 210—221.

БЫТИЙНЫЕ И ЛОКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — ЧТО ИХ РАЗЛИЧАЕТ? ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЛИ ДИАТЕЗА? *

В. Борщев, Барбара Парти (Barbara H. Partee)

0. Введение

Тема этой статьи — соотношение бытийных и локативных предложений — широко обсуждается в литературе. Она тесно связана с генитивом отрицания в русском языке (Genitive of Negation) — классической проблемой русской грамматики, о которой писал еще Пушкин¹.

Процитируем по этому поводу Ю. Д. Апресяна:

В некоторых общеотрицательных предложениях русского языка возможны, как известно, две основные падежные формы подлежащего — именительный падеж и родительный падеж: *Письмо не пришло — Письма не пришло*. Синтаксическая, семантическая и коммуникативная специфика второй из этих конструкций — одна из классических тем общей и русской грамматики, породившая огромную литературу [Апресян 1985: 292].

Генитив отрицания используется в отрицательных бытийных предложениях и, как считают многие авторы, в некоторых специальных случаях отрицательных локативных предложений. Основные факты хорошо изучены, однако их интерпретация до сих пор вызывает споры.

Перечислим основные работы, на которые мы опирались. Это [Ицкович 1974; Арутюнова, Ширяев 1983; Babby 1980; Падучева 1992; 1997; Chvany 1975; Kondrashova 1996]. Некоторые из этих работ и введенные там понятия мы кратко рассматриваем в первых трех разделах данной статьи.

* Работа выполнена при частичной поддержке National Science Foundation США (Grant № 0418311 to Partee and Borschev). Мы благодарны многим коллегам за плодотворные обсуждения, прежде всего Н. Д. Арутюновой, Н. Кондрашовой, Е. В. Падучевой, Е. В. Рахилиной, Я. Г. Тестельцу. Т. Е. Янко, а также участникам семинара в Институте проблем информатики РАН в марте 2007 г.

¹ См. [Падучева 2006а].

В разделе 4 мы обсуждаем нашу основную идею: бытийные и локативные предложения различаются разным когнитивным представлением ситуации, которое мы называем «структурой перспективы». Структура перспективы отличается от структуры Темы-Ремы, на синтаксическом уровне она проявляется в разных диатезах. Понятие структуры перспективы в какой-то мере аналогично введению Наблюдателя в структуру ситуации, предлагавшемуся в работах Е. В. Падучевой. В разделе 4.3 мы обсуждаем соотношение этих понятий.

1. Арутюнова и Ширяев: бытийные и локативные (локальные²) предложения

Арутюнова и Ширяев выделяют в структуре бытийных предложений три компонента: «локализатор»³ (именующий «область бытия»), имя «бытующего предмета» и «бытийный глагол»:

(1) *В этом краю (локализатор) есть (бытийный глагол) леса (имя «бытующего предмета»).*

При отрицании имя «бытующего предмета» стоит в генитиве (генитив субъекта):

(2) *В этом краю нет лесов.*

Локализатор «представляет область бытия» — «мир в целом» или «фрагмент мира», «внешний» или «внутренний микромир человека». Допускаются временные значения. Локализатор может отсутствовать.

«Место бытийного глагола могут занимать его эквиваленты и аналоги: *существовать, иметься, бывать, водиться, встречаться, попадаться* и нек-рые др.»

«...Имя в Б. п.⁴ имеет неопределенную референцию (указывает на принадлежность предмета к к.-л. классу. Это отличает Б. п. от локальных, в которых обычно идет речь об определенном предмете, являющемся темой сообщения; ср. (3) и (4)». В (3) темой является локализатор, а бытующий объект относится к реме

(3) *В зале был (стоял) рояль.*

(4) *Этот рояль был (стоял) раньше в зале.*

² Арутюнова и Ширяев пользуются термином «локальные предложения».

³ В кавычках здесь и ниже приводятся термины и цитаты из статьи [Арутюнова 1997].

⁴ Б. п. — бытийное предложение.

Мы в наших работах выделяем в бытийных и локативных предложениях те же элементы, но используем другие, более короткие ярлыки для локализатора и бытующего объекта: МЕСТО и ВЕЩЬ соответственно.

Отмечается, что «Б. п. обладают различными коммуникативными формами...». В частности, «будучи в норме темой, локализатор может составить рему в Б. п. со значением обладания (см. (5)). Глагол *есть* служит знаком неопределенности предмета; ср. Б. п. (5) и локальное предложение (6)».

(5) *У кого есть машина? — Машина есть у Петрова.*

(6) *Где (у кого) машина? — Машина у Петрова.*

Соотношение бытийных и локальных предложений: «Локальные предложения, как и бытийные, отражают пространственно-предметный аспект мира. Между бытийными и локальными предложениями имеется, однако, существенное различие. Оно состоит в том, что в бытийных предложениях данным, известным является место, а сообщаемым — его „предметное наполнение“. В локальных предложениях, наоборот, исходным пунктом сообщения служит известный говорящему предмет (предметы), а сообщаемым — местопребывание этого предмета (предметов). Ср.: *В зоопарке есть слон* и *Этот слон находится в зоопарке*. В первом (бытийном предложении) сообщается о том, что есть в зоопарке, а во втором — локальном — о том, где находится данный (определенный) слон.

Коммуникативная инверсия сопровождается в этом случае изменением референции имени. В бытийном предложении имя не указывает на предмет, известный обоим собеседникам (ср. *В зоопарке, кажется, есть какой-то слон*); в локальном предложении речь идет о вполне определенном, конкретном предмете (ср. *Слон Чанго находится сейчас в зоопарке*)...».

2. Л. Бэбби о «декларативных» и «экзистенциальных» предложениях

2.1. Сфера действия отрицания

Л. Бэбби противопоставляет декларативные⁵ и бытийные (existential) предложения. В отрицательных декларативных предложениях подлежащее в номинативе, а в отрицательных бытийных — в генитиве (см. классические примеры (8) и (9) ниже).

⁵ Термин «декларативные» представляется не слишком удачным, он не несет естественных ассоциаций, хотя и имеет некоторую историю. Для Бэбби это просто «nonexistential assertive sentence». Локативные предложения являются подклассом декларативных.

Бэбби утверждает, что декларативные и бытийные предложения отличаются сферой действия утверждения (отрицания), и иллюстрирует это схемой (7):

(7)	Affirmative	Negated
Existential	$[\text{Scope of A VP NP}] \Rightarrow_{\text{NEG}}$	$[\text{ne VP NP}_{\text{gen}}]$
Declarative	$\text{NP} [\text{Scope of A VP}] \Rightarrow_{\text{NEG}}$	$\text{NP}_{\text{nom}} [\text{ne VP}]$

Так, декларативное предложение (8а) предполагает, что *сток талых вод* был, и сообщает, что он *не наблюдался* (отрицается только, что он *наблюдался*). Бытийное предложение (8б) отрицает то, что такая вещь, как *сток талых вод*, вообще имела место⁶.

- (8) (а) *Сток талых вод не наблюдался.* (б) *Стока талых вод не наблюдалось.*
 (9) (а) *Мороз не чувствовался.* (б) *Мороза не чувствовалось.*

По схеме (7) декларативное предложение состоит из двух частей — подлежащего (именной группы), находящегося вне сферы действия утверждения/отрицания, и сказуемого (глагольной группы), которое находится в сфере действия утверждения (отрицания). Бытийное же предложение, грубо говоря, состоит из одной части (иногда используется термин «нерасчлененное высказывание»). Оно прежде всего утверждает или отрицает существование («бытование» по Арутюновой) того, что обозначается именной группой.

Приведенную выше схему Бэбби можно считать уточнением представлений Карцевского [1928] и Якобсона [Jakobson 1971/1936]. Приведем еще одну цитату из Апресяна:

Ключом к пониманию рассматриваемой конструкции является восходящее к давним работам С. О. Карцевского и Р. Якобсона положение о том, что в отрицательных предложениях с родительным падежом «отрицается само подлежащее» (Якобсон), а в отрицательных предложениях с именительным падежом «отрицается не подлежащее, а его деятельность» (Карцевский), или, говоря словами Р. Якобсона, «только действие» [Апресян 1985: 295].

⁶ См. обсуждение этих примеров в [Апресян 1985]: «В современной терминологии в случаях типа *Стока талых вод не наблюдалось*, *Мороза не чувствовалось* нет пресуппозиций и утверждается несуществование или полное отсутствие предмета речи: стока талых вод вообще не было, мороз не имел места. Наоборот, предложения *Сток талых вод не наблюдался*, *Мороз не чувствовался* чаще всего содержат пресуппозицию существования предмета речи и утверждается только то, что он не выполнял определенных действий или не находился в определенном состоянии: сток талых вод в принципе происходил, но за ним не велось наблюдений, мороз имел место, но не мог быть ощущен (например, потому, что все были тепло одеты)» [Апресян 1985: 295—296].

2.2. Тема и Рема

Бэбби связывает сферу действия утверждения (отрицания) с делением предложения на Тему-Рему. Он замечает, что разные авторы определяют понятия Темы и Ремы по-разному, но большинство из них сходятся в том, что Рема — это то, что утверждается в утвердительном предложении и отрицается в общеотрицательных предложениях. Для Бэбби Рема и сфера действия отрицания — это «разные термины для одного и того же» [Babby 1980: 103]. И там же: «Когда утвердительное предложение отрицается, действие отрицания определяется ремой; тема соответственно находится вне сферы действия отрицания» [Ibid.: 103]. Обстоятельство места, если оно есть, в отрицательном предложении принадлежит Теме. Но Бэбби не считает МЕСТО обязательным компонентом ситуации.

Итоговая схема Бэбби для бытийных предложений имеет вид:

- NEG
- (10) [_{Rheme} V NP] \Rightarrow [_{ne} V NP_{gen}]
 Условия: (a) NP is indefinite
 (b) V is semantically empty

Схема эта описана как трансформация, выполняемая при некоторых условиях (a) и (b). Мы вернемся еще к этим условиям. А пока заметим, что условие (b) требует, чтобы в генитивной конструкции употреблялись только «семантически пустые» глаголы. Иногда их называют «слабыми», иногда говорят, что глаголы в этой конструкции «линяют» (bleach), теряют свое исходное значение.

Книга Бэбби уникальна по богатству собранного в ней материала и его анализу. Приводимые в ней данные и особенности генитивной конструкции тщательно структурированы.

Но с основными схемами книги, (7) и (10), мы не можем вполне согласиться. Так, понятие «сфера действия отрицания» требует уточнения⁷. Мы считаем, что схема (10) верна не для всех бытийных предложений. Бытийные предложения могут обладать разной коммуникативной структурой: см. пример (5), приводимый Арутюновой и Ширяевым, или наш пример (11) ниже (слово *кефира* в этом примере относится, на наш взгляд, к Теме).

- (11) [*Я искал кефир.*] *Кефира в магазине не было.*

⁷ Возможная переформулировка — считать причиной различий декларативных и бытийных предложений не сферу действия отрицания (утверждения), а разные presupпозиции (см. сноску 6). Но и тут возникают трудности (см. [Partee, Borschev 2001]), однако эта тема находится за пределами данной статьи.

Признание этого факта разрушает схему (10), вернее, требует ее переосмысления. На наш взгляд, разница между бытийными и локативными предложениями не может быть объяснена соотношением их Тема-Рематических структур.

Заметим, что Бэбби, наряду с оппозицией Темы-Ремы, рассматривает и другую оппозицию: старая (данная) — новая информация. И, судя по приводимым им примерам, он относил бы слово *кефира* в (11) к старой информации, но к реме. Мы же, в соответствии с традициями Пражской школы и работами российских лингвистов, склонны относить его к теме. Мы вернемся к этому в разделе 4.

3. Падучева о конструкции генитива отрицания: генитивные глаголы, Наблюдатель

Е. В. Падучева посвятила конструкции генитива отрицания (GenNeg) целый ряд работ [Падучева 1992; 1997; главы книги 2004; 2005; 2006а; 2006б; 2006в]. Она называет глаголы, употребляемые в такой конструкции, генитивными, причем делит их на два класса — бытийные и перцептивные (глаголы восприятия). И бытийными предложениями она предпочитает называть только предложения с бытийными глаголами.

Анализируя семантику отрицательных предложений с перцептивными глаголами, в которых используется конструкция генитива отрицания, Падучева подчеркивает роль Наблюдателя.

Понятие Наблюдателя было предложено Ю. Д. Апресяном [1986]. Так, в приводимом им примере (12) естественно считать, что в ситуации присутствует Наблюдатель, заметивший появление всадника на горизонте:

(12) *На горизонте показался всадник.*

Падучева считает, что в ситуации, описываемой предложениями (8б) и (9б), также присутствует Наблюдатель. Она ничего не говорит о роли Наблюдателя в семантике предложений с субъектом в номинативе, например, (8а) и (9а).

Заметим также, что Падучева рассматривает генитивные конструкции и с референтными именами, противопоставляя их номинативной конструкции (13а, б):

(13) (а) *Маша не видна;* (б) *Маши не видно.*

(14) *Коли нет (не было) в Москве.*

Она утверждает, что такие генитивные конструкции возможны только с перцептивными глаголами. При этом она считает глагол *быть* в предложении (14) перцептивным и описывает семантику таких предложений (13б) и (14) с помощью Наблюдателя.

Нельзя не согласиться с тем, что перцептивные глаголы отличаются от, так сказать, прототипических бытийных. В то же время предложениям с перцептивными генитивными глаголами естественно сопоставлять те же роли — ВЕЩЬ и МЕСТО. В этом случае МЕСТО — это «перцептивное пространство Субъекта сознания».

Поэтому мы, так же как и Бэбби, предпочитаем объединять в один класс «классические» бытийные предложения с соответствующими «перцептивными» предложениями (не отрицая различий между ними, считая их разными подклассами). Этот класс можно назвать «бытийными предложениями в широком смысле», включив туда и другие подклассы — с глаголами появления (*появляться, возникать* и т. п.), модальными глаголами и т. д. Так, по-видимому, считает и Бэбби, относящий к бытийным предложения (86), (96) и предложения типа *Справки не требуется*. Тем самым акцентируются общие свойства такого рода предложений: одни и те же роли ситуаций (ВЕЩЬ и МЕСТО), подлежащее в генитиве и «безличность» при отрицании.

4. Наша схема

4.0. Чем же отличаются бытийные предложения от «нормальных»?

Фундаментальное отличие бытийных предложений от локативных («нормальных») осознается всеми исследователями, работающими в этой области. Неформальные описания этих типов предложений обычно довольно близки, по крайней мере, сопоставимы. Скажем, мы, как и Падучева, выделяем роли ВЕЩЬ и МЕСТО, роли эти восходят к работе Арутюновой и Ширяева (Бэбби не акцентирует роль МЕСТА). Многие авторы так или иначе формулируют интуитивные представления, которые мы разделяем: в бытийных (в смысле Арутюновой и Бэбби) предложениях предсказывается существование в МЕСТЕ каких-то ВЕЩЕЙ (или их появление, восприятие по Падучевой, и т. п.). В «нормальных» предложениях предсказываются свойства или действия ВЕЩЕЙ, уже названных в предыдущем тексте (дискурсе), либо ВЕЩЕЙ, существование которых предполагается.

Менее ясно, как эти различия (между бытийными и локативными предложениями) должны быть эксплицированы в тех или иных теоретических рамках. Скажем, Бэбби очень четко описывает эти различия, но мы не готовы согласиться с многими положениями его описания: для него фундаментальную роль играет структура Темы-Ремы, МЕСТО в его описании не играет существенной роли, а ВЕЩЬ не может быть референтной. Цель нашей работы — эксплицитный анализ, включающий разделяемые нами представления Арутюновой и Ширяева, Падучевой и ряда других наших коллег.

4.1. ВЕЩЬ и МЕСТО

Можно было бы сказать, что ВЕЩЬ и МЕСТО — это роли бытийного (генитивного) глагола, но лучше считать, что это роли участников ситуации (или состояния) бытия или «местонахождения». Так, в предложении (11) ВЕЩЬ — это *кефир*, а МЕСТО — *в магазине*. МЕСТО может быть указано явно, как в (11), или подразумеваться, как в (8) и (9). Важно, что бытие всегда мыслится в некотором МЕСТЕ. Подразумеваемое МЕСТО задается контекстом. Это обычно «здесь» или «там», «сейчас» или «тогда», скажем, там и тогда, где чувствуется мороз или наблюдался сток талых вод. В предложениях «чистого существования» (типа *Единорогов не существует*) МЕСТО естественно отождествлять «со всем миром». Такое расширительное понятие МЕСТА аналогично предложению Р. Джэккендофф [Jackendoff 1972] о метафорическом расширении «being in location», включающем в себя «being in some state», «occurring in some spatiotemporal region», «being in someone's possession» (а также бытие в «перцептивном пространстве Субъекта сознания» — Падучева).

Таким образом, мы принимаем тезис **ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ БЫТИЯ**:

(15) Бытие ВЕЩИ — это всегда ее бытие в некотором МЕСТЕ.

Мы можем представить схему как бытийных, так и локативных предложений, описывающих ситуацию бытия или «местонахождения» как «квазиформулу» VE(THING, LOC). В этой «квазиформуле» VE — любой бытийный глагол, а THING и LOC — ВЕЩЬ и МЕСТО⁸. При этом если локативное предложение предикцирует, что ВЕЩЬ находится в некотором МЕСТЕ, то в бытийном предложении эта предикация как бы «перевернута» и утверждается, что в данном МЕСТЕ есть («бытует») та или иная ВЕЩЬ.

Но каким образом и на каком уровне структуры предикация «переворачивается»?

Бэбби считает, что это различие в структуре Темы-Ремы. Мы же, опираясь на примеры типа (5) и (11), утверждали, что искомое различие между бытийными и локативными предложениями описывается не структурой Темы Ремы, а тем, что мы назвали «структурой перспективы» [Борщев, Парти 2002; Borschev, Partee 2002a, b; Partee, Borschev 2006] (см. раздел 4.2).

Мы предполагали, что на структурном уровне различие между бытийными и локативными предложениями можно описать с помощью понятия диа-

⁸ Можно рассматривать также квазиформулы типа V(THING, LOC), где V — любой генитивный глагол. В наших работах [Борщев, Парти 2002; Borschev, Partee 2002a] мы обсуждали «слабость» генитивных глаголов и их «эквивалентность» глаголу *быть* в конструкции генитива отрицания.

тезы: бытийные и локативные предложения можно было бы считать разными диатезами, по-разному структурирующими одну и ту же или аналогичные ситуации. На синтаксическом уровне этим диатезам соответствуют разные структуры, включающие ВЕЩЬ и МЕСТО, причем каким-то глаголам подходит только одна структура, другим — другая, а каким-то глаголам подходят обе (см. раздел 4.4).

4.2. Структура перспективы

Мы считаем, что декларативные и бытийные предложения различаются выбором перспективы, точки зрения, с которой мы рассматриваем соответствующие ситуации. Выбор перспективы — это, так сказать, разное когнитивное представление аналогичных ситуаций. Мы можем описывать ситуацию бытия с точки зрения ВЕЩИ или с точки зрения МЕСТА. В первом случае мы как бы следим за ВЕЩЬЮ, предполагаем ее существование и говорим о ней, о ее, так сказать, поведении в ситуации, связанных с ней действиях или о ее состоянии. Это декларативные, в частности, локативные предложения. Во втором случае мы смотрим на ситуацию с точки зрения МЕСТА и следим в первую очередь за тем, какие ВЕЩИ есть, а каких нет в этом МЕСТЕ. Это бытийные предложения.

Можно воспользоваться метафорой (кино)камеры и двух способов ее использования. В первом случае камера, обзревая ситуацию, сфокусирована на «герое» (ВЕЩИ в нашей терминологии), следит за ним и его жизнью (в частности, она может фиксировать, что герой НЕ присутствует в каком-то МЕСТЕ). Во втором случае камера сфокусирована на некотором МЕСТЕ (как камера наблюдения в супермаркете) и наблюдает, какие герои появляются (или не появляются) в нем.

Формально мы сводим понятие перспективы к выделению (маркированию) одного из этих участников ситуации, участника, с точки зрения которого мы эту ситуацию рассматриваем. Мы будем называть выделенную роль центром перспективы.

Итак, мы считаем, что бытийные предложения отличаются от аналогичных декларативных предложений разной структурой перспективы. В бытийном предложении центром перспективы является МЕСТО, а в декларативном — ВЕЩЬ.

В частности, форма отрицательных бытийных предложений — генитив субъекта и безличное сказуемое — определяется выбором перспективы, тем, что центром перспективы является МЕСТО. Выбор коммуникативной структуры отрицательных бытийных предложений (т. е. структуры Темы-Ремы) не зависит, вообще говоря, от структуры перспективы (хотя тут возможны корреляции).

Принимается также тезис **СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦЕНТРА ПЕРСПЕКТИВЫ**:

- (16) Если участник ситуации бытия (ВЕЩЬ или МЕСТО) выбран в качестве центра перспективы, то принимается пресуппозиция его существования⁹.

Итак, мы предлагаем интуитивное, содержательное представление о перспективе и очень простую *схему*, именно схему, а не формализацию. Эту схему можно было бы представить в виде «квазиформул» (17a, b), в которых подчеркнута выделенная роль — центр перспективы:

- (17) а. BE (THING, LOC) — структура утвердительного декларативного предложения
 б. BE (THING, LOC) — структура утвердительного бытийного предложения

Для отрицательных предложений нужно, конечно, добавить знак отрицания. Предлагаемая схема достаточно груба и может уточняться по многим параметрам.

Таким образом, мы считаем, что фундаментальное различие бытийных и декларативных предложений заключается не в их коммуникативной структуре, а в выборе перспективы. Это фундаментальное различие проявляется в синтаксисе. Если синтаксис декларативных предложений более или менее одинаков в разных языках, то синтаксис бытийных предложений очень разнообразен (от языка к языку). Языку как бы хочется сделать МЕСТО подлежащим. И некоторые языки «могут себе это позволить» (см., например, [Bresnan, Kanerva 1989]). Для большинства языков это невозможно, и каждый язык находит для бытийных предложений свои средства.

С точки зрения структуры дискурса утвердительное локативное предложение (с глаголом *быть*) имеет смысл рассматривать как сообщение о том, что ВЕЩЬ, именуемая подлежащим, имеет свойство «быть (или не быть) в данном МЕСТЕ», т. е. предикат бытия в данном МЕСТЕ выполняется или не выполняется для ВЕЩИ. А бытийное предложение — это сообщение о том, что МЕСТО обладает свойством, что «там есть ВЕЩЬ (нет ВЕЩИ)», т. е. предикат существования ВЕЩИ выполняется или не выполняется для данного МЕСТА. Но, повторяем, формализацию еще предстоит построить.

Понятие перспективы требует обсуждения и осмысления прежде всего в ряду таких понятий, как подлежащее и его роль в предложении, коммуника-

⁹ Мы подробнее рассматриваем разные пресуппозиции, принимаемые соответственно в бытийных и декларативных предложениях, в нашей работе [Borschev, Partee 2002a].

тивная структура (Тема-Рема), личные и безличные предложения и т. п. Так, центр перспективы действительно часто совпадает с Темой, особенно в утвердительных предложениях. Бытийные отрицательные предложения, как отмечал еще Пешковский [1938], близки безличным, а Перльмуттер и Мур [Perlmutter, Moore 2002] считают безличными и утвердительные бытийные предложения.

4.3. Структура перспективы и Наблюдатель

Естественно сопоставить введенное нами понятие структуры перспективы с понятием Наблюдателя, рассматриваемого Падучевой при описании семантики генитива отрицания.

Используемая нами метафора кинокамеры аналогична понятию Наблюдателя. Но Падучева говорит о Наблюдателе только для отрицательных «генитивных» предложений с перцептивными глаголами и не обсуждает роль Наблюдателя ни для утвердительных предложений, ни для отрицательных предложений с подлежащим в номинативе (*Маша не видна*). Можно попытаться модифицировать ее подход и считать, что Наблюдатель всегда присутствует в ситуации, т. е. в ситуациях, соответствующих как локативным, так и бытийным предложениям. Причем в локативных предложениях он, так сказать, «наблюдает» ВЕЩЬ, а в бытийных (в широком смысле, с обоими классами глаголов) наблюдается МЕСТО (и то, что в этом месте «бытует» или «воспринимается»).

Такого рода модификация (только намеченная здесь) означала бы, по сути дела, замену нашей терминологии на терминологию Падучевой и, в то же время, существенное изменение понятия Наблюдателя. Мы не уверены, что она готова принять это изменение. Во всяком случае, двигаясь в этом направлении, можно обсуждать соотношение наших подходов.

При этом придется уточнять понятие Наблюдателя. Нужно понять, является ли Наблюдатель полноправным участником ситуации и как эксплицируется его связь другими участниками — МЕСТОМ и ВЕЩЬЮ. Можно предположить, что Наблюдатель — это специфический участник, чем-то аналогичный «point of reference» при описании структуры времени. Наблюдатель, видимо, как-то структурирует «пространство ситуации». Все это требует осмысления и уточнения.

4.4. Структура перспективы и диатеза

Какое же место занимает Структура перспективы¹⁰ в грамматике? Структура эта не совпадает со структурой Темы-Ремы, это не синтаксическое

¹⁰ В этом и последующих разделах мы возвращаемся к нашей старой терминологии и продолжаем говорить о Структуре перспективы, а не о Наблюдателе.

понятие. Как же оно соотносится со структурой предложения? Мы считаем, что Структура перспективы проявляется в семантической интерпретации синтаксических различий. Эти различия могут моделироваться разным образом в разных теориях, которые так или иначе отражают относительный ранг именной группы, соответствующей ВЕЩИ, по сравнению с рангом выражения, соответствующего МЕСТУ.

Это различие аналогично различию ситуаций покупки и продажи, а также противопоставлению Figure—Ground [Talmy 1985] или противопоставлению выражений «А выше В» или «В ниже А».

Мы хотели бы уточнить эту гипотезу и поместить ее в более широкий теоретический контекст.

Отвечая на вопрос, где в грамматике лежит выбор Структуры перспективы, мы принимаем гипотезу, что это выбор диатезы, выбор среди двух аргументных структур для глагола, аргументами которого являются ВЕЩЬ и МЕСТО, выбор, аналогичный выбору аргументной структуры для глаголов *spread* (мазать), *load* (загружать)¹¹.

Процитируем Е. В. Падучеву:

Принципиальное значение для формирования понятия ранга имели соотношения, высказанные в [Wierzbicka 1980: 70]. В (П-18) при переходе от (П-18а) к (П-18б) происходит повышение в ранге (promotion) участника Место и понижение (demotion) участника МАССА; в позиции объекта в обоих случаях находится участник, который представляет главный интерес:

- (П-18) а. загрузил наши кирпичи на свой грузовик;
б. загрузил детский грузовик кирпичами.

Роли в двух диатезах (П-18а, б) показаны в (наших) (18а, б)

(18) а.	Nom	загрузил	Acc	на + Acc
	Agt		Incr Theme ¹²	МЕСТО
б.	Nom	загрузил	Acc	Instr
	Agt		Incr Theme	СРЕДСТВО

(П-18а) и (П-18б) различаются семантически. В каждом предложении аргумент, представленный прямым дополнением, понимается как «полностью» задействованный.

В (П-18) меняются три вещи:

¹¹ Это прототипические глаголы, обсуждаемые в работах по выбору диатезы.

¹² «Incremental Theme» — это термин, предложенный Д. Доути [Dowty 1989; 1991] для аргументов глаголов накопления результата. Аналогичное понятие («Gradual Patient») было ранее введено в работе [Krifka 1986; 1989].

- (i) ранг двух участников;
- (ii) сфера действия префикса *за-*: она содержит только дополнение в аккузативе;
- (iii) МЕСТО перестает быть МЕСТОМ (при переходе от (П-18а) к (П-18b)) или СРЕДСТВО перестает интерпретироваться как СРЕДСТВО (при переходе от (П-18b) к (П-18а)).

Разница в ранге отличается от разницы в структуре Темы-Ремы: каждое из предложений (П-18а) к (П-18b) может изменить порядок слов, соответствующий структуре Темы-Ремы.

Можно сравнить выбор диатезы типа *spread/load* (одинаковый в английском и русском языках) с другим альтернативным выбором в английском языке, статус которого дебатруется.

Альтернативный выбор *give/sell* в английском языке иллюстрируется ниже:

- (19) a. ‘double object’ *Ann* *sold* *Beth* *the car*
 NP₀ V NP₁ NP₂
- b. ‘prepositional object’ *Ann* *sold* *the car* *to Beth*
 NP₀ V NP₂ to NP₁

Интерпретация выбора *give/sell* в английском языке дебатруется: является ли этот выбор диатезой с реальным семантическим эффектом [Krifka 1999], или это разница в структуре Темы-Ремы [Levin, Rappaport Hovav 2002], или то и другое [Krifka 2004]?

В русском языке такого рода варианты (*Анна продала Марии свою машину* vs *Анна продала свою машину Марии*) выражаются разным порядком слов и выглядят скорее как изменения в структуре Темы-Ремы, нежели как разные диатезы. Этот пример демонстрирует, что анализ таких вариантов не всегда очевиден и может меняться как от конструкции к конструкции, так и от языка к языку.

Мы считаем, что различие бытийных и локативных предложений — это выбор разных диатез с реальным семантическим эффектом, а не изменение структуры Темы-Ремы.

Чем различаются при этом синтаксические структуры? В западной славистике предлагаются разные ответы в разных синтаксических теориях. Но все согласны с тем, что субъектная именная группа в локативном предложении понижает свой ранг в соответствующем бытийном предложении и занимает позицию, соответствующую позиции прямого дополнения в транзитивном предложении (так называемая «Unaccusative hypothesis» [Pesetsky 1982] и другие). Мы не синтаксисты и не имеем собственной точки зрения по этому поводу, но мы согласны с тем, что субъектная именная группа в бытийном предложении как-то понижает свой ранг, а МЕСТО в каком-то смысле повы-

шает свой ранг, хотя большинство синтаксистов¹³ согласны с тем, что МЕСТО не становится подлежащим (субъектом).

4.5. Генитивные (бытийные ?) предложения с референтной ВЕЩЬЮ

Предложения типа (20) и (21) с генитивным субъектом не считаются обычно бытийными (во всяком случае, Л. Бэбби и Н. Д. Арутюнова не считают их таковыми).

(20) *Ивана не было на лекции.*

(21) *Петинного дневника на столе не было.*

Приводятся следующие аргументы. Функция бытийных предложений — установить референтность. Поэтому бытийные предложения по определению (условие (а) в схеме (10)) не допускают собственных имен и других определенных именных групп в качестве подлежащего. Предложения же типа (20) и (21) считаются не бытийными, а локативными. Однако в них генитивный субъект является Темой, а обозначение места (locative adverbial) относится к реме, поэтому причисление этих предложений к декларативным (в данном случае локативным) противоречит схеме (10). Бэбби объясняет это следующим образом: когда локативные предложения содержат *быть*, они настолько близки бытийным, что русская грамматика использует для них то же «генитивное» правило, что и для бытийных¹⁴.

Перечисленные выше аргументы «против бытийности» предложений типа (20) и (21) не представлялись нам вполне убедительными. Мы приводили контраргументы, которые сводились к следующему:

1) Контраст этих предложений с «подлинно локативными»

Эти предложения во многом аналогичны предложениям с нереперентными участниками. Так же, как у многих последних, у них есть «парные» (к ним) варианты, т. е., предложения типа (22), несомненно локативные:

(22) *Иван не был на лекции.*

2) Тезис относительности бытия (15)

¹³ Кроме [Kondrashova 1996].

¹⁴ Л. Бэбби писал (см. [Babby 1980: 124]): It may be that when locatives contain the verb *byt'*, they are so close to existentials syntactically that Russian grammar simply treats them the same with respect to genitive marking. If this proposal is correct, it means that genitive marking in sentences with the verb *byt'* is an automatic syntactic rule that marks the subject NP genitive if the sentence contains a locative adverbial (see [Arutjunova 1976: 212] for similar suggestion).

Предложения (20) и (21) с референтными субъектами отрицают не бытие ВЕЩИ вообще, а ее бытие в МЕСТЕ. Отрицание бытия таких ВЕЩЕЙ в МЕСТЕ не противоречит их существованию *вне* МЕСТА ситуаций, описываемых этими предложениями, т. е. существованию в «большом месте», в мире. То, что Ивана не было на лекции, а Петиного дневника на столе, не противоречит их существованию в мире.

Такого рода предложения можно отнести к промежуточному типу (между бытийными и локативными): структура перспективы в них аналогична структуре перспективы в бытийных предложениях, в то же время Именная Группа, соответствующая ВЕЩИ, в них референтна.

Мы подробнее рассматриваем такие предложения в работе [Partee, Borschev 2007]; см. также [Borschev et al. 2006].

5. Заключение

Понятие диатезы позволяет поставить структуру перспективы в ряд других противопоставлений, когда в одной и той же или в аналогичных ситуациях маркируются разные участники и это маркирование ранжирует их, отображая разными способами в синтаксические структуры.

Сопоставление структуры перспективы с понятием Наблюдателя позволяет сблизить разные точки зрения на бытийные предложения и генитив отрицания.

Литература

- Апресян 1985 — Ю. Д. Апресян. Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*. Vol. 9. 1985. С. 289—317.
- Апресян 1986 — Ю. Д. Апресян. Дейксис в грамматике и лексике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.
- Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1997 — Н. Д. Арутюнова. Бытийные предложения // *Русский язык: Энциклопедия*. М., 1997. С. 57—59.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Борщев, Парти 2002 — В. Б. Борщев, Б. Х. Парти. О семантике бытийных предложений // *Семиотика и информатика*. Вып. 37. М., 2002. С. 59—78.
- Ицкович 1974 — В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы // *Синтаксис и норма*. М., 1974. С. 43—106.
- Карцевский 1928 — С. О. Карцевский. Повторительный курс русского языка. М.; Л., 1928.
- Падучева 1992 — Е. В. Падучева. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *БЫТЬ* // *Russian Linguistics*. Vol. 16. 1992. С. 53—63.

- Падучева 1997 — *Е. В. Падучева*. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопр. языкознания*. 1997. № 2. С. 101—116.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2005 — *Е. В. Падучева*. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // *Вопр. языкознания*. 2005. № 5. С. 21—43.
- Падучева 2006а — *Е. В. Падучева*. Родительный отрицания и проблема единства дейктического центра высказывания. М., 2006.
- Падучева 2006б — *Е. В. Падучева*. Генитив дополнения в отрицательном предложении // *Вопр. языкознания*. 2006. № 6. С. 21—43.
- Падучева 2006в — *Е. В. Падучева*. Диатеза, генитив отрицания, наблюдатель // *Проблемы типологии и общей лингвистики*. СПб., 2006. С. 103—109.
- Пешковский 1938 — *А. М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.
- Babby 1980 — *L. Babby*. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, Michigan, 1980.
- Borschev, Partee 2002a — *V. Borschev, B. H. Partee*. The Russian genitive of negation in existential sentences: The role of Theme-Rheme structure reconsidered // *E. Hajičová et al. (eds.). Travaux du Cercle Linguistique de Prague. NS. Vol. 4. Amsterdam, 2002. P. 185—250.*
- Borschev, Partee 2002b — *V. Borschev, B. H. Partee*. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // *Journal of Slavic Linguistics*. 10. 2002. P. 105—144.
- Borschev et al. 2006 — *V. Borschev, E. V. Paducheva, B. H. Partee, Y. G. Testelefs, I. Yanovich*. Sentential and Constituent Negation in Russian BE-Sentences Revisited // *H. Filip et al. (eds.). Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics. Ann Arbor, 2006. P. 50—65. (Michigan Slavic Publications. 14).*
- Bresnan, Kanerva 1989 — *J. Bresnan, J. M. Kanerva*. Locative inversion in Chichewa: a case study of factorization in grammar // *Linguistic Inquiry*. 20. 1989. P. 1—50.
- Chvany 1975 — *C. V. Chvany*. On the Syntax of BE-Sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
- Dowty 1989 — *D. Dowty*. On the semantic content of the notion of ‘thematic role’ // *Genaro Chierchia et al. (eds.). Properties, Types, and Meanings. Vol. 2: Semantic Issues. Dordrech, 1989. P. 69—130.*
- Dowty 1991 — *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 67. 1991. P. 547—619.
- Jackendoff 1972 — *R. Jackendoff*. Semantic Interpretation in Generative Grammar. Cambridge, 1972.
- Jakobson 1971/1936 — *R. Jakobson*. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russische Kasus // *Selected Writings. Vol. 2. The Hague, 1971. S. 23—71 (originally published in 1936).*
- Kondrashova 1996 — *N. Kondrashova*. The Syntax of Existential Quantification: Ph. D. dissertation. University of Wisconsin, Madison, 1996.
- Krifka 1986 — *M. Krifka*. Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen, Universität München: Ph.D. dissertation (published as Krifka 1989).

- Krifka 1989 — *M. Krifka*. Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen: Studien zur Theoretischen Linguistik. München, 1989.
- Krifka 1999 — *M. Krifka*. Manner in dative alternation // S. Bird et al. (eds.). WCCFL 18: Proceedings of the Eighteenth West Coast Conference on Formal Linguistics. Somerville; Medford (Mass.), 1999. P. 1—14.
- Krifka 2004 — *M. Krifka*. Semantic and pragmatic conditions for the Dative Alternation // Korean Journal of English Language and Linguistics. 4. 2004. P. 1—32.
- Levin, Rappaport Hovav 2002 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Handout Spain: What Alternates in the Dative Alternation? The 2002 Conference on Role and Reference Grammar: New Topics in Functional Linguistics: The Cognitive and Discursive Dimension of Morphology, Syntax and Semantics. Universidad de La Rioja, Logrono, Spain, July 27—28, 2002.
- Partee, Borschev 2001 — *B. H. Partee, V. Borschev*. Some puzzles of predicate possessives // R. M. Harnish, I. Kenesei (eds.). Perspectives on Semantics, Pragmatics and Discourse. A Festschrift for Ferenc Kiefer. Amsterdam, 2001. P. 91—117.
- Partee, Borschev 2006 — *B. H. Partee, V. Borschev*. Information structure, Perspectival Structure, diathesis alternation, and the Russian Genitive of Negation // B. Gyuris et al. (eds.). Proceedings of Ninth Symposium on Logic and Language (LoLa 9). Budapest, 2006. P. 120—129.
- Partee, Borschev 2007 — *B. H. Partee, V. Borschev*. Existential Sentences, *be*, and the Genitive of Negation in Russian // I. Comorovski, and K. von Heusinger (eds.). Existence: Semantics and Syntax. Dordrecht, 2007. P. 147—190.
- Perlmutter, Moore 2002 — *D. Perlmutter, J. Moore*. Language-internal explanation: The distribution of Russian impersonals // *Language*. 78. 2002. P. 619—650.
- Pesetsky 1982 — *D. Pesetsky*. Paths and Categories. Unpublished Ph.D. dissertation. [Cambridge, 1982].
- Talmy 1985 — *L. Talmy*. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Cambridge Univ. Press, 1985. P. 57—149.
- Wierzbicka 1980 — *A. Wierzbicka*. The Case for Surface Case. Ann Arbor, 1980.

ВРЕМЕННАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ДВОЙНЫХ ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Даниэль Вайс (Daniel Weiss)
(Университет Цюриха)

Настоящая статья является продолжением трех предыдущих работ, посвященных изучению семантических и синтаксических свойств двойных глаголов (ДГ) в современном русском языке и подобных конструкций в других языках, см. [Вайс 1993; 2000; 2003]¹. Мы будем опираться на определение ДГ, данное в последних двух работах; напомним, что в нем используются следующие четыре критерия: одинаковая морфологическая оформленность глагольных компонентов X и Y (полное совпадение всех граммем, за исключением вида и времени), общие синтаксические валентности, запрет на повтор служебных морфем и возможность перестановки X-Y → Y-X. Остальные свойства, такие как просодическая и семантическая слитность компонентов, которые в литературе раньше выделялись в качестве основных критериев, в нашем подходе характеризуют только прототипический подтип ДГ, см. ниже.

До сих пор конструкция удвоения 'X-Y' трактовалась чаще всего как сокращенный вариант сочинительной конструкции 'X и Y', создающий иконический эффект большего сближения двух действий, вплоть до их полного слияния. Правда, обнаружилось, что по крайней мере две группы ДГ не поддаются преобразованию в союзные сочинительные цепочки, см. [Вайс 1993], но эти «исключения» можно было истолковать как результат фразеологизации. Темпоральные отношения, казалось бы, отчасти препятствовали такому пониманию ДГ: различались два типа, первый из которых характеризовался строгой одновременностью, т. е. полным совпадением временных отрезков, соотносимых с X и Y, а второй — как цельность двух актов, непосредственно следующих один за другим. В целом эта противоположность одновременного и разновременного типов ДГ соотносится с противоположностью сочинительных рядов с НСВ и СВ соответственно², хотя применительно к формам

¹ О сериальных глагольных конструкциях см., например, [Aikhenvald 2006].

² При этом мы не учитываем кратное употребление и настоящее историческое, в которых НСВ совместим с представлением о следовании Y за X.

вида одновременность интерпретируется шире, включая и отношения временного пересечения и включения. Ощущался чужеродным, однако, тип ДГ с разновременным прочтением СВ, поскольку он противоречил представлению о слитности компонентов X и Y, лежащей в основе всей двойной конструкции: ведь раздельность при отношении «один факт и вслед за ним другой» вроде *сели подумали* чувствуется сильнее, чем при сосуществовании двух фактов вроде *сидели молчали*, совмещенных в одном временном интервале. Картина еще осложнялась тем, что все ярче проявлялся целый континуум, распространяющийся между полюсами слитной и раздельной семантики, см. [Вайс 2000; 2003], причем слитная интерпретация по-прежнему признавалась прототипической. Ввиду всего этого поведение цепочек СВ, которые на первый взгляд сопротивляются слитной интерпретации, представляет особый интерес. Порядок изложения таков: сначала рассматриваются отношения одновременности, далее — следования во времени и, наконец, неопределенно-временные отношения. В последнем разделе обсуждаются разнородные оформления ДГ. Добавим, что в корпусе представлены все частные значения СВ; львиная доля примеров, однако, относится к конкретно-фактическому значению.

Как известно, сочинительные ряды, складывающиеся из двух форм СВ, по умолчанию³ интерпретируются как последовательность двух событий либо действий, причем их хронология иконически отображается порядком слов. Тогда, исходя из основных посылок нашей гипотезы, ожидается, что пары СВ типа X-Y тяготеют, как и их сочинительные соответствия типа X и Y, к разновременной интерпретации; специфика конструкции (эффект слияния) могла бы внести лишь незначительную модификацию (непосредственное следование Y за X). Этим объясняется, например, невозможность трансформации ряда вроде *утром вышел и вечером вернулся* в **Утром вышел-вернулся вечером*. Кроме того, в случае ДГ снимается требование иконической передачи событий, так что перестановка компонентов допустима, ср. *Тотчас пошла легла = легла пошла*.

Сразу оговоримся, что принцип разновременности при сочинении форм СВ допускает исключения в трех давно уже отмеченных ситуациях⁴: при (а) перфектном значении СВ, при «пучке» (б) ингрессивов и (в) делимитативов возможно полное совпадение временных отрезков, соотнесенных с опи-

³ Именно по умолчанию, поскольку лексические показатели могут маркировать одновременное отношение, ср.: «Но вдруг *в одно и то же время* он почувствовал себя виноватым и *пожалел* ее» (Толстой, цит. по [Полянский 1987: 248]).

⁴ См. об этом, например, [Бондарко 1971: 186 сл.; Падучева 1996: 363]. По мнению Е. В. Падучевой, эти исключения обусловлены зафиксированностью времени наблюдения как единого для всех форм СВ.

сываемыми действиями. Легко предвидеть, что для соответствующих ДГ это будет не менее верно. Влияние перфектного значения на темпоральную интерпретацию ДГ будет отдельно рассматриваться в разд. 4, см. ниже. Здесь проиллюстрируем поведение делимитативов. Как известно, цепочка *Они посидели и поболтали* допускает наряду с разновременной и строго одновременную интерпретацию, отчего здесь и возможна перестановка. Поэтому не удивительно, что и ДГ *посидели-поболтали*, *поболтали-посидели* прочитываются как описание двух совмещенных в одном временном интервале действий, ср. также: *...деревенские приходили постоять-посмотреть* (Солженицын. Матренин двор). Небезынтересно наблюдать за поведением таких цепочек, в которых одновременное прочтение заведомо исключено. Так, *Он поел-попил* не вызывает сомнения, в то время как **После обеда он поработал-полежал (на диване)* или **Он поработал-почитал газету* отвергаются носителями. Отметим, что сочинительные варианты *Он поработал и полежал на диване*, *Он поработал и почитал газету* безупречны. Как можно объяснить столь капризное поведение двойной конструкции? По всей видимости, здесь действует тот фактор, который обсуждался в [Вайс 2003]: компоненты сочетания *поел-попил* связаны фреймовой семантикой (одно действие обычно сопровождает другое) плюс семантикой когипонимии, иначе говоря, они образуют естественное целое, что создает благодатную почву для конструкции удвоения. В остальных же случаях нет такой общей рамки, объединяющей глагольные компоненты — отсюда невозможность их слитного прочтения в ДГ. Добавим, что и ситуация с несколькими субъектами вроде *Присутствующие *поработали-полежали* не делает приемлемым данный пример, хотя в этом случае мыслимо такое положение дел, когда в один и тот же момент совершаются разные действия. С другой стороны, сочинительные варианты *Он поработал и полежал на диване*, *Он поработал и почитал газету* не менее приемлемы, чем *Он поел и попил*. Это наблюдение настораживает: может, стоит подумать о том, не следует ли отделить темпоральную интерпретацию ДГ от темпоральных свойств СВ в сочинительной конструкции и приписать лексическим факторам больший вес? Во всяком случае, доминирование слитной семантики заставляет усомниться в сочинительной «генеалогии» конструкции удвоения: сочинение, даже если оно в определенных ситуациях и совместимо с односитуативной интерпретацией («один сложный факт»), все-таки призвано оформлять конъюнкцию двух отдельных событий, процессов и состояний.

1. Отношения одновременности или одно время?

До сих пор указанное прототипическое значение считалось характерным для пар в НСВ: они либо описывают два различных аспекта того же процесса

или состояния (ср. *И кровь в висках так ломится-стучится* (В. Высоцкий)), либо служат для интенсификации (ср. *Телефон звонит-надрывается*), либо просто для синонимической переформулировки (тип *грустить-печалиться*) ситуации⁵, заданной глаголом X. Поскольку понятие одновременности логически предполагает наличие двух отдельных действий, представляется предпочтительным приписать указанным случаям одно-единственное время⁶. Возникает вопрос, нельзя ли найти подобные ДГ с прототипической слитной интерпретацией и в СВ? На самом деле такие примеры в литературе уже давно отмечены. Так, Е. А. Земская [1973: 167] приводит следующие фразы:

- (1) *Напишите* две фразы *не поленитесь!*
- (2) А он *вышел не поморщился*.
- (3) Надо посмотреть, а то так *не заметишь проедешь*.

Эта серия примеров как будто свидетельствует, что отрицание второго члена Y способствует возникновению ДГ. В случае императива такое подозрение усиливается подобными ДГ в НСВ, ср. *Ешьте не спешите!* С другой стороны, попадаются и примеры с императивом без отрицания, ср. *Потрудись ответить!* [Там же]. Во всех этих случаях налицо побуждение к одному действию, которое лишь модифицируется вторым глаголом. Такую же функцию могут, разумеется, выполнять и другие конструкции, в первую очередь сочетания с инфинитивом (*Не поленитесь написать*), далее с бессоюзной сочинительной связью (*Не поленитесь, напишите!*), а изредка встречается даже сочинительный союз (*не поленитесь и напишите!*)⁷. По частотности ДГ занимают среди всех этих вариантов последнее место⁸. В отличие от союзного варианта, бессоюзная и двойная конструкции допускают перестановку членов по образцу *Y, X!* или *Y-X!* Во всех указанных вариантах законно считать второй глагол семантическим актантом глаголов *полениться, потрудиться*. Основной вариант с инфинитивом особенно показателен в том отношении, что инфинитив заполняет синтаксическую валентность глагола *полениться*; тем самым и синтаксис всей конструкции подсказывает интерпретацию «одно действие».

⁵ При этом последние два типа пересекаются, т. е. синонимическая переформулировка X посредством Y может одновременно вызвать эффект усиления X.

⁶ Обсуждая подобные сочинительные структуры, Полянский [1987: 250—253] предлагает термин «псевдоодновременность».

⁷ Ср.: *Но ты все-таки не поленись и сегодня же посмотри на этого тигра, а то я его скоро отправлю* (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь, 1998—2004). Как большинство следующих примеров, данный пример взят из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Многими из остальных примеров автор обязан С. Курт.

⁸ Так, из 52 контекстов на *не поленитесь*, найденных в НКРЯ, ни один не был представлен в двойной конструкции; то же верно для *потрудились* (239 контекстов).

В примере (2) совпадение интервалов охватывает время действия *вышел* и отсутствия действия *не поморщился*. Если снять отрицание, то получается разновременная, причем весьма сомнительная интерпретация, ср.: ^{??}*вышел поморщился*⁹. В примере (3), видимо, представлено наглядно-примерное значение СВ: отказ от отрицания здесь приводит к бессмыслице.

подавляющее большинство примеров СВ в моем корпусе, однако, не содержит отрицания, и это отнюдь не мешает передаче прототипического, односитуативного значения ДГ. Приведем сначала употребления в претерите с различными первыми актантами — стихия, человек, а также «безличная» сила:

- (4) Но вот *пробежал-прокатился* по траве порыв ветра — будто вздох неба... (ЛГ, № 1—2, 10—16 января 2001 г.).
- (5) По грязенькому осеннему двору *рванулся-побежал* человек (ЛГ, № 41, 2002).
- (6) В этот-то момент и *рвануло-шарахнуло* до полного оглушения (Алешковский).

Какова мотивация данного приема? Можно полагать, что глагольное удвоение подчеркивает быстроту, внезапность и неожиданность описываемого события или действия, лексически уже выраженные глаголами типа *рвануться*. При этом заслуживает внимания анафорическая отсылка *В этот-то момент*, указывающая на точное временное совпадение обоих обозначаемых ДГ событий с каким-то ранее упомянутым фактом. Но кроме того, в случае примера (4) ощущается также подбор подходящей формулировки: автор как будто колеблется, как лучше выразить искомый смысл («не то пробежал, не то прокатился»). Именно такая интерпретация напрашивается в следующем примере:

- (7) Обернулся и *похлопал-погладил* мою руку (Новикова. Мужской роман, женский роман).

Возможно, здесь имел место какой-то промежуточный жест, довольно интимный и способный затронуть личную сферу рассказчицы. Известное сомнение внушает пример

- (8) Она вдруг *крякнет-свистнет* (АиФ, № 14, 2002).

Контекст здесь не позволяет определить, какой звук имеется в виду (промежуточный или комбинированный?). В следующем случае речь идет скорее об очень незначительном количестве спиртного:

⁹ В первую очередь это, видимо, связано с несовместимыми позициями наблюдателя: при *вышел* он мыслится в том помещении, которое действующее лицо покинуло, но тогда он уже не может воспринять последующий факт *поморщился*.

- (9) Что он там успел, что *высосал-выпил*, два-три глотка? (Маканин. Где сходилось небо с холмами).

Последние три примера особенно ярко иллюстрируют коммуникативное преимущество конструкции удвоения над сочинительной связью: при их замене союзной перифразой сразу снимается описанный эффект диффузной слитности, а вместо него появляется значение цепочки двух отдельных действий, ср.: *похлопал и погладил, крякнет и свистнет, ?высосал и выпил*.

Как видно из примера (8), сочетание двух глаголов в СВ не подвергается каким-либо временным ограничениям: оно встречается как в прошедшем, так и в настоящем-будущем времени, ср. также:

- (10) «Я бандит и могу прийти на „стрелу“, и там все *затухнут-завянут* от моего „базара“» (высказывание актера, исполняющего роль бандита) (АиФ, № 45, 2002).
(11) «А вот вам, козлам равнодушным, придется за моим холодным телом *понырять-поплавать*» (внутренний монолог человека, намеренного совершить самоубийство; ЛГ, № 41, 2002).

Иногда наблюдается совмещение двух ингессивов в одном интервале, ср.

- (12) Как бы в ответ старушка справа *заголосила-заскандировала*: «Березовский и Гусинский, руки прочь от НТВ!» (АиФ, № 15, 2001).

Такое же сочетание возможно в экспрессивной нарративно-восклицательной конструкции с *как* + наст. вр. СВ, ср.

- (13) Но тут вдруг остановился Степан, топнул разбитым китайским ботинком, да как *запоет-затянет* громче сытых гостей: «Ой, Байкал! Байкал!» (ЛГ, № 31).

В последнем примере компоненты X и Y находятся в синонимических отношениях и напоминают распространенные в фольклоре синонимические пары в НСВ вроде *грустить-печалиться, нить-плакать* (ср. также СВ *киньте-бросьте меня в Волгу-матушку*); к ним примыкают сочетания с неточной синонимией, ср. *пей-противай!*, *турки думали-гадали*, *квинта вновь ноет-завывает*, *Ходила она за ней (= телушкой)*, *растила-холила*. Этот тип также широко представлен в современной прессе и художественной литературе, см. примеры, приведенные в [Вайс 2003: 41]. Нередко прием синонимического удвоения принимает характер усиления, интенсификации, ср. *На НТВ мучается-страдает бедняга Новоженев* (АиФ, № 12, 2002)¹⁰. Оказывается, что

¹⁰ Такие примеры примыкают к фразеологизированным моделям ДГ со вторым глаголом-интенсификатором, напр.: «С чего он так *орет-надрывается?*» (о В. Высоцком).

тот же прием работает не хуже в СВ. В моем корпусе представлен целый ряд примеров с более или менее синонимическим отношением глагольных компонентов (включая случаи с частичным пересечением или включением значений в смысле ЛФ $\text{Syn} \supset$, $\text{Syn} \subset$ ili $\text{Syn} \cap$) либо (в терминологии, принятой в НОССе) аналога, ср. примеры из прежних работ: *Она съела-проглотила не моргнув*, *Бабы в телогрейках поревут-поплачут*, *Да Воротынцев, признаться-сказать*, *и ждал такой телеграммы*, *Вдруг пригодятся-потребуется простые факты действительности*, *Он набросал-нарисовал картинку, как они умирают*, *И совсем забыть-потеряться среди полей-пространств*, *Подыскать дешевую домработницу, няню или просто погулять-потешиться*. Кажется, сюда же относится и фраза *увидим-посмотрим*. Временная интерпретация всех приведенных случаев однозначна: имеется ровно одно действие, соотношенное с одним временным интервалом. Такие примеры можно множить:

- (14) Бездарные и жадные позднекоммунистические правители... *подарят-сдадут* плоды этой победы хозяевам Запада (ЛГ, № 44, 2002).
- (15) ...дребезжащим голосом: мол, теперь, Степушка, *пропивай-прогуливай* все подряд, терять нечего. И вот в самое скорое время Степа *пропил-прогулял* свое последнее пальтишко (ЛГ, № 31).
- (16) Горел дворец королевы. Королева кричит: «*Спасите-помогите*», эти гномы суетятся (Е. Гришковец. Зима).
- (17) Ну а как вообще, *освоился-внедрился?* (АиФ, № 11, 2003).
- (18) Где *погулять-повеселиться* — тоже вопрос (АиФ, № 42, 2003).
- (19) Ладно, надеялся Алеша, *обомнется-оботрется* (Ратушинская. Наследники минного поля).
- (20) Всеслышащий Аллах *обрушит-уронит* на землю все звезды с небес (ЛГ, № 1, 2003).
- (21) И сразу *замолкли-притихли не текли* огненными алмазами пламенной рекой падучие звезды (ЛГ, № 1, 2003).

Внутренняя структура последнего примера сложнее, поскольку здесь наряду с почти синонимической метафорической парой *замолкли притихли* появляется третий компонент; он оказывается, однако, семантически связанным с первым членом (*замолкли*) при помощи отрицания. Вся трехчленная цепочка носит подчеркнуто индивидуальный характер не только из-за отсутствия пунктуации. Автор (молодой таджикский писатель), видимо, вообще увлекается двойной конструкцией; ему же принадлежит и следующий, нетрафаретный пример:

- (22) Дерево в поле гиссарском одиноко *затерялось заблудилось* и *плещется-покоится* похожее на человека одинокого.

Сочетания, в состав которых входит двувидовой глагол, не нуждаются в специальном комментарии:

- (23) Так что не безвиновен и мальчик оказался (первородный грех, значит, есть: не пустяк эта идея!): *предать-дезертировать* склонен из бытия народа своего (Г. Гачев, из предисловия к кн.: Ч. Айтматов. И дольше века длится день..., 2003).
- (24) Человек и есть, и *возник-создан*, чтобы усеять Вселенную сомыслями, как сад ее *засадить-культивировать* (Там же: 20).

Зато заслуживает внимания ДГ *возник-создан* с неоднородным залогом: это единственный пример в моем корпусе, который по критерию совпадения граммем не укладывается в определение ДГ, данное в [Вайс 2003: 38]. Создается впечатление, что автор как бы колеблется между двумя философиями: либо человек возник спонтанно, либо он своим существованием обязан какой-то высшей силе, какому-то божеству. Автора отличает индивидуальный почерк, он — из любителей, трактующих двойную конструкцию как стимул для смелых экспериментов. Другое доказательство тому — различная валентность компонентов ДГ в примере (23): если во всех примерах, рассмотренных до сих пор, управление обоих глагольных членов совпадало, то на этот раз второй актант (дополнение) *из бытия* совместим лишь со вторым глаголом. Та же ситуация повторяется, кстати, в предложении, непосредственно следующем за примером (23), ср.:

- (23а) Да, виновата перед ним природа киргизская, недодала родности родительской, не любимый он сын родины, но «выродок», — ну что же, и он тогда с большей легкостью *отречься-отринуть ее* может, с «чистой совестью» — именно!

Как было показано в [Вайс 2000: 366], такое употребление является большой редкостью; тогда не удалось найти ни одного убедительного примера на ДГ с общим, но разнооформленным актантом. Приведенные здесь примеры, однако, подтверждают высказанный там же вывод, что второй глагол является лучшим кандидатом на точку морфологического контакта (критерий Мельчука), что в рассмотренных случаях говорит в пользу признания за ним статуса вершины всей конструкции.

На фоне всех этих индивидуальных отклонений от регулярной двойной конструкции последние два примера этого же автора выглядят весьма трафаретными¹¹, тем более что и смысловая связь между глагольными компонентами довольно очевидна:

¹¹ Отметим, однако, что третий актант в (25) (*не появившим главное*) лучше сочетается со вторым глаголом, чем с первым, ср. [?]*поймает тебя не появившим главное*.

- (25) ...а то так, косвенно и по бокам кося, и прозираешься всю жизнь до смерти, и она и *поймает-застанет тебя* не понявшим главное... (Там же, 18).
- (26) Еще ветер — шаман (как к нему с лодки дядя Мылгун в своем бешеновании вызывает): он — друг (против тумана) и враг (отец шторма): союзник воды-глуби, подъемлет дно на небо — *закрывать-потопить мир* (Там же, 18).

1.1. Влияние десемантизации первого компонента

Перейдем теперь к разбору ДГ, первый член которых подвергается десемантизации. В первую очередь сюда относятся сочетания с глаголом *взять* в значении 'неожиданно/внезапно сделать'. Такой семантический сдвиг особенно частотен в составе сочинительной конструкции типа *взял да вышел* (см. об этом, напр., [Прокопович 1969; РГ 1980; Fortuin 2000: 149—161]). Кроме того, именно эта конструкция широко распространена по всему югу, востоку и северу Европы: в [Coseriu 1966] насчитывается не менее 24 романских, балканских, финно-угорских и германских языков, где она представлена; из соседей русского ареала укажем лишь на польский, литовский, финский, мордовский языки. Следует подчеркнуть, что ограничения, накладываемые на данный тип сочинительной связи, далеко не одинаковы: так, в отличие от романских языков, русское *взять* сочетается только с предельными глаголами и не выступает в вопросительных предложениях типа *??Кто взял и оставил ключи*¹²? С другой стороны, отметим случай разновидного оформления *Возьму и не буду!*, который, однако, правильнее причислить к фраземам.

На этом фоне соответствующая двойная конструкция выглядит куда беднее: она не только представлена в очень немногочисленных языках (в русском, польском и, возможно, венгерском, см. [Вайс 2003: 49—51]), но и менее частотна, чем сочинительный вариант. Первый пример из следующей серии иллюстрирует свободную вариативность союзного и бессоюзного употреблений, второй — более редкий случай употребления в прошедшем времени¹³, а

¹² Следует подчеркнуть, что значение 'внезапно/неожиданно' характерно не для всех языков, где глагол *взять* утратил свое первичное значение; так, в шведском этот глагол оформляет и простую ингрессивную конструкцию, см. [Ekberg 1993] (о семантическом несоответствии шведских и русских конструкций см. [Fortuin 2000: 158]).

¹³ Здесь отражается иерархия допустимости двойной конструкции, описанная в [Вайс 1993: 88—90]: императив > 1 л. наст.-буд. вр. > прочие формы. Представляется, что предпочтение воликативной модальности для сочетаний с *взять* в качестве первого члена особенно характерно, ср. *Возьми набей ему морду, Возьму набью ему морду*, но *??Взяли набили ему морду*.

третий представляет весьма редкий случай обязательности двойной конструкции: при инвертированном порядке компонентов сочинительный союз оказывается недопустимым, см. [Fortuin 2000: 155]:

- (27) *Возьму да и женюсь* на первой дуре [...] А вдруг *возьму женюсь* на самой умной (Уличные песни, 2000).
- (28) Закурил он папиросу, выкурил, а чтобы окурок бросить, *взял нагнулся* и посмотрел назад (Русские народные сатирические сказки Сибири).
- (29) «...какой вы отец?.. *Удавлюсь вот возьму!*» [РГ 1980: 220].

Данная конструкция может также включиться в сочинительный ряд, ср.

- (30) Тяжело ему было, несмотря на весеннее тепло и пригревавшее солнце, так тяжело, точно вот *взял бы лег*, да и умер... (Д. Н. Мамин-Сибиряк. С голоду, 1891)

Ввиду адвербиального значения глагола *взять* трактовка таких ДГ как единого действия уже не требует обоснования. Особо следует выделить употребление в императиве, которое наряду с побудительной интерпретацией в принципе допускает и нарративное прочтение, см. следующий пример, где представлен даже непереходный глагол:

- (31) Тут в тишине *возьми и раздайся* чей-то разумный голос (ЛГ, № 23, 2001).
- (32) «Вы представляете, опоздал на автобус, бежал-бежал, а он, то есть водитель, *возьми, да и остановись*» (Людмила Пирогова, Игорь Немучинский, Елена Маслова, Виктор Лихачев. Может, попробуем потамбовски? // «Встреча (Дубна)», 2003.04.16).

Как видно из (31), нарративное употребление не ограничивается передачей действий, встречаются также неконтролируемые события и даже безличные употребления, ср.: *...как вдруг возьми да приморозь* (пример Карцевского, см. [Fortuin 2000: 153]). В моем корпусе пока не представлено примера бессоюзного удвоения такого нарративного императива, ср. недопустимость варианта **возьми остановись*. Ему на смену приходит вариант в прошедшем времени вроде *взяли грабанули банк, взяли устроили скандал, однажды пацан вот взял бросил тряпочку*. Двойная конструкция также неприемлема в сочетаниях, переосмысливающих неконтролируемое событие как зависящее от решения субъекта, ср. *взял да умер* или *вот возьму, умру весне назло*¹⁴.

¹⁴ К примеру, НКРЯ содержит 7 примеров на *возьми (да) и умри*, но ни одного на *возьми умри*.

Другой случай возможной десемантизации первого члена ДГ в СВ представлен в сочетаниях с первым компонентом *пойти*. При ближайшем рассмотрении они оказываются весьма неоднородными. Так, если в примерах типа *Пришли сказали, что ты в сквере меня ждешь*, или *Вчера вечером пошла вымылась*, или

- (33) Ну ладно, *пойду сяду* чистить [Владимир Крупин. Выбранные места из дневников 70-х годов // Наш современник, 2004. 0515]

можно еще усмотреть сочетания с полнозначным глаголом движения, описывающие последовательность двух плотно примыкающих друг к другу¹⁵, но взаимоисключающих действий, то в парах вроде *пойду проверю* или *пошли собрались* глагол *пойти* означает лишь необходимую подготовительную фазу перед совершением другого акта (проверки, собрания), и поэтому можно его осмыслить как своеобразный показатель начала другого действия. В связи с этим вспомним, что та же идея начала заложена во фраземе *пошло-поехало*, служащей единым маркером начала процесса (ср. «*Пошло-поехало* кино»), а кроме того, в отдельном значении ‘начаться’, ср. *дело пошло*, *пошла новая жизнь*, *пошли занятия*, а также *Такой народ пошел!* В сочетании с инфинитивом НСВ *пойти* образует экспрессивную ингрессивную конструкцию, ср. *пошло трясти*, *А он как пошел ругаться!* Отметим, что это значение совсем не характерно для данного глагола в других славянских языках (напр., в польском все только что указанные примеры не «работают»), зато во многих неславянских языках глагол ‘идти’ служит регулярным показателем инхоативного или ингрессивного значения, ср. англ. *to go crazy/blind* и т. п. и материал из тюркских и других языков, приведенный в [Майсак 2005: 175—176] в качестве иллюстрации употребления гл. ИДТИ в значении ‘начать’.

С другой стороны, русское *пойти* в составе ДГ далеко от статуса ингрессива хотя бы потому, что второй глагол *У* не может быть в НСВ¹⁶. Кроме того, препятствуют этому лексические ограничения, накладываемые на цепочки типа *пошел У-овал*: действие *У* должно быть совместимо с идеей предварительного перемещения в пространстве, ср. недопустимость сочетаний с антонимом **поди-останься*, с «дейктическим антонимом» **поди-приди*, ментальными предикатами вроде **пошел понял/поверил/сообразил/усомнился* в., а также с настоящими ингрессивами типа **пошел уснул/замолчал*. Кроме того,

¹⁵ Соответствующие интервалы не пересекаются, поскольку *пойти* не означает ‘начать и продолжать идти’. По терминологии, принятой в [Падучева 1996: 148], *пойти* поэтому причисляется не к ингрессивам, а к инцептивам.

¹⁶ Любопытно отметить, что вместо *пойти* в данной функции появляется другой глагол движения (изменения пространственной позиции), *стать*. О грамматикализации этого глагола см. [Wiemer 1998].

действие *У* не может быть слишком длительным, ср. **пошел написал монографию*. Всего-навсего, процесс семантического «выветривания» (bleaching) русского *пойти* куда менее продвинуто чем, напр., в нем. *hingehen und..., ach geh!* и т. п.

Десемантизация *пойти* проявляется ярче в таких случаях, как *пойдем сходим, по(й)ди сходи* или

- (34) Ну да ладно, бог с ним, вот, даст бог, доживу до лета и поведу здоровую жизнь — *пойду-выйду* на быструю речку, сяду я да на крут бережок и замечтаю — вот да бы написать бы о людях, которых знал когда-то, только ведь таланту нету (Виктор Астафьев. Зрячий посох, 1978—1982).

По поводу таких ДГ возникает вопрос, не становится ли первый компонент семантически излишним. Вряд ли есть основания полагать, что начальная фаза данного перемещения маркируется отдельно с помощью гл. *пойти*, раз второй компонент (*сходить, выйти*) и без того имплицитно такое начало. Если же рассматривать *пойти* как заместитель всего действия в целом, как предлагается в [Зализняк, Шмелев 2000: 109] в связи с примерами типа *пойти в кино*, то он тем более избыточен; остается только приписать всей конструкции значение одного-единственного действия, а за формами *пойдем, по(й)ди(те)* признать статус дополнительного маркера или будущего времени (ср. 34), или гортативного либо императивного значения. С типологической точки зрения для глаголов движения более характерна именно такая, усиленная функция, нежели функция прямого показателя императива, ср. наблюдение а [Майсак 2005: 178]: «если ИДТИ/УХОДИТЬ и выступает в роли служебного императивного показателя, то почти всегда факультативно, „для усиления“ повеления (вместе с собственно императивной формой)». При таком понимании также легче объяснить распространенность столь естественных трехчленных цепочек вроде *Иди бегай занимай, Пойдем сходим посмотрим*: десемантизация первого глагола, т. е. его превращение в маркер иллюквативной функции, облегчает возникновение тройственных структур¹⁷, которые вне императива скорее выглядят как плоды индивидуального творчества. Добавим еще, что превращение в показатель побуждения к действию вообще не чуждо русскому императиву, ср. еще: *валяй, давай*, выше обсуждавшееся *возьми* и маркер предостережения *смотри*, не говоря уже о *жди-дайся* (см. ниже).

¹⁷ Здесь небезынтересно отметить, что в швейцарских диалектах нем. языка возможно даже утроение форм гл. *идти* (с возрастающей фонетической редукцией), ср. «Gang go ge abwäsche!» («Иди мыть посуду!»).

В случае императива *по(й)ди* переосмысление может продвигаться еще дальше, достигая прямо противоположного значения. Это происходит в многочисленных цепочках типа *поди разберись, поди поверь*, где явно нет речи о двух отдельных действиях. Такие двойные императивы функционируют как риторические побуждения¹⁸, а их смысл раскрывается с помощью отрицания: *поди поверь такому алиби = не верь*¹⁹. В основе этого употребления лежит, по-видимому, импликатура, порождаемая несовместимостью буквальных значений первого и второго глагола: пропозициональная (диктальная) часть побуждения *поверь!* не предполагает никакого предварительного движения, что и заставляет слушателя переосмыслить форму *поди*. Заметим попутно, что данный смысл можно передать еще устойчивым риторическим утверждением *Так я (ему) и поверил!* Риторические побуждения по модели *поди Y-уй!* вообще весьма свободно образуются от ментальных предикатов.

В той же риторической функции может выступать синоним *попробуй(те)*, ср. *Такого попробуй угроби!* (В. Высоцкий) = *такого не угробишь*; поэтому не удивляет тот факт, что оба императива иногда выступают вместе, ср. *поди попробуй!* Таким образом, снова возникают вполне естественные тройные цепочки, выражающие всего одно утверждение ‘невозможно Y-овать’, ср.

(35a) *Поди попробуй толкуй* им (Борис Можаев. Живой, 1964–1965).

(35b) *Поди попробуй пойми* их (Владимир Железников. Чучело, 1981).

(35c) *Поди попробуй защитись* — кадр испортил, мудака, вспомогатель!
(Андрей Измайлов. Трюкач, 2001).

С другой стороны, указанная импликатура не появляется, если второй императив обозначает физическое действие, ср.

(36) ...мусорят все по-прежнему активно. *Попробуй поймай* хулигана за руку. «Ну а куда же мне окуроч бросить?» — спросит он разгневно. И будет прав (АиФ, № 27, 2000).

В другом контексте данный ДГ (как и его синоним *Поди поймай хулигана*) допускал бы и буквальное прочтение; в (36) риторическая интерпретация обусловлена тем, что адресат побуждения (читатель) не наблюдает ситуации, позволяющей совершить требуемое действие.

¹⁸ По [Meibauer 1986: 171—174], здесь допускается риторическое употребление не только вопросов, но и утверждений и побуждений.

¹⁹ Иногда, кстати, попадаются и примеры, где риторическое побуждение не адресовано прямо к собеседнику, ср.: «Но у нее же еще Андрейка на руках. *Заработай поди* ему в клюв, да еще и воспитывай!» (Петрушевская); такие случаи подсказывают более общее толкование данного типа: *поди P-уй = нельзя P-овать*.

Добавим, наконец, что риторическое прочтение также закреплено за полнотью лексикализованными репликами-маркерами несогласия с *дожидайся*, *дожидайтесь*, которые вообще перестали функционировать как побудительные сигналы, ср. *дожидайся вернется = не вернется* [Шведова 1960].

Для полноты картины укажем также на грамматикализацию формы *пошли*, превратившейся в маркер гортатива (ср. *пошли обедать*), и связанную с этим возможность разнооформленных во временном отношении ДГ в СВ типа *пошли позавтракаем*. И наконец, не лишне будет вспомнить об известной вариативности употребления видов при императиве ДГ: здесь встречаются все возможные комбинации, ср. *поди поверь, поди верь, иди ищи, иди проверь*²⁰. В следующем примере представлено риторическое побуждение того же типа, что и в примерах (35)—(36), но в НСВ:

- (37) В аэропорту Бен-Гурион трясут, как нигде в мире; найдут [боеприпасы. — Д. В.] — *иди потом доказывай*, что ты не верблюд. В смысле — не террорист (АиФ, № 47, 2000).

Иносказательная нагрузка этого примера усиливается за счет устойчивого выражения «ты не верблюд». Тройные цепочки также допускают различное видовое оформление компонентов, ср:

- (38) Заварили кашу, теперь *идите* сами *попробуйте расхлебывайте!* [РГ 1980: 220]

Ввиду того, что императив НСВ «означает побуждение начать действие» [Падучева 1996: 68], его употребление вместе с императивом СВ, в частности, с *попробуй*, не может удивить. Сказанное не относится, разумеется, к ситуации, где императив НСВ употребляется в актуально-длительном значении (об этом см. [Шатуновский 1996: 349 сл.]): он тогда выражает побуждение продолжать (не прекращать) начатое действие, ср. *ешь!*, *пей!*, *сиди!*, *режь!*, что обычно блокирует не только СВ, ср. **поди поешь* (подразумевается другой тип ситуации), но и императив *иди(те)*, ср. **иди ешь/пей/режь*. То же самое верно для случаев, где выбор НСВ связан с ситуативной обусловленностью данного действия (см. [Падучева 1996: 71—75], ср. стереотипные примеры с фреймовой семантикой вроде *Проходи в комнату!*, *Раздевайся!*, *Садись!*, *Бери печень!* и т. п., ср. **Подите пройдите/разденьтесь/сядьте!* Таким же образом ведут себя разрешения, где ожидаемость данного действия заложена в предыдущем речевом акте, ср. *Можно я позвоню отсюда? — Звоните!*,

²⁰ Разновидовое оформление императива допускается, кстати, даже при сочинительной связи, ср. пример, приведенный в [Падучева 1996:70]: «Закройте свой номер и идите отсюда!».

Подите позвоните*; НСВ же возможен, если телефон находится в соседней комнате, ср. *Идите звоните!* И наконец, компонент ‘немедленно’, характерный для императива НСВ, остается в силе, ср. *Ложись немедленно спать!*, *Иди ложись немедленно спать!*²¹, но: *Поги ляг немедленно спать!*; *Кому говорят? Убирайся отсюда!*, **Иди убирайся!*Поги уберись*. Таким образом, условия употребления обоих видов остаются в силе и в составе ДГ, специальной оговорки здесь не требуется.

Подытоживая эти наблюдения, можно констатировать, что десемантизация в случае глагола *взять* очевиднее, чем в случае *пойти*, где она проявляется в чистом виде только в риторических императивах типа *поги разберись*; в остальных случаях *пойти* либо избыточно, либо выделяет предварительную фазу действия. В основе обоих процессов лежит метафора, заставляющая переосмыслить данное высказывание: отсутствие физического объекта при *взять* и невозможность движения при *поги*.

2. Отношения следования во времени

Итак, мы выделили значительную группу примеров, где компоненты X и Y однозначно совмещены в одном временном интервале как обозначающие единое целое (событие или действие). Кроме того, наш разбор примеров с *пойти* обнаружил отдельные цепочки, которые укладываются в схему «начала X, потом Y» (*пойдем сядем*), однако большинство примеров снова тяготеет к противоположному полюсу (одно действие). Тогда спрашивается, где все-таки тот тип, который по образцу соответствующих сочинительных рядов СВ должен считаться каноническим: где примеры, в которых представлена несомненная последовательность двух отдельных действий? По этому поводу вспомним, что в [Вайс 1993: 81] предлагалась следующая иерархия предпочтительности компонента X в СВ:

глаголы движения > глаголы, обозначающие изменения пространственной позиции (напр., *сесть, лечь*) > другие.

Если в случае *пойти* двухфазовый характер данной цепочки часто оказывается сомнительным, то другие глаголы движения в этом отношении не вызывают возражений, ср.

(39) *Приди познакомься!*

(40) *Похожу сяду, на пешеходов посмотрю.*

²¹ В примере (37) этот компонент относится не к моменту речи, а к предыдущему моменту повествования.

(41) *Беги-ка разыщи его!* — Чего ради я побегу?²²

Второй глагол в (39) и (41) допускает целевую интерпретацию, ср. перифразы *приди познакомиться* и *беги разыскать*; следует, однако, подчеркнуть, что такая целевая интерпретация не заложена в самой двойной конструкции (в отличие от сочетаний с инфинитивом), а порождается только в подходящем контексте. В случае (40) такая же интерпретация возникает при третьем глаголе (ср. *сяду, чтобы посмотреть...*). Бывают и случаи с общим вторым актантом (об этом см. [Вайс 2000]), который подкрепляет единство данного действия:

(42) Пока у нас бочка в саже будет стоять, *вези* на навоз *вывали!*

Что касается глаголов *сесть, лечь, встать*, то поиск по НКРЯ подтверждает намеченный выше иерархический порядок: сочетания с глаголами изменения позиции в качестве первого члена появляются гораздо реже чем сочетания с глаголами движения. Так, среди 393 контекстов на форму *сяду* не нашлось ни одного бесспорного примера с двойной конструкцией, а из 316 контекстов на *сядем* — лишь следующие два примера:

(43) Не устраивает, *давай сядем обсудим* и решим (Женщина + мужчина: Брак, 2004).

(44) — Ну что, *сядем поужинаем?* — невинным голосом предложил я, берясь за стул (Андрей Белянин. Свирепый ландграф, 1999).

Второе действие в таких случаях обычно совершается сидя или лежа, ср. *ужинать, обсуждать, поболтать, спать*; тем самым информативность первого глагола опять ослабевает, хотя нельзя сказать, что он совершенно излишен, поскольку здесь нет строгой импликации $Y \Rightarrow X$. Между прочим, бывают и сочетания, где X не выражает условие для совершения Y , ср. *сядем-подумаем, села-подумала*; остается выяснить степень фразеологической устойчивости таких сочетаний.

Выше шла речь о том, что гортатив создает особенно благоприятное условие для реализации ДГ с семантически не совсем «полноценным» глаголом *пойти*. Подобная ситуация наблюдается в (43) и (44), где ДГ также «обслуживает» иллокуцию предложения. Любопытный частный случай той же иллокуции представлен в единственном примере с *лягу* в качестве первого компонента ДГ из НКРЯ (общее количество контекстов 281), где адресатом ока-

²² Пример из [Падучева 1996: 70]. Императив НСВ объясняется тем, что императив СВ от начинательного глагола *побежать* не употребителен: его замещает НСВ в силу своего начинательного значения [Там же]. То же самое верно для *вези* в примере (41), см. ниже.

зывается сам говорящий; функцию показателя самопобуждения²³ выполняет частица *-ка*:

- (45) *Лягу-ка я поплю*, пока еще какие-нибудь гадости о людях не написал (Юлий Даниэль. Письма из заключения, 1966—1970).

Контекстов с ДГ, первым компонентом которого была бы форма *встану*, до сих пор вообще не обнаружилось. С другой стороны, нередко встречается комбинация ‘глагол движения + *сесть* или *лечь*’; один такой пример был уже выше приведен, см. (33). Подобную ситуацию иллюстрирует следующий пример:

- (46) Вообще я сейчас *пойду лягу* и буду умирать (Сати Спивакова. Не всё, 2002).

Поскольку сочетания вроде *пойду сяду, пойдём ляжем* обычно мало информативны, характерной чертой таких конструкций является наличие третьего глагола (*буду умирать*, в (33): *чистить*), обозначающего действие, которое в контексте интерпретируется как цель всего изменения пространственной локализации²⁴.

Среди остальных примеров с ДГ в СВ выделим две группы. В первой смысл ‘X потом Y’ получается благодаря семантике самих глаголов: либо они входят во фрейм с линейным порядком действий, ср. *выпить-закусить, помыться-попариться, постирать-погладить, почихались-разошлись, позвонишь-встретишься, поносить-привыкнуть*, либо это антонимы, ср. *уехать-приехать, отвезти-привезти, отдернуть-задернуть* (все примеры из [Вайс 2003: 43—46]). Само собой разумеется, что при неактуальном употреблении и НСВ способен передать ту же семантику временной последовательности, ср. *собирает-разбирает, подъезжают-отъезжают, включаются-выключаются, промерзала-оттаивала* [Там же]. То же верно и для настоящего исторического, которое, кстати, в моем корпусе представлено весьма скудно.

Вторую, немногочисленную группу составляют примеры, в которых внутренняя последовательность задана предыдущим контекстом, ср.:

- (47) Этот опять *назвал-взвеличал* (в предыдущем отрезке уже шла речь о том, как говорящий называл по имени и величал дьякона).

²³ См. [Левонтина 1991: 136 сл.]. Там, кстати, для иллюстрации приводится тоже ДГ: «*Пойду-ка я погуляю*».

²⁴ Иногда этот компонент отделяется просодически или посредством пунктуации и оформляется другой глагольной формой, ср.: «*пойдем куда-нибудь под насест сядем, расскажи мне свое горе; может, чем-нибудь надумаемся и поможем*» (Н. С. Лесков. Воительница, 1866).

3. Неопределенно-временные отношения (отсутствие временной соотнесенности X и Y)

В качестве третьего типа временного соотношения в ДГ выше было выделено отсутствие относительной временной локализации обоих действий. Сюда относятся, по всей видимости, следующие примеры:

(48) Выходишь замуж за очень симпатичного, но любящего *выпить-уколоться* человека? (ЛГ, № 33, 2001).

(49) Хотите все это *услышать-увидеть-почувствовать*? (ЛГ, № 43, 2002).

В обоих случаях существенна не столько временная соотнесенность названных действий, сколько их общий семантический знаменатель; тем самым они приближаются к группе ДГ, построенных из когипонимов, и заменяют или не существующий, или стилистически маркированный гипероним. В связи с этим в (49) не исключена и альтернативная интерпретация («либо услышать, либо увидеть»); между тем в примере (48) в силу отсутствия временной локализации, обусловленной управляющим предикатом *любить*, и одновременного отсутствия соответствующего скрипта (фрейма) временная соотнесенность употребления спиртного и наркотиков не существенна. Неопределенная локализация трех действий в (49) находит свое соответствие в следующем примере, где логические и даже синтаксические отношения между тремя компонентами уже совсем диффузны (ср. *запретить что? арестовать кого?*):

(50) Только надо помнить, что для кого-то вандализм есть способ проведения досуга. Каждый десятый (11,5%) предлагает «запретить-удушить-арестовать» (АиФ, № 44, 2002).

Но отсутствие относительной локализации X и Y свойственно не только индивидуальному творчеству, оно также довольно распространено среди более трафаретных «суммирующих» сочетаний, ср. следующие примеры из [Вайс 2003]: *загорел-обветрел, наестся-напиться, напоить-накормить, посолить-поперечить, спеть-сплясать, обуть-одеть*. Суммирующую функцию в буквальном смысле имеет пример

(51) Посидели, *поели-попили* нормально. Теперь нужно заплатить нормально (Гришконец. Рубашка).

Причина неопределенной временной локализации этой пары двояка: во-первых, еда и питье не соединены «естественной» последовательностью, во-вторых, многосубъектность описываемой сцены позволяет допустить, что разные субъекты в один определенный момент совершают разные действия. В данном случае это все равно безразлично: весь акт питания мыслится как одно целое, за которое придется заплатить.

Если в ДГ представлено потенциальное значение с отрицанием типа *Туда не подъехать-не подойти*, вопрос о временной локализации вообще снимается, а получается логическая конъюнкция, ср.: «невозможно X и невозможно Y», или, по вендлеровской классификации предикатов, *state*. Подобным образом воспринимается полностью лексикализованный оборот *не разбери поймешь*. По поводу всех приведенных примеров возникает вопрос, не уместнее ли причислить их к тому классу, где значения X и Y суммируются, передавая в конечном итоге значение гиперонима, ср. *Туда не подъехать-не подойти* = ‘недоступно’, *спеть-сплясать* = ‘исполнить’ и т. п. И наконец, особняком стоят ДГ, функционирующие как готовые блоки [Вайс 2003: 48], ср.

(52) Она: «А ты тут решишь что-нибудь сделать, так тут же — „Танечка-Танечка, *подай-принеси*!“» (Гришковец. Город).

Поскольку речь идет не о конкретных актах, а об отношении партнера к героине, не существенно, составляют ли эти действия две фазы одного и того же процесса или мыслятся как два отдельных действия. Недаром такие сочетания могут превратиться в полноценные именные группы, ср. *он и не вышел за пределы «подай-принеси», должность «подай-прими-вымой тарелки*» (Там же). Не совсем ясно, следует ли к той же группе отнести фразему *поживем — увидим*. Характер цитаты имеет и употребление конверсивов *купить-продать* в следующем примере:

(53) Там, у Ярославского вокзала, никто небось Некрасова не вспомнил. Там звучат «персидские мотивы»: *куплю-продам* (ЛГ, № 50—51, 2002).

4. Разновидовые сочетания

В разделе 2.2 уже обсуждались сочетания императивных форм с разновидным оформлением. Оно встречается и в других типах удвоения. Здесь можно выделить два четко очерченных типа: 1. характерные для фольклора удвоения однокоренных глаголов с отрицанием и сатуративным способом действия, ср. *радуюсь не нарадуюсь, ловить не переловить*, а также с делимитативом, напр., *ходим-походим*; 2. сочетания с глаголом СВ в перфектном значении. Первая модель входит как подтип в целый класс однокоренных сочетаний, ср. *жду-поджидая, лежит-полеживается* в [Шведова 1960: 65]. Ей приписывалось «значение полноты, напряженности и длительности действия». Тем самым сочетания 1-го типа входят в более широкий класс ДГ со вторым глаголом, выражающим ЛФ Magn [Вайс 2000: 369]. Сюда примыкают и другие, не поддающиеся систематизации случаи, ср. *Лежит головы не поднимет* (здесь можно усматривать значение неподвижности); тот же смысл передается в контекстах с временной локализацией с помощью НСВ, ср. *Лежали не шевелились*.

Модель с перфектным значением СВ иллюстрируют такие примеры, как *Бегемот стоит задумался/глядит уставился, Что ты сидишь насупился?* Она укладывается в одновременный тип темпоральной соотнесенности X и Y, поскольку временной интервал X совпадает с состоянием, вытекающим из действия Y. Следует, однако, оговориться, что она обычно требует и разновременной реализации: X выступает в презенсе, а Y — в претерите. Перенос всей конструкции в прошедшее время часто затруднен или даже недопустим, ср. *Бегемот *стоял задумался, ?Ты сидел насупился*; говорящий в этом случае прибегает к замене второго глагола на деепричастие, ср. *Бегемот стоял задумавшись* и т. п. Отнесение к прошлому, возможно, облегчается инвертированным порядком с глаголом СВ в начальной позиции, ср.: *Я тут обложилась словарями сидела* [Земская 1973: 167], *Лошадь... вся согнулась стоит* (Бунин)²⁵. Как бы то ни было, и этот тип относится, несомненно, к прототипическому значению ДГ, поскольку описывает не два, а одно действие, которое модифицируется за счет компонента в СВ; отсюда и возможность перифразирования этого компонента с помощью деепричастия или наречия вроде *пристально* (в случае *глядит уставившись*). В случае единицы *есть пошел (от)*... наблюдается полная фразеологизация, причем она этимологически разложима на 'начать быть'²⁶:

- (54) Как уже догадался осведомленный читатель, не менее осведомленный автор щеголяет терминологией современного бокса, который от кулачного боя *есть пошел*. (Сергей Шухмин, Владимир Тополь. К вопросу о культуре мордобоя // Столица, 97.06.17).
- (55) Откуда *есть пошли* «Шаболовские»? (ЛГ, № 15, 2000).

Для полноты картины добавим, что необходимость разновременного оформления снимается, если оба глагола имеют перфектное значение, ср.

- (56) Все у нас тут опять *разладилось-перекосилось* (Труд, 31 июля 2004).

5. Заключение

Пора подвести итоги. Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что общее правило «соположенные или сочиненные формы СВ выражают последовательные события» [Падучева 1996: 362] в случае ДГ неприменимо. Если

²⁵ Эти примеры заставляют сделать вывод, что глагол СВ как бы замещает синтаксическую валентность глагола НСВ, который без такого дополнения вне контрастивного контекста оказался бы коммуникативно ненасыщенным, ср. *?ты сидишь, ?лошадь стоит*.

²⁶ Здесь снова проявляется ингрессивное значение гл. *пойти* (см. выше, разд. 2).

появляется указанная интерпретация, то она обусловлена не выбором вида, а лексическим наполнением: обычно она свойственна сочетаниям, первый компонент которых — глагол движения или изменения позиции, причем часто встречаются семантически излишние структуры. Прочтение ‘один факт вслед за другим’ может также быть продиктовано фреймовой семантикой, связывающей компоненты X и Y (тип *постирать-погладить*), либо антонимическими отношениями (тип *отвезти-привезти*). Для таких случаев, однако, характерна не столько временная соотнесенность компонентов, сколько их вхождение в семантическое целое высшего порядка (фрейм, гипероним); в этом заключается смысловой вклад, который вносит конструкция удвоения. Поэтому неудивительно, что мой корпус изобилует примерами вроде 4—26, что компоненты находятся в отношениях строгой одновременности (они представлены даже богаче, чем примеры с разновременным прочтением): это очередное проявление тяготения всей конструкции к прототипическому полюсу того континуума, о котором шла речь в начале данной статьи, т. е. к интерпретации «один сложный факт» вместо «два отдельных факта». И наконец, для целого ряда ДГ характерна неопределенная относительная локализация компонентов; такая интерпретация обусловлена лексическим наполнением (тип *посолить-поперечить*) и/или неактуальным временем всего предложения (тип *Он любит...*), а иногда — дистрибутивной референцией при многосубъектном действии, ср. *Каждый десятый предлагает...* Однако решающим условием возникновения таких неупорядоченных во времени цепочек является возможность их мысленного включения в более емкий концепт, составляющий нечто большее, чем простую сумму частей, например, *приправить* (для *посолить-поперечить*) либо *иметь пристрастие к наркотикам* (в случае *выпить-уколоться*).

Указанная двоякая характеристика — вхождение X и Y в семантически более абстрактный концепт плюс свободная временная соотнесенность X и Y — отличает ДГ от близкородственных сочинительных конструкций в СВ ‘X и Y’ или ‘X, Y’, у которых на первый план выдвигается иконическое отображение хронологической последовательности двух фактов (действий, событий). Замена построенной по этому принципу двойной конструкции на союзную обычно приводит к изменению смысла, ср. *Он похлопал и погладил мою руку; Помогите и спасите!*, либо оказывается сомнительной, ср. ^{??}*Как он запоем и затянет!* Иначе обстоит дело в случае с десемантизацией глагола *взять*: как отмечалось выше, сочетания типа *возьми да (и) Y-уй, возьму и Y-у* имеют меньшие ограничения чем их двойные соответствия *возьми Y-уй, возьму Y-у, взял Y-овал*. Таким же образом ведут себя рассмотренные во втором разделе просьбы типа *Будь(те) так добр(ы) и Y-и(те), Будь(те) другом и Y-и(те)*, а также *Не полени(те)сь и Y-и(те)*.

Сказанное позволяет дополнить список ситуаций типа «один сложный факт», где ДГ в СВ и их сочинительные соответствия выступают как соперники. Так, наряду с определенными способами действия (1. делимитативы, 2. ингрессивы) и 3. перфектным видовым значением в этот класс входят 4. употребления, связанные с определенным актом речи (просьба, ср. *Будь добр и У-уй*) и 5. сочетания с первым глаголом *взять* в значении неожиданности У. Во всех указанных случаях ДГ имеет над сочинением то преимущество, что выражает идею единого целого более явным, иконическим образом, чем сочинительный ряд, где «псевдоодновременность» порождает и «псевдосочинительные» структуры²⁷.

С другой стороны, существует и круг употреблений, где работает лишь сочинительная модель СВ, а ДГ совсем не уместен: имеется в виду наличие двух качественно различных денотатов, напр., действие + оценка вроде *Только Игорь поступил несправедливо и не пригласил свою тещу*. ДГ в таком положении не годится, поскольку оба его компонента относятся к плану констатации. Конкурентами «чистого» сочинения²⁸ здесь являются вариант с перестановкой и вставкой *и тем самым*, ср. *Игорь не пригласил... и тем самым поступил...*, и деепричастие СВ, ср. *Игорь поступил несправедливо, не пригласив...*; иногда даже цепочка самостоятельных предложений в СВ передает ту же интерпретацию, ср. пример, приводимый в [Падучева 1996: 370]. И наконец, сюда же относятся, по всей видимости, такие случаи, лексически обусловленные, как сочетания с глаголами типа *изловчиться* или *ухитриться* (*укусить меня в палец*) (см. [Богуславский 1988]), поскольку «псевдосочинение» и здесь объединяет действие и его оценку, заложенную в таких глаголах (ср. *хитрый, ловкий*).

Литература

- Богуславский 1988 — И. М. Богуславский. О семантическом описании русских деепричастий: неопределенность или многозначность? // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. Т. 36. С. 270—282.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Вайсс 1993 — Д. Вайсс. Двойные глаголы в русском языке // F. Fici-Giusti, S. Signorini (отв. ред.). Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация.

²⁷ Первый термин взят из [Полянский 1987: 250 сл.], а второй широко употребителен в скандинавистике для обозначения таких паразитарных сочинительных структур, как швед. *Ta och* (= *взять да*), см. [Ekberg 1993: 21].

²⁸ Подробнее об этом см. [Weiss 1993]; о подобном употреблении «чистого» сочинения см. [Полянский 1987: 251 сл.].

- зация: Акты междунар. конференции, Certosa di Pontignano (Siena). М., 1993. С. 67—97.
- Вайс 2000 — *Д. Вайс*. Русские двойные глаголы: Кто хозяин, а кто слуга? // В. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (отв. ред.). Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 356—378.
- Вайс 2003 — *Д. Вайс*. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Рус. яз. в науч. освещении. 2003. № 2 (6). С. 37—59.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Земская 1973 — *Е. А. Земская*. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1974.
- Левонтина 1991 — *И. Б. Левонтина*. Словарные статьи частицы КА и существительного МЕСЯЦ // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991. С. 136—145.
- Майсак 2005 — *Т. А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Полянский 1987 — *С. М. Полянский*. Одновременность/разновременность и другие типы таксисных отношений // А. Б. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 243—256.
- Прокопович 1969 — *Е. Н. Прокопович*. Стилистика частей речи. М., 1969.
- РГ 1980 — Русская грамматика. Т. 2 / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Шатуновский 1996 — *И. Б. Шатуновский*. Семантика предложения и нерелевантные слова: Значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М., 1996.
- Шведова 1960 — *Н. Ю. Шведова*. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Aikhenvald 2006 — *A. Y. Aikhenvald*. Serial Verbs Constructions in Typological perspective // *A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon* (eds.). Serial Verb Constructions. A Cross-linguistic Typology. Oxford, 2006.
- Coseriu 1966 — *E. Coseriu*. «Tomo I me voy». Ein Problem vergleichender europäischer Syntax // *Vox Romanica* 25. 1966. P. 13—55.
- Ekberg 1993 — *L. Ekberg*. The cognitive basis of the meaning and function of cross-linguistic *take and V* // *Belgian Journal of linguistics*. 8. Perspectives on language and Conceptualization. 1993. P. 21—41.
- Fortuin 2000 — *E. L. J. Fortuin*. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-infinitive construction in Russian. Amsterdam, 2000.
- Meibauer 1986 — *J. Meibauer*. Rhetorische Fragen. Tübingen, 1986.
- Weiss 1993 — *D. Weiss*. Aus zwei mach eins. Polyprädikative Strukturen zum Ausdruck eines einzigen Sachverhalts im modernen Russischen // *K. Ebert* (ed.). Studies in Clause Linkage. Papers from the First Köln-Zürich Workshop. Zürich, 1993. S. 219—238.
- Wiemer 1998 — *B. Wiemer*. Пути грамматикализации инхоативных связей (на примере русского, польского и литовского языков) // *M. Giger e.a.* (Hrsg.). Lexikologie und Sprachveränderung in der Slavia. Oldenburg, 1998. S. 165—212.

ИМЕЕТ ЛИ СМЫСЛ ГОВОРИТЬ О «РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА»? (Патрик Серио утверждает, что нет)

Анна Вежбицкая

Введение

Имеет ли смысл думать, что русский язык несет в себе какую-то специфическую «картину мира» и что он отражает русскую культуру? Для многих лингвистов, и просто многих людей, ответ на эти вопросы очевиден: да, несет, да, отражает. Для некоторых других, однако, такой ответ не только не очевиден, а наоборот, глубоко ошибочен. В частности, так думает французский/швейцарский лингвист Патрик Серио в статье под заглавием «Ouhomage ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue naturelle sémantique universelle d'Anna Wierzbicka» [Sériot 2004]).

«Казалось бы, — говорит Серио, — взгляд на язык, восходящий к эпохе немецкого романтизма, устарел. Однако на самом деле это совсем не так: возврат неогумбольдтианства — это массовое явление в восточной Европе и особенно в России».

Тон, каким Серио говорит о восточной Европе в целом и о России в частности, напоминает тот тон, каким президент Франции Ширак говорил о восточноевропейских странах, недавно принятых в Европейский союз («les nations mal élevées» ‘дурно воспитанные нации’). Серио не употребляет именно этих слов, но он намекает на что-то подобное, когда говорит, например, что «очень старая система ценностей немецкого романтизма массово представлена в консервативном мышлении, преобладающем в советской и постсоветской России», или когда он загадочно упоминает об «идеологических предпосылках дискурса о языке в восточной Европе». Такое «консервативное», «советское или постсоветское» и явно устаревшее мышление («дискурс о языке»), с темными идеологическими предпосылками, противопоставлено в статье Серио настоящему современному мышлению явно авторитетных для него французских теоретиков, таких как Лакан (Lacan), Бурдьё (Bourdieu), Пешо (Pêcheux).

Главный предмет атаки Серио — это работы автора, названного в заглавии его статьи, то есть мои. Но, по мнению Серио, эти работы пользуются «огромным успехом в восточной Европе, и не только среди широкой публики, но также в научном дискурсе опытных и выдающихся лингвистов», — и вот этот курьезный для него факт заслуживает, по мнению Серио, особого внимания.

Я должна сказать, что мне очень трудно узнать свои собственные взгляды в изложении Серио. Тот факт, что моя фамилия искажена в его статье одиннадцать (!) раз, весьма показателен: мои взгляды в его представлении искажены не менее часто. Приведу лишь несколько примеров таких искажений.

Итак, Серио говорит, что количество единиц в наборе «семантических примитивов», постулируемых в моих работах, «колеблется» («oscille») между пятнадцатью и шестьдесятю. На самом деле этот набор никогда не «колебался», а всегда возрастал согласно результатам эмпирических исследований (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds) 1994; 2002]).

Серио утверждает, что понятия «контроля» (contrôle) и «господства» (maîtrise), которые я якобы постоянно («constamment») употребляю и которые якобы являются опорой моей теории, сами никогда не подвергались толкованию. На самом деле эти термины никогда не появляются в моих толкованиях, и никакие утверждения на них не опираются.

Серио утверждает, что «одна из основных идей А. Вежбицкой — что любой форме соответствует какой-то смысл». Это неверно (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds). 2002]). Идея (которую Серио приписывает мне), что если у кого-нибудь нет в его языке слов (форм), чтобы что-то сказать, он не может этого думать, тоже фантастична. Наоборот, я всегда утверждала, что каким-то образом и сказать и думать можно все, на любом языке, потому что все языки разделяют один и тот же набор семантических примитивов.

Серио обвиняет меня в том, что я нигде и никогда не цитирую Якобсона и не упоминаю его идеи «Gesamtbedeutung». На самом деле, я не только цитировала и обсуждала идеи Якобсона, но посвятила ему мою книгу «The Case for Surface Case» [Wierzbicka 1980], в которой я особенно часто ссылаюсь на него.

Примеры легко умножить, но того, что сказано, достаточно, чтобы показать, что Серио, по-видимому, не читал моих работ и что если даже некоторые из них перелистывал, с их содержанием он не знаком. Но это тема для отдельной ответной статьи.

Здесь я хочу сосредоточиться на вопросе, с которого я начала: имеет ли смысл утверждать, что русский язык несет в себе какую-то специфическую «картину мира» и что он отражает русскую культуру? Серио пытается доказать, что так думать бессмысленно. Отвлекаясь от его тона (который один комментатор назвал «агрессивным и демагогическим» [Koselak 2005]), я стараюсь сосредоточиться на сути дела.

«Картина мира»

Серио пишет:

А. Вежбицкая играет одновременно на двух столах [против правил азартной игры. — А. В.], отстаивая вместе универсализм логического атомизма и релятивизм или «культурализм» неогумбольдтианста. Именно вторая из этих тенденций преобладает в восприятии ее работ в России, где часто не различают понятий «антропоцентризм» и «этноцентризм». В одном недавнем пособии по философии языка, изданном в России, говорится, в связи с антропоцентризмом, возвращенным в лингвистику Вежбицкой, что «язык навязывает говорящим некий образ мира»; при этом употребляется русская фраза «картина мира» (...). В мышлении этого рода антропология смешивается на этнографии: отдельный человек («личность», *individu*) будто бы не существует вне этнической группы, к которой он принадлежит.

В самом деле, однако, можно думать, что «смешение» («*confusion*»), в котором Серио обвиняет русских ученых, свойственно ему самому: он как будто не понимает, что говорить о языковой картине мира не значит утверждать, что отдельные люди «не существуют вне этнической группы, к которой они принадлежат».

Возьмем для примера три русских слова, которые я когда-то предложила считать «ключевыми словами» русской культуры: *душа*, *тоска*, *судьба* [Wierzbicka 1990; Вежбицка 1996]. Серио приводит эти слова как яркий пример непростительного «эссенциализма» моих работ. Серио утверждает, что в моей концепции эти три слова сами по себе («à elles seules») дают ключ к «русской языковой картине мира». Сами по себе? Этого я никогда не говорила. Но что эти три слова очень важны и показательны для русского языка и культуры, это я и говорила, и говорю теперь.

Имеет ли смысл говорить, что слова, подобные этим, «навязывают» некую картину мира носителям русского языка? Лично я бы сказала не «навязывают», а «подсказывают». Тщательные, серьезные исследования, такие как работа американского антрополога Дэйл Песмэн [Pesmen 2000], показывают, что, например, слово *душа* играет очень большую роль в речи всех, с кем она разговаривала в России в 1990—1994 годах. Как я пыталась показать в недавней работе, напечатанной в антропологическом журнале *Этос*, модель человека, связанная со словом *душа*, глубоко отличается от модели, связанной с английским понятием *mind*. Нет сомнения, что слово *mind* играет огромную роль в представлении о мире многих людей, для которых английский язык является родным. Особенно примечателен тот факт, что это слово играет большую роль в связанных с английским языком философии, психологии и лингвистике и что многие ученые, жизнь которых протекает в сфере англий-

ского языка, не могут поверить, что *mind* — это не универсальное человеческое понятие, а конструкт одной культуры.

Можно ли сказать, что англосаксонская культура «навязывает» это понятие и связанную с ним модель всем говорящим по-английски? По моему мнению, все-таки нет: если очень стараться, можно говорить по-английски и не употребляя слово *mind*. Можно — но в действительности дело обстоит иначе: это слово употребляют очень широко и в разговорной речи, и даже в науке — психологии, философии и т. д., — не задумываясь говорят о человеке именно в терминах модели «*mind and body*», «mind и тело». В русском языке, как известно, существует широко употребляемое словосочетание *душа и тело* и нет сочетания *ум и тело*; в английском же языке существует *mind and body*, но почти нет *soul and body* (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Частотность употребления выражений на 1 млн словоупотреблений
(Национальный корпус русского языка; Cobuild, UK books)**

душа и тело	3,4
ум и тело	0,1
mind and body	4,5
soul and body	0,6

Для Серию такие сопоставления — это только «стереотипы», и он не скрывает, что ему надоели все упоминания о русской «душе». Он восклицает с явным негодованием: «Когда наконец перестанут говорить о „славянской душе“?» («En finira-t-on un jour avec le discours sur „l'âme slave“?»). Но, во-первых, почему «slave» («славянской»)? В своих работах я никогда не упоминала ни о какой «славянской душе». Во-вторых, я никогда не говорила и о «русской душе», я только говорила о русском слове *душа* и о соответствующей этому слову «наивной» модели человека, отраженной в этом слове и в его фразеологии («folk model», ср. [D'Andrade 1987]).

Серию обвиняет меня в том, что я не только сравниваю языки (например, русский и английский), но что я делаю обобщения о нациях и противопоставляю «русских» «американцам». Это недоразумение: я всегда была против таких обобщений и никогда ничего не утверждала ни о «русских», ни об «американцах». Я утверждала и утверждаю совсем другое.

Во-первых (я утверждала и продолжаю утверждать), слова любого языка уникальны по своей семантике. Например, русское слово *судьба* не соответствует по значению французскому слову *destinée*, которым переводит его Серию.

Во-вторых, некоторые слова с уникальной семантикой занимают важное место в мышлении носителей данного языка, как видно по многим показате-

лям, в том числе их частотности в речи. Например, в корпусе современного русского языка частотность слова *судьба* — 230 на миллион слов, а в корпусе современного французского языка частотность *destinée* — 27 на миллион слов (о понятии ‘судьба’ см., в частности, [Шмелев 2002]).

В-третьих, с отдельными словами — в частности, широко употребляемыми — часто связаны определенные «культурные скрипты». Например, высокочастотное (77 словоупотреблений на 1 миллион слов) и уникальное по своей семантике русское слово *искренний* связано с русским культурным скриптом (см. [Вежбицка 2002; Wierzbicka 2002]): «хорошо, если человек искренен», или в более распространенном виде:

все люди знают, что многие люди думают так:
«хорошо, если человек искренен».

(Для сравнения, частотность слова *sincère* во французском корпусе Cobuild «французские книги» — 13 словоупотреблений на 1 миллион слов). Уникальное по своей семантике и часто употребляемое английское слово *reasonable* (сильно отличающееся по смыслу от французского слова *raisonnable*) связано со следующим культурным скриптом:

все люди знают, что многие люди думают так:
«хорошо, если человек *reasonable*».

В-четвертых, не только слова, но также некоторые грамматические конструкции подсказывают носителям языка некую картину мира. Например, есть основания думать, что богатый репертуар дативных безличных конструкций, которым обладает русский язык, дает говорящим возможность говорить и думать о мире так, как, например, по-английски говорить невозможно и думать трудно. Например, такие предложения, как «мне подумалось...» или «мне верилось...», невозможно перевести на английский язык не теряя некоторых элементов смысла (чего-то вроде «не потому, что я этого хотел»).

Серио считает, что утверждения такого рода бессмысленны, но вместо того чтобы спорить с тем, что я на самом деле говорю, он придумывает и приписывает мне фантастические тезисы вроде «мир базируется на отношении двух элементов, мужского и женского, которое проявляется в противопоставлении ‘агентивности’ и ‘пациентности’» («le monde est fait de la relation masculine/feminine, qui se manifeste dans l’opposition de l’„agentive“ à la „patientivité“»).

Так как я никогда в жизни не говорила ничего о «противопоставлении мужского и женского элементов», тут нечего спорить. Но вопрос о семантике дативных конструкций и их роли в русской языковой картине мира заслуживает обсуждения.

Серио спрашивает риторически: «Новые русские, которые катаются на лыжах в Куршевеле, или олигархи, которые делают инвестиции в нефть, — так ли уж пассивны или „пациентивны“ они перед жизнью?» Так как я никогда не говорила, что «русские пассивны перед жизнью», я бы тоже не взялась рассуждать, пассивны или нет «новые русские» (Серио, очевидно, считает, что они весьма активны или «агентивны»).

Вопрос о том, как говорят разные группы носителей русского языка, в том числе «новые русские», заслуживает изучения. С теоретической точки зрения, однако, тут никакой проблемы нет. Вообще, дативные конструкции в русском языке не обязательны, и отдельные люди могут употреблять их чаще или реже, так же как отдельные люди могут чаще или реже употреблять такие слова, как *судьба*, *душа* или *тоска*. То, что связывает членов данной языковой группы, — это не столько употребление одних и тех же слов и конструкций, сколько их понимание. Быть носителем русского языка — это, в частности, понимать такие слова, как *судьба*, и такие предложения, как *Мне хочется* и *Мне верится*.

Разумеется, и понимание, и употребление определенных слов и конструкций подлежат градации и в синхроническом, и в диахроническом плане. Если частотность употребления данной конструкции сильно уменьшается, спустя некоторое время она может совсем или почти совсем выйти из употребления. Именно так случилось с многими «дативными» и им подобными конструкциями в английском языке (такими как, например *methinks*, ‘мне думается’).

Серио высмеивает мое замечание, что английские предложения *he succeeded* и *he failed* приписывают субъекту некоторую ответственность за то, что случилось, тогда как русские предложения *ему удалось* и *ему не удалось* такого семантического оттенка не несут. В этой связи стоит упомянуть, что, как отмечает агентство Рейтер (20.07.2005), в Великобритании профессиональный союз учителей предложил недавно запретить употребление учителями слова *fail* как слишком негативного и порицательного. Трудно себе представить подобный запрет на фразу *не удалось* (например, *На этот раз тебе не удалось...*), которая звучит скорее как оправдание, чем как осуждение. Строго говоря, *тебе не удалось* непереводимо на (идиоматичный) английский язык, а *you failed* непереводимо на русский. (Сказать «тебе не удалось, и это твоя вина», конечно, можно, но это звучит несколько странно.)

Я думаю, что когда большинству носителей русского языка понадобится выражение смысла *you failed*, язык изменится и найдет способ, чтобы этот смысл выразить. Насколько я знаю, до сих пор этого не случилось.

Серио как будто считает, что чтобы опровергнуть мой тезис о культурной значимости таких различий, как различия между *you failed* и *тебе не удалось*, достаточно указать, что он несовместим с теориями французского фи-

лософа Бурдьё. Но для меня указание на авторитет Бурдьё — это еще не достаточный аргумент. Сопоставление моего мнения со взглядами Монтеस्कье (которые Бурдьё называет фантастическими — «*fantasmatique*») тоже меня не волнует.

Говоря о разном «духе» (*esprit*) разных народов, Монтеस्कье писал так: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» («О духе законов», XIX, 4). Признаюсь, что хотя я предпочитаю говорить о разных культурах, а не о «духе разных народов» и не говорила бы в этой связи о климате, но вообще я тут ничего «фантастического» или абсурдного не вижу; и я не разделяю благоговения перед Бурдьё, которым явно проникся Серио.

По Серио, «это поразительно, что в XXI столетии еще можно верить в „национальный характер народа“». Опять-таки, это язык Серио, не мой: я никогда не говорила о русском или каком-нибудь другом «национальном характере».

То, что я говорила и повторяю снова, это другое — что любой язык воплощает в себе некий мир смыслов (а «*universe of meaning*») и что люди, живущие посредством этого языка, живут в этом мире смыслов. С одной стороны, это можно продемонстрировать с помощью точных методов лингвистической семантики: в частности, пользуясь метаязыком универсальных понятий, можно показать точно, чем отличаются друг от друга слова *судьба* и *destinée* или *душа*, *mind* и *esprit* (ср. например [Wierzbicka 1992; 2004]). С другой стороны, об этом свидетельствует личный опыт людей, живущих посредством двух языков, особенно так называемых языковых мигрантов («*language migrants*», [Besemeres 2002]): люди иммигрирующие в другую страну и в сферу другого языка, часто чувствуют, что им нужно «переводить самих себя». Например, как пишет живущая теперь в Соединенных Штатах русская эмигрантка Анета Павленко [Pavlenko 2005], она сознает, что живет теперь в двух разных мирах, с двумя разными репертуарами смыслов и культурных скриптов. Например, когда она пишет в письме к своей бабушке, оставшейся в России: «Бабулечка, я так по тебе скучаю», — она выражает таким образом мысли и чувства, которые не могла бы выразить на английском языке. Само слово *бабулечка* несет в себе чувства и отношения, которые невозможно перенести из мира русского языка в мир английского языка. То же самое можно сказать про глагол *скучать*, который также отличается по значению от английского *miss* и всех других английских слов, с которыми можно было бы его сравнить (см. [Levontina, Zalizniak 2001]).

Точно так же, когда Павленко говорит своему тринадцатилетнему сыну, с которым случились разные маленькие беды: «жалко тебя бедного», — она выражает смысл, которого не могла бы выразить на английском языке. Все,

что можно сказать на английском языке в подобной ситуации («I'm sorry for you» или «you poor thing»), отличается по смыслу и по чувству от того, что выражает русское слово *жалко* и вся конструкция (см. [Levontina, Zalizniak 2001]).

И последний пример. Ссылаясь на мою собственную статью о моем личном эмигрантском опыте, Павленко обсуждает семантическое, прагматическое и эмоциональное различие между русскими фразами *Не сердись!* и *Не обижайся!* и английской *don't be angry*. Она говорит:

Предложения 'don't be mad/angry' и 'don't be upset/offended' звучат как обвинения и у них нет прагматической цели, которая налицо в «не сердись» («не сердись на меня») и «не обижайся» («не обижайся на меня»). Эта цель — загладить какое-то неприятное происшествие и вернуть положительные чувства (см. подробный анализ соответствующих польских глаголов в [Wierzbicka 2004]). Тот факт, что я не могу употребить эти русские глаголы в моих отношениях с моим американским партнером (который не говорит по-русски) и с моим сыном, у которого английский сильнее русского, лишает меня важных средств «управления» взаимоотношениями и чувствами (relation-building and emotion management). Но хотя я не могу употребить эти слова, я продолжаю действовать согласно эмоциональным скриптам, связанным со словами *сердиться* и *обижаться*, которые я усвоила в детстве. Так как мой партнер и мой сын не понимают, что фразы *не сердись* и *не обижайся* — это «законные» (legitimate) средства для поддержания близких отношений, они интерпретируют мое поведение как обиду и чрезмерную реакцию (routing and overreacting) и думают, что я слишком чувствительна и даже неблагоприятна (unreasonable).

Люди, у которых нет опыта, аналогичного опыту Павленко, часто не могут поверить в реальность и значимость таких различий; но для тех, у кого он есть, правда подобных свидетельств в большинстве случаев бесспорна (см. [Besemeres, Wierzbicka (eds), to appear]).

Людям, которые не живут в сфере английского языка, трудно себе представить, какую огромную роль играет слово *unreasonable* и скрипт «don't be unreasonable» в жизни людей, живущих в англоговорящем мире. Точно так же, тем, у кого нет экзистенциального опыта жизни в сфере русского языка, трудно себе представить роль, которую играют в этом мире фразы вроде *Не сердись!* или безличные конструкции со словами вроде *жалко*, *жаль*, *обидно*, *досадно*, *грустно* или *непонятно (почему)*. Как я и мои коллеги пытались показать в ряде работ (см. например [Wierzbicka 1992; Goddard 2002; Mostovaja 1996; 1997; Gladkova 2005; Gladkova (in print); Levontina, Zalizniak 2001]), «естественный семантический метаязык» помогает продемонстрировать более точно, в чем именно заключается семантическая специфика этих и других подобных выражений и конструкций.

Серио считает, что приписывать значение русским дативным конструкциям — значит просто повторять бессмысленные старые стереотипы. Если результаты семантического анализа, проведенного при помощи «естественного семантического языка», хоть в чем-нибудь согласуются с известными стереотипами, это показывает, по его мнению, что такой анализ или ошибочен, или бесполезен. Например: «Нужно ли было вырабатывать такой тонкий критический аппарат, чтобы в конце концов прийти к таким старым клише о двух началах, активном и пассивном?». Но на самом деле это Серио говорит о таких двух противоположных началах, не я. Естественный семантический язык позволяет нам моделировать бесконечное число тонких семантических различий, и его сторонники никогда не станут применять его, чтобы прийти к простейшим дихотомическим противопоставлениям вроде тех, о которых говорит Серио. С другой стороны, пренебрежительное отношение Серио к *любым* стереотипам и догматический отказ допустить, что некоторые из них могут отражать — пусть грубо и неточно — опыт многих обыкновенных людей, напоминает тон, каким Вольтер говорил в свое время о глупой и примитивной толпе («la canaille») или Дидро — об «общей массе людей»:

Общая масса людей неспособна ни участвовать в этом движении вперед человеческого ума (духа) ни понимать его [Diderot 1969: 380].

Не доверяй суждениям массы во всем, что касается рассуждений и философии; её голос — голос порочности, глупости, бесчеловечности, неразумия и предрассудка. ... Масса невежественна и глупа [Diderot 1969: i].

Дело не в том, чтобы защищать стереотипы, а в том, чтобы перейти от стереотипов к тонкому, точному и методологически обоснованному семантическому анализу; а если результаты анализа в какой-то точке согласуются с каким-то стереотипом, это нужно просто отметить, как и другие факты¹.

¹ В своем Введении к книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [2005: 13] Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев пишут так:

... Подчеркнем, что главным действующим лицом этой книги является русский язык. Наша задача — обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психических реакций, которые русский язык навязывает говорящему на нем, т. е. заставляет видеть мир, думать и чувствовать именно так, а не иначе. Никаких выводов относительно свойств «русской души», «русского национального характера» и т. п. мы не делаем, хотя и используем в нашем анализе соответствующие концепты — как общие места русского бытового, философского, научного и т. д. дискурса.

Хотя, повторю, я предпочитаю употреблять слово *подсказывает*, а не *навязывает*, в основном я бы сказала о моей собственной работе то же самое.

Заключительные замечания

В своей книге «Проблемы исследования языковой картины мира» Е. В. Урысон [2003: 9] пишет:

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Разумеется, все национально-специфичные языковые модели имеют и общие, универсальные черты.)

Ссылаясь на идеи Гумбольдта как источник этого положения, Урысон обращает внимание на тот факт, что в лингвистике XX века эти идеи были развиты и уточнены:

Особенности концептуализации мира тем или иным языком были продемонстрированы на огромном фактическом материале. Во-первых, в ходе описания т. н. экзотических языков (индейских, австралийских, австронезийских) было выявлено удивительное различие в способах концептуализации, присущих этим языкам, с одной стороны, и индоевропейским языкам с их привычными для исследователей категориями, — с другой (...). Во-вторых, результатом интенсивного развития семантики явились описания целых семантических полей, а по существу — фрагментов языковой картины мира, представленных в литературных европейских языках, в частности — в русском, а также сравнение этих полей в разных языках; ср. труды Ю. Д. Апресяна, в том числе созданный под его руководством «Новый синонимический словарь русского языка» (...), где каждая словарная статья представляет описание «кусочка» языковой картины мира; исследования А. Вежбицкой, В. Г. Гака [Гак 1966; 1975], В. З. Санникова [Санников 1989], Е. С. Яковлевой [Яковлева 1994] и многие другие работы [Там же, с. 9–10].

На развитие и уточнение идей Гумбольдта в современной лингвистике — особенно семантике — обращает также внимание А. Д. Шмелев [2002: 12]:

Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, не является чем-то новым. Оно восходит к идеям Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира–Уорфа. Но не случайно именно в настоящее время эти идеи вновь обретают популярность. Современные методы изучения лексической семантики и результаты, полученные при их применении к материалу русского языка, показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включает в себя лингвоспецифичные конфигурации идей.

Шмелев отмечает тот факт, что результаты тонкого и точного семантического анализа часто согласуются, в известной степени, с «ненаучным» опытом «обычных людей»:

При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях лексико-семантический анализ позволяет уточнить выводы этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных.

Этот новый уровень точности, на который поставила восходящие к Гумбольдту идеи современная семантика, Серио игнорирует: эмпирическое, детальное, систематическое изучение «картины мира» его не интересует, так как он заранее отбрасывает главную идею как какое-то гумбольдтианское старье («немецкий романтизм»), несовместимое с «современными» теориями французских теоретиков языка. Разумеется, с такими предвзятыми взглядами спорить бесполезно.

И все-таки, атаки вроде статьи Серио небесполезны: они должны напоминать исследователям «лингвистической картины мира» о том, как важны в этой области явные и хорошо обоснованные методологические принципы, поиски разного рода лингвистических доводов, изучение частотности слов и вообще работа с корпусом, детальное исследование фразеологии, коллокаций, изучение опыта двуязычных и «двукультурных» людей, особенно «языковых мигрантов», и так далее. Прежде всего они должны помнить, как необходима для их исследований хорошо разработанная семантическая теория.

В области русской лингвистической картины мира уже сделано так много и столькими исследователями, что, пожалуй, мы знаем о ней больше, чем о любой другой (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] и цит. там литературу). Эти работы могут служить моделью для исследователей «лингвистических картин мира», воплощенных в других языках.

Язык неразрывно связан с жизнью людей, с их мышлением, их чувствами, их образом жизни. Изучение лингвистической картины мира, проявляющейся в семантике отдельных языков, — прекрасная задача и прекрасная перспектива для лингвистов XXI века.

Связывать интерес русских лингвистов к проблеме «языковой картины мира» с прилагательными «soviétique» и «post-soviétique» («советский» и «постсоветский»), как это делает Серио, просто смешно. Надеюсь, что я не обижу ни господина Серио, ни его французских коллег, если скажу, что, по моему, думать, что Гумбольдт — это «старье», что идеи Лейбница — это причудливые фантазии («fantasmes») и что лингвисты могут почерпнуть больше у Бурдьё, Лакана и Пешо, тоже смешно.

Поскольку я люблю не только русскую, но и французскую культуру, я с нетерпением жду дня, когда мы сможем прочесть книгу о «языковой картине мира», отраженной во французском языке, — книгу, сравнимую по проницательности наблюдений и точности анализа с той, которую только что подарили нам Анна Зализняк, Ирина Левонтина и Алексей Шмелев [2005] в своих «Ключевых идеях русской языковой картины мира». Вот задача для французских лингвистов и других знатоков французского языка и французской культуры.

Литература

- Апресян и др. 2004 — Ю. Д. Апресян и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Вежицкая 2002 — А. Вежицкая. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6—34.
- Вежицкая 1996 — А. Вежицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
- Гладкова 2005 — А. Н. Гладкова. Чем русское *сопереживание* отличается от английского *empathy*? Опыт применения метода Естественного Семантического Мета-языка в контрастивной семантике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2005» (Звенигород, 1—6 июня, 2005 г.) / Под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М., 2005. С. 102—108.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Урысон 2003 — Е. В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.
- Шмелев 2002 — А. Д. Шмелев. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
- Besemeres 2002 — M. Besemeres. Translating One's Self: Language and selfhood in cross-cultural autobiography. Oxford; Bern: Peter Lang, 2002.
- Besemeres, Wierzbicka (to appear) — M. Besemeres, A. Wierzbicka (eds). Translating Lives: Australian stories of language migration. To appear.
- D'Andrade 1987 — R. D'Andrade. A folk model of the mind. In Holland, Dorothy and Naomi Quinn // Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. P. 112—150.
- Diderot 1969 — D. Diderot. Œuvres complètes / Ed. by R. Lewinter. Paris: Le Club Français du Livre, 1969.
- Gladkova (in print) — A. Gladkova. Universal and language-specific aspects of «propositional attitudes»: Russian vs. English // A. Schalley, D. Khlentzos (eds). Categorisation, Mental States and Development. Amsterdam: John Benjamins, in print.
- Goddard 2002 — C. Goddard. Ethnosyntax, ethnopragmatics, sign-functions, and culture // N. J. Enfield (ed.). Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. P. 52—73.

- Goddard, Wierzbicka (eds) 1994 — *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds). *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 2002 — *C. Goddard, A. Wierzbicka* (eds). *Meaning and Universal Grammar — Theory and Empirical Findings*. Vols 1—2. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Koselak 2005 — *A. Koselak*. An article about Wierzbicka. NSM-List, July 19. <http://listserv.linguistlist.org/cgi-bin/wa?A2=ind0507c&L=nsm-l&F=P&S=&P=758>
- Levontina, Zalizniak 2001 — *I. Levontina, Anna A. Zalizniak*. Human emotions viewed through the Russian Language // J. Harkins, Anna Wierzbicka (eds). *Emotions in Crosslinguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 291—336.
- Montesquieu 1773[1758] — *Ch. de Montesquieu*. *De l'esprit des lois*. Paris: Garnier, 1973.
- Mostovaja 1996 — *A. D. Mostovaja*. *Spatial metaphor in grammar: studies of selected Russian constructions*. PhD thesis. Australian National Univ., 1996.
- Mostovaja 1997 — *A. D. Mostovaja*. *Social roles as containers in Russian* // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XLI. 1997. P. 119—141.
- Pavlenko 2005 — *A. Pavlenko*. *Emotions and Multilingualism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Pesmen 2000 — *D. Pesmen*. *Russia and Soul: An exploration*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2000.
- Sériot 2004 — *P. Sériot*. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. № 57. 2005. P. 23—43.
- Wierzbicka 1980 — *A. Wierzbicka*. *The Case for Surface Case*. Ann Arbor: Karoma, 1980.
- Wierzbicka 1990 — *A. Wierzbicka*. *Duša, toska, sud'ba: Three key concepts in Russian language and Russian culture* // Z. Saloni (ed.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich [Formal methods in the description of Slavic languages]*. Białystok: Białystok Univ. Press, 1990. P. 13—32.
- Wierzbicka 1992 — *A. Wierzbicka*. *Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations*. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1992.
- Wierzbicka 2002 — *A. Wierzbicka*. «Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications» // *Ethos*. № 30 (4). 2002. P. 401—432.
- Wierzbicka 2004 — *A. Wierzbicka*. *Bilingual lives, Bilingual Experience* // J.-M. Dewaele, A. Pavlenko (eds). *Preface to the Special Issue on Bilingualism and Emotions / Journal of Multilingual and Multicultural Development*. № 25 (2—3). 2004. P. 94—104.
- Wierzbicka (in print). — *A. Wierzbicka*. *Empirical universals of language as a basis for the study of other human universals and as a tool for exploring cultural differences* // *Ethos*. (in press).

Источники примеров

- Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>
 COBUILD Bank of English <http://titania.cobuild.collins.co.uk/>
 COBUILD La banque de français moderne <http://titania.cobuild.collins.co.uk/>

ТЕРМИНЫ «ДЕКАУЗАТИВ» И «КВАЗИПАССИВ» КАК КОНКУРИРУЮЩИЕ ТЕРМИНЫ

В. И. Гаврилова

«В английском языке декаузатив — это семантический дериват исходного каузативного глагола. В русском же, поскольку декаузатив оформляется частицей **-ся** (с аллофоном **-сь**), его можно считать либо производным словом (и тогда декаузативация — это обычная лексическая производность), либо, как в пассивной конструкции, грамматической формой исходного глагола».

Е. В. Падучева

1. Вступительные замечания

Исследуя функционирование декаузативных глаголов в русском языке, Е. В. Падучева отмечает, что термин «декаузатив» конкурирует в лингвистических описаниях с синонимичным термином «квазипассив» [Падучева 2001: 53—54]. Наличие такой синонимии позволяет нам в рамках данного исследования, посвященного обсуждению различных аспектов конкуренции этих терминов, использовать обозначения «декаузатив/квазипассив», «декаузативность/квазипассивность», «декаузативный/квазипассивный»¹.

Вопрос о мнемонической целесообразности употребления одного из двух рассматриваемых нами терминов-синонимов, по нашему мнению, должен адресоваться не к языку как общечеловеческому феномену, а к конкретному языку (или группе языков), ибо ответ на этот вопрос зависит от особенностей морфологического оформления и синтаксического употребления соответствующих глагольных форм в конкретном языке.

¹ В типологическом исследовании М. Хаспельмата оппозиция «актив — декаузатив / квазипассив» носит название «инхоатив — каузатив» [Haspelmath 1993].

Термины с основами «декаузатив» и «квазипассив» имеют разный морфемный состав и внутреннюю форму, вследствие чего они вызывают разные ассоциации, так «квазипассив» — это что-то близкое к пассиву, но не совсем с ним совпадающее, а «декаузатив» — это нечто, лишенное свойства «каузировать».

В настоящем исследовании приводятся доводы в пользу того, что в русистике целесообразно использовать термины с производящей основой «квазипассив», имеющие залогово-грамматическое содержание, поскольку в русском языке квазипассивные конструкции (= конструкции с возвратными глаголами-сказуемыми с декаузативным/квазипассивным значением) подобно пассивным конструкциям входят в регулярное противопоставление с активными конструкциями. Таким образом, возвратные глаголы, имеющие декаузативное/квазипассивное значение, могут претендовать на статус залоговой формы парного переходного глагола.

В то же время в рамках описания английского глагола предпочтение, по видимому, должно быть отдано термину «декаузатив», вызывающему словообразовательные ассоциации, поскольку феномен декаузативности/квазипассивности в английском языке проявляется в том, что декаузативные английские глаголы представляют собой непереходную ипостась глаголов, называемых лабильными глаголами. Определяющая особенность лабильных глаголов состоит в том, что они выражают переходное и непереходное значение с помощью одних и тех же морфологических форм.

Напомним, что в русистике прочно укоренилась синонимия терминов, включающих в свой состав прилагательные «страдательный» и «пассивный». Так, в грамматических описаниях русского глагола на правах свободных вариантов выступают следующие термины: «страдательная конструкция» и «пассивная конструкция», «страдательный залог» и «пассивный залог» и т. п.² В данном исследовании в авторских рассуждениях будет использоваться терминологический ряд, включающий прилагательное «пассивный», а в тех случаях, когда обсуждаются работы, в которых на правах свободных вариантов употребляются термины, включающие в свой состав прилагательные «страдательный» и «пассивный», мы будем использовать обозначениями «страдательный/пассивный».

² По нашему мнению, наличие такой синонимии мешает проникновению в суть залоговой оппозиции в русском языке. В работах [Гаврилова 1990; 2003; 2004а; 2004б] приведены рекомендации по разграничению сфер употребления терминов, содержащих в своем составе прилагательные *страдательный* и *пассивный*. А именно, была выдвинута и обоснована гипотеза о существовании в русском языке *страдательного залога*, определяемого таким образом, что в объем этого понятия включаются сказуемые как *пассивных конструкций*, так и *квазипассивных конструкций*.

2. Корреляция русских переходных глаголов преобразующего или иницирующего типов и возвратных глаголов с пассивным или квазипассивным значением

В работах [Гаврилова 2003а; 2003б; 2004а] было предложено нововведение, состоящее в том, что русские действительные переходные конструкции предлагается подразделять на два типа: «преобразующие переходные конструкции» и «иницирующие переходные конструкции». В основе выделения этих двух типов переходности лежит дифференциальный признак, который имеет онтологический характер и может быть охарактеризован как «степень участия агенса ситуации в процессе воздействия на пациенс ситуации».

Рассмотрим следующие примеры:

(1) <i>Крестьянин строит дом.</i>	↔	(1а) <i>Дом строится.</i>
(2) <i>Крестьянин построил дом.</i>	↔	(2а) <i>*Дом построился.</i>
(3) <i>Хозяйка моет посуду.</i>	↔	(3а) <i>Посуда моется.</i>
(4) <i>Хозяйка вымыла посуду.</i>	↔	(4а) <i>*Посуда вымылась.</i>
(5) <i>Мама пишет письмо.</i>	↔	(5а) <i>Письмо пишется.</i>
(6) <i>Мама написала письмо.</i>	↔	(6а) <i>*Письмо написалось.</i>
(7) <i>Рабочий плавит олово.</i>	↔	(7а) <i>Олово плавится.</i>
(8) <i>Рабочий расплавил олово.</i>	↔	(8а) <i>Олово расплавилось.</i>
(9) <i>Хозяйка варит картошку.</i>	↔	(9а) <i>Картошка варится.</i>
(10) <i>Хозяйка сварила картошку.</i>	↔	(10а) <i>Картошка сварилась.</i>
(11) <i>Мама отбеливает белье.</i>	↔	(11а) <i>Белье отбеливается.</i>
(12) <i>Мама отбелила белье.</i>	↔	(12а) <i>Белье отбелилось.</i>

В работах [Гаврилова 2003а; 2003б; 2004а] нами было предложено в описаниях переходных русских конструкций использовать предлагаемые Ю. С. Степановым [Степанов 1997: 210—211] роли «агенса-исполнитель» и «агенса-инициатор», являющиеся результатом расщепления роли агенса. Роли «агенса-исполнитель» и «агенса-инициатор» присваиваются актанту, обозначенному подлежащим переходной конструкции, в зависимости от того, какому из двух описанных ниже условий соответствует онтологическая ситуация, описываемая этой переходной конструкцией:

- Если преобразование пациенса на всем своем протяжении осуществляется непосредственно за счет приложения энергии, которая является мускульной и/или интеллектуальной энергией агенса, то мы предлагаем называть такой агенса **агенса-исполнителем**. Агенса-исполнителем является агенса в примерах (1)—(6).
- Если агенса тратит свою энергию на создание условий необходимых и достаточных для самопроизвольного осуществления изменений в па-

циенсе, обозначенном прямым дополнением, то мы предлагаем называть такой агенс **агенсиом–инициатором**. Агенсиом-инициатором является агенс в примерах (7)—(12).

В тех случаях, когда подлежащее при переходном глаголе характеризуется как агенс-исполнитель, переходность глагола предлагается называть **преобразующей (непосредственной) переходностью**. А в тех случаях, когда подлежащее при переходном глаголе характеризуется как агенс-инициатор, переходность глагола предлагается называть **инициирующей (опосредованной) переходностью**. Таким образом, конструкции (1)—(6) являются преобразующими переходными конструкциями, а конструкции (7)—(12) — иницирующими переходными конструкциями.

Для описания соотношения переходных конструкций (1)—(12) из левого столбца и их непереходных коррелятов (1а)—(12а) нам потребуется ввести понятие «объектная конверсивная трансформация». Областью определения этой трансформации служат только такие переходные конструкции, в которых в качестве подлежащего выступают существительные, обозначающие человека, а в качестве прямого дополнения — существительные, обозначающие неодушевленную субстанцию.

Объектная конверсивная трансформация — это такое синтаксическое преобразование, при котором прямое дополнение переходной конструкции (существительное, обозначающее неодушевленную субстанцию) переходит в подлежащее результирующей конструкции с возвратным глаголом-сказуемым, парным глаголу-сказуемому переходной конструкции, а подлежащее переходной конструкции (существительное, обозначающее человека) в конструкции с возвратным глаголом-сказуемым никакой словоформой не представлено.

Объектная конверсивная трансформация может быть представлена в виде формулы (13):

$$(13) N^1_{им} V N^2_{вин} \leftrightarrow N^2_{им} V_{-ся}$$

Результирующую конструкцию $N^2_{им} V_{-ся}$ мы предлагаем называть **объектной конверсивной конструкцией**.

Если объектная конверсивная трансформация применяется к конструкциям с переходными глаголами преобразующего типа, то эту трансформацию принято называть пассивной трансформацией, а результирующую объектную конверсивную конструкцию — **пассивной конструкцией**. Пассивные конструкции допускают в качестве сказуемого только возвратные глаголы несовершенного вида, поскольку, например, конструкции (3а), (5а) и (7а) допустимы, в то время как неприемлемы конструкции: (4а), (6а) и (8а).

Результатом применения той же самой объектной конверсивной трансформации к конструкциям с переходными глаголами иницирующего типа являются **квазипассивные конструкции** (7a)—(12a).

Терминологическая справка. Понятие «**квазипассивная конструкция**» было введено в работе [Гаврилова 1979] и уточнено в работах [Гаврилова 1986; 1990].

Квазипассивная конструкция (КВПК) — это конструкция с возвратным глаголом в качестве сказуемого, для которой существует активная конструкция со сказуемым — переходным глаголом, образованным от той же глагольной основы. В качестве подлежащего в квазипассивной конструкции выступает форма именительного падежа того существительного, которое было прямым дополнением действительной переходной конструкции. Исходная переходная конструкция и квазипассивная конструкция связаны по смыслу следующим образом: изменение неодушевленного предмета в действительной переходной конструкции предстает в качестве изменения, обусловленного внешним воздействием, а в КВПК то же изменение предмета предстает в качестве самопроизвольно развивающегося в предмете процесса. Такое смысловое соотношение мы наблюдаем между переходными конструкциями (7)—(12) и непереходными конструкциями (7a)—(12a), которые как нетрудно видеть соответствуют определению квазипассивной конструкции.

Глагольные формы, выступающие в качестве сказуемых пассивных конструкций, принято считать формами страдательного/пассивного залога. А как классифицировать с точки зрения залоговой принадлежности сказуемые КВПК? Прямого ответа на этот вопрос грамматики, как правило, не содержат. Однако в КВПК регулярный характер носит оформление сказуемых с помощью возвратных форм глагола совершенного вида, а составители грамматик указывают на спорадический характер такого оформления страдательного/пассивного залога [АГ 1980: 616]. Такие указания на случайный характер присутствия возвратных форм глагола совершенного вида в парадигме страдательного залога можно считать косвенным указанием на то, что грамматисты не причисляют сказуемые КВПК к формам страдательного/пассивного залога.

Подвергнем вопрос о залоговом статусе возвратных глаголов, являющихся сказуемыми КВПК, специальному рассмотрению.

Понятие «страдательный/пассивный залог» абсолютно все исследователи включают в состав залоговых противопоставлений русского глагола. При этом общепринятая модель спряжения глагола в страдательном/пассивном залоге [АГ 1952; 1970; 1980] опирается на рассмотрение небольшого количества примеров противопоставления действительной/активной и страдательной/пассивной конструкций, глаголы-сказуемые которых всегда являются переходными глаголами преобразующего типа. Эту общепринятую модель спряжения русского глагола в страдательном залоге демонстрируют сказуемые левого столбца примеров в схеме 1:

Схема 1

- (14) Повар **чистит** картошку. ↔ (14а) Картошка **чистится**.
 (15) Повар **чистил** картошку. ↔ (15а) Картошка **чистилась**.
 (16) Повар **будет чистить** картошку. ↔ (16а) Картошка **будет чиститься**.
 (17) Повар **почистит** картошку. ↔ (17б) Картошка **будет почищена**.
 (18) Повар **почистил** картошку. ↔ (18б) Картошка **почищена**.
 (18) Повар **почистил** картошку. ↔ (18в) Картошка **была почищена**.

Согласно этой модели предикативные формы возвратных глаголов несовершенного вида являются формами несовершенного вида страдательного залога, а предикативные формы страдательных причастий являются формами совершенного вида страдательного/пассивного залога. При этом делается замечание о существовании **спорадических форм пассивного залога совершенного вида**, выражаемых **предикативными формами возвратных глаголов совершенного вида**³.

Иллюстрируемая схемой 1 залоговая модель ни в одной из академических грамматик не верифицируется на материале переходных глаголов иницирующего типа, например, на материале следующих двух групп иницирующих переходных глаголов, которые обозначают изменение физического состояния (*замораживать, размораживать, согреться, разжигать, сушить*); или инициацию процессов (*зажигать, варить, кипятить*)⁴.

Корреляция между конструкциями с переходными глаголами иницирующего типа в качестве сказуемых и конструкций с парными возвратными глаголами-сказуемыми не укладывается в парадигматическую модель, представленную в схеме 1, а формирует другую парадигматическую модель, представленную в схеме 2:

Схема 2

- (19) Повар **варит** картошку. ↔ (19а) Картошка **варится**.
 (20) Повар **варил** картошку. ↔ (20а) Картошка **варилась**.
 (21) Повар **будет варить** картошку. ↔ (22а) Картошка **будет вариться**.

³ В журнале «Вопросы языкознания» недавно была открыта дискуссия в пользу признания достаточно регулярного характера этой формы выражения страдательного залога в русском языке [Перцов 2003]. В рамках этого исследования мы не можем входить в детальное обсуждение этого весьма сложного вопроса.

⁴ Эти глаголы С. А. Кацнельсон приводит как типовые разновидности фактивных глаголов [Кацнельсон 1974: 116—117].

(22) Повар сварит картошку.	↔ (22а) Картошка сварится .
(23) Повар сварил картошку.	↔ (23а) Картошка сварилась .
(22) Повар сварит картошку.	(22б) Картошка будет сварена .
(23) Повар сварил картошку.	(23б) Картошка сварена .
(23) Повар сварил картошку.	(23в) Картошка была сварена .

В этой схеме возвратные глаголы совершенного вида представлены уже не как спорадические формы, а как регулярные формы глаголов-сказуемых в объектных конверсивных конструкциях. В то же время в схеме 2 (так же, как это было в схеме 1) имеет место корреляция между переходными конструкциями с глаголами-сказуемыми совершенного вида и конверсивными конструкциями с предикативной формой причастия в качестве сказуемого.

Современное развитие техносферы обеспечивает человеку возможность устраниваться от непосредственного собственноручного выполнения некоторых ранее специфически ручных процессов, в частности, повар может чистить картошку не вручную, а с помощью специального кухонного агрегата, обеспечивающего чистку картофеля в полностью автоматизированном режиме. Знаменательно, что если попытаться выстроить в парадигматический ряд конструкции, описывающие полностью автоматизированную ипостась чистки картошки, то окажется, что она совпадет с моделью представленной в схеме 2, а не в схеме 1:

Схема 3

(24) Повар чистит картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (24а) Картошка чистится с помощью кухонного комбайна.
(25) Повар чистил картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (25а) Картошка чистилась с помощью кухонного комбайна.
(26) Повар будет чистить картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (26а) Картошка будет чиститься с помощью кухонного комбайна.
(27) Повар почистит картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (27а) Картошка почистится с помощью кухонного комбайна.
(28) Повар почистил картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (28а) Картошка почистилась с помощью кухонного комбайна.
(27) Повар почистит картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (27б) Картошка будет почищена с помощью кухонного комбайна.
(28) Повар почистил картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (28б) Картошка почищена с помощью кухонного комбайна.
(28) Повар почистил картошку с помощью кухонного комбайна.	↔ (28в) Картошка была почищена с помощью кухонного комбайна.

В случае примеров из схем 2 и 3 регулярному, а не спорадическому употреблению возвратных глаголов совершенного вида в возвратных конструкциях (схемы 2 и 3) сопутствует значение самопроизвольности развертывания в неодушевленной субстанции процесса изменения, обозначенного предикативной формой возвратного глагола совершенного вида. Значение самопроизвольности развертывания процесса, как мы уже указывали, реализуется в рамках конструкций квазипассивного типа.

Переход пассивных конструкции из правого столбца схемы 1 в разряд квазипассивных конструкций может быть осуществлен также за счет распространения этих конструкций словами «*не сама собой*». Полученные распространенные конструкции образуют парадигматический ряд, в котором находится место для конструкций с возвратными глаголами-сказуемыми совершенного вида:

Схема 4

- (29) *Картошка чистится не сама собой.*
- (30) *Картошка чистилась не сама собой.*
- (31) *Картошка будет чиститься не сама собой.*
- (32) *Картошка почистится не сама собой.*
- (33) *Картошка почистилась не сама собой.*
- (34) *Картошка будет почищена не сама собой.*
- (35) *Картошка почищена не сама собой.*
- (36) *Картошка была почищена не сама собой.*

В результате сопоставления схем 1 и 2 можно сделать следующий вывод о соотношении видов переходности, с одной стороны, и пассивным или квазипассивным характером объектной конверсивной конструкции, с другой стороны:

Выбор между пассивным и квазипассивным типом результирующей конверсивной конструкции определяется тем, какой — **преобразующей или иницирующей**, соответственно, — **является переходность** глагола в исходной конструкции.

Однако привлечение к рассмотрению схем 3 и 4 показывает, что это приведенное выше правило должно быть уточнено за счет введения понятий «прототипическое пассивное и квазипассивное значения» и «периферийное пассивное и квазипассивное значения».

Прототипическим значением мы будем называть значение глагола-сказуемого, проявляющееся в двухчленной объектной конверсивной конст-

рукции, т. е. значение, которое свойственно возвратному глаголу-сказуемому при отсутствии влияния какого-либо контекста. При этом необходимо отметить, что двучленные нераспространенные объектные конверсивные конструкции, по существу, являются грамматической абстракцией, а в реальном языковом употреблении мы практически всегда имеем дело с распространенными конструкциями. Поэтому, если выразаться точнее, то следует сказать, что отсутствию контекста в двучленной конверсивной конструкции (т. е. в конструкции, в которой значение возвратного глагола не зависит от контекста) функционально равны распространенные конструкции, включающие такие распространяющие контексты, которые не входят в противоречие с прототипическим значением и являются избыточными для его проявления.

В то же время существуют контексты другого рода, значение которых входит в противоречие с прототипическим значением возвратного глагола. Попадая в такой контекст лингвистического или эстралингвистического характера, словоформа глагола с прототипическим пассивным значением приобретает периферийное квазипассивное значение. И наоборот, глагол с прототипическим квазипассивным значением под влиянием специальных контекстов приобретает периферийное пассивное значение.

Преобразующий тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет **прототипическое пассивное значение** возвратной формы глагола в объектной конверсивной конструкции, но существуют контексты, в которых этот возвратный глагол имеет периферийное квазипассивное значение. И наоборот, **иницирующий тип переходности** глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет **прототипическое квазипассивное значение** формы глагола в объектной конверсивной конструкции, но существуют контексты, в которых этот возвратный глагол имеет периферийное пассивное значение.

Контекстом, который усиливает и делает абсолютно безусловным прототипическое пассивное значение, является дополнение в творительном падеже, которое наследует от подлежащего соответствующей активной конструкции роль агенса-исполнителя. Вслед за Н. А. Янко-Триницкой будем называть его **творительным содействующего объекта** [Янко-Триница 1962]. Примеры конструкций, включающих в свой состав «творительный содействующего объекта», крайне редко встречаются в реальных текстах, они являются своего рода грамматическими фантомами. Между тем в академических грамматиках даже не ставится следующий вопрос, ответ на который корректное определение страдательного/пассивного залога обязательно должно давать: «Какие реальные текстовые конструкции без творительного содействующего объекта допускают интерпретацию в качестве страдательных конструкций?» Например, остается непонятным, одинаково или по-разному должен быть решен

вопрос о страдательном залоговом значении в случае глаголов-сказуемых *строится* и *строятся* в примере (1):

(37) Деревня *строится*, *строятся* новые дома.

Глаголы-сказуемые в первой и второй части сложносочиненного предложения из примера (37), т. е. *строится* и *строятся*, различаются тем, что к *строятся* может быть поставлен вопрос «Кем *строятся*?», в то время как постановка такого вопроса к *строится* не правомерна, поскольку строительство деревни — это стихийный процесс, складывающийся из актов строительства отдельных домов этой деревни⁵. Используя введенную нами терминологию, мы должны охарактеризовать значение сказуемого во фрагменте «Деревня *строится*» как периферийное квазипассивное значение, а значение сказуемого во фрагменте «*строятся* новые дома» как прототипическое пассивное значение. При этом мы должны отметить, что в данном случае, а также в случае конструкций (29)—(36) приобретение квазипассивного периферийного значения сопровождается потерей возможности построить параллельную активную конструкцию.

3. Онтологические ситуации типа I и типа II как внеязыковая основа выделения переходных глаголов преобразующего и иницирующего типов

Две группы абсолютно совпадающих по внешней форме русских переходных конструкций (2), (4), (6), с одной стороны, и (8), (10), (12), с другой стороны, при проведении объектной конверсивной трансформации ведут себя по-разному. Результирующая объектная конверсивная конструкция с возвратным глаголом совершенного вида, которая абсолютно безупречна в случае (8а), (10а), (12а), в случае (2а), (4а), (6а) вызывает сомнение и должна быть охарактеризована как грамматически неправильная.

Ответ на вопрос о том, в чем глубинное смысловое отличие переходных конструкций (2), (4), (6) от конструкций (8), (10), (12), совпадающих на поверхностном уровне, лежит в осознании некоторой смысловой общности глаголов-сказуемых в каждой из этих двух противопоставленных по трансформационным характеристикам групп конструкций.

В зависимости от степени вовлечения одушевленного участника в процесс изменения неодушевленного участника предлагается различать два типа

⁵ Мы не берем в расчет такой имеющей место в последнее время ситуации, когда населенный пункт за чертой города строится в плановом порядке общим застройщиком, ибо поселения такого типа не получают статуса деревни.

онтологических ситуаций, отображающих процессы изменения неодушевленных предметов и субстанций по воле одушевленного участника:

Онтологическая ситуация типа I (ОнтС I). Ситуация типа ОнтС I соотносима с процессами, которые на всех этапах своего осуществления **обусловлены сознательными действиями человека**. Во время осуществления этих процессов между человеком и неодушевленной видоизменяемой субстанцией существует **пространственная смежность, контакт**. Если сознательное действие производится с помощью некоторого инструмента, то этот контакт осуществляется с помощью механического инструмента, входящего в **контакт и с агенсом, и с пациенсом** [Вежбицкая 1985: 317]. Онтологические ситуации такого рода складываются, например, во время осуществления процессов механической обработки металлов, в частности, во время сверления металла, ибо процессы механической обработки металла таковы, что металл и обрабатывающий его человек находятся в пространственной смежности, **контакте**. В русском языке ситуации типа ОнтС I описываются с помощью преобразующих переходных конструкций, представленных в примерах (1)—(6) и (14)—(18), которые при объектной конверсивной трансформации превращаются в пассивные конструкции.

Онтологическая ситуация типа II (ОнтС II). Ситуация типа ОнтС II соотносима с процессами, специфика которых такова, что во время осуществления этих процессов не требуется непосредственного участия человека; иными словами, сознательные действия человека лишь **вызывают их к жизни**, а не **производят их**. Непосредственному воздействию человека на неодушевленную субстанцию на всем протяжении осуществляемого процесса здесь нет места, и между человеком и изменяемой неодушевленной субстанцией, **не возникает стойкой пространственной смежности, контакта**. Онтологические ситуации такого рода складываются, например, во время осуществления процессов производства металлов. Так для осуществления процессов производства, например, чугуна или стали строятся плавильные печи, которые дают возможность обеспечить нужный температурный режим. Участие человека, инициирующего плавку, осуществляется в форме поддержания посредством использования многочисленного технологического оборудования условий, необходимых и достаточных для осуществления превращения исходного сырья в металл. Ситуации типа ОнтС II описываются с помощью инициирующих переходных конструкций, представленных в примерах (7)—(2) и (19)—(23), которые при объектной конверсивной трансформации превращаются в квазипассивные конструкции

Необходимо отметить, что ОнтС I, с одной стороны, и ОнтС II, с другой стороны, характеризуются разным распределением агентивности между участниками ситуации:

- В ОнтС I неодушевленная субстанция является лишь местом приложения сил одушевленного участника. В ситуациях такой специфики неодушевленному участнику чужда даже малейшая доля агентивности, в то время как одушевленный участник наделен агентивностью в полной мере.
- В ОнтС II неодушевленная субстанция является не местом приложения сил одушевленного участника, а ареной, на которой при некоторых условиях способны проявиться некоторые свойства, имманентно присущие этой неодушевленной субстанции, например, ее физические или химические свойства. Этой неодушевленной субстанции, претерпевающей воздействие со стороны одушевленного участника ОНС II, присуща спонтанная агентивность, т. е. агентивность, которая не может не проявиться, когда эта субстанция попадает в соответствующие необходимые и достаточные условия. Конкретное содержание этих условий зависит от специфики конкретной ОнтС II. Не все, что происходит с неодушевленным участником в ОнтС II, определяется действиями одушевленного участника, агентивность которого можно назвать ущербной, а именно, следует говорить, что **агентивность одушевленного участника** сводится к созданию условий, необходимых и достаточных для проявления **спонтанной агентивности неодушевленного участника**.

4. Многозначность термина «каузатив»

В грамматических описаниях языков мира иногда речь идет и о каузативном залоге. Однако этот термин не встречается в претендующем на универсальность исчислении залоговых диатез А. А. Холодовича. Дело в том, что в исследованиях Петербургской типологической школы [Холодович 1970; Мельчук, Холодович 1970] определение залога таково, что число актантов у членов залоговой оппозиции должно совпадать. Между тем в тех случаях, когда в грамматических описаниях речь идет о каузативе как каузативном залоге, при переходе от актива к каузативу происходит наращивание валентности. Очень четко, хотя и чрезвычайно кратко описывает ситуацию наращивания валентности А. Г. Шанидзе [Шанидзе 1946].

Отвечая на свой собственный вопрос «Но что такое каузатив?», А. Г. Шанидзе приводит определение Ж. Марузо, согласно которому каузатив «есть форма, способная выразить, что субъект заставляет выполнить действие вместо того, чтобы самому выполнить». При этом А. Г. Шанидзе критикует это определение за то, что в нем понятие «каузатив» рассматривается изолированно, вне связи с оппозиционной ему в функциональном отношении фор-

мой. А. Г. Шанидзе считает, что «грамматической категорией принято называть понятие, имеющее для своего выражения сосуществование двух или более форм, соотносительных между собой как в формальном, так и в функциональном отношениях». Поэтому А. Г. Шанидзе настаивает на включении в определение понятия «каузатив» описания формы, противостоящей «каузативу» в грамматической оппозиции [Шанидзе 1946: 165].

Поэтому А. Г. Шанидзе предлагает противопоставить «каузативу» «не-каузатив» и считать «каузатив» и «не-каузатив» частными категориальными значениями грамматической категории «**контакт**»: «Контактом называется глагольная форма, которая показывает, действует ли субъект на прямой объект непосредственно или посредством; вследствие этого имеем два контакта: непосредственный и посредственный. Форма непосредственного контакта — *иммедиант* — показывает, что субъект действует на прямой объект непосредственно: *vşeg пишу то, vxaṭav рисую то, vaşeneb строю то*. Форма посредственного контакта — *медиант* — показывает, что субъект действует на прямой объект при посредстве: *vaşerineb заставляю его писать то, gaşerineb заставляю тебя писать то, maşerinebs заставляет меня писать то* и т. п.» [Шанидзе 1946: 170—171].

Трактовка А. Г. Шанидзе категории каузатива была нами столь подробно разобрана, потому что, определяя это понятие, он вводит термин «контакт» в качестве родовой категории, внутри которой, по его мнению, происходит противопоставление «каузатива (иммедианта)» и «не-каузатива (медианта)». Легко видеть, что этот терминологический ряд А. Г. Шанидзе определенным образом и перекликается, и является в некотором смысле параллелью для введенного нами [Гаврилова 2004а] терминологического ряда: а именно:

- **Производящая переходность**, превращающаяся после проведения объектной конверсивной трансформации (13) в **пассивную конструкцию**, противопоставлена в наших исследованиях **иницирующей переходности**, превращающейся после проведения объектной конверсивной трансформации в **квазипассив/декаузатив**.
- В качестве признака, обеспечивающего выделение преобразующей и инициирующей переходности в качестве самостоятельных типов переходности, мы предложили рассматривать признак «наличие или отсутствие пространственной смежности, **контакта** между субъектом и объектом во время развертывания ситуации, описываемой переходным глаголом».

Однако в случае каузатива и не-каузатива, описываемого А. Г. Шанидзе, отсутствие контакта обеспечивается за счет включения в ситуацию еще одного одушевленного участника: «В финитных формах медианта грузинский язык различает три лица: субъектное, прямообъектное и косвеннообъектное, из кото-

рых последнее является исполнителем воли субъектного лица ⟨...⟩. Это лицо (или соответствующее ему имя в дат. падеже) воспринимается как посредник (медиатор) между субъектом и прямым объектом ⟨...⟩. Таким образом, из двух лиц посредственного (или медиантного) контакта, которые принимают участие в совершении действия, одно является субъектным, а другое — косвеннообъектным. Субъектное лицо — это побуждающее лицо, а косвеннообъектное — выполняющее лицо, которое непосредственно имеет дело с прямообъектным и лично выполняет задание субъектного лица» [Шанидзе 1946: 170—171].

А. Г. Шанидзе исследует такие случаи, когда в ситуации, описываемой иммедиантом-некаузативом, уже имеется одушевленный участник ситуации, в добавление к которому в ситуации, описываемой медиантом-каузативом, появляется еще один одушевленный участник, понуждающий одушевленного участника, присутствовавшего уже в ситуации некаузатива, совершить то же самое действие, которое в ситуации некаузатива выполнялось без понуждения.

В случае противопоставления иницирующей переходности, коррелирующей с декаузативом/квазипассивом, одушевленный партиципant только один и отсутствие контакта между субъектом и объектом ситуации своей причиной имеет подвластность объектов видимого мира природным закономерностям.

Поскольку наличествует широкое распространение описанной выше практики применения термина «каузатив» к явлениям, принципиально отличным от декаузатива/квазипассива, употребление терминологического ряда с основой «декаузатив» следует сопровождать специальным комментарием, указывающим на существование таких значений термина «каузатив», которые прямого отношения к феномену декаузативности/квазивассивности не имеют⁶.

5. Сопоставительный анализ способов грамматического оформления декаузативности/квазипассивности в русском и английском языках

Согласно воззрениям В. И. Вернадского человечество выступает в качестве геологической силы, преобразующей Вселенную. Как мы уже говорили, выступая в таком качестве, человечество сталкивается с двумя принципиаль-

⁶ По-видимому, чтобы избежать неоднозначности терминологии, А. Г. Шанидзе предлагает термин «каузатив» закрепить как термин, используемый только при описании словообразовательных моделей, исключив его из синтаксических описаний. По мнению А. Г. Шанидзе, термин «каузатив» «может остаться в употреблении как формальная сторона словопроизводства, объединяющая образование, с одной стороны, переходного глагола от непереходного, и, с другой стороны, медианта от иммедианта» [Шанидзе 1946: 172]. В качестве иллюстрации он приводит следующие примеры турецких глаголов: «Функционально же *ol-dür-mek убивать* сравнительно с *ol-mek умирать* — переходная форма, а сравнительно с *ol-dür-t-mek заставить убивать* — контактная» [Шанидзе 1946: 172].

но отличными друг от друга онтологическими ситуациями — ситуацией типа ОнтС I и ситуацией типа ОнтС II.

Необходимо отметить, что ситуации, обусловленные ОнтС II, имеют двоякую природу:

1. Вовлеченные в эту онтологическую ситуацию неодушевленные субстанции имеют свойство с неизбежностью изменяться в соответствующем ключе, коль скоро наличествуют условия, необходимые и достаточные для осуществления этих изменений. Таким образом, видоизменяющимся субстанциям присуща «спонтанная агентивность».
2. В то же время видоизменения эти сами по себе либо вообще не происходят в природе, либо в планетарном масштабе происходят крайне редко. Так, например, металлы самопроизвольно плавятся разве что в недрах земного шара или на других планетах и в других галактиках.

При осуществлении ОнтС II происходят не «рукотворные», а опосредованные технологически обеспеченные видоизменения неодушевленной субстанции. Такие изменения могут осуществиться лишь благодаря слиянию **иницирующей агентивности человека**, обеспечивающей условия, необходимые и достаточные для осуществления запланированных изменений, и **спонтанной агентивности неодушевленной субстанции**, проявляющейся в этих необходимых и достаточных условиях. Человечество долгое время жило в каменном веке, и овладение искусством плавления металлов, первым из которых, по-видимому, была бронза, было крупным открытием, которое коренным образом изменило жизнь человечества. Все реально происходящие на нашей планете процессы плавления металлов суть явления антропосферные, так как они инициируются и технологически обеспечиваются человеком и без его участия немислимы. Поэтому с точки зрения «наивной физики» спонтанная агентивность неодушевленной субстанции, видоизменяемой в онтологических ситуациях типа II, может «уйти за кадр» и остаться незамеченной.

Однако обыденное сознание способно отвлечься от сложного состава агентивности в случае ОнтС II и воспринимать ситуацию ‘*переплавить металл*’ точно так же, как ситуацию ‘*сверлить металл*’, т. е. воспринимать обе эти ситуации в плоскости перехода между звеньями следующей цепочки: **исходный продукт** → **процесс обработки** → **резльтирующий продукт**.

Именно так и обстоит дело в активных конструкциях как английского, так и русского языка, которые и морфологически и синтаксически полностью единообразны как в тех случаях, когда эти конструкции описываются ОнтС I, так и в тех случаях, когда они описывают ОнтС II.

По-другому обстоит дело с такими синтаксическими конструкциями, в которых ОнтС I и ОнтС II преподносятся так, что словоформа, выражающая

видоизменяющуюся неодушевленную субстанцию, выступает в качестве подлежащего, т. е. фокус эмпатии сосредоточен на этой неодушевленной субстанции. В случае конструкций с такими подлежащими для выражения содержания ОнтС I и ОнтС II мы будем говорить о конверсивных конструкциях типа I и типа II, соответственно.

Как английский, так и русский язык проводит грань между конверсивными конструкциями типа I и типа II, но при этом в английском и русском языках используются разные языковые средства.

Как было показано в разделе 2, в русском языке различия между конверсивными конструкциями типа I и типа II носят размытый характер. Само это разграничение представляет собой скрытую грамматическую категорию, проявляющуюся только при анализе совокупности парадигматически связанных объектных конверсивных конструкций.

В английском языке грань между конверсивными конструкциями типа I и типа II очерчена очень четко, поскольку сказуемые английских конверсивных конструкций типа I и типа II получают разное морфологическое оформление. Сопоставим следующие две конструкции:

(38) *The stone moved* 'Камень двигался'⁷.

(39) *John moved the stone* 'Джон двигал камень'.

Глагол *move* в этих примерах допускает непереходное и переходное употребление без каких-либо изменений в своем морфологическом оформлении, т. е. удовлетворяет определению лабильных глаголов [Кибрик 2003: 354].

О соотношении конструкций с переходным и непереходным вариантом лабильного глагола, т. е. конструкций (38) и (39), Дж. Лайонз говорит следующее: «переходная конструкция, подобная (39), может рассматриваться как синтаксически выводимая из непереходной конструкции, подобной (38), с помощью эргативной, или *каузативной*, трансформации. (Термин «эргативный» был образован от греческого глагола, означающего «каузировать», «приводить к», «создавать».) [Лайонз 1978: 373]. Эта предлагаемая Дж. Лайонзом трансформация связывает между собой конструкцию с переходной ипостасью лабильного глагола и декаузативную конструкцию (с непереходной ипостасью лабильного глагола)⁸.

⁷ В работах [Levin 1993; Levin, Rapoport Novav 1995] глаголы, подобные глаголу *move* в конструкции (39), описываются как неаккузативные глаголы, в отличие от неэргативных глаголов, подобных глаголу *move* в конструкции *John moved*.

⁸ Дж. Лайонз называет эту трансформацию каузативной, поскольку непереходную декаузативную конструкцию он считает исходной, а переходную каузативную конструкцию он считает производной, результирующей. Но если исходной считать переходную конструкцию, а производной результирующей — декаузативную, то та-

Рассмотрим следующие две различные модели взаимоотношения морфологических форм квазипассивов/декаузативов и соответствующих им форм переходных глаголов:

Модель 1

(40) *Хозяйка размораживает холодильник.* ↔ (40конв) *Холодильник размораживается.*

Модель 2

(41) *Хозяйка оттаивает холодильник.* ↔ (41конв) *Холодильник оттаивает.*

Модель 1 является продуктивной моделью для образования русских квазипассивов/декаузативов, поскольку для русского языка **продуктивным** является употребление в переходной конструкции, например (40), предикативных форм переходного глагола, а в непереходной конструкции, например (40конв), предикативных форм парного **возвратного** глагола.

Модель 2 соответствуют определению, которое дает декаузативам Е. В. Падучева: «Декаузативы — это распространенный тип производного непереходного употребления переходных каузативных глаголов» [Падучева 2001: 52].

Модель 2 не свойственна русскому языку. В русском языке совпадение по морфологической форме переходного глагола с соответствующим ему декаузативным глаголом, т. е. существование лабильных глаголов, как, например в (41) и (41конв), имеет **сугубо маргинальным характер**. С большим трудом можно отыскать примеры выражения переходного и декаузативного значений с помощью морфологически идентичных русских глаголов. Кроме приведенных выше примеров с русским лабильным глаголом *оттаивать*, у которого совпадают формы переходного глагола и непереходного глагола с декаузативным значением, мы можем привести еще только одну пару примеров с лабильным глаголом *спустить*⁹.

(42) *Ремонтник только что спустил шину.*

(42конв) *Шина спустила.*

Однако для английского языка продуктивной является именно модель 2, поскольку в английском языке морфологическое тождество переходного глагола и парного декаузатива/квазипассива — очень распространенное явление.

кая трансформация может претендовать на титул декаузативной трансформации, если же находится на платформе описательной, а не порождающей лингвистики, то можно именовать ее каузативно-декаузативной трансформацией.

⁹ Пары примеров (41) и (41конв), (42) и (42конв) взяты из [Соколов 1991].

Лабильными являются, например, английские глаголы следующих лексико-грамматических групп: фазовые глаголы, деструктивные глаголы, глаголы изменения физико-химического состояния предмета или субстанции.

По мнению О. Есперсена, переходная и непереходная ипостаси лабильных английских глаголов «употребляются в качестве **понятийного актива** и в качестве **понятийного пассива** (выделено мною. — В. Г.), например: *Persia began the war* “Персия начала войну”, *The war began* “Война началась”» [Есперсен 1958: 188—189].

В [English Grammar 2006] о феномене лабильности английских глаголов говорится как об эргативности, как об изменении фокуса путем замены подлежащего:

Некоторые глаголы позволяют нам описывать действие с точки зрения чего-то, затронутого действием. Это означает, что один и тот же глагол может быть как переходным (с дополнением), так и непереходным (без упоминания исполнителя действия). В современном английском языке существует несколько сот эргативных глаголов [English grammar 2006: 246—248].

При этом приводятся такие примеры:

(43) *Jane **froze** a lot of peas from the garden.*

(44) *A lot of peas **were frozen**.*

(45) *The peas from the garden **froze** really well.*

В английских словарях достаточно регулярным образом представлены такие вокабулы, в составе которых встречаются морфологически одинаковым образом оформленные переходный и непереходный глаголы, т. е. лабильные глаголы. При этом очень часто переходный вариант английского лабильного глагола (понятийный актив по О. Есперсену) требует перевода с помощью русского переходного глагола, а непереходный вариант того же английского лабильного глагола (понятийный пассив по О. Есперсену) требует перевода с помощью русского возвратного глагола. Так, автор перевода книги Дж. Лайонза на русский язык в качестве русского эквивалента лабильных английских глаголов приводит не один русский глагол, а два глагола: переходный глагол и парный возвратный глагол:

change ‘менять, меняться’,
develop ‘развивать, развиваться’,
open ‘открывать, открываться’,
close ‘закрывать, закрываться’,
start ‘начинать, начинаться’,
stop ‘останавливать, останавливаться’,
begin ‘начинать, начинаться’,
break ‘разбивать, разбиваться’,
crack ‘раскалывать, раскалываться’,

split ‘расщеплять, расщепляться’,
tear ‘разрывать, разрываться’ и т. д. [Лайонз 1978: 381].

Зададимся вопросом: Каким языковым реалиям в русском языке соответствует трансформация, которую применительно к английскому языковому материалу Дж. Лайонз называет эргативной, или каузативной, трансформацией (см. сноску 8)? Решению этого вопроса нам поможет исследование того, какими языковыми средствами в английском языке описываются ОнтС I и ОнтС II. Такое исследование было проведено, и оно показало, что в английском языке:

- ОнтС I описываются с помощью переходных конструкций, превращающихся при конверсии в пассивные конструкции,
- ОнтС II — с помощью переходных конструкций с переходной ипостасью лабильных глаголов в качестве сказуемого, превращающихся при конверсии в непереходные конструкции с непереходной ипостасью лабильных глаголов в качестве сказуемого.

Каузативно-декаузативной (см. сноску 8) трансформации на русском материале соответствует объектная конверсивная трансформация (13) в той ее части, для которой областью отправления служат иницирующие переходные конструкции; а английскую пассивную трансформацию можно интерпретировать как аналог русской объектной конверсивной трансформации (13) в той ее части, для которой областью отправления служат преобразующие переходные конструкции.

Таким образом, суммарный объем английской глагольной лексики, входящей как в сферу действия пассивной, так и каузативной (эргативной) трансформаций (по Дж. Лайонзу), сопоставим по своему семантическому охвату с объемом русской глагольной лексики, входящей в сферу действия трансформации (13).

Для большей наглядности предлагаем рассмотреть в свете универсального исчисления всех возможных залоговых значений, предложенного А. А. Холодовичем и И. А. Мельчуком, с одной стороны, русскую объектную конверсивную трансформацию (13), а с другой стороны, эргативную трансформацию по Дж. Лайонзу и пассивную английскую трансформацию. А именно рассмотрим тот фрагмент исчисления двухактантных диатез, который включает диатезы «актив», «пассив» и «объектный квазипассив» [Мельчук, Холодович 1970; Холодович 1970]¹⁰.

10 Диатеза «актив»		Диатеза «пассив»		Диатеза «объектный квазипассив»	
Субъект	Объект	Субъект	Объект	Субъект	Объект
Подлежащее	Дополнение	Дополнение	Подлежащее	-----	Подлежащее

Прочерк обозначает запрет на выражение субъекта на поверхностно-синтаксическом уровне.

Мы предлагаем считать, что английская переходная конструкция (46a) описывается с помощью диатезы «актив», английская пассивная конструкция (48a) — с помощью диатезы «пассив», а английская декаузативная конструкция (47a) описывается с помощью диатезы «объектный квазипассив». Ниже приводим сопоставление оформления диатез *актив*, *пассив* и *объектный каузатив* в английском и русском языке:

Актив	(46a) <i>He opens the door.</i>	—	(46p) <i>Он отрывает дверь.</i>
Объектный квазипассив	(47a) <i>The door opens.</i>	—	(47p) <i>Дверь открывается.</i>
Пассив	(48a) <i>The door is specially opened at the daytime.</i>	—	(48p) <i>Дверь специально открывается.</i>

Диатезы «пассив» и «объектный квазипассив» имеют в английском языке разное морфологическое оформление, а именно с помощью вспомогательного глагола *to be* и пассивного причастия смыслового глагола и с помощью форм переходного глагола, соответственно. В то время как в русском языке и диатеза «пассив», и диатеза «объектный квазипассив» оформляется одинаково, а именно с помощью возвратного глагола, с той лишь разницей, что формы возвратных глаголов совершенного вида имеют спорадический характер в случае диатезы «пассив» и регулярный характер в случае диатезы «квазипассив».

Таким образом, для оформления диатезы «объектный квазипассив»:

- в английском языке употребляются те же морфологические формы, что и для оформления диатезы «актив», т. е. формы действительного залога;
- в русском языке употребляются те же морфологические формы, что и для оформления диатезы «пассив», т. е. формы страдательного залога.

Таким образом, в русском морфологически неразличимыми в несовершенном виде оказываются глаголы-сказуемые с пассивным и квазипассивным (декаузативным) значением, а именно в русском языке мы сталкиваемся с ситуацией, когда одна и та же форма глагола возвратного глагола несовершенного вида способна (в зависимости от контекста) передавать то пассивное, то квазипассивное/декаузативное значение.

Анализ английского материала показывает, что характерное для русского языка оформление квазипассивности/декаузативности и пассивности одними и теми же грамматическими средствами в рамках одной категории залога является лишь одним из возможных вариантов языкового оформления этого явления. Так, в английском языке феномены пассивности и квазипассивности/декаузативности имеют разную грамматическую оболочку: глагол с пассивным значением имеет специальное морфологическое оформление, а глагол с

квазипассивным/декаузативным значением по своей грамматической форме полностью совпадает со своим противочленом, переходным глаголом с иницирующим значением.

Таким образом, в английском языке понятийная категория, соответствующая расщеплению переходности на переходность преобразующего типа и переходность иницирующего типа, выражается тем, что переходным конструкциям преобразующего типа противостоит морфологический пассив; в то время как иницирующим переходным конструкциям, являющимся, согласно трактовке О. Есперсена, понятийным активом, противостоят непереходные конструкции, которые О. Есперсен предлагает именовать понятийным пассивом и в которых непереходный глагол по морфологической форме полностью совпадает с переходным глаголом.

6. Заключение

Мы продемонстрировали, что семантические и морфологические различия пассивных конструкций и КВПК являются следствием различий исходных переходных конструкций (преобразующие переходные конструкции и иницирующие переходные конструкции). При этом переходные глаголы, выступающие в исходных действительных конструкциях, несмотря на семантические различия, свойственные преобразующей и иницирующей переходности, принято рассматривать в рамках единого действительного залога. Это свидетельствует в пользу целесообразности рассмотрения пассивного и квазипассивного значений возвратного глагола в качестве двух вариантов одного и того же категориального залогового значения.

Наличие примеров с диффузным пассивно-квазипассивным значением свидетельствует в пользу того, что в русском языке нельзя предъявить никакой формальной процедуры, которая в несовершенном виде размежевала бы на грамматическом уровне пассивность от квазипассивности/декаузативности.

Так, в примере (49), взятом из работы православного философа И. Ильина, интерпретация глаголов-сказуемых является пассивной или квазипассивной-декаузативной в зависимости от того рассматриваем ли мы эти сказуемые в сочетании с наречием «сверху» или наречием «снизу».

(49) *Единый фронт начинается и образуется не сверху, а снизу.*

В примере (50) представлена фраза, которая в поездах московского метро регулярно произносится диктором и интерпретируется слушающим или как пассивная конструкция (если осознавать описываемую этой фразой ситуацию как следствие действий машиниста поезда метро), или как квазипассивная

(если осознавать описываемую этой фразой ситуацию в отрыве от действий машиниста поезда метро)¹¹.

(50) *Осторожно, двери закрываются.*

В русском языке пассивность и квазипассивность/декаузативность суть два текстовых варианта значения одного категориального грамматического залогового значения. При этом энергетическое обеспечение процесса, описываемого этим залоговым значением, может:

- 1) полностью поступать извне (пассивность);
- 2) состоять из двух энергетических составляющих: поступающей извне энергии создания и поддержания необходимых и достаточных условий плюс внутренней энергии самопроизвольно развивающегося в этих условиях процесса (квазипассивность/декаузативность).

В настоящем исследовании была предпринята попытка эксплицитного представления той стороны внеязыкового опыта, которая обуславливает существование в русском языке в форме скрытой категории бинарной оппозиции «преображающая переходность ↔ иницирующая переходность».

При этом были получены следующие результаты:

- 1) определены понятия «онтологическая ситуация личного участия и контроля-управления над *изменениями в неодушевленной субстанции, осуществление которых связано с личным участием человека* (ОнтС типа I)» и «онтологическая ситуация инициации и контроля-мониторинга над *самопроизвольно осуществляющимися, хотя и иницированными человеком, изменениями* (ОнтС типа II)»;
- 2) описываются формы английских глаголов, используемые для языкового оформления ОнтС I и ОнтС II; при этом демонстрируется, что:
 - специфика субъектно-объектных отношений в ОнтС I обуславливает оппозицию активных и пассивных английских конструкций;
 - специфика субъектно-объектных отношений в онтологических ОнтС II обуславливает оппозицию конструкций с переходной и непереходной ипостасями лабильных английских глаголов.

Одним из результатов данного исследования является формулирование следующих проблем:

1. Носит ли понятийная категория, стоящая за разграничением производящего и иницирующего типов переходности, универсальный характер и каковы способы выражения этой понятийной категории в конкретных языках?

¹¹ Разбор возможности квазипассивной-декаузативной и пассивной интерпретации этой фразы представлен в работе [Гаврилова 1999].

2. Существует ли содержательная связь между иницирующей переходностью, рассматриваемой как онтологическая категория, и феноменом лабильности глаголов?

На данном этапе предлагаемые нами решения выдвинутых выше проблем, носят дискуссионный характер. Мы надеемся привлечь внимание исследователей, занимающихся описанием глагольной системы конкретных языков, к тому факту, что переходная ипостась большого пласта лабильных глаголов принадлежит к иницирующему типу переходности. Причиной этого, по нашему мнению, является то, что иницирующие переходные глаголы описывают ОнтС II. Для такого рода онтологических ситуаций характерно существование у переходных глаголов таких непереходных коррелятов, для которых характерны конструкции с неодушевленным подлежащим, имеющим спонтанную активность, что является хорошей почвой для развития морфологически тождественного оформления переходного глагола и непереходного глаголов.

Литература

- АГ 1952 — Грамматика русского языка. Т. 1. М., 1952.
 АГ 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
 АГ 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
 Вежбицкая 1985 — *А. Вежбицкая*. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985 С. 303—341.
 Гаврилова 1979 — *В. И. Гаврилова*. К семантике некоторой разновидности конвертированной конструкции / Научно-техническая информация. Сер. 2. 1979. № 3.
 Гаврилова 1986 — *В. И. Гаврилова*. Квазипассивные конструкции в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. С. 36.
 Гаврилова 1990 — *В. И. Гаврилова*. Квазипассивная конструкция в системе залоговых противопоставлений русского языка // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 26—40.
 Гаврилова 2003а — *В. И. Гаврилова*. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003, С. 256—285.
 Гаврилова 2003б — *В. И. Гаврилова*. К вопросу о парадигме русского глагола (на материале глаголов с пассивным и квазипассивным значением) // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Мат-лы междунар. научн. конф. (Москва, 8—10 июня 2002 г.). М., 2003, С. 62—64.
 Гаврилова 2004а — *В. И. Гаврилова*. Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологич. фак-та МГУ. Том IV. М., 2004, С. 43—76.
 Гаврилова 2004б — *В. И. Гаврилова*. Особенности оппозиции «действительный залог/страдательный залог» в русском языке // Семантический анализ единиц язы-

- ка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Первые чтения памяти О. Н. Селиверстовой 17 октября 2003 г. М., 2004б. С. 46—61.
- Есперсен 1958 — *О. Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.
- Кацнельсон 1974 — *С. Д. Кацнельсон*. О категории субъекта предложения // Универсалии и типологические исследования. М., 1974. С. 104—124.
- Кибрик 2003 — *А. Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 719.
- Лайонз 1978 — *Дж. Лайонз*. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. С. 543.
- Мельчук, Холодович 1970 — *И. А. Мельчук, А. А. Холодович*. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124.
- Падучева 2001 — *Е. В. Падучева*. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русск. яз. в научн. освещении. 2001. № 1. С. 52—79.
- Перцов 2003 — *Н. В. Перцов*. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 43—71.
- Соколов 1991 — *О. М. Соколов*. ИмPLICITная морфология русского глагола. Морфемика: Учебн. пособие. М., 1991.
- Степанов 1997 — *Ю. С. Степанов*. Действие. Ремесло // *Ю. С. Степанов*. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 209—245.
- Холодович 1970 — *А. А. Холодович*. Залог. 1. Определение. Исчисление // Категория залога: Мат-лы конф. Л., 1970. С. 2—26.
- Шанидзе 1946 — *А. Г. Шанидзе*. Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка. // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз. Т. V. Вып. 2. 1946. С. 165—172.
- Янко-Триницкая 1962 — *Н. А. Янко-Триницкая*. Возвратные глаголы в русском языке. М., 1962.
- English Grammar 2006 — Грамматика английского языка: Пер. с англ. М. Я. Блох (научн. ред.). М., 2006.
- Haspelmath 1993 — More on typology of inchoative / causative verb alternations // Causatives and Transitivity / B. Comri, V. Polinski (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1993. P. 87—120.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Unaccusativity. At Syntax-Lexical Semantics Interface. Cambridge (Mass.), 1995.
- Levin 1993 — *B. Levin*. English Verb Classes and Alterations. A Preliminary Investigation. Chicago, 1993.

О РАЗЛИЧИЯХ В ВОСПРИЯТИИ ПОНЯТИЯ ‘ВИНЫ’ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рената Гжегорчикова

Понятие ‘вины’, определяющее, в общих чертах, плохой поступок человека, является одним из основных, универсальных этических понятий, которые в то же время составляют основу определенных положений права. Однако концептуальное формирование деталей этого понятия в очень большой степени зависит от особенностей семантики отдельных этнических языков. Оно является одним из понятий, словесное выражение которых не поддается точному переводу с одного языка на другой. Это очень легко заметить при сравнении, например, французского *ma faute* с польским *moja wina* в *Confiteor*¹. Франц. *faute* означает скорее ‘ошибку’ (таково первое значение этого слова) и не охватывает, как нам кажется, однозначно ситуации, когда зло является результатом упущения. Между тем, польское слово *wina* (а также русское *вина*) кроме информации о совершении плохого поступка говорит о тяжелом психическом (духовном) состоянии того, кто совершил данный поступок, вызванном его совершением (ср. *ciężar win, obciążyc kogoś winą* [тяжесть вины, отяготить кого-л. виной]), и в то же время — о моральной обязанности виновника по отношению к потерпевшему. Этот последний компонент особенно четко просматривается в польском слове *wina* и является, как нам представляется, одним из элементов, отличающих его от русского концепта ‘вины’.

В настоящей статье я хотела бы представить семантический анализ понятия ‘вины’ в польском языке, используя результаты исследований Е. Падучевой [2000] и О. Богуславской [2000] на тему восприятия понятия ‘вины’ в русском языке, а также попытаться выявить сходства и различия, выступающие в восприятии этого понятия в обоих языках.

¹ «Confiteor» — (от лат. *confiteor* ‘исповедую’) покаянная молитва, которую в Римско-католической церкви читают в начале мессы и в некоторых других случаях. В ходе молитвы молящиеся трижды бьют себя в грудь, произнося слова «Mea culpa» (лат. «Моя вина»). — *Примеч. ред.*

Обратившись к фактам польского языка, я приняла во внимание те, которые приводит Я. Докурно в единственной пока что в польском языкознании статье на тему 'вины' [Dokurno 1988], хотя его анализ интересующей нас проблемы не представляется удовлетворительным.

В моей работе я использовала прежде всего материалы корпуса польского языка Государственного научного издательства (Korpus Języka Polskiego PWN, далее К).

1. Актантная структура ситуации 'вины'

Напомним вначале элементы ситуации, описываемой в польском языке как *wina X-a, X jest winien P* (напр., *X jest winien wypadku, zabójstwa*), *X jest winien, że stało się coś złego* (напр., *pociąg się spóźnił*), а в русском языке как: *вина X-а, X виноват в P* (напр., *X виноват в происшествии, в убийстве*), а также: *X виноват (в том), что произошло что-то плохое* (напр., *что опоздал поезд* и т. п.). Состав участников ситуации вины подробно описывает Е. Падучева в упоминаемой выше статье. Вина предполагает, что:

(1) Существует некто **X, агент действия**, приводящего непосредственно или косвенно **к нежелательному положению вещей** (событию). О том, когда можно говорить о вине X-а (совершении действия X-ом), ниже будет сказано более подробно.

(2) Имеет место само **нежелательное событие** (положение вещей) — **P**. Плохое положение вещей, если оно не вызвано X-ом, конечно, не может быть сочтено виной X-а, но расценивается как несчастный случай, несчастье, неприятное происшествие и т. п. Например, в предложении *Maria jest winna przeziębieniu dziecka* [Мария виновата в простуде ребенка, в том, что ребенок простудился] сама 'простуда' является отрицательным событием, между тем как 'вина' — это совершение данного отрицательного события Марией, иначе говоря, соотношение между X-ом и P. На юридическом языке 'вина' также определяется — в так наз. психологических теориях — как «психологическое соотношение между виновником и запрещенным поступком» [Grodecki 2004: 53]. Вина в том, что возникло нежелательное положение вещей (P), может быть непосредственной или опосредованной, когда X совершает (или не совершает) определенное действие Z, следствием которого уже является P. Таким образом, в приведенном выше примере вина Марии могла состоять в том, что она, например, недостаточно тепло одела ребенка, открыла окно и т. п., следствием чего была простуда.

(3) Существует, наконец, третий актант, **Y**: им является **лицо, потерпевшее ущерб**, тот, кто испытал зло, пострадал в результате произошедшего события, тот, по отношению к кому X виноват. Этот актант не обязательно

назван, в некоторых случаях он как бы отсутствует, особенно если акцентируется само совершение события, то есть то, что его вызвало (не обязательно лицо), напр., *Burza była winna (zawiniła), że przerwano mecz* [Гроза была виной (тому)/была виновата (в том), что матч был прерван], ср. также несколько странное: *³Z winy burzy przerwano mecz* [³По вине грозы матч был прерван].

Тот, кому было причинено зло (тот, по отношению к кому виноват виновник), отодвигается на задний план также в юридических текстах, в которых речь идет прежде всего о том, кто совершил действие, тем же, кто «ощущает» его результаты, является закон: *jest winien wobec prawa* [виновен перед лицом закона], который выражает интересы общества; следовательно, X виновен перед лицом общества, которое приняло этот закон.

К этим трем актантам следует добавить еще два семантических компонента (о которых говорит также Е. Падучева): лишь с их совместным участием может быть создана полная картина ситуации вины. А именно:

(4) Психически-духовное состояние X-а после совершения действия, **чувство вины**, а также:

(5) Взаимоотношения между X-ом и Y-ом, **род морального долга**, который начинает объединять виновника и потерпевшего (жертву).

В этой, представленной в общих чертах, ситуации ‘вины’ отдельные ее элементы профилируются или акцентируются (как говорит Е. Падучева) различными лексемами, а также различными контекстными употреблениями одних и тех же лексем. Так, на первом плане может оказаться само **совершение действия**, вызывающего плохую ситуацию, **ответственность** за это действие и тем самым различные степени этой ответственности, то есть участия в совершении действия. Так это выглядит в упомянутых выше юридических текстах, в которых речь идет прежде всего о выявлении ответственности. На первый план может быть выдвинуто **психическое состояние виновного**: в этом случае ‘вина’ профилируется как чувство вины. Могут, наконец, акцентироваться **взаимоотношения** между ‘виновным’ и ‘жертвой’ (чья-то вина по отношению к кому-то), когда ‘вина’ является моральным долгом того, кто совершил действие (виновного) по отношению к пострадавшему: *Czuł się winny, miał poczucie winy wobec niej* [Он чувствовал себя виноватым, испытывал чувство вины перед нею].

Все эти профили наличествуют как в польском, так и в русском языке, однако они имеют различную интенсивность и различные формальные показатели. В польском языке более сильно акцентируется последний аспект вследствие того, что в прилагательном *winien* [виновный] развилось вторичное деонтическое значение (значение долженствования), соответствующее русскому прилагательному *должен*.

2. Вина как действие, приводящее к плохому состоянию

Этот аспект понятия вины охватывает континуум от значения чистой причины ('кто-то был причиной нежелательного положения вещей', и даже 'что-то привело к такому положению', как в примере выше *Burza była winna, że przerwano mecz* [Гроза была виной <тому>/виновата <в том>, что матч был прерван], или отмеченное в Корпусе: *Wszystkiemu były winne zaniedbania z okresu dzieciństwa* [Во всем были виноваты упущения, имевшие место в детские годы]), через действия сознательные и преднамеренные, вплоть до вины опосредованной, непреднамеренной, когда она состоит в легкомысленном поведении, упущении или даже в отдаленном, неопределенном участии в причинении зла.

Чистая каузация события может, в виде исключения, относиться к поступку, лишенному отрицательных черт, ср. шуточное заявление: *To on jest winien, że tu się znaleźliśmy* [Это он виноват <в том>, что мы тут оказались], напр., потому, что он нас пригласил.

В юридических актах ответственность за поступок определяется самым тщательным образом — в зависимости от того, как характеризовался и в каком состоянии находился тот, кто совершил данный поступок (несовершеннолетний, невменяемый). Также при установлении опосредованной вины принимается во внимание, в каком звене цепи событий, результатом которых является плохой поступок (преступление), обвиняемый пренебрег своими обязанностями — или сознательно, но необдуманно совершил действие, результатом которого привел к нежелательной ситуации. Так например, при определении ответственности в ситуации дорожного происшествия в признании кого-либо виновным решающим может оказаться факт, что водитель нарушил правила движения (ехал с превышением скорости, неправильно сделал поворот, находился в нетрезвом состоянии и т. п.), а в признании невиновным водителя — факт появления на шоссе непредвиденного препятствия.

В обыденной жизни ситуации, определяемые как 'вина', не находят точной формулировки и оцениваются субъективно. Когда люди возлагают друг на друга вину за какие-то отрицательные явления (напр., родители обвиняют друг друга в том, что их ребенок плохо учится), они имеют в виду различные действия или упущения, которые привели к нежелательному положению вещей. В высказываниях типа: *To twoja wina, że dziecko źle się uczy* [Это твоя вина, что ребенок плохо учится] языковое выражение имеет лишь актант Р (плохое положение вещей), однако это актант Х упрекают в том, что он не совершил (или совершил) действие, результатом которого является актант Р.

То, имеет совершение действия непосредственный результат или вызывает далеко идущие последствия, зависит чаще всего от контекста, но язык

обладает формальными средствами, которые служат для выражения этих различий в значениях. Займемся ими более подробно.

Русский язык располагает здесь двумя прилагательными: *виновен* и *виноват*. Как показывают исследования Е. Падучевой [2000] и О. Богуславской [2000], *виновен* — это показатель действия непосредственного и сознательного, преднамеренного, ср. *Он виновен в чем-то* (напр., *в убийстве*), в то время как *виноват* описывает действие косвенное, непреднамеренное, ситуацию, в которой непосредственные поступки не имели своей целью привести к нежелательному положению вещей. Поэтому невозможно высказывание **Он виноват в убийстве* (возможно лишь *Он виновен в убийстве*), между тем вполне правильно *Он виноват в ее смерти*, что означает: ‘он способствовал ее смерти своими поступками’. Прилагательное *виноват* может также описывать психически-духовный аспект ‘вины’, а именно, состояние того, кто совершил действие (о чем см. ниже), и может выражать акт просьбы о прощении: *Я глубоко виноват перед вами*.

Польский же язык располагает только одним прилагательным *winien/winny*, которое выполняет обе функции. От контекста зависит, информирует ли оно лишь о действии непосредственном или также о косвенном, и далее — о чувстве вины, например: *Uznali go za winnego dwóch zabójstw i dziewięciu napadów* (К) [Его сочли виновным в двух убийствах и девяти нападениях] — это информация о непосредственном действии. Между тем в высказывании: *Nie jestem winien zatargów między wami* (К) [Я не виноват в возникших между вами недоразумениях] речь идет о действии косвенном, а именно о влиянии X-а на поведение других лиц.

Эти два значения в польском языке в известной степени сигнализирует синтаксическая дифференциация. В принципе информация о нежелательной ситуации (плохом поступке) выражается родительном падежом: *Ktoś jest winien wypadku, kradzieży, pożaru* и т. п. [Кто-то виновен в несчастном случае, краже, пожаре и т. п.]. Если же нежелательная ситуация упоминается лишь в общих чертах или действие носит неопределенный, косвенный характер, может быть употреблен дательный падеж, напр.:

Wszystkiemu winne były zaniedbania w wychowaniu (К) [Всему виной были упущения в воспитании].

Winien temu był redaktor Bratkowski, który drukował takie teksty (К) [В этом был виноват (букв.: *виновен тому*) редактор Братковский, который печатал такие тексты].

Oni byli winni całemu nieporozumieniu, nieszczęściu, zamieszaniu [Они были виноваты во всем (букв.: *виновны всему*) этом недоразумении, несчастье, хаосе].

В некоторых случаях трудно решить, имеем ли мы дело с родительным или дательным падежом — когда в польском языке форма существительного в них совпадает, напр.:

On był winien śmierci matki, kradzieży samochodu [Он был виноват в смерти (букв.: *виновен смерти*) матери, в краже автомашины]. Участие в действии является в этой ситуации неясным. Предложение

On jest winien kradzieży samochodu [Он виноват в краже (букв.: *виновен краже/кражи*) автомашины] двусмысленно: неясно, украл ли кто-то автомашину или только косвенно способствовал краже, например, не закрыл дверцу.

Различие в степени участия в совершении действия, выражающееся при помощи генитива или датива, четко демонстрируют следующие примеры:

On jest winien nieszczęścia/cierpienia rodziny [Он виноват в несчастье/страдании семьи],

On jest winien nieszczęściu/cierpieniu rodziny [Он виноват в несчастье/страдании семьи).

В последнем предложении заключена информация о косвенном, неопределенном участии в том, что привело к плохой ситуации. Также в приведенном выше примере *Maria jest winna przeziębieniu dziecka* [Мария виновата в простуде (букв.: *виновна простуживанию*) ребенка] дательный падеж отглагольного существительного говорит о том, что участие Марии в нежелательной ситуации было косвенным. Если бы речь шла о ее непосредственном участии, был бы употреблен родительный падеж: *Maria jest winna przeziębienia dziecka* [Мария виновна в простуде (букв.: *виновна простуживания*) ребенка].

Значение участия в приведении к плохой ситуации выражается в польском языке также глаголами *zawinić* (*To Jan zawinił, że spóźniliśmy się na pociąg* [Это Ян виноват (в том), что мы опоздали на поезд], *Burza zawiniła, że mecz przerwano* [Гроза была виновата (в том), что матч был прерван), *winić*, *obwinić kogoś o coś* [винить, обвинять кого-то в чем-то], что означает 'приписывать кому-то вину'. При употреблении глагола *zawinić* из контекста следует значение непосредственного или косвенного участия в действии, ср. *To teściowa zawiniła w sprawie rozwodu* [Это теща была виновата в их разводе (в том, что они разошлись)] — здесь представлено косвенное участие. Глаголы *winić*, *obwinić* выступают в двух синтаксических конструкциях (ср. [Dokurno 1988]): *obwinić/winić kogoś o coś* — непосредственное участие, и *obwinić/winić kogoś za coś* — косвенное участие, напр. *Obwiniają go o kradzież samochodu* [Его обвиняют в краже автомашины], то есть в том, что он украл автомашину и *Obwiniają go za kradzież samochodu* [Его обвиняют за кражу автомашины], то есть, в том что он способствовал краже, не усмотрел за автомашиной (например, не запер дверцу). Следует отметить, что глаголы *winić*, *obwinić* не могут быть употреблены, если речь идет не о действии, совершенном человеком, а о событии, которое привело к нежелательной ситуации: **Obwiniam/winię pogodę o to, że mecz przerwano* [Я обвиняю/виню погоду за то, что матч был прерван].

Перейдем к рассмотрению второго аспекта (профиля) понятия 'вины'.

3. Вина как тяжелое психологическое состояние того, кто привел к плохой ситуации (чувство вины)

Как мы показали выше, описывая полную картину ситуации, обозначенной понятием 'вина', в ней — кроме действия, совершенного X-ом и приведшего к плохой ситуации — присутствует также его психологическое (душевное) состояние, нечто вроде угрызений совести. Этот семантический компонент в определенных употреблениях выдвигается на первый план. Разумеется, упомянутый компонент отсутствует, если речь идет о «чистой» каузации (*Pogoda zawiniła* [Погода была виновата]) или об определении вины на юридическом языке (*Winien zabójstwa* [Виновен в убийстве]). В этом случае тяжелое психическое состояние того, кто совершил действие, вообще не играет роли или, может быть, даже не имеет места. Ощущение раскаяния после совершения дурного поступка зависит от моральной чуткости человека, воспитание же способности к таким переживаниям является целью и предметом усилий педагогов и духовных наставников.

С семантической точки зрения описываемый здесь элемент значения обусловлен контекстом: он появляется прежде всего в контексте глаголов *czuć*, *czuć się/poczuwać się* [чувствовать], *odczuwać* [ощущать] и существительного *poczucie* [ощущение]: *czuję się winny* [Я чувствую себя виноватым], *czuję/odczuwam swoją winę* [Я чувствую/ощущаю свою вину], *poczuwam się do winy/mam poczucie winy* [У меня есть чувство вины] и т. п. Границы этого чувства неопределенны — оно может появляться при отсутствии какой бы то ни было активности испытывающего его лица, когда оно участвует в какой-то негативной социальной ситуации, не протестуя. Таково, например, чувство вины честных людей в условиях тоталитаризма, сознающих, что вокруг совершаются преступления; чувство вины, живущих в достатке рядом с теми, кто испытывает нужду, и чувство вины перед погибшими, которое испытывают вернувшиеся с войны живыми (см. [Богуславская 2000: 82; Падучева 2000: 162]).

В русском языке это значение выражается при помощи прилагательного *виноват*, которое, как было показано выше, информирует о неопределенной, опосредованной вине. Прежде всего, однако, оно служит описанию состояния 'чувство вины' и может также функционировать как показатель акта 'просьба о прощении'. Это прилагательное было известно и в старопольском языке. Его цитирует в своем словаре С. Линде: «*Ja największy z grzeszników winowatych gminu* [Я, самый большой из грешников, виноватых перед людьми]» (*Kuligowski*. *Heraklit chrześcijański*, 1694, с. 66). Производным от этого прилагательного является употребляемое по сей день существительное *winowajca* ((*winowaćca*) *winowaty*).

4. Вина как моральный долг виновника (того, кто привел к плохой ситуации) по отношению к потерпевшему

Этот аспект ситуации, описываемой как 'вина', а именно взаимоотношения между агенсом (X-ом) и потерпевшим (Y-ом), которые выражаются при помощи конструкции *Ktoś jest/czuje się winien wobec kogoś* [Кто-то является/чувствует себя виновным перед кем-то], особенно сильно акцентируется (профилируется) в польской картине 'вины'. Ибо слово *winien* в ходе развития языка приобрело новые значения, восходящие к упомянутому аспекту вины: значение 'быть чьим-то должником' (*Ktoś jest komuś winien pieniądze* [Кто-то должен кому-то деньги], а также, в более общем плане, 'быть обязанным кому-то, быть морально обязанным что-то сделать' (*On winien odwiedzić matkę* [Он должен навестить мать]), и различные вторичные значения 'долженствования' ('иметь определенные желательные черты', 'подчиняться определенным условиям', напр., *Silnik winien pracować cicho* (К) [Мотор должен работать тихо]). Как видно, эти вторичные значения польского слова *winien* соответствуют значениям русского *должен*. Попытаемся проследить эволюцию, которая произошла в польском языке.

Исходным пунктом являются здесь случаи употребления прилагательного *winien, winny*, профилирующие взаимоотношения между тем, кто совершает зло, и лицом, испытывающим последствия этого зла, такие как, напр., *Ktoś jest winien wobec kogoś* [Кто-то виноват перед кем-то], *Czuję się bardzo winny wobec ciebie* [Я чувствую себя очень виноватым перед тобой] и т. п. Также глагол *przewinić komuś, przewinić wobec kogoś* [провиниться перед кем-то], напр., *Co ci on przewinił?* [В чем он перед тобой провинился?] профилирует взаимоотношения между тем, кто совершил зло, и потерпевшим (жертвой). Поэтому невозможно употребление этого глагола при выражении чистой каузации, напр. **Przewiniła pogoda* [**Провинилась погода*], хотя можно, как было показано выше, сказать: *Zawiniła pogoda* [Погода была виновата].

Причинение кому-то зла создает особую ситуацию между ее участниками, а именно, потребность компенсации, **удовлетворения справедливого требования**, следовательно, ситуацию, подобную той, которая возникает, когда кто-то берет у кого-то в долг. Потребность компенсации возникает также тогда, когда кто-то совершает по отношению к кому-то добрый поступок, создавая ситуацию **благодарности**. В этом случае второй участник становится должником по отношению к своему «благодетелю». Эти сложные взаимоотношения передаются в польском языке прилагательным *winien*, которое приобретает значение 'быть по отношению к кому-то должником, как «денежным», так и «моральным»', что как раз и создает ситуацию благодарности: *Jestem mu winien bardzo wiele* [Я обязан ему очень многим], *Winienem*

tu wdzięczność [Я обязан быть ему благодарным]. Стоит отметить, что выражение одной и той же лексемой отношений ‘должник — кредитор’ и ‘виновник — потерпевший’ имеет место и в других языках (ср., напр., нем. *Schulde* ‘вина’ и ‘долг’) и особенно характерно для религиозной лексики. Это явление имеет место в тексте молитвы «Отче наш»: польскому «...i odpuść nam nasze winy, jako i my odpuszczamy naszym winowajcom» в церковнославянском соответствует «...и отъпусти намъ дългы наше како и мы отпущаемъ дължникомъ нашимъ», что на латыни звучит как «...Et dimitte nobis debita nostra, Sicut et nos dimittimus debitoribus nostris». Обозначение одним и тем же словом ‘денежного долга’ и ‘вины, греха’, имеющее место также в древнегреческом (ср. греч. ὀφείλημα ‘долг’ и ‘вина’), восходит, вероятно, к древнееврейскому источнику. Как следствие, староцерковнославянское *дльгъ* имеет оба значения: ‘debitum’ [финансовое обязательство] и ‘peccatum’ [грех].

Само собой разумеется, что в языках, где эта двусмысленность отсутствует, цитируемый фрагмент молитвы неоспоримо указывает на потребность простить совершающим зло, ср. франц. «...et pardonne-nous le **mal** que nous avons commis comme nous pardonnons à ceux qui nous ont fait du **mal**» и англ. «...and forgive us the **wrongs** we have done, as we have forgiven those who have **wronged** us».

Семантический переход от значения ‘быть виноватым по отношению к кому-то, кому было причинено зло’ к значению ‘быть обязанным кому-то, по отношению к кому имеется какой-то долг’ иллюстрируют примеры, где возможна двоякая интерпретация, ср. фрагмент текста 1780 г., принадлежащего Ф. Заблоцкому, цитируемый в Словаре польского языка под ред. В. Дорошевского: «Pospolicie unikamy i wstręt jakiś czujemy od tych (в современном польском языке было бы „względem tych, do tych“), którym coś winni jesteśmy» [Обычно мы чувствуем отвращение по отношению к тем, кому мы чем-то обязаны] или [перед кем мы виноваты]. Неясно, идет здесь речь о тех, по отношению к кому мы являемся должниками и кому мы должны быть благодарны, — или о тех, перед кем мы провинились.

5. Заключение

Из представленного анализа становится ясно, насколько сложно и неоднозначно понятие ‘вины’. Налицо повторяющееся «твердое ядро» этого понятия: ‘плохой поступок, плохое положение вещей, каким-то образом созданное агенсом (непосредственно или опосредованно)’. Однако, как мы показали выше, участие агенса может быть очень далеким от нежелательной ситуации — например, чувство вины людей, живущих в негативной общественной ситуации, ни в какой мере ими не вызванной.

Во многих языках это чувство ограничено лишь самим этим ядром (как, вероятно, во франц. *faute* или англ. *fault*), в других же (как в польском и русском, а возможно, и в остальных славянских языках) появляются периферийные компоненты: косвенное действие, чувство вины, долг по отношению к потерпевшему.

Между картинами ситуации ‘вины’ в польском и русском языках имеется явное сходство. Отличие непосредственного совершения плохого действия от опосредованного участия в нем выражается в русском языке с помощью двух прилагательных: *виновен* и *виноват*. В польском же языке это различие выражается при помощи синтаксических показателей: *winić/obwinić kogoś o coś* выражает непосредственное совершение плохого действия, между тем как *winić/obwinić za coś* — опосредованное в нем участие. Подобным образом *być winnym czegoś* (напр., *nieszczęścia*) обозначает непосредственное совершение плохого действия, а *być winnym czemuś* (напр., *nieszczęściu*) — опосредованное участие в событии.

Различие между этими языками заключается в том, что семантический компонент, указывающий на взаимоотношения между агенсом и потерпевшим, в польском языке акцентируется сильнее благодаря тому, что в прилагательном *winien* развилось новое значение ‘долг по отношению к кому-то’, а впоследствии — более абстрактные значения.

Рассмотрение восприятия значения ‘вины’ в других индоевропейских языках, а также в языках, принадлежащих к иным языковым и культурным ареалам, было бы исключительно интересно не только с лингвистической точки зрения.

Перевела Нина Перчинская

Литература

- Богуславская 2000 — О. Ю. Богуславская. И нет греха в его вине (*виноватый* и *виновный*) // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 79—89.
- Падучева 2000 — Е. В. Падучева. Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексемы // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 149—166.
- Dokurno 1988 — J. Dokurno. Pojęcie winy. Próba analizy semantycznej // Polonica XIII. 1988. S. 5—16.
- Doroszewski 1967 — W. Doroszewski (red.). Słownik języka polskiego. Т. 9. Warszawa, 1967.
- Grodecki 2004 — L. Grodecki. Prawo karne. Warszawa, 2004.
- Linde 1860 — S. B. Linde. Słownik języka polskiego. Т. 6. Lwów, 1860.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КАК ИСТОЧНИК ОЦЕНКИ У БЕЗОЦЕНОЧНЫХ СЛОВ*

М. Я. Гловинская

Содержание данной статьи основывается на трех докладах автора, прочитанных в 2005 и 2006 годах [Гловинская 2005; 2006а; 2006б]. Елена Викторовна присутствовала на двух докладах и проявила интерес к проанализированным словам, поэтому я решилась дать этот материал в юбилейный сборник.

Статья посвящена прагматически возникающим оценочным компонентам при употреблении некоторых слов, в лексическое значение которых оценка в существующих толковых словарях не включается.

Подобные оценочные компоненты возникают на базе семантики этих прототипически безоценочных слов в определенных прагматических условиях. При этом оценка может быть общей (слово сигнализирует наличие у говорящего отрицательной оценки какого-то факта) или истинностной (слово является сигналом об оценке чужого высказывания или вообще текста как ложного).

В статье будут рассмотрены две небольшие группы таких слов.

В первую входят прилагательные *неоднозначный* и *спорный*, в меньшей мере — *дискуссионный* и *амбивалентный*, во вторую — глаголы *заявлять* и *объявлять*.

Прилагательные со значением конфликта мнений

Начнем с *неоднозначный* и *спорный*. В своих обычных словарных значениях эти лексемы просто указывают на наличие разных, может быть, противоположных, точек зрения, мнений, оценок. Ср.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-00289а, Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» (проекты «Русский литературный язык и современная речевая практика» и «Разработка серии активных словарей русского языка»), а также гранта Президента РФ для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ № НШ-5611.2006.6.

Хорошо или плохо новое решение — вопрос спорный; Наиболее спорные вопросы выносились на общее собрание;

Реакция критиков на премьеру была неоднозначной — одни хвалили, другие ругали; У меня к этому отношение неоднозначное — я вижу здесь и плюсы, и минусы.

Сами по себе эти слова не выражают оценки: *спорный* — это такой, о котором спорят или могут спорить, *неоднозначный* — значит ‘неодинаковый, разный’. Ни одна из сторон не выделяется в качестве правой, предпочтительной.

Однако в последнее время эти слова стали употребляться в значении ‘плохой, неправильный, отрицательно оцениваемый субъектом (который иногда совпадает с говорящим)’.

Неоднозначный

Это прилагательное (как и соответствующее наречие) стало широко употребляться в оценочном смысле в начале перестройки и гласности (см. об этом в статье [Левонтина 1995]). В статье И. Б. Левонтиной приводится яркий пример тех лет: *Это решение было воспринято **неоднозначно** — все шахты забастовали* [Там же: 94]. Однако автор поторопился похоронить это слово, закрепив его употребление только за тем временем. Оно продолжало и продолжает употребляться. Ср.

*Можно, конечно, сослаться на то, что у нашего театра нет опыта общения со сложной драматургией Славомира Мрожека, да и отношение к польскому драматургу, живущему во Франции, было до недавнего времени, мягко говоря, **неоднозначным*** (Уппсальский корпус).

Речь идет здесь не о разнообразии мнений по отношению к данному автору, а об отрицательном отношении к нему со стороны официальных властей и запрет на его произведения в советское время.

*Давайте не будем выставлять себя на посмешище с этим законом. Реакция будет **неоднозначной** и в стране, и за рубежом* (радио «Эхо Москвы», 24.01.2006).

Раз «на посмешище», значит не «с одной стороны, с другой стороны», не разные мнения, а однозначно отрицательная реакция.

Пример на наречие:

*О планах его строительства [спортивного комплекса] Дейч объявил подчиненным в марте. Однако эта инициатива была встречена ими, мягко говоря, **неоднозначно**. Электронная почта (...), по которой ра-*

ботники Лэнгли могут анонимно посылать руководству свои жалобы, отзывы и предложения, наполнилась гневными посланиями (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 31).

Правда, представление о другом — положительном — мнении может не исчезать полностью, а уходить в пресуппозицию, не обязательно актуальную для данной ситуации, а возможную в принципе.

Спорный

— *Ваше отношение к введению единого дня голосования по всем регионам?*

— **Спорная** новация. Во-первых, это лазейка для продления сроков полномочий {...}. Во-вторых, людей может оттолкнуть тот факт, что в один день проводится сразу несколько выборов {...}. В целом закон продолжает те антидемократические тенденции, которые начались отменой выборов губернаторов (Новая газета, 02.06—05.06.2005, интервью с Вл. Рыжковым).

Очевидно, что в этом случае новация является для Рыжкова как раз бесспорно плохой, никаких плюсов он в ней не усматривает.

Скачок к такому употреблению происходит через промежуточный вариант, где появляется фигура субъекта мнения (говорящего) — ‘такой, против чего субъект (говорящий) имеет возражения; сомнительный для него, не бесспорный’:

*Помню, я читал насчет взаимной тяги антиподов. По-моему, есть в этой теории что-то сомнительное. Или, как минимум, **спорное** (С. Довлатов, Чемодан);*

*Гуревич был слишком осторожен в прогнозах. Чуть ли не все его политические обзоры заканчивались словами: «Будущее покажет». Наконец я ему сказал: — Будь чуточку нахальнее. Выскажи какую-нибудь **спорную** политическую гипотезу. Ошибайся, черт возьми, но будь смелее (С. Довлатов, Ремесло).*

Слова с близким значением *дискуссионный* и *амбивалентный* в обычном употреблении тоже указывают на различие мнений, взглядов, ощущений; ср.

*Наиболее **дискуссионным** оказался новый проект жилищного кодекса. Самые яркие чувства, по Фрейдю, — чувства **амбивалентные**, соединяющие противоположные эмоции («Петербургский Час пик», 2003.09.03)¹.*

¹ Этот пример, как и некоторые следующие, взят из Национального корпуса русского языка.

Дискуссионный и *амбивалентный* тоже способны к оценочным употреблением, хотя и в меньшей степени. Ср.

Отдельные небольшие разночтения в переводах вашего сына и Глинки, о которых вы говорите, весьма дискуссионны и в любом случае не так серьезны, чтобы заниматься заменой одного перевода на другой (В. Лебедев, О скоропалительном возвращении Господа на землю, или Попадание великого Бога в «переплёт» // Лебедь (Бостон), 2003.06.30).

Автор здесь выражает сомнение вообще в существовании разночтений, т. е. в истинности слов адресата.

По-моему, достоверность его статистики дискуссионна (Газета, 2002.04.16).

Очевидно, что имеется в виду недостоверность статистики, а не то, что на этот счет могут быть разные мнения.

[Речь идет о психологическом эксперименте с детьми] *Дети научились слышать друг друга, вступать в диалог, сохраняя свою индивидуальную позицию (...)* Нужно отметить, что воспитатели **амбивалентно** отнеслись к этой ситуации. Оказалось, что участие в разрешении детских конфликтов выступает для них существенной содержательной стороной собственной профессиональной деятельности. Ее отсутствие вызвало у них переживание недостаточной загруженности (Вопросы психологии, 2003.12.23).

И здесь имеется в виду не различие мнений, а одинаково отрицательное отношение.

Замечу, что у слова *двойственный*, синонимом которого является слово *амбивалентный*, таких оценочных употреблений не отмечено; возможно, из-за яркой внутренней формы трудно увести в тень идею второй стороны².

² Анна Андреевна Зализняк обратила мое внимание на слова *сложный* и *по-разному*, тоже выражающие негативную характеристику: *У ребенка сложный характер*, т. е. плохой, и — *Как поживаете? — По-разному*, т. е. плохо. По-моему, в этих случаях, хотя на первый план и выдвигается отрицательный компонент, сильно просвечивает основное лексическое значение. Мы не скажем *сложный характер*, в отличие от *плохой*, если человек просто груб, примитивен, орет на окружающих или если ребенок ленивый, пассивный, не хочет учиться. *Сложный* предполагает какие-то нестандартные свойства и их проявления, которые делают общение с субъектом сложным для других людей, а не просто неприятным. *По-разному*, в отличие от *плохо*, нельзя употребить, если все беспросветно плохо. Оно предполагает какие-то чередования, полосы в жизни, состоянии здоровья и под., хотя в фокусе, действительно, что-то плохое.

Фактически все эти слова используются как эвфемизмы вместо слов *плохой; неверный, неправильный*. Недаром они часто сопровождаются метаязыковым вводным оборотом «мягко говоря». Прагматическая потребность в них диктуется, в частности, максимальной вежливости Лича [Leech 1983]. Это связано с тем, что на шкале интенсивности оценки они менее категоричны, чем слова типа *плохой, неправильный*, что связано с наличием упомянутой пресуппозиции.

Глаголы *заявлять* и *объявлять*

Перейду к двум «информационным» глаголам — *заявлять* и *объявлять*.

В огромном большинстве случаев, в своих обычных словарных значениях, глаголы *заявлять* и *объявлять* оценочно совершенно нейтральны и не содержат никакого указания на неистинность слов субъекта. Ср.

Хозяин (...) твердо заявил, что тело должно быть вывезено сегодня же на рассвете (И. Бунин. Господин из Сан-Франциско); *В этот момент (...) милейший голос объявил, что самолет Стокгольм — Симферополь заходит на посадку* (В. Аксенов. Остров Крым).

Однако в двух следующих примерах содержится отрицательная оценка слов субъекта речевых актов (РА) *заявлять* и *объявлять* со стороны говорящего.

Пример из разговорной речи: *Слышишь, она заявляет, что в этот вечер не была в театре*. В отличие от той же фразы с глаголом *сказать*, которую мы поймем скорее в чисто информативном смысле (*Слышишь, она говорит, что не была в театре*), фраза с *заявить* содержит указание или намек на то, что говорящий (автор всего высказывания) в чем-то не одобряет субъекта речевого действия *заявлять*. Скорее всего, он сомневается в истинности слов субъекта (как говорили некоторые информанты, которым предъявлялась эта фраза: «Она врет»). Во всяком случае, какие-то аспекты данного речевого акта ему неприятны. То же самое обнаруживается в другом примере:

Когда о. Михаил Дударев пришел в редакцию «Восхода» с требованием опубликовать его ответ на клевету против РПАЦ, главный редактор Белявцева заявила, что «единственная законная церковь в России» — это Московская патриархия, ведь ее поддерживает президент Путин (МН, 3—9 июня 2005, А. Солдатов).

И здесь очевидно, что автор никак не разделяет абсурдного мнения редактора.

Аналогичные употребления встречаются и у глагола *объявлять*. Их можно встретить в научном типе речи:

*Конструкция А. Т. Фоменко терпит крах: чтобы ее спасти, ему приходится **объявлять** летопись фальсифицированной (как в случае с Иваном Грозным) (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко; 2000).*

*Генетика **объявлялась** ложным учением, а исповедующие ее — еретиками (Б. Васильев. Оглянись на середине).*

*Фантомное слово, которое Раля Михайловна **объявила** архаизмом. На самом деле здесь нужно видеть другое слово (Диссертант на защите докторской диссертации в Институте славяноведения РАН, 10.102006).*

Объявляет здесь, в отличие от нейтрального *пишет*, является сигналом как минимум несогласия автора со словами субъекта. Тем самым здесь тоже имеет место отрицательная истинностная характеристика слов субъекта РА *объявлять*.

Приведем еще пример, более близкий юбилею. В книге [Шмид 2003] имеются ссылки на работу [Падучева 1996]. В случае согласия с ней В. Шмид пишет *Как показала Е. Падучева...*, а в полемическом контексте употребляет глагол *объявлять*:

*В научной литературе мы нередко сталкиваемся не только со смешением имплицитного и фиктивного читателя, но и с полным отказом от такого разделения (...). Ссылаясь на М. Тулана, Е. Падучева **объявляет**, что в таком дублировании нет необходимости [Шмид 2003: 98].*

Возникновению оценочного употребления способствуют определенные семантические и прагматические факторы.

Оно базируется на следующих семантических компонентах значения этих слов (я опираюсь на свое описание семантики этих глаголов в Новом объяснительном словаре синонимов [Гловинская 2004]).

Оба глагола часто обозначают сообщение, ориентированное на многих адресатов. Даже если реально субъект обращается к одному человеку, он преподносит свое сообщение так, как если бы оно предназначалось для более широкой аудитории. Ср. нормальность *заявить* *⟨объявить⟩* о чем-то во всеуслышание *⟨открыто, громогласно⟩* и сомнительность *??заявить* *⟨объявить⟩* о чем-то по секрету *⟨тайно⟩*. Ср. также

*Потешные театры. Они расцветают вблизи дворов настоящих, больших империй. Начинают обычно со скандала. **Объявляют** на весь мир, что их хотят выгнать, лишит помещения. Так мир узнает об их существовании (С. Юрский. Четырнадцать глав о короле // Октябрь, 2001, № 5). А ведь десять лет тому назад, в двадцатые годы, тогда профессора вот это самое «долой право!» **заявили** прямо с высоты университетских кафедр (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).*

Заявлять и **объявлять** часто вводят информацию о самом субъекте — о его намерениях, о неизвестных фактах из его жизни.

Он заявил, что будет управлять страной по законам своей бабушки Екатерины (С. Сыров. Страницы истории); *Ирочка вчера объявила, что выходит замуж.*

Оба глагола часто предполагают субъекта, облеченного полномочиями, специальным статусом, чтобы заявлять и объявлять. *На вечернем заседании глава делегации вновь заявил (объявил), что дальнейшие переговоры возможны только при условии вывода войск из зоны конфликта.* Поэтому слова такого субъекта звучат особенно веско.

Кроме того, существуют некоторые официальные ситуации (например, судебное заседание), где *заявлять что-то* (в отличие от *объявлять*), может любой участник, независимо от своего статуса. Например, *заявлять* нечто могут и судья, и прокурор, и адвокат, и подсудимый, и свидетели. *Объявлять* в этой ситуации что-либо может только судья.

Оба эти РА выполняются особым тоном: поскольку они ориентированы на многих или как бы многих адресатов, они произносятся более отчетливо и громко, чем, например, просто *сказать*.

При этом *объявить* тяготеет к обозначению объективных фактов, а *заявить* — к обозначению позиции субъекта. Ср.

Зал замер — Восемнадцать тысяч долларов и колые в сорок тысяч золотом, — торжественно объявил артист, — хранил Сергей Герардович в городе Харькове в квартире своей любовницы (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

— Я еще одного артиста подобрала! — объявила утром тетя Тося (В. Астафьев. Курица — не птица).

Представляет, мальчики, мама мне заявила: или в медицинский, или к станку (В. Аксенов. Звездный билет);

«Мой дом — моя крепость, — заявил он камердинеру — захочу спать» (А. Битов. Преподаватель симметрии);

Тогда он заявил Марье Степановне: — Если они не прекратят эти безобразия, Марья Степановна, я уеду за границу (М. Булгаков. Роковые яйца).

В связи с этим высказывание *Министр объявил о создании в Москве нового экспериментального театра под руководством Анатолия Васильева* (Уппсальский корпус) мы поймем как сообщение о совершившемся факте, о том, что театр уже создан, а то же высказывание с глаголом *заявить* скорее как сообщение о намерении создать театр.

Правда, в случае, когда адресатом является вышестоящее официальное лицо, которое в ответ на сделанное сообщение должно принять соответствующие меры, *заявить* также может относиться к фактам: *В полицию пришел бледный трепещущий человек и **заявил**, что его хозяина убили.*

Еще одним отличием *объявлять* от *заявлять* является то, что *объявлять* отражает часто ситуацию, когда от субъекта кто-то ожидает его сообщения; ср. естественность *Наконец он **объявил** о своем решении* при странности *Наконец он **заявил** о своем решении.*

Теперь посмотрим, почему же говорящий выбирает именно эти глаголы для введения слов субъекта, с которыми он не согласен, и что же есть в этих глаголах такого, что позволяет нам ощутить его недовольство?

Рассмотренные выше особенности значения *заявлять* и *объявлять* создают впечатление некоторой дистанции между субъектом и адресатом РА. Это проявляется по-разному у двух глаголов и приводит к несколько разным эффектам при их оценочном употреблении.

У *заявить* главным оказывается его типичное использование для обозначения позиции субъекта. Позиция обычно занимает в противовес чьей-то другой позиции, которая может быть эксплицитно и не выражена; но этот глагол отражает противостояние сторон. В первом примере с *заявлять* (*слышишь, она **заявляет**, что в этот вечер не была в театре*) неофициальный, домашний характер диалога сужает возможность употребления этого глагола (никто не уполномочен делать заявлений и объявлений). Глагол вводит здесь сообщение о факте (*не была в театре*), в то время как понимается в соответствии со своим типичным употреблением как сообщение о занятой субъектом позиции. Если говорящий представляет чьи-то слова не просто как информацию, а как занятую субъектом позицию, то он обычно имеет в виду и другую сторону.

Поскольку этой другой стороной (адресатом того, кто заявил) является здесь сам говорящий, то позиция субъекта противопоставлена его собственному представлению о ситуации, которое он считает истинным. Отсюда вытекает оценка слов субъекта как неистинных.

Однако несовпадение позиций — недостаточное условие для возникновения данного прагматического эффекта. Необходимы личное эмоциональное и *не безразличие* говорящего (автора) либо его эмпатия к адресату. Ср. примеры, где неистинность слов субъекта РА очевидна для читателя, однако глагол *заявить* в данном случае не указывает на истинностную оценку этих слов говорящим вследствие «бесстрастной» передачи РА:

*Набожная, а откровеннее сказать — суеверная Анфиса так напрямик и **заявила** очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство*

и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

*Как-то раз и я встретил человека, **заявившего**, что и вся Россия — не более чем мой комплекс* (А. Битов. Ясность бессмертия (воспоминания непредставленного)).

Приведу еще несколько примеров оценочного употребления *заявлять*:

*А мой внук **заявил** мне на прощание, что солидные профессии пусть приобретают мещане* (В. Аксенов. Звездный билет);

*Как возможно, что интеллигентный академик Р. публично **заявляет**, что сталинские репрессии были оправданы, а невинные пострадали, поскольку «лес рубят — щепки летят»?* (Новый мир, 1999, №1);

*Он, разумеется, экуменист, **заявляет**, что конфессиональные перегородки «до неба не доходят», а разницу между Православием и Католичеством видит в области не догматической, а этнографической* (М. Ардов. Архив НГ).

Говорящий может совпадать или быть солидарным не только с адресатом, как в вышеприведенных случаях, но и с субъектом. Проверим, возникает ли какой-нибудь прагматический шлейф в этом случае — когда фоном является позиция, не близкая говорящему, а *заявлять* вводит слова субъекта, не противоречащие его мнению. Например, *Она решительно **заявила**, что цена эта неслыханная и чтобы больше зелененькой я бы не смел ему давать* (М. Агеев. Роман с кокаином). Можно было бы ожидать, что глагол будет здесь симметрично намекать на какое-то положительное отношение говорящего к словам субъекта, но этого нет: его употребление совершенно нейтрально с этой точки зрения.

Видимо, в данном случае проявляется известная асимметричность языка при выражении положительных и отрицательных оценок. Сообщение, в истинности, правильности которого говорящий не сомневается, воспринимается языком как норма, и его истинность никак специально не маркируется.

Перейдем к глаголу *объявлять*.

Приведу еще пример, когда *объявлять* сигнализирует о неистинности слов субъекта:

*В № 4 альманаха «Черновик» (1990) он, помнится, **объявил**, что на- скальные рисунки — «это не рисунки»* (НМ, 9, 1998).

Напомню, что в анализируемом оценочном значении употребление *объявлять* ограничивается научными текстами. Между тем для ввода научных тезисов обычно используются другие глаголы: *доказывает, показывает, демонстрирует, обосновывает, устанавливает* и под., указывающие на нали-

чие ментальных или экспериментальных операций, которые подтверждают тезис, делают его убедительным или неопровержимым.

Нейтральные *пишет* или *говорит* тоже не исключают такого понимания, особенно когда подчиненная пропозиция оформляется как валентность темы, а не содержания; ср. *В своей статье он пишет о том, что глагол «гарцевать» пришел в русский язык из венгерского через польский.*

В отличие от них глагол *объявить*, в соответствии со своим основным употреблением (сообщение о факте), предполагает только провозглашение тезиса, притом поданного именно как сообщение о факте. Поэтому применительно к научным тезисам *объявлять* вносит коннотации голословности, нескромности, безапелляционности, сближаясь с глаголами *вещать*, *изрекать*. Это усиливается упомянутыми выше употреблениями *объявлять* в ситуации, когда многие ждут информации (*По радио объявили о приземлении самолета*), и особым «внушительным» тоном данного РА, с помощью которого охватывается много адресатов (как если бы субъект воображал, что многие жадно ловят его слова). Употребляя этот глагол, говорящий в целом создает впечатление неистинности слов субъекта РА.

Поэтому применительно к бесспорно установленным и признанным научным законам и фактам этот глагол не применяется. Странно звучало бы ?*Пьер Кюри объявил, что магнитная восприимчивость зависит от температуры.*

Выводы

Итак, оценочные смысловые наращения у глаголов передачи информации *заявлять* и *объявлять* возникают при определенных языковых и прагматических условиях. Перечислим их.

Это лексико-семантические факторы: наращения опираются на определенные компоненты значения именно этих глаголов;

- текстовые условия: определенное содержание подчиненной пропозиции у глагола *объявлять* — такой тезис, который необходимо доказывать, обосновывать, а не просто объявлять;
- прагматические факторы: безразличное отношение говорящего к данному РА для *заявлять*;
- условия общения: такой статус говорящего или такой речевой жанр, которые не требуют, чтобы говорящий делал заявления и объявления (разговорная, неофициальная речь для *заявлять* и научный тип речи для *объявлять*).

Нельзя не вспомнить в этой связи, что в других языках для выражения идеи дистанцированности от чужих слов используются, как известно, не

только лексические, но и морфологические средства. Таковы болгарский и другие языки Балкано-Западноазиатского ареала и еще некоторые [Куцаров 1984: 76—79]. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что семантика связанных с этим грамматических категорий достаточно разнообразна: слабое, несвидетельское знание; сомнение говорящего в истинности передаваемой им чужой речи; несогласие с ней и другие разнообразные модальные оттенки (Васева 2005: 21—50; Ницолова 2003). По-видимому, семантика подобных форм не всегда очевидна, так как иногда интерпретации разных лингвистов противоречат друг другу.

Так, например, в немецком языке при не прямой передаче чужой речи (т. н. косвенной речи) в придаточном предложении употребляется конъюнктив. При этом значение сослагательного наклонения в данном случае трактуется разными авторами по-разному³. Это отмечается, например, в грамматике [Hentschel, Weydt 1990: 108]: «Конъюнктив в не прямой речи, по мнению некоторых авторов, должен быть употреблен в разговорной речи тогда, когда говорящий отчетливо дистанцируется от приводимого высказывания: *Er hat gesagt, daß er die Grippe hätte. Sie hat behauptet, das sie euch gestern begegnet sei*. В противоположность этому Helbig / Buscha указывают, что связь между дистанцированностью от последующего высказывания и употреблением конъюнктива недоказуема».

В русском языке, как известно, морфологических средств выражения дистанцированности от чужих слов и недоверия к ним не существует. Обычно эти идеи выражаются лексически; ср., например, специальные частицы *будто*, *будто бы*, *якобы*, *мол*, *декабрь* в контексте РА-глаголов или РА-существительных. Проанализированные в статье слова выражают истинностную и общую оценку тоже лексически, но в менее прямой и очевидной форме, имплицитно, и к тому же при существенной поддержке прагматических факторов.

В какой мере можно считать оценочные значения уже сформировавшимися у всех проанализированных слов? Основным критерием при решении данного вопроса является количество и качество текстов, в которых встречаются такие слова в оценочном употреблении. В этом отношении имеют преимущества *заявлять* и *объявлять*. Хотя оба глагола в оценочном употреблении ограничены жанрово (*заявлять* — разговорной речью или ее имитацией в художественных произведениях, а *объявлять* — научной речью), тем не менее они встречаются в доброкачественных текстах. В отличие от них, прилагательные *спорный* и пр. встречаются в основном в политическом дискурсе,

³ За указание на этот факт и соответствующую литературу благодарю профессора W. Gladrow.

который трудно признать образцовым с языковой точки зрения. Поэтому в настоящее время можно только констатировать, что у глаголов *заявлять* и *объявлять* оценочное значение сформировано в большей мере, чем у прилагательных.

Литература

- Васева 2005 — *И. Васева*. Преизказване. Чужда (неавторска) реч. София, 2005.
- Гловинская 2004 — *М. Я. Гловинская*. Словарная статья синонимического ряда **сообщать 1...** // *Ю. Д. Апресян и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004.
- Гловинская 2005 — *М. Я. Гловинская*. Неконвенциональная оценка в русских речевых актах // *Болгарская русистика*. 2005. № 3—4. С. 14—21.
- Гловинская 2006а — *М. Я. Гловинская*. Эксплицитное и имплицитное в семантике русских речевых актов // *Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов: Мат-лы междунар. науч. конф. 15—17 сентября 2005 г.* Калининград, 2006. С. 137—147.
- Гловинская 2006б — *М. Я. Гловинская*. Неконвенциональная оценка у безоценочных слов — система или узус? // *Проблемы языковой нормы: Тезисы докл. междунар. конф. Седьмые Шмелевские чтения*. М., 2006. С. 36—40.
- Куцаров 1984 — *И. Куцаров*. Преизказването в българския език. София, 1984.
- Левонтина 1995 — *И. Б. Левонтина*. Слова-свидетели // *Мова тоталитарного суспільства*. Київ, 1995. С. 93—1993.
- Ницолова 2003 — *Р. Ницолова*. Семантическая гиперкатегория «характеристика говорящим сообщаемой информации» и ее связь с временем и лицом глагола // *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие*. Мат-лы междунар. научн. конф. Санкт-Петербург 22—24 сентября 2003 г. СПб., 2003. С. 108—112.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Шмид 2003 — *В. Шмид*. Нарратология. М., 2003.
- Hentschel, Weydt 1990 — *E. Hentschel, H. Weydt*. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin; N. Y., 1990.
- Leech 1983 — *G. H. Leech*. Principles of Pragmatics. London; N. Y., 1983.

ДЕЙСТВИЯ, ПРОИСШЕСТВИЯ, СОСТОЯНИЯ ИЛИ ОЩУЩЕНИЯ?

Е. Л. Григорьян

Семантическая категория действия относится к числу особо значимых для синтаксиса: с одной стороны, этот семантический признак (иногда представляемый как сумма более элементарных признаков) широко применяется в классификациях предикатов и, соответственно, типов обозначаемых ситуаций, с которыми в свою очередь связаны особенности синтаксических структур; с другой стороны, этот признак входит в толкование ряда синтаксически значимых понятий, прежде всего агентивности.

Если противопоставлять действие другим категориям того же плана, следует отметить некоторые специфические черты:

- (1) действие предполагает наличие деятеля;
- (2) действие динамично;
- (3) действие, по крайней мере прототипическое, предполагает намерение и контроль.

Эти признаки не только связаны между собой, но и вытекают из других признаков: так, признаки (1) и (3) предполагают внутреннюю каузацию, т. е. обозначаемое глаголом движение или изменение представляется как следствие внутреннего импульса, а не как результат внешнего воздействия (некоторые авторы формулируют это как «использование собственной внутренней энергии»).

Последний пункт заслуживает отдельного рассмотрения: действительно, в лингвистической литературе нет единого мнения, являются ли намерение и контроль обязательными и определяющими характеристиками действия и где проходит граница между действием и не-действием. У многих, а возможно, у большинства авторов, ненамеренная каузация расценивается именно как действие: [Wierzbicka 1980; Зализняк 1985] и мн. др. Предполагается, что и в таком случае присутствует воля и контроль. Как сформулировано в [Зализняк 1985], ненамеренное действие — это действие, результат которого не совпадает с намерением. Машинальные, механические, неосознанные действия также относятся к действиям: «В них эквивалентом намерения, осуществ-

ляющего внутреннюю каузацию, являются разного рода стереотипы и программы — например, при ведении машины по привычному маршруту» [Там же: 62]. А. Вежбицкая также связывает ненамеренные и непроизвольные действия с волей, хотя бы в какой-то степени: «some of the doer's body movements... seem to be either wanted or at least allowed» [Wierzbicka 1980]. С этой точки зрения дыхание, например, является действием, т. к. человек может задержать дыхание [Там же: 178] — впрочем, в последнем случае, по-видимому, следует говорить скорее о контроле, нежели собственно о намерении.

Однако ряд лингвистов не относят случаи ненамеренной и тем более неконтролируемой каузации к действиям. Так, [Падучева 1994] и, продолжая эту линию, [Розина 2000] квалифицируют подобные ситуации как «происшествия» в противоположность действиям, и для этого есть основания: такие предложения описывают не столько «что сделал» соответствующий партиципant, сколько «что случилось» или даже в каком (душевном) состоянии он находился, что он ощутил или почувствовал.

При рассмотрении данного вопроса необходимо обратиться к языковым явлениям: что язык объединяет, а что дифференцирует, в частности, грамматически? Для исследования этой проблемы весьма показателен материал производных диатез, «смещающих» агенс с позиции подлежащего. В этом контексте перспективен подход, принятый в ряде работ Е. В. Падучевой, который базируется на представлении о взаимосвязи семантики предиката (которому соответствует определенный тип ситуации) и ролевой семантики актантов, образующих определенную синтаксическую конфигурацию. Таким образом, за диатезным преобразованием стоит сдвиг в осмыслении типа ситуации и ролевой семантики актанта.

В то же время во многих языках, в том числе в русском, глаголы, обозначающие действия, как правило, могут обозначать и другие процессы и явления, в том числе результат воздействия извне, а также состояния, возникшие в результате действия или вызванные другими причинами; кроме того, многие синтаксические конструкции неоднозначны в плане их прочтения как действий или не-действий, а также ролевой семантики актантов.

Однако не все значения, возможные для той или другой синтаксической конструкции, равноправны: существует основное, нейтральное, прототипическое прочтение. Так, нейтральной для изображения действия является конструкция с одушевленным подлежащим, которое (при глаголе с подходящей семантикой) интерпретируется как агенс. Возможны также и иные прочтения данной конструкции, но они должны либо однозначно вытекать из контекста, либо следовать из наших знаний о мире.

Основным материалом нашего исследования являются производные диатезы действительного залога, в которых подлежащим является не агенс, а

средство (орудие и актанты сходной ролевой семантики); также будут попутно привлечены некоторые иные типы диатез, проявляющих аналогичные свойства. Эти структуры примечательны тем, что имеют больше одного значения и могут выполнять несколько различных функций; в различных употреблениях они могут быть по-разному охарактеризованы с точки зрения акциональности, причем не всегда однозначно.

Во-первых, структуры такого типа широко используются в художественной литературе как чисто изобразительный прием, когда агенс устраняется из предложения, при том что несомненно присутствует в денотативной ситуации. Невыраженность агенса в конкретном предложении, исключение его из «кадра» может определяться восприятием наблюдателя (т. е. рассказчика или персонажа, с точки зрения которого представлена ситуация). Часто устраняется партиципant, не входящий в поле зрения:

- (1) *Через минуту возле его правого уха **ступил** в лужу большой, тяжело-весный сапог* (Чехов).

Ситуация дана глазами человека, лежащего на земле. Ср. при нейтральном описании события: *ступил сапогом в лужу управляющий*.

- (2) *Через полчаса зверь высунул из травы мокрый черный нос, похожий на свиной пяточок. **Нос** долго нюхал воздух и дрожал от жадности* (Паустовский).

В поле зрения наблюдателей попадает только нос, в то время как сам обладатель носа не виден в траве. Ср.: *Зверь нюхал воздух...*

- (3) *Далеко за лесом **играла свирель** возвращавшегося пастуха* (Чехов).

Такое предложение вряд ли применимо для ситуации, когда пастух виден (находится в поле зрения). Ср. возможное для описания обеих ситуаций: *играл на свирели пастух*.

- (4) *Но окончательно его сердце упало, когда он услышал, что в замке двери тихонько **поворачивается** английский ключ* (М. Булгаков).

Точно так же человек, поворачивающий ключ, невидим для персонажа, восприятие которого передается.

- (5) *Дунчиль качнулся и, кажется, хотел повалиться, но чьи-то участливые **руки подхватили** его* (М. Булгаков).

Аналогично предыдущим примерам, персонаж (Дунчиль) не видит, кто именно его подхватил.

- (6) [*Парикмахер набрал в ладонь жидкого мыла.*] *Вкусный холодок прошел по макушке, **пальцы** крепко **втирали** густую пену, — а потом*

грянул ледяной дуи, екнуло сердце, мохнатое полотенце заработало по лицу, по мокрым волосам (Набоков).

- (7) *Ему удалось очень плотно и ладно ударить куда-то, — куда — он не видел, — но тотчас множество кулаков, справа, слева, куда ни сунься, продолжало его обрабатывать* (Набоков).

Примеры этого рода многочисленны также в английском и французском материале:

- (8) *As she stood in the doorway an umbrella opened behind her* (Hemingway).
 (9) *They rolled in dew and an elbow struck him smartly under the chin* (W. Faulkner).
 (10) *...invisible below him in the pit the shovel rasped and scraped on wood* (W. Faulkner).
 (11) *Steps came rattling up the companionway. A hand knocked on the door* (Greene).
 (12) *A gauche, où l'on creusait une tranchée pour une troisième rangée de croix, la pioche d'un ouvrier rejetait en l'air de la terre noire qui retombait sur le blanc du remblai* (Goncourt).
 (13) *Tandis que je me couche, un coup de poing ébranle ma porte derrière laquelle piétinent au moins quatre souliers* (Bazin).

В приведенных примерах дан фрагмент ситуации, видимый, доступный непосредственному ощущению или слуху. Таким образом, описываются не столько события или чьи-либо действия, сколько ощущения: не «что произошло», а «что увидел (услышал, почувствовал)» рассказчик или персонаж. Естественно, что во всех приводимых текстах соответствующий персонаж находится в фокусе эмпатии. Действие осмыслено как перцептивное событие, причем наблюдателем и экспериентом является не фактический деятель (как правило, выведенный за кадр), а рассказчик или персонаж.

Однако аналогичное диатезное преобразование может быть связано со значением ослабленного контроля, причем во многих случаях в этом же значении может быть использована и нейтральная (исходная) диатеза с агентивным подлежащим.

- (14) *Правая рука его, опиравшаяся на колено, вяло дотронулась до клавишей. Вышел какой-то аккорд, другой, третий...* (Л. Толстой).

Ср. *он дотронулся (правой рукой) до клавишей...*

Описано неосознанное действие человека, погрузившегося в задумчивость, что также подтверждается фразой *вышел какой-то аккорд*, описывающей результат как не зависящий от воли и усилий.

- (15) *Задавши себе такой глубокомысленный вопрос, Иван Иванович задумался, а между тем глаза его отыскивали новые предметы, перешагнули через забор в двор Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытным зрелищем (Гоголь).*

Ср. *А между тем он (глазами, взглядом) отыскал новые предметы.*

- (16) *Улыбка еще играла на его лице, еще слова какого-то анекдота договаривали его губы... Вдруг Ликоспастов стал бледен и как-то сразу постарел (М. Булгаков).*

Для данной ситуации вполне возможно, без акцентирования ослабленного контроля, *он еще договаривал слова...*

- (17) *He rocked it [the child] faster while his eyes began to read the second stanza (Joyce).*

Ср. *while he began to read.*

- (18) *Quiet descended on her, calm, content, as her needle, drawing the silk smoothly to its gentle pause, collected the green folds together and attached them, very lightly, to the belt (V. Woolf).*

- (19) *Elle passe la main sur le veston, sans le regarder. Ses doigts cherchent les trous à l'aveuglette (Sartre).*

Разумеется, такие ситуации не могут быть приравнены к типично неконтролируемым положениям дел, типа болезни или обморока: чтение, шитье, игра на рояле, естественно, не являются независимыми от человека неуправляемыми процессами. Примечательно, что подобные слабоконтролируемые (или не вполне контролируемые) действия могут даже быть намеренными, как в примерах (16)—(19). Представляется, что в данных примерах ситуация все же осмыслена как действие. Однако часто подобные конструкции, т. е. выдвигающие в качестве подлежащего актанта, обозначающий средство (орудие, часть тела и т. п.), не столько описывают действие, сколько указывают на внутреннее состояние деятеля, мысленно сосредоточенного не на своем действии или же наблюдающего собственные действия как бы со стороны.

В таких же структурах значение контроля может быть ослаблено еще более, действие может быть представлено как неожиданное для фактического производителя:

- (20) *И тут я сам не заметил, как руки мои открыли ящик, где лежал злополучный роман (М. Булгаков).*

- (21) *Чувствуя, что язык бормочет вовсе не то, что хотелось бы высказать, приказчик махнул рукой (Чехов).*

- (22) *Montag stood there and waited for the next thing to happen. **His hands, by themselves, like two men working together, began to rip the pages from the book*** (Bradbury).
- (23) *Montag's **hands picked up** the Bible. He saw what his hands had done and he looked surprised* (Bradbury).
- (24) ***His voice spoke** out of a storm and he hardly knew he was using it* (Golding).
- (25) *Et, dans son affreux rêve, son corps aussi rêvant, **ses pieds se mirent à marcher**. Son pas alla devant elle, descendit le passage, prit la rue, la mena chez l'épicier* (Goncourt).

Нередко речь идет не столько о действиях, сколько о неосознаваемых внутренних импульсах и порывах:

- (26) *Постоянно застегнутый на все пуговицы и имея наготове фуражку и перчатки, он представлял собой тип градоначальника, у которого **ноги во всякое время готовы бежать** неведомо куда* (Салтыков-Щедрин).
- (27) *As she came home, up the hill, looking away at the town dim and blue on the hill, her heart relaxed and became yearning. She did not want to fight him any more... **Her feet began to hurry**. She wanted to get back to him* (Lawrence).

Наконец, конструкции этого типа могут представлять действие, противоположное намерению, не поддающееся усилиям человека, то есть в прямом смысле неконтролируемое, причем данное значение особо подчеркнуто:

- (28) *...**руки заработали** с а м и с о б о й, и удержать их было невозможно* (В. Распутин).
- (29) *Но едва он сделал шаг, едва услышал издали веселый разговор дочери, как **ноги его по ч е м у - т о не пошли** дальше* (Г. Успенский).

Ср. *Он не пошел дальше.*

- (30) *Кузьма побледнел и с ужасом подумал: «Сейчас брошу образа на пол»... Но **руки его невольно сделали** иконой крест в воздухе...* (Бунин).
- (32) *... This time he did not even know where the thing [the pistol] was aimed when it jerked and roared... only now, almost too late, springing in one frantic convulsion to catch **his hand** back before **it cocked and fired** the pistol on the last remaining cartridge by a simple reflex* (W. Faulkner).
- (33) *He had got to ask it, and yet it was as though **his tongue could not utter it*** (Orwell).

Естественно, так могут описываться только такие действия, которые являются в принципе контролируруемыми, то есть полностью управляемыми деятелем в обычных стандартных случаях. Как видно из примеров, действие нередко изображается так, будто части тела или орудия действуют независимо от человека, причем соответствующие актаны могут приобретать квазиагентивное значение, как в (20)—(25). С помощью подобных конструкций «ответственность» за подобные действия (или, возможно, происшествия) может приписываться другим партиципантам, нежели агенс, как в (22), (23).

В русском и во французском языках, кроме того, для выражения ослабленного контроля и неконтролируемых действий используются конструкции с возвратными глаголами, полностью аналогичные рассмотренным выше и хорошо описанные в литературе:

- (33) *Он звал кого-то, торопливо **действуя руками**, которые, очевидно, **размахивались** гораздо далее, чем он сам того хотел* (Тургенев).
 (34) ***Спина** его мгновенно **согнулась**, **лицо** моментально прокисло, **голос** замер, **руки опустились** по швам* (Чехов).

Таким образом, описывается не действие, а перемена внутреннего состояния. Ср. *он согнул спину, опустил руки по швам*.

Характер подобных конструкций отчетливо проявляется в тех случаях, где они противопоставлены агентивным структурам:

- (35) *Арина Петровна встретила сыновей торжественно, удрученная горем. Две девки поддерживали ее под руки; седые волосы прядями выбились из-под белого чепца, **голова понурилась и покачивалась** из стороны в сторону, **ноги** едва **волочились**. Вообще она любила в глазах детей разыграть роль почтенной и удрученной матери и в этих случаях с трудом **волочила ноги** и требовала, чтобы ее поддерживали под руки девки* (Салтыков-Щедрин).

Во втором вхождении *волочить*, так как речь идет о намеренном, контролируемом действии, невозможно *и в этих случаях с трудом *волочились* ноги.

- (36) *Les mains... **ne se desseraient pas**. Sarriette dut faire un violent effort pour les détacher* (A. France).
 (37) *Mais aux instants difficiles **la phrase s'interrompait** et il ne savait pas s'il aurait le courage de poursuivre* (Rolland)

Ср. *il interrompait la phrase*.

В английском языке в этой функции также возможно использование рефлексивов, однако чаще употребляются так называемые симметричные глаголы, то есть не меняющие своей формы в том случае, если подлежащим становится объект действия; во многих отношениях они аналогичны рефлексивам.

- (38) *One evening as he was about to put a morsel of corned beef and cabbage into his mouth **his hand stopped. His eyes fixed themselves on a paragraph in the evening paper which he had propped against the water-carafe** (Joyce).*

В данном примере представлен как рефлексив — сочетание с возвратным местоимением, — так и симметричный глагол stop.

Ср. два варианта описания ситуации в следующем примере:

- (39) «*My feet*», said Montag. «*I **can't move them. I feel so damn silly. My feet won't move***» (Bradbury).

В русском языке возвратные конструкции подобной семантики могут быть и безличными, действие в таком случае описывается как произвольное:

- (40) *Он и без того отлично знает, что Меркулов дневалит, и предложил этот вопрос ни с того ни с сего, без всякого интереса; просто так себе, **спросилось** (Чехов).*
- (41) *Я не хочу пить, да оно как-то само собой **пьется** (Чехов).*
- (42) *У меня и в мыслях не было тебя попрекать. С а м о **сказалось** (Распутин).*
- (43) ***Крикнул** я тогда без намерения, даже за секунду не знал, что так крикну: с а м о **крикнулось**... (Достоевский).*

В последнем случае одна и та же ситуация описана двумя способами: как действие человека и как независимое от него стихийное проявление.

Кроме того, некоторые ситуации могут получить альтернативные описания как действия человека или как независимый от него процесс, уподобленный воздействию извне, — в последнем случае подчеркивается независимость от воли. В этом значении используются безличные конструкции, причем фактический производитель действия оформляется как объект:

- (44) *Алферов не сопротивлялся, но так **качало** его, что Ганин с трудом направлял его шаги (Набоков).*

Походка пьяного вполне может быть описана формой, близкой к действию: *качался*, но в данном случае независимость процесса от субъекта подчеркнута его уподоблением результату воздействия внешней силы, а не внутреннего импульса.

- (45) *Его, казалось, все занимало, но как-то так случилось, что ко всему он по большей части оставался равнодушен и только так **слонялся по острогу без дела, метало** его туда и сюда (Достоевский).*

Таким образом, в языке представлена определенная градация от полностью контролируемых действий до «представления действия как самодов-

леющего, независимого от человека события» [Арутюнова 1998: 806]. Действия с ослабленным, неполным контролем образуют некоторый диапазон — от действий, на которых человек не сосредоточен мысленно или результат которых не совпадает с ожидаемым, вплоть до действий, не совпадающих с намерением и не поддающихся усилиям, и до неуправляемых и неосознанных внутренних порывов, уподобленных воздействию извне. Характерно, что почти весь спектр ситуаций с ослабленным контролем выражается при помощи одних и тех же синтаксических структур, устраняющих агенса с позиции подлежащего, иногда вообще оставляющих неназванным соответствующий партиципий. Таким образом, рассмотренные выше структуры образуют некий смысловой континуум от явных действий до «происшествий» (как правило, «перцептивных происшествий», как они названы в [Розина 2000]) и даже чисто внутренних состояний. (Точнее, внутреннее состояние нередко описывается через указание на действие, а реальное действие может быть интерпретировано как «происшествие» в широком смысле.) Характерно, что подобные конструкции и, соответственно, подобные способы описания получили распространение именно в художественной литературе XIX—XX веков, во многом построенной на описании внутреннего мира человека и моделирующей субъективное восприятие.

Следует отметить еще одну альтернативу в передаче характера ситуации: возможно изображение одной и той же ситуации как действия или же как состояния, возникшего в результате действия (или процесса). На синтаксическом уровне этим двум случаям соответствуют различные диатезы. Статальное и результативное значения пассива общеизвестны и постоянно отмечаются в литературе. Однако то же характерно и для других диатез с устранением агенса (или понижением его ранга) и выдвижением иного подлежащего. Выбор одного из двух возможных способов описания ситуации не в последнюю очередь связан с временной организацией текста. Для художественных текстов может быть существенно, что состояние синхронно описываемому в тексте моменту «времени наблюдателя» [Падучева 1996], тогда как приведшее к состоянию действие предшествует ему и может находиться за временными рамками текста:

(46) *А рядом с мужчиной, по ту сторону тележки, сидела женщина высокого роста, прямая как стрела. Голову ее покрывала дорогая черная шаль...* (Тургенев).

В описываемый момент, то есть когда рассказчик увидел женщину, шаль была у нее на голове; действие «женщина покрыла голову шалью» предшествует описываемому моменту.

- (47) *Тут я оказался в шатре. Зеленый шелк **затягивал** потолок, радиусами расходясь от центра, в котором горел хрустальный фонарь* (М. Булгаков).

Ср. «потолок затянули шелком», что описывало бы предшествующее по времени действие, а не положение, представшее перед глазами рассказчика.

В подобных случаях характерно неупоминание агенса, так как он отсутствует в описываемый момент (хотя и присутствовал в предшествующей ситуации). Те же положения вещей могли бы быть описаны и пассивными конструкциями типа *голова была покрыта шалью, потолок был затянут шелком*. Расхождение видовых форм в примерах (46)—(47) и контрпримерах соответствует различию статальности — динамичности.

Тем не менее в текстах распространено описание состояния через указание на предшествующее действие:

- (48) — *Зная Ивана Васильевича двадцать восемь лет, — вдруг шамкала какая-то старуха, у которой **моль выела** на берете дыру...* (М. Булгаков).

Моль отсутствует в описываемой в тексте ситуации, синхронное временному плану состояние — «в берете была дыра».

- (49) *Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях, серый берет он лихо **заломил** за ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя* (М. Булгаков).

Названное в предложении действие «заломил» предшествует временному плану текста; в данном случае через указание на действие описывается возникшее в результате состояние (как выглядел берет на голове).

Такой способ описания, как уже отмечалось, создает динамическое видение ситуации. Тот же эффект показа реально статического положения предмета как динамического может достигаться и другими средствами, ср.

- (50) *Другой стул, что стоял у постели и служил ночным столиком, **исчезал** под черным пиджаком, павшим на него словно с Арарата, так он тяжело и рыхло **сел*** (Набоков).

Эффект достигается как использованием динамического глагола *исчезать*, так и формой совершенного вида глагола *сел*; то же относится к формам вида в предыдущих примерах (48) и (49).

Нередки примеры, допускающие обе интерпретации — и как состояние, и как процесс.

- (51) *Снег совсем облетил ее голову* (Чехов).

Пример может интерпретироваться и как сообщение о процессе, и как указание на состояние, то есть «голова была в снегу».

Явление того же порядка — часто отмечаемая двойственность сочетаний глагола *быть* со страдательным причастием прошедшего времени, характерная для многих языков. Такие сочетания могут обозначать как процесс, так и состояние; например, *Он был перевязан бинтами* может описывать действие, то есть «его перевязали», а может интерпретироваться как сообщение о состоянии, то есть «он был в бинтах». Примечательно, что неоднозначность такого рода может не менять содержания текста независимо от выбранного прочтения.

В английском и французском языках эти два значения могут дифференцироваться видо-временными формами, ср.:

- (52) *The cotton which **half-filled** the bed of the pickup truck **had been covered** for the night with tarpaulin, so he didn't even need the quilt* (Faulkner).

В первом случае указывается на наличное состояние, синхронное времени восприятия персонажа, во втором — на предшествующее действие, которое восстанавливается на основе наблюдаемого результата: поверх хлопка был брезент. Впрочем, формы типа Past Perfect Passive могут указывать не только на предшествующее действие, но и на предшествующее состояние, ср.:

- (53) *The jug **had evidently been once filled** with water, as it was covered inside with green mould* (Wilde).

Примечательно, что в подобных случаях формы могут быть взаимозаменяемы при указании на одну и ту же денотативную ситуацию:

- (54) *The paper had the appearance of a rough map. By much folding it **was creased and worn** to the pitch of separation, and the second man held the discoloured fragments together where they **had parted*** (Wells).

Стоит отметить последнюю форму *had parted*: в том же контексте при сохранении содержания могло быть *parted*, хотя способ показа был бы другой. Ср. аналогичный французский пример:

- (55) *Les serrures de tous ses jolis petits coffres **avaient été brisées**; plusieurs feuilles de parquet **étaient soulevées*** (Stendhal).

В первой части ситуация описана через указание на предшествующее действие, во второй — через наблюдаемое состояние: примечательно, что могло быть наоборот.

Состояние, совпадающее с временным планом текста, может описываться с указанием на некоторые характеристики предшествующего действия, что довольно часто встречается в пассивных конструкциях.

- (56) *Рукописная газета была наполовину оборвана какой-то вражеской рукой и все время заголялась ветром* (Платонов).

Моменту, описываемому в тексте, соответствует ситуация, которая предстала перед глазами персонажей, — оборванная газета; элемент предшествующей ситуации — вражеская рука — восстанавливается, вернее, домысливается по наличному состоянию.

- (57) *Мой дядя Петр Демьяныч... заметил, что переплет его синтаксиса изъеден мышами* (Чехов).

Здесь тоже совмещено указание на состояние, синхронное моменту восприятия дяди — «изъеден» (указание на соответствующее действие имело бы форму «был изъеден» (см. подробно [Гаврилова 1998]); тем не менее упоминаются мыши, связанные с предшествующим действием и отсутствующие в описываемой ситуации.

Таковы же следующие английские примеры:

- (58) *The paper had the appearance of a rough map. By much folding it was creased and worn to the pitch of separation...* (Wells).

Описывается внешний вид карты на момент повествования.

- (59) *I know where it is hidden, and for what purpose* (Wilde).

В последнем примере *is hidden* указывает на местонахождение, т. е. на статическое положение, актуальное в момент речи (иначе было бы *was hidden*), тогда как упомянутая далее цель относится к предшествующему действию.

Примеры (56)—(59) представляют собой совмещение двух способов показа ситуации.

Рассмотренные выше категории — действие, состояние, происшествие и т. п. — не являются характеристиками реальности, т. е. не предопределяются ею однозначно, а представляют собой способы концептуализации. Для реальных ситуаций (положений дел), как правило, возможны альтернативные способы представления, хотя для конкретной ситуации не все концептуализации одинаково вероятны, а некоторые могут быть и вовсе исключены.

С перечисленными категориями связаны определенные синтаксические конструкции, но эти связи и соответствия не являются жесткими и однозначными.

Кроме того, ситуация может быть охарактеризована косвенно, через указание на смежную ситуацию — своего рода метонимический прием. Так, действие может подразумеваться при указании на связанное с ним состояние, и наоборот. Статичность и динамичность также могут расцениваться как способы представления ситуаций.

Литература

- Арутюнова 1998 — *Н. Д. Арутюнова*. Язык и мир человека. М., 1998.
- Гаврилова 1998 — *В. И. Гаврилова*. Краткое причастие на *-н/-т* как форма стательного вида страдательного залога // Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 99—114.
- Зализняк 1985 — *Анна А. Зализняк*. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Падучева 1994 — *Е. В. Падучева*. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы // *Russian linguistics*. 1994. Vol. 18. № 1. С. 1—16.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Розина 2000 — *Р. И. Розина*. От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // *Рус. яз. сегодня*. Вып. 1. М., 2000. С. 418—432.
- Wierzbicka 1980 — *A. Wierzbicka*. *Lingua Mentalis*. Sydney et al., 1980.

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ КРАСОТА*

В. З. Демьянков

И то же в вас очарованье...
Тютчев

Предмет статьи заслуживает гораздо большего объема, чем данная заметка. Еще большего заслуживает очарование Е. В. Падучевой — личности и замечательного ученого.

Здесь мы рассмотрим только употребление эпитета *очаровательный* в русской (художественной и — значительно реже — в научной и политической) литературе на протяжении последних трех веков.

Очаровательный — разновидность «аттрактивов», употребляемых, когда говорят, что предмет «показывает» себя красивым, **привлекает** внимание (привлекателен), **пленяет** взор (пленителен), **очаровывает** его (очарователен), **прельщает** своею красотой (прельстителен). «Аттрактивы» противопоставляются именованию «пассивной» красоты, которые представляют дело так, что человек смотрит на предмет и видит его выдающиеся качества. Например, производные от корня *вид-* (*благовидный, благообразный, видный*) и *з(о)р-* (*благозрачный, взористый, взрачный, доброзрачный*), см. [Демьянков 2004].

Как показывает анализ очень большого корпуса текстов русской художественной литературы, из трех эпитетов — *пленительный, очаровательный* и *прелестный* — *очаровательный* занимает среднюю позицию, упоминаясь в полтора раза реже, чем *прелестный*, но все же заметно чаще, чем *пленительный*.

Эпитет *очаровательный* (и даже имя существительное *очарователь*), как и *пленительный*, хорошо вписывался в узус конца XVIII — начала XIX в., когда прилагательные на *-тельный* в большом количестве вошли в русский язык. Тогда появились, напр.: *бездоказательный, мыслительный, обворожительный, подготовительный*. Некоторые из прилагательных на *-тельный* сохраняли соотносительность с причастиями и имели процессуальное значение

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ по исследовательскому проекту (грант № 04-04-213а) «Лексикон эстетической оценки», руководитель — чл.-корр. РАН Н. Д. Арутюнова.

вплоть до середины XIX в. Напр., *гасительный*, *незамечательный*, *разыскательный*, *стеснительный*, *угодительный* были синонимами причастий: *гасящий*, *не замечающий*, *разыскивающий*, *стесняющий*, ср.:

Врагу стеснительных условий и оков, / Не трудно было мне отвыкнуть от пиров (Пушкин, Чаадаеву);

А разыскательный лорнет? А закулисные свиданья? (Пушкин, Евгений Онегин).

Соотносительность с причастиями постепенно утрачивается к середине XIX в., когда категория процессуальности закрепляется за причастием. Подробнее см. [Филин 1981: 17 и сл.].

Сочетание *очаровательная прелесть* в свое время клишировалось и встречается у самых разных авторов. Напр., у С. Т. Аксакова и — значительно реже — у А. С. Пушкина:

Мы остались одни; унесли кожу и подушки, и остров получил для меня свою прежнюю очаровательную прелесть (Детские годы Багрова-внука);

В нем все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии (А. С. Пушкин).

Продолжена эта традиция и в конце XX — начале XXI в.¹, особенно в женских детективах².

Поскольку встречаются контексты, в которых представлены одновременно все три эпитета — *пленительный*, *очаровательный* и *прелестный*, — мы можем сделать вывод о несинонимичности и неантонимичности этих трех единиц.

Более того, обладают они различной динамикой употребимости. *Пленительный* сегодня употребляется все реже, мода на него, вспыхнувшая в XIX в., постепенно проходит, а вот *очаровательный* — один из любимых эпитетов XX в., вплоть до последнего времени. Его употребительность увеличивается каждые 50 лет примерно в 2—3 раза.

1. Управление

Наш эпитет обладает как минимум тремя возможностями управления:

— творительным падежом, как у глагола *очаровать*; это управление особенно часто встречается при характеристике внешности:

¹ Напр.: *Простота и неброскость ореховой рамы лишь подчеркивает очаровательную прелесть пейзажа и колористический блеск лессировки* (Саша Соколов).

² Напр.: *Очаровательное личико почти не утратило своей прелести, только румянец, так нежно украшавший раньше Дашины щеки, заметно поблек* (А. Б. Маринина).

*Танцы начались с вальса, и на этот вальс Аггей Никитич, в новом, с иголки фраке, пригласил очаровательную аптекаршу, которая поистине была **очаровательна, если не лицом, то туалетом**, отличавшимся не роскошью — нет, — а вкусом (А. Ф. Писемский); ср.:*

*Она очаровательна не одной **юностью**: она по-настоящему хороша (М. А. Осоргин);*

в частности — красивой внешности, то есть «красы»:

Но, ах, красой очарователь, / Мой сын, не будь, как он, предатель! (В. А. Жуковский).

Творительный при имени на *-тель* — явный признак ушедшей эпохи, когда *очаровательный* еще воспринималось как «квазипричастие», отглагольное производное, сохраняющее управление глагола;

— предлогом *в*, особенно при характеристике манер, напр.:

*Очень часто, и надобно сказать — **очарователен в обращении**: умен, остер, любезен, вежлив... (А. Ф. Писемский);*

— предлогом *по* с наиболее широким спектром употребления, напр.:

*Во-вторых, это был совершенно не тот характер как прежде, то есть не что-то робкое, пансионски неопределенное, **иногда очаровательное по своей оригинальной резвости и наивности**, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недоверчивое, плачущее и беспокойное (Ф. М. Достоевский).*

На границе XVIII—XIX вв. и в XIX в. конструкция *очаровательный + в + имя качества или свойства* употреблялась значительно чаще аналогичной конструкции с предлогом *по*, ср.:

...лишняя страсть к благу общему, часто вредная, но очаровательная в великодушии своем! (Д. В. Давыдов);

...женщина очаровательная во всех отношениях (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Однако предлог *в* чаще всего употреблялся только в рамках обстоятельства места или времени, т. е. не в конструкции с эпитетом, напр.:

Всё, что представить можно обольстительного, нежного, фантастического в пейзаже, самом очаровательном в мире; ...быв очаровательным в свое время, в весьма скорое потом становится омерзительным (Ф. М. Достоевский).

В XIX в., а особенно на границе XIX и XX вв., все чаще начинает употребляться предлог *по*: *...не что-то робкое, пансионски неопределенное, ино-*

гда очаровательное по своей оригинальной резвости и наивности... (Ф. М. Достоевский); *Возвратившись в очаровательную по чистоте, но чрезвычайно скромную по обстановке комнатку* (К. Антарова). Но в XX в. и вплоть до настоящего времени со значительным превосходством лидирует предлог *в*, ср.: *Наташенька, вы очаровательны в своей наивности* (А. Б. Маринина). Современные авторы не боятся неясности роли предлога *в* (как «слуги» прилагательного *очаровательный* и как части обстоятельства места или времени) в таких предложениях. Свойства или проявления характера воспринимаются поэтому как рядоположенные надеваемой одежде.

Немногочисленные примеры употребления предлога *по* в XX в. хотя и отмечаются словарями как типичные (напр.: *Красивый, очаровательный по внешности* [Ушаков 1934—1940]), но встречаются лишь изредка, напр., в 1960-е гг.: *Они очаровательны по своей непосредственности и правдивой простоте* (Б. Кремнев).

2. Области денотации

Эпитет *очаровательный* допускается для характеристики различных сущностей. Мы приводим по одному примеру на каждый тип, опуская заведомо более поздние повторы.

2.1. Кто очарователен?

Характеристики, формулируемые с помощью нашего эпитета, обладают следующими свойствами.

1. Очарование приписывается действующим существам как постоянный или как временный признак.

Например, временный признак внешности описывается конструкцией «выглядеть очаровательно», синонимичной «обладать очаровательной внешностью»: *Но кукла **выглядела так очаровательно**, что сердиться было очень трудно* (Ю. Олеша).

Но не внешность, а весь душевный облик бывает очаровательным, когда «стараются или умеют быть» очаровательными:

*Теплом веяло лишь от отца и порой, как ни странно, от Пашки, который **умел быть очаровательным**, если ему нужно было от предков нечто существенное: новая машина, финский гарнитур, поездка в Англию* (Ю. Нагибин);

*АА [Анна Андреевна Ахматова] говорит, что он **может быть очаровательным**, милым, добрым...* (П. Н. Лукницкий).

Глядеться очаровательным или очаровательной допускают обе трактовки, но первая интерпретация все-таки — как оценка внешности: *Вошедшие в нынешнем десятилетии в моду разноцветные избыточные банты, ленты, пряжки и кружева на мужских костюмах, столь естественные для придворных с неестественными пристрастиями, вроде Рика, особенно очаровательно гляделись на здешних помещиках, любителях псовой охоты, петушиных боев и светлого пива* (Н. Резанова).

2. Прототип очарования — утонченное и/или субтильное существо. Особенно часто — существо женского пола:

...назначил хозяйкою очаровательную красавицу — жену одного из уездных предводителей (Н. С. Лесков);

Для вас, щелкоперов, всякая очаровательная, только бы юбка болталась (Ф. М. Достоевский).

А также — дитя:

...потому что мой маленький друг Харита — очаровательнейшее дитя (Н. С. Лесков).

Представители некоторых наций традиционно считаются очаровательными — особенно те, чей стереотип ассоциируется с субтильностью и утонченностью, возможно, даже эфеминированностью:

...улыбаясь, твердили мне, что все это вздор, выдумка, клевета на очаровательных французов (Н. С. Лесков);

Японцы очаровательны (Ф. И. Шаляпин);

Слушали очаровательных, милых и веселых итальянцев (Ф. И. Шаляпин).

Очаровательный громила или *очаровательный великан* звучат парадоксально: быть одновременно крупным и утонченным можно, но необычно, так же как быть *застенчивым вором* (И. Ильф, Евг. Петров). Однако для утонченной природы такой эпитет более чем уместен:

Он находил, что всё идет хорошо, в столице полный порядок, министр очаровательный человек и работать с ним одно удовольствие (А. И. Спиридович);

Миша [младший брат Николая II] был очаровательный человек, ласковый и мягкий в обращении (Г. К. Романов).

Характеризовать женщин «бесполом» словосочетанием *очаровательный человек* стали на границе XIX—XX вв., и чаще всего — в политическом контексте: *Засулич была человеком особенным и по-особенному очаровательным* (Л. Троцкий). И понятно почему: Засулич для Троцкого была *товарищ*, глав-

ное ее достоинство — успех в экспроприациях и уничтожении бесполого же классового врага, а не женское обаяние.

3. Чаще всего говорят об этом существе, упоминая имя профессии либо общественного положения «очарователя» или «очаровательницы», такие как *очаровательная аптекарша, графиня* и т. п., напр.: *А вне политики Екатерина была очаровательной императрицей, которую все обожали* (К. Валишевский). Именование **очаровательный кудесник** свидетельствует о забвении исходного смысла слова *очаровать*: *Но тот, кто не может и дня прожить в разлуке даже с самым очаровательным кудесником, — тот слишком слаб, чтобы идти дорогой свободных* (К. Антарова).

4. Очаровательность человека — разновидность красоты, «ослабленный» вариант неотразимости — «мягкой» неотразимости (как парадоксально это ни звучит), ср.: *И теперь он очарователен, но тогда был неотразим* [Ушаков 1934—1940]. Очаровательность оттеняет, дополняет красоту (в литературе XX в.):

Это был ливиец — светлокосый, с большими синими глазами юноша, красивый той очаровательной, задумчивой, почти девической красотой, которая свойственна ливийцам в юном возрасте (И. А. Ефремов);

Он красив, очарователен, он шутник, галант и женский угодник (Н. Соротокина).

5. Когда говорят об очаровательном мастере слова или живописи, имеют в виду чаще всего не человеческое обаяние, очаровательность человека, а очаровательность его творений:

Очаровательный художник, увя, рано умерший, Рябушкин являлся исключением как творец подлинно русского искусства (С. Щербатов);

Лонгфелло, нежнейшего и очаровательнейшего из хамелеоновой школы поэтов, самая сущность которых — окрашиваться тем и приобретать выдыхание того, чем они питаются (К. Бальмонт);

Так печально и смешно окончилась политическая карьера очаровательного Дюма (А. И. Куприн);

Вы очаровательный писатель — / Бурлюка отрицательный двойник (В. Хлебников).

Иногда в таких случаях употребляют составной эпитет:

Проследите до конца мою мысль, и вы поймете, почему так очаровательно-сценичен (и так уже не нужен) Островский, имевший опору в быте, и почему так нужен и так «несценичен» Чехов (Л. Андреев).

Все это верно по отношению к человеку искусства, но не науки: *очаровательный физиолог* и *очаровательный филолог* характеризуют не труды, а

только человеческие качества. Это объяснимо тем, что очарованный человек полностью или частично теряет способность к разумному суждению, столь необходимую для оценки научного труда.

Зато особым, двойным очарованием обладают исполнители: они очаровывают не только исполняемым произведением искусства, но и внешними проявлениями своей личности, которые слушатели и зрители воспринимают непосредственно: *Пока он творил непритязательно, ободряемый похвалами родных и товарищей — он оставался «очаровательным виртуозом», не дававшим себе отчета в своей виртуозности* (А. Бенуа). То же относится и к очаровательному собеседнику — человеку очаровательному в качестве собеседника: *Гогося был очаровательным собеседником* (Н. А. Тэффи).

6. Словосочетания *очаровательная гражданка* и *очаровательные трудящиеся* звучат иронично в текстах 1920—30-х гг. И. Ильфа и Евг. Петрова, поскольку соответствующие предложения не дают никаких оснований для квалификации очаровательности: указание на subtilность или женственность гражданок и трудящихся воспринимается как ирония, насмешка над человеком труда или намек на «интеллигентщину»; а общественный статус нивелирован — в отличие от *очаровательной доярки* или *стахановки*:

Теперь, когда он на минуту остался вдвоем с очаровательной гражданкой Калачевой, ему захотелось рассказать ей обо всех горестях и волнениях, но он не посмел этого сделать (Двенадцать стульев);

Двое очаровательных трудящихся лежали на пляже (Директивный бантик).

7. В XX в. очаровательными — по разным причинам — становятся не только индивиды, но и их **группы**:

Никогда не забуду, как блестяще выглядела молодая пара, как очаровательна была группа, стоявшая в дверях вагона (Н. Е. Буренин);

строй: *...раздвинутый на широкие спортивные интервалы, замерший в салюте очаровательный строй горьковцев* (А. С. Макаренко);

отряд: *Это был бы самый очаровательный отряд на свете, но все-таки отряд, стадо, сборище однотипных* (Н. Соротокина);

парочка: *А ведь могла бы получиться такая очаровательная парочка: Хейлах в своем оранжевом лоохи, а рядом этот тип в чем-нибудь пронзительно-малиновом, или салатом!* (М. Фрай);

семейка: *В последнее время моя очаровательная семейка из кожи вон лезет, чтобы помириться со мной* (М. Фрай);

даже **процессия**, как то, что совершается группой людей (один человек процессией не называется): *Ах, какая очаровательная процессия: скажите мне, мои красавицы, где же ваши жених, дьявол?* (Л. Андреев).

8. Зарегистрировано и имя деятеля *очарователь*, употребляемое с XVIII в. У Пушкина это Гименей: *Тебя страшит проказник милый, / Очарователь легкокрылый, / И хладной важностью своей / Тебе несносен Гименей* (А. С. Пушкин).

Значительно реже употребляется слово *очаровательница*, напр.: *Процайте, милые, прелестные очаровательницы, которыми так славится Париж: вы, блестящие в опере, разгуливающие по бульварам и порхающие в галереях и садах Пале-Рояля!..* (Ф. Н. Глинка).

История русского языка знает и имя антипода — *разочарователь*³. Но именование это так и осталось уделом словаря: в художественной литературе оно исключительно редко.

В исторических романах Лажечникова, где именование *очарователь* встречается особенно часто, оно рядоположено именам *враг божий* и *колдун*, т. е. вряд ли несет коннотацию позитивного, ср.: *Язык ее хотел дать ему имена врага божьего, колдуна, очарователя, и не смеет произнести этих слов, будто богохульство* (И. И. Лажечников). И у него же очарователь бывает милым: *...как в бывалые дни, Анастасия сидит у окна и ждет своего милого очарователя* (И. И. Лажечников).

У других писателей это имя соплагается с именем острослова:

Этот блестящий молодой человек, этот салонный очарователь и бонмотист будет несчастен? (Ф. М. Достоевский);

Василий Алексеевич стал знаменитым адвокатом, любимцем петербургского общества, очарователем петербургских дам, известным умницей и даже первым оратором Дум (А. И. Солженицын).

В XX в. *очарователь* ставится в ряд с французским именованием *шармёр*: *Льстецы называли его шармером, очарователем, за его мягкость с придворными*⁴ (Л. Троицкий). Слышна ирония и в таком употреблении того же

³ В словаре В. И. Даля: «Разочарователь, -ница, разочаровщик, -щица, разочаровавший кого». Имя *разочарователь* там входит в следующий ряд: *очарователь, любезник, красавец, прелестник* с пояснением: *кто обвораживает, очарователь*. Ср. у него же: «*Очаровыватель, очарователь, -ница, очаровщик, -щица, кто очаровывает кого*» [Даль 1882].

⁴ Напоминает об этом рядоположении следующее употребление в историческом романе о начале XX в.: *Николай II имел в быту репутацию **un charmeur** (то есть очарователя)* (В. Пикуль). Именование это с легкой руки А. Ф. Кони просто-таки

времени: *Ему льстила роль политического краснбая и общественного очарователя* (Б. Л. Пастернак). Ср. из более позднего времени: *Он знал, что его считают «тонко воспитанным человеком общества», и не без кокетства носил репутацию всеобщего очарователя* (Н. Н. Шпанов).

Находим имя *очарователь* и как прозвище в одном из произведений А. И. Куприна (который вообще лидирует по употреблению эпитета *очаровательный* среди русских писателей): *Он (воробей) ловко пристраивается то на плече, то на воротнике Очарователя и, чуждый общего смятения, спокойно выклеывает у него из бороды запутавшиеся в ней обильные хлебные крошки* (А. И. Куприн).

Однако в XX в. употребляется оно довольно редко⁵, напр.: *Чуковский был очарователен, и он был очарователь* (Л. Гинзбург).

Особенно часто очарователем бывает молодой человек: *К карете нередко подъезжает муж ее, незначашее лицо, и статный, красивый Линар, этот очарователь...* (И. И. Лажечников). Очарователем бывает и предмет, например: *О, твой альбом-очарователь!* (А. А. Дельвиг).

В отличие от «пленителей», для которых главные объекты — души и сердца [Демьянков 2004], употребляя существительное *очарователь*, объект либо не упоминают (очарователю все равно, кого очаровать), либо этот объект подают как случайный. К несчастным (и несчастным) объектам относятся:

— молодая особа: *...но через несколько времени живой друг, очарователь ее, ее суженый, снова занял все ее помыслы и чувства* (И. И. Лажечников);

— силы: *Советник дум, прекрасного делитель, / Слабеющих очарователь сил — / С полупути ушел он от земного, / От бытия прелестно молодого* (В. А. Жуковский);

— русский дух: *Москва, старинная очаровательница духа русского, и в пожарных развалинах своих отовсюду манила к себе мысли* (С. Н. Глинка);

— в XX в. — ум: *Таких очарователей ума — не подберу другого определения — я не встречал и, вероятно, уж не встречу* (С. Маковский).

Изредка и сам очарователь подвергается очарованию: *Дело шло не об одном свидании с ним, а, посредством этого свидания, об очаровании очарователя, об искушении искусителя, о введении в заблуждение светлого и положительного гениального его разума* (Д. В. Давыдов).

приклеилось к последнему российскому императору: *«Очарователь» (шармер), «глаза газели» — так скажет о нем знаменитый адвокат Кони* (Э. Радзинский); ср.: *Так погиб этот очарователь, галантный кавалер на блестящих балах в Зимнем дворце...* (Э. Радзинский).

⁵ Тем не менее, оно зарегистрировано в современном словаре с толкованием: «тот, что очаровывает, очаровал кого-нибудь» [Ожегов, Шведова 1998].

2.2. Что очаровательно?

Красота, краса и прелесть очаровательны сами по себе:

*Она задумалась — эта задумчивость придает ей новую неизъяснимо-очаровательную **красоту*** (Ф. Н. Глинка);

*Так ночью краше небеса / При ярком месяца сиянье; / Так в миловидном одеянье, / Очаровательней **краса*** (Н. М. Языков);

*...невыразимо очаровательна **прелесть** весеннего утра в степи...* (С. Т. Аксаков);

*Теперь красавица может быть уверена, что она будет передана со всей грацией своей **красоты** воздушной, легкой, очаровательной, чудесной, подобной мотылькам, порхающим по весенним цветкам*⁶ (Н. В. Гоголь).

Возможна и номинализация (о чем см. ниже): *...при всей очаровательности ее неописанной красоты, никто не влюблен в нее* (Н. А. Дурова).

Наиболее общее впечатление о человеке описывается как очаровательный облик: *Я восхищалась тем, как удивительно сохранила она в глубокой старости очаровательный, хоть и увядший **облик** махровой маргаритки* (А. Я. Бруштейн). Этот облик сопоставляется в данном случае с видом цветка — как прототипически очаровательного, утонченного, изящного предмета.

Очаровательный облик складывается из видимых (внешних) и невидимых (внутренних) свойств.

2.2.1. Внешность очарователя

В эту категорию включены контексты, в которых нечто говорится о внешнем облике очарователя или очаровательницы.

У этих типов словоупотребления бросаются в глаза следующие свойства:

1. Говоря об очаровательной внешности, имеют в виду тело (фигуру), лицо и/или — у животных — породу очаровательного существа.

2. Особенно часты описания очаровательной внешности, в которых причиной очарования объявляется фигура: *И ни в чём, кроме белого, мне не хотелось рисовать себе её очаровательную фигуру* (К. Антарова).

Очарование замечают не только в самом теле, но и в движениях: *...какая очаровательная суетливость в движениях!* (И. А. Гончаров). Даже в неуловимых движениях:

⁶ Возможно, именно такие пассажи у Гоголя имеет в виду автор следующего высказывания: *Такие ничего не говорящие эпитеты, как «чудный», «роскошный», «очаровательный», пестрят слог Гоголя и сами по себе ничего не выражают; но в соединении с утонченнейшими сравнениями и метафорами придают особое обаяние слогу Гоголя* (Андрей Белый).

Молодые люди так охотно подставляли свои лбы — а в движениях девушки (я ее видел сбоку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмешливое и милое, что я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия и, кажется, тут же бы отдал все на свете, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу (И. С. Тургенев);

ср.:

Очаровательное движение, полное смущения и лукавства, изгибает шею (И. Бабель);

...очаровательное движение руки, откидывающей рывком портьеру (В. Набоков);

Тиллоттама смутилась под устремленными на нее взглядами и обычным очаровательным жестом индийских женщин прикрыла лицо уголком прозрачного розово-лилового шарфа, спадавшего с ее головы (И. А. Ефремов);

...удалилась, обласкав мистера Пэля очаровательным поклоном (М. Шагинян).

3. Внешность включает в себя не только неотъемлемые части тела, но и манеру одеваться, а также — по переносу — саму одежду:

...но когда, например, придется заказывать модистке платье, с каким тактом, с каким тонким расчетом и знанием дела они умеют подложить вату в известные места своей очаровательной европейской одежды! (Ф. М. Достоевский);

Все для студента в чудесно очаровательном, в ослепительно божественном платье — в самом прекраснейшем белом (Н. В. Гоголь).

4. У животных тип очаровательной внешности ассоциирован с породой: У них были крольчатник и псарня, где жило несколько щенков какой-то очаровательной породы, красивых и пушистых (К. Антарова).

5. Голова и особенно черты лица — главные «генераторы» очарования:

...темные тонкие брови, розовые уста и лицо бледное, но миловидное, и которого все черты выражают вместе ум и кротость, чрезвычайно очаровательны (Н. А. Дурова);

ср. также:

Первые дни я по памяти рисовал одни малороссийские хаты, тополя и пытался, но тщетно, передать очаровательные черты Липы (А. Бенуа);

Словно впервые увидел нежный, очаровательный Маришкин профиль (Л. Кабо).

В XX в. в тупик ставит указание на очарование нетрадиционных областей головы: *Но очаровательнее всего была ямочка на подзатыльнике красавицы* (Н. А. Тэффи).

Причем совершенство черт и очаровательность лица — вещи разные, что видно из контекстов типа: *Ее живое оригинальное лицо было не то чтобы очень красивое, но очаровательное, когда она улыбалась* (С. М. Степняк-Кравчинский). Более того, объективно некрасивое или нездоровое лицо может также представляться очаровательным: *Зеркало это отразило прелестное, несколько искаженное, с выступившими красными пятнами, но все-таки очаровательное лицо, чудесные, мягкие, бархатные глаза...* (И. С. Тургенев).

Особый образ — не очаровательные детали лица, а общее его выражение: *...и на его жирном застывшем лице и в темных глазах вдруг вспыхнуло то особенное выражение, которым он когда-то славился, в самом деле очаровательное* (А. П. Чехов); в частности, улыбка: *...его кроткая простодушная улыбка была так очаровательна* (М. Н. Загоскин); в XX в. — даже сама манера улыбаться (в частности, «гримаса»):

Очаровательна была его манера улыбаться, точнее осклабляться; губы крошечного бородача широко раскрывались, открывая обе челюсти, причем усы как-то выпучивались в виде странных ворохов (А. Бенуа);

Его лицо растянулось в его обычной добродушной улыбке и, как всегда, очаровательной гримасе, в которой, однако, был оттенок легкого презрения (Г. Гурджиев);

Марина скорчила очаровательную гримаску, призванную показать, каким противным был «этот» продюсер (М. Баконина).

6. Восторженный почитатель находит в своем предмете очаровательным все: *Все в ней было очаровательно: вдохновенное лицо, прелестные руки, гибкий музыкальный голос, даже длинные волнистые волосы, которые она в последнем действии распустила по спине* (А. И. Куприн).

Обманываются ожидания эти, когда неожиданно обнаруживают неприятные детали внешности: *С изогнутой лестницы подошедшего автобуса спустилась пара очаровательных шелковых ног: мы знаем, что это в конце затаскано усилием тысячи пишущих мужчин, но всё-таки они сошли, эти ноги — и обманули: личико было гнусное* (В. Набоков).

Когда очарование констатируется вопреки внешним изъянам, мы чувствуем сожаление, сарказм или иронию рассказчика:

...на двух костылях впрыгнула очаровательной красоты одноногая девушка в широчайшей юбке, обшитой по подолу красной каймой (М. А. Булгаков);

...стал рассуждать о том, как очаровательна горбатая принцесса Гедвига Бирон, недавно бежавшая в Петербург от своего отца из ярославской ссылки (В. Пикуль);

Теперь вот понадобились еще эти уроды, эти очаровательные, эти восхитительные уроды, эти сочные крепыши (В. А. Солоухин);

Эффектнее всего, конечно, очаровательная глухонемая секретарша (С. Т. Альтов).

Особенно часто сочетается несочетаемое в XX в., когда — парадоксальным образом — нечто характеризуется одновременно как очаровательное и страшное: *Она была страшна и очаровательна, тем десятого сорта очарованием, на которое нельзя не льститься, стыдятся льститься, на которое бесстыдно, во всеулышанье — льщусь (М. Цветаева).*

7. От очаровательной внешности ожидают очаровательных внутренних свойств — манер и характера: *Он воображает, что его мундир и его любезность неотразимо-очаровательны (Ф. К. Сологуб).* Иногда эти ожидания не оправдываются: *...зубки открыла — просто перлы среди кораллов, — все очаровательно, но как будто дурочкой от нее немножко пахло (Н. С. Лесков); Глупа, но очаровательна (С. П. Лукницкий).* Глуповатость очаровательницам не к лицу. Однако в конце XX в. даже эту черту иногда находят трогательной и очаровательной, — видимо, поскольку она делает человека беззащитным в жизни — напр.: *...а вообще он считал их очаровательно глупенькими (Нат. Ипатова).*

Иногда, впрочем, подобное указание на наивность употребляется с тем, чтобы уничтожить репутацию взрослого человека, напр.: *...немцам, которые были, видимо, настолько очаровательно глупы, что веровали, будто комсомолке из леса непонятно зачем и почему были доверены важные государственные тайны, они ее и пытали якобы для того, чтобы их выведать: «Ты есть главный рус комсомолька, ты знайт секретный военный тайна» (А. Меняйлов).*

Полное же очарование предполагает в очарователе и ум, и иные свойства характера, привычек и нрава, к чему мы и переходим.

2.2.2. Свойства характера, привычки, нравы

Свойства вообще, а не какие-либо конкретные черты характера стали очаровательными довольно поздно — в XX в.: *Да не сетуют на меня художники за эти слова, но очаровательные их свойства и увлечения мне хорошо известны (С. Щербатов).*

Значительно раньше стали указывать на конкретные черты характера, имея в виду очарование всего человека, когда конкретная черта — всего

лишь внешняя зацепка, причина для такой квалификации: *Очень часто, и надобно сказать — очарователен в обращении: умен, остер, любезен, вежлив...* (А. Ф. Писемский).

Обычно очаровательны положительные черты характера и задатки, установки, манера поведения, напр.:

...внутренняя же их очаровательная сила, впечатление на народ, мало-помалу изглаживается и пропадает (М. М. Сперанский);

Здесь была совсем уже непонятная для Щавинского очаровательная, безумная и в то же время холодная отвага, был, может быть, высший из всех видов патриотического героизма (А. И. Куприн);

Хозяйка оживляла общество самой очаровательной любезностью (Ф. М. Достоевский).

Иногда очарования достигают даже вопреки чертам характера, вообще говоря, лишенным очарования: *Он заставляет и нас принимать болезненное участие в судьбе **надшего, но еще очаровательного** создания* (А. С. Пушкин).

Говоря об очаровательности вопреки заведомо дурным свойствам характера, действиям и состояниям, усиливают очарование человека «самого по себе» (в «собственном соку», как выразился бы «людовед-человеколюб»), в отвлечении от этих свойств, напр.: *Тот при этом невольно потупился, втайне думая, что с какой бы радостью он подчинился на всю жизнь такой очаровательной деспотке* (А. Ф. Писемский). Особенно часто это бывает в литературе первой половины XX в.:

Какой тесный уют, какая очаровательная мелочность! (Г. П. Федотов);

Все это погрешности, не только простительные, прощенные, но милые и очаровательные (М. Цветаева);

Этими певучими гротесками, очаровательными несообразностями художник хотел рассказать людям то, что не может быть рассказано (Н. Гумилев).

2.2.3. Очаровательный мир

Очаровательными бывают как воображаемый мир, так и жизнь в целом, реальность: *Воображение его снова настроено, возбуждено, и вдруг опять новый мир, новая, очаровательная **жизнь** блеснула перед ним в блестящей своей перспективе* (Ф. М. Достоевский); *...перейти скорее из очаровательного **мира мечтаний** к жизни действительной* (М. Н. Загоскин). Обыденная жизнь, с ее сиюминутными и очень частными переживаниями — быт — в XX в. стала особенно очаровательной: *...как умирает устоявшийся быт, та-*

кой очаровательный и благородный (Н. В. Устрялов). Покой и гармония этого быта называются **уютом**: *За ней открывался весь очаровательный уют домика* (А. Бенуа).

Где-то на грани между бытием и небытием лежит вещь, которая имеется в виду в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: *В то время когда Жуковский стоял еще на первой порою своего поэтического развития, отрешая нашу поэзию от земли и существенности и унося ее в область бестелесных видений, другой поэт, Батюшков, как бы нарочно ему в отпор, стал прикреплять ее к земле и телу, выказывая **всю очаровательную прелесть осязаемой существенности*** (Н. В. Гоголь).

Очаровательный мир именуется иногда *всё это*: *Нет уже ни смеха, ни шума, ни веселых, беспечных лиц, ни свиданий в тихие лунные ночи, а главное, нет уже молодости; да и **всё это**, вероятно, очаровательно только в воспоминаниях...* (А. П. Чехов).

Мир этот составляют межличностные отношения: власть, знакомство, общение, интимная близость и т. д., напр.: *Но в те года, когда неслышными шагами подходит к нам старость, — тогда таинственную, очаровательную, сладкую и грустную власть приобретают над нашей душой все вещи, запахи, звуки и слова, говорящие об уплывшем прошлом* (А. И. Куприн).

По переносу под очаровательным временем имеют в виду время бытия: *Не основывается ли привязанность на воспоминании детских лет, того счастливого, очаровательного **времени бытия** нашего, которое ни для кого уже в другой раз в жизни не возвращается* (Ф. Н. Глинка). Очаровательная вечность имеется в виду у А. Белого: *Музыка — окно, из которого льются в нас очаровательные потоки Вечности и брызжет магия* (А. Белый). Или время как (иногда уже прошедшая) эпоха: *Вот когда оживал во всей своей свежести и грации XVIII век, вот что лучше, нежели и самые изощренные слова, помогло мне познать самую суть этого очаровательного, столь нелепо охаянного времени, являющегося на самом деле одним из кульминационных пунктов всей истории культуры...* (А. Бенуа).

2.2.4. Образ и впечатление

Когда упоминают очаровательное изображение кого-либо, имеют в виду не само изображение как физический предмет, а скорее образ — изображенное, как оно «вычитывается» из изображения:

Да неужели ты думаешь, — сказал с улыбкою князь Двинский, — что этот обыкновенный и пошлый вид в самом деле очарователен? (М. Н. Загоскин);

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища (А. И. Куприн).

Иначе говоря, под очаровательным образом или видом некоего X имеют в виду сам очаровательный X:

*И сама эта тридцатипятилетняя, полная и рыхлая Машета с молоджавым и румяным, но самым банальным лицом, которую мичмана, видевшие Марью Петровну на проводах, дерзко окрестили «холмогорской коровой», рисовалась теперь пылкому воображению соломенного вдовца в самом очаровательном, соблазнительном **виде**, далеко не соответствующем действительности (К. М. Станюкович);*

Семицветная радуга ...имеет вид прекрасный и очаровательный (Иларион);

...нежнее и прекраснее рисуется в воображении очаровательный образ Зиночки (А. И. Куприн);

...очаровательный образ самой Лакме (П. Н. Мамонтов).

То есть имеет место перенос:

Образ (вид и т. п.) очаровательного X → очаровательный образ (вид и т. п.) X.

Очаровательно нечто романтическое, удаленное во времени и пространстве от очарованного наблюдателя: *Но, несмотря на это, восхищенно взирая на туманную отдаленность, и самая дикость, и самая суровость для меня были очаровательны (Н. И. Пирогов).*

Об ощущениях говорят как о реалистичном образе: *И ощущение этого длительного прыжка было так очаровательно, что хотелось верить, что я всегда, когда только захочу, могу повторить опыт (А. И. Куприн); ...с тех пор не может забыть очаровательного ощущения, которое он при этом испытал (И. Ильф, Евг. Петров).*

Мысленный образ называется часто просто мыслью (впрочем, не любая мысль —мысленный образ): *Мысль эта, разумеется, представилась Висленеву очаровательною, но он, считая ее слишком невероятною, опять требовал объяснения, а Глафира ему этого объяснения не давала (Н. С. Лесков). А мысль с примесью мечты — это думы: Он теперь об этом не припомнит, пережив и себя и очаровательные думы свои (С. Н. Глинка).*

Кроме зрительных и слуховых возможны еще и другие типы очаровательного восприятия, особенно запахи.

Такой отход от магистральной зрительно воспринимаемой очаровательности происходит на границе XIX и XX вв. Наиболее типично указание на очаровательный запах для И. А. Бунина и А. И. Куприна. Напр.:

...очаровательный запах обрызганных им цветов; ...теплый кухонный запах, тянувший из-под двери на палубу, был очарователен... (И. А. Бунин);
...нежный, меланхолический и в то же время очаровательный запах приближающейся осени; ...комбинация же этих запахов очаровательна (А. И. Куприн);

...только какая-то неустанно текущая вниз белизна, да очаровательные зимние дорожные запахи: лошадиной вони, мокрого енотового воротника, серника и махорки при закуриваньи... (И. А. Бунин).

В то же время заговорили об очаровательных духах как генераторе запаха:

Какие очаровательные духи, — ты не знаешь этого запаха, Оленька? (Л. Андреев).

Под влиянием этих мастеров слова, об очаровательных ароматах говорят более поздние авторы, напр.: *Тянуло свежим, очаровательным его благоуханием (Б. Зайцев).* В рамках составного эпитета: *Очаровательно-прекрасные духи, оставаясь все время на одном и том же уровне, принимали сверкающие мыслеобразы от спускавшихся сверху тружеников и подносили их к отверстиям воронок, двигавшихся кругообразно с быстротою вихря (К. Антарова).*

Иногда с ироничным оттенком: *Запах также не вызывал ни малейшего сомнения: это был очаровательный, ни с чем не сравнимый, лучший на свете запах свежих червонцев (М. А. Булгаков).* В этом примере очаровательным представляется одновременно и запах, и носитель запаха (свежие червонцы): *очаровательный* употребляется как двунаправленный эпитет, и случай этот не единичен, ср.: *Да и вся она пахла полуденным солнцем, нагретой зноем травой и тем неповторимым, свежим и очаровательным запахом юности, который никто еще не смог, не сумел передать словами... (М. А. Шолохов).* Здесь очаровательны юность и ее запах.

Звук же бывает еще непередаваемо-очаровательным: *Какой это непередаваемо-очаровательный звук, — звук натачиваемой косы, по блестящему лезвию которой то с одной, то с другой стороны ловко мелькает шершавая от песка, обмокнутая в воду лопаточка! (И. А. Бунин).* В XX в. очаровательными стали также грустные звуки, или — в рамках составного эпитета — «очаровательно грустные звуки»: *...дрожящие, точно рождающиеся один из другого звуки благовеста, по-весеннему очаровательно грустные (А. И. Куприн).*

А вот *вкус* (в гастрономическом смысле слова) очаровательным вряд ли бывает. Так, разновидность запаха, а не вкуса «на язык» имеется в виду в следующем контексте: *...виски с очаровательным привкусом керосина (В. Пиккуль).* Ведь многие из нас знают запах керосина, но только единицы, возможно, пробовали керосин на вкус.

2.2.5. Зримое пространство и атмосфера

Типичный пример — локус в целом:

*Не быв никогда днем в сем очаровательном **месте**, я начал теперь оное рассматривать и нашел прелестным* (В. Т. Нарезный);

*...но **место**, куда мы приехали, было поистине очаровательно!* (С. Т. Аксаков);

***Местность** здесь очаровательная* (Л. Н. Толстой);

*Монте-Карло действительно одно из самых очаровательных **местечек** на земном шаре* (А. И. Куприн).

В XX в. мы выходим на межпланетный уровень: *Антон Антонович чувствовал себя солнцем, вокруг которого вращаются планеты одна другой очаровательней, и блаженствовал* (В. Л. Кигн-Дедлов).

Является новшеством XX в. и употребление наречия *здесь* (и его синонимов) в этом типе контекстов: *Сейчас здесь очаровательно* (Ф. И. Шаляпин); *Здесь же это совершенно очаровательно, и я готов был бы здесь век прожить* (К. Е. Антарова).

Для архитекторов и искусствоведов конца XIX — начала XX в. характерна речь об очаровательности частей сооружений и скульптуры, например, в текстах знаменитого историка искусства И. Э. Грабаря встречаем: *очаровательная верхушка колокольни, очаровательные флигеля, очарователен «корпус под гербом», очаровательное окошко этой стены, очаровательные формы, очаровательная роспись плафона, очаровательные церкви, особняки и беседки, очаровательный узорный пояс [часть парка], очаровательная двухпролетная звонничка; ср. также: Очаровательная мраморная статуя «Молящейся девушки» (Н. Н. Врангель), очаровательная ротонда Монплезира (Л. А. Чарская) и даже очаровательная развалина (М. Цветаева).*

У А. П. Чехова (и только у него вплоть до начала XX в.) очень часто бывает очаровательной погода: *Погода очаровательная* (А. П. Чехов). Позже если погода и была очаровательной, то ради игры слов: *Я нахожу, что очаровательная погода, / И я прошу милую ручку / Изяцно переставить ударение, / Чтоб было так: смерть с кузовком идет по года* (В. Хлебников).

2.2.6. Неодушевленный предмет не как часть пейзажа

Предназначение «очаровательного» неодушевленного предмета — вызывать восхищение: *Есть нечто очаровательное, нечто неизъяснимо утешительное для человека в поэзии, живописи и музыке* (Ф. Н. Глинка).

До XX в. упоминание таких предметов было нечастым. Напр.:

Но находящийся на сцене часто видит: и жестяные лучи, и полотняные волны, и хрупкие колеса, и ржавые блоки, коими движется сия (в некотором расстоянии) очаровательная механика (Д. В. Давыдов, Три письма);

Нянюшка вышла из комнаты — я вскочил проворно с постели и пробрался в тетушкин кабинет; придвинуть стул к столу, взобраться на стул, ухватить руками заветный, очаровательный ящик — было делом одного мгновения (В. Ф. Одоевский).

В XX в. перечень очаровательных предметов не только увеличивается, но и становится головоломным. Объединяет их предназначение быть экспонатом для любования и/или подарком — то есть предметом, передаваемым для того, чтобы очаровать другого человека, ср.:

Вещица очаровательная! (Н. А. Тэффи);

Это было очаровательное, бархатное зеленое яйцо (А. И. Куприн);

В другом футляре — поменьше, она находит кольцо, очаровательное колечко с бриллиантом, о котором также давно мечтала Надя (Л. А. Чарская);

...небольшой стол странной формы, довольно узкий, высокий, из белого мрамора с очаровательными красными прожилками, такими многочисленными, что самый мрамор казался алым (К. Антарова).

3. «Очаровательно»

Как предикат в рамках восклицания *Очаровательно!* встречается довольно часто у М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. В форме *Это очаровательно!* встречаем у Н. В. Гоголя (Портрет, редакция 1842 г.). Иногда в будущем времени: *...как это будет очаровательно!* (И. С. Тургенев).

В роли же модификатора определения, предиката и обстоятельства *очаровательно* начинает употребляться с XIX в. Рассмотрим три случая: *очаровательно* как модификатор глагольной части сказуемого, определения и другого обстоятельства.

3.1. *Очаровательно* как модификатор глагольной части сказуемого

1. Чаще всего этим наречием модифицируется глагольная часть сказуемого, характеризующего произвольные действия, приводящие к изменению свойств или внешности, т. е. предикат происшествия.

А именно, можно очаровательно потупить глаза⁷, очаровательно округлиться или даже «круглиться»⁸, заалеть (покраснеть от смущения)⁹, даже просто смутиться, когда имеется в виду, что наблюдатель увидел внешние проявления смущения: *Очаровательно смутилась, так что даже ее смородиновые глаза как будто на миг куда-то пропали* (И. А. Бунин).

Наиболее типично, особенно в XX в., сочетание *очаровательно улыбнуться*:

Юлия Михайловна очаровательно улыбнулась (Ф. М. Достоевский);
«Yes, o yes!» — сказала она, очаровательно улыбаясь (И. А. Гончаров);
Сидя в ресторане, например, она, по внезапному вдохновению и очаровательно улыбаясь, меняет бокалы (Л. М. Леонов).

Разновидностью этого класса является мимическое действие, напр.: *...начинает хохотать, очаровательно кривя рот* (И. А. Бунин); *Обе дамы очаровательно оскалились* (Вас. Аксенов).

В XX в. начинает допускаться предикат запаха:

...а его жена, в своих широких кринолиновых платьях, очаровательно пахла увядшими осенними листьями (А. Бенуа);
...от нее очаровательно пахло (Арк. Стругацкий, Б. Стругацкий).

В случае иных «очаровательных» происшествий иногда имеют в виду «попутное» изменение внешности в результате или в процессе этих действий.

2. Особенным очарованием обладает манера речи. Очаровательно сказать, проговорить — значит произвести эффект очарования: (а) содержанием речи, (б) манерой речи.

Примеры первого:

Не беспокойтесь, я сам, — очаровательно проговорил он (Ф. М. Достоевский);
...очаровательно предупредила она (М. Горький);
...очаровательно сказала она, останавливая строгими, вытукло-черными глазами остальных посетителей (А. Проханов).

⁷ Напр.: *...дамы так были воздушны, так погружены в совершенное самодовольство и упоение, так очаровательно потупляли глаза, что...* (Н. В. Гоголь).

⁸ Напр.: *...она держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девушку, свеженькую блондинку с тоненькими и стройными чертами лица, с остреньким подбородком, с очаровательно круглившимся овалом лица, какое художник взял бы в образец для мадонны и какое только редким случаем попадает на Руси* (Н. В. Гоголь).

⁹ Ср.: *Идите, идите, я потом приду, — заявила она и отвернулась, очаровательно заалев* (А. С. Грин).

В конце XX в. можно даже *очаровательно выразиться*:

...как ты очаровательно выразился (О. Авраменко).

В выражениях типа *очаровательно подсмеиваться, пародировать* и т. п. весь «вес» очарования перекладывается на общее намерение речи, а не на конкретное ее содержание:

Этот запоминающийся дистих, без ведома автора очаровательно пародирующий пародию Глеба Успенского (Р. В. Иванов-Разумник);

...очаровательно подсмеивались над высоковалютными иностранцами (А. Н. Толстой).

Примеры второго:

...и ясным, детским голосом, наивно глядя мне в глаза, очаровательно шепелявя, сказал... (К. Антарова);

Он так очаровательно, грустно и нежно улыбаясь, полупел, полудекламировал, что привел в восторг не только молодежь, но и взрослых (Н. А. Тэффи);

...как речь ребенка, очаровательно ломающего речь (Р. Светлов).

Разновидностью второго случая является очаровательное чтение: *Вы очаровательно читаете, Макс* (М. Горький).

Бывает, что не сразу можно установить, какая из двух этих сторон — (а) или (б) — имеется в виду: *Вы так очаровательно говорите...* (М. Горький).

Когда же очаровательно говорят на каком-либо языке, рассказывают или даже просто вздыхают, чаруют одновременно с обеих этих сторон:

По-французски я говорю очаровательно... (Н. А. Тэффи);

Лена очаровательно вздохнула (М. Серова);

Мадам Климова соглашалась с этим, и уже в уме кому-то очаровательно рассказывала, что в ее семье женщины влюбляются и выходят замуж «ранней весной», и, повинувшись этому «закону сердца», и она вышла, едва ей «стукнуло» 16 (Н. Федорова).

3. За пределами указанных случаев, особенно когда говорят об осознанных действиях (но не только тогда), имеем следующие схемы семантического переноса:

I. Возникает очаровательный X: Очаровательный X возникает или создается, когда Y совершает действие $Z \rightarrow Y$ очаровательно создает X.

К предикатам созидания, требующим такого перетолкования, относятся, напр.:

— *праздновать* — ведь праздник возникает в момент празднования: *Как очаровательно праздновались у Камиши святки* (А. Бенуа);

— *разбить (сад)*: *Если бы такой милый домик с хорошенькими беседочками и очаровательно разбитым садом и цветниками, сохранился где-нибудь под Петербургом до наших дней, то все мы наверно таяли бы там от восторга* (И. Э. Грабарь);

— *написать пьесу*, возможно, также и *поставить ее*, напр.: *Можно ее [пьесу] очаровательно поставить* (А. П. Чехов).

II. Существует очаровательный X: X обладает свойством очаровательного Y → X очаровательно обладает свойством Y.

Таков предикат *быть похожим* (на что-либо): *...так очаровательно похожи были они на какие-то настоящие, прекрасные стихи какого-то настоящего поэта* (И. А. Бунин).

III. X до некоторого момента не был очаровательным, но становится им.

Имеем несколько схем этого класса:

IIIа. X становится очаровательным, когда X совершает Y → X очаровательно совершает Y.

Это случай, когда некто или нечто становится очаровательным вследствие какого-либо своего действия: тогда и само действие становится очаровательным. Например, именно поэтому можно очаровательно совершать движения или перемещаться в пространстве (бежать, нестись и т. п.):

Как очаровательно несся мне навстречу, среди изумрудной зелени, ее стройный образ! (И. С. Тургенев);

вставать на задние лапы:

...очаровательно вставала на задние лапы и вытягивалась колбаской (А. Шленский);

дергаться и качнуться:

И, между прочим, когда он висел, то при этом очаровательно дергался... (Вен. Ерофеев);

Она встала и, очаровательно качнувшись, покинула кухню (Вас. Аксенов);

даже дрожать:

Неужто и вправду всё очаровательно дрожащее, что снилось и снится мне сквозь мои стихи, удержалось в них и замечено читателем, чей отзыв я еще сегодня узнаю? (В. Набоков).

Или просто — делать нечто:

Снегурочка садится рядом с ними и начинает расчесывать свои белые волосы или делать что-нибудь другое, но так же очаровательно (Евг. Гришковец).

Очаровательно можно и менять одежду. Раньше всего заговорили об очаровательном раздевании:

Они очаровательно освобождали себя в вестибюле от мехов и капоров, быстро становясь как раз теми, которыми и надлежало идти по красным коврам широких лестниц столь волшебными, умножающимися в зеркалах толпами (И. А. Бунин);

Ах, как они очаровательно раздеты! (В. Пикуль).

И только значительно позже — в конце XX в. — об очаровательной манере носить одежду:

Императрица Екатерина и ее протеже юная княгиня очаровательно носили физжмы (О. М. Михайлов).

Демонстрируя расположение к кому-либо или оказывая кому-либо радужный прием, человек также становится очаровательным:

...относится к ней очаровательно (В. Набоков);

Тот принял господина Мольера очаровательно и не только не истязал автора никакими упреками в безбожии, и не только не называл его пьесу опасной, но, наоборот, отдал должное таланту господина Мольера, произнеся всевозможные комплименты (М. А. Булгаков).

Неодушевленный предмет выглядит очаровательно, когда как бы «выдает себя» своим блеском. Так, золотая цепочка, «горящая» на шее, приобретает очаровательность в силу этой логики: *...как очаровательно будет гореть красная цепочка на белой шейке павлина (К. Е. Антарова).* Аналогичное — об очаровательных звуках, которые доносятся очаровательно:

...откуда иногда чуть слышно и потому особенно очаровательно доносился далекий бой перепела (И. А. Бунин);

Раздался очень мелодичный звук, как бы удар очаровательно звеневшего колокольчика (К. Е. Антарова);

...он любит сидеть у раскрытого окна и пить очаровательно-шипящую и восхитительно-колющую в нос воду с кислотой и содой (И. А. Бунин)¹⁰.

Наконец, очаровательным делают человека пение и смех:

¹⁰ О многозначности глаголов звука см. [Падучева 1998].

...на которых очаровательно пела ее дочь Анна-Луиза (И. Исаков);
Она смеялась заразительно, очаровательно, простодушно, лукаво,
жизнерадостно, буйно, весело... (Е. И. Наумов).

Если Y в **IIIa** заменить на «надевает Z», получим:

IIIb. X становится очаровательным, когда X надевает Z → X очаровательно носит Z = Z очаровательно идет X-у к лицу.

Напр.: *Их только в нынешнем году начали носить в Москве, и они так же очаровательно идут к юным женским лицам* (А. И. Куприн).

IIIc. X становится очаровательным, когда Y изображает X → Y очаровательно изображает X; или, в пассивной перспективе: X очаровательно изображается Y-ом. Напр.:

*Хлою, которую в целом ряде иллюстраций очаровательно **изобразил** Прюдон* (А. Бенуа);

*Петергоф, большой сад которого очаровательно **иллюминировали** в честь императрицы* (В. В. Вересаев);

Писать пейзаж словами у нас многие очаровательно умели и умеют (М. Горький).

Заметим, что в последнем примере *очаровательно* модифицирует не модальный глагол *умели*, как кажется на первый взгляд, а целую инфинитивную глагольную составляющую *писать пейзаж словами*, подчиненную модальному глаголу.

Причем автор картины Y может не упоминаться явно, напр.:

*Посмотрите на эти волшебные призраки, которые так очаровательно, так прихотливо, так безбрежно и широко **слагаются** перед ним в такой волшебной, одушевленной **картине*** (Ф. М. Достоевский);

Ростом она была невысока и немного полна, но с нежными, тонкими линиями лица, очаровательно нарисованными (Ф. М. Достоевский);

...являл замороженному страдальцу не только полное отсутствие безымянного пальца и мизинца, но также и голую девку, с кинноварными сосками и кобальтовой ижицей, очаровательно нататуированную на тыльной стороне его искаленной руки: указательный палец и средний изображали ее ноги, а на кисть приходилась ее голова в венчике из цветов (В. Набоков).

Иногда от всей конструкции остается только предикат изображения, а X или Y не упоминаются: *Или это просто предубеждение, или время так очаровательно **стусивало эти краски**...* (Т. Г. Шевченко).

IIId. X (= жизнь или мир) для Y становится очаровательным → Y очаровательно переживает (= живет или проводит время) X. Напр.:

Как мы заживем очаровательно (Н. А. Тэффи);
Досадно — мало у меня свободн[ого] времени, а то позитить тут на природе — очаровательно (Ф. И. Шаляпин);
...и под впечатлением бала и шампанского я очаровательно провел несколько часов (Л. Н. Толстой);
...после очаровательно проведенного дня (Л. В. Успенский).

4. Обобщающее действие формулируется иногда так: «все получалось/выходило» — *...и все выходило у них так тонко, очаровательно* (И. А. Бунин).

5. За пределами этих классов остаются очень редкие случаи, которые можно объяснить какими-то еще более глубокими схемами переноса или тягой к парадоксам. Напр.: *Обниматься, я ведь очаровательно помнил, что обниматься против потока, против уяснения необходимо правильно* (Влад. Соколин).

3.2. Очаровательно как модификатор согласованного определения

Отметим следующие особенности единицы *очаровательно* в этой роли.

1. Иногда *очаровательно* пишется через дефис с прилагательным: особенно часто такое написание на границе между XIX и XX вв., хотя эпизодически оно встречалось и ранее¹¹. Напр.:

Зачем не дано мне дара доказать другим и себе, до какой степени слита моя душа с тем, что не она, но что вечно творится и ею, как одним из атомов мирового духа, непрестанно создающего очаровательно-пестрый сон бытия? (И. Ф. Анненский);

Получится очаровательно-альтруистический альтруизм альтруизма (В. Ф. Эрн);

Как миллионы бриллиантов, очаровательно-волшебный блеск! (И. С. Шмелев).

Но в подавляющем числе случаев *очаровательно* и модифицируемое им согласованное определение пишутся раздельно.

2. Наиболее многочисленны примеры, в которых описываются очаровательные позитивные черты характера, состояния духа, интеллект:

¹¹ Ср. примеры того же времени с другим атрактивом: *пленительно-девственный* (В. А. Жуковский), *наивно-пленительный*, *пленительно-изящный* (А. Куприн), *опьяняюще-пленительный*, *задумчиво-пленительный*, *пленительно-буржуазно* (М. Кузмин), *пленительно-зыбкий* (В. Брюсов), *пленительно-мятежный*, *пленительно-унылый* (Вяч. Иванов), *пленительно-нежный*, *пленительно-юный*, *странно-пленительный* (К. Бальмонт), *пленительно-страшный* (И. Бунин) и т. п.

— быть милым, нежным или (особенно частый случай) любезным — по отношению к другому человеку; напр.:

В дверь вошла молодая, очаровательно милая монахиня и, быстро подойдя к игуменье, поцеловала ее руку (Н. С. Лесков);

Но все же тяжело думать, что людская злоба приблизилась и к этому светлому приюту, что дыхание Зверя проносится и над этой милой головой, что его гнойная пена может брызнуть и на эти очаровательно нежные руки (Ф. К. Сологуб)¹²;

Варвара Андревна была очаровательно любезна, когда только хотела быть такою (А. Григорьев);

Не будь очаровательно любезной хозяйки, обед походил бы на похороны (Ф. М. Достоевский);

Ну, уж если вы так очаровательно любезны, — проговорил он, — а я другого ничего и не ожидал, так будем без церемоний (М. А. Булгаков);

быть добрым по отношению к кому-либо:

Представьте человека, связанного по рукам и ногам, в полном неведении относительно срока освобождения, представьте затем, что веревки, стянувшие его тело, чудесно ослабевают в сюрпризной, очаровательно доброй постепенности (А. С. Грин);

даже быть альтруистом:

Получится очаровательно-альтруистический альтруизм альтруизма (В. Ф. Эрн);

обладать приятными манерами в общении:

Клара Вальмон находит очаровательно приятной манеру Жана Мобер тереться бровями о ее щеки? (Н. Гумилев);

— создавать благожелательную, напр., шутливо-мистическую атмосферу общения:

По-прежнему в начале II-го действия создавалось очаровательно «шутливо-мистическое» настроение (А. Бенуа);

быть забавным:

Девушка у Бори очаровательно-забавная (Ф. И. Шаляпин);

— обладать спокойным или веселым нравом, быть в хорошем настроении:

¹² Если имеется в виду не нежное отношение к другому человеку, а очаровательно нежная кожа рук, данное предложение попадает в иной класс употребления.

Точно гневная волна промчалась по его прекрасному лицу, такому доброму и очаровательно спокойному за миг до этого (К. Антарова);

...он был скромн, прост, очень трудолюбив и трудоспособен, и очаровательно спокоен (С. Аллилуева);

Помнят, что князь был очаровательно весел на этом последнем обеде, каламбурил, смешил, рассказывал самые необыкновенные анекдоты... (Ф. М. Достоевский).

Значительно реже говорят об очаровательной беспечности и легкомысленности, которые лежат на границе между положительными и отрицательными чертами характера; напр.:

...по тротуарам веселой Вены, где женщины так очаровательно беспечны (А. Н. Толстой);

Мандельштам очаровательно легкомыслен, так что не он отступает от мысли, но мысль бежит от него (И. Эренбург).

И совсем редко говорят об очаровательных отрицательных чертах характера, таких как надменность: *Стоит и ждет, спокойно, великодушно, терпеливо — очаровательно надменный детеныш человека!* (Л. Андреев). В подобных случаях допустима интерпретация типа: «очаровательный, несмотря на надменность». Наиболее типичны такие примеры для начала XX в., когда особенно часто в речи сочетали несочетаемое.

3. В описаниях очаровательного внешнего вида указывают на то, что некто или нечто очаровательно

— хорош (собою) или красив:

Собою осьмилетний Райнер был очаровательно хорош; Нет, он просто очаровательно хорош (Н. С. Лесков);

Бегушеву она показалась в эти минуты очаровательно хороша! (А. Ф. Писемский);

Этот очаровательно красивый мальчик был страшно привязан к своей благочестивой матери и вследствие этой страстности сам пристрастился к ее образу жизни и занятиям (Н. С. Лесков);

в предикативной позиции:

А жизнь так очаровательно красива и так омерзительно коротка!.. (А. И. Куприн).

У Куприна же находим написание через дефис: *Никогда Ромашов не находил ее такой очаровательно-красивой* (А. И. Куприн);

— subtilen, трогательно мал или изящен:

Другим моим другом был царскосельский гусар Ратч, очаровательно крошечный офицерик-куколка (А. Бенуа);

...худенькая, очаровательно дохлая, с розовыми веками барышня (В. Набоков);

Лужин, найдя ключ к задаче — очаровательно изящную жертву (В. Набоков);

— опрятен:

Сарай был такой очаровательно чистенький, изящно выстроенный (К. Антарова).

Для очаровательных движений как элемента внешности наиболее типична детскость — быстрые, резвые (свойственные субтильным натурам), даже целомудренные или, наоборот, неуклюжие движения юного существа:

...когда она выскочила наконец из-за кулис (с детски-игривым, очаровательно-резвым смехом) (И. А. Бунин);

Ю взглядывает на меня, потом на номер талона — и я вижу это ее знакомое, такое очаровательно целомудренное движение: поправляет складки юнифы между углами колен (Е. Замятин);

Она была стройна, гибка, по-девически очаровательно неуклюжа (А. И. Куприн).

4. Другие качества личности — такие как некомпетентность в жизни или даже наивность — очаровательны, видимо, по переносу, поскольку ассоциируются с непосредственностью ребенка; напр.: *Кто-то назвал кулинарные способности Ольги Александровны «очаровательно примитивными»* (Й. Воррес).

5. Качества неодушевленного предмета с данным модификатором весьма разнообразны. В роли усилителя, указания на реализацию совершенства предмета в своем роде подается очаровательность, напр., в следующих контекстах: *День был теплый и очаровательно-ясный* (Ф. К. Сологуб) ‘день был прекрасен’; *В белые ночи он очаровательно воздушен* (М. Горький) ‘он был совершенен’; *Как миллионы бриллиантов, очаровательно-волшебный блеск!* (И. С. Шмелев) ‘он блеснул, как множество бриллиантов самого лучшего качества’. Разнообразие жизни, отсутствие однообразия для автора следующего высказывания означают идеал, поэтому-то имеем: *...как одним из атомов мирового духа, непрестанно создающего очаровательно-пестрый сон бытия?* (И. Ф. Анненский).

3.3. Очаровательно как модификатор обстоятельства

Главный тип модифицируемого обстоятельства обладает семантикой ‘легкость’, ‘живость’, ‘непринужденность’, т. е. сродни характеристикам изящ-

ной личности. Напр.: *Все это делается так просто, так очаровательно ловко, что вам и в ум не приходит, отчего ваша собеседница так долго не может приколоть вовсе нисколько и не откальвавшейся косынки* (Н. С. Лесков).

Другой пример того же класса: *Ни у кого нет более анахронизмов, анатопизмов, неисправностей и неточностей, как у Шекспира: между тем его старинная Англия, баснословная Британия (в «Лире» и «Симбелине»), столь же баснословные Шотландия и Дания (в «Макбете» и «Гамлете»), его Греция, его Рим, в особенности его Италия 15 и 16 веков очаровательно живо и верно говорят воображению* (В. К. Кюхельбекер). В этом же предложении очаровательно вряд ли модифицирует обстоятельство *верно*, поэтому редакторы (от едких замечаний которых сам Кюхельбекер страдал еще при жизни) предложили бы, во избежание трудностей прочтения, поменять местами обстоятельства: *верно и очаровательно живо говорят воображению* несколько более удачно.

Даже прилагательные цвета — необычные в подобных контекстах в качестве эпитетов действия — интерпретируются в данном ключе, под давлением стилистической системы: *Она так очаровательно-розово слушала — и вдруг из синих глаз слеза, другая, третья — прямо на раскрытую страницу* (Е. Замятин).

4. Очаровательность

Существительное *очаровательность* изредка употребляется в XIX в. и, чаще, в XX в. как номинализация прилагательного, напр.: *...при всей очаровательности ее неописанной красоты, никто не влюблен в нее, потому что слова и поступки ее уничтожают в одну минуту впечатление, произведенное ее небесною наружностью* (Н. А. Дурова). Это предложение естественно перифразируется так: *несмотря на то, что ее неописанная красота очаровательна*. Похожий случай: *Таскала я Кадзу-чан на руках и так была увлечена его очаровательностью, что неожиданно для самой себя, забыв осторожность, чмокнула его в темнеющий бритый затылок* (А. Толстая) ‘увлечена была тем, что он так очарователен’.

Если заменить *очаровательность* на *очарование* в подобных контекстах, то уйдет оттенок потенциальности, противопоставляемой свершившемуся эпизоду очарования, ср.: *...и мой голос звучит тебе на эту минуту без очаровательности, которую я всегда даю ему; на минуту я для тебя перестаю быть царицею* (Н. Г. Чернышевский).

В некоторых случаях невозможна такая замена и по чисто синтаксическим причинам. Так, *(при)давать очарование* звучит менее обычно, чем *(при)давать очаровательность*, напр.:

Но вот что слишком немногими испытано, что очаровательность, которую всему дает любовь, вовсе не должна, по-настоящему, быть мимолетным явлением в жизни человека, что этот яркий свет жизни не должен озарять только эпоху искания, стремления, назовем хотя так: ухаживания, или сватания, нет, что эта эпоха по-настоящему должна быть только зарею, милою, прекрасною, но предшественницею дня, в котором несравненно больше и света и теплоты, чем в его предшественнице, свет и теплота которого долго, очень долго растут, все растут, и особенно теплота очень долго растет, далеко за полдень все еще растет (Н. Г. Чернышевский).

Также маловероятно очарование, но допустимо очаровательность в качестве подлежащего при предикате *довершать*, напр.: *...личность его довершила очаровательность его музыки, в особенности, когда, бывало, беседуешь с ним наедине в его кабинете (В. В. Вересаев).*

Зафиксировано также, как окказионализм, слово *очаровательство*: *Вяземский признается Пушкину в письме 1824 года: «Вообще стихи потеряли для меня это очарование, это очаровательство невыразимое» (Б. М. Эйхенбаум).*

Иногда *очаровательность* получает свой эпитет, ради которого это существительное и употребляется, напр.: *Но она была изысканною картиной страдающей очаровательности, всегда храня на красивом своем лице улыбку резигнации, всегда встречая своих друзей ласковым приветливым взглядом (К. Бальмонт).* Трансформация определения — *очаровательное страдание* — была бы возможна в устах садиста (для него же и для вампира допустимо вместо *кровь с молоком* похвалить внешний вид словами *молоко с кровью*), но не утонченного поэта.

В некоторых случаях эта трансформация недопустима из-за неестественности номинализации эпитета, характеризующего очаровательность; напр.: *И с чисто королевской милой очаровательностью вскрикнула, увидев Д-ского: «Ах, вот и художник!» (З. Н. Гиппиус).* *Милость*, даже очаровательная, не является сегодня номинализацией прилагательного *милый*.

В других же случаях подобная трансформация допустима. Так, в следующем предложении можно было бы вполне употребить словосочетание *очаровательная прелесть*: *...но во всех этих одеждах он казался страшно неуклюжим, и неуклюжесть эта, пушистость увеличивали его прелестьную очаровательность (А. Толстая).*

Заключение

Идея очаровательности связана с активным воздействием на разум и чувства «очарованного» человека.

Прототипически очарователен человек, от которого не ждут прямого агрессивного воздействия на сознание: очарование приходит исподволь. По переносу очаровательными называют действия, а также свойства внешности и интеллекта очаровательного человека. Обратный перенос — когда очаровательные произведения искусства (значительно реже — науки) делают очаровательным их автора.

Е. В. Падучева очаровательна во всем: легкость и ясность ее ума сочетаются с легкостью характера, с обаянием и неувядающим очарованием молодости.

Она очаровательно-остроумна и очаровательно мила, одновременно женственна и умна.

Ее труды обладают очарованием артистизма, а логика выводов адресована читателю с незатуманенным сознанием.

С нею мир очарователен, а очарование ее — талантливо.

Литература

- Даль 1882 — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1882.
- Демьянков 2004 — *В. З. Демьянков*. Пленительная красота // Логический анализ языка: Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2004. С.169—208.
- Ожегов, Шведова 1998 — *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
- Падучева 1998 — *Е. В. Падучева*. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // *Вопр. языкознания*. 1998. № 5. С. 3—23.
- Ушаков 1934—1940 — *Д. Н. Ушаков (ред.)*. Толковый словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1934—1940.
- Филин 1981 — *Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века / Отв. ред. Ф. П. Филин*. М., 1981.

РЕГУЛЯРНАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ *

Д. О. Добровольский

1. Регулярная многозначность давно входит в круг интересов Елены Викторовны Падучевой. В многочисленных работах, посвященных этой проблематике, ею были выявлены и описаны различные — продуктивные в первую очередь для русского языка — модели регулярной многозначности (ср., например, [Падучева 1998; 1999; 2004]). Теоретическая значимость изучения регулярной полисемии, понимаемой как «комбинация значений многозначного слова, которая повторяется во многих или во всех словах определенного семантического класса» [Апресян 1993: 10]¹, видится прежде всего в том, что это один из центральных параметров, лежащих в основе построения грамматики словаря.

Наиболее важными для дальнейшего изложения представляются следующие две мысли, высказанные в работах Елены Викторовны в связи с определением статуса правил, описывающих механизмы семантической деривации, результатом действия которых является регулярная многозначность. Во-первых, введение в семантическое представление подобных правил, позволяющих выявлять парадигматические связи между отдельными значениями многозначного слова, «не означает отмены соответствующих словарных статей» [Падучева 1998: 14]. Действительно, способность слов определенного семантического класса образовать значения по некоторому единому для этого класса принципу — это потенциал, заложенный в системе языка (и до известной степени, видимо, в системе стоящих за языковыми выражениями концептуальных структур). Как таковой этот потенциал может быть описан. Нали-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 05-04-04026а) и программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

¹ Ср. также более формальные определения регулярной и продуктивной полисемии в [Апресян 1974: 189].

чие подобных потенций не означает, однако, что все члены определенного семантического класса должны обнаруживать параллельную полисемию и что каждое отдельно взятое производное значение может быть выведено из исходного по некоторым продуктивным правилам, не знающим исключений. Иными словами, «правила» семантической деривации помогают систематизировать представление семантической структуры многозначного слова, но не позволяют предсказать наличие того или иного значения у каждого конкретного слова². Отсюда следует, что все значения многозначного слова должны фиксироваться в словаре. Независимо от того, можно ли найти семантические объяснения для отсутствия того или иного потенциально возможного значения у некоторого слова или же подобная асимметрия объясняется лишь «капризами узуса», сам факт наличия лакун в парадигмах регулярной многозначности требует словарной фиксации каждого отдельного значения.

Во-вторых, та или иная парадигма регулярной многозначности, будучи достаточно продуктивной в некотором языке, совсем не обязательно должна быть представлена и в других языках. Если ранее предполагалось, что модели семантической деривации должны быть квазиуниверсальны (ср., например, [Nunberg, Zaenen 1992]), поскольку они основываются на достаточно общих когнитивных механизмах, в [Падучева 2004: 153—154] было показано, что существуют парадигмы регулярной многозначности, характерные для одного языка и отсутствующие в другом. Там, где, например, английский язык для образования парадигматически связанных друг с другом лексем использует механизмы семантической деривации, русский язык прибегает к словообразовательным средствам. «Таким образом, потенциал семантического развития, скорее всего, в существенной степени универсален, но граница между семантической и лексической деривацией часто проходит лингвоспецифично» [Падучева 2004: 154].

Из этих двух идей выводятся положения, развиваемые в данной статье. Асимметричное устройство парадигм регулярной многозначности, их неуниверсальность и зависимость от разнообразных — в том числе и чисто узуальных — факторов проявляется особенно наглядно при сопоставлении разных языков. Даже то, что представляется регулярным и как бы само собой разумеющимся в рамках одного языка, оказывается нетривиальным и не вполне регулярным при сопоставлении с аналогичным явлением другого языка. Это положение имеет и чисто лексикографические следствия. В двуязычном словаре часто необходима более дробная разбивка структуры словарной статьи

² Ср. различие между регулярной и продуктивной полисемией, проводимое в [Апресян 1974].

на значения, так как межъязыковые несовпадения могут проявляться внутри одной отдельно взятой лексемы. «Носитель языка не чувствует контекстно обусловленных сдвигов значения и регулярной многозначности — в значительной степени она является следствием несовершенства нашего способа представления смысла слова» [Падучева 1998: 22]. То, что для носителя языка L1 представляется абсолютно регулярным, контекстно обусловленным семантическим сдвигом, не нуждающимся в специальном словарном описании, с точки зрения языка L2 оказывается нетривиальной модификацией исходного значения, для которой в языке L2 существует отдельное слово и которая, следовательно, должна быть выделена в отдельную семему в словаре, описывающем язык L1 с точки зрения L2.

Итак, с одной стороны, при сопоставлении моделей регулярной многозначности в разных языках мы имеем дело с отдельными несовпадениями в конкретной реализации аналогичного принципа семантической деривации. В этом случае можно говорить о несовпадении L1- и L2-лакун в рамках одной и той же парадигмы (ср. примеры в разделе 3). С другой стороны, встречаются случаи наличия в том или ином языке неких уникальных (точнее: специфических для данного языка с точки зрения другого языка) моделей регулярной многозначности. Иными словами, в языке L1 выделяются семантические классы с парадигмой регулярной многозначности P1, которая полностью отсутствует в языке L2, где соответствующие семантические классы либо вообще не характеризуются регулярной многозначностью, либо реализуют парадигму P2, принципиально отличающуюся от P1. Так, парадигма семантической деривации для английских глаголов положения в пространстве (*stand, lie, sit, hang*) включает четыре значения:

- 1) агентивное значение сохранения положения,
- 2) агентивное значение принятия положения — инхоативное,
- 3) значение пассивного положения в пространстве,
- 4) агентивное значение каузации положения в пространстве ([Падучева 2004: 153] по [Levin, Rapoport Novav 1995]).

Из этих четырех значений коррелирующие русские глаголы *стоять, лежать, сидеть, висеть* имеют только два: первое и третье. Для второго, инхоативного значения используются глаголы *встать, лечь, сесть, повиснуть*, а для четвертого, каузативного — глаголы *поставить, положить, посадить, повесить*.

Подобные случаи представляются значимыми с точки зрения лингвистической типологии. Со времен выхода в свет работ С. Ульманна (ср. прежде всего [Ульманн 1970]) считается общеизвестным фактом, что типологическое исследование языков может строиться не только на основе морфологических и синтаксических критериев, но и на основе лексико-семантических парамет-

ров, то есть на основе способов организации семантической информации в лексической системе языка. Модели регулярной полисемии оказываются одним из таких параметров. С этой точки зрения весьма многообещающими представляются сопоставительные исследования на большом количестве языков; ср., например, проект «Каталога семантических переходов» [Зализняк 2001].

2. Семантические классы слов, для которых характерна регулярная многозначность, достаточно хорошо описаны на материале русского языка (ср. работы Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Р. И. Розиной, Г. И. Кустовой и др.). Основные выводы, полученные в этих исследованиях, можно кратко сформулировать следующим образом. Слова одного семантического класса дают сходную многозначность — наборы значений, в принципе допустимые для любого слова данного класса. Эти наборы значений представляют своего рода парадигмы, т. е. отдельные значения выводимы друг из друга по определенным семантическим правилам³. Причем для некоторых классов лексических единиц (например, для слов с экспериенциальной семантикой, исследуемых в работах Г. И. Кустовой) выводимость одних значений из других обладает «почти грамматической регулярностью» [Кустова 2002: 34]. Если какое-то слово не имеет всех потенциально возможных значений, этому можно найти объяснения в индивидуальной семантике этого слова, т. е. отклонения от общей схемы описываются в терминах ограничений на действие общих правил (см. [Падучева 1998; Падучева, Розина 1993]). Например, как показала Р. И. Розина [1999: 162], глаголы движения вниз *сойти*, *сбежать*, *слететь* и др. развивают значения ‘прекратить функционировать’ и ‘перестать существовать’ (по крайней мере в более или менее устойчивых выражениях типа *сойти с экранов*). Но относящийся к этому семантическому классу глагол *спрыгнуть* не имеет этих значений, поскольку его семантика содержит указание на конкретный способ движения, всегда предполагающий наличие одушевленного актанта⁴.

³ Эта закономерность характерна также и для фразеологии, по крайней мере для идиом определенных семантических классов, ср. [Добровольский 2004].

⁴ Заметим, что здесь возникает вопрос, почему способ движения, обозначаемый словом *спрыгнуть*, должен рассматриваться как более конкретный, чем способ движения, обозначаемый словом *сбежать* или *слететь*. Кроме того, и все прочие глаголы данного семантического класса в своих исходных прямых значениях предполагают наличие одушевленного актанта, то есть в этом смысле *спрыгнуть* вряд ли чем-то отличается от других глаголов движения вниз. Возможно, ощущение его уникальности возникает скорее как результат нашего знания об отсутствии у него абстрактных значений. Ср., впрочем, значение ‘потери рассудка’ в контекстах типа *спрыгнул, да*

Эти и подобные им семантические классы, видимо, характеризуются регулярной полисемией и в других языках. Ср. *abgehen, ablaufen* в немецком языке или *run out* в английском⁵. Но подобная межъязыковая эквивалентность имеет место далеко не всегда. Как уже было сказано, часто мы имеем дело с непараллельным устройством регулярной многозначности в рамках одного семантического класса в разных языках.

3. Примеры асимметричной организации моделей семантической деривации можно встретить, даже обратившись к наиболее часто цитируемому парадигмальному примеру регулярной полисемии. Так, слова типа *школа, университет, институт, факультет* имеют, наряду со значением ‘учебное учреждение’, значения ‘здание’ (*новая школа <новый университет/институт/факультет> сгорел(а)*), ‘люди в этом здании’ (*вся школа <весь университет/институт/факультет> уехал(а) на экскурсию*), ‘учебные занятия’ (*школа <(этот) университет/институт/факультет> ему надоел(а)*)⁶ и нек. др. (ср. [Bierwisch 1983; Kiefer 1990: 3]). Но даже в рамках этого семантического класса регулярность лексической полисемии весьма относительна и может устанавливаться лишь на уровне определенных тенденций (ср. [Бибок 1996: 157—159]). Например, *школа* обладает еще одним значением, не присущим словам *университет* и *институт*; ср. *он создал свою школу*. Ср. далее темпоральное значение слова *школа* (1), которое присуще прочим членам этого семантического класса в меньшей степени или не присуще вообще.

(1) *После школы пойду играть в футбол.*

[?]*После института/университета пойду играть в футбол.*

**После факультета пойду играть в футбол.*

Сходным образом ведут себя соответствующие слова и в немецком языке; ср. (2):

так проворно. Поскольку эта семантическая деривация сопровождается обязательным сдвигом ударения, подобные случаи можно считать реализациями семантически мотивированной омографии.

⁵ Впрочем, в последнем случае мы имеем дело с несколько иной метафорой: ср. ‘выбежать’, ‘выйти’ vs. ‘сойти’. Этим наблюдением я обязан Анне А. Зализняк.

⁶ Некоторая асимметрия наблюдается уже и в рамках этой — обычно считающейся бесспорной и универсальной — семантической парадигмы. Так, высказывание *факультет ему надоел* звучит несколько странно и возможно, видимо, только в разговорной речи. Более приемлемым это высказывание становится при модификации имени с помощью указательного местоимения (*этот факультет ему надоел*) или других подобных модификаторов, проясняющих референциальный статус именной группы. Для слов *университет, институт* и особенно *школа* такая модификация является чисто факультативной.

(2) *Nach der Schule gehe ich Fußball spielen.*

[?]*Nach der Universität gehe ich Fußball spielen.*

^{??}*Nach dem Institut gehe ich Fußball spielen*⁷.

**Nach der Fakultät gehe ich Fußball spielen.*

У слова *опера*, которое в некоторых из своих значений примыкает к этому семантическому классу, помимо значений, предсказываемых моделью, есть еще значения ‘партитура, диск, кассета и т. п. как типы физических объектов’, ‘музыкальная драма как вид искусства’ и др.⁸ В случаях, когда соответствующее значение представлено в структуре всех членов данного семантического класса, часто все равно нельзя говорить о полной симметрии распределения, поскольку коррелирующие семемы могут быть профилированы в разной степени. Ср. значение ‘здание’ у слов *театр* и *опера*. У слова *театр* это центральное значение, то есть при изолированном предъявлении *театр* осмысливается именно как ‘здание театра’. Напротив, у слова *опера* это значение маргинально. Для реализации этого значения чаще употребляются словосочетания *оперный театр* или *здание оперы* (ср. также немецкое *Opernhaus* как стандартное обозначение здания оперы). В разговорном языке (как в русском, так и в немецком) оперный театр может быть назван и просто *театром*. Так, если речь идет о Большом театре, скорее скажут *театр на ремонте*, чем *опера на ремонте*.

Слова типа *правительство* и *парламент* обнаруживают в этой сфере еще более ярко выраженные проявления асимметрии. У слова *правительство* (в отличие от слова *парламент*) вообще нет значения ‘здание’, по крайней мере в нейтральных контекстах. Ср. **он вышел из правительства* (правильно: *из здания правительства* — естественно, если имеется в виду физическое перемещение данного лица, а не его выход из соответствующей структуры власти). Реализация значения ‘здание’ возможна, видимо, только в разговорном языке, в контекстах противопоставления, осложненных остенсивной составляющей типа *это правительство или Дума?* Интересно, что в немецком языке реализация значения ‘здание’ затруднена даже в контекстах этого типа. Ср. ^{??}*Ist das die Regierung oder das Parlament?* — правильно: *Regierungssitz*.

⁷ Расхождения между немецким и русским языками в степени приемлемости этого примера объясняются тем, что немецкое слово *Institut* по объему значения не совпадает с русским *институт*.

⁸ В основном своем значении *опера* относится к семантическому классу «музыкальный жанр», наряду с такими словами, как *симфония*, *соната* и пр. У этого семантического класса есть своя модель регулярной полисемии, которая как раз и предсказывает значения типа ‘партитура, диск, кассета и т. п. как типы физических объектов’. Видимо, этим и объясняются обсуждаемые здесь расхождения в моделях регулярной многозначности.

Сходные проявления асимметрии обнаруживают в русском языке и слова *радио* и *телевидение*. Поскольку речь идет о существительных одного семантического класса, можно было бы ожидать, что они обнаруживают идентичную или хотя бы весьма сходную структуру многозначности. Однако это не так. В остенсивных контекстах *радио* в значении ‘здание’ возможно, а *телевидение* — скорее нет. Ср. *Что это за здание? — Это радио*. Но: *Что это за здание? — Это телевидение*. В [Бибок 1996] указывается на то, что русские слова *телевидение*, *телевизор*, *телецентр* соответствуют венгерскому *televízió*. Значит, это венгерское слово реализует потенции регулярной полисемии, а соответствующие русские — нет, распределив значения ‘учреждение’, ‘прибор’, ‘здание’ по различным словам. Таким образом, венгерский язык пользуется в этом случае семантической деривацией, а русский язык — лексической. С другой стороны, русское слово *радио* реализует практически все значения, потенциально заложенные в данной парадигме; ср. *что там сегодня по радио?*; *он работает на радио*; *купил новое радио*. Правда, значение ‘здание’ реализуется и в этом случае только в остенсивных контекстах и/или в контекстах противопоставления. Так, нельзя сказать **он входит в радио/выходит из радио*.

Обычно считается, что причиной подобных расхождений в структуре многозначности является наличие отдельного семантически специфицированного слова (например, *телевизор* для ‘прибора’ или *телецентр* для ‘здания’), которое блокирует развитие соответствующего значения у слова с более общей семантикой, хотя такое значение было бы возможно в принципе. Иными словами, предполагается, что действие лексической деривации блокирует действие семантической деривации. Нужно заметить, что наличие более специального обозначения вряд ли может считаться удовлетворительным объяснением. Во-первых, не вполне ясно, что считать причиной, а что следствием. С таким же успехом можно говорить, что отсутствие соответствующего значения у некоторого слова приводит к лексической деривации, то есть к необходимости образовать более специальное слово от исходного с помощью словообразовательных средств. Во-вторых, можно привести немало примеров, когда наличие более специального слова не блокирует соответствующее значение более общего слова. Так, в русском языке есть слово *радиоприемник*, но аналогичное значение слова *радио* при этом не блокируется. Также и в немецком языке слово *Radio* имеет соответствующее значение, хотя оно реализуется еще и с помощью существительных *Rundfunkgerät*, *Rundfunkempfänger*, *Radioapparat*.

В немецком языке многозначные слова часто обнаруживают не только аналогичные с русскими модели регулярной полисемии (что вполне соответствует традиционным представлениям о квазиуниверсальности этого явления), но и сходные проявления асимметрии. Например, у немецкого слова *Fernsehen* (как и у русского *телевидение*) отсутствует теоретически допусти-

мое значение ‘здание’: **er ging in das Fernsehen hinein* — *он вошел в телевидение. Такие совпадения, естественно, не являются обязательными. Так, немецкое слово *Fernsehen*, в отличие от русского *телевидение*, в разговорном языке может употребляться в значении ‘телевизор’ (DU), при том что существует и общелитературное стандартное обозначение телевизора — *Fernseher*. Подобная семантическая деривация отсутствует в русском языке; ср. невозможность **телевидение работает* в смысле ‘телевизор работает’ при допустимости немецкого *das Fernsehen läuft*.

В этом разделе мы имели дело с единичными отклонениями от потенциально регулярных моделей многозначности: эти отклонения наблюдаются как в рамках одного языка, так и при сопоставлении разных языков. В последнем случае речь идет, как было сказано выше, о несовпадении L1- и L2-лакун в рамках одной и той же парадигмы. Теоретическую загадку в подобных случаях представляют не столько сами эти отклонения (они важны скорее как объект лексикографического описания), сколько межъязыковые совпадения в сфере подобных отклонений, то есть случаи, когда L1- и L2-лакуны совпадают. Действительно, если в языке L1 слово W1 ведет себя не по правилам парадигмы P1 и в языке L2 эквивалент этого слова W2 аналогичным образом обнаруживает отклонения от соответствующей парадигмы P2, это нуждается в объяснении. Видимо, существуют некие факторы, общие для данных двух (а возможно, и для других) языков, которые препятствуют образованию у слов W1 и W2 значений, потенциально предсказываемых парадигмой регулярной многозначности данного семантического класса.

4. Еще более интересными в теоретическом плане представляются случаи наличия в том или ином языке специфических для него моделей регулярной многозначности, поскольку (как уже было отмечено выше) они могут быть использованы в качестве релевантных параметров лексико-семантической типологии языков.

Рамки данной статьи позволяют привести лишь один пример. Немецкие глаголы движения типа *laufen, fahren, fliegen, schwimmen*⁹ обнаруживают переходные и квазипереходные употребления, не свойственные их русским аналогам. Речь идет прежде всего о каузативном значении ‘везти кого-л. ку-

⁹ Глагол *gehen* хотя и относится к данному семантическому полю, обнаруживает ряд существенных отличительных особенностей и в силу специфики своего исходного значения имеет принципиально иную структуру многозначности. Здесь этот глагол не рассматривается. Отметим лишь, что особенности семантики глагола *gehen* имеют и чисто грамматические следствия. В отличие от рассматриваемых здесь глаголов, *gehen* ни в одном из своих значений не образует сложных форм прошедшего времени с помощью вспомогательного глагола *haben*.

да-л. на соответствующем транспортном средстве'. Ср. *er hat sie ins Krankenhaus gefahren* он отвёз её в больницу; *die Kohle zum Kraftwerk schwimmen* доставлять уголь на электростанцию (водным путём); *Medikamente in das Katastrophengebiet fliegen* доставлять медикаменты в зону бедствия (воздушным путём). Эту модель семантической деривации используют все перечисленные глаголы и их гипонимы типа *jetten*. Единственным исключением является глагол *laufen*. Отсутствие данного значения у глагола *laufen* вполне естественно и объясняется невозможностью его «транспортного» прочтения, противоречащего самой идее бега¹⁰.

С точки зрения сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии эти — столь естественные в рамках логики немецкого языка — употребления представляют определенную проблему, поскольку регулярная полисемия такого рода совершенно не свойственна русскому языку. В русском языке для выражения этих смыслов всегда используются другие — лексически не совпадающие с глаголами движения — слова: *отвозить*, *доставлять*, *везти*, *транспортировать* и т. п. (ср. примеры выше).

Среди каузативных употреблений для некоторых из этих глаголов выделяется также значение 'управлять': ср. *er kann Auto fahren* он умеет водить (машину); *den Traktor aufs Feld fahren* вести трактор в поле. Кроме того, у каждого глагола есть свои, свойственные только ему переходные значения. Для *fahren* в «Новом большом немецко-русском словаре»¹¹ выделяются следующие лексемы, требующие прямого дополнения (3), причем все они в той или иной степени возводимы к идее 'управления':

- (3) ездить (на определенной марке автомобиля, на определенном виде горючего); *er fährt einen Ferrari* он ездит на феррари; *er fährt nur Super* разг. он ездит только на бензине высшего качества
tex. пускать; приводить в действие; эксплуатировать; *eine Anlage fahren* эксплуатировать установку
разг. выполнять, проводить, осуществлять (в соответствии с задуманным); *die Arbeiter fahren eine Sonderschicht in der Fabrik* рабочие фабрики отработали дополнительную смену.

¹⁰ С другой стороны, глагол *laufen* обнаруживает специфическое каузативное значение, реализующееся при наличии внутреннего объекта (что в свою очередь объясняется нашими знаниями об устройстве мира и не нарушает, таким образом, системной организации многозначности рассматриваемых глаголов): *sich (D) die Füße wund* ~ 1) натереть себе ноги 2) *перен. (nach etw. D)* сбиться с ног (в поисках чего-л.); *sich (D) eine Blase* ~ набить себе мозоли.

¹¹ Этот лексикографический проект находится в стадии завершения. Структура словарных статей некоторых из рассматриваемых здесь глаголов обсуждается в [Dobrovolskij, Šarandin 2006].

Для русского языка все подобные употребления глаголов движения невозможны, следовательно семантическая деривация этого типа может рассматриваться как один из регулярных параметров, по которому лексические системы этих двух языков могут быть противопоставлены.

Не менее «экзотичными», чем чисто переходные употребления, являются с точки зрения русского языка случаи употребления немецких глаголов движения, в которых в качестве прямого дополнения выступает семантический сирконстант, обозначающий отрезок пути (ср., например, *einen Umweg laufen/fahren/fliegen сделать крюк, ехать в объезд, лететь в обход; einige Runden laufen/fahren/schwimmen сделать несколько кругов*) или «спортивное достижение» типа *einen Rekord laufen/fahren/fliegen/schwimmen установить рекорд в беге (на определенной дистанции)/заезде/полете/заплыве* или *die beste Zeit laufen/fahren/schwimmen показать лучшее время на дистанции/в заезде/в заплыве*. Сомнительность узуальной приемлемости последнего из перечисленных сочетаний для глагола *fliegen* объясняется экстралингвистическими факторами — спецификой соответствующих видов спорта. С другой стороны, этот глагол обнаруживает дополнительное, близкое по семантико-синтаксическим признакам и свойственное только ему значение (4), наличие которого также объясняется знаниями о мире:

- (4) выполнять (что-л. в полете); *Militärmaschinen der sudanesischen Regierung haben einen Bombenangriff geflogen* авиация правительственных войск Судана нанесла воздушный удар.

В таких случаях можно говорить о **псевдопереходных** глагольных лексемах. Отличие псевдопереходных употреблений от собственно переходных манифестируется не только в области семантики, но и в таких формальных показателях, как употребление вспомогательных глаголов для образования сложных форм прошедшего времени. Если собственно переходные употребления требуют, в соответствии с продуктивными правилами грамматики, глагола *haben* (ср., например, (3)), псевдопереходные употребления допускают в этой функции как *haben*, так и *sein* (ср. сочетания с семантическим сирконстантом, в том числе (4)). Причины этого очевидны. С чисто формальной точки зрения обсуждаемые случаи являются переходными употреблениями, так как соответствующий глагол управляет дополнением в аккузативе. Семантически, однако, глагол в таких употреблениях не выражает идею направленности на объект, т. е. эти употребления не ощущаются как агентивно-транзитивные. Соответственно, для носителей языка такие употребления по одним показателям оказываются рядоположенными переходным глаголам, а по другим — непереходным.

В случаях, когда прямое дополнение практически сливается с глаголом, превращаясь в квазипрефикс, в качестве вспомогательного глагола может ис-

пользоваться только *sein*, как, например, в словосочетаниях *Boot* (*Rad, Ski*) *fahren* *кататься на лодке* (*на велосипеде, на лыжах*). В пользу такой интерпретации говорят также допустимые орфографические варианты типа *radfahren*.

Замечание: В [Шеманаева 2006] со ссылкой на [Levin, Rappaport Hovav 1992; Tschander 1999] показано, что выбор вспомогательного глагола при *schwimmen* зависит еще и от того, какая составляющая ситуации движения — ‘путь’ или ‘способ’ — профилирована в семантической структуре глагола. Ср.: *er hat/ist früher viel geschwommen* *раньше он много плавал* vs. *ich bin/*habe über den Fluss geschwommen* *я переплыл (через) реку* vs. *ich habe/*bin eine halbe Stunde geschwommen* *я проплавал полчаса*. Таким образом, на выбор вспомогательного глагола влияет не только его переходность/непереходность, но и другие факторы.

Следует заметить, что псевдопереходные конструкции с глаголами движения встречаются и в русском языке. Ср. *пройти пешком/проехать без остановки весь путь; пробежать стометровку; пробежать/проплыть... дистанцию (с хорошим результатом)*; в спортивном жаргоне также *пробежат/проплыть... лучшее время*¹². Интересно, что такие конструкции в русском языке, помимо сильных ограничений на лексическую сочетаемость, часто имеют дополнительные ограничения на вид и/или способ действия; ср. **бежать/плыть... лучшее время; *бежать/плыть... дистанцию с хорошим результатом*, при том что выражение *бежать/плыть... дистанцию* и без акцента на результате допустимо только в сочетании с глаголами типа *пришлось, предлагается, пожелал*¹³.

Для семантической типологии важным фактором является регулярность способа означивания этих смыслов. Один язык выбирает способ, при котором один и тот же глагол выражает и движение и все «сопутствующие моменты», другой язык ставит в центр внимания именно эти «сопутствующие моменты», выбирая обозначения не по принципу характера движения, а по принципу цели, ради которой это движение производится. Языки типа немецкого и английского предпочитают использование того же самого глагола, вводя его в различные конструкции (по Филлмору; ср. [Fillmore 1990; Goldberg 1995]). Языки типа русского при кардинальном изменении аргументной структуры меняют сам глагол, допуская при этом отдельные исключения — конструкции с относительно жестко фиксированным лексическим наполнением. Ины-

¹² Выражения типа *пройти долгий путь* явно метафоричны и не должны рассматриваться в контексте этих рассуждений, тем не менее очевидно, что их существование в языке основывается на принципиальной возможности псевдопереходного употребления глаголов движения.

¹³ Связь (псевдо)переходности с видом и способом действия вообще характерна для русского языка.

ми словами, разные языки предпочитают разные стратегии образования каузативных и квазикаузативных конструкций от глаголов движения. По этому параметру соответствующие языки могут быть типологически противопоставлены. Так, совмещение в одном глаголе переходных и непереходных употреблений типично для английского языка и может рассматриваться как одна из его базовых семантико-синтаксических характеристик. Такое совмещение довольно часто встречается и в немецком языке (ср. обсуждаемые здесь случаи), но не может считаться для него «сквозным» принципом организации взаимодействия лексической семантики и синтаксиса. Для русского языка совмещение в одном глаголе переходных и непереходных употреблений не характерно. Исключения, видимо, следует описывать в терминах фразеологизации конструкций.

5. В предыдущем разделе была рассмотрена одна из лингвоспецифичных моделей регулярной многозначности. Подобных моделей в каждом языке может оказаться достаточно много. Часто межъязыковые различия такого типа возводимы к степени изоморфизма между организацией синтаксической и семантической структуры высказывания. Известно, что в русском языке степень изоморфизма семантики и синтаксиса довольно высока. Напротив, в немецком языке достаточно распространены конструкции, в которых семантические роли выражаются в синтаксической структуре весьма нестандартным образом. Ср. высказывания типа *der Baum hängt voller Äpfel* букв. «дерево висит полное яблок» в значении ‘на дереве висит много яблок’. Для английского языка подобные конструкции, характеризующиеся рассогласованием семантики и синтаксиса, еще более типичны. Таким образом, в языках типа русского на потенциал развития семантической деривации могут накладываться достаточно сильные синтаксические ограничения, не свойственные другим языкам. В этом видится одна из причин наличия лингвоспецифичных моделей регулярной многозначности.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян 1993 — Ю. Д. Апресян. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. М., 1993. С. 6—17.
Бибок 1996 — К. Бибок. Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков // Вопр. языкознания. 1996. № 2. С. 156—165.
Добровольский 2004 — Д. О. Добровольский. Регулярная многозначность в сфере идиоматики // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 77—88.

- Зализняк 2001 — *Анна А. Зализняк*. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // *Вопр. языкознания*. 2001. № 2. С. 13—25.
- Кустова 2002 — *Г. И. Кустова*. О типах производных значений с экспериенциальной семантикой // *Вопр. языкознания*. 2002. № 2. С. 16—34.
- Падучева 1998 — *Е. В. Падучева*. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // *Вопр. языкознания*. 1998. № 5. С. 3—23.
- Падучева 1999 — *Е. В. Падучева*. Глаголы движения и их стивные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // *Логический анализ языка; Языки динамического мира*. Дубна, 1999. С. 87—107.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева, Розина 1993 — *Е. В. Падучева, Р. И. Розина*. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // *Вопр. языкознания*. 1993. № 6. С. 5—16.
- Розина 1999 — *Р. И. Розина*. Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // *Язык, культура, гуманитарное знание: Науч. наследие О. Г. Винокура и современность*. М., 1999. С. 161—173.
- Ульманн 1970 — *С. Ульманн*. Семантические универсалии // *Новое в лингвистике*. Вып. 5. М., 1970. С. 250—299.
- Шеманаева 2006 — *О. Ю. Шеманаева*. Выражение перемещения в воде в немецком языке // *Глаголы движения в воде: лексическая типология* / Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.) М., 2006. С. 175—198.
- Bierwisch 1983 — *M. Bierwisch*. Psychologische Aspekte der Semantik natürlicher Sprachen // *Richtungen der modernen Semantikforschung*. Berlin, 1983. S. 15—64.
- Dobrovolskij, Šarandin 2006 — *D. Dobrovolskij, A. Šarandin*. Polysemie in einem zweisprachigen Wörterbuch // XII Euralex International Congress: Proceedings. Torino, Italia, September 6th—9th, 2006. Alessandria, 2006. P. 527—535.
- DU — Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. v. G. Drosdowski, u.a. 3. Aufl. Mannheim etc., 1966.
- Fillmore 1990 — *Ch. J. Fillmore*. Construction grammar. Course reader for linguistics 120 A. Berkeley, 1990.
- Goldberg 1995 — *A. E. Goldberg*. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. Chicago; London, 1995.
- Kiefer 1990 — *F. Kiefer*. Linguistic, conceptual and encyclopedic knowledge: some implications for lexicography // BudaLEX'88 Proceedings. Papers from the 3rd International EURALEX Congress, Budapest, 4—9 September 1988. Budapest, 1990. S. 1—10.
- Levin, Rappaport Hovav 1992 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. The lexical semantics of verbs of motion: the perspective from unaccusativity // *Thematic structure: its role in grammar*. Berlin, 1992. P. 247—269.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Unaccusativity: at the syntax-lexical semantics interface. Cambridge (Mass.), 1995.
- Nunberg, Zaenen 1992 — *G. Nunberg, A. Zaenen*. Systematic polysemy in lexicology and lexicography // *Proceedings of Euralex II*. Tampere, 1992. P. 387—396.
- Tschander 1999 — *L. B. Tschander*. Bewegung und Bewegungsverben // *KogWis99: Proceedings der 4. Fachtagung der Gesellschaft für Kognitionswissenschaft*. Bielefeld, 1999. S. 25—30.

РУССКАЯ ЧАСТИЦА *СМОТРИ* В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н. Р. Добрушина, М. А. Даниэль

Значения предостережения, предупреждения, сообщения об опасности нередко получают грамматическое или квазиграмматическое выражение. Конструкции или наклонения с этим значением не раз описывались в лингвистической литературе для разных языков. В. С. Храковский и А. П. Володин, анализируя русские конструкции с частицей *смотри*, предлагают называть такое значение **превентивным**. В западной литературе распространены термины **admonitive** и **apprehensive** [Bybee et al. 1994: 179; Lichtenberk 1995].

Детальный анализ ряда разноструктурных языков [Добрушина 2006] показывает, что ситуация предостережения имеет несколько компонентов, а грамматикализованная в данном языке форма, как правило, выбирает в качестве фокуса один из этих компонентов. Типичными являются два способа концептуализации ситуации предостережения.

Говорящий, во-первых, может сообщить адресату о том, что тому грозит некоторая опасность, что может произойти нежелательное происшествие. По-русски он скажет об этом так:

- (1) «**Как бы не простудиться**», — подумала она (Олег Кургузов. Как Лена лепешкой была // Трамвай, №7, 1991)¹.
- (2) Он думает только об одном: **как бы не потерять кресло до окончания срока президентских полномочий главы государства**.
- (3) **Смотри, свяжешься с ним — будете под забором жить!** (Андрей Житков. Супермаркет, 2000).
- (4) **А то как-то уеду / а она пригласит / обидеться может еще чего доброго** (Телефонный разговор двух женщин, 2005.04.12).

Эту категорию мы предложили назвать **апрехенсивом**. Нередко она выражается в языках мира с помощью особого наклонения. В языках, где отсутствует специальная форма для сообщения об опасности, тот же смысл часто

¹ Здесь и далее используются примеры из Национального корпуса русского языка.

выражается разного рода эпистемическими формами и конструкциями, т. е. теми, которые означают ‘может произойти X’. Это или просто форма будущего времени, или формы каких-то особых наклонений (поссибилитив, потенциалис).

Во-вторых, целью говорящего может быть не столько сообщение об опасности, сколько попытка эту опасность предотвратить. Говорящий призывает адресата не совершать некоторого опасного действия. Как раз этот тип значения был описан В. С. Храковским на материале русского языка. Следуя предложенной им терминологии, мы будем называть эту категорию **превентивом**. Это значение в языках мира гораздо реже выражается с помощью специального наклонения. Обычный способ — это отрицательный императив с какими-либо дополнительными средствами, например, частицами; отметим также, что в этом значении чаще употребляются формы совершенного вида (ср. русск. *Не упади!*).

Вот и скажи приказчику, как я велела, а теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори (П. П. Бажов. Медной Горы Хозяйка, 1936).

Смотри не промахнись, когда стрелять будешь... (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Емеля-охотник, 1884).

Перечислим основные различия между этими двумя формами:

- Центральное значение апрехенсива — сообщение о предстоящем нежелательном событии, центральное значение превентива — призыв не совершать опасное действие.
- Апрехенсив может сочетаться с любым лицом, превентив предпочитает 2-е лицо.
- Для превентива характерно наличие в конструкции отрицания (если это не специальное наклонение). Для апрехенсива в целом нет, хотя такое тоже возможно (*как бы не...*).
- Превентив бывает только независимым. Апрехенсив часто используется в зависимой (синтаксически и/или семантически) части полипредикативной конструкции. Характерные для него полипредикативные контексты — отрицательная цель, сентенциальные актанты при глаголах страха, придаточные типа *а то*.

Подробнее о типологическом обосновании выделения этих категорий см. [Добрушина 2006]. Здесь мы хотели бы лишь использовать этот типологический фон для анализа употребления русской частицы *смотри*². Выражающие

² Авторы благодарны всем, кто принял участие в дискуссии по теме этой статьи на конференции в Санкт-Петербурге в сентябре 2006 года: В. С. Храковскому,

предостережение конструкции с частицей *смотри(те)* были описаны в книге [Храковский, Володин 1986]. Известно, что наиболее типичной превентивной конструкцией с частицей *смотри(те)* является ее сочетание с отрицательным императивом совершенного вида (*смотри не упади*). В процитированной работе приведены также конструкции с отрицательным императивом несовершенного вида (они охарактеризованы как редкие) и с положительным императивом (как очень редкие [Там же: 153]).

На первый взгляд, русские конструкции с частицей *смотри* по своим характеристикам относятся к типу превентивных: как правило, они выражают попытку предотвратить нежелательное событие, выражаются с помощью императивной формы второго лица, содержат отрицание.

Сегодня мы имеем возможность получить полноценные статистические данные относительно того, какие контексты характерны для этой частицы. Просмотрев с помощью Национального корпуса русского языка некоторое количество примеров предостерегательного употребления частицы *смотри* во второй половине XX века, мы обнаружили следующие контексты.

Распределение контекстов с частицей *смотри* в период с 1950 года по настоящий момент (по данным Национального корпуса русского языка)

Контекст	Количество примеров
с отрицательным императивом сов. вида	43
с отрицательным императивом несов. вида	20
с положительным императивом сов. вида	6
с положительным императивом несов. вида	5
с будущим сов. вида, 1-е лицо	7
с будущим несов. вида, 1-е лицо	1
с будущим сов. вида, 2-е лицо	14
с будущим несов. вида, 2-е лицо	1
с будущим сов. вида, 3-е лицо	4
с будущим несов. вида, 3-е лицо	2
безличные конструкции	11
<i>чтобы</i>	2
<i>чтобы не...</i>	15
<i>если не</i>	2
<i>как бы не...</i>	4
<i>смотри у меня (мне)/ты у меня смотри</i>	17
независимое употребление	7
ВСЕГО	163

С. С. Саю, М. А. Кронгаузу, С. Ю. Князеву, А. Урманчиевой и многим другим, чьи замечания были учтены в ходе работы над статьей.

Таким образом, отрицательный императив совершенного вида хотя и является самым частотным контекстом употребления частицы *смотри* (43 примера), однако составляет всего четвертую часть от всех ее употреблений. Весьма частотным оказался контекст императива несовершенного вида. Неожиданным также является большое количество примеров использования этой частицы с будущим временем (31 пример).

Если теперь вернуться к параметрам различения апрехенсива и превентива, которые были предложены выше, то классификация русских конструкций с частицей *смотри* покажется менее очевидной.

Во-первых, эти конструкции могут не только выражать призыв не совершать действий, которые могут вести к нежелательным для адресата последствиям (императивы: *смотри не упади/смотри не падай*, т. е. 'не совершай таких действий, которые могут привести к падению'), но и просто сообщать о том, что некоторое нежелательное событие может наступить, то есть выступать в типично апрехенсивной функции (в сочетании с будущим временем):

- (3) *Вчера Клара впопыхах не заперла шкаф с запасными спиртовыми препаратами, когда спохватилась, то недосчитала тигрового ужа. (...) — Смотри, дед,— сказал я,— ты такое хлебнешь, что ослепнешь. У Клары гремучая змея пропала, знаешь ты про это?* (Юрий Домбровский. Хранитель древностей, 1964)).

Во-вторых, *смотри* может употребляться со всеми лицами, хотя второе и является центральным (около двух третей употреблений).

В-третьих, плохо объясняются с точки зрения изложенной выше классификации конструкции с положительным императивом. Если отрицательные императивы обозначают предотвращение (являются, тем самым, превентивными), а будущее время — предостережение (апрехенсив), то как определить место следующих контекстов:

- (4) «*Смотри, Жора, веди себя хорошо на гастролях, мы за тебя поручились в райкоме партии*» (Ухарова (Буркова) Татьяна. Предисловие: Георгий Бурков. Хроника сердца, 1997).
 (5) *Только смотри, говорит, купи — вишь, я голая вся* (Василий Шукшин. Живет такой парень, 1960—1964).

И если в первом примере употребление частицы можно интерпретировать как предупреждение (*если не будешь вести себя хорошо, то...*), то для второго такая интерпретация была бы уже явно натянутой. Обзор контекстов, таким образом, ставит под сомнение тот факт, что конструкции с частицей *смотри* являются собственно и только превентивными. С другой стороны,

оба центральных типа употребления *смотри* полностью соответствуют типологически распространенным типам форм и конструкций со значением предостережения: отрицательный императив в качестве превентива и положительная форма эпистемического наклонения в качестве апрехенсива. Как объяснить неожиданно пеструю картину употреблений частицы *смотри*?

Рассмотрим детальнее контексты этой частицы в современном языке и затем вернемся к поставленному вопросу.

***Смотри* с отрицательным императивом сов. вида**

В контексте отрицательного императива 2-го лица частица *смотри* обозначает попытку говорящего предотвратить называемую глаголом в императиве нежелательную ситуацию или ситуацию, ведущую к нежелательным последствиям:

- (6) — *Я возьму его спереди, а ты хватай сзади, — распорядился Буль. — Только **смотри не упади**, а то наделаешь грохоту и раньше времени выдашь нас* (Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов, 1997).
- (7) — *Очень даже просто, — отвечает дядя Леша. — Надо отловить клопового царя, поставить его перед открытой дверью и сказать «Вон!» Вслед за царем уйдут и остальные. — А который из клопов царь? — спрашивает папа. — Который самый жирный, тот и царь, — подсказывает дядя Лёша и строго предупреждает: — Только **смотри не засмейся**, когда выгонять будешь* (Олег Кургузов. Как папа клопов гонял // Трамвай, № 9, 1990).
- (8) *Я все повторил. Слово в слово. Она сказала: — **Смотри же, не подведи!** — Можешь успокоиться. Я не подведу. И тут раздался наш школьный звонок, как на уроки* (Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Смерть шпиона Гадюкина, 1963).
- (9) ***Смотри, не усни!** — бросил, он на прощание* (Борис Можаев. Власть тайги, 1954).

Отрицательный императив совершенного вида обозначает предостережение и без частицы *смотри*, что было многократно описано³. Отметим, однако, что дистрибуция двух конструкций различна, ср.: ****Не подари** ему эту*

³ Интересно, что связь превентивных конструкций с перфективностью наблюдается и в других языках мира (см. об этом [Добрушина 2006]). В ряде тюркских языков предостережение выражается с помощью формы прошедшего времени (значение 'смотри, упадешь' передается как «Смотри, упал!»).

книгу (высказывание неудачно, потому что глагол *подарить* типичным образом описывает контролируруемую ситуацию), но: ***Смотри не подари ему книгу, которая у него уже есть*** — можно, поскольку конструкция привносит в ситуацию элемент случайности (примеры из [Зализняк, Шмелев 2000: 41]; см. об этом также [Булыгина 1982]).

Выбор совершенного вида для выражения предостережения, видимо, имеет и другое объяснение. Действие, к несовершенному которого призывает говорящий, предостерегая, должно произойти в ближайшем будущем; но это близкое будущее всегда отдалено от момента речи небольшим временным промежутком. Иначе говоря, нельзя предотвратить того, что уже происходит или начало происходить. Между тем, императив несовершенного вида обычно имеет компонент ‘как это было договорено или вытекает из общего положения вещей’ [Падучева 1996: 74] и потому некоторыми исследователями описывается как сигнал к действию (в отличие от реального побуждения, которым является императив совершенного вида) [Шаронов 1992]. Отрицательный императив несовершенного вида, тем самым, часто означает ‘в дальнейшем не совершай того действия, которое ты совершаешь сейчас’.

Итак, для *смотри* с отрицательным императивом совершенного вида, по-видимому, важны следующие компоненты:

— отрицательная ситуация не поддается прямому контролю со стороны адресата, и побуждение является призывом к адресату проконтролировать ее иным образом: попытаться предотвратить ее, не совершить действий, которые могут привести к ней;

— действие начнется через короткий промежуток времени после момента речи.

***Смотри* с отрицательным императивом несов. вида**

Контексты *смотри* + императив несовершенного вида являются менее частыми, однако тоже возможны. В каких случаях употребляется несовершенный вид?

Во-первых (как отмечено в работе [Храковский, Володин 1986]), в несовершенном виде употребляются те глаголы, которые не имеют видового коррелята; таких примеров, впрочем, немного.

Во-вторых, несовершенный вид используется тогда, когда предостережение касается действия, которое уже совершалось адресатом в прошлом. Типичный, естественный контекст для частицы *смотри* с отрицательным императивом несовершенного вида — слова *больше, в следующий раз, отныне*, то есть такие, которые показывают на то, что действие уже имело место до момента речи и нужно его либо прекратить, либо, скорее, не повторять.

- (10) — **Смотри**, — сказал он ей наставительно, — **в следующий раз без взрослых дорогу не переходи...** (Валерий Роньшин. Про старушку, которая выглядела как трехлетняя девочка // Трамвай, №7, 1991).
- (11) **Смотри, больше не теряй его, Оля!** (Виталий Губарев. Королевство кривых зеркал, 1951).

В-третьих, конструкция с несовершенным видом может обозначать генерическую ситуацию, которую следует избегать вообще всегда, своего рода жизненный принцип.

- (12) — **Смотри, Сашок, не теряйся** (Вячеслав Кондратьев. Сашка, 1979).
- (13) **Смотри же, не портись ни физически, ни, главное, нравственно, чтоб не было у тебя мрачного лица, которое я так не люблю** (Нина Никитина. Главы из книги об Александре Львовне Толстой // Звезда, № 12, 2002).

Можно сказать, что для конструкции *смотри* + императив несовершенного вида наиболее характерным является обозначение неконкретной, нелокальной ситуации, т. е. ситуации повторяющейся (*больше не...*) или генерической.

Смотри с положительным императивом

Теперь рассмотрим не содержащие отрицания контексты императивов с частицей *смотри*.

- (14) — **Смотри!** — многозначительно заключила разговор Евгения Ивановна. — **Помни о чести школы!** (Бенедикт Сарнов. Юра Красиков творит чудеса, 1969).
- (15) — **Смотри, Митя, держи деньги в разных карманах, особенно баксы** (Виктор Слипенчук. Зинзивер, 2001).
- (16) **Да смотри всех обегу, ни про кого не забудь!** — строго пригрозив скрюченным пальцем, приказала Баба [Валентин Постников. Удивительные похождения нечистой силы (1996)].

Большая часть этих контекстов подразумевает некоторую грозящую адресату опасность: невыполнение действия влечет неприятности или наказание, в том числе, возможно, со стороны говорящего (ср. *многозначительно, пригрозив*).

Однако есть и такие контексты, в которых нет видимого значения угрозы. Следующий пример более естественно интерпретировать как ‘обязательно выполни мое предписание’.

- (17) = (5) *Только смотри, говорит, купи — вишь, я голая вся* (Василий Шукшин. Живет такой парень, 1960—1964).

Смотри с будущим временем

Контексты с будущим временем, как правило, не содержат отрицания. Они описывают нежелательную ситуацию, которая угрожает адресату. Иными словами, это контексты, типичные для апрехенсива.

- (18) — *Смотри, жене все скажу* (Виктория Токарева. День без вранья, 1964).
 (19) — *Дело во мне. Я тебя больше не люблю. Уходи. — Смотри, пожалейши. — И ушёл. Помню это ощущение: весь мир рвётся сверху донизу, пополам. И тут же: ещё не поздно* (И. Грекова. Летом в городе, 1962).
 (20) *Ну, — говорю, — смотри, уйдут, не догонишь* (Чингиз Айтматов. Белый пароход, 1970).

смотри, чтобы не

Семантически близкими к контекстам с будущим временем являются конструкции *смотри, чтобы не...* В них описывается ситуация, которая может наступить и которой хотелось бы избежать.

- (21) *Будешь воду носить, смотри, чтобы куры в огород не попали* (Александр Вампилов. Прошлым летом в Чулимске, 1971).

При этом нежелательная ситуация может быть плохо доступной контролю, как в примере (22); говорящий, однако, побуждает адресата попытаться ее проконтролировать. В этом и заключается роль частицы *смотри*: ‘сделай особые усилия, чтобы ситуация не наступила’:

- (22) — *Ладно, не загадывай, — ротный протянул руку. — Ну, бывай, Сашок, смотри, чтоб не добило* (Вячеслав Кондратьев. Сашка, 1979).

Как показывает корпус, эти конструкции довольно частотны.

Итак, контексты употребления частицы *смотри* в современной письменной речи обнаруживают весьма пеструю картину. При том что превентивные контексты значительно преобладают над апрехенсивными, последние тоже не являются редкими. Помимо превентивных и апрехенсивных употреблений, имеются также контексты с положительным императивом, не все из ко-

торых выражают значение предостережения. В попытке объяснить эту пестроту мы обратились к материалу XIX века, предположив, что наблюдаемая картина является результатом некоторых исторических изменений. Имея в современном языке два типологически различных значения конструкции, мы склонны были ожидать, что одно из значений категории первично, а второе развилось позже на основе первого (подход, вполне типичный для теории грамматикализации, описывающей диахронию грамматических категорий). Иными словами, одним из возможных объяснений является следующий процесс развития: будучи апрехенсивной в прошлом, она развила превентивные употребления в более поздний период. В этом случае апрехенсивные контексты XX (и XXI) века являются реликтами предыдущего этапа. С другой стороны, допустимо и обратное развитие: превентивные употребления являются прошлым этой частицы, а апрехенсивные — ее будущим. Тогда мы можем рассматривать примеры с будущим временем как новые, развивающиеся типы употребления частицы *смотри*. Обзор контекстов употребления частицы *смотри* в первой половине XIX века, однако, принес неожиданные результаты.

**Сравнительное распределение контекстов с частицей *смотри*
во второй половине XX века и в первой половине XIX
(по данным Национального корпуса русского языка)**

Контекст	1950—2006	1800—1850
с отрицательным императивом сов. вида	43	24
с отрицательным императивом несов. вида	20	14
с положительным императивом сов. вида	6	11
с положительным императивом несов. вида	5	27
с будущим сов. вида, 1-е лицо	7	3
с будущим несов. вида, 1-е лицо	1	
с будущим сов. вида, 2-е лицо	14	3
с будущим несов. вида, 2-е лицо	1	
с будущим сов. вида, 3-е лицо	4	1
с будущим несов. вида, 3-е лицо	2	
безличные конструкции	11	13
<i>смотри, чтоб(ы)</i>	2	10
<i>смотри, чтобы не...</i>	15	14
<i>смотри, если не</i>	2	3
<i>смотри, как бы не...</i>	4	2
<i>смотри у меня (мне) / ты у меня смотри</i>	17	11
<i>того и смотри</i>	0	13
независимое употребление	7	12
ВСЕГО	163	161

Таблица демонстрирует несколько существенных отличий контекстов XIX века.

- Частица *смотри* существенно чаще употреблялась с положительным императивом.
- Существенно меньше контекстов с будущим временем.
- Значительно более частотны контексты типа *смотри чтобы...*
- Есть контексты *того и смотри*, которых нет в XX в. (заметим сразу, что они заменились контекстами *того и гляди* — это предположение было высказано А. Урманчиевой и подтверждено данными корпуса). Рассмотрим примеры XIX века более внимательно.

Смотри с положительным императивом

Итак, заметным является наличие в материале XIX века большого количества положительных императивов с частицей *смотри*.

- (23) *Смотри, береги же мой перстень, Ольга! — ты не слушаешь? не веришь моим клятвам?* (М. Ю. Лермонтов. Вадим, 1833).
- (24) *Завтра напишу, — отвечал старик и низко поклонился. — Всё ли? — Всё, сударь. — Ну ступай же; да смотри, докладывай мне обо всем самому. — Управитель вышел из кабинета в переднюю, где ожидал его другой старик, Елисей, дядька и камердинер Адуева. — Что, батюшка Яков Тихоныч, подеялось с Егором Петровичем? Поводай* (И. А. Гончаров. Счастливая ошибка, 1839).
- (25) *При расставании слёз не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь»* (Н. В. Гоголь. Мертвые души, 1842).
- (26) *«Обещаю с сей минуты служить Господу моему, стану нищих, больных, страждущих утешать и им помогать». Он отвечал: «Смотри же, — исполни, и тем загладишь свое преступление. Сейчас проси доброго пастыря, чтоб он тебя приобщил святых тайн»* (А. Е. Лабзина. Воспоминания, 1810).
- (27) *Завтра поезжай к своему тестю; но смотри, потешь его боярскую спесь; оставь сани у ворот; пройди через двор пешком; поговори с ним о его заслугах, о знатности — и он будет от тебя без памяти* (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого, 1828).

Эти контексты совершенно не обязательно содержат угрозу: как правило, они просто являются настойчивым предписанием совершить действие, при этом несовершение этого действия нельзя назвать опасным.

Итак, в XIX веке было широко распространено употребление частицы *смотри* в значении настойчивого побуждения: ‘сделай обязательно’ — такое употребление иногда называют категорическим императивом. Настойчивость реализуется в данном случае как призыв быть ответственным за ситуацию, контролировать ее реализацию. Заметна и еще одна особенность этого императива. Побуждение с частицей *смотри* всегда предполагает, что действие должно начаться через некоторый промежуток времени, а не сразу после момента речи (этим наблюдением мы обязаны С. С. Саю).

Подтверждением тому, что в XIX веке одним из основных значений частицы *смотри* было настойчивое побуждение, является большое количество контекстов типа *смотри, чтоб*.

Смотри, чтоб

Конструкции *смотри чтоб*, которые вышли из употребления в XX веке (во всем корпусе примеров второй половины XX века таких 4, при том что общее количество употреблений слова *смотри* — около 2000), весьма распространены в XIX веке.

(28) *Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, **смотри, чтоб** лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!* (Н. В. Гоголь. Ревизор, 1836).

(29) *Ищи. Да **смотри, чтоб** окна выходили на улицу и на двор. А если где заметишь в доме... понимаешь? того... так хоть на улицу и не будет окошек, нужды нет* (И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин, 1842).

Значение этих конструкций весьма близко к тем, которые выражены частицей *смотри* и положительным императивом: они означают настойчивое предписание взять на себя ответственность за осуществление некоторой ситуации. Распределение между ними в значительной степени синтаксическое: субъектом ситуации в одном случае является адресат (*смотри, потешь*), а во втором случае — третье лицо, возможно даже неодушевленный объект (*смотри, чтобы окна выходили во двор*).

Смотри с отрицательным императивом

Часть примеров XIX века с отрицательным императивом выражают привычное значение предостережения:

- (30) *Жигулин! отдай ему эту записку да смотри не потеряй бумажника... боже тебя сохрани! Отправляйся! Ну, господа! — продолжал начальник отряда, обращаясь к нашим приятелям, — что намерены вы теперь делать?* (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830).

Однако не все контексты с отрицательным императивом содержат значение 'предупреждение об опасности'. Так, в следующих примерах такого значения нет. Функция частицы здесь — выражение настойчивого побуждения:

- (31) *«Погоди маленько: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны». Но намерение мое было твердо принято. — Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич: бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть в три-дорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня я не ворочусь...* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка, 1836).
- (32) *Загадай мне, родимый мой, загадай прежде, чем ум пропьешь; вот тебе ладонь моя белая! Ведь недаром тебя у нас колдуном люди прозвали. Ты же по книгам учился и всякую черную грамоту знаешь! Погляди же, старинушка, расскажи мне всю долю мою горемычную; только, смотри, не солги! Ну, скажи, как сам знаешь, — будет ли счастье дочке твоей, иль не простишь ты ее и накличешь ей на дорогу одну злую долю-кручинушку?* (Ф. М. Достоевский. Хозяйка, 1847).

Смотри с будущим временем

Немногочисленные контексты с будущим временем имеют апрехенсивное значение, то есть сообщают об опасной ситуации.

- (33) *Эх, картину-то как он взял, дурачина: того и гляди, заденет за перила! — и тут же не вытерпит и закричит из окна: — Смотри, картину-то, картину попортишь!* (И. А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин, 1842).

- (34) *Впрочем, это твое дело, хочешь, чтоб я избавил тебя от этого князя — изволь! Не хочешь — воля твоя! Только смотри, он наделает вам хлопот. Чу! Вот, кажется, воротились мои сани... да, точно! Теперь отправлюсь к Днепровским* (М. Н. Загоскин. Искуситель, 1838).

Подводя итоги, можно сказать, что центральным для частицы *смотри* в письменной речи XIX века является значение категорического императива. Превентивное употребление также является достаточно характерным, а апрехенсивные употребления только появляются. Какова же возможная общая картина развития семантики частицы *смотри* на протяжении двух веков? Можно предположить следующие семантические сдвиги.

Исходным значением этой частицы (на наблюдаемом отрезке времени), видимо, является настойчивое побуждение адресата совершить или не совершить некоторое действие, причем это действие должно быть совершено через некоторый, недолгий, промежуток времени — **отложенный категорический императив**. Эффект настойчивости, по-видимому, связан с заложеным в глаголе *смотреть* значениями ‘быть внимательным’ → ‘контролирую реализацию действия’, ‘будь ответственным за исполнение действия’.

Настойчивость в сочетании с отрицательным побуждением естественным образом начинает интерпретироваться как предупреждение: ‘будь внимателен/ответствен, не совершай этого действия’ → ‘в противном случае тебе грозит неприятность’. Этому способствует и то обстоятельство, что описываемое действие должно начаться через некоторый промежуток времени — а это, как уже говорилось, почти обязательное требование к речевому акту предупреждения. Таким путем частица *смотри* начинает связываться с предотвращением опасности, то есть у нее развивается превентивное значение.

В наблюдаемый нами период — первую половину XIX века — эти два значения, категорическое побуждение и предотвращение, прослеживаются совершенно отчетливо.

Следующим этапом является развитие семантики сообщения об опасности вообще (апрехенсив). Уже в начале XIX века есть немногочисленные еще примеры употребления *смотри* с будущим временем, к концу XX века их количество сильно возрастает.

Конец XX века демонстрирует практически полное отсутствие семантики настойчивого побуждения (контекстов с положительным императивом, напомним, немного, и почти все они связывают ситуацию с предстоящей опасностью). Напротив, возрастает количество примеров с отрицательным императивом совершенного вида, то есть как раз тех, которые являются типичными превентивами. С другой стороны, многочисленными являются апрехенсивные контексты. В XX веке, таким образом, центр смещается в сторону пре-

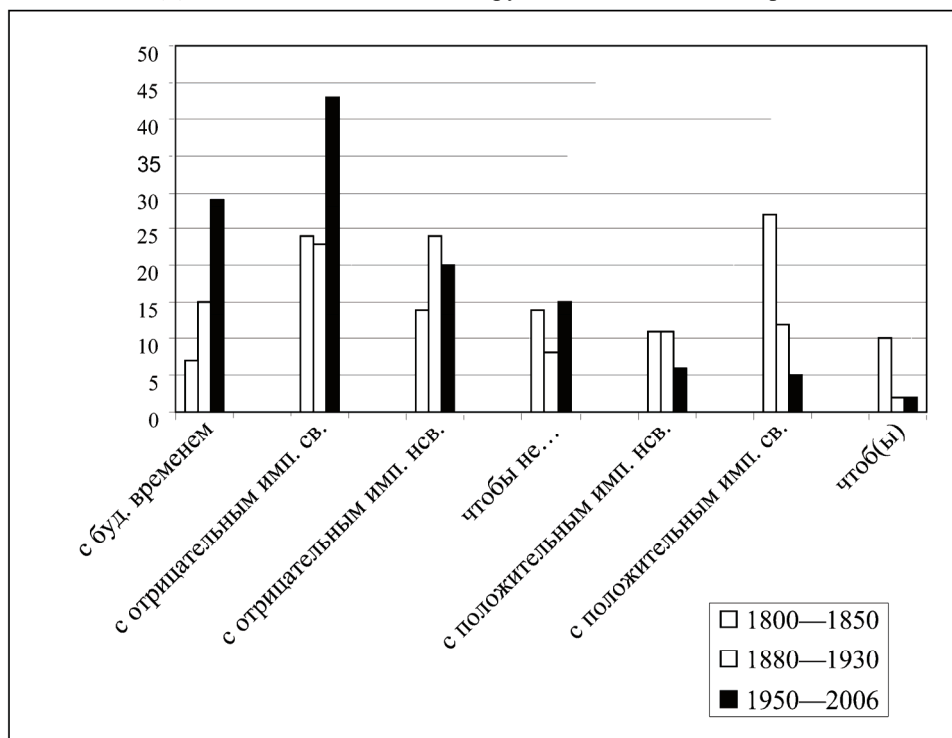
дотвращения опасности (превентив, контексты с отрицательным императивом) и явно наблюдается продолжающееся развитие семантики опасности вообще. Современное *смотри* представляет собой категорию, совмещающую превентивное и апрехенсивное значения.

Добавим к тем фактам, которые нам уже известны, полученные из корпуса данные о промежуточном историческом этапе — конце XIX — начале XX века. Были просмотрены контексты частицы *смотри* с 1880 по 1930 гг. Поскольку в корпусе имеется меньшее количество текстов этого периода, пришлось ограничиться несколько меньшим количеством контекстов (138 по сравнению со 161 и 163).

Контекст	1950—2006	1880—1930	1800—1850
с отрицательным императивом сов. вида	43	23	24
с отрицательным императивом несов. вида	20	24	14
с положительным императивом сов. вида	6	11	11
с положительным императивом несов. вида	5	12	27
с будущим сов. вида, 1-е лицо	7	2	3
с будущим несов. вида, 1-е лицо	1	1	
с будущим сов. вида, 2-е лицо	14	7	3
с будущим несов. вида, 2-е лицо	1		
с будущим сов. вида, 3-е лицо	4	3	1
с будущим несов. вида, 3-е лицо	2	2	
безличные конструкции	11	6	13
<i>чтоб(ы)</i>	2	2	10
<i>чтобы не...</i>	15	8	14
<i>если не</i>	2		3
<i>как бы не...</i>	4	2	2
<i>смотри у меня (мне) / ты у меня смотри</i>	17	21	11
<i>того и смотри</i>	0	3	13
независимое употребление	7	11	12
ВСЕГО	163	138	161

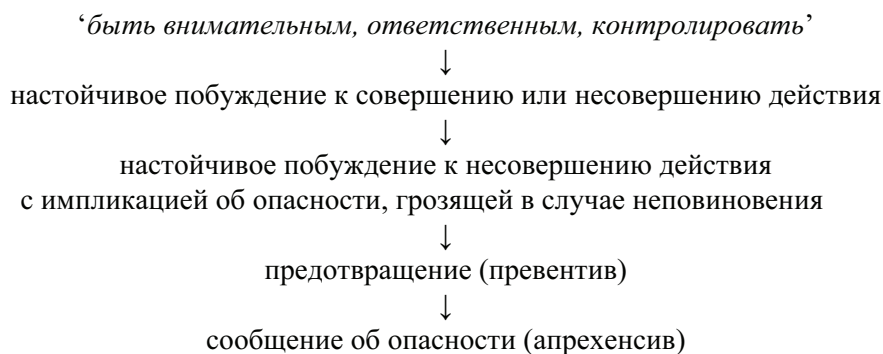
На этот раз результаты корпусного исследования оказались вполне ожидаемыми. Рассмотренный период обнаруживает все описанные нами тенденции. Количество контекстов с положительным императивом меньше, чем в начале XIX века, однако существенно больше, чем в конце XX-го. Количество контекстов с отрицательным императивом растет. Выросло и число употреблений *смотри* с будущим временем (7 в первой половине XIX века, 15 в конце XIX — начале XX, 31 — во второй половине XX-го). На следующей диаграмме представим динамику изменения количества тех конструкций, которые наиболее значимы для нашего исследования.

Динамика частотности конструкций с частицей *смотри**

* На диаграмме отражено общее количество форм будущего времени, без разделения их по виду и лицам.

Итак, мы получили возможность наблюдать на протяжении двух веков следующее семантическое развитие.

Эта схема показывает нам возможные исторические источники рассматриваемых значений. Очевидным недостатком схемы является ее дискретность; она представляет путь развития в виде лестницы, на каждой ступени которой находится лишь одно значение. В действительности же, как это видно из нашего исследования, грамматические категории никогда не имеют единственного значения. Можно говорить лишь о центральных значениях на основании наиболее частотных употреблений; выявить такие употребления позволяет лишь корпусное, статистическое исследование. Корпусное исследование позволяет обнаружить и «побочные» пути развития семантики, которые часто ускользают от нашего внимания, если мы руководствуемся только собственной интуицией в сочетании с единичными примерами.

Литература

- Булыгина 1982 — *Т. В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Добрушина 2006 — *Н. Р. Добрушина*. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // *Вопр. языкознания*. № 2. 2006. С. 28—67.
- Зализняк, Шмелев 2000 — *А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантика нарратива // Семантические исследования. М., 1996. С. 193—418.
- Храковский, Володин 1986 — *В. С. Храковский, А. П. Володин*. Семантика и типология императивных конструкций. Русский императив. Л., 1986.
- Шаронов 1992 — *И. Шаронов*. О толковании видовых форм русского побудительного императива // *Russian Language Journal*. XLVI. 1992. P. 85—94.
- Bybee et al. 1994 — *J. L. Bybee, R. D. Perkins, W. Pagliuca*. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Univ. of Chicago Press, 1994.
- Lichtenberk 1995 — *F. Lichtenberk*. Apprehensional Epistemics // *J. Bybee, S. Fleischman (eds.)*. Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 293—327.

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ И РЕЖИМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В. Живов

Множественность режимов интерпретации. В статье Э. Бенвениста, посвященной глагольным временам французского языка («*Les relations de temps dans le verbe français*» [Бенвенист 1966: 237—257]), вводится понятие двух планов сообщения: плана истории и плана речи. С ними, согласно Бенвенисту, связаны две системы глагольных времен: «*Ces deux systèmes manifestent deux plans d'énonciation différents, que nous distinguerons comme celui de l'histoire et celui du discours*» [Там же: 238]. Бенвенист, по существу, говорит о двух грамматиках (или, если угодно, двух грамматических подсистемах), противопоставленных, в частности, своими глагольными парадигмами, причем обычное грамматическое описание, задающее единую глагольную парадигму, эту дублетность затушевывает. Он пишет: «*Le tableau d'une conjugaison d'un verbe français, où les paradigmes s'alignent, complets et uniformes, ne laisse même soupçonner que le système formel du verbe a une structure double (conjugaison de présent et conjugaison de parfait), comme est double cette organisation temporelle, fondée sur des relations et des oppositions qui sont la réalité de la langue*» [Там же: 250].

Различие этих двух грамматических подсистем состоит прежде всего в устройстве референции — как темпоральной, так и ситуационной (пространственной), — что определяет и различие в значении грамматических единиц. Как пишет Бенвенист: «*Le discours emploie librement toutes les formes personnelles du verbe, aussi bien *je / tu* que *il*. Explicite ou non, la relation de personne est présent partout. De ce fait, la "3e personne" n'a pas la même valeur que dans le récit historique. Dans celui-ci, le narrateur n'intervenant pas, la 3e personne ne s'oppose à aucune autre, elle est au vrai une absence de personne. Mais dans le discours un locuteur oppose une non-personne *il* à une personne *je / tu*. Du même le registre des temps verbaux est bien plus large dans le discours: en fait tous les temps sont possible, sauf un, l'aoriste, banni aujourd'hui de ce plan d'énonciation alors qu'il est la forme typique de l'histoire*» [Там же: 242—243]. Глагольная референция плана истории отличается от глагольной референции плана речи

тем, что в плане речи точкой отсчета («le repère temporel») служит «le moment du discours», тогда как в плане истории — «le moment de l'événement» [Там же: 244].

Эти идеи Бенвениста получили дальнейшее развитие в работах по грамматической семантике (или по семантике синтаксиса), поскольку без различения точек отсчета, разных для разных «планов», невозможно описать семантику предикативных конструкций и дейктических слов, равно как и правила их сочетаемости. Дж. Лайонз проводит членения иначе, чем Бенвенист, однако основная мысль остается по существу той же. Противопоставляется каноническая речевая ситуация («communication in face-to-face interaction» [Лайонз 1978: 637]) и прочие речевые ситуации, в которых нарушается одно из трех условий каноничности (присутствие говорящего и слушающего, единство времени и единство места). Ясно, что то, что Бенвенист именуется «планом истории», попадает у Лайонза в неканонические ситуации, но вместе с тем туда же попадает и множество разновидностей «плана речи», к которому Бенвенист относит все, кроме нарратива — «la diversité des discours oraux de toute nature et de tout niveau, de la conversation triviale à la harangue la plus ornée. Mais c'est aussi la masse des écrits qui reproduisent des discours oraux ou qui en empruntent le tour et les fins: correspondances, mémoires, théâtre, ouvrages didactiques» [Бенвенист 1966: 242]. В обоих случаях, однако же, предполагается, что разные типы речевой деятельности соотнесены с разными грамматиками.

Отличие состоит в том, что Лайонз приписывает непосредственному диалогу некую ценностную первичность на том основании, что «[t]here is much in the structure of languages that can only be explained on the assumption that they have developed for communication in face-to-face interaction. This is clearly so as far as deixis is concerned. Many utterances which would be readily interpretable in a canonical situation-of-utterance are subject to various kinds of ambiguity or indeterminacy if they are written rather than spoken and dissociated from prosodic and paralinguistic features which would punctuate and modulate them; (...) if the participants in the language-event, or the moment of transmission and the moment of reception, are widely separated in space and time; if the participants cannot see one another, or cannot each see what the other can see; and so on» [Лайонз 1978: 637—638].

Эти утверждения справедливы в том отношении, что во всех известных нам языках существуют средства, приспособленные для обозначения отношений, возникающих в непосредственном диалоге (прежде всего шифтеры). Такие аргументы вряд ли, однако, должны пониматься в том смысле, что диалогическая коммуникация первична в происхождении языков, а приспособление языковых средств для других функций (для неканонических рече-

вых ситуаций) принадлежит к какому-то последующему этапу их эволюции и отражается в маргинальности (или производности) этих языковых средств. Нарратив столь же универсален, как и диалог, и во всех языках существуют как средства, обслуживающие диалог, так и средства, обслуживающие нарратив. «Первобытная» же картина едва ли поддается реконструкции и в любом случае несущественна для описания реально существующих языков.

Развивая эти же идеи, Е. В. Падучева говорит о разных режимах интерпретации [Падучева 1996: 13—14 et passim], различая «речевой» режим и «нарративный» режим и указывая на то, что именно от реализуемого режима зависит истолкование временной референции в тексте. Сам термин, как мне представляется, может рассматриваться как шаг навстречу проблематике реальной речевой деятельности в ее функциональном многообразии. Режим интерпретации предполагает интерпретанта или, иными словами, предполагает, что адресат сообщения интерпретирует его в соответствии с коммуникативным заданием текста (ср. о связности текста как результате интерпретационной деятельности: [Сенфорд, Мокси 1995]). Когда адресат сталкивается с диалогом, он интерпретирует его как диалог; когда к нему обращен нарратив, он интерпретирует его как нарратив. Это означает, что у него есть отдельный инструментарий для восприятия диалога и отдельный для восприятия нарратива, и именно это реальное различие в стратегии восприятия стоит за необходимостью постулировать не одну, а несколько грамматических систем (подсистем) в качестве составляющих языка (о проблемах ситуационной фрагментированности грамматики языка см. [Живов, Тимберлейк 1997]).

Когда вопрос ставится таким образом, он логически перерастает в более общую проблему. Существует ли в языке только два режима интерпретации или их может быть больше? Если верно последнее, то сколько режимов интерпретации может существовать в языке и как их выделить¹? Ясно, что режимов столько, сколько разных наборов интерпретирующего инструментария имеется у адресата сообщения. Адресат сообщения обычно знает (в силу экстралингвистических обстоятельств) или сразу же опознает (благодаря, в ча-

¹ Е. В. Падучева может говорить о нескольких режимах интерпретации, отличных от речевого (см. [Падучева 2004: 181]). В деталях, однако, это проблема остается неразработанной. Правда, в другом месте Падучева говорит о трех режимах интерпретации, необходимых для истолкования форм времени, — речевом, синтаксическом и нарративном [Там же: 501]. Однако синтаксический режим представляет собой, по существу, не особый режим с отдельной «грамматикой» и референциальной системой, а элемент референциальной системы, общей для нарративного и речевого режимов и требующей *consecutio temporum* в предложениях, зависимых от главного, т. е. автоматического сдвига временных форм подчиненных предложений в зависимости от времени главного предложения.

стности, лингвистическим сигналам), с какого рода текстом (сообщением) ему предстоит иметь дело, и вытаскивает из своего арсенала подходящие средства для его анализа. Конечно, можно представить себе ситуацию, когда опознание происходит не сразу. Например, слушающий думает, что говорящий сообщает ему об актуальном событии, что требует ответной реплики (ситуация диалога), но через несколько слов понимает, что его собеседник пустился в повествование о прошлом, предполагающее полную пассивность слушающего (ситуация нарратива). Такие ситуации можно вообразить, однако в каждодневной речевой деятельности они выступают как анекдотическое недоразумение, а в литературе (особенно в поэзии) получают характер литературного приема². В нормальном случае адресат знает, с чем к нему адресуются (или, если речь идет о письменной коммуникации, какой текст он читает).

Подобные знания достаточно обширны и позволяют адресату, адаптировавшемуся к цивилизации своего времени, различать достаточно большое число типов текстов. Современный читатель, покупая газету, знает, где он найдет рассказ о внешнеполитических событиях, где фельетон, а где описание спортивного матча. Это знание сопряжено с определенными лингвистическими ожиданиями: скажем, от статьи, посвященной какому-нибудь научному открытию, ожидается больше пассивных конструкций, чем от репортажа о спортивном состязании; в первом случае будет больше специфически книжных слов, а во втором могут появиться коллоквиализмы. Конечно, это может касаться и грамматической семантики, однако связь эта обычно не прямая, а опосредованная. Разные типы текстов в разной пропорции и при разных обстоятельствах допускают переход от одного режима интерпретации к другому. Как замечает Бенвенист: «*Chaque fois qu'au sein d'un récit historique apparaît un discours, quand l'historien par exemple reproduit les paroles d'un personnage ou qu'il intervient lui-même pour juger les événements rapportés, on passe à un autre système temporel, celui du discours. Le propre du langage est de permettre ces transferts instantanés*» [Бенвенист 1966: 242]. Ясно, что и интенсивность подобных переключений, и их характер зависят от типа текста. Если вернуться к нашей метафоре инструментария, то в этих случаях нужны не разные наборы для каждого из типов текстов, а умение пользоваться сразу несколькими наборами.

Интенсивность перехода от одного плана к другому, характер лексики или степень допустимости синтаксических коллоквиализмов обычно рассматриваются как явления стиля, т. е. чего-то такого, что с точки зрения

² Ср. наблюдения Е. В. Падучевой над сменой режимов — обычно от нарративного к речевому — в ряде стихотворений Анны Ахматовой; эта смена характеризуется как литературный прием [Падучева 1996: 372—374].

грамматической системы маргинально. Во многих случаях так оно и есть — в том смысле, что внешнеполитическая статья и, например, судебный очерк вряд ли требуют разного грамматического инструментария для их интерпретации. Однако это справедливо все же не во всех случаях (ср. о дискурсивных особенностях русской научной прозы: [Никольс 1989]), и именно различие диалога и нарратива как наиболее четко противопоставленных типов текста (коммуникативных ситуаций) указывает на то, что грамматические параметры могут быть в полной мере вовлечены в лингвистические ожидания адресата сообщения, обусловленные характером самого сообщения. Граница между стилистическими ожиданиями и грамматическими ожиданиями оказывается не столь очевидной, как может показаться на первый взгляд.

Коммуникативное пространство отнюдь не предполагает бинарного членения на диалог и нарратив, как может показаться при чтении Бенвениста или Лайонза. Легко привести примеры таких типов сообщения, которые не принадлежат ни к одному из этих классов, и такие примеры можно найти отнюдь не только в весьма диверсифицированной современной речевой деятельности, но в речевой деятельности любого времени, о котором у нас есть возможность судить. Можно указать, например, на молитву, которая несомненно не есть нарратив и обычно не включает никаких нарративных фрагментов и в то же время не может, видимо, рассматриваться как дефектная форма диалога. Это по существу своему монологический жанр, в котором адресатом сообщения является Бог, а адресантом молящийся. Этими заданными коммуникативными параметрами определяются специфические референциальные отношения в текстах данного типа³. Ясно, что носитель языка в нормальном случае знаком с такими текстами, владеет по крайней мере пассивно их риторикой, т. е. обладает необходимым интерпретационным инструментарием и, пользуясь этим инструментарием, устанавливает анафорические связи, специфичные для данного типа текстов.

³ В молитвенном тексте *ты* адресата кореференциально с Богом, который может быть назван не только во втором лице, но и в третьем лице; референциальная идентичность устанавливается благодаря ожиданиям, заложенным в режим интерпретации (*Господь помилует мя и помилуй мя, Господи* оказываются эквивалентными высказываниями). Вместе с тем и *я* адресанта кореференциально с такими наименованиями, как *душа моя*, которые также появляются в третьем лице. Ср., например, Пс. 40: 4—5: «Г^дь да по^мо^жетъ е^му на о^дрѣ волѣз^ни е^го: все ложе е^го о^братилъ еси въ волѣз^ни е^го. Азъ рѣхъ: г^ди, помилуй мя, изцѣли душ^ю мою, какъ согрѣшихъ ти». Не случайно в современном русском языке особые формы вокатива имеются лишь у слов *Бог* и *Господь* (*Боже* и *Господи*), употребляющихся в молитвенном контексте. Можно сказать, что вокатив выступает как грамматическая категория, функционирование которой ограничено молитвенным режимом интерпретации (подобно тому, как *passé simple* ограничено нарративным режимом).

Легальный режим интерпретации в архаическом праве. Еще более наглядно существование особого режима интерпретации выступает в случае юридических кодексов, т. е. кодификаций юридических норм данного социума. Такого рода тексты также известны с глубокой древности, так что можно полагать, что и здесь мы имеем дело не с маргинальным явлением, а с коммуникативной ситуацией, входящей в канонический запас человеческой цивилизации. Стоит, видимо, оговориться, что древнейшие юридические тексты обнаруживают следы происхождения из единого синкретического культурного комплекса, в котором право сплетено с системой мифопоэтических представлений и юридические нормы не противопоставлены религиозным запретам (ср.: [Бенвенист 1995: 299—359; Воткинс 1970; Иванов, Топоров 1978]). В целом, однако, структура текста остается той же самой и в древнейших текстах, содержащих архаические мифопоэтические элементы, и в текстах более новых, имеющих исключительно правовой характер.

В самом общем виде эта структура (структура элементарной текстовой единицы подобных памятников) может быть описана как двучленная конструкция. Первый член этой конструкции содержит описание казуса (обычно нарушение нормы), а второй член указывает, каким образом должно быть исправлено создавшееся положение (обычно с помощью наказания виновного в нарушении нормы). Интерпретационный режим для этой конструкции обладает рядом специфических свойств. Он не нуждается в категории времени, поскольку казусы и их разрешение описываются как вневременные зависимости. В силу этого время в глаголе оказывается в данных текстах избыточной категорией и в принципе допускается варьирование временных форм, не несущее семантической нагрузки. Первый член может, например, формулироваться как *убил муж мужа*, или *убьет муж мужа*, или *убивает муж мужа*, и смысл от этого не меняется. Правда, предшествование (относительная темпоральность) в определенных случаях может быть релевантна, например, когда казус образуется двумя последовательными событиями (скажем, муж ударил мужа в ответ на то, что сам перед этим получил от него удар), однако и в этом случае значение имеет не предшествование само по себе, а каузальность, что обычно и отражается в способе описания подобного казуса, элиминирующего или маргинализирующего темпоральные категории. Уже одна эта ситуация с темпоральностью противопоставляет данный режим интерпретации (его можно назвать легальным) и диалогическому, и нарративному режиму, выделяя тексты юридических кодексов в особую категорию, обладающую отдельной грамматикой.

Еще более специфическим образом реализуются в легальном режиме интерпретации референциальные связи. Понятно, что первое и второе лицо в этом режиме практически не находят себе применения (как и в нарративе, со-

гласно Бенвенисту). Однако и референциальные связи нешифтерных актантов строятся особым образом, обусловленным типовым содержанием коммуникативных единиц. Рассмотрим простой пример. В Краткой редакции Русской Правды, ст. 13, читаем:

Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, или портъ, а познаеть въ своемъ мирѣ, то взати емоу свое, 3 гривны за обидѣ [РП, I: 79].

Формально референт местоимения *кто* должен совпадать с субъектом предиката *познаеть*, и к этому же референту должно отсылать местоимение *емоу*, которым обозначается субъект действия *взати*. Такой анализ, однако, делает данный текст бессмысленным: тот, кто украл коня, не нуждается в том, чтобы опознавать его, и не может получить *свое*, поскольку никакого *своего* у него нет. Обнаружив невозможность данного анализа, мы ищем иного, который давал бы осмысленный текст, и без труда его находим: референтом местоимения *кто* является вор, а субъектом предиката *познаеть* и референтом местоимения *емоу* является потерпевший; этому потерпевшему принадлежит и *свое*. Вполне очевидно, что читатель (или слушатель) РП не приходил к данному решению методом проб и ошибок, но получал его автоматически в силу известного ему легального режима интерпретации. Этот режим предполагает, что в первом члене описывается казус, который и состоит в том, что X украл коня у Y; казус данного типа предполагает потерпевшего, так что Y, никак в первом члене формально не обозначенный, тем не менее присутствует в качестве невыраженного актанта. Второй член описывает способ разрешения казуса. Когда имеется потерпевший, это предполагает возмещение ему понесенного ущерба. Соответственно *емоу* и должно относиться к этому Y-у, хотя формально эта референтная связь не выражается.

Точно так же, с помощью аналогичного инструментария, адресат данного текста интерпретировал и слова *3 гривны за обидѣ*, которые формально могли бы быть приложением к *свое*, однако «по смыслу» в этой синтаксической функции выступать не могут. В другом списке Краткой РП эта же синтагма выглядит несколько иначе — *а 3 гривнѣ за обиду* [РП, I: 70—71], но и этот вариант никакого определенного синтаксического статуса для данной фразы не требует: союз *а* может выступать и как соединительный, связывающий два однородных дополнения (*свое* и *3 гривнѣ*), и как межфразовый коннектор, присоединяющий отдельное предложение. В переводах *3 гривнѣ* трактуется как прямой объект (у И. Эверса: «so nehme er das Seine, und für Unrecht 3 Grivnen»; у И. Платонова: «то он имеет право взять свою собственность и взыскать за обиду 3 гривны»; у Л. К. Гётца: «so nimmt er das seine, aber 3 Grivna für das Unrecht» [РП, II: 99]). Это, однако, наложение привычных для «логического» синтаксиса конструкций на построение, организованное по

другим принципам. Фразу *3 гривны за обидѣ* целесообразнее всего считать синтаксически не связанной с предшествующим предложением, формально назывным, а по существу, в рамках устанавливаемого легальным режимом интерпретации фрейма, обозначающей размер возмещения ущерба (об исчислении ущерба см. [Щепкин 1915]). В этих рамках и обозначение действия, и обозначение его актантов является в смысловом отношении излишним, что и обуславливает появление фразы, состоящей из одной именной группы.

Как можно видеть, интерпретация подобных сообщений требует от их адресата определенного умения с ними обращаться. Именно это умение позволяет ему установить необходимые референциальные связи, не имеющие того формального выражения, которое является обязательным, скажем, для нарратива. В этом смысле можно говорить о существовании особого грамматического инструментария, приспособленного для данного типа текстов, т. е. предполагать для них отдельный режим интерпретации, который выше был назван легальным и который и конституируется специфическими грамматическими характеристиками, присущими данным текстам. Конечно, можно задаться вопросом, до какой степени структура легальной референции подобна референциальной структуре диалога, в котором также референтные связи могут отсылать к экстралингвистическим параметрам речевой ситуации. Не берусь решать этот вопрос в целом и тем более остерегусь делать какие-либо предположения относительно сходств между легальными и диалогическими коммуникативными единицами у восточных славян в XI—XIV вв. (прежде всего потому, что никакими данными о диалоге этого периода мы не располагаем). Замечу, однако, что референция в диалоге никаким узким набором фреймов не определяется, и это явно отличает диалогический режим интерпретации от легального.

Наличие жестко заданной смысловой структуры (или, скорее, нескольких альтернативных структур, поскольку казусы наследственного или договорного права отличаются от казусов уголовного права) делает допустимыми такие синтаксические построения, которые в открытом контексте были бы грамматически невозможны или образовали бы семантический нонсенс. Приведу несколько примеров. В Пространной редакции РП, ст. 42, читается:

*Аже крадетъ скоть на поли, или овци, или козы, или свиньѣ, 60 коунѣ;
боудеть ли ихъ много, то вѣмъ по 60 кунѣ* [РП, I: 126].

Смысл статьи прозрачен. Если кто украдет на поле скот, а именно овец, или коз, или свиней, то он платит 60 кун. Если воровство было групповым, то каждый из воров платит по 60 кун. Этот смысл, однако, выводится из заданной регистром интерпретации смысловой структуры, а не из синтаксического построения. В первом предложении субъект должен быть в ед. числе, тогда как объект действия стоит во мн. числе (в разъясняющем приложении — ов-

цы, козы, свиньи); в этих условиях местоимение *ихъ* в следующей фразе должно было бы относиться к объекту, однако это приводит к смысловой нестыковке, поскольку возникновение казуса никак не связывается с числом украденных объектов, а затем и к синтаксической несообразности, поскольку в таком случае и *всѣмъ* должно относиться к объекту, каждый из составляющих которого должен получить 60 кун. Так как объект неличный, такое действие невозможно, ни овцы, ни козы, ни свиньи по 60 кун не получают; следовательно, для *ихъ* нужно искать иного референта, обладающего агентивностью. В этой функции могут выступать только создатели казуса, причем того же казуса, который разбирается в предшествующем предложении. Единственным отличием, на которое и указывает фраза с *ихъ*, является множественность агентов преступления, которые и должны выступать в качестве возмещителей ущерба во второй части конструкции. Этой логикой смысловой структуры, не находящей соответствия в синтаксисе, и задается правильная интерпретация *ихъ* и *всѣмъ*.

Более сложный пример интерпретационной стратегии, обращающейся к заданной смысловой структуре, дает статья 27 Пространной редакции:

Аще ли оутьнетъ роукоу, и отпадетъ роука или оусъхнетъ, или нога, или око, или не оутьнетъ, ть поль виры 20 гривенъ, а томоу за вѣкъ 10 гривенъ [РП, I: 124].

Существующие переводы неудовлетворительны, ср., например, перевод И. Платонова:

Если кто ударит кого по руке или по ноге, и нога или рука от того отпадет или усохнет, или выколет глаз: то с такового взыскать в казну в половину противу пени за убийство, т. е. 20 гривен, да в пользу раненого за увечье десять гривен [РП, II: 346].

В переводе, как можно видеть, словам *или не оутьнетъ* ничего не соответствует. Хотя они представлены во всех группах списков Пространной редакции за исключением одной, они рассматриваются, видимо, как ничего не значащая ошибка (Б. А. Романов говорит о «дефектном виде» данной статьи [Романов 1940: 60]). Те, которых не устраивает столь необоснованное игнорирование повсеместно представленного чтения, прибегают к чтению списков Пушкинской группы (никак не отличающихся большей, сравнительно с остальными, исправностью), где вместо *или не оутьнетъ* стоит *или носъ оутьнетъ* [РП, II: 283—284], которое по всем текстологическим резонам должно быть признано инновацией данной группы, а не оригинальным чтением.

Между тем никакой бессмыслицы в разбираемых словах нет, они оказываются непонятными для исследователей (и, возможно, для писца, написав-

шего протограф Пушкинской группы списков) именно в силу того, что те не владеют лингвистическим интерпретационным инструментарием, необходимым для понимания юридических текстов. Как уже говорилось, в первом члене двучленной конструкции содержится описание казуса или группы однородных казусов, а во втором — порядок восстановления нормы. Описание группы однородных казусов, требующих одинакового возмещения ущерба, представляет и первый член разбираемой статьи. Если преступник ударит пострадавшего по руке, так что рука отпадет или усохнет, он платит полувирье пени и половину данной суммы в пользу потерпевшего. Аналогичный казус имеет место, когда то же самое происходит с ногой или глазом. Замечу попутно, что с носом, появляющимся в списках Пушкинской группы, обычно ничего подобного не происходит, во всяком случае усохших носов не бывает, да и особой ценности для человека нос не представляет, так что повреждение носа не должно образовать аналогичный казус. Такое же увечье, однако, может быть результатом не только удара, но и другого насильственного действия (скажем, ужимания, выкручивания и т. д.). Именно этот аналогичный казус описывается словами *или не оутьнеть*, и если мы знаем, что ими должно быть описано, то никаких особых интерпретационных сложностей такой способ описания не вызывает. Легальный режим интерпретации как раз и указывает, о чем должна идти речь в каждой из частей коммуникативной единицы. Перевод рассматриваемой статьи должен иметь следующий вид:

Если [кто-либо] ударит [кого-либо] по руке, и рука отпадет или усохнет или [то же самое случится с] ногой или глазом, [или то же самое произойдет в результате другого насилия, при котором обидчик] не ударит, то [платит] полувирье — 20 гривен, а тому [раненому] за увечье 10 гривен.

Исходя из разобранных примеров было бы ошибочно думать, что легальный режим представляет собой в грамматическом отношении упрощение или редукцию языка, что он просто задает фрейм, нейтрализующий грамматические оппозиции и выводящий из игры механизм анафорических связей. Грамматический инструментарий каждого из режимов приспособлен к присутствующему ему коммуникативному заданию. Одним режимам интерпретации нужны одни средства, другим — другие, разность между инструментариями не в том, что одни большие, а другие маленькие, а в том, что наборы инструментов дифференцированы в соответствии с содержательными потребностями. Легальному режиму нет нужды во времени, и поэтому временные оппозиции в нем нейтрализуются. Однако у него есть потребность в логическом упорядочивании казусов, которая, как правило, не возникает в других режимах интерпретации (во всяком случае не возникает в сравнимом масштабе).

Для этой цели могут использоваться средства, не имеющие аналогичной функции в иных коммуникативных ситуациях.

Воспользуюсь примером из все той же Русской Правды. Как показала Р. Перельмуттер [Перельмуттер, в печати], для группировки и упорядочения статей Русской Правды используются разные союзы: союзы противопоставлены в соответствии с уровнями логического расчленения казусов. Так, в первых двух статьях Краткой Правды речь идет об убийстве или покушении на убийство, о том, в каких случаях законна кровная месть за эти преступления, и о том, какие пени могут заменять кровную месть. В Академическом списке эти статьи читаются так:

Оубьетъ мужъ(ь) мужа, то мьститъ братоу брата <...> Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока челоуькоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменіа никотораго же, то ли приидеть видокъ; аще ли не можетъ, тоу томоу конецъ; оже ли себе не можетъ мьстити, то взати емоу за обиду 3 гривнѣ, а лѣтцю мьзда [РП, I: 70].

Перевод: Если убьет муж мужа, то [следует] брату мстить за брата [далее перечисляются другие законные мести, говорится о замене мести пеней в 40 гривен и о социальном статусе убитого] <...> [если имело место покушение на убийство и] потерпевший окажется в крови или синяках, то ему не требуется искать свидетеля; если же никаких следов на нем нет, то либо пусть появится свидетель, либо [если потерпевший] не может [привести свидетеля], делу конец; если же [потерпевший, имея на то право,] не может мстить за себя, то пусть возьмет за преступление [с виновного] 3 гривны и плату лекарю.

Как можно видеть, для обозначения дилеммы первого уровня (убийство — побои, т. е. покушение на убийство) употреблен союз *или*. Для обозначения дилеммы второго уровня (наличие либо отсутствие следов преступления, а отсюда и отсутствие необходимости или необходимость привлечения свидетеля) используется союз *аще* (*боудеть кровавъ* — *аще не боудеть*). Наконец, для установления следующей дилеммы (кровная месть либо взимание пени) служит союз *оже ли*. Таким образом, союзы оказываются противопоставленными по рангу, при том что в иных коммуникативных ситуациях (при иных режимах интерпретации) подобное противопоставление отсутствует и различные маркеры условных отношений ни семантически, ни функционально не дифференцированы. Следует отметить, что рассмотренные союзы не обладают постоянно приписанным им рангом и в юридических текстах; для построения иерархии казусов в разных изводах Русской Правды могут использоваться разные наборы союзов. Однако принцип ранжирования с помощью союзов обнаруживается в разных изводах и может быть приписан исходному способу по-

строения Русской Правды как юридического текста; понимание этого способа входило в лингвистическую компетенцию адресатов рассматриваемого памятника в качестве одного из компонентов легального режима интерпретации⁴.

Эволюция легального режима интерпретации. Как и все в языке, режимы интерпретации могут меняться. Может меняться и набор режимов интерпретации (например, когда возникает или обособляется новый тип текстов, требующий особого инструментария), и сами составляющие инструментария, относящегося к тому или иному режиму (ср., например, развитие *praesens historicum* в нарративном режиме). Причины и механизмы этих изменений недостаточно изучены, и обсуждение данных проблем явно выходит за рамки настоящей работы. Что касается легального режима интерпретации, то здесь происшедшие в истории русского языка перемены наглядны и в ряде отношений поучительны, и на них стоит остановиться.

Эти перемены, как можно предположить, обусловлены экстралингвистическими факторами, а именно, изменением характера трансмиссии легальных текстов. Как принято считать со времен Гётца и Шахматова (ср.: [Гётц, IV: 63—63]), в исходном виде Русская Правда существовала в устной форме и на письме была зафиксирована как сложившийся текст. Когда именно имела место письменная фиксация, это спорный вопрос. Нет достаточных оснований считать, что это произошло уже при Ярославе; вместе с тем трудно предположить, что Пространная редакция сформировалась целиком внутри устной традиции. Данными соображениями и задаются наиболее вероятные сроки фиксации — со второй половины XI по вторую половину XII века. Эти хро-

⁴ Ср. в Пространной редакции РП развернутую трактовку части этих же сюжетов. В цитируемой ниже статье исключено убийство и кровная месть и говорится лишь об увечьях. Трактовка соответствующих казусов остается, однако же, трехчастной, и для выделения трех частей употреблены разные союзы (отличные от тех, которые мы наблюдали в Краткой редакции):

(1) *Аже придет кровавь мужь на дворъ или синь, то видока юму не искати, но платити юму продажю 3 гри(вны);* (2) *аще ли не будет на немъ знамениа, то привести юму видокъ слово противу слова; а кто будет почаль, тому плати[ти] 60 кунъ;* (3) *аче же и кровавь придет, или будеть самъ почаль, а выльзуть послуши, то то юму за платежь, оже и били* [РП, I: 106].

Перевод: Если в суд явится муж в крови или синяках, то ему не требуется искать свидетеля, но ему платить 3 гривны продажи; если же никаких следов на нем нет, то он должен привести свидетеля, [который подтвердит его показания] слово в слово: кто окажется зачинщиком, тому платить 60 кун; если же [потерпевший] придет в крови, но при этом он сам начал [драку], как покажут свидетели, то ему вместо платежа то, что [его] побили.

нологические границы не имеют, однако, для нас принципиального значения, поскольку письменная фиксация отнюдь не указывает еще на прекращение устной трансмиссии. Можно полагать, что и в XII, и даже в XIII в. текст Русской Правды продолжал выучиваться наизусть и передаваться от одного поколения судей к другому устным путем, тогда как его письменное бытование оставалось маргинальным и, возможно, с юридической практикой прямо не связанным. Подобная ситуация находится в согласии с тем отмечавшимся С. Франклином обстоятельством, что письменная документация в средневековой Руси приобретает юридическую значимость лишь постепенно и довольно поздно: и в XII, и в XIII в. большинство правовых действий (контрактов, поручительств, завещаний и т. д.) совершается в устной форме [Франклин 2002: 34—35, 160—186]; ср. еще: [Гиппиус 2004: 175, 179—184].

Как в свое время убедительно предположили Иванов и Топоров [1981: 10—13], синтаксическая организация древних славянских юридических кодексов обусловлена устным характером кодификации и может трактоваться как элемент мнемотехники. Мнемотехнические приемы характерны не для одного древнеславянского права, но и для древнего права других индоевропейских традиций. Устная трансмиссия может объяснять, на мой взгляд, не только двучленную структуру отдельных статей или наличие устойчивых формул, о которых обычно пишут исследователи, но и ту конденсированную референциальную структуру клаузул, о которой мы говорили выше. Именно она в первую очередь обеспечивает тот чрезвычайный лаконизм изложения, который характерен для древних легальных кодексов, и формирует условия для существования особого легального режима интерпретации как необходимого инструмента интерпретации соответствующих текстов. Эллипсис как основное анафорическое средство в рассматриваемой языковой традиции создает связанность исследуемых текстов и вместе с тем обуславливает их мнемотехническую сжатость.

Когда письменная трансмиссия начинает вытеснять устную, изменяется и организация изложения легальных норм. Если древний способ изложения может быть охарактеризован как имплицитный, требующий тех инструментов декодирования, которые мы связали с легальным режимом интерпретации, то новому способу свойственна эксплицитность. В юридических кодексах основным средством достижения эксплицитности является лексический повтор, со временем становящийся основным средством обеспечения связанности текста в данной языковой традиции. Развитие лексического повтора, выполняющего указанную функцию, можно рассматривать как вытеснение одного типа анафоры (эллипсиса) другим типом анафоры (повтором)⁵. По-

⁵ Вообще говоря, эллипсис и повтор выступают как взаимозаменяемые и эквивалентные средства обеспечения связанности текста. О функционировании их в этом

втор занимает те же самые синтаксические позиции, которые ранее принадлежали эллиптированным элементам, и трансформирует референциальную структуру из имплицитной (эллиптической) в эксплицитную. Возникающая в результате эксплицитность также весьма специфична; юридические тексты вновь оказываются противопоставленными по своей организации текстам других типов, в которых использование анафорического лексического повтора подвержено существенным ограничениям, ср. ненейтральный характер такой последовательности, как *Старый профессор отправился в университет с утра, старый профессор вернулся домой поздно вечером* сравнительно с более обычной *Старый профессор отправился в университет с утра, он вернулся домой поздно вечером*. Таким образом, референциальная структура новых юридических текстов также требует особого инструментария или, иными словами, особого режима интерпретации. При этом новый инструментарий преемственно связан со старым.

Это развитие заслуживает подробного анализа, однако нам придется ограничиться беглым очерком. Проиллюстрирую данный процесс лишь несколькими примерами, взяв один текст, имеющий переходный характер (от старой структуры к новой), и другой текст, в котором новая структура получает окончательное и полное развитие. В качестве переходного текста может выступать Псковская судная грамота XV в., в качестве финальной точки в прослеживаемом развитии целесообразно взять Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.

В Псковской судной грамоте (так же как и в Судебнике 1497 г.) в полной мере обнаруживается переход от устного права к письменному праву. В отличие от Русской Правды, во многих статьях Псковской грамоты говорится о письменных документах (грамотах, досках, рядницах), фиксирующих право собственности, заключенный контракт или завещательное распоряжение. Письменная документация, таким образом, становится в существенной мере вовлеченной в судебный процесс, и в этих условиях с письменной фиксацией оказывается связанной и авторитетность самого законодательства. Таким образом, весь комплекс легальных действий — от отдельного юридического акта до судебного процесса — начинает опираться на процедуры, предполагающие письменную фиксацию, ср., например, в Псковской судной грамоте (ст. 10):

качестве см. [Холлидей, Хасан 1976]. О дискурсивных функциях эллипсиса см., например, [МакШейн 1998]. Эллиптирование данного (given) как элемент коммуникативной стратегии характерно прежде всего для разговорной речи (ср. [Гренобль 1998: 161—162]), так что широкое использование эллипсиса в юридических кодексах, передающихся устной традицией, и отказ от эллипсиса при переходе к письменной трансмиссии являются, видимо, неслучайными.

О лѣшей семли будетъ судъ, а положатъ грамоты и двои на одну землю, а зайдутъ грамоты за грамоты... (ст. 10 — ПСГ, 3)

А кто положитъ доску на мрътваго о блюденъ[е], а иметъ искати на приказникохъ того соблюденіа, сребра или платіа, или круты, или иного чего животнаго, а тотъ оумръшей с подраднею и рукописаніе оу него написано и в ларь положено... (ст. 14 — ПСГ, 4)

А кто иметъ на комъ сочитъ торговыхъ денегъ по доскамъ, тотъ человекъ противу положитъ радницу, а в радницы будетъ написано о торговли же, а противу той радницы не будетъ во святѣи церкви [на полях: Троицы] в лари в тѣжъ рѣчи другой, ино таа радница повинити (ст. 38 — ПСГ, 10).

Замечу, что в последней статье говорится не только о письменной документации, но и о централизованном депозитарии (ларь в псковском Троицком соборе) для хранения документов и о сверке предъявляемых документов (расписок) с депонированными.

Хотя легальные процедуры оказываются обновленными, характер кодификации изменяется постепенно, так что в Псковской судной грамоте обнаруживаются статьи и со старой структурой референции, требующей старого легального режима интерпретации, и статьи с новой структурой референции, основанной на лексическом повторе. Статья 8 может служить иллюстрацией первого типа:

Что бы и на посадѣ покрадетса, ино двожды е пожаловати, а и личивъ казнити по его винѣ, а в третій радѣ изли[чи]въ живота ему не дати, крам кромъскому татю (ст. 8 — ПСГ, 2—3).

Перевод: Если что-либо будет украдено на посаде, то дважды следует помиловать [вора], а уличив его, наказать в соответствии с его виною; если же [он] будет уличен в третий раз, то в живых его не оставлять [так же], как и вора, обокравшего Кремль (ср. [ПРП, II: 303]).

Как можно видеть, преступник не обозначен ни в качестве субъекта действия в первой части статьи, ни в качестве объекта уличения во второй части, хотя именно к этому эллиптированному преступнику относится притяжательное местоимение *его* в именной группе *по его винѣ*. Структура референции здесь такая же, как в Русской Правде.

Простейший пример появления иной структуры референции обнаруживается в статье 43:

А которой котечникъ заложи весну, или исполовникъ оу государа, ино ему заплатитъ весна своему государю, какъ оу другоичатѣ доставалоса на том же садѣ (ст. 43 — ПСГ, 11).

Перевод: Если какой-либо котечник или издольщик у господина пропустит весну (весенний рыбный лов), ему [все равно] следует оплатить весну своему господину [столько же], сколько пришлось на других на том же рыболовном участке (ср. [ПРП, II: 310]).

Если бы эта статья читалась в Русской Правде, вместо *ино ему заплатит весна своему государю* там бы стояло *ино ему заплатити*, поскольку и характер платы, и ее получатель уже обозначены в первой части клаузулы. В Псковской грамоте эллипсис заменен лексическим повтором. Еще более выражено эта функция лексического повтора видна в цитировавшейся выше ст. 38, в которой четырежды повторено слово *радница*.

Приведу еще один пример, в котором отчетливо видна новая структура референции:

А которому челоуѣку на комъ будетъ иманіе по записи, да и гостинець будетъ писанъ на записи, а приидеть зарокъ, ино ему авить господѣ во своемъ гостиниць, ино и по зароки ему взать свой гостинець; а толко не явить зарокъ господѣ, гостинца ино ему не взать по зарокѣ (ст. 73 — ПСГ, 17).

Перевод: Если какой-либо человек будет взыскивать на ком-либо [ссуду] по записи, в которой будут зафиксированы и [подлежащие уплате] проценты, и придет срок [погашения], он должен заявить господа о причитающихся ему процентах, и тогда он может взыскать проценты и после срока [погашения]; если же он не заявит господа [об этом] в срок, тогда не может взыскать процентов после срока (ср. [ПРП, II: 316]).

С точки зрения старой системы целый ряд элементов является в этом изложении излишним. Вместо *гостинець будетъ писанъ на записи* достаточно было бы сказать *гостинець будетъ писанъ*, поскольку *запись* уже упомянута в предшествующей фразе. Точно так же вместо *ино и по зароки ему взать свой гостинець* было бы достаточно *ино и по зароки ему взать*, так как анафорический эллипсис легко восстанавливается из контекста. Равным образом в последней фразе можно было бы обойтись словами *ино ему не взать* вместо *гостинца ино ему не взать по зарокѣ* — и здесь эллиптированные элементы поддавались бы восстановлению и обеспечивали бы анафорическое примыкание к предшествующему тексту. Во всех этих случаях мы находим лексический повтор, выполняющий ту же анафорическую функцию.

Если сопоставить Псковскую судную грамоту или Судебник 1497 г., устроенный в интересующем нас отношении сходно с Псковской грамотой, с Судебником 1550 г., можно утверждать, что переход от эллипсиса к лексическому повтору достигает в последнем нового этапа: эллипсис почти полно-

стью отсутствует, а использование лексического повтора приобретает едва ли не систематический характер. Приведу лишь один произвольный пример:

А которому наместнику дан в кормление город с волостьми, или ему даны в кормление волости, а в которых волостех наперед сего старост и целовалников не было, и ныне в тех волостех быти старостам и целовалником во всех (ст. 68 — Судебники, 163).

Использование новой референциальной структуры достигает своего полного развития в Уложении 1649 г. Приведу лишь один произвольный пример, выбор не имеет значения, поскольку аналогичная организация изложения наблюдается во всех статьях, а количественные параметры лексического повтора зависят лишь от длины статьи и набора трактуемых в ней предметов (разбор нескольких примеров см. в [Живов 2004: 75—76]). Избранная статья (или, вернее, часть статьи) посвящена одному предмету — загулявшим лошадям; соответствующая лексема повторяется во всех предикативных составляющих, кроме одной, и связанность текста основана именно на этом лексическом повторе. Повторяются, впрочем, и другие лексические элементы (*к воеводам — воеводам, в полки — ис полков*):

А будет на государеве службе у кого у служилых людей лошади отгуляют от станов или из стад куды разбегутся, а кто такие лошади где найдет и изымает, и тому те лошади привести на явку для записки в полки к воеводам, а будет в то время лучитца воеводам ис полков куды отъезд, и такие лошади приводить на явку в полки к судьям или к сотенным головам. Да будет тем лошадям выщутца исцы, у которых те лошади отгуляли, и те лошади отдавать тем, чьи те лошади, а за привод тех лошадей велеть на них имать и давати тому, кто те лошади на явку приведет, по три алтына по две деньги с лошади (глава VII, ст. 26 — Уложение, 27).

Для сопоставления попытаюсь преобразовать этот текст в соответствии с референциальным инструментарием старого режима интерпретации:

А будет на государеве службе у служилых людей лошади отгуляют от станов или из стад разбегутся, а кто найдет и изымает, привести на явку для записки в полки к воеводам, а лучитца отъезд, и приводить к судьям или к сотенным головам. Да будет выщутца исцы, и им отдавать, а за привод имать по три алтына по две деньги с лошади и давати приводнику.

Особенность нового референциального инструментария состоит в том, что адресат отождествляет каждое новое вхождение повторяющихся элементов с референтом, введенным первым вхождением, воспринимая эти повторные вхо-

ждения как эквивалент анафорических местоимений, специфический для легального режима интерпретации. Эксплицитность достигается за счет крайней избыточности, так что именно эта избыточность — как своего рода изнанка прежнего лаконизма — делается характерной чертой юридического дискурса.

Дальнейшее развитие легального режима интерпретации должно быть предметом особого исследования, которому придется оперировать с иными параметрами, нежели рассматривавшиеся выше. Это развитие определяется двумя группами факторов. Во-первых, в XVIII в. утверждается идеал полифункционального языкового стандарта, т. е. единого литературного языка, применимого во всех коммуникативных ситуациях, включая сюда и законодательную деятельность. Различия в языке, употребляемом в разных ситуациях, сознательно минимизируются и трактуются как стилистическая дифференциация. Из этого не следует, что подобные различия исчезают и что для юридических текстов больше нет нужды в особом лингвистическом инструментарии. Однако речь больше не идет о столь ярко выраженных чертах, как эллипсис или лексический повтор, но о характеристиках более тонких и требующих другого типа анализа (типы бытийных предложений, размещение рематического компонента, употребление временных и пространственных сирконстантов и т. д.).

Во-вторых, в процессе европеизации меняется характер изложения юридических норм. Он перестает быть казуистическим. Соответственно, двучленная структура текстовых единиц юридического кодекса (казус — способ его разрешения) элиминируется (ср.: «непредумышленное убийство наказывается лишением свободы от трех до пяти лет») или подвергается преобразованию⁶. Новая структура текста предполагает иные референциальные связи и иную реализацию анафорических отношений, так что легальный режим интерпретации если и продолжает существовать, конституируется новыми сравнительно с предшествующей эпохой лингвистическими характеристиками.

Некоторые выводы

1. Языку легальных кодексов присущ особый режим интерпретации, определяющий и употребление в соответствующих текстах глагольных времен,

⁶ Новую структуру юридической статьи, сохраняющую, однако же, элементы старого двучленного фрейма, можно видеть уже в законодательстве Петра Великого, ср., например, в Воинском артикуле 1715 г. (гл. V, арт. 51): «Должны офицеры салдат к работе побуждать и прилежно смотреть, чтоб все исправно было зделано. Кто в том мешкателен обрящется, оный жестоко наказан будет» [Законодательство Петра I: 762]. Статья начинается с утверждения общей нормы, и лишь затем говорится — в предложении с двучленной структурой — о нарушении нормы и способе восстановления.

и референциальную структуру отдельных клаузул, и иерархическую организацию этих клаузул в единства более высокого порядка.

2. Легальный режим интерпретации, как, надо думать, и другие режимы, обнаруживает собственную достаточно автономную эволюцию. Навыки интерпретации зависят от типа текста, и лингвистическая преемственность в рамках отдельных типов текстов создает преемственность и в динамике интерпретационного инструментария.

3. Факторы, определяющие эволюцию легального режима интерпретации, являются экстралингвистическими. Основным моментом оказывается здесь переход от устной трансмиссии юридических кодексов к их письменной трансмиссии и — шире — от устных юридических процедур к процедурам, фиксируемым на письме.

4. Эволюция референциальной структуры легальных текстов состояла в том, что постепенному устранению подвергался эллипсис. При этом анафорический эллипсис заменялся лексическим повтором. В результате этой трансформации на место старого лаконизма приходит новая избыточность. Лексический повтор создает эксплицитность изложения, ограничивающую роль анафорических местоимений в обеспечении связанности текста, что и определяет специфику легального режима интерпретации в его новом варианте.

Литература

- Бенвенист 1966 — *É. Benveniste. Problèmes de linguistique générale.* Paris: Gallimard, 1966.
- Бенвенист 1995 — *Э. Бенвенист.* Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия: Перев. с франц. М.: Прогресс-Универс, 1995.
- Воткинс 1970 — *C. Watkins. Studies in the Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology* // G. Cardona, H. M. Hoenigswald, A. Senn (eds.). *Indo-European and Indo-Europeans.* Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1970. P. 321—354.
- Гётц, I—IV — *L. K. Goetz. Das Russische Recht.* Bde I—IV. Stuttgart, 1910—1913.
- Гиппиус 2004 — *A. A. Gippius.* Социокультурная динамика письма в древней Руси (О книге: *S. Franklin. Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950—1300.* Cambridge, 2002) // *Рус. яз. в научн. освещении.* 2004. № 1 (7). С. 171—194.
- Гренобль 1998 — *L. A. Grenoble. Deixis and Information Packaging in Russian Discourse.* Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1998.
- Живов 2004 — *В. М. Живов.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Живов, Тимберлейк 1997 — *В. Живов, А. Тимберлейк.* Расставаясь со структурализмом: (Тезисы для дискуссии) // *Вопр. языкознания.* 1997. № 3. С. 3—14.
- Законодательство Петра I — *Законодательство Петра I* / Под ред. А. А. Преображенского, Т. Е. Новицкой. М.: Юридическая литература, 1997.

- Иванов, Топоров 1978 — *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание: VIII междунар. съезд славистов, Загреб—Любляна, сентябрь 1978 г.: Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1978. С. 221—240.
- Иванов, Топоров 1981 — *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Древнее славянское право: архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 10—31.
- Лайонз 1978 — *L. Lyons*. Semantics. Vols 1—2. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1978.
- МакШейн 1998 — *M. McShane*. Ellipsis in Slavic: the Syntax-Discourse Interface. PhD Dissertation. Princeton Univ., 1998.
- Никольс 1989 — *J. Nichols*. Nominalization and Assertion in Scientific Russian Prose // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Clause Combining in Grammar and Discourse. Philadelphia: Benjamins, 1989. P. 599—628.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Перельмуттер (в печати) — *R. Perelmutter*. System of Reference and the Usage of Conjunctions in Early Russian Legal Texts (in print).
- ПРП, I—VIII — Памятники русского права. Вып. 1—8. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1952—1961.
- ПСГ — Псковская судная грамота / Изд. Имп. Археогр. комиссии. СПб., 1914.
- Романов 1940 — *Б. А. Романов*. Правда Русская: Учеб. пособие. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- РП, I—III — Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1—3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940—1963.
- Сенфорд, Мокси 1995 — *A. J. Sanford, L. M. Moxey*. Aspects of Coherence in Written Language: A Psychological Perspective // M. A. Gernsbacher, T. Givón (eds.). Coherence in Spontaneous Text. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1995. P. 161—187. (Typological Studies in Language, 31).
- Судебники — Судебники XV—XVI веков / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- Уложение — Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии / Под ред. А. Г. Манькова. Л.: Наука, 1987.
- Франклин 2002 — *S. Franklin*. Writing, Society and Culture in Early Rus, с. 950—1300. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Холлидей, Хасан 1976 — *M. A. K. Halliday, R. Hasan*. Cohesion in English. London; N. Y.: Longman, 1976.
- Щепкин 1915 — *Е. Н. Щепкин*. Варяжская вира. Одесса, 1915.

1984

(ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА)

А. К. Жолковский

Советская эпоха была оргией переименований. *Петроград* становился *Ленинградом*, *Царицын* — *Сталинградом*, *Тверь* — *Калинином*, *Пермь* — *Молотовом*, *Мясницкая* — улицей *Кирова*, *Пречистенка* — *Кропоткинской* и т. д. Но переименования были неокончательными. По мере выпадения советских лидеров из обоймы их имена теряли сакральный статус, и *Молотов* обращался в *Пермь*, *Сталинград* в *Волгоград*, *Сталинская* премия в *Ленинскую*, а метрополитен имени *Кагановича* в Метрополитен имени *Ленина*.

При этом переименование из *Кагановича* в *Ленина* допускалось, а обратное — никогда. С другой стороны, не исключалось и переименование нейтрального названия типа *Тверь* опять-таки во что-нибудь *ленинское*. Это значило, что по прошествии достаточно долгого времени все объекты с математической неизбежностью получили бы имя *Ленина*. Первые проявления этой тенденции были уже налицо; например, официальное название московского метро: *Московский ордена Ленина метрополитен имени Ленина*, среди станций которого имелась и *Библиотека имени Ленина*. С переименованием *Москвы* в *Ленинск* был бы ленинизирован и последний беспартийный участок этого названия.

Оборотной стороной процесса была постепенная утрата корнем *Ленин*-смысловой полноценности. Не противопоставляясь более бывшим *Сталинску*, *Кировску*, *Калинину* и *Молотову* (не говоря уже о *Москве* и *Новгороде*) и лишь минимально отличаясь от родственных топонимов *Ленино*, *Ленинград*, *Ленинакан*, *Лениногорск*, *Ленинабад* и проч., *Ленинск* вскоре оказался бы просто еще одним словом со значением 'город', причем смысловозначительная роль перешла бы от бывшей корневой морфемы к суффиксальным: *-о*, *-град*, *-кан*, *-бад*, *-горск*. Последним оплотом лексического плюрализма остались бы рудиментарные наименования типа *Ульяновск* и *имени Ильича* с их крайне ограниченным смысловым и словообразовательным потенциалом.

Станция Библиотека имени Ленина Ленинского ордена Ленина метрополитена имени Ленина звучит тяжеловато, но понятно. Следующим шагом

должна была бы стать постепенная ленинизация имен нарицательных: *библиотека, метрополитен, орден* и т. п. *Ленинотека? Лентро?* Политически — кто бы возражал?! Но лингвистически это был бы тупик. И в подтверждение неумолимости языковых законов, в свое время приведших в германских языках к передвижению согласных, в русском к падению еров и носовых, а во французском к радикальной перестройке всей латинской фонетики, наступила гласность.

РУССКИЕ ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ: РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ИНВАРИАНТ

Г. Зельдович
(Варшавский университет)

*Елене Викторовне Падучевой
с любовью и признательностью*

Summary

The paper seeks to show that (a) biaspectuality arises, where the main aspectual opposition, i.e. that of singularity VS iterativity of the action, is partly neutralized, and (b) the main factor favoring such a neutralization is the tendency towards referential definiteness of all of the verb's arguments, which is typical of Russian biaspectual verbs.

1. В своих работах Елена Викторовна Падучева не раз и не два продемонстрировала нам глубокую и всепроникающую системность глагольной лексики: то, что поначалу выглядит как хаотическое нагромождение случайностей, при более пристальном анализе превращается в стройную систему.

Мы бы хотели пойти этим же путем и показать, что общая, инвариантная черта есть и у на первый взгляд совершенно разрозненных русских двувидовых глаголов — как исконных, так и заимствованных.

Не претендующий на полноту их список представлен в (1—2):

(1) Велеть, даровать, исповедоваться, миловать, молвить, обещать, ответствовать; абонировать, ассигновать, атрибутировать, аттестовать, датировать, декларировать, информировать, канонизировать, капитулировать, кодифицировать, конкретизировать, констатировать, перифразировать, премировать, ратифицировать, реабилитировать, резервировать, резюмировать, рекомендовать.

(2) Венчать, исповедовать, крестить, освидетельствовать, приветствовать, бежать (из тюрьмы и т. п.), воздействовать, женить, жениться, заимствовать, использовать, исследовать, казнить, миновать, наследовать, напутствовать, оборудовать, образовать, обследовать, опосредовать, опробовать, расследовать, стяжать; акклиматизировать, активизировать, атако-

вать, деградировать, идентифицировать, мобилизовать, модернизировать, организовать.

К сожалению, ни общего семантического компонента, ни бросающегося в глаза общего аспектуального свойства у этих глаголов нет: по семантике это могут быть глаголы речи (1) и глаголы иных типов (2), а по аспектуальным свойствам они могут быть и моментальными, и предельными в узком смысле слова (ср. соответственно *даровать* и *исследовать*).

Тем не менее, мы видим у всех этих глаголов некую общую черту: *все их актанты оцутимо тяготеют к определенности*. Особенно это наглядно в сфере *realis*, на которой мы и сосредоточимся; такое упрощение оправдано тем, что «реальное» употребление глагола непреложным образом первично по отношению к ирреальному (хотя, разумеется, «спасительные» модальные контексты типа *Едва ли кто-то будет анонсировать такую передачу* тоже были бы достойны рассмотрения).

Если в высказывании с реальной модальностью какой-то актант называется местоимением *кто-то* или *что-то* (местоимения, которые в системе А. Вежбицкой давно получили статус семантических примитивов и которые прототипически выражают, так сказать, «чистую референцию», без какой бы то ни было конкретизации денотата), то либо соответствующая конструкция неприемлема, либо *кто-то/что-то* подлжит *доинтерпретации* и воспринимается как «ситуативный заместитель» более полной дескрипции, которую говорящий имеет в виду и при желании способен был бы дать.

Так, фраза *Кто-то обещал мне помочь* хороша только в саркастическом смысле: обещал помочь *адресат* или иной, скорее всего присутствующий при произнесении этой фразы человек — то есть кто-то совершенно определенный и только *умышленно* не называемый; фраза *Я обещал кому-то помочь* — только в смысле ‘говорящий не хочет или считает ненужным называть того (конкретного, известного говорящему!) человека, которому обещал помочь’. Фраза *Русский язык заимствовал из японского какое-то слово* хороша только в ситуации, когда адресату предлагается угадать, какое это слово, а говорящий прекрасно его знает, либо в ситуации, когда говорящий не знает сам, но предполагает, что это знает адресат (*Я читал, что русский язык заимствовал из японского какое-то слово. Может быть, ты знаешь, какое*), либо говорящий так или иначе *намерен это выяснить*. Как бы то ни было, присутствующая здесь неопределенность актанта явно воспринимается как обстоятельство временное и дискомфортное — чего никак не скажешь об «обычных» примерах типа *Кто-то открыл окно* (см. ниже, п. 2).

Без подобной «мысленной конкретизации» употребление двувидового глагола с неопределенным актантом будет весьма сомнительным; ср.: **Кто-*

то миловал Ивана; *Петр кого-то миловал; *Кто-то велел поменять эту мебель; *Шеф велел что-то купить; *Кто-то молвил: «Уйди!»; *Она что-то молвила, но я не расслышал; *Кто-то даровал Ивану свободу; *Король что-то Ланцелоту даровал; *Кто-то декларировал национальную независимость; *Правительство что-то декларировало; ^{??}Кто-то дурно воздействовал на Ивана; ^{??}Петр на кого-то дурно воздействовал; ^{??}Какой-то язык заимствовал из русского это слово; ^{??}Кто-то напутствовал Ивана добрым словом; ^{??}Петр кого-то напутствовал массой бесполезных советов.

В свое время — занимаясь по преимуществу глаголами речи — на это явление обращала внимание Л. Кнорина: соответствующие действия «рассматриваются прежде всего в связи с... переменной, представляемой совершенно конкретно, и осознаются только через нее. Это и создает обусловленность длительности действия, четкую ограниченность его моментом перехода в новое состояние.

Так, глагол *амнистировать* не имеет никакой специфики действия, кроме того, что оно приводит к новому заранее известному состоянию объекта. Действительно, невозможно даже объяснить, что означает этот глагол, не описав состояния объекта, к которому приводит осуществление действия. Конкретность, единственность нового состояния и позволяет выделить момент, ограничивающий длительность действия — тот момент, до которого объект не был амнистирован и после которого он амнистирован» [Кнорина 1976: 70—71].

Для нас важно, однако, что требование об определенности распространяется не только на объект, но и на *все другие актанты двувидового глагола*.

Замечание. Там, где какая-то валентность двувидового глагола вообще формально не заполнена — как, например, в неопределенно-личных конструкциях типа *Его казнили* и в абсолютных наподобие *Этот царь казнил и казнил*, — никакой аномалии не возникает. Противоречит ли это нашему тезису? Думаем, что нет, ибо говорить о *неопределенности* соответствующего актанта едва ли корректно. То, кем или над кем/чем совершено действие, здесь говорящему попросту *безразлично*: соответствующий участник может быть *равным образом* и неизвестен говорящему, и ему известен; ср. хотя бы: *Иван вошел в ресторан, но его тут же выгнали* (говорящему скорее неизвестно, кто); *Я вошел в ресторан, но меня тут же выгнали* (скорее известно, кто). Для конструкций, где актантное место заполняется местоимениями *кто-то* или *что-то*, определенность участника, как мы видели, случай маргинальный: она уместна только при очень специфических *дополнительных* предположениях.

По всей вероятности, тут работают прагматические механизмы: если говорящий *взял на себя труд* сказать «кто-то» или «что-то», имея в распоряжении более «экономную» конструкцию с поверхностно нулевым актантом, то соответствующий актант для него *важен*, так или иначе привлекает внимание. Если же называется он логически самым «слабым» словом, то значит, говорящий скорее всего и *не в состоянии* дать более конкретную дескрипцию. (Об исключениях см. выше: могут быть

особые обстоятельства, при которых употребление *кто-то/что-то* объясняется не неспособностью, а *нежеланием* говорить предметнее; ср. [Matsumoto 1995].)

2. Описанное свойство двувидовых глаголов тем более выразительно, что почти все они *агентивны*: субъект у них одушевленный и совершает действие по собственной воле; во многих случаях происходит и изменение в объекте — то есть налицо те важнейшие черты «агентивного прототипа», которые выделены в классической статье [Dowty 1991].

Семантику прототипического агентивного глагола можно представить в виде

- (3) а. Что-то произошло с субъектом (субъект что-то (с)делал);
 б. Что-то произошло с объектом;
 в. Первое (а) является причиной второго (б).

То, что произошло с субъектом, и то, что произошло с объектом, допустимо мыслить как две самостоятельные ситуации. Скажем, для *Маша сварила суп* это ситуация наподобие ‘Маша нарезала овощи, залила их водой, поставила суп на огонь...’ и ситуация ‘суп начал существовать’; для *Иван открыл окно* — ситуация наподобие ‘Иван повернул ручку, потянул на себя...’ и ситуация ‘окно начало быть открытым’.

Следствием этой относительной автономности субъекта и объекта у прототипического агентивного глагола является возможность — хоть и далеко не всегда, но в большом числе случаев — представить один из этих актантов как *кто-то* или *что-то*: *Кто-то сварил суп; Маша что-то сварила; Кто-то открыл окно*.

Если двувидовой глагол требует от своих актантов определенности и если это требование противопоставляет двувидовые глаголы огромной массе других глаголов, то логично думать, что эта референциальная идиосинкрязия и ответственна за двувидовость: *непременная определенность актантов приводит к частичной нейтрализации видового противопоставления, а потому ослабляется и потребность в формальном разграничении видов*.

Последняя мысль также высказывалась в [Кнорина 1976], только конкретные механизмы нейтрализации мы видим совершенно иначе.

В [Кнорина 1976] основное различие между СВ и НСВ усматривается в том, что СВ обозначает достижение внутреннего предела действия («результат»), а НСВ — отсутствие (или потенциальное отсутствие? — здесь текст Л. Кнориной не вполне ясен) такого достижения («процесс»).

На самом деле в своем реальном употреблении СВ и НСВ по этой линии обычно как раз *не различаются*. Достаточно вспомнить, что итеративный НСВ почти всегда обозначает *достижение предела* действия, т. е. «результата».

ты» (скажем, фраза *Я по утрам жарю яичницу* нормально интерпретируется в смысле 'каждый раз яичница дожаривается до готовности'); то же самое верно для перфектного (иначе — общефактического) НСВ и НСВ в будущем времени (например, *Я на завтрак жарил яичницу*, кроме особых случаев значит 'пожарил'; *Я буду жарить яичницу* — 'пожарю'). Вообще, НСВ «незаконченного действия» («процесса») употребляется только там, где такую интерпретацию вынуждает языковой и/или ситуационный контекст, — например, в конструкциях типа «делал, но не сделал», либо в случае, когда есть особые основания ожидать, что будет использован СВ, а говорящий употребил НСВ: допустим, если преподаватель спрашивает студента, *прочитал ли* он такую-то статью (здесь самый нейтральный утвердительный ответ — *Да, прочитал*, либо просто *Да*, где СВ *прочитал* все равно подразумевается, ибо в кратком ответе все эллиптированные части обычно «копируются» из вопроса), а студент уклончиво отвечает, что *читал*.

Наша альтернатива подобному (имеющему, конечно же, богатую академическую традицию) пониманию русского вида представлена в [Зельдович 2002], однако здесь о ней нет надобности подробно говорить. Важно только, что в действительности противопоставление СВ и НСВ оказывается многомерным, проявляя себя в целом ряде возможных оппозиций, которые будут названы ниже и среди которых оппозиция «процесс — результат» занимает весьма скромное место.

Для простоты будем пока рассматривать только употребление глаголов в прошедшем времени (о непрошедшем см. ниже, п. 4.3).

Релевантных для прошедшего времени аспектуальных оппозиций мы видим пять:

Оппозиция 1. Единичность действия (СВ) — многократность действия (НСВ).

Оппозиция 2. Значение перфектное, то есть результат действия важен в момент речи или в другой момент, выбранный за точку отсчета; для простоты условимся считать, что это всегда момент речи (СВ) — значение имперфектное (обычно говорят «общефактическое»): результат в момент речи по тем или иным причинам не важен (НСВ).

Оппозиция 3. Действие закончено (СВ) — действие не закончено (НСВ).

Оппозиция 4. Значение недуративное (СВ) — значение дуративное, то есть данное действие протекает *одновременно* с некоторым другим действием (НСВ), напр. *Когда Иван входил (≠ вошел), все перепугались*.

Оппозиция 5. Действие представлено как одно событийное целое (СВ) — действие представлено в его (потенциально наблюдаемом) протекании (НСВ в так называемом актуально-длительном значении).

Как мы стремились показать в [Зельдович 2002], самой универсальной, ключевой оппозицией является первая — оппозиция между одно- и многократностью. Воспроизвести здесь нашу аргументацию невозможно, и потому обратим внимание только на главное: много глаголов, не вступающих в оппозиции 3—5 (моментальные глаголы), есть глаголы, для которых малоестественна оппозиция 2 (например, редко употребляется общефактически глагол *привыкать*), но нет парных глаголов, которые не могут противопоставляться по линии «итеративность VS однократность»¹.

Если, как мы говорили выше, актанты у двувидового глагола референциально фиксированны, то ощутимо снижается вероятность *повторения* данной ситуации (ср., кстати, крайне затрудненную сочетаемость наших глаголов с наречиями *часто, редко, регулярно* и т. п.), а значит, частично нейтрализуется и главное видовое противопоставление.

3. Таким образом, мы приходим к двум основным тезисам:

Во-первых, глагол оказывается двувидовым, если у него отчасти нейтрализовано главное видовое противопоставление — между единичностью и многократностью.

Во-вторых, эта нейтрализация вызывается обязательной референциальной определенностью участников ситуации — поскольку при референциально закрепленных участниках намного ниже вероятность, что ситуация может повториться.

Мы думаем, что оба эти тезиса подтверждаются и независимыми фактами. Ниже, в п. 4.1—4.3, мы проиллюстрируем объяснительную силу первого, а в п. 5.1—5.4 постараемся обосновать второй.

4.1. С точки зрения тезиса, что двувидовость связана с нейтрализацией противопоставления «однократность — итеративность», удается хорошо объяснить причудливое поведение глаголов *обещать, молвить* и *женить*.

Рассмотрим сначала *обещать* и *молвить*.

В одних случаях они полноценно двувидовые, а в других используются только как несовершенный вид, в совершенном же выступают приставочные корреляты *пообещать* и *про(вы)молвить*.

Начнем с общеизвестного: речевое действие имеет физический аспект (произнесение соответствующих слов) и аспект, так сказать, ментальный: го-

¹ Разумеется, есть такие неповторимые действия, как *родиться* (нельзя: **Иван рождился в 1960 году*), — но неповторимы они только для заранее фиксированных участников, ср. ¹*Слонята в зоопарке последний раз рождались в 1960 году*.

ворящий так или иначе воздействует на ментальное состояние адресата (ср. *совет*, *приказ* и т. п.) и/или берет на себя определенные обязательства. Например, если *X* сказал, что *P*, то *X* тем самым в определенном смысле обязуется *поступать так, как человек, знающий, что P*, сообразно с *P* — и уж во всяком случае не так, как если бы было верно *не-P* (тут, конечно, нужна масса оговорок и уточнений, за которыми отправляем читателя к недавним работам А. Богуславского, например [Bogusławski 2004]). Если *X* дал обещание, что сделает *P*, то окружающие вправе ждать, что *X* сделает или попытается сделать *P*.

Очевидно, что у разных глаголов речи и даже у одного глагола в разных контекстах относительный «вес» физического и ментального компонентов может быть разным: ср. хотя бы проанализированную А. Богуславским пару *сказать...* (с последующей прямой цитацией сказанного) и *сказать, что...*, где во втором случае намного важнее интерпретативный компонент (настолько важнее, что А. Богуславский считает *сказать...* и *сказать, что...* двумя разными лексемами).

Вернемся к парам *обещать* — *пообещать* и *молвить* — *промолвить*. Если первый глагол в каждой паре в принципе может выступать и как НСВ, и как СВ, а в то же время есть глагол с формально выраженным совершенным видом, то по очевидным причинам прагматического свойства между ними должен усматриваться сильный контраст — более сильный, чем между несовершенным и совершенным употреблением одного и того же глагола.

Если самая универсальная и, следовательно, прагматически самая «доступная» видовая оппозиция — это противопоставление по линии «одно- — многократность», то использование приставочного глагола *пообещать*, *про(вы)молвить* должно имплицировать, что соответствующий бесприставочный глагол воспринимается говорящим скорее как глагол несовершенного вида, то есть глагол, чье главное предназначение состоит в обозначении *многократных* действий.

Разумеется, многократность речевого акта легче представима, если он берется в своей *физической* ипостаси: представить себе многократное *произнесение* каких-то слов намного проще, нежели вообразить многократную — и при этом однотипную! — перемену в ментальных состояниях говорящего и/или адресата.

Кажется, этот вывод хорошо согласуется с фактами.

Факт 1. Если употребляется приставочный глагол СВ, то становится менее желательной оценочная характеристика речевого акта:

- (4) Иван ⁺ молвил / ⁻ промолвил (⁻ вымолвил) горькие слова.
- (5) За молчание Иван ⁺ обещал / ⁻ пообещал Петру золотые горы.

Ср. безупречное: *За молчание Иван пообещал Петру 1000 долларов*. Дело в (5) именно в том, что выражение *обещать золотые горы* значит, что обещание незаурядно щедрое и скорее всего пустое, — то есть дает соответствующему речевому акту *оценку*.

Факт 2. С другой стороны, если говорение явно представляется в физическом аспекте, если используется не косвенная речь, а прямое цитирование, то предпочтительны формы *пообещать* и *про(вы)молвить*: *Иван пообещал (промолвил, вымолвил; ??обещал; ?молвил): «Никогда больше это не повторится»*.

Факт 3. С этой точки зрения объясним и пример из [Зализняк, Шмелев 1997: 74]:

- (6) *Он оделся, ??обещал (=⇒ пообещал) матери, что скоро вернется, и вышел на улицу.*

Если глагол речи сочиняется с глаголом физического действия *оделся*, то и соответствующий речевой акт тоже скорее всего рассматривается с его «физической» стороны, то есть именно так, как представляет его глагол совершенного вида *пообещать*.

Факт 4. Будучи, так сказать, «более физическими», а не ментальными, действия *пообещать* и *промолвить* легче, чем *обещать* и *молвить*, локализируются во времени, ср. *Во время нашей беседы Иван ?обещал/ + пообещал мне помощь; ...и, услышав это, он — молвил/ + промолвил...*

Факт 5. Использование СВ *пообещать* неизбежно намекает, что соответствующее *обещать* — уже скорее не двувидовой глагол, а имперфективный, а следовательно, намекает на *повторимость* обещания и тем самым на то, что оно *не будет исполнено* — ибо только при этом условии оно нормально может стать повторимым. Так, напоминая кому-то о данном обещании и о необходимости его выполнить, мы скорее скажем *Ты же обещал*, а не *?Ты же пообещал*. Точно так же форма *обещал* уместнее там, где из контекста видно, что обещание будет выполнено, ср.: *Я должен уходить: я обещал (?пообещал), что буду дома к восьми*.

4.2. В том же ключе объяснимо и соотношение между двувидовым глаголом *женить* и его перфективным соответствием *поженить*.

Рассмотрим похожие и в то же время резко контрастные примеры:

- (7) а. *Священник поженил/ ?женил Ивана и Марию* (здесь и ниже предполагается законченное действие);
 б. *Царь своей волей женил/ ??поженил Ивана и Марию*.

Почему в первом случае нужно *поженил*, а во втором — *женил*?

Видимо, потому, что в (а) священник произносил какие-то *ритуализированные*, наперед известные формулы (вроде «Объявляю вас мужем и женой»), и, следовательно, здесь вероятнее, что внимание обращено в первую очередь к физической, формальной стороне речевого акта. В примере же (б) исключительно важно само *содержание* того, что сказал (приказал) царь, — ибо никакой «обрядовости» тут уже нет.

Поскольку в своей физической ипостаси речевое действие легче повторимо, то в предложении (а) не происходит нейтрализация главной видовой оппозиции «одно- VS многократность» и здесь *сильнее потребность в формальном различении видов*. Поскольку же речь идет о совершившемся действии, результат которого скорее всего налично в момент речи, то нужен СВ *поженить*. Форма *женить* однозначно прочитывалась бы как НСВ; например, предложение *Ивана и Марию женил протодьякон Евтихий* уместно, если только предполагать, что на первом плане — *кто именно* женил, а сохранился ли к моменту речи результат 'Иван и Мария женаты', не слишком существенно — то есть предполагать имперфектную (общефактическую) интерпретацию глагола.

4.3. Интересно и показательно употребление двувидовых глаголов в будущем времени.

Существенны два факта.

С одной стороны, как показано в [Апресян 2002: 12], «...в большинстве случаев свою грамматическую неоднозначность они (двувидовые глаголы. — Г. З.) ясно обнаруживают только в формах не прошедшего времени».

С другой стороны, если у двувидового глагола есть приставочный коррелят, то глагол без приставки оказывается двувидовым (во всяком случае, *чаще* оказывается двувидовым) в прошедшем, зато в будущем размежевание видов становится совершенно отчетливым: бесприставочный глагол употребляется как НСВ, приставочный — как СВ.

Таковы пары *молвить* — *промолвить* (*вымолвить*), *венчать* — *обвенчать* (*повенчать*), *крестить* — *окрестить* (*покрестить*), *резервировать* — *зарезервировать*, *наследовать* — *унаследовать*, *бежать* (из тюрьмы и т. п.) — *убежать* (*сбежать*), *женить* — *поженить*.

Например, *Х молвит...* — это скорее несовершенный вид (настоящее время), если же требуется вид совершенный, то желательно использовать приставочное *промолвит*. *Х крестит* (*венчает*, *резервирует*, *наследует*, *бежит*, *женит*) — это *наверняка* НСВ (настоящее время), а совершенный вид (и будущее время) возможны *только* у приставочных глаголов: *окрестит*, *повенчает*, *зарезервирует*, *унаследует*, *убежит*, *поженит*.

Оба эти факта мы в состоянии объяснить.

Можно предположить, что в будущем времени (а также в повелительном наклонении, которое мы специально не рассматриваем) аспектуальные свойства наших глаголов — глаголов с «фиксированными актантами» — могут несколько отличаться от аспектуальных свойств прошедшего, причем отличаться таким образом, что *возрастет потребность в формальном различении видов*.

Действительно, в будущем (кроме особых, «вторичных» случаев, когда точкой отсчета служит не момент речи, а момент, который *последует* за описываемым действием) очевидным образом невозможно перфектное значение СВ и, соответственно, имперфектное (общефактическое) значение НСВ.

Вместо этой оппозиции имеется иная: «внимание привлечено к результату действия (СВ) — внимание привлечено, так сказать, к «преддействию», к обстоятельствам, которые налицо уже в момент речи и которые позволяют ожидать, что действие состоится (НСВ «приступа к действию», или «проспективный» НСВ, как мы его назвали в [Зельдович 2002]). Ср. примеры там же, с. 38:

- (8) а. *Я сварю суп. Купи, пожалуйста, перца.*
 б. *Я буду варить суп. Купи, пожалуйста, перца.*
 (9) а. *Ивана уволят. Надо ему помочь.*
 б. *Ивана будут увольнять. Надо ему помочь.*

СВ в примерах (а) привлекает внимание к *результату* предстоящего действия, а НСВ в (б) служит, чтобы подчеркнуть интерес Говорящего к тому, что есть или будет *перед* тем, как действие состоится. (8а) скорее всего значит, что перец будет добавлен уже в готовый суп, а (8б) — что перец будет добавляться к супу *в ходе* его варки; (9а) — что Ивану нужно помогать *после* увольнения, а (9б) — что *до* (а может быть, и самое увольнение попытаться предотвратить).

Между результативным имперфектным НСВ и проспективным НСВ имеется принципиальное различие. Результативный имперфектный (общефактический) НСВ уместен только при условии, что данное действие по природе *повторимо*. Отсюда, к примеру, аномалия в предложениях:

- (10) **Иван умирал* (в смысле умер).
 (11) ??*«Войну и мир» писал Толстой.*
 (12) **Ботвинник выигрывал матч-реванш у Таля* (известно, что Ботвинник *выиграл* этот матч и что такой матч состоялся только *единожды*).

Отсюда же — контраст между на первый взгляд однотипными примерами:

- (13) а. *Вчера у меня разбивалась чашка;*
 б. [?]*Вчера у меня разбивалось окно;*
 в. ^{??}*Вчера у меня разбивалась машина.*

Для наивного носителя языка чашки разбиваются чаще, чем окна, а окна — чаще, чем машины; поэтому каждая следующая фраза ощутимо хуже предыдущей (подробнее см. [Зельдович 2002: 103, 115 сл.]).

Таким образом, если соответствующая ситуация слабо повторима, то должно оказаться затрудненным и *имперфектное* употребление соответствующих глаголов.

Что же касается проспективного НСВ, то он «повторимости» ситуаций *не требует* — по причинам, которые изложены в [Зельдович 2002: 160—163] и существо которых сейчас не слишком важно; важно только, что такой НСВ реально употребляется, ср. примеры там же, с. 160—161:

- (14) а. **Иван умирал* (в результативном имперфектном смысле плохо);
 б. [!]*Ну, буду умирать* (проспективное употребление НСВ: ‘наличные обстоятельства таковы, что умру’; ясно, что речь здесь идет именно о законченном действии);
- (15) а. ^{??}*«Маленькие трагедии» писал Пушкин* (в результативном имперфектном смысле почти недопустимо);
 б. [!]*...а потом Пушкин будет писать «Маленькие трагедии»* (из лекции; проспективное значение, только с точкой отсчета в прошлом: ‘(в опорный момент прошлого) есть такие обстоятельства, что Пушкин напишет «Маленькие трагедии»’).

Как видим, в будущем времени имеется особая оппозиция «проспективность (НСВ) — не-проспективность (СВ)», которая, в отличие от оппозиции «имперфект (НСВ) — перфект (СВ)», *не зависит* от повторимости ситуаций.

Поэтому вытекающая из определенности актантов слабая повторимость соответствующей ситуации в меньшей степени ограничивает пространство возможных употреблений глагола, а следовательно, здесь более ощутима *потребность в разграничении* совершенного и несовершенного видов. Именно отсюда — отмеченная Ю. Д. Апресяном общая тенденция: грамматическая неоднозначность двувидовых глаголов ярче всего проявляется в непрошедшем времени. Именно поэтому если у двувидового глагола имеется приставочный коррелят совершенного вида, то вероятнее, что именно в будущем времени этот глагол будет прочитываться как имперфективный.

Замечание. Поскольку дополнительные возможности будущего времени ближайшим образом связаны с ослаблением ограничений на использование *несовершенного* вида, то неудивительно, почему иногда даже и те двувидовые глаголы, у кото-

рых нет приставочного или суффиксального одновидового соответствия, в будущем времени все равно ощутимо тяготеют к имперфективности. Например, простое будущее (и, следовательно, совершенный вид) маловероятны или просто исключены не только для *молвить*, *бежать*, *венчать* и т. п., но и для *абонировать*, *анонсировать*, *рекомендовать*, *ответствовать*, *утрировать* и для ряда других глаголов².

5.0. Вспомним теперь о нашем втором тезисе — что двувидовость глаголов связана с запретом на неопределенные актанты, — и посмотрим, какие доводы можно привести в его пользу.

5.1. Первый из них — статистического характера. В случайной выборке из 100 глаголов на *-ировать* мы нашли 59 двувидовых глаголов, которые практически *не допускают* референциально неопределенных актантов, и 40 одновидовых (СВ или НСВ), при которых неопределенный актант возможен: это глаголы типа *затранскрибировать* (*Кто-то уже затранскрибировал это слово*), *декламировать* (*Кто-то на вечере будет декламировать Блока*), *бравировать* (*У Ивана такой характер, что он постоянно чем-то бравирует*).

Единственным исключением оказался глагол несовершенного вида *лидировать*, для которого неопределенный субъект недопустим — однако это хорошо объяснимо его семантикой: речь идет об *одном* человеке (одной команде, одном товаре и т. д.), который занимает на соответствующей шкале самое высокое положение. То, что *кто-то* (*что-то*) такое положение непременно занимает, ясно и *a priori*, поэтому субъект непременно должен быть конкретизирован.

Так или иначе, между двувидовостью и требованием об определенности участников ситуации, а с другой стороны — между «одновидовостью» и отсутствием такого ограничения — наблюдается весьма строгая корреляция.

5.2. Рассмотрим соотношения между глаголами в следующих рядах:

² Часто для проверки видовой принадлежности глагола в будущем времени используется тест со сложной формой на *буду* (*будем канонизировать*, *буду жениться* VS ^{??}*буду велеть*, ^{??}*буду обещать*).

Мы не хотели бы к нему прибегать, ибо он попросту некорректен.

При обозначении предельного действия немаркированным, нейтральным обычно является СВ, а употребление НСВ связано с многообразными вторичными эффектами (см. подробнее [Зельдович 2002]), в данном случае — с эффектом «приступа к действию». С другой стороны, сделать невозможным употребление такой «перспективной» формы НСВ способны совершенно посторонние факторы: например, в ^{??}*буду велеть*, ^{??}*буду обещать* это моментальный характер глагольного действия (см. [Там же: 141—152, 162]), — так что тестовая ценность таких конструкций приближается к нулю.

- (16) а. *Молвить* — *говорить/сказать*;
даровать — *дарить/подарить*;
ответствовать — *отвечать/ответить*;
исследовать — *изучать/изучить*;
велеть — *приказывать (распоряжаться)/приказать (распорядиться)*;
легализовать — *узаконивать/узаконить*;
мотивировать — *обосновывать/обосновать*;
схематизировать — *упрощать/упростить*;
симулировать — *притворяться/притвориться*;
премировать — *награждать/наградить; поощрять/поощрить*
ретироваться — *уходить/уйти*;
- б. *Обещать* — *пообещать*;
резервировать — *зарезервировать*;
информировать — *проинформировать*;
блокировать — *заблокировать*.

Слева находятся двувидовые глаголы, справа — их синонимы с формально дифференцированным видом (группа (а)), либо одновидовые совершенные корреляты (группа (б)).

И в том и в другом случае смысловая близость двувидового глагола с «одновидовым(и)» настолько велика, что на этом фоне особенно нагляден интересующий нас референциальный контраст. Двувидовой глагол требует от всех актантов определенности (плохо: ^{??}*Кто-то молвил, что...*; ^{??}*Кто-то ответствовал, что...*; ^{??}*Кто-то даровал Ивану свободу*; [?]*Кто-то обещал мне помочь* (о глаголе *обещать* см. выше п. 1.2); ^{??}*Кто-то резервировал эти места*; глагол *исследовать* с неопределенными актантами встречается (*Кто-то уже исследовал эту проблему*), но в таком случае он из двувидового превращается просто в несовершенный вид; см. ниже п. 5.3), глаголы же с формально выраженным видом легко допускают употребления типа *Кто-то сказал (ответил), что...*; *На день рождения Иван что-то мне дарил — но не помню, что*; *Эту проблему уже кто-то изучил*; *Кто-то уже зарезервировал нам билеты*.

Такое положение вещей наводит на мысль, что даже если идиосинкрязия к неопределенным актантам изначально была продиктована семантикой двувидовых глаголов, позднее, при расширении этой группы, она стала, так сказать, квинтэссенцией двувидовости, и в результате запрет на неопределенность актантов получил не свойственную ему изначально автономию, из семантически мотивированного стал относительно произвольным.

5.3. Другое выразительное подтверждение обсуждаемой корреляции дают глаголы *исследовать*, *обследовать* и *ранить*.

При *исследовать* и *обследовать* допускается неопределенный субъект:

(17) *Кто-то уже исследовал эту проблему (обследовал эту местность)*, —

но тогда эти глаголы прочитываются *только как несовершенный вид*. Например, едва ли можно сказать:

(18) ^{??}*К настоящему времени кто-то уже исследовал эту проблему (обследовал эту местность)*, —

хотя приемлемо:

(19) *К настоящему времени Иван уже исследовал эту проблему (обследовал эту местность)*.

Обороты типа *к настоящему времени уже...* сочетаются почти исключительно с глаголами совершенного вида (ср. *к настоящему времени уже прочитал, сделал, сварил...* VS ^{??}*к настоящему времени уже читал, делал, варил...*), а в (18) неопределенность субъекта подобную интерпретацию блокирует³.

Что касается глагола *ранить*, то у него выделяются три значения: можно ранить в бою; можно ранить руку ножом; наконец, *ранить* может значить ‘причинять/причинить душевные страдания’ (более тонкое описание этих значений здесь не требуется).

Только в первом и третьем значении глагол *ранить* двувидовой: например, *Его ранили в бою* и *Иван своими словами меня ранил* скорее значит, что один раз и что результат каким-то образом актуален в момент речи (тогда это СВ), но может и обозначать многократное действие, либо действие, результат которого уже ни в каком смысле не актуален (НСВ)⁴. Что же касается *ранить* в *ранить руку ножом* и подобных употреблений, то здесь этот глагол всегда несовершенного вида (пара — *поранить*).

В полном согласии с нашими прогнозами оказывается, что одновидовое *ранить* допускает неопределенный актанта: *Я чем-то постоянно ранил правую руку*, а двувидовые омонимы — нет; ср. аномальное: ^{??}*Ивана чем-то ранили в бою*; [?]*Ивана кто-то ранил в бою шашкой*; [?]*Иван чем-то ранил душу Марии*; [?]*Кто-то злым словом ранил ее душу*.

³ Можно думать, что подобным образом поведут себя и другие двувидовые глаголы; очевидные кандидаты — *датировать*, *атрибутировать*, *картографировать*.

⁴ Там, где *ранить* значит ‘причинять душевные страдания’, возможно и актуально-длительное либо дуративное употребление этого глагола, но входить в тонкости здесь не обязательно.

5.4. Капризно, но тоже объяснимо с наших позиций поведение глагола *жениться*.

Он употребляется либо асимметрично: *X женился на Y-е* (вариант — абсолютное *X женился*, где *Y* имплицитен), либо симметрично: *X и Y женились* [Jászay 1999: 171]. В первом случае он двувидовой, во втором — это несовершенный вид (пара — *пожениться*)⁵.

Простое и правдоподобное объяснение такого неожиданного контраста состоит в том, что у симметричного *жениться* два актанта (причем оба — непременно определенные; ср. ^{??}*Кто-то женился на Маше*; ^{??}*Иван на ком-то женился*. Кажется, во втором случае неопределенность запретна не потому, что этот глагол двувидовой, а по более общим прагматическим причинам, — но дело от этого не меняется), а у симметричного *жениться* — только один: вся группа *X и Y* как целое.

В таком случае асимметричный вариант обозначает ситуацию, которая, имея больше определенных актантов, так сказать, прочнее «прикреплена» к действительности — и потому скорее должна оказаться единичной.

Мы, конечно, не утверждаем, что одного «референциально закрепленного» актанта недостаточно, а двух — достаточно, чтобы глагол стал двувидовым. Наш тезис слабее: *если* у двух глаголов разное число актантов и они «фиксированные» и *если* какой-то глагол оказался «обычным», а какой-то — двувидовым, то логично ожидать, что двувидовым будет тот, у которого актантов больше.

Вот далеко не полный ряд параллельных примеров, где первые глаголы в каждой паре двух-, а вторые одновалентны — и при этом именно двухвалентный глагол скорее оказывается двувидовым: *аттестовать* (двувидовой) — *аттестоваться* («проходить аттестацию» или «пройти аттестацию»; почти всегда — первое, то есть по преимуществу это глагол несовершенного вида); *канонизировать* (двувидовой) — *канонизироваться* («проходить/пройти процедуру канонизации»; практически всегда несовершенный вид); *перифразировать*, *резюмировать* (двувидовые) — *перифразироваться*, *резюмироваться* (ср.: *Пресловутый «метод последовательных приближений» перифразировался (резюмировался) у нее поговоркой «Пока солнце взойдет, роса очи выест»* (И. Обская). У интересующих нас глаголов — только многократное значение и только несовершенный вид); *резервировать* (двувидовой) — *резервироваться* (*Места в гостинице резервировались только для участников конференции*); всегда имперфектный, многократный или актуально-длительный НСВ); *использовать* (двувидовой) — *использоваться* (НСВ).

⁵ Точно так же обстоит дело и с глаголом *венчаться*: асимметричная форма *X венчался с Y-ом* — двувидовая, симметричная (*X и Y венчались*) — скорее всего несовершенный вид. Сказанное ниже относится и к *венчаться*.

Замечание. Конечно, можно заподозрить, что приведенные глаголы на *-ся* тяготеют к несовершенному виду просто потому, что они страдательны, а в страдательном залоге совершенный вид на *-ся*, типа **Книга написалась Иваном*, практически неупотребителен. Это, однако, было бы ошибкой: любой из приведенных возвратных глаголов допускает и не-страдательную интерпретацию (собственно-возвратную либо медиальную) — то есть ту интерпретацию, которая сама по себе еще отнюдь не блокирует ни употребление глаголов совершенного вида, ни соответствующее прочтение двувидовых.

Более изысканной иллюстрацией этого же явления может быть формально нововалентный двувидовой глагол *деградировать*.

Если сравнить его с похожими по значению «одновидовыми» глаголами типа *поглупеть*, *ослабеть* и т. п., то обнаружится резкое различие. Такие глаголы способны обозначать как серьезное, так и незначительное изменение в субъекте (*немного поглупел*, *слегка ослабел*), а *деградировать* — только серьезную, качественную перемену.

По-видимому, так обстоит потому, что субъект еще *не* деградировавший и субъект деградировавший — это в определенном смысле уже *разные* субъекты. Например, если *X деградировал*, то мы, не забывая о референциальном тождестве прежнего и теперешнего *X*, все равно можем сказать, что *X-а* *не* *узнаем*, что его *подменили* и т. п. (Для *поглупеть*, *ослабеть* и т. п. подобное возможно, только если *специально подчеркивается*, насколько сильно изменение: ср., с одной стороны, *??X поглупел (ослабел)* — *его просто нельзя узнать*, а с другой — *X катастрофически поглупел (ослабел)* — *его просто нельзя узнать; X так поглупел (ослабел), что его просто нельзя узнать*.)

Как видим, из набора мыслимых интерпретаций, который в первом приближении можно обозначить как ‘статус субъекта понизился (неизвестно, насколько)’ и ‘статус субъекта радикально понизился’, глагол *деградировать* «выбирает» ту (вторую), при которой его субъект семантически «раздваивается» — благодаря чему у ситуации есть больше шансов оказаться принципиально единичной, плохо повторимой.

6. Подведем итоги.

Мы стремились показать, что феномен двувидовости — в своих истоках референциальный: двувидовые глаголы нетерпимы к неопределенности актантов. Чем скорее единичны актанты глагола, тем слабее повторимость соответствующей ситуации и тем дальше отодвинута в тень основная аспектуальная оппозиция между единичностью и многократностью, и отсюда — ослабленная потребность в формальном разграничении видов.

Мы думаем, что наш анализ двувидовых глаголов еще раз подтвердил дорогую всякому функционалисту мысль, что между языковой формой и со-

держанием имеются регулярные соответствия: имеются даже там, где форма обнаруживает черты исключительности, — ибо в таком случае необычность формы иконически соотносится с необычностью смысла.

Литература

- Апресян 2002 — Ю. Д. *Апресян*. Взаимодействие лексики и грамматики // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 1 (3). С. 10—29.
- Зализняк, Шмелев 1997 — А. А. *Зализняк*, А. Д. *Шмелев*. Лекции по русской аспектологии. München, 1997.
- Зельдович 2002 — Г. М. *Зельдович*. Русский вид: семантика и прагматика. Toruń, 2002.
- Кнорина 1976 — Л. *Кнорина*. Семантическая классификация и виды глагола (на материале глаголов на *-овать*) // Семиотика и информатика. Вып. 7. М., 1976. С. 62—78.
- Bogusławski 2004 — A. *Bogusławski*. Remarks on quotative ‘saying’ // *Studies in Polish Linguistics*. Vol. 1. 2004. P. 29—46.
- Dowty 1991 — D. *Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. Vol. 67. № 3. P. 547—619.
- Jászay 1999 — L. *Jászay*. Видовые корреляты при двувидовых глаголах // *Studia Russica*. XVII. Budapest, 1999. P. 169—177.
- Matsumoto 1995 — Y. *Matsumoto*. The conversational condition on Horn scales // *Linguistics and Philosophy*. 18. 1995. P. 21—60.

ОБ ОДНОЙ НОВОЙ МОДЕЛИ В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ (может ли приставка присоединять к себе суффиксы?)*

Е. А. Земская

*Дорогой Елене Викторовне Падучевой
с пожеланием успехов в науке и радостей в жизни*

Приставка *супер-* (от лат. *super* — сверху, над) в русском языке (по данным БАС) впервые отмечена в «Словаре иностранных слов» 1937 г. Словарь Д. Н. Ушакова [Сл. Уш.] ее не помещает как отдельную единицу, а дает лишь четыре слова с этим элементом. Во всех этих словах *супер-* имеет значение ‘сверху’, ‘над’: *суперавиация, суперарбитр, суперобложка, суперфосфат*. БАС показывает незначительную активизацию этого элемента. Добавлены слова *суперинтендант, суперкарго, суперфильтр, суперцемент* (со знач. высшего качества), *суперинфекция* (вторичная).

На протяжении последующих десятилетий единица *супер* резко активизируется. Элемент *супер* в русском языке функционирует как приставка не с пространственным значением, а со значением ‘высокого качества’, ‘самый лучший’. Примеров можно привести множество. *Супер* сочетается и с существительными (*суперкубок, супершпион, суперклиент, суперанилаг, суперакция, супердом, суперсервис*) и с прилагательными (*суперудобный матрас, супертехнологичный, суперскоростной, суперпрочный, супермодный* и др.). См. также: [Земская 1992].

Словарь «Новое в русской лексике» за 1990 г. [НРЛ 2004] помещает более 20 новых существительных и прилагательных с приставкой *супер-*. Интересно, однако, другое: на наших глазах *супер* превращается в самостоятельно функционирующую лексему. Словарь В. В. Химика [Сл. Х.] характеризует ее так: «неизм., в знач. междометия, в функции сказуемого. Жарг. Замечательно, здорово, великолепно. Эмоциональная оценка чего-либо, вызывающего восторг, восхищение, (...) „Где ты такую сумку оторвал? Супер!“».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-04-00160а.

Мои наблюдения показывают широкое употребление одиночного *супер* в речи молодежи, подростков, в значении высокой похвалы: Ты — *супер!*; Вы молодой! Очень! Вы — *супер!* (из речи молодой женщины мужчине средних лет). Интересно, что этот мужчина, отвечая ей, начинает употреблять такое же *супер!* и замечает: «Что же я перешел на сленг подростков?».

Отмечу, что «Словарь московского аргю» В. С. Елистратова [1994] дает лишь два слова с приставкой *супер-* (*супермордобой* и *супермордобойник*), но помещает одиночное *супер* как имя существительное муж. р. со значением 'подросток' (из шк.). В моих материалах это значение не зафиксировано.

Знаменательно, что единица *супер* продолжает свое развитие в наши дни. Она сочетается с суффиксами *-ски* и *-ск-(ий)*, выступая в функции наречия и прилагательного. Подобное употребление свойственно речи молодежи и подростков и обладает большой частотностью. Несомненно, что такие слова являются принадлежностью жаргона. Как экспрессивная краска они проникают в язык современной литературы, преимущественно детективов. Несколько примеров:

«Луис фотограф *суперский* (Яковлева. Опасные тихони); (из речи продавщицы): — Вот так идет, — *щебетала она* ⟨...⟩ *Невероятно прикольно, суперски, отпадно смотрите* (Донцова. Букет прекрасных дам); — *Суперски, — взвизгнула продавщица, — с таким фрэндом я бы хоть куда пошла...* (там же).

Несколько примеров из устной речи: *Приходи ко мне завтра! Суперски повеселимся!*; *Суперская телка*; *Тачка у нее суперская*; *Фотка получилась суперская! Суперский мужик! Ну и бабец! Суперский!*

Отмечу, что слова *суперски, суперский*, несмотря на их широкую употребительность, не зафиксированы в известных мне современных словарях.

Словарь В. В. Химика помещает одно слово, в котором *супер* сочетается с суффиксом *-н-* и выступает как прилагательное: *суперная бабуца* (пример из Б. Акунина).

Ни в каких других источниках, ни в моих материалах *супер* в соединении с суффиксом *-н-* не отмечено. Можно предположить, что суффикс *-ски* получил предпочтение перед *-н-* потому, что наречия на *-ски* более продуктивны в выражении оценочных, экспрессивных значений. Кроме того, прямое влияние и поддержку оказывают широко распространенные жаргонно-молодежные *здоровски* и *здоровский*. Эти слова зафиксированы в Сл. Х. с пометой *жарг., подростковое*. Примечателен пример, который помещает В. В. Химик: «Ты знаешь, я тебе всегда завидовал, что ты врач, что ты так здоровски... — даже устаревшее гимназическое словечко употребил — так здоровски своим делом занимаешься» (В. Аксенов. Московская сага). В. В. Химик толкует *здоровски* словом *классно*.

Укажу, что слова *здоровски* и *здоровский* в других словарях не отмечены.

* * *

Подведем итог. На рубеже XX—XXI веков единица *супер* из словообразовательного префикса превратилась в самостоятельное слово, выступающее как наречие, междометие, а также в функции сказуемого. Основное его значение — показатель высокой степени чего-либо. Следующий шаг: *супер* получает способность сочетаться с суффиксом наречий *-ски* и прилагательных *-ск-* (с изменением по роду и падежам).

Используя в этой краткой заметке тот динамический подход к описанию развития семантики слова, о котором пишет Е. В. Падучева [2004: 15], выстроим такую динамическую цепочку:

30-е годы XX в. — приставка *супер* латинского происхождения, выражающая высокую оценку (синоним русск. *сверх-*). В дальнейшем *супер* превращается в самостоятельное слово, употребляясь в жаргоне молодежи и подростков как междометие, наречие, а также в функции сказуемого. На этом динамика развития *супер* не закончилась. Став самостоятельным словом, *супер* начало соединяться с суффиксом *-ски*, порождая наречия *суперски* и прилагательные *суперский* (*-ая, -ое*).

В качестве доказательства того, что перед нами явление живое и развивающееся, приведу фразу, услышанную мной 18 августа 2005 г. в Абхазии, из уст русского парня-москвича, приехавшего под Сухум на отдых. Купаясь в горной речке Беслетке, он сказал: «*Эта река наисупершее, что может быть!*» Подчеркну уникальность и выразительность этого образования. Оно содержит приставку *наи-* основу *супер*, преобразованную в форму суперлатива, и склоняется как обычное прилагательное.

Заканчивая эту работу, я хочу подчеркнуть, что в русском языке второй половины XX в. именные приставки (и русские, и иноязычные) обнаруживают большую активность. Они многочисленны и высокопродуктивны. Их продуктивность распространяется прежде всего на литературную разговорную речь. Они сочетаются с широким кругом основ разной семантики. Многие имеют характер свободных сочетаний, порождаемых для данного речевого акта. Особенно продуктивна приставка *анти-* со значением противоположности: Она *анти-Лиды* //; Это *анти-утверждение* //; Это *антисуп* / настоящая каша // Никакой жидкости //; Это же *антиэкзамен* / Ничего так не проверишь; А. Ведь я не сноб // Л. Ты *антисноб* //; Это *антигерой* //;

со- со значением совместимости: Это дети его *сороботников* //; Мы с ним были *соруководителями* //; Ему предлагают *сосценариста* //; Я встречалась со своей подругой / *состуденткой* //; Мы с ней были (шутливо) *сомладенцы* / (поясняет) вместе в детский сад ходили //. Приставка *со-* может действовать и

в приставочно-суффиксальном способе: Он мой *сокомнатник* //; Это мой *со-районник* //; Мы были *сопалатники* // (в больнице);

пере- со значением повторного действия: Надо ей *переэкзамен* устроить //; Это ведь второй раз / *перезащита* //; А. Может быть / *переобмер* сделать комнаты;

под- со значением ‘часть того, что названо производящей основой’: Это какой-то *подансамбль* //; Думаешь / у нее есть свои *подцели*?; У них *подгруппа* / *подсектор* / *подотделение* какое-то //.

Обнаруживают продуктивность также приставки *сверх-*, *супер-*, *ультра-*, *архи-*, обозначающие высокую степень обнаружения признака: Это какая-то *суперчестность* //; Это *сверхнаивность* //; Прямо *сверхудача*!; Он *архидурак* //; Не люблю я этих *ультрадобряков* //;

Продуктивны также *лже-*, *псевдо-* со значением неистинности, ложности: Это *лжеточность* //; Не нужна нам *лжеспалатка* //; Это же *псевдоокно*! А ты думал настоящее?; Смотри! Смотри! *псевдорыжик*! Прямо как настоящий //.

Как показывают эти примеры, РР отличается от КЛЯ более широкая сочетаемость приставок с существительными.

Приведем еще несколько примеров префиксальных существительных, иллюстрирующих легкость сочетаемости разнообразных приставок с именами существительными: Тебе понравились его стихи? Б. Нет // *Недоталант* //; Это *недорассказ* // Зародыш / эмбрион //; Там был один славный студент // Но все-таки *недо-Сергея* //; *Недомузыка* / не то опера / не то оперетта /;

Сначала были *предлюди* //; Она устала от *предзащиты* // — Вы далеко продвинулись? — Я на каких-то *предстадиях* //; — О чем он рассказывал? — Ранний театр / *предтеатр* какой-то //.

Приставки соединяются с неузуальными распространителями, иногда выступают и свободно. Пример: — Эта паста *анти что?* — *Анти плохие зубы* //; Я не переносу *псевдо* //.

Литература

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.
- Елистратов 1994 — В. С. Елистратов. Словарь московского аргю. М., 1994.
- Земская 1992 — Е. А. Земская. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- НРЛ 2004 — Новое в русской лексике: Словарные материалы. 1990 / Под ред. Т. Н. Буцевой. СПб., 2004.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Сл. Уш. — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1934—1940.
- Сл. Х. — В. В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

К МЕТОНИМИИ У ПАСТЕРНАКА: ИСПАРИНА ВАЛЬСА И АРОМАТ МАНДАРИНА

Вяч. Вс. Иванов

Пастернак в конце жизни хотел написать прозаический комментарий к стихам сборника «Сестра моя жизнь»¹. Можно полагать, что комментарий к стихотворению «Заместительнице» включал бы замечания, изложенные в приводимых ниже отрывках из писем к Р. Швейцер, и часть сказанного на эти темы в прозе, особенно в романе, на который можно смотреть как на подробный комментарий ко всему до того написанному Пастернаком.

Рената Швейцер в своей переписке с Пастернаком обратила внимание на удивительное совпадение образности рассматриваемых нами произведений Пастернака и великого китайского поэта Ли Бо. В конце сочинения последнего «Вечное стихотворение» говорится: «Долго ли пахнет мандарином, который женщина держит под мышкой? Долго ли не тает снег на солнечном свете? Но стихотворение, которое я пишу сейчас, пусть останется вечно»². К обычным универсальным символам скоротечности (снег, как в «Балладе о дамах прошлых времен» Вийона) у китайского поэта добавлен другой, гораздо более индивидуальный — именно он совпадает с пастернаковским. В ответ на первое упоминание этого образа в письме Швейцер Пастернак писал ей в 1958 г.: «Я считал, что сочетание запаха мандаринной кожуры и легкой испарины — особенность моих личных воспоминаний и опыта, и гляди-ка, — здесь также подтверждается, что самое субъективное, если его правильно подметить и назвать, оказывается общечеловеческим» (X, 552). О биографическом подтексте этого сочетания Пастернак напишет ей же годом спустя: «Запах мандариновой кожуры в связи с первой школьной влюбленностью, зимними праздниками, ослепительным светом елочных свечей и девичьей

¹ [Иванов 2006: 13, 23—24].

² X, 552 (перевод комментаторов издания с немецкого переложения Клобунда, высоко оцененного Пастернаком). Здесь в сноске и далее в скобках в тексте римскими цифрами обозначаются тома последнего Собрания сочинений (*Борис Пастернак*. Полн. собр. соч.: В 11 т.: с прилож. М.: Слово, 2005), арабскими — страницы.

разгоряченностью от танцев — этому лейтмотиву жизни я дважды искал и нашел выражение — в одном из ранних стихотворений и в романе»³ (X, 551). Пастернак имеет в виду эпизод «Елка у Свенцицких» в «Докторе Живаго», который и привел Р. Швейцер на ум соответствие у Ли Бо. В этом эпизоде смешение столь разнородных запахов происходит благодаря платку, приобретающему характер совсем необычного знака:

Юра стоял в рассеянности посреди зала и смотрел на Тоню, танцевавшую с кем-то незнакомым...

Она была очень разгорячена. В перерыве, когда они сидели в столовой, Тоня отказалась от чая и утоляла жажду мандаринами, которые она без счета очищала от пахучей легко отделявшейся кожуры. Она поминутно вынимала из-за кушака или из рукавчика батистовый платок, крошечный, как цветы фруктового дерева, и утирала им струйки пота по краям губ и между липкими пальчиками. Смеясь и не прерывая оживленного разговора, она машинально совала платок назад за кушак или за оборку лифа.

Теперь, танцуя с неизвестным кавалером и при повороте задевая за сторонившегося и хмурившегося Юру, Тоня мимоходом шаловливо пожимала ему руку и выразительно улыбалась. При одном из таких пожатий платок, который она держала в руке, остался на Юриной ладони. Он прижал его к губам и закрыл глаза. Платок издавал смешанный запах мандариновой кожуры и разгоряченной Тониной ладони, одинаково чарующий. Это было что-то новое в Юриной жизни, никогда не испытанное и остро пронизывающее сверху донизу. Детски-наивный запах был задушевно-разумен, как какое-то слово, сказанное шепотом в темноте. Юра стоял, зарыв глаза и губы в ладонь с платком и дыша им (IV, 85—86).

Особенностью сцены кажется то, что героиню с героем соединяет деталь ее одежды — платок. В нем смешиваются запахи, по воздействию на Юру совпадающие. В них ему угадывалось нечто новое и необычное.

Роман Якобсон в свое время писал о метонимии как основном приеме пастернаковской прозы. Под метонимией в этом широком смысле (соответствующем и замечаниям о роли метафоры по смежности в «Вассермановой реакции» и другим ранним теоретическим высказываниям самого Пастернака⁴) имеется в виду ассоциация по смежности, главным же образом «упоминание какого-нибудь рода деятельности вместо самого действующего лица, какого-то состояния, действия или свойства, присущего личности, на место или вме-

³ Биографы по этому поводу говорят о встрече нового 1907 г. (Пастернаку еще не исполнилось 17 лет) или 1908 г. Переживание относилось к юной танцевавшей Высоцкой.

⁴ [Хан 2005: 71, 73].

сто самой этой личности»⁵. Сопоставив разные точки зрения на поэтику Пастернака (М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана и других менее оригинальных авторов), Е. В. Падучева [Падучева 2004: 168—169] в главке «Роль метонимии в поэтике Пастернака» своей недавней книги развивает идеи Якобсона, связывая их с особым рода соотношением субъекта и объекта, с ролью наблюдателя по отношению к наблюдаемому (которое от него неотделимо). Напомним, что Пастернак после написания «Доктора Живаго» обсуждал параллели своего творчества и современной науки⁶. Для последней понятие наблюдателя становится одним из центральных, — как в теории относительности, так и в квантовой механике, при всех их концептуальных различиях.

Вернемся к Тониному платку. В каком-то смысле для Юры он служит образом Тони. Поэтому Юра прижимает его к губам и зарывает в него глаза (они остаются закрытыми — пастернаковская зрячесть другого рода) и губы. В платке и его запахе скрещивается Тонина разгоряченность во время танцев, погрузивших ее в какую-то особую для Юры закрытую стихию, и ее попытка чуть охладить себя мандаринами, аромат кожуры которых наполнил этот платок. Два Тониных свойства или состояния метонимически совместились в этом предмете, который Тоня считала как бы частью своего бального облачения и который случайно оказался на ладони у Юры. И тот, прижавшись к нему губами, в его запахе почувствовал что-то, впервые им в жизни переживаемое, — свою любовь к Тоне. Она, в этом тексте не названная, пронизывает его снизу доверху. Цитированный кусок из романа написан в духе близких молодому Пастернаку представлений той эпохи о любви, которые много позже он выразил (по поводу «Ромео и Джульетты») в своих заметках к переводам пьесы Шекспира, когда находил в речи героев «образец настороженного и прерывающегося разговора тайком вполголоса. Такой и должна быть ночью речь смертельного риска и волнения. Это будущая прелесть „Виктории“ и „Войны и мира“ и та же чарующая чистота и непревосхитимость» (V, 77).

Юре неожиданный запах казался детски-наивным, напоминающим слово («люблю»), сказанное шепотом в темноте («Но можно ли быть ближе, чем в полутьме...»), — спросит в стихах (I, 186) Пастернак через несколько лет другую возлюбленную, с которой пришлось расстаться). Платок и пропитавший его запах заменяют эти несказанные разговоры тайком вполголоса и незаписанные слова. Метонимия здесь символическая: несколько ассоциаций по смежности, сцепляясь друг с другом, создают иносказание, напоминающее символику романов Л. Толстого, раскрытую Ю. М. Эйхенбаумом.

Якобсон полагал, что характеризующие реализм XIX в. метонимические детали (вроде сумочки Анны Карениной в сцене ее самоубийства) Примеча-

⁵ [Якобсон 1987: 329—330].

⁶ [Иванов 2004: 24—27]. О роли наблюдателя см. там же.

тельны своей несвязанностью с сюжетом⁷. Это относится и к приведенной сцене в «Докторе Живаго». Она прерывается в романе выстрелом Лары и не имеет продолжения.

Цитированный эпизод в «Докторе Живаго» за тридцать с лишним лет до его написания был предварен двумя прозаическими отрывками (III, 621; 628), которые вторят многим из тех же мотивов и даже используют отчасти схожие слова. Это — та пастернаковская ранняя проза, которую он не ценил, не перечитывал (поэтому совпадения с романом объясняются более глубокими причинами — памятью, хранившей не только события, но и их уже найденные словесные обозначения) и перед смертью хотел уничтожить⁸. Первым по предложенной издателями и комментаторами (Е. Б. Пастернаком и Е. В. Пастернак) хронологии (1910⁹) был отрывок, названный «Мышь». Его герой музыкант Дмитрий Шестокрылов связывает с мандаринами свой мучительный жизненный опыт — календарный, зимний.

...для Шестокрылова зима наступила, сорвалась в свои глубины лишь тогда, когда он распорол первую мандаринку на своем уединенном подоконнике.

Он обнял полной горстью, стонущей горстью пианиста, несколько клочков этой кожицы с желёзками взволнованности и с закрытыми глазами стал вдыхать, медленно, почти сопротивляясь, с таким чувством, как будто этот запах какой-то громадный, богатый, фантастический надел, что-то неисчерпаемое. Он только вдыхал и не заключал от этого неизреченного преддверия к воспоминаниям, потому что этот путь был знаком ему наизусть, он знал, что эта зимняя мандаринка колышет на себя другую зиму, в другом городе, комнату юности с озабоченной нежностью предметов, которые как пластинки напеты его возвращением к себе, в тот вечер. Да, надолго они напеты его криком, как острой иглой (III, 452).

⁷ О возможности сравнения с аналогичным разбором Гриффита и Диккенса у Эйзенштейна ср. [Иванов 1998: 269].

⁸ Н. А. Табидзе (дружившая с Пастернаком вдова великого поэта, расстрелянного во время террора) рассказывала мне, что ей Борис Леонидович в свои последние дни говорил о желании поручить мне уничтожить эту прозу. Меня не было в Москве. Никому другому это поручение не было дано. Отсутствие избавило меня от судьбы Макса Брода, получившего сходное завещательное распоряжение от умиравшего Кафки. То, что я именно эти тексты, чудом сохранившиеся, могу цитировать, меня самого изумляет.

⁹ Я несколько сомневаюсь в дате: речь идет о мучительном разрыве, исходящем от женщины, в которую был влюблен герой. Поэтому простейшей была бы датировка после Марбурга — 1912—1913 г. или даже позднее. Но в Марбурге Высоцкая отвергла предложение Пастернака. А в цитируемом далее отрывке речь идет о том, что она предпочла другого. Сколько я знаю, этот мотив в связи с ней не возникал, во всяком случае в Марбурге. Различается и время дня: утро — в Марбурге, вечер — в воспоминаниях в отрывке.

Зная путь от этого запаха к тягостным воспоминаниям, Шестокрылов остерегается идти по этому пути. Возможностью погружения в воспоминание о «крике», сопряженном с этой эмоцией, отрывок решительно отличается от цитированного эпизода в романе. Но есть и существенные черты, их сближающие. Шестокрылов, как потом Юра, вдыхает аромат мандарина, закрыв глаза (видение сиюминутного только бы помешало картине, создаваемой одним обонянием). Общее для них — и то огромное, что им обоим открывается в этом аромате. Сходство простирается и на крохотный платок любимой женщины как носителя этого запаха; он метафорически назван «лепестком», что напоминает метафору — сравнение крошечного платка с цветком фруктового дерева в романе. Детские занятия ботаникой и ранние стихи свидетельствуют о напряженном внимании молодого Пастернака к «расцветшим мирам» садов. К этой области чудесного причастен и платок героини. Но функции его до поры до времени вполне прозаичны. Этим платком, как и в романе, героиня терла свои липкие пальцы. Разница только в том, что в отличие от случайности, из-за которой (в духе всей поэтики случайного или вероятностного в «Докторе Живаго») платок оказывается на ладони у доктора, в отрывке «Мышь» героиня сама просит Шестокрылова подержать платок:

...и когда он почувствовал много, много крупных слез, он вынул из кармана что-то крохотное и с криком поднес его к глазам; она просила его подержать этот батистовый лепесток, которым она вытерла свои руки, липкие от шоколаду, орехов, мандарин и пирожного, он забыл о нем; теперь какое-то мандариновое жало пронзило его тоску и туда хлынуло до крикливости яркое воспоминание об этом щемящем чувстве, когда он почувствовал, что сброшен из ее мчащейся жизни, и все образы, в которых участвовала она, стали переезжать его, давить и перерезать своим направлением, бегом, порывом; вся эта мучительная обстановка, которую, колдуя, выкуривал женский носовой платочек, пропитанный мандарином, не была так существенна, как непередаваемый хаос искаленной нежности, охватившей воспоминания какой-то эпидемией (III, 453—454).

Шестокрылов в состоянии отвлечься от мучительной обстановки, вызываемой колдовством платка. И свое вдыхание мандаринового аромата (в этом отрывке, в отличие от романа, никак с испариной не смешиваемого) он умеет превратить в особого рода священнодействие:

глухая, темная, непостижимая одышка какой-то святой туманной дали, которую он держал в руках, мистерия мандаринки — это было что-то совсем другое. И вот он открыл глаза и стал погружать зиму в этот запах, в этот нежный обряд единственной далекой зимы, как бы давая теперешней зиме, наступившей для других, и предметам то зимнее, каноническое имя (III, 453—454).

Кажется важным, что глаза при совершении обряда, который должен связать новую, наступающую зиму, с той давней, открываются: надо увидеть эту новую зиму со всеми ее подробностями и сопрячь ее с видением прошлой зимы, спрятанным в мандариновом аромате. И в нынешней зимней ночи среди ее меняющихся красок Шестокрылов видит и ту «серо-зеленую легенду», которая оказывается «глубже темной синевы, она была тем небывалым, к чему тянулась кожица мандаринки» (III, 454). Эта ритуализованная церемония открытия зимы описана почти что с точностью этнолога. Последний назвал бы подобный обряд сезонным или обрядом перехода (к новой зиме). Отделившись от горестных воспоминаний и крика, традиционно зимний мандариновый запах остался без личной приуроченности. Недаром нет речи о каплях пота героини. Получается только собственный способ открывать зиму. Связь его с кем-либо другим не чувствуется. Но существенна повторяемость восприятия начала зимы у героя. Ощущения персонажей молодого Пастернака «моментальны навек» (I, 155). Его импрессионизм суммирует множество однотипных впечатлений (наглядный пример — стихотворение о вокзале «Вокзал — несгораемый ящик...», I, 167; см. о нем III, 325—326). Как герой Пруста не один раз испытывает дивное чувство от вкуса печенья или страдает от ревности и неизвестности по поводу отсутствующей во время поездок с шофером Альбертины, так и пастернаковский герой не единожды, а много раз — в начале каждой зимы — совершает один и тот же обряд вдыхания мандаринового запаха.

Следующим по хронологии издателей (1912 г.?)¹⁰ был отрывок «Жил один человек...». В нем подробнее, чем в других приводимых текстах, описана вся встреча Нового года, во время которой к герою попадает пахнущий мандаринами платок.

Там была старая, замеченная снегом встреча Нового года. Встреча происходила в комнате, из которой убрали ковры; комнату распластал праздничный полумрак. Чтобы свободнее было танцевать, лампу поместили на окно. Окно было во льду, и лампа обезобразила его. Потное искалеченное инеем стекло гноилось и таяло, на подоконнике лежал веер и батистовый платок (III, 505).

Описание вальса, который танцевала героиня, соединяется с характеристикой решительной перемены, в ту ночь случившейся с героем: «Он дышал батистовым платком в эти минуты, над платком порхал аромат мандарин. Его страшно раздвинуло над этой крошечной вещицей» (III, 504)¹¹. Отдельные

¹⁰ Я и здесь сомневаюсь в правильности датировки: от новогоднего вечера героя отделяет 6 лет (т. е. правдоподобно 1907 + 6 = 1913).

¹¹ В этом отрывке в отличие от предшествующего используется, как и в последующих стихотворениях и в романе, неумножительная форма названия мандарина

слова (*крошечный* как эпитет платка) и даже словосочетания (*дышал платком*) совпадают в этом последнем отрывке и в написанном столько десятилетий спустя романе. Но в «Докторе Живаго» переживание остается единичным, а в написанных до этого отрывках прозы ощущение сохраняется как значительное и в последующей жизни, хотя и относится только к одному герою.

Молодой Пастернак через несколько лет обратится к этому же лейтмотиву, на этот раз в стихах, а не в прозе. Стихотворение «Заместительница», написанное летом 1917 г. и вошедшее в сборник «Сестра моя — жизнь», не только включает занимающие нас образы. Стихотворение все пронизано метонимичностью, начиная с его героини, названной в заглавии. Развивая идею Якобсона о метонимии у Пастернака, Окутюрье — один из самых пронизательных его исследователей и переводчиков — заговорил о пастернаковском метонимическом герое¹², на эту тему с тех пор уже много написано¹³. Героиня стихотворения «Заместительница» метонимична: центральный образ — это ее ожившая фотография («Я живу с твоей карточкой»). Можно видеть, как метонимичность нужна для пронизывающей молодого Пастернака «радости существования» (его формулировка). Если героини с вами нет, ограничьтесь ее карточкой, но оживите ее — чтобы она хохотала, играла на рояле, танцевала. Египтологу стихотворение напомнило древнеегипетский заупокойный культ¹⁴. Но можно и шире посмотреть на метонимическое начало в обрядах, о чем мимоходом писал Якобсон в работе о типах афатических расстройств. Вспомним тотемы, которыми столько занималась двоюродная сестра Пастернака Фрейденберг (а из-за нее и он сам). Когда австралиец племени аранта поясняет современному этнологу, почему и как тотем его части племени тождествен ему самому, он достает из кармана фотокарточку: она, тотем и сам австралиец — это все одно и то же. Мы бы сказали — разные метонимические образы одного и того же.

Метонимия ведет к многократному изображению разных сторон жизни героини. Стихотворение содержит описание и ритмическое (почти заумное) воспроизведение вальса, который танцует героиня. Первая часть стихотворения написана четырехстопным анапестом (преобладающим метром всего раздела «Заняты философией») и предшествует последней — ямбическому гимну вальсу и его ритмическому воспроизведению — четырех- и трехстоп-

(уменьшительная — «мандаринка», как и позже, характеризовала, в частности, речь молодежи). Но в это время и основное слово без уменьшительного суффикса — это часто еще существительное женского рода (как в варианте «Заместительницы», I, 467).

¹² [Aucouturier 1970/1978].

¹³ [Weir 2002: 41—46 (с библиографией, не всегда исчерпывающей, на с. 124—125); Greber 1992: 358, Witt 2000: 59; Хан 2005].

¹⁴ [Иванов 2004а].

нику¹⁵ со сплошными мужскими рифмами. Первая (анapestическая) часть стихотворения заканчивается четверостишием:

Чтобы, комкая корку рукой, мандарина
Холодящие дольки глотать, торопясь
В опоясанный люстрой, позади, за гардиной,
Зал, испариной вальса запахший опять (I, 135).

Оба мотива, сплетенные воедино в цитированных — прозаических текстах, здесь представлены порознь (параллель с Ли Бо особенно уместна). Молодая женщина, изображаемая в стихотворении, глотает дольки мандарина, чтобы немного унять разгоряченность от танца. Она торопится вернуться в зал, где снова начали вальсировать и пахнет поэтому испариной от тел танцующих. Оба эти мотива изложены прозаическими словами. Стихотворная ткань при этом весьма насыщенная. Первая строка вся пронизана анаграммами *корки* мандарина: *комкая корку рукой*. Слово *мандарин-а* выделено переносом. Вторая строка наряду с простой анаграммой *Холодящие*¹⁶ *дольки* (с изменением порядка фонем [l] и [d] и заменой фрикативного заднеязычного [x] соответствующим смычным [k]) содержит более сложное созвучие *Холодящие... глотать* (соответствие глухого фрикативного [x] звонкому смычному [g] и звонкого [d] глухому [t] при тождественности сонорного латерального плавного [l], находящегося между этими фонемами). Фонемы ключевого слова *испарина* могут быть найдены в следующих строчках в словах *торопясь*, *опоясанный*, *позади*, *гардиной*, *запахший*, *опять*. Можно было бы думать и о параллелизме концов слов *испарина* и *мандарина* (с рифмой *гардиной*) при разнице в месте ударения. В ограниченном отрезке стихотворения большое внимание уделено пространственному расположению той комнаты, где героиня ест мандарин, и зала, где она снова будет танцевать. Это место стихотворения, важное для построения ассоциации по смежности, выделено грамматически и семантически необычным сочетанием причастия с существительным *опоясанный люстрой* (*зал*) и ритмически: два предупредных безударных слога в начале слова *позади* следуют за одним послеударным безударным слогом в конце слова *люстрой*, образуя невозможный в анапесте трехсложный безударный промежуток (в варианте I, 467 форма *люстрою* создает четырехсложный безударный промежуток — *люстрою, позади* — в духе ритмических опытов позднего Бродского). В этой строке обычный четырехстопный анапест нарушается, и образующийся ритм можно описать как

¹⁵ В соответствии с принципиальной неурегулированностью метра «Сестры моей — жизни» последняя строка этой части стихотворения написана двустопным ямбом.

¹⁶ Основа *холод-* могла принадлежать к тем, где само звучание казалось важным или даже магическим молодому Пастернаку [Иванов 1994: 11].

сочетание двух двустопных анапестов с женскими рифмами (если не как замену анапеста дольником).

Обращает на себя внимание значительное упрощение образа по сравнению со всеми приведенными прозаическими отрывками. Нет крохотного платка героини, который был бы носителем двух запахов и их смешения (или хотя бы одного запаха). Есть две смежные комнаты, объясняющие своим расположением — пространственно — возможность ассоциации по смежности двух запахов, соответствующих двум состояниям или занятиям героини. Из них автора занимает вальс. Его ритмическая картина, подчеркивающая деталь — розу, которую танцующая заколола за кушак, выделена в особую вторую (ямбическую) часть стихотворения. Новогодние впечатления ранних лет у Пастернака (особенно в позднем творчестве) связывались с вальсами прежде всего¹⁷. И в «Заместительнице» существенна не вообще испарина, а испарина вальса. Вальс как таковой, обгоняющий испарину как его след, продолжается во второй части стихотворения и звучит снова в тех гораздо позже сочиненных вальсах («с чертовщиной», «со слезой»), которые Пастернак, оживляя те же воспоминания молодости, напишет в сороковые годы (II, 112—114).

Среди поздних стихотворных сочинений Пастернака те образы детства, о которых он вспомнит в цитированных выше письмах Швейцер, нанизаны друг на друга в том месте «Рождественской звезды», где нагнетение метонимий особенно значительно:

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все ёлки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепе цветной мишуры...
...Все яблоки, все золотые шары (IV, 538).

Как уже приходилось отмечать¹⁸, разъяснение этих строк содержится в «Охранной грамоте» в выводах: «Я понял, что, к примеру, Библия есть не столько книга с твердым текстом, сколько записная тетрадь человечества, и что таково все вековечное. Что оно жизненно не тогда, когда оно обязательно, а когда оно восприимчиво ко всем уподоблениям, которыми на него озираются исходящие века. Я понял, что история культуры есть цепь уравнений

¹⁷ [Там же: 11—12].

¹⁸ [Там же: 13].

в образах, попарно связывающих очередное неизвестное с известным» (III, 207). Детство и юность Пастернака, его новогодние праздники заняли свое место в этом ряду уравнений в образах, в большом историческом времени культуры.

С этой точки зрения стоит вернуться к характеру метонимий во второй редакции «Марбурга», для лингвистического разъяснения которых существенны упомянутые выше наблюдения Е. В. Падучевой¹⁹. Одна из главных тем «Марбурга» — то, как после пережитой автором катастрофы для него по-новому открывается мир во всех подробностях²⁰:

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем подымалась (I, 110).

Когда дальше — в духе будущего поклонения «Богу деталей» (I, 157) в «Сестре моей — жизни» — Пастернак «перебирает мелочи» (I, 150), он замечает в этом месте «Марбурга» решительно: «И все это были подобья» (I, 110).

Этот термин, напоминающий о научных занятиях автора, возникает еще раз во втором варианте стихотворения, где вводится тема прошлого, как бы подчеркивающая ту историческую черту, которую поэт находил и в Марбургской школе, и в самом городе:

Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Grimm.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И все это помнит и тянется к ним.
Все — живо. И все это тоже — подобья (I, 111).

Когтистые крыши с завещанными еще готическими временами крюками на них²¹ относятся к числу реально подмеченных уникальных подробностей города. Но и они не более чем подобья. И их надо вставить в цепь уравнений в метонимических образах, составляющих историю культуры.

Наряду с общекультурным контекстом, в котором зимние праздники его детства оказываются у позднего Пастернака-философа и у его героя — доктора Живаго, сохраняется и сугубо личное значение образа. Его можно прочесть в мандаринах в зимнем Тифлисе в стихотворении «Как-то в сумерки Тифлиса»:

¹⁹ Отмеченная там же [Падучева 2004: 168] *тоска* как персонифицированный образ многократно встречается у Пастернака и через Анненского восходит к аналогичным метонимиям у Бодлера [Иванов 1998: 63—64; 1994: 15].

²⁰ Кажется возможным сравнить это место с «озабоченной нежностью предметов» в приведенном выше отрывке о Шестокрылове. Цитируемое четверостишие было в другой форме и в первом варианте «Марбурга», его переделка могла быть связана с устранением явной переключки с Маяковским в формуле «стоял на мосту».

²¹ [BFM; Müller 1984: 125—126; Иванов 1994: 15].

Ах, с какой тоской звериной,
Трепеща, как стеарин,
Озаряли мандарины
Красным воском лед витрин! (II, 92)

Последние строки стихотворения сохранили намек на то, что по ассоциации, идущей с детства, этот набор образов в начале «настоящей зимы» вел к женщине, произведшей сильнейшее впечатление на поэта (она, оказавшаяся потом женой поэта Леонидзе, случайно ему встретилась в тот день ранней зимы под снегом на тифлисской улице):

Нас отбрасывала в детство
Белокурая копна
В черном котике кокетства
И почти из полусна (II, 92).

Литература

- Иванов 1994 — *Вяч. Вс. Иванов*. Заметки к истолкованию пастернаковских текстов // Темы и вариации: Сб. ст. и мат-лов к 50-летию Л. Флейшмана. Stanford, 1994. P. 9—19. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).
- Иванов 1998 — *Вяч. Вс. Иванов*. Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998.
- Иванов 2004 — *Вяч. Вс. Иванов*. Наука о человеке. Введение в современную антропологию: Курс лекций. М., 2004.
- Иванов 2004а — *Вяч. Вс. Иванов*. Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 3. М., 2004.
- Иванов 2006 — *Вяч. Вс. Иванов*. Вопросы к обсуждению. Текст и комментарий, или автокомментарий к тексту анкеты // Текст и комментарий. М., 2006. С. 13—32.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Хан 2005 — *А. Хан*. Заметки к понятию «метонимического героя» в эстетической концепции и художественной прозе Бориса Пастернака // De la littérature russe. Mélanges offerts à Michel Aucouturier. Publiés sous la direction de C. Depretto. Paris, 2005. P. 70—84.
- Якобсон 1987 — *Р. Якобсон*. Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике. М., 1987. С. 324—339.
- Aucouturier 1970 — *M. Aucouturier*. Metonymous Hero, or the Beginnings of Pasternak as a Novelist // Books Abroad. Spring 1970. Norman (Oklahoma). P. 222—227. [Перепечатано: Pasternak. Collection of Critical Essays / Ed. V. Erlich. Englewood-Hills (NJ), 1978. P. 43—51].
- BFM — Bildarchiv Foto Marburg im Kunstgeschichtlichen Institut der Phillips-Universität. Archivnummer 15.404, 228.060.

-
- Greber 1992 — *E. Greber*. Das Erinnern des Erinnern. Die mnemonische Ästhetik Boris Pasternaks // *Poetika*. Bd. 24. 1992. № 3—4. S. 356—391.
- Müller 1984 — *K.-P. Müller* (unter mitwirkung von Dr. W. Görich, A. Fowler). Alte Photographien aus der Stadt Marburg // *Marburger Stadtschriften zur Geschichte und Kultur*. Bd. 11. Marburg, 1984.
- Weir 2002 — *J. Weir*. The Author as Hero. Self and Tradition in Bulgakov, Pasternak and Platonov. Evanston (Illinois), 2002. (Studies in Russian Literature and Theory).
- Witt 2000 — *S. Witt*. Creating Creation. Readings of Pasternak's Doctor Zhivago. Stockholm, 2000.

АДРЕСАТНОЕ И ОБОБЩЕННО-ЛИЧНОЕ ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ 2-ГО ЛИЦА

Ю. П. Князев

При переходе от разговорного языка к языку художественной литературы наиболее радикальной трансформации подвергается семантика 2-го лица и всех языковых элементов, предполагающих 2-е лицо.

*Е. В. Падучева*¹

Будучи актуализационной дейктической категорией, категория лица ориентирована в первую очередь на полноценную речевую ситуацию, в которой говорящий и адресат конкретны, индивидуальны и связаны единством времени и места. Нарративный режим употребления языка предполагает семантическую модификацию тех его элементов, которые непосредственно ориентированы на ситуацию общения. Нужно заметить впрочем, что и в диалоге употребление форм 2-го лица² в их прямом («адресатном») значении характеризуется специфическими чертами, не свойственными другим формам лица.

Уникальность высказываний, отнесенных ко 2-му лицу, обусловлена тем, что из трех традиционно выделяемых основных типов речевых актов — утвердительных, побудительных и вопросительных — со 2-м лицом наиболее естественно связываются побуждения (*Прочитай эту книгу!*) и вопросы (*Ты читал эту книгу?*). Согласно широко распространенной точке зрения, побуждение может быть обращено только к непосредственному адресату данного акта речи, чем обосновывается необходимость принципиального ограничения парадигмы императива формами 2-го лица (см. об этом [Храковский, Володин 1986: 12—16]).

¹ [Падучева 1996: 210].

² Здесь и далее в этом разделе имеется в виду и глагольное, и местоименное 2-е лицо; ср.: «Формы лица глаголов и местоимений, образующие центр поля персональности, представляют не разные грамматические категории, а одну и ту же грамматическую категорию лица» [Бондарко 1991: 19].

Что же касается утверждений с формами 2-го лица субъекта (и глагольными, и местоименными), то они плохо согласуются с предварительным условием успешности утвердительного речевого акта. Таковым, как известно, считается «презумпция со стороны говорящего, что хотя бы часть заключенной в этом высказывании информации неизвестна слушающему» [Стросон 1964/1982: 110]. Применительно к утвердительным высказываниям с формами 2-го лица это должно означать, что слушающему сообщают о нем то, что он сам о себе не знает. Поэтому для целей собственно информирования такие высказывания используются довольно редко, хотя это и возможно:

- (1) [Астров] *Нянька, сколько лет прошло, как мы знакомы?* [Марина] (раздумывая). *Сколько? Дай бог память... Ты приехал сюда, в эти края... когда?.. еще жива была Вера Петровна, Сонечкина мать. Ты при ней к нам две зимы ездил* (А. Чехов. Дядя Ваня);
- (2) — *Кто этот молодой человек? — А... Это некто Володя Макаров (...)* Просто молодой человек. Студент. **Вы спите** на его диване (Ю. Олеша. Зависть).

Обычно же для такого рода высказываний с формами 2-го лица в их первичном «адресатном» значении характерно большее или меньшее видоизменение иллокутивной функции индикатива. В частности, они могут использоваться говорящим для интерпретации или оценки поступков адресата:

- (3) — **Ты упустил его по дороге**, — заключил Алехин, выслушав Андрея. (...) — *В поезде ты наткнулся на другого... наверно, похожего... — невесело продолжал капитан. — Все остальное было впустую* (В. Богомолов. Момент истины);
- (4) — *В сущности, Оля, я очень хорошо к тебе отношусь. Но ведь тебе этого мало. Тебе непременно надо, чтобы я из-за тебя с топором бегал, как Куликов* (Л. Разумовская. Сад без земли);

предостережения:

- (5) *Потом мы взбирались по лестнице с риском упасть (...).* — **Упадеешь!** — крикнула мне снизу Витя Койфман (...). — *Смотри, упадеешь!* — Крича это, она смеялась, как будто, если бы я упал, это было бы смешно (Ю. Олеша. Ни дня без строчки);
- (6) [Мефистофель] *Я подожду в саду...* (идет к окну). [Маргарита] **Ты расшибеешься.** [Мефистофель] *Не бойся* (С. Алешин. Мефистофель)³;

³ Такие высказывания близки по значению формам повелительного наклонения СВ с отрицанием, специализированным на выражении превентивного значения (см. о них [Булыгина 1982: 73—76; Храковский, Володин 1986: 150—154]), отличаясь от

побуждения к действию:

- (7) [Елена Андреевна] **Вы постараетесь, вы употребите все ваше влияние, чтобы я и муж уехали отсюда сегодня же! Слышите? Сегодня же!** (А. Чехов. Дядя Ваня);
- (8) — Ты **отведешь** ее (собаку. — Ю. К.) к генералу и **спросишь** там. **Скажешь**, что я прислал... **И скажи**, чтобы ее не выпускали на улицу... (А. Чехов. Хамелеон);

а также в ряде других функций [Каминская, Князев 1996: 60—64].

Что же касается нарративного режима, то представляется, что для глагольных и местоименных форм 2-го лица в этом случае более естественным является так называемое *обобщенно-личное* употребление, поскольку оно не требует наличия конкретного адресата. Их употребление, впрочем, также характеризуется значительной семантической неоднородностью.

Обобщенноличность связывается обычно с определенной разновидностью односоставных предложений. Однако, как заметил А. М. Пешковский, это значение может выражаться не только в односоставных предложениях, но и в двусоставных предложениях с местоимением *ты* в качестве подлежащего, а также косвенными падежами местоимения *ты* [Пешковский 1927/1956: 372—373]⁴, в подтверждение чего он приводит, в частности, следующий пример:

- (9) *Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет* (Н. Гоголь. Ревизор).

Кроме того, они могут обозначать не только такие действия, которые потенциально относятся ко всем людям или ко всем представителям группы людей, включающей говорящего:

них, в частности, подчеркиванием непосредственной близости угрозы неблагоприятного развития событий: ср.: *Упадешь!* (вот-вот) — *Не упади!* (когда пойдешь на улицу). Кроме того, в отличие от императивных конструкций, индикативные высказывания с собственным побудительным и превентивным формально не различаются.

⁴ Основываясь на том, что неназванность субъекта в односоставных личных предложениях не является обязательным условием выражения его неопределенности или обобщенности, Г. А. Золотова делает вывод о том, что наличие либо отсутствие в предложении формы именительного падежа (т. е. конструктивная односоставность), с одной стороны, и выражение значения неопределенности или обобщенности, с другой, — это признаки, относительно независимые друг от друга [Золотова 1973: 158—168]. Ср. также аналогичное мнение Е. С. Скобликовой: «Обобщенно-личные предложения не обязательно односоставны: в них может употребляться подлежащее *ты* — тоже с обобщенно-личным значением» [Скобликова 1979: 112].

- (10) — Мужчины здесь особенные, — услышала я от военных женщин. — На гражданке такого отношения не **встретишь**. **Идешь** в шесть утра на вахту, а **тебе** — розу (Известия, 8.7.2000),

но и такие, которые относятся именно к говорящему⁵:

- (11) Сразу после того, как думал ночью о Язгуль, перекинулся на мысли о себе. Это связано неутолимо: как только **задумываюсь** о времени, тут же **перескакиваю** на свою дорожную персону. Кто я, что я и так далее. Иногда **думаешь**: все ничего, я в порядке. А иногда — тоска. Нет, **думаешь**, толку не вышло (Ю. Трифонов. Предварительные итоги);
- (12) И тут меня как в голову ударило — ведь мне сегодня двадцать пять лет! Веселенький день рождения, нечего сказать... **Сидишь** в пыли на верхотуре, блохи **тебя** жрут, как бобика, а **тебе** и покусать в охотку нечего. И не зря ли **сидишь**, вот главное... (В. Богомолов. Момент истины)⁶.

Как же связаны между собой адресатные и обобщенно-личные значения форм 2-го лица? Одним из путей к решению этого вопроса может быть анализ всей совокупности предложений с этими формами в более или менее значительном по объему корпусе текстов.

Ниже с этой точки зрения анализируются предложения с формами 2-го лица в небольшом романе Анатолия Гладилина «История одной компании» (М., 1975). Его основу составляют воспоминания главного героя Руслана Звонкова о школьных друзьях и событиях, которые с ними происходили. При этом автор как бы устраняется из повествования, организующая роль передоверена персонажам романа, на точку зрения которых ориентированы отдельные фрагменты текста. Единственное исключение представляет фрагмент, заключенный в скобки и прямо названный «ОТ АВТОРА»:

- (13) Так что предыдущий разговор очень важен для дальнейших событий романа, автор повторяет его, пытаясь обратить внимание читателя не на те слова, которые уже произнесли герои, а на то, о чем они в это время думали (с. 78).

⁵ На это обратил внимание уже А. А. Шахматов [Шахматов 1925/1941: 71—74].

⁶ Поэтому нельзя сказать, что в предложениях, где форма 2-го лица относится к говорящему, действие «обязательно повторяющееся» [Падучева 1996: 213]. Ср. еще один аналогичный пример из интервью Юрия Батурина о его полетах в космос: У меня в последний раз шлемофон украли. Прилетел, **сидишь** ошарашенный, а с **тебя** растаскивают на сувениры — перчатки, гермошлем, часы (Эксперт, 2001, № 40).

Одной из отличительных особенностей этого произведения является многообразие типов использования форм 2-го лица (в тексте при ссылках отмечаются только номера страниц).

Предложения с формами 2-го лица рассматриваются ниже в последовательности, примерно отражающей степень их отклонения от полноценной речевой ситуации, от максимально конкретных до предельно обобщенных.

а) Речь, обращенная к конкретному адресату. Наиболее типичный случай — это диалог, в котором конкретные собеседники связаны единством времени и места:

- (14) — *Эх, мастер!* — вздохнул Шарипов и, словно беря реванш, сказал: — *Вот ты учился-учился, а зарабатываешь меньше, чем я* (с. 98);
 (15) — *Ты вытешь со мной?* — В другой раз. Когда *придешь* к нам (с. 206).

Ближайшее отступление от полноценной речевой ситуации — это письмо или иное письменное сообщение, имеющее конкретного адресата:

- (16) [Письмо Медведева Ленке] *Старая галоша! Куда ты пропал? Сам не пишешь, а нас обвиняешь* (с. 109).

Другая модификация речевой ситуации, использованная в романе, — мысли героя, сопровождающие реально произносимые им слова, причем формы 2-го лица в них относятся к собеседнику:

- (17) [Алла] (Хватит мучить парня) — *Закажи еще что-нибудь (...). Получу стипендию, отдам.*
 [Руслан] (первый подсчет семейного бюджета) — *Обойдемся.*
 [Алла] (**Ты** хоть и очень самостоятелен, но **твоих** денег на меня не хватит. Привыкай) — *Нет, милый, привыкай, что команду я* (с. 83).

б) Речь, обращенная к самому себе. В этом случае персонаж мысленно обращается к себе, как к адресату, используя формы 2-го лица (чередую с обозначением себя формами 1-го лица), а о собеседнике — в 3-м. Этот прием используется в романе очень широко:

- (18) [Алла] (Он прелесть. Я готова **его** поцеловать. И я должна быть откровенна с **ним** до конца. Пускай потом будет лучше, чем **ожидать**, а не наоборот). — *Но я же не люблю тебя.*
 Руслан] ((...) Сиди очень тихо. Разве **у тебя** были иллюзии? А все-таки могла бы помолчать. Нет, **она** хорошая. Честно и прямо. Признайся, раньше **ты** думал о **ней** хуже) — *Знаю.*
 [Алла] (Господи, как мне **его** жалко. Сейчас разревется. Но не будь сволочью. Выдержи. Чтоб потом совесть была спокойна. **Страху-**

ешься на будущее? **Ты** все-таки подлая девка. Действительно, **ты его не стоишь**). — *И?..* (с. 81);

- (19) [Руслан] (Сейчас **ты**, как последний трус, **спросишь**, не приснилось ли **тебе** все это). — *Не убивай меня, понимаешь?* (с. 83).

В форме внутренних монологов во 2-м лице, могут описываться в романе и размышления героев о своей жизни и о своих поступках, только что совершенных или предстоящих:

- (20) — *Все нормальные люди, — думал Медведев, — спокойно дышат озоном, и никакая вечерняя меланхолия не мешает их пищеварению. Один **ты** вместо того, чтобы наслаждаться пейзажем, **бесишься**. В чем дело? Почему **ты не пошел** в кино с молодой женой? **Рычишь** на нее и **убегаешь** один на пляж? А ведь **любишь** ее* (с. 160);

- (21) *Остановись! Заставь себя замолчать! Ведь это просто маразм. Зачем разыгрывать перед собой один и тот же спектакль? **Ты** никогда **не осмелишься**. **Ты очень решителен**, когда дело касается чертежей, расчетов, схем. Тут **ты можешь воевать** сколько угодно. После очередного ЦУ **ты можешь тихо ругаться**, но когда к тебе приходит руководитель работ или генеральный конструктор и, улыбнувшись, спрашивает, «Как жизнь, Чернышев?» — куда что девается! **Ты краснеешь**, как свекла, **прячешь** глаза и робко **мямлишь**: «Ничего, по графику!»* (с. 182);

- (22) *А когда работал шофером в «ящике» и приходил домой усталый, хотелось спать или пойти в кино. Нет, говорил я себе, **ты сейчас поедешь** в институт на лекции или **сядешь** за чертеж. И ехал в институт или садился за чертеж* (с. 193).

В подобных случаях иногда встречается переход от повествования в 3-ем лице ко 2-му:

- (23) *И вот он подходит к углу Сивцева Вражка в выглаженном костюме, в белой накрахмаленной рубашке, остроносых ботинках (живут же люди, сто лет не вылезал из спортивных шаровар!), и Москва-то какая, и как здорово, что он снова в Москве, и кажется, все на **тебя** смотрят, и девушек столько красивых на улице, а **ты идешь**, мужественный, красивый и элегантный, на встречу со своими ребятами* (с. 65).

в) Повествование в форме 2-го лица. Так Н. А. Кожевникова называет описательные фрагменты, в которых формы 2-го лица относятся к воображаемому читателю, выступающему в роли «воспринимающего лица» [Кожевникова 1994: 84]. К этой разновидности можно отнести следующие фрагменты:

- (24) *В выходной по улице никогда не бродили? Или в незнакомом городе не останавливались у фотоателье? Небрежно так не рассматривали групповые снимки выпускников 57-й школы, экскурсантов у входа в краеведческий музей, старшеклассников балетного училища? Ваши впечатления? Если честно? «Что это за сборище эвакуированных, неужели этих девочек кто-то замуж взял, а вот та, с краю, ничего, ей-богу, и вот этот мальчик на киногероя похож». И если еще раз пройдете мимо витрины, то обязательно взглянете на запомнившееся вам лицо (с. 10);*
- (25) *Вот идет высокая, очень стройная, очень молодая девушка. Вы отмечаете про себя, что она здорово одета и ноги у нее прямые, чулки дорогие, капроновые, туфли на высоких каблуках. (...) Она прошла мимо, и десятки мыслей проносятся в вашей голове. Вам представляется, что она спешит на веселую вечеринку или, может, романтическое свидание в парке, у клумбы гладиолусов. Или просто идут воспоминания, как говорится, давно прошедших лет, и вы, старый, больной человек, смотрите вслед этой девушке и думаете: вот так идет молодость (с. 44—45).*

Как замечает Е. С. Скобликова, обобщенно-личные предложения, в которых в качестве подлежащего употребляется местоимение *вы*, в большей степени, чем при подлежащем *ты*, «сближаются с теми личными предложениями, в которых подлежащее *вы* обозначает только читателя-собеседника и, в отличие от обобщенно-личных, „не включает“ автора-говорящего», причем в некоторых случаях разница между ними «почти неуловима» [Скобликова 1979: 113]. По мнению же Е. В. Падучевой, «употребление 2-го лица в основном корпусе повествования возможно только в контексте особой повествовательной формы», в ней формы 2-го лица «обозначают адресата, и отличие от обычной речевой ситуации состоит только в том, что здесь присутствие адресата в описываемой сцене воображаемое» [Падучева 1996: 211]; в качестве примера она приводит следующий отрывок из «Палаты № 6» А. Чехова:

- (26) *Если вы не боитесь ожечься о крапиву, то пойдемте по узкой тропинке, ведущей к флигелю, и посмотрим, что делается внутри (...). Далее вы входите в большую, просторную комнату (...) Воняет кислой капустой, фитильной гарью, клопами и аммиаком, и эта вонь в первую минуту производит на вас такое впечатление, как будто вы входите в зверинец.*

В этом фрагменте форма 2-го лица, по-видимому, действительно относится только к адресату (читателю), тем более что здесь же используются и

формы 1-го лица мн. числа в и н к л ю з и в н о м (включающем слушающего) значениям; ср. *пойдемте, посмотрим*, а также:

(27) *Отворив первую дверь, мы входим в сени.*

Однако по отношению к примерам (24), (25) трудно говорить о чисто адресатном значении 2-го лица.

г) **Обобщение личного опыта.** К этому подтипу отнесены предложения с формами 2-го лица, в которых описываются конкретные события, происшедшие с говорящим в прошлом, но представленные так, как могущие повторяться⁷:

(28) *А сколько страдания мне приносили совершенно невинные вещи, — например, обещание Аллы зайти ко мне днем домой. Ей это нужно, должен помочь по истории.*

У меня уже заготовлен легкий, небрежный разговор (в меру остроумный, но с намеками) и раскрыты нужные страницы книг. Ждешь. Через два часа уходишь на улицу (дверь не запираешь, на столе записка). Через полчаса возвращаешься, подходишь к собственной двери. Сердце попеременно ударяет то в пятки, то в затылок. Естественно, никого. Твердо решаешь послать все к черту. Но через двадцать минут звонишь. Аллы нет дома. Ждешь. Вздрагиваешь, когда хлопает дверь на лестнице. Берешь себя в руки: пора рвать, хватит терпеть издевательства.

На следующий день, взмыленный, прибегаешь после уроков. Ждешь. Потом приходишь к выводу: все кончено. Если придет, извинишься и вежливо выпроводишь. Баста! И никогда не будешь звонить, и никогда не будешь встречаться.

На третий день ползаешь по стене. Звонишь. Алла у телефона. Привет, привет! Шутливый упрек: дескать, так тебе и надо. Она разговаривает как ни в чем ни бывало. Опять она победила (с. 45—46);

(29) *Наверное, каждому заседателю хочется вести процесс самому, так сказать, работать на публику, ведь в глазах присутствующих главное действующее лицо — судья, который во сто раз лучше тебя знает судопроизводство и в десять раз — само дело! Пока ты ло-*

⁷ Эта разновидность предложений с формами 2-го лица соответствует обобщенно-личным предложениям «первой ступени обобщения» в классификации Э. Н. Осиповой, куда она включает предложения, в которых говорящий квалифицирует свое действие как неоднократно повторяющееся именно для него, т. е. как «обобщенное только по отношению к себе самому» [Осипова 1981: 65]. Ко «второй ступени обобщения» она относит предложения, рассматриваемые ниже.

*маешь голову, какой бы вопрос задать поумнее, судья успеваешь небрежно задать **твой** вопрос, и он сразу кажется таким проходным, а **ты сидишь** молча, надув щеки, и только согласно **киваешь*** (с. 152);

- (30) *Знаешь, на работе **я так выматываюсь**. **Ездишь** по Москве со всякими иностранцами, гид-переводчик. (...) **Меня** мутит от звуков английской речи. Сразу **вспоминаешь**, как эти журтресты умильно щупают **тебя** своими масляными глазами. Так что до дому **добрешься** — и никуда* (с. 178).

То, что обобщенно-личные предложения могут относиться к самому говорящему, находит, по мнению Т. В. Булыгиной, «формальное подтверждение в факте „семантического согласования“, определяемого полом говорящего» [Булыгина 1990: 120], что она иллюстрирует, в частности, примером, который приводится ниже в более полном виде:

- (31) *Я так любила осень, — позднюю осень (...). **Запоздаешь**, бывало, на прогулке, **отстанешь** от других, **идешь одна, спешишь**, — жутко! **Сама дрожишь** как лист; вот, **думаешь**, того и гляди выглянет кто-нибудь страшный из-за этого дупла (...). **Прибежишь**, захавшишься, домой; дома шумно, весело; раздадут нам, всем детям, работу: горох или мак шелушить. (...). Мы, дети, жмемся подружка к подружке, а улыбка у всех на губах. Вот вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало! А потом ночью не спим от страха; находят такие страшные сны. **Проснешься**, бывало, шевельнуться не смеешь и до рассвета **дрогнешь** под одеялом. Утром **встанешь свежа**, как цветочек. (...). Ах, какое золотое было детство мое!.. (Ф. Достоевский. Бедные люди).*

Как видно из грамматического оформления этого фрагмента, «семантическое согласования» с полом говорящего — далеко не единственное проявление того, что речь в нем идет о самой рассказчице, а не о людях вообще. В частности, формы 1-го лица мн. числа — *нам, мы, жмемся, замолчим, не спим* — имеют здесь, в от отличие от примера (26), эксклюзивное (исключающее слушающего) значение.

д) Неиндивидуализированные употребления. Этот тип включает предложения, в которых говорящий распространяет обозначаемое действие на любое лицо, которое может оказаться в таких же, как и говорящий, условиях; ср. формулировку А. А. Шахматова: «говорящий повествует о настолько обычных и повторяемых явлениях, что не исключает возможности того, что

их переживали и другие» [Шахматов 1925/1941: 78]. Таких предложений в романе немного, но именно в этом ключе представлен начальный фрагмент романа, первые фразы которого отнесены к 1-му лицу, после чего происходит переход к обобщенному 2-му лицу:

(32) *Я никогда не любил фотографироваться. Особенно в большом фотоателье. По-моему, есть что-то постыдное, когда унылый фотограф, озверевший от мелькания десятков лиц, которые надо рассматривать обязательно пристально и обязательно в фокусе (...) деловито командует: «Выпрямитесь, чуть влево, подымите подбородок, улыбнитесь», — а сам про тебя думает: «Морда ведь кирпичика просит, а тоже желает быть красивым», — а ты сидишь и, конечно, догадываешься, что думает про тебя служащий ателье. Но все равно волей-неволей твои глаза принимают полумечтательное-полупрезрительное выражение (знаешь, что это тебе идет, перед зеркалом проверял), потому что все мы хотим выглядеть хотя бы симпатичными, хотя бы в молодости, — вдруг придется дарить эту фотографию любимой девушке, вдруг сын твой через двадцать лет пороеется в семейном альбоме и скажет: «А отец у меня ничего был», — или вообще, когда умрешь и когда похоронят, то именно эту фотографию возьмут на памятник, и будешь ты взирать на грядущие поколения, молодой, красивый, возбуждая эгегические раздумья о быстротечности жизни (с. 7).*

Именно подобного рода предложения (а также выделенные в следующую группу) служат обычно образцом для общей семантической характеристики обобщенно-личного предложения, когда оно определяется как предложение, «называющее такое действие, которое относится к широкому, обобщенно представленному кругу лиц» [Ширяев 1997: 273].

е) **Синтаксически связанные конструкции**⁸. К этой разновидности предложений с формами 2-го лица Г. А. Золотова относит занимающие обособленное и периферийное положение конструкции типа *Его не убедить; Тебя не переспоришь* [Золотова 1982: 109—110]. Они характеризуются экспрессивно-оценочной интонацией, относительно фиксированным порядком слов (глагол в них обычно занимает конечное положение, а имя объекта — если он есть — находится в препозиции), а также общим значением, которое форму-

⁸ Имеются в виду выделенные Д. Н. Шмелевым конструкции, характеризующиеся «заданностью (разрядка Д. Ш. — Ю. К.) определенной схемы построения» [Шмелев Д. 1960/2002: 419], названные им позднее фразеосхемами, в которых «грамматическая форма приобретает особое („контекстное“, но вполне „регулярное“) значение» [Шмелев Д. 1976: 138—144].

лируется следующим образом: «объект таков, что к нему неприменимо, нерезультативно неоднократно предпринимавшееся действие, кто бы его ни предпринимал» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 120].

В рассматриваемом тексте подобного рода предложения немногочисленны:

- (33) *А мы еще порезвимся до Подольска, а там поедем согласно правилам, утвержденным ОРУДом ГАИ. Там уж не развернешься. Полно инспекторов* (с. 111);
- (34) *Впрочем, многие умнее тебя. Устраиваются хитрее. Их не поймать* (с. 190);
- (35) *Пошел я на склад, достал втулки. Цена им три копейки, да где возьмешь?* (с. 200).

Использование форм лица как в первичных конкретно-личных значениях, отражающих роли их референтов в диалоге, так и для выражения различных видов неопределенности и обобщенности не требует особых комментариев. Этот путь переосмысления форм лица можно считать прямым (но не единственно возможным) следствием того, что «всякий язык должен иметь способы обозначения действия, исходящего не только от определенного лица, известного говорящим, но и от неопределенного лица, которое им неизвестно» [Гак 1991: 72]. Для форм 2-го лица такой семантический переход основывается на деконкретизации адресата.

Главная проблема при объяснении характера многозначности предложений с формами 2-го лица — широкая употребительность конструкций, в которых фактическим производителем действия (носителем состояния) является говорящий.

По мнению М. А. Шелякина, «обобщенно-личное значение может быть выражено любой формой лица», а употребление форм 2-го лица в этом значении по отношению к 1-му лицу ед. лица является переносным [Шелякин 1989: 181—182]; при этом основания для семантического перехода от обобщенности к предельной конкретности⁹, однако, не разъясняются. Е. В. Падучева связывает этот переход с общекоммуникативными постулатами, приходя к следующему выводу: «в значении формы 2-го лица элемент обобщенности

⁹ Ср.: «Конкретность (определенность) лица в наибольшей степени представлена в „я“» [Бондарко 1991: 8]. Впрочем, возможно, это расстояние не столь уж велико. Как отмечает С. Жажа, русским предложениям типа *От тебя ничего не скроешь, Тебя не убедишь*, в которых подразумеваемым референтом форм 2-го лица является прежде всего говорящий, в чешском соответствуют конструкции с прономинализованным существительным *člověk* ‘человек’, являющимся в данном случае «лишь смягченным вариантом местоимения ‘я’»: *Člověk před tebou nic neutají; Tebe člověk nepřesvědčí* [Жажа 1988: 93].

все-таки присутствует: действие, обозначенное глаголом, приписывается, вообще говоря, произвольному лицу, но говорящему — в первую очередь, поскольку это то лицо, которое занимает выделенное место в денотативном пространстве высказывания» [Падучева 1996: 213]. Такое объяснение оставляет без ответа вопрос, почему аналогичный семантический сдвиг не произошел у форм 3-го лица мн. числа, выражающих неопределенно-личное значение.

Целесообразнее, на мой взгляд, выводить «перволичные» употребления форм 2-го лица непосредственно из их первичного адресатного значения. Связующим звеном между ними в этом случае окажется внутренний монолог. Нужно отметить, что именно возможностью «собеседования говорящего с самим собой» объяснял «замену» 1-го лица формой 2-го лица в обобщенно-личных предложениях А. А. Шахматов: «говорящий, проявляя свою личность, говорит в 1-м лице; но уходя в себя, в свои воспоминания, воспроизводя свои внутренние переживания, естественно прибегает ко 2-му лицу, делая себя объектом своей речи» [Шахматов 1925/1941: 73]. О том же он писал и в другом месте: «2-е лицо в этом случае вызывает представление о 1-м лице. Происхождение оборота обязано, вероятно, именно тому, что картина прошлого воскрешается перед мысленным взором самого говорящего, обращающегося к себе, как ко 2-му лицу» [Шахматов 1952: 73]¹⁰.

Отсутствием внешнего (постороннего по отношению к говорящему) адресата можно, видимо, объяснить и ту особенность обобщенно-личных предложений, на которую обратил внимание А. М. Пешковский: «в форму обобщения облакаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер <...> В этих случаях обобщительная форма сочетания получает глубокое жизненное и литературное значение. Она является тем м о с т о м (разрядка А. П. — Ю. К.), который соединяет личное с общим, субъективное с объективным. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облакает его в форму обобщения» [Пешковский 1927/1956: 375]. Ср. в этой связи явно мотивированный выбор форм лица в уже упоминавшемся интервью Юрия Батурина. В примере (36), описывающем внутреннее состояние субъекта, используется 2-е лицо, а в примере (37), где описываются внешне наблюдаемые особенности поведения, — 3-е лицо:

(36) *Иногда ночью, когда не можешь заснуть, смотришь — чернота, бесконечность. <...> И понимаешь, что от этого тебя отделяют*

¹⁰ Примечательно, что несовпадение говорящего и слушающего считается настолько само собой разумеющимся, что Е. В. Падучева не включает это условие в число приводимых ею признаков полноценной речевой ситуации (канонической ситуации общения) [Падучева 1996: 258—261].

три миллиметра корпуса. Можно ручкой продырявить, а там, если хоть малейшая дырочка, — всё, конец. Думаешь: кто-то дал тебе жизнь, а ты сюда забрался;

- (37) — *Что там еще есть человеческого? — Письма близких. Сейчас можно, конечно, переписываться по электронной почте, но она обычных писем не вытеснит. Письма там читают по-особому. Их сразу не открывают — прячут, откладывают. И потом в конце дня наедине читают, перечитывают*¹¹.

Существенно при этом, что разного рода вторичные употребления форм 2-го лица, в большей или меньшей степени отклоняющиеся от прямого обозначения собеседника в рамках полноценной речевой ситуации, весьма многообразны. Очень важно также, что если разграничение крайних точек адресатного и обобщенно-личного употреблений форм 2-го лица не представляет никаких трудностей, то однозначная интерпретация промежуточных разновидностей нередко затруднительна. Между тем в проанализированном романе именно эти промежуточные варианты составляют основную массу обобщенно-личных употреблений форм 2-го лица.

Этим же, видимо, объясняется и отчетливо проявляющаяся в русском языке «поляризация» и «субъективизация» противопоставления обобщенноличности и неопределенноличности, на что одним из первых обратил внимание Б. М. Гаспаров: «У неопределенно-личных предложений, в силу их отстраненного характера, на первом плане — третье лицо, „некто“, внешний по отношению к участникам акта коммуникации, всячески подчеркивается эта его „посторонность“ (...). У обобщенно-личных предложений на первом плане, напротив, участники акта коммуникации — говорящий и слушатель, но в сферу сообщаемого оказывается вовлечен и каждый, любой путем снятия этой отстраненности, „чуждости“, включения его в акт коммуникации в качестве потенциального участника» [Гаспаров 1971: 207]. О том же писала и Е. С. Скобликова: «Наиболее специфический компонент в грамматической семантике обобщенно-личных предложений — это значение личной причастности (разрядка Е. С. — Ю. К.) любого лица (но в первую очередь говорящего и его собеседников) к наблюдениям, составляющим содержание этих предложений», что резко отличает обобщенно-личные предложения от предложений неопределенно-личных: «жизненные ситуации ха-

¹¹ Последний пример представляет интерес и в другом отношении. Поскольку содержание ответа Батурина явно распространяется и на него самого, нельзя полностью принять точку зрения, согласно которой говорящий и слушающий не могут входить в состав подразумеваемого «субъектного множества» неопределенно-личного предложения [Клубков 1979: 7].

рактируются в них „отстраненно“ от говорящего и его собеседника — как обобщение чужого, а не своего опыта» [Скобликова 1979: 110—111]¹². Ср. использование неопределенно-личного предложения для формулировки правила, а обобщенно-личного — для его обоснования на основе личного опыта в следующем примере:

(37) *И вообще здесь, на Севере, моторы никогда не выключают — потому не заведешь* (А. Гладилин. История одной компании)¹³.

Еще более заметный эффект чуждости и отстраненности присущ местоимению *они* в неаналогичной функции; ср.:

(38) *Он сказал: А они опять арестовывают... Вчера арестовали Филиппенко и др. О большевиках он всегда говорит: Они! Ни разу не сказал мы. Всегда говорит о них, как о врагах* (Дневник К. Чуковского — запись разговора с М. Горьким 2 апреля 1919 года);

(39) *Итоги белгородских выборов заставляют настороженно относиться к ставшему в последнее время общим местом тезису о нарастающем безразличии населения к выборам — мол, все равно «они» выберут того, кого им надо* (Известия, 10.07.1999);

(40) *⟨...⟩ глубоко укорененный миф о том, что от отдельного человека ничего не зависит, что все решают «они»* (Известия, 21.11.2001).

У английских местоимений *they* ‘они’ и *you* ‘ты/вы’, которые также используются в функции «общего лица» [Croft 1990: 90; Гак 1991: 77—78; Томмола 1999: 49—50; Тестелец 2001: 289], подобного дополнительного эффекта, по-видимому, нет. Говоря о них, О. Есперсен [Есперсен 1924/1958: 251] отмечает лишь возможность недоразумений из-за различного понимания местоимения *you* и приводит в качестве иллюстрации фрагмент из романа Джека Лондона «Мартин Иден»:

(41) *«By the way, Mr Eden, what is booze? You used it several times, you know». «Oh, booze», he laughed. «It's slang. It means whisky and beer — anything that will make you drunk». ⟨...⟩ «Don't use you when you are impersonal. You is very personal, and your use of it just now was not precisely what you meant». «I don't just see it». «Why, you said just now to me, 'whisky and beer — anything that will make you drunk' —*

¹² См. об этом также [Булыгина, Шмелев А. 1991: 41—62; Санников 2001: 150—151].

¹³ Ср.: «Говоря с начальством не поспоришь, мы выражаем сожаление по поводу невозможности вести с начальником дискуссию на равных; предложение *С начальством не спорят* имеет совсем иное значение — это правило поведения, запрещающее споры с начальством!» [Зализняк Анна, Шмелев А. 2000: 41].

make me drunk, don't you see?». «Well, it would, wouldn't it?» «Yes, of course», she smiled, «but it would be nicer not to bring me into it. Substitute one for you, and you see how much better it sounds»¹⁴.

Литература¹⁵

- Бондарко 1991 — А. В. Бондарко. Семантика лица // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 5—40.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Булыгина 1990 — Т. В. Булыгина. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologia. М., 1990. С. 111—126.
- Булыгина, Шмелев А. 1991 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 41—62.
- Гак 1991 — В. Г. Гак. Неопределенность в плане содержания и в плане выражения // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 72—86.
- Гаспаров 1971 — Б. М. Гаспаров. Из курса лекций по синтаксису современного русского языка. Тарту, 1971.
- Есперсен 1924/1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958.
- Жажа 1988 — С. Жажа. Глагольные конструкции родственных языков и расхождения в их функционировании (на материале русского и чешского языков) // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 87—98.
- Зализняк Анна, Шмелев А. 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

¹⁴ Ср. не очень удачную попытку передать грамматический аспект этого диалога в русском переводе Р. Облонской: «Кстати, мистер Иден, — окликнула она его уже от дверей, — что такое „нализаться“? Вы несколько раз так сказали». «А, налижаться, — засмеялся он. — Жаргон это. Мол, **вы** напились виски, пива, или еще чего и захмелели». «И еще одно, — Руфь тоже засмеялась. — Не употребляйте „вы“ в безличных предложениях. „Вы“ — очень личное местоимение, и сейчас вы сказали не всем то, что намеревались». «Не пойму я, о чем вы». «Ну как же, вот вы сказали мне, мол, „**вы** напились виски, пива... и захмелели“, — получается, что это **я** захмелела, понимаете?» «А вы бы не захмелели?» «Разумеется, захмелела бы, — с улыбкой ответила Руфь. — Но было бы вежливей, если бы вы ничего подобного мне не приписывали. В таких случаях предпочтительней обходиться без местоимений».

¹⁵ При ссылках на переводные работы, как правило, указываются две даты — год выхода оригинала и год выхода перевода, разделенные косой чертой; то же относится и к стереотипным переизданиям работ, написанных на русском языке.

- Золотова 1982 — *Г. А. Золотова*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1973.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 1998 — *Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Каминская, Князев 1996 — *Т. Л. Каминская, Ю. П. Князев*. Семантические особенности утвердительных повествовательных предложений с формами второго лица // Язык. Культура. Когнитивные науки. М., 1996. С. 59—66.
- Клубков 1979 — *П. А. Клубков*. Семантика и синтаксис двучленных залоговых конструкций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.
- Кожевникова 1994 — *Н. А. Кожевникова*. Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв. М., 1994.
- Осипова 1981 — *Э. Н. Осипова*. Об особенностях функционирования односоставных предложений с глаголом 2-го лица единственного числа в обобщенном значении // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Л., 1981. С. 64—69.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Пешковский 1927/1956 — *А. М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Санников 2001 — *В. З. Санников*. О семантике категорий лица и числа (сквозь призму языковой игры) // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. М., 2001. С. 143—166.
- Скобликова 1979 — *Е. С. Скобликова*. Синтаксис простого предложения. М., 1979.
- Стросон 1964/1982 — *П. Ф. Стросон*. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Томмола 1999 — *Х. Томмола*. Заметки к типологии амбиперсонала // Типология. Грамматика. Семантика. СПб., 1998. С. 41—57.
- Храковский, Володин 1986 — *В. С. Храковский, А. П. Володин*. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Шахматов 1925/1941 — *А. А. Шахматов*. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Шахматов 1952 — Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952.
- Шелякин 1989 — *М. А. Шелякин*. Глагол // *В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, М. А. Шелякин*. Современный русский язык: Теоретический курс: Словообразование. Морфология. М., 1989. С. 131—236.
- Ширяев 1997 — *Е. Н. Ширяев*. Обобщенно-личное предложение // Русский язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 273—274.
- Шмелев Д. 1960/2002 — *Д. Н. Шмелев*. Архаические формы в современном русском языке // Избранные труды по русскому языку. М., 2002.
- Шмелев Д. 1976 — *Д. Н. Шмелев*. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
- Croft 1990 — *W. Croft*. Radical Construction Grammar. Oxford, 2001.

ЭМФАЗА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ФОКАЛИЗАЦИИ*

С. В. Кодзасов

1. Введение

1.1. Фокализация: основные понятия и допущения

Фокализация (фокусирование) — одна из важнейших дискурсивных операций. Ее функция — маркировка оценки говорящим особого информационного статуса текстового фрагмента. Традиционные термины для маркировки высокой степени значимости информации: *выделение, эмфаза, контрастивность* (Чейф, Робер; Николаева, Падучева, Янко и др. — см. прилагаемый список источников). Мы проводим различие между родовым названием для всех типов фокусирования и названиями для отдельных разновидностей этой операции. Необходимо сразу сказать, что используемая ниже классификация во многом близка к предлагаемой Т. М. Николаевой, и ее работы (особенно [Николаева 1982; 2000]) существенно повлияли на наше понимание проблематики акцентного выделения. Однако имеются и некоторые расхождения, детальный анализ которых не входил в задачу данной работы, которая ориентирована на анализ одной из разновидностей фокусирования — эмфазу в узком смысле слова.

Мы принимаем, что язык использует три базовых оценки значимости информации: 1) информация нейтральна; 2) информация высокочаще; 3) информация малозначима. Им соответствует вербальная маркировка коммуникативных компонентов высказывания, в первую очередь ремы: 1) *отсутствие* особой маркировки (нейтральная форма текста); 2) *фокализация* (специальное выделение) фрагмента текста; 3) *антифокализация* (специальное ослабление) соответствующего фрагмента. Ранее в исследованиях фокализации третья операция не учитывалась. Между тем в реальных текстах

* Настоящая статья отражает результаты исследований автора в рамках совместного российско-французского проекта (CNRS / RAN 19104), целью которого было исследование дискурсивных категорий и средств русского языка.

специальная маркировка низкого информационного веса фрагмента встречается не менее часто, чем специальное подчеркивание.

Термин *фокализация* удобно использовать как обобщающий термин для всей троичной парадигмы значений признака значимости информации. (Ср. термин Д. Пайара и К. Киселевой *установочная база* [Киселева, Пайар 1998].) Фокализованность текстового фрагмента просодически выражается чаще всего повышенной громкостью и отчетливостью произнесения (они обусловлены дыхательным усилением и увеличением объема ротовой полости).

- (1) — *Ване не забудь позвонить! А то он обидится!* (фокализированные фрагменты подчеркнуты)

Антифокализированные фрагменты, напротив, произносятся тихо и редуцированно:

- (2а) А. — *Что делать будем? Пойдем куда-нибудь?*
Б. — *Зачем ходить? Можно и дом(а) посидеть.*

Здесь ответная реплика произносится тихо и нечетко, а конечное [ъ] в слове *дома* может опускаться. Ср. полемическую фразу (2б), в которой аналогичный фрагмент *и дома* произнесен гораздо активнее:

- (2б) — *А ведь можно было и дома посидеть.*

Приведем примеры фокализации (3а—в) и антифокализации (4а—в) с участием частиц *да, вот, так*:

- (3а) — *Да [а] свершится правосудие!;* (3б) — *Так [а] не выйдет!;*
(3в) — *Вот [о] Володя этого бы не сделал!*
(4а) — *Да [ъ] знаю я об этом!;* (4б) — *Так [ъ] он же приехал!;*
(4в) — *Позвонили Володе, вот [ът] он и приехал!*

Здесь в примерах (3а—в) фокализированные *да, так* и *вот* не подвергаются клитизации и не имеют редукции гласных во 2-ом предударном слоге фонетического слова. Напротив, в примерах (4а—в) те же частицы клитизируются и следствием антифокализации является специфическая сверхредукция гласных, проявлением которой служит произнесение [ъ] вместо [а] и [о] в 1-ом предударном слоге слова. В случае антифокализации полнозначных слов (пример (2а)) степень редукции гласных количественно меньше и не приводит к их качественному изменению.

Эта характерная просодическая техника выделения/антивыделения является проявлением фокализационного признака *эмфаза/антиэмфаза*. Просодия символизирует здесь оценку значимости (важности, релевантности) вводимой информации говорящим и тем самым управляет вниманием адресата.

Ниже мы увидим, что эта общая функция имеет несколько семантических разновидностей.

Эмфаза может сочетаться с маркированными значениями двух других фокализационных признаков: *контрастивности* и *противоречия* (см. [Кодзасов 1989; Kodzasov 2003]). Эти признаки имеют иную семиотическую функцию — эпистемическую: они показывают, насколько вводимая информация соответствует ожиданиям, связанным с прежним опытом. Контрастивная просодия показывает, что данная семантическая позиция заполнена маркированным, менее ожидаемым членом из парадигмы возможных заполнителей. Просодия противоречия показывает, что имеется рассогласование двух компонентов единой сложной ситуации. Эти две просодии не тождественны. Покажем это на примерах:

Контраст

- (5) — *Зачем ты эти яблоки купил? Они же зеленые!* (здесь специфический «темный» тембр контрастивных огласовок — предположительно результат опускания гортани — может сочетаться с громкостью и отчетливостью эмфазы).

Противоречие

- (6) — *Август уже, а яблоки-то — зеленые* (здесь высокий регистр тона — показатель противоречия — также может сочетаться с громкостной фонетикой эмфазы).

Сравним эмфатическое произнесение лексемы *зеленый* без сочетания с контрастивностью или противоречием:

- (7) — *Не забудь, какой мне цвет нужен — зеленый!* (громкость и артикуляционная четкость здесь выражают требование мобилизации внимания).

Просодические жесты контраста и противоречия иконичны: опускание гортани при интенсификации оценок в экспрессивной речи в общем случае служит знаком большой удаленности (ср. — *Далеко-о полетела стрела...*), а высокий регистр тона является знаком удивления (ср. — *Да что ты говоришь!*).

Обратные значения просодических параметров, связанные с антиконтрастом и антипротиворечием, также иконичны:

Антиконтраст

- (8) А. — *Ну, как вам эти туфли?*
Б. — *Отлично! В са-амый раз!*

Здесь в подчеркнутом фрагменте используется специфический «светлый» тембр антиконтрастности, являющийся предположительно результатом подъема гортани. Он служит знаком близости или совпадения с ориентиром.

Антипротиворечие

(9) А. — *Жара какая!*

Б. — *Ну, это нормально — лето все-таки!*

Здесь подчеркнутый фрагмент произносится на низком уровне тона, который является знаком антипротиворечия.

Естественно негромкое и слегка редуцированное произнесение подчеркнутых фрагментов в примерах на антифокализацию. Однако в качестве показателя антиэмфазы (нерелевантности) используется даже более тихое и редуцированное произнесение:

(10) А. — *Какой тебе цвет?*

Б. — *Дъ хъть зеленый! Къкая разница!*

Здесь в неполнозначных словах возможна редукция гласного до нейтрального звука (*дъ, хъть, къкая*).

1.2. Обозначения фокализационных просодий

Ниже используются следующие обозначения: +эмф/–эмф (эмфаза/антиэмфаза); +кон/–кон (контраст/антиконтраст); +прот/–прот (противоречие/антипротиворечие); нтр (нейтральность) — отсутствие маркированных значений обсуждаемого фокализационного признака.

При обсуждении фокализации эта категория нередко рассматривается как композиционно стандартная: принимается, что эмфаза (фокализация в узком смысле) сочетается с контрастом, при этом семантическое и просодическое различие контраста и противоречия обычно не рассматривается. Поэтому термины *фокализация* и *контрастивность* часто используются как синонимичные. В частности, Т. П. Скорикова, которая не раз писала об «акцентно маркированных» словах в русском языке (как правило, это слова, лексическая семантика которых содержит компонент фокусирования), не дает какой-либо системной классификации таких слов и не отмечает их просодических различий (см., например, [Скорикова 1999]).

Мы также не находим разграничения категорий эмфазы и контраста в популярной у нас статье Чейфа, посвященной упаковочным категориям [Чейф 1982]. Однако русский перевод его примера *Это Рональд приготовил сэндвичи!* может быть произнесен двумя способами: либо только с эмфазой

на слове *Рональд*, либо с добавлением к эмфазе контрастивной просодии. В первом случае целью фокусирования является только привлечение внимания к положительному факту, во втором — дополнительное указание на необходимость исключения других потенциальных конкурентов на заполнение роли изготовителя сэндвичей.

Сравним следующие предложения с выносом фокализованной темы, содержащей частицу *-то*:

- (11а) — **Иванов-то* (+эмф) — *защитил *диссертацию* (+эмф). *Теперь пойдет на *повышение.*
 (11б) — **Иванов-то* (+эмф, +кон) — *защитил *диссертацию* (+эмф, +кон)!
**Кто бы мог *ожидать!*

Ясно, что в примере (11а) речь идет о значимом событии, которое, заслуживая внимания, не воспринимается, тем не менее, как неожиданное, тогда как в примере (11б) событие противоречит ожиданиям. Поясним, что здесь и далее выделительный акцент мы обозначаем звездочкой перед словом, а наличие фокализационных признаков (эмфазы, контраста и противоречия) указываем в скобках после слова.

Неразличение таких разновидностей фокализации ведет к неправомерному упрощению ситуации как в плане семантики, так и в плане просодики. В общем случае, эмфаза (интегральное выделение, реализуемое громкостью и отчетливостью произнесения) используется как отдельный просодический признак и может как сочетаться с признаками контраста и противоречия, реализуемыми просодическим тембром и регистром тона, так и выступать отдельно. В некоторых работах на тему фокализации (см., например, недавнюю работу Г. Друбига о типологии фокализации [Drubig 2003]) проводится систематическое различие двух видов фокуса (*presentational focus* vs. *contrastive focus*). Оно соответствует нашему противопоставлению эмфазы и контраста. В качестве русских аналогов используемых Друбигом примеров можно привести такие:

- (12) — **Пальто* (+эмф) *не забудь взять!*
 (13) — *В плаще *замерзнешь. Лучшие *пальто* (+эмф, +кон) *возьми!*

Французская лингвистка С. Робер [Robert 1993] отказывается от термина «эмфаза», поскольку он, по ее мнению, вызывает ассоциации не столько с характером операции, сколько с ее эффектом. Она предпочитает термин «исключающий выбор» (*choix exclusif*), который лучше отвечает специфике того типа фокализации, который она описывала на материале африканских языков. Однако естественно предположить, что неконтрастивная фокализация присутствует в любом языке — хотя бы в обращениях и репликах мобилиза-

ции внимания. Что касается антифокализации, то работы, посвященные этой операции, нам неизвестны, хотя она, конечно же, употребительна во всех языках. Продолжая опираться на пример Чейфа, можно предложить такую ответную реплику на сообщение о приготовление сэндвичей:

(14) — *Ну, приготовил он эти сэндвичи. Тожэ мне событие (–эмф).*

Здесь подчеркнутый фрагмент произносится тихо и редуцированно.

1.3. Дефокализация

Фокализация и антифокализация являются актуальными операциями, осуществляемыми говорящим в ходе порождения высказывания. При деактуализации этих операций, возникающей при вставлении соответствующего фрагмента в объемлющую составляющую текста, показатели фокализации и антифокализации отсутствуют. Сравните:

(15a) — *Тепло, а ведь ноябрь (+прот) уже.*

(15б) — *Он говорит, что там по-прежнему тепло, хотя уже ноябрь (нтр).*

Попытки просодически фокализировать слово *ноябрь* в (15б) вряд ли будут успешны. Напомним, что явление деактуализации модальных оценок во вставленных предикациях впервые было описано Е. В. Падучевой [Paducheva 1990].

Фокализация невозможна также в случае «отстраненных» нарративных текстов. Сравните:

(16a) — *Уже ноябрь, а тепло (+прот)!*

(16б) — *Наступил уже ноябрь, опали листья, но было еще тепло (нтр).*

Фокализованное произнесение подчеркнутого слова в примере (16б) вряд ли допустимо.

1.4. Особенность данного текста

В прошлом мы уже обсуждали семантику и просодию контраста и противоречия [Кодзасов 1989; Kodzasov 2003]. В настоящей работе мы сосредоточимся на *эмфазе*, причем как на дискурсивном использовании этой операции, так и на случаях ее встроенности в полнозначные лексемы.

В последней из упомянутых выше работ мы указывали на возможность контрастивной огласовки актуальных положительных оценок:

(17) — **Красивая (+кон) вещь!*

(18) — **Неглупо (+кон) сказано!*

(19) — **Дельный (+кон) человек!*

Это означает, что положительная интерпретация объекта или события в русской картине мира может восприниматься как аномальная: она указывает на отклонение от некоторой нейтральной нормы. Ср. огласовку аксиологически нейтральных оценок:

(20) — *Это *обычный (нтр), *нормальный (нтр) человек! *Ничего (нтр) в нем *особенного (нтр).*

Лексически встроенными могут быть и другие виды фокализационных оценок. Приведем примеры лексем со встроенной просодией противоречия: *ошибка, перепутать, опаздывать, промахнуться, мимо*. Эти лексемы указывают на рассогласование адекватного (ожидаемого по умолчанию) положения дел и реальности, которая нарушает ожидание. При актуальном указании на противоречие используется особая тональная фигура: восходящий тон на консонантном начале ударного слога и нисходящий на слоговом ядре. Это как бы сжатый вариант сочетания высокого и низкого регистра тона, которое мы находим при дискурсивной области применения маркера противоречия (см. [Кодзасов 1989]). Примеры:

(21) — *Ты знаешь, поезд *опаздывает (+прот)!*

(22) — *Мне кажется, ты *ошибся (+прот)!*

В данной работе будут подробно рассмотрены случаи лексической встроенности эмфазы и антиэмфазы. Семантические характеристики, которые обуславливают маркированную огласовку соответствующих слов, нетривиальны, и заслуживают детального обсуждения. В то же время дискурсивное использование эмфазы и антиэмфазы также не будет обойдено вниманием — ему посвящен последний параграф статьи.

2. Эмфаза как вид фокализации

2.1. Лексическая эмфаза

В самом общем виде функцию эмфазы можно определить как маркировку важного, являющегося центром ориентации в данной ситуации или в системе знаний о мире. В случае лексической эмфазы речь идет о втором случае. Важными, эмфатически выделяемыми являются прототипические концепты, которые в полной мере воплощают функционально значимые характеристики ситуаций и объектов. Напротив, антиэмфаза есть показатель невыраженности или дефектной реализации некоторого свойства. Слова с семантикой эмфазы обладают акцентогенностью, тогда как слова с семантикой антиэмфазы обычно не принимают выделительных акцентов.

Перечислим лексические разновидности прототипической оппозиции «эмфаза/антиэмфаза». Напомним, что признак троичен и большинство слов несет нейтральное признаковое значение и нейтральную огласовку.

а) Лексемы, указывающие на активную и продуктивную установку интеллектуальной и прочей деятельности, имеют подчеркнuto полное произнесение гласных: *собранный, подтянутый, дельный, аккуратный, старательный, обязательный; как следует, как надо, что надо, обязательно* (+эмф).

Все слова этого класса обладают встроенной акцентогенностью. Пример:

(23) — *Если он *обещал, он [*обязательно *придет]* (+эмф).

Поясним, что квадратные скобки указывают здесь сферу действия просодии, обозначенной в круглых скобках.

В вышеприведенном примере *обязательно* несет выделительный акцент вопреки общему правилу расстановки акцентов в глагольных группах с обстоятельствами. Нормально акцент на наречии отсутствует:

(24) — *Он [иногда *приходит]* (нтр).

К числу акцентогенных относятся также слова, обозначающие функцию наблюдения и свойство внимательности: *дозор, сторож, вахтер, дежурный; внимательный, собранный, приметливый, осторожный* (+эмф). При подчеркивании личностных характеристик такого вида возможен побочный акцент на начальном безударном слоге (знак `):

(25) — *Он такой *п`одт`янутый, *пр`им`етливый!*

Приведем теперь лексемы с семантикой поведенческой дефектности. Они имеют огласовку антиэмфазы: *растяпа, разиня, разгильдяй, раздолбай, расхлябай, недоумок, придурок; тяп-ляп, мура; наплевать, начхать, до лампочки* (–эмф). Обратим внимание на то, что в словах типа *растяпа, разиня* и т. п. могут нарушаться стандартные правила огласовки гласных 1-го предударного слога: вместо «крышки» ([л]) скорее произносится редуцированный гласный ([ь]).

Сравним произнесение выражения *до лампочки* в контексте эмфазы и антиэмфазы:

(26a) — *До *лампочки (+эмф) не *дотрагивайся (+эмф)!*

(26б) — *Ему все до лампочки (–эмф).*

Здесь в примере (26б) гласный в предударном слоге близок к редуцированному.

Еще один пример разных просодических огласовок одной лексемы:

(27a) — *Сыр украла *ворона* (нтр).

(27б) — **Смотри, какая большая *ворона* (+эмф)!

(27в) — *Опять ты все забыла! Какая ты ворона* (–эмф)!

Здесь эмфатическая огласовка слова *ворона* в (27б) обусловлена дискурсивной фокализацией, тогда как редуцированное произнесение переносного употребления этого слова в (27в) обусловлено лексически встроенной анти-эмфазой.

б) Лексемы, означающие субъектов, обладающих высоким vs низким интеллектуальным потенциалом также различаются полной/редуцированной реализацией гласных: *умный, хитрый, колдун, волшебник, провидец, мудрец* и т. п. (+эмф) vs *придурок, дурак-дураком, растяпа, раззява* и т. п. (–эмф).

в) Сходные произносительные различия имеют лексемы с семантикой маркированной полноты vs неполноты реализации физического качества: *полный, толстый, огромный, глубокий, крупный, могучий, богатырь* (+эмф) vs *тощий, крохотный, мелкий, слабый, слабак, хилый, никудышный* (–эмф).

Примечательно, что данная просодическая оппозиция относится не только к парам, противопоставленным по параметрам объема и физической силы. Она касается всех пар, связанных отношением полноты/неполноты некоторого качества: *мокрый — сухой, яркий — блеклый, острый — тупой, вкусный — пресный, крепкий — вялый, умный — глупый*. Первые члены в каждой из этих пар произносятся с подчеркнутой полнотой гласных, тогда как вторые — с заметной редуцией. Показательно отсутствие форм превосходной степени у вторых членов этих пар ([?]*сушайший*, [?]*блеклейший* и т. п.).

Обратим внимание на то, что в работах, посвященных семантической классификации прилагательных, различие двоичных привативных и троичных эквиолентных оппозиций (в терминах Н. С. Трубецкого) не отмечено. То есть, оппозиции типа *сухой — мокрый* (нарастание качества на единой шкале) не отделяются от оппозиций типа *молодой — среднего возраста — старый* (удаление от нейтрального в двух противоположных направлениях) (см. обзор современных семантических исследований прилагательных в [Рахилина 2000]). Между тем произношение ясно показывает различие в фокализационной интерпретации этих оппозиций.

в) Полнота vs неполнота (дефектность) реализации духовной или социальной роли: *Бог, Господь, пророк, божественный; царь, мощный, властный, богатый, гордый* (+эмф) vs *черт, бес; холоп, раб, слабый, никчемный, нищий* (–эмф);

г) Центр, цель, целенаправленность, причина, значимость vs оболочка, периферия, следствие, недостижение цели, ненаправленность, незначимость: *столица, сам, самый; главное, важное; суть, сущность; мозг, корни, сердцевина, основа, причина* (+эмф) vs *окраина, следствие, кожура, ботва; ерунда, чепуха, чушь собачья, мелочь, мелочь пузатая, мура, фигня зеленая; ни то ни се* (–эмф).

Напомним в этой связи известные строки Б. Пастернака, в которых собраны номинации «эмфатических» концептов:

- (28) *Во всем мне хочется дойти до самой сути...
До сущности протекших дней, до их причины,
До оснований, до корней, до сердцевины...*

Замечательным образом поэт угадывает здесь концептуальную и просодическую близость слов, которую обычный носитель языка вряд ли заметит.

д) Целенаправленность vs произвольность действия: *бросить* — *уронить*, *выбросить* — *потерять*, *порезать* — *порезаться*; *нарочно* — *нечаянно*, *специально* — *случайно* и т. п.

Здесь в каждой паре первое слово оформлено просодией эмфазы, а второе — антиэмфазы. Соответственно, лексемы первой группы акцентогенны и, как правило, получают во фразе выделительный акцент, тогда как лексемы второй группы в лучшем случае могут получить фразовое ударение.

Сравним подобное различие акцентного оформления двух номинаций одного и того же по результату действия — произвольного и произвольного:

- (29) — *Эта ваза его раздражала, и он ее *разбил* (+эмф).
(30) А. — *Что-то я не вижу вазы.*
Б. — *А я ее 'разбил нечаянно* (–эмф).

(здесь апострофом обозначено слабое «фразовое ударение» (ФУ), тогда как звездочка указывает на «выделительный акцент» (ВА) (о соотношении фразовых ударений и выделительных акцентов см. [Николаева 1982; 2000]).

- (31а) А. — *Как же это он ее *разбил?*
Б. — *Дь 'случайно* (–эмф, +кон).
(31б) А. — *Как же это он ее *разбил?*
Б. — *А вот *так — *нарочно* (+эмф)! *Надоела она ему.*

е) Необходимость vs факультативность:

- (32а) — **Нужно ему *помочь* (+эмф)
(32б) — *А ведь ты 'мог бы ему и 'помочь* (–эмф)!

ж) Маркированная привлекательность (+эмф) vs непривлекательность (–эмф): *писаная красавица*, *чудо*, *диво-дивное* vs *уродина*, *замарашка*, *неряха*. Семантическая мотивация таких огласовок очевидна: привлекательность фокусирует внимание на объекте, делает его центром слежения, тогда как непривлекательность предполагает невовлеченность наблюдателя, периферийность зоны слежения.

з) Глагольные интенсивы vs антиинтенсивы: *несется*, *летит*, *как вскочит*, *как заорет* (+эмф) vs *плетется*, *догорает*, *холодает* (–эмф).

Приведем примеры интенсивов (33—34) и антиинтенсивов (35) в русском стихе. Различие просодических огласовок здесь ярко выражено:

(33) *Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая...* (А. Пушкин).

(34) *Швед, русский колет, рубит, режет...* (А. Пушкин).

(35) *Тихий вечер догорает, горы золотя.*

Летний воздух холодает. Спи, мое дитя... (А. Фет).

Следующий фрагмент общеизвестного стихотворения С. Михалкова дает характерный пример фатического общения на фоне стативной картины мира:

(36) [*Дело было вечером,
Делать было нечего.
Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
И сказал ребятам Боря
Просто так...] (–эмф)*

Существуют известные префиксальные техники выражения целенаправленности, результативности, полноты (гиперполноты) vs окказиональности, дефектности осуществления действия. Соответствующие группы лексем различаются стандартными просодическими огласовками (+эмф vs –эмф). В словах первого типа (*доделать, достичь, добраться, догнать, добыть, достать, наестся, набраться (ума); задумать, заставить* и т. п.) нередко возникает побочный выделительный акцент на начальном слоге. Например:

(37) — *Он таки до нее *добрался.*

Здесь подчеркнуты гласные, несущие выделительные акценты.

Напротив, в словах второго типа (*забежать, заглянуть, зайти; посидеть, поболтать, попрыгать, покушать; недосказать*) наблюдается слабая степень выделения (она достигает уровня фразового ударения, но не выделительного акцента) и близкая к [ъ] реализация предударных «а» и «о». Сравните: **дошел до *цели* (+эмф) — *'дошел до 'ручки* (–эмф), **доделать* (+эмф) — *'недоделать* (–эмф).

2.2. Эмфаза и антиэмфаза в предложениях с дискурсивными словами

Некоторые дискурсивные слова могут употребляться в контексте как эмфазы, так и антиэмфазы. В этом случае они фонетически раздваиваются. Так, частица *уж* и вводимый ею текстовый фрагмент могут произноситься громко, отчетливо и с добавлением контрастивной огласовки:

- (38) — Ну это уж *слишком (+эмф, +кон)!
 (39) — Уж *кто-кто (+эмф, +кон), — ответила она, хохоча, — а уж
*я-то (+эмф, +кон) *смею (+эмф, +кон) *коснуться!* (Булгаков)

Однако возможно использование *уж* и в контексте антифокализации, в этом случае частица редуцируется, в результате чего гласный почти теряет компонент лабиализации:

- (40) — Ты уж *'прости ему!* (–эмф)
 (41) — Ну ты уж *'скажешь!* (–эмф)
 (42) — *'Вот уж не подумал бы* (–эмф), *что он на это способен.*

Интересна возможность использования сочетаний *раз уж, так уж* в двух противоположных функциях — для фокализации и для антифокализации соответственно:

- (43) — [*Раз уж заговорил, продолжай!*] (+эмф)
 (44) — [*Так уж тебе это нужно?!*] (+эмф)
 (45) — *Ничего подобного, — воскликнул рыжий, — что это такое: [раз уж заговорил, так уж непременно арестовать] (–эмф)! Просто есть к вам дело* (Булгаков).

В примерах (43) и (44) предложения целиком подвергаются эмфазе, тогда как в примере (45) взятый в скобки фрагмент подвергается антиэмфазе, приводящей к сильной вокалической редукции (гласный [а] приближается к нейтральному, а [у] делабиализуется).

Рассмотрим теперь различие дискурсивных функций и просодических характеристик лексем *впрочем* и *между прочим*. Первая из них используется для введения побочного мнения, несущего антифокализационную огласовку. Вторая, напротив, является маркером введения конфликтного мнения, имеющего огласовку противоречия. При этом сам дискурсивный комплекс несет огласовки контраста и эмфазы.

- (46) — *Просит подождать с долгом. Говорит, что ему скоро заплатят. Я, впрочем (–эмф), ему не верю.*
 (47) — *Между прочим (+кон, +эмф), верить ему не следует (+прот).*

Вводное употребление слова *действительно* может иметь три варианта огласовки. Первый вариант нейтрален, тогда как два других представляют противоположные значения признака эмфазы:

- (48) — *Извольте-с. История моя, действительно (нтр), не совсем обыкновенная, — начал гость* (Булгаков).
 (49) — Ты прав. *Действительно, надо было прийти!* (+эмф)
 (50) — Ну ты, *действительно, скажешь!* (–эмф)

Для последнего варианта слова в разговорной речи характерна сильная редукция: [д'ьс'ьтнь].

Другие примеры интонационного варьирования дискурсивных слов, отражающего изменения их фокализационных характеристик, содержатся в работах [Кодзасов 1993; 1996].

Рассмотрим теперь примеры, демонстрирующие различие трех близких эпистемических маркеров (*может быть/быть может/может*), отличающихся по значению признака «эмфаза»:

- (51a) А. — *Что-то он задерживается.*
 Б. — *Не беспокойся! Может быть, машина опять сломалась.* (нтр)
- (51б) А. — *Что-то он задерживается. Это на него не похоже.*
 Б. — *Быть может (+эмф), что-то случились.* (+эмф)
- (51в) — *А может, ничего и не случилось.* (–эмф)

Эти три варианта дают хороший пример того, как тесно лексические различия близких дискурсивных слов могут быть связаны с их фокализационными функциями.

2.3. Эмфаза и антиэмфаза как компоненты иллокутивно-модальной характеристики фразы

2.3.1. Вынос фокализованной группы в начало сообщения

В информационных программах ныне часто используется вынос фокализованной рематической группы в начало сообщения. При этом нередко используется эмфатический вариант фокализации. Это означает, что риторической целью является привлечение внимания слушателей к важному событию без попытки влияния на их эпистемические установки. Примеры:

- (52) *Большого успеха (+эмф) достигли наши лыжники на чемпионате мира в Лахти.*
- (53) *Полным провалом (+эмф) закончилась попытка Совета Безопасности убедить Иран отказаться от его ядерных амбиций.*

Однако эпистемический компонент сообщения (элемент неожиданности информации) может влиять на огласовку вынесенной в начало сообщения ремы — она нередко произносится в высоком тональном регистре, который, как мы отмечали ранее, указывает на рассогласование с ожиданием (фигура противоречия). Примеры:

- (54) *Незаурядное открытие (+эмф, +прот) сделали недавно отечественные ученые.*

(55) Странное явление (+эмф, +прот) наблюдалось вчера в небе над Владимиром.

(56) Непривычная жара (+эмф, +прот) стояла в прошлом году в Европе.

Имеется и другой способ использования фигуры противоречия в сообщениях: она вводит объяснение неожиданного отклонения от ожидаемого развития событий. Примеры:

(57) Самолет ожидался в три часа, но прибыл он на час позже. Как оказалось (+прот), задержка была вызвана погодными условиями.

В таких случаях происходит тональный переход в высокий регистр на вводном слове, при этом само сообщение произносится на нейтральном уровне тона.

2.3.2. Эмфаза и антиэмфаза в восклицаниях

Тривиальное использование этих разновидностей фокализации мы встречаем в репликах, иллюкутивной целью которых является управление вниманием и оценка важности (эмфаза/антиэмфаза):

(58) — *Это важно!*; — *Не забудь!*; — *Внимание!* (+эмф)

(59) — *А-а, наплевать!*; — *Все равно!*; — *Какая разница!*; — *Дь черт с ним!* (–эмф)

Различие просодических огласовок и степени артикуляционной полноты в (58) и (59) выражено очень ярко.

2.3.3. Эмфаза и антиэмфаза в побуждениях

Выше рассматривалась властная и имущественная иерархия лиц и ее отражение в лексической фокализации. Ей соответствуют, хотя и не всегда, роли «хозяина» и «слуги» в побудительных актах: «хозяин» распоряжается, а «слуга» просит и слушается. Однако онтологический контроль говорящего над ситуацией является не единственным параметром, определяющим выбор значения признака «эмфаза». Не меньшую роль играет степень вовлеченности «хозяина» в ситуацию, его заинтересованность в результате акта побуждения. Поэтому «хозяин» может распоряжаться с эмфазой, нейтрально или даже с антиэмфазой (демонстрируя безразличие или дистанцирование), тогда как «слуга» обычно подчиняется с антиэмфазой. Однако «слуга» может иногда «бунтовать», претендуя на равноправие с «хозяином». Рассмотрим разные возможности.

а) Контроль над ситуацией.

Отношения «хозяина» и «слуги» предполагают модусы долженствования и позволения и часто реализуются в диалогических парах типа «приказ — реакция», «требование — реакция», «просьба — реакция».

Приказы или инструкции и реакции на них

- (60) А. — **Принеси *сапоги!* (+эмф)
 Б. — *'Слушаюсь.* (–эмф)
 (61) А. — *И *старайтесь не *шуметь!* (+эмф)
 Б. — *'Есть стараться не шуметь.* (–эмф)
 (62) А. — **Отдать *якорь!* (+эмф)
 Б. — *'Есть отдать якорь.* (–эмф)
 (63) А. — *С *этой *бумагой *пойдешь к *начальнику.* (+эмф)
 Б. — *'Понял.* (–эмф)

Обратим внимание на то, что в директивных репликах используются словные выделительные акценты (знак *), а в реактивных репликах — фразовые ударения (знак '). Это относится и к репликам требования.

Требования и реакции на них

- (64) А. — **Верните *деньги!* (+эмф)
 Б. — *'Пожалуйста, 'подождите еще неделю!* (–эмф)
 (65) А. — *Ты *должен *извиниться!* (+эмф)
 Б. — *Дь я 'знаю.* (–эмф)
 (66) А. — *Вы *сейчас *надеваете *красивое *платье и *едете в *театр.
 *Хватит *сидеть *дома.* (+эмф)

Как видим, в требованиях, как и в приказах, используется пословная акцентуация.

Однако реакция на требование может быть представлена и конфликтной репликой. В этом случае используется эмфатическая фокализация:

- (67) А. — **Верни ему *деньги!* (+эмф)
 Б. — *И не *подумаю!* (+эмф)

Советы и реакции на них

Огласовки побуждений этого типа не столь однозначны, ниже предлагаются наиболее нейтральные варианты:

- (68) А. — *Я тебе *советую — не *давай ему больше *денег!*
 Б. — *Может, ты и 'прав.* (–эмф) /
 Б. — **Это не *поможет!*

- (69) А. — **Я бы на твоём месте *порвал с ней!*
 Б. — *Это 'невозможно.* (–эмф)

Просьбы и реакции на них

Изменение ролей коммуникантов ведет к предсказуемой перестройке акцентуации:

- (70) А. — *Разрешите 'доложить.* (–эмф)
 Б. — **Докладывайте.* (+эмф)
 (71) А. — *Вы не 'позволите от вас 'позвонить?* (–эмф)
 Б. — *'Звоните (=эмф) / — Звоните, ради Бога* (–эмф).
 (72) А. — *'Можно от вас 'позвонить?* (=эмф)
 Б. — **Нет, отсюда *нельзя* (+эмф).

Предложения, советы и реакции на них

- (73) А. — *'Давай 'сыграем!* (–эмф)
 Б. — **Можно! (=эмф) / — *Я не *играю.* (+эмф)
 (74) А. — *'Может тебе сменить 'врача?* (–эмф)
 Б. — *Да, наверное, 'придется.* (–эмф)

Здесь подчеркнутый фрагмент может редуцироваться до [дънэрнь].

Объективная вынужденность

- (75) — *'Придется тебе взять 'отпуск.* (–эмф)

б) Степень вовлеченности контролера.

Степень вовлеченности «хозяина» в контроль над ситуацией также отражается в значении признака эмфазы. Дистанцированной установке более всего соответствует совет (=эмф), маркированному контролю — приказ (+эмф), маркированному ослаблению контроля соответствует разрешение (–эмф):

- (76а) — *Пусть возьмет себе *помощника.* (=эмф) *А то не *справится.*
 (76б) — *Не справляется? Это не годится. *Пусть *возьмет *помощника.* (+эмф)
 (76в) — *Хочет взять помощника? 'Пусть себе берет, раз ему надо.* (–эмф)
*Только платить будет *сам* (+эмф).

Еще один пример, иллюстрирующий влияние степени заинтересованности «хозяина» ситуации на использование значений признака «эмфаза» и соответствующей просодической техники:

- (60а) А. — *Можно убирать?*
 Б. — **Да, *убирайте.* (=эмф)

- (60б) А. — *Убирать нужно?*
 Б. — **Да, *обязательно!* (+эмф)
 (60в) А. — *Может, убрать?*
 Б. — *Дъ не 'обязательно* (–эмф).

2.3.4. Антиэмфаза и эмфаза в вопросах и ответах

Как и в случае побуждений, фокализационные огласовки вопросов и ответов тесно связаны с иерархическими отношениями коммуникантов. В нейтральной ситуации лицо, задающее вопрос, находится в зависимости от обладающего информацией партнера, поэтому нормально вопрос должен быть огласован просодией антиэмфазы. Этому соответствует и состояние незнания, т. е. информационной неполноценности субъекта. Отвечающий (владелец информации) в этом случае скорее использует регистр эмфазы:

- А. — *Вы не *знаете, где здесь магазин 'игрушек?* (–эмф)
 Б. — **Второй *дом *слева.* (+эмф)

Аналогичным образом учитель нормально использует регистр эмфазы, а ученик — регистр антиэмфазы. Если этот закон нарушается по причине неосведомленности учителя или его общей «уступительной» установки, возникает конфликтная ситуация.

В случае агрессивного риторического вопроса спрашивающий выступает как «хозяин» ситуации и огласует вопрос в регистре эмфазы, тогда как партнер вынужден перейти на роль «слуги» и отвечать в режиме антиэмфазы:

- А. — **Когда ты *наконец *ляжешь *спать?* (+эмф)
 Б. — *Сейчас 'лягу.* (–эмф)

В заключение отметим, что проблема связи фокализационных характеристик высказываний с их иллокутивно-модальными характеристиками, насколько нам известно, ранее не рассматривалась. Между тем она несомненно представляет большой интерес.

Литература

- Киселева, Пайар 2003 — *К. Киселева, Д. Пайар. Дискурсивные слова русского языка: Контекстное варьирование и семантическое единство.* М., 2003.
 Кодзасов 1989 — *С. В. Кодзасов. Интонация контраста и противоречия / Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста.* М., 1989. С. 203—212.
 Кодзасов 1993 — *С. В. Кодзасов. Интонация предложений с дискурсивными словами // Путеводитель по дискурсивным словам русского языка.* М., 1993. С. 182—204.

- Кодзасов 1996 — *С. В. Кодзасов*. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре / Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 97—112.
- Николаева 1982 — *Т. М. Николаева*. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 2000 — *Т. М. Николаева*. От звука к тексту. М., 2000.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Рахилина 2000 — *Е. В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Скорикова 1999 — *Т. П. Скорикова*. Лингвистические приметы акцентно маркированных лексем в устном научном тексте // Проблемы фонетики. Вып. 3. М., 1999. С. 265—271.
- Чейф 1982 — *У. Чейф*. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982. С. 277—316.
- Янко 2001 — *Т. Е. Янко*. Коммуникативные стратегии в русской речи. М., 2001.
- Drubig 2003 — *H. B. Drubig*. Toward a typology of focus and focus constructions // *Linguistics*. Vol. 41. № 1. 2003. P. 1—50.
- Kodzasov 2003 — *S. V. Kodzasov*. Varieties of focalisation in Russian: semantics and prosody // *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris*. NS. T. 13. 2003. P. 99—113.
- Paducheva 1990 — *E. V. Paducheva*. Between sentence and utterance: subjective modality and syntactic non-subordinativity // *Revue des études slaves*. T. 62, fasc. 1—2. Paris, 1990. P. 91—108.
- Robert 1993 — *St. Robert*. Structure et sémantique de la focalisation // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 88, issue 1. 1993. P. 25—47.

О КЛАССИФИКАЦИИ И ЭВОЛЮЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ¹

А. Д. Кошелев

В § 1 статьи вводится критерий близости лингвистических теорий, позволяющий разделить их на пять парадигм описания языка. В § 2 дается сопоставительный анализ теорий Ф. де Соссюра, Н. Хомского, И. А. Мельчука, А. Вежбицкой, Дж. Лакоффа, Р. Джекендоффа и С. Пинкера на предмет их распределения по парадигмам. В § 3 построен эволюционный вектор, задаваемый перечисленными лингвистическими теориями, а в § 4 рассмотрена психологическая обоснованность введенных парадигм.

§ 1. Об основаниях классификации лингвистических теорий

Если мы зададимся вопросом о таксономическом критерии, позволяющем определять близость лингвистических теорий и на этом основании относить их к одному или, напротив, различным научным направлениям, то ответ на этот вопрос не будет вполне очевидным. По-видимому, такой критерий не может быть внутрilingвистическим. К примеру, на основе подобного критерия теория И. А. Мельчука (и его коллег) и теория А. Вежбицкой могут быть признаны близкими: ведь в каждой из них в центре внимания оказывается анализ и описание языкового значения посредством некоторого семантического метаязыка — подъязыка языка описания. Однако, как мы покажем ниже, эти концепции логичнее относить к разным научным направлениям, поскольку языковое значение в них понимается существенно различным образом.

Искомый критерием не может служить и такая общелингвистическая характеристика, как основная функция языка. В самом деле, как подчеркивает Ф. де Соссюр, «специфическая роль языка в отношении мысли заключается ... в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком» [Соссюр 1977: 144]. Практически то же утверждает и Р. Джекендофф: «основная функция языка заключается в том, чтобы преобразовывать мысли в коммуникативную форму» [Jackendoff 2007: 69]. Между тем, как мы покажем

¹ Переработанная и дополненная версия статьи [Кошелев 2008б].

ниже, концепции Соссюра и Джекендоффа не просто различны, а диаметрально противоположны. В частности, противоположны и их внешне схожие трактовки основной функции языка, поскольку Соссюр называет внеязыковой мыслью «хаотичное по своей природе, аморфное» перцептивное ощущение, которое именно благодаря языку «уточняется, расчлениваясь на части» (ср. также тезис Э. Бенвениста, последователя Соссюра: «языковая форма является тем самым не только условием передачи мысли, но прежде всего условием ее реализации» [Бенвенист 1974: 105]). Джекендофф же, напротив, называет мыслью «алгебраическую формулу» («структуру») концептов, сформированную мышлением независимо от языка.

Аналогично, тезис А. Вежбицкой «язык — это инструмент для передачи значения» [Вежбицкая 1999: 3], на первый взгляд, противоположен приведенной выше формулировке Джекендоффа, но по существу весьма близок к ней, поскольку языковое значение, по мысли Вежбицкой, это совокупность концептов, а «семантические примитивы» — единицы ее метаязыка — это воплощенные в языке «фундаментальные человеческие концепты».

Далее в качестве искомого таксономического критерия мы будем использовать внелингвистический критерий, фиксирующий характер взаимодействия языка и мышления человека в осуществлении речемыслительной деятельности, а именно: вклад того и другого в порождение фразы (высказывания).

Поясним вводимый критерий посредством простейшей (и в некотором смысле стандартизированной) схемы человеческой картины мира. Эту картину, или ментальную репрезентацию мира, мы будем представлять в виде трех взаимосвязанных уровней, или миров: предметного, концептуального и языкового, и трех процедур, порождающих (соответственно) эти миры: восприятия, мышления и языка. В данной схеме **предметный мир** (нижний уровень) — это совокупность конкретных мысленных предметов, манифестирующая в ментальной репрезентации непосредственно воспринимаемую действительность. Порождается этот мир **восприятием**, или **процедурой восприятия**, которая преобразует сенсорные стимулы перцептивного поля человека в ментальные предметы и связывающие их отношения.

Концептуальный мир (средний уровень) — это совокупность концептов (\approx категорий) и концептуальных отношений, отражающих таксономию элементов предметного мира. Следуя Дж. Лакоффу и др. (см. п. 2.5.2), концептами мы называем когнитивные элементы, которые а) задают категории предметов и их отношений и б) служат единицами мышления. Концептуальный мир надстраивается над предметным миром. Его порождает **мыслительная процедура**, или **мышление**. Концептуальный мир имеет ситуационную структуру — представляет собой совокупность связанных отношениями ситуаций, обусловленных человеческими интенциями (желаниями, целями и пр.).

Ситуацией, или **мыслью** мы называем комбинацию концептов, имеющую для человека самостоятельный смысл (в контексте его интенций). Часто концептуальная ситуация соотносится с предметной ситуацией, обобщая ее более конкретный смысл.

Наконец, **языковой мир** (верхний уровень) — это совокупность предложений языка — последовательностей знаков, обладающих целостным значением. Порождаются предложения **лингвистической процедурой**, или **языком**. Посредством своих значений предложения соотносятся с ситуациями концептуального уровня, обобщая их смыслы. Такие пары (предложение — концептуальная ситуация) мы будем называть **фразами**. В тех случаях, когда значения предложений конкретны (не абстрактны) и, следовательно, имеют референты (предметные ситуации), возникает вертикальная триада: предложение (фраза) — концептуальная ситуация (смысл фразы) — предметная ситуация (референт фразы). В случае же абстрактного значения предложения предметная ситуация в такой триаде может отсутствовать. Понятно, что фраза является целостной речемыслительной единицей, поскольку она порождается при согласованном взаимодействии языка и мышления².

Нижние два уровня очерченной схемы ментальной репрезентации образуют собственно картину мира человека (мы ее будем называть **жизненным миром**³), а верхний — языковой мир — задает общезначимое и поименованное (т. е. **эксплицитное**) представление жизненного мира.

Каждая лингвистическая теория по-своему трактует степень участия языка и внеязыкового мышления в порождении фразы. Предлагаемый нами **критерий** (мы будем называть его **речемыслительным**) и призван фиксировать соотносительный вклад каждой из этих процедур. Наряду с качественной оценкой вклада языка (больше / меньше / равен вкладу мышления), мы будем также оценивать вклады языка и мышления количественно, двумя весовыми коэффициентами — долями единицы. В сумме они должны составлять единицу.

В соответствии с речемыслительным критерием лингвистические теории распадаются на пять типов, или **парадигм** описания языка: 1) **сосюрровская** — доминирует вклад языка: 1 (язык) + 0 (мышление); 2) **хомскианская** — преобладает вклад языка: 0.7 (язык) + 0.3 (мышление); 3) **мельчуков-**

² Принятое в психологии различие трех уровней: «сенсорно-перцептивного», уровня «представлений» и «речемыслительного» (см., напр., [Касевич 1989: 14]) отличается от вводимого нами. Так, у нас речемыслительный уровень — это взаимосвязанная пара языкового и концептуального уровней.

³ Это понятие сходно с понятием «интерсубъективный жизненный мир» Э. Гуссерля и вполне соответствует понятию «жизненное пространство» К. Левина [Левин 2001: 283].

ская — вклады языка и мышления примерно равны: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление); 4) **традиционная** — преобладает вклад мышления: 0.3 (язык) + 0.7 (мышление) и 5) **антисоссюровская**, или **когнитивная** — доминирует вклад мышления: 0 (язык) + 1 (мышление). Каждой парадигме также свойственна своя трактовка и схемы знака, и назначения языка.

Далее нам понадобятся еще некоторые понятия. **Модулем** мы будем называть языковую / мыслительную процедуру, если ее текущая работа протекает с использованием только ее собственных (внутренних) данных. Процедура называется **порождающей**, если продукты ее деятельности (фраза или концептуальная ситуация) создаются ею на основе исключительно ее собственного (внутреннего) содержания, без использования внешних данных, и **интерпретирующей**, если продукты ее деятельности обусловлены поступающими на ее вход внешними данными. Процедура называется **глобальной**, если она создает свой продукт без участия другой процедуры: языковая — целиком фразу, а мыслительная — концептуальную ситуацию. Процедура называется **локальной**, если она создает свой продукт при участии другой процедуры.

Знаком мы будем называть пару «Имя — Значение (Содержание)» (связанную отношением конвенциональности). Условимся различать два типа Содержания: **Понятие** (внутриязыковое содержание — характеристика знака как элемента знаковой системы) *vs.* **Концепт** (внеязыковое содержание — категориальная характеристика элементов жизненного мира — предметов и отношений между ними). Обе эти характеристики (по отдельности и совместно) могут становиться значением знака. Например, у Ф. де Соссюра знак — это пара «Имя — Понятие», у А. Вежбицкой — «Имя — Концепт», а в традиционной парадигме знак — это «Имя — (Понятие + Концепт)» (см. п. 2.4).

Наконец, в множестве Понятий, характеризующих слова, мы будем различать семантические (**Понятия-сем.**) и грамматические (**Понятия-грамм.**). Первые задают семантическую, а вторые — грамматическую характеристику слова. Понятия-грамм. абстрагируют конкретные Понятия-сем., объединяя их в грамматические классы.

Подобно словам и их понятиям, складывающимся в правильные предложения благодаря семантико-синтаксическим связям, концепты связываются соответствующими концептуальными отношениями в концептуальные ситуации, т. е. образуют осмысленные комбинации.

§ 2. Пять парадигм описания языка

2.1. Соссюровская парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) языковой мир первичен, а жизненный мир вторичен и порожд-

дается языковым миром; 2) язык является глобальным порождающим модулем; мышление (вне языка) полностью отсутствует; 3) язык вносит доминирующий вклад: создает фразу целиком, вместе с ее концептуальной ситуацией.

Согласно данной парадигме в рамках языка осуществляется и собственно языковая, и мыслительная деятельность. Мышления вне языка нет и быть не может.

Этот тезис тесно связан с постулатом о первичности родного языка ребенка, который и порождает его жизненный мир. Первичные перцептивные ощущения человека обретают дифференциацию и структуру только благодаря проецируемому на них языковому миру ср.:

Хорошо известно вообще, что язык моделирует мир. Но одновременно он моделирует и самого пользователя этим языком, то есть самого говорящего. В этих условиях именно язык оказывается *первичной феноменологической данностью* [Успенский 1996: 5—6; курсив автора]. Наши знания о мире опосредованы знаками ... Виртуальная реальность, к которой отсылают эти знаки (в нашей терминологии — языковой мир. — А. К.), предстает как средоточие между человеком и объективной (ноуменальной) реальностью [Успенский 2007: 5—6].

Эту версию ввела в научный оборот теория Ф. де Соссюра, ср.:

В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную, нерасчлененную массу. ... без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе, мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка [Соссюр 1977: 144]. В лингвистике мы в принципе отрицаем ... будто имеются вещи, которые продолжают существовать, когда мы переходим от идей одного порядка к идеям другого порядка ... как если бы эти вещи были даны сами по себе (цит. по [Бенвенист 1974: 54, 56], см. также [Слюсарева 2004: 67]).

Согласно Соссюру, языковой знак — это пара:

(1) Слово — **Понятие** (= **Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

Шрифтовым выделением здесь и далее мы отмечаем значение знака, если оно используется **п о р о ж д а ю щ е й** процедурой.

Этой же точки зрения на значение придерживались Б. Уорф и Э. Бенвенист, ср.:

Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании [Уорф 1999: 97].

Язык воспроизводит мир, но подчиняет его своей собственной организации (...) нет естественного, непосредственного и прямого отношения ни

между человеком и миром, ни между одним человеком и другим. Необходим посредник — тот символический аппарат, который сделал возможными мышление и язык (...) «то, что мы хотим сказать», или ... «нашу мысль» ... весьма трудно определить как некую самостоятельную сущность ... Это содержание приобретает форму, лишь когда оно высказывается, и только таким образом [Бенвенист 1974: 27, 30—31, 104—105].

Итак, языку в данной версии приписывается не только функция построения языкового мира, но также функции построения предметного и концептуального миров (обычно эти функции приписываются процедурам восприятия и мышления). В этом случае построение фразы осуществляется, по-видимому, так. Языковой модуль одновременно, на основе текущего контекста уже существующего языкового мира, формирует предложение. Соотнося далее его понятийную (семантическую и грамматическую) структуру с «аморфной, нерасчлененной массой», представляющей первичное состояние фрагмента внешнего мира (окружение этого фрагмента уже преобразовано языковым миром в дифференцированный предметный мир), языковой модуль формирует из этой массы совокупность связанных отношениями предметов (по выражению Э. Бенвениста, «язык воспроизводит мир»).

Конкретное осмысление этой совокупности предметов задает не концептуальная ситуация (поскольку нет внеязыкового мышления, нет и концептов), а семантическая структура предложения (совокупность Понятий-сем.); ее более абстрактное осмысление задает грамматическая структура (совокупность Понятий-грамм.). Фраза получается вырожденной без концептуальной ситуации, роль которой играет семантическая структура предложения.

Понятно, что при таком понимании функции языка роль внеязыкового мышления (как самостоятельной процедуры) сводится к нулю. Никакого вклада в образование фразы мышление не дает. В итоге получаем: 1 (язык) + 0 (мышление).

Из сказанного следует, что в рамках данной версии главное назначение языка — служить инструментом мышления. Альтернативная трактовка языка как инструмента передачи мыслей здесь неприемлема, поскольку мысль «как некая самостоятельная сущность» вне языка не представима.

К данной парадигме относятся теории Ф. де Соссюра, Б. Уорфа, Э. Бенвениста, Б. А. Успенского и др.

2.2. Хомскианская парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) язык и жизненный мир независимы; 2) язык является локальным порождающим модулем, а мышление — локальным интерпретирующим модулем; 3) язык вносит преобладающий вклад в создание фразы: порождает синтаксическую структуру фразы, которая задает общий план концептуаль-

ной ситуации (мысли); получая через интерфейс эту структуру, мышление формирует соответствующую ей концептуальную ситуацию.

Такой взгляд (отделенность языка от жизненного мира человека) хорошо поясняет цитата из монографии Дж. Лакоффа, посвященной противоположному, когнитивному подходу к языку:

Одно из принципиальных утверждений данной книги заключается в том, что язык использует общий когнитивный аппарат ... [это] отнюдь не очевидно ... Фактически большая часть широко распространенных подходов к языку, как в лингвистике, так и в философии, основывается на противоположной предпосылке: язык является отдельной «модульной» системой, *независимой* от всего остального познания. Независимость грамматики от всего остального массива знаний является, возможно, наиболее фундаментальной предпосылкой, на которой основывается теория языка Ноама Хомского ... Подобные взгляды обычны также для философии языка, особенно они характерны для работ Ричарда Монтегю, Дональда Дэвидсона, Дэвида Льюиса, Сола Крипке и многих других [Лакофф 2004: 86—87].

В научный оборот эту парадигму ввела теория Н. Хомского. Сущностью языка по Хомскому является «языковая компетенция (linguistic competence)» — «способность человека порождать правильные ... предложения на родном языке и отличать правильные предложения от неправильных», а моделью языковой компетенции является грамматика языка, реализуемая в языковом модуле. Благодаря ей языковой модуль и порождает правильные синтаксические структуры. Другую способность человека — «применять свое знание языка в реальной ситуации общения, т. е. выбирать языковые средства, которые соответствуют этой ситуации ... Хомский называет **употреблением** (performance)» языка. «Построение моделей употребления представляет собой отдельную исследовательскую задачу» [Тестелец 2001: 512; выделение автора]⁴.

Подчеркнем: по мысли Хомского, язык — это порождающий модуль. Он не имеет «никакого „входа“, на который поступали бы сообщения извне» и связан с когнитивной средой лишь «посредством двух внешних, или „интерфейсных“ уровней» [Тестелец 2001: 556—557]. Один из этих интерфейсов, «выходящий на внеязыковые мыслительные механизмы понимания», и обеспечивает взаимосвязь языка с концептуальным и, шире, жизненным миром человека.

⁴ В статье [Hauser, Chomsky, Fitch 2002: 1573] введено новое понятие «языковая способность в узком смысле (“Narrow Language Faculty (FLN)”)» — человеческая способность, обусловленная исключительно спецификой языка. По мысли авторов, «FLN включает в себя только ядерные вычислительные механизмы рекурсии, в том виде, в каком они появляются в синтаксисе в узком смысле ...» (см. также [Пинкер, Джакендофф 2008: 264 и сл.]).

Если мы теперь зададимся вопросом, на каких основаниях базируется порождение именно этой, а не какой-либо другой синтаксической структуры, по-видимому, следует считать, что на основаниях чисто мыслительного порядка. Иначе говоря, порождаемая синтаксическая структура выражает создаваемый именно языком общий план (строй) возникающей у человека мысли. А это означает, что грамматическая составляющая языка берет на себя важную часть функции мышления (у Соссюра эта функция полностью реализуется языком).

Итак, в отличие от теории Соссюра, в которой язык порождает фразу целиком (и никакого интерфейса не требуется, поскольку и внеположного языку мира нет), в теории Хомского построение фразы начинается с порождения языковым модулем изначальной, не обусловленной никакими внешними данными, синтаксической, точнее, грамматической структуры. Задавая своими грамматическими единицами и отношениями общий строй будущей фразы, эта структура предопределяет и концептуальную ситуацию фразы (поскольку есть внеязыковое мышление, есть и концепты, которыми оно оперирует), и ее лексический состав.

Далее начинается интерфейсное взаимодействие процедур мышления и языка. Мышление строит концептуальную ситуацию, выбирая подходящие концепты и отношения, отвечающие построенной синтаксической структуре, а язык подбирает слова (имена и предикаты), лексические значения которых адекватно описывают эту концептуальную ситуацию. В итоге, с одной стороны, синтаксическая структура «интерпретируется» — строится предопределяемая ею концептуальная ситуация фразы (осмысленная комбинация концептов). С другой стороны, построенная концептуальная ситуация теперь уже интерпретируется языковым модулем, подбирающим соответствующую ей лексику и заполняя ею синтаксическую структуру фразы.

Если мы оценим вклад языка в построение синтаксической структуры фразы в 0.4, а совместный вклад языка и мышления в ее интерпретацию — построение концептуальной ситуации и ее лексической формы — по 0.3, то получим следующий критерий для теории Хомского: 0.7 (язык) + 0.3 (мышление). Язык вносит преобладающий (но не стопроцентный, как в теории Соссюра) вклад.

Как мы видим, в теории Хомского грамматическая и лексико-семантическая составляющие Понятия (целостного значения) знака строго разделены: первая участвует в порождающей функции (поэтому выделяется), а вторая не участвует (она используется только в интерпретирующей функции). Получаем следующую схему знака:

(2) Слово — (Понятие-грамм. + Понятие-сем.).

В парадигме Хомского (как и в сосюрговской парадигме) язык не может трактоваться как инструмент передачи мыслей. Ведь в таком случае ему отводилась бы служебная, чисто информативная роль: сначала формируется мысль, а затем включается язык, чтобы создать фразу, выражающую эту мысль. Не случайно Хомский предостерегает против «информативной» трактовки назначения языка:

Ошибочно представлять использование языка человеком как сугубо информативное, в действительности или в намерении. Человеческий язык может использоваться, с тем чтобы информировать или вводить в заблуждение, прояснять свои собственные мысли для других или выставлять напоказ свою образованность, или просто ради игры. Если я говорю без специальной цели изменить ваше поведение или мысли, то я пользуюсь языком не в меньшей степени, чем когда я говорю в точности то же самое, и м е я такое намерение [Хомский 1972: 88; разрядка автора]⁵.

В связи с этим уместно привести точку зрения Р. Джекендоффа. Комментируя в монографии [Jackendoff 2007: 70 (примечание)] свое понимание языка как инструмента «преобразования мысли в коммуникативную форму», он пишет:

Вопреки здравому смыслу Хомский часто утверждал, что язык не предназначен «для» коммуникации ... По непонятным мне причинам он, похоже, считает, что изначальное назначение языка — способствовать мышлению ... По крайней мере, в одной из последних работ (Chomsky 2002) и в дискуссии на конференции весной 2002 года он обосновывал это свое убеждение тем, что язык большей частью используется для внутренней речи. Удивительно, что он попал в ловушку ... полагая, что внутренняя речь *и есть* мысль, а не фонологическая структура, соответствующая мысли (как я буду утверждать). Более подробно обсуждение (и нашу интерпретацию) позиции Хомского см. в (Pinker, Jackendoff 2005, Jackendoff, Pinker 2005) (см. также [Пинкер, Джекендофф 2008]. — А. К.).

На наш взгляд, указанная позиция Хомского («изначальное назначение языка — способствовать мышлению») непосредственно следует из его теории. А это, в частности, означает, что и внутренняя речь способствует фор-

⁵ Следует, однако, иметь в виду, что «неинформативное» использование языка (обмануть, показать свою образованность и пр.) всегда вторично и возможно лишь на фоне его информативного использования. Вообще, для человека типично использовать «естественные» действия для достижения вторичных, часто имплицитных, целей. Но это возможно лишь параллельно с достижением первичных целей. Так, если футболист желает покрасоваться перед зрителями, он может сделать это не иначе как в процессе осуществления какого-то чисто футбольного действия, например, пробивая штрафной удар. Красуясь, он, тем не менее, играет в футбол не в меньшей степени, чем когда он сосредоточен исключительно на игре.

мированию мысли. Именно поэтому «язык большей частью используется для внутренней речи»⁶. Итак, в хомскианской парадигме изначальное назначение языка — способствовать мышлению (т. е. порождать общий план мысли).

2.3. Мельчуковская парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) язык и жизненный мир независимы; 2) мышление является глобальным порождающим модулем, а язык — глобальным интерпретирующим модулем; 3) мышление и язык вносят равный вклад в порождение фразы; мышление создает концептуальную ситуацию, а язык, получая через интерфейс эту ситуацию, создает соответствующую ей фразу.

Здесь обе процедуры (мышление и язык) работают независимо (модульно), но порождающим становится уже мышление. Сначала оно формирует концептуальную ситуацию, затем интерфейс преобразует ее в подходящую форму и передает на вход языкового модуля, который на основе полученной информации формирует фразу. В результате построенная фраза (продукт языка) становится воплощением концептуальной ситуации (продукта мышления). Тем самым мышление и язык дают примерно равный вклад в порождение фразы: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление).

Поскольку язык сохраняет модульность, отделенность от жизненного мира человека, языковые значения по-прежнему (как и в предыдущих парадигмах) остаются сугубо внутриязыковыми характеристиками. Они связаны только друг с другом, но не с элементами жизненного мира (предметами или концептами, задающими классы предметов). Следовательно, как и прежде, у отдельных слов языка референтов нет. Референт появляется только у фразы, которая соотносится с концептуальной (а через нее и с предметной) ситуацией не непосредственно (благодаря значениям входящих в нее слов), а опосредованно — через интерфейс.

Такая трактовка языкового значения (как чисто внутриязыковой сущности, отделенной от жизненного мира) имеет свою традицию, восходящую к А. А. Потебне:

Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела ⟨...⟩ говоря о значении слова *дерево*, мы должны были бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина* или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова

⁶ Можно согласиться с этими утверждениями Н. Хомского. Вопрос лишь в том, как именно внутренняя речь помогает мышлению: творчески, непосредственно участвуя в мыслительном процессе, или «технически», удерживая мысль в активном состоянии в кратковременной, или «оперативной» памяти.

вообще разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую языкознанию, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова [Потебня 1956: 127; разрядка автора].

Эту точку зрения поддерживает и развивает А. А. Реформатский, ср.:

... для лексики единственная возможность понять и построить систему заключается в отказе от термина и понятия «значение» ... лексику как систему образуют те связи и отношения, которые составляют «сетку значимостей» (...) Отрицать у слов значение никто не собирается, и в очень многих случаях этим должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру (...) при построении лексической системы важно не то, что значит отдельное слово (*есть* = *essen* или *manger*), а то, что возникает при наличии *есть*, *вкушать*, *кушать*, *жрать*, *шамать* [Реформатский 1967: 108, 118, 119].

В наиболее эксплицитной форме эта точка зрения излагается И. А. Мельчуком в ответе на письмо автора:

А. Д. Кошелев: Толкование полнзначного слова должно адекватно описывать множество его прямых референтов. [Ни в коем случае! У слова же вне фразы нет референта. — *И. М.*] ⁷. (...)

И. А. Мельчук: Все зависит от того, как и е семантические примитивы Вы ищите. Если примитивы мысли или восприятия, то, разумеется, их надо искать в действительности [точнее, в психическом отражении действительности. — *И. М.*]. Но если это примитивы для описания значений слов (а не для описания вещей!), то они — только в языке. (...) Я убежден (всегда был, а теперь и совсем уверен), что толкование слова не должно описывать множество его референтов! Для меня это центральное убеждение лингвиста [Кошелев — Мельчук 1996: 195—196; разрядка И. А. Мельчука].

Итак, в значениях слов различаются два компонента: понятийный (Понятие-сем.) — «значимость», отражающая семантическую системность слова, и концептуальный (Концепт) — «референциальное значение», отражающее содержательную связь слова с его референтами — элементами жизненного мира человека. В данной парадигме второй компонент и с к л ю ч а е т с я из собственно языкового значения слова.

2.3.1. Теория лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Центральным представителем данной парадигмы стала теория «Смысл ⇔ Текст». В ней естественный язык определяется как «преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных

⁷ В квадратные скобки заключены дополнения и разъяснения, сделанные И. А. Мельчуком при подготовке переписки к печати.

текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук 1999: 9]. Во избежание терминологической путаницы мы введем следующее терминологическое единообразие: вместо термина «смысл» будем использовать термин «значение» (у И. А. Мельчука эти термины синонимичны). Кроме того, под текстом будем понимать его частный случай — фразу (реально именно она и строится, см. [Там же: 10, 24—26, 33 и др.]). Тогда определением языка служит модель вида:

(3) Значение \Leftrightarrow Фраза.

И. А. Мельчук определяет языковой знак как тройку (Означаемое, Означающее, Синтактика), где Синтактика — это информация о сочетании знака с другими знаками. Как и у Соссюра, референт в это определение не включен ([Иорданская, Мельчук 2007: 28]; подробнее об этом см. [Мельчук 1997: 119]). Мы, в соответствии с нашей терминологией, будем представлять эту схему так:

(4) Слово — (Понятие-грамм. + Понятие-сем.).

В отличие от хомскианской схемы (2), здесь обе составляющие — интерпретирующие, поэтому ни одна из них не выделена. Однако их явное разделение в (4) необходимо.

Дело в том, что в теории «Смысл — Текст» любое языковое значение, и в частности, значение фразы представимо посредством **семантического метаязыка** — ограниченного набора простых слов (значения которых признаются «элементарными») и небольшого числа синтаксических конструкций этого же языка (см., напр., [Апресян 2005: 13]). Однако собственно значением здесь называется лексико-семантическая составляющая общего значения знака (4), т. е. Понятие-сем. Только она доступна для описания посредством семантического метаязыка. Что же касается грамматической составляющей, то она не представима в семантических понятиях и не может описываться посредством семантического метаязыка.

Так, по мнению Мельчука, имя существительное не имеет никакого общего значения, которое следовало бы описывать. Это «класс лексем, которые ведут себя как имена собственные. Они склоняются, имеют множественное число, их можно сделать подлежащим. А остальное просто не нужно» [Мельчук 2005]. Аналогичным образом обстоит дело с падежами, приставками и пр. [Там же].

Поскольку в схеме знака (4) отсутствует референциальный компонент, значения слов содержательно никак не связаны с элементами жизненного мира. Поэтому значение фразы, представленное на семантическом метаязыке, оказывается строго отделенным от концептуального мира и соответствующей

концептуальной ситуации. С последней это значение связано лишь опосредованно — через интерфейс (см. ниже).

Тем самым язык в данной теории получает статус самостоятельного модуля, текущая работа которого не зависит от мышления (и концептуального мира). Правда, это уже интерпретирующий модуль («не порождающее, а преобразующее устройство») [Там же: 21; разрядка автора]), поскольку продукты его работы обусловлены не только внутренними основаниями, но и внешними данными. Входом для (3) служит Значение, формируемое извне, интерфейсом — «отдельной» моделью Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение, которая (это специально оговаривается), будучи «исключительно важной для работы модели» (3), «к ней не относится», т. е. «собственно языком» не является [Там же: XI]. Стало быть, как и у Хомского, здесь «способность к употреблению языка», реализуемая с помощью данного интерфейса, языком не признается.

Тем самым, согласно определению (3), язык трактуется в теории «Смысл — Текст» как инструмент для передачи значений (т. е. понятий — единиц исключительно внутриязыкового содержания).

Кроме определения (3) («язык в узком смысле»), Мельчук вводит понятие «язык в широком смысле», которое примерно соответствует объединению понятий «язык в узком смысле» и «употребление» языка (по Хомскому): «Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение» + «Значение \Leftrightarrow Фраза» + «Фраза \Leftrightarrow Фонетика» [Иорданская, Мельчук 2007: 221—222].

2.3.2. Об интерфейсе между языком и жизненным миром. Один из важных вопросов любой модульной концепции языка — объяснение работы интерфейса, соотносящего фразы языка с внешним миром. В теории И. А. Мельчука и интерфейс, и концептуальный мир (здесь — концептуальное представление) вводятся явно. В конце 80-х годов И. А. Мельчук вводит в свою теорию «новый уровень представления высказываний, более глубинный, нежели семантический — концептуальный» [Мельчук 1999: XI]. Этот уровень описывает «фрагмент внеязыковой действительности, т. е. определенной ситуации» [Иорданская, Мельчук 2007: 221, 50].

Соотнесение значения фразы с соответствующей концептуальной ситуацией осуществляет интерфейс Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение фразы, использующий особый язык, ср.: «Представление концептуального уровня — это последовательность *сообщений*, т. е. особого рода формальных выражений, изображающих желаемое содержание будущего текста *максимально независимым от языка образом*» [Мельчук 1999: XI; курсив автора, разрядка моя. — А. К.].

Язык описания концептуальных ситуаций (в нашей терминологии — набор концептов и связывающих их отношений) часто называют языком мыс-

лей, или мыслекодом. За ним закреплен статус универсального языка, не зависящего от конкретных языков. Поясняя (в частном сообщении) назначение своего «особого языка», И. А. Мельчук писал: «мышление, т. е. логическая обработка сообщений, происходит, я думаю, не на этом языке. Этот концептуальный язык нужен для связи русских смыслов с действительностью (= значений русских фраз с концептуальными ситуациями. — А. К.), а не для мышления».

Иначе говоря, этот язык является лингвоориентированным (поэтому его можно назвать **смыслокодом**, чтобы отличать от универсального мыслекода). К примеру, русский смыслокод позволяет переходить от универсальной концептуальной ситуации к русскоязычной — близкой к ней ситуации, построенной из концептов и отношений, адекватно представимых русскими словами (именами и предикатами) и русскими фразами. Как кажется, эта модифицированная концептуальная ситуация и есть входное Значение.

Итак, согласно сказанному, порождение фразы осуществляется в данной теории следующим образом. Сначала мышление порождает концептуальную ситуацию (комбинацию концептов, имеющую самостоятельный смысл в концептуальном мире человека). Посредством интерфейса (при участии и мышления, и языка) эта концептуальная ситуация преобразуется в лингвоориентированную концептуальную ситуацию (входное Значение), которую можно непосредственно выразить значением фразы. И, наконец, языковой модуль строит для этого Значения подходящую фразу (или множество синонимичных фраз). Как мы видим, доли мышления и языка в порождении фразы примерно равны: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление).

Замечание 1. При всем различии теорий Хомского и Мельчука, их объединяет одна фундаментальная черта: трактовка языка как самостоятельно функционирующего модуля, связанного с жизненным миром лишь посредством интерфейса. Возможно, поэтому обе теории дрейфуют в сторону традиционной парадигмы, провозглашающей непосредственную связь языка с мышлением и жизненным миром человека.

Так, в начале 90-х годов Мельчуком были явным образом введены уровень Концептуального представления и «референционная структура» фразы. Стало более эксплицитно учитываться влияние концептуального уровня. Так, в монографии [Иорданская, Мельчук 2007: 524] в толкования причинных предлогов (*из-за* и *от*) вводятся «особые условия на употребление», которые «зачастую обращаются не к семантическому описанию лексических единиц, а к определенным аспектам реальных ситуаций». Иными словами, для описания правил употребления причинных предлогов с другими лексическими единицами (при переходе от Значения фразы к ее Имени) привлекаются свойства «реальных ситуаций», т. е. осуществляется непосредственное обращение к жизненному миру.

Сходные нововведения делает и Хомский, ср.: «В настоящее время в теории Хомского произошел существенный перелом, и он добавил к генетическому дару („Genetic endowment“), основному фактору, который наряду с языковым опытом

(„Experience“) ответствен за развитие языковой способности личности, новый (третий) фактор — принципы, не являющиеся специфическими для языковой способности ... (Chomsky 2005: 6; разрядка автора)» [Кибрик 2008: 204].

Представители данной парадигмы: А. А. Потебня, А. А. Реформатский, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, В. С. Храковский и др.

2.4. Традиционная парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) жизненный мир первичен, а язык — в своих грамматических значениях — не зависит от мира, тогда как в семантических значениях — зависит, поскольку отражает свойства и структуру элементов мира; 2) мышление является глобальной порождающей процедурой, а язык — локальной интерпретирующей процедурой; 3) мышление вносит преобладающий вклад в создание фразы: порождает для нее концептуальную ситуацию; язык строит фразу, лексико-семантическая структура которой уже задана этой ситуацией.

Данная парадигма исходит из положения о том, что лексические (но не грамматические) значения слов (имен и предикатов) отражают предметные свойства и отношения внеположного языку жизненного мира человека. В отечественной традиции подчеркивается, что не только «вещи», но и отношения между ними отражаются в лексических значениях слов, ср.:

Первое членение мира осуществляется еще до возникновения языка ... Представление о предметах и явлениях окружающего мира у человека возникает в доречевой стадии (...) В структуре языка отражаются отношения между предметами и явлениями материального мира [Серебренников 1988: 203, 3]; Словарные толкования как раз и основываются на определенном соотношении обозначаемых словами предметов с другими предметами [Шмелев 2006: 13].

Мы называем эту парадигму традиционной, поскольку близкий тезис был выдвинут еще «реалистами» в их споре с «номиналистами» — споре, продолжающемся «в той или иной форме со времен Платона по сей день» [Лайонз 1978: 425]. В самом общем виде — это спор о том, на каких основаниях имя соотносится с внеязыковыми объектами. «Реалисты» считают, что значение имени отражает «природные» свойства объектов, а «номиналисты» — что значение имени, фиксируя некоторое общее свойство объектов, отражает человеческую таксономическую «традицию»⁸. Это же положение «средневе-

⁸ Естественно считать, что рассматриваемые парадигмы отражают современную трактовку того же спора. «Номиналисты» считают, что жизненный мир является порождением человеческого языка (и тогда он — продукт человеческой «традиции» и потому существенно отличен от жизненного мира, скажем, антропоидов, обладающих системой восприятия, близкой к человеческой, но не имеющих языка). «Реалисты» же считают, что этот мир — продукт прежде всего человеческой системы пер-

ковые грамматики формулировали ... так: форма слова ... обозначает „вещи“ посредством „понятия“, ассоциируемого с формой в умах говорящих на данном языке» [Лайонз 1978: 427]. Приведенная формулировка фактически задает языковой знак как трехстороннюю сущность:

(5) Слово — Понятие — Класс референтов (предметов).

Поэтому схему знака (5) также можно считать традиционной (позднее она была названа семантическим треугольником).

Итак, у слов появляются референты (или классы референтов, задаваемые концептами). В предыдущих парадигмах у слов референтов не было.

Согласно схеме (5) значение слова непосредственно обобщает (объединяет в класс) множество сходных предметов (референтов). Этот вывод разделяют многие исследователи, например, Л. С. Выготский и Э. Сепир, ср.:

Слово всегда относится не к одному какому-нибудь отдельному предмету, но к целой группе или целому классу предметов. В силу этого каждое слово представляет собой скрытое обобщение ... значение слова прежде всего представляет собой обобщение. <...> оно есть речь и мышление в одно и то же время, потому что оно есть единица речевого мышления. <...> Эдвард Сепир прекрасно выяснил это в своих работах по психологии речи: «Элементарный язык, — говорит он, — должен быть связан с целой группой, с определенным классом нашего опыта. Мир опыта должен быть чрезвычайно упрощен и обобщен, чтобы возможно было символизировать его. Только так становится возможной коммуникация, ибо единичный опыт живет в единичном сознании и, строго говоря, не сообщаем. Для того, чтобы стать сообщаемым, он должен быть отнесен к известному классу, который по

цептивного восприятия (и тогда он, напротив, близок к жизненному миру антропидов, по крайней мере, в своей предметной составляющей). В этом споре Ф. де Соссюр, а также Э. Бенвенист (см. [Кошелев 2008б: 20—21]), утверждая, что язык человека порождает его жизненный мир, занимают позицию крайнего номинализма. Как выразительно писал А. Ф. Лосев, эта позиция сводит «все человеческое знание на одни только слова, с полным отрывом от всякой внесубъективной предметности» [Лосев 1982: 185]. Позицию Н. Хомского можно трактовать как умеренно номиналистскую: язык, формируя общую структуру мысли, задает тем самым только общий план мира; его конкретная, в частности, предметная составляющая формируется в соответствии с этим планом, но по своим законам. Традиционная парадигма выражает умеренно реалистическую позицию: мир формируется сам по себе — как его конкретные (предметные), так и общие (концептуальные) структуры. Кроме того, своими конкретными структурами мир определяет лексико-семантические структуры языка. Наконец, когнитивная парадигма (А. Вежбицкая, Дж. Лакофф, см. п. 2.5) отражает позицию крайнего реализма: мир не только существует сам по себе, но полностью определяет язык (структуры языка суть поименованные концептуальные структуры).

молчаливому соглашению рассматривается обществом как единство» [Выготский 1996: 15—17].

Ср. также: «речевой звук ... должен быть ... ассоциирован с каким-либо элементом или группой элементов опыта — скажем, со зрительным образом или рядом зрительных образов ... для того, чтоб приобрести хотя бы рудиментарную языковую значимость. Этот „элемент“ опыта есть содержание или „значение“ языковой единицы» [Сепир 1993: 33].

Подставим в схему (5) вместо Понятия пару его составляющих. Получим: Слово — (Понятие-грамм. + Понятие-сем.) — Класс референтов (предметов).

Поскольку именно Понятие-сем. задает Класс референтов, выделим пару: «Понятие-сем. — Класс референтов (предметов)». Но она представляет собой не что иное, как конкретный Концепт (Концепт-конкр.). Таким образом, традиционная схема знака приобретает вид:

(6) Слово — (Понятие-грамм. + **Концепт-конкр.**)

(здесь концептуальная составляющая выделена, поскольку используется порождающей процедурой).

Схема (6) со всей наглядностью иллюстрирует цитированную выше мысль Выготского: «значение слова ... есть речь и мышление в одно и то же время, потому что оно есть единица речевого мышления». В самом деле, первый компонент значения (Понятие-грамм.) принадлежит языку, а второй (Концепт-конкр.) — мышлению.

Отметим уникальное своеобразие традиционной парадигмы: в ее рамках язык и мышление, будучи процедурами, не становятся модулями, поскольку они напрямую (посредством концепта, а не через интерфейс) связаны между собой.

Разумно предположить следующий порядок формирования фразы в традиционной парадигме. Сначала мыслительная процедура порождает концептуальную ситуацию (ее вклад 0.5) и тем самым предопределяет лексико-семантическую составляющую будущей фразы. Затем мыслительная и языковая процедуры модифицируют эту ситуацию, приспособляя ее к лексическим возможностям языка (0.1 вклад мышления и 0.1 вклад языка). И, наконец, интерпретирующая языковая процедура строит синтаксическую структуру, но не произвольную (тогда бы ее вклад был 0.3, как в хомскианской парадигме), а подходящую для построенной концептуальной ситуации (вклад языка 0.2, вклад мышления 0.1). Итого, получаем: 0.3 (язык) + 0.7 (мышление) — зеркальное отражение распределения в хомскианской парадигме.

Из проведенного анализа следует, что главное назначение языка в этой парадигме — служить инструментом для передачи мысли в обобщенной форме. Непосредственной формой для мысли (модифицированной концептуальной ситуации) служит лексико-семантическая

структура. Облекаясь в синтаксическую структуру, она становится обобщенной и одновременно общезначимой формой для этой мысли.

2.4.1. Р. Якобсон и Д. Н. Шмелев о языковом значении. В отечественной лингвистике традиционный подход представлен в работах целой плеяды лингвистов, в частности, в исследованиях В. Г. Гака [Гак 1998: 210 и сл.], Б. А. Серебренникова и Д. Н. Шмелева. Последний, в отличие от А. А. Реформатского, определяет слово как «языковой знак, призванный обозначать предметы и явления окружающей действительности» [Шмелев 1977: 60; разрядка автора], ср. также:

Индивидуальные лексические значения слов в значительной степени обусловлены природой обозначаемых словами предметов и явлений самой действительности (...) Конечно, возможно изучение значений слов на основе их лексической и синтаксической сочетаемости ... Но такое изучение, очень важное для семасиологии, не является само по себе изучением значений ... не может раскрыть подлинной природы существующих между ними различий (...) при всей привлекательности идеи о некоторой освобожденной от значения «сетки значимостей» неясно, как можно изучать номинативные единицы как таковые, игнорируя их номинативную функцию [Шмелев 2006: 13—16].

Эта точка зрения согласуется с позицией Р. Якобсона, высказанной им в курсе лекций «Формальная школа и современное русское литературоведение» (Брно, 1935 г.). Анализируя цитированную выше мысль Потебни, он отмечал:

... установка на предметность является сущностью знака, и — прежде всего — основой слова, основой языка. Знак и, в особенности слово, обозначает нечто, иначе он бы не был бы знаком, это его собственная функция, его идеал. Каково отношение этого гравитационного пункта, этого языкового идеала к языковому идеалу, который выделяет Потебня и который можно определить как установку на знак или самодостаточность, самоцельность знака? ... Установка на знак предполагает одновременное существование противоположной функции, то есть ориентации знака на объект реальности, ибо иначе знак перестает быть знаком и обращается в ничто [Якобсон, в печати].

В отличие от мельчуковской парадигмы, к значению слова здесь относятся оба компонента: «референциальное значение» и «значимость», ср.: «значение слова основано на диалектическом единстве языкового и внеязыкового содержания» [Шмелев 1977: 62—63]. В данном ракурсе в «сетке значимостей» естественно видеть отражение системы предметных отношений.

Представители традиционной парадигмы: Э. Сепир, Р. Якобсон, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, Д. Н. Шмелев и др.

2.5. Антисоссюровская, или когнитивная парадигма. Эта парадигма базируется на следующих постулатах: 1) жизненный мир первичен, а языковой мир вторичен и всеми своими значениями (как лексико-семантическими, так и грамматическими) отражает свойства и структуры элементов жизненного мира⁹; 2) мышление является глобальным порождающим модулем; язык, как самостоятельный внемыслительный модуль, не существует; 3) мышление вносит доминирующий вклад в порождение фразы.

Суть когнитивного подхода можно выразить так: язык — это подсистема понятийных концептов в рамках общей системы концептов, ср. также:

...языковые структуры используют общий когнитивный аппарат, такой как категориальные структуры. Языковые категории являются видами когнитивных категорий [Лакофф 2004: 85]; Когнитивно-ориентированная лингвистика исходит из презумпции, что языковая структура в принципе не произвольна, напротив, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая, так сказать, «отражается» в зеркале естественных языков [Кибрик 2008: 228].

Отметим главное отличие данной парадигмы от традиционной: не только лексико-семантические, но и грамматические, в частности, синтаксические значения непосредственно связаны с элементами жизненного мира человека — отражают их более абстрактные свойства и структуры. Поэтому грамматические значения из чисто языковых, отделенных от жизненного мира (традиционная парадигма), превращаются здесь в концептуальные, относящиеся к этому миру.

Можно предположить, что коррелятами семантических значений (Понятий-сем.) являются конкретные концепты (Концепт-конкр.), непосредственно задающие классы предметов или классы отношений между предметами, а коррелятами грамматических значений — абстрактные концепты (Концепт-абстр.), задающие классы конкретных концептов и их отношений друг с другом. В таком случае в традиционной схеме знака (6) языковой компонент Понятие (грамм.), выражавший грамматическое значение, заменяется компонентом Концепт-абстр. и значение знака становится полностью концептуальным:

(7) Слово — **Концепт** (= **Концепт-абстр.** + **Концепт-конкр.**)

(значение выделяется, поскольку, как мы увидим далее, оно является порождающим).

Обратим внимание на полярную оппозиционность схемы (7) соссюровской схеме (1).

⁹ См. «постулат о примате когнитивного» в [Баранов, Добровольский 1997: 14], а также [Касевич 1998: 16].

Знаки соединяются друг с другом в соответствии с общими законами соединения концептов посредством концептуальных отношений. Иначе говоря, имена знаков оказываются простыми этикетками на некоторых концептах и концептуальных отношениях, а сам язык (система знаков) становится подмножеством поименованных концептов (во всем множестве концептов). Тем самым язык подпадает под компетенцию мыслительной процедуры: построив концептуальную ситуацию (мысль), эта процедура далее сама же создает и фразу, выражающую эту мысль, формируя комбинацию поименованных концептов, наиболее близкую к построенной. При этом фраза, как и в парадигме Соссюра, оказывается вырожденной: там она не имела концептуальной ситуации (продукта мышления), а здесь — понятийной, чисто языковой структуры (продукта языка).

Таким образом, язык оказывается частью мыслительной процедуры — той частью, которая строит комбинации поименованных концептов. Эти концепты (знаки языка) могут сочетаться друг с другом особым образом, чтобы образовывать комбинации, близкие к любым концептуальным ситуациям (мыслям). Поэтому они могут составлять обособленное подмножество концептов, для работы с которым требуется особая частная процедура в рамках мышления. Но при этом фраза всегда остается поименованной мыслью, а значит язык в виде самостоятельной процедуры, отделенной от мышления, оказывается просто ненужным.

Из сказанного вытекает, что в рамках когнитивной парадигмы язык — это инструмент для непосредственного выражения мысли, для «преобразования мысли в коммуникативную форму».

Как мы видим, когнитивная парадигма полярно противоположна сосюрской парадигме: там язык был глобальным модулем, включающим в себя мышление, и предназначался для осуществления мышления, а здесь наоборот, мышление является глобальным модулем, включающим в себя язык, который лишь именуется независимо от него существующую мысль. Поэтому мы называем эту парадигму не только когнитивной, но и **антисоссюрской**¹⁰.

2.5.1. Теория А. Вежбицкой. Если обратиться к целостным концепциям, лежащим в русле когнитивной парадигмы, то, пожалуй, первая из них (сочетающая в себе общий подход к языку с детальной разработкой аппарата семантических описаний и широчайшим спектром его применения) — это тео-

¹⁰ В статье [Касевич 1989: 8—9] противоположным сосюрскому признается «когнитивный подход», при котором когнитивные структуры «столь же самостоятельны, сколь и языковые». Мы же называем этот подход промежуточным, мельчуковским (язык и концептуальный мир самостоятельны).

рия А. Вежбицкой¹¹. Характерным для нее является использование «естественного семантического метаязыка» (ЕСМ), предназначенного для описания «любых языковых значений» [Вежбицкая 1999: 17, 25]. В отличие от теории И. А. Мельчука, здесь ЕСМ универсален — его «семантические примитивы» и синтаксические конструкции одни и те же для разных языков.

Однако радикальное отличие теории Вежбицкой от теории Мельчука связано не с универсальностью как таковой, а с обоснованием природы ЕСМ. По мысли Вежбицкой, семантические примитивы ЕСМ суть «воплощения» (т. е. «лексикализации») в каждом языке основополагающих элементов жизненного мира человека — фундаментальных концептов, а синтаксические правила отражают естественные комбинации данных концептов в этом мире, ср.:

В теории, принятой в этой книге («Семантические универсалии и описание языков». — А. К.), с самого начала была выдвинута гипотеза, что элементарные концепты могут быть обнаружены путем тщательного анализа любого естественного языка, а также и то, что идентифицированные таким образом наборы примитивов будут «совпадать» и что, собственно, каждый такой набор есть не что иное, как одна лингвоспецифическая манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов. (...) Это предположение было основано на представлении о том, что фундаментальные человеческие концепты являются врожденными ... и что, если это так, нет никаких оснований полагать, что они будут различаться от одного человеческого сообщества к другому (...) Я также постулирую врожденные и универсальные правила синтаксиса ... в смысле интуитивно верифицируемых моделей возможных комбинаций элементарных концептов [Вежбицкая 1999: 16—17, 25].

Тем самым фактически постулируется первичность и системность концептуального мира — «фундаментальных концептов» и их «возможных комбинаций», порождающая (уже вторичную) системность «семантических примитивов» и «универсальные правила синтаксиса».

Примат концептуального мира над языком не ограничивается у А. Вежбицкой только уровнем фундаментальных, базовых концептов. Он распространяется и на этнокультурные концепты, которые также воплощаются в языковых значениях слов, но не общепонятных, а лингвоспецифических, выражающих «ключевые» концепты народной культуры. Поэтому Вежбицкая совершенно обоснованно использует свой метаязык ЕСМ не только для описания языковых значений, но и для описания самих концептов жизненного мира. Так, в [Вежбицкая 2005: 467] указывается, что автор изуча-

¹¹ Ср.: «Многие — например, Р. Лэнгекер, Ч. Филмор ... считают и А. Вежбицкую теоретиком когнитивной семантики» [Рахилина 1998: 280].

ет значения ключевых слов, «чтобы вскрыть их скрипты», т. е. этноспецифические концепты¹². Такая «двуликость» ЕСМ вполне понятна, ведь в его основу кладется «полный (пусть гипотетический) перечень фундаментальных человеческих концептов, способных генерировать все остальные концепты. Существенно, что этот список претендует на то, чтобы быть одновременно перечнем лексических универсалий» [Вежбицкая 1999: 16].

Как мы видим, между фундаментальным концептом и значением семантического примитива (воплощающим этот концепт) существенного различия нет. Если в теории Мельчука значение трактовалось как чисто языковое понятие (Понятие-сем.), строго отделенное от концепта, то здесь, напротив, значение и есть концепт.

Как и Мельчук, Вежбицкая использует ЕСМ для описания «любых языковых значений». Но у нее область «языковых значений» гораздо шире, чем у Мельчука. Сюда относится и семантика синтаксиса, в частности, семантика падежей [Вежбицкая 1985: 303—341], и семантика частей речи (см. напр., статью «Что значит имя существительное?» в [Вежбицкая 1999: 91—133]), и пр. Мельчук, напротив, не трактует грамматические характеристики в семантических понятиях и не считает возможным описывать их посредством своего семантического метаязыка.

Таким образом, если в теории Мельчука (а также и в традиционной парадигме) лексико-семантический и грамматический уровни языка строго разделены, то в теории Вежбицкой оба они описываются одним и тем же ЕСМ (набором семантических примитивов и базовых синтаксических конструкций). А значит, язык целиком погружается в мышление и становится его частью. Ведь порождение фразы сводится к порождению комбинации именованных концептов, которая в конечном счете доступна описанию посредством ЕСМ и его комбинаций фундаментальных концептов.

Во введении мы приводили тезис А. Вежбицкой: «язык — это инструмент для передачи значения». Точно так же определяется функция языка и в мельчуковской парадигме. Однако, если там значением фразы (то, что передается) называется чисто языковое (понятийное) содержание, только посредством интерфейса связанное с концептуальной ситуацией (мыслью), то здесь значение фразы и есть концептуальная ситуация (т. е. передаваемая мысль).

Можно думать, что теория А. Вежбицкой отражает ее более общие установки: сведение семантики к пониманию («семантика есть наука о понима-

¹² Как подчеркивает А. Вежбицкая, «теория культурных скриптов представляет собой расширение известного Апресяновского учения о „наивной картине мира“» [Там же]. Необходимо, однако, помнить, что названное учение относится исключительно к языку и языковым значениям [Апресян 2005: 7—8].

нии») и «атомистическое» объяснение понимания (человек может понять высказывание лишь потому, что оно «построено из простых элементов, которые понятны сами по себе») [Там же: 15].

2.5.2. Теория Дж. Лакоффа. Любая когнитивная теория, описывая язык как более или менее самостоятельную часть человеческого мышления, прежде всего (явно или неявно) изучает мышление, ср.:

Теоретически имеется два пути установления отношений между процессами языковой деятельности (и стоящими за ними языковыми структурами) и мыслительными процессами (и стоящими за ними когнитивными структурами): от мышления к языку и от языка к мышлению. К сожалению, на практике первый путь пока еще недостаточно перспективен ввиду недостаточности наших знаний о механизмах и единицах мышления ... Наоборот, в настоящий момент второй путь может ... способствовать реконструкции существенных характеристик собственно когнитивной структуры. В основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы [Кибрик 2008: 205].

Теория А. Вежбицкой в полной мере реализует путь «от языка к мышлению». Теория Дж. Лакоффа интересна прежде всего тем, что она представляет собой классический образец когнитивной теории, реализующей подход «от мышления к языку». Поэтому изучение мышления в ней более эксплицитно. Что же касается общих когнитивных принципов, то они по существу те же, что и в теории А. Вежбицкой.

Как и Вежбицкая, Лакофф не проводит различия между концептом и значением: «Языковые категории должны быть того же типа, что и другие категории в нашей понятийной системе» [Лакофф 2004: 86]. Только у Лакоффа это положение не постулируется, а выводится из того факта, что «прототипические эффекты» присущи как языковым значениям, так и концептам других типов [Там же: 86—98]. Семантику Дж. Лакофф трактует по существу так же, как и А. Вежбицкая («семантика — это наука о понимании»), ср.: «Необходима когнитивная семантика — эмпирически адекватное описание человеческого разума». Надо сказать, что это положение неизбежно вытекает из предыдущего: ведь языковые значения суть те же концепты — единицы мышления, ср.: «Изучение категоризации является ключом к изучению мышления» [Там же: 474, 477].

Наконец, хотя Лакофф отвергает «атомистический» подход А. Вежбицкой («мысль имеет свойства *гештальта* и, таким образом, не атомистична: понятия имеют целостную структуру, которая не сводится к простому объединению понятийных „строительных блоков“ посредством общих правил» [Там же: 13]), идея «семантической композиционности» в его теории также реализуется. Просто «строительные блоки» у Лакоффа значительно крупнее [Там же: 365].

Построенная Дж. Лакоффом концептуальная система имеет два типа «непосредственно значимых» структур: базовые (родовые) концепты и образные схемы. Из них с помощью когнитивных моделей строятся сложные концептуальные структуры.

Остановимся на понятии концепта. В рамках когнитивного направления, связанного с именами Э. Рош, Б. Берлина, П. Экмана и др., было сделано важное открытие, касающееся особой роли родовых категорий типа «яблоко», «собака», «стул». А именно: родовые категории формируются у ребенка первыми, являются для него исходно понятными и служат основой для формирования других, более общих и более частных категорий. Кроме того, «дети усваивают имена вещей на этом уровне раньше всего» [Лакофф 2004: 55—58, 71]. По мнению Э. Рош, Дж. Лакоффа и др., родовые категории становятся «базовыми» потому, что «опираются на гештальтное восприятие». Поэтому целостный образ, или «общий внешний вид является главным определителем» базовой (родовой) категории. Этот образ и составляет основу концепта, задающего базовую категорию (подробнее см. [Кошелев 2008а: 28]).

Введенный концептуальный аппарат Дж. Лакоффа использует для описания языковых значений, причем, как лексических, так и грамматических. Он описывает предлоги, части речи. Так, имя существительное определяется им как радиальная категория с центральной субкатегорией «физических существ — людей, мест, вещей». Широко известны его прототипические описания лексических значений таких слов, как *холостяк*, *мать*, *ложь* и др. [Лакофф 2004: 103 и сл.]¹³.

2.6. Теория С. Пинкера и Р. Джекендоффа. Наряду с непосредственным интересом к данной теории (мы так называем общую часть двух в целом различных концепций), ее разбор обусловлен еще одним обстоятельством: она не укладывается ни в одну из обсуждавшихся выше пяти парадигм.

С. Пинкер и Р. Джекендофф существенно модифицируют теорию Н. Хомского, расширяя сферу языка. Наряду с «языковой компетенцией», они относят к языку и его «употребление», в частности интерфейс, обеспечивающий взаимосвязь синтаксической структуры фразы с ее концептуально-семантической структурой, принадлежащей независимому от языка концептуальному, или мыслительному уровню. Элементы этого уровня — концепты — составляют язык мысли, или мыслекод, на котором и осуществляется мышление, ср.:

¹³ Как убедительно показано в [Вежбицкая 1996: 202, 205—208], эти описания весьма спорны.

Концептуальная структура, охватывающая алгебраические аспекты значения, релевантные для лингвистического выражения (исключая, например, сенсорные и двигательные образы), представляет собой комбинаторную и потенциально рекурсивную ментальную репрезентацию, которая поддерживает способность к формальным умозаключениям и присутствует в более простой форме у не имеющих языка существ, таких, как человекообразные обезьяны и младенцы (Lerdahl, Jackendoff 1983; Jackendoff 2002).

Люди думают не на английском, китайском или языке апачей. Они думают на мыслекоде. (...) Знание языка, таким образом, означает знание того, как можно перевести мыслекод в словесные цепочки, и наоборот [Пинкер 2004: 69—70].

Таким образом, интерфейс, связывающий синтаксическую и концептуально-семантическую структуры фразы, становится важнейшим элементом языка (его внутренней организации), а не связующим звеном между языком и «внешним» концептуальным миром, как у Хомского и Мельчука.

Основные соответствия между «фрагментами синтаксической и концептуальной структур» задаются словами.

Согласно концептуальной семантике, значения слов и предложений суть формулы на абстрактном языке мыслей [Pinker 2007: 125, 77—83; Jackendoff 2007: 192—193]; Объединение слов в синтаксические группы также необходимо для того, чтобы связать грамматически правильные предложения с их истинным значением — блоками мыслекода [Пинкер 2004: 69—70, 89].

Нетрудно понять, что изложенная точка зрения весьма близка к традиционной парадигме. Подобно традиционной схеме знака (6), здесь общее значение слова также мыслится как совокупность грамматического и концептуального компонентов (Понятие-грамм. + Концепт), принадлежащих разным структурам: синтаксической и концептуальной. Однако, в отличие от традиционной парадигмы, здесь обе структуры (и синтаксическая и концептуальная) трактуются как продукты независимых порождающих модулей (а не взаимосвязанных процедур языка и мышления). Это и понятно: синтаксическая процедура признается порождающим модулем вслед за Н. Хомским, позицию которого в этом вопросе С. Пинкер и Р. Джекендофф разделяют, а концептуальная процедура становится порождающим модулем по своей природе. Концептуальный уровень первичен относительно языка¹⁴ и формируется мышлением, которое строит концептуальные ситуации, исходя из своих, не обязательно связанных с языком, оснований.

Как кажется, в такой трактовке кроется противоречие. Ведь из семантической схемы (6) слова с неизбежностью следует, что язык и мышление — не самостоятельные модули, а непосредственно взаимосвязанные

¹⁴ Ср.: «концептуальная структура — это уровень ментальной структуры, который в значительной степени автономен относительно языка и эпистемологически первичен ему» [Jackendoff 2007: 193].

процедуры. Причем язык не может быть порождающей процедурой одновременно с мышлением, поскольку концепты (единицы мышления) в то же время являются и семантическими компонентами значений слов. Стало быть, осуществляемое мышлением построение концептуальной ситуации (мысли) задает лексико-семантическую структуру фразы и тем самым в значительной мере предопределяет ее синтаксическую структуру. Если, к примеру, мышление построило концептуальную ситуацию, содержащую предметный концепт, то в синтаксической структуре слово, обозначающее этот концепт, будет существительным. Если концептуальная ситуация отражает концептуально-семантическое отношение между предметными концептами «X внутри Y-а», то в синтаксической структуре это отношение будет отражено вполне определенным, а не произвольным образом¹⁵.

Напомним, что в традиционной парадигме этого противоречия не возникает. Там «в жертву» приносится позиция Хомского: язык признается интерпретирующей процедурой, а мышление — порождающей.

Нетрудно убедиться, что трактовка языка у Пинкера и Джекендоффа не соответствует не только традиционной (ближайшей к ней), но и соседним парадигмам. В мельчуковской парадигме значение слова не соотносится напрямую с концептуальным уровнем, а в когнитивной парадигме¹⁶ с этим уровнем непосредственно соотносится не только лексическое, но и грамматическое значение, ввиду чего синтаксическая процедура вообще утрачивает самостоятельность. Наиболее близка данная трактовка к понятию Мельчука «язык в широком смысле» (см. конец п. 2.3.1). Разница лишь в том, что Мельчук считает язык не порождающим, а интерпретирующим модулем.

Применение модульного подхода затрудняет еще одна проблема. Необходимо, чтобы формируемые модули соответствовали природной структуре моделируемого объекта («естественной» декомпозиции его на относительно самостоятельные части). Проиллюстрируем сказанное дальнейшим рассмотрением более формализованной теории Р. Джекендоффа.

2.6.1. Теория Р. Джекендоффа. Согласно данной теории, предложение — это не одна синтаксическая структура, как у Н. Хомского, а «парал-

¹⁵ Следует сказать, что отмеченное противоречие свойственно и другим теориям, отстаивающим модульность языка. Как свидетельствуют современные когнитивные данные, модульный принцип не может дать адекватного описания специфики взаимодействия языка и мышления, поскольку эти процедуры непосредственно взаимосвязаны (анализ этого тезиса применительно к теориям Н. Хомского и И. А. Мельчука см. в п. 4.1 и 4.2).

¹⁶ Ее С. Пинкер называет «лингвистическим детерминизмом» и определяет так: «язык, на котором мы говорим, *и есть* собственно язык мыслей ...» [Pinker 2007: 125; курсив автора].

лельная архитектура» трех (сверху вниз) структур: фонологической, синтаксической и «семантической / концептуальной», связанных между собой интерфейсами. К «семантической / концептуальной» структуре снизу (и также «параллельно») присоединяется еще одна, пространственная структура (наблюдаемая, образная составляющая реальности) [Jackendoff 2007: 7 ff.]. Причем каждая отдельная структура формируется своим порождающим модулем, ср.:

В параллельной архитектуре предложение хорошо сформировано, если независимо хорошо сформированы все три его структуры — фонологическая, синтаксическая и семантическая, а также посредством интерфейсов хорошо сформированы соответствия между ними [Jackendoff 2007: 49]. <...> Семантическая / концептуальная структура в свою очередь отображается некоторым не очень понятным (ill-understood) способом в пространственное или образное кодирование ситуации (encoding of the scene), которая описывается в предложении, так что предложение может быть использовано для описания наблюдаемой картины (a visual scene) <...> уровни концептуальной структуры и пространственной структуры не принадлежат именно к языковой способности; они играют роль и во многих других способностях, включая зрительное восприятие и действие ... Интерфейсы, посредством которых «чисто языковая способность» сообщается с концептуальной структурой и пространственной структурой, качественно не отличаются от интерфейса между фонологией и синтаксисом: в любом случае интерфейс устанавливает корреляцию между частями структур [Там же: 12, 16; разрядка моя].

Наличие в этой параллельной архитектуре двух нижних структур связано с предположением, что передаваемая предложением мысль (ситуация) «естественно» складывается из двух самостоятельных частей: концептуальной и образной (пространственной), соединенных интерфейсными связями. Между тем, некоторые соображения когнитивного характера позволяют утверждать иное. Согласно Дж. Лакоффу (см. п. 2.5.2), одной из основополагающих характеристик концепта является гештальт-образ (это же конституируется и в определении концепта в [Кошелев 2008a: 23 и сл.]). Поэтому разделение ситуации (мысли) на собственно концептуальную и образную части вряд ли отвечает когнитивной реальности.

Напротив того, образ неразрывно связан с другими характеристиками концепта (со способами взаимодействия с образом, с интерпретацией образа и пр.). Поэтому, если предмет препарировать на образную (пространственную) и остальные составляющие, то совершенно непонятно, какой интерфейс (и на каких основаниях) мог бы затем их подходящим образом воссоединить. Ведь у ребенка с самого раннего возраста все эти составляющие неразрывны и задают предмет совокупно. Не случайно Р. Джекендофф отмечает, что «кон-

цептуальная структура ... отображается в пространственное или образное кодирование ситуации некоторым не очень понятным способом».

Сказанное дает основание предполагать, что пространственная структура не имеет самостоятельного статуса, не отделена от концептуально-семантической структуры и поэтому не может трактоваться как продукт самостоятельного порождающего модуля.

§ 3. Об эволюционном векторе лингвистических теорий

Следуя проведенному анализу, мы будем каждую парадигму описывать тремя характеристиками: внелингвистической (речемыслительный критерий), общелингвистической (назначение языка) и внутрилингвистической (схема знака). В соответствии с важнейшим, речемыслительным критерием языковые парадигмы упорядочиваются следующим образом.

1) Соссюровская парадигма (п. 2.1).

В порождении фразы доминирует язык: 1 (язык) + 0 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом мышления (создавать мысли).

(1) Слово — **Понятие** (= **Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

2) Хомскианская парадигма (п. 2.2).

В порождении фразы преобладает язык: 0.7 (язык) + 0.3 (мышление).

Назначение языка — способствовать мышлению (создавать общий план мысли).

(2) Слово — (**Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

3) Мельчуковская парадигма (п. 2.3).

В порождении фразы доли языка и мышления равны: 0.5 (язык) + 0.5 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом передачи значений (единиц внутриязыкового содержания).

(4) Слово — (**Понятие-грамм.** + **Понятие-сем.**).

4) Традиционная парадигма (п. 2.4).

В порождении фразы преобладает мышление: 0.3 (язык) + 0.7 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом для передачи мысли (концептуальной ситуации) в обобщенной форме.

(6) Слово — (**Понятие-грамм.** + **Концепт-сем.**).

5) Когнитивная парадигма (п. 2.5).

В порождении фразы доминирует мышление: 0 (язык) + 1 (мышление).

Назначение языка — служить инструментом для передачи мысли (для «преобразования мысли в коммуникативную форму»).

(7) Слово — **Концепт** (= **Концепт-абстр.** + **Концепт-конкр.**).

Отметим «синхронию» введенных парадигм. В монографии [Степанов 1998: 176 и сл.] рассмотрена последовательность сменяющих друг друга парадигм («философий языка»), отражающих «господствующий в данную эпоху взгляд на язык». В нашем случае речь идет об одновременно существующих и развивающихся парадигмах.

Если мы временно удалим из приведенного списка традиционную парадигму, то оставшиеся парадигмы — 1), 2), 3) и 5) — образуют хронологический и идейно преемственный ряд. Каждая парадигма порождалась новаторской теорией: Ф. де Соссюра, Н. Хомского, И. А. Мельчука и А. Вежбицкой — Дж. Лакоффа¹⁷, появлялась позднее предыдущей, и ее автор (или авторы), как правило, учитывал (принимал, изменял или отвергал) постулаты предшествующих парадигм.

Возникающий эволюционный вектор показывает направление развития в XX веке новаторских лингвистических теорий. В начале века возникла теория Ф. де Соссюра, которую можно считать начальной точкой эволюции. В ней доминирующую роль в порождении фразы играл язык. Последующие теории все больше и больше отдалялись от теории Соссюра. В них роль мышления постепенно повышалась, а роль языка снижалась. Наконец, в теории А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа (конечная точка эволюции) доминирующую роль в порождении фразы играет уже не язык (как у Соссюра), а мышление.

Можно предположить, что в рамках предложенной классификации получившиеся парадигмы (включая и традиционную) задают полное исчисление парадигм. Если это так, истинная теория языка должна относиться к одной из них. Поэтому в следующем параграфе мы попытаемся понять, какие парадигмы можно заранее исключить из дальнейшего рассмотрения.

§ 4. О психологической обоснованности языковых парадигм в свете современных данных

4.1. К обоснованности соссюрской парадигмы. Эта парадигма (п. 2.1) исходит из постулата о первичности родного языка, который усваивается ребенком до возникновения у него жизненного мира и, более того, формирует (дифференцирует и структурирует) далее этот мир.

¹⁷ Теория Э. Сепира была не менее новаторской. Однако работы Сепира не были оценены по достоинству, ср.: «Гений Сепира состоял в том, что ему удалось сказать о языке и о науке о языке значительно больше, чем это могло быть понято его современниками и может быть понято нами ...» [Кибрик 2003: 29]. Господствующей в американской лингвистике стала менее новаторская концепция Л. Блумфильда [Кибрик 1993: 8], и эволюция лингвистических теорий пошла более дробными шагами.

Результаты когнитивной революции конца XX века ставят под сомнение этот постулат. Начавшиеся в 60-е годы широкомасштабные когнитивные исследования выявили, что способности младенца воспринимать и осмысливать окружающий мир развиваются гораздо быстрее, чем предполагалось ранее, ср.:

Традиционно предполагалось, что младенцы не способны к адекватному восприятию мира, не обладают способностью к репрезентациям и образованию представлений о законах организации мира. ... Современная революция в психологии развития заставляет нас пересмотреть эти представления. С самого раннего возраста младенец наделен организующими принципами, позволяющими ему репрезентировать мир и «понимать» некоторые законы его существования ... Например, такие конструкты, как непрерывность и субстанциональность, глубоко внедрены в когнитивные репрезентации физического мира и усваиваются человеком еще в младенческом возрасте. (...) младенец — не сенсомоторный индивид, лишенный упорядоченных ментальных структур, погруженный в хаос ощущений, как ранее полагалось. **Младенец — репрезентативный индивид**, наделенный способностью структурировать и упорядочивать мир [Сергиенко 2006: 14; выделено автором].

Выяснилось, что к 7—8 месяцам у младенцев складывается вполне детализированная и осмысленная картина окружающего предметного мира, ср.:

«К 6 месяцам их восприятие цвета почти такое же, как у взрослых (Maurer, Maurer, 1988)» [Крайг, Бокум 2007: 239—340]. «2.5-месячные малыши понимают, что твердый объект не может пройти сквозь другой твердый объект» [Берк 2006: 414]. В 6—7 месяцев дети уже «чувствительны к гравитационным эффектам. Они понимают функции опоры и толчка [Би 2004: 243; Субботский 2007: 177]. «В 8 месяцев младенцы используют цвет, форму и непроницаемость поверхности для восприятия отдельности и целостности объектов (Needman, Bailargeon, 1993)» [Сергиенко 2006: 220 и сл.]

(см. также [Ньюкомб 2003: 176—177; Кошелев 2008б: 30—31; Баттерворт, Харрис 2000: 86—107; Шэффер 2003: 283—330]).

Более того, оказалось, что у ребенка столь же рано (практически параллельно формированию предметного мира) начинают формироваться и «базовые» категории, ср.:

«Младенцы 3—4 мес. демонстрируют способность к категоризации на базовом уровне для многих типов зрительных объектов: человеческие лица, кошки, собаки, лошади, птицы (...) Например, ... детские базовые категории для домашних кошек ... отличны от птиц, лошадей, собак и тигров, но включают ... львиц ... в 6—7 месячном возрасте репрезентации домашних кошек уже исключают львиц» [Сергиенко 2008: 355]. «В возрасте 7—8 месяцев у младенцев складывается самое общее представление о живых существах, их отличии от движущихся механизмов, а в 9 месяцев они начинают отличать птиц от самолетов» [Крайг, Бокум 2007: 242, 255]. «К 7 месяцам младенцы ... могут различать различные виды лицевой экспрессии, например, отличать

„счастье“ от „страха“» [Крайг, Бокум 2007: 241], см. также [Коффка 1934: 92, 190; Шэффер 2003: 298].

В результате к 7—8 месяцам, т. е. к началу пассивного усвоения (понимания) звучащих слов родной речи [Выготский 2005: 154], у младенца формируется вполне дифференцированный жизненный мир, включающий и предметный, и концептуальный (категориальный) уровни.

Приведенные когнитивные данные (а это лишь небольшая их доля) свидетельствуют о том, что *возникающий у ребенка жизненный мир хронологически и эпистемологически первичен, а усваиваемый им родной язык — вторичен* и, более того, в значительной мере *обусловлен существованием и развитием жизненного мира*¹⁸.

Но этот вывод входит в противоречие с первым постулатом сосюрской парадигмы. Поэтому *возникают серьезные сомнения в психологической обоснованности этой парадигмы описания языка*, ср. также [Касевич 1989: 10; Пинкер 2004: 47 и сл.].

Имеются и другие факты, усиливающие такие сомнения. Например, появились достоверные описания интеллектуальных способностей людей, которые вообще не знакомы с человеческим языком, но обладают при этом человеческим жизненным миром и мышлением. Так, известны случаи «глухих взрослых, не знающих языка ни в одной форме — ни жестового, ни чтения по губам <...> Несмотря на их изоляцию от словесного мира, они демонстрировали множество форм абстрактного мышления: могли починить сломанный замок, знали, как обращаться с деньгами ...» [Пинкер 2004: 56], см. также [Слобин 1976: 192—193].

4.2. К обоснованности хомскианской и мельчуковской парадигм. Напомним, что эти парадигмы (пп. 2.2 и 2.3) объединяет одно фундаментальное положение: язык в них трактуется как самостоятельно функционирующий модуль, продукты которого (фразы) связаны с жизненным миром лишь через интерфейс (не относящийся к языку).

Для анализа обоснованности этого положения рассмотрим поэтапное развитие коммуникативной функции и речи ребенка, задаваясь при этом вопросом: может ли на начальном или на каком-то последующем этапе этого развития возникнуть полное разделение жизненного мира ребенка и его языка — такое разделение, которое вызывает необходимость использования специального интерфейса между ними.

¹⁸ Ср. тезис Д. Слобина «о первичности когнитивного развития, прокладывающего путь развитию языковых средств для выражения намерений ребенка» [Слобин 1984: 160].

Начнем с возраста 7—8 месяцев, когда у младенца начинается процесс пассивного усвоения речи [Цейтлин 2000: 48—50, 64; Крайг, Бокум 2007: 258]. С этого времени ребенок начинает понимать первые слова и выражения родного языка и адекватно реагировать на них — обращать взгляд к названному предмету и пр. Это значит, что его жизненный мир обретает первичное сходство с жизненным миром взрослого. Следует, однако, иметь в виду, что узнаваемые младенцем слова еще не несут функции речевых знаков. Они для младенца — лишь звуковые жесты, указатели на некоторые текущие ситуации или элементы его мира, точнее, его перцептивного поля. Ясно, что здесь возникает непосредственная, не требующая никакого интерфейса, связь между услышанным звуковым жестом и его референтом.

С 9—10 месяцев ребенок начинает использовать символические действия для игры и управления действиями взрослых [Крайг, Бокум 2007: 253]. В это же время у него возникают «коммуникативные намерения и конвенциональная сигнализация» [Бейтс 1984: 51]. Если ранее ребенок, стремясь дотянуться до цели, смотрел только на нее, то теперь он попеременно смотрит на цель и на взрослого. Его действия (например, «дотянуться и схватить») часто становятся обращенной к взрослому символической имитацией реальных действий.

Примерно с 12 месяцев у ребенка возникает первая активная фаза речи: он начинает выговаривать отдельные слова или осмысленные созвучия (го-ло-фра-зы), выражающие какие-то ситуации его жизненного мира, ср.:

Процесс наименования начинается у ребенка с именования ситуации как нерасчлененного целостного единства. В качестве единиц наименования используются звуковые комплексы ⟨...⟩. В содержательном плане эти единицы эквивалентны целому высказыванию, и их принято называть голофразами ⟨...⟩ их адекватное понимание возможно лишь в том случае, если ребенок, слушающий его взрослый, а также предметы и явления, о которых идет речь, объединены в пространстве и времени [Лепская 1997: 25, 35] (см. также [Слобин 1976: 86; Выготский 1996: 85]).

Ясно, что и здесь ребенок непосредственно соотносит свои голофразы с ситуациями своего жизненного мира.

С полутора лет ребенок переходит к телеграфной речи — его фразы состоят уже из двух или трех слов [Пинкер 2004: 254 и сл.; Крайг, Бокум 2007: 266]. Но они по-прежнему понятны лишь в ситуации живого диалога с ребенком и поэтому тоже непосредственно связаны с его жизненным миром.

Характеризуя двухсловные детские фразы, Д. Слобин особо подчеркивает их «универсальность» и «межъязыковое сходство»:

Ребенок использует язык в его наиболее универсальном и истинно человеческом смысле уже на стадии двухсловных предложений ⟨...⟩ Конструкции

«подлежащее — сказуемое» (которые универсальны для человеческого языка) отмечаются в речи с самого начала ее развития. (...) Короче говоря, язык используется для того, чтобы описывать мир и вступать в отношения с людьми. (...) основные функции (просьба, вопрос, отрицание, описание событий и др. — *А. К.*) обеспечиваются двусловными предложениями в речи детей на различных языках (включая самоа и луо — один из языков Кении. — *А. К.*). Межъязыковое сходство здесь просто поразительно [Слобин 1976: 93—94].

Уже приведенные данные со всей определенностью свидетельствуют о том, что детский язык не образует самостоятельного модуля, отграниченного от жизненного мира ребенка, а напротив того, непосредственно связан с этим миром. Во-первых, детские фразы ситуационно обусловлены и вне ситуации речи непонятны. Они передают слушателям занимающие ребенка ситуации его жизненного мира. Поэтому они никак не могут быть нацелены на передачу внутриязыковых значений (сущность языка, по И. А. Мельчуку). Во-вторых, фразы разноязычных детей функционально и структурно универсальны. Поэтому они не способны осуществлять и другую функцию («языковую компетенцию», по Н. Хомскому): представлять правильные синтаксические структуры языка (синтаксис родного языка в них пока не проявляется). А значит, никаким интерфейсом ребенок не пользуется (за ненадобностью).

Замечание 2. Проведенный анализ позволяет высказать более сильную гипотезу: детский язык отвечает когнитивной парадигме. В самом деле, в нем доминирует лексико-семантическая составляющая, вполне соответствующая концептуальному уровню. Что же касается грамматической составляющей, то она пока еще (до «языкового взрыва») не сформировалась.

После 2-х лет у ребенка начинается «языковой взрыв», знаменующий переход его языка в следующую, взрослую фазу. В течение ближайших двух-трех лет речь ребенка стремительно развивается. Она очень быстро обогащается лексически и синтаксически, превращаясь из «телеграфной» в беглую и грамматически правильную, сопоставимую с речью взрослого человека (см. к этому: [Выготский 1996: 101—102; Пинкер 2004: 256 и сл.]).

Конечно, можно предположить, что именно на этом этапе язык и обретает полную самостоятельность (модульность). Это, однако, возможно лишь при разрыве уже возникших непосредственных связей между детским языком и его жизненным миром, что вряд ли имеет место. Ведь языковой взрыв — это очередная фаза речевого развития ребенка, неизбежно преемственного, базирующегося на предыдущей, детской фазе. В [Кошелев 2008: 197 и сл.] показано, как именно «когнитивное развитие прокладывает путь развитию языка» (говоря словами Д. Слобина). Согласно общей теории развития (см. [Левин 2001: 281—282; Чуприкова 2007]), происходит дифференциация и интеграция элементов жизненного мира ребенка. В результате жизненный мир ребенка дополняется множеством новых элемен-

тов: частей предметов (ножка, ручка, дно, сиденье и под.), предметов-комплексов (стая, лес и под.) и др. Без такого обновления жизненного мира языковой взрыв оказывается невозможным, см. [Кошелев 2008: 203 и сл.].

Вслед за когнитивным идет и языковое развитие ребенка. В частности, первичное значение детского слова, выражающее целостность его референтов, дополняется новым компонентом, отражающим структуру их частей [Там же: 199 и сл.] и пр. Тем самым, развивающаяся в процессе языкового взрыва схема знака (а вместе с ней и следующая, взрослая фаза языка) сохраняет тесную связь с детской фазой, а стало быть, и с жизненным миром ребенка.

Если приведенные рассуждения верны, *они дают основание усомниться в психологической адекватности хомскианской и мельчуковской парадигм*. Ведь их реализация предполагает полное разделение функций детской фразы (выразить ситуацию своего мира) и взрослой фразы (выразить значение или синтаксическую структуру), а это вряд ли возможно. Напротив, естественно полагать, что взрослая фраза сохраняет и развивает функцию детской фразы. Она тоже описывает ситуацию жизненного мира говорящего, но теперь это описание уже внеситуационно: для его понимания от слушателя не требуется участия в ситуации речи.

Коснемся теперь исходных причин, побудивших И. А. Мельчука и Н. Хомского трактовать язык как самостоятельный модуль.

4.2.1. О модульности языка в теории И. А. Мельчука. Весьма примечательно, что И. А. Мельчук вовсе не считает язык самостоятельным модулем, ср.:

... требуя, чтобы в нашем описании смысл и работа с ним четко отделялись от преобразования «Смысл \Leftrightarrow Текст» (т. е. от языка. — *А. К.*), мы отнюдь не имеем в виду утверждение о независимости того, что мы высказываем, от языка, на котором мы это говорим ... Подобная трактовка (модульность языка. — *А. К.*) ... не претендует на соответствие психологической реальности. «Независимый смысл» есть, разумеется, научная абстракция, которая ... огрубляет действительную картину¹⁹; однако ... это огрубление не грубее, чем ... представления о синтаксической структуре («в отрыве» от лексики и семантики) [Мельчук 1999: 24].

¹⁹ Об этом свидетельствуют и нейрофизиологические данные, не подтверждающие семантической автономности языкового модуля. Они указывают, что представления языковых значений конкретных лексем (*стол*, *бежать*) не объединены в мозгу человека в самостоятельный блок, отделенный от представлений их референтов (конкретных предметов и действий), как можно было бы ожидать в случае автономного функционирования языка. Напротив того, «корковое представление объектных слов тесно связано с корковым представлением самих объектов и ... корковое представление слов действий тесно связано с корковым представлением самих действий. В пользу этого заключения свидетельствуют новейшие исследования ... (Martin et al. 1999)» [Голдберг 2003: 99—103].

Отделенность языка от когнитивной среды нужна Мельчуку исключительно «для точного описания» взаимодействия языка с этой средой. Механизм реализации модульности прост: постулируется существование безымянного входного Значения — продукта интерфейса Концептуальная ситуация \Leftrightarrow Значение (см. п. 2.3.2), которое поступает на вход языкового модуля, после чего интерпретируется моделью языка (3), т. е. преобразуется во множество синонимичных фраз.

Однако гораздо более естественно полагать, что языковая процедура напрямую (без интерфейса и промежуточного Значения) обращается к сформированной мышлением концептуальной ситуации и строит фразу, приближенно (но максимально близко) выражающую ее своими значениями. Как кажется, именно так и Мельчук понимает «психологическую реальность» ср.:

Концептуальное представление действительности ... это некоторое представление о мире, о чем я хочу говорить, но такое, которое еще не сформировано моим языком, но сформировано моими психологическими способностями (...) Когда я начинаю говорить, я даже не знаю, на каком языке я буду говорить. Готовых смысловых сгустков у меня еще нет, а тем не менее, я уже думаю, о чем я собираюсь говорить [Мельчук 2005. Интервью; разрядка моя. — А. К.].

Подведем итог. Полностью разделяя позицию И. А. Мельчука в том, что модульность языка огрубляет реальную картину, а также в том, что это огрубление «не грубее», чем постулируемая Н. Хомским отделенность синтаксической структуры «от лексики и семантики», мы расходимся только в одном: в качественной оценке указанного огрубления. На наш взгляд, и в том и в другом случае вводимая «научная абстракция» существенно искажает моделируемый языковой процесс и потому нежелательна (различая характеристики Понятие-грамм. и Понятие-сем., мы не считаем их полностью разделенными).

4.2.2. О модульности языка в теории Н. Хомского. Согласно исходному тезису Хомского, ребенок овладевает родным языком, главным образом, благодаря врожденному знанию базовой модели языка, или Универсальной Грамматики, задающей основные «правила» человеческого языка. Что же касается речевой среды, то ее роль сводится лишь к конкретизации этих правил, установлению для них определенных «параметров» (порядок слов и др.), задающих своеобразие данного языка. Такой взгляд и дает основание мыслить реализацию «языковой компетенции» ребенка в виде порождающего модуля, лишь интерфейсно связанного с когнитивной средой.

В самом деле, ребенок, находясь в среде родного языка, усваивает его очень быстро («мгновенно»), причем вопреки крайней «бедности исходных данных» [Пинкер 2004: 33]. Более того, ребенок самостоятельно открывает

многие конструкции родного языка, которые ему не встречались и не имеют аналогов в уже известном ему языке. «Для Хомского такой вид аргументации, который он называл „доказательством, исходящим из недостаточности исходных данных“, — самое важное подтверждение того, что знание базовой модели языка является врожденным» [Там же].

И действительно, «доказательство, исходящее из недостаточности исходных данных» свидетельствует о важной роли врожденной Универсальной Грамматики в усвоении ребенком родного языка. Однако из этого факта вовсе не следует модульность возникающего языка, поскольку реально действие Универсальной Грамматики начинает проявляться не сразу, а лишь на этапе «языкового взрыва». Но к этому времени язык ребенка уже частично сформировался, причем главным образом благодаря обучению, т. е. благодаря речевой среде.

Чтобы убедиться в сказанном, обратимся к выявленной недавно способности антропоидов к усвоению незвуковых аналогов человеческого языка (упрощенного языка жестов глухонемых и др.) [Зорина, Смирнова 2006: 159—163, 233—237]. Как показано в ряде экспериментов, «язык» антропоидов по уровню своего развития приближается к речевому уровню двухлетнего ребенка (см.: [Зорина 2008а: 7, 165; Зорина 2008б: 41 и сл.]).

Замечание 3. Н. Хомский и некоторые другие лингвисты не признают «языковых» достижений антропоидов: «употребление слов людьми для осуществления референции отличается в своих сущностных структурных и функциональных свойствах от редких примеров „референтных сигналов“ у других видов, в том числе, у некоторых ... человекообразных обезьян» [Хомский 2005: 117]. С. Пинкер считает, что упомянутые достижения — умелая дрессировка, а вовсе не языковое поведение: «шимпанзе — это хорошо выдрессированные животные, а двухлетний ребенок — это двухлетний ребенок» [Пинкер 2004: 321]. Нам кажется, что противоречия в оценках «языка» антропоидов исчезнут, если принять во внимание следующий тезис: детский язык не является полноценным человеческим языком, поскольку отражает лишь лексико-семантический уровень и не содержит многих грамматических (ключевых для языка взрослых) свойств. Поэтому из весьма внушительного набора свидетельств о сходстве детского языка и языка антропоида вовсе не следует, что антропоид «заговорил человеческим языком».

Понятно, что в формировании «языка» антропоида человеческий генетический фактор заведомо отсутствует, тогда как фактор обучения играет исключительно важную роль. Поэтому логично предположить, что и детский язык (с его универсальностью) является продуктом обучения, а не врожденной Универсальной Грамматики, как можно было бы думать²⁰. Стало быть, с тези-

²⁰ Уточним: генетический фактор не влияет на содержательную сторону усвоения ребенком языка. Однако он, по-видимому, играет важную роль в формировании

сом о важной роли «базовой модели языка» можно согласиться лишь отчасти, применительно к начинающемуся с двух лет этапу лавинообразного развития языка. С этого момента воспринимаемой ребенком речи окружающих, часто к тому же неправильной, явно недостаточно, чтобы он мог столь быстро обучиться родному языку. Однако к детскому этапу усвоения языка, который и у ребенка, и у антропоида обеспечивается обучением, этот тезис неприменим. Следовательно, *нет оснований считать Универсальную Грамматику модульным механизмом*. Ведь актуализируется она лишь после детского этапа языкового развития ребенка, причем неизбежно базируется на этом этапе.

Замечание 4. Некоторые исследователи, желая подчеркнуть доминирующую роль генетического фактора в развитии языка, обращают внимание на известный факт, отмеченный еще Р. Брауном: «родители на удивление редко исправляют грамматические ошибки своих детей. Вместо этого они сосредотачиваются на верности замечаний своих детей». Например, услышав фразу дочери *Мама не мальчик, он девочка* (грамматически неправильную), мать сказала: — *Правильно*. Напротив, грамматически безупречную фразу дочери *Вот ферма* мать поправила: — *Нет, это маяк* [Крэйн 2007: 444; Пинкер 2004: 267]. Точно так же специально не исправляется и произношение ребенка, ср.: — *Что это? — Лыбка. — Правильно, рыбка* [Цейтлин 2000: 32]. При этом имеется в виду, что ребенок и не нуждается в таких исправлениях.

Однако «удивительно безразличное отношение родителей к правильности детской речи» (С. Пинкер) легко объясняется, если видеть назначение языка не в порождении правильных синтаксических структур, а в выражении ребенком ситуаций своего жизненного мира. С такой точки зрения мать обучает ребенка главному в языке. Понимая, какую ситуацию он имел в виду, мать прежде всего следит за тем, чтобы фраза ребенка правильно ее выражала.

4.3. К обоснованности традиционной и когнитивной парадигм. В настоящее время мы не располагаем данными, которые ставили бы под сомнение обоснованность какой-либо из этих двух парадигм.

Иначе говоря, когнитивные исследования последних десятилетий позволяют утверждать, что «реалисты» в их споре с «номиналистами» (см. п. 2.4) одерживают полную победу. Остается лишь понять, какая из двух позиций «реалистов» в отношении языка является истинной: «умеренная» (традиционная парадигма) или «крайняя» (когнитивная парадигма). Один вариант теории развития дает основание предполагать, что у ребенка в процессе «языкового взрыва» происходит дифференциация языка и мышления: формирующаяся грамматика придает языку самостоятельное содержание, характерное для традиционной парадигмы. Однако нельзя исключить и другой вариант,

звуковой формы речи. Об этом, в частности, свидетельствует самопроизвольное возникновение с двух месяцев гуления, а с пяти — лепета (причем не только у нормально слышащих, но и у глухих младенцев).

при котором доминирующим окажется когнитивное и мыслительное развитие ребенка [Кошелев 2008: 205 и сл.]. В этом случае когнитивная парадигма может сохраниться (см. п. 4.2, Замечание 2).

Выражаю глубокую благодарность Вяч. Вс. Иванову и И. А. Мельчуку за придирчивый анализ первой (журнальной) версии статьи, позволивший мне исправить замеченные ошибки и устранить некоторые неясности изложения. Я также весьма признателен М. Н. Григорян за ценные советы.

Литература

- Апресян 2005 — Ю. Д. *Апресян*. О Московской семантической школе // *Вопр. языкознания*. 2005. № 1. С. 3—30.
- Баранов, Добровольский 1997 — А. Н. *Баранов*, Д. О. *Добровольский*. Постулаты когнитивной семантики // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 1997. Т. 56. № 1. С. 11—21.
- Баттерворт, Харрис 2000 — Дж. *Баттерворт*, М. *Харрис*. Принципы психологии развития. М., 2000.
- Бауэр 1985 — Т. *Бауэр*. Психическое развитие младенца. М., 1985.
- Бейтс 1984 — Э. *Бейтс*. Интенции, конвенции и символы // *Психолингвистика*. М., 1984. С. 50—103.
- Бенвенист 1974 — Э. *Бенвенист*. Общая лингвистика. М., 1974.
- Берк 2006 — Л. Е. *Берк*. Развитие ребенка. СПб., 2006.
- Би 2004 — Х. *Би*. Развитие ребенка. СПб., 2004.
- Вежбицкая 1985 — А. *Вежбицкая*. Дело о поверхностном падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 303—431.
- Вежбицкая 1996 — А. *Вежбицкая*. Язык. Культура. Знание. М., 1996.
- Вежбицкая 1999 — А. *Вежбицкая*. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вежбицкая 2005 — А. *Вежбицкая*. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Анна А. Зализняк и др.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 467—499.
- Выготский 1996 — Л. С. *Выготский*. Мышление и речь. М., 1996.
- Выготский 2005 — Л. С. *Выготский*. Психология развития ребенка. М., 2005.
- Гак 1998 — В. Г. *Гак*. Языковые преобразования. М., 1998.
- Голдберг 2003 — Э. *Голдберг*. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация. М., 2003.
- Зорина, Смирнова 2006 — З. А. *Зорина*, А. А. *Смирнова*. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? М., 2006.
- Зорина 2008а — З. А. *Зорина*. Возможность диалога между человеком и человекообразной обезьяной: обзор экспериментальных исследований // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 135—172.
- Зорина 2008б — З. А. *Зорина*. Обезьяны не только «думают», но и «говорят» // *Вопр. языкознания*. 2008. № 4. С. 41—50.

- Иорданская, Мельчук 2007 — *Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук*. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Касевич 1989 — *В. Б. Касевич*. Языковые структуры и когнитивная деятельность // *Язык и когнитивная деятельность*. М., 1989. С. 8—18.
- Касевич 1998 — *В. Б. Касевич*. О когнитивной лингвистике // *Общее языкознание и теория грамматики*. СПб., 1998. С. 14—21.
- Кибрик 1993 — *А. Е. Кибрик*. Э. Сепир и современное языкознание // *Э. Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 5—22.
- Кибрик 2003 — *А. Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик 2008 — *А. Е. Кибрик*. Когнитивный подход к языку // *Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук*. М., 2008. С. 202—232.
- Коффка 1934 — *Ф. Коффка*. Основы психического развития. М.; Л., 1934.
- Кошелев 2008 — *Кошелев А. Д.* О качественном отличии человека от антропоида // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 193—230 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев 2008a — *Кошелев А. Д.* О языке психолингвистики (предисловие издателя) // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 21—40 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев 2008б — *Кошелев А. Д.* Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // *Вопр. языкознания*. 2008. № 4. С. 15—40 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев 1996 — *А. Д. Кошелев*. Референциальный подход к анализу языковых значений // *Московский лингвистический альманах*. Вып. 1. М., 1996. С. 82—194 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Кошелев — Мельчук 1996 — Извлечения из электронной переписки А. Д. Кошелева и И. А. Мельчука // *Московский лингвистический альманах*. Вып. 1. М., 1996. С. 195—197 (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Крайг, Бокум 2007 — *Г. Крайг, Д. Бокум*. Психология развития. СПб., 2007.
- Крэйн 2007 — *У. Крэйн*. Психология развития человека: 25 главных теорий. СПб., 2007.
- Лайонз 1978 — *Дж. Лайонз*. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лакофф 2004 — *Дж. Лакофф*. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Левин 2001 — *К. Левин*. Регрессия, ретрогрессия и развитие // *Динамическая психология*. М., 2001.
- Лепская 1997 — *Н. И. Лепская*. Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации. М., 1997.
- Лосев 1982 — *А. Ф. Лосев*. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.
- Мельчук 1999 — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». 2-е изд. М., 1999.
- Мельчук 2005 — Интервью, данное И. А. Мельчуком изд-ву «Языки славянской культуры» 27 июня 2005 г. (<http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Ньюкомб 2003 — *Н. Ньюкомб*. Развитие личности ребенка. СПб., 2003.
- Пинкер 2004 — *С. Пинкер*. Язык как инстинкт. М., 2004.

- Пинкер, Джакендофф 2008 — *С. Пинкер, Р. Джакендофф*. Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М., 2008. С. 261—292.
- Потебня 1956 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике: Извлечения // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Рахилина 1998 — *Е. В. Рахилина*. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274—323.
- Реформатский 1968 — *А. А. Реформатский*. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968. С. 103—125.
- Сепир 1993 — *Э. Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Сергиенко 2006 — *Е. А. Сергиенко*. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2006.
- Сергиенко 2008 — *Е. А. Сергиенко*. Когнитивное развитие довербального ребенка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. М. 2008. С. 337—366.
- Серебренников 1988 — *Б. А. Серебренников*. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Слобин 1976 — *Д. Слобин*. Психолингвистика. М., 1976.
- Слобин 1984 — *Д. Слобин*. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984. С. 143—207.
- Слюсарева 2004 — *Н. А. Слюсарева*. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 2004.
- Соссюр 1977 — *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 1998 — *Ю. С. Степанов*. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998.
- Субботский 2007 — *Е. В. Субботский*. Строящееся сознание. М., 2007.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Уорф 1999 — *Б. Уорф*. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика. Т. 1. Новое в лингвистике: Избранное. М., 1999. С. 92—106.
- Успенский 1996 — *Б. А. Успенский*. Избранные труды. 2-е изд. Т. 1. М., 1996.
- Успенский 2007 — *Б. А. Успенский*. Fgo Loquens: Язык и коммуникативное пространство. М., 2007.
- Хомский 1972 — *Н. Хомский*. Язык и мышление. М., 1972.
- Хомский 2005 — *Н. Хомский*. О природе и языке. М., 2005.
- Цейтлин 2000 — *С. И. Цейтлин*. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Чуприкова 2007 — *Н. И. Чуприкова*. Умственное развитие: Принцип дифференциации. СПб., 2007.
- Шэффер 2003 — *Д. Шэффер*. Дети и подростки: Психология развития. СПб., 2003.
- Шмелев 1977 — *Д. Н. Шмелев*. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
- Шмелев 2006 — *Д. Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2006.
- Якобсон, в печати — *Р. Якобсон*. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц. М., в печати.
- Aslin 1987 — *R. N. Aslin*. Visual and auditory development in infancy // Handbook of Infant Development. 2nd ed. N. Y., 1987. P. 5—97.
- Aslin, Smith 1988 — *R. N. Aslin, L. B. Smith*. Perceptual development // Annual Review of Psychology, 39. 1988. P. 453—473.

- Brown 1973 — *R. W. Brown*. A First Language: The Early Stages. London, 1973.
- Chomsky 2002 — *N. Chomsky*. On Nature and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Chomsky 2005 — *N. Chomsky*. Three Factors in Language Design // *Linguistic Inquiry*. Vol. 36, № 1. 2005. P. 1—22.
- Dodwell, Humphrey & Muir 1987 — *P. Dodwell, G. K. Humphrey & K. Muir*. Shape and pattern perception // *Handbook of Infant Perception*. Vol. 2. N. Y., 1987. P. 1—77.
- Gelman 1998 — *S. A. Gelman*. Categories in children's thinking // *Young Children*, 202 (4), 1998.
- Hauser, Chomsky, Fitch 2002 — *M. D. Hauser, N. Chomsky, W. T. Fitch*. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*, 298. 2002. P. 1569—1579.
- Jackendoff 2002 — *R. Jackendoff*. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. New York: Oxford University Press., 2002.
- Jackendoff 2007 — *R. Jackendoff*. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
- Jackendoff, Pinker 2005 — *R. Jackendoff, S. Pinker*. The nature of the language faculty and its implications for the evolution of language (Reply to Fitch, Hauser, and Chomsky) // *Cognition*. Vol. 97. 2005. P. 211—225.
- Lerdahl, Jackendoff 1983 — *F. Lerdahl, R. Jackendoff*. A Generative Theory of Tonal Music. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983.
- Mandler 1990 — *J. M. Mandler*. A new perspective on cognitive development in infancy // *American Scientist*, 78. 1990. P. 236—243.
- Martin et al. 1999 — *A. Martin, L. G. Ungerleider, J. V. Haxby*. Category Specificity and the Brain: The Sensory/Motor Model of Semantic Representation of Objects // *The New Cognitive Neuroscience* / Ed. by M. S. Gazzaniga. Cambridge: MIT Press, 1999. P. 1023—1036.
- Maurer, Maurer, 1988 — *D. Maurer, C. Maurer*. The World of the Newborn. N. Y., 1988.
- Mervis 1987 — *C. B. Mervis*. Child — basic object categories and early lexical development // *Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization* / Ed. by U. Nisser. Cambridge Univ. Press, 1987. P. 201—233.
- Needman, Bailargeon 1993 — *A. Needman, R. Bailargeon*. Intuitions about support in 4,5 month-old infants // *Cognition*. Vol. 47. 1993. P. 121—148.
- Pinker 2007 — *S. Pinker*. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. Penguin Press Science, 2007.
- Pinker, Jackendoff 2005 — *S. Pinker, R. Jackendoff*. The faculty of language: What's special about it? // *Cognition*. Vol. 95. 2005. P. 201—236.
- Quinn, Johnson 2000 — *P. S. Quinn, M. N. Johnson*. Global before-basic object categorization in connectionist networks and 2 months-old infants // *Infancy*. Vol. 1, № 1. 2000. P. 31—46.
- Rosch et al. 1976 — *E. Rosch, C. Mervis, W. Gray, D. Johnson, Penny Boyes-Braem*. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. 1976. № 8. P. 491—502.
- Spelke 1988 — *E. S. Spelke*. The origins of physical knowledge // *Thought without Language*. Oxford, UK: Clarendon Press: Oxford Univ. Press, 1988. P. 168—184.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВЫХ КОДОВ

(постановка задачи и способы ее решения)

Г. Е. Крейдлин, П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий

*Е. В. Падучевой с огромной
любовью и уважением*

1. Введение

Настоящая работа представляет собой фрагмент большого проекта, посвященного сопоставлению вербальных и невербальных знаковых, или семиотических, кодов *. Вербальными знаковыми кодами являются все естественные языки, а из различных невербальных знаковых кодов мы рассмотрим здесь только телесные, или соматические, знаковые коды.

Телесные знаковые коды, иначе называемые **языками тела** (*body languages*), представляют собой совокупность нескольких знаковых систем. Это собственно **жесты**, то есть знаковые движения рук, ног, головы и других частей тела, мимика, или выражения лица, знаковые статические положения (позы) и движения тела, взгляды и комплексные знаковые формы — манеры поведения (см. [Крейдлин 2002]). Мы остановимся только на одном естественном языке, русском, и на одном невербальном соматическом коде, русском языке тела.

Нам хотелось бы путем сопоставительного анализа показать, как человеческое тело и его части отражаются в русской культуре через посредство основных репрезентирующих ее кодов. Для этого необходимо прежде всего решить три задачи: (1) выявить сходства и различия вербальных и невербальных языков, (2) описать их особенности и сформулировать правила совместного функционирования в человеческой коммуникации и (3) предложить семантический метаязык, на котором все основные характеристики сравниваемых языков будут представлены в единообразном виде.

* Работа выполнена при поддержке РФНФ. Грант № 07-04-00203а.

Мы утверждаем, что без сопоставительного анализа вербальных и невербальных знаковых единиц, категорий и моделей поведения невозможно адекватно описать, как представлено тело в разных языках и культурах. Между тем еще до недавнего времени лингвисты — даже в тех случаях, когда это явно необходимо (см. далее) — крайне мало внимания обращали на невербальные семиотические коды, занимаясь главным образом вербальным языком. В свою очередь, специалисты в области семиотики не проявляли должного интереса к естественноречевому описанию тела и телесного поведения. А потому как те, так и другие упускали из виду многие значимые аспекты концептуализации тела и его репрезентации в разных семиотических кодах.

Сопоставительный подход, как мы полагаем, открывает новые возможности и позволяет получить новые результаты, важные для изучения и аналитического описания обоих видов кодов. Дело в том, что между единицами вербального и невербального знаковых кодов существует не только семантическая, но и функциональная общность. Отметим ее наиболее существенные проявления.

Во-первых, подавляющее большинство невербальных соматических знаков, включая собственно жесты, мимику, позы и т. д., имеют закрепленные за ними естественноречевые обозначения, или **номинации**, и нередко даже более чем одну номинацию; кроме того, в естественном языке существует огромное число слов и выражений, описывающих тело, свойства тела и телесное поведение человека. В письменных текстах передать черты внешнего облика и особенности соматического поведения человека возможно только в словесной форме. Помимо прямых описаний, содержащихся непосредственно в тексте произведения, мы встречаем здесь также описания косвенные, или метатекстовые, такие как авторские ремарки или комментарии к текстам пьес, сценариям фильмов и др., указывающие на внешность и особенности поведения персонажей.

Во-вторых, свободное человеческое общение предполагает постоянное использование не только вербального языка, но и параллельно с ним сразу нескольких невербальных знаковых кодов, сложным образом взаимодействующих друг с другом [Реформатский 1963]. Больше того, некоторые естественноречевые высказывания вообще невозможно ни понять, ни воспроизвести без определенного жестового сопровождения, ср. *Вон там, Во какие огурцы!, Во!* (поднимая вверх большой палец) или *Вон отсюда!* Данный факт свидетельствует, в частности, о важности такого семантического компонента, как 'изобразительность', в смысловом представлении этих и им подобных высказываний. Однако и за пределами таких случаев *обязательного* сочетания кодов, условия и контексты употребления жестовых и словесных единиц во многом идентичны или сходны (см. [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]).

В-третьих, стилистическая характеристика и механизмы образования производных значений, в том числе тропеических, у вербальных и невербальных единиц весьма близки¹.

В-четвертых, многие языковые единицы соотнесены, структурно или семантически, со знаковыми или незнаковыми движениями тела и его частей (ср. образование жестовых фразеологизмов типа *махнуть рукой* <на все> или сочетаний типа *навострить уши, его передернуло, бить поклоны*)².

В-пятых, при передаче текста в неречевом режиме некоторые номинации жестов и незнаковых движений сходны с обозначениями языковых единиц, имеющих ту же функцию. Рассмотрим лишь один пример. Мужчина предлагает женщине занять свободное место, указывая на него рукой. Мы можем передать этот жест словами *Он предложил ей сесть, Он показал ей на стул, Он сказал ей: «Садитесь»* и многими другими, из которых одни являются непосредственными обозначениями данного жеста, а другие отражают реально исполняемое движение лишь косвенным образом (в частности, высказывание *Он предложил ей сесть* может обозначать и жест, и словесно высказанное предложение).

В предпринимаемом проекте мы хотим показать, что в результате сопоставления вербальных и невербальных семиотических телесных кодов можно получить описание фрагмента единой **семиотической картины мира**, намного более полное и точное, чем описание, к которому можно было бы прийти, анализируя естественный язык или язык тела, взятые в отдельности сами по себе. Поставленная нами задача сопоставительного анализа двух кодов является актуальной и важной еще и по той причине, что репрезентация тела или его частей в одном языке и одном невербальном знаковом коде может быть соотнесена с их репрезентацией в другом языке и соответствующем невербальном коде. А такое соотнесение, в свою очередь, открывает дорогу к межкультурному сопоставлению и построению типологии способов репрезентации тела в разных языках и невербальных семиотических кодах.

2. Материал исследования

Материалом для исследования вербального кода нам послужили тексты русской художественной литературы и публицистики XIX—XXI веков и тек-

¹ См., например, статью [Крейдлин 2001], где проводится анализ риторического использования поз для выражения стилистических фигур литоты, гиперболы, иронии.

² См. об этом подробно в статье [Крейдлин, Козеренко 1999] и в книге [Крейдлин 2002].

сты, широко представленные в системе Интернет³. Кроме того, изучались данные различных языковых словарей — больших и малых толковых, переводных и фразеологических. Анализ невербального кода проводился на основании данных, полученных в ходе наблюдений за невербальным поведением людей русской культуры в естественных условиях повседневной бытовой коммуникации, и на материале языковых текстов, отражающих это поведение. Широко использовалась нами также релевантная информация, представленная в различных жестовых словарях и описаниях жестов, прежде всего в [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001]. Разумеется, мы старались учесть и все наиболее значимые для нас сведения, содержащиеся в различных работах по лингвистике и семиотике тела.

Основными объектами анализа для нас послужили языковые и невербальные единицы разной природы.

Из языковых единиц это слова, обозначающие части тела и их характеристики, свободные и фразеологические сочетания с ними, словообразовательные дериваты от названий частей тела, а также номинации жестов и знаковых движений частей тела. Эти номинации образуют своеобразный мостик между двумя анализируемыми кодами, поскольку они занимают, с одной стороны, промежуточное положение между невербальными и вербальными единицами (потому что соотносятся с обоими кодами), а с другой стороны, между свободными и несвободными сочетаниями. По номинациям жестов мы часто можем реконструировать сами жесты.

К рассматриваемым единицам невербального кода относятся как жесты разных семиотических классов (мануальные жесты, позы, взгляды, выражения лица и другие), так и знаковые движения и действия, осуществляемые частями тела или с частями тела.

Важное место в проводимом нами описании занимает анализ языковой и жестовой **символизации** данной части тела или связанных с ней действий и положений. Исследуя языковые и невербальные единицы, в составе которых части тела, их свойства и функции употреблены как символы, мы стремимся выявить наиболее важные, культурно значимые свойства и функции частей тела. Например, мы считаем, что полное описание единицы *плечо* с необходимостью должно включать в себя информацию о том, что, согласно древним представлениям, за левым плечом человека стоит или скрывается смерть. А такая часть тела, как *зад*, символически осмысливается как 'плохая часть тела', что создает основу для разного рода обценных языковых выражений.

Размеры настоящей статьи не позволяют нам детально затронуть проблему символизации частей тела; поэтому мы решили далее остановиться

³ В частности, использовался материал Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

преимущественно на описании той роли, которую тело и его части играют в составе языковых и жестовых единиц.

3. Метод исследования

Единообразие представления двух языков — естественного языка и языка тела — как связанных между собой семиотических кодов, а тем самым, бóльшие удобство и надежность их сопоставительного анализа достигаются в нашей работе путем построения единого формата, пригодного для описания обоих кодов. На основе этого формата можно решать и другие актуальные задачи: рассматривать и сопоставлять друг с другом отдельные релевантные семантические подсистемы (например, поле дисфункций и аномалий, связанных с частями тела), устанавливать взаимовлияние разных характеристик одной части тела, выявлять и описывать пути и способы метафоризации обозначений частей тела и их действий в естественных языках и т. д.

С формальной точки зрения построенное нами описание состоит из упорядоченного множества признаков, принимающих в общем случае разные значения для разных частей тела, и множества значений этих признаков. Такой способ представления результатов — назовем его «признаковым» — является универсальной и удобной схемой описания единиц разной природы и разных кодов, освобожденной от конкретной специфики этих последних. Тем самым создается естественная база для сопоставления не только разных единиц внутри естественного языка, но и единиц разных кодов.

Априорной альтернативой выбранному подходу был бы следующий: построить словарное представление единиц разных кодов на одном или на нескольких удобных метаязыках и затем приступить к сопоставлению построенных описаний — назовем такой подход и способ представления «лексикографическим». Мы, однако, по этому пути не пошли, и вот по какой причине.

Как это нередко бывает, сам характер решаемой задачи диктует наиболее естественный путь и метод ее решения. Действительно, если сопоставление описаний единиц разных кодов является адекватным способом решения таких задач, как, например, перевод с одного языка на другой, то для задачи, которую мы здесь перед собой поставили, а именно, показать, как та или иная часть тела представлена в двух кодах, описываемый путь непригоден. Ведь в этом случае мы бы сопоставляли одну или несколько единиц одного словаря с одной или несколькими единицами другого, и о полноте и точности получаемого таким образом описания говорить бы не пришлось. В самом деле, исчислить все выражения, например, со словом *рука* и все жесты руки, а затем сопоставить их друг с другом практически невозможно, а ничего иного лексикографический подход нам сделать бы и не позволял.

Еще одним недостатком лексикографического подхода является то, что он не решает задачи единообразного описания интересующего нас фрагмента семиотической картины мира, то есть того, как тело и его части представлены в разных языках и невербальных кодах, или, иначе, **концептуализации** тела. Решая задачу описания концептуализации тела, в качестве отправного пункта исследования уместно и логично взять важнейшие характеристики отобранных объектов, характеристики, которые должны наиболее адекватно отражать свойства тела и телесного поведения. Мы полагаем, что именно признаковый подход дает возможность решить данную задачу. А вот если бы мы остановились на лексикографическом подходе, то нам, напротив, пришлось бы иметь дело с более или менее случайным набором неязыковых и языковых выражений, вклад которых в семантику движений и действий частей тела и их номинаций может оказаться не очень ясным или весьма незначительным.

Признаковый подход основан на выделении признаков и их значений для каждой из описываемых единиц. При этом, если признаки, релевантные для частей тела, могут, хотя бы отчасти, быть выявлены а priori, то значения этих признаков, фиксируемые для разных частей тела, сильно различаются. Получить набор значений для каждого признака можно только путем непосредственного анализа эмпирического материала.

Более подробно на собственно устройстве предлагаемого нами формата описания концептуализации тела и его частей в вербальных и невербальных кодах мы остановимся в следующем разделе.

4. Формат описания

4.1. Признаки и их значения

Формат описания, как мы уже говорили, образуют множество признаков, характеризующих тело и его части, и множество значений этих признаков. На сегодняшний день оба множества являются для нас открытыми, и пока мы можем указать лишь те признаки и их значения, без которых описание концептуализации по меньшей мере одной части тела было бы заведомо неполным и неточным.

Множество признаков, как отмечалось выше, является упорядоченным. Так, формальные признаки располагаются перед функциональными (об этих группах признаков см. раздел 4.2), поскольку языковые примеры и материал языка жестов более непосредственно указывают именно на формальные признаки частей тела, а сведения о функциональных признаках частично выводятся из сведений о формальных. В остальном мы стремились упорядочить признаки по их значимости — в частности, по количеству частей тела, для

которых данный признак является релевантным, и по числу жестовых и языковых единиц, тем или иным образом его использующих (например, признак **форма** важнее для большего количества частей тела, чем признак **наличие/отсутствие волос**, и используется в большем количестве единиц).

Сразу же оговоримся: не следует думать, что каждый из выделяемых признаков важен для всякой части тела. Например, **цвет** является значимым признаком только для очень немногих частей тела, например, для *глаз, лица, волос* или *кожи*, но он не является таковым для *ног, спины* или *живота*. Точно так же редко говорят о **размере бока** или о **действиях пальцев ног**. Кроме того, даже если какой-то признак и является существенным для данной части тела, это еще не означает, что в рассматриваемых кодах все значения этого признака равноправны, то есть выражаются в равной степени. В общем случае, выражение значения признака, относящегося к некой части тела, чаще всего указывает на ее нестандартное свойство или особое поведение. Например, в русском языке есть сочетания *длинные руки* и *короткие руки*, но сомнительны выражения (вне контекста противопоставления) *нормальные руки* или *руки нормальной длины*. Аналогичным образом, для *лба* фиксируется только аномальная температура: допустимы сочетания *холодный* или *горячий лоб*, но не, скажем, сочетание *лоб нормальной температуры*.

Фиксация нестандартного значения признака для некоторой части тела часто является основанием для разного рода семантических и прагматических следствий. Например, из того, что у *X-а горячий лоб*, вытекает, что у *X-а температура*, а то, что *лицо X-а покраснело*, может свидетельствовать об определенном эмоциональном состоянии *X-а*.

Языковые выражения, обозначающие нестандартное для данной части тела значение признака, часто, хотя и не всегда, подвергаются идиоматизации. Так, единицы *длинный язык* или *кривые руки* говорят не о физических свойствах *языка* и *рук*, а о свойствах человека — соответственно, его болтливости и неумении делать что-то руками. В то же время фраза *у него длинные руки* может употребляться как в прямом смысле, описывающем длину рук, так и в переносном смысле.

Сами признаки и их значения были по большей части обнаружены нами в результате обработки обширного эмпирического материала, о котором мы говорили выше. При этом мы исходили из следующей рабочей гипотезы: для получения достаточно полного набора релевантных признаков и их значений следует прежде всего подвергнуть анализу те части тела, для описания которых существует большое число языковых выражений, и те части тела, которые активно участвуют в образовании и исполнении жестов. Мы предполагаем также, что изучение остальных частей тела, которые менее активно и менее частотно представлены в вербальных и невербальных соматических кодах, не

приведет к существенному пополнению множества признаков; кроме того, данные признаки, возможно, окажутся полезными для описания других предметов, помимо частей тела. Что же касается связанного с ним множества значений признаков, то оно в ходе анализа каждой новой части тела обычно меняется, часто значительно увеличиваясь в размерах.

Объем данной статьи не позволяет нам исчерпывающе отразить результаты исследования концептуализации тела и его частей; мы вынуждены ограничиться описанием полученных признаков и их значений, снабдив описание иллюстративными примерами.

Общим для всех выделенных нами признаков является то, что они приложимы к единицам как вербального, так и невербального кодов, и выбор именно таких признаков диктуется стоящей перед нами задачей. Однако не все выделенные признаки оказываются равноценными: одни являются более важными, другие — менее важными. Дело в том, что, судя по имеющемуся у нас материалу, одни признаки выступают в достаточно представительном наборе и языковых, и жестовых единиц (далее: первая группа признаков), а другие оказываются приложимыми преимущественно к единицам только одного из кодов (вторая группа признаков). Например, признаки, связанные с **функционированием** частей тела, в частности с их способностью **двигаться**, относятся к первой группе. Действительно, с одной стороны, они имеют первостепенное значение для жестового кода, а с другой стороны, важны для многих языковых единиц, причем не только свободных, но и фразеологических (ср. *задирать голову, шевелить мозгами*). А признак **форма части тела** принадлежит скорее ко второй группе: он крайне существенен для представления частей тела в вербальном коде, но является периферийным для невербального кода. В противоположность **форме**, признак **ориентация части тела**, определяющий ее направленность относительно говорящего, слушающего или каких-то других частей тела, крайне важен для внутренней организации и использования в коммуникации жестовых знаков, но менее важен для языковых знаков (и потому тоже относится ко второй группе признаков). Например, одному русскому выражению *поднять руку* могут соответствовать разные по смыслу и по физической реализации жесты: одно дело поднять руку для приветствия (жест **поднять руку 1**)⁴, а другое дело сигнализировать этим желание что-то сказать (жест **поднять руку 2**).

Отметим одно немаловажное обстоятельство: роль и характер проявления признаков в вербальном и невербальном кодах, как правило, разные, и это касается признаков обеих групп. Если в вербальном коде признаки тела

⁴ Здесь и далее сами жесты отмечаются полужирным шрифтом, а их номинации — курсивом.

или частей тела либо значения этих признаков обычно **фиксируются** посредством тех или иных языковых единиц, то в невербальном коде такие признаки и значения не фиксируются (исключение составляет класс иконических жестов, которого мы еще коснемся чуть позже), а **используются** (например, то, что плечи имеют протяженность в горизонтальном измерении, позволяет выполнять жесты **положить руку на плечо** или **положить голову на плечо**).

4.2. Типология признаков и их значений

Признаки, описывающие части тела, делятся на два класса: **функциональные** и **формальные**. Функциональные признаки являются динамическими: они характеризуют способность части тела выполнять различные действия и реализацию этой способности, например, отражают способность двигаться, совершать определенные действия (*брать, ходить, носить, смотреть, думать* и др.), а также могут свидетельствовать о нарушении нормального функционирования. Формальные признаки являются статическими: они характеризуют физические свойства тела и его частей — такие как морфологические характеристики (например, **твердость**), геометрические характеристики (**форма, размер**), структурные характеристики (**наличие частей, внутренняя структура**), топографические характеристики (**расположение** относительно других частей тела и степень их **связности**) и др.

Еще одним важным классификационным делением признаков частей тела, причем и формальных и функциональных, является их деление **по тому, как они воспринимаются органами чувств**. Хотя данное противопоставление, вообще говоря, не совпадает с разбиением признаков на формальные и функциональные, можно отметить, что одни органы чувств лучше реагируют на наличие или проявление формальных свойств, а другие — функциональных. Например, если слух в большей степени ориентирован на функциональные свойства — мы слышим *звук шагов, треск суставов, хлопанье в ладоши* или *по плечу, шелест потираемых рук*, — то зрением воспринимаются характеристики обоих типов: глазами можно увидеть не только форму или размер любой видимой части тела, но и, например, ее движение. Похожим на зрение образом ведет себя осязание. С одной стороны, оно реагирует на формальные характеристики, такие как **текстура** (свойство поверхности данного органа), **твердость/мягкость, размер, форма**. С другой стороны, тактильные ощущения возникают у человека, когда к некоторой части его тела применяются определенные действия и жесты, например, *шлепки, поцелуи, похлопывания*; тем самым в сферу осязания попадают и функциональные характеристики. Что же касается запахов и вкусовых ощущений, то они характеризуют части тела в гораздо меньшей степени.

Функциональные и формальные признаки тесно связаны между собой. Действительно, функционирование части тела лучше всего проявляется именно в ее внешних свойствах. Например, о том, в какой мере та или иная часть тела пригодна к выполнению своих функций, часто судят по ее размеру; ср. сочетания *широкие плечи* (и прилагательное *широкоплечий*), *большие сильные руки* и другие, обозначающие и формальные, и, через их посредство, функциональные признаки соответствующих частей тела.

Связь между группами признаков проявляется в структуре полисемии и в особенностях фразеологизации языковых сочетаний с частями тела. Так, сочетания, исходно обозначающие формальные признаки частей тела, в переносных значениях нередко говорят о важных функциональных свойствах. Если, например, мы говорим о ком-то, что у него *руки коротки (что-либо сделать)*, то этим мы не только даем отрицательную оценку необходимому для реализации нужных целей функционированию рук (или способности к такому функционированию), но и, фактически, характеризуем как плохую способность самого человека, его организма нечто сделать.

5. Заключение

Объем настоящей статьи не позволяет нам ни сколько-нибудь подробно остановиться на каком-то из выделенных нами признаков, релевантных для семиотической концептуализации тела и его частей, ни, тем более, описать их все. Мы надеемся, однако, что нам удалось показать, что сопоставительное описание естественного языка и невербальных семиотических телесных кодов является весьма насущной и важной задачей лингвистики и невербальной семиотики и что метод фронтального сопоставления кодов на основе единой «сетки» признаков, является вполне эффективным средством для решения поставленной задачи, а его использование может дать новые и нетривиальные результаты⁵.

Литература

- Аркадьев, Крейдлин, Летучий, рукопись — П. М. Аркадьев, Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий. Сопоставительный анализ вербальных и невербальных знаковых телесных кодов: признак 'форма' и его значения.
- Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин 2001 — С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001. (Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 49).

⁵ Подробное описание одного из таких признаков и его значений изложено в статье [Аркадьев, Крейдлин, Летучий, рукопись].

- Крейдлин 2001 — *Г. Е. Крейдлин*. Риторика позы // Язык и культура. Факты и ценности: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. С. Степанова / Отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М., 2001. С. 207—216.
- Крейдлин 2002 — *Г. Е. Крейдлин*. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Крейдлин 2005 — *Г. Е. Крейдлин*. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
- Крейдлин, Козеренко 1999 — *Г. Е. Крейдлин, А. Д. Козеренко*. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1999. С. 269—277.
- Реформатский 1963 — *А. А. Реформатский*. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 208—215.

ЧИСЛО В НАЗВАНИЯХ

М. А. Кронгауз

Мода на числа

Сегодня, по-видимому, можно говорить о существовании моды на числа, или по крайней мере моды на числа в названиях. Конечно, подтвердить наличие такой моды достаточно трудно. Она не обсуждается ни в научных, ни в популярных изданиях. Можно лишь привести примеры названий, включающих в себя числа или целиком состоящих из них, и показать, насколько частотными они стали.

Эти тенденции характерны не только для русского языка и русской культуры. Самым простым примером будут названия романов, фильмов и т. д., состоящих исключительно из обозначения года или включающих его. В прошлом веке такое название имел роман Дж. Оруэлла «1984». Несмотря на то, что двадцать первый век только начался, уже опубликованы романы на русском языке: Мерси Шелли «2048»¹, Сергея Доренко «2008» и Ольги Славниковой «2017». К ним можно добавить фильм Вонг Карвая «2046» и телепередачу Александра Гордона «2030».

Кроме них, следует упомянуть названия произведений, включающих в себя указание года, но распространенных за счет других слов: роман Дмитрия Глуховского «Метро 2033», а также книги Алессандро Барикко «1900. Легенда о пианисте» и Владимира Войновича «Москва 2042». В двух последних происходит как бы перекрещивание дат публикации и собственно действия. Название романа Барикко отсылает к двадцатому веку, а сам роман издан в двадцать первом. Напротив, роман Войновича опубликован в двадцатом веке, но его название отсылает к двадцать первому.

¹ Псевдоним Алексея Андреева, используемый им в интернете. Впрочем, в интернете в качестве виртуальной личности вначале фигурировала Мэри Шелли, а Мерси, по-видимому, результат скрещивания с мужем ее предшественницы — Перси Биши, произошедшего в результате выхода из виртуального пространства и первой «бумажной» публикации.

Этот список, безусловно, неполон, но и его достаточно, чтобы продемонстрировать возросшую в нашем веке популярность в названии числа, обозначающего год.

Во всех приведенных примерах год обозначался цифрами, и это принципиальный факт. Это касается функционирования чисел с другим значением и в других контекстах. Более того, можно сказать, что некоторые авторы не всегда строго различают число и цифру, например, говоря о числе, производят некоторые пространственные операции с его цифровым изображением². В связи с передачей числа посредством цифр встает еще одна важная проблема: как правильно прочесть цифровую запись — с помощью количественного или порядкового числительного? Подробнее она будет обсуждена далее, пока же можно отметить, что в русском языке в отличие от английского, французского и других, часто предпочитается порядковое числительное.

Очевидно, что подобные числа в приведенных выше названиях интерпретируются довольно просто. Во-первых, в них сразу угадывается обозначение года, во-вторых, их содержание, как правило, связано с этим годом. Обычно действие произведения происходит в соответствующем году, или, как в футурологической передаче А. Гордона, обсуждается некий прогноз примерно на двадцать с лишним лет вперед, то есть условный 2030 год.

Можно вспомнить и другие названия недавних литературных произведений и фильмов, содержащих число, записанное цифрами. Среди них

- роман Арсена Ревазова «Одиночество-12»;
- элегия Виктора Пелевина «Элегия 2» (из книги «Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда»);
- сценарий Ивана Охлобыстина «Параграф 78» и его роман «XIV принцип»;
- роман Владимира Сорокина «23 000»;
- фильм Ильи Хржановского «4» (по сценарию В. Сорокина);
- фильм Николая Хомерики «977»;
- книга Анны Старобинец «Убежище 3/9»
- американский сериал «4400»³.

Чтобы понять значение числа в этих названиях, требуется по крайней мере ознакомиться с содержанием текста или фильма, но и это не всегда обеспечивает понимание.

² Так, например, ведут себе числа-цифры в романе В. Пелевина «Числа» из книги «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда», о котором подробнее будет сказано далее.

³ В этом ряду стоит упомянуть также название бара — «7».

Так, в романе В. Сорокина и в американском сериале числа, соответственно, 23000 и 4400 обозначают количество людей, объединенных по некоторому признаку. Некоторые же названия допускают множественную интерпретацию, некоторые, по-видимому, не допускают никакой. Интересно также отметить, что даже существующая интерпретация не всегда лежит на поверхности, а может открываться лишь в результате определенного анализа. Вот, что, например, пишут М. Кошель и И. Кукулин в рецензии на книгу В. Пелевина «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда»:

Прологом к книге является стихотворение «Элегия 2», но его эпиграф относится и ко всей книге в целом:

«Вот так придумывал телегу я
О том, как пишется элегия».

Эпиграф позволяет определить, почему «Элегия» имеет номер два. Две приведенные строки — вариация на тему эпиграфа к «Элегии» Александра Введенского:

«Так сочинилась мной элегия
О том, как ехал на телеге я».

«ДПП (NN)» — это «телега», то есть занимательная история/теория «о том, как пишется элегия», — о литературном творчестве (НЛЮ, 2003, № 64).

Роль числа в тексте

Кажется, что этих примеров достаточно, чтобы продемонстрировать высокую частотность чисел в современных названиях. Впрочем, роль числа в тексте значительно шире. Современная наука практически не занималась подобными явлениями и никак не объясняет такой частотный всплеск. Пожалуй, единственное подробное объяснение сегодняшнего интереса к числам и даже в более широком контексте (то есть речь заведомо идет не только о названиях) содержится в уже упомянутом выше романе В. Пелевина «Числа»⁴. Он, собственно, и посвящен роли чисел в жизни современного человека. По существу в романе предлагается некая концепция этой роли, которую нет смысла подробно разбирать в данной статье. Достаточно ограничиться несколькими примерами и некоторыми выводами, которые важны и для лингвистического анализа чисел.

В романе происходит постоянная игра с числами. Можно привести один, пожалуй, самый яркий пример. Все главы помечены числами, но это не по-

⁴ В дальнейшем цитируется издание: *Пелевин В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда*: Избр. произв. М.: Эксмо, 2003.

рядковый номер главы, а скорее ее название (за исключением, возможно, первой главы). Во второй по порядку главе «17» речь идет о семнадцатом дне рождения. В следующей главе «43» — о числе 43 и т. п. Название же «34» встречается в романе неоднократно.

Одна из основных коллизий романа заключается в поиске героем хорошего числа, которое смогло бы защитить его, а также во взаимодействии выбранного им числа с другими числами, хорошими и плохими, и числами других людей.

После долгих размышлений герой выбирает своим «ангелом-хранителем» число 34. В этом решении его укрепил и случай в кино, когда на спинке кресла он увидел надпись:

Перед ним чернела жирная надпись несмываемым маркером: «САН-34». Что такое «САН», он не знал — может быть, группа в каком-нибудь учебном заведении или что-нибудь в этом роде. Зато он хорошо знал, что такое «34» (...). После этого случая стало окончательно ясно, что пакт, о котором он мечтал с детства, заключен (с. 16).

Вкратце основные принципы «новой нумерологии» по Пелевину⁵ таковы.

Во-первых, в отличие от нумерологической традиции она оперирует как раз большими числами (двузначными) и потому, как уже сказано выше, не имеющими устойчивых культурных коннотаций.

Во-вторых, сама связь числа и явления в «новой нумерологии» культурно никак не обусловлена. Более того, можно говорить о произвольности и даже натянутости этой связи. Подгонка события под число или вычитывания числа из события в интерпретации персонажей романа кажутся абсурдными и смешными. «Новая нумерология» по существу является постмодернистским издевательством над традиционной нумерологией.

В-третьих, несмотря на произвольность и абсурдность, «новая нумерология» работает как некая прикладная наука или, иначе говоря, как руководство к действию. Такое руководство дает определенный положительный эффект, и не только психологический. Абсурдность «новой нумерологии» противостоит абсурдности современного мира и помогает упорядочить его некоторым, пусть случайным, образом.

Важность чисел из современных авторов замечает, естественно, не только В. Пелевин. В подтверждение можно привести цитату из пьесы В. Никифоровой «Скрытые расходы» (цит. по рецензии Е. Ковальской, журнал «Афиша», 5 апреля 2006):

⁵ Точнее, конечно, говорить о художественной концепции связи чисел и человеческой жизни (событий, характеров, друзей и врагов), которую автор создает как бы в соавторстве со своими персонажами и к которой сам В. Пелевин относится в целом издевательски, но все же отчасти сочувственно, что видно хотя бы из последней цитаты.

- Так все-таки 17 и 7?
- Да.
- А не 16 и 8?
- Нет.
- Раньше было 16 и 8.
- Условия изменились.
- Значит, теперь 17 и 7...

Рецензент отмечает: «По-хорошему, эта пьеса могла бы быть написана в одних только цифрах. Было бы концептуально».

Конструкция с числом

Предложенная В. Пелевиным и упомянутая выше концепция реализуется даже на уровне синтаксических конструкций. Ключевую роль в жизни героя Пелевинского романа сыграла надпись на спинке кресла: «САН-34». Герой романа не мог понять ее действительного значения, однако постфактум дал ей исчерпывающую интерпретацию. Став банкиром, он назвал свой банк «Санбанком», а соответствующее число стало его покровителем. Таким образом, мы имеем дело с очевидно бессмысленным или, мягче, неинтерпретируемым названием, которое получает от случайного читателя (в данном случае героя) новую интерпретацию. Можно предположить здесь и некое утерянное звено. Некто записал «САН-34», имея при этом что-то в виду. Далее этот смысл был утерян, а на основании записанного он не восстанавливается. Поэтому любой читатель может вчитать в него что угодно. Свое особое значение вчитал в него и герой романа.

Сама эта конструкция представляет особый интерес и, безусловно, ярко демонстрирует моду на числа. Более того, саму эту конструкцию следует признать модной. Формально ее можно описать следующим образом. На письме она представлена именем существительным (в том числе и аббревиатура) и числом, записанным цифрами. Между существительным и числом может находиться как дефис, так и пробел. При прочтении числу соответствует количественное числительное. Нельзя назвать эту конструкцию абсолютно новой. Ранее, однако, она была довольно редкой, поскольку в русском языке во многих ситуациях предпочитается порядковое числительное (и часто с препозицией). Например, «Ричард III» читается как «Ричард Третий» и, тем самым, не относится к рассматриваемому случаю.

С некоторым упрощением можно сказать, что ранее были возможны всего три семантических интерпретации.

- Механизм и номенклатура: (танк) Т-34, (самолет) Ту-134, Темп-3 и т. п.

- Событие, или место, и год: Олимпиада-80, роман В. Войновича «Москва 2042» и т. п.
- Населенный пункт и номер: Армавир-9, Арзамас-16, Горки-10, Шереметьево-2 и т. п.

Кстати, даже и в этих случаях могло появляться порядковое числительное, часто с последующим опущением существительного: четыреста седьмой (о «москвиче-407»), шестисотый (о «мерседесе 600»). По-видимому, в названии романа В. Войновича также может быть использовано порядковое числительное: «Москва две тысячи сорок второй», как обычно в русском и обозначается год (ср. название романа В. Богомолова «В августе сорок четвертого...»).

Однако под влиянием английского языка семантика этой конструкции начала расширяться. Приведу лишь самые известные примеры: роман Дж. Хеллера «Уловка 22», вещество «Лед 9» в романе К. Воннегута, гонки «Формула 1», так называемые сиквелы (продолжения фильмов) «Крик 2», «Пила 2» и т. п., а также знаменитый «агент 007» — Джеймс Бонд.

Происходит и синтаксическое расширение. Вместо существительного может в принципе использоваться любая конструкция, в свою очередь являющаяся названием: «Миссия невыполнима 2», «Миссия невыполнима 3» (фильмы).

Сегодня так уже может называться что угодно:

- галерея А-3;
- клуб Б2;
- спектакль «Доктор-шоу, или Кабаре-03»;
- коктейль Б-52;
- выставка «Электронный вуду-2»;
- телевизионная передача «Кремль-9»;
- концерт «Скажи Ой 2»;
- авиакомпания «S 7» (ранее «Сибирь»);
- «Радио 7»;
- роман А. Ревазова «Одиночество-12».

Иногда число имеет прозрачную интерпретацию, например в спектакле «Доктор-шоу, или Кабаре-03» цифры 03 очевидным образом обозначают номер телефона скорой помощи. В других случаях интерпретация числа не так очевидна, а иногда и не единственна. Например, в галерее А-3 это скорее всего формат бумаги, а в случае «Радио 7» — это можно интерпретировать и как «радио на семи холмах», и как «трансляция семь дней в неделю» (в соответствии с рекламным слоганом).

Название телевизионного сериала «Кремль-9» также не случайно, но приводимое в аннотации на сайте первого канала объяснение, конечно же, не может быть известно зрителю: «„Девятка“ — это бывшее 9-ое Управление

КГБ СССР, которое обеспечивало охрану и безопасность высших должностных лиц страны. Все фильмы основаны на подлинных архивных документах спецслужб, уникальных кино-, видео- и фотодокументах, а также свидетельствах очевидцев описываемых событий».

На радио «Эхо Москвы» в передаче, посвященной авиакомпании, был объявлен конкурс на лучшую интерпретацию сочетания «S 7», что фактически подразумевало, что у владельцев компании такой интерпретации либо нет, либо они готовы ее дополнить другими. Интересно отметить, что одной из лучших была признана интерпретация числа 7 как числа континентов или частей света, куда летают самолеты компании, что, безусловно, неверно. Традиционно выделяются шесть континентов и шесть (реже семь) частей света, но в любом случае в Антарктиду самолеты данной компании не летают.

Конструкция эта стала настолько модной и частотной, что пародируется в опять же модном журнале «Крокодил»: Сбылась мечта-3, Дедушка возвращается-2, В глубокой заднице-8.

Наиболее откровенно объяснение семантики этой конструкции дано в разговоре персонажей романа «Одиночество-12»⁶:

- Вот и создалась концессия, — сказал Антон.
- Надо как-то ее назвать, — предложил я.
- «Дейр-Эль-Бахри», — предложил Матвей. — Жестко. Seriously.
- Seriously, но хрен выговоришь, — возразил я. — Давайте лучше «Одиночество». Это слово мы еще не расшифровали.
- Слишком грустно, — покачал головой Матвей. — И не круто.
- «Одиночество-12», — сказал Антон. — Грусти — меньше, крутизны — больше.
- Почему 12?
- Просто так. Лучше звучит. Как Catch 22. Или Ми-6. И вообще, двенадцать — счастливое число.
- Все согласились, хотя Мотя проворчал, что ему это больше напоминает не Ми-6, а Горки-10 (с. 75).

Для числа 12 вообще не предусмотрено никакой интерпретации, появляется же оно в названии совершенно случайным образом, для «крутости», а фактически «под иностранным влиянием», точнее, под влиянием соответствующей английской конструкции (см. указание на уже упоминавшийся роман Дж. Хеллера «Catch 22» и английскую разведку Ми-6). В этом романе числа вообще играют самостоятельную роль, например, герою, хозяину рекламного агентства, заказывают рекламу и продвижение нескольких слов и одного числа:

⁶ Роман цитируется по изданию: *Ревазов А. Одиночество-12: Роман-fusion*. М.: Ад маргинем, 2005.

— Я не понял, — честно сказал я. Вы хотите, чтобы мы везде, где сможем, размещали слова «Дейр-Эль-Бахри», «Калипсол», «Одиночество» и вот этот набор цифр «222461215»? В прессе, на телевидении, на радио, в интернете? Как можно чаще?

— Вот именно, — ответил он. — И за это я плачу вам деньги (с. 30).

Позднее это число — 222461215 — получает различные интерпретации.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что число в современном тексте проходит все этапы, с одной стороны, десемантизации, с другой стороны, насыщения смыслом. Точнее говоря, сначала происходит семантическое опустошение числа, когда первоначальное значение либо постепенно утрачивается, либо изначально неизвестно адресату текста. В предельном случае оно и не предполагается (см. цитату из романа «Одиночество-12»), то есть цифровую запись можно рассматривать как иероглиф, используемый только ради его звучания, но не значения⁷. Однако в дальнейшем возможно вчитывание различных интерпретаций, имеющих в общем равные права на существование. Таким образом, можно сказать, что число в современном тексте принципиально используется как полисемичный знак с неограниченным количеством значений.

⁷ Таким образом, можно говорить не только о десемантизации числа, но и о «деиероглификации» цифровой записи, используемой в названии. В тех названиях, где число в цифровой записи используется исключительно ради моды (пример — «Одиночество-12»), оно не имеет никакой смысловой интерпретации, но все же продолжает читаться.

НЕСКОЛЬКО ПОЛОЖЕНИЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЗАЛОГА

С. А. Крылов

В настоящей статье предпринята попытка очертить основные положения общей теории залога. По сути дела, изложение может пониматься как попытка рассказать о залоге в рамках жанра энциклопедической статьи — для некоторой мысленной (несуществующей) энциклопедии, состоящей из подробных описаний основных лингвистических понятий. Вместе с тем излагаемые взгляды на залог индивидуальны. Они отражают особую концепцию залога, выработанную в русле неструктуралистского подхода к грамматике.

Залогом называется грамматическая (морфологическая и лексикограмматическая) категория глагола (а также некоторых отглагольных образований — инфинитивов, причастий, деепричастий и т. п.), выражающая «диатезу», т. е. характер соотнесения основных участников ситуации (субъекта и объекта действия) с основными именными членами предложения — подлежащим и прямым дополнением. К разным залогам относятся такие морфологически различные формы глагола, которые употребляются в одной синтаксической позиции, но различаются по своей «синтактике» (И. А. Мельчук, А. А. Холодович) — т. е. по набору валентностей или по схеме управления (т. е. по способам оформления валентностей) (С. Е. Яхонтов).

В большинстве языков залоговая оппозиция непосредственно сказывается на явном глагольном управлении (на явном оформлении хотя бы одного из именных актантов); однако в некоторых языках, где роли актантов выражаются только в составе глагольной словоформы (майя, киче, сапотек, цоцил, билаан), различие залогов не сказывается на явном оформлении актантов.

Центральной залоговой оппозицией (характеризующей, как правило, лишь прямопереходные глаголы) является противопоставление прямого (в терминологии В. И. Даля и Е. В. Падучевой), т. е. немаркированного, залога (выражающего «прямую диатезу», при которой субъект действия выражен подлежащим, а прямой объект — прямым дополнением) косвенным («производным», по терминологии Е. В. Падучевой) залогам, обозначающим «косвенную» («производную») диатезу — то или иное отклонение

от этой канонической схемы. Поэтому залог можно определить как грамматически (или «морфологически») выраженную в глаголе диатезу (И. А. Мельчук, А. А. Холодович).

Прямой (исходный) залог (традиционно называемый «действительным») в каждой языковой системе — единственный. Именно он является морфологически немаркированным. Однако языки разного синтаксического строя отличаются тем, какой именно семантический тип залогов (т. е. какой тип диатезы) является прямым. В номинативно-аккузативных языках, грамматический строй которых стал эталоном для европейской грамматической традиции, прямой залог — это действительный (за редкими исключениями типа языка дирбал), в эргативных языках — эргативный, в контрастивных (аккузативно-эргативных) — контрастивный (аккузативно-эргативный), в активных — агентивный (или собственно-активный).

Основной функцией важнейших (интенциональных) косвенных залогов является:

(а) конвертирование ситуации, т. е. развертывание ориентации процесса в противоположную сторону (так, согласно М. М. Гухман, актив выражает «центробежную» направленность действия, а пассив — «центростремительную»); и

(б) фокусирование внимания на одном из участников ситуации в ущерб другому (Г. Штейнталь, Я. Ваккернагель); так, согласно Ю. С. Мартемьянову, агентивное дополнение, поставленное в безударную начальную позицию, играет по отношению к магистральной линии высказывания такую же периферийную роль, как и разные виды обстоятельств (т. н. роль «аннекса», выполняемую стоящими в начале предложения безударными обстоятельствами места, времени или особенно причины).

В «номинативных» (= «аккузативных») языках прямым залогом, как правило, является актив, или действительный залог (редкое исключение составляет австралийский язык дирбал и некоторые австронезийские языки, где прямым залогом у большинства переходных глаголов является пассив); в эргативных языках ту же функцию выполняет эргативный залог. Актив переходных глаголов в каноническом случае обозначает действие — (как правило, контролируемый) процесс, происходящий с субъектом действия (агентом) и переходящий на объект действия (пациент) (ср. *Каин убил Авеля*). В активе субъект (в каноническом случае — деятель, агент) канонически стоит в позиции темы сообщения.

Важнейшим косвенным залогом в номинативно-аккузативных языках является пассив, или страдательный залог, обозначающий претерпевание — (как правило, неконтролируемый) процесс, происходящий с объектом действия (в каноническом случае — пациентом) (*Рабочими стро-*

ится дом) или наступившее в результате такого процесса состояние объекта (в каноническом случае — пациенса) (*Рабочими построен дом; Авель убит Каином*). Внимание сфокусировано на объекте действия (канонически — на пациенсе); сообщение о состоянии объекта становится магистральным, поэтому пассивный залог во многих языках используется для тематизации объекта действия (его постановки в позицию темы сообщения). Подлежащее при пассиве грамматически оформлено так же, как подлежащее при непереходных глаголах состояния или при именном сказуемом. Обозначение же субъекта (в каноническом случае — агенса) в пассиве не только вытеснено на периферию высказывания — в «трехчленном пассиве» он выражен т. н. «косвенным агентивным дополнением» (а последнее фактически носит обстоятельственный характер, т. е. ведет себя во многом сходно с обстоятельствами, особенно с обстоятельствами причины): в русском языке творительным падежом деятеля, в латыни — аблативом деятеля, в английском — предлогом *by*, во французском — предлогом *par* и т. п. Более того, в пассиве обозначение субъекта становится факультативным. Поэтому в т. н. «двухчленном пассиве» (получаемом из трехчленного простым опущением агентивного дополнения) субъект как бы «уходит за кадр», т. е. его обозначение легко может быть опущено (*Авель убит; Дом построен*). Таким образом, с помощью пассивного залога от прямопереходных глагольных лексем со значением действия образуются непереходные залоговые словоформы со значением претерпевания и состояния. Обычно страдательный залог морфологически сложнее, чем действительный (однако в австралийском языке дирбал и в некоторых австронезийских языках форма действительного залога сложнее формы страдательного). Обозначение состояния пациенса (как результата претерпевания воздействия) является основной функцией пассива, а обозначение самого претерпевания воздействия — вторичной (это, по всей вероятности, объясняется историческими закономерностями происхождения пассива). Поэтому в некоторых языках пассив возможен лишь при перфектных или прошедших временах глагола. Как правило, пассив образуется от переходных глаголов; в тех языках, где пассив возможен также от переходных глаголов (ср. рус. *здесь сижено, хождено; об этом уже говорено*), он имеет переносное (в первую очередь — безличное) значение.

Пассивный залог стал специальным предметом исследования в работах М. М. Гухман, Э. И. Королева, В. С. Храковского, И. Ш. Козинского, А. Северской, Э. Кинэна, М. Сибатани, М. Хаспельмата и др.

Обычно пассив в противопоставлении активу является маркированным членом (как в формальном, так и в смысловом отношении); но, как показал И. Ш. Козинский, существуют такие (весьма редкие) языки, где пассив немаркирован (австралийский язык дирбал и некоторые австронезийские язы-

ки). Если морфологически выраженный пассив л е к с и к а л и з о в а н, то он также может быть немаркированным; так, в конструкциях объектного квази-пассива, описанных В. И. Гавриловой (*Сосна покрыта снегом; Обратная сторона Луны скрыта от взоров; вход в пещеру заслонен валуном*), пассив семантически немаркирован; семантически маркированным оказывается в таких случаях скорее актив (*снег покрыл скалу; река пересекла равнину* и т. п.).

В некоторых языках (филиппинских, японском и др.) пассивизации может быть подвергнут не только прямой объект действия, но и другой именной член предложения — косвенный объект (со значением адресата) или даже обстоятельство места. В таких языках залог играет особенно существенную роль как средство выражения коммуникативной организации предложения (топикализации). Согласно данным Ч. Хоккета, в алгонкинских языках такая коммуникативная функция залога становится практически основной или даже единственной (поэтому следует говорить уже не о пассиве, а просто об «инверсивном» залоге, на основании функционального сходства этого залога с коммуникативной и н в е р с и е й). Семантика и типология инверсива изучалась М. С. Полинской, Т. Гивоном и др.

В эргативных языках важнейшим косвенным залогом является а н т и - п а с с и в (он представлен лишь в некоторых, но не во всех эргативных языках), обозначающий «самодостаточное» действие субъекта действия (а также состояние субъекта, наступающее в результате такого действия). На состоянии субъекта действия сфокусировано внимание. Объект же действия в антипассиве выражен косвенным падежом и таким образом вытеснен на периферию высказывания. Аналогом этого явления в русском языке можно считать вытеснение на периферию объекта действия в русских косвеннопереходных конструкциях с антипассивной диатезой (ср. *Он напился вина, наелся грибов, сильно упился пивом, бросается камнями, задержался с письмом, учится иностранному языку, таскается с чемоданом* и т. п.). Антипассивный объект становится факультативным (подобно объекту в русских антипассивно-медиальных конструкциях типа *Он наелся до отвала, напился (упился) до положения риз* и т. п.). Однако в русском языке антипассивная диатеза — экзотическая редкость, между тем как во многих эргативных языках антипассив довольно регулярно образуется от большинства прямопереходных глаголов; таким образом, с помощью показателя антипассивного залога от прямопереходных глаголов образуются косвеннопереходные или даже непереходные залоговые словоформы. Антипассив изучен в работах М. Сильверстейна, Дж. Хита, У. Д. Дэвиса, В. П. Недялкова, И. Ш. Козинского, М. С. Полинской и др.

Некоторые залоговые преобразования перераспределяют соотношение между прямым и косвенным дополнением, превращая прямые дополнения в косвенные или наоборот. Такое преобразование (по Ю. С. Мартемьянову,

«реклинация» дополнений) может осуществляться с помощью особого залога — «пермутатива» (по И. А. Мельчуку), представленного, например, в чукотском языке. Типологическими разновидностями пермутатива являются «транзитиватив» (по И. А. Мельчуку) (превращающий косвенное дополнение или даже обстоятельство в прямое дополнение) и «детранзитиватив» (по И. А. Мельчуку) (превращающий прямое дополнение в косвенное).

Регулярный «транзитиватив» представлен в ряде индонезийских языков. Функцию транзитивации косвенного объекта или обстоятельства места в русском языке выполняют некоторые приставки, транзитивирующие глагол: ср. *мазать краску на стену* — *обмазать (замазать) стену краской*. Синтаксический эффект, достигаемый такими приставками (сделать глагол переходным), подобен эффекту от каузативных суффиксов и диаметрально противоположен возвратным показателям типа *-ся*, синтаксическая функция состоит в лишении глагола его переходности и/или в усилении семантических коннотаций, связанных с непереходностью.

Детранзитивирующая функция характерна, в частности, для т. н. «антипассива», представленного в некоторых эргативных языках (см. выше).

Залоги, конвертирующие ориентацию процесса, считаются основными членами центральной залоговой оппозиции. При суженном понимании залога к нему относят лишь прямой залог и важнейший из косвенных залогов, выполняющий конверсную функцию. Однако более распространено широкое понимание залога, при котором в число функций залога включается не только конвертирование ориентации процесса, но и другие функции (передача значений т. н. «актантной деривации» по классификации В. А. Плунгяна). В их число входят прежде всего: выражение отношения тождества между участниками ситуации и совместности выполняемых действий; обобщенный характер участников (неопределенность, универсальность или несущественность участников), введение в поле зрения лишних или фиктивных участников; устранение со сцены несущественных участников.

Отношение тождества между субъектом и объектом выражается возвратным залогом, или рефлексивом; возвратное значение свойственно многим (но далеко не всем) т. н. «возвратным» глаголам, а именно т. н. «собственно-возвратным» (*бриться, умываться, одеваться, чесаться, вешаться* и т. п.). При рефлексивном залогом сказуемого подлежащее соответствует одновременно как субъекту, так и объекту действия в силу их тождества друг другу. Семантика и типология рефлексива подробно изучена Н. А. Янко-Триницкой, В. П. Неделковым, Э. Ш. Генюшене и др.

Симметричное отношение между участниками сложного процесса, состоящего из нескольких (двух или более) одновременно протекающих одно-

именных процессов, участники которых попеременно выступают в ролях субъектов и объектов некоторого отношения или действия, выражается взаимным залогом, или реципроком. Взаимное значение имеют, напр., русские «взаимно-возвратные» глаголы типа *пересекаться*, *встречаться*, *обниматься*, *целоваться*, и т. п. Подобно рефлексиву, взаимный залог сказуемого сигнализирует о том, что подлежащее соответствует сразу субъекту и объекту действия, так как обозначает множество участников, меняющихся ролями в ходе обозначаемого процесса. Реципроку посвящены обстоятельные труды А. А. Холодовича, В. П. Недялкова, Ф. Лихтенберка и др.

Отношение совместности (кооперации) между субъектами, на равных правах участвующими в некотором действии, выражается (напр., в монгольском языке) социативом, или кооперативом (совместным залогом) (примером социативного или кооперативного значения в русском языке может служить приставка *с(о)-* в словообразовательной структуре русских глаголов типа *сотрудничать*, *соучаствовать*, *собутельничать*, *соратничать*).

Как в реципроке, так и в социативе соотношение между подлежащим и субъектом действия не является тривиальным: вместо одного субъекта действия, выраженного подлежащим в ед. ч. (как в исходной прямой диатезе), перед нами предстает множественный субъект, выражаемый либо сочинительной группой, либо существительным во множественном числе.

Медий // медиум, или средний залог (представленный, напр., в греческом) означает, что действие сосредоточено в субъекте, тогда как объект действия оказывается в принципе несущественным. Представление о медиальном значении дают русские глаголы типа *кушаться*, *царапаться*, *ругаться* и т. п. Фокусирование внимания на субъекте сближает медию с антипассивом (но антипассив в отличие от медию допускает обозначение объекта — а именно, с помощью факультативного косвенного дополнения). Медию уделили особое внимание Э. Дж. Барбер, С. Кеммер, И. А. Перельмутер и др.

Имперсонал, или безличный (бесподлежащий) залог означает, что позиция подлежащего не занята (либо занята лишь пустым служебным местоимением). Отсутствие субъекта в позиции подлежащего сближает имперсонал с пассивом, поэтому предлагалась (В. С. Храковским, а затем также Э. Кинэнном, Б. Комри) такая широкая трактовка пассива, при которой пассив усматривается также в безличных и неопределенно-личных конструкциях; таким образом, при широкой трактовке пассива имперсонал будет считаться разновидностью пассива.

Имперсонал, в отличие от других косвенных залогов (как правило, образуемых только от переходных глаголов), образуется, как правило, в первую очередь именно от непереходных глаголов.

Имперсонал имеет свои разновидности. Так, в некоторых языках возможен переходный имперсонал, при котором наименование субъекта процесса ставится в позицию прямого дополнения. Так, во французском переходном имперсонале в позицию дополнения (прямого или косвенного) попадает субъект процесса (обычно непереходного). Ср. франц. *Il est arrivé un train* 'Пришел поезд' (или: 'пришла электричка') (букв. 'Пришло электричку'). В русском языке значение безличного переходного залога выражено в конструкциях типа *Большого трясет, лихорадит, скрючило, бьет* и т. п. В ряде языков (в частности, в русском) распространен а ф ф е к т и в н ы й имперсонал, образующий безличную конструкцию с дательным падежом субъекта, имеющую модальное значение неподконтрольной субъекту желательности/нежелательности: *мне сегодня не спится (не читается, не пишется, не гуляется); не ложится (не сидится) на месте; хорошо дышится* и т. п. Имперсонал специально изучался В. С. Храковским, З. Фрайзингером и др.

Имперсонал, бессубъектный пассив, безобъектный антипассив, медий сходны друг с другом в том отношении, что они, образно выражаясь, как бы устраняют одного из участников действия со сцены «за кулисы». Это делается тогда, когда в замысел высказывания входит нежелание конкретизировать, о ком или о чем идет речь; это может быть вызвано как экономией усилий говорящего (в случае заведомой известности обоим собеседникам, заведомой неизвестности говорящему, обобщенности или неопределенности участника), так и фигурой сознательного умолчания (из желания не делиться информацией с собеседником). Такая «подавляющая» функция указанных производных залогов (по классификации В. А. Плуногяна, п о н и ж а ю щ а я деривация) называется р е ц е с с и в н о й (по Л. Теньеру, В. П. Недялкову и др.) или с у п п р е с с и в н о й (по И. А. Мельчуку).

«А к ц е с с и в н ы е» (в смысле Г. Г. Сильницкого) или «к о н т а к т н ы е» (по И. А. Мельчуку) залогов, наоборот, вводят дополнительных участников ситуации (по классификации В. А. Плуногяна, такое преобразование называется п о в ы ш а ю щ е й деривацией). К числу акцессивных залогов относятся каузатив (фактитив) и аппликатив.

К а у з а т и в, или п о н у д и т е л ь н ы й (п о б у д и т е л ь н ы й) залог (представленный, напр., в монгольских языках), произведен от значения к а у з а ц и и (п р и ч и н е н и я). Он означает, что в позиции подлежащего стоит обозначение к а у з а т о р а (т. е. причины основного процесса), а позицию прямого дополнения занимает субъект основного процесса (к а у з и р у е м о й с и т у а ц и и, или с л е д с т в и я). Каузатив стал предметом специальных исследований В. П. Недялкова, Г. Г. Сильницкого, Л. Бэбби, М. Сибатани, Б. Комри.

В русской синтетической морфологии (а именно — в словообразовании отадъективных и отсубстантивных глаголов) представлена одна из разновид-

ностей каузатива — т. н. трансформатив (залог со значением ‘делать таким-то’). Словообразовательный трансформатив выражается отадъективными глаголами (*сухой — сушить, мокрый — мочить, меньше — уменьшать, простой — упростить, белый — белить, круглый — округлять, ровный — ровнять, равный — равнять, русский — русифицировать*) и отсубстантивными глаголами (*болван — оболванивать, дурак — одурачивать*).

Значение, обратное каузативному, выражается декаузативом (или, в менее удачной терминологии, «антикаузативом»), означающим, что ‘про причину ситуации неясно, локализуется ли она вне субъекта процесса и известна ли она вообще’. В русском языке декаузативное значение регулярно выражается показателем непереходности — постфиксом *-ся* в составе таких декаузативных глаголов, как «общевозвратные» глаголы движения (*катиться, валиться, двигаться, подниматься, опускаться...*) и глаголы чувств (*радоваться, печалиться...*). Семантика и типология декаузатива изучена М. Хаспельматом.

Фактически смысл декаузативной конструкции оказывается проще, чем смысл каузативной (в ней одним участником меньше), поэтому в речи декаузативные глаголы оказываются во многих отношениях параллельны прямым обозначениям процесса (ср. глаголы движения *плывет*, положения *стоит, сидит*, состояния покоя *спит*, чувства *грустит, хандрит*, состояния отсутствия покоя *бодрствует* и т. п.), а исходные каузативные глаголы параллельны таким производным каузативным глаголам (типа глаголов каузации движения *сплавляет*, положения *ставит, сажает*, состояния покоя *усыпляет*, состояния отсутствия покоя *будит, взбадривает* и т. п.). Вопрос о том, какой член оппозиции по каузативности является исходным, а какой — производным (маркированным), не имеет однозначного решения, так как отношения смысловой сложности здесь противоположны отношениям формальной сложности (И. А. Мельчук).

Аппликатив (директив) вводит в актантную структуру глагола (обычно в позицию прямого дополнения) лишнего (дополнительного) участника действия. Сильно грамматикализованный аппликатив (напр., в грузинском языке), вводящий бенефицианта — того участника, в пользу которого совершается действие, иногда считается проявлением особой грамматической категории *в е р с и*, отличаемой от собственно залога (А. Г. Шанидзе).

Разновидностью зачаточного аппликатива в сочетании с возвратным значением косвенного дополнения бенефицианта можно считать русскую местоименную клитику *себе* в таких служебных приглагольных употреблении, как *иду себе, пою себе, гуляю себе* и т. п., а также ее агглютинативный потомок — возвратный постфикс *-ся* в составе таких глаголов, как *строиться* (в значении ‘строить себе дом’).

Противопоставление залоговых форм следует отличать от противопоставления залоговых значений. Асимметрия между системой залоговых форм и системой залоговых значений в русском языке (как и во многих других языках) весьма высока.

Так, форма прямого залога выражает:

- (1) нулевое («общее») значение (у непарных форм, в частности у всех непеходных глаголов и у переходных глаголов типа *благодарить*);
- (2) медиальное (среднее) значение (ср. *Он славно пишет, переводит...*; *Петя читает*; и т. п.);
- (3) активное («действительное») значение (у большинства переходных глаголов при наличии прямого дополнения: *Петя читает книгу* и т. п.) (отсюда идет традиционное название прямого залога — «действительный» или «активный»);
- (4) взаимное значение (*Кузнецов и Соколов дружат*; *Ирак и США враждуют*; *Оля и Наташа контактируют*; *Индия и Пакистан имеют общую границу*);
- (5) каузативное значение (*катит, качает, огорчает, тревожит, радует, поднимает, опускает...*).

Страдательная форма выражает:

- (1) собственно страдательное значение (*Наполеон побежден Кутузовым*);
- (2) псевдострадательное значение (*Сибирь покрыта льдом и мраком*).
- (2) общее значение (*Ира огорчена*; *Дверь открыта*).

Возвратная форма выражает:

А. От переходных глаголов:

- (1) собственно возвратное значение (*бреется, моется...*);
- (2) взаимное значение (*Дети мирятся, ссорятся*);
- (3) страдательное значение (*дом строится*);
- (4) декаузативное значение (*катится, качается, движется, опускается, поднимается...*);
- (5) медиальное (среднее, активно-безобъектное) значение (*кусаются, царапаются, жжется, ругается, лягается...*);
- (6) длительно-усилительное (кратно-пассивно-возвратное) значение (усиленного сосредоточения действия в субъекте) (*стучится, целится, просится, звонится, грозит, всматривается, задумывается*);
- (7) нулевое или общее значение — при частичной лексикализации (*добивается, находится, состоится, прощается, принимается, положится, договаривается, торгуется*), при полной лексикализации (*борет-*

ся, боится, гордится, заботится, кажется, кланяется, касается, ленился, смеется, улыбается, снится, старается, трудится, становится, соглашается, соревнуется, торопится, совещается, стремится, охотится, сражается, любит...);

(8) безличное значение (*полагается, кажется, думается...);*

(9) косвенно-возвратное значение (*Поселенцы строятся; Крестьяне уже отпахались);*

(10) объектно-квазипассивное значение (*растворится, впитается, преломится, покроется, колышется* и т. п.); (внутри этого типа возможно и дальнейшее подразделение);

(11) субъектно-квазипассивное значение (*показался, вспомнился, приснился, приглянулся, запомнился, встретился* и т. п.);

От непереходных глаголов:

(12) безлично-аффективное значение (непроизвольной склонности к действию) (*И верится, и плачется..., живет, спится, дышится* и т. п.);

(13) статальное значение (обнаружение свойства или выделение свойства на контрастном фоне) (*белеется, чернеется, зеленеется* и т. п.);

И другие.

Сложностью формально-смысловых отношений в сфере залога объясняется разнообразие точек зрения на выделение инвентаря залогов и залоговых значений в русском языке.

Так, М. В. Ломоносов и вслед за ним многие его последователи усматривали в русском языке 6 залогов (действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний и общий). А. Х. Востоков считал, что залогов — это всего лишь семантические подклассы глаголов и глагольных значений, не имеющие отношения к грамматике; а В. И. Даль и Н. П. Некрасов вообще считали, что понятие залога бессмысленно. Г. П. Павский свел число залогов к трем (действительный, страдательный и средний). Ф. И. Буслаев, попытавшийся совместить формальные критерии выделения с семантическими, выделял различные типы залогов внутри производных возвратных глаголов. А. А. Потебня (как и его ученики) выделял также 3 залога.

Ф. Ф. Фортунатов, трактовавший залог как словообразовательную категорию, предложил на формальных основаниях (наличие vs. отсутствие постфикса *-ся*) выделять два залога (возвратный vs. невозвратный); а у причастий выделять три залога (действительный, страдательный и возвратный); аналитические же образования Фортунатов и его школа выводили за пределы морфологии и относили к синтаксису. Выбор между значениями возвратного постфикса зависит прежде всего от принадлежности глагола к тому или иному подклассу, но отчасти и от того, в составе какой конструкции этот глагол употреблен.

Изучение залоговых конструкций («диатез») стало предметом особенного внимания в работах ленинградской типологической школы в 1970—1980-е гг.

Способы выражения залога подразделяются на (1) синтетические; (2) полусинтетические; и (3) аналитические.

К синтетическим способам относятся, напр., (1а) флексии пассивного спряжения (напр., в латыни) и деривационные аффиксы типа русских причастных суффиксов пассива (-*нн*-, -*т*-, -*м*-) и актива (-*щ*-, -*ви*-); (1б) агглютинативные «прилепы» (напр., русский постфикс -*ся* или литовский пост(пре)фикс -*si*).

К полусинтетическим способам относятся: (2) местоименные клитики типа франц. *se* (*me, te, nous, vous*) или нем. *sich* (*mich, dich, uns, euch*) (в скобках указано изменение возвратного местоимения по лицам, не мешающее ему выполнять функцию показателя возвратного залога).

К аналитическим способам относятся: (3) вспомогательные связочные глаголы со значением бытия или становления типа рус. *быть* или нем. *sein* и *werden* в сочетании с грамматической формой пассивного причастия от основного знаменательного глагола (*das Haus wird gebaut* ‘дом строится’; *das Haus ist gebaut* ‘дом построен’).

Место залога среди других грамматических категорий (если использовать классификацию категорий А. В. Бондарко) можно охарактеризовать следующим образом.

1) Залог относится к числу **содержательных** (а не синтаксически обусловленных) категорий (т. е. не существует ни согласования по залогу, ни навязывания залога управляющим словом).

2) Но содержание залога является преимущественно **интерпретативным** (отражающим интерпретацию ситуации говорящим): он выражает определенный взгляд на иерархию участников процесса по их относительной важности и на направление (ориентацию) процесса; по данному параметру залог схож с видом (на это свойство залога опирается использование во французской грамматической терминологии для обозначения залога термина «voix», среди значений которого есть, в частности, и такие, как ‘взгляд, мнение’). Таким образом, залоговые формы отличаются друг от друга не столько отражаемыми внеязыковыми ситуациями действительности, сколько их развертыванием перед мысленным взором, подачей, упаковкой. Во многих контекстах различия между конструкциями разных залогов нейтрализуются. Это дало повод (и основание) описывать залог как основное средство залогового преобразования (залоговой трансформации) и обусловило повышенное внимание к залогу сторонников трансформационной грамматики (трансформационализма) — как в ее исходном стандартном варианте, так и в ее ревизионистских ответвлениях — реляционной грамматике, падеж-

ной грамматике, порождающей семантике, интерпретирующей семантике. Первые же попытки трактовать залоговое преобразование как сохраняющее смысл неизменным привели к трудностям в описании, преодоление которых стало мощным стимулом к развитию все новых и новых версий трансформационной модели описания языка.

3) Вместе с тем залог непосредственно не связан с такими координатами речевого акта, как говорящий, слушающий, время и место речевого акта, и, таким образом, не принадлежит к числу актуализационных (шифтерных) категорий (таких, как дейксис, наклонение, тип референции) (хотя некоторое косвенное отношение к актуализации высказывания имеет использование пассива, а иногда и других косвенных залогов как средства коммуникативной организации высказывания, наряду с прочими грамматическими средствами).

4) С точки зрения своей роли в построении синтаксической структуры предложения залог является самой конструктивно-синтаксической из грамматических категорий: его непосредственное участие в формировании синтаксической модели предложения носит обязательный, постоянный характер (именно поэтому в ряде учебников по языкознанию и во многих описательных грамматиках раздел, посвященный залогам, включается не в морфологию, а в синтаксис).

5) С точки зрения синтагматической значимости залог относится:

- а) к числу синтагматически сильных категорий (в отличие от вида и времени, слабо нагруженных синтаксическими функциями);
- б) к числу несентенциальных, нефразовых категорий (в отличие от наклонения, обозначающего вершинную роль слова в предложении);
- в) к числу подчиняющих категорий (а не подчиненных, как согласуемые и управляемые категории); по этому признаку залог глагола обнаруживает определенное сходство с родом существительного, чем объясняется, в частности, внешнее сходство внутренней формы у терминов «Genus» (букв. ‘род’) и традиционного латинского названия залога «Genus verbi» (букв. ‘род глагола’, т. е. залог; этот термин вошел также в немецкую лингвистическую традицию);
- г) к числу управляющих категорий (т. е. влияющих на выбор падежа управляемых имен) (а не контролирующих согласование, как согласовательные категории существительных).

По всем этим параметрам (1—5) залог сближается с такой адъективной категорией, как степени сравнения прилагательных и наречий (особенно это касается «акцессивных» залогов), что было отмечено У. Чейфом. Однако залог, в отличие от степеней сравнения, характеризует глагольную лексику

и производные от нее *в е р б о и д ы* (причастия, деепричастия, инфинитивы, а также некоторые виды отглагольных существительных и непричастных прилагательных).

6) С точки зрения коррелятивности залог относится к числу *непоследовательно коррелятивных* (т. н. лексико-грамматических) категорий (наподобие глагольного вида, числа существительных и степеней сравнения прилагательных и глаголов), занимая в этом отношении промежуточное место между преимущественно коррелятивными (словоизменительными, возможными почти от всех слов данного разряда за небольшими исключениями) и преимущественно некоррелятивными (или *классифицирующими*) категориями — такими, как род неодушевленных существительных.

Коррелятивность по залогу проявляется в том, что значительная часть глаголов образует залоговые оппозиции. Непоследовательность этой корреляции состоит в том, что другая значительная часть глаголов оказывается вне основной залоговой оппозиции (так, в большинстве языков пассив возможен только от *переходных* глаголов). Вместе с тем некоторые специфические оппозиции (такие, как оппозиция прямого залога безличному) охватывают как раз только *непереходные* глаголы. Таким образом, категория залога тесно связана с таким классифицирующим («лексико-синтаксическим») признаком глаголов (и вообще предикатных слов), как модель управления (а также «исходная диатеза»).

7) С точки зрения механизма образования залоговых форм залог может быть охарактеризован как категория *деривационная* (а не *альтернативная*), т. е. формы косвенных залогов естественно описывать как производные по отношению к формам прямого (исходного) залога (и в этом отношении залог подобен числу существительных или степеням сравнения прилагательных и наречий). Производность косвенных залогов (как семантическая, так и формальная) имеет свои проявления в морфологии (производные залоговые формы характеризуются большей морфемной сложностью), синтаксисе (валентная схема производных залоговых форм выводится из валентной схемы исходной залоговой формы, но не наоборот), лексике (многие производные залоговые формы лексикализованы) и в статистических закономерностях их употребления в тексте (производные залоговые употребляются реже, чем прямой).

В противопоставлении прямого (морфологически неохарактеризованного) залога косвенным (морфологически охарактеризованным) он выступает как более *простой* в формальном и смысловом отношении, поэтому В. И. Даль предлагал называть его *прямым* (в противоположность *возвратному*); в трансформационном описании залога Е. В. Падучевой вновь появляется термин «*прямой залог*» в том же смысле (в противопоставлении «*производным*» залогам).

Так как некоррелятивные словоформы принято, как правило, соотносить с немаркированным членом оппозиции (т. е. тем, который выступает в позиции нейтрализации), то это принято делать и по отношению к глагольным словоформам, стоящим вне залоговых оппозиций. Однако вопрос о том, какой из членов залоговой оппозиции усматривать в некоррелятивной позиции, не получает единого решения. Так, в русистике здесь предлагались следующие типы трактовок.

1) Некоррелятивные финитные глагольные словоформы без постфикса *-ся* (в том числе и такие, как *благодарит, светает*) трактуются как принадлежащие к «невозвратному» залогу, а содержащие постфикс *-ся* (в том числе и такие «недостаточные» формы, как *ленится, смеется, нравится, здороваются, прощается, выпится, проснется* и т. п.) — как принадлежащие к «возвратному» залогу (А. М. Пешковский); терминологическим вариантом этой концепции является точка зрения (1а): все формы на *-ся* трактуются как принадлежащие к «непереходному» (= «возвратному») залогу, а остальные — к немаркированному («беспризнаковому») «действительному» (= «невозвратному») залогу (Р. О. Якобсон).

2) Все глагольные словоформы, употребляемые в пассивной конструкции, считаются принадлежащими к маркированному (страдательному) залогу, а все остальные — к немаркированному (действительному) залогу (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, А. В. Исаченко, А. В. Бондарко, Н. С. Авилова и др.); этот подход может охватывать либо (2а) все морфологические формы в широком смысле (большинство авторов), либо (2б) все синтетические словоформы (А. А. Зализняк).

3) Все личные (подлежащие) глаголы трактуются как члены залогового противопоставления (актив/пассив), а все безличные глаголы и безличные (бесподлежащие) формы личных глаголов трактуются как стоящие вне категории залога (С. И. Карцевский).

4) Все непарные формы (в том числе непереходные невозвратные и возвратные *reflexiva tantum*) считаются не охарактеризованными по залогу вообще (Ф. Ф. Фортунатов, В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, П. С. Кузнецов).

5) Безличные глаголы принадлежат к особому «бесподлежащему» залогу, а на остальном множестве форм реализовано противопоставление либо (5а) «действительно-подлежащего» залога «страдательно-подлежащему» (Б. Д. Рабинович), либо (5б) действительного, страдательного и среднего залогов (А. И. Моисеев).

6) У непереходных глаголов без *-ся*, а также у всех возвратных глаголов непассивного значения залог просто отсутствует; при этом залог выражается только в парах «переходный невозвратный глагол» (действительный залог) vs. «форма с пассивным значением» (выраженным аналитически либо синтетически) (Э. И. Королев).

7) У непереходных невозвратных глаголов (без *-ся*) залог просто отсутствует (см. выше пункт 4), а у непереходных «*reflexiva tantum*» (не имеющих соотносительной формы без *-ся*) усматривается возвратная форма в десемантизированной функции (В. Г. Гак); у остальных форм усматривается тот или иной залог.

Что касается трактовки отношения самих залоговых пар к границам глагольной лексики, то здесь в русистике представлены следующие точки зрения.

- (а) Все залоговые пары трактуются как словообразовательные (Ф. Ф. Фортунатов, В. К. Поржезинский, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, А. К. Поливанова), при этом соотносительность синтетических форм с аналитическими считается вообще фактом синтаксиса, а не морфологии.
- (б) Все активные и пассивные формы причастий трактуются как словоизменительные, а парные соотносительные синтетические личные формы — как словообразовательные; непарные формы — тоже как словообразовательные; аналитические формы выводятся за пределы морфологии (А. Б. Шапиро, А. М. Финкель, М. В. Панов).
- (в) Все члены активно-пассивных пар трактуются как словоизменительные; к словоизменительным относятся также непарные (недостаточные) формы глаголов «*passiva tantum*», при которых наименование субъекта чувства ставится в позицию косвенного дополнения в дательном падеже, а наименование стимула чувства стоит в позиции подлежащего и оформляется именительным падежом (*кажется, покажется, чудится, почудилось, нравится, понравилось, снится, приснилось*), входящие в дефектную залоговую парадигму и относимые при таком подходе к пассиву (И. П. Мучник, И. Г. Милославский); остальные непарные глаголы на *-ся* трактуются как относящиеся к активу.
- (г) Все члены активно-пассивных пар и члены возвратно-невозвратных пар трактуются как словоизменительные, все непарные формы трактуются как стоящие вне категории залога (В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, П. С. Кузнецов);
- (д) Все члены активно-пассивных пар, где пассив выражен аналитически (а также все соотносительные друг с другом по залогам формы активных и пассивных причастий) трактуются как словоизменительные. Все члены соотносительных пар, отличающиеся показателем *-ся*, трактуются как словообразовательные. При этом все непассивные формы считаются активными (А. В. Исаченко). Это и есть самая распространенная в современной русистике точка зрения (Л. Л. Буланин, А. В. Бондарко, Н. С. Авилова, В. А. Плотникова и др.), принятая в академических грамматиках 1970, 1980 и 1989 г. При этом в соответ-

ствии с различием словоизменения и формообразования (по А. В. Бондарко) члены активно-пассивных пар (в том числе и отличающихся показателем *-ся*) трактуются как формообразовательные, а выходящие за пределы таких пар формы — как словообразовательные. Использование возвратной формы в пассивном значении при таком подходе трактуется как словообразовательные средства в словоизменительной (= формообразовательной) функции.

- (е) Все члены активно-пассивных пар трактуются как словоизменительные (противопоставленные по признаку активность/пассивность), а все остальные формы (не образующие оппозиций) — как стоящие вне категории залога (М. М. Гухман, Э. И. Королев).
- (ж) Все синтетически выражаемые члены активно-пассивных пар трактуются как словоизменительные (противопоставленные по признаку активность/пассивность у личных форм и у причастий), а все остальные формы — как словообразовательные (возвратные глаголы) или неморфологические (аналитические формы) (А. А. Зализняк).
- (з) Все парные формы описываются как словоизменительные, но при этом любое проявление полной или частичной лексикализации трактуется как словообразовательное явление: ср. частичную лексикализацию пассива в *Она хорошо сложена* и полную лексикализацию (непарность) рефлексива в *Он выспался, уселся, борется, здороваётся*; морфологически простые (немаркированные) непарные формы при этом считаются стоящими вне категории залога (В. Г. Гак).
- (и) Все глагольные залоговые формы (простые, пассивные и возвратные) считаются формообразовательными (независимо от активности/пассивности по смыслу, от аналитизма/синтетизма по форме и от предикативной/причастной функции по синтаксическому употреблению), но при этом все выходящие за пределы явно выраженной оппозиции «актив/пассив» считаются, кроме того, лексикализованными (= словообразовательными).

Возможные трактовки залогов, представленные в русистике, могут быть схематически систематизированы примерно так.

- 1) Признавать само понятие залога или не признавать?
 - (а) Обычно залог признается, но
 - (б) в некоторых описаниях декларируется отказ от этого понятия (В. И. Даль, Н. П. Некрасов).
- 2) Относится ли залог к грамматическим явлениям или к лексике?
 - (а) Обычно принято относить залог к грамматике, но
 - (б) высказывалась и противоположная (довольно редкая) точка зрения (А. Х. Востоков, В. И. Даль, Н. П. Некрасов), согласно которой залого

представляют собой семантические подклассы глаголов и отдельных лексических значений этих глаголов;

- (в) существует также промежуточная концепция, по которой залог частично входит в грамматику, а частично — в лексику; при этом точная граница между грамматическим и лексическим залогом разными авторами проводится по-разному.

(3) На основании чего определяются (то есть отождествляются и различаются) залоговые формы — на основании своей морфологической формы (в широком и в узком смысле) или на основании залоговых синтаксических конструкций?

Наиболее распространена умеренно-формалистическая точка зрения:

- (а) преимущественно на основании морфологической формы в широком смысле (т. е. включая аналитические средства), но в одном существенном вопросе привлекается синтаксический критерий: а именно, употребление возвратной формы в пассивной конструкции принято считать специфической формой выражения страдательного (а не возвратного и не действительного) залога.

Однако есть и более редкие точки зрения:

- (б) на основании только морфологической формы в широком смысле (в таком случае употребление возвратного показателя считается показателем возвратного залога и/или трактуется как словообразовательный факт);
- (в) на основании только морфологической формы в узком смысле (т. е. только синтетических форм); в таком случае приходится признать, что оппозиция актив/пассив представлена только у причастий, а у личных форм глагола приходится усматривать лишь противопоставление по возвратности/невозвратности (которое, в свою очередь, допускает: либо словообразовательную трактовку — тогда у личных форм вообще не усматривается словоизменительного залога; либо словоизменительную трактовку — тогда получается, что личные формы противопоставлены по другим основаниям, нежели причастные);
- (г) на основании грамматической формы в широком смысле (т. е. включая особенности глагольного управления и применимость приемов типа добавления, опущения или замены компонентов); такой подход влечет за собой признание других залогов помимо действительного, страдательного и возвратного (и/или разбиение этих трех залогов на более дробные подзначения (А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др.): отсюда такие понятия, как собственно-возвратный, взаимный, средневозвратный, общевозвратный, безличный, средний и т. п.);
- д) на основании переходности предикативной глагольной формы (у личных форм) и на основании ее отражения в морфологической структу-

ре производной (вербоидной) словоформы (у причастных форм); это приводит к тому, что у личных форм выделяется два морфологически неохарактеризованных залога («переходный» vs. «непереходный»), а у причастий — два других морфологически охарактеризованных залога («действительный» vs. «страдательный») (А. М. Финкель).

- (е) Залоги понимаются как более дробные семантико-синтаксические подразряды внутри двух важнейших разрядов глаголов — возвратного и невозвратного (К. С. Аксаков). При таком подходе внутри морфологически неохарактеризованного разряда «невозвратных» глаголов выделяются два «залога» — действительный (//переходный) vs. средний (//непереходный). Внутри же морфологически охарактеризованного разряда «возвратных» глаголов «залоги» (т. е. подразряды) выделяются на основании смыслового отношения возвратного глагола к тому исходному невозвратному глаголу, через который он толкуется (и от которого он считается произведенным). Фактически та классификация возвратных глаголов по «залагам», которую предпринял К. С. Аксаков, впоследствии (почти не изменившись) легла в основу классификации возвратных глаголов по Ф. Ф. Фортунатову и классификации значений возвратного залога по А. А. Шахматову. В типологических исследованиях XX в. примерно тот же круг принципов лег в основу исчисления типологически возможных «диатез» и соответственно типологически возможных залоговых значений. Начиная с середины XX в. (Л. Теньер), а в отечественном языкознании с начала 1970-х гг. (И. А. Мельчук, А. А. Холодович) разнообразие залоговых функций нередко описывается не с помощью понятия «залог» (как это делали М. В. Ломоносов и К. С. Аксаков), а с помощью понятия «диатеза» или понятия «конструкция» (А. А. Холодович, И. А. Мельчук, В. С. Храковский, В. П. Небялков, Е. В. Падучева, В. А. Успенский, В. Б. Касевич, И. Б. Долинина и др.).

(4) Насколько допустимо при отождествлении и различении залогов учитывать принадлежность глагола к тому или иному лексическому подклассу? Большинство отвечает на этот вопрос с позиций умеренного грамматизма (антилексикализма):

- (а) допустимо, но лишь для того, чтобы отличить возвратную форму пассива (*книга **читается***) от действительного залога возвратного глагола (*на конце слова буква «д» **читается** как [т]*) или от безличной формы личного глагола (*мне сегодня не **читается***), а не для раздробления общей системы залогов на большее число членов, превосходящее принятую систему из двух залогов (актив/пассив) или трех залогов (актив/пассив/рефлексив);

Однако обращение к словарю допускается для различения частных значений внутри одной залоговой граммы — как в рамках бинарной оппозиции «действительный vs. страдательный», так и в рамках тернарной оппозиции «действительный» vs. «средне-возвратный» vs. «страдательный».

(б) обращение к словарю допускается для выделения залогов, понимаемых как залоговые конструкции (в современной терминологии, «диагезы»), внутри системы значений одного и того же формального показателя (это более редкая трактовка, но она тоже представлена, напр., в работах К. С. Аксакова).

При любой из этих трактовок полное (интегральное) описание языка не может обойтись без описания пар, выходящих за пределы главной залоговой оппозиции (актив/пассив), как бы эти пары ни трактовались. Именно это дает серьезные основания для широкого понимания термина «залог» применительно к более широкой сфере явлений, чем регулярный словоизменительный залог. Однако распространена и другая точка зрения, при которой вся сфера словообразовательных явлений, так или иначе связанная с залогом в строгом смысле слова, в отечественном языкознании последней четверти века охватывается не термином «залог», а термином «залоговость» (А. В. Бондарко). Залоговость при таком подходе трактуется как «функционально-семантическое поле» (или «функционально-семантическая категория»).

(5) Сколько залогов в данном языке?

Применительно к русскому языку наиболее распространены следующие три трактовки:

- (а) бинарная: действительный vs. страдательный (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, С. И. Карцевский, А. В. Исаченко, Л. Л. Буланин, А. В. Бондарко и др.; академические грамматики 1970, 1980, 1989);
- (б) бинарная: невозвратный (общий // «действительный») vs. возвратный (непереходный // «средний») (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, Р. О. Якобсон, К. А. Тимофеев);
- (в) тернарная: действительный vs. страдательный vs. средне-возвратный (//средний //возвратный) (Г. П. Павский, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, П. С. Кузнецов, Е. С. Истрина = Грамматика 1952, И. Г. Голанов, Е. В. Падучева, В. Г. Гак).

Реже встречаются и другие трактовки, напр.:

- (г) бинарная: переходный («действительный») vs. непереходный («средний») (В. А. Богородицкий, А. Б. Шапиро, А. М. Финкель);
- (д) тернарная: «бесподлежащий» (= безличный) vs. «действительно-подлежащий» vs. «страдательно-подлежащий» (Б. Д. Рабинович);
- (е) квартернарная: «действительный» vs. «страдательный» vs. «средний» (= непереходный) vs. «безличный» (А. И. Моисеев).

- (ж) пентарная: «действенный» (= «действительный») vs. «страдательный» vs. «средний» (= непереходный) vs. «отложительный» (*боюся, труждаюся*) vs. «общий» (совмещающий значение действительное и страдательное) (Мелетий Смотрицкий);
- (з) секстарная: «действительный» (//«переходящий») vs. «возвратный» vs. «взаимный» vs. «средний» (//«непереходящий») vs. «страдательный» vs. «общий» (совмещающий значение действительное и страдательное: *бояться, надеяться, стараться, смеяться, резвиться*) (М. В. Ломоносов); термин «взаимный» впервые в русистике появляется в русской грамматике Г. В. Лудольфа.

В типологическом исчислении А. А. Холодовича (1979) дедуктивно доказывается и теоретическая возможность существования семи залогов для двухвалентного (однообъектного) переходного глагола (эта возможность иллюстрируется примерами из реальных языков) и 34-х залогов для трехвалентных (двухобъектных) глаголов; при этом ни реципрок, ни рефлексив, ни каузатив в понятие залога не включаются. В концепции Холодовича выделяются такие диатезы: актив, пассив, объектный имперсонал, субъектный имперсонал, объектный квазипассив (с примерами из японского языка и из языка шиллук), субъектный квазипассив (*мне мечтается*) и абсолютный имперсонал (*Убивают! Грабят!*). Впоследствии В. И. Гавриловой было показано существование объектного квазипасса в русском языке (*Обратная сторона Луны скрыта от взоров*).

В аналогичном исчислении И. А. Мельчука (1998) для двухвалентного (однообъектного) переходного глагола дедуктивно доказана и лингвистически проиллюстрирована теоретическая возможность существования 11-ти залогов, включая актив, пассив, агентивный бесподлежащий пассив (ср. диалектное *У меня траву кошено; У волков корову съедено*), объектный суппрессив, субъектный суппрессив, абсолютный суппрессив, редуцированный пассив без агенса, редуцированный пассив без пациенса и 3 разновидности рефлексива (при этом, как и у Холодовича, реципрок и каузатив не включаются в понятие залога).

Исторически обычный путь возникновения показателей возвратного залога — клитизация и дальнейшая агглютинация возвратных местоимений. Типичный механизм возникновения аналитических показателей страдательного залога — сочетание связки с пассивным причастием, первоначально со статальным значением, переходящим затем в результативное и далее в перфектное. Синтетический пассив часто возникает на базе рефлексивных показателей; то же касается возникновения реципрока.

Залог тесно взаимосвязан с другими категориями:

- (а) с видом глагола; так, в русском языке перфектный вид возможен только у аналитических пассивных форм глагола (*дом построен, был построен, будет построен*); пассивные причастные формы почти не образуются от глаголов несовершенного вида; возвратный пассив не может образовываться от глаголов совершенного вида (поэтому нельзя сказать **Америка открылась Колумбом*);
- (б) с лицом, числом и родом сказуемого; так, безличный залог требует постановки сказуемого в безличной форме (в 3-м лице единственного числа среднего рода);
- (в) с падежом существительного (актив требует постановки подлежащего в номинативе и дополнения в аккузативе; пассив — постановки агентивного дополнения в творительном; аффективный имперсонал требует дательного падежа субъекта и т. п.);
- (г) с числом существительного: так, взаимный и совместный залог сказуемого требуют постановки подлежащего во множественном числе (этому требованию удовлетворяет также сочиненное подлежащее);
- д) с модальностью: так, безлично-возвратные формы типа *верится с трудом, легко дышится* и т. п. имеют модальное значение.

Залог выполняет в языке ряд функций помимо тех, которые прямо следуют из основной функции, включаемой в определение каждого отдельного залога. Так, например, пассив:

- (1) непосредственно участвует в выражении актуального членения (когда пациенс или, шире, объект действия, становится темой сообщения); эта функция является прямым следствием фокусирующей функции пассивного залога (выведение объекта действия на передний план);
- (2) выполняет функцию выражения аспектуального значения (перфекта, результатива, статива) (это является прямым следствием того, что обозначение состояния представляет собой первичную функцию пассива);
- (3) (безличный аффективный пассив) выполняет модальную функцию выражения желания или нежелания (*Здесь легко дышится*);
- (4) иногда выполняет стилистические функции (так, в русском языке пассив является более книжной формой, чем прямой залог).

Залог характеризует не только личные формы глагола, но также причастия и деепричастия; причем в русском языке регулярность залоговых противопоставлений у причастий выше, чем у синтетических личных форм глагола: у синтетических личных форм нет специальной формы для пассива (ее функции выполняет показатель непереходности *-ся*, традиционно называемый показателем возвратности). Между тем у причастий существует также

ярко выраженная форма синтетического морфологического пассива (*читаемый, прочитанный*).

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й залог выражается также некоторыми видами отглагольных прилагательных (ср. пассивные прилагательные *неумолимый, невидимый, неосязаемый...*, *непробудный, неустанный, неподъемный, необъятный...*, *желанный, желательный* vs. активные прилагательные *паразитический, заместительный, убийственный, уничтожительный, проказный, порывистый, горючий, могучий*, и даже некоторыми видами отадективных существительных (*неотчуждаемость* и т. п.). Согласно О. Есперсену, некоторые существительные также выражают залог (ср. активно-пассивные пары типа *экзаменатор* vs. *экзаменуемый*; *любитель* vs. *возлюбленный, любимый*; *обвинитель* vs. *обвиняемый*; *защитник* vs. *подзащитный*).

Супплетивное выражение залоговых значений принято относить к словообразованию (или, точнее, к лексикологии); члены таких супплетивных пар называются конверсивами друг друга (ср. *иметь* — *принадлежать*, *любить* — *нравиться*, *предшествовать* — *следовать за*, *опираться* — *поддерживать* и т. п.); ср. супплетивные пары прилагательных (*склонный* vs. *предпочтительный*) и существительных *адвокат* vs. *подзащитный*; *прокурор* vs. *обвиняемый*; *кредитор* vs. *должник*; *поклонник* vs. *кумир*; *предок* vs. *потомок*; и т. п. Конверсивное отношение усматривается также между целыми высказываниями с участием лексических конверсивов.

При обозначении симметричных отношений (*дружить, пересекать, равняться*) слово является конверсивом самого себя; поэтому и грамматический пассив оказывается в таких случаях семантически избыточным средством. Так, высказывания *Линия А пересекает линию Б* и *Линия А пересекается линией Б* оказываются эквивалентными (хотя при выражении несимметричных отношений такой эквивалентности, разумеется, нет).

Литература

- А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 223—244.
А. В. Бондарко (отв. ред.). Основы функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С. 125—345.
В. В. Виноградов. Русский язык. М.; Л., 1947; 2-е изд. М., 1972. С. 476—519.
В. Г. Гак. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000. С. 365—381.
М. М. Гухман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.
И. Б. Долинина. Синтаксически значимые категории английского глагола. М., 1989.
О. Есперсен. Философия грамматики: Пер. с англ. М., 1958. С. 178—197.
А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960. С. 345—406.

- В. Б. Касевич.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 210—217.
- И. Ш. Козинский.* Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Э. И. Королев.* О залогах русского глагола // *Виноградов В. В.* (отв. ред.). Мысли о современном русском языке. М., 1969. С. 199—215.
- И. А. Мельчук.* Курс общей морфологии: Пер. с франц. Т. 2. М.; Вена, 1998. С. 163—195, 377—400.
- И. А. Мельчук, А. А. Холодович.* К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки.* № 4. 1970. С. 111—124.
- Е. В. Падучева.* О семантике синтаксиса. М., 1974. С. 217—236 (Глава X. Залог и диатеза).
- М. В. Панов.* Русский язык // *Виноградов В. В.* (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 1. М., 1967. С. 55—122.
- И. А. Перельмутер.* Залог древнегреческого глагола. СПб., 1995.
- А. М. Пешковский.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956. С. 113—125.
- В. А. Плунгян.* Общая морфология. М., 2000. С. 191—224.
- А. А. Потебня.* Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. М., 1977. С. 245—268.
- Ф. Ф. Фортунатов.* О залогах русского глагола. СПб., 1899.
- А. А. Холодович* (отв. ред.). Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Л., 1969.
- А. А. Холодович* (отв. ред.). Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974.
- А. А. Холодович.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 277—292.
- В. С. Храковский* (отв. ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- В. С. Храковский* (отв. ред.). Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- В. С. Храковский.* Залог // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990. С. 160—161.
- А. А. Шахматов.* Синтаксис русского языка. М.; Л., 1941. С. 476—481.
- L. H. Babby.* The relation between causative and voice: Russian vs. Turkish // *Wiener slawistischer Almanach.* Bd. 11. 1983. P. 61—88.
- L. H. Babby, R. D. Brecht.* The syntax of voice in Russian // *Language.* Vol. 51, pt 2. 1975. P. 342—367.
- E. J. Barber.* Voice — beyond the passive // *Berkeley Linguistic Society.* Vol. 1. 1975. P. 16—24.
- Comrie B. et al.* (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam, 1993.
- Z. Frajzyngier.* Indefinite agent, passive and impersonal passive: a functional study // *Lingua.* Vol. 58. 1982. P. 267—290.
- E. Geniušienė.* The Typology of Reflexives. Berlin, 1987.
- T. Givón.* Syntax: a Functional-Typological Introduction. Vol. II. Amsterdam, 1990.
- T. Givón* (ed.). Voice and Inversion. Amsterdam, 1994.
- M. Haspelmath.* The grammaticalization of passive morphology // *Studies in Language.* Vol. 14. № 1. 1990. P. 25—72.

-
- E. Keenan*. Passive in the world's languages // *Shopen T.* (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 1. Clause Structure. Cambridge, 1985. P. 243—281.
- S. Kemmer*. *The Middle Voice*. Amsterdam, 1993.
- F. Lichtenberk*. Multiple uses of reciprocal constructions // *Australian Journal of Linguistics*. 1985. Vol. 5, pt 1. P. 19—41.
- M. Shibatani* (ed.). *Syntax and semantics*. Vol. 6. The grammar of causative Constructions. N. Y., 1976.
- M. Shibatani*. Passives and related constructions: a prototype analysis // *Language*. 1985. Vol. 61. P. 821—848.
- M. Shibatani* (ed.). *Passive and Voice*. Amsterdam, 1988.
- A. Siewerska*. *The Passive: a Comparative Linguistic Analysis*. London, 1984.

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ИНОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ*

Л. П. Крысин

Адаптация слова к иной языковой системе — процесс постепенный и во многих случаях длительный. Достаточно часто иноязычные элементы так и остаются не до конца освоенными «чужаками»: например, они могут отличаться особенностями произношения (ср. несмягчение согласных перед [э] в словах типа *несессер*, *сеттер*, *темп* и под.), не включаются в систему падежного склонения (*депо*, *какаду*, *кофе*, *радио*, *такси* и под.), не имеют никаких производных.

Последнее обстоятельство — отсутствие производных — особенно характерно для несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных, хотя здесь многое зависит от степени употребительности слова. Так, например, от слова *манто* производные не образуются (во всяком случае, они не зафиксированы в словарях), а морфологически и акцентно сходное с ним *пальто* «обросло» словообразовательными дериватами типа *пальтишко*, *пальтецо*, *пальтовый* (преимущественно в профессиональной речи, ср. *пальтовая ткань*); слово *кофе* имеет такие производные, как *кофеек*, *кофейня*, *кофейный*, *кофейник*, а слово того же тематического ряда и также несклоняемое (правда, имеющее несколько иное фонетическое строение) — *какао* производных не образует (фиксируемое «Грамматическим словарем» А. А. Зализняка [Зализняк 2003] прилагательное *какаовый* употребительно, по-видимому, лишь в профессиональной речи). Ср. также другие несклоняемые существительные, по-разному ведущие себя с точки зрения словообразовательной активности: *домино* (*доминошный*, *доминошник*) — *кимоно* (производных нет), *депо* (*деповский*, *деповцы*) — *кашпо* (производных нет), *декольте* (*декольтированный*, *декольтировать*) — *фуэте* (производных нет), *купе* (*купейный*) — *канале* и др., а также разную продуктивность неизменяемых

* Статья написана в рамках проекта «Русская литературная норма и современная речевая практика (социолингвистическое исследование)», выполняемого по Программе «Русская культура в мировой истории» Отделения историко-филологических наук РАН.

прилагательных типа *беж* (ср. *бежевый*), *бордо* (ср. *бордовый*) — *маренго* (нет производных), *хаки* (нет производных), *электрик* (нет производных).

Если иноязычное слово адаптируется грамматической системой языка — существительные приобретают падежные и числовые формы, включаются в тот или иной класс по признаку грамматического рода, прилагательные приобретают словоизменительные свойства русских прилагательных, глаголы оформляются по образцу тех или иных глагольных классов и спрягаются по существующим в русском языке моделям, — то это, как правило, расширяет возможности образования производных от таких грамматически освоенных заимствований.

Так, неодушевленные существительные с предметным и вещественным лексическими значениями легко образуют относительные прилагательные с суффиксами *-н(ый)*, *-ов(ый)*: *абажур* — *абажурный*, *каюта* — *каютный*, *майонез* — *майонезный*; *бомба* — *бомбовый*, *стенд* — *стендовый*, *грунт* — *грунтовый*; существительные со значением лица образуют относительные прилагательные с суффиксом *-ск(ий)*: *президент* — *президентский*, *шофер* — *шоферский*, *дама* — *дамский*; у существительных, обозначающих различные отрасли науки, направления в искусстве, социальные течения и т. п., появляются прилагательные с суффиксами *-ическ(ий)*, *-истск(ий)*: *зоология* — *зоологический*, *абстракционизм* — *абстракционистский*, *пуризм* — *пуристический*, *пуристский* и т. п.

На базе иноязычных глаголов с суффиксами *-ировать*, *-изовать*, *-изировать*, *-фицировать* образуются существительные с суффиксами *-ание*, *-ация*: *конструировать* — *конструирование*, *стилизовать* — *стилизация*, *экранизировать* — *экранизация*, *электрифицировать* — *электрификация*¹ и под.

Кроме того, и глаголы, и коррелирующие с ними отглагольные существительные, а также некоторые другие группы иноязычных слов могут образовывать префиксальные производные: *блокировать* — *заблокировать*, *разблокировать*, *деблокировать*; *инфляция* — *гиперинфляция*; *инвестиции* — *реинвестиции* и т. п.

Эти предварительные замечания о словообразовательных возможностях иноязычного слова необходимы для того, чтобы ответить на вопрос: как ве-

¹ В данном случае мы не рассматриваем вопрос о возможном самостоятельном заимствовании некоторых из подобных существительных (ср., например, франц. *stylisation*, которое могло послужить прототипом русского *стилизация*; обсуждение вопроса о возможности неединственной интерпретации подобных слов см. в статье [Крысин 1998]). Синхронно, с точки зрения словообразовательных отношений в современном русском языке указанные (и подобные им) пары «глагол — отглагольное существительное» должны рассматриваться, по-видимому, как содержащие производящую и производную основы.

дут себя с точки зрения словообразовательной и функциональной активности новые иноязычные слова, только начинающие осваиваться системой русского языка?

Среди новых иноязычных слов, появившихся в русском языке в конце XX — начале XXI в., преобладают имена существительные², а из них большая часть — склоняемые. Это, например, общественно-политическая лексика: *брифинг, импичмент, инаугурация, истеблишмент, популизм, саммит, спикер* и др., финансовая и экономическая терминология: *бартер, брокер, ваучер, дефолт, дилер, инвестиции, консалтинг, маркетинг, менеджер, менеджмент, монетаризм, приватизация, риелтор, спонсор, субвенция, франчайзинг* и др., технические термины: *дисплей, дигитайзер, драйвер, интерфейс, компьютер, ксерокс, модем, мониторинг, пейджер, принтер, сканер, телефакс, файл, хакер* и др., термины спорта: *армрестлинг, аэробика, бодибилдинг, боулинг, виндсёрфинг, допинг, кикбоксинг, могул, овертайм, скейтборд, сноуборд, фристайл* и др., лексика таких сфер деятельности, как средства массовой информации, мода, шоу-бизнес, музыкальное искусство, кино, художественное творчество: *бутик, гламур, имидж, имиджмейкер, клип, клипмейкер, попса, промоутер, римейк, триллер, шоумен* и др., общебытовая лексика: *гамбургер, сауна, скотч, степлер, хот-дог, шоп-тур* и др.

Несклоняемые существительные немногочисленны, однако, несмотря на их грамматическую неосвоенность русским языком, они весьма употребительны: *евро, киви, кутюрье, ноу-хау, масс-медиа, паблисити, портфолио, профи, хиппи, шоу, ток-шоу*; из менее употребительных, но все же встречающихся на страницах прессы, в теле- и радиоэфире: *боди* (модное женское белье в виде облегающих фигуру маленьких трусиков и лифчика), *роялти* (вид авторского гонорара), *прет-а-порте* (готовое платье), *уоки-токи* (портативное переговорное устройство) и нек. др.

Наибольшие словообразовательные возможности — у склоняемых существительных-неологизмов с согласным в конце основы. Они легко образуют относительные прилагательные с помощью суффиксов *-н(ый)*, *-ов(ый)*, *-ск(ий)*, например: *бартер — бартерный, ваучер — ваучерный, компьютер — компьютерный; маркетинг — маркетинговый, консалтинг — консалтинговый, допинг — допинговый; брокер — брокерский, риелтор — риелторский, спонсор — спонсорский*. Существительные, содержащие в своем составе суффикс *-изм*, образуют прилагательные с суффиксом *-истск(ий)*: *монетаризм — монетаристский, популизм — популистский*, существительные с основой на *-иј* — прилагательные с суффиксом *-онн(ый)*: *инвестиция — инвестиционный*,

² По данным В. Д. Бояркиной, глагольные неологизмы составляют только 9% всех новых слов, включая заимствования, — см. [Бояркина 1993: 8].

приватизация — *приватизационный*, *субвенция* — *субвенционный*, *деноминация* — *деноминационный* и т. п.

Некоторые из склоняемых существительных коррелируют с глаголами, либо образованными от этих существительных в русском языке (например, *компьютер* — *компьютеризовать*, *компьютеризировать*; ср. также разговорно-профессиональный глагол *ксерить* ‘копировать что-либо на ксероксе’, образованный с усечением комплекса *-окс* в иноязычной именной основе), либо заимствованными параллельно с однокоренным существительным (например, *сканер* — *сканировать*).

Среди перечисленных выше склоняемых существительных-неологизмов есть и такие, которые «неохотно» образуют производные. Это касается, например, слов с финальным компонентом *-мент*: *импичмент*, *менеджмент*. Они не имеют производных (однокоренное со словом *менеджмент* — *менеджер* — заимствовано параллельно, два эти слова не находятся в отношениях «производящее — производное»), хотя образование на их основе относительных прилагательных вполне вероятно. Большая часть названий новых видов спорта с финальным комплексом *-инг* также малоактивна в словообразовательном отношении: прилагательные типа *армрестлинговый*, *боулинговый*, *виндсёрфинговый* имеют статус лексических раритетов, встречающихся в узкопрофессиональном речевом обиходе.

При реализации словообразовательных возможностей иноязычного неологизма имеет значение не только характер его морфологической структуры и его грамматическая освоенность русским языком, но и то, насколько слово употребительно. Попадая в фокус социального внимания, делаясь частотным в средствах массовой информации и в речевом обиходе, некоторые новые заимствования могут порождать производные гораздо более активно, нежели структурно сходные с ними слова, которые, однако, не столь популярны.

Например, на основе термина *приватизация*, который был широко употребительным в 90-х годах XX в., создано целое гнездо производных: *деприватизация*, *реприватизация*, *приватизационный*, *приватизатор*, *приватизировать*. Похожая картина — с терминами *ваучер* (*ваучерный*, *ваучеризация*, *ваучеризировать*), *инвестиция* (*инвестиционный*, *инвестор*, *инвестировать*, *реинвестиция*, *реинвестировать*), *деноминация* (*деноминационный*, *деноминировать*) — ср. с этим слово с той же финалью, но, несомненно, более редкое — *инаугурация*, которое имеет лишь одно производное — прилагательное *инаугурационный*, но, например, не теоретически возможный глагол **инаугурировать*. Неоднократно отмечалась функциональная и словообразовательная активность недавно появившегося слова *пиар*: *пиарить*, *пиарщик*, *пиаровский* и т. п.

Фактор коммуникативной актуальности слова, его широкой употребительности может оказаться сильнее фактора его грамматической неосвоенно-

сти: некоторые несклоняемые иноязычные существительные, попадая в активное употребление (иногда — лишь в определенной социальной среде), преодолевают свою грамматическую ущербность и образуют производные. Таково, например, слово *хиппи*, от которого в жаргонно-просторечной среде образовались такие производные, как *хипповый*, *хипповать*, *хиппарь*, *хип-нист*, *хиптистка*, *хиппушка*, *хиппизм*, *хиппня*, *хипповский* (см. [Юганов, Юганова 1997: 238—239]).

Иногда высокая частотность в речи неизменяемого имени способствует тому, что оно превращается в изменяемое. Так, англицизм *попс*, первоначально имевший в русском языке статус неизменяемого прилагательного (*музыка в стиле попс*), довольно быстро перешел в разряд склоняемых существительных, получив ударную флексию *-á* и включившись в парадигму имен существительных женского рода: *попса́, попсы́, попсой́* и т. д. В таком статусе этот неологизм уже имеет производные, употребительность которых, правда, ограничена средой музыкантов, деятелей шоу-бизнеса: *попсовый*, *попсовик* (представитель массового, коммерческого искусства), *попсятина* [Юганов, Юганова 1997: 177—178].

Большая часть несклоняемых иноязычных неологизмов, имеющих более или менее ограниченную сферу употребления, неактивна в словообразовательном отношении: они не образуют в русском языке производных (ср. слова типа *бюстье*, *гран-при*, *ноу-хау*, *просперити*, *уоки-токи*, *экстези* и под.).

Своеобразное противоречие между грамматической неосвоенностью иноязычного лексического элемента и его широкой употребительностью может в значительной степени сниматься в случае, когда такой элемент приобретает свойства словообразовательной морфемы. Это можно проиллюстрировать на примере слова *шоу*. В современном русском языке употребительно не только это несклоняемое существительное, но и сложения с ним: *шоу-бизнес*, *шоу-группа*, *шоу-программа* (включающие комплекс *шоу* слова *шоумен* и *ток-шоу* целиком заимствованы из английского языка — ср. англ. *showman*, *talk show*).

В других случаях новые словообразовательные морфемы формируются на основе неизменяемых иноязычных прилагательных типа *ретро* (ср.: *стиль ретро* — *ретростиль*) путем вычленения повторяющихся комплексов из состава заимствований, однотипных по своей морфологической структуре, а также путем появления у полнозначного слова функций словообразующей морфемы. Так в русском языке наших дней появились иноязычные морфемы *аудио-* (*аудиокассета*, *аудиопродукция*), *видео-* (*видеофильм*, *видеопрокат*; ср. употребление *видео* в субстантивном значении: *Купили новое видео*), *рок-* (*рок-музыка*, *рок-опера*; ср. *музыка в стиле рок*; *На сцене — сплошной рок*), *панк-* (*панк-культура*, *панк-мода*, *панк-музыка*; ср.: *панки и представители*

других молодежных групп) и нек. др. Эти морфемы пополняют быстро растущий ряд иноязычных морфем типа *авиа-*, *авто-*, *бизнес-*, *био-*, *гидро-*, *космо-*, *моно-*, *нейро-* (в иной интерпретации это — аналитические прилагательные: см. [Панов 1971]; см. также [Крысин 2001]); *-дром*, *-ман*, *-пат*, *-филия*, *-фоб* и др.

Стоит упомянуть также возникающие на наших глазах, совсем «свежие» словообразовательные комплексы *-мейкер* (наряду с состоящими из иноязычных компонентов словами типа *имиджмейкер*, *клипмейкер*, *нюсмейкер*, *плеймейкер* нами зафиксировано полушутливое *слухмейкер* — о том, кто выпускает слухи), *-гейт* (ср. *уотергейт* и более поздние по времени *ирангейт*, *кремльгейт* и под.³).

Подытожим сказанное.

Иноязычные неологизмы обладают разными структурными и функциональными свойствами, а также неодинаковым словообразовательным потенциалом. Наиболее активны существительные, освоенные грамматической системой русского языка, то есть включенные в парадигмы склонения, имеющие числовые и родовые показатели и т. д. Наряду с фактором грамматической освоенности важную роль играет употребительность слова. Частотные иноязычные неологизмы, находящиеся в поле социального внимания (*ваучер*, *приватизация*, *тиар* и т. п.), «обрастают» производными; это может происходить и со словами, недостаточно освоенными грамматически, — например, с имеющими высокую частотность употребления несклоняемыми существительными.

Таким образом, функциональный фактор оказывается более сильным, чем фактор структурный: при необходимости обозначить нечто с помощью словообразовательных дериватов язык преодолевает структурные ограничения, обусловленные недостаточной адаптацией иноязычного элемента к языковой системе.

Литература

Бояркина 1993 — В. Д. Бояркина. Новая глагольная лексика в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

³ Эти и подобные им словообразовательные морфемы не являются аффиксами в привычном смысле термина, поскольку они сохраняют в значительной мере смысл тех знаменательных слов, на базе которых они возникли, хотя этот смысл может быть извлечен лишь путем «перевода» с соответствующего иностранного языка (ср. *гидро-* — греч. *hydor* ‘вода’, *-мейкер* — англ. *to make* ‘делать’ и т. д.). О словах со вторым компонентом *-гейт* см. [Земская 1992: 52].

- Зализняк 2003 — *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. 4-е изд. М., 2003.
- Земская 1992 — *Е. А. Земская*. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Крысин 1998 — *Л. П. Крысин*. Словообразование или заимствование? // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской / Отв. ред. М. Я. Гловинская. М., 1998. С. 196—202.
- Крысин 2001 — *Л. П. Крысин*. Новые иноязычные аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина. М., 2001. С. 189—196.
- Панов 1971 — *М. В. Панов*. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971. С. 240—253.
- Юганов И., Юганова Ф. 1997 — *И. Юганов, Ф. Юганова*. Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60—90-х годов / Под ред. А. Н. Баранова. М., 1997.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ГЛАГОЛОВ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ ЧАСТИЦ В СЕМАНТИЧЕСКОМ И ГРАММАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА (*ПУСТИТЬ* И *ПУСТЬ*)*

Г. И. Кустова

Елене Викторовне Падучевой

В работах по грамматике и типологии широко применяется методика исчисления значений грамматических категорий (ср. работы по исчислению значений залогов [Мельчук, Холодович 1970; Холодович 1970], а также по исчислению значений императива и анализу императивных парадигм в разных языках [Володин, Храковский 1986; Типология императивных конструкций 1992]). Разумеется, в применении к естественному языку «исчисление» не должно пониматься буквально: исчисление значений грамматических категорий предполагает не логическое исчерпание, а просто перечисление максимально полного набора значений из тех, которые реально встречаются в естественных языках. Для каждой категории выделяются релевантные параметры, и «перемножение» значений этих параметров дает парадигму — систему значений данной категории (что касается системы форм, то она своя для каждого языка).

В работах Е. В. Падучевой, на материале прежде всего глагольной лексики, были выделены аналогичные параметры, применимые к описанию лексических значений (см. [Падучева 2000; 2004]; основных параметров четыре: таксономическая категория глагола, тематический класс глагола, онтологическая категория актанта (актантов) и диатеза). Было показано, что изменение значений этих параметров влечет определенные системные семантические сдвиги в значении глагола, которые в результате дают парадигму его производных значений.

Методика параметризации значений и их исчисления применима и к языковым единицам, занимающим промежуточное положение между лексикой и

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-00181а. Все литературные примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

грамматикой, — «грамматическим лексемам» (служебным словам). Сами служебные слова нередко являются продуктом эволюции знаменательных слов, т. е. знаменательная лексика выступает тем источником, из которого черпаются и подвергаются последующей грамматикализации нужные языку значения. Мы проследим данный процесс — извлечение важных для говорящих смыслов из лексической системы и интегрирование их в грамматическую систему — на материале глаголов группы *пустить* и частицы *пусть*. Частица *пусть* относится к полю модально-каузативных значений, а именно, к речевой каузации (в широком смысле — побуждению). Мы постараемся показать, что частица *пусть* не случайно оказалась востребованной для выражения данного вида каузации: такой «маршрут» грамматикализации предопределяется семантическими возможностями глаголов группы *пустить*.

Глаголы группы *пустить*

Глагол *пустить* и его приставочные производные (*выпустить*, *отпустить*, *впустить*, *допустить* и др., далее — группа *пустить*) сами по себе не являются ни модальными, ни речевыми. Однако в их семантике содержатся каузативные, модальные и речевые компоненты, что сближает их, в частности, с глаголами типа *разрешить*, *позволить*. Не случайно поэтому, что именно на базе глагола *пустить* сформировалась частица *пусть* (соответственно, *пускай* — от *пускать*), участвующая в выражении модально-речевых значений (императивных и пермиссивных), а также других грамматических значений (например, уступительных).

Глаголы группы *пустить*, за исключением немногих случаев, когда обозначается фиксированное перемещение объекта (ср. *выпустить когти/шасси*) или даже возникновение объекта (ср. *отпустить бороду*), обозначают каузацию автономного движения. Объект в таких случаях способен к самостоятельному перемещению — это может быть человек (*отпустить детей гулять*), животное (*пустить коней пастись*) или самодвижущаяся субстанция (*напустить воды в ванну; напустить холода* [= холодного воздуха]). Субъектом инициируется ситуация, которая дальше происходит сама собой, без его участия (ср. [Кустова 2004] о глаголах группы *бросить*). Именно это является предпосылкой смещения глаголов группы *пустить* в сторону модальности побуждения и разрешения. Особенно далеко в этом направлении продвинулся глагол *допустить*: *Как вы допустили, что(бы) он пошел один?!; Неужели вы допустите, чтобы он пошел один?!*

Глаголы группы *пустить*, конечно, «не дотягивают» до модальных. У модальных глаголов зависимая ситуация имеет неутвердительный статус (о статусах ситуаций см. [Падучева 1985]; см. также [Типология конструкций с

предикатными актантами 1985]), у глаголов группы *пустить* статус подчиненной ситуации обычно «имплицативный»: *X отпустил детей гулять* → ‘дети ушли гулять’; *X впустил Y-а в комнату* → ‘Y вошел в комнату’. Тем не менее глаголы группы *пустить* имеют «модальный потенциал», который реализуется уже частицей *пусть*.

Наиболее важные для нашей темы значения глагола *пустить* (и других глаголов этой группы) — каузативное ‘заставить (двигаться)’ (*пустил стрелу*) и пермиссивное ‘разрешить (двигаться)’ (*пустил гулять*). Именно эти значения наследуются частицей *пусть* в ее модальной ипостаси.

Пустить и его производные могут обозначать как речевой пермиссив — словесное разрешение, так и неречевой пермиссив — некоторое действие, создающее условия для действия другого субъекта или для другой ситуации (в работе [Подлеская 2005: 92] о пермиссивных конструкциях с глаголом *дать* такие значения называются, соответственно, локутивно-пермиссивным и фаворитивным):

Пустил/отпустил детей гулять = ‘сказал, что можно пойти; разрешил пойти’;

Зачем ты его пустил/впустил, теперь не выгонишь = ‘открыл дверь, дал войти’.

Речевые значения глаголов группы *пустить*, как уже было сказано, близки пермиссивам *разрешить*, *позволить*. Отличие от прототипических пермиссивов состоит в том, что настоящий пермиссив может распространяться на множество самых разных ситуаций (*разрешил идти/взять/позволить/посмотреть/открыть* и т. п.), а у *пустить*, *отпустить*, *пропустить* зависимая ситуация обычно движение (ср., впрочем, производное значение глагола *допустить*: *допустить к экзамену* = ‘разрешить сдавать экзамен’).

Особняком стоят глаголы *допустить* и *упустить*. Если *пустить* и большинство его приставочных производных обозначают контроль над ситуацией, а часто и над другим лицом, то *допустить* и *упустить*, напротив, предполагают ослабление или даже утрату контроля. Здесь обнаруживается сближение глагольной семантики, прежде всего семантики *допустить*, с уступительными употреблениями частицы *пусть* (*пускай*) (ср. термины «сознательное допущение» [Крючков, Максимов 1977], «допущение нежелательного» [АГ-70] применительно к уступительным союзам-частицам *пусть/пускай*). В «имплицативном» значении *допустить* зависимая ситуация — негативная, нежелательная: *допустить утечку информации*; *Как вы допустили, что он сбежал?* = ‘ничего не сделали, не помешали побегу’; в ментальном значении зависимая ситуация маловероятная (и тоже обычно негативная): *Вы допускаете, что он мог сделать это сознательно?* (если бы говорящий не считал зависимую ситуацию маловероятной, он скорее сказал бы *думаете* или *считаете*).

В таких употреблениях глагола *допустить* описывается некоторое противоречие: человек должен препятствовать нежелательным ситуациям (но не препятствует) и не должен делать маловероятных предположений (но делает). Это является подходящей семантической базой для уступительных значений частицы и союза-частицы *пусть*, поскольку уступительность связана с идеей противоречия. При этом специфика союза-частицы *пусть* по сравнению с основными уступительными союзами *хотя* и *несмотря на то что* состоит в том, что *пусть* выражает не просто противоречие, а сознательное допущение, т. е. сознательное принятие противоречия, своего рода «разрешение», санкционирование противоречащей чему-то ситуации, и сохраняет связь с пермиссивными значениями.

Частица *пусть*

Пусть можно рассматривать как показатель аналитической формы 3-го лица императива или просто как модальную частицу. Для данной работы определение формального статуса *пусть* не существенно, поскольку, как уже было сказано, методика параметризации значений применима и к грамматическим, и к лексическим единицам.

Конструкция «*пусть* + 3-е лицо» заменяет форму императива в разных случаях, когда общение с Адресатом происходит через посредника.

У формы императива в русском языке имеются те же два значения, о которых шла речь выше в связи с группой *пустить*, — побуждение (собственно императив, оно соотносится с собственно каузативным значением *пустить*) vs разрешение (оно соотносится с пермиссивным значением *пустить*) (о значениях императива см. [Володин, Храковский 1986]; о пермиссивных значениях императива см. [Бирюлин 1992]).

Пусть-конструкции коррелируют с этими значениями:

императивное ‘Я хочу, чтобы Р (= чтобы Р имело место)’

Уходи (2-е лицо) vs *Пусть он уйдет* (3-е лицо)

пермиссивное ‘Я не возражаю против Р (против того, чтобы Р имело место)’

— *Можно идти?* — *Иди* (2-е лицо) vs *Можно ему идти?* — *Пусть идет* (3-е лицо).

В грамматической традиции *пусть*-конструкции считаются формами синтаксического побудительного наклонения, при этом оговаривается, что побудительность может, во-первых, ослабляться и, во-вторых, сочетаться с другими модальными значениями (например, долженствования или пожелания, см. [АГ-80: § 1942–1945]).

К способам выражения синтаксического побудительного наклонения относятся также *да*-конструкции (*Да здоровствует...; Да будет...; Да хранит тебя... и т. д.*), которые выражают волеизъявление, относящееся к неконтролируемой ситуации (*Да здоровствует солнце, да скроется тьма!* (А. С. Пушкин)). Они тоже коррелируют с *пусть*-конструкциями (*Пусть скроется тьма!*).

Корреляция формы императива для 2-го лица и *пусть*-конструкции для 3-го лица настолько устойчива, что замена формы императива на *пусть*-конструкцию происходит не только в ситуации побуждения, но и в косвенных речевых актах, где нет побудительности, а с помощью формы императива выражается, например, угроза, ср.:

Только тронь моего брата! vs Пусть только тронет моего брата!;
Попробуй только подойди ко мне! vs Пусть только попробует подойти ко мне!

При этом, однако, далеко не все случаи транспозиции (непрямого использования) императива коррелируют с *пусть*-конструкциями, ср.:

*Все ушли, а я сиди дома — *Все ушли, а я пусть сижу дома;*
*Приди он вовремя, ничего бы не случилось — *Пусть он придет вовремя, ничего бы не случилось.*

Замечание. Сочетание *пусть бы* в грамматиках фигурирует в списках оптативных частиц как показатель синтаксического желательного наклонения. Хотя у *пусть* и *пусть бы* есть некоторая точка схождения (в поле значений предпочтения, ср.: *Пусть за собой следит — Пусть бы лучше за собой следил*), в целом они достаточно отчетливо противопоставлены как семантически, так и грамматически: *пусть* сочетается с настоящим-будущим временем, а *пусть бы* — с формой на -л. В данной работе сочетание *пусть бы* рассматриваться не будет.

В грамматиках при описании побудительного наклонения используется термин «волеизъявление» (то есть побудительные конструкции, в том числе *пусть*-конструкции, выражают волю говорящего). Хотя термин **воля** весьма идиоматичен, нам он представляется удачным, т. к. позволяет объединить случаи собственно побуждения или разрешения с многочисленными случаями «смещенного» употребления *пусть*-конструкций.

Вряд ли понятие воли можно формализовать, но его необходимо пояснить, поскольку слово *воля* может иметь разные значения. В контексте данной статьи мы будем употреблять его в том же смысле, какой оно имеет, например, в выражении *его последняя воля*. В этом смысле *воля* — это особого рода побуждение, т. е. желание, которое Говорящий сообщает другим людям и которое эти другие люди **должны** выполнить — в силу высокого ста-

туса Субъекта волеизъявления; в силу своего зависимого, подчиненного положения; по закону; в силу моральных обязательств и т. д. По этим же причинам Субъект волеизъявления **уверен**, что его воля будет выполнена (именно эти признаки — ‘Р должно быть реализовано’; ‘Говорящий уверен, что Р будет реализовано’ — важны для употребления *пусть* в «смещенных» функциях).

Выражая волю Говорящего, *пусть*-конструкции сохраняют связь с императивом и принципиально отличаются от оптатива даже в тех случаях, когда Говорящий высказывается по поводу ситуации, которая от него не зависит, т. е. когда он не имеет ресурсов и/или полномочий добиваться реализации ситуации, ср.: — *Петя не поступил в институт. — Вот пусть теперь и подумает, как ему жить дальше* — Субъект (Петя) не только не обязан выполнять волю Говорящего (думать, как жить дальше), но нет даже гарантии, что ему вообще передадут высказывание Говорящего. Тем не менее Говорящий использует *пусть*-конструкцию, и ее употребление не кажется неуместным. Ср. также: *Пусть у вас все будет хорошо!* — пожелание, представленное как выражение воли, vs *Хоть бы у вас все было хорошо!*; *Хоть бы ночь поскорее!*; *Лучше бы он вообще не приезжал!* — просто желание, оптатив.

Далее будем использовать следующие обозначения:

(а) Субъекта частицы *пусть*, т. е. того, кто произносит (или думает) *Пусть Р*, будем называть **Распорядителем**. Это условное наименование. Только в исходном употреблении *пусть*-конструкции оно отражает реальную роль данного участника. В не-исходных употреблениях Распорядитель может утрачивать контроль над ситуацией Р (даже косвенный). В таком случае его можно называть просто **Говорящим** или **Субъектом волеизъявления** (вообще, «ослабление» каких-то параметров вполне типично для группы императивных значений, ср. разброс значений императива 2-го лица от категорического приказа до мольбы);

(б) Субъекта зависимой ситуации Р будем называть просто **Субъектом** (в работах по императиву он обычно называется Исполнителем, однако в нашем случае субъект ситуации Р — не всегда лицо, ср. *Пусть проветривается*);

(в) Если в «чистом виде» императив и пермиссив как речевые акты предполагают непосредственный контакт с адресатом-исполнителем действия (ср. *Позвони мне завтра*), то в ситуации, описываемой частицей *пусть* (*Пусть он мне завтра позвонит*), в силу отсутствия прямого контакта с субъектом Р, предполагается присутствие третьего лица — **Посредника**, — через которого Говорящий передает свою волю Субъекту Р. Посредник, как и Субъект, в общем случае находится в подчиненном положении по отношению к Говорящему-Распорядителю. Наличие Посредника имплицитно подразумевает соответствующий компонент — что-то вроде ‘скажите/передайте Субъекту: (я хочу, что-

бы он сделал Р)' (иногда этот компонент может эксплицироваться в высказывании, ср.: *Павла за меня поцелуй крепко-крепко, скажи, пусть держится* (А. Волос. Недвижимость), но чаще всего просто подразумевается).

Пусть-конструкции выражают особую модальность — модальность **опосредованного воздействия, опосредованного** (косвенного) **влияния**. Разумеется, она не является «самостоятельной» модальностью ни семантически, ни морфологически: она локализована в поле модальных значений речевого побуждения (императива и пермиссива) и не имеет полноценного морфологического показателя (выражается аналитической конструкцией «*пусть* + глагол наст./буд. времени»). Тем не менее, это именно модальность (зависимая от *пусть* ситуация Р имеет неутвердительный статус, ср.: *Пусть уходит/уйдет*).

Вообще, идея опосредованного воздействия (влияния) чрезвычайно важна в экстралингвистическом плане и широко представлена в русском языке.

Во-первых, в силу наличия связей с другими людьми и включенности в различные иерархии (семейные, служебные и т. д.) человек может повлиять на мир (изменить мир) не только непосредственно участвуя в ситуации Р, но и через других людей, которые должны или могут выполнить его волю.

Во-вторых, ситуация Р может быть следствием, результатом другой ситуации — Q, и совершая Q, человек тем самым добивается реализации Р.

Таким образом, хотя в случае *пусть*-конструкций нельзя говорить о контроле Говорящего над Р в специальном лингвистическом смысле (контролируемая ситуация реализуется за счет собственных энергетических затрат субъекта, который по ходу ее реализации следит за тем, чтобы возникающий результат соответствовал цели), в более широком и менее специальном смысле ситуация Р, описываемая в *пусть*-предложении, **зависит** от Распорядителя: у него есть ресурсы, чтобы **повлиять** на эту ситуацию — инициировать, санкционировать, прекратить, не допустить и т. д.

Итак, *пусть*-конструкции предполагают **косвенную, опосредованную** связь Распорядителя с ситуацией Р и ее Субъектом (между Распорядителем и ситуацией Р стоит кто-то другой или что-то другое) и наличие **рычага влияния** (средства воздействия) на Р (Распорядитель может повлиять на кого-то или что-то и добиться реализации Р).

«Опосредованность» может иметь разные причины. В одних случаях у Распорядителя может не быть прямого контакта в пространстве и времени с ситуацией Р, т. е. он не может прямо обратиться к Субъекту. В других случаях ситуация может находиться в сфере досягаемости Распорядителя, но также и в сфере досягаемости других лиц, которые могут своим вмешательством нарушить правильный, должный, по мнению Распорядителя, ход событий

или, наоборот, выполнить волю Распорядителя. Именно к таким людям — Посредникам — Распорядитель обращается в случаях вроде *Суп не выключай, пусть еще поварится* или *Поставь суп, пусть подогревается*.

Семантическое поле опосредованного влияния, как и другие модальные значения, имеет ядро и периферию. По мере удаления от ядра к периферии зависимость ситуации от Распорядителя может ослабляться. В исходном случае ситуация Р находится в сфере прав и полномочий Распорядителя, в более «слабом» — в сфере его влияния, наконец, она может находиться просто в сфере его интересов. Тем не менее *пусть*-конструкция, даже в самых отдаленных от ядра рефлексах, сохраняет связь с волеизъявлением. Говорящий употребляет частицу *пусть*, а не *хоть бы, вот бы, если бы, хорошо бы* и под., потому что, как и при «настоящем» императиве, он уверен, что Р будет реализовано или должно быть реализовано.

При анализе *пусть*-конструкций мы будем использовать те параметры, которые выделены в грамматических описаниях императива и пермиссива:

импульс каузации (от кого исходит импульс каузации);

заинтересованность (в чьих интересах исполнение действия);

субординация (статус говорящего и слушающего-исполнителя)

(см. [Володин, Храковский 1986: 136—141; Бирюлин 1992]).

Общим в императиве и пермиссиве является то, что говорящий **выше** субъекта ситуации Р, поэтому он **имеет право** требовать или запрещать реализацию Р, а Субъект **должен** сделать Р (императив) либо **получить санкцию** на Р (пермиссив). Различие между императивом и пермиссивом состоит в том, что в случае императива в Р заинтересован говорящий, в случае пермиссива — сам Субъект Р (от которого и исходит импульс каузации).

Специфика *пусть*-конструкций (отсутствие прямого контакта между Распорядителем и Субъектом Р) требует введения дополнительного параметра «посредующее звено» («рычаг влияния» Распорядителя на Р).

В результате получается следующая модальная формула:

СОДЕРЖАНИЕ: ‘я хочу, чтобы Р’ (императив)/‘я согласен с Р; не возражаю против Р’ (пермиссив);

ПОСРЕДУЮЩЕЕ ЗВЕНО: ‘скажите/передайте’ (+ наличие Посредника);

СТАТУС: Говорящий выше Субъекта Р и выше Посредника (поэтому Посредник должен передать его волю, а Субъект — выполнить);

ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ: Р в интересах Распорядителя/в интересах общества (других людей — «общее благо») (императив и его рефлекс)/в интересах Субъекта Р (пермиссив, совет).

Более или менее неизменными остаются компоненты «Говорящий хочет, чтобы Р» (или более объективно: «нужно, чтобы Р») для рефлексов императива и «Говорящий не возражает против Р, согласен с Р» для рефлексов пер-

миссива. Именно благодаря им случаи «смещенного» употребления *пусть* могут быть распределены между сферами императива или пермиссива.

Остальные компоненты модифицируются либо исчезают.

Прежде всего, все употребления *пусть*-конструкций делятся на «речевые» (косвенное речевое побуждение), когда Говорящий рассчитывает, что его воля, его слова будут переданы Субъекту, и «неречевые», «смещенные», когда Говорящий заранее знает, что его слова (мысли) не будут переданы Субъекту, и не рассчитывает на это.

Необходимо подчеркнуть, что императив и пермиссив — не просто модальности (наклонения), это еще и типы речевых актов. Такая двойственность ведет к тому, что их компоненты (значения параметров) также оказываются «сдвоенными», склеенными (содержат речевую и модальную составляющие).

Так, параметр «статус участников» («Говорящий выше исполнителя») не входит в собственно семантику императива (или пермиссива), а является прагматическим условием уместности (успешности) данного речевого акта. Более высокий статус говорящего в случае императива (побуждения) предполагает, что говорящий **ИМЕЕТ ПОЛНОМОЧИЯ** требовать Р, а адресат **ДОЛЖЕН** выполнить требование, т. е. сделать Р. Однако этот статусно-речевой компонент «должен» (отражающий подчиненное положение Субъекта Р) склеен с содержательным модальным компонентом «должен», который «высвобождается» в смещенных (неречевых) употреблениях *пусть*-конструкций.

‘Передайте’ как речевой компонент, обращенный к Посреднику, в «неречевых» употреблениях пропадает, при этом сам Посредник может оставаться. Функции Посредника могут быть разными: он может быть исполнителем воли Распорядителя (ср.: *Поставь чайник, пусть подогревается*), а может просто выполнять роль аудитории, к которой обращается Говорящий, ср. приведенный выше пример ...*Пусть подумает, как ему дальше жить*.

Есть еще один важный параметр описания *пусть*-конструкций — статус ситуации Р. Хотя модальное значение волеизъявления в конструкции *Пусть Р* предполагает, что Р не имеет места, в реальности Р может иметь место (ср.: *Пусть спит* — ‘Х уже спит’). В принципе это возможно и при употреблении «настоящего» императива: например, *Сидите-сидите!* можно сказать в ситуации, когда исполнитель уже сидит (Р имеет место) и собирается встать; цель говорящего в этом случае — санкционировать **продолжение** ситуации Р, воспрепятствовать прекращению Р.

Далее мы рассмотрим группы употреблений частицы *пусть*, восходящие к императиву и пермиссиву.

Императив и его семантические рефлексы

1. Косвенное побуждение

1.1. Речевое побуждение к действию 3-го лица:

Пусть он придет завтра = ‘скажите (передайте), чтобы он пришел завтра’.

‘Р в интересах Распорядителя’;

‘Распорядитель имеет право требовать реализации Р от Субъекта’;

‘Субъект должен сделать Р’;

‘Распорядитель сообщает ему об этом через Посредника’.

1.2. Запланированное побуждение (решение о побуждении).

Подготовительной стадией волеизъявления является мысленное решение:

И Андрей придумал: пусть Денис Иванович попросит ее (А. Слаповский. Гибель гитариста);

И я решил так: пусть Дина поступит в консерваторию, Люба заберет Игоря, я стариков пока поддержу... (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

В данном случае, хотя речевой компонент ‘передайте’ отсутствует, принципиальной разницы между ментальным и речевым волеизъявлением нет, потому что человек думает то, что он потом скажет.

Пусть-конструкция здесь маркирует отсутствие прямого контакта между Распорядителем и Субъектом Р. В дальнейшем прямой контакт Распорядителя с Субъектом Р, скорее всего, будет иметь место (т. е. Распорядитель скажет: *Денис Иванович, попросите...; Дина, поступи в консерваторию*).

Существенно, что Распорядитель действительно планирует побудить Субъекта к выполнению Р и что его статус это позволяет.

1.3. Обусловленный императив.

1.3.1. Необходимость реализации Р может быть связана с каким-либо условием или следствием. Типичный класс конструкций, где императив связан с условием, — конструкции со значением «ультиматума» (так называемая альтернативная мотивация):

Или пусть наведет порядок, или пусть подает заявление (ср.: *Или наведи порядок, или подавай заявление*);

Если не наведет порядок, пусть подает заявление (ср.: *Если не наведешь порядок, подавай заявление*);

Пусть Горячев или дело ставит, чтоб все по-людски, или сам уходит!
(А. Волос. Недвижимость).

1.3.2. Идея вынужденного выбора содержится также в сложном предложении со значением обусловленности, где *пусть* имеет побудительно-долженствовательное значение.

Субъект должен выполнить Р не потому, что это нужно Распорядителю, а потому, что так диктует какое-то внешнее условие:

Не нравится, пусть сам готовит (ср.: *Не нравится — готовь сам*);
...А кому не нравится, пусть везет свою (посуду) (Ю. Домбровский).

Здесь, как и в случае ультиматума, имеется в виду выбор: ‘или ешь то, что дают, или готовь сам’; ‘или пользуйся тем, что есть, или вези свое’.

Распорядитель оформляет Р как побуждение, подчеркивая, что Субъект вынужден будет подчиниться — пусть не человеку, а обстоятельствам. То есть вынужденное действие представлено здесь как подчинение внешней воле.

1.4. Совет

Пусть-конструкция может выражать также более «слабые» побудительные модальности, например, совет:

— *Ему нужен настоящий специалист. — Пусть едет на завод.*

(Ср. вариант со значением обусловленности: *Если он хочет найти настоящего специалиста, пусть едет на завод* = ‘следует, надо ехать на завод’).

Совет отличается от распоряжения тем, что Р — в интересах Субъекта и, кроме того, Субъект не обязан делать Р.

Поскольку совет традиционно рассматривается как разновидность побуждения (и выражается императивом), мы тоже включаем данный вариант *пусть*-конструкций в группу косвенных побуждений.

2. Долженствование и пожелание

Если в первой группе употреблений Распорядитель имел полномочия (статус) для побуждения Субъекта к Р, действительно хотел передать побуждение через Посредника (или лично) и рассчитывал на выполнение Р, то вторая группа употреблений *пусть*-конструкций выражает МНЕНИЕ Говорящего о том, что Р ДОЛЖНО иметь место, Субъект ДОЛЖЕН сделать Р. При этом Говорящий не имеет полномочий требовать Р, поэтому данную группу употреблений можно назвать риторическим побуждением (абстрактным долженствованием):

- (а) Пусть он [председатель Центризбиркома] подсчитает, сколько рекламных плакатов, каждый из которых стоит в среднем три тысячи долларов, уже расставлено вдоль дорог и улиц, пусть перемножит («Наш современник»);
 ‘Говорящий считает, что Р правильно/Р справедливо/Р должно быть’;
 ‘Говорящий имеет моральное право высказать требование Р (от имени общества)’;
 ‘Субъект должен (имеет моральную обязанность) сделать Р’;
 ‘У говорящего нет личной заинтересованности в Р’.
- (б) — Он сказал, что ваш отдел плохо работает. — Пусть за своими подчиненными следит/Пусть за собой следит;
 — Почему ты его не пригласил? — Пусть сначала научится себя вести, а потом я его, может быть, и приглашу (ср.: Если он хочет участвовать в собраниях, пусть сначала научится себя вести);
 — Он остался в Крыму еще на неделю. — Вот и хорошо, пусть отдохнет/пусть погрееется на солнышке;
 — Его забрали на 15 суток. — Вот и правильно, пусть подумает.
- (в) — Почини велосипед. — Петя сломал, пусть Петя и чинит/Кто сломал, тот пусть и чинит;
 «Нет у меня и нету! Пусть Пушкин им сдает валюту» (М. А. Булгаков) (в ответ на призыв «Сдавайте валюту!»).

Хотя высказывания типа (б) являются реакцией на некоторую ситуацию (сообщение о ситуации) Q (которая может быть как благоприятной, так и неблагоприятной), а высказывания типа (в) — реакцией на побуждение, обращенное к Говорящему, они выражают мнение о том, как следует поступить Субъекту, и содержат ту же идею, что и (а): Субъект должен сделать Р, Р является правильным.

Итак, в приведенных примерах Говорящий не имеет полномочий требовать Р от Субъекта и не рассчитывает, что Посредник передаст Субъекту его слова, а просто высказывает свое мнение по поводу того, как должен быть устроен мир, каков правильный, желательный, одобряемый им ход событий. Почему это мнение высказывается в форме волеизъявления, в форме *пусть*-конструкции? Потому что это не просто мнение, а мнение о том, что ДОЛЖНО БЫТЬ.

Вообще, долженствование тесно связано с побуждением и волеизъявлением (а соответствующие модальные лексемы могут использоваться для выражения побуждения, ср.: Ты должен сходить к врачу в значении ‘сходи к врачу’). В ситуации императивного высказывания говорящий может использовать свое высокое положение (более высокий, чем у Субъекта, статус), что-

бы Субъект выполнил то, что нужно лично говорящему (параметр «в чьих интересах действие Р»). Однако руководство действиями Субъекта может быть служебной (социальной) обязанностью Распорядителя. В этом случае и Распорядитель, и Субъект просто выполняют свои функции, которые они должны выполнять. Именно этот компонент «объективного» долженствования лежит в основе *пусть*-конструкций данного типа и связывает их с «настоящим» императивом.

Пусть-высказывания рассматриваемого типа часто произносятся в ситуации, когда правильный ход событий (по мнению Говорящего) нарушается, когда Субъектом не выполняются его обязанности. Именно невыполнение Субъектом того, что он должен выполнять, дает Говорящему моральное право поставить себя выше Субъекта и сформулировать свое мнение в форме императивной конструкции (волеизъявления).

Замечание 1. Долженствование сделать Р может вытекать из желания или потребности Q самого Субъекта Р. Q может не содержаться в предтексте, но, как правило, довольно легко реконструируется:

Я только успел предупредить, что ээк не виноват. А кто виноват — пусть разбираются сами (С. Довлатов. Чемодан).

‘Если они хотят узнать (Q), кто виноват, пусть разбираются (Р)’;

Тогда пусть объяснят, откуда у России набралось 140 млрд. долларов внешних долгов? (газ.).

‘Если они утверждают что-то и хотят, чтобы мы им поверили (если хотят Q), они должны сделать Р’.

Замечание 2. Характерным, хотя и «побочным» случаем абстрактного побуждения являются «ритуальные формулы» и пожелания: *Пусть у вас все будет хорошо; Пусть земля ему будет пухом; Пусть все будут здоровы; Пусть множатся ваши успехи*, и т. д. С одной стороны, эти формулы напоминают заклинание высших сил, на которые человек не может повлиять. С другой стороны, они, несомненно, восходят к императиву (ср. *Храни тебя Господь*) и в этом отношении существенно отличаются от оптатива. Оптатив выражает просто желание, реализация которого от говорящего не зависит: *Хоть бы он не заболел*; в *пусть*-конструкции пожелание представлено таким образом, как если бы говорящий действительно мог повлиять на ход событий.

3. Обусловленность (мотивировка)

(*Пусть Р* — мотивировка ситуации Q).

Наибольший интерес представляют случаи (меньше всего описанные в литературе), когда Субъектом Р является неодушевленный предмет (*Пусть проветривается*) или лицо, к которому по тем или иным причинам нельзя обратиться побуждение (*Пусть спит*); при этом ситуация Р может уже проис-

ходить, иметь место. В грамматиках случаи типа *Пусть костер горит* рассматриваются как разновидность волеизъявления, а именно — как «побуждение в сочетании с пожеланием» [АГ-80: § 1943].

На наш взгляд, нужно разграничивать, с одной стороны, абстрактные пожелания (ср. пример из [АГ-80: § 1943]: *Пусть живут в моем сердце мечта и тревога*) и «ритуальные формулы» (*Пусть земля ему будет тухом; Пусть все будут здоровы*), которые произносятся в определенных социальных ситуациях (во время ритуалов, в составе тостов и поздравлений), и, с другой стороны, конструкции *Пусть Р*, предполагающие сильную связь ситуации Р с некоторой ситуацией Q, которая упоминается в том же предложении, в более широком контексте или просто выводится и которая находится с ситуацией Р в отношениях **обусловленности** (чтобы Р имело место, нужно сделать Q). Конкретных вариантов соотношения Q и Р может быть много (часть из них мы рассмотрим ниже), однако общая идея характера связи Q и Р остается неизменной: реализация (или наличие) Q влечет за собой Р.

Замечание. Частицы, как известно, являются постоянным источником и поставщиком союзов в грамматическую систему (в частности, *пусть* может выступать и как союз) и весьма сходны с союзами по семантике и текстовым связям. Благоприятной почвой для такого «перехода» являются контексты обусловленности, в которых частицы, как и союзы, выражают связь между двумя пропозициями (ситуациями).

Во всех случаях, которые мы рассмотрим ниже, у Говорящего либо имеются рычаги воздействия на Р, либо Р уже имеет место.

3.1. Первый вариант — взаимодействие с Посредником: Р обусловлено действием Q Посредника.

В этой группе случаев Распорядитель влияет на Р через Посредника, который является здесь не «транслятором» воли Распорядителя, а ее непосредственным исполнителем (поскольку Субъект Р либо неодушевленный, либо находится за пределами сферы воздействия Распорядителя).

(а) Распорядитель отдает Посреднику прямое распоряжение Q, а *пусть*-конструкция является мотивировкой, обоснованием этого распоряжения:

Поставь суп (Q), пусть подогревается (Р);

Открой форточку, пусть проветрится

(‘Нужно, чтобы проветривалось’; ‘Открой, потому что я хочу, чтобы проветривалось’).

‘Ситуация Р не имеет места’;

‘Посредник должен ее инициировать путем выполнения Q’;

‘Р — в интересах Распорядителя’;

‘Посредник подчиняется Распорядителю’;

Тащи его к себе и вешай на стенке, пусть люди смотрят, удивляются
 (Ю. Домбровский. Хранитель древностей)
 ('Повесь на стенку (Q), чтобы люди смотрели (P)');
 — ...*Ну, человек устал, отяжелел..., так уволь его из армии, дай ему пен-
 сию, пусть отдыхает!* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей).

Легко видеть, что реализация Q «вынуждает» здесь и реализацию P (если поставить суп на огонь, он будет подогреваться; если открыть форточку, будет проветриваться; и т. д.).

Замечание. В силу ограниченности объема статьи мы, к сожалению, не имеем возможности рассмотреть соотношение *пусть* и *чтобы*; отметим только, что *пусть*-конструкции со значением обусловленности близки по модальности к цели, необходимости, целесообразности:

Открой форточку, чтобы проветрилось;
Надо открыть форточку, чтобы проветрилось.

(б) В предтексте *пусть*-конструкции может находиться запрет: P уже реализуется, и Распорядитель хочет предотвратить нежелательные действия Посредника:

Суп не выключай, пусть еще поварится;
Форточку не закрывай, пусть проветривается;
Петю не буди, пусть выспится;
Цветок не убирай, пусть стоит;
Не стреляйте, пусть подойдет поближе.
 'Ситуация P имеет место';
 'Распорядитель заинтересован в P (в продолжении P)';
 'Распорядитель сообщает свою волю Посреднику';
 'Для реализации воли Распорядителя Посреднику достаточно не делать Q';
 'Посредник подчиняется Распорядителю'.

(в) Посредник может по собственной инициативе предложить Распорядителю прекратить P, как бы пытаясь угадать его волю, т. е. предтекстом является реплика Посредника; *пусть*-конструкция в этом случае санкционирует продолжение P:

— *Может, закрыть форточку?* — *Нет, пусть проветривается;*
 — *Суп выключать?* — *Пусть еще поварится;*
 — *Убрать цветок?* — *Пусть стоит.*

(б) и (в) являются просто разными вариантами запрета. В случае (в) такой запрет эксплицитно не выражен, но предполагается:

— *Убрать цветок?* — [Не убирай] *Пусть стоит.*

3.2. Второй вариант: Q — действие самого Говорящего (Распорядителя), а P — его цель (то положение дел, которого он хочет достичь). При этом ситуация P такова, что она с большой вероятностью (или даже с неизбежностью) возникает при реализации Q. Говоря (в том числе мысленно) *Пусть P*, Говорящий «оправдывает», обосновывает действие Q в глазах других людей или в своих собственных:

Поселок будет сожжен, а жители его уничтожены, — пусть партизаны помнят, во что обходятся их налеты, а жители знают, чего стоит пособничество партизанам (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Здесь P (*пусть партизаны помнят*), во-первых, является целью совершения Q («надо сжечь, чтобы помнили»), а во-вторых, вынуждается, обеспечивается действием Q, что и позволяет Говорящему (здесь он лишь условно может быть назван «Распорядителем») оформлять P как волеизъявление;

Надо бы обратиться к нему «коллега», пусть знает, что и я врач (И. Грекова. Перелом): «Надо обратиться (Q), чтобы он знал (P)»; «Если обращусь «коллега» (Q), он будет знать, что я врач (P)»;

Взять выйти замуж и уехать. Пусть они наконец-то привыкнут сами о себе думать (И. Грекова. Дамский мастер): «Уеду (Q), чтобы они привыкли... (P)»; «Если уеду (Q), они привыкнут... (P)»;

Не буду им готовить обед, пусть сами о себе заботятся... (И. Грекова. Дамский мастер): «Не буду готовить (Q), чтобы они сами готовили» (P); «Если не приготовлю им обед (Q), им придется готовить самим (P)»;

Звонили долго, требовательно. Я не подходила. Извиниться хочет, нахал. Пусть побеспокоится (И. Грекова. Дамский мастер): «Если не возьму трубку, он будет беспокоиться»;

Отправлю ему в лагерь телеграмму, пусть радуется, — тихо шепнул Тане в ухо (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света).

Во всех рассмотренных в данном разделе случаях *Пусть P* служит мотивировкой Q: Распорядитель побуждает Посредника делать (не делать) Q или сам делает (не делает) Q, потому что хочет, чтобы P имело место. В то же время реализация (не-реализация) Q является достаточным условием для того, чтобы P имело место (Q вынуждает, обеспечивает, каузирует P). Связь с императивом здесь заключается в том, что как императив (речевое побуждение) является попыткой изменить мир (каузировать ситуацию P) путем воздействия на адресата-исполнителя, так и воздействие на Посредника или собственное действие Говорящего являются попыткой добиться возникновения

(или продолжения) ситуации Р. При этом Говорящий уверен, что Р будет иметь место, ср.: *Надо положить документы в сейф, пусть полежат до пятницы. У чтобы-конструкции другой акцент: Он положил документы в сейф, чтобы их до пятницы никто не взял* (здесь говорится только, каким способом субъект Q пытается достичь Р, но нет гарантии, что будет Р).

Пермиссив и его семантические рефлексы

1. Косвенный пермиссив

В отсутствие прямого контакта Распорядителя и Субъекта разрешение передается через Посредника.

(а) Распорядитель актуально дает РАЗРЕШЕНИЕ на конкретное действие Р:

— *Он хочет уйти пораньше — Пусть идет;*

— *Он там ждет (= хочет войти) — Пусть войдет.*

‘Ситуация Р — в интересах Субъекта’;

‘Субъект подчинен Распорядителю’;

‘Субъект хочет сделать Р и сообщает о своем желании через Посредника (либо Посредник сообщает о желании Субъекта по собственной инициативе)’;

‘Распорядитель дает санкцию на Р (через Посредника)’.

(б) Распорядитель выражает СОГЛАСИЕ с действием или намерением Субъекта:

Пусть живет, если хочет

(‘если Субъект хочет Р, ему не будут препятствовать’).

2. Риторический пермиссив (Р уже имеет место)

Иногда Посредник просто сообщает Распорядителю о ситуации Р, которая, по мнению Посредника, может быть нежелательной для Распорядителя или, во всяком случае, нуждается в санкции Распорядителя:

— *Он сел на наши места. — Пусть сидит;*

— *Петя взял твой велосипед. — Пусть катается.*

Подобные высказывания имплицитно содержат предложение прекратить Р, но такое предложение может быть и эксплицитным:

— *Разбудить его? — Пусть спит.*

Данное употребление *пусть* является рефлексом пермиссива, поскольку ситуация Р — «в пользу» Субъекта. В то же время Субъект не просил у Распорядителя разрешения на реализацию ситуации Р. Поэтому данное употребление *пусть* можно назвать риторическим пермиссивом: если в риторическом вопросе Говорящий не рассчитывает на ответ, поскольку он и так известен, то в риторическом пермиссиве он дает разрешение в отсутствие просьбы. В этом разрешении тем более нет необходимости, что ситуация уже реализована.

3. Примирение/согласие с Р («попустительство»)

Наконец, периферия этого ряда — когда ситуация Р вообще не во власти Говорящего, не контролируется им и, возможно, прямо противоречит его интересам (именно этот контекст ближе всего к уступительному употреблению *пусть*, см. замечание ниже; ср. также [Санников 2004]). В таком случае *пусть*-конструкция выражает примирение с нежелательным развитием событий при невозможности его изменить:

— *Он пошел к начальнику жаловаться! — А, пусть идет/Ну и пусть жалуется/Да пусть идет куда хочет/Да пусть жалуется хоть министру.*

Здесь происходит существенное ослабление исходного значения, но не его полная утрата. Во-первых, «Распорядитель» (Говорящий) может, хотя бы теоретически, вмешаться в ход событий. Во-вторых, здесь все-таки присутствует своего рода санкция на продолжение текущей линии развития событий (в виде идеи принятия реальности), что характерно для пермиссивных *пусть*-контекстов: Распорядитель своим невмешательством допускает («разрешает») Р, «попустительствует» Субъекту.

Какой смысл имеет «санкция» Распорядителя в случаях 2 и 3, раз ситуация Р и так уже происходит, почему Распорядителю вообще сообщают о ситуации Р? Потому что ситуация Р касается Распорядителя-Говорящего, входит в сферу его контроля, прав или интересов, и он может, в принципе, ее прекратить. Произнося *пусть*-высказывание, Говорящий сообщает, что:

(а) считает существующее положение дел Р предпочтительным, допустимым или неизбежным;

(б) хочет, чтобы Р продолжалось (или вынужден согласиться с его продолжением).

Замечание. У *пусть*, как известно, есть еще и уступительные значения: *Пусть он маленький, зато удобный* (= 'хотя').

Уступительная частица *пусть* (которая обычно выступает в позиции союза, связывая две предикативные единицы) выражает особую разновидность уступительного

значения — так называемое сознательное допущение: *Пусть он не выдержал, я его не виню.*

Описывая положение дел, когда ситуация Р противоречит интересам Распорядителя, модель *пусть жалуется* является тем промежуточным звеном, от которого идет линия к уступительному значению:

— *Он побежал к начальнику жаловаться! — Да пусть идет куда хочет/Да пусть жалуется хоть министру.*

‘Пусть он жалуется (пусть это плохо для меня), я не буду его останавливать’, ср. собственно уступительные употребления *пусть*: *Люди объединялись, чтобы, например, обеспечивать себе медицину. Пусть я в этот год не заболею, но зато мои десять рублей помогут тому, кто заболел* (газ.).

Заключение

Итак, обзор типов употреблений *пусть*-конструкций позволяет выделить две основные группы. Первая группа — это «настоящее» волеизъявление, т. е. конструкции, которые являются пусть и косвенным, но императивом или пермиссивом. Говорящий-Распорядитель действительно рассчитывает, что Посредник передаст его волю Субъекту Р, а Субъект Р подчиняется Говорящему (Распорядителю) и должен выполнить Р.

Как существует потребность в заглажном наклонении, когда человек передает информацию с чужих слов (показатели такого наклонения, как и вообще показатели недостоверности, могут быть и грамматическими, и лексическими), точно так же существует потребность в косвенной передаче распоряжений и разрешений, когда человек сообщает свою волю не лично, а через другого человека. Ситуация, когда нужно передать что-то через посредника (не только распоряжение), весьма распространена (см. [Кустова, Падучева 1994]). В русском языке для косвенной передачи побуждения и разрешения была приспособлена частица *пусть*. Этот «выбор» не случаен.

Как мы уже отмечали в начале настоящей статьи, в ситуациях, обозначаемых глаголами группы *пустить*, обнаруживаются признаки, которые оказались востребованными модальной системой русского языка:

- некто инициирует ситуацию Р (каузатив) или дает возможность для реализации Р (пермиссив);
- «отстраненность»: ситуация Р происходит без участия инициатора (т. к. ее субъектом является живое существо или самодвижущаяся субстанция);
- при этом инициатор часто сохраняет контроль над ситуацией Р и ее субъектом;
- некоторые глаголы группы *пустить* содержат речевой компонент (‘сказал, что можно Р’).

Эти признаки вполне согласуются со спецификой императива и пермиссива (волю говорящего исполняет кто-то другой, сам же говорящий не участвует в каузируемой ситуации) и были грамматикализованы частицей *пусть* в функции «косвенного волеизъявления».

Вторую группу контекстов составляют «смещенные» употребления, где значение побуждения или разрешения в собственном смысле отсутствует. Говорящему заранее известно, что Субъект Р не узнает его волю, и Говорящий не собирается эту волю передавать (более того, ситуация Р уже может иметь место).

Тем не менее для «оформления» модального статуса ситуации Р Говорящий использует частицу *пусть*. К этому обстоятельству мы и хотели бы привлечь внимание. Подобно тому как семантика глаголов группы *пустить* оказалась подходящим материалом для грамматических функций частицы *пусть* и в первой группе употреблений частица *пусть* использовала семантический потенциал глаголов группы *пустить* для «обслуживания» императивно-пермиссивных речевых актов, точно так же семантика императива и пермиссива обладает подходящим набором признаков для «расширения», распространения *пусть*-конструкций за пределы сферы речевой каузации и во второй группе употреблений используется потенциал самого императива и пермиссива.

Итак, рассмотренный материал демонстрирует определенное сходство (даже единство) в устройстве грамматических категорий, служебных слов и полнозначных лексических единиц, т. е. демонстрирует единство семантической системы языка, о котором говорили представители Московской семантической школы ([Апресян 1974; Мельчук 1974]). Кроме того, он показывает плодотворность применения методики «параметризации значений» к лексическим единицам, предложенной в работах Е. В. Падучевой и аналогичной методикам грамматического анализа.

Литература

- АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
АГ-80 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
Бирюлин 1992 — Л. А. Бирюлин. Пермиссив и смежные значения русского императива // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 29. 1992. С. 203—219.
Володин, Храковский 1986 — А. П. Володин, В. С. Храковский. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
Крючков, Максимов 1977 — С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М., 1977.

- Кустова 2004 — *Г. И. Кустова*. Типы языковых значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кустова, Падучева 1994 — *Г. И. Кустова, Е. В. Падучева*. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 30—37.
- Мельчук 1974 — *И. А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
- Мельчук, Холодович 1970 — *И. А. Мельчук, А. А. Холодович*. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. М., 1970. С. 111—124.
- Падучева 1985 — *Е. В. Падучева*. Высказывание и его соотносительность с действительностью: (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Падучева 2000 — *Е. В. Падучева*. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. 2000. С. 395—417.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Подлеская 2005 — *В. И. Подлеская*. Русские глаголы *дать / давать*: от прямых употреблений к грамматикализованным // Вопр. языкознания. 2005. № 2. С. 89—103.
- Санников 2004 — *В. З. Санников*. О значении союза *пускай / пусть* // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова. М., 2004. С. 239—245.
- Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Холодович 1970 — *А. А. Холодович*. Залог: Определение. Исчисление // Категория залога. Л., 1970. С. 277—292.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ДИНАМИКА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА *

И. Б. Левонтина

Елене Викторовне Падучевой почтительнейше

Заимствование слова (собственно лексическое заимствование или семантическая калька) — наиболее простой для языка способ оформить отсутствующий в нем концепт (см. [Крысин 1992; 2002]). Для современной языковой ситуации характерно большое количество заимствований, что не в последнюю очередь связано с динамикой языковой картины мира, в частности с существенным видоизменением ее целых фрагментов (см. [Зализняк и др. 2005]). В настоящей статье рассматриваются несколько таких заимствований последнего времени, которые только еще входят в язык.

Великий вызов

Скандално прославившаяся своей первой книжкой журналистка Елена Трегубова в новой книжке так написала о Ельцине: «Просто был тем, кто неожиданно почувствовал этот великий ритм и дыхание времени, этот великий шанс и великий вызов. И — как мог постарался соответствовать этому вызову». Надо заметить, что до недавнего времени такое употребление слова *вызов* было для русского языка совершенно невозможным. Да и сейчас фраза *Он почувствовал этот великий вызов и постарался соответствовать этому вызову* звучит не вполне по-русски. Можно, однако, с большой степенью вероятности предположить, что освоение такого употребления — дело ближайшего будущего.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 2005, № 05-04-04026а «Эволюция ключевых концептов русского языка в XX в.» и Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории» (проект «Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи»).

Это калька с английского *challenge* — одного из самых ярких английских слов, которого нет в русском языке, во всяком случае до недавнего времени не было. Буквально оно означает 'вызов', однако имеет гораздо более широкое значение. Слово *challenge* описывает, в частности, следующую ситуацию. Человек берется за выполнение какой-то трудной задачи, на пределе или даже за пределами своих профессиональных или иных возможностей, и трудность задачи подстегивает его, заставляет превзойти самого себя. Восхитительна эмоциональная тональность этого слова: оно выражает эдакий веселый азарт и вкус к жизни. Почувствовав *challenge*, человек ощущает, как повышается количество адреналина в крови. Излишне говорить, сколь важно это понятие и это ощущение для всей американской цивилизации. По-русски человек не может, например, соглашаясь занять какую-то должность, воскликнуть, потирая руки: «Это для меня вызов!».

Однако то, что в русском языке нет слова *challenge*, в последнее время все больше ощущается как упущение. Оно все чаще и чаще оказывается нужным, когда люди говорят о своей или чьей-то еще жизненной позиции, отношении к профессии, карьере. И вот слово *вызов*, в котором раньше ничего такого экзистенциального не было, прямо на наших глазах расширяет свое значение. Так сказать, пытается соответствовать *вызову эпохи*.

Особенно замечательны две фразы в рекламе. В одном случае о новом пятновыводителе говорится: «И еще больший вызов — засохшая свекла». В другом рекламируется модель автомобиля: «Ваш ответ вызовам жизни!».

Этот пример очень показателен. Часто по поводу нового слова люди машут рукой: да это заимствование! Как будто это что-то объясняет. Вот слово *вызов* жило себе и столько лет абсолютно не собиралось калькировать данное значение слова *challenge*. Но вдруг собралось, и значение это моментально прижилось. Просто раньше оно было не нужно, а теперь понадобилось. Замечательно здесь и вот что. Люди очень быстро привыкают к таким вещам. Я много раз сталкивалась с тем, что мне не верят, когда я говорю, что раньше не было выражений типа *почувствовал великий вызов*. «Как это не было? Да всегда так говорили! А как же иначе это сказать?». Да в том-то и дело, что раньше так не говорили и этого не говорили никак, потому что этого не думали. Как сказано у Цветаевой, «даже смысла такого нет!».

Правда, фраза про свеклу пока еще большинству людей кажется смешноватой. Но это ненадолго.

We are the champions, my friend...

Среди рекламных слоганов мобильных телефонов можно услышать и такой: «Мобильные телефоны для успешных людей». Подобное употребление слова *успешный* — явление совсем новое.

До последнего времени русское слово *успешный* могло употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам (*успешные переговоры, успешная работа, успешный рост*) — но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный человек* стало очень типичным.

Более того: пожалуй, *успешный человек* — это герой нашего времени. Уже о нем и для него пишут книги и издаются журналы: *Михненко П. А. Как стать успешным: ...на опыте успешных людей*, *Кановская М. Б. Деловой этикет для успешных людей*, «Фаворит» — журнал для успешных людей. Существует Интернет-рассылка *Афоризмы успешных людей* и сетевая Библиотека *успешного человека*. Этот новый герой — адресат рекламы: *Автосалон для успешных людей*; *Леонбергер — собака для успешных людей!*; *Красивые зубы — пропуск в мир успешных людей*, «Успешные люди» — рекламно-продюсерская компания. Этот новый вид ведет стадную жизнь: «Клуб успешного человека», *VIP-лига Infinit* — лига успешных людей! Успешным может стать каждый — сулят педагоги, психологи и психотренеры: *Образование для успешных людей*, *Новый тренинг «Успешный Человек» Николая Ивановича Козлова*; *Тренинг успешных людей*; «Как вырастить из ребенка успешного человека» — *На вопросы читателей отвечает педагог-психолог*.

Это стремительное изменение смысловых возможностей слова не случайно.

Успешный, конечно, калька с английского слова *successful*. Например, в фильме «Секс в большом городе» одна из героинь сетует, что мужчины предпочитают молодых девушек, а *успешная пятидесятилетняя женщина никого не интересуется*. В английском тексте, естественно, звучит *successful*. Представление об *успешном человеке* пришло к нам вместе с западным культом успеха, достижения. Прежде в русской культуре *успех* не рассматривался как основополагающая жизненная ценность. Это, разумеется, не означает, что люди не стремились к успеху, не добивались успеха. Просто экзистенциальный статус успеха был невысок. Своими успехами, успехами детей гордились, но гордиться немного стеснялись. Достижение как-то ассоциировалось с риском для собственной души.

Раньше говорили: *состоявшийся человек*, а это ведь несколько другое, это слово не характеризует социальный аспект человека. *Состоявшийся* — значит реализовавший свой внутренний потенциал, а добился ли он чего-нибудь в жизни, неизвестно. Было еще слово *преуспевающий*, от того же корня, что и *успешный*. Оно всегда было связано с финансовым успехом и выражало некоторое сомнение к моральной безупречности средств достижения этого успеха. *Преуспевающий адвокат* — это тот, у кого высокие гонорары, а не тот, кому удалось много невинных людей спасти от тюрьмы. Чрезвычайно характерно высказывание Олега Целкова в интервью о Бродском: «По-видимому, Бродскому претило то, что Евтушенко был весьма преуспева-

ющим поэтом в СССР, публиковался гигантскими тиражами, был богат, разъезжал месяцами по всему белому свету, о чем и во сне не могло при-
сниться обычному советскому человеку. Бродского Евтушенко раздражал.

Что касается самого Бродского, можно себе представить, что, защищая его от обвинений в тунеядстве, кто-нибудь назвал его *состоявшимся поэтом*. Но *преуспевающим поэтом* — невозможно.

Вспомним и Довлатова:

«Двое писателей. Один преуспевающий, другой — не слишком. Который не слишком задает преуспевающему вопрос:

— Как вы могли продаться советской власти?

— А вы когда-нибудь продавались?

— Никогда, — был ответ.

Преуспевающий еще с минуту думал. Затем поинтересовался:

— А вас когда-нибудь покупали?».

Чрезвычайно характерны строки из поэмы Наума Коржавина «Сплетения»¹:

И, может быть, стал бы отменным,
Исполненным сложных забот,
Престижным саксесыфулмэном,
Спецом по обрывкам пустот.

Строки дышат отвращением к этому чуждому «саксесыфулмэну». Дикая транслитерация (или транскрипция?) эту чуждость подчеркивает. Ну ясное дело, если *successful*, то непременно за счет даже не пустот, а *обрывков пустот*. Поэма написана в 1980 году, и к слову *саксесыфулмэн* в книжке сноски, поясняющая, что это *успешливый человек*. Пришлось автору, видимо, использовать редкое слово *успешливый*, поскольку сочетание *успешный человек* четверть века назад казалось вовсе немыслимым. Оно и в начале XXI века было еще непривычно. Это довольно много обсуждали, особенно профессиональные переводчики, которые как раз мучились с этими самыми *саксесыфулмэнами*. Приведу пример с сайта Ассоциации лексикографов «Лингво» (там есть форум «Беседы переводчиков»):

4 февраля 2003 г. — Инна Ослон: Еще года два назад слово «успешный» в значении «преуспевающий» не то чтобы резало мне слух, а вызывало определенный дискомфорт. Теперь уже не вызывает (почти) — П. Палажченко: С «успешным» в этом значении мы, наверное, действительно «проехали»...

Итак, *успешный человек*. Пожалуй, лучше всего можно определить это понятие, используя другое модное современное выражение — *жизненный проект*.

¹ Я благодарю А. Д. Шмелева, сообщившего мне этот пример.

Так, одна из современных гимназий так рекламирует себя: *Гимназия видит свою основную миссию в утверждении новых ценностей школьного образования: главное — умение применить полученные знания, опыт совместной работы и личных достижений при построении собственного жизненного проекта.*

Успешный человек — это тот, кто успешно осуществил свой *жизненный проект*. Не обязательно он так уж разбогател, но он добился определенной позиции в обществе. Его *проект* социально признан.

Интересно, что точно такие же изменения, как со словом *успешный*, произошли и со словом *эффективный*. Раньше говорили: *эффективные меры, эффективное лечение*. Теперь же мы сплошь и рядом слышим: *эффективный человек*. Например, как сказали в одном телешоу: *Человек в любом возрасте может быть эффективным*. Есть даже такая книга — «Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека». В аннотации сказано: *Это реальная психология для деловых и эффективных людей: для предпринимателей и психологов, руководителей и домохозяек, для всех тех, кто хочет стать — универсальным бизнесменом.*

Нельзя не заметить, что новое значение слова *успешный* — более или менее на ту же тему, что и новое значение слова *вызов*. Вообще здесь мы имеем дело не просто с изменениями семантики отдельных слов, а с обновлением целого фрагмента языковой картины мира. Ведь и слово неудачник за последние годы несколько изменило свой смысловой потенциал. Раньше оно могло произноситься чуть ли не с нежностью и подразумевать, что человек не достиг земных благ, потому что бескорыстен и думает о душе. *Золотое клеймо неудачи*, как мы помним, разглядела Ахматова на челе молодого Бродского. Но чем дальше, тем более сурово начинает звучать по-русски это слово, приближаясь по тональности к английскому *loser*. А слово *карьера*? Еще 20 лет назад в ходу была формулировка *карьера в хорошем смысле*. Почему надо было оговариваться, что в хорошем? Да потому что вообще-то *карьера* — это было нечто слегка постыдное.

На рубль амбиции

Есть и еще одно интересное слово из этой же серии. В последнее время многим бросается в глаза, как изменились слова *амбиции* и *амбициозный*. Яркая примета нашего времени — словоупотребления типа: *кадровый центр «Амбиция»* (он занимается трудоустройством), *11-я ежегодная конференция «Управление в России: время амбициозных целей»*. А вот из объявления о вакансиях: «Нужен еще один амбициозный и целеустремленный сотрудник».

До последнего времени слово *амбиции* связывалось преимущественно с завышенной самооценкой и бесосновательными притязаниями. Так его тол-

ковали и словари: *амбиция* — «обострённое самолюбие, чрезмерное самомнение». Вот типичный пример соответствующего словоупотребления: «Вам не мешало бы уразуметь, что наглый вид — примитивная форма вашего жалкого самоутверждения, пустая амбиция юнцов, уставших от собственной неполноценности» (Л. Зорин. Трезвенник). Замечательно, что в русском языке чуть ли не все слова, указывающие на высокую оценку человеком собственной персоны, окрашены отрицательно: *самомнение, апломб, гонор, чванство, спесь, самонадеянность, самоуверенность*. Список можно продолжить. Это язык так отражает укорененное в русской культуре представление о том, что гордому человеку следует смиряться. Причем на самом-то деле мы понимаем: бывает, что человек трезво оценивает свои силы, готов справиться с задачей и говорит об этом без пустого жеманства, и это хорошо. Однако употребить применительно к такому случаю слово *самоуверенность* невозможно даже с уточнением *в хорошем смысле*. Нужно слово распороть и сложить в другом порядке — *уверенность в себе*. Иначе негативную оценку не изгнать. (О самооценке человека в русском языке см. [Санников 2006].)

Когда слово амбиция было заимствовано в русский язык, оно очень быстро приобрело этот оттенок. Правда, например, Достоевский часто использует слово *амбиция* просто в смысле ‘самолюбие’, например: «Моя репутация, амбиция — все потеряно! Я погиб, и вы погибли, маточка, и вы, вместе со мной, безвозвратно погибли! Это я, я вас в погибель ввел! Меня гонят, маточка, презирают, на смех подымают, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила» (Ф. М. Достоевский. Бедные люди). Но гораздо более типично всегда было представление об амбициях непомерных и неправомерных, как в таком примере: «На грош амуниции, на рубль амбиции! Уходи, не проедайся! Банкомет взял за плечи барона и вмиг выставил его за дверь, которую тотчас же запер на крюк» (В. Гиляровский. Москва и москвичи). А в советское время и тем более трудно было употребить слово *амбиция* вне отрицательного контекста. И вот все изменилось. Появилось поколение *успешных* и *амбициозных* молодых людей, которые отвечают на *вызовы* жизни — делают *карьеру*. И ничего в этом плохого язык уже почти не видит. Да, еще эти молодые делают карьеру *агрессивно*.

Агрессивный макияж

В последние годы многие люди замечают, что и слово *агрессивный* на наших глазах меняет свой оценочный потенциал. Раньше, если о человеке говорили *агрессивный*, это всегда означало, что мы оцениваем его поведение отрицательно. Раньше сказали бы *агрессивная тактика* — с неодобрением. А

если хотели одобрить, говорили — *наступательная тактика*. И вот все чаще мы слышим и читаем: «Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, агрессивно нацеленные на результат, готовые инвестировать свое время и силы» — это в объявлении о вакансиях. «CNN — молодое и агрессивное информационное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж». Или: «Современная леди прогрессивна и агрессивна: она делает карьеру в мужском коллективе, настаивая, чтобы ее называли по фамилии, как и коллег, и ни при каких обстоятельствах не просили принести кофе».

И особенно распространилось выражение *агрессивный макияж*. Вот несколько примеров, извлеченных из Интернета: «Вместе с воспоминанием о тех годах (80-х) к нам возвращается более агрессивный макияж: яркие глаза с черной подводкой, много перламутра, „красные“ губы и безумные объемы в прическах...»; «Агрессивный макияж для неформальной вечеринки»; «Удивительный и яркий, консервативный, стильно-утонченный, подчеркивающий, агрессивный макияж поможет создать визажист. Он подчеркнет образ, сгладит природные недостатки и подаст образ в максимально выгодном свете»; «Но, признаться, женский пол и сам не прочь воспользоваться запрещенными приемчиками — лишняя расстегнутая пуговица на блузке, мини-юбка много выше коленок и агрессивный макияж могут сослужить неплохую службу начинающей карьеристке»; «4 процента (женщин) предпочитают агрессивный макияж. Такой макияж предпочитают женщины, стремящиеся к власти. А еще он помогает обрести уверенность в себе и выделиться из толпы. Если ваш макияж не просто агрессивный, но и правильно подобранный, кратковременный успех вам обеспечен». О сумочках, совсем маленьких, размером с кошелек, в женском модном журнале говорится: «В таком случае в сочетании с агрессивным макияжем создается эффект уверенной в себе, но в то же время нуждающейся в защите женщины». А одна счастливая новобрачная делится в «Живом журнале»: «Я, жених и все гости остались просто в восторге. Причем у меня было достаточно необычное платье, к которому мы подобрали яркий агрессивный макияж с накладными ресницами и красными стразами над бровями. Получилось просто потрясающе». Да, жених, наверно, был сильный духом.

Думая о подобных новых словоупотреблениях, люди часто считают само собой разумеющимся, что они заимствованы из английского языка. Мол, вместе со словом перенимаем новые ценности мира наживы и чистогана. Между тем, это далеко не всегда так. Конечно, слово *aggressive*, действительно, и в английском все чаще употребляется одобрительно, но, например, термина *агрессивный макияж* по-английски нет, его назовут *тяжелым (heavy make-up)*. Да и вообще, употребляя слово *агрессивный* с положительной

оценкой, мы зачастую не столько заимствуем конкретные иноязычные словоупотребления, сколько воплощаем свое представление о том, как это должно быть там у них, на западе.

Комфорт — наше всё!

Я говорила сейчас о нескольких словах, изменения в значениях которых очевидным образом взаимосвязаны и обусловлены тем, что в современном российском обществе все более укореняется представление о том, что хорошо, когда человек стремится к успеху и целенаправленно добивается желаемого. Это, однако, не единственный новый смысл, который можно обнаружить в современном русском языке. Приведу один пример — новое слово *комфортный*.

Реклама одной из марок спортивных курток гласит: *Экстремально комфортно!* В этом словосочетании интересны оба слова. Слово *экстремальный*, в отличие от своего английского прототипа, не просто указывает на высшую степень какого-либо качества, но всегда связано с трудностями и опасностями, а вовсе не с комфортом. Но это, понятное дело, игра, здесь содержится намек на то, что эти куртки подходят для разных *экстремальных* авантур.

А вот слово *комфортный* само по себе замечательно. Оно появилось в русском языке недавно, и появление его не случайно. *Комфортный* — это такой, который благоприятно отражается на самочувствии, доставляет приятное ощущение. Это может быть физическое ощущение: например, *комфортная температура* — это когда не холодно, но и не слишком жарко. А может иметься в виду психологическое состояние: человеку *некомфортно*, то есть он не в своей тарелке. При этом *комфортность* как раз исключает всякое представление об экстремальности. Если человек испытывает острое наслаждение или бурный восторг, то в этой ситуации никак не скажешь, что ему *комфортно*. Не характеризует это слово и глубокие душевные отношения между людьми. Если говорят: *Мне рядом с этим человеком комфортно*, то это, скорее всего, не про любовь.

Собственно говоря, в русском языке и до появления в нем слова *комфортный* было несколько слов на эту тему. Было, да и есть, слово *удобный*. Но *удобный* — это не столько доставляющий приятные ощущения, сколько не доставляющий ощущений неприятных. Например, *удобные очки* — это очки, которые не мешают. И потом, *удобный* — очень широкое слово. *Удобно* то, что не противоречит планам человека. *Какое время вам удобно? Это самый удобный рейс*. Не говоря уже о том, что русское слово *удобный* употребляется применительно к поведению человека: *А удобно звонить ему так поздно? Мне неудобно, что Вам пришлось ждать*.

Есть в русском языке и замечательное слово *уютный*. Но его значение чрезвычайно специфично. *Уют* связывается с закрытостью, небольшим размером, теплом, покоем. Если человек стоит на морском берегу, его обдувает легкий ветерок, ему может быть славно и *комфортно*, но никак не *уютно*.

Есть еще слово *комфортабельный*, которое появилось в русском языке гораздо раньше, чем *комфортный*. Но значение этого слова гораздо уже. *Комфортабельным* может быть только что-то, созданное человеком и для человека, в то время как *комфортной* может быть и температура морской воды. *Комфортабельными* бывают кресла, автомобили, квартиры, дома — то, в чем человек может находиться. Заметим, что как слово *экстремальный* отличается от английского *extremely*, так и слово *комфортабельный* мало похоже на английское *comfortable*. Последнее имеет гораздо более широкое значение.

Итак, всех этих слов оказалось недостаточно. Поэтому в русском языке и появилось, и прижилось слово *комфортный*, описывающее одну из главных ценностей эпохи потребления: в ходе жизни, занимаясь своими делами, человек должен попутно постоянно получать удовольствие — не слишком заметное, не отвлекающее его от дел.

Итак, мы убедились, что, когда новое слово или новое значение приживается в языке, это обычно означает, что в языковой картине мира образовалась некая лакуна, которую новое слово и значение заполнило. Но как, какими путями приходит в язык новое слово, почему оно побеждает в конкурентной борьбе, какими новыми смыслами обрастает, — это каждый раз отдельная история. Вот одна такая история.

Пиар и общественность

Когда говорят о современном «новоязе», почти всегда в первую очередь вспоминают слово *пиар*. Оно распространилось в русском языке с рекордной скоростью и дало выразительные, но малосимпатичные производные — *пиарщик*, *пропиарить*, *отпиарить* и т. д. Всегда отмечается, что большая часть людей, употребляющих это слово, не понимают его внутренней формы и неточно знают его значение. И что на русской почве слово *пиар* стало ассоциироваться с чем-то негативным. Стандартное определение *пиара* — *черный*. А *пиарщика* люди обычно представляют себе как циничного пройдоху, готового впарить, втюхать, всучить кому угодно и что угодно. Говорят: «Да ну, это просто пиар» или «Честное слово, это не пиар, это правда».

Источник русского слова *пиар* — это английское *PR*, то есть *Public Relations*. Это словосочетание традиционно переводилось как «связи с общественностью». А классическое определение «пиара» звучит так: планируемые

продолжительные усилия, направленные на поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и обществом. Конечно, в том, что стоит за русским словом *пиар*, нет ни идеи продолжительных усилий, ни идеи доброжелательных отношений. Дикий российский капитализм подкорректировал концепцию.

Но будем справедливы: триумфальное шествие слова *пиар* имеет и внутриязыковые причины. Я не знаю, кто первый перевел *Public Relations* как «связи с общественностью», но перевод этот возник давно, еще в глубоко советское время, и закрепился. Между тем, перевод очень неудачный. Хуже мог бы быть только вариант «общественные отношения», но тут уж всякому было ясно, что он не годится: термин был занят. И вот появилось это дурацкое «связи с общественностью». Ну, пока мы слышали это сочетание только в западных фильмах, нам не так уж важно было, чем занимается менеджер по связям с общественностью и с какой общественностью он, собственно, связывается. Но в новую эпоху эти самые менеджеры появились и у нас. Тут-то и оказалось, что сочетание *связь с общественностью* вызывает совершенно ложные ассоциации. Кто, собственно, такая эта самая общественность? Ну, *общественность... общественная работа... активный общественник, политически грамотен, морально устойчив...* Да нет, связь с общественностью вообще ни при чем. Между прочим, если заглянуть в Интернет можно заметить, что слово *общественность* в современном языке употребляется очень мало и львиная доля вхождений приходится как раз на термин *связи с общественностью*.

Мне, кстати, вспоминается, как либеральный экономист Герман Греф делал доклад, в котором он упомянул Руссо (в связи с тем, что был юбилей Руссо). При этом прозвучало сочетание *социальный контракт*. Я не сразу сообразила, что речь идет о всем известном со школьной скамьи *общественном договоре*. Я думаю, что за таким переводом стоит определенный смысл. *Договор* и *контракт* — конечно, почти одно и то же. Почти... но не совсем. Точно так же, как *общественный* и *социальный*. *Общественный договор* — звучит похоже на *общественную работу*. И еще некстати вспоминается окрик: «Общественное выше личного!». А *социальный* навевает утешительные мысли о социальных гарантиях и о бывшем вице-премьере Матвиенко.

Безусловно, несколько более правильный перевод для *Public Relations* был бы «связь с обществом». Но и слово общество в языке советской эпохи приобрело слишком уж суровый оттенок. Ну там, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» и все такое. Но *Public Relations* невозможно перевести и как «связи с публикой». Ведь слово *публика* имеет слишком узкое значение, а *Public Relations* — это не про театр и не про цирк. Вот так и получилось, что есть официальный термин — *связи с общественностью*, но он неудачен и неуклюж. Вполне естественно поэтому, что находится разго-

ворное слово, которое и вбирает в себя все смыслы, связанные с этим явлением в современной ситуации. Сейчас со страниц газет и с экранов телевизоров нам все время объясняют, что на самом деле *пиар* — это вовсе не то, что мы думаем. Что настоящий *пиар* — это когда ты любишь клиентов своей фирмы как родных и искренне мечтаешь им угодить, а вовсе не думаешь о том, как бы их половчее объегорить. Удастся ли слову *пиар* со временем очиститься от негативных ассоциаций? Или за этим словом закрепится значение «черный пиар», а для «белого» и пушистого *пиара* начнет использоваться другое название? Это сказать трудно.

Хочу вернуться к тому, что язык очень трудно засорить «лишними» словами. Язык все равно не примет слово, которое выражает ненужный ему смысл. Либо оно не приживется, либо будет переосмыслено. Интересный пример такого рода — это судьба слова *лояльный*.

Лояльность к недостаткам

В одном из номеров мурманской газеты «Любимый город» написано: «Мудрость ведь предполагает жизненный опыт, философский взгляд на вещи и лояльное отношение к человеческим слабостям и недостаткам». Такое употребление слова *лояльный* очень типично для современного русского языка. Например, говорят: *Я отнесся к нему лояльно* — в смысле не стал бить морду. Попросту говоря, *лояльный* стало употребляться в значении *терпимый* или, что то же самое, *толерантный*.

Между тем, *лояльный* по происхождению — то же слово, что *легальный*, только во французском варианте. Они восходят к латинскому *lex* — закон. И в своем первом значении *лояльный* — значит законопослушный, например, *лояльные граждане*. Во втором значении слово *лояльный* указывает на то, что человек не позволяет себе действий и высказываний, противоречащих интересам работодателя, начальника и т. д. Говорят *Он лоялен к президенту*, *От служащих фирмы требуется лояльность*, *Он всегда ведет себя лояльно по отношению к бывшей жене*. Примерно в таких же значениях это слово присутствует и в других европейских языках. Однако в русском слове постепенно происходят смысловые сдвиги. Чем дальше, тем больше отходит на задний план идея действия в чьих-то интересах и усиливается идея готовности мириться с недостатками.

Вообще слова, которые принадлежат к так называемой интернациональной лексике, очень интересны. Многие из них в разных языках имеют не вполне совпадающие значения. Именно таково слово *лояльный*. Например, недавно по телевизору показывали американский фильм. Там героиня, роди-

тели которой погибли на «Титанике», в какой-то момент приходит в редакцию газеты, хозяином которой был ее недавно погибший отец, и благодарит сотрудников за... в русском переводе сказано за *верность*, но в английском тексте прозвучало, буквально, за *лояльность (loyalty)*. Конечно, русское слово *лояльность* было бы в этой ситуации неуместно и даже несколько оскорбительно: получилось бы, что героиня благодарит сотрудников отца за то, что после его смерти они не кинулись немедленно давать скандальные интервью о его частной жизни, не начали продавать производственные секреты и т. д.

Можно привести забавный пример. В некоторых крупных российских магазинах выдаются дисконтные карты. На одной стороне по-английски написано: *Loyal customer*, а на другой по-русски: *Постоянный покупатель*². Естественно, невозможно было бы написать: *лояльный покупатель*². Это значило бы, что дисконтную карточку выдают покупателю, который не ворует товары с полок. Зато, с другой стороны, появилось смешное выражение *лояльные цены*.

В русском языке слово *лояльный* не сразу приобрело эти специфические оттенки смысла. Раньше оно могло употребляться совершенно иначе. Приведу такой пример. Отец Марины Ивановны Цветаевой был женат на ее матери вторым браком. Его дочь от первого брака, Валерия Ивановна, писала о своей мачехе: *Была она человек лояльный, прямой, но характера резкого, несдержанного и к другим нетерпимого*. Сейчас нам даже трудно понять, что здесь имеется в виду: для современного языка сочетание *лояльный, но нетерпимый* звучит более чем странно.

Думаю, что дело здесь вот в чем. Русский язык очень эмоционален (см. [Вежбицка 1996: 33—38]). Описывая поступки человека, язык обращает внимание прежде всего на то, каковы были намерения человека. Если мы говорим о человеке, который последовательно соблюдает чьи-то интересы, то склонны будем употребить такие слова, как *преданность, верность, самоотверженность*. Слово *лояльность* в его европейском смысле плохо приживается на русской почве, ведь оно описывает просто поведение, ничего не говоря о мотивах. Поэтому если уж мы говорим, что кто-то ведет себя *лояльно*, то склонны будем заподозрить этого человека либо в неискренности, либо в равнодушии и рабской покорности.

Сейчас на значение многих слов большое и часто разрушительное влияние оказывает реклама, особенно телереклама. Массированная атака рекламных словоупотреблений приводит к тому, что они очень быстро становятся

² На самом деле, хотя и невозможно, но пишут. У оператора сотовой связи «Мегафон» есть «бонусная программа для лояльных клиентов».

привычными. В частности, часто встречается явление повторного заимствования. Дело в том, что многие слова, которые были заимствованы в русский язык достаточно давно, обжились в нем, встроились в русскую языковую картину мира, сейчас заимствуются повторно, но без учета всех этих тонкостей. Просто человек при переводе иностранного слова хватается его русский вариант, не обращая внимания на то, что в русском языке у него уже давно свое особое значение. Приведу два примера.

Деликатный вопрос

Знаете, какого удивительного цвета лак для ногтей я обнаружила в одном каталоге? *Деликатно-розового!* Нет, вообще-то можно себе представить цвет *нагло розовый, бесцеремонно розовый, шокирующе розовый*. А этот ничего, такой *деликатно-розовый*.

Ну, на самом-то деле это, разумеется, вовсе не имелось в виду. Лак, скорее всего, банального *нежно-розового* цвета. Просто, как это часто случается в современных рекламных текстах, недоперевели с иностранного.

Действительно, с появлением на нашем телевидении рекламы иностранных стиральных машин мы только и слышим про *деликатную стирку*. Сначала было ужасно смешно, а сейчас почти уже и не режет ухо. Даже не сразу и вспомнишь, что еще недавно это называлось по-русски *бережная стирка*.

Слово *деликатный* восходит к французскому *délicat*, означающему, среди прочего, 'нежный, хрупкий, утонченный, привередливый' — ср.: *un parfum délicat* 'нежный запах', *une santé délicate* 'слабое здоровье', *un mets délicat* 'изысканное блюдо', *un esprit délicat* 'тонкий ум', *une oreille délicate* 'чуткое ухо', *une jeune fille délicate* 'хрупкая девушка'. Ср. также: *Il est délicat sur le nourriture* 'Он привередлив в еде'; *Cesse de faire le délicat* 'Не привередничай'. Но в русском языке его значение сузилось: оно стало относиться к сфере отношений между людьми. Слово *деликатный* в современном русском литературном языке имеет два значения. Во-первых, *деликатным* называют человека, который щадит чувства других людей, старается не обидеть их своим поведением или словами. Во-вторых, по-русски говорят, например, *деликатный вопрос*, имея в виду, что этот вопрос надо обсуждать с осторожностью, чтобы опять-таки не обидеть другого человека. В XIX веке, когда слово *деликатный* еще не вполне обжилось в русском языке, оно употреблялось и в других контекстах. *Деликатными* могли называться кушанья с изысканным вкусом, хрупкое телосложение и т. д. Однако такие употребления устарели. Дело в том, что, когда русский язык воспринял слово *деликатный*, в нем уже было много слов с аналогичными значениями. И, как это часто бывает в язы-

ке, новое слово развило свое, специфическое значение, превратившись в результате в весьма характерное и специфичное русское слово. Значение его стало гораздо более узким по сравнению с английским *delicate* или, скажем, итальянским *delicato*, которые применимы не только к человеческим отношениям, но и к кушаньям, и к самым разным предметам материального мира. Дело в том, что русский язык вообще очень внимателен к нюансам человеческих отношений, особенно ко всему, что может обидеть другого человека. Поэтому абсолютно не случайно, что новое слово закрепилось именно в этом значении. Обратим, кстати, внимание, что параллельно, скажем, слово *щепетильный*, которое раньше употреблялось в сочетаниях типа *щепетильная лавка*, *щепетильная торговка* (помните у Пушкина — *Все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный*), тоже изменило свое значение таким образом, что теперь и оно связано с ситуациями, в которых можно случайно обидеть другого человека. В том же направлении шло и смысловое развитие слова *щекотливый*. Аналогичные употребления возникли в русском языке и у слова *галатерейный*.

Возвращаясь к слову *деликатный*, замечу, что оно демонстрирует нам, сколь полезным может быть заимствование нового слова, даже если в языке уже есть слова с аналогичными значениями. Происходит семантическое развитие, специализация отдельных слов, и в результате язык обогащается. И как же обидно бывает, когда потом слово заимствуется вторично, но так грубо и бездумно, что все это сводится на нет. Все эти *деликатные стирки* и *деликатно-розовые лаки* уничтожают ту тонкую, с позволения сказать, *деликатную*, работу, которую язык проделывал десятилетиями, просто потому, что человеку, который переводит рекламный текст, лень две секунды подумать над переводом и написать *бережная стирка*, *нежно-розовый лак*, оставив слово *деликатный* для более *деликатных* материй.

Шок и радость

Недавно я прочитала сообщение, которое было озаглавлено так: «Подарок президента шокировал работников детской школы искусств». Я была заинтригована: что же такое шокирующее мог подарить президент школе искусств? Стала читать дальше: «О новом рояле здесь мечтали 32 года. Преподаватели уже и не надеялись получить новый инструмент. Тем более от Владимира Путина». В чем же здесь подвох? Чем мог смутить рояль преподавателей музыки? Читаем дальше: «Работники школы называют этот подарок бесценным. Хотя цена у него все же есть — 310 тысяч рублей. Рояль отвечает всем современным требованиям. Поразил преподавателей отличный акустический звук» (кстати, а звук бывает не акустическим?).

Понятно, с роялем все в порядке, не в порядке что-то у журналиста со словом *шокировать*. Словари так толкуют это слово: «вызывать чувство неловкости, приводить кого-л. в смущение своим поведением, нарушением правил приличия, общепринятых норм поведения: *шокировать гостей своими речами, шокировать окружающих своим поведением. Вас не шокирует мой наряд?*»

Между тем в современном языке распространилось гораздо более широкое употребление слова *шокировать*. Очень часто оно значит просто «потрясти, произвести сильное впечатление».

Возможно, вы слышали рекламу новой туши для ресниц: «Шокирующий объем ваших ресниц!» Конечно, соблазнительно понять это в том смысле, что вам предлагается явиться утром на службу с таким макияжем, что сослуживцы будут в ужасе шарахаться. Но очевидно, что имелся в виду потрясающий объем ресниц.

Вот еще несколько примеров: «Шокирующая атака на Интернет: российские хакеры используют сразу две неизвестные бреши»; «Национальный банк Украины (НБУ) в среду шокировал операторов межбанковского рынка, неожиданно выкупив появившийся избыток предложения долларов по курсу ниже рыночного»; «Засуха в Испании шокировала туристов»; «Транспортные новости: Новые штрафы шокируют нарушителей»; «Шокирующая идея: Интернет по электрическим проводам».

Такое расширение значения связано в первую очередь с повторным заимствованием иностранного слова и характерно особенно для переводных текстов: «Падение доверия потребителей шокировало рынок, — сказал Хью Джонсон (Hugh Johnson), директор по инвестициям банка First Albany, — и оказало немедленное негативное влияние на биржевые показатели». Сейчас слово *шокировать* часто употребляют по отношению к трагическим событиям, что звучит странно — как будто автор видит в смерти и страданиях что-то неприличное: «Королева Великобритании Елизавета II глубоко шокирована ужасными событиями и выражает сочувствие пострадавшим»; «Посольство США шокировано убийством Пола Хлебникова». Ну допустим, это неудачные переводы. Но сколько раз в российских СМИ прозвучала фраза о том, как людей шокировали события в Беслане! На мой слух это звучит почти оскорбительно по отношению к жертвам теракта.

С другой стороны, слово *шокировать* теперь часто используют при описании положительных эмоций и впечатлений, как в примере с роялем: «Выставка ЕХРО 2005 шокирует высокими технологиями»; «В рамках фестиваля „МОТОР ПАРК 2005“ был представлен шокирующий шедевр автотюнинга — реинкарнация легендарной „Победы“». Особенно мне понравился такой заголовок: «Прямостоящий панда шокирует посетителей японского зоопар-

ка». Страшно подумать... Но оказалось, что животное не делает ничего непристойного, просто по 10 секунд стоит на задних лапах, что очень нравится посетителям. А уж выражение *я в шоке* и просто стало в разговорном языке способом выразить любые эмоции: «Какие фотографии!!! Свадебные — я в шоке, слов нет, одни выражения восторга (это из ЖЖ)»; «Мария Шарапова: Я в шоке от победы в Лос-Анджелесе (а это уже из газет)».

Действительно, первое значение английского слова *shock* — это просто ‘удар’, поэтому понятно, что оно может образно использоваться по отношению к самым разным сильным воздействиям. Но ведь на русской почве слово *шокировать* развило свое особое, более узкое значение, связанное в чувством приличия, с эстетической оценкой действительности.

Дело в том, что, как недавно заметили лингвисты (см. [Зализняк Анна А. 2000]), русскому языку вообще свойственна чрезвычайная щепетильность: существует огромное количество русских слов на эту тему, начиная с замечательного слова *неудобно* (*мне неудобно вас беспокоить, после 11 звонить неудобно*), которое на многие языки перевести практически невозможно. А есть еще *неловко, совестно, зазорно* и многое другое, вплоть до устаревшего *невместно* и сленгового *западло*. Семантическое развитие русского слова *шокировать* шло именно в этом направлении. А для выражения более широкого значения было другое слово — *потрясти*.

Но вот сейчас происходит вторичное заимствование того же слова, и вся многолетняя работа русского языка по оттачиванию смысловых нюансов идет насмарку.

Литература

- Вежбицка 1996 — А. Вежбицка. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М., 1996.
- Зализняк Анна А. 2000 — Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности («обидно», «совестно» и «неудобно» на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 101—118.
- Зализняк и др. 2005 — А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира (Язык. Семиотика. Культура). М., 2005.
- Крысин 1992 — Л. П. Крысин. Языковое заимствование как проблема диахронической лингвистики // Проблемы диахронической лингвистики / Отв. ред. В. К. Журавлев. М., 1992.
- Крысин 2002 — Л. П. Крысин. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопр. языкознания. 2002. № 6. С. 27—34.
- Санников 2006 — А. В. Санников. Самооценка человека в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

ПОСТСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ СТРУКТУРЫ*

Н. Н. Леонтьева

Елене Викторовне Падучевой — к юбилею

Преамбула. Современные задачи работы с текстами, даже в том упрощенном виде, который доступен в системах автоматического понимания текста (АПТ), остро требуют разрешения множества семантических проблем. Теоретическая лингвистика последних десятилетий поставляет красивые описания тонких семантических явлений естественного языка (ЕЯ), близкие по изяществу к поэзии. В отечественном поле это работы московской семантической школы, и в частности работы Е. В. Падучевой, которая, кажется, не оставила без внимания ни один уголок сложных семантических дебрей. Но в семантических исследованиях ЕВП нам ценен еще ее интерес к крупным информационным проблемам, связывающим лингвистику с другими сферами. Это и сама действительность в ее определении референции, денотативного статуса именных групп и пропозиций, в описании таксономии актантов [Падучева 2002]; и логика в работах над информационно-логическим языком (ИЛЯ) и исчислением кванторных местоимений; и сфера компьютерных баз данных, включающих сложные динамические модели описаний глагольной лексики («Лексикограф»). Тем самым ЕВП вплотную подошла к очень актуальной, а в последнее время ставшей еще и модной теме «Лингвистика и Онтология». Частичное обсуждение этой темы содержится и в данной статье — в аспекте теории прикладной системы. Мы пытаемся ответить на вопрос, какие именно компоненты развитой системы АПТ могут обеспечить сочетание лингвистических структур и знаний с предметно-ориентированными знаниями как частным случаем еще не созданной, но возделенной машинной Онтологии.

Возможна ли при анализе текста гибкая адаптация лингвистического аппарата к текстам разных предметных областей (ПО) — хотя бы теоретиче-

* Работа велась при поддержке гранта РГНФ № 04-04-00185а «Разработка грамматики концептуальных отношений для автоматического извлечения знаний из текстов».

ски? Как метаязык семантики соотносится с языками представления специальных знаний? Относится ли к компетенции лингвистов разработка такого метаязыка, который сделал бы возможным общение самих баз данных на содержательном уровне? Иначе говоря, как примирить Лингвистику с Онтологией или разные Онтологии? Представляется, что на эти вопросы может и должна ответить именно **теория** прикладной лингвистики (ПЛ), отталкиваясь от многих экспериментов и эмпирических решений проблемы. И теоретически, и в составе прикладного хозяйства полезно отделить те процессы семантического анализа текста, которые используют лишь внутренние лингвистические ресурсы (ЛингвСемАн), от процессов, которые привлекают к анализу текста внешние источники — экстралингвистические ресурсы и прагматику — их мы относим к ПостСемАн. Вместе они образуют понимаемый широко **семантический компонент** систем АПТ.

Чтобы привлечь, оставаясь в лингвистическом поле, к процессу АПТ прагматику и онтологию, предлагается ввести три важные промежуточные единицы и структуры. В отличие от своих прозрачных аналогов «в жизни» (ситуация, событие и текстовый факт), эти единицы, вводимые символами **Сит, Соб** и **Т-Факт** (или **СИТ, СОБ, ТФ**), строятся из лингвистической материи, приобретают формальные свойства в составе включающей их структуры и придают динамизм и цель процессам собственно семантического анализа. По мере создания эти единицы могут входить в современные системы как заготовки «блоков знаний».

1. О множественности семантических интерпретаций текста

Несмотря на все великие и малые достижения теоретической семантики последних лет, мы еще далеки от согласия в вопросе, какой должна быть семантическая структура целого текста. Как приводят к ней разные виды локальных синтактико-семантических структур — записи на ИЛЯ [Падучева 1967.1, 2], ГСС [Мельчук 1979/1999] и разные варианты СемП ([Мельчук 1979/1999; Апресян и др. 1988; Леонтьева 1967] и много других авторов)? Похоже, что мечта лингвистов о получении единственной, правильной, непротиворечивой и т. п. семантической структуры (или СемП) для произвольного текста так и останется несбыточной мечтой. А пока мы можем говорить только о приближениях, о разных промежуточных структурах на пути к некоторому идеальному представлению смысла ЕТ (естественного текста). Реальность показала, что для одного и того же текста можно построить много разных СемП. Это зависит и от исходной синтаксической структуры, и от задаваемых языка и грамматики семантического уровня, и от словарной информации, и от той задачи, которую ставят перед СемАн сами лингвисты. А включение в

процесс АПТ воспринимающего устройства (ВУ), внешнего по отношению к анализируемому ЕТ, резко увеличивает количество возможных интерпретаций. В качестве ВУ может выступать, в частности, человек с его вопросами к тексту, или заданная база знаний, или другая интеллектуальная система.

Только после построения первичного СемП для каждого отдельного предложения и ряда подготовительных работ по созданию промежуточных текстовых структур начинается «семантический анализ в широком смысле», собственно «понимание» как интерпретация данного текста неким «встречным текстом» ВУ, ищущего в тексте свою, релевантную для этого ВУ, информацию. «Релевантность — понятие субъективное...». «Релевантность — динамическое явление: для одного и того же эксперта документ может быть релевантным в определенный момент времени и нерелевантным позже, и наоборот» [Захаров 2002].

Мы предлагаем развести эти две семантики (внутреннюю и внешнюю) не только для удобства изложения, но и ввиду того, что у них разные цели и методики анализа. Если в ЛингвСемАн уместно стремление к однозначности СемП отдельного предложения, то в режиме интерпретации, или ПостСемАн, напротив, принципиальной является сама возможность построения **множества решений**. Эта установка была определяющей для расширения моделей анализа текста до информационно-лингвистических моделей (ИЛМ), и она должна войти, на наш взгляд, в теорию построения систем АПТ.

2. Семантический и Постсемантический анализ текста

При семантическом анализе текста обращение к внешним источникам знаний давно признается обязательным, включение же в модель АПТ внешнего пользователя, ищущего в тексте «свою» информацию, делает анализ текста практически целесообразным и нужным не только лингвистам, но и специалистам всех профилей. Это привело нас к расширению собственно лингвистической модели до информационно-лингвистической модели (ИЛМ), основной целью которой является построение информации для пользователя из целого высказывания и текста. ИЛМ вводит в компетенцию системы АПТ внешние источники знаний и должна отвечать за построение Информации-2 для пользователя — как ответ на заданный системе вопрос. Любые внешние источники знаний, как и задаваемые системе вопросы, мы называем «встречными текстами», относительно которых и в терминах которых желательно получить ответ из исходного текста.

Если лингвистический анализ отдельных предложений, стремящийся к построению идеальных СемП, называют семантическим (СемАн), то следующие за ним этапы, вводящие «встречный текст», можно называть Пост-

СемАн. По цели это информационный анализ (ИнфАн): Информация-2 строится как разность между содержанием данного ЕТ и встречным текстом (по Ю. А. Шрейдеру). Главное различие в методике анализа состоит в том, что лингвистический СемАн ведется «снизу вверх», а ИнфАн, осуществляющий сравнение двух встречных текстов, — «сверху вниз». Но между ними лежит область подготовки структур СемП к сравнению со структурами ВУ, которую отнесем пока тоже к постсемантическим процессам, отдавая себе отчет в том, что все они — части семантического компонента.

С точки зрения автоматического анализа **корпусов** текстов очень важно соединить методы лингвистического анализа с механизмами информационного поиска, которые всегда работали с массивами. До сих пор они развиваются параллельно и практически независимо друг от друга, хотя их объединение дало бы мощный импульс тому и другому. Основная польза введения компонента ИнфАн состоит в том, что он задает ту перспективу, цель, к которой должен стремиться СемАн, а отсюда — более конкретная задача СемАн: научиться строить те или такие единицы, которыми оперируют структуры знаний. Однако не только лингвистический СемП должен идти «навстречу» Онтологическим единицам, но и структуры знаний нужно уметь анализировать «навстречу» лингвистическому материалу.

3. Семантические и концептуальные единицы

Семантические единицы, получаемые лингвистическим анализом (лексемы), отличены от лексических единиц, которые мы можем видеть в разных таблицах баз данных (БД) при заполнении полей «имя поля» и «значение поля». Но и в других формах представления знаний (так наз. семантических сетях, концептуальных графах и др.) для обозначения узлов и отношений между ними также используются выражения ЕЯ.

Узлы и отношения, построенные лингвистическим путем, обозначим СемУ и СемО, а «специальные» единицы, используемые при описании ПО-знаний, обозначим СпецУ и СпецО, соответственно. Для лексических единиц БД характерно большое разнообразие в разных предметных областях, особенно если взяты узкие ПО. СпецОтношениями могут быть объявлены имена полей БД или заголовки столбцов таблиц и т. п., например, **Размер пласта, Объем добычи за год, Количество жертв, Средний размер зарплаты рабочего** и многие другие. Еще более разнообразны и специфичны имена объектов (СпецУзлов), заполняющих объявленные слоты таблиц БД (*нормальный, 100 тонн в сутки, около 20 человек, 5 тыс. руб./месяц*, и др.). Те и другие имеют иную природу, чем текстовые, лингвистические объекты. Они уже «концептуальные единицы», прямо соотносимые «с жизнью». Необходи-

мость пользоваться одним и тем же естественным языком — ЕЯ — для обозначения единиц разной природы создает иллюзию, что найденное в тексте выражение, совпадающее лексически с концептом, и есть искомый «концепт». Такое смешение значения со способом его языкового воплощения, характерное для специалистов по искусственному интеллекту и помогающее им находить решения сиюминутных задач, иногда переносится и в лингвистические модели, что препятствует поиску серьезных путей взаимодействия Лингвистики и Онтологии.

СпецУ и СпецО, являющиеся концептами по определению, в общем случае не совпадают с текстовыми единицами СемУ и СемО даже лексически. Например, свободному словосочетанию текста соответствует СпецО, имя поля БД-таблицы (*количество жертв*, или *общее число работающих пенсионеров*) или значение поля (*3 тыс. руб.*); простому узлу СемП соответствует важный онтологический предикат (*угон*, *убийство*, *теракт*); свободное текстовое высказывание (*в сутки перекачивается 10 тыс. тонн нефти*) распределится между именем спецотношения (*суточная норма*), значением параметра (*10 тыс. тонн*) и названием всей таблицы (*нефть*) и т. д. Не совпадают объемы понятий и их ранг, положение в той и другой структуре.

В концептуальных структурах некоторых ИЕ (Information Extraction) систем часто не различается статус узлов и отношений. В [Khoroshevsky 2003], например, для ситуации *пропажа автомобиля* (онтологический предикат), наряду с такими вполне лингвистическими отношениями, как **Исходная_точка** (откуда пропал), заданы спецотношения **Угонщик** (в лингвистическом СемП это **Агент** угона, а *Угонщик* — его типовое имя, лексическая функция S1 от лексемы *угнать*) и **Место_обнаружения** автомобиля (лингвистически **Конечная_точка** — куда угнали автомобиль), которое входит в Узел **Адрес**, причем Адрес правильнее назвать спецотношением: **Адрес(А,В)**. Эти примеры демонстрируют условность деления спецединиц на узлы и отношения, специфичность валентностей (здесь *пропажа* заимствовала валентности *угона*, хотя это разные лексемы и не совпадающие ситуации) и их произвольность по сравнению с лингвистическими узлами и отношениями.

Такие несоответствия в двух типах структур не позволяют проводить прямое сравнение и взаимообмен между СемП текста и структурой знаний. Это означает, что среди процессоров системы понимания текста должен быть некий **спецтранслятор** — компонент, который приводит разнообразные источники знаний к виду, близкому или сравнимому с текстовыми семантическими структурами.

Д. А. Поспелов считает, что «Проблема установления совместимости двух записей не менее трудна, чем проблема построения СемП. По существу, она сводится к построению СемП второго уровня» [Поспелов 1981: 41].

Хотя автор относит эту мысль к сравнению СемП разных предложений текста, она тем более справедлива по отношению к сравнению СемП текста и встречного текста в виде записи в базе знаний (БЗн). Однако мы видим возможное решение проблемы не в повышении, а в **понижении** уровня сравниваемых структур, теоретически — до простейших формул информационного языка-посредника (ИЯП) вида $P(A,B)$, так как они передают минимальную порцию информации. Ведь языка, общего для разных предметных областей, нет, вернее, источником построения любых сложных специальных именованных является естественный язык (ЕЯ) с его комбинаторными возможностями. Значит, при сравнении текстов на ЕЯ с записями в базах знаний нужен «встречный анализ», в частности дающий возможность разукрупнения единиц БЗн навстречу лингвистическим структурам.

4. Роль спецтранслятора в ПостСемАн (Онтология навстречу Лингвистике)

В какой бы форме и единицах ни привлекалась предметная область в систему АПТ (базы данных, семантические сети, рубрикаторы, классификаторы, тезаурусы, номенклатуры, просто списки «нужных» или «горячих» слов), анализаторы должны обеспечить их сравнимость с текстами, чтобы можно было дополнять текстовые структуры предметными знаниями или заносить информацию из текста в соответствующие БД.

Если спецзнания заданы лишь в виде списков и терминологических словариков, лингвистические трансляторы умеют с ними справляться, хотя и в этом случае возникают трудности. Так, в составе системы ПОЛИТЕКСТ сложные термины проходили обработку синтаксическим анализатором для именных групп, что делалось для уменьшения числа необоснованно длинных единиц Тезауруса. В таком виде они включались в синтаксические структуры наряду с другими единицами СинП. Но при включении даже таких простых единиц знаний в синтаксические структуры часто возникают серьезные проблемы (нарушается структура дерева). Поэтому сравнение с Тезаурусом лучше передать тому компоненту ПостСемАн, который ведает работой с любыми встречными текстами. Этот компонент — **спецтранслятор** (СТ), отвечающий за **спецпонимание** любых форм знаний. Естественные записи в базах знаний нужно перевести на метаязык, принятый в СемП текста, т. е. на информационный язык-посредник — ИЯП.

На вопрос «Относится ли создание СТ к компетенции лингвиста?» мы отвечаем утвердительно. Лингвистический транслятор (ЛТ), разрабатываемый как средство общения произвольного пользователя с ЭВМ на естественном языке, должен быть универсальным и в плане обработки всех тех компо-

нентов, которые участвуют в цикле АПТ. Это значит, что за анализ всех видов текстов (как ЕТ, так и «текстов» на искусственных языках, в том числе на «языках представления знаний — ЯПЗ», все они считаются **встречными текстами**) должна отвечать вычислительная лингвистика, тем более что лексический состав всех ЯПЗ берется из ресурсов естественного языка. Для их привлечения к взаимодействию с ЕТ нужны не «лобовые» приемы анализа, а построение некоей «встречной» структуры типа Семантическое Пространство знаний (см. ниже СемПрост текста).

Так, сложные концептуальные узлы и отношения, специфические для той или иной ПО, можно привести к виду элементарных формул ИЯП, применив к ним первичный СемАн1:

ЕД-ИЗМ (*руб./месяц, зарплата*)
 ПРИНАДЛ (*зарплата, рабочий*)
 ЗНАЧ (*5 тыс. руб., зарплата*).

Возможно и дальнейшее дробление оставшихся сложными (*5 тыс. руб.*) единиц:

КОЛИЧ (*5, тыс. руб.*) и даже МАСШТАБ (*тысяча, рубли*).

Итак, для включения Знаний привлеченной ПО в систему АПТ транслятор в информационной модели понимания текста должен освободить внешние источники знаний от специфических форм выражения. Переводом текста знаний на ИЯП, на котором представлены и структуры исходного текста, мы понижаем уровень сравниваемых СемП, и «встречный анализ» оказывается в большой мере технической задачей.

5. Динамика единиц семантических структур (Лингвистика навстречу Онтологии)

«Лингвистика» и «Онтология» — две сложные системы, которые питают друг друга и поэтому должны уметь «договариваться» о составе и свойствах общего для них семантического метаязыка. Структурной основой метаязыка семантики являются двуместные семантические отношения между лексическими единицами, или, шире, семантическими узлами. (Имена СемО берутся из запасов ЕЯ, они должны быть лингвистически обоснованны.) При соединении они образуют новую единицу — триаду вида $P(A,B)$. Если все три члена такой формулы заполнены лексически, она полна; если заполнение соответствует грамматике СемО, она еще и корректна.

Динамика единиц СемП состоит в способности к построению сложных единиц из элементарных формул ИЯП. Начиная с синтаксического представ-

ления (СинП), через разные варианты СинСемП, единицы СемП (узлы и отношения) становятся все более содержательными. Это значит, что анализ ЕТ имеет целью строить не только полные и правильные, но и денотативно значимые единицы (ДЗЕ), какие мы можем с большой вероятностью встретить в других текстах или описаниях ПО. Если узел, собранный лингвистическим анализом, эквивалентен по лексическому составу имени концепта данной ПО, он получит характеристику ДЗЕ и большой вес. Отношение между двумя значимыми узлами тоже получает больший вес. Наличие весов позволяет осуществлять сброс малозначимой информации, что приводит к сжатию исходных СемП и упрощению процедур их сравнения со встречаемыми текстами.

Разными комбинациями элементарных формул типа $P(A,B)$ на постсемантическом этапе можно строить новые сложные отношения, совпадающие и сравнимые со спецификациями ПО. Основой для этого является Грамматика СемО (по сути дела Тезаурус общеязыковых двуместных отношений, см. описания в работах автора). Можно также задавать индивидуальные правила синтеза элементарных СемО в сложные (СпецО), специфические для данной ПО. Так, если в ПО «Родство» часто встречаются СемО **Равно**(A,B) и **По отношению к** (B,C), можно задать правило образования спецотношения **В**(A,C), например, *Иван=брат* и *Брат Петра*, образуют спецпредикат **БРАТ**(*Иван,Петр*). По тому же правилу и другие термины родства (*мать, отец* и т. д.) объявляются двуместными спецотношениями в той же ПО. Спецпредикаты **ВЫШЕ**(,) и **НИЖЕ**(,) образуются из СемО **БОЛЬШЕ**(,) и **ПАРАМЕТР**(*рост*,). Соединение двух СемО 1.**Больше**(A,B) и 2.**Равно**(A,B) логической связкой **ИЛИ**(1.,2.) даст математический спецпредикат **БОЛЬШЕ/РАВНО**(A,B). СемО **Время**(A,B) и **Лок**(C,B) для некоторых ситуаций достаточны, чтобы образовать спецпредикат **УСЛОВИЕ**(?,B), что соответствует иерархии отношений в Грамматике СемО. Представляется, что лингвистика могла бы сформулировать и другие регулярные закономерности динамики семантических отношений в тексте, нужные для использования «встречным анализом». Подобные правила используются иногда в системах искусственного интеллекта как правила естественного вывода. Очевидно, что разными комбинациями текстовых элементарных формул ИЯП можно построить любые предикаты и фреймы навстречу спецификациям заданной ПО, по определению денотативно значимым.

Е. В. Падучева определяет денотативный статус пропозиции исходя из типов «соотнесения с действительностью — с фактами, событиями, ситуациями» [Падучева 1982: 19]. В прикладной системе мы имеем дело не с действительностью (или жизнью), а с текстовой, т. е. вербальной, средой. Прямой связи между «знаком и действительностью» в ней не может быть, такая связь устанавливается опосредованно, через систему метаязыковых обозначений и преобразований структур.

Сама действительность представлена в системе АПТ концептуальным компонентом, называемым Онтология. А высказывание, пропозиция, предложение — специфически текстовые понятия, отражающие авторский способ членения и подачи информации. Чтобы материализовать названное ЕВП «соотнесение», необходимы лингвистические аналоги для объектов действительности (факты, события, ситуации). В качестве таковых и предлагаем ввести в СемП три крупные единицы постсемантического анализа целого текста — **Ситуацию (СИТ), Событие (СОБ), Текстовый факт (ТФ)**, которые в нашей модели имеют лингвистический статус. Это самые большие единицы семантического анализа текста [Леонтьева 1990]. Они названы «промежуточными», так как являются заготовками к построению сложных единиц базы знаний. (Простые БД не имеют средств фиксации тонких динамических аспектов, связанных с хранением концептов типа «действие», «событие», «факт», поэтому правильнее использовать термин БЗн.) Ниже дается их (а также ближайших к ним текстовых структур) краткая аттестация с точки зрения процедур построения и формы представления.

5.1. Семантическое пространство текста

Серию преобразований, ведущих к построению единицы ТФ, начинает традиционный лингвистический анализ «снизу вверх». В него включен в нашей модели и этап локальной семантической интерпретации синтаксической структуры каждого предложения. Уровень СемАн, который устанавливает связи между лексическими единицами в пределах выделенных предложений и в терминах принятого семантического метаязыка (множество СемО, соединяющих два СемУ), назван **первичным (СемАн1)**; принципы такого анализа были реализованы в системе АОТ.РУ (см. [Сокирко 2001], а также сайт www.aot.ru).

Как правило, первичная интерпретация дает несовершенный вариант структуры, она проходит по многим «НЕ»: может быть неполной, несвязной, не вполне корректной, не одновариантной и т. д. Далее должна следовать целая серия преобразований, имеющих целью минимизировать многие из этих «НЕ» доступными системе АПТ средствами.

Последовательность формул СемП всех подряд предложений образует новую структуру, которую мы называем семантическим пространством (СемПрост) текста. Структура СемПрост **рыхлая** (хотя бы из-за смысловой неполноты, фиксируемой в явном виде), **непрерывная** (связи между предложениями имеют тот же статус, что и связи между лексемами), **не настроенная** на конкретную задачу и **не привязанная** к какой-либо ПО.

Первичная семантическая интерпретация текста (СемАн1), при всех ее несовершенствах, создает контекст, позволяющий выйти в текст и потому

часто помогающий разрешению синтаксической неоднозначности в пределах предложения. После нее целесообразно проводить вторичный синтаксический анализ (СинАн2), включающий сегментацию сложных предложений на простые; он создает почву для работы этапа СитАн1, который строит ситуативные представления для всех отрезков, объявленных простыми предложениями: **СинАн1 --- СемАн1 --- СинАн2 --- СитАн1**.

5.2. Структура единицы «Ситуация» (Сит)

Ситуативное представление (СитП) простых предложений текста — одна из важных промежуточных семантических структур; она задает иерархию лексем, основанную на их семантических словарных описаниях, иную, чем в СинП1 и первичном СемП (СемП1).

Кроме СемП1 к входным данным при построении СитП относится и результат сегментации текста на простые предложения. (Программа анализа сложных предложений на синтаксическом уровне, т. е. их сегментации и затем объединения разорванных частей простых фраз, предложена, например, в [Кобзарева 2004], при этом устанавливаются некоторые связи кореференции; считаю, что использование семантики даже в пределах СемАн1 могло бы уточнить их.)

Как инструменты построения СитП привлекаются два вида ресурсов: а) схема и состав типовой единицы Ситуация¹; б) значения нескольких полей семантического словаря, определяющие роль, место и вес данной лексики в структуре Ситуации [Леонтьева 2006].

Для простых двусоставных предложений (которых в тексте большинство, учитывая и результаты сегментации сложных) правила построения СитП таковы. Нетерминальный символ СИТ подчиняет лексему, выбранную как лексическое ядро (ЛЯ) ситуации. В стандартном случае им становится главный предикат. Если у него максимальный информационный вес (4 или 5 по пятибалльной шкале), такое СитП является устойчивым, его ЛЯ переходит в структуру со своими смысловыми валентностями, частично заполненными на предшествующем уровне СемАн1. Единица СИТ тоже имеет словарную статью со своим набором валентностей, это перечень СемО, которые характеризуют любую СИТ: ВРЕМЯ(? ,СИТ), ЛОК(? ,СИТ), УСЛОВИЕ(? ,СИТ), ПРИЧИНА(? ,СИТ), УТОЧНЕНИЕ(? ,СИТ) и другие значения в основном сирконстан-

¹ Уточним использование этого термина цитатой из А. Мустайоки: «Словосочетание „когнитивная модель ситуации“ слишком громоздко, и мы будем пользоваться сокращенным названием „ситуация“. <...> имеется в виду не сама ситуация как внеязыковая реальность, а ее информационный образ» [Мустайоки 2006]. То же применимо и к термину «Событие».

ных и «слабых» связей. Логическая сумма наборов СемО, являющихся валентностями единиц СИТ и ЛЯ, образует пространство гипотез относительно присоединения к СИТ или ЛЯ еще не связанных лексем предложения. Здесь происходят интересные семантические процессы вычисления наиболее достоверных связей, учитывающие семантические описания лексем в словаре и Грамматику СемО. (Эта тема требует отдельного рассмотрения.) Заметим, что если задать не одну, а несколько схем СИТ, различающихся наборами характеристик и валентностей (например, принадлежащих разным ПО), то процесс вычисления правильных семантических связей в СитП каждой ПО будет проще.

Наибольший вес в словаре имеют лексемы, обозначающие активные действия (*строить, разрушать, воевать* и т. п.). У многих предикатов вес зависит от семантики актантов (чаще это смысловой объект или содержание), что фиксируется в нашем словаре. Важны связи модальности и оценки у СИТ. Модальность «РЕАЛ» (реальная СИТ) повышает вес, а модальности, отрицающие само действие, снижают вес до нуля. (Теоретические работы Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, Е. В. Падучевой по семантике предикатов и динамическим моделям могли бы помочь при вычислении модальности предикатов, учитывающей тонкие взаимодействия грамматических — вид, время, наклонение, — просодических и семантических — способы выражения отрицания и оценки — явлений).

Если вес главного предиката оказался ниже веса зависимого от него предиката, СитП неустойчиво и требует перестройки иерархий, установленных в СинП и унаследованных структурой СемП1. На роль ЛЯ выйдет зависимое; главное же слово СинП (и СемП1) станет в структуре СИТ зависимым, а его собственная семантическая характеристика будет именем связывающего их СемО. Так, *подготовка к сбору урожая* перейдет в СитП как *сбор урожая* В СТАДИИ *подготовки*, поскольку ВЕС слова *подготовка* меньше ВЕСа узла *сбор урожая*. Этот последний станет лексическим ядром СитП, а синтаксически главное слово — семантически зависимым; в данном случае именем связывающего их СемО будет собственная семантическая характеристика слова *подготовка*: СТАДия(*подготовка, сбор урожая*). Такая передача функции ЛЯ зависимому предикату — итеративный процесс, но длинная цепочка передач тоже снижает вес и блокирует переход единицы СИТ в статус СОБ (см. ниже).

Для синтаксически неполных предложений будет построена заведомо неполная СИТ. Предикат односоставного предложения (например, *Война*.) займет место ЛЯ, а валентности узлов СИТ и ЛЯ останутся пока незаполненными. Многие лексемы и выражения с четкой семантикой займут соответствующее их основной характеристике место в структуре СИТ, например, односоставная фраза *Осень 1993*. встанет на первое место СемО ВРЕМЯ:

ВРЕМЯ(Осень_1993, ?СИТ), т. е. на данном отрезке текста остается неясным, о какой ситуации пойдет речь в тексте. Даже в случае односоставных предложений с «предметными» лексемами (*Река. Нефть. Рыба.*) им отведена роль пока неясного АКТАНТА неизвестной СИТ. Выяснение того, к каким ситуациям присоединить такие изолированные узлы, будет отнесено на следующие этапы. Сама фиксация семантически необходимых, но отсутствующих на данном отрезке членов Ситуации создает формальный стимул для перехода к анализу целого связного текста.

СитП текста строится постепенно, проходя через ряд промежуточных состояний — СитП1, СитП2... СитПк; каждая следующая структура, объединяя оторванные части ситуации, повышает параметр целостности и полноты СитП и тех узлов, которые вычислены как лексические ядра СИТ. По сути это межфразовый анализ, в ходе которого должно происходить укрупнение и уточнение семантических узлов (в первую очередь самой СИТ) и связей, в том числе связей кореференции между узлами. Замечу, что воссозданные (в соответствии со стандартной схемой) единицы СитП в принципе членят содержание анализируемого текста иначе, чем оно задано поверхностным уровнем (на фразы, абзацы).

5.3. Структура единицы «Событие» (Соб)

Статус и формальные свойства следующей по рангу единицы («Событие») приобретают не все, а лишь семантически сильные единицы Сит. Лингвистический анализ в системе АПТ должен уметь настраиваться на объективное выявление «сильных» Ситуаций: ведь только они станут теми единицами, которые уместно внести в БД «События». Так, узел «подготовка к войне» семантически слабее, чем узел «война» (в модальности РЕАЛ), «меры по тушению пожара» слабее «пожара», «замысел убийства» слабее «убийства», «обсуждение доклада» слабее «доклада» и т. п. По умолчанию событием считается ситуация, если ее лексическое ядро имеет в словаре в поле ВЕС максимальное значение (обозначает активное действие), контекст не привел к снижению веса, модальность СИТ вычислена как РЕАЛЬНОЕ действие, а ее аргументы реализованы в ближайшем контексте или получили поддержку в тексте. Лексическое ядро такой СИТ станет именем «События», займет место главного предиката, а в число его аргументов будут включены единицы, оказавшиеся семантически наиболее сильными в составе СитП, например: ЛЯ(А2,А5,А6,А8) → СОБ.

Но еще в словаре при описании смысловых валентностей некоторой заглавной единицы С «Событием» может быть объявлен и один из его актантов; тем самым ему придается максимальный информационный вес, боль-

ший, чем у описываемого предиката, который остается «слабой» Ситуацией. В качестве примера приведем лексему *помощь*:

ЗГЛ (или С) = *помощь*

ВАЛ = АГЕНТ, А1, С; АДР, А2, С; ПРИЧ, А3, С; СОДЕРЖ, А4, С; ПОСРЕД, А5, С

ДОП = ПАЦИЕН, А2, А3 // ДОП — дополнительные отношения между самими актантами; здесь: Адресат помощи (А2) пострадал (=ПАЦИЕН) при действии А3

ОСит = С(А1-А5) // Общая Ситуация включает все валентные связи

СОБ = А3(А2) // Как Событие указано имя того отрицательного действия (А3), по причине которого понадобилась помощь Адресату (А2).

Последняя запись означает, что Ситуация А3 (наводнение, землетрясение, пожар...) семантически важнее Ситуации С (помощь), и в базу событий предлагается внести именно А3 с его параметрами (место, время и др.), если они нашли подтверждение в тексте. Это значит, что если перед семантическим анализом стоит задача «поиска важных текстовых событий», словарь рекомендует найти в тексте явное выражение того А3, которое стало причиной оказания помощи. Если же тема А3 в тексте не поддержана, мы оставляем без ответа вопрос: Какое произошло событие (А3), потребовавшее помощи его главному участнику (А2)? Либо ответ придется искать в других источниках релевантного корпуса. Именно для этого смысловую неполноту высказывания нужно зафиксировать в явном виде в СитП — как обязательную, но не заполненную валентность ПРИЧИНА(? , помощь).

Мы назвали некоторые объективные (т. е. обнаруживаемые лингвистическими средствами) критерии «сильной» позиции Сит. Но это не все. Сильной единица типа Сит будет и в том случае, если лексическое ядро Сит войдет в списки слов-событий, заданные самим пользователем. Например, пользователь захочет собрать сведения из текстов именно обо всех видах **помощи** какому-то государству, независимо от того, что явилось причиной — наводнение, землетрясение, пожар... Тогда даже слабая единица ЛЯ(Сит) станет субъективно сильной. Гибкость метаединицы Сит позволяет структуру Сит перестроить «в пользу», или «навстречу», запросу ВУ — тогда тоже получим другой состав единицы Событие, а именно: СОБ = С(А4): В чем состояла данная помощь?

Формат единицы СОБ — такой же, как у единицы СИТ: **обе описываются в виде многоместного лингвистического либо онтологического предиката** вида Р(1,2,3, ...к), где роль каждого аргумента определена именем одного из элементарных (двуместных) СемО. Так, если ЛЯ(СИТ)=*компенсировать*, то в полном виде описание СИТ включит все лексические валентности самого ЛЯ, а именно: СУБъект, А1, С; ПРИЧИНА, А2, С; АДРесат, А3, С; СОДЕРЖание, А4, С; а также валентности нетерминального символа СИТ:

МОДАЛ, А5, СИТ; ВРЕМЯ, А6, СИТ и другие, если они были заполнены в тексте, формально ЛЯ(А1—А6). Краткое описание той же ситуации, рекомендуемое в поле КрСит, может оставить лишь самые важные связи, например, **компенсировать**(А2, А3, А4). Такой СИТ соответствует краткий реферат: *Ущерб фирме компенсирован в размере 2 млн. руб.* А поле СОБ может быть записано, как и для лексемы *помощь*, СОБ = А2(А3): *Фирме нанесен ущерб.* В составе важных аргументов для некоторых лексем могут быть названы и валентности самого узла СИТ, например, для сильной позиции узла «война» обязательны ВРЕМЯ и МЕСТО.

Итак, способ сжатия полного состава СитП подсказан семантическим словарем при конкретной лексеме, его задает лингвист как своего рода ранжирование валентностей по семантической силе. Поле СОБ в словаре выполняет одновременно две функции: а) выделяет в составе Сит семантически самый главный элемент (он получает максимальный вес); б) ранжирует валентности, оставляя лишь наиболее важные, тем самым подсказывая правила смыслового сжатия Сит. Наличие ВЕСов у единиц СитП, как словарно заданных, так и вычисленных в ходе СемАн, позволит провести семантическую компрессию текста: можно сократить незаполнившиеся валентности узлов, сами узлы и отношения с малым весом и т. д. (При анализе текста может оказаться, что связи, рекомендованные словарем в качестве семантически сильных, получили малый вес, например, эти валентности вообще не заполнились в тексте.)

При анализе на поиск Событий в произвольном тексте заданное словарно Событие становится вершиной (центром) СемП. Изменить лингвистические рекомендации по выявлению в тексте единиц типа «Событие» может включение в работу системы АПТ пользователя или ИПС (в нашей терминологии ВУ). Приведем примеры расхождений объективной (лингвистической) и субъективной (пользовательской) оценок того аспекта Ситуации, который можно объявить Событием. *Предпринимается ряд мер по усилению роли факторов, способствующих быстрой ликвидации пожара.* По запросу пользователя ИПС найдет в нем ключевое словосочетание *ликвидация пожара* и может заменить его термином **ТУШЕНИЕ ПОЖАРА** (из Тезауруса как встречного текста), который войдет в поисковый образ документа и тем самым станет Событием. При лингвистическом анализе эта Ситуация вряд ли получит статус События, даже при сильной поддержке со стороны ПО: ведь информационный вес цепочки очень мал, слишком длинная цепочка слов-«поводырей» с малым словарным весом приводит к данной Сит. Такую же оценку получит высказывание *Предпринимается ряд мер по усилению роли факторов, способствующих быстрой ликвидации **противника**,* в котором вдобавок слово *противник* — слабый семантический узел (он нуждается в установлении кореферентной связи или в каких-то идентификаторах). Если же

отсутствует поддержка в виде встречного текста, общий вес Сит (*ликвидация противника*) будет очень мал несмотря на активный характер действия. По объективным данным такая Сит не должна попасть в Базу событий. Если же ВЕС был поднят по субъективным и прагматическим мотивам, мы переходим к собственно информационному анализу и единице следующего уровня.

5.4. Текстовый факт (ТФ)

Рассмотренные выше единицы СИТ и СОБ имеют локальный характер: они могут представлять содержание отдельного высказывания, абзаца, но не быть важными в контексте целого текста. ТФ — это структурная единица, представляющая содержание всего текста. В простом случае ТФ можно собрать как последовательность всех СитП, которые удалось построить при анализе: $ТФ1(\text{Текста}) = \text{СитП1} + \text{СитП2} + \dots + \text{СитПк}$. Такая структура ТФ близка к результату лингвистического анализа. ТФ можно собрать и как последовательность всех Событий, построенных на основе множества ситуативных представлений: $ТФ(\text{Текста}) = \text{СОБ1} + \text{СОБ2} + \dots + \text{СОБк}$, и это будет более сжатая, но и более далекая от лингвистических представлений структура. Оба эти вида Т-Факта собирают «действия» или близкие к ним ситуации, что естественно для единицы, названной «текстовым фактом».

Пользователя может заинтересовать другой (чем словарно выделенные) аспект ситуации, в том числе предметные сущности, в частности, как в примере выше, актанта, выраженный валентностью **A1** (**кто** компенсировал ущерб фирме). Аналогичны случаи, когда при малом весе Сит-предиката в ситуацию вовлечены семантически сильные «предметные» участники (*деньги, наркотики, преступники, спонсоры* и т. п.) — они принадлежат к классу объектов, на поиск которых часто настроены актуальные для нашей действительности информационные системы. Формально ничто не препятствует тому, чтобы дать им имя и статус События. Но лучше обозначать «предметных» участников другими символами, например, символами объектов (ОБ1...ОБк), позволив занимать позицию главного предиката при включении в состав единицы ТФ и оставив за единицами Сит и Соб естественное значение действий, состояний и т. п. Эта возможность обеспечивается гибкостью единиц типа СИТ. Итак, структура ТФ может включать и такие единицы, где онтологическим предикатом объявлен искомый объект, а его аргументами оказываются уточняющие параметры и другие сильные семантические узлы СитП, в том числе само Событие: **ОБ=преступник(ИМЯ,КЛИЧКА,Соб «пойман»,ВРЕМЯ)**.

Смена иерархий внутри сложных единиц типа СИТ в пользу более значимых с внутренней семантической или внешней точки зрения — одно из наиболее важных преобразований, необходимых при распределении тексто-

вой информации по структурам разных баз знаний. Оно осуществляется операцией перемещения одного из аргументов законного предиката на место предиката, часто с вытеснением последнего из структуры ТФ. Так, из сообщения *В 1996 году было создано совместное предприятие «Факел» с участием нескольких высокодоходных фирм* на роль ТФ выбирается единица *совместное предприятие*, а не *было создано*. Подобно этому любой объект (денотативно значимую единицу — птица, самолет, насекомое и т. п.), если он достаточно полно описан в тексте, можно объявить онтологическим предикатом и построить для него таблицу БД, поля которой включают разные параметры, найденные в тексте: название, определение, картинка/образ, его действия, типовые для этого объекта Ситуации и др.

Итак, в состав Т-Факта могут входить в разных комбинациях сложные единицы трех типов: Ситуации, События и Объекты. В простом случае это их перечень, но желательно синтезировать их в связную структуру ТФ, если исходный текст дает к тому основания.

Аргументами ТФ становятся единицы, связанные с лексическим ядром СИТ наиболее весомыми бинарными СемО. Они часто НЕ совпадают с начальным словарным составом смысловых валентностей ЛЯ, равно как далеко не все «лингвистические предикаты» станут лексическими ядрами ТФ (так, лексемы *быть, представлять, составлять, являться, начинать, продолжать, меры, мероприятия, подготовка* и др. не станут ядром ТФ). Напротив, слова, лингвистически мало значимые, могут выйти в Т-Факт, или стать **онтологическими предикатами**, как их именуют в некоторых системах, например, *совместное предприятие* или *Фильм «Титаник»*, с произвольными аргументами, интересующими пользователя (так, для последнего понятия в роли аргументов оказались мнения о фильме разных категорий зрителей). Если пользователя интересует последовательность событий-катастроф, можно задать ТФ как цепочку из имен отрезков времени, включающих эти события: $ТФ = Т1(СОБ1) + Т2(СОБ2) + \dots + Тк(СОБк)$.

Сборка единиц ТФ происходит при вовлечении собственно информационных механизмов «понимания» текста. Это направленный анализ, который дотягивает лингвистические единицы до информационных единиц, значимых в данной предметной области или заказанных данной категорией пользователей. Именно на этом этапе анализа возможны неэквивалентные замены, в частности добавление в СемП внешних знаний, необходимых для достижения большей связности текстовых структур, или выбор — при неоднозначности анализа — единиц, наиболее значимых в данной ПО. Они заданы или словарем (тезаурусом), или самим пользователем в виде встречного списка «горячих», наиболее важных для него, терминов; если же встречных списков нет, используются рекомендации лингвистического анализа.

ТФ — не только единицы представления текстовой информации, но и единицы хранения этой информации в виде отдельных таблиц или записей БД. При их включении в базу текстовых фактов или базу знаний каждый ТФ должен быть снабжен всеми атрибутами нормального текста: автор ТФ, ссылка на контексты, на источник и т. д., то есть о нем должен быть сообщен набор сведений, составляющих его внешнюю дескрипцию, как и у всего текста. Перевод структурной формы ТФ в форму ЕТ даст реферат исходного текста или краткое содержание корпуса текстов.

5.5. База текстовых фактов (БТФ)

Пределной целью информационного анализа массива (корпуса) текстов будем считать построение *сводной базы* текстовых фактов — {БТФ}. И такая база разнородных текстовых знаний может стать объектом следующих информационных процессов (распределение по специализированным БД, перевод на другие языки, ответы на вопросы, статистическая обработка), а также логических операций (выводы, обобщения и др.).

Несмотря на сложность многих процессов, будем исходить из предположения, что **можно** создать такой универсальный лингвистический транслятор (ЛТ), который для любой Базы исходных текстов (БИТ) способен выполнить преобразование:

$$\text{БИТ} \Rightarrow \dots \text{ЛТ} \dots \Rightarrow \{\text{БТФ}\}.$$

Очевидно, что это преобразование многоуровневое. Основная роль в нем принадлежит семантике в широком понимании, которое включает синтактико-семантический лингвистический анализ, ПО-анализ, настройку на запросы пользователя и на цель сбора и накопления знаний о событиях, описываемых в текстах.

В ряду единиц текстового анализа ТФ — та первая единица, к которой могут быть применены логические категории «истинно/ложно». Например, если во всех газетах названы одни и те же параметры события (имя, время, место и др.), его можно объявить **истинным текстовым фактом**. Однако истинность ТФ не исключает возможности расхождений и даже противоречий с историческими фактами. Полноценной единицей Базы знаний может быть лишь Т-Факт, согласующийся с фактами других источников в той же предметной области. БТФ перерастает в Базу знаний заданной предметной области по мере того, как ТФ получают статус **Фактов**, т. е. истинных в данной ПО утверждений. Критерии перехода ТФ в Факт ПО должны задаваться отдельно (Т-Факт может быть частично истинным и т. д.).

Приведу несколько фрагментов БТФ из построенных в 1991 году при работе лингвистов с диалоговой программой (составленной студентом А. Со-

кирко), позволяющей засылать в БД событий выделяемые на экране фрагменты из поступающих текстов. Имя ТФ как онтологического предиката также выбиралось из текстового материала. Базой исходных текстов (БИТ) послужили около 100 газетных сообщений, появившихся в «Общей газете» сразу после событий 1991 года в России (антидемократический путч, выдвижение Ельцина, в дальнейшем — падение СССР). Заметим, что почти все аргументы ТФ заполнены не на основе сильных синтаксических управлений; они сильны семантически и лишь в данной ПО; часто их можно получить только смысловым выводом. Некоторые энциклопедические сведения вводил лингвист исходя из собственного понимания семантики лексемы. Такие добавления из собственных знаний, а не из текста берутся в квадратные скобки в этой игрушечной системе (например, КОНТРАГЕНТ понятия *государственный переворот* введен как [*Прежняя власть*]).

Текстовые факты на массиве COUPN.STR

ТФ1: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ (1, 2, 3, 4, 5)

Вар: *захват власти*

1. Агент = *ГКЧП*

Вариант = *советское руководство*

Идентификатор = *Г. Янаев, В. Павлов, О. Бакланов, Б. Пуго, В. Стародубцев, А. Тизяков, И. Крючков, Д. Язов*

2. Прич = *дестабилизация политической и экономической обстановки в СССР*

3. Цель = *преодоление экономического и политического кризиса*

4. Время:

Исх-т = *19 августа 1991 года*

5. Контрагент = [*Прежняя власть*] /это ввел лингвист/

Отсылки: ЗГЛ = 2, ЗГЛ = 3, ЗГЛ = 4, ЗГЛ = 6, ЗГЛ = 33

ТФ2: ВВЕДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ (1, 2, 3, 4, 5)

1. Суб = *ГКЧП*

Вар = *советское руководство*

Репрез = *Г. Янаев, О. Бакланов, В. Павлов*

2. Лок = *некоторые регионы СССР*

Конкр = *Москва, Ленинград и другие территории СССР*

3. Время:

Исх-т = *19 августа 1991 года*

Период = *полгода*

4. Прич = *обострение обстановки в стране, митинги, уличные шествия*

5. Цель = *защита и безопасность граждан*

Отсылки: ЗГЛ = 3, ЗГЛ = 6, ЗГЛ = 7, ЗГЛ = 8, ЗГЛ = 11

ТФ3: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПУТЧУ (1, 2, 3, 4, 5, 6)

1. Суб = *руководители РСФСР*

Вар = *Дом Советов РСФСР, Белый Дом*

Конкр = президент РСФСР Б. Ельцин, Предсовмина РСФСР И. Силаев, Госсекретарь России Г. Бурбулис

2. К-агент = ГКЧП

Вар = хунта, политические авантюристы, государственные преступники

3. Конкр = встречи, пресс-конференции, обращения «К гражданам России», указы президента РСФСР, оборона Белого Дома, внеочередная сессия ВС РСФСР

4. Прич = антиконституционные методы решения экономических и политических проблем

5. Цель = восстановление конституционного правления в стране

6. Время:

Исх-т = 19 августа 1991 года

Кон-т = ???

Отсылки: ЗГЛ = 12, ЗГЛ = 15, ЗГЛ = 16, ЗГЛ = 17, ЗГЛ = 43

ТФ4: ВНЕОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВС РСФСР (1, 2, 3, 4, 5)

Мод = необходимость

Время = будущее

1. Актант = члены ВС РСФСР

2. Тема = ?? [См. ТФ1, ТФ2]

3. Условие = чрезвычайное положение в Москве

4. Время:

Дата = 21 августа 1991

5. Место = Москва

Конкр = Дом Советов РСФСР

Отсылки: ЗГЛ = 12, ЗГЛ = 43

ТФ5: ВНЕОЧЕРЕДНАЯ СЕССИЯ ВС СССР (1, 2, 3, 4, 5)

Мод = необходимость

Время = будущее

1. Актант = члены ВС СССР

2. Тема = ?? [ТФ1, ТФ2]

3. Причина = введение ЧП в отдельных местностях СССР

4. Время:

Дата = 26 августа

5. Место = Москва

Отсылки: ЗГЛ = 11, ЗГЛ = 53

(Отсылки — это номера тех текстов БИТ, которые содержали материал для создания полного фрейма ТФ.)

6. О реальной пользе промежуточных семантических структур

Ситуация (СИТ) — главная единица текстового анализа и основная промежуточная единица для построения базы ТФ. Гибкая структура СИТ дает возможность пользователю формулировать любые аспекты значения, в поль-

зу которых он хочет направить семантический анализ текста. По умолчанию и лингвистическим критериям выделяются имена «действий», но даже для предметных актантов достаточно переместить их в позицию «События» (это допускает структура СИТ), чтобы сделать их центром внимания при сборе информации.

Единицы СитП дают такую организацию текста, которая гораздо более эффективна для быстрого знакомства с содержанием текста, чем простой или даже иерархизированный поисковый образ документа. А единица Событие, строящаяся «по заказу» пользователя так, что главное понятие запроса становится структурно главной единицей СемП и далее ТФ, представляет собой сжатый ответ на запрос, по сути дела автоматический реферат. Превращение такого реферата в текст — функция систем генерации текста (СГТ). Единицы СИТ, СОБ и ТФ даже в неполном виде являются содержательной заготовкой для БЗн. Отметим, что при таком способе создания Базы знаний всегда сохраняется лингвистический контроль над этим сложным объектом, а значит, и возможность регулировать естественное пополнение баз знаний из текстовых источников.

7. Выводы

Семантика текста многослойна. Можно выделить как минимум такие линии:

- а. Автор текста — сам Текст — Пользователь.
- б. Локальный анализ отдельных предложений — Глобальный СемАн целого текста.
- в. Естественно-семантический анализ — Постсемантический анализ. Первый привлекает только лингвистические ресурсы, второй добавляет «внешние» знания — предметные, прагматические, логические — и ориентирован на пользователя и его задачу.

Структуры текста динамичны. Это свойство позволяет строить из текстового лексического материала «денотативно значимые» единицы, аналогичные тем концептуальным единицам, которые участвуют в описаниях знаний ПО, задаваемых на естественном или искусственном языке.

В системе АПТ все источники знаний уравниваются, если они переведены на один метаязык (ИЯП); любая комбинация из них образует информационное пространство текста. Методы работы с такой структурой на ИЯП, где совмещены текстовые, прагматические и энциклопедические знания, могут моделироваться на более простой структуре СемПрост одного текста. Подобные методы сейчас постепенно формируются и в корпусной лингвистике как новом ресурсе для автоматических работ с текстом [НКРЯ]. Пока они имеют в основном эмпирический и статистический характер. Представляется, что ес-

ли реализовать в системе АПТ намеченный диалог «Текст — Предметная область» (СемАн, ПостСемАн), с выдачей контрольных промежуточных структур, это даст толчок развитию лингвистических стратегий анализа, не без пользы также для теоретической семантики.

Литература

- Апресян и др. 1988 — Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин и др. Лингвистическое обеспечение системы ЭТАП-2. М., 1988.
- Захаров 2002 — В. П. Захаров. Информационные системы (документальный поиск). СПб., 2002.
- Кобзарева 2004 — Т. Ю. Кобзарева. Принципы сегментационного анализа русского предложения // Московский лингвистический журнал. 2004. Т. 8. № 1. С. 31—80.
- Леонтьева 1967 — Н. Н. Леонтьева. Об одном способе представления смысла текста // ИПС и автоматизированная обработка НТИ. М., 1967. С. 192—204.
- Леонтьева 1990 — Н. Н. Леонтьева. Построение Базы текстовых фактов // НТИ. Сер. 2. 1990. № 7. С. 2—11.
- Леонтьева 2006 — Н. Н. Леонтьева. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М., 2006.
- Мельчук 1979/1999 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1999.
- Мустайоки 2006 — А. Мустайоки. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. 2003—2005: Результаты и перспективы. М., 2005.
- Падучева 1967.1 — Е. В. Падучева. Семантический анализ естественного языка при переводе на языки математической логики // ИПС и автоматизированная обработка НТИ. М., 1967. С. 156—169.
- Падучева 1967.2 — Е. В. Падучева. Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста // ИПС и автоматизированная обработка НТИ. М., 1967. С. 101—132.
- Падучева 1982 — Е. В. Падучева. Референциальные аспекты высказывания (семантика и синтаксис местоименных слов): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1982.
- Падучева 2002 — Е. В. Падучева. О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 1(3). С. 87—111.
- Поспелов 1981 — Д. А. Поспелов. Логико-лингвистические модели в системах управления. М., 1981.
- Сокирко 2001 — А. В. Сокирко. Семантические словари в автоматической обработке текста (по материалам системы ДИАЛИНГ): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Khoroshevsky 2003 — V. F. Khoroshevsky. Shallow Ontology-Driven Information Extraction from Russian Texts with Gate // IESL-03. Borovets (Bulgary), 2003.

К ТИПОЛОГИИ КЛАССОВ ЛАБИЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ*

А. Б. Летучий

Елене Викторовне Падучевой
с благодарностью и уважением

Введение

Лабильные глаголы, то есть глаголы, способные к варьированию диатезы и переходности без изменения формы, рассматриваются в лингвистических работах, посвященных переходности и актантной деривации, начиная с работы [Чикобава 1942]. Особенно важное место они занимают в литературе по эргативным языкам, ср., например, [Махмудова 2001; Haspelmath 1993a] и др. С другой стороны, лабильность рассматривается и в типологическом аспекте — отметим работы [Полинская 1986; Haspelmath 1993b; Drossard 1998; Лютикова 2002].

Нашей целью будет не построить типологию лабильных глаголов, а выработать параметры типологии **классов** лабильных глаголов в языках разных типов¹, то есть понять, какие свойства может иметь в том или ином языке группа лабильных глаголов в целом.

Сами лабильные глаголы можно классифицировать по семантическому соотношению между их диатезами: при **декаузативной** лабильности одно из употреблений глагола семантически является каузативом от другого, ср. нем. *brennen* ‘гореть/жечь’, при **рефлексивной** — рефлексивом, ср. англ. *wash* ‘мыть(ся)’, при **взаимной** — реципроком, ср. эст. *suudlema* ‘целовать(ся)’. **Конверсивная** лабильность предполагает, что глагол в обоих употреблениях имеет два актанта — стимул и экспериенцер, но в одном употреблении субъектом является один, а в другом — второй, ср. болгарский глагол *мириша* ‘нюхать/пахнуть’. При лабильности **пассивного** типа одно из употреблений является пассивом от другого, с точностью до видовых значений: ср. кабил-

* Исследование выполнялось на средства гранта РГНФ 08-04-00191а.

¹ В нашей работе не будет рассматриваться только лабильность, связанная с опущением объекта (*Вася читает книгу* vs *Вася сейчас читает*).

ский *mDl* ‘погребать/быть погребенным’ (непереходное употребление обозначает результат действия)². Полная классификация лабильных глаголов приводится в работах [Лютикова 2002; Летучий 2006].

Помимо явных представителей классов, существует много переходных случаев. Одним из классов глаголов, которые с трудом поддаются классификации, являются глаголы движения (см. часть 3).

Типология систем лабильных глаголов

В нашей работе мы постараемся показать, что рассмотрение класса лабильных глаголов в целом действительно может быть полезно. Предлагаемый ниже список параметров систем, разумеется, может быть дополнен другими параметрами.

1. Количество лабильных глаголов

Наиболее очевиден параметр количества лабильных глаголов в языке по сравнению с количеством нелабильных глаголов. Как правило, лабильные глаголы в языках мира составляют явно меньшую группу, чем глаголы без варьирования. Исключением является английский, для которого, вероятно, удобнее говорить о том, какие группы глаголов **не** лабильны.

Гораздо больше языков, где лабильные глаголы составляют небольшую группу: в лезгинском языке их около десяти, в болгарском, русском или арабском — около двадцати и т. д. Среди групп индоевропейских языков развитую лабильность имеют германские и романские языки, неразвитую — славянские. В других ареалах лабильность развита в нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языках.

Языки нашей выборки можно расположить на следующей шкале по количеству лабильных глаголов:

английский > немецкий, аварский, адыгейский > скандинавские, французский > болгарский, русский > сербский, румынский, лезгинский > польский, тюркские³ > чешский, венгерский.

Однако даже оценка числа лабильных глаголов не так проста, как может показаться: она осложняется наличием в рассматриваемых языках продук-

² Заметим, что пассивной лабильности в чистом виде — типа, например, ‘строить/строиться’ — в языках мира почти не обнаруживается. В этой работе мы не будем подробно разбирать причины отсутствия такого типа лабильности.

³ Тюркские языки представляют собой особый случай: в них лабильность регулярно проявляют только фазовые глаголы со значениями ‘начать(ся)’ и ‘закончить(ся)’.

тивных словообразовательных формантов, которые могут делать лабильные глаголы нелабильными или, наоборот, вызывать лабильность, — неясно, считать ли разными лабильными глаголами однокоренные глаголы с разными словообразовательными формантами. Так, во французском языке среди лабильных глаголов большое количество образовано от прилагательных:

grandir ‘увеличивать(ся)’;
grossir ‘делать/становиться толстым’;
refroidir ‘охлаждать(ся)’
baïsser ‘понижать(ся)’;
chauffer ‘нагревать(ся)’;
hausser ‘повышать(ся)’.

Аналогичным образом, в арабском языке существует класс лабильных глаголов третьей породы (деривационной модели): *sa:wa:* ‘равняться/уравнивать’, *qa:raba* ‘приближать(ся)’, *wa:zana* ‘уравновешивать(ся)’, — образованных с помощью удлинения гласного первого слога.

Такие случаи могут анализироваться не только как «лабильность лексем», но и как своего рода «лабильность словообразовательных моделей» — то есть вариативность, вызванная свойствами показателя деривации или словообразовательной модели. Поэтому языковые системы, где класс лабильных глаголов содержит много однотипных производных глаголов, мы считаем «менее склонными к лабильности», чем системы с непроизводными лабильными глаголами (в рамках этой логики немецкие лексемы сами по себе более склонны к лабильности, чем французские).

Сам учет количества лабильных глаголов дает не слишком много для понимания свойств данной системы, но полезен в сочетании с другими факторами, связанными с семантическими и формальными свойствами глаголов, к которым мы сейчас и перейдем.

2. Основные группы лабильных глаголов по соотношению между диатезами

После того, как классификация лабильных глаголов построена, можно говорить о соотношении типов лабильных глаголов в том или ином языке.

2.1. Гомогенные vs гетерогенные системы

В некоторых языках все лабильные глаголы довольно близки по своим свойствам: к примеру, все они имеют прототипический пациенс. Такие системы мы будем называть **гомогенными**. Напротив, в других языках лабильные глаголы не составляют подобной группы: имеются различные типы ла-

бильности, варьируют характеристики актантов лабильных глаголов и др. Системы такого типа можно назвать **гетерогенными**.

Так, к гомогенным системам, безусловно, относится адыгейский язык (система адыгейских лабильных глаголов была описана в работах [Яковлев, Ашхамаф 1941; Рогава, Керашева 1966; Гишев 1968; Кумахов 1990], а также автором в работе [Летучий (в печати)]). Подавляющее большинство лабильных глаголов в нем составляют пары ‘каузатив/инхоатив’, при этом действие, субъект глагола сильно пациентивен: в частности, к лабильным глаголам относятся такие, как *ze'etxan* ‘разрывать(ся)’, *q_waten* ‘разбивать(ся)’, *zeb_warə-teq_wən* ‘рассыпать(ся)’ и др. Еще более заметна тенденция к лабильности таких глаголов в лезгинском языке: ср. *xin* ‘ломать, раскалывать’, *kun* ‘гореть/жечь’, *q'in* ‘умереть/убить’, *q₀azutun* ‘порвать(ся)’, *aTun* ‘оборвать(ся)’.

В кабыльском языке, по свидетельству [Chaker 1983], около ста глаголов имеют лабильность пассивного типа, ср. *mDl* ‘погребать/быть погребенным’ — и почти отсутствует лабильность другого типа.

Напротив, в болгарском языке лабильны глаголы различных типов, например, декаузативно-лабильны фазовые глаголы (*zapochvam* ‘начинать(ся)'), конверсивную лабильность проявляет глагол восприятия *miri_{sha}* ‘нюхать/пахнуть’, к рефлексивному типу близки *ucha* ‘учить(ся)’, *pas_a* ‘пасти(сь)’, глагол *mr₂два* ‘шевелить(ся)’ занимает промежуточное положение, то есть система является **гетерогенной**.

Гомогенность той или иной системы лабильных глаголов является, конечно, не бинарным, а градуальным противопоставлением. По сути, гомогенность системы лабильных глаголов — это отношение количества глаголов к количеству классов глаголов: чем оно больше, тем более гомогенна система.

Сочетание параметров гомогенности и количества глаголов позволяет выделить два типа систем лабильных глаголов — «кавказский» и «европейский». Только в кавказских эргативных языках встречаются большие гомогенные системы — типа адыгейской. Вероятно, это различие показывает, что лабильность занимает в системах эргативных и аккузативных языков разное место: в первых она близка к маркерам деривации, а следовательно, характеризует прототипически переходные глаголы, которые в других языках часто обслуживаются маркерами дериваций (каузатива, декаузатива и др.), а во вторых сильно отличается от маркеров.

Если система гомогенна, это свидетельствует о том, что лабильность в ней вполне развита — хотя бы для определенной группы она является регулярной. В частности, в адыгейском языке лабильность оккупирует практически весь класс прототипически переходных глаголов. Даже если гомогенная система невелика, как в лезгинском, можно говорить, что она занимает опре-

деленную нишу, характерна для определенного компактного класса глаголов. Это роднит лабильность типа лезгинской с непродуктивными показателями деривации: так, рефлексивное употребление русского показателя *-ся* ограничено компактным классом глагола «ухода за телом»: например, *мыться, бриться, одеваться, причесываться*.

Напротив, в гетерогенных системах лабильность не является продуктивной ни для одного класса и, следовательно, характеризует отдельные лексемы, причем часто в силу различных их признаков.

2.2. Преобладающий тип лабильных глаголов

Как в гомогенных, так и в гетерогенных системах можно выделить преобладающий класс лабильных глаголов. Итак, будем рассматривать преобладающий тип лабильных глаголов как тип пар значений, проявляющих лабильность в наибольшем проценте случаев, когда соответствующее значение вообще имеет смысл. Таким образом, отсутствие лабильности типа ‘разбить/разбить друг друга’ для нас нерелевантно, поскольку значение ‘разбить друг друга’ не имеет смысла.

Преобладающим в языках мира типом является декаузативный тип: в частности, он преобладает в адыгейском, немецком, французском и других языках.

Причиной этого, вероятно, является то, что для лабильности большую роль играет прототипичность ситуации, то, насколько регулярно она возникает в реальном мире и требует ли она выражения. Многие рефлексивные и взаимные ситуации недостаточно прототипичны, хотя вполне возможны: так, не найдено лабильности типа ‘любить (себя)’ или ‘ранить (друг друга)’ хотя обе ситуации вполне могут иметь место. Даже в английском языке, где и взаимная и рефлексивная лабильность широко распространены, они ограничены, соответственно, глаголами «ухода за телом» (*wash* ‘мыть(ся)’, *shave* ‘брить(ся)’, *dress* ‘одевать(ся)’) и глаголами контакта (*touch* ‘трогать/соприкасаться’, *kiss* ‘целовать’) — в частности, глаголами, отнесенными в работе [Kemmer 1993] к *inherent reciprocals*, которые обозначают прототипически взаимные действия. Декаузативная лабильность распространена именно потому, что во многих случаях и ситуации с участием агенса (‘разбить’), и без его участия (‘разбиться’) **в одинаковой мере прототипичны**.

Помимо этого, причина заключается в том, что показатели реципрока и рефлексива есть почти во всех языках. Напротив, очень многие языки не имеют показателя каузатива или декаузатива. Его место как бы и занимает лабильность. Тем не менее, преобладающими в языке могут становиться и другие типы лабильности, помимо декаузативного, в частности, в **чеченском**

и **алюторском** языках доминирует рефлексивный тип (ср. ают. *ilyətav* ‘умывать/умываться’; *tivla* ‘отряхиваться/выбивать палкой’; *ujp* ‘резаться, колоться, сажать занозу/втыкать, нанизывать’; *psəsəwa* ‘разуваться/разувать’), а в **берберском**, как уже было сказано, — пассивный.

Во многих случаях можно выделить еще более узкую группу глаголов, для которых в данном языке характерна лабильность, — так, в лезгинском языке таковыми являются обозначения ситуаций, возникающих под действием внешнего агенса и сильно затрагивающих пациенс (в частности, разрушающих его). Напротив, во французском языке декаузативную лабильность проявляют глаголы, обозначающие действия, которые часто возникают самопроизвольно, без участия агенса (‘сохнуть’, ‘кипеть’, ‘замерзнуть’) ⁴ или с агенсом-инициатором ⁵, который контролирует только начальную фазу ситуации (‘варить’, ‘жарить’). Данное различие релевантно и для более общей перспективы: для разграничения систем «кавказского» и «европейского» типа. Для кавказских языков скорее характерны системы «лезгинского» типа — возможно, потому, что лабильность «замещает» отсутствующий маркер декаузатива, а он чаще всего применяется в языках мира именно для ситуаций, прототипически возникающих под влиянием агенса.

В болгарском языке, помимо глаголов с сентенциальными актантами, например, *започна* ‘начать(ся)’, *завърши* ‘закончить(ся)’, *продължава* ‘продолжать(ся)’ и др., лабильны глаголы *мириши* ‘пахнуть, нюхать’, *мръдва* ‘двигать(ся)’, *задълбавам* ‘засовывать, углубляться’, *приближавам* ‘приближать(ся)’ и некоторые другие. Данные глаголы объединяются по свойствам актантов — все они не имеют прототипического пациенса.

Системы лабильных глаголов можно расположить по степени близости лабильных глаголов к прототипу переходности: для эргативных языков характерна лабильность прототипически переходных глаголов. Напротив, в аккумулятивных языках чаще лабильны непрототипически переходные глаголы, не имеющие прототипического агенса или прототипического пациенса.

Это показывает, что лабильность в эргативных языках в большей степени, чем в аккумулятивных, напоминает грамматический маркер декаузатива или каузатива, так как возникает у прототипически переходных глаголов. Маркеры деривации также чаще всего сочетаются с прототипически переходными глаголами.

⁴ Для французского языка существенно, что речь идет именно о действии, происходящем без участия агенса, хотя, как убедительно показано в работах [Haspelmath 1993a; Wright 2001], в перечисленных ситуациях обязательно принимают участие такие **неагентивные** природные силы, как солнце, огонь, холод и т. д.

⁵ О различии агенса-инициатора и агенса-исполнителя см. работу [Гаврилова 2000].

2.3. Производные глаголы и их место среди лабильных

Как правило, с точки зрения лабильности рассматривались непроединительные глаголы: именно для таких глаголов можно постулировать лабильность в чистом виде как характеристику основы. Однако, как было показано выше, для некоторых систем очень важны словообразовательные характеристики лабильных глаголов, их производность.

Так, во французском языке лабильность очень характерна для отадективных глаголов (в особенности беспрефиксных) — ср. *noircir* ‘чернеть, чернить’, *rougir* ‘краснеть, краснить’ и др. Как отмечается в работах [Кумахов 1990; Махмудова 2001], в адыгейском и рутульском языках также преимущественно лабильны производные глаголы с локативными префиксами. В арабском языке в особенности интересна лабильность глаголов третьей породы с компонентом симметричности ситуации: ср., например, *qa:raba* ‘приближать(ся)’, *sa:wa:* ‘равняться, уравнивать’, *wa:zana* ‘уравновешивать(ся)’ и др.

Лабильные производные глаголы можно подразделить на следующие типы в соответствии с ролью, которую играют в возникновении лабильности исходная основа и словообразовательный маркер:

- (1) лабильность присуща непроединительному глаголу и сохраняется в производном;
- (2) лабильность возникает у производного глагола и является результатом полисемии показателя;
- (3) лабильность возникает у производного глагола в силу свойств исходной основы (например, адъективной);
- (4) лабильность возникает у производного глагола, поскольку в фокусе находятся компоненты, привносимые показателем, — однако возможна не при любом исходном глаголе.

Тип (2) имеет место, в частности, в тюркских языках, где каузативные показатели могут иметь пассивное прочтение, в котором являются непереключаемыми, а рефлексивные маркеры часто обозначают и рефлексив, и медий: ср. хакасский глагол *xış'in* ‘чесаться’ vs ‘чесать (свою) часть тела’.

Французские отадективные глаголы принадлежат к типу (3): лабильность глаголов типа *blanchir* ‘белеть/белить’ или *noircir* ‘чернеть/чернить’ связана, видимо, с тем, что они образованы от прилагательных. Словообразовательный тип *-ir* не имеет особой семантики и встречается и у непроединительных глаголов, а значит, не влияет сам по себе на лабильность.

Арабская лабильность, по-видимому, принадлежит к четвертому типу. Упомянутая выше третья порода обозначает воздействие на некоторый объект, часто симметричное, но не всегда имеет значение взаимности или симметричности. Лабильность возникает в случаях, когда и глагол первой поро-

ды обозначает прототипически симметричную ситуацию. При этом «симметричный» компонент значения словообразовательной модели активизируется, а наличие/отсутствие каузативной семантики отходит на второй план, в результате чего и возникает лабильность.

Можно было бы возразить, что только лабильность непроизводных лексем иллюстрирует тенденцию **глаголов** (а не аффиксов) к лабильности. В действительности это не совсем так. Строго говоря, если исключить из рассмотрения лабильность производных глаголов, то анализироваться будет фактически лабильность корней, а не самих глаголов, тогда как некоторые большие группы глаголов, склонных к лабильности, типично бывают именно производными, ср., например, глаголы отадъективные типа ‘краснеть’, обозначающие приобретение пациентом некоторого признака.

Заметим, что данный параметр может характеризовать не только отдельный язык: так, в эргативных языках зависимость лабильности от производности глагола гораздо слабее, чем в аккузативных, — эргативных языков типа французского не обнаруживается.

2.4. «Ядерные» и «периферийные» системы

Лабильность в некотором языке может характеризовать либо ядро класса переходных глаголов (например, деструктивные глаголы типа ‘ломать(ся)’, ‘рвать(ся)’), либо периферию этого класса (например, фазовые глаголы или глаголы каузации движения). В первом случае мы говорим о **ядерной** системе, во второй — о **периферийной**.

Во втором случае лабильные глаголы данного языка часто сложно отнести к определенному диатетическому типу. Например, группа глаголов движения внутренне неоднородна: среди них встречаются глаголы с агентивным субъектом (‘идти’) и с пациентивным (‘катиться’) — первые скорее близки к прототипическим декаузативам, а вторые отстоят от них далеко⁶.

Глаголы движения склонны к лабильности: в частности, они допускают варьирование диатезы в языках, где лабильность не развита, например в польском, русском и древнегреческом.

В частности, в русском языке лабильны глаголы *катить*, *мчать*, *гонять*, *сгонять*, *погнать*, *гнать*, *двигать*, *трогать*, *кружить*, *повернуть* (а также *свернуть* и *завернуть*). Других заметных групп глаголов не выделяется, хотя отдельные представители других классов (например, *лить*, *играть*) выделить можно.

⁶ В работе [Geniušėnė 1987] непереходные глаголы движения типа ‘двигаться’ называются **автокаузативами** от соответствующих переходных.

Значения глаголов приведенной группы в двух употреблениях различаются: так, если в переходном употреблении глагол *кружить* означает 'каузировать совершать круговые движения' (*Кавалер кружит даму в танце*), то в непереходном значении немного отличается: ср. невозможное **Дама кружит в танце* и, наоборот, *Вертолет кружит над поселком* при невозможном **Летчик кружит вертолет над поселком*. Определить тип деривации, связывающей два употребления глагола, сложно из-за различий сочетаемости.

Важно, что от тех же глаголов образуются возвратные дериваты, действительно являющиеся рефлексивами: так, «настоящим» рефлексивом от *кружить* является глагол *кружиться* — их сферы употребления практически совпадают. Аналогично ведут себя *двигать* (*Двигать мебель — Собираемся и двигаем в город*), *повернуть* (*Я повернул стол — Я повернулся* (изменение положения) — *Мы повернули налево* (изменение направления движения)) и, возможно, другие глаголы.

Итак, русские лабильные глаголы движения нельзя отнести ни к декаузативно-, ни к рефлексивно-лабильным. Более того, соотношение диатез у разных глаголов не совпадает: ср., например, *кружить*, близкий к декаузативу (субъектом непереходного употребления типа *Листья кружат над переулком* может быть неагентивный актант) и *мчать*, близкий к автокаузативу. К лабильности склонны глаголы движения в целом, как класс. Аналогичная ситуация возникает в древнегреческом (лабильны как глаголы с вторичной рефлексивной диатезой типа *ballo* 'бросать(ся)', так и с вторичной каузативной типа *baino* 'идти/вести') и в польском. Во всех этих случаях лабильность мотивирована семантически.

Склонность глаголов движения к лабильности можно связать с характеристиками их актантов: эта группа глаголов имеет по два актанта, ни один из которых не является прототипическим пациенсом. Кроме того, в переходном употреблении субъект каузирует движение объекта, двигаясь при этом сам (ассоциативная каузация в терминах [Shibatani, Pardeshi 2002]). Таким образом, субъекты переходного и непереходного употреблений достаточно схожи между собой, что делает ближе и сами две диатезы этих глаголов (ср. русский, где непереходные употребления глаголов движения часто агентивны).

Другой группой глаголов, склонной к лабильности, но не принадлежащей в переходном употреблении к прототипически переходным глаголам, являются фазовые глаголы — прототип переходного глагола, предложенный в [Norreg, Thompson 1980], предполагает сильную затронутость действием пациенса, тогда как фазовые глаголы вообще не имеют пациенса. В болгарском языке все фазовые глаголы лабильны, хотя в целом лабильность не слишком широко распространена, в частности не лабильны глаголы сильного воздействия на пациенс. Практически во всех языках Европы хотя бы некоторые из

фазовых глаголов также лабильны: ср. нем. *anfangen* ‘начать(ся)’, рум. *începe* ‘начать(ся)’, серб. *почети* ‘начать(ся)’. Системы типа русской, древнегреческой или польской можно назвать периферийными (лабильны не прототипически переходные деструктивные глаголы, а часто периферия класса переходных глаголов) или семантически мотивированными. Напротив, системы типа адыгейской можно назвать ядерными или деривативно мотивированными — лабильность характерна для ядра класса переходных глаголов: *ze'etxən* ‘разрывать(ся)’, *q_wəten* ‘разбивать(ся)’, *zebrəratəq_wən* ‘рассыпать(ся)’, — и пары употреблений этих глаголов семантически соотносятся так же, как пары «переходный глагол/декаузатив» в русском языке: ср. *рассыпать* ~ *рассыпаться*, где имеет место актантная деривация, маркированная показателем *-ся*.

Тип мотивации лабильности в данной языковой системе (то есть то, что для нее более важно — семантический класс глагола или соотношение между его употреблениями) можно отчасти проверить тем, как соотносятся значения лабильного глагола с употреблениями производных от него. Русский глагол ‘повернуть’ может употребляться как лабильный, только если обозначает поступательное движение (ср. *Мы повернули направо*). Напротив, если подразумевается круговое движение, смена ориентации, то непереходное употребление маркируется (*Я повернулся / *повернул к нему спиной*). Следовательно, наиболее важна семантика глагола — его принадлежность к глаголам поступательного движения.

В действительности семантическая мотивация прослеживается и в ядерных системах: в частности, для дагестанских эргативных языков, судя по всему, характерна лабильность глаголов сильного воздействия на прототипический пациенс: ср. лезгинский язык, где среди лабильных глаголов — деструктивные глаголы *xin* ‘ломать, раскалывать’, *kun* ‘гореть/жечь’, *q'in* ‘умереть/убить’ — и очень мало глаголов других типов. Различие состоит в том, что небольшая «лабильная» группа принадлежит к прототипически переходным глаголам, а не к классу фазовых глаголов или глаголов движения, то есть вкладывается в класс прототипически переходных глаголов.

Как легко заметить, сильная семантическая мотивация лабильности отличается лабильность от продуктивных каузативных или декаузативных маркеров: последние во многих языках (например, абхазо-адыгских или тюркских) могут образовывать каузативы от любых глаголов, независимо от их семантического класса. С другой стороны, лабильность в европейских языках отличается и от непродуктивных каузативных и декаузативных маркеров, поскольку такие маркеры обычно сочетаются именно с глаголами, имеющими прототипические агенс и пациенс.

Эти различия связаны с природой лабильности. Лабильность кардинально отличается от маркеров дериваций: вероятно, она — не способ производить от одной ситуации другую, а способ объединить в одном глаголе близ-

кие ситуации. Так, рефлексивная лабильность часто встречается у глаголов, обозначающих действия, прототипически направленные на самого субъекта — например, ‘мыть’ и ‘мыться’ (ср. *мыть руки*, *мыть лицо*, где действие направлено на часть тела субъекта). То же верно для реципрокальной лабильности, часто встречающейся у глаголов типа *meet* ‘встречать(ся)’, обозначающих взаимное действие в обоих употреблениях.

Мы считаем, что системы, где лабильность затрагивает не узкий семантический класс типа глаголов движения, а класс прототипически переходных глаголов типа ‘разбить(ся)’ или ‘рассыпать(ся)’, более склонны к лабильности, чем системы с сильной семантической мотивацией. Хотя эргативные языки в [Drossard 1998] считаются более расположенными к каузативной лабильности, чем аккумулятивные, разница в количестве лабильных глаголов невелика (например, немецкий и французский языки сопоставимы с адыгейским, а болгарский — с лезгинским: оба имеют от 10 до 15 лабильных глаголов). Различие заключается именно в том, что в эргативных языках лабильность характерна для **ядра** класса переходных глаголов, а в аккумулятивных — для **периферии** (в частности, для фазовых глаголов и глаголов движения).

Представленные выше параметры систем лабильных глаголов касались прежде всего типологии классов лабильных глаголов — того, какие именно глаголы склонны становиться лабильными. Но не менее важно и то, как прототипическая лабильность соотносится с другими способами маркирования актантной деривации и другими типами варьирования диатез.

3. Лабильность и показатели деривации

Как правило, лабильные глаголы рассматривались в отрыве от маркеров деривации. Однако на самом деле многие лабильные глаголы могут принимать маркеры деривации. Следовательно, важно, есть ли в языке с лабильностью также маркеры дериваций и как соотносится продуктивность этих средств выражения. Этот вопрос еще не исследован достаточно подробно, однако понятно, что в языке с большим количеством лабильных глаголов лабильность может как бы заменять маркеры дериваций.

Так, в английском языке показатели декаузатива и каузатива просто отсутствуют, а лабильных глаголов очень много⁷. Однако чаще всего показатели дериваций сосуществуют с лабильными глаголами.

⁷ Впрочем, и в английском языке лабильные глаголы не затрагивают ряд больших семантических зон — например, зону эмоций: ситуации типа ‘рассердить(ся)’, ‘огорчить(ся)’ и др. обозначаются переходными глаголами и пассивами от них. См. об ограничениях на лабильность в английском языке в [Levin 1993; Levin, Rappaport Novav 1994].

Как показано в работе [Schäfer 2003], в ряде индоевропейских языков немаркированная и декаузативная формы лабильного глагола различаются своими **аспектуальными** характеристиками. Тому же явлению посвящено исследование [Cornips, Hulk 1996]: авторы показывают, что в некоторых диалектах нидерландского языка маркированные декаузативы фокусируют внимание на конечной точке ситуации и в связи с этим, например, не сочетаются с обстоятельствами длительности действия типа ‘за три часа’, см. (1a). Напротив, немаркированные непереходные употребления с ними сочетаются (1b):

- (1) a. **dat het ei zich 3 minuten lang gekookt heeft*
 что DEF яйцо REFL 3 минута.PL за PART иметь.PRS.3SG
 ‘...Что яйцо приготовилось за три минуты’
- b. *dat het ei 3 minuten lang gekookt heeft*
 что DEF яйцо 3 минута.PL за PART иметь.PRS.3SG
 ‘...Что яйцо приготовилось за три минуты’.

Однако еще более распространена ситуация, когда маркированный и немаркированный варианты различаются по семантическим **свойствам участников и ситуации в целом**. Так, в адыгейском языке маркированные каузативы от лабильных глаголов, в отличие от немаркированных, обозначают волевую каузацию (например, *qewenen* ‘нарочно оставить’, в отличие от *qenen* ‘оставить’). В болгарском языке фазовые глаголы в сочетании с маркером декаузатива *се* обозначают начало или конец менее агентивных действий, чем без него.

Рассмотрение лабильных глаголов в сравнении с маркированными дериватами полезно и для анализа свойств самих показателей. Так, в немецком языке многие глаголы разрушения/сильного воздействия на пациенс лабильны: ср. *brechen* ‘ломать(ся)’, *zerreißen* ‘разрывать(ся)’, *verbrennen* ‘сжигать/сгорать’ — и не обслуживаются показателем декаузатива *sich*. В языках мира маркеры декаузатива употребляются прежде всего именно с глаголами сильного воздействия на пациенс, но в данном случае эту зону оккупирует лабильность.

Различия между европейскими и эргативными кавказскими языками отчасти можно связать с системой маркеров дериваций: считается, что для европейских языков характерно маркирование повышающих, а для европейских — понижающих актанных дериваций. Напротив, лабильность в эргативных кавказских языках сосредоточена во многом в зоне, обслуживаемой прототипическими декаузативными маркерами, а в европейских языках — каузативными.

Так, в адыгейском языке имеется и маркер каузатива *ве-*, и маркер декаузатива (а также рефлексива) *зә-*, но каузативный маркер гораздо продуктив-

нее. Это отражается и на свойствах класса лабильных глаголов: лабильность вообще чаще возникает у тех глаголов, у которых исходной была бы именно переходная форма (например, *zebrərateq_wən* ‘рассыпать(ся)’, *zeg_wetχən* ‘рвать(ся)’ и др.), объект которых несамостоятелен и сильно пациентивен. Лабильность здесь действует как бы вместо декаузативного маркера.

Связь лабильности с имеющимися в языке показателями деривации видна также на примере ненормативных употреблений типа *Ego ушли с работы* (‘уволители’), *Мясо надо оттаивать* (‘размораживать’) (см. другие примеры в [Сай 2004]). Симметричной немаркированной декаузативации в современном русском языке не существует, поскольку имеется маркер декаузатива *-ся*.

Практически во всех языках маркеры деривации сочетаются с лабильными глаголами, давая тот или иной сдвиг в значении по сравнению с немаркированным употреблением (например, адыг. *zebrərateq_wən* ‘рассыпать’ ~ *zebrəreχeteq_wən* ‘разрушить’, *ɬaɬən* ‘развязать’ ~ — *beɬaɬən* ‘отвязать (напр., теленка)’). Это подтверждает, что, как показано в части 2.4, лабильность и маркеры деривации просто занимают разное место в грамматической системе: маркеры обозначают различия между диатезами, а лабильность объединяет их в одной лексеме.

Эта объединяющая функция проявляется, например, в склонности к лабильности группы фазовых глаголов. Два употребления лабильного глагола типа *The teacher began the lesson* и *The lesson began* близки по свойствам актантов: ни одно из них не имеет ни прототипического агенса, ни прототипического пациенса⁸, оба обозначают вхождение ситуации в новую фазу.

Тем не менее, языки несколько различаются по данному параметру — и это различие коррелирует с различием между большими и малыми, а также между семантически и деривационно мотивированными системами. В адыгейском или немецком языке — больших деривационно мотивированных системах, для которых лабильность характерна — лабильность часто замещает показатели деривации. Это приводит к появлению лексем типа адыгейского глагола *qWeten* ‘разбить(ся)’ или немецкого *brechen* ‘разбить(ся)’, не сочетающихся с показателями деривации (ни маркированного каузатива со значением ‘разбить’, ни возвратного деривата *brechen sich* ‘разбиться’ не существует). В менее склонных к лабильности системах, в частности в болгарской, все фазовые глаголы сочетаются с показателями, то есть лабильность не заменяет показатели, а только дополняет их.

⁸ Напротив, прототипические переходные глаголы — например, ‘рвать’ или ‘ломать’ — имеют прототипический пациенс. Вопрос о наличии прототипического агенса является спорным, поскольку ситуации такого рода часто возникают вопреки воле субъекта.

Заключение

В нашей работе мы попытались наметить проблемы типологии систем лабильных глаголов. Хотя лабильность является свойством отдельных лексем, оказывается, что их систематизация все-таки возможна. Типология систем лабильных глаголов интересна и для понимания природы лабильности, и для выяснения ее взаимоотношений с другими явлениями.

Типология систем дает возможность выявить «центр тяжести» класса лабильных глаголов, группу, для которой лабильность особенно характерна. Кроме того, мы получаем возможность понять, какими принципами регулируется принадлежность глагола к лабильным.

Очень важно, что свойства систем лабильных глаголов коррелируют с другими свойствами языков — с их строем, системой показателей и др., а также друг с другом. При этом существенно не только количество лабильных лексем (вопреки ожидаемому, в кавказских эргативных языках лабильных глаголов не намного больше, чем в аккумулятивных), но и другие свойства их класса: в эргативных языках лабильность в большей мере сходна с маркером деривации, так как часто затрагивает группы прототипически переходных (например, деструктивных) глаголов — сходным образом во многих языках действуют маркеры декаузатива, — характеризует однородные группы и мало зависит от производности глагола. В аккумулятивных языках лабильность находится ближе к семантической деривации и связана со свойствами узкого семантического класса глаголов. Итак, лабильность, не являясь собственно средством обозначения мены диатезы, может в разной степени вписываться в систему грамматических маркеров, что и иллюстрируют выделенные нами параметры. В таблице показаны различия между эргативными и аккумулятивными языками.

Классы лабильных глаголов в эргативных языках	Классы лабильных глаголов в аккумулятивных языках
гомогенные	гетерогенные
ядро класса переходных глаголов	периферия класса переходных глаголов
глаголы не сочетаются с показателями	глаголы сочетаются с показателями
лабильность не зависит от производности	лабильность зависит от производности

Литература

- Гаврилова 2000 — *В. И. Гаврилова*. Пассивные и квазипассивные конструкции русского языка: Рукопись. 2000.
 Гишев 1968 — *Н. Т. Гишев*. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. Майкоп, 1968.

- Кумахов 1990 — *М. А. Кумахов*. Об основах вариантного управления в адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. 17. 1990. С. 42—47.
- Летучий 2006 — *А. Б. Летучий*. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Летучий (в печати) — *А. Б. Летучий*. Средства маркирования противопоставления «инхоатив / каузатив» в адыгейском языке. М. (в печати).
- Лютикова 2002 — *Е. А. Лютикова*. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе: Мат-лы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002.
- Махмудова 2001 — *С. М. Махмудова*. Морфология рутульского языка. М., 2001.
- Полинская 1986 — *М. С. Полинская*. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Рogaва, Керашева 1966 — *Г. В. Рogaва, З. И. Керашева*. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- Сай 2004 — *С. С. Сай*. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи // II междунар. конгресс исследователей рус. яз.: Сб. тез. М., 2004.
- Чикобава 1942 — *А. С. Чикобава*. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции // Изв. ИЯИМК. XII. Тбилиси, 1942 (на грузинском языке). С. 83.
- Яковлев, Ашхамаф 1941 — *Н. Яковлев, Д. Ашхамаф*. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941. С. 129—148.
- Chaker 1983 — *S. Chaker*. Un parler berbère d'Algérie (kabylie). Paris, 1983.
- Cornips, Hulk 1996 — *L. Cornips, A. Hulk*. Ergative reflexives in Heerlen Dutch and French // *Studia Linguistica*. 50. 1. 1996. P. 1—21.
- Drossard 1998 — *W. Drossard*. Labile Konstruktionen // V. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of Verbal Categories. Papers presented to V. P. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen, 1998. S. 73—84.
- Geniušienė 1987 — *E. Geniušienė*. *The Typology of Reflexives*. Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1987.
- Haspelmath 1993a — *M. Haspelmath*. *A Grammar of Lezgian*. Berlin, 1993.
- Haspelmath 1993b — *M. Haspelmath*. More on the typology of inchoative / causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (ed.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1993. P. 87—120.
- Hopper, Thompson 1980 — *P. Hopper, S. Thompson*. Transitivity in Grammar and discourse // *Language*. 56. 1980. P. 251—299.
- Kemmer 1993 — *S. Kemmer*. *The Middle Voice*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993.
- Levin 1993 — *B. Levin*. *English Verb Classes and Alternations*. 1993.
- Levin, Rappaport Hovav 1994 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. A preliminary analysis of causative Verbs in English // *Lingua*. 92. 1994. P. 35—77.
- Schäfer 2003 — *F. Schäfer*. *The Morphological Patterns of Anticausatives and their Interpretations*. Ms. Univ. De Stuttgart, 2003.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — *M. Shibatani, P. Pardeshi*. The causative continuum // *M. Shibatani* (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam; Philadelphia, 2002. P. 85—127.
- Wright 2001 — *S. K. Wright*. *Internally Caused and Externally Caused Change of State Verbs*. PhD dissertation. Evanston, 2001.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ВИДОМ И «НАКОПИТЕЛЯМИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ханс Роберт Мелиг (Hans Robert Mehlig)
(Кильский университет)

Е. В. Падучева в своих работах, посвященных категории вида в русском языке, предложила семантическую таксономию глаголов и глагольных предикатов, которая позволяет описать системную связь между семантикой вида и глагольной семантикой. В рамках этой таксономии она различает первичные и производные таксономические категории [Падучева 1996: 105—110]. Настоящая публикация посвящена производной категории второй степени, а именно рекатегоризации акциональности агентивных Accomplishment-предикаций и Achievement-предикаций (см. [Vendler 1967]) через временную дистрибутивность. Временная дистрибутивность имеет место в тех случаях, когда глагольная предикация относится к нескольким участникам, которые оказываются включенными в ситуацию не одновременно. В таком выражении, как *выбрасывать старые письма*, временная дистрибутивная интерпретация имеет место тогда, когда письма выбрасываются не все сразу, а последовательно. В этой интерпретации данная предикация обозначает ситуацию, состоящую из нескольких субситуаций, в нашем примере — из нескольких выбрасываний писем, в которых может участвовать каждый раз одно или несколько писем. Эта серия субситуаций с временной дистрибутивной интерпретацией приурочивается к одному отрезку времени и тем самым объединяется в одну макроситуацию.

В нашем примере временная дистрибутивная интерпретация меняет акциональность непроизводной элементарной предикации, которая присутствует в том случае, когда выбрасывается одно-единственное письмо или выбрасываются несколько писем сразу. Элементарная предикация является недуративной. Она не допускает модификации ни посредством обстоятельства длительности типа *два часа*, ни посредством фазовых глаголов типа *начать* или *перестать*. Однако при временно-дистрибутивной рекатегоризации предикация *выбрасывать письма не одновременно* обозначает ситуацию, обладающую длительностью. Поэтому предикация в этой интерпретации оказывается совместимой с обстоятельствами длительности и с фазовыми глагола-

ми. Акциональная рекатегоризация глагольных предикаций через временную дистрибуцию релевантна также и для категории вида в русском языке. Во временно-дистрибутивной интерпретации предикация допускает перфективацию не только через парный глагол СВ, но, в принципе, и через делимитативный способ действия (СД): *Игорь сначала немного повыбрасывал старые письма, а потом принялся за фотографии*, — возможность, которой у элементарной предикации не существует.

Предикации, интерпретируемые как временно-дистрибутивные, обозначают ситуации, где наличествует связь между временной длительностью ситуации и количеством её участников. Таким образом, налицо так называемое накопительное соотношение (*incremental relation*), описанное Ю. С. Масловым еще в 1948 году: «Каждая частица действия непосредственно отлагает в объекте соответствующую частицу результата» [Маслов 1948/2004: 85]. В нашем примере существительное *письма* является вторичным, производным (в силу временной дистрибутивности) инкрементом, в терминологии Е. В. Падучевой [2004: 46] — вторичным «накопителем»¹. Описанные предикации, в которых имеется такой параллелизм между временной длительностью ситуации и увеличением или сокращением количества участников ситуации, получили подробное описание в рамках формальной семантики, см., например, [Krifka 1989; Dowty 1991; Парти 1997; Filip 1999]. При этом было установлено, что акциональная классификация накопительных предикаций, как предельных (*telic*), так и непредельных (*atelic*), зависит от того, обозначает ли накопитель ограниченное или неограниченное количество. Если накопитель обозначает неограниченное количество, то имеет место непредельная предикация. В этом случае предикация относится не к изменению состояния, а к деятельности, которая каузирует изменение состояния, и поэтому такая предикация в английском языке совместима только с обстоятельством длительности: *He threw away old letters for about two hours*. Предельная интерпре-

¹ Необходимо отметить, что термины «*increment*» и «*incremental relation*», а также их русские переводы «накопитель» и «накопительное соотношение» используются в последних работах иногда не только для обозначения глагольных предикаций, в которых изменение состояния относится к количеству участников, обозначенных дополнением, но вообще применительно ко всем предикациям, описывающим ситуацию, которая осуществляется постепенно, например, и к предикациям, обозначающим качественное изменение участников обозначаемой ситуации. См., например, [Rothstein 2004; Падучева 2004]. Я буду использовать в этой статье термины «накопитель» и «накопительное соотношение» в узком смысле. Накопительное соотношение имеется тогда, когда количество объектов, участвующих в ситуации, уменьшается или увеличивается с продолжением ситуации, и, таким образом, изменение состояния относится только к количеству (а не к качеству) участников.

тация этой предикации и ее модификация посредством обстоятельства срока завершения предполагает, что накопитель обозначает ограниченное количество: *He threw away the letters in two hours.*

Различные акциональные классификации временно-дистрибутивных предикаций, как предельных, так и непредельных, в зависимости от ограниченного или неограниченного количества обозначаемых участников ситуации также оказываются релевантными в сфере категории вида. Если предикация относится к неограниченному количеству участников и имеет непредельную интерпретацию, то перфективация предикации через парный глагол СВ исключена. Допускается перфективация лишь через способ действия, в нашем примере через делимитативный СД: *Он часа два повыбрасывал старые письма, (а потом принял за фотографии).* Перфективация через парный глагол СВ с необходимостью требует, чтобы накопитель обозначал ограниченное количество: *Он выбросил письма за два часа.* Дополнение *письма* в данном примере обязательно относится к количеству, которое известно из предтекста или ситуации. Тем самым может показаться, что имеется взаимозависимость между вторичным количественно ограниченным накопителем и предельной предикацией, с одной стороны, и вторичным количественно неограниченным накопителем и непредельной предикацией, с другой стороны. Настоящая работа имеет целью показать, что такой взаимозависимости на самом деле нет. Предикация с неограниченным вторичным накопителем действительно допускает только непредельную интерпретацию, и поэтому в русском языке перфективация допускается только через способ действия. Однако предикации с ограниченным в объеме вторичным накопителем имеют так называемую «гибридную»² акциональность, т. е. они допускают предельную и непредельную интерпретации и тем самым перфективацию не только через парный глагол СВ, но и через делимитативный СД. Иными словами, мне хотелось бы показать, при каких условиях предикация с прямым дополнением, включающим показатель количества или меры, как, например, *Игорь выбрасывал 30 писем*, допускает непредельную интерпретацию и, следовательно, перфективацию через делимитативный СД.

² Термин «гибридный» я заимствовал у П. М. Бертинетто [Bertinetto, Squartini 1995: 12]. Глагольная предикация является гибридной в акциональном смысле, если она может быть причислена к разным акциональным классам; например, предикация *He painted the wall*, которая допускает интерпретацию и как Accomplishment, и как Activity. В связи с этим в английском языке возможна модификация и с обстоятельством срока *He painted the wall in two hours*, и с обстоятельством длительности *He painted the wall for two hours*. [Declerck 1979: 768] и [Depraetere 1995: 45] называют предикации, которые могут быть причислены к различным вендлеровским классам, «zero-telic», [Lehmann 1999: 228] и [Anstatt 2001] — «diffus», [Татевосов 2005] — «слабо-предельными».

Прежде чем я обращусь к этому вопросу, я покажу, при каких условиях даже элементарные предикации, обозначающие контролируемые ситуации, являются гибридными, а значит, могут быть интерпретированы и как Accomplishment-предикации, и как Activity-предикации. Вначале следует сделать некоторые уточнения, касающиеся используемых терминов.

I. О различии между Activity-, Accomplishment- и Achievement-предикациями

Е. В. Падучева [1996: 107] различает среди динамических контролируемых ситуаций два элементарных класса, которые она обозначает как «деятельность» и «действие». Внутри класса, обозначаемого как «действие», она выделяет «действие обычное» и «действие с акцентом на результате». Используя приведенную выше классификацию, Е. В. Падучева ссылается на З. Вендлера [Vendler 1967], но одновременно комбинирует его классификацию с категорией вида: Activity-предикации как элементарный класс представлен НСВ, а Accomplishment- и Achievement-предикации как элементарный класс — СВ. Я буду употреблять в настоящей работе термины З. Вендлера, используя, однако, его классификацию, как и раньше, в аспектуально нейтральном виде [Mehlig 1981/1985], т. е. исходным пунктом отнесения предикаций к классам З. Вендлера для меня является аспектуально нейтральное употребление НСВ, каким оно представлено, например, в случае его общефактического экзистенциального употребления. НСВ в таком употреблении, как известно, не имеет процессного значения.

Е. В. Падучева определяет Accomplishment-предикации, а также Achievement-предикации как «терминативные». Таким образом, она употребляет термин, который широко распространен в немецкоязычной славистике [Mehlig 1988; Nübler 1992; Schlegel 2000; Breu 2000], см. также [Петрухина 2000]. Терминативные предикации, т. е. Accomplishment- и Achievement-предикации, обозначают ситуации, которые имеют кульминационную точку, т. е. изменение состояния, где конечное состояние обозначаемой ситуации не идентично с исходным. Accomplishment- и Achievement-предикации, со своей стороны, различаются между собой тем, что Accomplishment-предикации обозначают ситуацию, обладающую длительностью, и, таким образом, содержащую процессный компонент, который актуализируется, когда НСВ употребляется в собственно видовом значении, а именно, как средство перспективации при так называемом процессуальном употреблении. В отличие от Accomplishment-предикаций, у Achievement-предикаций достижение кульминационной точки не связано с процессным компонентом. Поэтому НСВ, если он служит для перспективации, не обозначает процесса. В случае перспективации он

может обозначать псевдопроцесс [Апресян 1995: 230], т. е. подготовительную фазу данной ситуации, которая имеет место перед самым изменением состояния: *Смотри! Игорь прыгает с вышки*. Он может в данном случае обозначать и предстояние, когда мы имеем дело с комплексными ситуациями, состоящими, например, из речевого и физического компонента: *Игорь покупает дом* или *Он отбирает поместье* [Розина 2005: 133—139]. В случае если Achievement-предикация обозначает ситуацию, которая концептуализируется как моментальная, НСВ вообще не может служить для перспективации, т. е. может иметь только так называемые «тривиальные» значения.

Accomplishment-предикации и Achievement-предикации обозначают ситуации с ингерентным кульминационным пунктом, при достижении которого они исчерпываются. Эти предикации являются *абсолютно-терминативными*. Они отличаются от Degree-Achievement-предикаций, которые так же, как Accomplishment-предикации и Achievement-предикации, обозначают изменение состояния. Однако ситуации, обозначаемые Degree-Achievement-предикациями, не являются предельными (telic), т. к. Degree-Achievement-предикации обозначают ситуации, у которых в любой произвольной точке их протекания присутствует изменение состояния, не идентичное с исходным. В этом смысле они *относительно терминативные*, любое изменение состояния определяется лишь по отношению к исходному состоянию, и продолжение такой ситуации после достижения кульминационной точки не исключено.

Терминативные предикации, т. е. предикации, которые обозначают абсолютное или относительное изменение состояния, в русском языке образуют, как правило, так называемые видовые пары, т. е. они имеют в своем распоряжении лексему, которая позволяет, в отличие от НСВ, однозначно обозначать произошедшее изменение состояния. Парные глаголы СВ, таким образом, имеют двойную функцию. Они обозначают качественное изменение («внутренняя» лимитативность) и одновременно ограничивают ситуацию во временном плане («внешняя», количественная лимитативность), см. [Гак 1997: 153].

В отличие от терминативных предикаций, Activity-предикации не обозначают ситуации, имеющие кульминационную точку, они обозначают ситуации, гомогенные во временном плане. Для них действует принцип так называемой subinterval property, произвольной подразделимости: начальное и конечное состояние обозначаемой ситуации являются идентичными, т. е. они не имеют ни начальной, ни конечной фазы, отличной от срединной. Таким образом, они являются нетерминативными. Вследствие того, что Activity-предикации не обозначают изменения состояния, они не имеют парных глаголов СВ. Обозначаемые ими ситуации допускают только «внешнее» ограничение. Это ограничение осуществляется через «аспектуальные» способы действия, которые в тексте, где употребление СВ обязательно, функционируют

как корреляты отсутствующих у них парных глаголов СВ. Ограничение может быть осуществлено через обозначение какого-либо кванта гомогенной ситуации, как это происходит с помощью делимитативного СД, который в русском языке является чрезвычайно продуктивным и может быть образован без ограничений от любого глагола, обозначающего наблюдаемую и контролируемую гомогенную ситуацию [Sémon 1986; Bogusławski 2004]. Помимо этого, ограничение может осуществляться посредством обозначения начального или конечного пункта ситуации (начинательный и финитивный СД). В случае если Activity-предикация обозначает ситуацию, состоящую из нескольких более или менее идентичных фаз, ограничение может быть осуществлено и через одноактный СД, называющий одну фазу деятельности. Кроме того, в русском языке существует возможность одновременно с произвольным ограничением обозначить разные степени интенсивности, например, через усилительно-интенсивный СД (*рассентиментальничаться*), где ингрессивность отягощена семами интенсивности и усилительности, или через сатуративный СД (*нагуляться*), который обозначает деятельность, выходящую за пределы обычного или допустимого, что связано с поглощенностью, увлеченностью субъекта деятельностью. Все эти СД, с помощью которых ограничивается во временном плане ситуация, концептуализируемая как гомогенная, представляют собой часть глагольной парадигмы Activity-предикаций. Их нельзя рассматривать как самостоятельные лексемы и поэтому нельзя также причислять к другим вендлеровским классам: они не меняют лексические значения, а только модифицируют их (см. полное перечисление и подробное описание всех этих «аспектуальных» СД в [Шелякин 1983]).

II. Элементарные предикации, акциональность которых является гибридной

Кроме элементарных предикаций, которые можно однозначно классифицировать как Accomplishment-предикации или Activity-предикации, русский язык располагает также предикациями, акциональность которых является гибридной, как, например, *читать книгу, красить забор, сокращать статью, убеждать собеседника* или *вспоминать встречу*. Эти предикации, с одной стороны, допускают перфективацию через парный глагол СВ, и в этом случае предикацию следует классифицировать как Accomplishment-предикацию:

- (1) *Мы обсудили первый вопрос повестки дня и закрыли собрание.*
- (2) *Лена сыграла сонату Чайковского и перешла к этюдам.*

Однако эти предикации допускают также и перфективацию через делимитативный СД, которая, как мы видели ранее, возможна только при Activity-предикациях:

- (1a) *Мы какое-то время пообсуждали первый вопрос повестки дня и закрыли собрание.*
 (2a) *Лена немного поиграла сонату Чайковского и перешла к этюдам.*

Если перфективация данных предикаций осуществляется через делимитативный СД, тогда предикация относится только к деятельности, каузирующей изменение состояния, и вследствие этого остается невыраженным, достигла ли обозначаемая ситуация своей ингерентной границы. Кульминационная точка обозначенной ситуации как будто затемняется, является нерелевантной.

Возможность интерпретировать глаголы в НСВ одновременно и как Accomplishment и как Activity и таким образом перфективировать их и через парный глагол СВ и через делимитативный СД существует всегда при условии, что соответствующий глагол допускает абсолютное употребление, как, например, *читать*, *играть* или *писать*. Но возможность гибридной интерпретации имеется и у *transitiva tantum*, ср. *делать* или *точить*, и эта возможность не ограничивается простыми глаголами (*simplicia*): ср. глаголы *раскрашивать*, *вспоминать*, *убеждать* или *заполнять*. В тематическом плане класс гибридных глаголов тоже неоднороден. Как показывают приведенные глаголы, здесь возможно накопительное соотношение. У таких предикатов, как, например, *вязать* *⟨свитер⟩*, *писать* *⟨письмо⟩* или *копать* *⟨яму⟩*, есть дополнение, денотат которого в ходе обозначаемой ситуации обычно меняется в количественном плане: чем дольше длится ситуация, тем большей становится часть денотата, включенного в ситуацию. Однако у таких предикатов, как, например, *вспоминать* *⟨встречу⟩*, *убеждать* *⟨собеседника⟩* или *обсуждать* *⟨вопрос⟩*, накопительное соотношение не отмечается. Изменение состояния у этих предикаций не связано с количеством, и тем не менее допускается их интерпретация как Activity-предикации, а в связи с этим возможна перфективация и через делимитативный СД.

Как было показано в [Мелиг 2006: 248—256], такая возможность концептуализировать изменение состояния одновременно как терминативную и нетерминативную имеется всегда, когда деятельность, каузирующую изменение состояния, можно воспринять как гомогенную, т. е. когда деятельность состоит из повторяющихся однородных субситуаций. Это верно для таких предикаций, как *играть сонату* или *заполнять анкету*. Однако у таких предикаций, как *выдавать книгу* или *сажать дерево*, как правило, деятельность, каузирующая изменение состояния, не является гомогенной. Выдача книги, например, в библиотеке, состоит из серии неоднородных субситуаций, образующих более или менее строгую последовательность и в рамках одной ситуации обычно не повторяющихся: снятие книги с полки, регистрация книги, контроль читательского билета и т. д. Тот, кто сажает дерево по пра-

вилам, сначала должен выкопать яму, внести в нее удобрение, полить водой, немного подрезать корни саженца и т. д. Так как деятельность, которая каузирует изменения в приведенных примерах, трудно интерпретировать как гомогенную, данные предикации обычно допускают перфективацию только через парный глагол СВ. Тем не менее, вопрос, допускает ли деятельность, каузирующая изменение состояния, гомогенную интерпретацию, относится в конечном итоге не к лингвистике, а к знаниям о мире. Даже для такой ситуации, как *открывать окно*, для которой, казалось бы, возможность перфективации через делимитативный СД и, следовательно, интерпретация как Activity-предикации исключена, обнаруживаются варианты реализации, когда каузирующую деятельность можно концептуализировать как гомогенную. Если, например, рама разбухла после дождя, то деятельность *открывать окно* может состоять из нескольких однородных попыток открывания, и в этом случае высказывание *Я немного пооткрывал окно, но из этого ничего не вышло* допустимо. Повторяемость однородных попыток можно подчеркнуть эмфазой и повтором делимитативного глагола: *Пооткрывал, пооткрывал я окно, но ничего не вышло*.

Сьюзен Ротштайн на примере предикаций *wiping the table* и *polishing the vase* показала, что в английском языке тоже существует возможность концептуализировать изменения состояния одновременно и как действие, и как деятельность. Из ее анализа с очевидностью следует, что концептуализация обозначаемых этими предикациями ситуаций как Activity возможна при тех же условиях, что и в русском языке, а именно тогда, когда «деятельность, каузирующая изменение состояния, состоит из повторения не разнообразных, а единообразных деятельностей»³. Предикация в форме прогрессива, ср. *Igor was translating a difficult letter and then left*, так же, как и соответствующая предикация с НСВ, ср. [*Игорь был?*] — *Да, сидел, переводил трудное письмо, а потом ушел*, не информирует о том, относится ли перспективация к Accomplishment- или к Activity-предикации. И общность двух языков состоит еще и в том, что эти предикации допускают модификацию только с помощью обстоятельства длительности, но не обстоятельства срока: *Igor was translating a difficult letter for two hours and then left* / *Игорь переводил трудное письмо два часа, а потом ушел*. Английский и русский язык различаются только тем, что перфективация в английском языке является словоизменительной категорией и в связи с этим при перфективации, например, через Simple Form, предикация остается гибридной. Так, при употреблении Simple Form в предло-

³ «In general, I hypothesize that it will be easier to derive activities derived from accomplishments when the activity part of the accomplishment is a simple repetition of a single event type, rather than a complex activity» [Rothstein 2004: 115].

жении *Igor translated a difficult letter* остается неясным, имеем ли мы дело с Accomplishment- или с Activity-предикацией. Разные прочтения этого предложения — как Accomplishment- или как Activity-предикации — зависят от того, какое употребляется обстоятельство: срока или длительности. Если модификация происходит с помощью обстоятельства срока, мы имеем дело с Accomplishment-предикацией: *Igor translated a difficult letter in two hours (and left)*; если она происходит с помощью обстоятельства длительности, тогда перед нами Activity-предикация: *Igor translated a difficult letter for two hours (and left)*. В отличие от английского языка, перфективация в русском языке не является словоизменительной категорией. Поэтому, как мы уже видели, Accomplishment- и Activity-предикации перфективируются разными способами. Возможные прочтения английской гибридной предикации *Igor translated a difficult letter* как Accomplishment- или Activity-предикации в русском языке приходится различать языковыми средствами: когда она относится к Accomplishment-предикации, тогда перфективация происходит посредством парного глагола СВ и предикация в данном случае допускает включение только обстоятельства срока: *Игорь перевел трудное письмо за два часа*. Если же мы имеем дело с Activity-предикацией, тогда перфективация происходит с помощью делимитативного СД и предикация допускает включение только обстоятельства длительности *Игорь попереводил трудное письмо часа два (и ушел)*.

Гибридные предикации, которые перфективируются посредством делимитативного способа действия, относятся только к гомогенной деятельности, каузирующей обозначенное изменение состояния. Поэтому такие предикации не содержат информации о том, достигла ли обозначаемая ситуация своей кульминационной точки. Кульминационная точка, заданная этими предикациями, является нерелевантной. Если такие предикации, как *пообсуждать вопрос* или *попереводить текст*, обычно интерпретируются как обозначение ситуаций, осуществленных только частично, т. е. не достигших кульминационной точки, то это является всего лишь имплицатурой, которая может быть снята.

Итак, становится ясно, что в русском (как и в английском) языке внутри класса Accomplishment-предикаций надо различать два подкласса: с одной стороны, предикации, которые допускают только гетерогенную, т. е. терминативную, интерпретацию и, с другой стороны, гибридные предикации, т. е. такие, которые ассоциируются с гомогенной деятельностью и в силу этого допускают, кроме терминативной, и нетерминативную интерпретацию.

Элементарные предикации, которые при референции к одной ситуации допускают только терминативную интерпретацию, а именно, все Achievement-предикации, например, *бросать камень*, *выдавать книгу* или *прыгать с вышки*, и такие Accomplishment-предикации, с которыми обычно не ассоциируется гомогенная деятельность, например, *сажать дерево* или *переплетать кни-*

гу, допускают рекатегоризацию в акциональности, если они относятся к нескольким ситуациям одного типа. Эта рекатегоризация осуществляется тремя способами, которые располагаются в иерархическом порядке (см. [Mehlig 1996: 101—107]):

1. Временная дистрибутивность. Она имеет место, когда предикация относится к нескольким участникам, которые включаются в обозначаемую ситуацию последовательно: *Врач немного попринимал больных, а потом его вызвали.*
2. Итеративность. Она имеет место, когда предикация относится к повторяющимся ситуациям, которые «суммируются» (образуют некое единство): *Мальчик немного побросал мяч о стену и пошел дальше.*
3. Фреквентативность. Она имеет место, когда предикация с ограниченным количеством участников относится к нескольким временным интервалам, которые «суммируются» (складываются в некое единство): *Принимайте это лекарство по три таблетки вечером, и посмотрим, как вы себя будете чувствовать.*

Если эти повторения не ограничены, происходит *вторичная гомогенизация* (secondary homogenization) соответствующих элементарных предикаций, т. е. они являются нетерминативными и, следовательно, допускают только временное, т. е. квантитативное ограничение посредством делимитативного СД, как иллюстрируют приведенные выше примеры. Далее будет подробно описан низший с иерархической точки зрения способ рекатегоризации, а именно акциональная рекатегоризация Accomplishment- и Achievement-предикаций посредством временной дистрибутивности.

III. Акциональная рекатегоризация Accomplishment- и Achievement-предикаций посредством временной дистрибутивности

Achievement-предикация с внутренним аргументом в единственном числе, например,

- (3) *Когда я вошел, библиотекарь выдавал какому-то студенту книгу,*

если она относится к единичной ситуации, является терминативной. Она не допускает перфективации посредством делимитативного СД. Однако такая перфективация возможна, если внутренний аргумент выражен множественным числом и множественное число интерпретируется не собирательно, а дистрибутивно:

- (4) *Библиотекарь немного повыдавал студентам книги и закрыл библиотеку.*

В собирательной интерпретации книги рассматриваются как единство, которое совокупно участвует в обозначаемой ситуации. В этом случае акциональность предикации не меняется. Мы все еще имеем дело с недуративной терминативной предикацией, т. е. с Achievement-предикацией, которая при собирательной интерпретации множественного числа относится не к единичной книге, а к совокупности книг, которые выдаются как стопка. Если предикация в этой интерпретации модифицируется с помощью обстоятельства длительности, последнее указывает на время продолжения подготовительного этапа, который предшествует самому изменению состояния, в нашем примере это могло бы быть время, необходимое для регистрации книг перед их выдачей.

Однако множественное число в нашем примере допускает и дистрибутивную интерпретацию. Она возникает, когда книги выдаются не одновременно все сразу, а последовательно, поочередно:

(4а) *Библиотекарь часа два выдавал студентам книги, а потом ушел.*

В этой второй интерпретации предикация относится к серии нескольких однородных субситуаций, которые объединены в комплексе, представляющем собой одну макроситуацию. В этом случае происходит рекатегоризация Achievement-предикации в ее акциональности. Мы имеем дело с так называемым *накопительным соотношением* (incremental relation): чем дольше выдаются книги, тем больше становится число выданных книг. Дистрибутивно интерпретируемое дополнение *книги* в данном случае представляет собой *вторичный накопитель* (secondary increment), возникший в результате временной дистрибутивности. При такой интерпретации нашего примера обстоятельство длительности указывает уже не на подготовительный этап, как это происходит в случае собирательной интерпретации множественного числа, а на развивающийся процесс выдачи, в котором книги включаются в ситуацию последовательно. Здесь возможна перфективация не только через парный глагол СВ, но и через делимитативный СД:

(4б) *Библиотекарь выдал студентам книги за два часа.*

(4в) *Библиотекарь часа два повыдавал студентам книги и ушел.*

Временно-дистрибутивная рекатегоризация возможна и тогда, когда прямое дополнение представлено неисчисляемым существительным, так как неисчисляемое существительное обозначает делимый денотат и благодаря этому, так же как и дистрибутивное множественное число, может обозначать несколько участников. В предложении *Я видел, как Игорь бросал песок в воду* временно-дистрибутивная интерпретация имеет место тогда, когда песок бросался в воду не весь сразу, а последовательно. При такой интерпретации

дополнение *песок* представляет собой вторичный накопитель. Рекатегоризация акциональности имеет место, наконец, и в тех случаях, когда дополнение относится не к экземпляру (token), а к типу (type). Для предложения *Библиотекарь немного выдавал новый учебник* это означает, что дополнение *новый учебник* представляет собой вторичный накопитель в том случае, когда мы имеем дело не с конкретным экземпляром нового учебника, а с определенным типом.

Во всех этих примерах интерпретация временно-дистрибутивных предикаций как терминативных или нетерминативных зависит от того, является ли количество участников, включенных в ситуацию, ограниченным или неограниченным. Когда вторичный накопитель не ограничен, эти предикации описывают гомогенную ситуацию. Они соответствуют критерию произвольной подразделимости и, следовательно, являются нетерминативными. Перфективация допускается поэтому только посредством делимитативного СД, который, со своей стороны, совместим только с обстоятельством длительности:

(4г) *Библиотекарь часа два выдавал студентам книги и ушел.*

Перфективация посредством парного глагола СВ возможна только при условии, что вторичный накопитель обозначает ограниченное количество:

(4д) *Библиотекарь выдал студентам книги и ушел.*

При помощи этой перфективации сообщается, что макроситуация, состоящая из ограниченного числа субситуаций, достигла точки кульминации, т. е. все книги выданы. Предикация, перфективированная посредством парного глагола СВ, совместима только с обстоятельством срока:

(4е) *Библиотекарь выдал (все) книги за два часа.*

Описанная выше возможность рекатегоризации по акциональности Achievement-предикаций посредством дистрибутивного распределения нескольких участников, которые последовательно включаются в ситуацию, существует и для Accomplishment-предикаций. Изменение состояния, представленное предикацией *сажать дерево*, как мы видели, обычно не ассоциируется с гомогенной деятельностью. Поэтому при единичной ситуации перфективация посредством делимитативного СД исключается. Однако если эта предикация относится к нескольким участникам — в наших примерах к нескольким деревьям, которые сажают последовательно, — тогда опять происходит рекатегоризация. В этом случае дополнение *деревья* представляет собой вторичный накопитель. И если этот накопитель обозначает неограниченное количество, тогда снова имеет место вторичная гомогенизация, которая допускает только временное ограничение посредством делимитативного СД:

(5) *Игорь часа два посадил деревья, которые мы вчера купили, и ушел.*

Перфективация посредством СВ предполагает, так же как у Achievement-предикаций, что накопитель относится к ограниченному множеству:

(5a) *Игорь посадил деревья за три часа.*

Поэтому в данном примере при употреблении СВ в таких артиклевых языках, как английский или немецкий, дополнение должно быть введено с определенным артиклем или другим указателем определенности:

(5b) *Igor planted / has planted the trees in 3 hours.*

Igor pflanzte die Bäume in 3 Stunden/hat die Bäume in 3 Stunden gepflanzt.

Как было показано, есть элементарные предикации, которые в акциональном плане гибриды. Они могут быть интерпретированы не только как Accomplishment-, но и как Activity-предикации, т. е. как терминативные или нетерминативные. Далее будет показано, при каких условиях предикации с количественно ограниченным вторичным накопителем тоже могут быть гибридными и допускать не только терминативное, но и нетерминативное прочтение, и следовательно, также и перфективацию посредством делимитативного СД. В качестве исходной точки я выбираю так называемое актуально-длительное (синхронное) употребление НСВ, потому что именно на примере такого употребления НСВ сочетаемость его с количественно ограниченными дополнениями хорошо описана, см. [Wierzbicka 1967] для польского языка, [Гловинская 2001; Кошелев 1996; Падучева 1996; Paducheva 1998] для русского языка и [Filip 1999] для чешского языка.

IV. Фокусно-процессное употребление несовершенного вида в предикациях с дополнением, обозначающим ограниченное количество участников

Так называемое актуально-длительное употребление НСВ имеет место, когда НСВ употребляется в процессном значении и при этом предикация относится к временной точке, именуемой в англоязычной лингвистической литературе фокусной точкой (focalization point), т. е. к точке, которая включается в обозначаемую ситуацию. НСВ в таком употреблении соответствует употреблению английского прогрессива как «focalized progressive». Я буду именовать такое употребление НСВ, в соответствии с европейским проектом EUROTYPE 20-6 «Tense and Aspect in the Languages of Europe» [Dahl 2000: 526—538], *фокусно-процессным*, чтобы отличать его от *дуративно-процесс-*

ного⁴ употребления, с которым мы имеем дело тогда, когда НСВ и, соответственно, прогрессивная форма в английском языке в процессуальном употреблении к фокусной точке не относятся, например:

- (6) — *What have you been doing this morning?*
— *I have been translating a difficult letter which came from the consulate.*
(6a) — *Что ты делал сегодня утром?*
— *Я переводил трудное письмо, которое пришло из консульства.*

Первичной фокусной точкой для фокусно-процессного употребления НСВ является момент речи. Для прошедшего и будущего времени можно определить вторичную фокусную точку, например, посредством обстоятельства времени типа *в два часа* или через предикацию в СВ *В два часа / Когда я вошел, Игорь заполнял анкету*. При фокусно-процессном употреблении НСВ обозначаемая ситуация представляется как еще происходящая в фокусной точке, т. е. как уже возникшая, но еще не закончившаяся. Продолжается ли эта ситуация после фокусной точки, никак не выражено. Accomplishment-предикация, которая относится к единичной ситуации, при употреблении НСВ в фокусно-процессной функции обозначает ситуацию, которая в этой точке реализована только частично. А в Achievement-предикации фокусно-процессный НСВ обозначает предстояние или подготовительный этап, которые предшествуют изменению состояния.

При фокусно-процессном употреблении НСВ предикация несовместима с количественно ограниченным накопителем. Для русского языка А. Д. Кошелев [1996: 169] показал это через противопоставление следующих предложений:

- (7) *Маша варит 100 г мяса.*
(8) **Маша ест 100 г мяса.*

Обе предикации имеют прямое дополнение, включающее показатель объема. И обе обозначают изменение состояния, т. е. ситуацию, имеющую кульминационную точку. Однако вне контекста корректным представляется лишь пример (7), потому что в отличие от (8), в нем мы имеем дело не с накопительным соотношением в собственном смысле слова. Предложение (7) описывает изменение состояния, которое относится не к количеству, а к качеству. Мясо надо варить до готовности, а готовность достигается постепенно. Возможное изменение мяса в объеме при варке для данной предикации нерелевантно. Обозначаемое количество мяса (100 г) с самого начала включено в

⁴ [Dahl et al. 2000] употребляют для этого различия термины «focalized progressive» и «durative progressive». Учитывая опасность нежелательных коннотаций термина «прогрессивный» в русском языке, я заменил его на «процессный».

ситуацию целиком. Напротив, в примере (8) мы имеем дело с накопительным соотношением, так как вряд ли можно положить в рот сразу все 100 г мяса. Таким образом, в этой предикации имеется взаимосвязь между протеканием ситуации и количеством съеденного мяса. Мясо съедается постепенно и, таким образом, уменьшается его объем. Съеденное количество мяса, как оно обозначено посредством количественно ограниченного накопителя, можно определить только тогда, когда обозначаемая ситуация завершилась. Однако при фокусно-процессном употреблении НСВ ситуация вводится в рассмотрение до ее возможного завершения. Таким образом, возникает противоречие между фокусно-процессным НСВ, который обозначает ситуацию, реализованную лишь частично, и сообщением о количестве, которое может быть известно лишь по завершении ситуации. Поэтому пример (8) трудно истолковать без специального контекста⁵.

Фокусно-процессное употребление НСВ исключается и для Activity-предикаций с пространственными или временными выражениями меры:

(9) *〈Где Игорь?〉 — *Он бегаёт два километра.*

(10) *〈Когда я пришёл, Игоря не было.〉 *Он бегал два часа.*

И для этих предикаций верно, что окончательная длина или продолжительность обозначаемого действия может быть установлена, только когда оно завершено. Поэтому без последующего контекста не допускается употребление НСВ в фокусно-процессной интерпретации.

Предикации с определенно-количественным дополнением во множественном числе при употреблении фокусно-процессного НСВ имеют такие же ограничения. Без последующего контекста такой пример, как

(11) *〈— Где Игорь? — На кухне.〉 Он варит три яйца, которые я ему дал,*

при фокусно-процессном употреблении НСВ может быть понят только так, что эти три яйца варятся сразу, все вместе, т. е. множественное число получает собирательную интерпретацию. При собирательной интерпретации множественного числа обозначаемая ситуация не квантифицируется. Это означает, что в данном случае накопительное соотношение отсутствует. Эта предикация описывает не три отдельные ситуации, в которых участвуют три яйца, в каждой по одному, а одну ситуацию, в которой участвуют эти три яйца как

⁵ Пример (7), в принципе, тоже может быть истолкован как ситуация с накопительным соотношением, если 100 г мяса варятся не сразу, а отдельными порциями, последовательно. В этой интерпретации дополнение *100 г мяса* тоже оказались вторичным накопителем, и предикация с фокусно-процессным НСВ была бы затруднена вне контекста.

совокупность. НСВ обозначает процесс, который предшествует достижению кульминационной точки и в который все три участника включены одновременно. В отличие от (11), такие Accomplishment-предикации, как

(12) *〈— Где Игорь? — На кухне.〉 Он ест два яйца, которые я ему приготовил.*

(13) *Когда я вошел, Игорь заполнял три анкеты, которые ему дали в посольстве,*

обозначают ситуации, которые нельзя, в строгом смысле, осуществить одновременно. Правда, надо заметить, что и для них, в принципе, аналогично примеру (11), возможна собирательная интерпретация множественного числа. Для примера (12) она была допустима, если бы это был омлет из двух яиц. Без подобного уточнения, однако, обозначаемые ситуации нельзя было бы понять как осуществляемые одновременно и множественное число следует интерпретировать дистрибутивно. При дистрибутивной интерпретации множественного числа предикация обозначает несколько отдельных ситуаций, и наиболее вероятно рассматриваемая предикация интерпретировалась бы таким образом, что эти отдельные ситуации осуществляются последовательно, одна за другой. Тогда мы получили бы накопительное соотношение. Но как раз такая интерпретация при фокусно-процессном НСВ исключена. Вне контекста данные примеры могут быть истолкованы только в том смысле, что эти три ситуации осуществляются параллельно, и ни одна из них в фокусной точке не завершена. В ситуации

(14) — *Где Игорь?*

— *На кухне. Он раскрашивает две картинки, которые ему дали,*

картинки раскрашиваются поочередно, и ни одна из них в фокусной точке не раскрашена до конца. Поэтому в (14а) и (14б) невозможны следующие продолжения диалога:

(14а) *〈— Где Игорь?*

— *На кухне. Он раскрашивает две картинки, которые ему дали.〉*

**Вторую он еще не начал раскрашивать.*

(14б) *〈— Где Игорь?*

— *На кухне. Он раскрашивает две картинки, которые ему дали.〉*

**Первую он уже раскрасил.*

Продолжение диалога (14а) исключено, потому что в этом случае всё выражение должно быть интерпретировано как предикация с накопительным соотношением, что противоречило бы фокусно-процессному НСВ, так как при таком продолжении диалога только одна картинка была бы включена в обо-

значаемый процесс. Однако фокусно-процессный НСВ предполагает, что в фокусной точке уже наличествуют все участники ситуации. Продолжение диалога (14б) невозможно потому, что при употреблении фокусно-процессного НСВ обозначаемая ситуация представляется как уже возникшая, но еще не завершившаяся. Для Accomplishment-предикации это означает, что в фокусной точке описываемые ситуации должны быть осуществлены лишь частично, т. е. каждая из картинок будет раскрашена не до конца.

Предикации с неисчисляемым существительным и определенно-количественным показателем при употреблении фокусно-процессного НСВ также допускают только такую интерпретацию, при которой участники включены в ситуацию параллельно. Предложение

(15) *Когда я вошел, Игорь пил две чашки чая*

нельзя интерпретировать так, что вторая чашка была начата после того, как была выпита первая, его можно понять только таким образом, что чай из чашек пьется поочередно, то из одной, то из другой, и в фокусной точке ни в одной из чашек чай не допит до конца. Таким образом становится ясно, что фокусно-процессный НСВ в предикации с дополнением, обозначающим ограниченное количество участников, относится к каждой отдельной ситуации. Каждая субситуация представлена в фокусной точке в своей процессной фазе, т. е. числительное не находится в сфере действия НСВ, но, наоборот, имеет широкую сферу действия по отношению к НСВ.

Все обсужденные выше примеры как будто подтверждают тезис, не раз сформулированный не только для славянских, но и для других языков: предикация с первичным или вторичным накопителем, где задано количественное ограничение, не допускает процессного представления обозначаемой ситуации. Иными словами, утверждается, что фокусно-процессный НСВ и накопитель с числительными или другими количественными выражениями, являются взаимоисключающими. На самом деле это не соответствует действительности. Есть контексты, в которых все приведенные примеры с дополнением, обозначающим ограниченное количество участников, могут быть поняты в том смысле, что обозначаемые ситуации осуществляются одна за другой и дополнение при этом воспринимается как накопитель. Это всегда имеет место в тех случаях, когда дополнение вводится притяжательным местоимением *свой*, ср. примеры (16) и (16а):

(16) *Игорь на кухне. *Он пьет стакан чая.*

(16а) *Игорь на кухне. Он пьет **свой** стакан чая.*

Это показывает и сопоставление примеров (8) и (8а):

- (8) **Маша ест 100 г мяса.*
(8а) *Маша ест свои 100 г мяса.*

Такой же эффект наблюдается при включении местоимения *свой* во временно-дистрибутивную предикацию с производным вторичным накопителем:

- (12а) ⟨— *Где Игорь? — На кухне.*⟩ *Он ест свои два яйца.*
(15а) *Когда я вошел, Игорь пил свои две чашки чая.*

Эти предикации допускают временно-дистрибутивную интерпретацию и таким образом дополнение может быть воспринято как вторичный накопитель.

Чем объяснить, что при наличии местоимения *свой* эти предикации могут обозначать накопительное соотношение? Причина заключается в том, что употребление притяжательного местоимения *свой* в данном случае указывает на то, что обозначаемая ситуация происходит с известной регулярностью, и благодаря этой регулярности количество участников, обозначаемых накопителем, детерминировано уже до фокусной точки. На самом деле, как показал Р. Деклерк на примере английского языка, ситуация может быть измерена только тогда, когда она завершена, поэтому английский прогрессив не сочетается с количественно ограниченным накопителем. Однако Деклерк добавляет, что употребление английского прогрессива совместно с накопителем, обозначающим ограниченное количество участников, возможно при условии, «если субъект производит деятельность, объем которой заранее известен» [Declerck 1979: 702]. Это положение верно и для употребления фокусно-процессного НСВ. Когда количество участников, обозначаемое накопителем, известно до фокусной точки, тогда допускается употребление фокусно-процессного НСВ.

Знание количества участников не обязательно предполагает, что ситуация происходит регулярно. Это знание может иметь место, в частности, в том случае, если количество участников, обозначенных накопителем, сообщено в предтексте. На это обратила внимание Е. В. Падучева. Она отметила, что фокусно-процессный НСВ может быть употреблен совместно с количественно ограниченным накопителем в тех случаях, когда дополнение сопровождается показателем определенности (marker of definiteness) [Paducheva 1998: 79]. В самом деле, во всех приведенных примерах определенно-количественное дополнение можно интерпретировать как накопитель в тех случаях, когда оно сопровождается указательным местоимением *этот* или *тот*. Это возможно потому, что благодаря этим местоимениям накопитель относится к количеству, которое уже сообщено в предтексте, до фокусной точки. При этом указательное местоимение *этот* указывает на количество, данное экзофорически или эндофорически в ситуации или в предтексте:

(17) *⟨Сегодня утром я дал Игорю два банана.⟩*

*В данный момент он ест **эти** два банана. Вероятно, один он уже съел.*

В отличие от *этот*, указательное местоимение *тот* имеет катафорическую функцию и указывает на информацию, которая находится в придаточной части предложения. Предполагается, что эта информация известна и что она нужна для реидентификации обозначаемого количества участников. Если такое указание есть, то множественное число в вышеупомянутой Achievement-предикации допускает дистрибутивную интерпретацию:

(18) *В данный момент библиотекарь выдает **те** десять книг, которые вчера пришли из другой библиотеки. Две из них он уже выдал.*

Эта предикация описывает несколько субситуаций, которые осуществляются одна за другой, т. е. мы имеем дело с производным накопительным соотношением. Фокусно-процессный НСВ в такой интерпретации относится в целом ко всей совокупности этих субситуаций, и поэтому остается невыраженным, сколько из них уже осуществилось в фокусной точке, как показывает продолжение нашего примера.

Accomplishment-предикации, в отличие от Achievement-предикаций, описывают ситуации с процессным компонентом. Поэтому множественное число, обозначающее ограниченное количество, как мы видели, при фокусно-процессном употреблении НСВ допускает дистрибутивную интерпретацию и в том случае, когда обозначаемое количество неизвестно. Однако НСВ в таком случае относится дистрибутивно к каждой из субситуаций. Как мы видели, взятая вне контекста предикация

(19) *Когда я вошел, Игорь раскрашивал две картинки*

понимается в том смысле, что обе картинки вместе включены в обозначаемую ситуацию и в фокусной точке ни одна из них не завершена. Но в том случае, когда накопитель относится к количеству, которое заранее известно экзофорически или эндофорически из ситуации или предтекста, то Accomplishment-предикация может обозначать и накопительное соотношение, т. е. может быть понята так, что эти две картинки раскрашиваются последовательно, раскрашивание второй начинается после того, как закончилось раскрашивание первой. И опять НСВ относится в таком случае уже не к каждой субситуации в отдельности, а ко всей совокупности этих субситуаций как целому. При такой интерпретации не выражено, сколько из этих перечисленных субситуаций в фокусной точке уже включено в макроситуацию. Это иллюстрирует продолжение текста:

(19a) *⟨Когда я вошел, Игорь раскрашивал **те** две картинки, которые я ему дал.⟩ Вторую он еще не начал раскрашивать.*

Из сказанного следует, что Accomplishment-предикация, которая относится к нескольким участникам с уже известными количественными характеристиками, при дистрибутивном множественном числе имеет две интерпретации. Такая предикация, как

(20) *В данный момент Игорь переводит **те** три письма, которые он получил из посольства.*

может относиться к трем субситуациям, которые осуществляются параллельно. Тогда она не обозначает накопительное соотношение. В этой интерпретации, которая возможна и тогда, когда количество обозначаемых участников неизвестно, фокусно-процессный НСВ относится дистрибутивно к каждой из этих трех субситуаций. Все субситуации представлены как происходящие в фокусной точке, и ни одна из них в этой точке не является завершённой. С другой стороны, эта предикация может относиться и к трем субситуациям, которые осуществляются не одновременно, а одна за другой, т. е. вторая начинается после того, как завершается первая. Такая интерпретация предполагает, что количество участников, включенных в макроситуацию, в фокусной точке уже детерминировано. В этом случае фокусно-процессный НСВ относится к совокупности всех субситуаций и остается неизвестным, сколько писем в фокусной точке уже переведено.

Таким образом, предикации с накопителем, обозначающим ограниченное количество участников, допускают употребление фокусно-процессного НСВ тогда, когда их количество в фокусной точке уже известно. Теперь вернемся к вопросу, который был поставлен в начале статьи: допускает ли предикация с накопителем, включающим показатель количества или меры, также и нетерминативную интерпретацию, а значит, и перфективацию через делимитативный СД?

V. Дуративно-процессное употребление несовершенного вида в предикациях с дополнением, обозначающим ограниченное количество участников

Предикации с *фокусно-процессным* НСВ обозначают ситуации, которые в фокусной точке осуществлены лишь частично. Однако НСВ в так называемом процессуальном значении не ограничивается лишь *фокусно-процессным* употреблением. Наряду с *фокусно-процессным* употреблением существует еще и другое употребление процессного НСВ, которое я, в соответствии с уже

упомянутым европейским проектом EUROTYP 20-6 [Dahl 2000: 526—538], буду называть *дуративно-процессным*⁶. Различие между этими двумя употреблениями НСВ можно проиллюстрировать двумя следующими примерами:

(21) *Когда я вернулся, Игорь раскрашивал картинку.*

(22) *Сегодня утром Игорь раскрашивал картинку.*

В примере (21) представлено фокусно-процессное употребление НСВ. Придаточное времени в СВ имеет двойную функцию. Оно не только локализует во времени обозначаемую ситуацию, но вместе с этим задает фокусную точку, к которой обозначаемая ситуация отнесена. Обозначается ситуация, которая осуществляется в фокусной точке и таким образом включает ее, т. е. ситуация осуществлена в фокусной точке лишь частично. При перфективации данной предикации имеет место вместе с изменением перспективации также и сдвиг во временной ориентации. Обозначаемая ситуация тогда расположена не в точке временной ориентации, определяемой в придаточной части *когда я вернулся*, а до нее. Придаточное времени *когда я вернулся* в данном случае уже не является фокусной точкой, а только точкой временной локализации:

(21a) *Когда я вернулся, Игорь уже раскрасил картинку.*

Напротив, в примере (22) мы наблюдаем дуративно-процессное употребление НСВ. обстоятельство времени *сегодня утром* задает только временную рамку, которая включает ситуацию, представленную в НСВ. В нашем примере предикация с НСВ обозначает ситуацию, которая продолжалась неопределенное время в течение обозначенного интервала *сегодня утром*. В отличие от (21), при дуративно-процессном НСВ остается невыраженным, была ли завершена обозначаемая ситуация в рамках указанного интервала⁷. Предикация с дуративно-процессным НСВ может обозначать и ситуацию, которая достигла своего завершения, и ситуацию, которая его не достигла. Это иллюстрируют возможные продолжения примера:

⁶ Дуративно-процессное употребление НСВ надо отличать от дуративно-скоростного. С последним мы имеем дело тогда, когда сообщается о том, с какой скоростью осуществлялась ситуация, т. е. когда налицо взаимозависимость между количеством участников, включенных в ситуацию, и протяженностью ситуации: *Представь себе! Одну книгу он выдавал целый час!* Дуративно-скоростные предикации не допускают перфективации через делимитативный СД.

⁷ Это наблюдение относится и к английскому прогрессиву в дуративно-процессном употреблении. Предикация *Last year / When I was in Boston, John was writing a book* 'В прошлом году / Когда я был в Бостоне, Джон писал книгу' никакой информации о том, было ли завершено написание книги в течение обозначенного времени, не дает, см. [Mittwoch 1988: 229].

- (22a) *⟨Сегодня утром Игорь раскрашивал картинку.⟩*
Он раскрасил ее до конца.
Он ее до конца не раскрасил.

И в будущем времени также необходимо различать фокусно-процессное и дуративно-процессное употребление НСВ:

- (23) *Когда ты придешь, я буду переводить текст, который пришел из консульства.*
(24) *Завтра утром я буду переводить текст, который пришел из консульства.*

В примере (23) ситуация, обозначенная предикацией с НСВ, относится к фокусной точке, определяемой в придаточной части *когда ты придешь*. Временной план ситуации, обозначенной в главной части НСВ, включает в себя эту фокусную точку. Предикация в данном случае обозначает ситуацию, которая осуществлена в фокусной точке лишь частично. Когда в примере (23) вместо НСВ употребляется СВ, тогда с изменением вида опять меняется временная локализация обозначаемой ситуации: ситуация локализована не одновременно с точкой, представленной в придаточной части *когда ты придешь*, а до нее. Придаточная часть *когда ты придешь* в данном случае уже не является фокусной точкой, а только точкой временной локализации:

- (23a) *Я уже переведу текст, когда ты придешь.*

В примере (24), однако, мы имеем дело с дуративно-процессным употреблением НСВ. Обстоятельство времени *завтра утром* служит только временной рамкой, которая включает в себя представленную в НСВ ситуацию. Эта предикация описывает ситуацию, которая в обозначенном интервале продолжалась неопределенное время, и остается невыраженным, будет ли завершена эта ситуация в течение обозначенного интервала. В нашем примере остается неясным, будет ли переведен текст до конца в течение интервала *завтра утром*.

Поскольку при дуративно-процессном НСВ, в отличие от фокусно-процессного НСВ, остается невыраженным, были ли обозначаемые ситуации завершены в течение обозначаемого интервала времени, ситуации, которые завершены, в дуративном контексте допускают представление и в СВ. Терминативные предикации перфективируются посредством парного глагола СВ, нетерминативные — посредством делимитативного СД. Для элементарных предикаций, которые являются гибридными в акциональном плане, как в наших примерах *раскрашивать картинку* и *переводить текст*, имеются обе возможности:

- (21б) *Сегодня утром Игорь раскрасил картинку и пошел играть.*
 (22а) *Завтра утром я переведу текст, который пришел из консульства, и пойду в институт.*
 (21в) *Сегодня утром Игорь немного пораскрашивал картинку и пошел играть.*
 (22б) *Завтра утром я некоторое время поперевожу текст, который пришел из консульства, и пойду в институт.*

При перфективации через парный глагол СВ однозначно сообщается о том, что обозначаемая ситуация в указанном интервале времени достигла (21б) или достигнет (22а) своей кульминационной точки. При перфективации через делимитативный СД эти предикации относятся только к гомогенной деятельности, каузирующей изменение состояния, и при этом сообщается о том, что деятельность в указанном интервале времени была (21в) или будет (22б) завершена. Достигли или достигнут ли эти ситуации также своей кульминационной точки при перфективации через делимитативный СД, остается невыраженным.

Из сказанного следует, что предикации, в которых употребляется НСВ в фокусно-процессной интерпретации, описывают ситуацию, которая в фокусной точке осуществлена лишь частично. В отличие от этого, при употреблении НСВ в дуративно-процессной интерпретации остается неясным, завершены ли обозначаемые ситуации в указанном интервале времени. Отсюда следует, что терминативные предикации, описывающие ситуации, которые в указанном интервале *не* достигли кульминационной точки, обязательно требуют употребления НСВ. Однако ситуации, которые достигли точки кульминации, в дуративном контексте допускают употребление СВ и НСВ, потому что при употреблении НСВ в дуративно-процессной интерпретации остается невыраженным, достигла ли обозначаемая ситуация кульминационной точки, т. е. достижение этой точки не исключено. Таким образом, для ситуаций, которые достигли точки кульминации, возникает известная возможность видовой перспективации: при употреблении парного глагола СВ (25) обозначается достижение точки кульминации, т. е. результата, а при употреблении НСВ (26) — процессная фаза обозначаемой ситуации. При этом ситуация вполне могла бы быть завершена:

- (25) — *Вы нашли новое место для пианино?*
 — *Да, мы его передвинули.*
 (26) — *Что это был за шум вчера за стеной?*
 — *Наши соседи передвигали пианино.*

Говорящий, однако, не совсем свободен в выборе перспективы. В примере (26) употребляется НСВ, потому что причину шума более естественно объяснить процессом передвижения пианино, чем результатом этого передвижения.

Обратимся теперь к вопросу о том, при каких условиях возможно употребление дуративно-процессного НСВ в предикациях, в которых имеется вторичный накопитель с выражениями количества. Как мы видели, НСВ в фокусно-процессном употреблении совместим с таким накопителем только при условии, что количество участников в фокусной точке уже известно. Это относится и к НСВ в дуративно-процессном употреблении. Вне контекста в таком примере, как

(27) *Вчера я переводил три письма, которые пришли из посольства*

мы не наблюдаем накопительного соотношения, так как НСВ в этом примере относится к каждой ситуации в отдельности и все перечисленные субситуации должны быть включены в обозначаемую макроситуацию параллельно. Без дальнейшего контекста такое продолжение, как

(28) *⟨Вчера я переводил три письма, которые пришли из посольства.⟩*

**Последнее я еще не начал переводить*

невозможно. Однако этот пример может быть интерпретирован как предикация с накопительным соотношением тогда, когда количество участников заранее уже известно. Поэтому пример (28) представляет собой логически связный текст в том случае, когда дополнение сопровождается указательным местоимением. В этом случае дополнение относится к количеству известному заранее экзофорически или эндофорически из ситуации или предтекста. И, таким образом, возможна интерпретация с накопительным соотношением:

(28a) *Вчера я всего полчаса переводил **те** три письма, которые пришли из посольства. Поэтому последнее я еще даже не начал переводить.*

При интерпретации данного примера как предикации с накопительным соотношением дуративно-процессный НСВ не относится к каждой отдельной перечисленной субситуации, но относится к совокупности всех ситуаций в целом, т. е. к сумме всех субситуаций. И таким образом, как показывает продолжение примера (28a), остается неясным, сколько из перечисленных участников было включено в макроситуацию, представляющую собой совокупность субситуаций.

Таким образом, для Accomplishment-предикаций с дополнением, обозначающим количество, которое заранее известно, при дуративно-процессном НСВ, так же как и при фокусно-процессном НСВ, возможны два различных прочтения — с не-накопительным и накопительным соотношением. В первом случае НСВ относится к каждой субситуации в отдельности:

(29) *⟨В гостинице на втором этаже десять номеров.⟩ Горничная всего час убирала их (= эти десять номеров), а потом получила другое задание. Поэтому последние два она до конца не убирала.*

Во втором случае НСВ относится к совокупности всех субситуаций, и при этом остается неизвестным, сколько из перечисленных участников, т. е. сколько номеров, было включено в обозначаемую макроситуацию. Отсутствие информации о количестве включенных в макроситуацию участников показывает продолжение примера:

- (30) *⟨В гостинице на втором этаже десять номеров.⟩ Горничная всего час убирала их (= эти десять номеров), а потом получила другое задание. Поэтому она так и не начала убирать последние два номера.*

VI. Перфективация предикаций с дополнением, обозначающим ограниченное количество участников, посредством делимитативного способа действия

В принципе, можно было бы ожидать, что предикации с количественно ограниченным накопителем допускают только терминативную интерпретацию. Если ограниченное число участников не одновременно включаются в ситуацию, требование произвольной подразделимости остается невыполненным, так как при разделении мы получаем количественно неравные части. Однако на самом деле такие предикации допускают и нетерминативную интерпретацию, а таким образом и перфективацию посредством делимитативного СД, ср. следующие примеры:

- (31) *⟨Мы дали Игорю тридцать книг.⟩ Он минут десять повыдавал их (= эти 30 книг) и ушел.*
 (32) *⟨Игорь получил в наследство от отца более двухсот писем и очень много фотографий.⟩ Сегодня он часа два повыбрасывал эти письма и принялся за фотографии.*

В этих примерах анафорическое местоимение *их* и дополнение *эти письма* относятся к участникам, которые уже введены в предтексте. Поэтому дополнение допускает интерпретацию как вторичный накопитель, и предикации, таким образом, получают временно-дистрибутивную интерпретацию. Они обозначают ситуации, имеющие кульминационную точку и в связи с этим гетерогенные во временном плане, а значит, не соответствующие требованию произвольной подразделимости. И все-таки, как показывают наши примеры, перфективация посредством делимитативного СД допускается, хотя, как было показано выше, она возможна только по отношению к ситуациям, концептуализируемым как гомогенные во временном плане, т. е. как нетерминативные. Таким образом, здесь такое же положение дел, какое мы наблюдали при

рассмотрении элементарных гибридных предикаций вида *заполнять анкету* или *раскрашивать картинку*. Эти изменения состояния также характеризуются тем, что они допускают концептуализацию не только как действие, а значит, как терминативные, но и как деятельность, а значит, как нетерминативные. Как мы видели, у элементарных предикаций нетерминативная концептуализация возможна только при условии, что деятельность, каузирующая изменение состояния, является гомогенной. Это верно и для предикаций с вторичным ограниченным накопителем. Эти предикации допускают гомогенную интерпретацию, потому что деятельность, каузирующая обозначаемое изменение состояния, состоит из повторения более или менее идентичных субситуаций. Накопительное соотношение *выдавать студентам тридцать книг* состоит из нескольких выдач каждый раз одной или нескольких книг. Аналогичным образом, такая предикация, как *выбрасывать более двухсот писем*, во временно-дистрибутивной интерпретации предполагает, что несколько раз выбрасывают одно или несколько писем, и, следовательно, представлена деятельность, состоящая из более или менее идентичных фаз. Поэтому предикации с вторичным количественно ограниченным накопителем являются гибридными и допускают перфективацию не только посредством парного глагола СВ, но и посредством делимитативного СД, ср. следующие примеры:

(31a) *⟨Мы дали Игорю тридцать книг.⟩ Он **выдал** их (= эти тридцать книг) за **десять минут** и ушел.*

(31б) *⟨Мы дали Игорю тридцать книг.⟩ Он **повыдавал** их (= эти тридцать книг) **минут десять** и ушел.*

При перфективации посредством парного глагола СВ (31a) в принципе остается открытым вопрос, имеем ли мы дело с элементарной предикацией (собирательная интерпретация множественного числа) или с предикацией с вторичным накопителем (дистрибутивная интерпретация множественного числа), так как в этом случае релевантным является только достижение кульминационной точки. Если, однако, перфективация осуществляется посредством делимитативного способа действия, то дополнение *книги* следует интерпретировать только дистрибутивно и, значит, как вторичный накопитель, поскольку именно при дистрибутивной интерпретации предикация относится к гомогенной деятельности. При перфективации посредством делимитативного способа действия предикация относится только к гомогенной деятельности, каузирующей изменение состояния и ограниченной во временном плане. Так как эти предикации относятся к деятельности, а не к изменению состояния, то остается невыраженным, сколько из перечисленных участников включено в обозначаемую ситуацию; ср. возможные продолжения диалога:

(31в) — *Мы дали Игорю тридцать книг. Он повыдавал их минут десять и ушел.*

— *Он все выдал?*

— *Да, все. / — Нет, вроде половину.*

Если предикация (31в) понимается таким образом, что обозначаемая ситуация не достигла своей кульминационной точки, т. е. что были выданы не все книги, то мы имеем дело с имплицатурой, которая, несмотря на то, что является достаточно строгой, может быть, тем не менее, снята, как видно из приведенного продолжения диалога.

Мы намеренно выбрали два примера, в которых дополнение относится к относительно большому количеству. Если бы дополнение относилось к небольшому количеству, перфективация посредством делимитативного СД вряд ли была бы возможна. Причины могут быть разные. Такая предикация, как *выбрасывать пять писем*, исходя из нашего знания о мире обычно понимается как выбрасывание пяти писем сразу, т. е. множественное число интерпретируется собирательно и дополнение не является вторичным накопителем. В этом случае мы имеем дело с Achievement-предикацией, описывающей единичную ситуацию, и, таким образом, перфективация посредством делимитативного способа действия исключена. Но даже тогда, когда множественное число *пять писем* интерпретируется дистрибутивно и, значит, мы имеем дело с вторичным накопителем, данная макроситуация не обязательно предполагает гомогенную деятельность, так как каждый раз не обязательно должно выбрасываться одно письмо. Количество выбрасываемых каждый раз писем может меняться. Поэтому при отнесении предикации к небольшому количеству условие гомогенности не обязательно выполняется.

Хотелось бы отметить еще один момент. Как было показано, элементарные изменения состояния, обозначаемые Accomplishment-предикацией, например, *обсуждать вопрос, раскрашивать картинку или заполнять анкету*, на основе наших знаний о мире ассоциируются с гомогенной деятельностью и вследствие этого допускают концептуализацию и как Activity-предикации. Таким образом, допускается также перфективация посредством делимитативного СД:

(33) *Депутаты обсудили первый вопрос за десять минут.*

(34) *Депутаты пообсуждали первый вопрос минут десять и закрыли собрание.*

Для таких гибридных элементарных предикаций — и только для них, — если они перфективируются посредством делимитативного СД, при наличии дополнения, обозначающего ограниченное количество, возникают две различные интерпретации:

(34а) *⟨В повестку дня входило пять вопросов.⟩ Депутаты немного пообсуждали эти вопросы и закрыли собрание.*

Если, как в примере (34а), количество участников, включенных в ситуацию, известно, то перфективация посредством делимитативного СД может относиться к макроситуации, т. е. к совокупности всех субситуаций. В этом случае мы имеем дело с накопительным соотношением, и это значит, что остается неизвестным, сколько вопросов находилось в процессе обсуждения:

(34б) *Депутаты пообсуждали эти вопросы всего полчаса и закрыли собрание. Правда, обсудили не все. До двух последних не дошли. / Обсудили, несмотря на лимит времени, все.*

Перфективация посредством делимитативного СД может, однако, относиться и дистрибутивно к каждой из перечисленных субситуаций, что, в отличие от накопительной интерпретации, не предполагает, что объем участников, включенных в ситуацию, должен быть заранее известен. В этой второй интерпретации наш пример сообщает о том, что все перечисленные участники какое-то время были включены в ситуацию, но при этом остается невыраженным, сколько из участников достигло своего завершения. Это означает, что все вопросы обсуждались в течение какого-то времени, но не сообщается о том, сколько из них было обсуждено до конца:

(34в) *Депутаты пообсуждали эти вопросы всего полчаса и закрыли собрание. Обсудили до конца всего три вопроса.*

В данном случае делимитативный СД относится дистрибутивно к каждой из перечисленных субситуаций, т. е. числительное, сопровождающее прямое дополнение, имеет широкую сферу действия по отношению к делимитативному СД. Для Achievement-предикаций вторая интерпретация, в которой делимитативный СД относится к каждой из перечисленных ситуаций в отдельности, исключена, так как они не имеют процессного компонента. Для таких Accomplishment-предикаций, как *сажать дерево* или *переплетать книгу*, она также невозможна, потому что обозначаемые этими Accomplishment-предикациями ситуации, как правило, не ассоциируются с гомогенной деятельностью. Поэтому такой пример, как

(35) **Игорь немного повыбрасывал письма, но ни одного не выбросил,*

лишен смысла и для него не существует никаких интерпретаций. Предикация *выбрасывать письма* допускает перфективацию посредством делимитативного способа действия только тогда, когда налицо накопительное соотношение, но это означает, что хотя бы одно письмо уже должно было быть выброшено. В отличие от (35), пример (36) вполне приемлем:

(36) *Игорь немного позаполнял анкеты, но ни одной не заполнил.*

Элементарная предикация *заполнять анкету* является гибридной и, таким образом, допускает не только терминативную, но и нетерминативную интерпретацию. Поэтому в примере (36) делимитативный СД может относиться к каждой отдельной субситуации обозначенной макроситуации. Такой возможности для Achievement-предикаций и таких Accomplishment-предикаций, с которыми не ассоциируется гомогенная деятельность, не существует.

Выводы

1. Для описания категории вида в русском языке различие между видовым и акциональным ограничением имеет фундаментальное значение. Терминативные предикации описывают изменение состояния, т. е. ситуации, имеющие кульминационную точку и в связи с этим во временном плане гетерогенные, не отвечающие требованиям критерия произвольной подразделимости. Терминативные предикации в русском языке, как правило, имеют в своем распоряжении парный глагол СВ, позволяющий обозначать достижение кульминационной точки обозначаемой ситуации. Нетерминативные предикации, напротив, описывают во временном плане гомогенную ситуацию, которая отвечает требованию критерия произвольной подразделимости. Они допускают перфективацию, если она вообще возможна, только посредством «аспектуальных» способов действия.

2. В русском языке имеются предикации, которые являются в акциональном плане гибридными, т. е. предикации, которые допускают терминативную и нетерминативную интерпретации. Это всегда имеет место, если деятельность, которая каузирует обозначаемое изменение ситуации, можно воспринять как гомогенную, т. е. если деятельность состоит из повторяющихся, однородных субситуаций. Гибридные предикации допускают перфективацию как посредством парного глагола СВ, так и посредством делимитативного способа действия.

3. Классификация предикаций как терминативных или нетерминативных связана не только с глагольной семантикой. Элементарные терминативные предикации могут быть рекатегоризированы в их акциональности посредством референции к нескольким событиям. Одной из этих возможностей является временная дистрибутивность. Временная дистрибутивность имеет место, когда дополнение относится к нескольким участникам, которые включаются в обозначаемую ситуацию не одновременно. В случае такой рекатегоризации

мы имеем дело с накопительным соотношением второго порядка, т. е. дополнение является производным и, таким образом, вторичным накопителем.

4. Прямое дополнение, имеющее показатели количества или меры, при употреблении НСВ в процессной функции может интерпретироваться как вторичный накопитель только тогда, когда количество обозначаемых участников известно из предтекста или ситуации. В таком случае процессный НСВ относится совокупно к сумме обозначаемых субситуаций, и при этом остается невыраженным, сколько из этих субситуаций включено в макроситуацию.

5. Когда вторичный накопитель относится к участникам, количественно не ограниченным, тогда соответственные предикации являются нетерминативными. Они допускают перфективацию только через делимитативный СД.

6. Временно-дистрибутивные предикации с вторичным количественно ограниченным накопителем всегда имплицитно подразумевают однородную деятельность, каузирующую обозначаемое изменение состояния. Тем самым они являются в акциональном плане гибридными и допускают не только терминативную, но и нетерминативную интерпретацию и вследствие этого перфективацию как посредством парного глагола СВ, так и делимитативного СД.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. *Апресян*. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Избр. труды. Т. 2. М., 1995. С. 219—241.
- Гак 1997 — В. Г. *Гак*. Ответы на вопросы аспектологической анкеты филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филол. фак-та МГУ. Т. 2 / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М., 1997. С. 151—153.
- Гловинская 2001 — М. Я. *Гловинская*. Многозначность и синонимия в видовременной системе русского языка. М., 2001.
- Кошелев 1996 — А. Д. *Кошелев*. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996. С. 82—194.
- Маслов 1948/2004 — Ю. С. *Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю. С. *Маслов*. Избр. труды. М., 2004.
- Мелиг 2006 — Х. Р. *Мелиг*. Глагольный вид и вторичная гомогенизация обозначаемой ситуации посредством квантификации: К употреблению делимитативного способа действия в русском языке // Семантика и структура славянского вида, IV: Сб. мат-лов конф. «Славянский вид и лексикография», Universität Hamburg 2001 / V. Lehmann (ed.). München, 2006. С. 232—273. (*Slavolinguistica*; 7).
- Падучева 1996 — Е. В. *Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. *Падучева*. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопр. языкознания. 2004. № 5. С. 46—57.

- Парти 1997 — *Б. Парти*. Вид и интерпретация именных групп // Тр. аспектологического семинара филол. фак-та МГУ. Т. 3 / Отв. ред. М. Ю. Черткова. М., 1997. С. 121—140.
- Петрухина 2000 — *Е. В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Розина 2005 — *Р. И. Розина*. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М., 2005.
- Татевосов 2005 — *С. Г. Татевосов*. Акциональность: типология и теория // Вопр. языкознания. 2005. № 1. С. 108—141.
- Шелякин 1983 — *М. А. Шелякин*. Категория вида и способы действия русского глагола: Теоретические основы. Таллин, 1983.
- Anstatt 2001 — *T. Anstatt*. Die Quantelung des zweiten Arguments im Russischen. Der Typus s'est' jabloko — poest' supu // Linguistische Beiträge zur Slavistik. IX. München, 2001. S. 7—30.
- Bertinetto, Squartini 1995 — *P. M. Bertinetto, M. Squartini*. An attempt at defining the class of 'gradual completion verbs' // *P. M. Bertinetto et al.* (eds.). Temporal Reference, Aspect and Actionality. Vol. 1: Semantic and Syntactic Perspectives. Torino, 1995. P. 11—26.
- Breu 2000 — *W. Breu*. Der Verbalaspekt in der obersorbischen Umgangssprache im Rahmen des ILA-Modells // *W. Breu* (Hrsg.). Slavistische Linguistik. 1999. München, 2000. S. 37—76.
- Bogusławski 2004 — *A. Bogusławski*. Small is beautiful: A note on verbs of small events // Типологические обоснования в грамматике / Отв. ред. А. П. Володин. М., 2004. С. 61—75.
- Dahl (ed.) 2000 — *Ö. Dahl* (ed.). Tense and Aspect in the languages of Europe [Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20-6]. Berlin; N. Y., 2000.
- Declerck 1979 — *R. Declerck*. Aspect and the bounded/unbounded (telic/atelic) distinction // *Linguistics*. 17. 1979. P. 761—794.
- Depraetere 1995 — *I. Depraetere*. The effect of temporal adverbials on (a)telicity and (un)boundedness // *P. M. Bertinetto et al.* (eds.). Temporal Reference, Aspect and Actionality. Vol. 1: Semantic and Syntactic Perspectives. Torino, 1995. P. 43—53.
- Dowty 1991 — *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. Vol. 67 (3). 1991. P. 547—619.
- Filip 1999 — *H. Filip*. Aspect, eventuality types and nominal reference. N. Y.; London, 1999.
- Krifka 1989 — *M. Krifka*. Nominalreferenz und Zeitkonstitution. München, 1989.
- Lehmann 1999 — *V. Lehmann*. Aspekt // *H. Jachnow* (Hrsg.). Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden, 1999. S. 214—242.
- Mehlig 1981/1985 — *H. R. Mehlig*. Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen. Zur Verbalklassifikation von Zeno Vendler // *P. Hill, V. Lehmann* (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1980. München, 1981/1985. P. 95—151. (Slavistische Beiträge; 147). (Сокр. перев.: Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. М., 1985. С. 227—249).
- Mehlig 1988 — *H. R. Mehlig*. Verbalaspekt und Determination // *J. Raecke* (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1987. München, 1988. S. 234—296.

- Mehlig 1996 — *H. R. Mehlig*. Some analogies between the morphology of nouns and the morphology of Aspect in Russian // *Folia Linguistica*. XXX. 1996. P. 87—109.
- Mittwoch 1988 — *A. Mittwoch*. Aspects of English Aspect: On the interaction of perfect, progressive and durational phrases // *Linguistics and Philosophy*. 11. 1988. P. 203—254.
- Nübler 1992 — *N. Nübler*. Untersuchungen zu Aktionsart und Aspekt im Russischen und Tschechischen. Regensburg, 1992.
- Paducheva 1998 — *E. Paducheva*. On non-compatibility of Partitive and Imperfective in Russian // *Theoretical Linguistics*. Vol. 24. 1. 1998. P. 73—82.
- Rothstein 2004 — *S. Rothstein*. Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect. Oxford, 2004. (Explorations in Semantics; 2).
- Schlegel 2000 — *H. Schlegel*. Der aspektuale Bezugsmoment als linguistische Grundlage für die Beschreibung und Vermittlung des russischen Verbalaspekts. München, 2000. (*Specimina Philologiae Slavicae*; 130).
- Sémon 1986 — *J.-P. Sémon*. *Postojat'* ou la perfectivité de congruence, definition et valeurs textuelles // *Revue des études slaves*. LVIII (4). 1986. P. 609—635.
- Vendler 1957/1967 — *Z. Vendler*. Verbs and Times // *Z. Vendler*. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; London, 1967. P. 97—121.
- Wierzbicka 1967 — *A. Wierzbicka*. On the semantics of the Verbal Aspect in Polish // *To honour of Roman Jakobson*. The Hague; Paris, 1967. P. 2231—2249.

ПОНИМАНИЕ — НЕ-, НЕДО-, СВЕРХ-ПОНИМАНИЕ

М. Михеев

Н. Н. (сыну): Просила работяг ерунду — подправить ножки у дивана и вытащить гвоздь. Они деньги взяли приличные, а гвоздь оставили. Как можно было не понять простую просьбу?

Сын (12 лет): А я вообще не понимаю, как это люди иногда ухитряются понимать друг друга. У вас же разные цели. Им нужны деньги и чтобы поменьше работать, а тебе нужно спать на кровати без гвоздя. Зачем им тебя понимать?¹

Разве- и Почему-вопросы при чтении

При понимании чужого высказывания возникающие у слушателя *недоуменные* вопросы по большей части можно разделить на две группы. Первая из них — это *?-почему* вопросы, или *заинтересованные* вопросы, направленные к продолжению диалога с говорящим (автором), когда я (читатель или слушатель) в целом *согласен* с представлением проблемы в воспринятом тексте, она близка мне по своим исходным посылкам. Я как раз только что или недавно думал на эту тему и готов высказать что-то в том же роде, но — не *разделяю* или *готов поспорить/не могу взять в толк/хотел бы уточнить* — некоторые частности. Их можно обозначить следующим образом: *Что это у вас за странные положения (а, b, c)?* — по данным пунктам я располагаю сведениями отчасти *противоречащими* приведенным у автора и хочу уяснить для себя отдельные подробности, тогда как в общем скорее согласен с самой

¹ Этот эпиграф любезно предоставлен мне Н. Н. Леонтьевой. Благодарю также Артемия Котова и Савву Михеева за предварительное обсуждения статьи в рукописи и сделанные ими замечания. Работа в целом поддерживается грантом РГНФ 07-04-00338а.

постановкой вопроса, одобряю ее, она мне близка. Но знания мои в некоторых деталях все же расходятся с авторскими и, как я полагаю, *дополняют* рассматриваемую проблему, причем могут быть полезны собеседнику, расширяют его горизонт: ему следовало бы принять их в расчет (они полезны и мне самому — когда я откладываю вопрос для себя *на потом*). Я считаю вполне вероятным, что автор текста способен разрешить мои сомнения (или только *был бы* способен это сделать — в случае, когда наше общение разорвано, как при чтении книги). Он бы мог восполнить мое частное незнание, поскольку находится *внутри* проблемы, так сказать, *погружен* в нее, выступает для меня свидетелем, экспертом, «очевидцем» в данном вопросе. Я безусловно уважаю мнение автора как своего собеседника и готов ценить выше собственного. Он располагает для меня дополнительными знаниями на данную тему — а именно, знаниями того, *как*, а не только того, *что* произошло (то есть реальным знанием «по знакомству», а не только «по описанию» — Б. Рассел). В своем тексте, как я предполагаю, автор просто что-то недосказал, выразился не совсем точно, не так сформулировал, не на том расставил акценты. Формулируя свой вопрос, я сознательно ставлю себя в положение ученика, которому не грех в данном случае *поучиться* у автора как у авторитета, что может быть, конечно, игрой и преувеличением. Но этого требуют соображения вежливости и сам жанр устного вопроса. Когда мой вопрос остается невысказанным, пребывая только своеобразной «закладкой» в тексте книги, в ожидании обращения к себе в следующий раз, исходный контекст истолкования может со временем перемениться — вот тогда вопрос сам собой получает субъективное разрешение. Собственно, в идеале это и есть искомая награда всякому читателю, однако, не получая ее, можно сколько угодно томиться в бесплодных сомнениях: *да есть ли во всем том, что я сейчас прочел (услышал), хоть какой-то смысл?* Для собеседника в нашем вопросе, как правило, содержится подсказка: мы честно, без задней мысли устанавливаем обратную связь с ним, имея в виду улучшить его текст, точнее выразить заинтересовавшую нас как слушателя мысль — это диалогически конструктивный, с нашей точки зрения, вклад в «чужое» слово.

Вторая группа вопросов — вопросы с подковыркой, иронические, или *разве* вопросы, иногда находящиеся на грани, даже с риском разрыва диалога (а следственно, и разрыва отношений с собеседником), то есть *возмущенные, полемически* заостренные, агрессивные, вопросы-возражения. В ритуализованной форме публичной дискуссии их принято помещать в раздел *высказываний*, или *замечаний* после доклада.

Грань, разделяющая первые со вторыми, конечно, довольно тонка. Первые, *?-почему* вопросы, можно считать относящимися к диктуму, а вторые, *¿-разве* вопросы, — к модусу высказывания (Н. Д. Арутюнова). При этом са-

мые острые из критических реплик, очевидно, вообще не должны, по идее, озвучиваться (они могут не проговариваться даже и про себя, при достаточно серьезной внутренней цензуре). Сюда следует поместить те «риторические» вопросы, когда задающий их слушатель уверен: правильный ответ давно лежит у него «в кармане», именно он (и возможно еще некоторые слушатели, а именно, его «партия» в аудитории, на которую рассчитана ответная реплика-возражение) владеет правильным решением данного трудного места и способен оценить его, тогда как сам автор им не владеет и, возможно, даже не способен оценить. — Здесь и нужно на это указать, поправить его, остановить «заблуждение» (например, с позиции, выразимой «Не могу молчать») или даже осадить, что называется, «вставить» ему: *Как же, как же! Ври больше. Ну, вот еще! Ты мне будешь рассказывать! Да ни в коем разе! Ни сном, ни духом!...*

Во втором случае, полемически обостряющем отношения, я как читатель вполне *понимаю* то, что сказано в тексте — и то, про что это сказано, т. е. семантические и прагматические презумпции мне известны, собственно ассерция его мне понятна, но *сомневаюсь* в справедливости сказанного, подвергая серьезному недоверию (а то и осмеянию) самую его модальность: действительно ли то, о чем пишет/рассказывает автор, *было* или только *могло бы* быть, если бы что-то (как я утверждаю, принципиально важное и им не учтенное) *было бы* иначе. Я-то как раз уверен, что дело обстоит наоборот относительно сказанного, что было-то все иначе (или: будет все именно по моему), не так, как у него. И я готов при желании привести доводы, *опровергающие* высказывания говорящего, разбивающие его аргументы, делающие их невозможными, сводящие их, как мне кажется, к абсурду. Я готов показать, *почему* заявленная автором конструкция «разваливается», умею объяснить (или даже более демагогично: могу *открыть глаза* на то), в чем именно его мысль хромает, оказываясь в результате несостоятельной.

Подчас, конечно, это претензия, что знаешь предмет лучше самого докладчика (или: что готов написать, выражаясь фигурально, «Войну и мир» лучше Льва Толстого), претензия так называемого конгениального читателя. Это возражения, как бы закрывающие проблему или ведущие к кардинальной переработке всего подхода к ней. (Многое зависит от уровня претензий задающего вопрос, его можно квалифицировать по-разному: на самом деле *разве*-вопросы часто бывают замаскированы под *почему*-вопросы, при этом скрывая в себе прямо-таки убийственные контраргументы — будь то на уровне намека, аллюзии, текстовой, под-текстовой, при-текстовой или за-текстовой импликации.)

В обоих случаях, и в случае *?-почему*, и *Разве* вопросов, по крайней мере, по-русски можно говорить о *непонимании*: в первом это собственно *непонимание* (или *недо-*понимание), требующее по форме восполнения одного

пропущенного (слушателем, как он считает, по вине говорящего) звена в рассуждении, для конструктивного совместного их продвижения вперед, а во втором случае перед нами прежде всего констатация **несогласия**, конфликт с мыслями автора (иногда еще издевательство, *высказывание своего „фэ“*), что безусловно связано с определенным разочарованием в том, что написано или сказано или даже вообще с тем, что может быть произведено данным лицом, что можно от него ожидать, что от него исходит. Далее уже факультативно, при благоприятных обстоятельствах и благожелательных формах ведения дискуссии, в *разве*-вопросах может следовать изъяснение оснований такового нашего разочарования, то есть комментарий, что из этого следует, или *как же теперь быть дальше*. Попутная задача, которую всегда приходится решать при переходе от первого ко второму этапу *разве*-вопроса, а еще важнее — от второго к первому: как сохранить хорошие отношения с человеком, перед которым таким образом мы вздумали *резать правду-матку*. Иногда первый этап — возмущение — опущен, и тогда вопрос неотличим от вопроса первого типа, то есть от *?-почему* вопроса, со скупой констатацией-изъяснением своего несогласия.

При этом и вторая часть *разве*-вопроса, собственно конструктивная (изъясняющая, приближающая этот тип обратно к *почему*-вопросу), может отсутствовать или демагогически игнорироваться. В таком случае подразумевается, что она есть, но словами не выговаривается. Вполне тривиально, как полагает оппонент, или же все-таки каким-то сложным образом она выводится из риторического вопроса (в его задиристой, царапающей *разве* форме), но оппоненту под тем или иным предлогом все же не предъясняется. Обычно препятствуют разворачиванию аргументации зашкаливающие эмоции. Они мешают трезвой оценке того, что следовало бы, с одной стороны хладнокровно и последовательно разложить по полочкам как свой товар-аргумент собеседнику, а что опустить — либо как для него уже известное, не представляющее интереса (или даже могущее вызвать у него скуку, раздражение), либо, с другой стороны, слишком уж затрагивающее за живое, слишком опасное для обсуждения.

Как считается, есть культуры, которые стараются вообще избегать постановки конфликтных, на грани истерики и скандала, вопросов, скажем, такие как японская, где данные вопросы как бы запрещены, изъяты из употребления. В этом отношении я не знаю, как англичане, но по крайней мере русские и евреи, носители русской культуры (а может быть, все европейцы?), достаточно далеки от «востока», с его *тонкостью* в данном вопросе. Во всяком случае, *русские мальчики*, о которых можно судить, опираясь на романы Достоевского (думаю, что и *девочки*, здесь не может быть гендерного различия), — как раз очень любят постановку друг перед другом вопросов ребром, что называется, под дых или против шерсти.

Из собственного (читательского) опыта позволю заметить: привык пометать для себя на полях местá полемических *разве*-вопросов знаком вопроса, зеркально обращенного относительно вертикали — то есть ? или ? — так, что точка помещается внизу, что не ставит, если придавать смысл графике, чужое слово *с ног на голову*, а позволяет лишь подвергнуть рассмотрение проблемы как бы сущностному переосмыслению, дополнению, в целях расширения общего с автором горизонта. Есть также символ, который предлагает нам компьютерный редактор, символ, используемый в испанской графике в качестве знака, предваряющего вопрос, — ¿ — но он как раз более подходит для обозначения первой стадии *разве*-вопроса, так как обращен не только относительно вертикали, но и относительно горизонтали. Его мы могли бы взять для обозначения полемически-отторгающей стадии *разве*-вопроса. Для обозначения второй стадии, конструктивной, уже без эмоционального или полемического отторжения, оставим ? или ?

Понимание и интерпретация у литераторов

Литературоведы используют различие «понимания» и «интерпретации», с далеко идущим противопоставлением — первого в качестве глубинного, а второго — поверхностного, первого как активно-сочувственного, а второго как творчески-насильственного, самовольно-манипулятивного, *самоутверждающегося* за счет первоначального автора:

Понимание и интерпретация — не то же самое. Интерпретация есть самоутверждающееся понимание, имеющее тенденцию в своем самоутверждении более или менее пренебрегать (оставляя как бы позади себя) предметом понимания. В литературоведении нашего времени интерпретация самоопределяется как автономная область порождения собственных смыслов, затем обратным ходом присваиваемых тексту, произведению... [Из чего уже как следствие выводится пожелание:] Литературоведению подобает скромность...²

Тем не менее, следует противопоставить здесь еще, с одной стороны, — остро пьянящую осмысленность парадокса, меткого словца или афоризма, который так или иначе нарушает привычно-причесанно текущий синтаксис фразы внезапно вброшенной в игру мыслью, с ее завораживающей «ненасыщенностью» (термин *Ungesaettigkeit* Г. Фреге — у немецкого логика применительно к *предикату* вообще, по сравнению с именем собственным), даже более характерной для **метафоры** в целом (т. е. тропа как некоего, с точки зрения автора, осмысленного стояния *у бездны мрачной на краю*). Ну, а с другой стороны,

² Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 11.

— то до боли знакомое, всегда угнетающее выслушивание (или чтение) чего-то самого собой разумеющегося, что *мы уже поняли* — как указывает во время своих семинаров докладчику Н. Д. Арутюнова, торопя переходить к разворачиванию новых положений темы³. Такую ситуацию можно сравнить еще и с манерой ведения дискурса на «глянцевом» уровне — что предполагает некий блеск и, так сказать, *комильфотность*, без всякого *неглиже* (хотя сейчас и само неглиже начинает широко вторгаться в комильфо — будь то в рекламе, беллетристике, в светском трёпе и даже в науке).

Вторая альтернатива описывает мысли, идущие исключительно «вдоль», попутно ходу рассуждений собеседника, нисколько не задевая для него существенного, исключительно в направлении мысли первоначального автора, то есть, по сути дела, это «поглаживания», согласно широко известной теперь терминологии психологов [Леви 1981; 1990; Берн 2001]. Наоборот, противостоящая им альтернатива — мысль, идущая «поперек», «насупротив», в направлении наибольшего сопротивления и четкого противодействия чужой мысли, как бы то и дело вставляющая ей палки в колеса, пытающаяся увидеть (и к тому же извлечь) у собеседника, по ходу дела, тот или иной *сучок* из глаза. Здесь, я думаю, психологи должны были бы вооружить исследователей языка какой-то классификацией типов личности — по тому, какие диалогические реакции она, эта личность, предпочитает (и в каком состоянии): классификации К. Юнга оказывается явно недостаточно⁴.

Всем известно интуитивное разделение, проводимое в жизни, — с одной стороны, на тип вечного спорщика, «протестанта», задиры, цепляющегося к словам и к людям, а с другой стороны, на вежливого соглашателя, как бы понимающего *тебя* до конца и готового поплакать (или дать поплакаться в свою собственную) жилетку — т. е. «вчувственника», или «эмпатизанта». Естественно, что в разных культурах и субкультурах, разных общественных (кстати сказать, и гендерных) группировках есть принятые нормы такого общения. Самая бросающаяся в глаза — это, конечно, сакраментальная формула «*Ты меня уважаешь?*», традиционно раздающаяся в русской подворотне.

³ Вспомним всем знакомое мучительное чувство, которое охватывает, когда нам объясняют, что называется, «зады».

⁴ Ср.: «имеется два полюса на непрерывной шкале, характеризующей типы интерпретаторов. На одном полюсе — интерпретаторы, [...] пытающиеся выявить намерения автора как бы „через замочную скважину“». На другом же полюсе — те, кто абсолютно на каждом шаге внутренне протестует против навязываемой системы мнений, злорадно констатируя коммуникативные промахи говорящего» (Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989. С. 115).

По большей части, всякое приведение «к общему знаменателю» (или же подведение к своему уровню) есть безусловное *снижение*, профанация вопроса, адаптация его, так сказать, *для бедных* — с возможностью дальнейшей манипуляции мнением оппонента — либо издевательской, «сверху вниз», либо запанибратской: *все мы люди, все мы человеки*. Несколько сложнее — с возвеличением и превознесением автора, но и тут приходится все время быть начеку, в опасении — искренне ли, не без иронии ли всё сказано? Против «манипулятивного» понимания-интерпретации направлен пафос М. М. Бахтина в работе «К философии поступка»:

Равнодушная или неприязненная реакция есть всегда обедняющая и разлагающая объект реакция: пройти мимо предмета во всем его многообразии, игнорировать или преодолеть его. [...] Такова же и функция забвения. # Безлюбость, равнодушие никогда не разовьют достаточной силы, чтобы **напряженно замедлить** перед предметом, закрепить, вылепить каждую мельчайшую подробность и деталь его⁵.

Впрочем, разве нельзя вывести отсюда и креативные составляющие? Как вот, например, естественный — хотя, может быть, излишне социализирующий, «по-марксистски» конструктивно берущий за горло, но вполне адекватный интерпретативный подход к Бахтину (представляется, вполне в духе его самого, но не без влияния, конечно, формального метода, с пафосом и «энергией заблуждения»):

1920-е годы в русской культуре — это социальная революция, культурная революция... # Отсюда главное у Бахтина: пафос экспроприации чужого слова. Я приступаю к творчеству, но все его орудия уже были в употреблении, они захватаны и поношены, они — наследие проклятого прошлого, пользоваться ими неприятно, а обойтись без них невозможно. Поэтому прежде всего я должен разобраться в них («иерархизировать чужие языки в своем сознании») и пользоваться ими с учетом их поношенностей и потертостей. Каждое слово — чужое, каждая фраза — чья-то несобственно-прямая речь... Задача творчества — выложить свою мысль из чужих унаследованных слов. # Отсюда второе у Бахтина: пафос диалога, то есть активного отношения к наследству. Вещи ценны не сами по себе, а тем использованием, которое из них делалось и, главное, может быть сделано. (Бахтин называл это «интенциями».) Литературное произведение для него — не слово, а преодоление слова, не то, что захватано прежними работниками, а

⁵ Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986. С. 130. Здесь и ниже знак # используется для обозначения пропущенного в цитате абзацного отступа; четыре точки означают прерывание в данном месте цитаты; выделения в тексте (полу жирным) авторские, а мои — в квадратных скобках или с подчеркиванием.

то, что удалось из этого сделать, несмотря на прежних работников. Произведение строится не из слов, а из реакций на слова. Но чьих? Вступая в диалог с вещью, читатель или может подстраиваться к ее контексту, или встраивать ее в свой контекст (диалог — это борьба: кто поддастся?)⁶.

Разве обе разводимые чуть ли не до полюсов рецепции Бахтина — одна, условно говоря, С. Г. Бочарова, другая М. Л. Гаспарова — не диалогически дополняют друг друга? Вспомним здесь же бахтинскую фразу, сказанную по поводу сетования собеседника на *вечную нашу советскую нужду в оговорках*, — о том что *мысль категорическая, не допускающая оговорки, пожалуй, еще хуже...* (Бочаров, указ. соч., с. 489). И еще одна цитата в этом споре условных «догматика» и «парадоксалиста»:

Неоправданно оптимистической кажется мне модная метафора, будто между читателем и произведением (и вообще между всем на свете) происходит диалог. Даже когда разговаривают живые люди, мы сплошь и рядом слышим не диалог, а два нашинкованных монолога. Каждый из собеседников по ходу диалога конструирует удобный ему образ собеседника [...] Нам трудно понять Пушкина не оттого, что мы не читали всего, что читал Пушкин (прочсть это трудно, но возможно) — нет, оттого, что мы не можем забыть всего, что он не читал, а мы читали. И не только не можем, но и не хотим: потому что чувствуем, что из этих-то книг и слагается то драгоценное, что нам кажется собственной нашей личностью. Оттого мы и предпочитаем смотреть на дальние тексты сквозь ближние тексты, будь то Хайдеггер или Лимонов⁷.

Есть хорошо известный стереотип среди психологически возможных диалогических реакций — человек, у которого мысль всегда идет вам только навстречу, как бы протягивая руки и наводя мосты, услужливо подхватывая ход мысли собеседника, давая ей *зеленую улицу*, при этом всячески самого себя смиряя и умаляя, намеренно *отводя* свою мысль *в тупик*, а загораясь и восхищаясь только лишь чужим, отраженным светом — от чужой, в частности вашей, мысли. (Это как бы сама эмпатия, лишенная всякой жажды само-

⁶ Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 111—112. Далее в этом полемически-конспективном изложении концепции Бахтина приводятся еще и такие пункты: 3) «нигилистический отбор ценностей», 4) противопоставление «романа» и «поэзии» с резкой враждой к поэзии и вообще к «авторитарному слову», слишком подчиняющему себе собеседника; противопоставление «романа» и «эпоса»: «„Роман“ и „эпос“ для него не жанры, а стадии развития жанров: он хотел бы сказать, что всякий жанр начинается романом, а кончается эпосом. # Бахтин — это бунт самоутверждающегося читателя против навязанных ему пиететов» (Там же. С. 112—113).

⁷ Гаспаров М. Л. Критика как самоцель // НЛО. 1994. № 6. С. 8—9.

утверждения, некий князь Мышкин общения.) Но всегда ли такое бывает приятно и всегда ли нужно нам в общении? Такого ли мы ждем от настоящего собеседника? (Здесь также необходимо компетентное мнение психолога: каковы пределы конкретного человека, с одной стороны, к восприятию, условно говоря, «оплеух и пощечин», а с другой, «поглаживаний» и восхвалений, сочувствия?)

Естественно считать, что есть некоторое множество разновидностей вопроса, лежащих собственно между *?-почему-* и *¿разве-*вопросами. Рассмотрим здесь высказывание Э. Стениуса по поводу «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна:

Во-первых, есть предложения, которые, как я думаю, понял и которые считаю ясными, стимулирующими и важными. Их я конечно же нахожу лучшей частью книги. Вторыми идут предложения, которые, как я думаю, понял, и с некоторой долей уверенности считаю ложными или содержащими заблуждение. Таким образом, я расцениваю их следующими по значимости за предложениями первой группы. В-третьих, есть такие предложения, которые я не понимаю и, следовательно, ценность которых я не могу оценить. И, в-четвертых, есть ряд таких предложений, которые, с одной стороны кажутся понятными, но, с другой стороны, им дано неопределенное и темное выражение, следовательно, их невозможно принять или отвергнуть (Из комментария Э. Стениуса к «Логико-философскому трактату Л. Витгенштейна»).

Первые из выделенных при этом взгляде мест могут быть осмыслены как прозрения, пассажи с пометой *Sic, Nota bene, Вот это да! Ай да Пушкин, ай да сукин сын!*.. и т. п. Обозначим их 1.1. Вторые из отмеченных Стениусом содержат уже некоторое заблуждение или просчет автора: их следует разнести по категориям *?-почему-* или *¿разве-*вопросов, которые обсуждались нами выше — они составят уже две подгруппы — 2.1 и 2.2. Третьи из выделенных (смысла которых Стениус не понимает или же они представляются ему слишком туманными, чью ценность поэтому он не берется оценивать; а таких в витгенштейновском тексте, надо полагать, всегда для любого читателя было и будет предостаточно) — это вопросы, которые иногда оставляются нами на потом, для новых подступов к теме, в надежде, что в новом контексте они как-то «заиграют» по-новому и получают когда-нибудь свое разрешение (3.1), а иногда, по малодушию, отметаются как скорее всего тривиальные (3.2). То есть и тут получаются две группы. (Иначе говоря, 3.1 — это до поры спящие в нашем сознании мысли, на рост которых мы всё же рассчитываем, а 3.2 — те, которые мы вынуждены отбрасывать как слишком скучные и скорее всего незначительные.) Четвертые, с одной стороны, и так понятны, но наделены при этом слишком темным выражением, из-за чего снова как бы

обесмыслены (4.1). Хотя бывает, по выражению поэта, *речи — Значенье темно иль ничтожно, Но им без волненья внимать невозможно...* Интервал между непониманием как загадкой, зашифрованным, герметичным высказыванием, с одной стороны, и трюизмом, полностью прозрачным и потому лишенным смысла, с другой, заполняется теми или иными разновидностями частичного непонимания. Быть вытянуты «в лесенку» данные типы могли бы, конечно, и иным образом, чем это сделано у Стениуса.

Я счастлив, что в нашем за много лет общении с Еленой Викторовной, с одной стороны, количество неизбежно возникающих в общезитии вопросов-непониманий (по Стениусу, типов 3.2 и 4.1) никогда не превышало количества вопросов-загадок типа 3.1 и даже вопросов-восхищений типа 1.1. По крайней мере, с моей стороны это именно так.

Сюда, к этой классификации возникающих при чтении или слушании вопросов, я бы добавил еще один пункт, а именно такой, кажется, важный ингредиент всякого понимания и непонимания, как собственные *предположения*, читательские *ожидания*, рождающиеся при восприятии любого текста⁸. Они сопровождают читателя в понимании на каждом шагу, встречаясь при *прохождении* через любой текст, даже через самый зубодробительный (скажем, тот же «Логико-философский трактат»). Хотя — даже и через самый знакомый, стершийся от многократного воспроизведения слухом и зрением. Скажем, читанный-перечитанный (детям и еще самими детьми будучи) текст «Мухи-цокотухи». Вообще говоря, необходимо выявить здесь те особые контекстные условия (иначе можно сказать: набор *тропов*), позволяющие человеку, беря за основу чью-то высказанную мысль (даже свою собственную) и видоизменяя ее, приходиться к некой — целесообразной, плодотворной, остроумной — новой мысли. Хотя, конечно, поэтические способы такого «выращивания» смысла по большей части увеличивают его только формально. Это задача, тем не менее, некоторого исчисления, то есть в конце концов логики (и долженствующей выйти к ней навстречу нейрофизиологии). — Как, скажем, из гоголевской поэмы «Мертвые души» рождается булгаковская пьеса «Похождения Чичикова»? Или как из романов Достоевского вырастает — вопреки утверждениям самого автора — набоковский «Соглядатай»?

Предположения — это своего рода утверждения под вопросом, с гипотетической модальностью или со снятой утвердительностью — *Так ли? Кажется, так? Я не ошибся? Я правильно понял? Не так ли? То ли я имею в виду?..* Субъективно, для меня, задающего их себе, они как бы уже состоялись и получили — здесь и сейчас, на моих глазах — разрешение, или же только-

⁸ Последний термин, в частности, предложен А. Д. Шмелевым; но используется и в других работах — см., напр.: В. З. Демьянков. Указ. соч. С. 101—103.

только намечаются в положительную сторону такого решения, подводя меня к выводу-догадке (правда, может потом оказаться, что ложной), которой я жажду поделиться с собеседником в диалоге — иногда так и оставаясь с ним *на лестнице колючей разговора*.

Насколько все же притягательнее высказывание, таящее в себе *загадку* (то есть обещающее сказать что-то еще, наделенное фрегевской *Ungesaetigkeit*), — нежели такое, смысл которого нам кажется совершенно исчерпанным и остается одной внешней оболочкой, только оберткой, даже некоей снятой «перчаткой» смысла, теперь, после прочтения, уже ненужной, которую остается, следуя известной метафоре (то ли Витгенштейна, то ли еще Гегеля), лишь отбросить — как использованную для восхождения лестницу. По-видимому, основная притягательность художественного чтения и в целом поэтического текста, в сравнении с научным, заключается в многослойности смысла, который мы извлекаем в первом случае, и — известной одномерности его во втором. В первом каждое новое *перечтение* как бы дает нам и новое прочтение (подобно тому как в театре нас радует удачная новая постановка старой пьесы). А некоторые смыслы вообще принципиально **не могут** быть вычитаны при первом прочтении, скрываясь в умолчаниях. Научный текст предполагает от того, кто должен его воспринять, с одной стороны, уже достигнутого, необходимого уровня знаний (не располагая которым бессмысленно даже и подходить, подступаться к нему). С другой стороны, по прочтении он дает нам некое вполне дискретное приращение к «тезаурусу» (Ю. А. Шрейдер). — Грубо говоря, человек в результате научается каким-то новым для себя навыкам: играть на гитаре или пользоваться операционной системой. Но вот и всё: данный текст тем самым уже использован. А иной и научный текст читаешь как художественный.

Литература

Берн 2001 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди... М., 2001.

Леви 1981 — *Леви Вл.* Искусство быть другим. М., 1981.

Леви 1990 — *Леви Вл.* Искусство быть собой. М., 1990.

ЧТО ДЕЛАЕТ МОЛОКАНСКИЙ ПРОРОК?

(На материале духовных песен и полевых интервью)*

С. Е. Никитина

В жизни любого сообщества человек исполняет множество ролей. В замкнутых конфессиональных группах самыми престижными являются роли конфессиональные. Уставщик или наставник у старообрядцев-беспоповцев, пресвитер или беседник (проповедник) у молокан занимают высшие места в социально-религиозной иерархии группы. Как правило, большинство конфессиональных ролей связано с использованием особых речевых жанров, в том числе певческих: это чтение священных книг на богослужении, проповеди, литургическое пение у православных (в свою очередь, имеющее множество видов), псалмопение и беседы (проповеди) у протестантов и др.

В культуре молокан-прыгунов — русской протестантской мистической секте — одной из самых главных ролей, или функций, является функция пророка, отчасти обозначенная во внутренней форме этого слова, несущей идею речи (*пророк* — *прорекать*).

Слово *пророк*, будучи ключевым словом языка молокан-прыгунов, связано с множеством других значимых слов той же культуры. Ниже представлено тезаурусное описание этого слова через экспликацию его связей с другими ключевыми словами при помощи тезаурусных функций (варианты схемы тезаурусного описания представлены в [Никитина 1993; Никитина, Кукушкина 2000]). Это описание вместе с комментариями и иллюстрациями имеет своей задачей раскрытие концепта **пророк** — элемента культурно-языковой картины мира молокан-прыгунов. По типу собирания и первоначальной обработки материала данная работа находится в пространстве культурной антрополо-

* Работа выполнена в рамках договора по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» (9.1.), проект «Индивид и социум в народной культуре: лексикографический аспект» а также в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Европе», проект «Культурные барьеры и культурные контакты».

гии; по способу описания и представления — в области параметрической лексикографии, дающей разнообразные методики не только представления, но и исследования лексики (достаточно указать на работы группы Ю. Д. Апресяна (прежде всего выпуски «Нового объяснительного словаря современного русского языка») и группы Е. В. Падучевой (система «Лексикограф»); о подходе к лексикографическому описанию концептуального поля человека в народной культуре см. [Никитина 2004]). Материалом служат источники нескольких видов: во-первых, опубликованные тексты молоканских духовных песен [Сионский песенник 1964, далее СП]; во-вторых, полевые записи духовных песен и бесед, а также интервью автора статьи с молоканами-прыгунами, в частности, современными молоканскими пророками. Кроме того, я обращалась к текстам статей в молоканских журналах.

В данном варианте тезаурусного описания словарная статья разделяется на две части: общую и тезаурусную. Иллюстрации и комментарии, которые в других наших лексикографических работах являются самостоятельными частями статьи, в данном случае включены в соответствующие пункты тезаурусного описания. Комментарии могут относиться как к семантике и прагматике представленных в каждом пункте слов и их связи с заголовочной единицей, так и к семантике самой функции.

В собственно тезаурусной части сначала указываются значения тезаурусных функций по текстам «Сионского песенника», образующего машинный массив в 76000 с/у, а затем по другим упомянутым источникам, преимущественно моим полевым интервью. Присутствуют только те пункты / функции словарной статьи, которые заполняются для слова *пророк* (около половины от общего списка функций).

Заглавное слово (А): ПРОРОК

Общая часть

Машинный массив: Сионский песенник, 76000 с/у

Количество словоупотреблений в нем: 40

Фонетические варианты: —

Грамматическая информация: ж.р.: *пророчка* (в текстах интервью)

Однокоренные слова: *пророчка, пророчить, пророчествовать, пророчество, прорекать, пророческий, пророчески*

Краткое толкование: человек, устами которого Бог сообщает социуму (общине, семье) или индивиду свою волю

Тезаурусное описание

Эквиваленты:

а) Синонимы литературного языка: —

Заглавное слово не имеет полных синонимов, если не считать, что в английской речи молокан, живущих в США, может использоваться как русское слово *пророк* (конфессиональные термины имеют тенденцию сохраняться в русском варианте), так и английское *prophet*. Названия некоторых других конфессиональных ролей могут иметь территориальные варианты, например, *сказатель*, *проказчик*, *проказыватель* — человек, чья роль в общине читать фрагменты священных текстов, которые затем пропеваются в музыкальной строфе псалма.

б) Культурные эквиваленты, или эквиваленты внутри молоканской культуры, в том числе метафоры.

Некоторые молокане считают, что пророка по главной его функции — возглашению воли Божией — можно называть *провозвестником* или *глаша-таем* [Петров 2002]. Пророков называют также *прозорливцами*, особенно когда они совершают какие-либо действия, которые обнаруживают их ясновидение и не сопровождаются действиями речевыми (см. ниже). Замечу, что так называемые «постоянные» молокане (другая ветвь молоканства), к которым относится и С. П. Петров, принадлежащие к рационалистическим сектам, пишут и говорят о пророках древности и о новозаветных пророках, но не о пророках современных, в том числе о пророках молокан-прыгунов: к ним «постоянные», пророков не имеющие, в большинстве своем относятся с определенной долей скепсиса.

Что касается метафор, то молокане-прыгуны часто называют пророка *устами* или *глазами* Бога. Первое — потому, что Бог говорит через него, второе — потому что пророк видит то, что не видят другие. Такие эквиваленты встречаются в жанре многочисленных молоканских толкований.

Оппозиты:

а) антонимы: —

б) культурные оппозиты. Оппозитом к слову *пророк*, который воспринимается как пророк истинный, является *ложный пророк* (см. также функцию «Эпитет»), или *лжепророк*, т. е. тот, который пророчествует по своему измышлению (*ложное пророчество*) или сообщает нечто от имени ложных богов; об этом говорится в Библии, см., например, Иер 5: 31, к Книге которого часто обращаются молокане. Ложный пророк сопровождает Антихриста. В духовной песне поется, что Христос победит *сдьмиглаваго зверя и ложнаго пророка его / И десять царей их вкупе с ними обоих* (СП).

Чтобы показать, что выступивший в качестве пророка человек пророк истинный, Бог посылает *уверение*. Им может быть действие Святого Духа одновременно во многих людях — *действенников* — или какое-либо чудесное явление, относящееся к самому пророку. Так, в рассказах о пророчествах повторяется описание чудесного омовения пророком своих рук кипящей водой

из самовара — без всякого ожога: это является подтверждением истинности возвещенного пророчества и подлинности самого пророка.

Разумеется, самым главным подтверждением, что действует именно истинный пророк, является реализация его пророчеств в действительности.

Гиперонимы: *служение, вестник* (из интервью).

Служение — название для любой закрепленной за определенным лицом функции в *собрании 1* (богослужении) и *собрании 2* (общине). Обычно эта значимая и почетная роль члена общины, роль постоянная или достаточно долговременная, дается либо по действию Духа Святого (у прыгунов через пророка, указывающего на предназначенного для этой роли человека), либо голосованием (у «постоянных» молокан), в некоторых прыгунских общинах по выбору пресвитера: например, так может быть назначен *старший невец* или *старший пророк*. *Служение* пророка — быть вестником воли Божией, наряду с *ангелами*. *Вестник* — гипероним пророка по содержанию служения: возвещению божественной воли.

Когипонимы. Когипонимами являются названия других *служений*: *пресвитер* (руководитель молоканского собрания), *беседник* (проповедник), *невец*, *сказатель*. В молоканских духовных песнях эти номинации, кроме слова *невец* (всего одно употребление, и то в заимствованной молоканами известной песне «Вечерний звон»), не встречаются.

Гипонимы: *древние (П-и), нынешние (П-и)*. Древние пророки — библейские, наряду с молоканскими вождями и молоканскими пророками прошлого, относятся к *страдальцам*, поскольку подвергались гонениям и мучениям. По мнению многих молокан, древние пророки и молоканские пророки прошлого были гораздо сильнее нынешних.

Множество (А <заглавное слово> — главный элемент множества): *действественники*. Действественниками называют тех членов прыгунской общины, в которых начинает (обычно во время богослужения) действовать Святой Дух, что внешне выражается в воздевании рук и прыгании (отсюда название — молокане-прыгуны, хотя они предпочитают называть себя «духовными»). Так ведет себя и пророк. Однако действественники, в отличие от пророка, безмолвствуют. Они представляют ту группу внутри общины, из которой обычно выделяется пророк спонтанным, неожиданным выступлением, чаще всего *возвещением / возглашением* (см. ниже).

Главный элемент множества (А — множество, в нашем случае — *пророки*).

Главными ветхозаветными пророками все направления молокан считают Авраама и Моисея. Для прыгунов самым великим пророком и одновременно Богом является Христос — «истинный пророк», как говорится в песне о встрече Христа с самарянкой у колодца.

В молоканской же истории великим пророком называют Максима Рудометкина, пророчествовавшего во второй половине XIX века в Закавказье. Затем он просидел в тюрьмах на Соловках и в Суздале более 20 лет, написал там книгу «Дух и жизнь», почитаемую у прыгунов наравне с Библией. Максим Гаврилич Рудометкин — «Царь Духов», как он сам себя называл, Богом особо отмечен:

Честь Творцу воздаем, / Что предков наших возлюбил, Святую церковь утвердил / Дух святой излил / пророчеством одарил. / Свою волю Он открыл, / Страдальцу Максиму возвестил (СП).

Рудометкину же молокане-прыгуны приписывают пророчество о конце империи Романовых:

...Божья сила / Жезл ему (Максиму. — С. Н.) вручила. / Он пророчески говорит, / На Россию суд творит: / Царя смерти предать, / И потомство его разогнать (СП).

Для части молокан-прыгунов, так называемых максимистов, Максим Рудометкин является воплощением третьего лица Троицы — Святого Духа.

В прыгунском молоканском собрании обычно есть несколько пророков, один из них — *старший*, подобно старшему певцу.

Пророк утверждается как старший по возрасту и по опыту, включающему некоторый перечень судьбоносных для общины пророчеств, причем последнее имеет большее значение, чем возраст.

Целое (А — часть, член): *собрание 2, община*. Пророк, как и любой другой молоканин, независимо от иерархического места, которое он занимает, является прежде всего членом *общины*, или *собрания 2* как молоканского сообщества, члены которого посещают богослужения (*собрания 1*). Пророк может утратить свойства пророка по не ясным для людей причинам (ибо его статус определяется свыше) и остаться рядовым членом молоканского сообщества.

Внутренний атрибут / признак (А — носитель):

а) эпитет: *истинный, ложный, святой, сильный, слабый* П;

б) имманентная принадлежность: *дар пророчества, любовь*.

Нет больше тех законов, / Кто живет в святой любви. / В ней пророки и вожди (СП).

Мера, число, количество (А — элемент универсума): *все, два*

Все пророки о тебе, любовь, говорили (СП).

Как уже было сказано, чаще всего упоминаются в письменных и устных молоканских текстах два самых великих пророка — Авраам и Моисей. Еще два больших пророка — Енох и Илия — замечательны не только тем, что «чудес творили много», но и своим возвращением на землю перед концом света: *Скоро выдут два пророка, / Посланы с небес от Бога. / За народ будут стоять, / Веру в людях укреплять* (СП).

Локус (А — лицо / предмет):

а) пространственный локус: *собрание 3, престол*. *Собрание 3* — помещение, в котором собирается община, иначе (у постоянных молокан) — молитвенный дом. *Престол* — стол, за которым сидят руководители общины — *старцы* — умудренные опытом и знаниями люди, иногда совсем не старого возраста. Пророка обычно старцем не называют, за исключением старшего пророка: «Старший пророк сидит прямо у *престола*, а новые — подальше» (из интервью). *Собрание 3* — это самое типичное место для действий пророка, однако он может начать действовать в любом месте, например, по дороге в собрание 3 или в чьем-то доме;

б) временной локус. Обычно это *собрание 1*, т. е. богослужение, но действовать пророк может и в любое время, если находится в *Духе*.

Лицо / предмет (А — локус): *Святой Дух*. Обычно молокане говорят, что Святой Дух временами *действует* в пророке, однако приходилось слышать, что Святой Дух *сходит* на пророка. В результате пророк находится в *Духе* (в последнем случае формально локусом является *Дух*, объемлющий пророка).

Главная функция/роль/назначение (А — субъект). Для молокан, как уже указывалось (как и для всех верующих, признающих существование пророков), главная роль пророка — сообщение воли Бога. Но поскольку Бог есть любовь, то «пророки учат жить в любви и мире» (из интервью), они должны «правду сеять» (из песни). По мнению антропологов, пророк способствует разрешению конфликта в общине, поддерживает в ней необходимый баланс [Moore 1973]. Объявляя, например, об угрозе, пророк указывает средства ее разрешения. Я могла в этом убедиться, присутствуя на молоканском съезде в 1992 г. Я слышала пророчество молоканина, живущего в США, обращенное к российским молоканам. Он сказал: «Обратите ваши сердца к Господу, и все устроится. Если нет, ничего хорошего не будет». Это был его же перевод с *языка духовного* (см. далее). Действительно, в это время в молоканском движении назревали конфликты, и предупреждение пророка давало возможность их избежать.

Состояние, эмоция (А — экспериенцер).

Свою роль пророк выполняет в особом состоянии транса, когда он не контролирует свои действия. Для обозначения этого состояния существуют особые термины: *быть в Духе, торжествовать, возбудиться, быть в восторге*.

Внешние выражения этого состояния могут быть различны в зависимости от типа личности: от поднятия рук до неистового прыгания.

Ситуация нахождения пророка в Духе может быть описана и другими способами: так, пророк выступает в роли пациента, на которого воздействует субъект — Святой Дух: Святой Дух *посылает* пророка, *возбуждает* его, *побуждает* совершить или сказать что-то. Вариант — с нулевым субъектом: *его* (пророка) *послало* (см. Приложение). Таким образом, в описании нахождения пророка в Духе пророк может выступать в роли локуса, экспериенцера и пациента.

Действия (А — субъект).

Войдя в особое состояние, пророк начинает *действовать*. Это самый общий термин для обозначения того, что делает пророк.

Пророк — *глаза Бога* — видит невидимое, скрытое, самому не всегда ясное. Поэтому он может совершать действия, странные и непонятные другим, при этом молча:

Это было около Еревана — один обещанное собрал (т. е. сделал обед — «жертву» по обету. — С. Н.) Он купил скотину. И когда собрались уже на благословение все, теперь этот пророк выходит — он **прозорливец** был. Вытаскивает чугун из печки с мясом и выбрасывает собакам мясо. Этот весь задрожал, хозяин. Он жертву готовил. Оказывается, он купил эту скотину, а она была краденая. Арзуман (молоканский пророк, этнический армянин. — С. Н.) не знал, а вот сделал. Был **пророком** до скончания жизни» (интервью, Армения 2003).

Однако главные действия пророков — речевые акты. Эти действия обозначаются в устных и письменных молоканских текстах глаголами речевых действий и соответствующими отглагольными существительными: *возвещать, возглашать, обличать, изрекать, предупреждать, прорекать, пророчествовать, объявлять, призывать; пророчество, возвещение, обличение, предупреждение, объявление*:

*Явился пророк, / Он слова **прорек**, / Что велик Господь* (из песни, запись 2004, пос. Южный, Украина)

*Древние пророки **изрекали**, / Царей и властей **обличали**. / Мир свободу **возглашали**, / Лето Господне **возвещали*** (СП).

Самым распространенным глаголом из глаголов сообщения в текстах песен и устных сообщениях является глагол *возвещать/возвестить*, весьма

частый и в библейских текстах, см. [Полная симфония 2000: 146—147]. Глагол *возвещать* в русском языке обозначает речевое действие и относится к группе глаголов **сообщения** (см. [Гловинская 1993; 1999; Падучева 2004]). В словаре Ожегова глагол *возвестить* с пометой *высок* толкуется как ‘торжественно объявить’ [Ожегов 1984: 78]. В словаре Ушакова при том же толковании этого глагола стилистическая помета отсутствует. Близкие толкования находим не только в других словарях современного русского языка, но и в словаре Даля: практически везде *возвещать* толкуется через ‘объявить’, например: «*возвестить*. — ‘Объявить для общего сведения, сообщить, дать знать о чем-л.’ [СРЯ, I: 197]. В словаре Даля читаем: «*возвещать, возвестить* кому, что или о чем — ‘извещать, уведомлять, объявлять, подавать весть, давать знать, обнаруживать’» [Даль 1978, т. 1: 225]. В молоканских песнях в малой части своих употреблений (6 из 70) этот глагол соответствует по семантике общерусскому современному глаголу *возвещать* и имеет ту же семантическую модель управления, включающую три места: субъект, адресат, содержание (кто, кому, что/о чем *возвещает*), например, *Христа Пилату предавали; Пилат на руки принимал, Всему народу возвещал: Не нашел на нем вины* (СП), где *Пилат* — субъект, *народ* — адресат, прямая речь Пилата — содержание возвещения. В подавляющем же большинстве случаев глагол *возвещать/возвестить* имеет другую семантическую модель, состоящую из большего числа мест. Прежде всего, появляется еще один актант — «посредник» (через кого, посредством кого *X* возвещает), например, *Бог через пророков свой гнев возвещал* (СП), где *Бог* — субъект сообщения, *гнев* — его содержание, а *пророк* — посредник. Появление такого семантического места предопределено значением слова *пророк*, как оно толкуется в богословских словарях — провозвестник воли Божией; это было отмечено в [Гловинская 1999]. В рассматриваемой семантической модели предиката *возвещать* единственным глубинным субъектом — автором сообщения — всегда является Бог в любой из его трех ипостасей: Бога Отца — Творца, Сына — Слова и Святого Духа. Последний — самая близкая молоканам-прыгунам ипостась Троицы — упоминается в песнях особенно часто: *Дух святой в сердцах сияет, / Радость вечную возвещает* (СП); *Мы знаем все в земной стране, / нам Свят Дух возвещает* (СП). В этих употреблениях глагол *возвещать* имеет значение ‘сообщать / объявлять волю Бога’.

Место посредника может занимать также очень ограниченный класс слов: это номинации провозвестников божественной воли — *ангелов* и *пророков*, а также избранных людей — *Сионского народа* при последних днях. Посредник может становиться грамматическим субъектом сообщения: *Древние пророки Лето Господне возвещали* (СП); *Ангел громко восклицал, ... Душе Царство возвещал* (СП); при этом автор сообщения — *Бог* — опускается,

но всегда подразумевается. Интересны в предикатной структуре семантические роли *Святого Духа*: он ипостась Троицы, то есть Бог, он же Сила Божья, атрибут и инструмент Бога-Творца, что выражено творительным падежом: *Господь Духом возвещает, К покаянию обращает; Господь Духом возвещает, Радость вечную обещает* (СП).

Некоторый элемент иерархичности молоканской Троицы (подчиненность Святого Духа Отцу) способствует увеличению числа посредников в передаче сообщения — от Отца посредством Святого Духа через пророка, так в песне: *Дух Святой да пребудет в нас, / И возвестит он нам волю Твою* (т. е. Бога Отца и через пророка. — С. Н.).

Если же *в Духе возвещает пророк*, то роль Духа иная: он условие возвещения, так как обуславливает состояние пророка, в котором возвещение становится возможным.

Почему посредник может стать грамматическим субъектом? В семантике глагола *возвещать* есть три компонента: сообщение как смысл, который нужно передать, артикуляция/озвучивание такого сообщения и качество озвучивания. Пророк артикулирует сообщение, посылаемое Богом, и по этому компоненту становится субъектом *возвещения*, тем более что и способ озвучивания в *возвещении* существенен (ср. у Ожегова ‘торжественно объявить’).

Нетрудно заметить, что глагол *возвестить* в контекстах, где посредник выступает в роли грамматического субъекта, весьма близок к глаголу *пророчествовать, прорекать* (об этих глаголах см. работу М. Гловинской [1999]). В молоканском конфессиональном дискурсе *возвещать* в значении ‘сообщать божественную волю’ является родовым предикатом для других глаголов речевых действий, где автором сообщения является Бог (когда об этом свидетельствует контекст), таких как *пророчествовать* (пророк, который возвещает о будущем, *пророчествует*, например, *возвещает кончину*), *обличать, обещать, призывать, предупреждать*, например, *Дух святой ее (душу. — С. Н.) обличал, / Грехи он ей возвещал* (СП). Видовые глаголы/отглагольные существительные указывают на содержание возвещения: *обличение, предупреждение, обещание, призыв, пророчество*. Соответственно каждое существительное является названием речевого субжанра, который требует отдельного рассмотрения.

Синонимом к глаголу *возвещать* выступает более редкий в молоканском дискурсе глагол *изрекать*: *Ты (обращение к Творцу. — С. Н.) изрек через Дух твой / Дать всем избранным Своим / Вечное наследство* (СП); *Вот наставники наши старцы, / Лукьян и Давид страдальцы / Время Духом изрекали, / Сей век блаженным называли* (СП). В качестве синонимов к глаголу *возвещать* в рассматриваемом значении могут выступать также глаголы *объявить*,

сказать, говорить, если грамматическим субъектом выступают ипостаси Троицы, пророк, ангел или глас Господень: *Дух Святой в сердцах горит, / Всем народам говорит* (СП); *Имеющий уши да слышит, / Что Дух говорит церквам* (СП); *Бог нам сказал через пророка Иоиля, / Что Дух Мой над вами изолью* (СП).

Перейдем теперь к текстам полевых интервью, проведенных в среде молокан-прыгунов (полевые исследования в Армении, 2003 г.) и посвященных теме пророков и пророчеств. Глагол *возвещать* в таких текстах употребляется только во втором значении — ‘объявлять волю Бога’. Формы глагола *возвещать* разнятся в зависимости от статуса говорящего (субъекта речи), описывающего пророчество: если субъект речи — рядовой член молоканской общины, он может сказать о пророке *он возвестил, он сказал* (как и в текстах песен), то есть употребить действительную конструкцию; сам же пророк, рассказывая о себе, употребляет, как правило, страдательные конструкции: *мне* (адресат) или *через меня* (посредник) *было возвещено* (варианты: *объявлено, сказано, открыто*) или конструкции с отглагольными существительными *возвещение, объявление, открытие, свидетельство, пророчество*. Тем самым пророк подчеркивает отсутствие своего авторства, что видно из следующего текста (многоточие означает пропуск некоторого фрагмента):

Вчера было **возвещение, через меня. Возвещается**, что гнев идет на землю... Все время последнее это **возвещается**, что идет неблагополучие. Гнев на землю идёт. Разные стихия-бедствия... Если **возвестится** — назначают пост. Вчера было **сказано** — верьте, Бог свой народ защитит, не оставит, а кто по своим этим (путям) идет, то будет наказание на них.

Говоря же о других вестниках воли Бога, пророк может употребить и страдательную, и действительную конструкции, особенно если речь идет о прошлом. Вот как тот же пророк рассказывает об одном из пророчеств сороковых годов XX века:

По Духу была одна действенница в то время — тетя Уляша, ...она была пророчка, Уляна Петровна, **через нее было открыто** к народу — что... по всей земле все совратились и поэтому чтобы, как говорить, народ очищался, по мирскому сказать, омывался бы от грехов — вот эти были седмины **возвещенные**, для спасения, для души, чтобы душу бы омывали, пост несли, пост трехдневный... А **ей было сказано**, она по всем церквам **сообщила**, поняли? даже сюда лично ездила, в Фиолетово, Никитино тогда еще была. В этих селах лично она ездила, **возвещала**. В Красносельск письмом послали, что вот такая **открытия**. В 44 году, в декабре месяце была... — в декабре месяце в 44 году было **возвещено**, что вот эти седмины. (Семьдесят седмин — выражение из пророчества Даниила (Дан. 9:24—27); здесь: седмины — семинедельный пост по три дня в неделю; напомним, что молокане не

имеют календарно закрепленных постов, кроме недельного перед Пасхой. — С. Н.) Ну, конечно, здесь все приняли... В Красносельске не приняли... был там пресвитер..., они не приняли, взял письмо и понес в райком. Поняли? Ну, конечно, оттуда запрос дали в сельсовет — кто такая **возвещает**? Ее даже здесь вызывали. Ну, конечно, с ней не могли ничего сделать — ее мужа арестовали еще до этого, в 37 году, он не вернулся... А она говорит: «А я не виновата, **мне так открыто**, по вере мы так делаем». И конечно, в то время **свидетельство было через нее**, даже и через других, что придут дни — Красносельск не останется. Сколько прошло лет, а сейчас там ничего не осталось, а большое село было (жители уехали из Красносельска, находившегося близ армяно-азербайджанской границы, после военного конфликта. — С. Н.).

Еще более общим по значению, чем глагол *возвестить*, в описываемом семантическом пространстве является глагол *открыть*: *Дух Святой нам протрубил, / Время похода* (в тысячелетнее царство. — С. Н.) нам **открыл** (СП).

Глагол *открыть* обозначает передачу воли Бога не только через речевые действия (см. выше о действиях *прозорливца*). Сугубо молоканским термином является *открыша*. *Открыша* выражается в следующих действиях пророка: Будучи в *Духе*, он берет Библию или книгу пророка Максима Рудометкина «Дух и жизнь», открывает ее не глядя, указывает пальцем в то место текста, которое надо прочесть. Читать может кто-нибудь другой. Прочитанный текст, как правило, требует истолкования, которое обычно делает сам пророк.

Для успешного выполнения своего служения пророки должны себя *очищать*, чтобы Божественное возвещение не было замутнено человеческими страстями. Пороки очищаются *постом и покаянием*, это есть работа пророка. Про одного из молодых молоканских пророков пресвитер сказал мне: «он мало работает над собой, поэтому его пророчества слабые».

Адресат (А — действие пророка): *собрание 2*, семья или отдельное лицо. Возвещения пророка чаще всего обращены к *собранию 2*. Поскольку в последнее время они носят эсхатологический характер, то одновременно они обращены ко всему человечеству (ср. упомянутое *гнев на землю идет*). Один из пророков говорил мне, что через него общине было возвещено землетрясение в Армении в декабре 1988 г. за три дня до трагического события (все члены общины, с которыми я общалась, это подтвердили). Пророк может возвестить человеку о его смерти. Пророки неоднократно возвещали *о походе* (переселении в другие страны). Так, двенадцатилетний мальчик Ефим Клубникин в середине XIX века возвестил (пророчествовал) о грядущем переселении в Америку, которое состоялось в начале XX века. В США в 60-х годах XX в. у молокан-прыгунов было возвещение — призыв о переселении в Ав-

стралию. Часть молокан эмигрировала туда, но эмиграция оказалась неудачной, и пророчество было объявлено ложным.

Инструмент (А — субъект или действие): *духовные языки*. Пророки молокан-прыгунов могут говорить на русском языке, но часто говорят на «духовных языках», которые были получены в свое время апостолами от Святого Духа и, по вере молокан, сохранились в их пророках. Языковой субстрат духовных языков молокан не изучен, хотя сами молокане предпринимали попытки установить истоки их ксеноглоссии.

Стимул (А — пророк): *пение, песня*. Пение ритмичных духовных песен с постепенным повышением тона стимулирует вхождение действенников и пророков в транс. Молокане часто цитируют слова Библии: «Господь сказал пророку: „Пойди, позови певцов, и я буду говорить с тобою“». «Пение псалмов душу расквиляет (растапливает. — С. Н.), а уж наши песня духовные, если певцы свычные, как запоют, и пророки возбуждаются, и открыша бывает» (из интервью).

Итак, главная роль и главное действие пророка — возвешение воли Божией. Для семантического описания глагола *возвещать*, в сущности, нужно большинство тех же функций/пунктов, что и для описания слова *пророк*, которые для глагола *возвещать* можно представить как семантические места. Часть этих мест заполняется весьма ограниченным списком лексем, которые указывают на типичные ситуации.

Эти места следующие:

- 1) Автор: *Бог*;
- 2) посредник: *пророк, ангел, Сионский народ*;
- 3) содержание. Может быть разнообразным, но по иллюкутивной силе наиболее типичными являются *обличение, призыв, предупреждение, обещание*;
- 4) адресат: *собрание 2, индивид*;
- 5) локус пространственный: *собрание 3*;
- 6) локус временной: *собрание 1*;
- 7) условие: *нахождение пророка «в Духе»*;
- 8) стимул: *пение*.

Возникает вопрос: а можно ли назвать возвещения, возглашения, сообщения, объявления и т. п. пророка речевыми действиями? Ведь речевые действия контролируются их субъектом, а пророк совершает все свои действия в транс, в состоянии принципиальной неконтролируемости. По-видимому, в культуре молокан-прыгунов их можно назвать, по классификации Е. В. Падучевой, речевыми происшествиями [Падучева 2004: 31, 355].

Всего в концептуальном поле «пророк» по результатам тезаурусного описания задействовано несколько десятков ключевых слов молоканской культуры, для которых, в свою очередь, создаются свои «тезаурусные портреты».

Приложение

Пророки и пророчества 20-х г. XX в.

— Я еще про нашу молоканство важну делу расскажу. Второе **пророчество**. В «Дух жизни» (сочинение пророка Рудометкина «Дух и жизнь». — С. Н.) первое **пророчество** написано в Америку уходить... Второе **пророчество** — наш род весь хотел Бог вывесть в Персию в 24—25 году. Вы в курсе в этом? — Да, слышала.

— Я точнее вам могу рассказать. Уже при советской власти, считай в 24—25 году. Я, конечно, еще не был, но старики рассказывали. В этот момент **по Духу было возвешение**, что Бог свой народ хотел в Персию вывесть, укрыть, потому что, как сказать, Красный дракон прилетит и детей наших поглотит (то есть Советская власть придет. — С. Н.). Такие были **пророчества**. Ну, конечно, тут недалеко бабушка, моя сродница жила, она тоже была **пророчка**, и вот она мне лично рассказывала. Она вдова, пятеро детей у ней было. Ну, грит, я детей собираю, а был указ такой — когда в Америку выезжали, то хочешь выезжай, хочешь — нет. А тут — все или никого. Если выезжать, то все до одного. Какие-то платы должны быть. У богачей состояние. Если выезжать, то (они должны) всех сирот-вдов забрать. Там (в Иране—Персии. — С. Н.) землю прям отдельно давали для молокан. Ну, обсуждали — мы должны свои хозяйства разорять, платить за этих детей.

И вот бабушка мне рассказывала — **ее Дух побуждаит, открываит** — иди куда. Куда, гворит, я не знаю. Вечером — зима была, выхожу, иду по сялу. Дохожу до мельницы — пресвитер был, Никихор Яклич, они жили богатые, моя тетка там была замужем, за ихым сыном, и вот **меня туда посылается**, я, гворит, иду — собаки у них цепные были и двор большой, а эти собаки даже и не тронули, не бряхнули, я подхожу к дверям, вот где моя тетка, тётъ Феня, дергаю дверь — она закрытая, гляжу — открывает дверь тётъ Феня, у них два стола стоять, вся семья ужинають, ужинаит вся семья ... — человек двадцать ... На столе там у них вся богатства — и пышки разные и всё — ужнали... **Через нее Дух говорит**, через ее уста: «На што нам Персия?» — и рукой показывает, — «чего у нас нет? — все на столе есть». Дух говорит, «Не пойдете — придут дни: все соберешь со стола, и все улетит у вас». **Через эту бабушку было сказано**. Она не знала, дома сидела, и **Дух ее посылает**.

Оказывается — они сидели за столом, и этот разговор был — до нее гворили, а она пришла, не слышала. А они гворили: «На что нам Персия? Зачем мы в Персию пойдём? У нас на столе все!». Поняли? Они богачи бы-

ли. «Будем все свое разорять! Чего нам за вдов и сирот платить? Туда приедем и будем на их стол глядеть — сами-то уже не заработаем».

Ну вот — **ее так послало**, эт считай в 24—25 году. Ну, она **сказала**. Вроде приняли: «Ну, Ганя Ивановна, садись за стол». — «Нет, я сказала и пошла». Пышки ей положили. «Я, — гворит, — взяла эти пышки и пришла домой».

Ну, наши не виноваты. Не пустили фиолетовские старики (Фиолетово — советское название села Никитина. — С. Н.), говорят: «Еще пять лет посмотрим, чё будет, а тогда пойдем». А через пять лет, когда колхозы, всех из домов выгнули, всё отняли и всё.

И в Фиолетово были **пророчества**. Мне лично рассказывали, кто своими очами видели. Такое **пророчество** было, когда старики стали собираться. Говорил народ: «Там турки, персюки, будут воровать женщин, детей, девчат». И был там один **пророк** Тимофей Назарыч Чичёв. Помины были. **Через него было сказано**, что Бог сохранит. Сидели за столами — самовар кипел. Он попросил чашку: «Дайте чашку сюда». Принесли, он под самовар подставил, стал руки мыть кипятком: «Поверьте, что Бог посылает». Говорят: «Счас обварит руки свои». Вымыл руки, полотенцем вытер, говорит: «Смотрите мои руки». Ничего не повредило. «Если уйдем — Бог сохранит, вы боитесь — воровать будут, жаркое место — Бог сохранит». Все равно старики говорят: «Да, сохранит. Но должны отсрочку на пять лет дать. Если тут хуже будет, туда поедем». А через пять лет закрыли границу и всё. Которые говорили — пять лет, они были богачи, кожевники, кожу выделывали, скотина дома. Всё в 28-м году в колхоз отняли. Выгнули из домов. Мельницу отобрали. Стариков в 30-е годы персажали, главных. А в 37-м всех подобрали, раскулачивали якобы. Куда хочешь, иди. Моя тетка скиталась с детьми, восемь было... В 70-е годы сынам дома отдали, ихим детям».

(Записано в 2003 г., г. Делижан, от пророка прыгунского собрания, И. И. Самодурова, 70 л.)

Литература

- Гловинская 1993 — М. Я. Гловинская. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158—215.
- Гловинская 1999 — М. Я. Гловинская. Предсказания и пророчества в русском языке // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1999. С. 174—180.
- Даль 1978 — В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
- Никитина 1993 — С. Е. Никитина. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Никитина 2004 — С. Е. Никитина. О тезаурусных портретах человека (на материале фольклорных текстов) // Scripta Linguisticae Applicatae = Проблемы прикладной лингвистики. 2. М., 2004. С. 183—201.

-
- Никитина, Кукушкина 2000 — *С. Е. Никитина, Е. Ю. Кукушкина*. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах: Опыт тезаурусного описания. М., 2000.
- Ожегов 1984 — *С. И. Ожегов*. Словарь русского языка. М., 1984.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Петров 2002 — *С. П. Петров*. Пророки и пророчество // *Добрый домостроитель благодати* (Воронеж). № 16, сентябрь 2002. С. 58—64.
- Полная симфония 2000 — *Полная симфония на канонические книги Священного Писания*. СПб., 2000.
- Сионский песенник 1964 — *Сионский песенник столетнего периода христианской религии Молокан духовных прыгунов в Америке*. 4-е изд. / Павла Ивановича Самарина. Лос Анжелес, 1964.
- СРЯ — *Словарь русского языка*. Т. 1. М., 1981.
- Moore 1973 — *W. B. Moore*. *Molokan Oral Tradition: Legends and Memorates of Ethnic Sect*. Berkeley, 1973.

«ЗЕРКАЛО РЕЦЕПЦИИ»: ВОСПРИЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ. МОСКОВСКИЕ ДИАЛОГИ

Т. М. Николаева

1

В работе [Николаева 1990] говорилось о принципах «не-кооперации» в официальных диалогах Москвы, когда советские продавцы, библиографы, работники аптеки и т. д. ощущали себя хранителями «общешоковой» информации, а не знающий ее представал неким аутсайдером, социальным отщепенцем.

Несколько примеров из той поры, опубликованных в указанной работе.

(1). *⟨В библиотеке им. В. И. Ленина.⟩*

Посетитель:

— А где я могу взять требования?

Сотрудник:

— А там нет?

— Где там?

— А где всегда лежали?

— А я что-то не вижу.

— А на обычном месте, около шкафа, посмотрите.

Или:

(2) — *Скажите, у вас валокордин жидкий или в таблетках?*

— Можете платить 30 копеек!

— А это жидкий или в таблетках?

— Я же сказала: платите 30 копеек.

(3) — *Скажите, стички по две копейки?*

— И когда это было? и под.

Резко изменившаяся жизнь России потребовала иного отношения к посетителю (клиенту, покупателю, туристу и т. д.), когда важно понять, чего он хочет, и ответить ему желанной информацией.

2

В нашей статье высказывается гипотеза, что: 1) «зеркало рецепции», восприятие сообщаемой информации, в принципе может быть (и бывает) неадекватным коммуникативной интенции говорящего, 2) что эта асимметрия во многом обусловлена социальными и общефоновыми культурными различиями, 3) что так называемые «коммуникативные неудачи» не случайны, но за ними стоят определенные перцептивные структуры, 4) что (иногда) перцепция информации у людей «на работе» и дома различается и это различие может быть описано.

Через всю монографию «От звука к тексту» [Николаева 2000] проходит идея сосуществования двух систем: валоризованной и эмпирической. Первая изменяется под влиянием второй, при определенном накоплении данных, переходящем через когнитивный порог перцепции. В работе [Николаева 1999] предлагаются три признака, определяющих речевое мышление того огромного слоя, который условно называется «обывательским». Это —

1) дуальная организация системы оппозиций по модели:

— *Холодно сегодня что-то.*

— *А что, жарница, это лучше было бы?*

При этом сообщаемые компоненты разводятся по «крайним полюсам»;

2) «укрупнение масштаба отдельного факта». Это условное именование многих жизненных ситуаций. Например, преувеличивается холод или жара (*говорят, завтра градусов сорок будет* — если объявили 32), преувеличивается разница в возрасте супружеской пары (особенно если «она» старше), преувеличивается возраст известной личности и т. д., преувеличивается количество людей в толпе и т. д.;

3) нелюбовь к сообщению конкретного и точного факта. Это — название на «они», неясное определение должности, сообщаемого явления и т. д.

Таким образом, не-обывателя, то есть интеллектуальную элиту, характеризует понимание значимости центра, «средней нормы», понимание изменений, описываемых в системе градуальных оппозиций.

С целью проверки этой гипотезы, а также желая выявить, происходит ли изменение обмена информацией в российской действительности в современной реальности, мною записывались в Москве 2001—2004 года диалоги с искаженной при перцепции информацией. То есть искажение демонстрировал реципиент, а не первый участник диалога, хотя и такие искажения тоже можно зафиксировать. Все диалоги записаны с абсолютной точностью, без каких-либо сокращений или синонимических замен. Все диалоги датированы. Всего мною за эти три года записано более шестидесяти диалогических единств. В

основном записи осуществлялись мною лично, некоторые примеры представлены мне моими дочерью и внучкой, которым я искренне благодарна.

3

Какие же факторы влияют на искажение «зеркала рецепции»? Можно предположить, что это факторы следующие:

1. **Ситуационный.** То есть реципиент не понимает ситуацию в целом.
2. **Социальный.** Говорящий и воспринимающий различаются по социальному статусу и социальным установкам.
3. **Фоновый.** Это различие по общекультурному багажу говорящего и слушающего.
4. **Концептуальный.** Под этим термином понимается некий особый тип восприятия, когда при перцепции главенствуют концепты, воплощающиеся реально в виде ключевых слов, стереотипизированных словосочетаний, квазключевых слов и близких к ним явлений.
5. **Собственно лингвистический.** Это восприятие только определенной части высказывания, неумение найти нужную (допустимую) перифразу, неправильное категориальное определение объекта и т. д.

Более подробный анализ показывал, что доминирующими факторами при искажении «зеркала рецепции» являются концептуальный и собственно лингвистический. Поэтому на них мы остановимся подробнее, по поводу остальных будут приведены лишь иллюстративные примеры.

4. Концептуальный фактор: восприятие по «ключевым словам»

У этой перцептивной категории существуют определенные подвиды, например:

1. Воспринимаются привычные ключевые концепты:

(4) (в магазине)

- *Вы что-то хотите?*
- *Да, я хотела бы, если есть, темно-серый жакет моего размера, хотелось бы, под цвет этой юбки.*
- *Вот Ваш размер (Протягивает жакет ярко-красного цвета).*
- *Да я серый хотела.*
- *А вот еще Ваш размер (Протягивает вязаную кофту зеленого цвета).*
- *Да нет, я хотела ведь темно-серый жакет.*
- *Сами не знаете, чего хотите!*

Ключевое слово у продавщицы — **размер**.

- (5) (X протягивает продавщице черные кожаные туфли-«лодочки»)
— *У вас есть точно такие 39 размер?*
— *Да, вот 39-й* (Продавщица протягивает замшевые светлые босоножки).

Ключевое слово здесь также — **размер**.

- (6) (21.10.2002. Почта. X (начальнице):)
— *Я хочу с Вами поговорить о том, что не все аккуратно доставляется.*
— *А именно?*
— *Вот я, научный работник, участвую в международном проекте. Нам присылают извещения, что на наше имя пришел чек во Внешторгбанк. Так мои коллеги получили, а я нет. А ведь это немалая за полгода сумма долларов.*
— *Вы что думаете, доллары прямо в письмах посылают?*
— *Да нет, это письмо, а в нем извещение только. И вообще я иногда узнаю из электронной своей почты, что мне что-то послали по почтовому адресу, а этого и нет.*
— *Ну, электронная почта — это нас не касается.*

Ключевые слова: **письма, доллары, электронная почта**.

2. Ключевое слово может быть искажено:

- (7) (В магазине.)
— *X. Скажите, сами пельменины в упаковке «Богатырские» большие?*
— *Упаковки есть по килограмму, есть и по полкило.*

Пельменины и упаковки пельменей не одно и то же.

- (8) (Поездка на частной машине.)
— *Вам куда?*
— *Нам угол Сретенского бульвара и Мясницкой.*
Водитель едет.
— *Куда же Вы?*
— *К Проспекту Мира. Ведь Вы сказали: Сретенка. А это около Проспекта Мира.*

Сретенка не есть угол Сретенского бульвара и Мясницкой.

- (9) (X в магазине.)
— *Скажите, а вон там у вас какие-то дорогие пельмени. «Деликатесные» называются. Они с чем?*
— *А пельмени всегда с мясом.*

Продавщица не обратила внимания на определение «**Деликатесные**».

3. Ключевое слово может попасть в «горизонт ожидания» продавца:

- (10) — *У вас есть какой-нибудь оттеночный шампунь для седых волос? Голубоватый или серебристый?*
 — *Вот, возьмите краску «Палетте». Она хорошо седину прокрашивает.*

Ключевые слова — **седые волосы, что-то красящее.**

- (11) — *У вас есть что-нибудь для седых волос? Шампунь оттеночный?*
 — *А почему только для седых? Он и на любые ложится.*

Ключевое слово здесь другое: **оттеночный шампунь.**

- (12) (Студентка спрашивает в буфете:)

— *А пирожки с чем?*
 — *Четыре пятьдесят.*

- (13) (X покупает в магазине.)

— *И еще дайте ту булочку, но скажите, она мягкая?*
 — *С корицей.*

Само по себе ключевое слово в таких случаях может и не упоминаться.

4. За нарушенным «горизонтом ожидания» может стоять и различие в самой трактовке концептов:

- (14) (Метро «Новогиреево». X продавщице:)

— *Хочу купить что-нибудь в банке попить, но только не пиво.*
 — *Не понимаю Вас, чего Вы хотите.*
 — *Да попить что-нибудь из банки, только не пиво.*
 — *Так кроме пива есть еще только коктейли в банках.*
 — *Ну, дайте коктейль.*
 — *Так бы сразу и сказали.*

Для продавщицы существует только номенклатура ее ларька.

- (15) (В мастерской металлоремонта. X — мастеру:)

— *Когда к Вам лучше зайти?*
 — *После обеда.*
 — *А когда Вы обедаете?*
 — *А я вообще не обедаю.*

Ключевое слово русского рабочего дня — **обед** — никак не соотносится у мастера с реальным приемом пищи.

- (16) (У X испортился мобильный телефон — не может поймать сеть. Его сдают в сервис-центр. X звонит:)

— *Починка Вашего телефона будет стоить 1050 рублей. Вы согласны?*

- Да. Согласна. А скажите, что с ним такое?
- Сейчас скажу... Это ремонт третьей степени.

⟨Вешает трубку.⟩

Для сотрудницы ателье ремонта существуют только их ключевые слова.

(17) ⟨X покупает куриные грудки. На прилавке разные упаковки.⟩

- А можно, чтобы грудок было три?
- Нет, нельзя! Берите упаковку!
- А сколько в ней грудок?
- Три!

Последний пример очень интересен. Продавщица слышит некую просьбу, не соответствующую привычным ключевым словам ее торговли. В подобных случаях всегда — как реакция на неизвестное — отвечают хотя бы сначала **отрицательно**:

(18) — У вас есть какой-нибудь оттеночный шампунь для седых волос? Чтобы голубоватый оттенок? или серебристый?

- Нет, у нас ничего нет. Вот, возьмите «Регенал», он голубоватый оттенок дает.

(19) Сравнить с этим можно услышанный ответ в диалектологической экспедиции в 1953 году:

- Вы знаете такое слово: «гай»?
- Нет, такого слова я не знаю, нет. Лес по-нашему.

(20) ⟨X хочет в ларьке купить тмин. Выставлены повсюду пакетики по 3 р., помятые.⟩

- У вас тмин только такой, в таких пакетиках?
- Да. Других нет.
- Что-то они какие-то неприглядные!
- А не нравится — берите польские, они у нас по 5 р.

(21) ⟨Российская библиотека. X — консультанту:⟩

- Скажите, у вас теперь по-прежнему есть сводный каталог последних поступлений иностранных книг в библиотеки Москвы?

— Нет, у нас такого нет.

— И не будет?

— Нет.

— А жаль, он был в конце этого ряда и тогда можно было узнать про книгу, что она, например, поступила в Библиотеку иностранной литературы!

— А это с 36 ряда и далее.

- *А Вы же сказали, что нет такого каталога.*
- *Я сначала не подумала.*

(22) (Российская библиотека. Зал «Интернет-каталога».)

- *Я могу использовать Каталог ИНИОНА?*
- *Пожалуйста. Вот девушка Вас подключит.*
- *А вот я пользовалась наверху библиографией МЛА, там можно было нужные позиции сбрасывать на дискету, а помечать номера карандашиком, который отмечал карточку.*
- *Нет, у нас этого нет.*
- *Тогда дайте бумагу, я буду отмечать номера на бумажке.*
- ⟨Долгая работа. X сдает.⟩
- *Жаль, что у вас нельзя выводить на дискету!*
- ⟨Библиограф за стойкой:⟩
- *Как нельзя? Пожалуйста. Это пометка «Релевантен», там в углу. Ой. Сколько же Вы зря намучились.*

5. Ключевым словом восприятия может стать некое «яркое пятно» в предыдущем сообщении, которое в дальнейшем будет истолковано неправильно:

(23) (Разговор:)

Мать:

- *Ты знаешь, какая-то несчастная, видимо, бездомная, собака бегаёт по двору.*

Дочь:

- *А какой породы?*
- *Да что-то вроде болонки, пушистая, волосы свисают, глаз совсем не видно.*

Некоторое время спустя.

Дочь:

- *Ну, как там эта слепая собака?*
- *А почему слепая?*
- *Так ты же сказала, что у нее нет глаз.*

6. Искаженное восприятие может возникать из комбинации непонятой ситуации и ключевого слова:

(24) (Управление УВС при Президиуме РАН. X должна получить новый заграничный паспорт. Основной сотрудницы на месте нет. Сидит ее коллега.)

- *Она ездит в УВИР только по понедельникам. Так что приносите гражданский для штампа что-нибудь в четверг или даже в пятницу.*

- *А можно в среду? так мне удобнее?*
- *Что же Вы думаете: она ради Вас специально в четверг поедет?*

(25) *⟨X в абонементе библиотеки ИНИОН.⟩*

- *У меня книги конца XIX и начала XX века. Не знаю, дают ли такие?*
- *Пишите требования в двух экземплярах с шифрами.*
- ⟨X — долго пишет. Подает.⟩*
- *Что это Вы? Так ведь мы после 1930 года на дом не выдаем!*

(26) *⟨X читает объявление: «Меняем и заправляем картриджи. Выезжаем на дом.⟩*

- X звонит: — Вы можете приехать на заправку?*
- *Да. А как вы называетесь?*
- *То есть, как меня зовут?*
- *Нет, как называется ваша фирма?*
- *Да нет, я частное лицо.*
- *К частным лицам не выезжаем!*

Подобные случаи нужно отличать *от полного непонимания ситуации*, не связанного никак с ключевыми словами. См. выше о ситуационном факторе. Например:

(27) *⟨X приехала в Библиотеку иностранной литературы. Понедельник. Объявление: «Библиотека сегодня закрыта по техническим причинам.⟩*

- X: — А что случилось?*
- *Почему-то сегодня перебои с электричеством.*
- *Как жалко! А я ехала издалека.*
- *А Вы бы в пятницу позвонили!*

Примечание: В субботу и воскресенье Библиотека не работает.

(28) *⟨X привозит книги в абонемент библиотеки. 11 утра.⟩*

- *А абонемент работает только с 1 до 5.*
- *Я не знала.*
- *А это всегда так.*
- *Я записалась только на прошлой неделе, и мне не сказали.*
- *А это уже ведь давно так.*

(29) *⟨Троллейбус едет мимо площади у метро «Краснопресненская». Пассажиры лет 50—55:⟩*

- *А тут повсюду фашисты.*
- *???*
- *Да в ларьках.*

- Но ведь это кавказцы!
- Ну да. Это они и есть. Я в газете читала.
- Неужели?
- Да, в газете. Там было сказано, что на этих ларьках нарисованы свастики и кресты. Значит, это фашисты и есть.

- (30) (X. звонит домой к незнакомой ей жене сотрудника ИРЯ.)
- Здравствуйте. Это такая-то. Ваш муж просил меня сегодня прийти к ним в Институт в два часа. А я забыла, куда именно.
 - А он на лекции, и в два будет тоже там же.
 - Ну да. Он потому меня и просил, что сам не может в это время. А я забыла, куда прийти.
 - А Вы вечером позвоните. Он дома будет.
- (31) X (входит в уличный магазин «Деликатесы»):
- Скажите, я могу у вас съесть салат?
 - (продавщица) — Да ешьте! мне не жалко.
 - Но тогда дайте мне вилку и салфетку!
 - А, так Вы у нас его купить хотите?
 - Да.
 - Так бы и сказали, «Я хочу ваш салат здесь съесть».
- (32) (Внучка X., студентка, очень юно выглядящая, записывается в Рос-сийскую библиотеку:)
- Вам 18 есть?
 - Мне 19.
 - Ну, а у нас только с 18-ти.

5

Ситуационное непонимание связано в диалогах и с **социальным фактором**.

- (33) (Библиотека им. Ленина. Зал электронного каталога.)
- Скажите, я могу подключиться к Электронному каталогу ИНИОН?
 - Сотрудник: — Придется Вам прийти в среду. В среду и поработаете.
 - А сегодня?
 - Сегодня не получится.
 - Но ведь сегодня только суббота, что же он, только один раз в неделю работает?
 - Почему? Он и сейчас работает.
 - Так в чем же дело?
 - Но Вам придется тогда заплатить, а в среду — бесплатно.

Сотрудник библиотеки «берет на себя» трудовое расписание посетителя, увидев его преклонный возраст и уже заранее предполагая, что посетитель(ница) не в состоянии заплатить 28 рублей в час за пользование каталогом.

6. Факторы собственно языковые

Восприятие информационного заказа по ключевым концептам может осуществляться параллельно с чисто языковым непониманием, когда говорящий и слушающий как бы владеют разными языками (см. выше об **обед** и **обедаю**).

1. Например, это может быть *незнание языка, точнее, малограмотность*.

(34) ⟨X в универмаге. На витрине выставлено:

Простыня — 56 р.

Простынь — 54 р.

X — продавщице:⟩

— *А почему у вас одно простыня, а другое — простынь?*

Продавщица выходит из-за прилавка, подходит к витрине и рассматривает:

— *А потому что это простыня, а это — простынь!*

(35) ⟨Владелец электронной почты звонит к провайдеру, там говорят:⟩

— *Мы Вам напоминаем, что наш номер теперь такой-то...*

— *Но я это впервые слышу!*

— *Ну да, мы поэтому Вам напоминаем.*

— *Но ведь обычно слово «напоминаем» означает, что это уже человек знает.*

— *Да нет, только что сменили. Вот мы Вам и напоминаем.*

2. Это может быть *незнание значения слова, связанное с незнанием ситуации*:

(36) ⟨Вечер. Магазин.⟩

— *Приходите, у нас завтра с утра будет пасха.*

— *У вас привезли пасху?*

— *Да, вот по 40 рублей.*

— *Да ведь это кулич!*

— *Ну да. Пасха — это праздник, а это к ней.* ⟨Вторая продавщица (что-то вспоминая):⟩

— *Кажется, пасха — это что-то из творога. Спросите в молочном отделе.*

⟨Молочный отдел.⟩

— У вас есть пасха?

— Сегодня их привезли, по 40 рублей. Пойдите, где хлеб.

3. Это может быть очень интересный и, на мой взгляд, не описанный до сих пор факт *плохого восприятия имени собственного*, что свидетельствует, быть может, об особости положения имен собственных в языковой системе.

(37) ⟨Из метро «Б-ка им. Ленина» выходит молодая интеллигентного вида девушка и обращается к X:⟩

— Скажите, Вавилова 40, это где тут?

— Это совсем в другом месте Москвы. Вам нужно туда поехать...

⟨Девушка вынимает бумажку, читает...⟩

— О, господи, ведь тут метро «Ленинский проспект»... А я куда поехала...

(38) ⟨По улице Качалова идет мужчина средних лет (скорее, пожилой) с газетой в руках. Обращается к X:⟩

— Где здесь мастерская по ремонту мужской одежды?

— У нас на улице таких нет.

— Ну, как же ⟨Протягивает газету⟩.

— Но ведь здесь написано: улица Чкалова, а это — Качалова.

— Ну да, я и пришел по объявлению.

— Так там Чкалова, а это Качалова.

— Так и написано.

— Это был Чкалов, летчик, а это Качалов, актер МХАТа.

— Ну вот так и написано в газете.

Идет дальше с газетой.

(39) ⟨В троллейбусе. Голос объявляет:⟩

— Следующая остановка: Скарятинский.

Два пассажира, старики.

— Карятинский. Карятинский... А кто это был, Карятин?

— Это князь такой был знаменитый, Карятин. В честь него и названо.

(40) Простая женщина, малообразованная, все время говорит, что она получает журнал ЖОС, все отчетливо это слышат много лет. Приносит. Оказывается, он называется ЗОЖ.

4. В плане языкового выражения на искажение «зеркала восприятия» может влиять и тот факт, что люди чаще всего запоминают (и воспринимают) именно *последнее слово высказывания*:

- (41) ⟨Беседа филолога, русской, с итальянской коллегой, которая приехала в Москву на конференцию и хочет заранее подготовить свой доклад.⟩ (русская)
- *А у тебя есть дискета?*
 - *Да.*
 - *А что это, IBM или Макинтош?*
 - *IBM.*
 - *Вот это хорошо. Ты сиди, а я вечером помогу.*
 - *Ну, как? Ты занималась?*
 - *Нет.*
 - *Почему?*
 - *Так ты ведь сказала, что у тебя Макинтош.*
- (42) ⟨На радио беседа с телеобозревателем Ириной Петровской.⟩
- Она:
- *Уже трудно придумать что-нибудь новенькое на новогоднюю ночь. Просто уже все было. Разве что заставить великих певцов петь что-нибудь блатное. Например, Галина Вишневская поет «Мурку».*
- Тут же звонок. Старик:
- *До какой же степени нравственного падения Вы дошли, что хотите заставить русский народ в новогоднюю ночь слушать «Мурку». Вы сказали, что на новогоднюю ночь Вишневская поет Мурку.*

Этот, приведенный выше, фактор восприятия по последнему слову, как представляется, более типичен для людей, находящихся «не на работе», для лиц неофициальных. (Как сообщил мне мой сослуживец А. А. Гиппиус, именно это свойство обыгрывается в фильме «Семнадцать мгновений весны», когда Штирлиц произносит некий заранее заготовленный текст, зная, что из него запомнят только последние слова.)

5. Диалог затрудняется потому, что носители нужной информации **не знают эвфемизмов и перифраз**, но ощущают неуместность прямой номинации:

- (43) ⟨Магазин «Нон-стоп» у метро «Краснопресненская». Люди входят, а продавщицы нет. У входа жметесь худенький охранник.⟩
- *Ну, где же она?*
 - *Отошла.*
 - *Ну, на сколько?*
 - *Стоит ждать?*
 - *Она скоро? или надолго?*

Он, мучаясь, молчит.
 — Ну сколько ее ждать?
 Он:
 — Уж и пописать нельзя!

6. Восприятие информации искажают и интересные для лингвиста *категориальные сдвиги, например, при выражении категории определенности-неопределенности:*

- (44) (Сотрудница МГУ, работающая в другом корпусе, спрашивает у охранника:)
- Как пройти в зону Е?
 - Зачем Вам туда?
 - Завизировать бумаги в юридическом управлении.
 - А у Вас есть с собой какой-нибудь документ?
 - У меня с собой их очень много.
 - Ну, покажите хоть паспорт, раз у Вас ничего другого нет.
- (Х. Показывает удостоверение МГУ.)
- Охранник:
- Ну, вот, показали бы сразу и шли спокойно. Проходите.
 - А где же зона Е?
 - Там узнаете.

В этом диалоге охранник употребил «базовую структуру», по Дж. Лаккоффу, снабдив ее показателем неопределенности: *У Вас есть с собой какой-нибудь документ?* Ему нужно было сказать: *какой-нибудь документ, удостоверяющий право входить в МГУ.*

Сотрудница МГУ «ловит» его, сообщая, что документов у нее очень много. Но он не понимает своей ошибки и считает, что у нее *ничего нет.*

Приведем другой пример:

- (45) (Х показывают врачу. Профессор:)
- Я хочу, чтобы Вы пришли к двум, чтобы Вас посмотрели хирурги.
 - Хирурги? (окончание множественного числа подчеркивается). А почему несколько? Это такой сложный случай?
 - Да нет, просто они к двум кончают операции и хоть какой-нибудь освободится.

В этом примере профессор употребляет множественное число как показатель неопределенности — модель *У вас гости.* Посетительница же понимает множественность буквально и пугается, что ее случай так сложен.

* * *

Таким образом, взаимное непонимание зависит от множества гетерогенных факторов, иногда сплетающихся в сложный клубок. Это непонимание во многих случаях или остается непроявленным, или обречено уже заранее на «коммуникативную неудачу», или требует дополнительных разъяснений от адресанта, на которые он в свою очередь не всегда способен.

Цель настоящей работы — показать, что реальная коммуникация никак не похожа на стерилизованные диалоги учебников иностранных языков или отработанные примеры «лабораторной лингвистики».

Литература

- Николаева 1990 — *Т. М. Николаева*. О принципе «не-кооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // *Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста*. М., 1990. С. 225—235.
- Николаева 1999 — *Т. М. Николаева*. Речевая модель «обывателя» и идеи Н. С. Трубецкого — Р. О. Якобсона об оппозициях и «валоризации» // *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова*, М., 1999. С. 704—720.
- Николаева 2000 — *Т. М. Николаева*. *От звука к тексту*. М., 2000.

ОБРАЗОВАНИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И АКТАНТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

А. Г. Пазельская

В данной работе затрагиваются две темы, которые неоднократно попадали в поле зрения Елены Викторовны Падучевой: отглагольные имена и залоговые и диатезные преобразования. Залоговым компонентам значения отглагольных существительных и обуславливающим их контекстным факторам, таким как оформление зависимых или набор участников подчиняющего предиката, посвящены работы [Падучева 1977; 1984]. В них рассматривается, как в том или ином окружении осуществляется выбор залогового значения отглагольного имени из нескольких доступных; мы рассмотрим, что происходит с переходностью глагола при номинализации и при каких условиях отглагольное имя, образованное от переходного глагола, сохраняет или утрачивает переходность.

1. Общие замечания

1.1. Залог и переходность у отглагольных имен

Преобразования наборов участников ситуации, маркированные в глаголе, принято называть залогами [Мельчук, Холодович 1970; Холодович 1970]. Для преобразований, которые могут убирать или добавлять участников ситуации, а не только менять их коммуникативные ранги, иногда используют также специальный термин «актантная деривация» — см. [Плунгян 2000]. В данной работе мы рассматриваем явления более широкие, чем залог в узком смысле, и будем называть их актантными преобразованиями.

Переходным мы будем называть отглагольное имя, которое обозначает переходную ситуацию, т. е. такую, в которой есть семантический субъект и

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 08-04-00181а.

Автор выражает благодарность С. Г. Татевосову и Т. Е. Янко за ценные замечания к первоначальным вариантам этой работы.

объект. Переходность ситуации, обозначаемой отглагольным именем, зависит от переходности исходного глагола, но не определяется ею полностью. У существительных, образованных от переходных глаголов, есть несколько возможностей в плане того, какую ситуацию они способны обозначать. Например, глагол *мыть* (*кто кого/что*) образует существительное *мытьё*, которое может обозначать как переходную ситуацию (*мытьё овощей проточной водой*), так и непереходную рефлексивную (*мытьё в новой ванной — сплошное удовольствие*); глагол *разрушить* образует существительное *разрушение*, которое соотносится как с переходной ситуацией (*разрушение города варварами*), так и с непереходной декаузативной (*разрушение организма под воздействием окружающей среды*). Такие существительные мы здесь рассматривать не будем.

Существительные, связанные с непереходными глаголами (*кипение, хождение, провисание*), всегда обозначают только непереходные ситуации. Также не имеют никакой вариативности существительные, имеющие в своем составе инкорпорированный Пациенс (*самолестроение, самообвинение, очковтирательство*).

Традиционно указывается, что отглагольное существительное не различает залогов и актантных дериваций, т. е. способно соотноситься как с переходным глаголом, не различая активной и пассивной перспективы, так и с рефлексивными, декаузативными и реципрокальными глаголами — см., например, [Виноградов 1947: 105]. Под этим обычно подразумеваются две вещи: во-первых, неразличение «собственно залога», т. е. актива и пассива: *строительство дома рабочими* можно сопоставить и с *Рабочие строят дом*, и с *Дом строится рабочими*. Во-вторых, неразличение актантных дериваций, а именно, двухактантной переходной каузативной ситуации и одноактантной непереходной декаузативной: *разрушение* от *разрушать* и *разрушаться*.

С «собственно залоговой» частью этого утверждения нельзя не согласиться: актив и пассив в отглагольных существительных не различаются. В части актантных дериваций, однако, отглагольные существительные проводят больше различий. Так, есть существительные, которые могут соотноситься только с одноактантной ситуацией, даже если исходный глагол имеет два актанта (*огорчение* — только *огорчаться*, но не *огорчать*), а также такие, которые могут иметь только переходное понимание (*выполнение задания* — ‘кто-то выполнял/выполнил задание’, а не ‘задание (само) выполнилось’).

В некоторых случаях можно даже подобрать такие «квазизалоговые» пары существительных, в которых одно имеет только переходное, а второе — только декаузативное непереходное значение, и различаются они только наличием/отсутствием каузации: *воскрешение* и *воскресение*, *кипячение* и *кипение*, *вдохновение* и *вдохновение*, *срачивание* и *срастание*, *проращение* и

прорастание, сажание и сидение. Мы постараемся показать источники таких пар и выявить необходимые условия их возникновения.

Естественно, переходность ситуации, обозначаемой именем, соотносится и с возможностью выражения участников. Если существительное, образованное от переходного глагола, само обозначает только непереходную ситуацию, то очевидно, что присоединить к нему именную группу, соответствующую субъекту переходного глагола, нельзя. Однако возможность выразить участника, соответствующего подлежащему агентивной ситуации, не позволяет отличить существительные, обозначающие как переходные, так и непереходные ситуации, от существительных, обозначающих только переходные ситуации: в обоих случаях субъект может быть выражен, но не является обязательным. Например, уже упоминавшиеся выше лабильное *разрушение (дома)* и строго переходное *выполнение (задания)* ведут себя в этом плане одинаково и могут употребляться как без субъектной именной группы, так и с ней: *разрушение дома рабочими* и *выполнение задания учеником*.

Также на способность существительного обозначать переходную ситуацию указывает возможность употребления его в контексте некоторых глаголов, которые подразумевают в качестве дополнения намеренное, агентивное действие с целеполагающим субъектом. Такими свойствами обладает, например, глагол *заниматься*: можно сказать *заниматься строительством* или *разрушением дома*, но нельзя *заниматься, например, рождением (ребенка)* или *отслоением (горных пород)*. Однако и этот тест тоже не позволяет отличить имена, обозначающие только переходную ситуацию, от существительных, способных соотноситься с обоими типами ситуаций. Так, *строительство* и *разрушение* дают одинаковые результаты, но при этом *строительство дома* не может описывать декаузативную ситуацию ('дом (сам) построился'), а *разрушение дома* — может. Поэтому ключевой диагностикой для отнесения существительного к тому или иному типу остается его значение.

1.2. Типы актантных преобразований

Поскольку формальные критерии не позволяют до конца различить все наблюдаемые случаи, в дальнейшем мы будем опираться в первую очередь не на возможность выражения тех или иных участников исходной «глагольной» ситуации в качестве зависимых при имени или его употребление в тех или иных контекстах, а на семантику самого этого имени. Рассмотрим подробнее типы непереходных ситуаций, которые могут быть выражены отглагольным именем:

- декаузативная ситуация ('само по себе, вне действий Агенса'): *умиление, восхищение, опьянение*;

- рефлексивная ситуация ('сам себя'): *мытьё, переодевание, возвращение*;
- реципрокальная ситуация ('друг друга, друг с другом'): *общение, прекращение, сближение*.

Как можно увидеть, набор возможных непереходных интерпретаций отглагольного существительного практически совпадает с набором интерпретаций, доступных для глагола на *-ся* (см. [Янко-Триницкая 1962])¹. Однако неверно, что для каждого конкретного глагола наличие деривата на *-ся* гарантирует возможность непереходной интерпретации соответствующего отглагольного имени, а значение этого *-ся*-деривата жестко предопределяет тип непереходного значения имени. Мы увидим случаи, когда это не так.

Естественно, для нас важно, чтобы глагол и существительное в переходном и непереходном употреблении сохраняли одно и то же значение: так, пара *отбытие (из города) — отбытие (наказания)* не может считаться примером на переходную и непереходную интерпретацию одного и того же существительного, поскольку две ситуации, обозначаемые словом *отбытие*, не имеют между собой ничего общего.

1.3. Декаузативация в глаголах и именах

В данном разделе мы постараемся более подробно описать, что такое декаузативация в отглагольных именах и чем переходное значение отглагольного имени отличается от непереходного. Разница между переходным и декаузативными значениями отглагольного имени, насколько нам известно, нигде не рассматривалась; зато есть некоторое количество работ, посвященных декаузативации у глаголов, как в русском языке, где декаузативное значение выражается *-ся*-дериватом (например, [Виноградов 1947; Гаврилова 1978; 1990; Падучева 2001]), так и в английском языке (см. [Hale, Keyser 1993; Rapaport, Levin 1998; Kratzer 1996; Ramchand 2003] и мн. др.); ср. также типологические исследования, посвященные залогу (см. [Холодович 1970; Мельчук, Холодович 1970; Haspelmath 1987; 1993]).

При исследовании существительных с декаузативным значением мы будем опираться на описание и объяснение декаузативации в глаголах, предложенные в статье [Падучева 2001]. Работа посвящена декаузативам от каузативных глаголов изменения состояния совершенного вида и дает ответы на вопросы, существенные и для именной декаузативации (см. [Падучева 2001: 55—56]):

¹ Единственное исключение — глагол на *-ся* может обозначать также постоянную характеристику, свойство деятеля, как в т. н. глаголах «обобщенного объекта»: *Можете погладить собаку, она не кусается*. У отглагольных существительных такой интерпретации нет.

Вопрос 1. Как охарактеризовать класс каузативных глаголов, которые допускают декаузативацию. <...>

Вопрос 2. Какова деривационная модель, т. е. общее правило, которое позволяло бы строить значение декаузатива из исходного каузативного глагола. <...>

Вопрос 3. В чем различие по смыслу между декаузативом и пассивом.

Отвечая на эти вопросы, автор показывает, что декаузативация включает в себя три операции:

- деагентивацию — семантическую деривацию, при которой целеполагающий Агенс заменяется на Каузатора (*Ваня открыл дверь* — *Порыв ветра открыл дверь*);
- собственно декаузативацию — диатетический сдвиг, в результате которого Каузатор из актанта становится сирконстантом (*Порыв ветра открыл дверь* — *Дверь открылась от порыва ветра*);
- необязательное удаление периферийного Каузатора (*Дверь открылась от порыва ветра* — *Дверь открылась*).

Для того чтобы глагол мог подвергнуться декаузативации, нужно, чтобы к нему можно было последовательно применить все эти операции. Однако сильными ограничениями обладает только самая первая из трех, семантическая деривация, остальные же две оказываются более-менее штатными. Запреты на декаузативацию у ряда глаголов изменения состояния связаны как раз с невозможностью устранения Агенса из семантической структуры этих глаголов.

Невозможность удаления целеполагающего субъекта из описываемой глаголом ситуации всегда связана с тем, что в семантике этого глагола есть агентивно ориентированные компоненты: «например, компоненты, фиксирующие способ или характер деятельности (*смахнуть, подмести, разогнать*), в частности наличие и даже тип орудия или инструмента (как у глаголов *разрезать, разрубить*). <...> чтобы резать, нужен инструмент, а значит, и использующий его Агенс» ([Падучева 2001: 61]).

Все эти обобщения отвечают одновременно на Вопрос 1 и Вопрос 2. На Вопрос 3 ответ такой, что в декаузативе Агенс устраняется полностью, а в пассиве он лишь уходит на Периферию, но подразумевается. Можно, наверное, сказать, что пассивизация представляет собой просто диатетический сдвиг, а декаузативация — диатетический сдвиг с предварительным устранением Агенса.

У отглагольных существительных, для которых противопоставление прямой (активной) и производной (пассивной) диатезы нерелевантно, не может быть пассива, но может быть декаузатив — вернее, к ним применима операция деагентивации, т. е. устранения Агенса. Наши данные свидетельст-

вуют о том, что ограничения на деагентивацию в отглагольных именах в целом те же, что и в глаголах, и что в русских отглагольных именах работает тот же фактор наличия агентивно ориентированных компонентов значения.

Нередко можно встретить более сильные утверждения о параллельности актантных свойств имен и глаголов. А именно сообщается, что отглагольное существительное в двух своих разных значениях, каузативном и декаузативном, образовано от разных глаголов: имя в декаузативном значении соотносится с глаголом с постфиксом *-ся*, а имя в каузативном значении — с исходным непроизводным глаголом. Например, из таких предпосылок исходят авторы словарей в словарных статьях такого типа: «**Разрушение**: к Разрушить — разрушать и Разрушиться — разрушаться. *Разрушение городов. Разрушение породы ветром. Разрушение бюрократической системы. Разрушение организма. Процесс разрушения старых экономических связей*» [СТС 1998].

Наши данные, однако, показывают, что наличие у существительного декаузативного значения не определяется полностью наличием декаузативного деривата на *-ся* у соответствующего глагола: имеются исключения в обе стороны. К существительным с декаузативным значением, которые соответствуют глаголам без формы на *-ся*, относятся, например, *обызвествление* (от *обызвествить*) и *ржавление* (от *ржавить*). С другой стороны, довольно много существительных, образованных от глаголов, имеющих форму на *-ся*, не имеют, тем не менее, декаузативного значения: *порождение, обозначение* (ср. *город обозначился на горизонте*), *убеждение, ободрение, начисление*.

Поэтому нельзя считать, что наличие декаузативной интерпретации у отглагольного существительного напрямую зависит от наличия формы на *-ся* (с тем же значением) у глагола. Наблюдаемое совпадение вызвано тем, что то и другое обуславливается, очевидно, схожими факторами, но на прямую взаимозависимость (и на правомерность утверждений типа «существительное *разрушение* образовано одновременно от глагола *разрушать* и от глагола *разрушаться*») ничто не указывает.

2. Типы отглагольных существительных по составу участников

Ниже описываются типы существительных, образованных от переходных глаголов, и выделяются общие условия возникновения того или иного типа.

2.1. Лабильные существительные

Наиболее цитируемый в литературе тип отглагольных существительных — существительные, которые можно назвать лабильными, т. е. такие, которые могут иметь как каузативное, так и декаузативное значение: *раз-*

рушение (города врагом и организма по действием внешней среды), измельчение (пороха, горной породы), переключение (электрического тока, самопроизвольное переключение прибора), деление (чисел и клеток), эвакуация, нагрев.

Имеется интересная разновидность этого типа, когда из двух возможных интерпретаций, каузативной и декаузативной, на первом месте оказывается декаузативная — в частности, она гораздо частотнее. К этой разновидности относятся, например, такие существительные, как *развитие, образование, увеличение.*

Рассмотрим разные употребления слова *увеличение*, представленные в примерах (17) и (18), найденных в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru).

(П.17) *Постепенное **увеличение** объемов рекламы, которое наблюдалось в конце 2002 года, стало наглядным свидетельством постепенного возрождения рекламного рынка.* [Россия и США: растем! // «Рекламный мир», 2003.04.28]

(П.18) *Напомним, что с 1 апреля предполагается **увеличение** страховой части пенсии на 12 %, то есть на 265 руб.* [Оксана Карпова. Пенсии догоняют инфляцию // «Время МН», 2003.08.25]

Употребления типа (17) мы считаем декаузативными: *увеличение объемов рекламы* в данном случае можно перифразировать как ‘объемы рекламы (сами собой) увеличились’. Употребления типа (18) — каузативные: *предполагается увеличение страховой части пенсии* — ‘предполагается, что страховую часть пенсии увеличат’.

По тому же Национальному корпусу, из 150 первых вхождений слова *увеличение*, 80 относятся к декаузативным контекстам (типа (17)), а 56 — к каузативным (как (18)). Остальные вхождения на основании имеющегося контекста нельзя отнести ни к тем, ни к другим.

Лабильные существительные обоих типов, и с преобладанием каузативной ситуации, и с преобладанием декаузативной, обозначают прежде всего такие ситуации, в которых специфицирован результат, а не способ совершения действия: например, слово *измельчение* означает, что нечто стало или было сделано мелким — неважно, каким образом. Существительные, которые описывают способ совершения действия, например, *боронование* (= ‘обработка при помощи бороны’), *выколачивание* (*пыли из ковра*; = ‘удаление пыли при помощи ударов’), *золочение* (= ‘покрывание золотом’), относятся к следующему актантному типу — а именно к существительным, имеющим только каузативное значение.

2.2. Существительные с только каузативным значением

Достаточно большое количество отглагольных существительных имеют только одну, каузативную интерпретацию. Так себя ведут отглагольные существительные, образованные от глагольных основ с каузативной семантикой, выраженной или не выраженной формально, а также от вышеупомянутых основ глаголов, в значении которых есть агентивно ориентированные компоненты.

К основам с формально не выраженной каузативностью относятся, например, основы *кормить* (сущ. *кормление*) и *переводить* (например, *деньги на счет*, сущ. *перевод*). Формально каузативность может быть выражена каузативными морфемами в составе глагольной основы. В [Грамматике 1980] упоминаются два суффиксальных глагольных каузатива (с. 353—354):

- *-и-* '(с)делать так, чтобы кто- или что-л. совершал(о) [совершил(о)] действие, названное мотивирующим глаголом; заставить совершать [совершить] это действие': *воскресить, гасить, гноить, поить, топить*;
- *-а-* с тем же значением, что и *-и-*: *сажать, вешать, слушать*.

Именно от основ глаголов с суффиксальными каузативами образуются каузативные члены квазизалоговых пар, упомянутых в начале главы: *кипятить, сажать, воскресить, сращивать*. Непереходные члены таких пар образуются от непереходных основ без каузативных суффиксов (*кипеть* — *кипение, сидеть* — *сидение, воскреснуть* — *воскресение*).

2.3. Существительные без каузативного значения

Ряд отглагольных существительных обозначает только непереходную ситуацию: *сплетение (нитей, корней), умиление, скрепление, переворот, тревога, плен*; насколько их значение можно назвать декаузативным, мы увидим в дальнейшем. Тот факт, что отглагольные существительные от переходных глаголов оказываются вовсе лишены характерного для глагола переходного значения, заслуживает отдельного объяснения.

Возможное объяснение заключается в том, что в ситуациях, обозначаемых такими существительными, отсутствует не только целеполагающий субъект, но и сама связанная с ним ситуация каузации изменений, остается только вызванное этим изменением результирующее состояние. Значение таких существительных близко к значению перфективных пассивных причастий: *сплетение нитей* = 'то, что нити сплетены', *тревога матери* = 'то, что мать встревожена', и т. п. Однако пассивные причастия сохраняют даже больше исходной глагольной структуры, чем существительные, утратившие каузативный компонент семантики. Так, русские пассивные причастия со-

держат в себе отсылку к каузативной ситуации и способны присоединять агентивную именную группу: *Окно было открыто Машей*. Отглагольные существительные данного класса полностью теряют агентивный компонент вместе со способностью присоединять агентивное дополнение: *сплетение нитей* (**вышивальщицей*), *плен князя Игоря* (**половцами*). Русские отглагольные существительные, имеющие только непереходное значение, тем самым, схожи не с русскими, а с английскими или немецкими причастиями (см. [Kratzer 2000; von Stechow, Paslawska 2002]).

Значение строго непереходных существительных отличается и от декаузативного значения вышерассмотренных лабильных существительных: в строго непереходных существительных от исходного ситуативного значения остается только стативный компонент, а все динамические компоненты утрачиваются.

Остается открытым вопрос, какие условия должны быть соблюдены для образования именно такого существительного. Понятно, что, как и в случае лабильных существительных, исходный глагол должен обозначать ситуацию, легко разложимую на каузирующую ситуацию и результирующее состояние, причем каузирующая ситуация должна быть легкоустранима, а результирующее состояние, наоборот, хорошо специфицировано. Ясно также, что один из классов глаголов, образующих именно существительные со строго декаузативной и, как мы уже установили, стативной семантикой, — это глаголы каузации эмоционального состояния, такие как *огорчить*, *расстроить*, *восхитить*, существительные от которых обозначают только результирующее эмоциональное состояние: *огорчение*, *расстройство*, *восхищение* (см. [Пазельская 2005]). Однако какими признаками должен обладать глагол, чтобы от него образовывались именно имена со стативным декаузативным значением, а не просто лабильные, и есть ли другие тематические классы глаголов с таким поведением, остается неясным. Видимо, следует признать, что здесь мы имеем дело с непродуктивным словарным процессом, затрагивающим отдельные лексемы.

2.4. Существительные с возвратным и взаимно-возвратным значениями

Некоторые глагольные основы образуют имена с возвратным (*мытьё*, *питание*, *переодевание*) и взаимно-возвратным (*соприкосновение*, *отличие*, *знакомство*, *встреча*, *женитьба*, *равенство*) значением. Существительные с возвратным значением практически всегда сочетают это значение с каузативным переходным (*одевание себя/ребенка*).

Наличие этих значений как раз обычно коррелирует с наличием *-ся-дери-* вата с таким же значением у соответствующего глагола: так, возвратное зна-

чение характерно прежде всего для глаголов ухода за телом (*мыть, питать, одевать*), а взаимно-возвратное — для предикатов с симметричными участниками (*отличаться, знакомиться, жениться, равняться*).

Возвратное и взаимно-возвратное значение — это способ сократить число участников ситуации, не меняя существенно ее семантику, в отличие от декаузатива, и даже не меняя коммуникативные ранги участников, как это происходит при пассивизации. При возвратном значении сокращение числа участников осуществляется за счет тождества субъекта и объекта, при взаимно-возвратном — путем сложения обоих участников в единый множественный актант, так что каждый становится субъектом и объектом (см. [Плунгян 2000]). Ограничения на такие операции, по-видимому, формулируются скорее в терминах тематических групп глаголов, и потому корреляция наличия возвратного или взаимно-возвратного значения у имени и наличия *-ся* деривата с таким же значением у глагола весьма ожидаема.

Описанные выше под рубрикой 2.2 существительные, в семантике которых содержится выраженный или не выраженный каузативный компонент и которые в силу этого не могут обозначать декаузативную ситуацию, рефлексивную ситуацию тоже чаще всего называть не могут. Для выражения этого значения образуется композит с *само-*: *самовоспитание, самообогащение, самоуничижение*.

3. Заключение

Мы рассмотрели, как преломляются в отглагольных существительных понятия залога и актантной деривации, каким преобразованиям может подвергаться набор глагольных участников при номинализации и какие последствия для всей обозначаемой именем ситуации это имеет в каждом случае. Мы выделили ряд типов отглагольных существительных по тому, как они преобразуют задаваемый глагольной основой состав участников ситуации, и рассмотрели свойства, которыми должна обладать глагольная основа и обозначаемая ею ситуация, чтобы образованное от нее отглагольное существительное попало в тот или иной тип.

Наиболее интересными, как и следовало ожидать, оказались такие актантные типы, в которые попадают существительные, образованные от основ переходных глаголов, демонстрирующих наибольшую вариативность — каузативный тип, лабильный тип, лабильный тип с преобладанием декаузативного значения, стивно-результативный тип. Обнаружилось, что для отглагольных существительных, так же как и для декаузативных глаголов на *-ся*, основным условием для приобретения декаузативного значения является возможность подвергаться декаузативации, т. е. устранению из структуры со-

бытия целеполагающего Агенса. Препятствием к такому устранению может быть наличие в лексическом значении глагольной основы компонентов, связанных с Агенсом, в первую очередь компонента, специфицирующего его деятельность.

Кроме того, декаузативное значение невозможно, если в составе глагольной основы есть отдельный компонент каузации, выраженный каузативной приставкой или суффиксом, а в некоторых случаях — лексически. Действительно, если глагольная основа содержит в себе морфему, эксплицитно указывающую на каузативность, то устранить эту каузативность из значения отглагольного имени, не устраняя из его состава самой морфемы, вряд ли возможно.

Существительные, образованные от переходных глаголов, но не сохраняющие каузативного значения, по-видимому, теряют существенную часть исходной событийной структуры и обозначают только результирующее состояние, подобно пассивным причастиям прошедшего времени. Причем, в отличие от русских пассивных причастий, такие существительные теряют даже способность присоединять дополнение в творительном падеже, выражающее Агенса исходной ситуации.

Литература

- Виноградов 1947 — *В. В. Виноградов*. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Гаврилова 1978 — *В. И. Гаврилова*. К вопросу о выражении диатезы «объектный квазипассив» в русском языке // Проблемы теории грамматического залога / Ред. В. С. Храковский. Л., 1978. С. 203—208.
- Гаврилова 1990 — *В. И. Гаврилова*. Квазипассивная конструкция в системе залоговых противопоставлений русского глагола // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка / Ред. В. В. Иванов. М., 1990. С. 26—40.
- Грамматика 1980 — Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1—2. М., 1980.
- Мельчук, Холодович 1970 — *И. А. Мельчук, А. А. Холодович*. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124.
- Падучева 1974 — *Е. В. Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1977 — *Е. В. Падучева*. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М., 1977. С. 84—107.
- Падучева 1984 — *Е. В. Падучева*. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики / Ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1984. С. 50—66.
- Падучева 2001 — *Е. В. Падучева*. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 52—79.

- Пазельская 2005 — *А. Г. Пазельская*. Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций // Тр. междунар. семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям / Ред. И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей. М., 2005. С. 401—406.
- Плунгян 2000 — *В. А. Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- СТС 1998 — Современный толковый словарь. М., 1998.
- Холодович 1970 — *А. А. Холодович*. Залог. 1. (Определение. Исчисление) // Категория залога: Мат-лы конф. Л., 1970. С. 2—26.
- Янко-Триницкая 1962 — *Н. А. Янко-Триницкая*. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Hale, Keyser 1993 — *K. Hale, S. J. Keyser*. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // *K. Hale, S. J. Keyser* (eds.). *The View from Building 20: Essays in Linguistics in Honor of Sylvain Bromberger*. Cambridge (Mass.), 1993. P. 53—109.
- Haspelmath 1987 — *M. Haspelmath*. Transitivity Alternations of the Anticausative Type. Köln, 1987.
- Haspelmath 1993 — *M. Haspelmath*. More on Typology of Inchoative / Causative Verb Alternations // *B. Comrie, M. Polinsky* (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 1993. P. 87—120.
- Kratzer 1996 — *A. Kratzer*. Severing the External Argument from its Verb // *J. Rooryck, L. Zaring* (eds.). *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht, 1996. P. 109—137.
- Kratzer 2000 — *A. Kratzer*. Building Statives // *Berkeley Linguistic Society*. 26. 2000. P. 385—399.
- Ramchand 2003 — *G. Ramchand*. *First Phase Syntax*. Ms. Univ. of Oxford, 2003.
- Rappaport, Levin 1998 — *M. Rappaport, B. Levin*. Building verb meanings // *M. Butt, W. Geuder* (eds.). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford, 1998. P. 97—134.
- von Stechow, Paslawska 2002 — *A. von Stechow, A. Paslawska*. Perfect Readings in Russian. Ms. Univ. of Tübingen, 2002.

ОБ ОДНОМ «НЕЗАМЕЧЕННОМ» ТИПЕ РУССКОГО СТИХА: ЛОГАЭДИЧЕСКИЙ ПЕОНИЧЕСКИЙ ДОЛЬНИК

В. А. Плунгян

Дорогой Елене Викторовне, которой всегда интересно всё

В 1920 г. Георгий Иванов написал стихотворение (1) — вошедшее в его сборник «Сады» 1921 г. и включенное им впоследствии в избранное 1937 г. («Отплытие на остров Цитеру») в качестве завершающего книгу:

(1) Облако свернулось клубком,
Катится блаженный клубок,
И за голубым голубком
Розовый летит голубок.

Это угасает эфир...
Ты не позабудешь, дитя,
В солнечный, сияющий мир
Крылья, что простёрты, летя.

— Именем любовь назови.
— Именем назвать не могу.
Имя моей вечной любви
Тает на февральском снегу.

Возникает естественный вопрос: каким размером оно написано? Ответ на этот вопрос далеко не так прост, как может показаться, хотя основные параметры размера легко описать: это регулярная последовательность строк вида 0•3•2•0, т. е. строк из трех иктов, таких, что между первым и вторым иктом — три слога, а между вторым и третьим — два слога; анакруса и клаузула всегда нулевые¹. Но как следует *назвать* этот размер? Один из готовых

¹ Здесь и далее, при обозначении метрических схем используется распространенная во многих стиховедческих работах нотация, в которой точка соответствует икту (сильному месту строки), а цифра между точками — слоговой длине (или «объему») междуиктового интервала, т. е. числу слабых слогов между иктами. Цифра пе-

ответов — логаяд, т. е. стих, образованный «правильным чередованием неоднородных стоп» [Гаспаров 1993: 119]; однако этот ответ хотя и верен, но недостаточно информативен: под понятие логаяда подпадает слишком большой и разнородный класс метров, чтобы оно было интересно для исследователя. Классификация логаядов в русской метрике практически не разработана, и вопрос «какой именно логаяд» остается без ответа.

Ну что ж, попробуем в таком случае начать отвечать на другой вопрос: к какому типу метров данный логаяд наиболее близок? Но и здесь с первой попытки найти удовлетворительный ответ не удастся. Это, разумеется, не регулярный силлабо-тонический метр, потому что междуиктовые интервалы не совпадают по числу слогов. Это, как будто бы, и не дольник (по крайней мере, не канонический дольник), потому что междуиктовые интервалы здесь *больше*, а не меньше предельно допустимого для дольника объема в два слога. Может быть, в таком случае, это тактовик? Ведь его отличительным признаком как раз и являются «расширенные» междуиктовые интервалы в отдельных местах строки. По букве определения — так, но проблема состоит в том, что «каноническим» тактовиком этот стих назвать тоже трудно. Ведь известные, хрестоматийные примеры тактовика совсем не похожи на (1). Для всех них характерна неупорядоченность в появлении «расширенных» междуиктовых интервалов, которые возникают далеко не в каждой строке, и при этом в разных местах строки. Канонический тактовик неизменно ассоциируется прежде всего с приемами, так сказать, расшатывающими ритм стиха, а не подчеркивающими его, как в случае логаяда². Ритмический эффект типичного тактовика в каком-то смысле противоположен ритмическому эффекту, наблюдаемому в (1), где господствует четкий, легкоуловимый ритм логаядического типа. Например, у того же Георгия Иванова мы находим такие образцы, как (2), где можно наблюдать все признаки «нормального» тактовика: объем междуиктовых интервалов непостоянен и колеблется от 1 до 3, причем распределение интервалов различного объема произвольно; анакруса также варьирует.

ред первой точкой указывает слоговую длину анакрусы, цифра после последней точки — слоговую длину клаузулы. Так, например, нотация 1•2•2•0 будет соответствовать регулярному трехстопному амфибрахию с мужской клаузулой (типа *И критиков новых плодить*).

² «Если в дольнике объем слабых интервалов между иктами колебался в пределах двух вариантов (1—2 слога), то в тактовике он колеблется в пределах трех вариантов (1 — 2 — 3 слога). Соответственно, и ритмическое ожидание ударности / безударности каждого следующего слога здесь *становится еще расплывчатее* (курсив мой. — В. П.)» [Гаспаров 1993: 140]. К определению М. Л. Гаспарова следует добавить, что объем слабых интервалов как в дольнике, так и в тактовике в отдельных случаях может быть и нулевым, т. е. два ударных слога могут и следовать друг за другом подряд (см. подробнее ниже).

- (2) Зима всё чаще делала промахи, 1•1•1•2•2
 Незаметно растаяли снега и льды. 2•2•3•1•0
 И вот уже радостно одеты сады 1•2•3•2•0
 Пахучими цветами черёмухи. 1•3•2•2
 <...>

(«Зима всё чаще делала промахи...»; (1911))

Стихов типа (2) в русской поэзии много; особенно много их появляется начиная как раз со второго десятилетия XX века, хотя, как известно, с трехиктным тактовиком экспериментировал еще Сумароков («Хоры ко превратному свету», 1762—1763), и именно этим размером были написаны «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833) и некоторые из «Песен западных славян» (1834) Пушкина. Про стихи же типа (1) общие работы по русской метрике, как кажется, практически ничего не говорят. Ритмически, их можно было бы считать своего рода регулярным тактовиком (или, если угодно, тактовиком-логаэдом), но в самом соединении терминов «тактовик» и «логаэд» есть некоторое неявное противоречие, поскольку первый предполагает достаточно свободный ритм, граничащий с акцентным стихом и демонстрирующий очень широкий разброс метрических ожиданий, тогда как второй, напротив, предполагает максимально строгий и упорядоченный ритмический рисунок, воспроизводимый без изменений из строки в строку. И в тех крайне редких случаях, когда стихи типа (1) всё же оказываются специалистами отмечены, в их комментариях чувствуется некоторая неуверенность: так, В. Е. Холшевникову [2002: 74] приходится по поводу сходных образцов говорить о «логаэде <...>, восходящем к тактовик» (в каком смысле «восходящем»? видно, что заставить себя написать просто «тактовик-логаэд» В. Е. Холшевников не может — и справедливо).

На самом деле, стихотворение (1) — далеко не единственный (и далеко не первый) образец такого типа. Однако можно сказать, что этот тип метра остался не замеченным исследователями; по крайней мере, в качестве особого типа он, насколько нам известно, никогда не выделялся. По всей вероятности, это связано с тем, что детальная номенклатура дольников и тактовиков, т. е. размеров с переменной длиной междуиктовых интервалов, вообще разработана пока еще очень слабо, несмотря на более чем столетие их активного присутствия в русской поэзии.

Ниже мы хотели бы предложить краткий предварительный обзор и классификацию образцов данного метра. Для его обозначения мы считаем наиболее подходящим термин «логаэдический пеонический дольник» — по причинам, которые, как мы надеемся, станут ясны ниже.

Главной отличительной особенностью интересующего нас метра является присутствие одного трехсложного междуиктового интервала в фиксиро-

ванном месте строки. Эта особенность предполагает, с одной стороны, запрет определенных метрических структур, характерных для подавляющего большинства собственно тактовиков, но, с другой стороны, оставляет и достаточно большое пространство для метрических вариаций. В соответствии с этими последними и возможна дальнейшая классификация образцов этого метра.

Принцип «только один фиксированный трехсложный междуиктовый интервал» исключает, собственно, прежде всего структуры с междуиктовыми интервалами большей длины, которые характерны уже не столько для тактовика, сколько для разных форм акцентного стиха. Но он исключает также — что, может быть, даже более существенно — стихи, в которых место трехсложного интервала в строке *произвольно*, т. е. может быть на протяжении стиха любым. Этот запрет создает резкую границу, разделяющую наш размер и обычный тактовик: в последнем трехсложные интервалы могут оказаться между любыми двумя иктами, причем в строке их может быть как несколько, так и, вообще говоря, ни одного, поскольку тактовик вполне может включать и правильные трехсложные размеры, и дольники³. Так, в примере (2) первая строка не содержит расширений, а является обычным четырехиктным дольником.

Различие между размером типа (1) и обычным тактовиком типа (2) напоминает различие между логаядическим и обычным дольником: если в обычном дольнике укороченные интервалы длиной менее двух слогов («синкопы») могут располагаться между любыми двумя иктами, могут встречаться несколько раз в одной строке, а также могут и вовсе отсутствовать (в этом случае дольник включает правильные строки, что является широко распространенным приемом), то для логаядического дольника характерно фиксированное место синкопы (или синкоп, если их в строке больше одной). Таков, например, известный логаяд Мандельштама (3), для которого характерен постоянный пропуск слога между вторым и третьим иктом (схема 0•2•1•0):

- (3) Я ненавижу свет
 Однообразных звёзд.
 Здравствуй, мой давний бред —
 Башни стрельчатой рост!

 Кружевом, камень, будь
 И паутиной стань,
 Неба пустую грудь
 Тонкой иглою рань.
 <...>

(«Я ненавижу свет...»; 1912)

³ «Удивляться этому не приходится: чем больше расшатан, расплывчат ритм стиха, тем легче он включает в себя более строгие ритмы как частные случаи» [Гаспаров 1993: 141].

Логаэды типа (3) — собственно, логаэдические дольники — представляют достаточно распространенный тип дольника; более того, можно полагать, что одна из тенденций развития русской метрики в XX веке как раз и состояла во всё возрастающей «логаэдизации» первоначально более разнообразных дольников: из дольников как бы выделился более «расшатанный» тип, примкнувший к тактовому и акцентному стиху, и более «ритмизованный» тип, давший логаэды, подобные (3). В творчестве ведущих авторов начала XX века, много писавших дольниками, эта тенденция проявляется наглядно. Особенно велик массив логаэдических дольников у Цветаевой; но и, например, у Ахматовой после 1923 г. явно намечается тенденция к стандартизации ритма дольников (почти исчезает переменная анакруса, а синкопа тяготеет к фиксированному месту в строке — как правило, перед последним иктом). Показательно в этом плане сравнение двух трехиктных дольников Ахматовой: раннего, 1912 г., (4) и позднего, 1945 г., (5); оба весьма типичны, каждый для своего периода.

(4)	Дал Ты мне молодость трудную.	0•2•2•2
	Столько печали в пути.	0•2•2•0
	Как же мне душу скудную	0•2•1•2
	Богатой Тебе принести?	1•2•2•0
	Долгую песню, льстивая,	0•2•1•2
	О славе поёт судьба.	1•2•1•0
	Господи! Я нерадивая,	0•2•2•2
	Твоя скупая раба.	1•1•2•0
	Ни розою, ни былинкою	1•4•2
	Не буду в садах Отца.	1•2•1•0
	Я дрожу над каждой соринкою,	2•1•2•2
	Над каждым словом глупца.	1•1•2•0
	(«Дал Ты мне молодость трудную...»; 19 дек. 1912)	
(5)	Истлевают звуки в эфире,	2•1•2•1
	И заря притворилась тьмой.	2•2•1•0
	В навсегда онемевшем мире	2•2•1•1
	Два лишь голоса: твой и мой.	2•2•1•0
	И под ветер незримых Ладог,	2•2•1•1
	Сквозь почти колокольный звон,	2•2•1•0
	В легкий блеск перекрёстных радуг	2•2•1•1
	Разговор ночной превращён.	2•1•2•0
	(<i>Cinque</i> , 2; 20 дек. 1945)	

Контраст между (4) и (5) хорошо заметен. Ритм (4) существенно более разнообразен и непредсказуем: это достигается за счет переменной анакрусы (варьирующей в максимально широком диапазоне от нуля до двух слогов), контраста дактилической и мужской клаузулы и, конечно, вариативности со-

четаний полных и синкопированных стоп. Встречаются — причем примерно в равном количестве — как правильные строки вида $\bullet 2 \bullet 2 \bullet$, так и строки с синкопой после первого ($\bullet 1 \bullet 2 \bullet$) и после второго ($\bullet 2 \bullet 1 \bullet$) икта; в одном случае синкопа приходится на сам второй икт (схема $\bullet 4 \bullet$)⁴. Это — классический дольник в его, так сказать, прототипическом виде. Ритм стихотворения (5) заметно беднее по сравнению с этим прототипом. В (5) анакруса постоянна, клаузула более стандартна и, как легко видеть, место синкопы также практически постоянно: между вторым и третьим иктом ($\bullet 2 \bullet 1 \bullet$). Отклонения встречаются только в первой и последней строке (у Ахматовой эти строки вообще очень часто отделяются метрически). Существенно также, что в (5) вообще нет правильных трехсложных строк, тогда как в (4) представлен и правильный дактиль, и правильный амфибрахий.

Это — общая тенденция, которая проявляется даже у такого автора, как Блок, начинавшего в 1901—1902 гг. с классических дольников максимально разнообразного ритма («Вхожу я в тёмные храмы...» и др.), но приблизительно после 1907 г. существенно сузившего пределы вариативности⁵: характерен в этом отношении один из последних его дольников 1914 г. («Я не предал белое знамя...»), демонстрирующий постоянную анапестическую анакрису и почти постоянную синкопу после первого икта (схема $2 \bullet 1 \bullet 2 \bullet$, которой соответствуют 11 строк из 16; единичной строкой представлен правильный анапест).

С другой стороны, говорить о логаядизации тактовика в том же смысле, в каком мы говорим о логаядизации дольника, несмотря на явный параллелизм ритмических структур типа (1) и типа (3), по причинам, которых мы коснулись выше, нет оснований. Да и эволюция тактовика в русской метрике совершенно не демонстрирует тенденций к фиксации и стандартизации ритма, как это происходило с дольником: напротив, магистральный вектор развития русского тактовика — всё большее размывание ритма и усиление вариативности.

Таким образом, в структуре стиха типа (1) содержится своего рода парадокс: это логаяд, в русской поэзии преимущественно связанный с дольником (т. е. синкопированным трехсложным размером⁶), но в данном случае ис-

⁴ Интересные замечания об использовании поэтами XX века (в особенности Пастернаком, Цветаевой и Бродским) этого приема — ослабления сильного слога в трехсложном размере или дольнике — см. в статье [Иванов 2004].

⁵ Подробнее об эволюции трехиктного дольника у Блока см. [Мухин 2002].

⁶ К сожалению, объем настоящей статьи не дает нам возможности подробнее аргументировать этот тезис, но он представляется нам принципиальным: русский дольник гораздо плодотворнее рассматривать не статически — как некоторое сочетание стоп разного слогового объема, а динамически — как определенным образом преобразованный правильный размер (обычно — хотя и не всегда! — трехсложный), т. е. трехсложники по отношению к дольнику в большинстве случаев выступают как некоторая

пользующий структуры, характерные, как будто бы, не для дольника, а для тактовика (т. е. размера с расширениями, а не с синкопами, при этом размера принципиально «алогэдичного»).

На наш взгляд, это противоречие можно преодолеть следующим образом. В действительности гораздо последовательнее было бы рассматривать стих типа (1) в одном ряду с логэдическими дольниками, то есть — с точки зрения его деривационной истории — как синкопированный, а не расширенный размер. Такая трактовка становится возможна, если считать, что синкопе подвергается размер из монотонной последовательности *четырёхсложных* стоп, где междуиктовый интервал как раз и составляет три слога.

Как известно, подобный размер в русском метрическом репертуаре есть, хотя он обычно и относится к числу маргинальных. Это так называемый *пеон* — дериват двусложных размеров (ямба или хоря), образуемый в результате ослабления всех четных или всех нечетных иктов в строке. В результате стопой пеона оказывается четырехсложная последовательность из одного сильного и трех слабых слогов, что дает — в основном трехиктные — структуры с «восходящим» ритмом вида 2•3•3• (*Мостовая вдруг качнётся, как очнётся*, пеон III на базе X6) и 3•3•3• (*Как обаятельны — для тех, кто понимает*, пеон IV на базе Я6), а также трехиктные и более редкие четырехиктные структуры с «нисходящим» ритмом вида 0•3•3• (*Праздничный, весёлый, бесноватый*, пеон I на базе X5, или *Выскочил, растерзанный, пронзительно крича*, то же на базе X7) и 1•3•3• (*Как жёлтый одуванчик у забора*, пеон II на базе Я5, или *Ребята уважали очень Лёньку Королёва*, то же на базе Я7). В стиховедении пеоны часто не рассматриваются как особые размеры, а считаются просто ритмическими разновидностями хоря и ямба. Такая трактовка находит опору в том факте, что стихи, написанные целиком пеонами (в особенности нисходящими пеонами), встречаются редко: поэты легко переходят с пеонического ритма на непеонический, меняя число и расположение сильных мест в строке — это, как известно, один из основных источников варьирования ритма в двусложных размерах, которому посвящено огромное количество исследований (ср. обзор в [Гаспаров 1984; Бейли 1968/2004] и др.).

Однако в нашем случае понятие пеона оказывается чрезвычайно полезным. Слабо выделяясь как самостоятельный размер, именно пеон, тем не менее, оказывается базой для синкопированного деривата — логэда, у которого в определенных стопах строки насчитывается не три слабых слога, а меньше. Таким образом, размер типа (1), ритмически и семантически наиболее близкий к логэдическому дольнику, действительно становится возможным

базовая, или исходная структура. Обоснованию этого тезиса мы намерены посвятить отдельную публикацию.

трактовать как логэдический дольник — *дольник на основе пеона*. Отсюда и то название, которое мы предложили для этого размера, — логэдический пеонический дольник⁷.

Целесообразность такого анализа подтверждается еще и тем обстоятельством, что, как будет показано ниже, размеры типа (1) встречаются не только в изолированном виде, но и в сочетании с другими размерами. Этими другими размерами очень часто оказываются именно пеоны (или, по крайней мере, двусложные 5- и 6-стопные размеры).

Теперь мы можем рассмотреть существующие разновидности логэдического пеонического дольника.

В обследованном нами материале (корпус русской поэзии приблизительно с 1810 по 1980 г., в котором представлены все основные авторы, хотя, к сожалению, не все с исчерпывающей полнотой; более поздние авторы представлены только фрагментарно) данный размер редок: всего имеется около 50 стихотворений, бесспорно содержащих размер этого типа (для сравнения укажем, что «обычных» дольников в том же корпусе имеется около трех тысяч). Самый ранний из найденных образцов относится к 1837 г.: это «Адлерская песня» А. Бестужева-Марлинского (*Плывет по морю стена кораблей*). Однако этот случай скорее единичный, в сколько-нибудь заметном количестве стихотворения, написанные логэдическим пеоническим дольником, появляются только в начале 1910-х гг. Как кажется, впервые в рамках этого периода они появляются в составе очень сложных по метрике логэдов А. Герцык (таких, как, например, *Я только уснула не песке прибрежном*, 1908). Из поэтов первой половины XX века логэдический пеонический дольник оказывается характерен для Г. Иванова, С. Парнок и — в наибольшей степени — М. Цветаевой (в период с 1915 по 1918 г.), что в очередной раз подтверждает репутацию Цветаевой как одного из наиболее виртуозных мастеров неканонической метрики. Далее этот размер находит прочное прибежище в песнях (как «официальных» советских — Лебедев-Кумач, Р. Рождественский, так и «неофициальных» — Высоцкий и Галич, а также в «бардовских» песнях и в постсоветской эстраде); встречается он и у лириков второй половины XX века — в частности, таких как И. Чиннов, И. Елагин, Вл. Соколов, А. Кушнер, В. Тушнова, В. Соснора (именно его цитирует В. Е. Холшевников в своем учебнике), И. Бродский⁸ и др. Имеются его образцы и у современных поэтов — например, у Вс. Зельченко или М. Галиной.

⁷ О нетривиальной ритмической близости тактовика и пеона (в связи с несколько иной проблематикой) см. также в [Гаспаров 1984: 293].

⁸ У последнего, в частности — в раннем малоизвестном стихотворении *Крик в Шереметьево* («Что ты плачешь, // Распростишься с паровозом...») 1962 г. Появление у

Классификация имеющихся логоэдических пеонических дольников может быть организована по следующим — в общем случае независимым — параметрам: число иктов, место синкопы в строке, тип анакрusy и регулярный или нерегулярный характер синкоп.

По числу иктов различаются трехиктные («короткие») дольники — это самый массовый тип — и двухиктные («укороченные») дольники (самостоятельно или в сочетании с трехиктными); как и в случае других дольников, этот тип редок. Примером двухиктного дольника может служить стихотворение В. Тушновой *Весло* (6), где строки дольника с анапестической анакрusy находятся в почти полностью регулярном чередовании с правильным $An2$ (и единичным $A\phi2$):

(6) <...>
 Проглядела я излучину, 2•3•2
 Что лозой заросла, 2•2•0
 Утопила я уключину, 2•3•2
 Не сдержала весла. 2•2•0
 <...>

(«Балалайка брэнчала...»; (1961))

Собственно, пеоническим дольником этот размер может считаться лишь постольку, поскольку в нем выделяется трехсложный интервал между первым и вторым (он же последний) иктом; при иной метрической интерпретации перед нами строчный логоэд, состоящий из четырехстопного хорea и двустопного анапеста ($X4д/An2m$). Тем не менее, пеоническая интерпретация, на наш взгляд, оправданна, так как общий ритм этого стихотворения двухударный, а не четырехударный.

Перейдем теперь к рассмотрению основного массива — трехиктных дольников (чистых примеров логоэдических пеонических дольников с большим числом иктов практически не встречается). Здесь имеются два основных различия — по типу анакрusy и по месту синкопы (после первого или после второго икта).

Абсолютно преобладает двусложная анакруса («длинная», или «анапестическая»), в отдельных случаях встречается нулевая и трехсложная («сверхдлинная»); эти анакрusy восходят, соответственно, к пеону III, пеону I и пеону IV. Односложная анакруса, теоретически вполне возможная на основе пеона II, однако, практически не использовалась поэтами — в нашем материале она засвидетельствована всего один раз, в малоизвестном стихо-

Бродского в этот период логоэдического пеонического дольника может объясняться и прямым влиянием Цветаевой, которое всегда — и особенно в раннем творчестве — было для Бродского очень существенным и глубоким (хотя и не всегда декларируемым).

творении Нарбута 1921—1922 гг. «Памяти Александра Блока» (*Узнать, догадаться о тебе, // Лежащем под жёстким одеялом: 1•2•3•0 / 1•2•3•1*). Нулевую анакрису использует более всего Г. Иванов, а также И. Чиннов и Вл. Соколов; у Цветаевой она не встречается. Именно нулевую анакрису имеет стихотворение (1), с которого начался наш обзор. Синкопа в (1) происходит после второго икта — точно таким же размером (0•3•2•0) спустя 30 лет было написано стихотворение И. Чиннова (7):

(7) Солнечная зыбь на реке,
Солнечная рябь на листве.
Тени от ветвей на песке,
Стая голубей в синеве.

Рыба сторожит червяка,
Пёстрая сияет река.
Тень от моего поплавка
Синью отливает слегка.

Может быть, когда я умру,
Может быть, тогда я пойму
Лёгкую, простую игру —
Солнце, полусвет, полутьму...

(«Солнечная зыбь на реке...»; (1950))

Единственное отличие (7) от (1) состоит в том, что Чиннов использует более редкую и изысканную схему рифмовки — не мужскую перекрестную, как Г. Иванов, а, так сказать, мужскую перекрестно-четверную: во втором катрене рифмуются все четыре строки, а в первом и третьем — рифмовка перекрестная, если учитывать точную рифму (с опорным согласным), но она же и четверная, если учитывать неточную рифму (т. е. только гласный)! Любопытно, что еще один образец этого размера (0•3•2•) представлен стихотворением Вл. Соколова «Это в первый раз я заметил...», написанным в том же 1950 г.⁹

Логаэдический пеонический дольник с нулевой анакрисой, но с синкопой после первого, а не после второго икта (0•2•3•) мы находим в раннем стихотворении «на случай» Г. Иванова *В альбом Т. П. Карсавиной* (8):

⁹ Совсем недавно этот же метрический тип воспроизвела — с небольшими нарушениями — М. Галина («Пишет В. Турбин Бахтину...», 2006; на этот текст наше внимание обратил Д. В. Сичинава). Помимо стихотворения (1), другим известным прецедентным текстом, использующим метр 0•3•2•0, следует считать существующий в нескольких вариантах русский перевод «Сулико» А. Церетели («Я могилу милой искал...»). Именно к этому тексту апеллирует, в частности, Вс. Зельченко в стихотворении «Бриться, и в осколке стекла...» (из цикла *Русский Стун-Ривер*, 1998—2001).

- (8) Пристальный взгляд балетомана, 0•2•3•1
 Сцены зелёный полукруг, 0•2•3•0
 В облачке светлого тумана
 Плеч очертания и рук.
 <...>

(«Пристальный взгляд балетомана...»; 26 марта 1914)

Такое расположение синкопы является более редким: большинство образцов логаядического пеонического дольника содержат фиксированную синкопу в последней стопе (•3•2•). Помимо стихотворения (8), синкопа в первой стопе обнаруживается, например, в логаядах Лебедева-Кумача: это хорошо известные тексты песен (9) и (10) с комбинацией строк разного размера:

- (9) Легко на сердце от песни весёлой, 3•2•2•1
 Она скучать не даёт никогда, 3•2•2•0
 И любят песню деревни и сёла, 3•2•2•1
 И любят песню большие города. 3•2•3•1
 <...>

(*Марш весёлых ребят*; 1934)

- (10) Ну-ка, солнце, ярче брызни, 0•1•1•1•1 (= X4ж)
 Золотыми лучами обжигай! 2•2•3•0
 Эй, товарищ! Больше жизни! 0•1•1•1•1
 Поспевай, не задерживай, шагай! 2•2•3•0
 <...>

(*Спортивный марш*; 1937)

В (9) представлена строфа из трех строк правильного АнЗ со сверхдлинной анакрусой и заключительной строки пеонического дольника с такой же сверхдлинной анакрусой; как уже говорилось выше, правильный анапест также можно рассматривать как одну из реализаций ритма пеонического дольника. В (10) представлено чередование обычного четырехстопного хоря и пеонического дольника с длинной анакрусой. Опять-таки, строки X4ж можно было бы рассматривать как реализацию «укороченного» двухиктного пеонического дольника вида 2•3•1 — наподобие того, что представлен в (6), — но ритмика (10), как кажется, не дает для этого достаточных оснований: все нечетные слоги здесь отчетливо ударны, и к пропускам ударения автор, в общем, не прибегает.

Все оставшиеся в нашем материале примеры представляют различные вариации самого распространенного типа логаядического пеонического дольника — с синкопой после второго икта и с длинной («анапестической») анакрусой. Много образцов такого размера в лирике Цветаевой 1915—1918 гг.; вот несколько примеров с разными типами клаузул (дактилической, женской, мужской):

- (11) Милый друг, ушедший дальше, чем за море! 2•3•2•2
 Вот Вам розы — протянитесь на них. 2•3•2•0
 Милый друг, унёсший самое, самое
 Дорогое из сокровищ земных.
 <...>
 (П. Э., 7; 5 июня 1915)
- (12) Все Георгии на стройном мундире 2•3•2•1
 И на перевязи чёрной — рука. 2•3•2•0
 Чёрный взгляд невероятно расширен
 От шампанского, войны и смычка.
 <...>
 («Все Георгии...»; 24 сент. 1915)
- (13) Не по нраву я тебе — и тебе, 2•3•2•0
 И тебе ещё — и целой орде.
 Пышен волос мой — да мало одёж!
 Вышла голосом — да нрав нехорош!
 <...>
 («Не по нраву я...»; 14 авг. 1918)

Из примеров (11)—(13) видно, что семантический ореол логаядического пеонического дольника с длинной или сверхдлинной анакрусой может приближаться к народной песне и даже к частушке; во всяком случае, фольклорные обертоны в процитированных стихах Цветаевой не случайны. Не случайно и то, что в поздних «неофициальных» советских песнях у Высоцкого (14) и Галича (15) мы также находим именно этот размер:

- (14) <...>
 А король: «Возьмёшь принцессу — и точка! 2•3•2•1
 А не то тебя раз-два — и в тюрьму! 2•3•2•0
 Ведь это всё же королевская дочка!..» 3•3•2•1
 (сверхдлинная анакруса)
 А стрелок: «Ну хоть убей — не возьму!» 2•3•2•0
 <...>
 («В королевстве, где всё тихо и складно...»; 1966)
- (15) У жене моей спросите, у Даши, 2•3•2•1
 У сестре её спросите, у Клавки,
 Ну ни капельки я не был поддавши,
 Разве только что маленько с поправки!
 <...>
 (О том, как Клим Петрович выступал
 на митинге в защиту мира; 1966—1968)

Приведенные выше примеры демонстрируют регулярный дольник вида •3•2•, выдержанный на протяжении всего стихотворения. Однако такая регу-

лярность имеет место далеко не всегда. Чаще всего, как уже говорилось, трехиктный логаядический пеонический дольник чередуется именно с пеоном, т. е. со строками вида •3•3• (так уже у Бестужева-Марлинского в отдельных фрагментах «Адлерской песни»). Такой «нестрогий» пеонический дольник — с разными типами клаузул и анакрус — встречается и у Цветаевой (17), и у более поздних авторов, например, у Галича (18):

- (16) <...>
 Уж зачем это наши корабли, 2•2•3•0
 Как щетиною, штыками поросли? 2•3•3•0 (пеон III)
 Ай, жги, жги, жги, говори,
 Как щетиною, штыками поросли?
 <...>
 Каждый гоголем встряхнись, встрепенись, 2•3•2•0
 Осмотри ружьё да в шлюпочки садись. 2•3•3•0 (пеон III)
 Ай, жги, жги, жги, говори,
 Осмотри ружьё да в шлюпочки садись.
 <...>
 (Адлерская песня; 5 июня 1837)
- (17) <...>
 Чтобы помнили подружек мил-дружки — 2•3•3•0 (пеон III)
 Есть на свете золотые гребешки. 2•3•3•0 (пеон III)
 Чтоб дружочку не пилось без меня — 2•3•2•0
 Гребень, гребень мой, расчёска моя! 2•3•2•0
 <...>
 («Чтобы помнил не часочек, не годок...»; 2 ноября 1918)
- (18) ...Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать, 2•3•2•2
 Вот стою я перед вами, словно голенький, 2•3•3•2 (пеон III)
 Да, я с Никулькою гулял с тётюпашиной 3•3•2•2
 (сверхдлинная анакруса)
 И в «Пекин» её водил, и в Сокольники. 2•3•2•2
 <...>
 А Парамонова, гляжу, в новом шарфике, 3•3•2•2
 (сверхдлинная анакруса)
 А как увидела меня, вся стала красная, 3•3•3•2 (пеон IV)
 У них первый был вопрос — свободу Африке! 2•3•3•2 (пеон III)
 А потом уж про меня — в части «разное». 2•3•2•2
 <...>
 (Красный треугольник; 1964—1966)

Именно примеры типа (16)—(18) в наибольшей степени, на наш взгляд, мотивируют название «пеонический дольник», так как демонстрируют естественное сосуществование регулярных и «синкопированных» пеонов в рам-

ках одного стихотворения. На этом фоне даже и регулярные двусложные размеры могут восприниматься как дериваты пеонов — и действительно, уже в «Адлерской песне» Бестужева-Марлинского мы находим отдельные строки, написанные правильным АнЗ. Хорошей иллюстрацией такой возможности является текст Лебедева-Кумача (19):

(19) Капитан, капитан, улыбнитесь,	2•2•2•1	(правильный АнЗж)
Ведь улыбка — это флаг корабля!	2•3•2•0	(пеонический дольник)
Капитан, капитан, подтянитесь,	2•2•2•1	
Только смелым покоряются моря!	2•3•3•0	(пеон Ш)
- (Песенка о капитане, рефрен; 1937)*

В (19) слоговое наполнение междуиктовых интервалов плавно возрастает от начала к концу строфы: от правильного трехсложника к пеоническому дольнику¹⁰ и далее — к правильному пеону. Похожее колебание междуиктовых интервалов часто наблюдается и в обычном дольнике, с тем только отличием, что обычный дольник, так сказать, помещается в пространстве между двусложными и трехсложными размерами, а не между трехсложными размерами и пеонами, как пеонический дольник; ср. фрагмент (20) из песни Окуджавы, где четырехиктный дольник с переменной анакрусой находится в (нерегулярном) чередовании как с правильным двусложным, так и с правильным трехсложным размером:

(20) <...>		
Клянусь, что это любовь была.	1•1•2•1•0	(дольник)
Посмотри — ведь это её дела.	2•1•2•1•0	(дольник)
Но знаешь, хоть Бога к себе призови,	1•2•2•2•0	(правильный Аф4)
Разве можно понять что-нибудь в любви?	2•2•2•1•0	(дольник)
И поздний дождь в окно стучал,	1•1•1•1•0	(правильный Я4)
И она молчала, и он молчал,	2•1•2•1•0	(дольник)
И он повернулся, чтобы уйти,	1•2•1•2•0	(дольник)
И она не припала к его груди.	2•2•2•1•0	(дольник)
<...>		

(«Он, наконец, явился в дом...»); 1969)

Тем самым, правильные трехсложные размеры в составе пеонических дольников оказываются ритмическими вариантами дольника — постольку, поскольку их можно интерпретировать как структуры с обязательной синкопой в каждой стопе; показательны в этом отношении также примеры типа (6).

¹⁰ Интересно, что строку *Ведь улыбка — это флаг корабля* М. Л. Гаспаров, рассуждая о семантическом ореоле анапеста, характеризует как написанную «тактовиком» [Гаспаров 2000: 288—289].

Однако и на этом примеры вариативности типов логоэдического пеонического дольника не исчерпываются. До сих пор мы рассматривали только такие случаи, когда пеонический дольник был образован чередованием полного междуиктового интервала ($\bullet 3 \bullet$) и синкопированного интервала, укороченного на один слог ($\bullet 2 \bullet$). Однако теоретически слоговой объем синкопированного интервала может быть любым в пределах от 0 до 2, т. е. мы вправе ожидать появления как минимум структур вида $\bullet 3 \bullet 1 \bullet$ и $\bullet 3 \bullet 0 \bullet$ — так сказать, с двойными и тройными синкопами. И действительно, такие структуры хотя и редко, но оказываются засвидетельствованы — в основном, что уже не кажется удивительным, у Цветаевой. Вот пример на пеонический дольник с сочетанием простых ($\bullet 2 \bullet$) и двойных ($\bullet 1 \bullet$) синкоп:

- (21) Пожирающий огонь — мой конь! $2 \bullet 3 \bullet 1 \bullet 0$
 Он копытами не бьёт, не ржёт. $2 \bullet 3 \bullet 1 \bullet 0$
 Где мой коньдохнул — родник не бьёт, $2 \bullet 3 \bullet 1 \bullet 0$
 Где мой коньмахнул — трава не растёт. $2 \bullet 3 \bullet 2 \bullet 0$
 <...>

(«Пожирающий огонь...»; 14 авг. 1918)

В (21) сочетание строк с простыми и двойными синкопами неурегулированное¹¹. Замечательный пример урегулированного сочетания такого рода представлен известным стихотворением Софии Парнок о поющей цыганке (22), внимание к которому уже было привлечено в книге [Гаспаров 1974: 316 *passim*] (см. также [Гаспаров 1993: 119—120]), но без использования понятия пеонического дольника:

- (22) Как в истерике, рука по гитаре $2 \bullet 3 \bullet 2 \bullet 1$ (простая синкопа)
 Заметалась, забила, — и вот $2 \bullet 2 \bullet 2 \bullet 0$ (правильный АнЗ)
 О прославленном, дедовском Яре $2 \bullet 2 \bullet 2 \bullet 1$ (правильный АнЗ)
 Снова голос роковой поёт. $2 \bullet 3 \bullet 1 \bullet 0$ (двойная синкопа)
 Выкрик пламенный — и хору кивнула,
 И поющий взревел полукруг,
 И опять эта муза разгула
 Сонно смотрит на своих подруг.
 <...>

(«Как в истерике, рука по гитаре...»; (1916))

¹¹ Пример такого чередования строк пеонического дольника с единичной и двойной синкопой имеется и в современной рок-поэзии: ср. фрагмент из песни А. Г. Герасимовой (Умки) «Всё идёт своим чередом»:

- Если ты увидел пакет, $0 \bullet 3 \bullet 2 \bullet 0$
 Кому хозяина нет $0 \bullet 3 \bullet 2 \bullet 0$
 И никто не знает, что там, — $0 \bullet 3 \bullet 2 \bullet 0$
 Сразу сообщи ментам. $0 \bullet 3 \bullet 1 \bullet 0$
 («Алё, привет, как дела...», 2000)

Следует обратить внимание на то, что и в (21), и в (22) строки с двойной синкопой вида 2•3•1•0 формально могут считаться образцами пятистопного хорей (X5м); собственно, именно так они и рассматриваются, например, в [Гаспаров 1993: 120] для (22). Однако эта метрическая интерпретация, абсолютно законная вне контекста, в метрическом контексте анапестов и пеонических дольников с простой синкопой совсем не кажется оптимальной: на фоне строк типа *Выкрик пламенный — и хору* [*] *кивнула* ритм строк типа *Сонно смотрит на своих* [*] *подруг* однозначно воспринимается как синкопированный, т. е. как ритм пеонического дольника со слабым первым (анапестическая анакруста!) и пятым слогом (ср.: *пожирАющий огОнь*)¹².

Наконец, у Цветаевой встречаем и пример тройной синкопы, в результате которой два ударных слога оказываются в непосредственном соседстве. Такой эффект возможен и в обычном дольнике (соответственно, при двойной синкопе), иногда в отдельных строках (*А месяц скользил* [*] *тонкий* или *И сказал* [*] *женщине суд*), иногда — в качестве регулярного приема (как в логэде Мандельштама *Сегодня дурной* [*] *день*; 1911). Таким образом, цветаевские логэдические пеонические дольники с тройной синкопой несколько не идут вразрез с ритмическими возможностями дольников в целом; ср. изысканный логэад (23), где представлено регулярное сочетание обычного трех- и двухиктного дольника на основе анапеста (2•2•1• / 2•4•1 и 2•1•, соответственно) и — в третьей строке — пеонического дольника с тройной синкопой (2•3•0•):

(23) Полнолуние и мех медвежий,	2•2•1•1
И бубенчиков лёгкий пляс...	2•2•1•0
Легкомысленнейший час! — Мне же	2•3•0•1
Глубочайший час.	2•1•0
Умудрил меня встречный ветер,	2•2•1•1
Снег умиловил мне взгляд,	2•4•0 (с ослаблением 2-го икта)
На пригорке монастырь светел	2•3•0•1
И от снега — свят.	2•1•0
<...>	

(«Полнолуние и мех медвежий...»; 27 ноября 1915)

¹² Интерпретация строк, вообще говоря, укладываемых в схему X5, как написанных несиллабо-тоническим метром (т. е. пеоническим дольником или обычным тактовиком) является предпочтительной и во многих других случаях, когда строки данного вида помещены в инометрическое окружение. Этот эффект очень ярко проявляется уже в «Песнях западных славян» Пушкина, где среди строк тактовика с двухсложной анакрусой доминирует именно тип 2•1•3•1 или 2•3•1•1 (число строк вида *Надо мною женщины смеются*, по нашим подсчетам, в среднем в полтора-два раза превышает остальные типы тактовика); аналогичный эффект изменения метрической интерпретации X5 под влиянием контекста можно наблюдать, например, в ранних тактовиках Гумилева («Влюбленная в дьявола», «Зараза») и др.

Интересно, что ровно этот тип логаядического пеонического дольника (2•3•0•1) спустя более чем полвека был реализован в массовой песне — это известный текст Роберта Рождественского *Я сегодня до зари [*] встану (За того парня; 1970)*.

Наконец, обратим внимание на еще одно хрестоматийное стихотворение Цветаевой из цикла «Бессонница» (24):

(24) В огромном городе моём — ночь.
 Из дома сонного иду — прочь,
 И люди думают: жена, дочь, —
 А я запомнила одно: ночь.
 Июльский ветер мне метёт — путь,
 И где-то музыка в окне — чуть.
 Ах, нынче ветру до зари — дуть
 Сквозь стенки тонкие груди — в грудь.
 <...>

(«В огромном городе моём — ночь...»; 17 июля 1916)

Замечательным образом, и этот текст тоже написан трехиктным логаядическим пеоническим дольником, но со сверхдлинной анакрусой, которая встречалась нам в примерах (9), (14) и (18): его схема 3•3•0•0; следует отметить четверную мужскую рифму, которая возникает и в стихотворении Чиннова (7). Стихотворение (24) обладает очень своеобразной ритмической структурой, но всё-таки она наилучшим образом интерпретируется именно как дериват пеона IV со слабым вторым и шестым слогом (ср.: *Освободите от дневных уз*); собственно, его первые две стопы представляют собой одну из распространенных ритмических разновидностей четырехстопного ямба — «облегченную», со слабыми нечетными иктами; а к этому фрагменту добавлен еще один ударный слог.

Итак, мы рассмотрели все имеющиеся в нашем корпусе разновидности «стиха с фиксированным трехсложным междуиктовым интервалом». Мы надеемся, что нам удалось показать справедливость двух утверждений:

— все приведенные примеры имеют существенное число общих характеристик, которые позволяют трактовать их как реализацию одного и того же стихотворного метра, до сих пор не выделявшегося исследователями;

— этот метр следует описывать как синкопированный дериват пеонов (синкопы при этом могут затрагивать разное число слогов — от 1 до 3), иными словами — логаядический пеонический дольник.

Логаядический пеонический дольник, бесспорно, не является самым распространенным типом русского дольника, но мы видели, что им написаны многие шедевры русской лирики на протяжении XX века; он достаточно

прочно утвердился и в песенном жанре — от массовой советской песни до современного рока. Учет этого размера делает наши представления о структуре и эволюции русского дольника более полными и адекватными¹³.

Литература

- Бейли 1968/2004 — *Дж. Бейли*. Основные структурные признаки русских литературных размеров: Пер. с англ. // Избранные работы по русскому литературному стиху. М., 2004. С. 16—52.
- Гаспаров 1974 — *М. Л. Гаспаров*. Современный русский стих. М., 1974.
- Гаспаров 1984/2000 — *М. Л. Гаспаров*. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд. М., 2000.
- Гаспаров 1993 — *М. Л. Гаспаров*. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
- Гаспаров 2000 — *М. Л. Гаспаров*. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2000.
- Иванов 2004 — *Вяч. Вс. Иванов*. Безударные интервалы у Бродского // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3. М., 2004. С. 732—746.
- Мухин 2002 — *А. С. Мухин*. Структура и эволюция ритмики правильных трехиктных дольников А. Блока (комбинаторно-статистический анализ). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Холшевников 2002 — *В. Е. Холшевников*. Основы стиховедения: Русское стихосложение: Учеб. пособ. 4-е изд. М., 2002.

¹³ Автор приносит искреннюю благодарность В. В. Николаенко, Н. В. Плунгян и Д. В. Сичинаве, внимательно прочитавшим предварительные варианты этой статьи и сделавшим множество ценных замечаний и дополнений. Все ошибки и неточности, разумеется, целиком остаются на совести автора.

ГЕНИТИВ СУБЪЕКТА И НАРЕЧИЕ *ПОКА*: ПРАГМАТИКА СТРУКТУРЫ СОБЫТИЯ*

Е. В. Рахилина, О. Н. Ляшевская

1. Введение

Для русского языка до сих пор актуальна проблема описания конструкций с субъектным генитивом при отрицании — такого, которое бы давало возможность предсказать выбор между родительным и именительным в контекстах типа *фонарей не горело — фонари не горели*. Между тем, как известно, эта тема освещалась во множестве лингвистических работ, как дескриптивных (ср., например, [Ицкович 1983] или [РГ-80]), так и теоретических (ср., например, [Guiraud-Weber 1984] или [Апресян 1985]). Дескриптивный подход не дал убедительных результатов потому, что в этой зоне русской грамматики далеко не всегда действуют жесткие запреты: важно понять принципы, на которых основано правило выбора. На эту тему теоретиками выдвигались разные гипотезы. В целом все они, как пишет Ю. Д. Апресян [2006: 45], опирались на идею существования субъекта — в самом широком смысле: речь идет о том, что генитив выбирается говорящим тогда, когда описывается ситуация, которая в конечном счете может быть сведена к констатации существования субъекта. Однако подходы к такому цельному описанию делались разные.

Во-первых, были попытки встроить генитивную конструкцию в так называемую теорию *неаккузативности*, ср. [Perlmutter 1978; Levin, Rapoport Novav 1995]. Согласно этой теории, имеется два семантико-синтаксических класса непереходных глаголов: при одних подлежащее ведет себя как субъект переходного глагола (ср. глаголы со значением ‘прыгать’ или ‘дышать’), а при других — как объект переходного глагола (таковы, например, ‘лежать’ или ‘падать’); последние, а вслед за ними и теория данного противопоставле-

* Данная работа выполнена при поддержке фонда National Science Foundation (грант BCS-04-18-311, руководитель проекта Б. Парти) и фонда РФФИ (грант № 05-06-80396).

ния в целом, называются неаккузативными. Распространено мнение, что в русском языке распределение генитива и номинатива подлежащего отрицательных предложений связано с принадлежностью глагола к тому или другому классу и даже может служить своеобразной диагностикой неаккузативности (подробнее см., например, [Chvany 1975; Pesetsky 1982; Harves 2002]): подлежащее оформляется генитивом тогда, когда глагол неаккузативный (с пассивной, пациентной семантикой), и не оформляется (стоит в номинативе) при глаголах противоположного класса с агентивной семантикой (*яблоко больше не падало / на земле не валялось*, но: **лягушек не прыгало, *роз больше не дышало свежестью*).

Применительно к варьированию генитива и номинатива эта теория вызвала серьезные возражения ввиду того, что строгие ограничения на класс глагола, которые она постулировала, в соответствующих работах часто иллюстрировались очень искусственными примерами, тогда как в реальных русских текстах фактически не выдерживались (ср. знаменитый пример Л. Бэбби *Между бревнами не скрывалось тараканов* — с генитивом при глаголе не неаккузативного класса). Складывалось ощущение, что правило, регулирующее падеж подлежащего, оказывается в русском языке значительно более гибким и сильнее связанным с общим контекстом ситуации. В связи с этим один из первых критиков неаккузативности, Л. Бэбби, предложил альтернативный подход, согласно которому падежное варьирование в подлежащем определяется тема-рематической структурой соответствующего отрицательного предложения, см. [Babby 1980].

В некотором смысле в продолжение и в развитие его идей был предложен третий подход — его можно было бы условно назвать теорией прагматической структуры события; этот подход существует в двух, в некоторых отношениях достаточно близких, вариантах и изложен, соответственно, в работах [Падучева 1992; 1997; Борщев, Парти 2002; Borschev, Partee 2004; Partee, Borschev 2005] и др., — именно он интересует нас в данной работе. Суть его состоит в том, что выбор между родительным и именительным отражает разную точку зрения говорящего/наблюдателя на структуру описываемого им события: в случае, если выбран номинатив, центром события (или центром перспективы его описания) оказывается субъект, а в случае, если выбран генитив, перспектива смещена — например, в точку, в которой событие локализовано. В терминологии Е. В. Падучевой, в этом случае в структуре события имеется перцептивный компонент, отражающий наблюдателя, который воспринимает ситуацию.

Надо сказать, что каждая из трех теорий подвергалась критике и вызывала возражения — см., например, [Апресян 2006: 43—47].

В этом недавно написанном фрагменте Ю. Д. Апресян критикует одновременно как концепцию «бытийности», так и концепцию «перцептивности» — т. е. теорию прагматической структуры события в целом, — считая, что выбор падежа подлежащего при отрицании по большей части является словарной, а не грамматической информацией, и в этом, как сам признает, он опирается прежде всего на свое убеждение, что «рассчитывать на стопроцентно мотивированное семантическое правило в данном случае было бы нереалистично: русский язык чересчур лексикализован для этого» (с. 46).

В то же время, у Ю. Д. Апресяна есть и конкретные лексикологические замечания, которые представляют большой интерес с точки зрения любого подхода к этой проблеме. В частности, он обращает внимание на то, что разные глаголы одного и того же таксономического класса — в том числе перцептивные — могут вести себя по-разному. Так, глаголы зрительно наблюдаемого свойства [Апресян 1974/1995: 86, 98; Булыгина 1982/1997: 52] — *белеть*, *чернеть*, *голубеть* обычно генитивны, но, как отмечает Ю. Д. Апресян, глагол той же группы *краснеть* — склонен к генитивности в гораздо меньшей степени: *?Не краснеет маков в поле*.

Это наблюдение тем более интересно, что данное синтаксическое отклонение вовсе не случайно: не все из глаголов данного морфологического типа обязательно стативны — некоторые, и прежде всего как раз *краснеть* и *зеленеть*, обозначают процессы. В частности, последний, как показано в [Рахилина 2000: 181—182], употребляется практически только в значении ‘становиться зеленым’, а не ‘быть видным зеленым’, ср. *травка зеленеет*, но: **забор зеленеет*; то же, хотя, по-видимому, в несколько меньшей степени, относится и к глаголу *краснеть*, который прежде всего значит ‘спеть, поспевать’, так что сильная «конкуренция» с этим значением вне более широкого контекста часто подавляет его бытийное значение — хотя здесь, в отличие от *зеленеть*, утвердительные предложения типа: *краснеют шляпки подосиновиков* в принципе допустимы и в непроцессной, стативной интерпретации.

Не единообразно ведут себя по отношению к отрицательным контекстам и глаголы звукового восприятия; некоторые из них (*лязгать* или *скрежетать*) Ю. Д. Апресян предлагает считать исключениями из бытийно-перцептивного правила (с. 45). Между тем, как кажется, и эти «исключения» объяснимы. Дело в том, что под условия этого правила должны подпадать лишь те контексты, которые выражают, так сказать, «звучащее бытие», как в предложениях типа: *не гремело победных маршей* — марши существуют, только когда они гремят. Ср. сомнительное **не гремело кастрюль* — существование кастрюль не прямо связано со звуковым рядом. Еще в большей степени это относится к отмеченным Ю. Д. Апресяном *лязгать* и *скрежетать*: это глаголы, которые обозначают особые звуки, в чем-то отклоняющиеся от нормы и свойственные испорченным, деформированным объектам. Таким образом, природа их такова, что они не могут определять (обычное) существование предмета — и, естественно, они не склонны к генитивному подлежащему. То же верно, видимо, и для глаголов запаха (**рыбы не пахнет/*не воняет*) и особенно вкуса (**творога не горчит*), на которые указывает Ю. Д. Апресян: ни существование рыбы, ни тем более творога не связано с запахом или вкусом — и то, и другое (в отличие, например, от парусов, которые всегда видны при хорошей погоде — и белеют) может существовать, но не издавать запаха и не иметь (тем более неприятного) вкуса. Ср.

здесь более приемлемое *не благоухало роз* — потому что само существование этих цветов для говорящего — хотя и тоже не всегда обязательно, но все же гораздо теснее связано с приятным запахом. Аналогичное рассуждение можно применить и к **шубы не греет*, **кративы не жжется* и др. подобным.

Таким образом, как кажется, бытийно-перцептивное правило все-таки работает, но, будучи прагматическим (подробнее см. [Борщев, Парти 2002]), оно не соблюдает не только границы синтаксических глагольных классов (как считают сторонники теории неаккузативности), но и границы классов таксономических (поэтому говорить о гомогенном поведении перцептивных глаголов в этом ключе действительно было бы опрометчиво). Более того, как замечает Ю. Д. Апресян, «одна и та же глагольная лексема в разных условиях употребления может вести себя по-разному» (с. 46) — именно этот эффект мы наблюдали только что на примере глагола *зреть*. Но с нашей точки зрения, данное обстоятельство как раз и является главным препятствием для словарного описания распределения падежей подлежащего и, наоборот, служит дополнительным аргументом для поиска семантико-прагматических правил.

Вместе с тем теория прагматической структуры события в некотором смысле наиболее уязвима — она апеллирует к, как кажется, непроверяемым основаниям: месту наблюдателя или центру перспективы в структуре события. Для «экспертизы» этой идеи нужно было бы провести исследование таких языковых средств (например, лексем), которые, встречаясь в одной конструкции с субъектным генитивом, семантически взаимодействуют с ключевым для данной теории аспектом этой конструкции — в нашем случае нарушают заданную генитивом перспективу, выводят ситуацию из поля зрения наблюдателя — за счет того, что сами тоже предполагают некоторую свою собственную прагматическую структуру события.

Описание поведения такого рода языковых единиц позволило бы усилить (или ослабить) позиции авторов прагматической гипотезы. По нашему мнению, к таким единицам относится наречие *пока* — ниже мы опишем некоторые из его семантических свойств, определяющих непростые взаимоотношения этой лексемы с конструкцией субъектного генитива с отрицанием.

2. О некоторых особенностях семантики наречия *пока*

Презумпции и ожидания

По сравнению со своим квазисинонимом *еще* и антонимом *уже* наречие *пока* исследовано недостаточно: большее внимание лингвистов почему-то привлек союз *пока*¹, но не наречие, ср. пару: *пока я ем, я глух и нем* (союз) — *ты*

¹ Описанию свойств этого союза посвящено несколько работ А. Барентсена, прежде всего, его диссертация [Barentsen 1985].

пока ешь (наречие). Как кажется, последнее изучалось только как фон к *еще* [Труб 1997] и его собственная «индивидуальность» во многом осталась в тени.

Между тем круг употреблений наречия *пока* и в самом деле очень близок, ср. пары отрицательных предложений типа (1):

(1) *Сатурн пока не виден — Сатурн еще не виден,*

смысл которых кажется очень похожим. Действительно, в семантике этих предложений имеется существенный общий компонент: то, что в некоторый момент t_0 не происходит желаемое говорящим событие P (т. е. ‘Сатурн не виден’).

При этом для *еще* важно, что у говорящего заранее имелись ожидания: ‘в t_0 должно быть P (— но P не произошло)’: в нашем случае Сатурн должен был бы быть (уже) виден — но не виден. Для *пока* важны не предшествующие t_0 ожидания P , а ожидания последующей ситуации, которая наступит в скором времени t_1 и изменит не- P на P . Говорящий понимает, что состояние t_0 (когда имеет место не- P) — временное, оно является как бы прелюдией к P , которое возникнет в t_1 . Этот семантический компонент, касающийся t_1 , очень существен для *пока* и отсутствует в *еще*: ожидание t_1 возникает в контексте *еще* лишь в некоторых случаях, как прагматическое следствие.

Напротив, у *пока* нет свойственной *еще* «привязки к прошлому»: в его семантике отсутствуют ожидания, предшествующие t_0 , — хотя в отдельных, близких к *еще* употреблениях, такие ожидания могут возникать в качестве прагматической презумпции. Наша пара предложений может служить этому хорошей иллюстрацией: они осознаются носителями как близкие именно за счет того, что в прагматике каждого содержится «недостающая» семантика другого. Так, *Сатурн еще не виден* означает приблизительно следующее (прагматические компоненты даны в скобках):

‘В данный момент Сатурн должен был быть виден — он, тем не менее, не виден (следовательно, возможно, он будет виден позже)’.

Тогда как *Сатурн пока не виден* значит несколько другое:

‘В данный момент Сатурн не виден (хотя, может быть, и должен был бы), но это не так важно, это временно: скоро наступит момент, когда он станет виден’.

Контекст императива

Предложенная экспликация пары предложений в (1) дает общее представление об особенностях семантики *пока* и его отличии от *еще*. Более наглядно эти различия демонстрируют императивы — в особенности императивы с отрицанием, легко принимающие наречие *пока* (ср.: *не сти пока*) и не

допускающие *еще* (**не спи еще*). Надо сказать, что это различие легко объясняется исходя из наших семантических описаний. Действительно, *не спи пока* естественно интерпретируется как 'я хочу, чтобы ты не спал сейчас в t_0 , с тем чтобы скоро, в t_1 , ты уснул', а семантика презумпции, обязательной для *еще*, т. е. 'я ожидаю (= хочу), чтобы ты спал в t_0 ', входит в очевидный конфликт с семантикой императива 'я хочу, чтобы ты не спал в t_0 '.

Временные придаточные

Сильная презумпция в семантике *еще* оказывается своеобразным «якорем», который «привязывает» предложения с этим наречием к t_0 : все ожидания касаются этого момента, и всё главное происходит тогда же. Для *еще* t_0 может занимать любую позицию на оси времени: в прошлом, настоящем или будущем, и очень естественно эту позицию уточнять, соотнося с каким-то более значимым обстоятельством или общеизвестным фактом. Поэтому наречие *еще* так естественно рядом с придаточным времени, ср. (2):

(2) *Ты еще спал, когда наступил рассвет.*

У *пока* нет такого «якоря» — вся его семантика, как доказывает поведение этого наречия в императивных контекстах, ориентирована на скорое будущее по отношению к t_0 , поэтому для него в прототипическом случае t_0 совпадает с настоящим моментом и служит точкой отсчета для t_1 , которое задает время наступления центральной для *пока* ожидаемой ситуации. Понятно, что с наречием *пока* придаточные времени несовместимы:

(3) **Ты пока спишь/будешь спать, когда наступает/наступит рассвет,*

ср. также (4) в паре с *еще*:

(4) *Горбачев (еще/*пока) был в Крыму, когда развернулись эти события.*

3. *Пока* и конструкция с генитивом субъекта

Бытийные контексты с переменной позицией наблюдателя

Любопытно, что иногда семантическая специфика *пока* оказывает влияние на выбор интерпретации конструкций с генитивом субъекта при отрицании. Мы имеем в виду предложения существования типа (5):

(5) *Поезда не было.*

В отсутствие наречий оно имеет две интерпретации:

[1] собственно существования ('поезда не существовало')

и

[2] существования в поле зрения наблюдателя ('поезд не подошел').

В зависимости от типа именной группы одна из интерпретаций может быть более или менее естественной и даже полностью отсутствовать. Так, для (5), конечно, более естественно второе понимание, но другое предложение той же структуры, (6):

(6) *Куликовской битвы не было*

понимается только как обычное существование, потому что точка зрения наблюдателя в этом случае всегда остается неизменной ввиду неизменности места битвы. Если же взять предложение (7)

(7) *Крейсера «Варяг» не было,*

то (при том, что крейсер — такое же транспортное средство, как и поезд) первая интерпретация, связанная с существованием, более вероятна, чем вторая: ведь крейсер «Варяг» в большей степени исторический объект с постоянными параметрами локализации во времени, чем просто произвольный корабль.

С другой стороны, в контексте (на первый взгляд, немобильных) населенных пунктов более вероятной, наоборот, оказывается первая, «мобильная» интерпретация — правда, уже не за счет движения самого объекта, а за счет движения наблюдателя мимо него, ср.: *Можайска не было* — скорее в значении 'не проезжали'.

Так или иначе, в общем случае имеются две возможности интерпретации такого рода бытийных предложений. Обе эти возможности (если они есть у исходного предложения) сохраняются в контексте наречия *еще*, ср., например, (8):

(8) *Можайска еще не было (в X-м веке/когда я смотрел в окно электрички)*

— однако не в контексте *пока*. Семантика *пока* прекрасно сочетается с лабильной позицией наблюдателя и ситуацией перемещения: 'Можайска не проезжали, но скоро мы увидим его из окна', но не с простой констатацией существования. Поэтому если возможна только последняя, предложение в целом оказывается недопустимо, ср. (9):

(9) **Куликовской битвы пока не было.*

Для сравнения приведем совершенно правильный с точки зрения норм русского языка контекст (10) со значением существования для *еще* с временным придаточным:

(10) *Куликовской битвы еще/*пока не было, когда русские князья начали отказываться платить дань Орде.*

Такое ограничение в поведении *пока* предсказуемо: существование объекта предполагает определенное место и определенное время, раз и навсегда заданные, тогда как семантика *пока*, как мы видели, несет идею прелюдии и скорых изменений этого объекта.

Конкретно-референтный субъект в контексте *пока*

Сказанное обращает внимание на еще одно важное свойство семантики *пока*: если субъект единичный и конкретно-референтный, ожидания, связанные с событием в t_1 , касаются (в простом предложении, без придаточных) именно **данного** субъекта, а не (как в случае множественного или нереферентного X) просто субъекта того же типа. Это свойство тоже проявляется в номинативных и генитивных конструкциях с отрицанием. Действительно, в знакомом нам предложении *Сатурн пока не виден* (конкретно-референтный субъект) строится предположение, что именно Сатурн будет виден позже. Если мы заменим субъект на множественный и нереферентный, скажем: *Звезд почти не видно*, тождественность тех звезд, которые потом зажгутся, тем, которые сейчас не видны, была бы не так очевидна и не так важна: важно только то, что это будут тоже звезды.

Еще более показательны в этом отношении следующие примеры с глаголом *получиться*:

(11) *Доклад не получился — Доклада не получилось.*

Получиться — это глагол оценки результата креативной ситуации, т. е. того предмета (или события), который в результате такой ситуации создан и существует. Когда субъект стоит в **номинативе**, глагол оценивает как удачный или неудачный факт существования того предмета, который этот субъект называет, ср., например, в ситуации строительства песочного домика: *домик не получился* \approx 'в результате некоторых действий имеется (создан) объект, и он, в качестве домика, неудачный', другими словами: 'создан плохой домик'. То же для абстрактного субъекта в номинативе, как в нашем примере со словом *доклад*: произошло событие — *доклад* (событие здесь было не спонтанным, а подготовленным, поэтому оно может выступать как креативный результат), и произошло неудачно.

Отрицательная **генитивная** конструкция с этим глаголом получает другую интерпретацию: 'вместо того, что принято называть X , создано нечто другое (и хуже), чем X ', 'то, что создано, нельзя назвать X (оно «не дотягивает» по своим свойствам до того типа объектов, которые называют X)'. Как видим, данная интерпретация касается не факта существования объекта, а его номинации.

Почему семантика генитива так меняет интерпретацию данного предложения — это отдельный вопрос, на котором мы не можем сейчас останавливаться. Нам интересна в данном случае только возможность взаимодействия двух этих интерпретаций с наречием *пока*, которая подтвердила бы обозначенное выше свойство этого наречия. И вот что примечательно: в номинативные контексты, касающиеся существования, *пока* не встраивается, ср. неприемлемое: **доклад пока не получился*, а генитивные контексты, касающиеся номинации, прекрасно сочетаются с этим наречием: *доклада пока не получилось*.

Такое поведение *пока* вполне предсказуемо, если опираться на наши представления о его семантике: ‘Р не происходит сейчас, но это временно, и в ближайшем будущем Р произойдет’. Когда речь идет об интерпретации, связанной с номинацией, то встраивание в нее наречия *пока* дает приблизительно такой смысл: ‘то Р, которое произошло в данный момент, нельзя назвать докладом (и в этом смысле оно неудачно), но в скором времени будет Р₁, которое лучше Р и которое можно будет назвать докладом’. Легко видеть, что как номинация *доклад* не имеет конкретно-референтного статуса: к разным объектам или событиям можно применить одно название.

«Номинативная» же интерпретация не допускает *пока*, ввиду того что содержит идею существования референтного объекта: объект, который называется *докладом*, уже существует, пусть он и неудачен, так что теперь нельзя обещать (как это делает *пока*), что он же окажется удачным в будущем.

Как видим, анализ данного примера действительно подтверждает высказанную выше гипотезу: будучи употреблено с референтным X, *пока* всегда по умолчанию делает субъектом будущих ожиданий именно его.

Прагматическая структура события: *пока* и генитив с отрицанием

Теперь можно перейти к главному для нас утверждению о структуре значения *пока*: поскольку референтный X является средоточием ожиданий, заложенных в семантике этого наречия, именно он является прагматическим центром события — коль скоро мы рассматриваем это событие с точки зрения *пока*.

Если это утверждение верно, то у *пока* должны возникать трудности при встраивании в те конструкции, где в центр перспективы попадает другой участник ситуации. Это легко проверить: если принять точку зрения работы [Борщев, Парти 2002], именно так должны структурировать событие локативные конструкции с генитивом отрицания типа *Петя не было дома* — в отличие от номинативных локативных конструкций (*Петя не был дома*): центр перспективы при номинативном субъекте совпадает с самим субъектом, а при генитивном субъекте — с локативной группой.

Рассмотрим в качестве исходного примера предложение (12):

(12) *Япончика нет в Америке.*

Его центр перспективы находится в локативной группе, значит, предложение (12) описывает, так сказать, состояние Америки: оно таково, что там нет Япончика. Понятно, что данное предложение ничего не говорит о самом Япончике: для наблюдателя он, как участник ситуации, находится не в центре, а на периферии описываемого события.

Попробуем теперь вставить в это предложение наречие *пока*:

(13) *??Япончика пока нет в Америке.*

Звучит полученная в результате фраза странно: если пытаться придать ей смысл, нужно допустить, что вся Америка с нетерпением ждет, когда же придет такой важный гость, как Япончик. Это неожиданное и малопримлемое осмысление возникает, как нам кажется, из явного конфликта двух разных структур, которые предполагаются для данной ситуации, — с одной стороны, наречием *пока*, а с другой — генитивом с отрицанием: наречие, как мы помним, ставит в центр субъекта ситуации, а генитивная конструкция — обстоятельство места.

Таким образом, конфликт интерпретаций возникает здесь не на семантическом, а на прагматическом уровне: если говорить о семантике в строгом смысле слова, то никакого противоречия между смыслом *пока* и значением генитивной конструкции нет, и мы только что разбирали в качестве примеров предложения, в которых *пока* и генитивная конструкция успешно сосуществуют. Тем не менее, употребление *пока* в этом контексте затруднено, практически запрещено. Причем данный запрет не касается нереперентных групп — в частности, вполне приемлемы оказываются предложения типа (14):

(14) *⟨В Америке живут венгры, китайцы, албанцы, монголы — вообще люди самых разных национальностей, но вот⟩ нанайцев в Америке пока нет.*

Приемлемость этого предложения объяснима: *пока*, как мы уже говорили, держит в центре внимания только конкретно-референтный субъект, так как именно к нему относятся все ожидания, и поэтому он становится центром перспективы.

Нашу аргументацию поддерживает и тот факт, что *пока*, в отличие от *еще*, недопустимо в частотной конструкции (15):

(15) *тебя (еще/*пока) не было на свете.*

Ср. здесь вполне возможный диалог (16), содержащий *пока* в той же конструкции, но без локативной составляющей:

- (16) — *Позовите, пожалуйста, Илью Андрейча.*
 — *Илья Андрейч? Его пока не было.* [≈ ‘до сих пор не было, но ожидаем, что зайдет в ближайшее время’].

Если локативной составляющей нет — *пока* возможно; как только локативная составляющая появляется, генитивная конструкция при отрицании «отказывается» сочетаться с *пока*.

4. Заключение

Собственно, что и требовалось доказать: конструкция генитивного субъекта под отрицанием прагматически структурирует описываемую ситуацию определенным образом — она выделяет центр перспективы, который попадает на локативную группу. Наречие *пока* устроено так, что само оно тоже прагматически структурирует ситуацию — причем иначе, чем генитив с отрицанием. Поэтому в одном и том же предложении могут оказаться два центра перспективы, и его интерпретация будет затруднена. Результаты взаимодействия *пока* с конструкцией генитивного субъекта под отрицанием предсказываются, если принять сторону защитников теории прагматической структуры события.

Литература

- Апресян 1974/1995 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. 2-е изд.: Избранные труды. Т. 1. М., 1995
- Апресян 1985 — Ю. Д. Апресян. Синтаксические признаки лексем // *Russian Linguistics*. Vol. 9. № 2—3. 1985. Р. 289—317.
- Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Основания системной лексикографии // *Языковая картина мира и системная лексикография*. М., 2006. С. 33—160.
- Борщев, Парти 2002 — В. Б. Борщев, Б. Парти. О семантике бытийных предложений // *Семиотика и информатика*. Вып. 37. 2002. С. 59—77.
- Булыгина 1982/1997 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. *Языковая концептуализация мира (на мат-ле русской грамматики)*. М., 1997. С. 45—112.
- Ицкович 1983 — В. А. Ицкович. *Очерки синтаксической нормы*. М., 1983.
- Падучева 1992 — Е. В. Падучева. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // *Russian Linguistics*. Vol. 16. 1992. Р. 53—63.
- Падучева 1997 — Е. В. Падучева. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // *Вопр. языкознания*. 1997. № 2. С. 111—116.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М., 2000.
- РГ 1980 — *Русская грамматика*. М., 1980.

- Труб 1997 — *B. M. Труб*. О семантической интерпретации высказываний с частицами *еще, пока* и *уже* // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 218—228.
- Babby 1980 — *L. Babby*. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, 1980.
- Barentsen 1985 — *A. Barentsen*. «Tijd», «Aspect» en de conjunctie 'poka': over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch. Amsterdam, 1985.
- Borschev, Partee 2004 — *V. Borschev, B. H. Partee*. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 10. № 1—2. 2002. P. 105—145.
- Chvany 1975 — *C. Chvany*. The Syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
- Guiraud-Weber 1984 — *M. Guiraud-Weber*. Les propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, 1984.
- Harves 2002 — *S. Harves*. Unaccusative Syntax in Russian. Ph. D. Dissertation. Princeton Univ., 2002.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Unaccusativity. Cambridge (Mass.), 1995.
- Partee, Borschev 2005 — *B. H. Partee, V. Borschev*. The semantics of Russian Genitive of Negation: The nature and role of Perspectival Structure // Kazuha Watanabe, Robert B. Young (eds.). Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 14. Ithaca, N. Y., 2005. P. 212—234.
- Perlmutter 1978 — *D. Perlmutter*. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1978. P. 157—189.
- Pesetsky 1982 — *D. Pesetsky*. Paths and Categories. Ph. D. Dissertation. MIT, 1982.

МЕТОНИМИЯ В ПОЭЗИИ БРОДСКОГО*

Р. И. Розина

Метонимия — тема, к которой Елена Викторовна Падучева постоянно обращается в своих работах последнего десятилетия. Она трактует метониимию как сдвиг фокуса внимания и разграничивает три типа метонимических переносов [Падучева 2004: 16]:

- I. Метонимическая замена одной концептуализации ситуации на другую, например *стаканы пенились и шипели беспрестанно* (Пушкин. Выстрел). На самом деле пенилось и шипело вино, которое наливали в стаканы, но фокус внимания смещен на стаканы.
- II. Метонимический перенос как механизм семантической деривации. В этом случае сдвиг фокуса внимания может касаться либо участников ситуации, либо компонентов толкования. Пример первого рода — слово *рот*, в толкование которого МАС включает два компонента ‘отверстие между губами, ведущее в полость между челюстями и щеками до глотки, а также сама эта полость’. Рот регулярно выступает в двух метонимически связанных значениях — например *держал конфету во рту* ‘в полости рта’; *тонкий рот* ‘губы’. Пример второго рода — глагол *треснуть*. У глагола *треснуть* два семантических компонента — деформация и звучание, но в исходном значении этого глагола в примере *Банка треснула* деформация — центральный компонент, а звучание — периферийный компонент, следствие. В производном значении в примере *Ветка треснула в лесу* центральный компонент глагола *треснуть* — звучание, а деформация — следствие.
- III. Диатетический сдвиг — перенос внимания с одного участника ситуации на другого, проявляющийся в изменении коммуникативных ран-

* Статья написана в рамках проекта, финансирующегося РГНФ (грант № 08-04-00181a) и проекта «Русская литературная норма и современная речевая практика (социолингвистическое исследование)», выполняемого по Программе «Русская культура в мировой истории» Отделения историко-филологических наук РАН.

гов участников ситуации, например *Чиновники скрипели перьями. — Перья скрипели.*

Первый и третий тип метонимического переноса по сути одно и то же: в обоих случаях участник, помещенный в фокус внимания, выдвигается на одну из центральных позиций в предложении, т. е. позицию синтаксического субъекта или объекта; отличие первого типа только в том, что это живая метонимия, основанная на существующей модели, но имеющая индивидуальный, авторский характер. Второй тип метонимического переноса противопоставлен первому и третьему тем, что сдвиг фокуса внимания здесь не получает синтаксического выражения.

Данная статья посвящена роли метонимии в языке одного из любимых поэтов Елены Викторовны Падучевой — Иосифа Бродского.

Нас будут интересовать два вопроса:

1. Какие именно из возможных моделей метонимии использует Бродский?
2. Как соотносится в его поэзии «живая», авторская метонимия и стертая, языковая?

Все наблюдения сделаны на основании сплошного анализа текста сборников стихотворений Бродского «Назидание» (СПб: Смарт, 1990) и «Часть речи» (М.: Художественная литература, 1990).

Высокочастотное использование метонимического переноса в поэзии Бродского отмечают многие исследователи, ср., например, [Полухина 1990; Полухина, Пяри 1995; Семенов 2004].

Отдельные примеры использования метонимии Бродским рассматривались различными исследователями. Л. Барнетт [Burnett 1990] отмечает, что для Бродского характерна связь *глаза* с существованием, а *темноты* — со смертью (Вещи и люди нас / окружают. И те, / и эти терзают *глаз*. / Лучше жить в темноте)¹.

Л. Лосев указывает на метонимическую функцию *Москвы* у Бродского: она символизирует определенную политическую систему и философию [Loseff 1990: 42].

В. Семенов показывает, что метонимия может использоваться Бродским и как принцип развертывания текста [Семенов 2004]. Так, «метонимическая композиция», как В. Семенов называет этот прием, лежит в основе стихотворения «Большая элегия Джону Донну». Его текст буквально следует за вооб-

¹ Здесь, конечно, скрыт еще один метонимический перенос, который не замечен Барнеттом: *глаз* у Бродского — метонимическое обозначение зрения, и поэтому на деле имеет место ассоциация существования со зрением — с видением, а смерти — с незрячестью.

ражаемым движением взгляда автора от постели, на которой лежит уснувший Джон Донн², по комнате: по стенам, полу, висящим на стене картинам, потом к двери, потом по мебели, стоящей в этой или, возможно, уже в соседней комнате, ср.:

Джон Донн уснул, уснуло все вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крюк,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.

Особенно ярко скольжение с предмета на смежный с ним предмет, изнутри наружу, демонстрируют строчки, описывающие движение взгляда из внутреннего пространства дома к окну и через него на улицу:

Уснуло всё. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
ее конек.

Пространство, охваченное взглядом, все расширяется, и вот уже это весь город (*Спят мышцы, люди. Лондон крепко спит*), затем вся Англия (*Весь остров спит, объятый сном одним. <...> Простор английский тих*), вся земля (*Уснуло все. Спят реки, горы, лес. / Спят звери, птицы, мертвый мир, живое*) и, наконец, вся вселенная (*Геенна спит, и Рай прекрасный спит*).

С точки зрения В. Семенова, в этом стихотворении использован тот же принцип наращивания, что в английском детском стихотворении «Дом, который построил Джек». Добавим, что этот принцип кочует из одного произведения в другое, и еще более очевидным образом, но в двух перспективах — обратной и прямой — он использован в другом детском английском стихотворении-загадке³.

² Я не могу согласиться с принятой точкой зрения, согласно которой в этом стихотворении речь идет о смерти Джона Донна (см., например, работу [Федотов 2005]). Такой интерпретации противоречат строки

...Но ждут еще конца

Два-три стиха...

³ This is the key of the kingdom.	Вот ключ от королевства.
In that kingdom is a city,	В этом королевстве есть город,
In that city there is a street,	В этом городе есть улица,
In that street there winds a lane,	Вдоль этой улицы вьется тропинка,
In that lane there is a yard,	Эта тропинка ведет ко двору,
In that yard there is a house,	В этом дворе есть дом,
In that house there is a room,	В этом доме есть комната,
In that room there is a bed,	В этой комнате есть кровать,
On that bed there is a basket,	На этой кровати есть корзина,

В. Полухина считает, что особенность использования тропов Бродским — их постоянное наложение или столкновение друг с другом. Метафора у Бродского «нередко ометонимичена (воздух входит в комнату **квадратом**), а метонимия метафоризирована (**кожа спины** благодарна коже / спинки кресла за чувство прохлады)» [Полухина 1995: 11]. Одно и то же слово у Бродского может быть полифункциональным, например в строках *И от Цезаря далеко / и от вьюги (Письма римскому другу) вьюга* — метафора придворной жизни в противовес провинции и одновременно — метонимия севера (столицы) в противовес югу (провинции). Помимо этого, *вьюга* — знак того, что все сказанное относится не к античному Риму, а к современной России.

В то же время В. Полухина отмечает, что наложение тропов встречается у самых разных поэтов и поэтому не может считаться тем признаком, который определяет индивидуальные особенности Бродского. Вслед за К. Брук-Роуз [Brook-Rose 1958/1970] она считает, что анализ моделей тропов не может дать ключа к своеобразию того или иного поэта, и систематизирует тропы, которые использовал И. Бродский, по их синтаксической функции в предложении (см. [Полухина, Пярли 1995]). К тропам В. Полухина относит любую трансформацию значения слова, таким образом включая в число тропов не только метафору, синекдоху, литоту и прозопопею, но и генерализацию (расширение) значения слова.

Безусловно, синтаксис тропов может быть характеристикой идиостиля поэта — но только тогда, когда есть контекст для сравнения, т. е. когда исследован синтаксис тропов у других поэтов. Иначе непонятно, к каким именно выводам позволяет прийти словарь, составленный В. Полухиной, — к выводам, касающимся синтаксических особенностей употребления тропов И. Бродским или же касающимся синтаксических характеристик тропов вообще.

Между тем контекст для изучения роли различных моделей метонимии в языке поэта есть. Начало исследованиям роли метонимии в поэзии было положено Р. Якобсоном, противопоставившим Маяковского и Пастернака как поэтов метафорического и метонимического [Jacobson 1935/1973; Якобсон 1987]. М. Л. Гаспаров подверг проверке утверждение Якобсона, сделанное на основе интуиции, сопоставив частотность метонимических переносов и их типы в поэзии Маяковского и Пастернака [Гаспаров 1997]. Результат оказал-

A basket of flowers.	Корзина цветов.
Flowers in the basket,	Цветы в корзине,
Basket on the bed,	Корзина на кровати,
Bed in the chamber,	Кровать в горнице,
Chamber in the house,	Горница в доме,
House in the weedy yard...	Дом в заросшем дворе...

ся неожиданным: нельзя говорить, что Пастернак в о б щ е «метонимичнее» Маяковского — у Пастернака больше метонимических переносов, чем в «Облаке в штанах», но меньше, чем в поэме «Владимир Ильич Ленин». В то же время М. Л. Гаспарову удалось обнаружить у Пастернака группу метонимических переносов, которых нет у Маяковского. Это метонимия, в основе которой лежит «одновременность — мимолетная смежность во времени» [Гаспаров 1997: 408]; например *сквозь дождик сеялся хорал*. А. К. Жолковский на большом количестве примеров доказал, что совмещение смежных сущностей — излюбленный прием Пастернака, пронизывающий всю его поэзию, ср. *И дым над изголовьем Бежит за пассажиркою по лестницам витым* (пассажирка на верхней полке — дым паровоза невдалеке от вагона — дым над мостом, когда паровоз проезжает станцию) [Жолковский 1978; Жолковский 2004].

М. Л. Гаспаров предложил свести все известные модели метонимии в четыре типа, которые могут быть двунаправленными, и показал, что они различаются частотностью употребления:

1) АБСТРАКТНОЕ — КОНКРЕТНОЕ, например «скольким вдруг из-за *декретов* Нерчинск кандалами развенится в кресле?»⁴ (*декреты* вместо *государственная власть*)⁵; реже КОНКРЕТНОЕ — АБСТРАКТНОЕ, например «под витринами, живот подведя, плелась *безработица*» вместо *безработные*;

2) ВНУТРЕННЕЕ — ВНЕШНЕЕ, например «чтобы *шествия и мавзолеи* не залили б приторным елеем ленинскую простоту» (*шествия и мавзолеи* вместо *культ личности*); реже ВНЕШНЕЕ — ВНУТРЕННЕЕ, например «и вывесил *слово* — расчет» вместо *объявление со словом*;

3) ПРИЧИНА — СЛЕДСТВИЕ, например «в снегах России, в бреду Патагонии (вместо *в жаре, доводящей до бреда*); реже СЛЕДСТВИЕ — ПРИЧИНА, например «не каждый удар сотрешь со щеки» вместо *след пощечины*.

4) СВОЙСТВО — НОСИТЕЛЬ, например «мне — бильярд, отращиваю *глаз*» вместо *зрение*; реже НОСИТЕЛЬ — СВОЙСТВО, например «небесам в распахнутую *синь*» вместо *в синие небеса*.

Рассмотрим модели метонимии, встречающиеся в стихотворениях И. Бродского, сгруппировав их в соответствии с этими типами.

1. КОНКРЕТНОЕ — АБСТРАКТНОЕ. Этот тип метонимии представлен несколькими моделями.

⁴ Все примеры, приведенные М. Л. Гаспаровым, из поэзии В. В. Маяковского.

⁵ В формулах метонимии М. Л. Гаспаров выносит на первое место категорию выражаемого смысла, а на второе — категорию выражающего его имени. Чаще встречается другая нотация, где первый член формулы — категория обозначающего, а второй — обозначаемое, например ‘вид краски — картина, каузируемая посредством такой краски (*акварель, масло, пастель*)’ [Апресян 1995: 203]. Мы будем придерживаться последней системы записи.

а. характеристика (параметр) — явление, которое он характеризует, например: *выговор* вместо *речь*:

блуждает *выговор* еврейский
на желтой лестнице печальной...
(Рождественский романс)

б. атрибут — явление, для которого он характерен, например, *трон* и *корона* вместо *власть*, *топор* вместо *казнь*, *лавр* вместо *слава*:

Лишь у тех, кто зонты производит, есть
в этом климате шансы захвата *трона*.
(Темза в Челси)

в. автор — его теория, например, Лобачевский вместо геометрия Лобачевского (или законы, открытые Лобачевским):

И не то чтобы здесь *Лобачевского* твердо блюдут,
Но раздвинутый мир должен где-то сужаться...
(Конец прекрасной эпохи)

г. инструмент — параметр, который он характеризует, например, *термометр* вместо *температура*, *циферблат* часов вместо *время*:

Полночь. Сойка кричит
человеческим голосом и обвиняет природу
в преступленьях *термометра* против нуля.
(Литовский ноктюрн Томасу Венцлова)

Ты за утрату
горазд все это отомщеньем счесть,
моим приспособленьем к *циферблату*...
(Разговор с небожителем)

Как отмечает М. Л. Гаспаров, обратно направленная модель метонимии АБСТРАКТНОЕ — КОНКРЕТНОЕ встречается реже. Между тем в поэзии Бродского она представлена следующими случаями:

а. родовой термин — конкретный предмет, например, *часть женщины в помаде* вместо *рот*:

Часть женщины в помаде
в слух запускает длинные слова...
(Литовский дивертисмент)

Часто в функции родového термина выступает именно дескрипция, как в приведенном выше примере., ср.:

Я не воздвиг уходящей к тучам
каменной вещи для их острастки.
(Римские элегии, III)

Это аллюзия на 30-ю оду из III книги Горация⁶, и имеется в виду, естественно, памятник.

Родовую дескрипцию Бродский предпочитает конкретному имени собственному: вместо США он говорит о *северной части мира*, названию *Рим* предпочитает принятую дескрипцию *вечный город*:

В *северной части мира* я отыскал приют
(Прилив)

... прячусь
в недрах *вечного города* от светила,
навязавшего цезарям их незрячесть...
(Римские элегии, III)

Летчик, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму, называется *пилотом одного снаряда*, причем в этом случае сочетаются два родовых термина — родовая дескрипция вместо личного имени: и слово *снаряд* вместо *атомная бомба*:

Как сказал, половину лица в тени
пряча, *пилот одного снаряда*...
(Что касается звезд)

Солнце Бродский, как правило, называет *светилом*:

Так родится эклога. Взамен *светила*
рагорается лампа...
(Эклога 4-я, Зимняя)

Ноябрь. *Светило*, поднявшееся натошак,
Замирает на банках с содой в стекле аптеки.
(Темза в Челси)

б. образ — изображение:

Твой *образ* будет, знаю наперед, в жару и при морозе-ломоносе
не уменьшаться, но наоборот в неповторимой перспективе Росси.

2. Тип ВНЕШНЕЕ — ВНУТРЕННЕЕ также представлен несколькими моделями.

а. контейнер — его содержимое. Нужно сразу отметить, что эта модель метонимии, чрезвычайно частотная в русском литературном языке, у Бродского представлена только одним примером, и при этом совершенно необычным, *ботинки* вместо *ноги*⁷:

⁶ Воздвиг я памятник вечнее меди прочной Exegi monumentum aere perennius
И зданий царственных превыше пирамид regaeique situ pyramidum altius...
(перевод А. А. Фета)

⁷ В НКРЯ не встречается.

переставляешь на площадях *ботинки*
от фонтана к фонтану, от церкви к церкви...
(Римские элегии, VII)

б. способ обозначения — означаемое, например, *цифры* вместо *даты*, *петит* вместо *текст*:

От великих вещей остаются слова языка, свобода
в очертаньях деревьев, цепкие *цифры* года...
(Колыбельная Трескового мыса)

Здесь на земле,
<...>
где хуже мыши
глодал *петит* родного словаря...
(Разговор с небожителем)

в. форма — вещь этой формы, например, *пунцовый круг* вместо *солнце*:

Потерявший изнанку *пунцовый круг*
замирает поверх черепичных кровель...
(Литовский дивертисмент)

Таких «простых» случаев замены обозначения предмета на обозначение его формы у Бродского, однако, немного. Гораздо чаще эта модель метонимического переноса осложнена одним из типов метафорического переноса — метафорой замещения или метафорой сравнения (генитивной метафорой)⁸.

Сочетание метонимии с метафорой замещения иллюстрирует следующий пример, в котором слово *люстра* заменено метафорическим обозначением ее формы (метонимия), *остров*:

Пленное красное дерево частной квартиры в Риме.
Под потолком — пыльный *хрустальный остров*.
(Римские элегии, I)

Пример сочетания метонимии с генитивной метафорой —

<...> Бронзовый осьминог
люстры в трельяже, заросшем ряской,
лижет набрякший слезами, лаской,
грязными снами сырой станок.
(Лагуна)

⁸ О классификации типов метафоры см. [Левин 1998; Гаспаров 1997: 400]. В случае метафоры замещения субстратный образ опущен и лишь подразумевается при метафорическом, например *голос первого паровика* вместо *гудок*; при метафоре сравнения субстратный образ вспомогателен при метафорическом, например, *призрак коммунизма*.

В этом примере обозначение предмета (*люстра*) также заменено на его форму, которая названа метафорически (*осьминог*), но сам предмет при этом упоминается в тексте.

С некоторой натяжкой к типу ВНУТРЕННЕЕ — ВНЕШНЕЕ можно отнести и пример употребления слова *бровь* вместо *глаз*: убийство ...дело рук, как правило, цепкой *бровью* [вместо *глазом*] / муху жизни ловящей в своих прицелах / молодежи (Стихи о зимней кампании 1980-го года, V).

У Бродского представлен и обратно направленный тип метонимии ВНУТРЕННЕЕ — ВНЕШНЕЕ, пусть значительно меньшим числом примеров. Его реализуют две модели:

а. содержимое вместо контейнера: *почта* вместо *машина* с *почтой*, *молоко* вместо *бутылки с молоком*:

Брезжит рассвет, проезжает *почта*.
(Темза в Челси)

в городе, где, как ни темней кирпич,
молоко будет вечно белеть на дверной ступеньке
(Темза в Челси)

б. мысленное представление вместо его реального прообраза, например, *образ* вместо *изображения*:

Твой *образ* будет, знаю наперед, в жару и при морозе-ломоносе
не уменьшаться, но наоборот в неповторимой перспективе России.

3. Тип метонимии СЛЕДСТВИЕ — ПРИЧИНА у Бродского не представлен. Между тем менее частотный, по данным М. Л. Гаспарова, тип метонимии ПРИЧИНА — СЛЕДСТВИЕ реализуется несколькими моделями:

а. источник звука — звук, например, *хор* вместо *пение*, *певец* вместо *голос*, *рояль* вместо *звуки рояля*, *чайник* вместо *шум чайника*:

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный *хор* сомнамбул, пьяниц.
<...>
Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице...
(Рождественский романс)

из распахнутых окон бьет прекрасный *рояль*
(Ты поскачешь во мраке...)

Раковина ушная в них различит <...> *чайник*,
кипящий на керосинке...
(Я родился и вырос...)

порой послышится то детский плач,
то взвизгнет *Лемешев* из-под плохой иголки.
(Песчаные холмы, поросшие сосной...)

б. источник света — свет: зрачок *о Фонтанку* слепя [вместо *свет*, отражаемый Фонтанкой] (*Стихи в апреле*); Старых лампочек тусклый *накал* [вместо *свет*] (*Конец прекрасной эпохи*).

4. СВОЙСТВО — НОСИТЕЛЬ. Эта тип переноса у Бродского представлен целым рядом примеров, например, *выговор* вместо *речь*, *басы* вместо *голоса*:

Плывет во мгле замоскворецкой,
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной...
(Рождественский романс)

Темза катится к морю, разбухшая точно вена,
И буксиры в Челси дерут *басы*.
(Темза в Челси)

Частная модель, реализующая этот тип метонимии — это звук, заполняющий пространство, — пространство:

...И не в уличный *гул* [вместо *улица*]
он, дверь отворивши руками, шагнул...
(Сретенье)

К этому же типу метонимии принадлежит модель переноса цвет — предмет этого цвета:

Между низких ветвей лошадиный сверкнет *изумруд*
(Ты поскачешь во мраке...)

Так ходики, оставив в стороне
от жизни два кошачьих *изумруда*,
молчат <...>

(Зимняя почта, VII)

Группа примеров, реализующих модель предмет — его цвет, особенно интересна, так как цвет, метонимически замещающий имя предмета (в данном случае, глаза), также обозначается метонимически по модели цвет — предмет этого цвета, относящейся к типу СВОЙСТВО — НОСИТЕЛЬ. Таким образом, имеет место цепочка переходов 'глаза — цвет глаз (зеленый) — камень этого цвета (изумруд)'.
Обратно направленный тип переноса НОСИТЕЛЬ — СВОЙСТВО представлен у Бродского такими примерами, как *Север* вместо *холод*, *полночь* вместо *полночный ветер*:

Север крошит металл, но щадит стекло.
(Север крошит металл...)

Полночь швыряет листву и ветви на
кровлю...

(1972 год)

У Бродского встречается еще один тип метонимического переноса, характерный и для Пастернака. М. Л. Гаспаров не отводит этому типу переноса отдельного места в своей классификации, так как обычно он сопутствует другим типам метонимии. Это замена движения наблюдателя на движение воспринимаемого предмета:

Плывет (...)
ночной *кораблик* негасимый
из Александровского сада...
(Рождественский романс)

На самом деле человек движется мимо Александровского сада. На этом типе метонимии построено все стихотворение: на улице висит афиша, а людям, которые идут по улице, кажется, что она плывет над ними:

и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Отходит от платформы поезд, а кажется, что *плывет в глазах холодный вечер*.

Кроме метонимии у Бродского, так же как у Пастернака, часто используется близкий к метонимии тип переноса — синекдоха, т. е. замена целого частью: Сердце скачет, как белка, в *хворосте ребер* [вместо *в грудной клетке*] (1972 год); *Раковина ушная* [вместо *ухо*] в них различит не рокот, / но хлопки полотна, ставень, ладоней (*Я родился и вырос...*); Темно-синее утро в заиндевевшей *раме* [вместо *в окне*] / напоминает улицу с горящими фонарями (*Темно-синее утро...*); Я торчу на стальной *пружине* (вместо *на диване*); *зрачок* о Фонтанку слепя [вместо *глаз*] (*Стихи в апреле*).

Синекдоха представлена также рядом примеров замены человека на его орган: *глаз*, засоренный горизонтом, плачет (*Одиссей Телемаку*); *и мозг* / уже сбивается, считая войны (*Одиссей Телемаку*); *И горло* поет о возрасте (1972 год). Эти примеры представляют особый интерес. Дело в том, что в обычном языковом употреблении ситуации, в которых на самом деле действующим является какой-то орган человека, описываются метонимически — активность органа «затушевывается», и на первое место выдвигается человек. Иными словами, в обыденном языке, хотя слезы льются из глаз, плачет человек, хотя звук льется из горла, поет человек или певец и т. п. Это

естественно: активные органы только исполнители того, что хочет сделать человек. В НКРЯ — 41 контекст, в котором одновременно встречаются слова *глаза* и *плакать*. При этом *глаза* Субъект *плакать* только в двух примерах, ср.:

И еще одно: даже когда они плакали — эти глаза смеялись (Марина Цветаева).

Они липли к бровям, наскоро превращаясь в щекочущую влагу, заполняющую глазные впадины, и Алексею казалось, что это плачут глаза одни, без него... (Константин Воробьев).

В трех примерах *глаза* занимают периферийную позицию Инструмента (*плакать глазами*), ср.:

Надо принять на себя ответственность за буйство пьяного солдата, за темную волю народную, за смерти несправедные, за грядущий голод, за слезы детей, за дикий вопль всей равнины русской, которая лежит под небом распростертая, нищая, раскинула бессильные руки свои, плачет слепыми глазами, шепчет имена убитых, имена обреченных смерти своих детей (Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева)).

В девяти случаях глагол *плакать* выступает в форме причастия — определения к слову *глаза*, ср.:

И человек, в чьей голове произошло все это дело, глядя на дифференциальные уравнения и на куски фотографической бумаги, подтверждавшие порожденную им истину, всхлипывал и вытирал плачущие счастливые глаза... (Василий Гроссман).

Щель готова закрыться, свет из мира так тонок, так узок, ей приходится напрягать большие плачущие глаза (Галина Щербакова).

Он плакал не глазами — он плакал плечами (Евгений Евтушенко).

Из второго глаза ее, как у амазонки, текут слезы, потому что есть такая — только мне известная легенда, что амазонки, выжигавшие себе для удобства пускания стрел на полном скаку одну грудь, побабьи плакали не тем глазом, который приходился над выжженной для ратных дел грудью, а другим — вторым (Асар Эппель).

Таким образом, в 27 случаях из 41 субъект глагола *плакать* — человек (не говоря о тех примерах, где слово *глаза* вообще не встречается). Бродский как бы восстанавливает органы в правах, выдвигая их на первое место, и с этой точки зрения синекдоха Бродского — антиметонимия.

Другой случай антиметонимии представлен таким примером, как «дабы не зажмуривать ей век [вместо *глаз*], / я прикрывал ладонью их» (*Шесть лет ступя*). Веки — не часть глаза, а орган, смежный с глазом, ср. **Веки** Под-

вижные складки кожи, прикрывающие глаза (МАС). В русском языке ситуация, в которой человек зажимуривает веки, чтобы прикрыть глаза, описывается метонимически как *зажмурить глаза*, ср.: Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз; от этого случается, что он, *зажмуря глаза*, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает (Гоголь); Он обнял её, и она *зажмурила глаза*, они оба знали школьный рассказ: кто целуется с открытыми глазами, тот не любит (Гроссман)⁹. Примеров, в котором слово *веки* было бы субъектом глагола *зажмурить*, в Национальном корпусе русского языка не встречается вообще. У Бродского на первый план и здесь выступает активный орган, но на фоне принятого употребления прямое, не метонимическое описание ситуации воспринимается как особый тип переноса.

Пример такого же рода —

Потому что *каблук оставляет следы* — зима.

Хотя в реальности действительно следы на снегу оставляют лапы животных или обувь человека, эта ситуация в русском языке традиционно описывается с помощью метонимической замены части на целое: лап зверя — на зверя, обуви человека — на человека, ср. примеры из НКРЯ:

Найдя ночной след соболя, собака пошла по нему, благо в хвойном лесу перемещаться ей было значительно легче, чем на открытых местах (Верные друзья // «Лесное хозяйство», № 5, 2004).

Следы человека или нескольких, ушедших в потемках на работу, часа полтора назад были (Асар Эппель. Сидящие во тьме на венских стульях; 1993).

Бродский заменяет метонимическое описание прямым.

Еще один тип метонимического переноса у Бродского чисто авторский, индивидуальный. Он основан на «смежности» звучания, например *смех / снег, скат / скатерть*:

Уснуло все. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый *скат*. Как *скатерть*
ее конек.

(Большая элегия Джону Донну)

Подведем некоторые итоги. В поэзии Бродского представлены все существующие типы метонимического переноса, кроме типа СЛЕДСТВИЕ — ПРИЧИНА. При этом у Бродского шире представлены типы, обратные направленным тем, которые имеют большую распространенность в русском литератур-

⁹ В Национальном русском корпусе 21 пример употребления слова *зажмурить*, среди которых нет ни одного примера с Субъектом *веки*.

ном языке. Используя высокочастотные типы метонимии, Бродский индивидуализирует их, осложняя их метафорой или еще одним шагом метонимического переноса. Кроме того, Бродский использует особый тип переноса — антиметонимию: в тех случаях, когда в литературном языке принято метонимическое обозначение предмета или ситуации, Бродский выбирает прямой, неметонимический способ описания. На фоне стертой языковой метонимии прямое описание неожиданно оказывается более образным.

Рассмотрим теперь лексическое наполнение отдельных моделей метонимии у Бродского.

1. «Блуждает *выговор* еврейский по желтой лестнице печальной». По данным Национального корпуса русского языка слово *выговор* вообще не употребляется метонимически.

2. «Плывет в тоске необъяснимой / пчелиный *хор* сомнамбул, пьяниц». По данным Национального корпуса русского языка слово *хор* имеет такое же значение ‘голоса, звучание хора’, как у Бродского, во многих примерах, ср.:

В моих ушах звучал незримый, многоголосый хор, которым я, как ни странно, дирижировала (И. Грекова).

...я слышу в хоре негодования нотки зависти (Андрей Макаревич).

Из кедровника доносится нарастающий хор, в него вливаются голоса шеренг (Слипенчук).

Между тем примеров, в которых слово *хор* в этом значении сочеталось бы с глаголом *плыть*, в Национальном корпусе нет. Результат этого словосочетания — неоднозначность. Из строки *Плывет в тоске необъяснимой пчелиный хор сомнамбул, пьяниц* не сразу становится понятно, что речь идет о звуках. Вначале возникает образ поющих и движущихся в пространстве хористов.

Это же относится и к строке «Плывет в тоске необъяснимой / *певец* печальный по столице». Слово *певец* в метонимическом значении ‘голос’ используется достаточно часто, ср.:

Успех этого фестиваля подтвердил, что московская публика не только не забыла тех, кто когда-то начинал свой творческий путь у нас, а теперь завоевал мировое признание, но и продолжает следить за их успехами, хотя и слишком редко слышит этих певцов у себя на родине (Ирина Архипова).

Но в сочетании с глаголом *плыть* слово *певец* не встречается ни в прямом, ни в переносном значении. Результат этого словосочетания — образ движущегося над столицей поющего человека.

3. «*Раковина ушная* в них различит (...) чайник [вместо шум чайника], кипящий на керосинке» (*Я родился и вырос...*). Словосочетание *ушная раковина*

вина вообще не встречается в текстах, представленных в Национальном корпусе русского языка. Слово *чайник* не встречается в значении *шум чайника*.

Таким образом, особенности метонимии в поэзии Бродского не только в том, что он использует менее распространенные модели, но и в том, что он применяет их к таким словам, которые в русском литературном языке метонимических значений не имеют. Если же слово используется в метонимическом значении, существующем в русском литературном языке, Бродский отступает от принятой сочетаемости слова.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Гаспаров 1997 — М. Л. *Гаспаров*. Идиостиль Маяковского: попытка измерения // Избранные труды. Т. 2. О стихах. М., 1997. С. 383—415.
- Жолковский 1978 — А. К. *Жолковский*. Место окна в поэтическом мире Пастернака // *Russian Literature*. 1978. Vol. 6. № 1. С. 1—38.
- Жолковский 2004 — А. К. *Жолковский*. Из записок по поэзии грамматики: о переносных залогах Пастернака // *Критика и семиотика*. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 203—216.
- Левин 1998. — Ю. И. *Левин*. Структура русской метафоры // Избранные труды. М., 1998. С. 457—464.
- Падучева 2004 — Е. В. *Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Полухина 1995 — В. *Полухина*. Опыт Словаря тропов Бродского (на мат-ле сб. «Часть речи»): Сообщение на конференции, посвящ. творчеству Иосифа Бродского 24 мая 1995 г. // *Митин журнал*. 1995. Вып. 52. № 5. С. 106—126.
- Полухина, Пярли 1995 — В. *Полухина*, Ю. *Пярли*. Словарь тропов Бродского. Тарту, 1995.
- Семенов 2004 — В. *Семенов*. Иосиф Бродский в северной ссылке: Поэтика автобиографизма. Тарту, 2004. (Ruthenia, 2004).
- Федотов 2005 — О. *Федотов*. Поэт и бессмертие: элегии «на смерть поэта» в лирике И. Бродского // *Иосиф Бродский: стратегии чтения: Мат-лы междунар. научн. конф. 2—4 сентября 2004 года в Москве*. М., 2005.
- Якобсон 1987 — Р. *Якобсон*. Язык прозы поэта Пастернака // *Р. Якобсон*. Работы по поэтике. М., 1987. С. 324—338.
- Brook-Rose 1958/1970 — Ch. *Brook-Rose*. *A Grammar of Metaphor*. London, 1958; 2nd ed.: London, 1970.
- Burnett 1990 — L. *Burnett*. The Complicity of the Real: Affinities in the Poetics of Brodsky and Mandelstam // *Brodsky's Poetics and Aesthetics*. London, 1990. P. 2—33.
- Jakobson 1935/1973 — R. *Jakobson*. Notes marginales sur la prose du poète Pasternak // *Questions de poétique*. Paris; Seuil, 1973. P. 27—144.
- Loseff 1990 — L. *Loseff*. Poetics/Politics // *Brodsky's Poetics and Aesthetics*. London, 1990. P. 34—55.
- Polukhina 1990 — V. *Polukhina*. Similarity in disparity // *Brodsky's Poetics and Aesthetics*. London, 1990. P. 150—179.

О ТАКСОНОМИИ АКТАНТОВ ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ИМЕН*

С. Ю. Семенова

Елене Викторовне Падучевой

В теории лексического значения глагола, предложенной Е. В. Падучевой ([Падучева 2002; 2004] и др.), уделено значительное место как таксономии самой изучаемой глагольной лексемы, так и ее актантов. В частности, рассматриваются ситуации, когда мена таксономии участника ситуации свидетельствует об изменении лексического значения глагола, ср.: *Человек сорвал шапку с головы/объявление с доски/листочку со стены* (прототипически — агентивное действие) и *Ветер сорвал шапку с головы* и т. п. (происшествие). Таксономические (или онтологические) классы как лексемы, так и ее актантов рассматриваются (наряду с тематическим классом и диатезой) в качестве параметров лексического значения, меняющихся при метонимии и других проявлениях семантической деривации.

Очевидно, что изучение семантической принадлежности, таксономии актантов актуально не только для глаголов, но и для других слов, имеющих валентности. Цель данной работы — рассмотреть кратко таксономию (в том числе движение таксономии от прототипа к перифериям) для первого участника у ряда имен количественных параметров. Для параметрических имен, в большинстве своем обладающих двумя валентностями — на имя объекта, характеризваемого по параметру, и на количественное значение параметра (что соответствует известной трехкомпонентной информационной модели ‘параметр — объект — значение’), интересно проследить движение таксономических категорий имени объекта, их связь как с процессами деривации, так и с «чистой» семантикой параметрического имени, отражающей физический смысл обозначаемой величины.

Ряд классов измеряемых объектов, эксплицирующихся при рассмотрении семантики параметрических имен, близок к вендлеровским классам глаголь-

* Данное исследование, проводившееся в рамках работ над системами «Лексикограф» и РУСЛАН1, поддерживалось Российским гуманитарным научным фондом.

ной лексики (ПРОЦЕССЫ, СОСТОЯНИЯ, СОБЫТИЯ), детально изученным в работах Е. В. Падучевой применительно к русским глаголам. (Конечно, при рассмотрении параметрической лексики особенно актуальны «именные» классы ПРЕДМЕТОВ, ВМЕСТИЛИЩ, ВЕЩЕСТВ и МАТЕРИАЛОВ, УСТРОЙСТВ.) В семантике имен параметров отражается многообразие пространственных, временных, энергетических и других свойств действительного мира. Различные группы онтологических объектов измеряются по различным параметрам в зависимости от своих свойств. Различаются способы измерения, в том числе принципы выбора единиц измерения, типы взаимодействия объектов с измерительными приборами и т. п.

Очевидно, что семантика параметрических имен во многих случаях выходит за рамки наивной картины мира, хотя интересные с точки зрения лингвистики процессы семантической деривации более характерны как раз для «простых» параметров, релевантных для наивной физики. (В то же время, по-видимому, настал момент заглянуть при семантическом анализе и чуть дальше привычных обыденному носителю «школьных» величин.)

При сопоставлении онтологии разных параметров варьируются такие признаки, как рассмотрение целого объекта или его части ('кванта', ср.: *масса* и *плотность* — во втором случае в рассмотрение берется квант вещества, 'куска', ср. *диаметр* и *радиус* — во втором случае мысленно выделяется половина или сектор круглого тела); наличие или отсутствие квантования по времени (ср. *скорость* и *путь*). Среди общих свойств параметров как физических величин можно назвать, например, наличие/отсутствие аддитивности (аддитивны, в частности, геометрические размеры, см. ниже); наличие/отсутствие квантования по какой-л. величине; связь с другими параметрами (например, *сила тока*, *напряжение* и *сопротивление* в электрической цепи связаны законом Ома). В рамках обыденной физики для разных величин с разной степенью объективности мотивируется выбор единиц измерения. Например, для параметров *время*, *температура* за эталонную меру приняты величины, мотивированные более строго, чем, скажем, эталоны размеров: для времени это период вращения Земли вокруг своей оси (в наивной картине мира — смена дня и ночи) и период вращения вокруг Солнца (годовой круг), для температуры — точка плавления льда (с чем ассоциируется образование и исчезновение снежного покрова). У геометрических величин единицы измерения различаются большим разнообразием; в семантической литературе неоднократно отмечалась большая мера их антропоцентричности (конечно, антропоцентризм актуален прежде всего при количественной оценке объектов обыденного макромира).

Различия онтологического плана, естественно, определяют разное сочетательное поведение имен, обозначающих величины, и в частности — так-

сономические категории имен, заполняющих валентность параметрического имени на объект. Среди объектов, характеризующихся по количественным параметрам, можно выделить ПРЕДМЕТЫ, ВЕЩЕСТВА и МАТЕРИАЛЫ, ЯВЛЕНИЯ, ПРОЦЕССЫ, СОБЫТИЯ, ДЕЙСТВИЯ, некоторые другие подобные категории сущностей, а также более узкие разновидности указанных категорий, конкретные виды предметов, действий и т. п. В принципе, принадлежность или тяготение прототипического первого актанта параметрического имени к той или иной категории делает возможной своего рода «объектную» классификацию имен параметров, хотя, как мы увидим, такая классификация может быть лишь очень схематичной, огрубленной, хотя бы из-за метонимических переходов в участнике. Изначальная связь семантики параметрических имен с таксономической принадлежностью измеряемых субстанций отмечается, в частности, и в работе [Крылов 2005], где исчислены основные языковые средства выражения квантитативности.

С определенной долей огрубления можно считать, что по геометрическим параметрам *высота, ширина, площадь* и др. прототипически, т. е. изначально, характеризуются ПРЕДМЕТЫ, взятые в широком смысле, в том числе вместилища, географические объекты, сооружения, натуральные классы, области пространства и т. п. (*высота контейнера/горы/башни/дерева/огненного столба* и т. п.), по «скоростным» параметрам *скорость, темп* — ПРОЦЕССЫ (*темп повышения температуры воды*), по стохастическому параметру *вероятность* характеризуются СОБЫТИЯ (*вероятность неблагоприятного исхода эксперимента*), по стохастическому техническому параметру *надежность* оцениваются технологические ПРОЦЕССЫ и технические УСТРОЙСТВА, в которых совершаются эти процессы (*надежность распознавания образов* и *надежность двигателя*), по темпоральным параметрам *длительность* и *продолжительность* оцениваются объекты, относящиеся к категории СОСТОЯНИЙ или ПРОЦЕССОВ (*продолжительность жизни*), с «удельными» параметрами *плотность, теплопроводность, сопротивление* и др., главным образом, связаны ВЕЩЕСТВА и МАТЕРИАЛЫ (*плотность/теплопроводность железа; сопротивление плазмы*). В роли объектов для общеколичественных параметров *сумма, диапазон, приращение* и др. в техническом тексте выступают различные КОЛИЧЕСТВА, ЧИСЛОВЫЕ ВЕЛИЧИНЫ (*сумма скоростей, диапазон радиочастот, приращение температуры*).

Заметим, однако, что при всей методической целесообразности объединения имен параметров в различные группы — по таксономии актантов, по тематической принадлежности самих имен (геометрические, энергетические, экономические и др.), при установлении их групповых семантико-синтаксических свойств, как это сделано, в частности, для имен линейных размеров ([Апресян 1992] и др.), нужно все-таки отметить их весьма индивидуальные

денотативные свойства. Например, при грубой объектной классификации общеколичественные параметрические употребления имен *приращение* и *диапазон* относятся к одной группе — группе характеристик числовых величин. Оба эти употребления являются дериватами (семантическими сужениями, конкретизациями) более общих употреблений, типа *приращение семейства*, *диапазон голоса*. При этом, однако, параметр *приращение* нацелен на оценку («положительного» изменения во времени) МНОЖЕСТВ, возможно состоящих из однородных элементов, а параметр *диапазон* служит для единовременной оценки, охвата МНОЖЕСТВ, состоящих из разнообразных элементов, и это проявляется не только в собственно параметрических, производных, но и в исходных употреблениях; ср.: *приращение секций к штанге*, *приращение российских земель* (секции штанги могут быть одинаковыми; для земель в данном контексте, видимо, количество важнее априорного многообразия) и *диапазон проблем, движений, продуктов, обрабатываемого сырья* (многообразие объектов — проблем, видов движений, продуктов и т. п. ощущается явно, особенно если объектную валентность заполняет родовое имя: *продукты, сырье*). Индивидуальность каждого параметрического имени проявляется и при семантической деривации от исходного значения; разные имена демонстрируют разную способность развивать производные значения, разную направленность в движении таксономических категорий.

В целом физические параметры служат для измерения предметов и процессов как конкретных онтологических сущностей (в противовес сущностям всеобщим). На такого рода «предметность» параметров обращается внимание, например, в философском очерке [Барышев 1991: 2], где проводится противопоставление между предметами (процессами) и пространством и временем как всеобщими свойствами материальных объектов. «Измеряются материальные тела и процессы, а не пространство и время. ... В результате измерений добывается информация о взаимных отношениях между телами или процессами, а не об отношении тел к пространству или процессов ко времени».

Говоря о таксономии участника параметрического имени, для простоты мы рассматриваем здесь в основном только одну, «главную» конструкцию — генитивную атрибутивную конструкцию, связывающую имя параметра с именем измеряемого объекта: N par + N obj (gen) — *длина бруска, глубина водоема*; эта конструкция, как известно, является наиболее употребительной, имеет мало ограничений на классе параметрических имен. Имеющиеся ограничения связаны, например, с принципиальной «двухобъектной» природой некоторых имен параметров: *расстояние между двумя населенными пунктами* (но не **расстояние населенных пунктов*). Конечно, кроме конструкции с родительным падежом практикуются и другие поверхностные способы синтаксической стыковки параметра с объектом: *сопротивление → в электриче-*

ской цепи, брусok → длиной [два метра], езда → со скоростью [80 км/час], боксеры → в весе [до 70 кг] и др., см. работу [Апресян 1987], где анализируется избирательная сочетаемость параметрических имен в негенитивных атрибутивных конструкциях, в общем виде представляющая собой определенную семантическую задачу. Ряд предположений высказывается в названной работе; можно предположить также, например, что «вторая» по значимости параметрическая конструкция N obj + N par (instr) — брусok длиной два метра — допустима для параметров, с одной стороны, прагматически важных для объектов данного класса, с другой стороны, относительно статичных в своих количественных значениях, ср., например, допустимое сочетание человек ростом метр восемьдесят и более специфичное, «контекстно-зависимое» человек весом 90 кг (рост в тематически нейтральном контексте — более «наглядный» и постоянный параметр человека, чем вес); естественное сочетание арбуз весом 5 кг (вес — важный параметр арбуза и неизменный для него, если, например, данный арбуз рассматривается уже не как растущий плод, а как «законченный» товар и продукт питания) и весьма сомнительное выражение *воздух температурой 20 градусов (температура — важный, но сильно изменчивый параметр воздуха; кроме того, имя температура, видимо, недостаточно «освоено» русским языком, недостаточно морфологически мотивировано как СВОЙСТВО).

В генитивных конструкциях с параметрическим именем, при деривации именно от параметрического употребления (которое, в свою очередь, тоже во многих случаях является дериватом, например, радиус-параметр есть дериват от имени радиуса-фигуры, сопротивление как физическая величина производно от общелексического сопротивления, медицинский параметр пульс — дериват от названия физиологического явления; высота и другие отадеквативные имена размеров производны от субстантивировавшихся наименований свойств со значением верхнего полюса, проявляющихся, в частности, в контексте эмотивных предикатов: испугался высоты ⇒ высота большая) наблюдаются по крайней мере четыре вида мены таксономической категории участника-объекта, когда имеют место следующие явления.

1. Метафоризация параметрического имени с утратой параметрического количественного измеряемого значения; в данной работе, где речь идет о количественных параметрах, будем называть такое явление «сильной метафоризацией»: пульс планеты — употребление не параметрическое (в узком, количественном смысле), так как такой пульс нельзя измерить. Механизм при-сущ не всем параметрическим именам; имя параметра должно обладать определенной образностью, ассоциативным потенциалом (в данном примере действует ассоциация ‘пульс’ → ‘жизнь’ → ‘события, деятельность’). Иногда утрачивается не только количественное параметрическое значение, но и па-

раметрическое значение вообще; генитивная конструкция может обозначать не параметр, а свойство, с уже фиксированным «большим» значением параметра: *высота души* (ср. оппозицию ‘параметрическая vs прямая диатеза’ в работах Е. В. Падучевой). Поскольку сильная метафоризация — явление индивидуальное, то не всегда можно говорить о целом таксономическом КЛАССЕ участников метафоризовавшегося имени; подчас дело ограничивается отдельными устойчивыми сочетаниями: *глубина веков*.

2. Метафоризация параметрического имени с сохранением параметрического количественного значения: *глубина сверления*, *глубина резки металла*, *глубина просмотра гипертекста*; *плотность тока*, *плотность населения*, *плотность дефектов кристаллических структур* и т. п., когда у имени *глубина* утрачивается исходный компонент ‘дно’, ‘направленность ко дну, вниз’, но сохраняется идея ‘направленность внутрь’, а у имени *плотность* утрачивается исходный компонент ‘масса вещества’, но сохраняется идея ‘количество объектов в единице пространства’ и у обоих имен сохраняется параметрическое количественное значение — эти *глубины* и *плотности* подлежат измерению; часто подобные генитивные конструкции становятся параметрическими терминами. Такую метафоризацию назовем «слабой»; явление наблюдается у нескольких параметрических имен, также достаточно образных. В некоторых случаях можно говорить не только об индивидуальных переходах, но и о тенденциях на уровне КЛАССОВ.

3. Метонимический переход в объекте-участнике, без изменения значения параметрического имени: *глубина погружения подводной лодки* = ‘глубина того уровня, водного слоя, где находится погруженная лодка’ (т. е. некоторой пространственной, ПРЕДМЕТНОЙ сущности); *скорость волны* = ‘скорость распространения волны’ (т. е. некоторого ПРОЦЕССА); аналогично *скорость поезда* = ‘скорость движения поезда’, *возраст вступления в брак* = ‘возраст людей, когда они обычно вступают в брак’ и т. п. Данное явление широко распространено у параметрических имен; в ряде случаев, например, в случае имен размеров (см. ниже), можно говорить о некоторых более-менее регулярных соответствиях таксономических КЛАССОВ.

4. Качественная оценка такого объекта — как правило, утилитарного, бытового, для которого точное количественное измерение (по крайней мере, по данному параметру) обычно не практикуется: *объем ресниц* (сочетание встречается при рекламировании косметических средств), *глубина туфель* и подобное. Явление окказионально, встречается у нескольких «житейских» параметрических имен; имеет место определенное выхолащивание, и быть может, даже пародирование — в стиле современной рекламы — стандартной «серьезной» параметрической ситуации ‘параметр — объект — значение’.

Кроме этих четырех видов динамики участника, можно также упомянуть ситуацию ‘ухода участника’, когда в определенном контексте участник на-

столько очевиден, что может быть опущен. Такой эллипсис свойствен нескольким параметрам: *возраст* (очевидно, что человека), *срок* (очевидно, что уголовного наказания) и некоторым другим.

Среди семантических переходов следует назвать и образование по метонимии предметного значения у параметрических имен. Явление свойственно нескольким именам: *высота* (холм), *сопротивление* (радиодеталь).

Оговоримся, что в случае 3 метонимия понимается расширительно, в соответствии с [Падучева 1999 и др.], когда изменения лексического значения предикатного слова может не быть, но обязательно происходит изменение так называемого ракурса видения обозначаемой этим предикатным словом ситуации (в нашем случае — ситуации количественной оценки объекта). Можно говорить о семантическом сжатии или об эллиптическом свертывании описания ситуации, о своего рода «метонимии-эллипсисе». Соответственно, смена ракурса при семантическом сжатии состоит в уменьшении «изображения», в отдалении «фотокамеры». Собственно, классическая метонимия (мена значения по смежности) тоже связана с процессом сжатия, сокращения текста: сочетание *ложка меда* есть сокращение для фразы *количество меда, которое помещается в ложку*.

В случае 3 при рассмотрении производных, «метонимичных» контекстов (типа *глубина погружения лодки*) правомерна задача экспликации «подлинной», или прототипической категории участника для данного имени параметра, задача «восстановления эллипсиса». Эта задача полезна, например, для повышения системности описания параметрической лексики в словаре. В частности, таким образом преимущественно описывается данная лексика в прикладном семантическом словаре РУСЛАН, где категории (семантические характеристики) актантов предикатных лексем перечисляются списком и описание по возможности строится так, чтобы исходная категория возглавляла список [Леонтьева, Семенова 2002].

Конечно, имеются случаи, когда исходную категорию трудно выявить однозначно или когда она прагматически менее значима, чем категории производные. Например, для параметра *надежность* — его количественного варианта, обозначающего вероятность желаемого результата работы технологических процессов или технических устройств (соответственно, за вычетом вероятности сбоев и ошибок), представляется, что категория ПРОЦЕССОВ (либо других их отглагольных «собратьев») первична по отношению к категориям предметным, ведь оцениваются не устройства как таковые, а их *функционирование*. Но в реальных текстах категории ПРОЦЕССОВ и УСТРОЙСТВ идут примерно на равных: *надежность распознавания образов* и *надежность электросетей*.

Рассмотрим далее эти вопросы и попытаемся выявить прототипы и проанализировать (эскизно, обзорно) переходы таксономических категорий объ-

ектов для ряда конкретных параметрических имен. При этом будем привлекать как примеры из «бумажной» научно-технической литературы, в частности [Чертов 1990], где описываются разнообразные физические величины, в том числе обозначаемые генитивными терминологическими сочетаниями, так и «электронные» контексты параметрических имен (тоже в большинстве научно-технические), содержащиеся в Национальном корпусе русского языка или в вольном Интернет-пространстве.

Для имен геометрических размеров — *длины, глубины, площади, объема, радиуса* и др. в качестве прототипических объектов выступают ПРЕДМЕТЫ: *длина доски, радиус катушки*. Абстрагированную, дематериализованную разновидность предметов (и весьма актуальную для определения физического смысла размеров) составляют ФИГУРЫ: *длина отрезка, радиус окружности*.

У имен размеров распространена метонимия-эллипсис с формальным выходом участника из предметной сферы, а именно, переход от ПРЕДМЕТА к ДЕЙСТВИЮ; при этом за «поверхностным» действием при интерпретации ситуации проступает предметная категория.

Имя действия в результате метонимического перехода может фактически обозначать предметную сущность: в сочетании *длина пробега электрона* отглагольное имя *пробег* может интерпретироваться как обозначение пространственного отрезка, который «пробегают» электрон. Классической метонимической смены значения у имени объекта может и не быть: при том, что все сочетание *радиус поворота автомобиля* трактуется как радиус окружности, по которой движется автомобиль на повороте, не вполне ясно, можно ли считать, что имя *поворот* здесь обозначает траекторию. В сочетании *глубина перекопки почвы* вряд ли имя *перекопка* приобретает предметное значение слоя почвы, до которого доходит лопата при перекопке. Тут скорее чисто эллиптическая конструкция, незавершенный метонимический переход: предметное значение у имени *перекопка* наметилось, но не развилось. Мы объединяем обе ситуации, когда классическая метонимия есть и когда она не завершена, и говорим о метонимии-эллипсисе. Подчеркнем еще раз, что метонимия здесь, пусть и неполная, совершается не в параметрическом имени, а в имени участника; значение имени параметра неизменно.

Возможен, правда, и другой взгляд: в сочетаниях с отглагольным именем, типа *глубина перекопки*, первичным можно считать отглагольное имя, и тогда параметр выступает всего лишь участником (да и то близким к сирконстанту) глагольной ситуации: *перекапывать почву* → *на какую глубину*. Но при таком взгляде сочетание *глубина борозды* (параметр — вершина) и *глубина перекопки* (параметр — «перевернутая» вершина, бывший «слуга» глагола) считались бы образованными по разным механизмам и были бы мало связаны между собой, что по крайней мере неудобно для компактных словарных описаний.

Заметим, что в профессиональной речи могут иметь место завершенные «отраслевые» метонимические переходы, не свойственные обычному языку: *выплатить инфляцию клиенту банка* = выплатить сумму, возникшую в результате инфляции и не являющуюся настоящей прибылью.

Топология (а тем самым и подробная таксономия) объектов, характеризующихся конкретными геометрическими размерами, рассматривается в целом ряде исследований. Существительные и прилагательные размеров и стоящие за ними концептуальные структуры стали одним из важных предметов изучения в лексической и когнитивной семантике (в русистике традиция идет, по-видимому, от работы [Журицкий 1971]; обращает на себя внимание работа [Рахилина 1994]; из совсем недавних работ можно назвать [Шеманаева 2006]).

Для измерения обычных предметов «наивного» макромира выбираются предметы эталонного размера и затем определяется, сколько раз эталон вкладывается в измеряемый объект (или, наоборот, измеряемый объект вкладывается в эталон). Выбор эталона отличается многообразием: *метр, локоть, дюйм* и др., хотя в каждом случае имеется определенная мотивировка выбора; выбор часто антропоцентричен (что отмечалось во многих работах).

Размеры обладают свойством аддитивности; размер измеряемого объекта складывается из нескольких размеров эталонного объекта, ср., например, с параметрами *температура* или *скорость*, для которых это свойство не верно. В языке аддитивность отражается, например, в возможности контекстов суммирования, типа *на юбку в складку потребуются две длины*. Здесь, с одной стороны, видно, что *длина* развивает метонимическое предметное значение — кусок ткани заданной длины, а с другой стороны, что операция суммирования осмысленна — фраза *две длины* означает кусок ткани двойной длины. Классы аддитивных и неаддитивных физических величин выделяются и в физической метрологии, причем к аддитивным относят те величины, значения которых могут суммироваться, умножаться на числовой коэффициент и делиться друг на друга (*длина, масса*), к неаддитивным — величины, для которых эти операции не имеют физического смысла (*температура, см.*, например, [Чертов 1990]).

Ряд имен размеров подвергся метафоризации — *высота, глубина, объем*, отчасти *длина* и *ширина*. Наиболее плодотворны *высота* и *глубина*. Для *высоты* имеет место и слабая метафоризация: *высота тона*, и метафоризация сильная, с утратой измеримости и с регулярным для параметрических имен переходом к значению верхнего полюса: *высота духа, помыслов* (карта употреблений слова *высота* приведена в [Семенова 2000]). *Глубина*, как уже показано, оставаясь количественным параметром, метафоризируется от «вниз» к «внутри»: *глубина резки камня/проникновения магнитного поля в сверхпроводник*; при этом также имеет место метонимический переход в участнике от

«предмета» к «действию». Существует и метафорический переход от «внутри» к «время»: *глубина архивации*. Имеется сильная метафоризация, с утратой измеримости: *глубина звучания музыкального инструмента*. (Данное сочетание имеет два регулярно связанных значения — неколичественного параметра и верхнего полюса; ср. *определить глубину звучания* и *насладиться глубиной звучания*; другой пример метафоры со значением верхнего полюса — метафора времени: *глубина веков*.)

Длина метафоризируется (во *время*) только в форме прилагательного: *длинный день*. *Ширина* переходит в абстрактный «горизонтальный охват», обычно в форме прилагательного: *широкий кругозор*, но возможна и слабая метафоризация с сохранением измеримости: *ширина спектра радиосигнала* (метафорична хотя бы в силу того, что измеряется не в линейных единицах, а в герцах). Здесь можно говорить и об особом, «математическом» виде метонимии: имеется в виду ширина определенного участка на графике некоторой функции. Темпоральную сферу обычно обслуживают другие параметрические существительные, морфологические «родственники» *длины*: *долгота*, *длительность*, *продолжительность*; аналогом *ширины* в абстрактной неколичественной сфере выступает *широта* — *широта взглядов*.

Имя *площадь* стандартным для имен размеров образом употребляется с метонимическим отглагольным участником — именем ДЕЙСТВИЯ СИТУАЦИИ: *площадь перекопки*, *площадь загорания* (= площадь загоревшегося помещения). Имеется и метонимический переход к предметной категории у собственно параметрического имени: *право на дополнительную жилую площадь* (т. е. на дополнительное помещение).

Имя *объем* подвержено и метонимии-эллипсису: *объем хирургической операции* (если имеется в виду величина разреза, а не круг затрагиваемых органов, в последнем случае можно говорить о метафоризации), и собственно метафоризации — как слабой, когда обозначаемую величину можно измерить: *объем перевозок*, так и сильной, с явной потерей измеримости: *объем научных исследований*. При метафоризации изначальный пространственный *объем* развивается либо в сторону непространственной количественной величины (*объем капитальных вложений*), либо в сторону охвата многообразия (*объем исследований*). Пример утилитарного неизмеряемого *объема*: *объем прически*.

Исходно предметными являются также «объемные» параметры *емкость*, *вместимость*, *водоизмещение*. Характеризуемые по этим параметрам предметы представляют собой пространственные ВМЕСТИЛИЩА, РЕЗЕРВУАРЫ: *емкость сосуда*, *водоизмещение судна*. Что касается *емкости*, слова разного, «емкого», то устоялись метафорические употребления, примеры реализации известной метафоры ‘абстрактное вместилище — сосуд’, когда,

например, запоминающее устройство компьютера или кусок материала, накапливающего электрический заряд, концептуализуются как резервуары: *емкость памяти*, *электрическая емкость проводника* и т. п. В этих случаях метафоризация слабая, т. к. измеримость сохраняется. Сильная метафоризация свойственна скорее прилагательному *емкий* — *емкий язык* (например, если речь идет об идиолекте писателя).

В отдельную группу можно объединить так называемые удельные (или партитивные) физические величины *плотность*, *вязкость*, *теплопроводность* и др. Эти величины изначально служат для оценки свойств ВЕЩЕСТВ и МАТЕРИАЛОВ. При измерении рассматривается единичный фрагмент вещества. Для этих величин используются производные, дробные единицы измерения, отнесенные к единице массы или размера (кванту вещества).

Плотность образна — видимо, в силу своей «качественной», «фактурной» семантики. При слабой метафоризации охотно эволюционирует от исходной «непрерывной» физической массы («масса тела в единице его объема», словарь С. И. Ожегова) к количеству неких дискретных объектов в единице пространства: *плотность населения*, *плотность населенных пунктов*, *плотность распределения озер Курганской области*, *плотность гнезд насекомых*, *плотность вязания* — количество петель на квадратный дециметр, и т. п. Эволюционирует и к оценке не видимых глазу сущностей, прототипически непрерывных: *плотность теплового потока энергии*, *плотность потока ионизирующего излучения*, *плотность электрического заряда*. Может, наподобие квантора, «навешиваться» на достаточно сложные величины: *плотность мощности лазерного излучения*.

Квантование физических величин может осуществляться и по другим параметрам, кроме массы и размера — например, по температуре (*теплоемкость*), силе тока (*электрическое сопротивление*), сопротивлению (*электропроводность*) и др. Дробными единицами также обладают параметры, определяемые как результаты квантования каких-либо величин по времени; простейшее понятие — *скорость*. Наличие дробных единиц измерения не только является показателем определенных семантических свойств, оно важно для прикладных задач текстового анализа, когда эти единицы (типа *г/см*; *кг/куб. м*; *г/кв. м*; *мг/кв. км* и т. п.) нужно прежде всего «собрать» на этапах предсинтаксиса или синтаксиса [Гуревич 1987] и желательно привести к некоторому унифицированному виду. В принципе, было бы целесообразно построить прикладную комбинаторную грамматику представления таких величин — с целью оперирования, в том числе математических преобразований, соответствующей фактографической информацией в базах знаний.

Сопротивление как количественный параметр производно от общелексического *сопротивления*, т. е. противодействия, противостояния, и в нейтраль-

ном Интернет-тексте как бы подчеркнута вторично по сравнению с общелек-сическим значением, выступающим в сочетаниях типа: *оказать сопротивление при задержании, движение Сопротивления* и т. п.). Тем не менее, слово актуально и в научно-техническом дискурсе, где по-своему, «фактурно» преломляется общая идея противодействия и где выделяется *электрическое сопротивление: сопротивление проводника/цепи/изоляции*, и механические сопротивления: *сопротивление породы при бурении/бурового раствора; акустическое сопротивление звукового канала*. По данным разновидностям параметра оцениваются и ВЕЩЕСТВА, и целостные технические системы — электрическая цепь, звуковой канал и т. п. Определение, что первично, ВЕЩЕСТВО или ПРЕДМЕТ (техническая система), по-видимому, неконкретно с точки зрения физики. Для уточнения вводится величина *удельное сопротивление*, и она однозначно характеризует ВЕЩЕСТВО или МАТЕРИАЛ. У имени *сопротивление* имеется метонимическое предметное значение — значение детали, элемента: *припаять сопротивление*. Пример утилитарного, неизмеряемого, качественно оцениваемого механического *сопротивления*: *сопротивление ламината истиранию*. Сильной метафоризации не отмечается, поскольку исходное непараметрическое значение само по себе достаточно абстрактно.

По времени квантуются параметры скоростного ряда *скорость, ускорение, темп, пульс*. *Скорость* и *ускорение* как механические величины в прототипе характеризуют пространственное *движение* тел или масс вещества, т. е. ПРОЦЕССЫ (*ускорение свободного падения*). Конечно, на поверхностном уровне объектную валентность имени *скорость* может насыщать и имя предмета, например, устройства (*скорость автомобиля, поезда* и т. п.), но подразумевается, что предмет является субъектом некоторого динамического процесса и параметр изначально служит для оценки этого процесса. Таким образом, для этих параметров при метонимии-эллипсисе направление перехода — от ПРОЦЕССОВ к УСТРОЙСТВАМ (т. е. ПРЕДМЕТАМ), а для геометрических параметров, как мы видели, — наоборот. Слабая метафоризация для *скорости* направлена в сторону от механического пространственного перемещения физического тела к произвольному процессу: *скорость печати/оседания эритроцитов/химической реакции*. *Ускорение* как механический параметр не склонно метафоризироваться; употребления типа *ускорение экономического развития* не производны, а первичны по отношению к данному параметру; механическое *ускорение* есть конкретизация общелек-сического *ускорения*, которое, в свою очередь, по-видимому есть дериват от всего лек-сического гнезда ‘*скорый, скорость*’.

Скорость прототипически нейтральна к характеру процесса — непрерывному vs дискретному, с ощутимой сменой составляющих процесс более

мелких событий. Дискретную сферу прототипически обслуживает количественный параметр *темп*, являющийся дериватом *темпа* музыкального, отражающего скорость смены тактов, «степень быстроты исполнения музыкального произведения» (Словарь С. И. Ожегова). Непосредственный дериват музыкального параметра, общеколичественный параметр *темп* наследует свойство своего прообраза — характеризует дискретные процессы, например, *темп стрельбы — 400 выстрелов в минуту* (одна из характеристик стрелкового оружия). Но далее *темп* метафорически эволюционирует в сторону оценки непрерывных процессов, по большей части не природных, а социально-экономических; компонент дискретности слабеет или утрачивается: *темпы роста дифференциации доходов населения/роста ВВП/реализации продукции* и т. п. Метафоризация является слабой; измеримость параметра сохраняется. Пример неизмеримого, лексикализованного употребления параметра: *темп жизни*.

Исходным объектом параметра *пульс* является человек-пациент, «больной». Как уже показано, имеется сильная метафоризация с характерным таксономическим переходом в участнике от человека-пациента к человеческому сообществу и с переходом из медицинской в социальную сферу (*пульс страны/планеты*). Изначальный параметр *пульс* (медицинский) характеризуется по двум шкалам — точной количественной (частота сердечных сокращений, N ударов в минуту) и качественной оценочной (*пульс слабый, нитевидный, наполненный* и т. п.), и метафоризация в социум идет, очевидно, от второй шкалы.

У имени *частота* можно выделить по крайней мере три представительных и дистантных параметрических значения: общеколичественная *частота*, когда объектами, оцениваемыми по параметру, являются СОБЫТИЯ из разных сфер реальности, происходящие с той или иной степенью регулярности: *частота промахов при стрельбе/острых респираторных заболеваний/употребления наречий*, и два значения производных, более специальных, служащих для оценки периодических сущностей — *частоты*, измеряемые в герцах: механическая *частота* для оценки колебательных движений (*частота вращения/свободных колебаний*), когда прототипическими объектами являются механические (в том числе акустические) ПРОЦЕССЫ, и *частота* электромагнитных колебаний, волн и сигналов, когда объектами выступают ПРОЦЕССЫ и ЯВЛЕНИЯ из сферы электродинамики: *частота радио/теле-сигнала*. Для всех значений в профессиональной речи возможна метонимия-эллипсис: *частота наречий*; для последних двух значений характерен переход к именам ПРЕДМЕТОВ и УСТРОЙСТВ, связанных с колебательными процессами: *собственная частота стержня, несущая частота приемника*. В целом для семантики имени *частота* характерно своего рода пространственно-временное единство, проявляющееся, например, и в изначальной метафорической деривации от пространственного прилагательного *частый*, и в графическом представлении темпоральных колебательных процессов.

Что касается некантуемых параметрических имен со значением времени, то следует отметить регулярную взаимосвязанность категорий их актантов. Параметрические аспекты поведения такого многогранного имени, как *время*, требуют отдельного рассмотрения; многие денотативные свойства этого слова хорошо изучены (см., например, [Плунгян 1997] и др. работы там же). Отметим лишь, что поверхностными объектами, характеризруемыми по параметру *время*, могут быть СОБЫТИЯ; при этом параметр может мыслиться и как точечный, обозначающий момент времени (*время отправления поезда*), и как интервальный (*расчетное время прибытия бригады скорой помощи*), а могут быть ПРОЦЕССЫ (*время установления тока*); в этом случае параметр обозначает интервал. Конечно, интервал и точки-концы также образуют определенное смысловое единство, плодотворное для метонимических преобразований. Имя *время* активно выступает как гипероним для более конкретных параметров: *момент, длительность, продолжительность, срок*.

Параметры *длительность* и *продолжительность* однозначно характеризуют СОСТОЯНИЯ и ПРОЦЕССЫ: *длительность паузы, продолжительность измельчения сырья*. Параметры синонимичны, но все же, судя по Интернет-контекстам, *длительность* в большей мере, чем *продолжительность*, тяготеет к оценке природных состояний и процессов, а последняя больше стремится к оценке состояний и процессов «рукотворных» и социальных: *длительность хранения яблок, протекания тока в цепи; продолжительность рекламы, рабочего времени, массажа* и т. п. Хотя это не является правилом, ср.: *продолжительность жизни* (биологическая сущность); *длительность пребывания Президента у власти* (сущность социальная). Подчас в контексте этих параметров затруднительно определить, как концептуализован данный участник, как СОСТОЯНИЕ или как ПРОЦЕСС: *жизнь* в термине *средняя продолжительность жизни* — это состояние или процесс? Аналогично и с некоторыми другими участниками, более утилитарными, типа *массаж* или *хранение яблок*.

Временной параметр *возраст* тяготеет к ПРЕДМЕТНОМУ и ЖИВОМУ, он связан с идеей рождения, развития и старения, и объектами прототипически являются ПРЕДМЕТЫ из мира живой природы: *возраст пациента, возраст дерева*. В предметных областях возможен и метафорический перенос, когда объекты неживой природы уподобляются живым, имеют момент метафорического «рождения» либо претерпевают развитие, «взросление» и «старение» и потому характеризуются по данному параметру (*возраст протона / океана / Алтае-Саянской складчатой области*). Метафорический *возраст* могут обретать и человеческие сообщества (коллективы, организации, государства: *возраст фирмы*). Метафоризация слабая — все величины измеримы. При описании *возраста ЧЕЛОВЕКА* — первейшего «объекта» для данного параметра, главного «таксономического класса» — этот очевидный объект

может естественным образом опускаться; взамен часто употребляются устойчивые адъективные сочетания, указывающие и на объект, и на значение параметра: *детский/трудный/переходный возраст*.

По параметру *срок* поверхностно могут характеризоваться как СОСТОЯНИЯ (*срок годности продуктов/службы прибора*), так и СОБЫТИЯ либо короткие ДЕЙСТВИЯ (*срок подачи документов*). Возможно двойное, «смежное», понимание данного имени: 1) как периода времени, простирающегося на некоторое конечное расстояние в будущее от момента речи, такого, что по его истечении меняется положение вещей; 2) как дальней границы этого периода — момента, когда происходит смена состояний (о роли момента речи — точки отсчета — в толковании данного параметра см. [Падучева 1992] и др.). Эти два понимания параметра *срок*, интервальное и точечное, классически иллюстрируют явление метонимии.

Срок — в основном антропоцентричный параметр, он часто связан с социальными модальностями разрешения и долженствования: *срок подачи документов* — «момент, позже которого документы не разрешается подавать». *Срок* может быть связанным и с прогнозированием поведения природных объектов (*сроки созревания ранних сортов земляники*), но все равно присутствие человека, в частности, идея пользы, угадывается: сортовая земляника выращивается специально; про дикорастущую землянику сказали бы скорее *время созревания* или *сезон*. Есть маркированные, важные для человеческой судьбы безобъектные употребления данного имени: *срок* [уголовного наказания] (*отсидеть срок*); *срок* как количество отпущенных лет на земле (*Сроки уж отмерены*).

Значение энергетических параметров, таких как *вес, громкость, давление, масса, напряжение, температура* и др., определяется по интенсивности воздействия (давления, притяжения, нагрева) на проградуированный измерительный прибор. В [Апресян 1987] им приписывается семантический признак интенсивности. По параметрам *вес, масса, температура* прототипически характеризуются ПРЕДМЕТЫ: *вес штанги, температура тела больного*. Исходные объекты параметров *громкость, напряжение* в прототипе — ЯВЛЕНИЯ: *громкость звукового сигнала, напряжение переменного тока*.

Формально говоря, объектную валентность имени *температура* могут заполнять и ВЕЩЕСТВА: *температура воздуха/воды; температура поверхности моря*, но воздух и вода в данном контексте мыслятся не как вещества вообще, а как определенные массы вещества (т. е. «опредмеченные» сущности), рассматриваемые в конкретных пространственно-временных и прочих условиях. Отметим, что имя *вода* имеет разный денотативный статус в контекстах *температура воды* и *плотность воды* (в первом случае подразумевается конкретная масса воды, а во втором имеется в виду именно вещество как таковое, вне конкретно-референтного статуса). Говорят, например, и о температуре действу-

ющих устройств: *температура винчестера/двигателя*. Поверхностным выразителем объекта для данного параметра часто служат локативные группы (*температура в Москве/на глубине 5 метров/внутри корпуса прибора*), при этом все равно имеется в виду температура некоторого тела или «конкретно-референтной» массы вещества, чаще всего конкретных масс воздуха или воды).

Аналогично, для *давления* (как физического параметра) формально измеряемым объектом является ВЕЩЕСТВО (чаще всего газообразное или жидкое): *давление пара/воды*; при этом, так же как и для *температуры*, имеется в виду конкретно-референтный объем ВЕЩЕСТВА, близкий к предметной сущности. Так же вместо уточнения имени объекта широко употребляются локативные группы: *давление на шинах/в тормозном приводе*. Есть метонимичное предметное употребление: *давление, подаваемое котельной* (котельная подает пар и создает условия для поддержания данной величины его давления).

Выделенные типы *давления* — «медицинские»: *артериальное, систолическое, внутричерепное* и другие. Характеризуемый объект для них — человек-пациент.

Из перечисленных энергетических параметров наибольшей способностью к метафоризации обладает *вес*: ‘вес → ценность, значимость’. Имеются и слабая метафоризация — переход в общеколичественную сферу, с утратой «вещной плоти»: *члены суммы берутся с разными весами; эмпирический информационный вес лексической единицы*, и метафоризация сильная: *довод имеет вес, персона N имеет вес в обществе*. Сильно метафоризироваться может и *температура*: *температура внутри коллектива* (пример из Интернета).

У имени *вероятность* в качестве объекта прототипически выступает СОБЫТИЕ: *вероятность попадания в цель/неблагоприятного исхода/встречи*. Данное имя можно причислить к числу характерных контекстов имен событий наряду с контекстами глаголов *произойти, случиться*, выделенных в [Падучева 1991]. По-видимому, можно сказать, что существительное, даже полисемичное, атрибутивно подчиненное имени *вероятность*, употреблено в значении ‘событие’, ср.: *вероятность встречи* (встреча как СОБЫТИЕ) и *продолжительность встречи* (встреча как ПРОЦЕСС). *Вероятность* аксиологически нейтральна, по ней оцениваются и «хорошие», и «плохие» события. В Интернет-контекстах отрицательные события несколько преобладают: *вероятность аллергии / дефолта / конфликтов с начальством*; возможно, это объясняется пессимистическим настроением современного общества.

В отличие от аксиологически нейтральной и отчасти сдвинутой в сторону нижнего полюса *вероятности*, стойко положительно окрашены *шансы*. У этого имени, часто употребляющегося в контексте нестрогой оценки (*большие/неплохие/низкие шансы*), модель управления нестандартна, она, кроме количественного значения, включает имя Субъекта и Содержание шансов;

таксономически Содержание — это, скорее всего, СОБЫТИЕ, являющее собой успешный, желаемый РЕЗУЛЬТАТ деятельности X-а: *шансы X-а + на N ass* (*шансы «Реала» на чемпионство*) либо *шансы X-а + V inf* (*шансы X-а вновь занять кресло министра*). СОБЫТИЕ может быть и случайным, не зависящим или мало зависящим от деятельности человека; инвариант для СОБЫТИЯ — положительная оценка: *шансы избежать инфицирования*. Субъект шансов — ЧЕЛОВЕК со стандартными расширениями этой категории в социум: коллектив, организация, государство (*шансы России*).

Имя *надежность* в параметрическом количественном употреблении означает вероятность «хорошего положения вещей», обеспеченного работой устройств, применением технологий, использованием материалов и т. п. *Надежность*, как правило, измеряется в процентах; оцениваться может, например, путем вычитания вероятностей ошибок и сбоев. Первичными категориями, видимо, являются категории ПРОЦЕССНЫЕ (либо СОБЫТИЙНЫЕ): *надежность работы алгоритмов/радиоперехвата*; в поверхностном контексте широко употребляются имена УСТРОЙСТВ или других вещественных сущностей: *надежность стратегических вооружений/СУБД/лекарственных препаратов*. Толкование сочетаний с предметными именами сводится к глагольным категориям: *надежность двигателя* = ‘вероятность того, что двигатель не выйдет из строя раньше некоторого гарантированного срока’, т. е. вероятность того, что раньше срока не наступит некое нежелательное СОБЫТИЕ. Надежность лекарств в современном дискурсе, видимо, следует понимать как вероятность того, что лекарства не окажутся поддельными, то есть вновь оценивается веростность СОБЫТИЯ. Метафоризации количественного значения не происходит; это обусловлено тем, что количественное значение само является дериватом «качественной» *надежности*, обслуживающей те сферы, где измерение надежности обычно не практикуется: *надежность обуви/работы цеха/банковских операций/фирмы-производителя*.

По-видимому, имеет место тенденция: метафоризации от параметрического значения имени не возникает, если есть исходное непараметрическое значение данного имени, превосходящее параметрическое по степени абстрактности. По этой причине не отмечается метафоризации у параметров *надежность, сопротивление, ускорение*.

Кроме того, судя по примерам из Национального корпуса РЯ, практически не метафоризируются (по крайней мере, вне профессиональной речи) имена ряда узкоспециальных величин, типа *вязкость*; по данному параметру характеризуются только прототипические категории ВЕЩЕСТВ и МАТЕРИАЛОВ: *вязкость суспензий, моторного масла, нефти, крови...* (В публицистике встречаются, правда, метафорические контексты с соответствующим прилагательным: *вязкая, ватная моральная атмосфера*.)

Данное рассмотрение относится прежде всего к именам физических параметров (хотя, как мы видим, метафоризация часто выводит параметр из области физики в иные сферы). Что касается имен параметров иной природы — экономических (*цена, стоимость, себестоимость, зарплата, льгота, скидка* и нек. др.), то их поведение требует отдельного анализа, особенно в современном деловом дискурсе, подчеркнуто «рыночном». Вкратце можно отметить следующее.

Измеряемым объектом для *цены* (и отчасти *стоимости*) служит ТОВАР, а товаром, как известно, может быть многое. Объекты параметра *цена* при этом в целом более утилитарны, конкретны, вещественны, чем объекты параметра *стоимость*; прототипически первые можно *продать* и *купить* (видимо, это диагностические контексты ТОВАРА): *цена нефти, тонны никеля, билетов, акций* и т. п. *Стоимостью*, кроме подобных объектов, характеризуются также объекты крупные, рассматриваемые обобщенно, собирательно, часто высокоценные: *стоимость домашнего имущества, природных ресурсов, сельхозугодий, основных фондов* и т. п.; характеризуются и непредметные, «отглагольные» сущности: *стоимость услуг, проектных работ, строительства, проезда* и т. п. Очевидно, что не все перечисленные объекты, характеризующиеся *стоимостью*, могут быть поверхностным пациенсом глаголов *продать—купить*. Объекты, характеризующиеся *стоимостью*, могут концептуализовываться как ТОВАРЫ, но могут также и как ЦЕННОСТИ. У параметра *цена* есть индивидуальный способ присоединения имени объекта: *на + N obj* (асс) — *цены на бензин, на продукты питания* и т. п. Очевидно, данная конструкция выражает идею возможности волевого, рукотворного, «сверху», назначения цен — в отличие от прототипически объективно складывающейся *стоимости*. Объектами параметра *себестоимость* являются результаты производственной деятельности, кванты произведенной продукции или сама эта деятельность: *себестоимость мяса, одного барреля нефти, перевозок* и т. п. Оцениваемый объект мыслится не как ТОВАР, а как ПРОДУКТ. Параметр *зарплата* характеризует ЧЕЛОВЕКА-РАБОТНИКА, должностное лицо: *заплата чиновников, бюджетников* и т. п. Есть индивидуальная, отглагольная, дативная модель управления: *зарплата учителям и врачам*. Зарплаты, как и цены, в постсоветское время относятся к подчеркнуто сильно варьируемым параметрам, поэтому в современном дискурсе актантная структура довольно устойчиво включает дополнительные локусы (так называемые «прагматические валентности»): *цены → в начале торгов, цены → на оптовом рынке, зарплаты → в бюджетных учреждениях, зарплаты → на Севере* и т. п.

Для «уступительных» параметров *льгота* и *скидка* актантная структура отличается от таковой у большинства параметрических имен. В нее входят три участника: Субъект-Адресат *льготы* и *скидки*, их Содержание и Размер.

Субъект обычно выражается дативом или конструкцией *для* + N gen; таксономически это ЛИЦО — человек, относящийся к той или иной социальной категории: *льготы участникам войны; скидки для студентов, скидка владельцам дисконтных карт* и т. п. Участник Содержание выражается конструкциями *на* + N acc (*скидка на приобретение оборудования*), *по* + N dat (*льгота по оплате жилья*), *в* + N prep (*льготы в налогообложении*) или отдельной пропозицией — описывается товар или услуга, а затем указывается, кому предоставляются какие скидки. По семантике Содержание *льготы* — это некое ТРЕБОВАНИЕ (чаще всего имущественное, в денежном выражении), предъявляемое человеку в социуме, а сам параметр означает ослабление этого требования. Пример неденежных льгот — льготы определенным категориям абитуриентов при поступлении в вуз. Для *скидки* Содержание представляет собой ПРЕДЛОЖЕНИЕ товара или услуги, но не исключено и ТРЕБОВАНИЕ, и тогда *скидка* употребляется синонимично *льготе*: *скидка по абонентной плате за телефон*. Таким образом, «измеряемый объект» параметров *льгота* и *скидка* представляет собой пару сущностей: лицо — адресат уступки и требование/предложение этому лицу.

Собственно, имена *льгота* и *скидка*, как, впрочем, и *зарплата*, относятся к так называемым псевдо- или квазипараметрам — именам не вполне параметризовавшихся сущностей; эти имена не склонны употребляться без «сильно-параметрического» имени *размер* в информационных диагностических контекстах типа *сообщить, назвать, определить, указать* [Семенова 2005].

В современном отечественном экономическом дискурсе, обильном и терминологически нестрогом, изучение которого, по-видимому, только начинается (в отличие, скажем, от дискурса политического, изучаемого весьма активно), параметры в некоторой мере подвержены общеязыковым движениям таксономий: метонимии-эллипсису: *себестоимость жилья* = себестоимость производства, т. е. строительства жилья; слабой метафоризации с изменением лексического значения, но с сохранением количественного параметрического значения: *стоимость фишек* (в азартной игре; сохраняется значение измеряемого параметра, но меняется предметная область и, соответственно, как правило, единицы измерения); и окказионально, уже на грани (или за гранью) предметной области — сильной метафоризации, с утратой измеримого значения: *цена вопроса, цена жизни*.

Литература

- Апресян 1987 — Ю. Д. Апресян. Синтаксические признаки в модели языка (на материале одного класса атрибутивных конструкций) // *Вопр. кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории*. М., 1987. С. 47—80.

- Апресян 1992 — *Ю. Д. Апресян*. Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ) // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3. С. 20—33.
- Барышев 1991 — *Ю. В. Барышев*. Измеримость и происхождение физического пространства и времени // Проблема первоначала в науке и теологии: Мат-лы междунар. семинара. СПб., 1991. С. 2.
- Гуревич 1987 — *А. Е. Гуревич*. Особенности словарной информации параметрических существительных // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 27. Проблемы создания системы автоматического перевода. М., 1987. С. 110—129.
- Журинский 1971 — *А. Н. Журинский*. О семантической структуре пространственных прилагательных // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 96—124.
- Крылов 2005 — *С. А. Крылов*. Количество как понятийная категория // Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка. М., 2005. С. 44—65.
- Леонтьева, Семенова 2002 — *Н. Н. Леонтьева, С. Ю. Семенова*. Об отражении полисемии в прикладном семантическом словаре // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. семинара Диалог'2002. М., 2002. С. 489—496.
- Падучева 1991 — *Е. В. Падучева*. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. 1991. № 5. С. 21—31.
- Падучева 1992 — *Е. В. Падучева*. К сочетаемости обстоятельств времени с видом и временем глагола: точка отсчета // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3. С. 34—40.
- Падучева 1999 — *Е. В. Падучева*. О роли метонимии в концептуальных структурах // Труды международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Таруса, 1999. С. 215—225.
- Падучева 2002 — *Е. В. Падучева*. О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника // Рус. яз. в науч. освещении. № 1 (3). 2002. С. 87—111.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. О параметрах лексического значения слова: онтологическая категория и семантический класс // Проблемы русской лексикографии: Тез. докл. междунар. конф. «Шестые Шмелевские чтения» 24—26 февраля 2004 г. М., 2004. С. 75—83.
- Плунгян 1997 — *В. А. Плунгян*. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 158—169.
- Рахилина 1994 — *Е. В. Рахилина*. Семантика размера // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994. С. 58—81.
- Семенова 2000 — *С. Ю. Семенова*. О некоторых свойствах имен пространственных параметров // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 117—126.
- Семенова 2005 — *С. Ю. Семенова*. Параметризация как метод познания и как языковой механизм // Логический анализ языка: Квантификативные аспекты языка. М., 2005. С. 466—476.
- Чертов 1990 — *А. Г. Чертов*. Физические величины (терминология, определения, обозначения, размерности, единицы): Справ. пособие. М., 1990.
- Шеманаева 2006 — *О. Ю. Шеманаева*. Точные и приблизительные оценки размеров предметов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июля 2006 г.). М., 2006. С. 567—572.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ФОРМОЙ И СЕМАНТИКОЙ ПЕРФЕКТА: ОДНА НЕИЗУЧЕННАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Д. В. Сичинава

В статье исследуется корреляция между формой и семантикой глагольных показателей, находящихся на хорошо типологически известном пути развития «результатив — перфект — претерит». На материале ряда языков Евразии показано, что сосуществование двух параллельных конструкций, восходящих к двум диатезным типам результатива (в контекстах вроде *он ушедши* и *он открывши дверь*), оказывается неустойчивым, если соответствующий показатель сохраняет перфектное значение (в таком случае форма обобщается либо выходит из употребления), и, напротив, вполне устойчиво, если перфект приобретает значение претерита; можно выделить, таким образом, типологическую импликацию. Приводятся аргументы в пользу типологического (а не ареального или генетического) статуса такого явления.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?

Пример, на котором мы с Еленой Викторовной неоднократно обсуждали русский перфект и перфект вообще

Что значит для лингвиста работать рядом с Еленой Викторовной Падучевой, обсуждать с ней самые разные вопросы, связанные с языком, да и не только их, — так просто не скажешь, для этого мало любой возможной благодарности и Елене Викторовне, и судьбе. Перфект — область грамматической типологии, которой я занимался меньше, чем показателями плюсквамперфекта и неактуального прошедшего. В этой области для меня всегда были очень важны советы и предложения Елены Викторовны, которая как раз всегда проявляла огромный интерес именно к этой теме и несколько раз приглашала меня обсудить разные вопросы, связанные с нею. Я хочу подарить Елене Викторовне, в составе её юбилейного сборника, статью об одной, на мой взгляд, таинственной и захватывающе интересной, но малоизученной проблеме, связанной с формой и эволюцией перфекта.

1. Вводные замечания

В целом ряде языков Центральной Европы представлен феномен лексикализованного «выбора вспомогательного глагола» (*auxiliary selection*) при образовании аналитического перфекта¹: одни глаголы спрягаются с вспомогательным ‘быть’, другие с ‘иметь’. Исторически это явление продолжает результатив и различные «диатезные типы» результатива, «объектного»/ «посессивного» (типа *я имею написанное письмо*) и «субъектного» (типа *я проснувшись*) по [Недялков (ред.) 1983]². В свою очередь, эта форма (если угодно, пара форм) на более позднем — ныне наблюдаемом — этапе развития указанных языков приобретает значение перфективного прошедшего, называемого также «аористом» (или, в языках без аспектуального противопоставления, просто показателя прошедшего времени — «претерита»). Так, во французском языке это глаголы, спрягающиеся с *avoir* (*j'ai vu* ‘я видел’) и с *être* (*je suis venu* ‘я пришел’), в немецком — с *haben* и *sein* (*ich habe gesehen* и *ich bin gekommen* соответственно). Обе эти конструкции, некогда имевшие перфектное значение, теперь означают просто действие в прошедшем (во французском, где есть вид — в прошедшем совершенного вида), без упора на его прагматическую актуальность (т. е. их семантическое противопоставление устаревающим формам простого прошедшего — *je vis, je vins, ich sah, ich kam* — стерлось). Такое семантическое изменение (не зависящее от формы) — типологически хорошо знакомая диахроническая схема развития «результатив → перфект → претерит» (в общем известная со времен Бенвениста и Куриловича; наиболее подробные изложения см. [Маслов 1983; Bybee et al. 1994]). Таким образом, явление, о котором сейчас пойдет речь, в той или иной мере свойственно истории целых трех сменяющих друг друга типов грамматических показателей, а именно, результатива, перфекта и перфектива/ претерита; ключевую роль в данном сюжете, как будет видно из дальнейшего, играет все-таки перфект.

Проблеме *auxiliary selection* в последнее время посвящено большое количество работ — это важная тема в связи с так называемой синтаксической

¹ А также форм (обычного) плюсквамперфекта и предбудущего (*futurum exactum*). Выбор вспомогательного глагола при образовании так называемого сверхсложного плюсквамперфекта, если он имеется в глагольной системе, зависит от выбора глагола в перфекте не столь прямолинейно (см. об этой форме и об этой её особенности, в частности, в [Петрухин, Сичинава 2006]).

² Под *перфектом* мы подразумеваем, в русле традиции грамматической типологии последних тридцати лет, форму со значением ‘прагматически актуальное событие в прошлом’ (*current relevance*), под *результативом* — форму со значением ‘материальный результат события налицо в момент речи’. Перфект может при этом выражать и результативное значение (но не наоборот).

«неаккузативностью», разрабатываемой в рамках порождающей лингвистики (разбор некоторых из этих работ, без претензии на полноту, см. в последующих разделах; здесь сразу укажем на наиболее развернутую статью [Sorace 2000]). Но в данной работе нас более занимает другое явление: оказывается, что ареал языков, в которых до сего времени сохраняется дополнительное распределение вспомогательных глаголов, замечательным образом коррелирует с центральноевропейским ареалом языков, утративших или утрачивающих перфект как самостоятельную категорию (см. описания и карты ареалов [Abraham 1999: 15; Thieroff 2000]; сами авторы цитируемых работ как будто бы не делают этого вывода).

С другой стороны, в ряде языков Европы у перфекта есть только одна конструкция — со вспомогательным глаголом ‘быть’ (как в большинстве славянских языков) или ‘иметь’ (как в германских языках северной Европы или в романских — южной, или в греческом). Если для греческого, славянских и финно-угорских языков с ‘быть’-перфектом такая конструкция изначально была единственной, то для романских и германских языков севера и юга Европы, как хорошо известно историкам языка, исходной была ситуация, вполне аналогичная той, которая наблюдается в центральной Европе: у одних глаголов использовалась конструкция ‘быть’, у других ‘иметь’, и в дальнейшем второй (реже, как в некоторых итальянских диалектах, первый) глагол обобщился на все случаи.

Ареал, в котором две конструкции с течением времени обобщились (то есть без восточноевропейских языков: только германский север плюс романский юг Европы), в свою очередь коррелирует — как опять же ранее, кажется, эксплицитно не отмечалось — с ареалом сохранения перфектного значения (иными словами, системного противопоставления перфекта и простого прошедшего), так называемым «приморским перфектом Европы», по словам Тироффа [ibid.]. Например, по-испански формы *he visto* ‘я видел’ и *he venido* ‘я пришел’, по-английски *I have seen* и *I have come*, с одинаковым вспомогательным глаголом, имеют перфектное значение и противопоставлены формам простого прошедшего (*vi, vine, I saw, I came*). Обсуждаемые пары ареалов, грубо говоря, друг другу дополнительные, но нельзя говорить о том, что перед нами просто два инновационных процесса, идущих рука об руку. Ведь исходное структурное и семантическое состояние везде было одинаковым, однако одна инновация (в семантике) произошла в центре (как это часто бывает), а другая (в структуре) — наоборот, на географически разорванной периферии. В центральном и периферийном ареале в результате сохранилось по одному старому признаку, но по одному признаку и поменялось.

Встают вопросы: каковы подробности этих явлений синхронно и диахронически, насколько четко такое разграничение? Независимы ли они, случай-

но ли такое совпадение? Носят ли они ареальный характер, или же у них есть типологические параллели за пределами Европы? Может быть, проблема даже генетическая — ведь речь пока шла только о двух группах одной индоевропейской семьи? Чем можно объяснить вырисовывающуюся картину?

2. Дополнительное распределение по лексико-семантическим типам

2.1. Центральноевропейский ареал

В европейских языках отмечена «высокая частотность... перфектов типа *habeo*, то есть образованных из конструкции с участием переходного глагола обладания. Данный тип практически не засвидетельствован за пределами Европы» [Dahl 2000: 21].

Исторически перфекты с глаголами 'быть' и 'иметь' (в иберо-романских языках — также 'держат') восходят к конкурирующим в поздней латыни и в германских языках того же или несколько более позднего периода (древневерхненемецком и древнеисландском) результативным конструкциям; см., например, [Недялков, Яхонтов 1983]. Уже на этом этапе произошло резкое ограничение пространства возможностей выбора среди возможных вспомогательных глаголов: по мере грамматикализации перфекта значительное количество глаголов, ранее выступавших в роли показателей результативного значения, «отсеялись».

В процессе превращения в перфект романская результативная конструкция претерпела следующие формальные изменения: «а) совпадение подлежащего спрягаемого глагола и подлежащего перфектного причастия... стало обязательным; б) перфектное причастие стало частью глагола и проявило тенденцию к утрате согласования в роде и числе с прямым дополнением, в то время как порядок спрягаемого глагола и перфектного причастия все сильнее закреплялся и вводились сильные ограничения на тип синтаксических составляющих, которые могли вклиниваться между тем и другим; в) наконец, спрягаемый глагол утратил лексическое значение и стал настоящим вспомогательным глаголом» [Squartini, Bertinetto 2000: 405]. То же отмечается и в скандинавских языках: «Поскольку причастие превратилось в составную часть сложной глагольной формы, это согласование становилось излишним и причастие все чаще принимало несогласуемую форму среднего рода, т. е. становилось тем, что в скандинавских языках называется „супином“... в шведском языке причастие второе и формально дифференцировалось от супина» [Стеблин-Каменский 1953: 229].

«В конструкциях этого типа довольно рано развивается акциональное значение; согласование причастия с дополнением, а затем и само дополнение

перестает быть необходимым; позже в составе конструкции становятся возможными причастия неопределенных и образуемые *ad hoc* причастия интранзитивных глаголов. В ряде языков — французском, итальянском, немецком, голландском, датском, норвежском — посессивный тип сосуществует с „бытийным“ (со всп. гл. „быть“), в других — испанском, португальском, румынском, английском, шведском — он становится со временем единственной регулярной разновидностью перфекта» [Маслов 1983: 48].

Наиболее яркая черта европейских результативных конструкций на стадии их превращения в перфектные — и позже, в ходе их истории уже как перфекта — установление параллелизма между перфектными конструкциями с ‘иметь’ и ‘быть’ и определение четких классов глаголов, образующих перфект при помощи того или иного вспомогательного глагола. Тем самым создается дополнительное распределение «посессивного» и «результативного» типов. Это отмечено, в частности, Э. Бенвенистом [1960/1974: 216—217]: «В тех языках, которые используют в качестве вспомогательных глаголов одновременно и „иметь“ и „быть“, параллелизм их употребления является фактом огромной важности... Нет никакой необходимости в существовании двух вспомогательных глаголов, в языках может существовать и один вспомогательный глагол. Но даже там, где используются два вспомогательных глагола, нагрузка между ними может распределяться очень неравномерно, как, например, во французском языке, где *être* употребляется лишь с десятком глаголов, а *avoir* — со всеми остальными. Поэтому, рассматривая языки, в которых глагол образует свои формы с помощью вспомогательного глагола — „иметь“ или „быть“, в разных случаях по-разному, — следует остановиться на конвергенции „иметь“ и „быть“ при образовании перфекта». Как увидим, «конвергенция», отмеченная Бенвенистом, в части языков находит отражение не только в системном параллелизме конструкций, но и в объединении их в универсальный показатель выражения перфектного значения.

Как правило, глагол ‘быть’ используется при образовании перфекта (а также плюсквамперфекта и предбудущего; далее это специально не оговаривается) от части непереходных глаголов; глагол ‘иметь’ выступает в перфекте остальных непереходных глаголов и всех переходных (хотя в этом последнем пункте имеются примечательные исключения, о которых ниже). Детали указанного соотношения варьируют в зависимости от конкретного языка.

К современным европейским языкам с лексически обусловленным выбором вспомогательного глагола относятся следующие: итальянский (литературный и северные говоры), французский, немецкий (включая сюда и южно-немецкие, и швейцарско-немецкий диалект), ретороманский, нидерландский, идиш. Особый случай с кашубским языком будет разобран в конце раздела; в датском языке, с нашей точки зрения, система выбора вспомогательного гла-

гола уже находится в стадии разрушения; данный случай будет разобран в следующем разделе.

Существует ряд работ, посвященных определению семантических и синтаксических условий, определяющих выбор вспомогательного глагола в том или ином конкретном языке. Практически во всех европейских языках, где представлен такой выбор, граница между 'быть' и 'иметь' проходит внутри множества переходных глаголов; впрочем, имеются языки (нидерландский, немецкий), где некоторые переходные глаголы также используют конструкцию с 'быть'. В литературе, посвященной проблеме четкого определения этой границы, конкурируют два подхода: семантический и синтаксический.

В работах приверженцев синтаксического подхода используются введенные Д. Перлмуттером [Perlmutter 1978] в рамках генеративистской синтаксической теории «реляционной грамматики» (Relational Grammar) термины «неэргативность» и «неаккузативность». Эти термины указывают на некоторый «пучок» синтаксических свойств определенных классов переходных глаголов. В общих чертах, «субъект неаккузативных глаголов ведет себя, как прямой объект переходных глаголов, в то время как субъект неэргативных глаголов ведет себя как субъект переходных» [Keller, Sorace 2003: 57]; с формально-описательной стороны из этого следует, что так называемый «внешний субъект» неаккузативного глагола на более глубинном уровне является объектом. Соответствующие диагностические контексты, вообще говоря, различны в разных языках (их исчислению посвящена работа [Levin, Rappaport Novav 1995]). В частности, в языках с безличным пассивом неаккузативные глаголы не могут подвергаться этой трансформации.

Как в статьях, специально посвященных проблематике выбора вспомогательного глагола [Burzio 1981; 1986; Hoekstra 1998; Sorace 2000; Bentley, Euythorsson 2004], так и, например, в упоминавшейся обобщающей монографии о понятии «неаккузативности» [Levin, Rappaport Novav 1995], утверждается, что в европейских языках (по крайней мере, некоторых) данные понятия коррелируют, а именно: синтаксически «неаккузативные» глаголы употребляются с вспомогательным переходным 'быть', а синтаксически «неэргативные» — с вспомогательным переходным 'иметь'. Ближе всего к идеалу этого соответствия считается положение дел в литературном итальянском (начиная уже с работ Бурцио, выполненных в рамках генеративной теории управления и связывания и восходящих к защищенной в MIT диссертации); ср. в [Squartini, Bertinetto 2000: 428]: «особо интересен случай итальянского языка, в котором *esse* употребляется только с неаккузативными глаголами» (примеры из [Burzio 1986]):

No comprato un libro (переходный)

‘Я купил книгу’

Giovanni ha telefonato («неэргативный»)

‘Джованни позвонил’

Giovanni è caduto («неаккузативный»)

‘Джованни упал’

Il figlio è amato dalla madre (пассив)

‘Сын любим матерью’

Однако материал конкретных языков (в том числе и итальянского в его истории [Cennamo 2002], и особенно в современных диалектах [Tuttle 1986]) сплошь и рядом обнаруживает отклонение от этого принципа, что вынуждает исследователей модифицировать самый принцип; собственно, в свете идеи «расщепления» класса непереходных глаголов по признаку «неаккузативности» требует какого-то объяснения хотя бы уже существование в нидерландском или немецком переходных глаголов, допускающих конструкцию с «быть». В работах [Sorace 2000; Keller, Sorace 2003] в связи с наблюдаемой картиной распределения вспомогательных глаголов в Европе предлагается более гибкая «иерархия аспектуальных/тематических типов глагола», от которой зависит auxiliary selection, однако от корректировки «гипотезы неаккузативности» Перлмуттера самой по себе авторы воздерживаются, считая необходимым исследовать зависимость от иерархий других критериев неаккузативности [Sorace 2000: 841]. В работе [Bentley, Eythorsson 2004] утверждается, что «неаккузативность определяется некоторым семантическим понятием, которое содержит центр и периферию» — соответственно, различные языки по-разному трактуют эту периферию и относят конкретные глаголы к тому или иному классу. Корреляция семантических параметров с синтаксическими свойствами имеется, но определение самих этих свойств во многом зависит от наблюдаемой стратегии выбора глагола, что создает очевидный логический круг; кроме того, последовательный «пучок» этих параметров выделяется не всегда.

Наряду с этим подходом, существует и иной, ориентированный прежде всего на лексическую семантику (и опирающийся, в частности, на традиции описательных грамматик, что с полемической точки зрения подчеркнуто, например, в [Hoekstra 1998]); он принят в работах [Van Valin 1990; Dowty 1991; Zaenen 1993; Lieber, Waayen 1997; Diedrichsen 2002; Aranovich 2003; Washio 2004]. Данные авторы подчеркивают непоследовательность соответствия данного параметра (может быть, кроме как в итальянском языке) синтаксическим критериям «неаккузативности»: например, в [Aranovich 2003: 29] указа-

но, что вопреки системе допущений, принятой при синтаксическом подходе, возвратные глаголы в староиспанском языке не демонстрируют аналогии с «неаккузативными» невозвратными глаголами (т. е. не образуют перфект только при помощи глагола ‘быть’, как в итальянском и французском), но могут присоединять, в зависимости от семантических критериев, оба вспомогательных глагола. Ровно тот же вывод (но на материале современного датского) делается в [Bergeton 2004]: здесь вообще все возвратные глаголы образуют перфект при помощи глагола ‘иметь’ (как и в нидерландском и немецком: [Keller, Sorace 2003: 68]), так что «несомненно, различия между германскими и романскими языками показывают, что выбор вспомогательного глагола не может использоваться как типологически надежный тест неаккузативности» [Bergeton 2004: 253]³. Указывается, разумеется, и на «неудобный» для гипотезы о неаккузативности факт существования переходных глаголов со вспомогательным ‘быть’ [Washio 2004]. Более перспективным этой группой авторов считается описание данного распределения с опорой на семантическую и аспектуальную характеристику конкретных предикатов; релевантные параметры для каждого языка могут иметь специфический характер.

В этой связи необходимо отметить, что и для ряда других явлений (в том числе и синтаксических), нередко связываемых в различных языках с «неаккузативностью», отмечалось отсутствие корреляции с другими предлагаемыми критериями. Критике пяти различных параметров, связываемых с «неаккузативностью» в английском языке (для которого на современном этапе проблема выбора вспомогательного глагола не актуальна), посвящена монография [Kuno, Takami 2004]; с точки зрения авторов, ни одно из этих явлений в терминах неаккузативности не может быть описано. Ю. Л. Кузнецова [Kuznetsova 2005] показывает отсутствие такой корреляции для русских дистрибутивных конструкций с предлогом *по*. Относительно таких диагностических признаков, как безличная пассивизация, отмечалось, что «эти конструкции могут допускать как неаккузативные, так и неэргативные глаголы (хотя и в разной степени) в зависимости от семантических факторов, таких как взаимная предсказуемость глагола и его аргумента» [Keller, Sorace 2003: 58]. Таким образом, объяснительная сила этого критерия именно как «пучка» синтаксических параметров далеко не общепринятый факт.

Нам представляется более содержательным в связи с системным сосуществованием двух показателей перфекта/перфективного прошедшего говорить об их дополнительном распределении по конкретным лексемам в зависимости прежде всего от лексико-семантических факторов, что не отрицает и

³ Впрочем, и в «чисто семантическую» гипотезу возвратные глаголы вписываются с трудом; в работе [Sorace 2000], где строится семантическая иерархия, они вообще поэтому исключены из рассмотрения.

(универсального) глубинного синтаксического объяснения этих феноменов (которое в задачи нашего исследования не входит); похожую методику принимает Антонелла Сораче [Sorace 2000: 879], исследуя, в частности, «syntax/semantic mismatches» и сохраняя оба уровня представления конструкции.

Нидерландский язык [Lieber, Vaayen 1997] обнаруживает следующую картину: с глаголом *zijn* ‘быть’ употребляются глаголы движения (*gaan* ‘идти’, *komen* ‘приходить’) и изменения состояния (*sterven* ‘умирать’, *groeien* ‘расти’). С глаголом *hebben* ‘иметь’ употребляются из непереходных в основном глаголы деятельности и состояния (*denken* ‘думать’, *slapen* ‘спать’, *staan* ‘стоять’) и ограниченный класс «точечных» глаголов (*knipogen* ‘моргать’, *zuchten* ‘вздыхать’). Некоторые переходные глаголы также оказываются среди спрягаемых с *zijn*; это *passeren* ‘миновать, проходить мимо’, *naderen* ‘приближаться’, *vergeten* ‘забывать’, *volgen* ‘следовать за’.

Особый интерес представляют глаголы, колеблющиеся между этими типами. Во-первых, это глаголы, интерпретируемые без некоторых актантах как деятельность, а с ними как предельные, а именно глаголы способа движения (manner of motion, в терминологии [Talmy 2000, 1: 343]), у которых может быть факультативно указано направление (*lopen* ‘иди пешком’, *fietsen* ‘ехать на велосипеде’); если оно указано (‘пойти пешком в школу’, ‘поехать на велосипеде на конференцию’ и т. п.), то глагол спрягается со вспомогательным *zijn*. Во-вторых, это глаголы движения и изменения состояния, имеющие каузативный вариант (*scheiden* ‘отделяться/отделять’, *ploffien* ‘взрываться/взрывать’); каузативы, будучи переходными глаголами, имеют вспомогательный глагол *hebben*, некаузативные соответствия — *zijn*.

Либер и Баайен предлагают для глаголов (и глагольных словосочетаний), употребляющихся с глаголом *zijn*, общий семантический признак — ‘выводимость конечного положения или состояния’ (inferable eventual position or state); он в принципе независим от признака предельности (например, глагол *geeuwen* ‘зевать’ — предельный, однако не предполагает изменения состояния и спрягается с глаголом *hebben*). Анализ данного распределения с синтаксической точки зрения (в соответствии с «гипотезой о некаузативности») предложен в полемической по отношению к работе [Lieber, Vaayen 1997] статье [Hoekstra 1998]. Т. Хукстра, критикуя Либера и Баайена в том числе и за чисто описательный подход (этот анализ «никоим образом не объясняет, почему происходит выбор вспомогательного глагола, и даже неясно, что в точности означает „выбор глагола *zijn*“»), указывает, что синтаксическое сходство «неэргативных» глаголов с переходными обуславливает схожие средства их кодирования, точно так же как неслучаен выбор бытийного глагола одновременно в качестве показателя перфекта от «пациентных» глаголов и в качестве показателя пассива. Возможно, это и так (собственно, «семантическая

теория» такого объяснения не отрицает), но и полного совпадения синтаксических параметров с выбором конструкции не наблюдается; объяснение здесь не полностью адекватно объективным фактам.

Зависимость данного распределения от параметра «переходность/непереходность», а также от параметра «конечного положения или состояния» — т. е. от материального результата действия — обнаруживает прямую связь с формальным различием «посессивного» («субъектно-переходного») и «объектного» результата (об этом «эргативном» соотношении см., например, в [Недялков 1981; Недялков, Яхонтов 1983]) и непосредственно его продолжает.

Для немецкого языка важным параметром выбора вспомогательного глагола также является «изменение состояния», причем параметр предельности играет меньшую роль, чем в нидерландском (В. Абрахам утверждает даже, применительно как к древневерхненемецкому, так и современному языку, что «так называемые „неаккузативные“ или эргативные» глаголы, выбирающие вспомогательный глагол ‘иметь’, суть «семантические инхоативы» [Abraham 1992: 5], что является все же слишком сильным обобщением). В частности, по-разному ведут себя глаголы «бесцельного движения», не имеющие обстоятельства траектории, направления и т. п.: если в нидерландском, как мы только что видели, они выбирают вспомогательный глагол ‘иметь’, в немецком употребляется ‘быть’ ([van Hout et al. 1993], пример цит. по [Keller, Sorace 2003: 64]):

нем. *Paul und Rita sind stundenlang durch den Saal getanzt.*

нид. *Paul en Rita hebben urenlang door de zaal gedanst.*

‘Пауль и Рита протанцевали несколько часов в зале’

Кроме глаголов движения, немецкий язык использует вспомогательный глагол ‘быть’ с глаголами изменения состояния, включая продуктивный класс таких глаголов с приставкой *ver-* (*verbluten* ‘истечь кровью’, *verblühen* ‘отцвести’ и другие), и факультативно с некоторыми глаголами сохранения состояния (обязательно — только с *bleiben* ‘оставаться’), остальные глаголы используют посессивную стратегию (с вспомогательным *haben* ‘иметь’) [Keller, Sorace 2003]. С глаголом *sein* ‘быть’ также спрягаются переходные глаголы, производные от глаголов движения и изменения состояния (часто сильно идиоматизированные): *durchgehen* ‘проходить’, *eingehen* ‘вступать (во что-л.)»; *предпринимать, осуществлять*, *loswerden* ‘избавляться, тратить’:

Der Betrieb ist den Vertrag mit der Schule eingegangen [Helbig, Buscha 1977: 116]

‘Предприятие заключило договор со школой’ (ср. рус. *вступить в договор(ные отношения)*), где, в отличие от немецкого, не прямопереходная конструкция)

Другая семантическая классификация немецких глаголов в зависимости от выбора перфектной конструкции предлагается в [Diedrichsen 2002]: здесь выделены три семантических критерия, в соответствии с которыми предпочитается вспомогательный *sein*: перемена состояния, в частности, «определенное конечное состояние» (*definierter Nachzustand*), направленное движение (*Fortbewegung*) и появление/исчезновение (*In- oder Außer-Erscheinung-Treten*): последний класс включает прежде всего прототипические глаголы *erscheinen* и *verschwinden*, а также их синонимы (в том числе, между прочим, и *sterben* ‘умирать’). Данные семантические критерии допускают метафорическое расширение: так, глагол *bleiben* ‘оставаться’ толкуется как «негативная перемена места», а *passieren* ‘происходить’ (*Ein Unfall ist passiert* ‘Произошел несчастный случай’) — как «абстрактный глагол появления».

Во французском языке глагол *être* ‘быть’ употребляется со всеми возвратными глаголами (*il s'est blessé* ‘он ушибся, он поранился’), а также с очень ограниченным классом непереходных глаголов (не считая продуктивных дериватов вроде *redescendre* ‘спускаться опять’, их всего 21, согласно [Abeillé, Godard 2002 : 446]), относящихся к классу движения и изменения состояния (*aller* ‘идти’, *arriver* ‘прибывать’, *descendre* ‘спускаться’, *naître* ‘родиться’, *mourir* ‘умирать’ и нек. др.); а также, как и в немецком, глаголы со значением ‘оставаться, пребывать’: *demeurer* и *rester*. Интересно, что проблематика выбора вспомогательного глагола во французском языке освещена уже в знаменитой «Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля» — первая (европейская) работа по теоретической грамматике включает в себя и первый лингвистический текст на обсуждаемую нами тему.

Авторы «Грамматики», А. Арно и К. Лансло, указывают на распространенность этого явления в европейских языках (вспомогательные глаголы есть явление «общее для всех новых языков (*langues Vulgaires*) Европы»; [Грамматика... 2000: 187]) и на некоторые отличия в выборе глаголов между различными языками («глагол *être* имеет различные времена, также образованные от глагола *avoir* и причастия *été*... Этим французский язык отличается от других, ибо немцы, итальянцы и испанцы употребляют во всех временах глагола *быть* сам этот глагол как вспомогательный. Так, они говорят *sono stato* (*je suis été*). Так же поступают и валлоны, говорящие на плохом французском» [Там же: 190])⁴. Что касается собственно французского языка, то авторы выделяют «два случая, когда вспомогательный глагол *être* употребляется вместо глагола *avoir*»: это возвратные глаголы и «некоторые непереходные

⁴ В испанском языке середины XVII века глаголы *ser* и *estar* ‘быть’ (как и в современном испанском) спрягались на самом деле со вспомогательным ‘иметь’: *he sido, he estado*.

глаголы». В связи с первым классом случаев, отмечая опять же, что подобного употребления «немцы не имеют вовсе, используя в этом случае глагол *avoir*» (Арно и Лансло приписывают распространение аналитических конструкций германскому влиянию), авторы предлагают объяснение этого феномена, вполне согласное с предлагаемым современными авторами (как принимающими «гипотезу неаккузативности», так и отвергающими ее): «Действие и претерпевание, заключенные, таким образом, в едином субъекте, побудили нас употреблять глагол *être*, указывающий на пассивное состояние более отчетливо, нежели глагол *avoir*» [Там же: 197]. Второй класс случаев — переходные глаголы вида *aller*, *partir*, *sortir* — практически не комментируется, кроме указания на тот факт, что «эти глаголы из непереходных становятся переходными и в полном смысле активными, что происходит в случае присоединения к ним слова, которым они должны управлять» [Там же: 201]: *cette femme a monté la montagne* ‘эта женщина поднялась на гору’. Значительная часть соответствующего раздела в грамматике Пор-Рояля посвящена обсуждению факторов, регламентирующих согласование в перфектной конструкции причастия с субъектом или объектом глагола; общее синтаксическое правило, выводимое Арно и Лансло, в общем также коррелирует с переходностью: «Причастие может стать несклоняемым герундием лишь в том случае, если оно управляет другими словами, а в тех случаях, когда оно не управляет, оно склоняется» [Там же: 200].

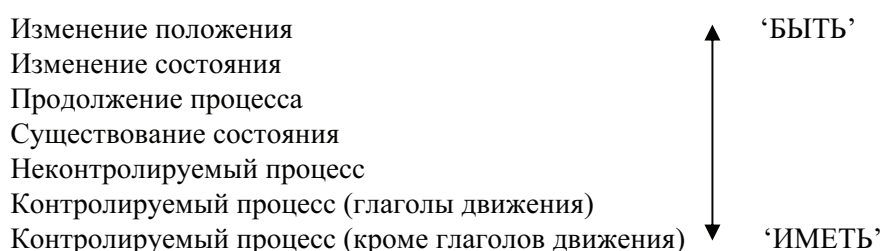
Современный синтаксический анализ обсуждаемых вспомогательных глаголов во французском выполнен в [Abeillé, Godard 2002]; авторы утверждают (на основании стандартных синтаксических тестов на границы составляющих), что французскую аналитическую конструкцию следует анализировать как «плоскую» глагольную группу (flat VP) и не усматривать в ней глубинного субъекта, диктующего выбор вспомогательного глагола. Конечный вывод авторов таков, что выбор вспомогательного глагола (за исключением рефлексивов) связан не с синтаксической структурой, а с лексическими ограничениями; впрочем, запрет на употребление *avoir* с возвратными глаголами (**s'a blessé*) можно приписать «морфологическому» отсутствию в языке сочетания полнозначного глагола *avoir* ‘иметь’ с показателем рефлексива клистикой *se* [Ibid.: 443—444].

Обсуждаемое явление (как и во французском и итальянском, сопровождающееся утерей согласования в посессивном варианте, но сохранением его в бытийном) представлено в ретороманском языке [Сухачёв, Горенко 2001]: в энгадинском диалекте имеем *ella ha fat* ‘она сделала’, но *ella es partida* ‘она уехала’.

Выбор вспомогательных глаголов (*zayn* для ограниченного числа глаголов движения, *hobn* для остальных) характерен для большинства европейских разновидностей языка идиш [Gold 1998; Чернин, Хакина 2000]; в американ-

ском варианте обнаруживается унификация *haben* под влиянием английского [Abraham 2004].

В обобщающей работе по выбору вспомогательного глагола в европейских языках [Sorace 2000: 863] предложена следующая семантическая иерархия выбора вспомогательного глагола в языках Европы:

Семантические типы предикатов, расположенные на полюсах данной иерархии, с максимальной долей вероятности выбирают в качестве показателя аналитического перфекта/прошедшего времени соответственно бытийную стратегию (глагол ‘быть’) и посессивную стратегию (глагол ‘иметь’); типы, расположенные между ними, отражают большие или меньшие колебания в выборе между этими стратегиями. Как и обычно в иерархиях, если в некотором языке глаголы некоторого типа используют одну из этих двух стратегий, то она выбирается и всеми типами между данным и соответствующим его стратегии полюсом шкалы. В этой иерархии задействованы два основных параметра семантического типа предикатов — это предельность как первичный параметр и контролируемость (агентивность) как вторичный.

Вернемся к тому факту, о котором мы уже сказали в начале статьи: только что рассмотренные европейские языки, в которых глагольные системы сохраняют лексико-семантически обусловленный выбор вспомогательного глагола, образуют ареал, в общих чертах коррелирующий с другим, для которого характерна утрата перфектом его собственного значения и переход к перфективному прошедшему. Теперь, после обсуждения того, каков этот лексико-семантический выбор в деталях, несколько уточним это наблюдение. Отметим, что южнонемецкие диалекты (баварские, швейцарские, австрийские) — где синтетический претерит утратился очень рано, а бывший перфект стал единственным выражением прошедшего времени [Squartini 1999; Abraham 1999] — демонстрируют большее распространение вспомогательного *sein*, с которым здесь спрягаются многие глаголы состояния (а не только *bleiben*): *sitzen* ‘сидеть’, *liegen* ‘лежать’, *stehen* ‘стоять’, *hängen* ‘висеть’ [Diedrichsen 2002: 6]. Есть основания полагать, что такая ситуация более архаична, чем в литературном немецком (где все эти глаголы спрягаются с *haben*); например,

в средневековом испанском [Aranovich 2003], как увидим ниже, глаголы состояния на самой ранней стадии также спрягались с глаголом 'быть' и утратили такую конструкцию одними из первых. Таким образом, можно предполагать, что в литературном немецком (где перфектное значение у аналитической формы сохранялось дольше и до сих пор не полностью утрачено) успела найти воплощение тенденция к обобщению вспомогательного глагола в пользу *haben* (начавшая распространяться с наименее устойчивого звена в классе *sein*-глаголов); «аномальное» спряжение *bleiben*, таким образом, представляет в литературном немецком архаизм.

В эту зону, скорее всего, следует включить также и нидерландский язык, в котором, согласно результатам анкетирования, проведенного в рамках исследования EUROTYPE (так называемый «вопросник по перфекту»), форма перфекта оказалась употребительной в нарративных контекстах «и, таким образом, перестала быть перфектом в собственном смысле слова» [Lindstedt 2000: 379]. В работе [de Hoop et al. 2004: 1080], специально посвященной проблематике грамматической синонимии и вариативности, отмечается: «простое прошедшее исчезает из языка; во все большем количестве контекстов событие в прошлом выражается при помощи перфекта»; аналитическая форма считается немаркированным синонимом синтетической формы. Но ср., напротив, указания на невозможность нарративного употребления нидерландского перфекта в [de Swart, Molendijk (to appear)]: согласно этой работе, данная форма вполне сохраняет ограничения, свойственные перфекту, а единственной нетипичной ее чертой (сравнительно, например, с английским, но не с испанским, греческим и целым рядом других языков) является употребительность в контексте показателей точного времени:

Sara is om zes uur vertrokken.

‘Сара ушла в шесть часов’

**Toen Jan me heeft gezien* (перфект) *is hij bang geworden* (перфект) / *werd* (претерит) *hij bang.*

‘Когда Ян меня увидел, он испугался’.

Отметим, что в нидерландском переводе романа Камю «Посторонний», где во французском оригинале автор использует в нарративной функции аналитическое прошедшее время *passé composé*, оно передается через форму перфекта во всех случаях, где имеется обстоятельство точного времени (в противном случае употребляется синтетический претерит) [Ibid.], что может отражать начальную стадию экспансии перфектной формы в нарративный контекст. На сочетаемость перфекта в нидерландском с обстоятельствами точного времени — вполне аналогичную положению дел в таких языках с

явным «аористическим дрейфом», как немецкий и итальянский, — указывают также А. Джорджи и Ф. Пьянези [Giorgi, Pianesi 1997: 84].

Даже если признать нидерландский язык «выбивающимся» из общей картины, совпадение ареалов утраты аналитическим прошедшим собственно перфектной семантики и существования параллельных конструкций со вспомогательными глаголами ‘иметь’ и ‘быть’ налицо.

Особо разберем случай в одном из двух (наряду с македонским) славянских языков, для которых релевантна обсуждаемая проблематика.

В кашубском языке, где старый славянский *l*-перфект превратился в простое прошедшее, под немецким влиянием [Tommola 2000: 470] возник новый перфект с глаголом *miec* ‘иметь’ и активным *l*-причастием. При личном местоимении, однако, выступает пассивное *n*-причастие:

Jô móm zasané žëto [Дуличенко 2005: 393]
‘Я посеял рожь’.

В то же время другой новый перфект с глаголом *bëc* ‘быть’ и пассивным *n*-причастием употребляется с «непереходными глаголами движения» [Stone 1993: 777]:

Ta bialka je precz jidzonô
‘Эта женщина ушла’.

Впрочем, неясно, в какой степени эта конструкция носит уже именно перфектный, а не еще результативный характер; Х. Томмола, ссылаясь на данные работы [Lorenz 1925], согласно которой старый перфект в кашубском сохраняет собственно перфектные функции, утверждает, что эти новые формы «не полностью грамматикализованы» [Tommola 2000: 470]. Аналогичные «новые» перфектоидные формы в славянских языках (вроде русского диалектного *у него хожено* или особенно македонского *јас сум дојден*, формально точно соответствующего кашубскому «перфекту») представляют собой результативы. Так или иначе, отметим, что кашубский «новый перфект» с лексическим выбором вспомогательного глагола связан с контактным влиянием.

2.2. Типологические параллели центральноевропейского ареала: старояпонский, индоарийские, семитские языки разных эпох

Есть серьезные основания полагать, что данный феномен носит типологический характер и не ограничивается центральноевропейским ареалом и романской и германской группами.

Анализ, параллельный анализу европейского «выбора вспомогательных глаголов», в работе [Washio 2004] предложен для показателей перфекта *-tu-* и *-nu-* в старояпонском языке (т. е. в классическом японском раннего периода VII—VIII вв.). Этимология этих показателей никак не связана с глаголами ‘иметь’ и ‘быть’ (и соответственно, здесь нельзя говорить о «посессивной» и «бытийной» конструкциях); обычно *-tu-* этимологически возводится к грамматикализовавшемуся глаголу *utu* ‘выбросить, отбросить’, а *-nu-* к *inu* ‘уходить’ [Ibid.: 226]. Это достаточно яркие лексические источники комплетива [Bybee et al. 1994: 58] — показателя завершенности действия, являющегося, в свою очередь, одним из диахронических источников перфекта; таким образом, японский перфект, скорее всего, не имеет результативного происхождения⁵. Однако распределение *-tu-* и *-nu-* по глагольным лексемам обнаруживает чрезвычайно близкое сходство, соответственно, со вспомогательными глаголами ‘иметь’ и ‘быть’ в европейских языках; примечательно, что в обоих случаях лексический источник показателя, употребляемого преимущественно с переходными глаголами, сам является переходным глаголом (‘иметь’ и ‘выбросить’), а употребляемого преимущественно с непереходными — непереходным (‘быть’ и ‘уходить’). Имеется и морфологический параллелизм между обсуждаемыми феноменами — а именно: *-tu-* и *-nu-* в старояпонском были не собственно аффиксами, а спрягались как вспомогательные глаголы. Наконец, параллелизм между собственно лексическим распределением тех и других иллюстрируется следующими примерами [Ibid.: 198]:

‘стрелять, выпустить’ — переходный глагол:
 ст.-яп. *i-turu* *ya*
 стрелять-ПЕРФ:IV⁶ стрела
 ‘Стрела, которую [храбрец] выпустил...’
 нем. *Er hat einen Pfeil abgeschossen*
 фр. *Il a tiré une flèche*
 ‘Он выпустил стрелу’

‘играть’ — глагол деятельности:
 ст.-яп. *taki-ni* *asobi-turu*
 склон-ЛЮК играть-ПЕРФ:IV
 ‘Мы поиграли около склона/на склоне’

⁵ Заметим между прочим, что в современном японском результатив — в отличие от старояпонского перфекта — имеет «номинативный», а не «эргативный» тип (ср. [Холодович 1979]).

⁶ Мы следуем здесь обозначениям цитируемой статьи; цифра «IV» соответствует так называемой «атрибутивной форме» (Rentai-kei), а «II» — «союзной форме» (Ren'yo-kei).

нем. *Wir haben draußen gespielt*

фр. *Nous avons joué dehors*
 ‘Мы поиграли на улице’

‘приходить’ — глагол движения/изменения состояния:

ст.-яп. *haru sari-ni-keri*
 весна приходить-ПЕРФ:II-РЕТРО
 ‘...пришла весна...’

нем. *Der Frühling ist gekommen*

фр. *Le printemps est arrivé*
 ‘пришла весна’.

Природа этого распределения обсуждалась в японских грамматиках XVIII—XIX вв. и связывалась в основном с переходностью (цитируемые в [Washio 2004: 201] суждения японских грамматистов иногда любопытным образом напоминают подход авторов грамматики Пор-Рояля). По данным цитированной работы, глаголы изменения состояния (*tiri-* ‘падать’) образовывали перфект с *-ni-*, соответствующие каузативы (*tirasi-* ‘ронять’) — с *-tu-*; глаголы движения (вроде приведенного в примере выше *sari-* ‘приходить’) — с *-ni-*. Но в целом ряде частных распределений обсуждаемых старояпонских показателей не соответствует ожидавшемуся исходя из гипотезы о «неаккузативности» и в то же время типологически чрезвычайно сближается с ситуацией, например, в нидерландском языке; в частности, ряд переходных глаголов (в основном одних и тех же, с семантикой неконтролируемости: *vergeten* и *wasure-* ‘забывать’, *passeren* и *sugi-* ‘проходить мимо’) в обоих языках «выбирает» конструкции со вспомогательным *ni* и *zijn* соответственно.

Сравнивая не только синхронное лексическое распределение, но и диахроническую судьбу старояпонских и новоевропейских форм — чего в [Washio 2004] не делается, — мы обнаруживаем, что японский перфект (или «перфекты») оказались столь же неустойчивыми на шкале времени, что и соответствующие формы во французском, итальянском, немецком, ретороманском или идиш. Названная форма активно употребляется в памятниках японского языка на протяжении семи веков, с VII до XIII столетия; в языке XIV—XVI вв. она встречается уже лишь как реликтовая и в современном японском отсутствует. В упоминаемой статье анализируются лишь самые ранние памятники VII—VIII веков, сохраняющие результиативное или перфектное значение. Есть и свидетельства того, что эта форма эволюционировала в сторону перфектива или простого прошедшего (так, она сохранялась в специфическом архаичном «военном языке» Японии [Холодович 1937] и там употреблялась в нарративном значении; ср. также ссылку на лингвиста XX в. Кобаяси, считавшего значением показателя *-ni* ‘исчерпание процесса’ [Washio 2004: 212]).

С распределением форм европейского (бывшего) перфекта, помимо старояпонских форм, можно сопоставить также сильнее грамматикализованные (как с формально-морфологической, так и с семантической точки зрения) формы «прошедшего автономного времени» в индоарийском диалекте авадхи [Липеровский 1997: 179—184]. Семантически это типичный перфектив, или аорист, который «оставля[ет] невыраженным значение актуальности последствий действия для более позднего временного плана» [Там же: 183] и «выступает как средство повествования об имевших место в прошлом событиях» [Там же: 184]. Здесь глагол имеет две парадигмы, в одной из которых различаются «формы рода и числа, отражающие адъективную парадигму перфективного причастия», но нет личного спряжения, а в другой, напротив, имеются личные окончания, но нет согласования по роду; «она воплощает собой флективное словоизменение, возникшее на базе перфективного причастия».

Замечательно, что распределение данных парадигм по глагольным лексемам приближается к распределению «бытийного» и «посессивного» типа перфекта (ныне перфективного прошедшего) в европейских языках, а именно, «адъективный» согласуемый тип тяготеет к непереходным глаголам (как мы видели, во французском и итальянском языках до сих пор сохраняется согласование причастий в «бытийном» типе аналитического прошедшего), а «флективный» тип — к переходным глаголам. Реально глаголы имеют контаминированное словоизменение, включающее как формы, совпадающие с причастием, так и формы, имеющие лично-числовые флексии (в ряде случаев одно и то же сочетание признаков лица, числа и рода допускает синонимичные формы обеих парадигм), однако «противопоставление в роде (мужской ~ женский...) релевантно только для непереходных глаголов» [Там же: 180—181]. Таким образом, перфективное прошедшее сохраняет вариативность, свойственную передаче различия между «посессивным» (субъектно-переходным) и объектным результативом. Можно предположить, что, как и в западноевропейских языках, эти формы достаточно быстро миновали собственно перфектную стадию.

В работе [Anderson 1982] с европейским феноменом выбора вспомогательного глагола сопоставляется семитский материал — современного арабского (западносемитская группа) и мертвого аккадского языка (восточносемитская группа). Здесь в формах, прошедших развитие от результатава к простому прошедшему, также засвидетельствовано противопоставление диатезных типов — различие между глаголами «изменения состояния» и «действия» (о результате в современном арабском см. [Храковский 1983]); для кодирования этих двух типов используются различные огласовки (причем существенно, что в западно- и восточносемитских языках соответствующие показатели имеют разное происхождение, так что аналогии при сопоставлении

этих групп носят типологический характер). Это различие выражено в лексически обусловленном выборе первого гласного огласовки (так называемого «типового гласного»); в литературном арабском, впрочем, этот выбор далеко не всегда семантически прозрачен [Юшманов 1928/1985: 51]⁷. Андерсон выстраивает иерархию [Anderson 1982: 252] по несколько иным принципам, чем впоследствии предложенная на европейском материале в [Sorace 2000]:

	Аккадский претерит	Арабский «перфект»	Французский	Немецкий
«преимущественно переходные глаголы деятельности»	/i/	/a/	avoir	haben
«преимущественно переходные глаголы состояния»			être	sein
«глаголы перемены положения»		/i/		
«глаголы изменения состояния объекта»				
«медиальные глаголы»				
«пунктивные переходные глаголы»	/i/ (/a/)	/a/	avoir	haben
«переходные непунктивные глаголы»	/u/			

Снова подчеркнем, что и в аккадском, и в арабском «перфект» приобрел значение нарративного претерита, вытеснившего старый общесемитский претерит в ирреальную зону [Ibid.].

Аналогичная картина представлена и в древнеперсидском, где посессивная конструкция «нового перфекта» («такого оборота, который в древнеперсидском заменил собою древний [индоевропейский] перфект») уже в среднеперсидском дает претерит (*man kart* ‘я сделал’ букв. ‘у меня / мне сделано’), а в новоперсидском эта форма получает личные окончания и теряет признаки диатезной нестандартности (*man kardam*, где *man* — это уже просто ‘я’) [Бенвенист 1952/1974: 193—196; Hewson, Vubenik 1997: 305—307]. Подробно этот процесс разобран, например, в [Эдельман 2002: 113 и след.]; там же и

⁷ В арабском языке лексический выбор «типового гласного» в зависимости от категории «действия»/«состояния» имеет место также в имперфекте; этот параметр в [Anderson 1982] также включён в указанную иерархию; мы его не учитываем, как не имеющий прямого отношения к тематике статьи.

ссылки на предшествующие работы. В иранских языках, согласно Д. И. Эдельман, выступали две результативные конструкции: для непереходных глаголов — бытийная ‘я ушедший есть’, а для переходных — посессивная ‘это у меня (мною) сделанное (есть)’. «Со временем в подавляющем большинстве иранских языков уже грамматикализованные формы перифрастического перфекта утрачивают значение результативности и становятся формами претерита» [Там же: 118]; это приводит к характерной для многих современных иранских языков оппозиции «номинативная стратегия в презенсе — эргативная стратегия в претерите» (так в пуштунском и памирских языках: [Hewson, Bubenik 1997: 309—311]).

Сохранялось распределение двух конструкций Perfectum — синтетической и аналитической «пассивной» — у различных классов глаголов и в классической латыни: здесь, как известно, большинство глаголов имеет синтетические формы разного морфологического устройства и этимологии (*offerō* ‘предлагаю, подношу’ — *obtuli* ‘я поднес’, *cano* ‘пою’ — *cecini* ‘я спел’ и под.), в то время как ограниченное число так называемых отложительных и полуотложительных глаголов образуют Perfectum так же, как и страдательный залог от переходных глаголов, — при помощи аналитической конструкции с причастием + глагол ‘быть’ (*progredior* ‘двигаюсь вперед’ — *progressus sum* ‘я двинулся вперед’); ср. анализ морфологической и синтаксической структуры этого явления в [Embick 2000]; здесь же подчеркивается, что это распределение невозможно толковать как «неаккузативное» — хотя бы уже потому, что некоторые отложительные глаголы являются переходными. И в этом случае форма семантически миновала собственно перфектную стадию — в латыни это типичное перфективное прошедшее время (что демонстрирует и этимология форм, представляющих собой результат контаминации индоевропейских перфекта и аориста).

Однако в третьем древнем индоевропейском языке, классическом армянском, где перфект (с результативным оттенком) также имел две альтернативные синтаксические конструкции (в отличие от древнеперсидского и латыни, не затрагивающие собственно формы) — посессивную и бытийную, — произошла, напротив, унификация этих двух форм (подробнее см. в следующем разделе). Знаменательно, что здесь унифицированная форма, в отличие от большинства только что разобранных случаев, вполне сохранила собственно перфектное значение (восточноармянский) или, по крайней мере, не смешалась с претеритом (западноармянский, где перфект эвиденциализируется). Точно такая же корреляция между сохранением перфекта как самостоятельного грамматического значения и унификацией конструкций, его выражающих, налицо и в современных европейских языках. К подробному рассмотрению этого феномена мы и переходим.

3. Унификация перфектной конструкции и оппозиция перфект / результатов

Особый путь развития систем с выбором вспомогательного глагола зафиксирован в тех языках, где, в то же время, у этих форм сохраняется собственно перфектная семантика. Это языки Европы, не образующие единого ареала; напротив, они принадлежат к нескольким несмыкающимся географическим областям, расположенным вдоль побережья континента (в отличие от вышеописанного средневропейского ареала, где происходит переход перфекта в перфектив/простое прошедшее). Р. Тирофф [Thieroff 2000: 285—286] предложил для обозначения данной изоглоссы термин «перфект европейского побережья» (European maritime perfect). Из языков указанной зоны интересующий нас переход отмечен в английском, норвежском, шведском, испанском, португальском, каталанском языках, а также в южноитальянских диалектах, где перфект сохраняется. Как уже отмечалось, только датский и нидерландский языки сохраняют лексически обусловленное распределение вспомогательных глаголов; однако:

в нидерландском языке аналитический перфект имеет некоторые функции, приближающие его к нарративному времени (см. предыдущий раздел), и там эволюция перфекта в указанном направлении уже началась;

в датском языке, как будет показано ниже, процесс обобщения глагола ‘иметь’ в значении показателя перфекта уже налицо (однако не достиг еще завершающей стадии, как в норвежском).

Таким образом, если сохранение в данных зонах перфектной семантики представляет собой прямое продолжение старого состояния, некогда свойственного всей Европе (и, таким образом, может толковаться как ареальное), то изменение системного соотношения между двумя перфектными формами, о котором пойдет речь в настоящем разделе, произошло в разное время (в романских и германских языках — даже, по-видимому, на разных стадиях семантического развития этого показателя), в территориально разобщенных языках и, следовательно, является типологическим явлением.

Прежде чем предложить объяснение этой корреляции, рассмотрим ситуацию в названных языках подробнее.

3.1. Южное побережье «европейского перфекта»: романские языки

Ситуация в романских языках для раннего периода их развития не всегда ясна из-за «сравнительно позднего появления записей нелитературного языка (vulgar scripts)» [Squartini, Bertinetto 2000: 420]. Во всяком случае, разумно предполагать, что употребление «посессивного» перфекта с переходными

предельными глаголами и «бытийного» с непереходными было изначально характерно для всех языков, в соответствии с тем употреблением, которое обнаруживается в поздней латыни.

В романских языках — в средне- и южноитальянских говорах, а также в иберийской и румынской зонах — произошло обобщение «посессивного» вспомогательного глагола на все употребления перфекта [Vincent 1982; Tuttle 1986; Squartini, Bertinetto 2000: 428]. Ситуации в румынском (и других малых языках на Балканах) и средне- и южноитальянских говорах носят несколько разный характер: рассмотрим сначала положение дел в иберо-романской зоне.

В романских языках Иберийского полуострова — испанском, каталанском, португальском и галисийском — «бытийный» тип перфекта на протяжении средневековой истории этих языков оказывается полностью вытеснен «посессивным». В первых двух языках вспомогательный глагол в перфектной конструкции — это *haber*, исторически ‘иметь’, но в современных языках не употребляющийся, кроме как в качестве вспомогательного и в экзистенциальных предложениях со значением «имеется» (в этом значении в испанском существует особая форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *hay* < *habet hic* ‘имеется здесь’, — ср. фр. *il y a* букв. ‘он здесь имеет’ с тем же значением, — отличная от соответствующей формы вспомогательного глагола *ha*; в прочих временах и наклонениях формы совпадают: имперф. *había*, буд. *habrá*, имперф. конъюнктива *hubiese/hubiera* и проч.).

В португальском и галисийском между XIII и XVI веками обобщился глагол, восходящий к лат. *tenere* ‘держатъ’, который в иберо-романских языках является основным способом выражения обладания; глагол *ser* ‘быть’ уже в XIII веке употреблялся (в период существования единого литературного галисийско-португальского языка) лишь с очень немногими непереходными глаголами: *ir* ‘идти’, *vir* ‘приходить’, *partir* ‘уходить’, *morrer* ‘умирать’ [Вольф 1988: 56]. Синонимичная конструкция с глаголом *haver*, восходящим к *habere*, тоже существовала в португальском языке («два конкурирующих вспомогательных глагола» *ter* и *haver* характерны для галисийско-португальского периода [Там же: 57], причем в это время *haver* преобладал, и португальского языка XVI в. [Там же: 127]), но в XIX веке была вытеснена перфектом с глаголом *ter*. Однако в бразильском португальском преобладает форма с *haver*, что отражает состояние языка до XVI в. — времени начала колонизации Бразилии [Там же: 57].

Динамика утраты перфекта с глаголом *ser* ‘быть’ в средневековом испанском показана в работе [Agranovich 2003], использующей лексико-семантический (а не синтаксический) подход к проблематике «выбора вспомогательного глагола». Согласно этой статье, в XIV—XV веках распределение показателей перфекта в общем соответствовало сохраняющемуся в таких языках

Европы, как итальянский или нидерландский: глагол *ser* употреблялся с глаголами движения (такими, как *llegar* ‘прибывать’) и с глаголами изменения состояния (*despertar* ‘будить’); ранее (в XIII веке) утратили «бытийную» конструкцию глаголы сохранения состояния (*quedar* ‘оставаться’, *holgar* ‘отдыхать’). Непереходные предикаты с более четкой «пациентной» семантикой (иными словами, единственный актант которых сильнее «затронут» — affected — соответствующей ситуацией) сохраняли вспомогательный глагол *ser* дольше. Процесс унификации вспомогательного глагола происходил параллельно в зависимости от одинаковых семантических факторов в возвратных и невозвратных глаголах (ситуации, при которой все возвратные глаголы образовывали перфект/результатив с глаголом ‘быть’ — как в итальянском или французском, — в средневековом испанском, по-видимому, не было) [Ibid.: 16—25]. Класс испанских глаголов, последними утративших вспомогательное *ser* (XVII в.), близок к классу сохраняющих *être* в современном французском (*crecer* ‘расти’, *ir* ‘идти’, *partir* ‘уходить’, *pasar* ‘проходить’, *morir* ‘умирать’, *nacer* ‘рождаться’).

Во всех названных иберо-романских языках перфект сохраняет свое значение, отличное от значения простого прошедшего времени, и, даже утрачивая прототипическое для перфекта значение «текущей релевантности», не проявляет экспансию в сферу употреблений простого (перфективного) прошедшего, а напротив, скорее уступает ему «свою» территорию. Действительно, в португальском, галисийском, испанском Канарских островов и некоторых вариантах испанского в Латинской Америке (в работе [Squartini, Bertinetto 2000] подробно разбираются примеры из мексиканского испанского, но указывается [Ibid.: 412—413] на аналогичное распределение также в колумбийском, пуэрториканском и аргентинском вариантах) употребление перфекта фактически ограничено контекстами «продолжающейся ситуации», охватывающей момент речи и интерпретируемой как дуративная и неопределенная [Ibid.: 408—413]:

- португ. *Tenho estudado imenso desde que decidi fazer o exame*
 ‘Я занимался очень много с тех пор, как решил сдать этот экзамен’
- мексик. исп. *Eso ya lo hemos discutido muchas veces*
 ‘Это мы уже обсуждали много раз’.

В экспериенциальных контекстах, контекстах «свежих новостей» и «текущей релевантности» употребляется только перфективное прошедшее, перфект недопустим:

- португ. **Já tens estado em Austrália?*
 ‘Бывал ли ты в Австралии?’

- португ. **Tem chegado o rei!*
 ‘[К нам] приехал король!’
- португ. **Não, já se tem ido embora*
 ‘Нет, [он] уже ушел’
- мекс.исп. **Ya ha llegado*
 ‘[Он] уже пришел’

Особое (но содержательно близкое) распределение обнаруживает также еврейско-испанский язык [Malinowski 1984]: здесь обобщился вспомогательный глагол *tener*, а сама перфектная конструкция встречается преимущественно в вопросительных и (чаще) отрицательных экспериенциальных контекстах:

- No lo tengo visto hasta agora entre los clientes de mi tante*
 ‘До сих пор я его не встречал(а) среди покупателей моей тети’
- Tiene sentido esta palabra?*
 ‘Слышал ли ты когда-нибудь это слово?’.

Согласно одной точке зрения [Harris 1982], эта особенность употребления перфекта в данных языках представляет собой особую стадию грамматикализации, промежуточную между результативом и перфектом. М. Сквартини и П.-М. Бертинетто [Squartini, Bertinnetto 2000: 419] полагают, что такая интерпретация проблематична: с их точки зрения это «совершенно независимый путь развития, в котором на первый план выходят акциональные значения, или, скорее, особый тип взаимодействия акциональных и аспектуальных значений» [Ibid: 419]. Так или иначе, оппозиция «перфект vs перфективное прошедшее» в этих языках сохраняется.

Существенно также, что во всех этих языках сохраняется различие и между перфектом и результативом: «везде сохраняется и посессивный результатив, так или иначе формально обособляющийся от перфекта. В испанском, например, в акциональном перфекте используется вспомогательный глагол *haber*... и неизменяемая форма причастия, а в результативе — глагол *tener* и согласуемая с объектом форма причастия. Ср., с одной стороны,

- He escrito la carta*
 ‘Я написал (или писал) письмо’,

а с другой — результатив

- Tengo escrita la carta*
 ‘Имею письмо написанным’» [Маслов 1983: 48].

Кроме того, различие между перфектом и результативом достигается при помощи грамматикализации порядка слов, «коррелирующего с утратой согласования у причастия» [Squartini, Bertinnetto 2000: 427]:

порт. *Tenho uma carta escrita*
 ‘У меня написано (написанное) письмо’
Tenho escrito uma carta
 ‘Я написал письмо’.

В средне- и южноитальянских говорах, где сохраняется употребление перфекта и не происходит его смешения с аористом (см. подробнее [Squartini, Bertinotto 2000: 422—426]), ситуация со вспомогательным глаголом отличается от литературного (тосканского) итальянского и от говоров северной Италии, где (см. подробнее предыдущий пункт) аналитическая форма, перенявшая формы перфективного прошедшего, сохраняет и распределение между вспомогательными глаголами ‘иметь’ и ‘быть’, связанное с переходностью и семантическим классом предиката. Однако в разных говорах остальной территории Италии аналитический перфект (поскольку постольку он вообще представлен в данных говорах) обнаруживает сложную картину: экспансию не только *habere*, но и, в других микрорегионах, *esse* как универсального вспомогательного глагола [Tuttle 1986: 231 ff.]. Так, отмечено *sono visto/so veduto* ‘я видел’, букв. ‘я есть виденный’ в среднеитальянских диалектах Лацио и Абрुццо, а на юге, в Калабрии, наоборот, *habere* с прототипическими для «бытийного» типа глаголами движения: *hannu venutu* ‘пришли’ ([Ibid.: 234]; здесь не исключено также историческое влияние испанского или греческого. Таким образом, не только «посессивный» тип перфекта вытесняется здесь «бытийным», но и, в ряде говоров, в точности наоборот. Данный эффект демонстрирует генетическую и ареальную независимость анализируемого соотношения от ситуации в иберо-романской зоне; важен здесь не тип «побеждающего» показателя, а общий принцип унификации.

Отмечен и третий логически возможный тип унификации перфектного показателя, а именно в некоторых каталанских и итальянских говорах имеет место единая смешанная парадигма вспомогательного глагола с формами, восходящими как к *esse*, так и к *habere* (чему способствовало также фонетическое сближение этих глаголов в данной диалектной зоне, в частности словоформ 3 л. ед. ч., выглядящих в литературном итальянском как *è* и *ha*) [Tuttle 1986 passim; Bentley, Eythorsson 1999].

3.2. Северное побережье «европейского перфекта»: германские языки

Принципиально схожа с указанной романской ситуацией картина в германских языках.

Английский перфект, согласно [Traugott 1972; Carey 1994] (см. также [Bybee et al. 1994: 68]), возникает из дополнительно распределенных древне-

английских результатов: образующегося при помощи вспомогательного глагола *beo-* ‘быть’ от непереходных глаголов и образующегося при помощи вспомогательного *habb-* ‘иметь’ от переходных. Результатив со вспомогательным глаголом ‘иметь’ в раннем древнеанглийском еще отчасти сохраняет посессивное значение, а в раннем среднеанглийском (XII—XIII вв.) становление перфектной семантики знаменуется резким уменьшением числа контекстов с обстоятельствами времени, указывающими на сохранение состояния [Carey 1994: 106—107]. На протяжении старо- и среднеанглийского периода указанное распределение в общем сохраняется, но в период новоанглийского XVI—XVIII вв. осуществляется активная экспансия *have*-конструкций в область непереходных глаголов, причем классом контекстов, с которого еще в среднеанглийском началось это вытеснение, оказались ирреальные употребления, а именно, контрфактический плюсквамперфект (*and had I not that tyme comen* ‘если б я в то время не пришел’) и перфектный инфинитив при модальных глаголах (*ye myght have comen* ‘вы могли бы прийти’) [Lipson 1999: 114]. Подробный корпусный анализ данного изменения предложен в работах [Kytö 1994] и [Lipson 1999] (в последней — на примере глаголов *come* ‘приходить’, *go* ‘идти, уходить’, *fall* ‘падать’ и *become* ‘становиться’). Здесь показано, что процесс обобщения вспомогательного *have* ‘иметь’ протекал в XVI — середине XVIII в., причем лексические предпочтения уходящей конструкции со вспомогательным ‘быть’ в общем соответствовали распределению в обсуждавшихся выше европейских языках: это глаголы движения — *arrive* ‘прибывать’, *come* ‘приходить’, изменения состояния — *alter* ‘изменяться’, *improve* ‘улучшаться’⁸, неконтролируемых происшествий — *hap(pen)* ‘случаться’, *befall* ‘выдаваться’, появления — *arise* ‘возникать’, прекращения — *decline* ‘приходить в упадок’, *die* ‘умирать’, поддержания состояния — *lie* ‘лежать’, *stay* ‘оставаться’. Точно так же, как в испанском и, возможно, немецком, этот последний тип обобщил вспомогательный глагол *have* одним из первых; так же, как и в других разбиравшихся выше языках, дольше всего сохраняли уходящую модель глаголы движения. Кроме того, сосуществовавшие модели с *have* и *be* от одних и тех же глаголов обнаруживали семантическое распределение, а именно: контексты типа *He is fallen* ‘Он упал’ имели скорее результативное значение (и сочетались с обстоятельствами точки отсчета типа *now* ‘сейчас’), а контексты типа *He has fallen* — собственно перфектное; таким образом, обсуждаемый процесс совпал с процессом грамматикализации перфекта как особого значения и отделения его от результата. Данное противопоставление реликтивно сохраняется у некоторых глаголов:

⁸ В каузативных употреблениях этих глаголов (‘изменять’, ‘улучшать’) используется вспомогательный глагол *have* — так же точно, как, например, в нидерландском или «активная» конструкция в старояпонском (см. предыдущий раздел).

The sun is set / has set

‘Солнце село’

He is gone to the market

‘Он ушел на рынок (и находится там)’

He has gone to market

‘Он (с)ходил на рынок (и вернулся)’.

Тем не менее в современном языке подобное противопоставление «уже почти вымерло» [Anderson 1982: 232]⁹.

Как мы уже видели раньше, в скандинавских языках на ранних стадиях развития перфекта из результатава наблюдалась интенсивная синонимия вспомогательных глаголов. В более поздний период в древнешведском и древнедатском языках налицо уже была характерная для Европы ситуация распределения вспомогательных глаголов в перфекте: форма с глаголом «быть» (*vara* и *wæra* соответственно) употреблялась «при непереходных глаголах, означающих перемену места или состояния», как в результативном, так и в акциональном (собственно перфектном) значении. Впоследствии произошло обобщение вспомогательного глагола. В современном норвежском и шведском языках мы встречаем здесь только глагол ‘иметь’ в перфектном значении; глагол ‘быть’ означает уже не перфект, а результатив [Стеблин-Каменский 1953: 230].

В современном норвежском языке «формы результатава... образуются сочетанием вспомогательного глагола *være* ‘быть’ и причастия II спрягаемого глагола... Формы перфекта и плюсквамперфекта образуются с помощью служебного глагола *ha* ‘иметь’. Этот глагол конкурирует с глаголом *være* в формах презенса и претерита субъектного результатава и в формах перфекта и плюсквамперфекта пассива» [Берков 1983: 198]. «Формальное противопоставление субъектного результатава и перфекта, бывшее, в частности, для глаголов движения нормой до недавнего времени, постепенно утрачивается, особенно в разговорном языке Восточной Норвегии и Трёнделага... Историческое развитие протекало так. Первоначально формы перфекта и результатава непереходных предельных глаголов были омонимичны и образов[ыв]ались с помощью глагола *være* ‘быть’. Затем перфект стал образовываться с помощью глагола *ha* ‘иметь’, и таким образом перфект и субъектный результатив размежевались формально (...). В последние десятилетия, однако, глагол *ha* постепенно вытесняет глагол *være* в результатава и это опять ведет к

⁹ Подобное реликтовое противопоставление у глаголов движения есть и в румынском [Sorace 2000: 865], где перфектное значение утрачено.

смешению форм перфекта и субъектного результата, т. е. к омонимии» [Там же: 198—199].

Sikringen er røket [Там же]

‘Предохранитель перегоревши’

Sikringen har røket

‘Предохранитель перегоревши / перегорел’

Han har gått hele veien [Стеблин-Каменский 1953: 230]

‘Он шел всю дорогу’

Han er gått

‘Он ушел’.

Таким образом, в норвежском языке параллельно с унификацией вспомогательного глагола в перфекте произошло формальное размежевание перфекта (с глаголом ‘иметь’) и результата (с глаголом ‘быть’). Эта ситуация совершенно аналогична той, которую видим, например, в испанском языке, где обособился результатив с вспомогательным глаголом *tener*.

Ситуация, аналогичная норвежской, имеется и в шведском языке: «В современном шведском языке перфект с глаголом быть (*vara*) от этих глаголов если и встречается, то только в значении результативного состояния, т. е. не является временной формой» [Стеблин-Каменский 1953: 230].

Предшествующий этап по отношению к картине, наблюдаемой в норвежском языке, по-видимому, наблюдается в датском. Действительно, в датском языке употребление вспомогательного глагола *være* ‘быть’ ограничено сильнее, чем в любом другом германском языке: с этим глаголом употребляются только непереходные глаголы движения, глагол *blive* ‘становиться’ и глагол *begynde* ‘начинать’, употребляемый без прямого дополнения ([Allan et al. 1995], цит. по [Bergeton 2004: 252]):

Hun er allerede rejst

‘Она уже ушла’

Er han stukket af?

‘Он убежал?’

Han er blevet professor

‘Он стал профессором’

Hun er svømmet væk

‘Она уплыла’

Jeg er begyndt på oversættelsen

‘Я начал переводить’ (предложная конструкция),

НО

Jeg har begyndt oversættelsen

‘Я начал перевод’.

В принципе такая ситуация вполне может быть достаточно устойчивой (ср. положение дел во французском языке, где аналитическая форма с глаголом ‘быть’ также образуется от очень ограниченного класса глаголов). Поэтому особенно важно отметить, что непереходные глаголы движения (но не изменения состояния) в экспериенциальном (то есть не результативном, но перфектном) значении употребляются с глаголом *have*:

Hun har svømmet over Kanalen.

‘Она переплыла Ла-Манш’.

Можно поэтому говорить о том, что в датском языке также намечается формальная дифференциация перфекта (посессивной конструкции) и результата (бытийной конструкции), уже наличествующая в норвежском¹⁰. Возможно и развитие в сторону типологически редкой ситуации, по-видимому, представленной в другом скандинавском языке — исландском, с обособлением экспериенциального перфекта (на исландской системе мы в данной статье не останавливаемся).

3.3. Армянская параллель

Параллелизм унификации «бытийной» и «посессивной» конструкций по мере устойчивой грамматикализации перфекта находится и за пределами Западной Европы — а именно в армянском языке, на этапе перехода от древнеармянского к современным западно- и восточноармянским языкам.

Действительно, в древнеармянском существовало различие в конструкции, традиционно именуемой «перфект» (и имевшей, в отличие от современных языков, результативное значение: [Козинцева 1983: 215]), в зависимости от того, от переходных или непереходных глаголов она образуется [Lyonnet 1933; Бенвенист 1952/1974; Newson, Bubenik 1997: 75—79]. Данное различие никоим образом не было связано с каким-либо расщеплением внутри класса непереходных глаголов и представляло собой в чистом виде различие между субъектным и объектным результатом. Мы говорим «различие в конструкции», а не «различие в форме», поскольку собственно форма перфекта в обоих случаях выглядит как неизменяемое причастие на *-eal* плюс спрягаемая

¹⁰ В датском существует также грамматикализирующаяся конструкция *få* + причастие II, нередко трактуемая как «новый результатив», впрочем, это скорее показатель акциональности, чем элемент собственно глагольной парадигмы, со значением ‘удаться’, ‘успеть’ [Локштанова 1996].

форма глагола ‘быть’; разница между бытийной и посессивной стратегией пролегает в способе кодирования подлежащего. При непереходных глаголах подлежащее стоит в номинативе:

es *en-eal* *em*
я.НОМ родить-ПРЧ быть.1.ЕД
‘Я родился’

žamanak *has-eal* *ē*
пора.НОМ наступать-ПРЧ быть.3.ЕД
‘Пора наступила’.

При переходных глаголах подлежащее стоит в генитиве, а дополнение в аккумулятиве — таким образом, данная конструкция относилась к так называемому «трехчастному», или «контрастивному», типу, при котором различается кодирование агенса, пациенса и субъекта непереходного глагола:

nora *ber-eal* *ē*
он.ГЕН принести-ПРЧ быть.3ЕД
‘Он принес’

zayn *nšan* *arar-eal* *ēr* *nora*
этот.АКК чудо.АКК совершить-ПРЧ быть.3.ЕД.ПРШ он.ГЕН
‘Он совершил это чудо’ (плюсквамперфект).

В случае невыраженности агенса такая конструкция оставалась «недифференцированной по залогу» (‘он принесен’ и ‘он принес’) [Козинцева 1983: 215].

Э. Бенвенист [1952/1974: 196—200, 1960/1974: 217—220] проанализировал данную конструкцию как воплощающую различие между бытийным и посессивным типом перфекта; генитив субъекта в староармянском имеет посессивную функцию, и, соответственно, последовательность вроде «его совершено это чудо» означает именно ‘он имеет совершенным это чудо’, ‘habet factum’, в то время как с объектным результатом («непереходным перфектом») закономерно употребляется бытийная конструкция («есть пришедший», «есть наступивший» и т. п.); им же проведена параллель с соответствующими древнеперсидскими конструкциями (о которых см. выше).

Между тем в современных армянских языках, где форма на *-eal* развила уже далее грамматикализованные значения (в восточноармянском — собственно перфектное [Козинцева 1983], в западноармянском — эвиденциальное [Donabédian 1996]), мы уже нигде не находим следов такого распределения посессивной и аккумулятивной конструкции.

Сходство с европейскими системами довершает то, что в восточноармянском развился также новый результатив (в западноармянском, где выше раз-

биравшаяся конструкция перешла в эвиденциальную сферу значений, этот результатив уже приобрел и перфектные функции). Процесс образования нового результата, что характерно, протекал параллельно с унификацией «диатезного типа» старого перфекта: «В XII веке форма на *-ats* (первоначально отглагольное существительное. — *Д. С.*) от интранзитивных и пассивных глаголов начинает функционировать как перфектно-результативное причастие и в соединении с *em* выступает как сказуемое. В это же время перфект на *-eal > -el* становится только активным, так как появляется пассивная форма на *-v-el*» [Козинцева 1983: 215].

4. Типологическая импликация

Процесс обобщения конструкции перфекта произошел в хронологически и ареально независимых языках (романских южной Европы, германских северной Европы, армянском) и носит типологический характер. Похоже, что этот процесс носит характер дополнительного семантического закрепления и «кристаллизации» перфекта, «вызревания» (*maturation*) по [Dahl 2004]. На это указывает тот факт, что и в германских, и в романских языках обобщение вспомогательного глагола сопровождается оформлением оппозиции «перфект/результатив», а в романских языках с ним коррелирует еще и утрата согласования у причастной формы в перфекте [Squartini, Bertinetto 2000: 428] — несущая в том числе и эту же функцию (ср. испанские примеры вроде *Tengo una carta escrita*). Перфект, не прошедший такого закрепления, относительно быстро переходит — сохраняя свои результативные по происхождению формы — в простое прошедшее.

Подчеркнем специально: речь не идет о том, что всякое обобщение аналитической конструкции перфектного происхождения является следствием сохранения ею собственно перфектного значения. Это не так, и в трех европейских по происхождению языках, употребительных вне Европы, мы видим обобщение конструкции с глаголом ‘иметь’, причем какого-либо значения, отличного от значения простого прошедшего, не сохраняется. Это американский вариант идиш [Abraham 2004], африкаанс [Там же] и некоторые варианты французского в Канаде [Sankoff, Thibault 1977]. Всюду можно предполагать контактное влияние, в данном случае английского языка. То же можно сказать и о «романском острове» в составе балканского языкового союза — в румынском языке обобщен один глагол в (бывшем) перфекте, но другой в нелитературном аналитическом плюсквамперфекте и предбудущем [Marin 1985; Tuttle 1986: 229—230]; впрочем, в арумынском и мегленском у непереходных глаголов сохраняется глагол ‘быть’, что правильно квалифицировано в [Tuttle 1986: 230] как продолжение старого романского состояния.

Речь идет об обратном направлении следствия: форма перфекта, воплощаемая двумя альтернативными конструкциями посессивного и бытийного типа, для того, чтобы сохранить перфектное значение, должна формально унифицировать эти конструкции — иначе она очень быстро «проскакивает» в претеритное значение, либо же утрачивается (так, по-видимому, обстояло дело в японском). Такая унификация оказывается для перфекта как грамматического значения (в отличие от результата и простого прошедшего) «вопросом жизни и смерти» в глагольной системе.

Таким образом, исследованный нами материал демонстрирует *импликацию*, которую можно сформулировать так:

«Если в глагольной системе перфект, имеющий две формы, распределенные по лексико-семантическим признакам диатезного типа, сохраняет перфектное значение, а не переходит в претерит и не утрачивается, то эти две формы унифицируются».

Соответствующие логические возможности выглядят следующим образом:

	Перфект сохраняется	Перфект переходит в простое прошедшее (или утрачивается)
Форма обобщается	(1) Древние и.-е. языки: армянский <u>Европа, генетически-ареальная зона 1</u> : испанский, каталанский, португальский, южные итальянские диалекты <u>Европа, генетически-ареальная зона 2</u> : английский, норвежский, шведский, датский [в процессе обобщения]	(2) Идиш в Америке, французский в Канаде, африкаанс (английское влияние) Румынский (балканское ареальное влияние); NB разные вспомогательные глаголы в перфекте, с одной стороны, и плюсквамперфекте/предбудущем, с другой
Форма не обобщается	(3) Европа: нидерландский [видимо, в процессе утраты различия перфект/претерит]	(4) Европа: французский, итальянский, немецкий (включая особо южные диалекты), ретороманский, идиш Древние и.-е. языки: латинский, древнеперсидский Вне Европы: аккадский, арабский, авадхи (индоар.), старояпонский

Кажущийся контрпример против этой импликации — нидерландский язык — относится к классу случаев (3); он разобран выше, и показано, что он допускает истолкование, сближающее его с классом случаев (4) (если и прямо сам не относится к этому классу).

Заметим, что и класс случаев (2), не являющийся формально контрпримером к выше высказанному положению, везде связан так или иначе с аре-

альным влиянием. В связи с этим можно предположить, что данная импликация по характеру своему близка к эквивалентному соотношению (то есть собственно внутриязыковым двигателем процесса унификации перфектной конструкции является долгое сохранение ею перфектной семантики).

5. Объяснение явления

Рассмотренный материал показывает, что в языках, где перфект сохранил свою семантику, отличную от перфективного прошедшего и результата, синонимия в этой семантической области обычно ликвидируется до такой степени, что даже компромиссный вариант — две конструкции распределены дополнительно и предстают, в структуралистском понимании, как алломорфы одного и того же показателя перфекта — оказывается неприемлем: происходит унификация вспомогательного глагола.

Единственная известная нам попытка объяснить это явление (на материале английского языка) предпринята Ллойдом Б. Андерсоном [Anderson 1982: 249]; отметив, что в целом ряде языков отличаются объектный и субъектный результативы и это различие часто переходит и на перфектную стадию, Андерсон говорит: «В английском языке, где перфект не заменил претерит, *have*-перфект сдвинулся в противоположном направлении, вытеснив *be*-перфект. Можно заключить, что одна перфектная категория не может одновременно включать все три типа [значений] („текущая релевантность“, изменение состояния субъекта и перфективное предшествование), но может связывать лишь любые два из них. По крайней мере, это гипотеза, которую в будущем следует проверить. Различие между *быть*- и *иметь*-перфектами может быть достаточно устойчивым; так что в действительности, возможно, это две категории, а не одна». Наш материал в общем подтверждает данную тенденцию, но с трактовкой ее Андерсоном нельзя полностью согласиться. Как известно, перфект, превращающийся в претерит, отнюдь не всегда различает диатезные типы: так обстоит дело, например, в западно- и восточнославянских языках, венгерском, суахили; таким образом, одна и та же форма выступает здесь и в значении текущей релевантности, и в значении перфективного предшествования, и с глаголами изменения состояния. Кроме того, анализ Андерсона не учитывает того факта, что противопоставление диатезных типов вообще на собственно перфектной стадии оказывается нестабильным; как правило, в системах такого рода подобные формы или одна из них носят еще результативный характер.

Кажется более перспективным следующее объяснение. Характерной чертой перфекта на шкале диахронической эволюции является нестабиль-

ность и размытость его «границ»; он далеко не всегда достаточно четко отграничен семантически как от своих «предшественников» — результата и комплетива, так и от своих «преемников» — претерита и эвиденциального показателя. Согласно Й. Линдстедту, собственно перфект — то есть форма, передающая прагматическую «текущую релевантность», — это «не только функция, но и точка пересечения» путей грамматикализации; им предложена следующая смелая метафора: «каждый конкретный перфектный показатель лишь проходит эту точку пересечения: или же „хвост“ его еще торчит в результате, или же „голова“ уже касается новых аспектуальных, временных или эвиденциальных значений» (*still having its tail in resultative, or pushing its head towards new aspectual, temporal or evidential meanings*) [Lindstedt 2000: 379].

Такая «неустойчивость», в свою очередь, объясняется спецификой базового значения перфекта, связанного не с объективным вещественным значением (как результатив), не с объективной временной локализацией (как простое прошедшее), не с характеристиками ситуации (как аспектуальные показатели), а с предельно субъективной, определяемой условиями речевого акта прагматической «релевантностью» выражаемой ситуации. Данное употребление требует специфического, однозначного сигнала. Кроме того, противопоставление между несколькими синонимичными формами в одной системе само часто опирается на противопоставления неденотативного, прагматического или дискурсивного плана (ср. [Dahl 2004]) — а базовое значение перфекта само связано с прагматикой; соответственно, в отношении, близкие к синонимичным, он вступает скорее с другими элементами парадигмы — результативом и простым прошедшим.

Таким образом, перфект сильнее, чем иные семантические типы грамматических показателей, «нуждается» в унификации своего показателя и освобождении от дополнительно дифференцирующих семантических признаков. «Чем выше степень вспомогательного статуса глагола (*auxiliariness*), тем ниже его чувствительность к акциональным свойствам (то есть структурным свойствам ситуации определенного типа) управляемого им полнозначного глагола», сказано о пути грамматикализации «перфект \Rightarrow результатив» в [Abraham 1992: 14].

Можно сказать, используя «пространственно-экологическую метафору» из [Dahl 2004], что семантическая «ниша», занимаемая основным значением перфекта — значением «текущей релевантности» в настоящем некоторого события в прошлом, — «тесна» даже для одного грамматического показателя, который в ней не задерживается; тем реже в этой нише находится место одновременно для нескольких показателей.

Литература

- Бенвенист 1952/1974 — Э. Бенвенист. Пассивное оформление перфекта переходного глагола // *Общая лингвистика: Пер. с франц.* М., 1974. С. 192—202.
- Бенвенист 1960/1974 — Э. Бенвенист. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // *Общая лингвистика: Пер. с франц.* М., 1974. С. 203—224.
- Берков 1983 — В. П. Берков. Результатив, пассив и перфект в норвежском языке // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 197—204.
- Вольф 1988 — Е. М. Вольф. *История португальского языка*. М., 1988.
- Грамматика... 2000 — *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля, написанная А. Арно и К. Лансло / Перев. Н. Ю. Бокадоровой*. М., 2000.
- Дуличенко 2005 — А. Д. Дуличенко. Кашубский язык // *Языки мира: Славянские языки*. М.: 2005. С. 383—404.
- Козинцева 1983 — Н. А. Козинцева. Результатив, пассив и перфект в армянском языке // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 204—216.
- Кузнецова 2005 — Ю. Л. Кузнецова. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке // Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка*. М., 2005. С. 616—637.
- Липеровский 1997 — В. П. Липеровский. *Очерк грамматики современного авадхи*. М., 1997.
- Локштанова 1996 — Л. М. Локштанова. Парадигматические потенции и вариативность элементов глагольных систем (на материале датского языка) // Н. Н. Семенов (ред.). *Вариативность в германских языках (функциональные аспекты)*. М., 1996. С. 45—56.
- Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 41—54.
- Недялков (ред.) 1983 — В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983.
- Недялков 1981 — В. П. Недялков. Типология деривации результативов // *Проблемы дериватологии*. Вып. 2. Пермь, 1981. С. 161—164.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 5—41.
- Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: Сб. в честь В. М. Живова*. М., 2006. С. 193—214.
- Стеблин-Каменский 1953 — М. И. Стеблин-Каменский. *История скандинавских языков*. М.; Л., 1953.
- Сухачев, Горенко 2001 — Н. Л. Сухачев, Г. М. Горенко. Ретороманский язык // *Языки мира: Романские языки*. М., 2001. С. 335—364.
- Холодович 1937 — А. А. Холодович. Синтаксис японского военного языка (язык военной документации). М., 1937.

- Холодович 1979 — *A. А. Холодович*. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский 1983 — *В. С. Храковский*. Результатив и пассив в арабском языке // *В. П. Недялков* (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 166—172.
- Чернин, Хакина 2000 — *В. Ю. Чернин, Е. И. Хакина*. Идиш язык // *Языки мира: Германские языки. Кельтские языки*. М., 2000. С. 150—170.
- Эдельман 2002 — *Д. И. Эдельман*. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2002.
- Юшманов 1928/1985 — *Н. В. Юшманов*. Грамматика литературного арабского языка. М., 1985 (1-е изд. Л., 1928).
- Abeillé, Godard 2002 — *A. Abeillé, D. Godard*. The syntactic structure of French auxiliaries // *Language*. 78. 3. 2002. P. 404—452.
- Abraham 1992 — *W. Abraham*. Event structure accounting for the emerging periphrastic tenses and the passive voice in German // *G. W. Davis, G. K. Iverson* (eds.). *Explanation in Historical Linguistics*. Amsterdam, 1992. P. 1—16.
- Abraham 1999 — *W. Abraham*. Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia linguistica*. XXXIII/1. 1999. P. 1—18.
- Abraham 2004 — *W. Abraham*. The European Emergence of the Periphrastic Perfect: An Autonomous, Parsing-Driven Development // *Теоретические проблемы языкознания: Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания филол. фак-та С.-Петербургского гос. ун-та*. СПб., 2004. С. 224—247.
- Allan et al. 1995 — *R. Allan, P. Holmes, T. Lundskær-Nielsen*. *Danish: A Comprehensive Grammar*. London; N. Y., 1995.
- Anderson 1982 — *L. Anderson*. The 'perfect' as a universal and as a language-specific category // *P. Hopper* (ed.). *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics*. Amsterdam, 1982. P. 227—264.
- Aranovich 2003 — *R. Aranovich*. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish // *Studies in Language*. 27:1. 2003. P. 1—37.
- Bentley, Eythorsson 1999 — *D. Bentley, Th. Eythorsson*. Alternation according to Person in Italo-Romance // *Historical Linguistics 1999: Selected papers from the 14th International Conference on Historical Linguistics, Vancouver, 9—13 August 1999*. Amsterdam, 1999. P. 63—74.
- Bentley, Eythorsson 2004 — *D. Bentley, Th. Eythorsson*. Auxiliary Selection and the Semantics of Unaccusativity // *Lingua*. 114. 4. Apr. 2004. P. 447—471.
- Bergeton 2004 — *U. Bergeton*. The Independence of Binding and Intensification: PhD Thesis / Univ. of South California, 2004 (www-scf.usc.edu/~bergeton/dissertation.htm).
- Burzio 1981 — *L. Burzio*. *Intransitive Verbs and Italian Auxiliaries*. Dissertation: MIT. 1981.
- Burzio 1986 — *L. Burzio*. *Italian Syntax: a Government-Binding Approach*. Dordrecht, 1986.
- Bybee et al. 1994 — *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. *The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London, 1994.
- Carey 1994 — *K. Carey*. The Grammaticalization of the Perfect in Old English: An Account Based on Pragmatics and Metaphor // *W. Pagliuca* (ed.). *Perspectives on Grammaticalization*. Amsterdam, 1994. P. 103—117.

- Cennamo 2002 — *M. Cennamo*. La selezione degli ausiliari perfettivi in napoletano antico: fenomeno sintattico o sintattico-semantico? // *Archivio Glottologico Italiano*. 87. 2. 2002. P. 175—222.
- Dahl (ed.) 2000 — *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000.
- Dahl 2000 — *Ö. Dahl*. The Tense-Aspect systems of European languages in a typological perspective // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin; N. Y., 2000. P. 3—25.
- Dahl 2004 — *Ö. Dahl*. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam, 2004.
- Diedrichsen 2002 — *E. Diedrichsen*. Zu einer semantischen Klassifikation der intransitiven haben- und sein-Verben im Deutschen. Ms. Univ. Düsseldorf, 2002 (<http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/sfb282/D3/Diedrichsen%20Perfekt.pdf>).
- Donabédian 1996 — *A. Donabédian*. Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // *Z. Guentchéva* (ed.). *L'Énonciation Médiatisée*. Louvain; Paris, 1996. P. 87—108.
- Dowty 1991 — *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 67. 1991. P. 547—619.
- Embick 2000 — *D. Embick*. Features, Syntax and Categories in the Latin Perfect // *Linguistic Inquiry*. 31. 2. 2000. P. 185—230.
- Giorgi, Pianesi 1997 — *A. Giorgi, F. Pianesi*. *Tense and Aspect*. N. Y., 1997.
- Gold 1998 — *E. Gold*. Structural Differences: The Yiddish Pluperfect and Future Perfect // *Monatshefte für deutschsprachige Literatur und Kultur*. 90. 2. 1998. P. 227—236.
- Harris 1982 — *M. Harris*. The 'past simple' and the 'present perfect' in Romance // *N. Vincent, M. Harris* (eds.). *Studies in the Romance Verb*. London; Canberra, 1982. P. 42—70.
- Helbig, Buscha 1977 — *G. Helbig, J. Buscha*. *Deutsche Grammatik*. Leipzig, 1977.
- Hewson, Bubenik 1997 — *J. Hewson, V. Bubenik*. *Tense and Aspect in Indo-European Languages: Theory, Typology, Diachrony*. Amsterdam; Philadelphia, 1997.
- Hoekstra 1998 — *T. Hoekstra*. Auxiliary selection in Dutch // *Natural Language and Linguistic Theory*. 17. 1998. P. 67—89.
- de Hoop et al. 2004 — *H. de Hoop, M. Haverkort, M. van den Noort*. Variation in form versus variation in meaning // *Lingua*. 114. 2004. P. 1071—1089.
- van Hout et al. 1993 — *A. van Hout, J. Randall, J. Weissenborn*. Acquiring the unergative-unaccusative distinction // *M. Verrips, F. Wijnen* (eds.). *The acquisition of Dutch* (Publikatie nummer 60). Instituut voor Algemene Taalwetenschap, Univ. van Amsterdam. 1993. P. 79—120.
- Keller, Sorace 2003 — *F. Keller, A. Sorace*. Gradient auxiliary selection and impersonal passivization in German: an experimental investigation // *Journal of Linguistics*. 39. 2003. P. 57—108.
- Kuno, Takami 2004 — *S. Kuno, K. Takami*. *Functional constraints in grammar: On the unergative — unaccusative distinction*. Amsterdam, 2004.
- Kuznetsova 2005 — *J. Kuznetsova*. Against the Russian distributive construction with preposition *po* as a diagnostic for unaccusativity // *M. Tasseva-Kurktchieva, S. Franks, F. Gladny* (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 13. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2005. P. 170—180.

- Kytö 1994 — *M. Kytö*. *Be* vs. *Have* with intransitives in English // *F. Fernández et al.* (eds.). *English Historical Linguistics 1992. Papers from the 7th international conference on English historical linguistics*. Valencia, 22—26 September 1992. Amsterdam, 1994. P. 179—190.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, 1995.
- Lieber, Baayen 1997 — *R. Lieber, H. Baayen*. A semantic principle of auxiliary selection in Dutch // *Natural Language and Linguistic Theory*. 15. 1997. P. 789—945.
- Lindstedt 2000 — *J. Lindstedt*. The perfect — aspectual, temporal and evidential // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 365—384.
- Lipson 1999 — *M. Lipson*. Co-variation of of Form and Meaning in the Loss of Auxiliary Selection in English // *R. Eckardt, K. von Heusinger* (eds.). *Meaning Change — Meaning Variation*. Workshop held at Konstanz. Feb. 1999. Vol. I. P. 111—122.
- Lorentz 1925 — *F. Lorentz*. *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache*. Berlin; Leipzig, 1925.
- Lyonnet 1933 — *S. Lyonnet*. *Le parfait en arménien classique*. Paris, 1933.
- Malinowski 1984 — *A. Malinowski*. Distribution and function of the auxiliaries *tener* and *aver* in Judeo-Spanish // *Orbis*. 33. 1984. P. 211—221.
- Marin 1985 — *M. Marin*. Formes verbales périphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains // *Revue roumaine de la linguistique*. 30. 1985. P. 459—468.
- Perlmutter 1978 — *P. Perlmutter*. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1978. P. 212—234.
- Sankoff, Thibault 1977 — *G. Sankoff, P. Thibault*. L'alternance entre les auxiliaires *avoir* et *être* en français parlé à Montréal // *Langue française*. 34. 1977. P. 81—108.
- Sorace 2000 — *A. Sorace*. Gradients in Auxiliary Selection with Intransitive Verbs // *Language*. 76. 2000. P. 859—890.
- Squartini 1999 — *M. Squartini*. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*. 3. 1999. P. 51—89.
- Squartini, Bertinetto 2000 — *M. Squartini, P. M. Bertinetto*. The Simple and Compound Past in Romance languages // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 403—440.
- Stone 1993 — *G. Stone*. Cassubian // *B. Comrie, G. G. Corbett* (eds.). *The Slavonic Languages*. London; N. Y., 1993. P. 759—794.
- de Swart, Molendijk (to appear) — *H. de Swart, A. Molendijk*. In pursuit of the 'perfect' perfect // *P. Caudal* (ed.). *Cahiers Chronos — volume sur le temps et l'aspect*. Amsterdam: Rodopi, to appear.
- Talmy 2000 — *L. Talmy*. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1—2. Cambridge (Mass.), 2000.
- Tommola 2000 — *H. Tommola*. On the perfect in North Slavic // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 441—478.
- Thieroff 2000 — *R. Thieroff*. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 265—308.
- Traugott 1972 — *E. C. Traugott*. *A history of English syntax*. N. Y., 1972.

-
- Tuttle 1986 — *E. Tuttle*. The spread of ESSE as universal auxiliary in Central Italo-Romance // *Medioevo Romanzo*. 11. 1986. P. 229—287.
- Van Valin 1990 — *R. Van Valin*. Semantic parameters of split intransitivity // *Language*. 66. 1990. P. 221—260.
- Vincent 1982 — *N. Vincent*. The Development of the Auxiliaries HABERE and ESSE in Romance // *Studies in the Romance Verb. Essays J. Cremona*. London; Canberra, 1982. P. 71—96.
- Washio 2004 — *R. Washio*. Auxiliary Selection in the East // *Journal of East Asian Linguistics*. 13. 2004. P. 197—256.
- Zaenen 1993 — *A. Zaenen*. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // *J. Pustejovsky* (ed.). *Semantics and the Lexicon*. Dordrecht, 1993. P. 129—161.

НОМИНАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА НЕПРЯМОГО ДОСТУПА *

С. Г. Татевосов

«Толкование лексемы, — пишет Е. В. Падучева в предисловии к „Динамическим моделям в семантике лексики“ [Падучева 2004: 7], — это своего рода структурная формула, наподобие структурной формулы в химии. Формула позволяет давать ответ на многообразные вопросы. Как слово будет реагировать на контекст? Какие семантические компоненты оно готово, под влиянием контекста, включить в свой состав? Какие собственные компоненты отбросить? Какими разными сторонами эта семантическая структура может „поворачиваться“ к говорящим — так, что одни компоненты уходят в тень, а другие выступают на свет, актуализируются, попадают в фокус внимания?» В настоящей статье мы хотели бы затронуть одну частную проблему, непосредственно связанную с предложенной Е. В. Падучевой программой построения динамического словаря, — *проблему непрямого доступа*. Впервые, насколько нам известно, ее эксплицитно сформулировал А. Дзукки ([Zucchi 1999], см. также [Kratzer 2003]).

Эта проблема состоит в том, что, будучи единицами словаря, лексемы, и в частности, глагольные лексемы, недоступны для непосредственного наблюдения. То, что мы наблюдаем, — это лексемы в употреблении, когда они представлены конкретными словоформами в составе предложений, а значение глагола находится под слоем семантической структуры, которая возникает параллельно с синтаксической. Непосредственно не наблюдаемы и семантические свойства, например, глагольной группы: глагольная группа создается глаголом и его аргументами, но в ее состав не входят доминирующие над ней синтаксические вершины (в частности, те, которые заполняются словоизменительными морфемами), каждая из которых вносит собственный вклад в интерпретацию целой клаузы. Постоянная опасность, которая подстерегает

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-00337а). Автор глубоко признателен А. Г. Пазельской и Е. А. Лютиковой за обсуждение и критику первоначальной версии этой статьи.

исследователя из-за проблемы непрямого доступа, — приписать глаголу и/или глагольной группе те характеристики, которые в действительности им не присущи и которые возникают лишь в процессе синтаксической деривации. Найти способ избежать этой опасности — значит быть уверенным, что толкования глагольных лексем, «структурные формулы», которые мы создаем, будут описательно и объяснительно адекватными.

В настоящей статье мы изложим два наблюдения о семантике русских отглагольных имен на *-ние/-тие*, которые указывают, что проблема непрямого доступа имеет решающее влияние на анализ *декаузатива* и *аспектуальной композиции* в русском языке.

1. Аспектуальная композиция и декаузатив в составе клауз

В русском языке наблюдаются два явления, иллюстрируемые в (1)—(2):

(1) *Вася написал письма.*

(2) а. *Вася углубил яму.*

б. *Яма углубилась.*

в. **Яма углубила.*

Предложение (1) показывает широко известный факт, связанный, как считается, с семантикой совершенного вида: интерпретация прямого дополнения ограничена таким образом, что именная группа *письма* вводит в рассмотрение конкретную совокупность писем, заданную в предшествующем контексте, и утверждается, что эта совокупность целиком задействована в описываемой ситуации. Вслед за [Filip 2005b] мы будем называть такую интерпретацию *уникальной максимальной интерпретацией*: ИГ обозначает уникальную совокупность, в которую входят все индивиды определенного класса, имеющиеся в пространстве дискурса. «Кванторный» элемент ('совокупность целиком') в значении (1) является обязательным: предложения типа (3), очевидно, содержат в себе противоречие.

(3) #*Вчера Вася написал письма, но на сегодня осталось еще несколько.*

Предложения (2а—в) показывают другой известный факт: в русском языке декаузативность морфологически маркируется. Подлежащему в непереходном предложении (2б) соответствует прямое дополнение в (2а); семантически (2б) отличается от (2а) отсутствием указаний на то, что изменение состояния пациенса произошло благодаря целенаправленной деятельности агенса¹. Эти

¹ Здесь и далее мы опираемся на семантический анализ декаузативов, предложенных в [Падучева 2001]. Как показывает Е. В. Падучева, в структуре декаузативов

различия, как принято считать, связаны с присутствием возвратного постфикса *-ся*, одним из значений/функций которого является формальное маркирование декаузативности. Лабильные глаголы, которые допустимы и в декаузативной и в переходной клаузе, как показывает, в частности, (2в), для русского языка не характерны².

Явления, иллюстрируемые в (1)—(2), отличают русский язык от языков типа английского.

Во-первых, в отличие от русского языка (а также других славянских и, например, романских), в английском глаголы типа русского *углубить* являются лабильными³:

(4) а. *John deepened the hole.*

Джон углубил яму.

б. *The hole deepened.*

Яма углубилась.

Существуют весьма разнообразные способы анализировать клаузы, аналогичные тем, которые представлены в (4) (см. [Hale, Keyser 1993; 2002; Pustejovski 1995; Kratzer 1996; Rappaport Hovav, Levin 1998; Pyllkkänen 2002; Ramchand 2006; Alexiadou et al. 2006] и мн. др. работы). Большую популярность, в частности, в западной синтаксической и семантической литературе приобрела идея (по-разному реализованная в разных теориях), что лексически у глагола *deep* специфицирован только пациенс — актанта, претерпевающий изменения при осуществлении ситуации, обозначаемой основой. Агенса же возникает в результате специального деривационного процесса. (По поводу того, где локализован этот процесс — в словаре или в синтаксисе — и, соответственно, кто отвечает за этот процесс — особая синтаксическая вершина или нулевая деривационная морфема, — разные теории расходятся.)

Для анализа русского декаузатива эта идея, на первый взгляд, не подходит. Сопоставив (2а) и (2б), мы обнаруживаем, что декаузатив является

отсутствует семантический компонент целенаправленной деятельности агенса, вызывающий изменение состояния пациенса, а присутствует лишь компонент неагентивной каузации, который при этом имеет статус не ассерции, а пресуппозиции.

² Это, по-видимому, верно для любых лабильных глаголов, а не только каузативно-декаузативных, как в (2) (которые часто называются также лабильными глаголами с сохранением пациенса, или Р-лабильными). А-лабиальные глаголы типа *тусовать*, которые могут создавать и переходные (*В этом клубе Вася тусовал своих приятелей*) и непереходные клаузы (*Вчера Вася тусовал в этом клубе*), крайне немногочисленны и к тому же, как кажется, являются лабильными не во всех идиолектах.

³ Более распространенным термином, обозначающим это явление, является, по-видимому, «каузативно-инхоативная альтернатива» (causative-inchoative alternation).

морфосинтаксически производным от переходного глагола и что тем самым у глаголов типа *углубить* словарно заданы два актанта — агенс/каузатор и пациенс, а показатель *-ся* маркирует устранение первого из актантажной структуры.

Во-вторых, оказывается, что аспектуальная композиция в английском языке, то есть то, как глагол взаимодействует со своими аргументами, устроена существенно иначе, чем в русском:

- (5) а. *He wrote the letters in an hour* || ^{??}*for an hour*.
 Он написал письма за два часа || ^{??}два часа.
 б. *He wrote letters *in an hour* || ^{OK}*for an hour*.
 Он писал письма *за два часа || ^{OK}два часа.

Как видно из (5а—б), в отличие от русского языка, глагол в английском языке не накладывает никаких ограничений на интерпретацию прямого дополнения. Та интерпретация, которую имеет русское предложение (1), в английском языке представлена в (5а), где позицию прямого дополнения занимает определенная ИГ *the letters*. Однако в английском языке имеется и другая возможность, иллюстрируемая в (5б), когда прямое дополнение — это неопределенная множественная именная группа *letters*, обозначающая не конкретную совокупность писем, а составленное из писем гомогенное множество. Более того, в (5а—б) именно характеристики прямого дополнения влияют на интерпретацию глагольной группы и всего предложения⁴: (5а) с *the letters* является предель-

⁴ В исследованиях по аспектуальной композиции до сих пор не решен вопрос, как следует сформулировать условие, при котором референциальные свойства именной группы вступают во взаимодействие с предельностью глагольной группы. Одни (в частности, [Verkuyl 1993; 1999; Tenny 1994; van Hout 1996; Borer 2005]) считают, что это происходит, если ИГ занимает позицию прямого дополнения. Действительно, в предложениях типа *Ося загрузил апельсины в бочки* и *Ося загрузил бочки апельсинами* уникальная максимальная интерпретация возникает именно у той ИГ, которая является прямым дополнением: важной оказывается синтаксическая позиция, а не семантическая роль. Другие исследователи (в первую очередь, [Grifka 1989; 1992; 1998]) настаивают, что релевантное условие — инкрементальное отношение между ситуацией и задействованным в ней индивидом, когда части ситуации и части индивида находятся во взаимно-однозначном соответствии. Действительно, в языках типа английского только у инкрементальных предикатов, таких как ‘писать письма’ в (5), свойства аргумента определяют предельность. У неинкрементальных предикатов, как, например, *push (the) carts* ‘толкать тележки’ свойства аргумента на предельность не влияют, хотя этот аргумент и является прямым дополнением, ср. *John pushed the carts for two hours* || **in two hours* и *John pushed carts for two hours* || **in two hours* — оба предложения являются непредельными. Окончательное решение этого вопроса мы оставляем на будущее.

ным, а (5б) с *letters* — непредельным, как видно из сочетания с обстоятельствами типа ‘два часа’ и ‘за два часа’.

В русской аспектологической традиции явления аспектуальной композиции остались почти не замеченными (см. [Падучева 2004], где предлагается обзор релевантных явлений и намечается программа исследования). В западных семантических работах по славянскому глаголу ([Krifka 1992; Piñon 2001; Verkuyl 1999; Paslawska, von Stechow 2003; Filip 1993; 1999; 2005a, b] среди других) эта проблема является одной из центральных. Идея анализа славянской аспектуальной композиции, главное проявление которой мы наблюдаем в (1), очень проста, и ее разделяют практически все исследователи. Сравним (1) с (6):

(6) *Вася писал письма.*

(6) не обнаруживает того ограничения, которое мы видим в (1): речь может идти как о конкретной совокупности писем («the letters») с уникальной максимальной интерпретацией, так и о множестве с неспецифицированным количеством («letters») (в нулевом контексте такая интерпретация, по-видимому, является предпочтительной). Семантически глагол в (6) отличается от (1) совершенным видом, а морфологически — присутствием префикса *на-*. Вывод напрашивается: ответственность за уникальную максимальную интерпретацию прямого дополнения несет совершенный вид, и в той степени, в которой вид определяется наличием префикса, — семантикой этого префикса⁵. Так же, очевидно, объясняется и предельность предложений с *написать* (ср. *написал за два часа* || **два часа* и *писал два часа* || #*за два часа*).

В самом общем смысле в русском и в английском языке действует одна и та же закономерность: предложение является предельным, если, и только если, прямое дополнение имеет уникальную максимальную интерпретацию, как в (1) и (5а). Однако морфосинтаксические реализации этой закономерности существенно различаются: в английском за предельность предложения отвечает прямое дополнение (с одним и тем же глаголом *the letters* вызывают предельность, а *letters* — непредельность), а в русском и в других славянских языках — глагол (если в предложении представлен префигированный глагол совершенного вида типа *написать*, то оно может быть только предельным, а прямое дополнение соответственно допускает только уникальную максимальную интерпретацию).

⁵ Не все, префиксы, конечно, делают уникальную максимальную интерпретацию обязательной. Этим свойством не обладают так называемые внешние префиксы [Svenonius 2003; Ramchand 2004; Di Sciullo, Slabakova 2005] — делимитативный префикс *по-*, инхоативный *за-* и пердуративный *про-*. Например, в предложении *Вася немного написал письма*, очевидно, речь не идет об определенной совокупности писем, которая полностью исчерпана после осуществления описываемой ситуации.

Итак, наблюдения над поведением русских глаголов в составе клауз позволяют сделать два обобщения:

- (7) Глаголы типа *углубить*, которые имеют декаузативную пару с показателем *-ся*, являются лексически переходными.
- (8) Префигурованные глаголы совершенного вида типа *написать* накладывают ограничение на интерпретацию глагольных аргументов и делают глагол предельным.

Эти обобщения, однако, в общем случае неверны. Но увидеть это невозможно, пока мы принимаем к рассмотрению исключительно свойства глагольных основ в составе клауз, и именно в этом дает о себе знать проблема непрямого доступа. Далее нам предстоит, во-первых, рассмотреть материал номинализаций, который невозможно объяснить, если (7)—(8) верны, а во-вторых — убедиться, что номинализации обеспечивают более прямой доступ к свойствам глагола и глагольной группы.

2. Декаузативность в отглагольных существительных

Русские отглагольные существительные на *-ние/-тие* исследованы если не исчерпывающие, то, по крайней мере, весьма глубоко (см. [Падучева 1977; 1984; 1991; 2001], а также приводимую там литературу; из недавних работ — [Пазельская 2006]). Известно, в частности, что они допускают как событийную, так и предметную интерпретации (ср. *углубление* ‘увеличение глубины’ и ‘впадина’). Кроме того, как убедительно показала А. Г. Пазельская [2006], отглагольные имена типа *углубление*, производные от глаголов типа *углубить*, при событийном прочтении неоднозначны:

- (9) *углубление ямы*

При одной интерпретации *углубление* представляет собой результат целенаправленных усилий агенса, и в этом случае номинализованная конструкция аналогична по семантике переходной клаузе в (2а). Как известно, у отглагольных имен на *-ние*, образованных от глаголов типа *углубить*, обязателен только второй (как правило, пациентивный) аргумент⁶, а первый факультативный.

⁶ Степень обязательности второго аргумента, называемого иногда *внутренним*, у отглагольных имен, по-видимому, подчиняется ограничению, которое сформулировали Б. Левин и М. Раппапорт Ховав [Rapport Hovav, Levin 1998]: если исходный глагол обладает событийной структурой свершений (accomplishments) или, что то же самое, относится к классу глаголов результата (result verbs), внутренний аргумент обязателен (ср. **Вася углубил* и #*углубление* — если второй аргумент отсутствует, имя не может иметь событийной интерпретации). Глаголы способа (manner verbs), обла-

тивно (хотя и с определенными ограничениями) выражается адьюнктом в творительном падеже. Кроме того, его присутствие можно обнаружить по агентивно-ориентированным обстоятельствам типа *намеренно* или *целенаправленно* и возможности контроля нулевого подлежащего в целевых адьюнктах. Примеры (10а—в) однозначно свидетельствуют, что агентивная интерпретация для (9) легко допускается.

- (10) а. *углубление ямы дорожными рабочими*
 б. *углубление ямы с целью сделать дорогу непроходимой для боевиков*
 в. *углубление ямы целенаправленно*⁷

Имеется, однако, и вторая, декаузативная интерпретация, при которой углубление ямы происходит без целенаправленной деятельности агенса и без указания на каузацию. В этом случае отглагольное существительное семантически соответствует декаузативу с показателем *-ся*, представленному в (2б).

- (11) *Ученые с интересом наблюдают за постепенным углублением Марианской впадины, которое особенно ускорилось в последние пять лет.*

Аналогично ведут себя в составе отглагольных имен и другие глагольные основы, от которых образуются декаузативные пары с показателем *-ся*. Извлеченные из корпуса примеры (12)—(13), в частности, иллюстрируют декаузативную и агентивную интерпретации существительного *наполнение*, соответствующего в одном случае глаголу *наполнять*, а в другом — *наполняться*:

- (12) *Недогруженный сухогруз теперь нельзя выводить из порта из-за нарушенной устойчивости, а другие компании отказываются догружать свое зерно — может не хватить на наполнение своих сухогрузов.* (агентивная интерпретация)
- (13) *За последние годы геологами и гляциологами было открыто множество водоемов, образовавшихся вследствие прорыва естественных ледяных плотин, или перелива талых вод через их край, или бурного наполнения рек влагой, вырвавшейся из-под ледников.* (декаузативная интерпретация)

дающие событийной структурой деятельности (activities), имеют факультативный внутренний аргумент (ср. *Вася писал* и *писание* — имя допускает событийную интерпретацию и без внутреннего аргумента). О глаголах способа и результата см. также [Кустова 2004: 48—49].

⁷ Оценка приемлемости наречий в составе конструкций с отглагольным именем на *-ние* варьирует у разных носителей. В нашем диалекте русского (10в) является грамматически допустимым, хотя и стилистически неудачным. Заметим также, что русские корпуса дают достаточно примеров употребления наречий в составе номинализаций.

Согласно обобщению, сформулированному в (7), в актантной структуре глаголов типа *углубить* и *наполнить* присутствуют два аргумента — агенс/каузатор и пациенс, и в свете этого агентивные употребления отглагольного существительного в (10) и (12) объяснимы и ожидаемы. Неожиданны и труднообъяснимы, однако, декаузативные употребления в (11) и (13) — куда, в самом деле, исчезает информация о наличии первого аргумента, которая, как мы предполагаем, задана лексически?

Попытки выйти из этого положения, сохранив обобщение (7) в неприкосновенности, приводят, как кажется, к довольно антиинтуитивным допущениям. Если основа *углуб-* переходная, то очевидно, что случаи типа (11) и (13) — это не «залоговое преобразование» и не «диатетический сдвиг» (поскольку по определению и то и другое сохраняет количество аргументов), а понижающая актантная деривация — такая же точно, как в (2б), где она маркируется показателем *-ся*. Однако в таком случае это весьма необычная для русского языка (да и с типологической точки зрения) понижающая актантная деривация — она применяется только к именам, не имеет никакого морфосинтаксического носителя, а дериват ничем морфологически не отличается от исходной основы.

Далее, если случаи типа (11) и (13) анализировать как декаузативную деривацию, мы теряем из виду самое важное наблюдение: с точки зрения каузативной и декаузативной интерпретации русские отглагольные имена ведут себя точно так же, как английские финитные клаузы в (4).

Из этого вытекает простой вывод: глагольная основа в отглагольных именах является лабильной. Это означает, что обобщение (7) надо ограничить, сузив сферу его применения до клауз и изъяв из-под его юрисдикции отглагольные существительные:

- (14) В составе клауз глаголы типа *углубить* являются переходными и имеют декаузативную пару с показателем *-ся*. В составе конструкций с отглагольными именами глаголы типа *углубить* являются лабильными.

(14) как будто описывает все наблюдаемые факты, однако по сравнению с (7) в одном отношении мы сделали шаг назад: (14) не дает никакого ответа на главный вопрос: какая информация для глаголов типа *углубить* задана лексически. К ответу на этот вопрос мы вернемся вскоре — после того как увидим, что не только декаузативность, но и аспектуальная композиция у отглагольных имен устроена иначе, чем у клауз.

3. Аспектуальная композиция в отглагольных существительных

Как мы видели выше, префигированные глаголы совершенного вида делают обязательной уникальную максимальную интерпретацию второго аргумента, и в этом состоит обобщение (8). Однако рассмотрим (15):

- (15) *После написания писем я занялся чтением партитуры «Лоэнгрина», которую взял с собой.*

Интуиция носителей русского языка, которым мы предъявляли этот и аналогичные примеры, совершенно отчетлива: предпочтительной интерпретацией ИГ *писем* является, как и в финитной клаузе в (1), уникальная максимальная, а предпочтительной интерпретацией выражения *написание писем* в целом — предельная. Предпочтительной, однако, в отличие от (1), не единственной.

Как показывает (3), эксплицитное указание на то, что существуют письма вне совокупности, задействованной в ситуации ‘написать письма’, вызывает противоречие. Применив этот же тест к отглагольным именам типа *написание*, мы обнаруживаем, что аналогичного противоречия не возникает:

- (16) *Написание писем продолжалось четыре часа, но закончить мы не успели — на завтра осталось еще с полсотни.*

Более того, интуиция подсказывает, что ИГ *писем* в данном случае вовсе не обозначает максимальную индивидуированную совокупность («the letters»), а лишь неопределенное множество с неспецифицированным количеством («letters»). Кроме того, выражение *написание писем* в этом случае является неопредельным⁸.

Как и в случае с декаузативом, можно заметить, что в русских конструкциях с отглагольными именами аспектуальная композиция устроена иначе,

⁸ Наиболее распространенная диагностика предельности, которая используется для клауз, — обстоятельства типа *за два часа* и *два часа* — для отглагольных имен применима только наполовину. Обстоятельства типа *за два часа* в составе номинализаций маргинальны, но грамматичны, особенно в комбинации со шкальным показателем *всего* — ср. *наполнил ванну за пять минут* и *наполнение ванны (всего) за пять минут*. Однако обстоятельства типа *два часа* неприменимы к отглагольным именам в принципе, ср. *пел два часа* и **пение два часа*. На помощь в этом случае может прийти другой тест на неопредельность, предложенный в [Verkuyl 1972], — критерий сочинения. Он состоит в том, что неопредельные предикаты в контексте сочиненных обстоятельств времени могут обозначать единую ситуацию, осуществляющуюся без временных разрывов. Предложение *John ran at 2 p.m. and at 3 p.m.* ‘Джон бежал/бегал в два часа и в три часа’ будет истинно, если Джон бегал, не прерываясь, в промежутке с двух до трех. (Для предельных предикатов с сочиненным обстоятельством времени такая интерпретация невозможна — они с необходимостью обозначают ровно две различные ситуации, ср. *John ran a mile at 2 p.m. and at 3 p.m.* ‘Джон пробежал милю в два часа и в три часа’.) В контекстах типа (16) *написание писем в два часа и в три часа* проходит тест на неопредельность — когда «замеры», сделанные в два часа и в три часа, показывают, что в обоих точках имеет место одна и та же ситуация.

чем в русских клаузах, зато точно так же, как в английских клаузах. Действительно, в (16) неопределенная интерпретация предиката возникает бок о бок с неопределенной интерпретацией внутреннего аргумента, как это имеет место в (5б), а в (15) предельная интерпретация — с уникальной максимальной интерпретацией, как в (5а). Таким образом, обобщение (8) также нуждается в существенном уточнении:

- (17) Если префигурованный глагол совершенного вида типа *написать* употребляется в составе клаузы, это ведет к предельности глагольного предиката и к уникальной максимальной интерпретации у его аргумента. Если глагол употребляется в составе отглагольного имени, допускается как предельность, так и неопределенность, а ограничения на интерпретацию аргументов отсутствуют.

Это важное различие в грамматическом поведении отглагольных имен и глаголов в составе клауз трудно объяснить, опираясь на допущение, что предельность и уникальная максимальная интерпретация связаны с совершенным видом. Если совершенный вид настаивает на этой интерпретации, то почему это происходит только тогда, когда глагольная группа построена в клаузу? И если совершенный вид предполагает предельность, то почему она делается необязательной для отглагольных имен?

Как и в случае с декаузативной интерпретацией, мы можем предположить, что в составе номинализаций присутствует фонологически пустая морфема, которая отменяет все семантические эффекты, навязываемые совершенным видом. Однако с таким объяснением возникает аналогичная проблема: показатель не имеет морфологического носителя, и производная структура оказывается формально неотличима от исходной.

Еще одно возможное объяснение особенностей аспектуальной композиции и выражения декаузативности у отглагольных имен могло бы состоять в том, что ни актантная структура, ни аспектуальные свойства у отглагольных имен и глаголов попросту не связаны друг с другом и приписываются независимо в словаре. При таком подходе мы не ожидаем, что свойства отглагольных имен должны соответствовать свойствам глагола, и проблемы, описанные выше, как будто снимаются. Однако, во-первых, такой анализ противоречит очевидной интуиции — предикаты, обозначаемые выражениями *написал письмо* и *написание письма*, содержат в своем экстенсionale одни и те же события, а именные группы имеют одну и ту же семантическую роль. Однако если их актантные структуры и аспектуальные свойства формально не связаны друг с другом, сделать эту интуицию явной невозможно. Во-вторых, как мы видели, свойства отглагольных имен в действительности отличаются от свойств глаголов в составе клауз отнюдь не произвольным образом.

Учитывая это, наилучшей представляется другая стратегия объяснения обсуждаемых выше фактов. Отглагольные имена не сложнее, а проще, чем клаузы. И те и другие имеют некоторую общую часть синтаксической и семантической структуры. Кроме нее, однако, клаузы имеют дополнительную структуру, которой лишены имена, и именно эта дополнительная структура создает различия, которые мы только что наблюдали. Соответственно, именно отглагольные имена дают нам более точную картину того, как устроены глагол и глагольная группа — их свойства закрыты для обозрения меньшим количеством семантических и синтаксических наслоений.

В следующем разделе мы сформулируем эту идею несколько более эксплицитно.

4. Деривация отглагольных существительных

4.1. Отглагольное имя как синтаксический объект

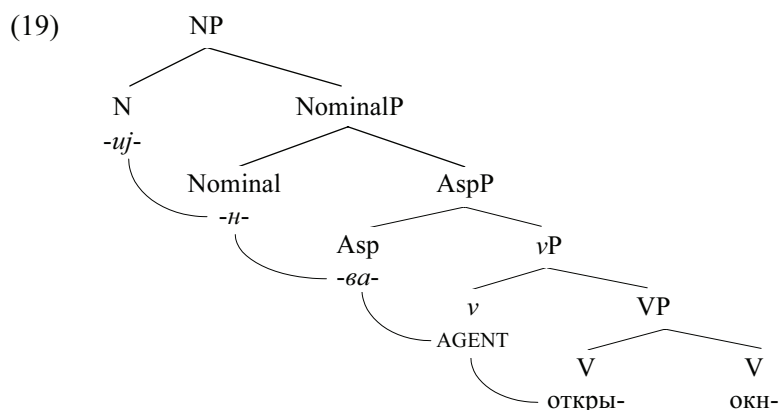
В последние годы в западных работах по номинализации ведутся энергичные дискуссии о ее синтаксической структуре⁹. Строго лексикалистский подход к некоторым типам номинализаций, который, благодаря статье [Chomsky 1970], долгое время господствовал в теоретической литературе, постепенно сменился представлением о том, что номинализации с событийной референцией и обязательным внутренним аргументом представляют собой продукт синтаксической деривации и содержат в своей структуре по меньшей мере глагольную группу. Кроме того, в литературе широко обсуждались данные, указывающие на присутствие в составе номинализаций целого ряда языков группы малого, или легкого глагола (νP), в которую вкладывается глагольная группа VP, а также, возможно, и доминирующих над νP функциональных проекций, в частности, аспектуальной проекции AspP (см. обзор различных подходов в [Alexiadou 2005], а также литературу к этой статье). Существенно, однако, что в составе номинализаций присутствует лишь часть функциональной структуры, которая представлена в клаузе (например, почти ни в одном из обсуждавшихся в литературе языков номинализации не могут иметь подлежащее в номинативе или обладать собственной временной референцией, а значит, они лишены функциональной вершины T(ense)).

В [Pazelskaya, Tatevosov 2005; Пазельская, Татевосов (в печати)] мы обосновываем для русских отглагольных имен анализ, при котором именная

⁹ В дискуссии участвуют, главным образом, исследователи, работающие в генеративной парадигме. За невозможностью в пределах этой статьи перевести дискуссию на язык функционально-когнитивной лингвистики, ниже мы будем использовать некоторые понятия и единицы анализа, принятые среди генеративистов.

морфология — показатель *-н/-т*, общий для страдательных причастий и отглагольных существительных, а также собственно показатель существительного *-иј* — присоединяется не непосредственно к глаголу, а к целой синтаксической составляющей. В русском языке имеется несколько составляющих, допускающих номинализацию: минимально это VP, состоящая из глагола и его второго аргумента, а максимально — проекция, которую мы обозначаем как *AspP*. Ее, в частности, может возглавлять показатель вторичного имперфектива *-(ы)ва*¹⁰. Соответственно, структура конструкций типа *открывание окна* в (18) выглядит (с точностью до падежной морфологии)¹¹, как показано в (19):

(18) *Открывание окна производится каждый час.*

Как видно из (19), каждая из морфем, участвующих в образовании существительного *открывание*, возглавляет собственную функциональную проекцию и соединяется с основой *откры-* посредством циклического передвиже-

¹⁰ Морфосинтаксический материал, который вводится после суффикса «вторичного имперфектива», образует конструкции, не допускающие номинализации. В частности, не существует отглагольных имен от основ с внешними префиксами (см. прим. 5) *по-* (делимитатив) и *на-* (аккумулятив), которые присоединяются «поверх» вторичного имперфектива. Ср. *открывал дверь* — *открывание двери* vs *пооткрывал дверь* (*и бросил это дело, потому что замок намертво заклинило*) — **пооткрывание двери*, а также *наоткрывал дверей* (*и теперь по всему зданию гуляют сквозняки*) — **наоткрывание дверей*. В [Pazelskaya, Tatevosov 2005] мы рассматриваем эти ограничения как свидетельство того, что проекция, вершиной которой является показатель *-ыва*, — это тот синтаксический максимум, который можно разместить внутри именных проекций.

¹¹ О механизме приписывания падежа второму аргументу см., например, [Rapraort 2001].

ния сначала вершины V к вершине v , затем комплекса $[v \ v \ V]$ — к вершине Asp и так далее (передвижения обозначены на схеме дугами).

4.2. Декаузатив

Если анализ в (19) верен, для объяснения того факта, что конструкции типа *наполнение ведра* допускают две интерпретации — агентивную и декаузативную, — достаточно двух дополнительных допущений. Во-первых, так же, как в английском языке, лексически у основ типа *наполн-* задан лишь второй аргумент с семантической ролью пациенса. Роль агенса приписывается вершиной v , а соответствующая именная группа занимает позицию $[Spec, vP]$, если создается клауза, и получает экзистенциальную интерпретацию ('существует такой объект, что он является агенсом в ситуации, которую описывает VP ') в номинализациях (а также в «страдательных причастиях», см. ниже). Во-вторых, номинализации в русском языке могут подвергаться как глагольные группы VP , так и группы малого глагола vP . При такой системе допущений две интерпретации конструкций типа *наполнение ведра* оказываются структурно и, как следствие, семантически различны. Их синтаксический и семантический анализ представлен в (20)—(21):

(20) агентивная интерпретация

а. [... $[NP$ -и]- $[NominalP$ -н- $[vP$ AGENT $[vP$ наполн- ведр-]]]]

б. $\lambda e \exists s \exists x [Agent(x)(e) \wedge \text{наполн}'(e) \wedge Patient(\text{ведро}') (e) \wedge \text{полн}'(s) \wedge Arg(\text{ведро}') (s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$

(21) декаузативная интерпретация

а. [... $[NP$ -и]- $[NominalP$ -н- $[vP$ наполн- ведр-]]]]

б. $\lambda e \exists s [\text{наполн}'(e) \wedge Patient(x)(e) \wedge \text{полн}'(s) \wedge Arg(\text{ведро}') (s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$

Синтаксически агентивная интерпретация отличается от декаузативной наличием вершины v , в которой помещается фонологически пустая морфема, сигнализирующая о наличии агенса в структуре ситуации¹². Наличие этой

¹² Технически мы анализируем эту морфему как предикат над событиями $\lambda e \exists x. Agent(x)(e)$, то есть как множество таких событий, в которых имеется агенс. В составе номинализаций, таким образом, допускается только «дефектный» [Alexiadou 2001] легкий глагол, предполагающий экзистенциальную интерпретацию агентивного участника ситуации. Этим номинализации отличаются от полноценных клауз, в которых вершина v заполняется двухместным отношением между индивидами и событиями $\lambda x \lambda e. Agent(x)(e)$ [Kratzer 1996], то есть содержит открытую аргументную позицию. Заметим также, что агенс — это лишь одна из возможностей заполнения вершины v . Другая — неагентивный каузатор, как в предложениях типа *Порыв ветра*

морфемы и определяет семантическое различие между (20) и (21). В (20б) мы имеем множество событий, в которых наполнение, вызвавшее переход ведра в состояние ‘быть полным’, происходило с участием агенса. Событийный предикат в (21б) содержит в своем экстенсionale аналогичные события, но без указания на участие агенса. В обоих случаях, естественно, VP имеет одну и ту же семантику — семантику неагентивного изменения состояния. Поэтому термин «декаузатив», строго говоря, является не вполне адекватным: безагентивная структура в (21) образуется не *от* каузативной структуры, а *до* каузативной структуры.

Сильной стороной анализа в (20)—(21), помимо всего прочего, является то, что он правильно предсказывает диапазон интерпретаций страдательных причастий типа *наполнен*. Поскольку эти причастия имеют с отглагольными именами общий показатель *-н/-т* (*наполнение* — *наполнен*, *открытие* — *открыт*), который, по нашей гипотезе, возглавляет специальную проекцию NominalP (см. (19)), естественно предположить, что синтаксический материал, над которым непосредственно доминирует этот показатель, у причастий и отглагольных имен один и тот же. Из этого следует, что причастия должны демонстрировать такую же неоднозначность, как и отглагольные имена. Это действительно так: выражение *ведро наполнено* может описывать состояние ‘быть полным’, возникшее как в результате целенаправленных усилий агенса, так и без них. Например, высказывание *Ведро наполнено до краев* вполне применимо к ведру, в которое налилась дождевая вода, потому что его случайно не занесли в дом (ср. обсуждение материала английских причастий в [Kratzer 2003]). Именно такой набор возможностей и предсказывает наш анализ.

Такой взгляд на декаузатив — когда он устроен семантически и синтаксически проще, чем каузатив, а лексически у глагола специфицирован только внутренний аргумент [Kratzer 1996], — как мы уже отметили, присущ целому ряду теоретических подходов, в частности, теории лексического синтаксиса [Ramchand 2003; 2006]. В этой теории примерно такой анализ (если не брать в расчет технических деталей) получает каузативно-инхоативная альтернатива в английском и аналогичных языках. Такое же понимание, очевидно, отражает и идея Е. В. Падучевой о том, что декаузатив является семантически непроеизводным, более простым членом каузативно-декаузативной пары.

Наш анализ номинализаций в (20)—(21) эксплицитно утверждает, что английский и русский языки до некоторого уровня синтаксической деривации — по крайней мере, до уровня *vP* — устроены абсолютно одинаково: и

открыл окно или имя с событийной интерпретацией *Постоянные войны истоцили казну* (пример Е. В. Падучевой [2001]).

там и там у глагольных основ типа *углуб-* и *наполн-* задан только второй аргумент; и там и там VP описывают только изменение состояния этого аргумента, то есть имеют декаузативную интерпретацию, и там и там появление первого аргумента и, соответственно, агентивная интерпретация связаны с проекцией *vP*, вершина которой содержит информацию о наличии агенса.

Различие между русским и английским, а также между номинализациями и клаузами внутри русского языка возникают на более поздних этапах синтаксической деривации — когда создается система функциональных проекций над *vP*, которые в русском языке не могут оказаться внутри номинализаций. Именно этот морфосинтаксический материал, по-видимому, и несет ответственность за то, что предложения типа *Яма углубила* ('яма углубилась') или *Ведро наполнило* ('ведро наполнилось') в русском языке невозможны.

Интуиция подсказывает, что перед глагольной группой [*vP* *наполн-* *ведр-*], если она желает не сделаться частью номинализации, а продолжить свое существование в качестве клаузы, открываются две возможности. Во-первых, присоединить показатель декаузатива *-ся* и создать клаузу с единственным аргументом. Во-вторых, внедрить в создаваемую структуру внешний аргумент и сделаться переходной клаузой.

На этом этапе нам требуется полный и исчерпывающий анализ структуры клаузы в русском языке и, в частности, анализ того, какую позицию в этой структуре занимает грамматическая морфема *-ся*. Такой анализ мы в данный момент не готовы предложить¹³, однако общая его идея могла бы состоять в следующем. В составе клаузы существует вершина, заполняемая показателем *-ся*. Селективные свойства этой вершины требуют присутствия в структуре клаузы проекции VP, а не *vP*. Предложение *Ведро наполнилось*, в частности, обладает конфигурацией, представленной в (22a). Если, далее, верно, что в каузативно-декаузативных парах типа *наполнить—наполниться* отсутствие *-ся* является значимым, то в переходной клаузе в этой же позиции находится фонологически пустая морфема (назовем ее \emptyset_{TR}), которая требует наличия *vP*

¹³ В существующей литературе обсуждалось несколько возможностей, которые можно использовать при построении желаемого анализа. С одной стороны, следуя направлению, заданному в [Baker et al. 1990], декаузативное *-ся* можно анализировать как морфему, заполняющую вершину *v*. С другой стороны, С. Харвс [Harves 2002] резервирует эту позицию для пассивного *-ся*, а декаузативное *-ся* предлагает рассматривать как функциональную вершину, доминирующую над VP. Вершина *v* в декаузативных структурах в ее анализе не создается вовсе. Наконец, можно даже предположить, что при образовании декаузатива *-ся* заполняет аргументную позицию — такое предположение по крайней мере соответствует нашим знаниям о диахроническом развитии этой бывшей возвратной клитики (см., впрочем, [Pereltsvaig 2006], где приводится сумма аргументов против такого анализа).

вскопался и *Пол сам подмелся* — «такое бывает в сказках»: на подлежащее в этих случаях наводится агентивная интерпретация, обусловленная лексическими ограничениями, и оно осмысливается как индивид, осуществляющий целенаправленную деятельность и контролирующей развитие ситуации. Соответственно, глаголы такого типа не могут не создавать *vP* — в противном случае их словарно заданный первый аргумент не будет синтаксически реализован, — а значит, они возможны в переходных структурах типа (22б), но не в декаузативных структурах типа (22а). Таким образом, замеченная Е. В. Падучевой корреляция между ролевой подвижностью первого аргумента и возможностью образовать декаузатив получает объяснение.

Подведем итог. Допущение о том, что у основ типа *наполн-* лексически задан только второй аргумент, пациенс, а первый создается в синтаксисе, позволяет получить эффективное и простое объяснение того, почему у отглагольных существительных типа *наполнение* допускаются две интерпретации — агентивная и декаузативная. Это же допущение предполагает, что на определенных стадиях синтаксической деривации языка типа русского и типа английского устроены абсолютно одинаково — как кажется, это также можно рассматривать как желательный результат. Но главный эмпирический итог настоящего раздела состоит в том, что увидеть эти факты мы смогли только благодаря номинализациям, где, как мы предположили, представлено меньше синтаксической (а значит, и семантической) структуры, чем в финитных клаузах.

4.3. Аспектуальная композиция

Примерно такую же линию аргументации, как для декаузатива, мы предлагаем и для объяснения особенностей аспектуальной композиции в номинализациях. Информация о том, что зависимыми префигированных основ совершенного вид могут быть только ИГ с уникальной максимальной интерпретацией, содержится в синтаксической вершине, которая обязательна в клаузах. Однако номинализация в русском языке возможна до того, как эта вершина вступает в игру.

В [Pazelskaya, Tatevosov 2005] мы анализируем номинализации типа *написание писем*, как показано в (24):

(24) [... [NP -и] - [NominalP -Н- [vP AGENT [vP написа- [DP письм-]]]]]

В (24) глагольная группа (VP) состоит из вершины, которую заполняет глагольная основа *написа-*, и зависимой от нее именной группы *письм-*. В [Pazelskaya, Tatevosov 2005] мы обосновываем, что особенностью префигированных основ типа *написа-* является эксплицитное указание на результи-

рующее состояние, которого достигает внутренний аргумент. (Этим префигурованные основы отличаются от непрефигурованных; результирующее состояние — это семантический вклад префикса в интерпретацию основы. Префигурованные основы, таким образом, имеют событийную структуру класса свершений (accomplishments), см. [Dowty 1979; Rappaport Hovav, Levin 1998; Rothstein 2004] среди мн. др. Семантическое представление основы *написа-* показано в (25):

$$(25) \lambda y \lambda x \lambda s \lambda e [\text{Agent}(x)(e) \wedge \text{писа}'(e) \wedge \text{Patient}(y)(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{написа}'(s) \wedge \text{Arg}(y)(s)]$$

Именная группа *письма* допускает две интерпретации, представленные в (26):

$$(26) \text{ а. } \lambda R_{\langle e, \langle s, t \rangle \rangle} \lambda e \exists y [\text{письма}'(y) \wedge R(y)(e)]$$

$$\text{ б. } \sigma y. \text{письма}'(y)$$

В первой интерпретации (26а) именная группа имеет логический тип обобщенного квантора $\langle\langle e, \langle s, t \rangle \rangle, \langle s, t \rangle\rangle$ (ср. [Pignon 2001]) и обозначает функцию из двухместных отношений между индивидами и событиями в одноместные событийные предикаты. (26а) соответствует неопределенно-множественному прочтению именной группы, при котором индивидуальная переменная связана квантором существования ('существуют такие письма, что VP'). Вторая интерпретация (26б), при которой именная группа имеет индивидуальный тип e , получается применением оператора σ [Link 1983], который отображает одноместный предикат над индивидами в максимальный индивид, состоящий из всех элементов экстенционала этого предиката. (26б) соответствует уникальной максимальной интерпретации ИГ, которая обсуждалась выше.

Результатом семантической деривации отглагольного имени в (24) для этих двух случаев являются событийные предикаты в (27) (промежуточные шаги деривации для краткости опустим, см. [Pazelskaya, Tatevosov 2005]):

$$(27) \text{ а. } \lambda e \exists x \exists y \exists s [\text{Agent}(x)(e) \wedge \text{письма}'(y) \wedge \text{писать}'(e) \wedge \text{Patient}(y)(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{написа}'(s) \wedge \text{Arg}(y)(s)]$$

$$\text{ б. } \lambda e \exists x \exists s [\text{Agent}(x)(e) \wedge \text{писать}'(e) \wedge \text{Patient}(\sigma y. \text{письма}'(y))(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{написа}'(s) \wedge \text{Arg}(\sigma y. \text{письма}'(y))(s)]$$

Рассмотрим эти предикаты с точки зрения свойства *неподразделимости*, или *квантованности*. (Предикат обладает свойством квантованности, если никакой элемент его экстенционала не является собственной частью никакого другого элемента. Например, предикат *спать* не является квантованным, поскольку если верно, что некоторый индивид спал с 8 вечера до 8 утра, то верно и то, что он спал с полуночи до часу ночи. Предикат *растать*, напротив,

является квантованным: если он описывает событие, которое началось в 8 вечера и закончилось в 8 утра, то происходившее между полночью и часом ночи нельзя описать как *растаял*. Квантованность, таким образом, является эквивалентом предельности, см. [Krifka 1989; 1992].) Нетрудно увидеть, что предикат в (27б) является квантованным, а в (27а) — не является.

Действительно, если e — это событие ‘писать’, в котором максимальный индивид, состоящий из всех писем, представленных в текущем контексте, был задействован в качестве пациента, а затем вошел в результирующее состояние ‘быть написанным’, то никакая собственная часть этого события не охватывает этот индивид целиком (а охватывает лишь некоторую его часть), а значит, не входит в экстенционал предиката. Предикат в (27б), таким образом, является квантованным. В (27а) если e — это событие, такое что существуют письма, которые в ходе этого события были написаны и достигли результирующего состояния ‘быть написанным’, то для e' , собственной части e , также найдутся письма, которые были написаны в ходе e' и достигли своего результирующего состояния. (Естественно, письма, написанные в ходе e' , представляют собой собственную часть писем, написанных в ходе e .) Таким образом, и e и e' являются элементами экстенционала предиката в (26а), а значит сам предикат является неквантованным, то есть непредельным.

Существенным результатом этого анализа является то, что наличие префикса, задающего результирующее состояние в семантическом представлении основы, не гарантирует предельности предиката. Предельность, напротив, определяется интерпретацией ИГ: ИГ с неопределенно-множественной интерпретацией, как в (26а), создают непредельные предикаты, а ИГ с уникальной максимальной интерпретацией (см. (26б)) создают предельные предикаты. Этот анализ, таким образом, правильно предсказывает диапазон интерпретаций, который мы наблюдали у отглагольных имен в (15)—(16). Более того, этот анализ эксплицитно показывает, что на уровне νP , где происходит создание отглагольного имени в случаях типа *написание писем*, аспектуальная композиция в русском и английском языках устроена абсолютно одинаково — предельность предиката определяется характеристиками инкрементального аргумента.

Что касается клауз, то наша гипотеза состоит в следующем. Как отмечено выше (см. (19)), над νP доминирует функциональная проекция $AspP$, в которой располагается показатель вторичного имперфектива *-ыва-*. Кроме него, однако, эту позицию может заполнять и другой материал, в частности, фонологически пустая морфема \emptyset_{qua} , которая требует, чтобы событийный предикат, обозначаемый νP , вложенной в $AspP$, был квантованным:

$$(28) \parallel \text{-ыва-} \parallel = \lambda P \lambda e \exists e' [P(e') \wedge e < e'] \\ \parallel \emptyset_{qua} \parallel = \lambda P \lambda e [P(e) \wedge QUA(P)]$$

Показатели *-ыва-* и \emptyset_{qua} , таким образом, образуют оппозицию, в которой морфологически маркированным членом является вторичный имперфектив. Для νP , построенных с использованием префигированных основ, соответственно, есть два пути: либо присоединить вторичный имперфектив (если это не блокируется индивидуальными морфологическими свойствами основы, ср. **написывать*), либо морфему \emptyset_{qua} .

В первом случае при присоединении *-ыва-*, которое мы, следуя, в частности, идеям Э. Баха [Bach 1986], анализируем как партитивный оператор на событиях, любому событию из экстенционала предиката ставится в соответствие совокупность его собственных частей, и тем самым любой событийный предикат делается неквантованным.

В последнем случае, если \emptyset_{qua} применяется к неквантованному предикату P , создается новый предикат, обозначающий пустое множество событий — поскольку P не удовлетворяет условию $QUA(P)$. Если же P является квантованным, \emptyset_{qua} выступает в качестве отношения эквивалентности, поскольку событийный предикат, который образуется после его применения, имеет в экстенционале те и только те события, которые входили в экстенционал исходного предиката. Таким образом, \emptyset_{qua} представляет собой фильтр, который отсекает от дальнейшей деривации неквантованные предикаты. Именно из-за \emptyset_{qua} неквантованный предикат в (27a), в котором ИГ *письма* имеет неопределенно-множественную интерпретацию, невозможен в составе клаузы.

Логика такой системы устроена, как кажется, интуитивно правдоподобно: предикаты класса свершений (accomplishments) должны быть квантованными, если не указано иное. Если такой предикат, обозначаемый νP , желает быть в составе клаузы неквантованным (= неопределенным), ему следует обозначить это явным образом, присоединив морфему *-ыва-*. В противном случае он поступает в распоряжение морфемы \emptyset_{qua} , которая выдает лицензию на дальнейшую семантическую деривацию только квантованным предикатам. Семантический эффект, создаваемый вершиной $AspP$, состоит в том, чтобы устранить аспектуальную неоднозначность, которая сохраняется к этой стадии деривации.

Отличие русского языка от английского и ему подобных связано с тем, на каком этапе деривации минимизируется аспектуальная неоднозначность. Благодаря артиклям в английском языке это происходит уже на уровне именных групп — во всяком случае, никакие ИГ не допускают и неопределенно-множественную, и уникальную максимальную интерпретации одновременно. Как следствие, благодаря принципам аспектуальной композиции аспектуально однозначны оказываются и VP , и составляющие более высокого уровня. В русском языке неоднозначность на уровне ИГ не разрешается — это происходит на уровне $AspP$. Оба языка, однако, сходятся в том, что аспектуальная

неоднозначность должна быть минимальна — клауз, допускающих и предельное, и неопредельное прочтения, в русском языке нет вовсе (если не считать ограниченного количества так называемых двувидовых глаголов), а в английском они ограничены небольшим числом градативов типа ‘расширять(ся)’ (см. [Нау et al. 1999]).

Таким образом, как и в случае с декаузативом, номинализации позволяют нам увидеть истинную картину того, что происходит на ранних стадиях синтаксической деривации — на уровне VP и vP, когда функциональная структура, присутствующая в клаузах, еще не построена.

Вернемся к проблеме непрямого доступа. Материал русских отглагольных существительных, обсуждавшийся выше, — это лишь часть свидетельств в пользу того, что дистанция между глаголом как единицей словаря и глаголом в составе клаузы несколько больше, чем мы привыкли считать (дополнительные примеры см., в частности, в [Татевосов 2006]). Единственный способ сократить эту дистанцию — избавиться, насколько это возможно, от всего, что наслаивается при построении предикации поверх глагольной лексемы. Если нам удалось убедить читателя, во-первых, в теоретической серьезности проблемы непрямого доступа, а во-вторых, — в том, что перспективным способом ее решения является исследование свойств «недопредикаций» и, в частности, номинализаций, то задача этой статьи выполнена.

Литература

- Кустова 2004 — Г. И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Падучева 1977 — Е. В. Падучева. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М., 1977. С. 84—107.
- Падучева 1984 — Е. В. Падучева. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984. С. 50—66.
- Падучева 1991 — Е. В. Падучева. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. 1991. № 5. С. 21—31.
- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2001. № 1. С. 52—79.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пазельская 2006 — А. Г. Пазельская. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: Дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. 2006.
- Пазельская, Татевосов (в печати) — А. Г. Пазельская, С. Г. Татевосов. Отглагольное имя и структура русского глагола // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В. А. Плунгяна, С. Г. Татевосова. М., в печати.

- Татевосов 2006 — *C. Г. Татевосов*. Аспектуальная композиция в предикациях с неполной структурой: Доклад на Междунар. конф. к 100-летию со дня рождения А. А. Холодовича. СПб., 2006.
- Alexiadou 2001 — *A. Alexiadou*. *Functional Structure in Nominals*. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Alexiadou 2005 — *A. Alexiadou*. *Argument Structure in Nominals* // *A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou* (eds.). *Noun Phrases: a Generative Approach*. Berlin, 2005.
- Alexiadou et al. 2006 — *A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, F. Schöfer*. The properties of anticausatives crosslinguistically // *M. Frascarelli* (ed.). *Phases of Interpretation*. Berlin, 2006. P. 187—211.
- Bach 1986 — *E. Bach*. The algebra of Events // *Linguistics and Philosophy*. 9. 1986. P. 5—16.
- Baker et al. 1990 — *M. Baker, K. Johnson, I. Roberts*. Passive Arguments Raised // *Linguistic Inquiry*. 20. 1990. P. 219—252.
- Borer 2005 — *H. Borer*. *Structuring Sense*. Vol. I—II. Oxford, 2005.
- Chomsky 1970 — *N. Chomsky*. Remarks on nominalization // *R. Jacobs, P. Rosenbaum* (eds.). *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham (MA), 1970. P. 184—221.
- Di Sciullo, Slabakova 2005 — *A. M. Di Sciullo, R. Slabakova*. Quantification and Aspect // *H. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout* (eds.). *Perspectives on Aspect*. Dordrecht, 2005. P. 61—80.
- Dowty 1979 — *D. R. Dowty*. *Word Meaning and Montague Grammar*. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht, 1979.
- Filip 1993 — *H. Filip*. *Aspect, Situation Types and Nominal Reference*. Ph. D. Dissertation. Univ. of California at Berkeley, 1993.
- Filip 1999 — *H. Filip*. *Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics*. N. Y.; London, 1999.
- Filip 2005a — *H. Filip*. On accumulating and having it all // *H. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout* (eds.). *Perspectives on Aspect*. Dordrecht, 2005. P. 125—148.
- Filip 2005b — *H. Filip*. The Telicity Parameter Revisited. Ithaca, 2005. (*Semantics and Linguistic Theory (SALT)*; XIV).
- Hale, Keyser 1993 — *K. Hale, S. J. Keyser*. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // *K. Hale, S. J. Keyser* (eds.). *The View from Building 20*. Cambridge (Mass.), 1993. P. 53—110.
- Hale, Keyser 2002 — *K. Hale, S. J. Keyser*. *Prolegomena to a Theory of Argument Structure*. Cambridge (Mass.), 2002.
- Harves 2002 — *S. Harves*. *Unaccusative Syntax in Russian*. Ph. D. Dissertation. Princeton Univ., 2002.
- Hay et al. 1999 — *J. Hay, Ch. Kennedy, B. Levin*. Scalar Structure Underlies Telicity in Degree Achievements // *T. Matthews, D. Strolovitch* (eds.). *SALT IX*. Ithaca, 1999. P. 127—144.
- van Hout 1996 — *A. Hout van*. *Event Semantics of Verb Frame Alternations: A Case Study of Dutch and its Acquisition*. Ph. D. Dissertation. Tilburg Univ., 1996.
- Kratzer 1996 — *A. Kratzer*. Severing the External Argument from its Verb // *J. Rooryck, L. Zaring* (eds.). *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht, 1996. P. 109—137.
- Kratzer 2003 — *A. Kratzer*. The event argument and the semantics of verbs. Ms. UMass-Amherst, 2003.

- Krifka 1989 — *M. Krifka*. Nominal Reference, Temporal Constitution and Quantification in Event Semantics // *R. Bartsch, J. Van Benthem, P. Van Emde Boas* (eds.). Semantics and Contextual Expression. Dordrecht, 1989. P. 75—115.
- Krifka 1992 — *M. Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // *I. Sag, A. Szabolsci* (eds.). Lexical matters. Stanford, 1992. P. 29—53.
- Krifka 1998 — *M. Krifka*. The origins of telicity // *S. Rothstein* (ed.). Events and Grammar. Dordrecht, 1998. P. 197—235.
- Link 1983 — *G. Link*. The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms // *R. Bauerle, Ch. Schwarze, A. von Stechow* (eds.). Meaning, Use, and Interpretation of Language. Berlin, 1983. P. 302—323.
- Paslawska, von Stechow 2003 — *A. Paslawska, A. von Stechow*. Perfect Readings in Russian // *M. Rathert, A. Alexiadou, A. von Stechow* (eds.). Perfect Explorations. Berlin, 2003. P. 307—362.
- Pazelskaya, Tatevosov 2005 — *A. Pazelskaya, S. Tatevosov*. Deverbal nouns, uninflected VPs, and aspectual architecture of Russian. Paper presented at FASL14, Princeton Univ., 2005.
- Pereltsvaig 2006 — *A. Pereltsvaig*. Small nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 24. № 2. 2006. P. 433—500.
- Picon 2001 — *Ch. Picon*. A Problem of Aspectual Composition in Polish // *G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich* (eds.). Current Issues in Formal Slavic Linguistics. Frankfurt/Main, 2001. P. 397—415.
- Pustejovski 1995 — *J. Pustejovski*. The Generative Lexicon. Cambridge (Mass.), 1995.
- Pylkkänen 2002 — *L. Pylkkänen*. Introducing arguments. MIT Thesis, 2002.
- Ramchand 2003 — *G. Ramchand*. First Phase Syntax. Ms., Univ. of Oxford, 2003.
- Ramchand 2004 — *G. Ramchand*. Time and the event: The semantics of Russian prefixes // *Nordlyd. Special Issue on Slavic Prefixes* 32. № 2. 2004. P. 323—361.
- Ramchand 2006 — *G. Ramchand*. Verb Meaning and the Lexicon: A First Phrase Syntax. Ms., Univ. of Tromsø, 2006.
- Rappaport Hovav, B. Levin 1998 — *M. Rappaport Hovav, B. Levin*. Building verb meanings // *M. Butt, W. Geuder* (eds.). The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors. Stanford, 1998. P. 97—134.
- Rappaport 2001 — *G. C. Rappaport*. The Geometry of the Polish Nominal Phrase: Problems, Progress, and Prospects // *P. Banski, A. Przepiorkowski* (eds.). Generative Linguistics in Poland: Syntax and Morphosyntax. Warsaw, 2001. P. 173—189.
- Rothstein 2004 — *S. Rothstein*. Structuring Events: a study in the semantics of lexical aspect. Malden (Mass.), 2004.
- Svenonius 2003 — *P. Svenonius*. Slavic (idées) pre-fixes. Paper presented at FDSL-V, University of Leipzig, 2003.
- Tenny 1994 — *C. Tenny*. Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface. Dordrecht, 1994.
- Verkuyl 1972 — *H. J. Verkuyl*. On the Compositional Nature of the Aspects. Dordrecht, 1972.
- Verkuyl 1993 — *H. J. Verkuyl*. A Theory of Aspectuality. The Interaction between Temporal and Atemporal Structure. Cambridge, 1993. (Cambridge Studies in Linguistics. 64.)
- Verkuyl 1999 — *H. J. Verkuyl*. Aspectual Issues. Structuring Time and Quantity. Stanford, 1999.
- Zucchi 1999 — *A. Zucchi*. Incomplete events, intensionality and imperfective aspect // *Natural Language Semantics*. 7. 1999. P. 179—215.

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НЕВЫРАЖЕННОЙ СВЯЗКОЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

Я. Г. Тестелец

В статье Е. В. Падучевой и В. А. Успенского о русских биноминативных предложениях [Падучева, Успенский 1979/2002: 459] были отмечены два особых типа слов и словосочетаний, которые употребляются только в качестве сказуемого: выступающие всегда с отрицанием — *не дурак (выпить и т. п.), не промах, не пара, не чета, не дело, не жилец, не указ, не фонтан, не такой X (Он не такой наивный, Это не такое простое дело), не настолько X (не настолько авантюрист)* и нек. др., и выступающие обычно без отрицания — *загляденье, живые мощи, другое дело, суций дьявол, просто ужас, страшный X (страшный идиот)* и т. п.; примеры в основном наши. Является ли случайностью тот факт, что устойчивые предикативные именные выражения не способны изменить форму с отрицанием на форму без отрицания, и наоборот? Чтобы попытаться ответить этот вопрос, рассмотрим структуру предложений с невыраженной связкой в русском языке.

Русский язык, так же как, например, семитские, венгерский, многие австронезийские языки [Stassen 1994; Pustet 2003], использует в настоящем времени изъявительного наклонения невыраженную связку. Взгляд, согласно которому у связки (1) и у бытийного глагола (2) часть словоизменительной парадигмы (настоящее время индикатива) представлена нулевыми, а часть — ненулевыми единицами, можно считать общепринятым ([Пешковский 1928/2001; Балли 1932/1955; Якобсон 1939/1985; Арутюнова, Ширяев 1983; Селиверстова 1990; Junghanns 1997] и др.):

* Работа выполнена частично при поддержке National Science Foundation grant BCS-0418311 (В. Н. Partee, V. Borschev, The Russian Genitive of Negation: Integration of Lexical and Compositional Semantics). Автор благодарен В. Б. Борщеву, С. А. Крылову, Е. В. Падучевой, Б. Парти, Е. В. Рахилиной, А. Д. Шмелеву и И. С. Яновичу, а также участникам семинара по теории грамматики Института языкознания РАН за высказанные замечания и обсуждения затронутых здесь проблем; все недостатки и ошибки остаются на его совести.

(1) а. Он ___ студент.	(2) а. В саду ___ яблоня.
б. Они ___ студенты.	б. В саду ___ яблони.
в. Он был студент(ом).	в. В саду были яблони.
г. Он был бы студент(ом).	г. В саду были бы яблони.

Парадигмы (1—2) показывают, что нулевая словоформа может быть постулирована в (1аб, 2аб) по тем же системным соображениям, по которым вводится нулевой аффикс в морфологии: во-первых, требуется носитель — хотя бы абстрактный — граммем времени и наклонения; во-вторых, предложения, лишённые предикативных морфологических категорий и глагола в финитной форме, создают трудности того же рода, что и именные словоформы, лишённые словоизменительных аффиксов. «Мы видим, что это пустое место, это отсутствие глагола функционирует в языке как настоящее время изъявительного наклонения глагола. И объяснить это можно только тем же, чем мы объяснили тот факт, что слово *стол* функционирует и сознается как имен. пад. ед. ч. мужского рода существительного, несмотря на отсутствие окончания» [Пешковский 1928/2001: 258].

Связка и бытийный глагол, как известно, различаются по семантике (пре-суппозиция существования субъектного референта при связке и ее отсутствие при бытийном глаголе; разные синонимы), по способу образования отрицательных и вопросительных коррелятов [Chvany 1975] и по соотношению нулевой и выраженной формы (*есть*) в презенсе [Арутюнова, Ширяев 1983; Селиверстова 1990].

В порождающей грамматике традиционная идея предикативности, т. е. грамматических категорий предложения, формализуется в виде абстрактных ненаблюдаемых вершин с морфологическими значениями T(ense) и Agr(eement). Эти вершины задают функциональные фразовые категории (TP и AgrP), включающие в себя нефункциональную, т. е. обладающую лексически выраженной вершиной, глагольную группу (VP). Идея абстрактной связки — носителя финитных категорий — вполне укладывается в эту схему, поскольку тут предполагается, что не только над невыраженными, но и над выраженными глагольными сказуемыми надстраивается несколько абстрактных функциональных вершин¹.

В последнее время многие исследователи предложений со связкой, в том числе в тех языках, где связка может быть формально не выражена, напри-

¹ В работе Н. Кондрашовой [Kondrashova 1996] «абстрактный» подход к невыраженному сказуемому в русском языке доведен до конца: в качестве нелексического элемента рассматриваются не только нули, но и выраженная связка *быть*, которая, по аналогии с трактовкой операции *do-support* в английском языке [Chomsky 1991], подставляется в узел T, когда при отсутствии полнозначного глагола возникает необходимость проверить морфологический признак этого узла [+/-tense].

мер, в славянских и семитских, пришли к выводу, что всякая связочная конструкция (включая сюда и конструкции с бытийным глаголом, и предложения идентификации) представляет собой малую клаузу — особый тип предикативной составляющей, — вложенную в конструкцию, где вершиной является связка [Bowers 1993; 2001; Franks, Greenberg 1994; Contreras 1995; Gueron, Hoekstra 1995; Moro 1997; Rothstein 2004; Citko 2005].

Малые клаузы (Small Clauses, SC) — вид нефинитных клауз, в которых:

- имеется ИГ (именная группа) подлежащего и некоторая другая фразовая категория, например, ИГ или ПГ (предложная группа).
- отсутствует подчинительный союз либо элемент с функцией союза, выражающий связь с матричным предложением;
- не выражены финитные глагольные категории (наклонение, время, предикативное согласование).

Примеры малых клауз в английском языке:

- (3) *I consider* _{SC}[**Peter** *extremely intelligent*].
Я думаю, что Питер чрезвычайно умен.
- (4) *Could you let* _{SC}[**the cat** *into the house*]?
Не могли бы вы впустить кошку в дом?

То, что выделенные ИГ являются подлежащими малых клауз, а не дополнениями матричных конструкций, доказывается тем, что у них есть свойства подлежащих: в этой позиции может выступать безударное эксплетивное местоимение *it* (5—6) или выражения с *not many* ‘немного’ (7в), которые возможны только в позиции подлежащего (7аб):

- (5) *I consider* _{SC}[**it** *time to leave*].
Я считаю, что время уходить.
- (6) *I believe* _{SC}[**it** *inevitable that the war will break out*].
Я считаю неизбежным, что разразится война.
- (7) а. **Not many people** *have learned Old Chinese*.
Не многие люди выучили древнекитайский язык.
- б. **Joe kissed* **not many girls**.
Джо поцеловал не много девушек.
- в. *I consider* _{SC}[**not many people** *suitable for the post*].
Я считаю, что не многие подходят для этой должности.

Подлежащее малой клаузы, как обычное подлежащее (8а), но не как дополнение (8б), способно «отпускать» эмфатическое *self*-местоимение (8в):

- (8) а. *The president is coming* **himself**.
Президент прибывает сам.

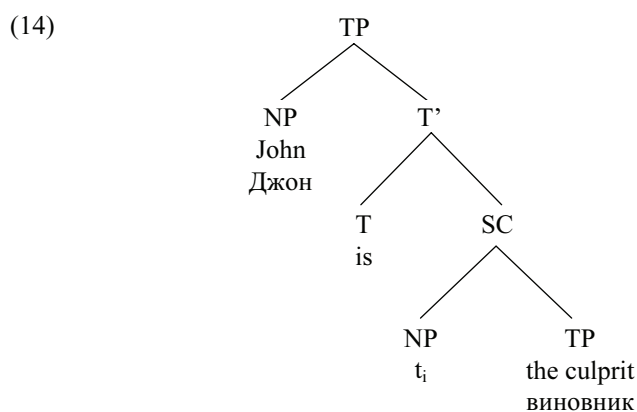
- б. **We put the president in our car himself.*
Мы посадили самого президента в нашу машину.
- в. *I consider_{sc}[the president entirely responsible himself].*
Я считаю президента самого целиком ответственным.

Малая клауза не употребляется с союзами (9), но может употребляться с предлогами (10):

- (9) **I didn't consider that/if/for/whether_{sc}[it suitable].*
Я не думал, что это удобно / удобно ли это.
- (10) *I don't want you preparing food with_{sc}[your hands dirty].*
Я не хочу, чтобы ты готовил(а) еду грязными руками.

Возможно ли выделять малые клаузы зависимого типа в русском языке, — (11) *Я полагаю [вас далеко от Москвы]* (Грибоедов); (12) *Я застал [ее_i у себя_i]* (редкий объектный контроль рефлексива, указывающий на «подлежащие» свойства дополнения), случаи «параметрической диатезы» по Е. В. Падучевой (13) *выбрал ?[Марию в жены]; получил ?[дом в наследство]* [Падучева 1997] и нек. др., — нерешенный вопрос, который мы здесь затрагивать не будем.

Итак, предложение со связкой лингвисты генеративного направления сегодня обычно рассматривают как особого вида малую клаузу — **матричную малую клаузу** (Matrix SC), т. е. такую, которая не обязательно вложена в другую клаузу:

Анализ через малую клаузу аргументируют структурной неупорядоченностью ИГ подлежащего и сказуемого, что проявляется, например, в возможности инверсного порядка (14') *The culprit is John* 'Виновник — Джон', причем различные возможности передвижения составляющих при прямом и ин-

версном порядке (16) не укладываются в известные различия подлежащего и дополнения при глагольном сказуемом (15) [Моро 1997: 1—3]:

(15) а. *Which wall did [a picture of ___] reveal [the cause of the riot]?

↑
Фотография на какой стене показала причину беспорядков?

б. Which riot did [a picture of the wall] reveal [the cause of ___]?

↑
Причину каких беспорядков показала фотография на стене?

(16) а. Which riot was sc[[a picture of the wall] [the cause of ___]]?

↑
б. *Which riot was sc[[the cause of ___] [a picture of the wall]]?

↑
Причиной каких беспорядков была картина на стене?

в. *Which wall was sc[[a picture of ___] [the cause of the riot]]?

↑
г. *Which wall was sc[[the cause of the riot] [a picture of ___]]?

↑
Фотография на какой стене была причиной беспорядков?

И в случае (15а), и в случаях (16б, в, г) срабатывает, очевидно, одно и то же ограничение. Однако, если считать связку обычным глаголом, а именную часть сказуемого — дополнением, невозможно понять, почему под ограничение подпадает не только подлежащее (16в, г), но и «дополнение» (именная часть сказуемого) в том случае, если оно занимает первую позицию (16б). Таким образом, тест на возможность передвижений вопросительных групп подтверждает вывод, который интуитивно всегда был очевиден: связка (16) не задает асимметрической структуры того же типа, которую задает полнозначный глагол (15): две ее синтаксические валентности — подлежащее и именная часть сказуемого — иерархически упорядочены как-то иначе, не так, как упорядочены подлежащее и дополнение.

Кроме того, предложения со связкой обладают, так же как и малые клаузы, грамматической дефектностью. Они выражают только часть грамматических значений, в том числе относящихся к области предикативных категорий, которые могут быть выражены в предложении с полнозначным глаголом. Нулевая связка не может сочиняться (*Он был, есть и будет* ≠ **Он был, ∅ и будет*). Однако сторонники гипотезы матричной малой клаузы не утверждают, что связочные предложения столь же грамматически дефектны, как и зависимые малые клаузы, — это противоречило бы фактам. Поскольку они, в отличие от зависимых малых клауз, вложены непосредственно в структуру

ТР (финитную конструкцию), которая обладает морфологическими признаками предикативности, матричные малые клаузы способны, как и другие предложения, присоединять подчинительные союзы, эпистемические обстоятельства, обстоятельства времени, характерные для несовершенного вида (*уже два года* [Geist 2006]), отрицание и т. п., и в них может происходить предикативное согласование. Зависимые малые клаузы лишены всех этих признаков, поскольку вложены непосредственно в конструкцию с непредикативной вершиной — глаголом (3—4) или предлогом (10).

В качестве примера обрисованного выше подхода к славянскому материалу кратко рассмотрим результат анализа польских связочных конструкций у Б. Читко [Citko 2005]. Для польского языка предложения с невыраженной связкой не характерны. Конструкции с глагольной связкой получают структуру типа (14), причем глагольная связка требует творительного падежа в сказуемом (17а) и не может употребляться при значении идентификации (17б):

- (17) а. *Warszawa jest stolica (*stolica) Polski*
 Варшава СВ столица.ТВ (столица.ИМ) Польши.ГЕН
- б. **To miasto jest Bostonem*
 Этот город СВ Бостон.ТВ

Для предложений с местоименной связкой *to* (структурно, но не по функции близких к предложениям с местоименной связкой *это* в русском языке) вводится особая функциональная вершина, которая обладает некоторыми свойствами сочинительных союзов: требует структурной симметрии своих зависимых — оба в номинативе (18а), и разрешает значение идентификации (18б):

- (18) а. *Warszawa to stolica (*stolica) Polski*
 Варшава СВ столица.ИМ (столица.ТВ) Польши.ГЕН
- б. *To miasto to Boston*
 этот город СВ Бостон.ИМ

Рассмотрим некоторые грамматические свойства предложений с невыраженной связкой и невыраженным бытийным глаголом в русском языке. Мы постараемся показать, что эти конструкции разделяются на два класса:

1) для **биноминативных** предложений, по-видимому, имеет смысл постулировать наличие невыраженного сказуемого (нулевой связки), занимающего, вероятно, структурную позицию, соответствующую узлу Т в (14);

2) **однономинативные** предложения, в которых отсутствует именная часть сказуемого в именительном падеже (т. е. с одной номинативной ИГ подлежащего), по-видимому, вовсе лишены связки или имеют в качестве нулевой связки нечто еще менее похожее на глагол, чем польское *to*.

Рассмотрим следующие типы предложений с невыраженной связкой или бытийным глаголом:

- (19) бытийные (ПГ ИГ)
В стакане молоко.
- (20) идентифицирующие, по Е. В. Падучевой и В. А. Успенскому — «синтаксически неопределенные», в которых отсутствует контраст по денотативному статусу и поэтому подлежащее не может быть отличено от сказуемого [Падучева, Успенский 1979/2002] (ИГ ИГ)
Убийца — Раскольников
- (21) характеризующие, в том числе таксономические (21а) и реляционные (21б) (ИГ ИГ)
 - а. *Иван — студент.*
 - б. *Маша — моя сестра.*
- (22) характеризующие с полным прилагательным (ИГ Пполн)
Маша красивая.
- (23) характеризующие с кратким прилагательным (ИГ Пкр)
Маша красива.
- (24) локативные (ИГ ПГ)
Сумка на подоконнике.
- (25) посессивные (ПГ ИГ)
У Маши экзамен.
- (26) темпоральные с наречием времени (ИГ Нар)
Концерт сегодня.
- (27) темпоральные с предложной группой (ИГ ПГ)
Конференция в следующем году.

Для классификации предложений с невыраженной связкой мы используем два аналитических теста, оба связанные с отрицанием.

Тест на взаимодействие отрицания и квантора. В работе [Borschev, Paducheva, Partee, Testelefs, Yanovich 2005] был рассмотрен вопрос, что считать отрицанием предложений с референтным подлежащим, нулевой связкой и локативным или локативно-посессивным сказуемым:

- (28) а. *Коля в Лондоне.*
б. *Коля не в Лондоне.*
в. *Коли нет в Лондоне.*
- (29) а. *Ваше письмо у секретаря.*
б. *Ваше письмо не у секретаря.*
в. *Вашего письма нет у секретаря.*

По утверждению многих исследователей ([Chvany 1975; Babby 1980; Harves 2002] и др.), (28б—29б) не являются отрицаниями (28а—29а) в точном смысле, так как представляют собой не сентенциальное, а конституентное (частное) отрицание — синтаксически и семантически относятся не к предложению целиком, а к одной его составляющей (предложной группе) — в том же смысле, в каком предложение (30в) не является отрицанием предложения (30а):

- (30) а. *Петров работает в Академии.*
 б. *Петров не работает в Академии.*
 в. *Петров работает не [в Академии].*
- (31) а. Структура конституентного отрицания:
Коля Ø_{быть} [не [в Лондоне]]
 б. Структура сентенциального отрицания:
Коля [не [Ø_{быть} в Лондоне]]

Главным аргументом в пользу трактовки (31а) обычно является контрастивность предложений типа (28б—29б). Однако, как указывается в [Borschev, Paducheva, Partee, Testeleets, Yanovich 2005], для таких предложений возможна и не контрастивная интерпретация, а предложение (32) вообще, по-видимому, не контрастивно: утверждается только отсутствие дежурного, и ничего больше:

- (32) *Дежурный Ø_{быть} (был) не на месте*

В [Borschev, Paducheva, Partee, Testeleets, Yanovich 2005] был использован другой, более веский аргумент в пользу структуры (31а), предложенный для локативных предложений И. С. Яновичем. Рассмотрим предложение с кванторной ИГ-подлежащим:

- (33) Контекст: причина, по которой Королевский балет не выступает в Лондоне, в то время, когда наш друг находится (или будет находиться) там.
- а. *Все балерины не будут в Лондоне*
 (i) $\forall > \text{Neg}$: *все балерины будут находиться вне Лондона*
 (ii) $\text{Neg} > \forall$: *не все балерины будут в Лондоне.*
- б. *Все балерины будут не в Лондоне.*
 (i): $\forall > \text{Neg}$
- в. *Все балерины не в Лондоне.*
 (i): $\forall > \text{Neg}$

Вариант (33aii) маркируется интонационно. При контрастном ударении не на сказуемом допустимо **смещенное отрицание** с включением в сферу действия предшествующего квантора — явление, подробно описанное Е. В. Падучевой [Падучева 1974: 150, 155]; см. еще [Богуславский 1985, Падучева 2005].

Грамматическая структура, иерархическое соотношение составляющих не диктует логико-семантическую интерпретацию однозначно, но существенно ограничивает возможности интерпретации. В (33в) подлежащее находится вне сферы действия отрицания, в то время, как в (33а) есть две возможные интерпретации при разной интонационной структуре. Но в (33в), как и в (33б), возможна только одна интерпретация (с узкой сферой действия отрицания, не включающей подлежащее), поэтому естественно предположить, что (33вб) имеют структуру конституентного отрицания (33а), при которой отрицание вложено слишком глубоко — непосредственно при обстоятельственной предложной группе, — чтобы воздействовать на подлежащее.

Аналогично ведут себя локативные предложения с другими кванторами:

- (34) а. *Оба диска были не в коробке.*
оба > Neg; *Neg > оба
б. *Оба диска не были в коробке.*
оба > Neg; Neg > оба
в. *Оба диска не в коробке (*... там только один).*
оба > Neg; *Neg > оба
- (35) а. *Больше десяти человек было не на мосту.*
больше 10 > Neg (они наблюдали фейерверк с другого места);
*Neg > больше 10 (там было, может быть, 7 или 8)
б. *Больше десяти человек не было на мосту.*
больше 10 > Neg; Neg > больше 10
в. *Больше десяти человек не на мосту.*
больше 10 > Neg; *Neg > больше 10

Поведение обстоятельств, содержащих кванторы, не отличается от поведения подлежащих:

- (36) а. *Оба раза диски были не в коробке.*
оба > Neg; *Neg > оба
б. *Оба раза диски не были в коробке.*
оба > Neg; Neg > оба
в. *Оба раза диски не в коробке (*... только во второй раз).*
оба > Neg; *Neg > оба
- (37) а. *Всякий раз, когда я проходил мимо, она была не на месте.*
 \forall > Neg; *Neg > \forall
б. *Всякий раз, когда я проходил мимо, она не была на месте.*
 \forall > Neg; Neg > \forall
в. *Всякий раз, когда я прохожу мимо, она не на месте.*
 \forall > Neg; *Neg > \forall

Можно заметить, что многие примеры типа (33—37) хотя и грамматически правильны, звучат не вполне естественно. В самом деле, кванторы общности в подлежащих и обстоятельствах избегаются при наличии синтаксического отрицания:

(38) ?*Все книги не были на полке.*

Возможно, это вызвано тем, что есть более однозначные конструкции, которые предпочитают в силу прагматического принципа — «максимы Способа» Грайса [Grice 1975], понуждающей говорящего выбирать более эксплицитный вариант:

- (39) а. ?*Все не пришли.*
 б. *Никто не пришел.*
 в. *Не все пришли.*

Согласно «Русской грамматике», «обобщающие местоимения» обычно употребляются в предложениях без отрицания, «однако в разговорной речи они могут употребляться в предложениях с отрицанием. Так, обобщающие местоимения и наречия встречаются в ответе на вопрос, содержащий отрицательное сказуемое: — *Кто этого не любит?* — *Все не любят*» [Грамматика 1980: 412].

Применим тест на соотношение кванторов и отрицания к другим видам конструкций с невыраженной связкой:

- (40) а. *Оба они были не лингвисты.*
 оба > Neg; *Neg > оба
 б. *Оба они не были лингвисты.*
 оба > Neg; Neg > оба
 в. *Оба они не лингвисты* (характеризующее).
 оба > Neg; Neg > оба
- (41) а. *Больше десяти яблок были не спелые.*
 больше 10 > Neg; *Neg > больше 10
 б. *Больше десяти яблок не были спелые.*
 больше 10 > Neg; Neg > больше 10
 в. *Больше десяти яблок не спелые* (полное прилагательное).
 больше 10 > Neg; Neg > больше 10
- (42) а. *Обе работы пока были не готовы.*
 оба > Neg; *Neg > оба
 б. *Обе работы пока не были готовы.*
 оба > Neg; Neg > оба
 в. *Обе работы пока не готовы* (краткое прилагательное).
 оба > Neg; Neg > оба

- (43) а. *В обоих стаканах были не ложки.*
оба > Neg; *Neg > оба
б. *В обоих стаканах не было ложек.*
оба > Neg; Neg > оба
в. *В обоих стаканах нет ложек (бытийное).*
оба > Neg; *Neg > оба
- (44) а. *У них у обоих был не перелом.*
оба > Neg; *Neg > оба
б. *У них у обоих не было перелома.*
оба > Neg; ?Neg > оба
в. *У них у обоих нет перелома (посессивное).*
оба > Neg; ?Neg > оба
- (45) а. *Все заседания были не в октябре.*
 \forall > Neg; *Neg > \forall
б. *Все заседания не были в октябре.*
 \forall > Neg; Neg > \forall
Все заседания не в октябре (темпоральное с наречием).
 \forall > Neg; *Neg > \forall
- (46) а. *Все премьеры будут не в этом году.*
 \forall > Neg; Neg > \forall
б. *Все премьеры не будут в этом году.*
 \forall > Neg; Neg > \forall
в. *Все премьеры не в этом году.*
 \forall > Neg; *Neg > \forall
- (47) *По всем признакам автор «Послания к евреям» не Павел (идентифицирующее).*
 \forall > Neg; *Neg > \forall

Данные Национального корпуса русского языка показывают, что безусловно приемлемые сочетания кванторного подлежащего с сентенциальным отрицанием, во-первых, возможны и, во-вторых, дают однозначную интерпретацию с отрицанием в сфере действия квантора:

- (48) *Все не в ногу.*
(49) *Все учителя не ниже доктора наук.*
(50) *Все буквы не на своих местах (Загоскин).*
(51) *Оба объяснения не в вашу пользу.*
(52) *Так жить каждая душа не против (Шолохов).*
(53) *Центр всего Евангелия не в этическом учении.*
(54) *Все претензии не ко мне.*

Итак, тест на соотношение кванторов и отрицания показывает, что предложения с невыраженной связкой делятся на две группы. К первой относятся биноминативные предложения (по-видимому, за исключением идентифицирующих) и предложения с краткой формой прилагательного, ко второй — предложения с одной номинативной ИГ подлежащего. В предложениях второй группы присказуемое отрицание не может воздействовать на квантор в подлежащем или в сентенциальном обстоятельстве.

Тест на поведение выражений с *ни*-. Как известно, отрицательные выражения с *ни*- в славянских языках, как и отрицательные выражения, например, в романских языках, новогреческом, венгерском, адыгских и мн. др., вступают в отношение **совпадения по отрицанию** (двойное отрицание, Negative Concord; см., например, [Ladusaw 1992; Progovac 1994; Giannakidou 2000]). Отрицательные выражения с *ни*- возможны только в контексте сентенциального (55а), но не в контексте конституентного отрицания (55б), — если только само отрицательное выражение не входит в составляющую с отрицанием (55в):

- (55) а. *Никто не* был способен на это.
 б. **Никто* был *не* способен на это.
 в. Он был *не* [способен *ни* на *что*].

Рассмотрим, при каких условиях присказуемое отрицание в предложениях с невыраженной связкой может разрешать присутствие выражений с *ни*- в составе группы подлежащего или сентенциального обстоятельства.

Выражения с *ни*-, вопреки тому что до сих пор молчаливо предполагалось всеми исследователями [Brown 1999; Właszcak 2001], не образуют единого гомогенного класса, и их распределение выявляет по крайней мере следующие 4 группы:

- 1) отрицательные кванторные выражения: *никто, ничто, нигде, ни один* и т. п.;
- 2) отрицательный парный сочинительный союз *ни... ни*;
- 3) отрицательные интенсификаторы, выражающие усиленное отрицание: *никак, ни в коем случае, ни фига, ничуть, ни разу* (новый интенсификатор) и т. п.;
- 4) выражения с *ни*-, не требующие совпадения по отрицанию: они могут употребляться без отрицательной частицы. Обычно это указания на альтернативу: *ни хороший ни плохой; ни жив ни мертв; ни рыба ни мясо; ни слишком толст, ни слишком тонок* (Гоголь); *ничей* (*Он ни на чьей стороне*), ср. **Он ни на чьей машине* и нек. др.

Выражения 3 и 4 групп нам ниже не понадобятся. Интенсификаторы структурно неотделимы от отрицательной частицы и представляют собой ее

зависимые, хотя при определенных фонетических условиях могут от нее отрываться, «впуская» между собой и частицей слабоударные слова (иначе невозможно объяснить неграмматичность (56г)), ср. [Geist 2006: 168]:

- (56) а. *Он был никакой не предатель.*
 б. *Он никакой был не предатель.*
 в. *Никакой он был не предатель.*
 г. **Он не был никакой предатель.*

Предложения с невыраженной связкой разбиваются на уже знакомые нам два класса. Только в биноминативных предложениях и в предложениях с краткой формой прилагательного выражение с *ни-* допустимо в составе подлежащего и в синтаксическом обстоятельстве. В прочих оно либо затруднено, либо невозможно:

- (57) а. **Он никогда не на втором этаже (локативное).*
 б. **Он никогда был не на втором этаже.*
 в. *Он никогда не был на втором этаже.*
 (58) а. **Никто был не в Москве.*
 б. *Никто не был в Москве.*
 в. *??Никто не в Москве (локативное) (ср. выражения с матричными предикатами **Никто не в силах...**, **Никто не в состоянии...**).*

Важно, однако, заметить, что статус приемлемости (58а) и (58в) принципиально различен. (58а), несомненно, содержит грамматическую ошибку, в то время как (58в) — предложение на грани приемлемости.

- (59) *??Ни первый, ни второй том не на полке (локативное).*
 (60) *??Ни алгебра, ни английский не сегодня (темпоральное).*
 (61) *Ни первая, ни вторая книга — не роман (характеризующее).*
 (62) *Ни у Маши, ни у Лены родители не (были) лингвисты.*
 (63) *Ни одна ручка не (была) черная (полное прилагательное).*
 (64) *Ничто не вечно (краткое прилагательное; и аналогично с другими именными и наречными предикативами: **Никто не против, не в курсе, не указ, не в праве P, не в силах P, не в состоянии P**, где *P* — синтаксический актант).*

Темпоральные, бытийные и посессивные конструкции, включающие выражения с *ни-*, требуют родительного при отрицании, и поэтому данный тест к ним, как кажется, неприменим:

- (65) а. *??Ни один концерт не сегодня.*
 б. *??Почта ни разу не была утром.*

Исключение, как и в случае с кванторным тестом, представляют предложения идентификации:

(66) [?]Ни то здание, ни это — не мой дом.

(67) [?]Ни автор «Кавказского пленника», ни автор «Аммалат-бека» — не Лермонтов.

Элективные ИГ с отрицательными кванторами и предлогом *из*: *никто из*, *ни один из* бывают допустимы (по крайней мере для некоторых носителей) в однономинативных предложениях (68а), однако при препозиции ПГ с *из* (68б) или при распространении (68в) их допустимость снижается:

(68) а. *Никто из них не в Москве.*

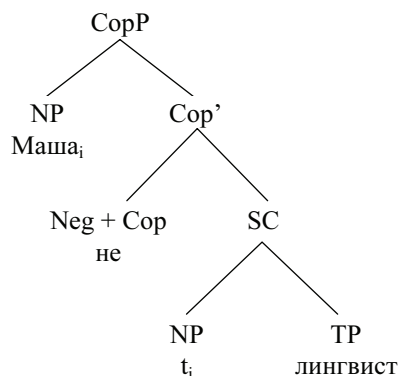
б. [?]*Из них никто не в Москве.*

в. [?]*Никто из этих молодых людей не в Москве.*

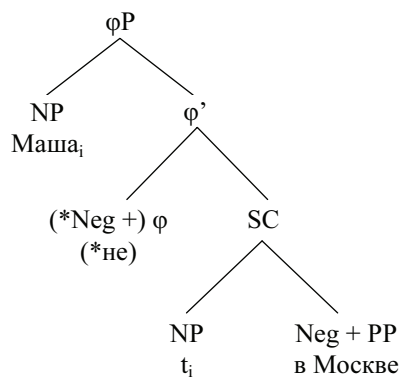
Предложения без ИГ в номинативе и без глагола типа (69) [?]*Ни вам, ни мне не сюда* — отдельная проблема, которую мы здесь оставляем в стороне.

Итак, в русском языке обнаруживается предикативная конструкция (70б), которая не принимает отрицания — отрицание при сказуемом ведет себя как конституентное (= присловное, частное) отрицание:

(70) а.

б.

Нулевая связка ϕ (70б) обладает другими свойствами, чем нулевая связка Cop (70а) в биноминативных предложениях. Она, во-первых, невозможна при двух номинативных ИГ подлежащего и сказуемого (подобно тому, как биноминативная нулевая связка невозможна с творительным падежом ИГ сказуемого). Во-вторых, эта связка не принимает отрицания. Можно предположить, что ϕ — нулевой предлог с предикативным значением, типа предлога *with*, вводящего малую клаузу в английском языке (10).

Возвращаясь к вопросу, заданному в начале статьи, можно увидеть, что идиомы типа *не пара* или *загляденье*, образуют предикативные конструкции типа (70б) — фразеологические проформы, целиком замещающие выражения, соответствующие узлу ϕ' . Этим объясняется и их чисто предикативное употребление (как и, например, у анафорической проформы *нет*: *Он сделал уроки, а я нет*), и невозможность выбора между наличием и отсутствием отрицательной частицы.

Литература

- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев*. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Балли 1932/1955 — *Ш. Балли*. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. (*Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française*. Paris, 1932.)
- Богуславский 1985 — *И. М. Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Грамматика 1980 — *Русская грамматика*. Т. 2 / Ред. *Н. Ю. Шведова*. М., 1980.
- Падучева 1974 — *Е. В. Падучева*. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 1997 — *Е. В. Падучева*. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // *Научно-техническая информация*. Сер. 2. 1997. № 1. С. 18—30.
- Падучева 2005 — *Е. В. Падучева*. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // *Рус. яз. в науч. освещении*. № 2 (10). 2005. С. 17—42.
- Падучева, Успенский 1979/2002 — *Е. В. Падучева, В. А. Успенский*. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // *В. А. Успенский*. Труды по НЕматематике. М., 2002. (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 38. 1979. С. 349—360).
- Пешковский 1928/2001 — *А. М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.
- Селиверстова 1990 — *О. Н. Селиверстова*. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М., 1990.
- Якобсон 1939/1985 — *Р. О. Якобсон*. Нулевой знак // *Избранные работы*. М., 1985. С. 222—230. (*R. Jakobson. Signe zero // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*. Genève, 1939. P. 143—152.)

- Babby 1980 — *L. H. Babby*. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor; Michigan, 1980.
- Błaszczak 2001 — *J. Błaszczak*. Investigation into the Interaction between the Indefinites and Negation. Berlin, 2001.
- Borschev, Paducheva, Partee, Testeleets, Yanovich 2005 — *V. Borschev, E. V. Paducheva, B. H. Partee, Y. G. Testeleets, I. Yanovich*. Sentential and Constituent Negation in Russian BE-sentences Revisited // J. E. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurktchieva, H. Filip (eds.). Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Princeton Meeting 2005. Ann Arbor, 2005. P. 50—65.
- Bowers 1993 — *J. Bowers*. The Syntax of Predication // Linguistic Inquiry. 24. 1993. P. 591—656.
- Bowers 2001 — *J. Bowers*. Predication // M. Baltin, C. Collins (eds.). The Handbook of Contemporary Syntactic Theory. Oxford, 2001. P. 299—333.
- Brown 1999 — *S. Brown*. The Syntax of Negation in Russian. A Minimalist Approach. Stanford, 1999.
- Chomsky 1991 — *N. Chomsky*. Some Notes on Economy of Derivation and Representation // R. Freidin (ed.). Principles and Parameters in Comparative Grammar. Cambridge (Mass.), 1991. P. 417—454.
- Chvany 1975 — *C. V. Chvany*. On the Syntax of BE-Sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
- Citko 2005 — *B. Citko*. Copula Sentences Reconsidered // J. E. Lavine, S. Franks, M. Tasseva-Kurktchieva, H. Filip (eds.). Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Princeton Meeting 2005. Ann Arbor, 2005. P. 83—97.
- Contreras 1995 — *H. Contreras*. Small Clauses and Complex Predicates // A. Cardinaletti, M. T. Guasti (eds.). Syntax and Semantics, 28. Small Clauses. N. Y., 1995.
- Franks, Greenberg 1994 — *S. Franks, G. Greenberg*. The Functional Structure of Slavic Clauses // J. Toman (ed.). Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Ann Arbor Meeting. Ann Arbor, 1994. P. 77—108.
- Geist 2006 — *L. Geist*. Die Kopula und ihre Komplemente. Tuebingen, 2006.
- Giannakidou 2000 — *A. Giannakidou*. Negative... Concord? // Natural Language and Linguistic Theory. 18. 2000. P. 457—523.
- Grice 1975 — *P. Grice*. Logic and conversation // P. Cole, J. Morgan (eds.). Syntax and semantics, 3. N. Y., 1975. P. 41—58.
- Gueron, Hoekstra 1995 — *J. Gueron, T. Hoekstra*. The Temporal Interpretation of Predication // A. Cardinaletti, M. T. Guasti (eds.). Syntax and Semantics, 28. Small Clauses. N. Y., 1995. P. 77—107.
- Harves 2002 — *A. S. Harves*. Unaccusative Syntax in Russian. Ph. D. dissertation. Princeton Univ., 2002.
- Junghanns 1997 — *U. Junghanns*. On *byt'* (and *byti*) // U. Junghanns, G. Zybatow (Hrsg.). Formale Slavistik. Frankfurt / Main, 1997. S. 251—265.
- Kondrashova 1996 — *N. Kondrashova*. The Syntax of Existential Quantification. Diss. Univ. Wisconsin-Madison. 1996.
- Ladusaw 1992 — *W. A. Ladusaw*. Expressing Negation // Ch. Barker, D. Dowty, M. Harvey, L. Santelman (eds.). Semantics and Linguistic Theory (SALT), 2. Ithaca, 1992. P. 237—259.

-
- Moro 1997 — *A. Moro*. The Raising of Predicates. Predicative Noun Phrases and the Theory of Clause Structure. Cambridge, 1997.
- Progovac 1994 — *L. Progovac*. Positive and Negative Polarity: a Binding approach. Cambridge, 1994.
- Pustet 2003 — *R. Pustet*. Copulas. Universals in the Categorization of the Lexicon. Oxford, 2003.
- Rothstein 2004 — *S. Rothstein*. Predicates and their Subjects. Dordrecht, 2004.
- Stassen 1994 — *L. Stassen*. Typology versus mythology: the case of the zero copula // *Nordic Journal of Linguistics*. 17. 1994. P. 105—126.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВА В ЗЕРКАЛЕ ЕГО ДЕРИВАТОВ

С. М. Толстая

Обращаясь к проблеме многозначности, естественно подойти к ней с учетом всего достигнутого в области изучения синонимии — как в теории, так и в практике лексикографического представления синонимических рядов [Апресян 1974; НОСС]. Уже не раз говорилось о том, что серия работ, посвященных синонимии, в своем содержании выходит далеко за рамки этой проблематики и по существу дает в руки исследователя понятийный аппарат и набор приемов, пригодный для описания любых явлений и отношений в области лексической семантики [Толстая 2004; Падучева 2006]. Одним из исходных положений, нуждающихся в более широком осмыслении, является понятие лексемы (слова в одном из его значений) как единицы синонимических отношений и члене синонимического ряда. Очевидно, что это двусторонняя единица и ее «автономный» статус определяется не только особой семантикой, но и особенностями морфологии, синтаксиса, сочетаемости, парадигматических отношений (собственные синонимы, антонимы и прочие системные лексические «партнеры»), возможностями деривации (собственные производные и словообразовательные «партнеры») — все эти свойства могут отличать одну лексему многозначного слова от другой. Многозначное слово, таким образом, представляет собой ряд лексем, подобный синонимическому ряду, но отличающийся от него в двух существенных отношениях. Во-первых, это гомогенный ряд, он состоит из лексем, принадлежащих одному слову, т. е. имеющих одну и ту же форму выражения, в отличие от гетерогенного синонимического ряда, который состоит из лексем, принадлежащих разным словам; во-вторых, в случае синонимии, говоря упрощенно, мы имеем одно означаемое и несколько означающих, в случае полисемии — одно означающее и несколько означаемых. Понятно, что эта оппозиция очень относительна: как при синонимии нет полного тождества означающих (анализ синонимических рядов как раз и выявляет их различия), так и при многозначности нет полного расхождения между значениями (всегда остается общая для всех значений часть и соответственно общие компоненты в толкова-

нии). При этом семантическое расстояние между лексемами в синонимическом ряду и в многозначном слове неодинаково: хотя измерить эти расстояния пока не удастся, можно думать, что синонимы ближе друг к другу (вопреки мнению, высказанному в [Падучева 2004: 18]), поскольку они часто бывают взаимозаменяемы в разных контекстах, а разные значения одного слова, как правило, не могут заменять друг друга в одном контексте (такая замена или совмещение происходят, однако, в каламбуре).

Понятие лексемы оказывается существенным не только для лексикологии и лексической семантики, но и для теории словообразования: не слова, а именно лексемы являются единицами словообразования; не слова, а лексемы связаны деривационными отношениями; деривационные процессы для разных лексем многозначного слова различны; каждая лексема может стать отдельной мотивирующей единицей в словообразовании. Отсюда следует, что выделяемые в многозначном слове разные значения могут выходить за рамки данного слова (набора его лексем) и «продолжаться» в других словах, связанных с ним актуальными словообразовательными отношениями. Иначе говоря, «субъектом» многозначности, носителем свойства многозначности и одновременно пространством, на котором проявляет себя это свойство, оказывается единица бóльшая, чем слово, а именно — лексико-словообразовательное гнездо, разные члены которого манифестируют разные значения ключевого слова, доминанты гнезда. Например, в семантическом спектре многозначного слова *старый* выделяется несколько значений, которые находят «продолжение» в его дериватах: одни из дериватов наследуют одно значение мотивирующего слова, другие — другое, третьи сразу два или несколько значений. Скажем, *старик*, *состариться* семантически восходят к первому значению исходного прилагательного *старый* (значению, связанному с возрастом); *старина*, *старинный*, *встарь* — к другому значению, включающему компонент «прошлое»; *старье*, *устареть* — к «утилитарному» значению, связанному с «давностью» существования объекта и утратой его природных качеств; при этом *устареть* нельзя отнести к человеку и возвести к первому значению мотивирующего прилагательного, а *постареть*, *состариться* нельзя отнести к предмету и возвести к третьему значению *старого*; в то же время дериват *старенький* сочетает в себе значение возраста (*старенький дедушка*) и значение давности и ветхости (*старенькое пальто*), но не значение, восходящее к *старому* в смысле принадлежности к прошлому, ср. невозможность **старенький город*. При этом одно из основных значений *старого*, а именно значение 'прежний, бывший' (*старое русло*, *старая квартира*) вообще не находит продолжения в дериватах.

Таким образом, мы видим, что проблема многозначности — это не собственно лексическая или собственно семантическая проблема, она тесно свя-

зана со словообразованием. На эту связь уже не раз обращали внимание, но в другом отношении. Когда в «Лексической семантике» [Апресян 1974] шла речь об аналогии между многозначностью и словообразованием, имелось в виду, что соотношение значений многозначного слова подобно соотношению значений слов при словообразовательной деривации: *издание* в процессуальном смысле (*издание книги*) и *издание* как обозначение продукта действия (*иллюстрированное издание*) соотносятся между собой так же, как, скажем, *чертит* и *чертеж*, *рисовать* и *рисунок*; отношение между *помещение 1* и *помещение 2* аналогично отношению между *купание* и *купальня* и т. д. Аналогия подкрепляется регулярностью обеих (семантической и словообразовательной) деривационных моделей. Отсюда понятие семантической деривации как такого отношения между значениями многозначного слова, которое, во-первых, семантически может быть тождественно отношению между производящим и производным в словообразовании, а во-вторых, может быть столь же регулярным, как словообразовательная деривация.

Другая сторона проблемы, которая нас в данном случае прежде всего интересует, — внутренняя семантическая связь между значениями многозначного слова и значениями других слов того же лексико-словообразовательного гнезда. Семантика производных, модифицирующая значение производящего в том или ином направлении или отношении, часто служит «сигналом» и индикатором многозначности исходного слова и позволяет более четко выделить и определить его отдельные значения (например, если прибегнуть к хрестоматийному примеру, различия в значениях между *земной*, *земляной*, *землистый*, *оземь* и т. д. «высвечивают» семантическую специфику и соотношение разных лексем мотивирующего слова *земля*)¹. Следовательно, если нас интересуют конкретные значения в семантической структуре многозначного слова и связь между ними, то мы должны устанавливать и интерпретировать их на всем семантическом спектре соответствующего гнезда.

Для более подробного рассмотрения проблемы лексической многозначности в рамках лексико-словообразовательного гнезда в данном случае взята система дериватов многозначного слова *лицо*. [БАС] (т. 6) выделяет в соответствующей словарной статье пять значений:

¹ Роль дериватов в представлении и интерпретации семантической структуры многозначного слова и установлении отношений между лексемами (и употреблением) многозначного слова, конечно, определяется не только их семантическими свойствами. Так, Ю. Д. Апресян привлекает различия в синтаксических свойствах и сочетаемости отглагольных дериватов *встреча 1* (*встреча кого; устроить встречу*) и *встреча 2* (*встреча с кем; *устроить встречу*) в подтверждение автономного («лексемного») статуса соответствующих мотивирующих глаголов *встречать 1* и *встречать 2* [Апресян 2001: 17].

1. Передняя часть головы человека. *На этом лице вы увидите настоящий греческий нос с горбинкой, тонкие губы и хорошие голубые глаза* (Чехов). К этому значению отнесены следующие идиомы: *лицом* (хорош, невзрачен и т. п.), *с лица* (простореч. *из лица*), *на лицо* (красивый молодой, худой) и т. п.; (измениться, перемениться) *в лице*; *лицом* к кому, чему; *лица нет* на ком-либо; *знать в лицо* кого-либо; *в лицо* (говорить, бранить, хвалить и т. п.); *смотреть прямо (смело) в лицо* (правде, опасности, смерти и т. п.); *лицом к лицу* (видеть, стремиться, столкнуться и т. п.); *к лицу (не к лицу)* кому-либо а) идет (не идет). О костюме, прическе; б) *перен.* прилично (неприлично), подобает кому-либо; *на одно лицо*; *в поте лица*; *лицом к деревне, лицом к производству; лицом в грязь не ударить; кидать в лицо*.

2. *Перен.* Индивидуальный облик, отличительные черты кого-, чего-либо. *Его творческое лицо можно было обнаружить в его проектах* (Галин). Идиоматика: *лицо мира, страны, города* и т. п. *Сергей хотел как можно ярче представить себе лицо Москвы* (Бабаевский). Сюда же отнесено значение: наиболее показательная, выражающая сущность явления, предмета сторона чего-либо. *Красная Армия — лицо и душа страны* (А. Н. Толстой).

3. Передняя, верхняя, наружная сторона чего-либо. *...И самое лицо дома было веселое, стекла окон блестели ясно, зелень цветов за ними была разнообразно ярка* (Горький). Идиоматика: *лицом* к чему (стоять, поставить, повернуть и т. п.); *товар лицом показать*.

4. Человек как отдельная личность; человек как член общества. *Иван Ильич попал в список лиц, подозреваемых в сочувствии рабочим* (А. Н. Толстой). Идиоматика: должностное, частное и т. п. *лицо*; главное, первое и т. п. *лицо*; о человеке, занимающем высокое общественное положение; особа, персона. *Я — лицо в округе... Меня на сто верст кругом знают и уважают* (Горький); *в лице* кого-либо (*Журналистика в лице своих даровитейших представителей...* — Писарев); *не взирая на лица*; *действующее лицо*; *доверенное лицо*; *юридическое лицо*. (Из нового узуса: *физическое лицо*.)

5. Грамматическая категория, выражаемая глагольными формами и личными местоимениями.

Прежде чем обратиться к семантическому анализу словообразовательных дериватов слова *лицо*, посмотрим, как выделены и как упорядочены в словаре его разнообразные конкретные (контекстные) употребления. Очевидно, что первое, соматическое значение является независимым, не выводимым из других значений, тогда как все остальные могут быть выведены из первого посредством метафорического или метонимического переноса. Первое значение автономно и в своем конкретном (предметном) денотативном содержании (часть тела, элемент соматической номенклатуры), и в своем номинативном статусе (нейтральное, общеупотребительное, прямое обозначение соответст-

вующей реалии); оно единственное из всех допускает модификационную деривацию (уменьшительно-ласкательную форму *личико*). Следующим по степени автономности можно считать третье значение 'передняя, верхняя, наружная сторона чего-либо'. Соответствующая лексема представляет собой метафорическую номинацию конкретного пространственного параметра предметов, уподобляемого человеческому лицу по признакам «передний», «верхний», «наружный», «внешний» и далее, с добавлением оценки, — «представительный, показательный» и т. п. Она имеет и особых антонимических партнеров в виде *изнанки, тыла*. Остальные значения (лексемы) слова *лицо* связаны с исходным отношениями метонимии или синекдохи и могут быть выведены из него путем соответствующих преобразований исходных семантических компонентов. Так, второе значение (*лицо 2* 'неповторимый облик, самобытность, отличительные черты человека') по сравнению с первым, исходным, акцентирует индивидуальность человеческого лица, подчеркивая его идентифицирующую функцию не только в отношении внешности, но и всего человеческого существа (*сохранить свое лицо*), именно эта лексема служит мотивирующей для одного из главных значений слова *личный* и далее — *личность*. В рамках второго значения, могут быть выделены еще два подзначения: 'индивидуальный облик' (*актер, писатель, художник* и т. п. *со своим лицом*) и 'внутреннее содержание, суть' (*показать свое истинное лицо*, т. е. свою сущность). В целом второе значение оказывается связанным и с первым значением (*лицо* как «идентифицирующая» часть тела > *лицо* как «идентифицирующая» часть «духовного» человека как индивидуума; ср. тот же тип семантической деривации у соматизма *сердце*: *боли в сердце* и *человек без сердца, бессердечный человек*), и с четвертым значением (*лицо* 'человек, личность, персона' > *лицо* 'характеризующие человека качества и свойства'; ср. *бесчеловечный*, где мотивирующее слово *человек* подразумевает внутренний мир человека и характерные для человека качества).

Четвертое значение (*лицо 4* 'человек как отдельная личность, особь, персона') производно от первого, соматического значения (ср. *лица мужского пола*) и получается путем замены части на целое (синекдоха); ср. аналогичные семантические дериваты других соматизмов: *не хватает рабочих рук*, о скоте — *сто голов* и т. п.), оно делает акцент на человеке (*список лиц, должностное лицо, власть в лице депутатов* и т. п.) в его оппозиции предметному и животному миру (ср. в грамматике категорию *лица*) с дальнейшим перенесением акцента с телесного начала человека на социальное (*важное лицо, известное лицо* и т. п.) и сближается со своим дериватом *личность*². Наконец,

² В. В. Виноградов в своей работе о слове *личность* цитирует показательные рассуждения А. С. Шишкова, относящиеся к началу XIX в.: «Поелику лице челове-

пятое, грамматическое значение (*лицо* 5) соотносится с первым не непосредственно, а через четвертое значение, ибо грамматическое *лицо* указывает на реального «социального» человека, участника коммуникационного акта.

Далеко не все словоупотребления (контексты) позволяют однозначно идентифицировать представленные в них значения как принадлежащие одному из перечисленных типов. В особенности это относится к идиоматике. Так, приписанное в [БАС] к первому (соматическому) значению выражение *к лицу* (*не к лицу*), как кажется, соответствует ему только в одном случае, когда речь идет о внешности человека (*платье к лицу*), но вряд ли соответствует в другом случае (*Мне не к лицу и не по летам*), где *лицо* понимается скорее во втором из выделенных в [БАС] значений, а именно в значении ‘индивидуальный облик’ (или иначе — образ, имидж). В рамках второго значения формируется отдельное «ценностное» подзначение, сопоставимое с «положительным» значением таких слов и выражений, как *фасад*, *витрина*, *визитная карточка* и т. п. Тот же оценочный компонент присутствует в выражении *показать товар лицом*, приписанном к третьему значению. Такого рода аксиологические акценты (или приращения) пока еще не получили своего определения и квалификации — будучи достаточно регулярными, они тем не менее не соответствуют ни статусу отдельных значений, ни даже статусу «употреблений» [Апресян 2001].

Задача семантической идентификации словообразовательных дериватов, т. е. соотнесения их с соответствующими лексемами многозначного производящего слова и друг с другом, отнюдь не всегда решается автоматически³. В некоторых случаях оказывается трудно или даже невозможно однозначно соотнести производное слово с конкретным значением (лексемой) производящего слова. Более того, производные слова могут быть в свою очередь многозначными и соотноситься с разными (или одновременно с несколькими) значениями (лексемами) производящего слова.

ское есть первейшая и главная часть тела его, того ради часть берется оно за всего человека; люди бывают различных состояний, званий, достоинств, имеют разные между собою связи; а потому и слово *лице*, приемлемое в смысле всего человека, изображает иногда те же самые понятия, какие относятся к самому человеку; в таком разуме говорится: Он представляет *лице* судии. Я не смотрю ни на какое *лице*... Отсюда происходят слова *личность*, т. е. пристрастие наше к самому себе или к другому лицу или человеку; *лицеприятие*, то есть прием лица в суде или ином каком деле, паче по знакомству его с нами, нежели по правде и совести» [Виноградов 1994: 285—286].

³ В данном случае дело осложняется тем, что целый ряд слов рассматриваемого гнезда (**licьnъjь*, **nalicьnъ*) и др. соотносится (и этимологически, и по внутренней форме) одновременно с *лицо* и с *лик*, при том что само *лицо* (**lice*) этимологически производно от **likъ* (см. в [ЭССЯ]).

К первому (соматическому) значению слова *лицо* безусловно восходят следующие дериваты: уменьш.-ласкат. *личико* (у Даля еще *личичко*, *личище*), прилагательные *личной* и *лицевой*, обозначающие разного рода предметы, относящиеся к лицу или предназначенные для лица: *личные кости*, *лицевые мышцы*, *личной крем*, *личное полотенце* и т. п., а также сложные слова типа *бледнолицый*, *круглолицый* и т. д. При этом уменьшительные дериваты возможны только от соматической лексемы (*лицо 1*), тогда как прилагательные *личной* и *лицевой* могут быть мотивированы и другим значением слова *лицо* — не соматическим, а «параметрическим» (*лицо 3*): так, *личные сапоги* — это сапоги, сшитые из кожи, повернутые стороной, где была шерсть (лицевой стороной), наружу; *лицевая сторона* соотносится с тем же (третьим) значением и означает ‘передняя, внешняя, верхняя (и далее, с подключением оценки — показательная, лучшая) сторона’: *На лицевой стороне монеты орел, на оборотной (ничке) надпись* [Даль].

Более сложную семантическую структуру имеет прилагательное *личный*. Выделяемые словарем [БАС] значения прилагательного *личный* не выводятся полностью и однозначно из значений мотивирующего слова: «1. Осуществляемый лично, собственной особой. *Тут нужны личные наблюдения*. 2. Принадлежащий, свойственный лицу. *Личные недостатки. Личные качества. Личное вооружение. Личная свобода, личное право. Личный успех. Личное дело. Личный друг, враг. Слишком личный характер*. 3. Выражающий индивидуальные особенности лица или предмета. *Свое собственное, личное выражение. Личная разница между людьми*. 4. Выражающий категорию грамматического лица. *Личные окончания глагола*».

В своих типичных употреблениях *личный* восходит к лексеме *лицо 4*: *личный состав* — это состав лиц; *личное дело* (в одном из значений) — канцелярское дело, заведенное на некое лицо, *личные документы* — документы, удостоверяющие личность, *личное оскорбление* — это оскорбление в отношении личности человека (т. е. лица), *личные качества* — качества человека как личности, *личные связи* — это связи некоего лица, ср. также *личная свобода*, *личная безопасность*, *личное обаяние* и т. п. Однако, как и у большинства относительных прилагательных, общее значение отношения (к лицу) может конкретизироваться в разных направлениях; мотивирующее *лицо* может выступать субъектом некоторого действия, состояния или свойства (*личные наблюдения*, *расходы*, *потребности*, *симпатии*, *личная явка*, *вина*, *власть*, *ответственность*, *ошибка*, *рекомендация*, *подпись*, *личный опыт*, *вклад*, *доход*, *личное заявление*, *потребление*, *предпочтение*, *присутствие* и т. д.), может быть объектом (*личное уведомление*, *личная обида*, *неприкосновенность*, *безопасность*, *личный представитель*, *личные выпады*, *оскорбления*, *обвинения*), «посессором» (*личные сбережения*, *вещи*, *личное оружие*, *личный транспорт*, *личная библиотека* и т. п.).

К дополнительным семантическим компонентам, не фиксируемым у производящей лексемы (*лицо 4*), относится индивидуализирующее значение, которое акцентирует отдельность, персональность человека, противопоставляя его разного рода совокупностям людей — социуму, семье, роду (ср. *личный транспорт* в противоположность *общественному*; *личное благополучие*, *личное дворянство* — не передающееся по наследству). Эта семантика более явно проявляется в таких выражениях, как *личный успех* (персональный успех отдельного человека), *личный стиль* (индивидуальный, особый), *личные интересы, отношения, связи, личная корреспонденция* (частная) и т. п. На дальнейших этапах словообразовательной деривации индивидуальное начало человека становится основой семантики слова *личность*, первоначальное значение которого — абстрактное имя признака, т. е. ‘личное’ в субстантивированном употреблении (об истории этого слова в русском языке см. [Виноградов 1994: 271—309]). Для слова *личность* в качестве первого значения [БАС] указывает ‘Совокупность внутренних признаков и свойств, присущих человеку; личное и индивидуальное начало в человеке’. Исходное для лексемы *лицо 4* значение ‘человек как член общества и как носитель индивидуального начала’ (*благородная личность, подозрительные личности, установить личность*) приводится в толковании [БАС] как второе значение; третьим дается устаревшее ‘колкие, обидные замечания в чей-либо адрес’ (*споры, доходившие до личностей; перейти на личности*); четвертым — просторечное *личность* ‘лицо’ (*глаза красные, личность бледная*). Еще сильнее семантический акцент на индивидуальном начале звучит в наречии *лично*, ср. толкования [БАС]: «1. Своей особой, сам (сама, сами). *Я сам, лично, к нему побегу*. 2. По индивидуальным, принадлежащим данному лицу свойствам, качествам; субъективно. *Лично мягкий в своей манере, он был строгим в своих принципах*. 3. Непосредственно (при личном местоимении или собственном имени лица). *Я лично не возражаю*».

В другом относительном прилагательном — *лицевой* — совмещаются значения (лексемы), непосредственно продолжающие семантику мотивирующей лексемы *лицо 1* (*лицевая вена, лицевой тик, лицевая боль, лицевое выражение* и т. п.) и лексемы *лицо 3* (*лицевая поверхность, лицевая сторона, лицевой шов, лицевое окно* и т. п.); второе из них представлено также в глаголе *лицевать* и его производных: *лицовка, облицевать/облицовывать, облицовка, облицовщик* и т. д. Кроме этих двух значений, [БАС] приводит для *лицевой* специальное значение ‘содержащий рисунки, иллюстрированный’ (*лицевая рукопись*), которое соотносится с *лицо 3* и особенно с его дериватами, в которых усиливается семантика ‘внешний, показательный и т. п.’ (*лицевать, облицовка* и т. д.).

Таким образом, оба прилагательных, образованных от *лицо*, — *личный* и *лицевой* — оказываются многозначными. При этом составляющие их лексе-

мы не выводимы друг из друга (не являются продуктом непосредственной семантической деривации в рамках слова *личный* или *лицевой*), а «параллельно» и независимо производны (семантически и словообразовательно) от соответствующих лексем мотивирующего слова *лицо*. Следовательно, здесь мы имеем дело с другим видом полисемии, чем в случае семантической деривации на основе метонимии, метафоры, синекдохи и других регулярных способов семантического развития. В пределах каждого отдельного слова, производного от *лицо*, составляющие его лексемы отношением непосредственной семантической деривации не связаны, в отличие от лексем общего для них мотивирующего слова, в котором по крайней мере некоторые из лексем семантически производны от других лексем того же слова (*лицо 1* > *лицо 3*; *лицо 1* > *лицо 4*; *лицо 4* > *лицо 5*, но не *лицо 1* > *лицо 5* и не *лицо 3* > *лицо 5*, которые связаны друг с другом лишь опосредованно).

К лексеме *лицо 1* (часть тела), кроме упомянутых *личико*, *личной*, *лицевой*, можно отнести дериваты *лицезреть*, *лицезрение* (созерцать, созерцание *лицом к лицу*), а также, вероятно, *личина* ‘маска, искусственное, накладное лицо’ — как предмет и затем как образ, имидж — (устар. также ‘лицо человека’; см. о слове *личина* [Виноградов 1977: 183]) и далее — *личинка* в биологическом (*личинки комаров*) и техническом значении (*личинка замка*); в последних дериватах доминирующим мотивом становится функция прикрывания и свойство отделимости от прикрываемого предмета. Эти признаки, нерелевантные для *лицо 1*, связывают данные дериваты с лексемой *лицо 3*, одно из вторичных значений которого ‘покрытие, облицовка’.

С лексемой *лицо 2* ‘облик’, по-видимому, можно связывать дериваты *двучличный* (имеющий два лица, облика), возможно, также *лицедей* (создатель образа) и дальнейшие производные *лицедейский*, *лицедействовать* и т. д., а также устар. *личить* ‘приличествовать’ (*Не личит нашему брату злословить*), ср. *не к лицу*; это же слово применительно к внешности оказывается дериватом лексемы *лицо 1* (*платье ей к лицу*).

Лексема *лицо 3*, утратившая связь с человеком, становится основой целой семьи дериватов, продолжающих значение ‘внешняя сторона, поверхность предмета’ (*лицевой*, *лицевать* ‘об одежде’) и далее развивающих уже на новой основе значение ‘покров, искусственная поверхность чего-либо’ (*облицовка*, *облицовщик* и т. д., *наличник*). Другая линия деривации основывается на понятии внешнего, видимого как явного, присутствующего, существующего, имеющегося *налицо*: таковы *наличный*, *наличие*, *наличествовать* (ср. семантическую параллель *(на)личный* — *личность* и *суций* ‘имеющийся, существующий’ — *существо* ‘человек, личность’).

К лексеме *лицо 4* восходят прежде всего основные лексемы многозначного прилагательного *личный* и далее *личность* (см. выше), *обезличить*, затем,

вероятно, *лицемер*, *лицемерить*, *лицемерный* (соизмеряющий свои слова и поведение со статусом лица-адресата)⁴; *лицеприятный* (*нелицеприятный*), *лицеприятие*, устар. *лицеприязнь* (пристрастное, благоприятствующее отношение к тому или иному лицу), *олицетворять* (персонифицировать, представлять в человеческом образе).

К дериватам лексемы *лицо* 5 относятся грамматические термины *личный*, *безличный* (*форма*, *предложение* и т. п.), *безличность*, *личность* (категория).

Приведенный здесь материал (заведомо неполный) демонстрирует сложную (иерархическую и разноплановую) структуру многозначности лексико-словообразовательного гнезда. Если, по выражению Е. В. Падучевой, набор значений многозначного слова можно трактовать как парадигму его значений [Падучева 2004: 15], то и «горизонтальные» деривационные ряды, образуемые производными этого слова (в их «мотивирующей» части), тоже связаны своего рода парадигматическими отношениями с мотивирующими лексемами и друг с другом. Но эти отношения в «вертикальном» измерении (в ряду значений одного многозначного слова, например, *лицо* 1 — 5) и в «горизонтальном» измерении (в деривационной цепочке, ср. семантические модификации *лица* в ряду *лицо* 3 — *лицевой* — *лицевать* — *олицевать* — *олицовка* — *олицовщик* — *олицовщица*) носят разный характер. В первом случае они более сложны, могут сочетать цепочечные и радиальные схемы (например, *лицо* 1 «радиально» связано и с *лицо* 2, и с *лицо* 3, и с *лицо* 4, тогда как «цепочечная» схема лежит в основе ряда *лицо* 1 — *лицо* 4 — *лицо* 5). При этом один тип отношений связывает каждую из терминальных лексем с «главной» (*лицо* 1) или смежные лексем в цепочке, где имеет место «непосредственная» семантическая связь, и совсем другой — терминальные лексем друг с другом, соотносящиеся не непосредственно, а через «главную» лексему (например, лексем *лицо* 3 ‘передняя, внешняя часть, сторона’ и *лицо* 4 ‘человек, личность’ отстоят друг от друга на значительно большем расстоянии, чем «непосредственно» связанные *лицо* 1 и *лицо* 4) или несмежные члены цепочки (например, *лицо* 1 и *лицо* 5). Во втором случае (в деривационных рядах) семантические отношения между непосредственно связанными (смежными) членами (если вообще семантика претерпевает изменение) часто сводятся к простой кумуляции (приращению семантического компонента) или редукции (устранению

⁴ Признавая это слово, известное всем славянским языкам, старославянским наследием (возможно, созданным по образцу греч. *πρόσωπολόγησις*), [Фасмер, ЭССЯ] и некоторые другие источники предполагают, что первоначально оно имело форму **lice-měti* и означало буквально ‘меняющий лицо’ и лишь впоследствии было соотносено с глаголом **měriti* ‘мерить’. Между тем никаких подтверждений этой версии, кроме ссылки на литовское *veidmainys* ‘лицемер’, не приводится; поэтому другие этимологи ее не разделяют; см., в частности, [БЕР 3: 439—440; ESJS 7: 421—422].

семантического компонента), например, в *личина* ‘маска’ мотивирующая лексема *лицо 1* (‘часть тела’) приобретает дополнительные компоненты «искусственный» и «накладной» (последнее находит продолжение в *личинка*) и одновременно утрачивает «антропологический» компонент (принадлежность телесному человеку). Наконец, лексико-семантическое гнездо в целом имеет еще более сложную семантическую структуру, объединяя вертикальные и горизонтальные парадигмы в единое целое (ср. семантический ряд *лицо 1* — *лицо 4* — *личный* (в его многозначности) — *личность* (в его многозначности) — *личностный* и т. п.). Особую проблему составляет квалификация лексем многозначного слова, принадлежащих разным деривационным парадигмам, например, *личность* ‘человеческое существо, член социума’ (входящая в парадигму *лицо 1* — *лицо 4* — *личный 1* — *личность 1*) и *личность* ‘грамматическая категория’ (входящая в парадигму *лицо 1* — *лицо 4* — *лицо 5* — *личный 3* — *личность 3*)⁵. Такие отношения целесообразно отличать от «чистой» полисемии и рассматривать как своего рода квазиомонимию (подробнее см. [Толстая 2007]).

Литература и сокращения

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 2001 — Ю. Д. Апресян. Значение и употребление // Вопр. языкознания. 2001. № 4. С. 3—22.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950—1965.
- БЕР — Български етимологичен речник / Съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. София, 1962—. Т. I—.
- Виноградов 1977 — В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова // Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162—189.
- Виноградов 1994 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Даль — В. И. Даль. Словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903—1909. Т. 1—4.
- НОСС — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена, 2004.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2006 — Е. В. Падучева. «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» как лаборатория семантического анализа лексики // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2006. Т. 65. № 6. С. 16—29.
- Толстая 2004 — С. М. Толстая. [Рец.] Новый объяснительный словарь синонимов русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2004. Т. 63. № 6. С. 52—54.

⁵ Нумерация значений дериватов условная.

-
- Толстая 2007 — *С. М. Толстая*. Многозначность слова в свете ономазиологии // *Язык как материя смысла: Сб. в честь Н. Ю. Шведовой*. М., 2007.
- Фасмер — *М. Фасмер*. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. 1—4.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1964—. Вып. 1—.
- ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* / E. Havlová (red.). Seš. 1—. Praha, 1989—.

«НЕСОБСТВЕННАЯ СОБАЧЬЯ РЕЧЬ» И «СВОБОДНЫЙ ПСОВЫЙ ДИСКУРС»

Ханну Томмола

В своих научных трудах Елена Падучева неоднократно рассматривала грамматические категории в дискурсе и нарративе, связность текста и взаимодействие говорящего и слушающего. Кроме наблюдений над функционированием языковых средств при создании несобственно-прямой речи, она посвятила ряд работ также собственно нарратологическому разбору техники повествования в художественной литературе. Особенно любопытен ее анализ рассказа В. Набокова «Набор», в котором автор тонко разыгрывает читателя, используя разные уровни фиктивности¹. Однако, разоблачая меняющиеся роли повествователя и автора, Елена Викторовна дает автору достойный ответ (по словам Е. В., «у читателя есть чем отомстить»), отметив, что «прочтешь рассказ, оставшись в дураках, ⟨...⟩ можно только однажды» [Падучева 1996: 385].

В этой статье мы попытаемся с точки зрения ведения повествования проанализировать фрагмент булгаковской повести «Собачье сердце», в котором читатель — совсем не как у Набокова — как будто ни в чем не чувствует себя обманутым. Как мне кажется, читатель может воспринимать повесть как совершенно естественно построенный текст. Следовательно, мы обсудим некоторые аспекты того, как сделана эта повесть, хотя над таким вопросом безвинному читателю даже и не приходится задумываться.

1. Несобственно-прямая речь и свободный косвенный дискурс

Так называемая *несобственно-прямая речь* (НПР) была предметом исследований русских литературоведов и лингвистов еще в первых десятилетиях прошлого века ([Якубинский 1923; Волошинов 1930] и др., дальнейшие работы — см. [Шмид 2003: 222—227]). Изучая феномен НПР, Е. В. Падучева

¹ Рассказ Набокова «Набор» как эксперимент над повествовательной нормой [Падучева 1996: 385—393].

[1996: 335, 337] ввела новый в русском языке термин, пользуясь калькой английского *free indirect discourse* — *свободный косвенный дискурс* (СКД). Она дифференцирует оба термина, рассматривая последний как название понятия, относящегося к нарративной технике, тогда как в первый она вкладывает чисто лингвистическое содержание. Подобное разграничение можно считать оправданным, даже весьма нужным, если только удастся определить признаки того и другого. Пока неясно, существуют ли показатели НПР, которые можно описать с помощью лингвистических, тем более — грамматических критериев.

Грамматическое оформление НПР варьируется в разных языках; например, в большинстве славянских языков и в некоторых других принято использовать настоящее время для не прямой передачи речи и мыслей персонажей, тогда как в большинстве других европейских языков они передаются с помощью той же формы прошедшего времени, в котором ведется повествование рассказчиком. Видо-временная система оказывает определенное влияние на средства создания НПР в любом языке. Поскольку в восточно- и западнославянских языках грамматические показатели «абсолютных» и «относительных» (перфектных) времен отсутствуют, выбора для однозначной передачи некоторых отношений (дейктических и таксисных) в повествовательной структуре нет, точку отсчета и точку (второстепенного) момента речи определить трудно (см., например, [Tommla 2006]).

В предварительном обзоре возможных языковых показателей я упоминал некоторые предложенные исследователями примеры грамматических (в турецком языке) и лексических (в итальянском) средств, которые якобы встречались только в НПР [Tommla 2003: 107—110]. Однако случай с турецкой временной формой подвергался сомнению уже в названной статье [Tommla 2003: 109], а как отмечается в недавно защищенной диссертации С. Котроцци [Cotrozzi 2006: 229, сн. 12], был раскритикован еще в работе Дримбы [Drimba 1976: 14]. Предполагаемая же исключительно «несобственно-прямая» функция итальянских лексем опровергнута С. Курт [Kurt 2006: 42].

В болгарском и македонском языках НПР потенциально функционирует в отношении временных форм примерно как в германских и романских языках. Но только потенциально, так как наблюдается существенная вариативность. Вариативностью отличаются и романские языки (французский, итальянский и испанский) в отношении передачи будущего в прошедшем (в нарративе, относительного будущего сознания персонажа). При передаче одновременных положений дел в нарративе, который ведется в прошедшем времени, кроме «нормального» прошедшего (претерита), в германских и романских языках, тем не менее, встречается и настоящее (презенс). Видо-временная система влияет на соблюдение в языке последовательности времен. Помимо

славянских языков (см. [Varentsen 1996: 15]), его нет, например, в венгерском. Здесь вариативность при выборе прошедшего, настоящего или будущего времени очень большая (см. наблюдения М. Я. Гловинской [1989: 135 и сл.] о «третичном дейксисе» при пересказе).

2. Собачье сердце — Ненаивная картина мира собаки

Повесть Булгакова — в использованном нами издании² объемом ок. 90 страниц — разделена на девять глав: I (7 стр.), II (15), III (14), IV (4), V (9, Из дневника доктора Борменталя), VI (15), VII (7), VIII (9), IX (8) и Эпилог (3). Нас прежде всего интересуют первые главы, где Шарик еще собака, а не Шариков. И как мы еще увидим, пес способен фокусировать³ повествование, тогда как очеловеченный Шариков такого статуса осознающего протагониста не приобретает.

Первая глава начинается длинным внутренним монологом (ВМ) пса. Уже здесь проявляются достаточно обширные знания и жизненный опыт московского уличного бродяги («Нигде кроме такой отравы не получите, как в Моссельпроме», с. 122), который отличает гражданина от товарища, даже господина от просто гражданина (с. 121). Он в курсе заработка обыкновенной машинистки, характера и манер ее любовника, с пристрастием к французской любви («Сволочи эти французы, между нами говоря», с. 120), знаком с повадками графов Толстых (там же); ему не чужда и религия, по крайней мере на уровне речевой идиоматики («Царство ему небесное», там же). Он не очень высокого мнения о пролетариях (особенно дворниках), хотя сам к интеллигенции или классу имущих никак не относится.

На третьей странице в тексте появляется реплика: барышня обращается к псу («куть, куть»), называя его Шариком. Следующий после реплики барышни абзац надо считать повествованием рассказчика (всезнающим? наблюдающим?). Затем следует опять внутренний монолог, потом снова повествование рассказчика. К концу третьей страницы находим пример НПР:

(1) *До чего бессмысленны, тупы, жестоки повара. «Шарик» — она назвала его... Какой он, к черту, «Шарик»? Шарик — это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляйка поджарая, бездомный пес (с. 121; курсив мой. — Х. Т.).*

² Булгаков М. А. Собачье сердце // Собрание сочинений. Т. 3. Повести / Сост., общ. ред., предисл. и коммент. Э. Проффер. Анн Арбор: Ардис, 1985. С. 119—210.

³ О фокализации см. [Шмид 2003: 62—71].

Не очень лестный комментарий о поварах в первом предложении скорее всего принадлежит псу, а во втором — уже явно НПП. Рассказчик ссылается на Шарика местоимением третьего лица (*его, он*), при этом дается точка зрения именно его, нашего пса (чье же еще могло быть выражение *к черту?*). Между двумя местоимениями 3 л. говорится о «настоящем Шарике», тем не менее и второе *он* — это тот же наш пес, несобственно-прямой рассказчик.

На четвертой странице на сцену выходит человеческий герой повести, профессор Преображенский (кстати, фамилия эта называется гораздо позже). Несмотря на то, что фигура Филиппа Филипповича вводится здесь впервые и рассказчик как будто делает вид, что знакомится с ним только по ходу действия, делает заключения о его статусе (мол, не *товарищ* он, а *гражданин*, вернее даже *господин*), но для наблюдателя он сразу появляется с именем-отчеством. Собственно, «настоящий» наблюдатель в мире повести должен был бы узнать имя господина только тогда, когда к нему обратится швейцар в подворотне, т. е. намного позднее, чем читатель. Собачий голос, ведущий рассказ, здесь забегает вперед⁴.

Далее и до конца первой главы повествование идет от (недифференцируемого) рассказчика, время от времени превращаясь в ВМ пса, в чем можно усматривать свидетельство того, что рассказчик в самом деле тот же носитель ВМ. Реплики людей, барышни и Преображенского, адресованные псу («Шарику», опять Шарик!⁵), и диалог Ф. Ф. со швейцаром графически размечены конвенционально с помощью тире в начале строки (абзаца). При этом лишь человеческая речь оформляется в виде реплик; когда «цитируется» пес, его слова (или облеченные в словесную оболочку мысли, возможно, переведенные с собачьего языка на русский?) взяты в кавычки — или изложены в форме графически никак не обозначенного внутреннего монолога. Впрочем, и у Шарика есть реплики, графически оформленные так же, как реплики людей, но это «реплики», которые передаются исключительно в форме, воспринимаемой человеком, не владеющим собачьим вариантом русского языка: *У-у-у* или *У-у-гу-гу-гуу*, *Ф-р-р-р... гау* или (один раз, без обозначения реплики) *тяу, тяу!*

Можно отметить, что повествовательная структура в первой главе состоит из ВМ, авторского повествования, фокусированного под сознание героя-Шарика (или вообще, может быть, неизвестного, но обязательно собачьего наблюдателя), и реплик людей.

⁴ Еще более удивительным кажется намек в адрес незнакомого господина в ВМ: «А вы сегодня завтракали, вы — *величина мирового значения, благодаря мужским половым железам...*» (с. 122, *курсив* мой. — Х. Т.). «Величиной мирового значения» Филиппа Филипповича называет Борменталь только в восьмой главе (с. 193).

⁵ Повествователь в первый раз называет собачьего персонажа Шариком в конце пятой страницы.

3. Языковые способности и грамотность собаки

Кроме внушающих уважение энциклопедических знаний, которыми обладает Шарик, как стало ясно в первой главе, пес владеет и определенным речевым и языковым искусством, да еще началами высших знаковых систем, как, например, чтения. Вторая глава начинается так:

(2) *Учиться читать совершенно ни к чему, когда мясо и так пахнет за версту. Тем не менее, ежели вы проживаете в Москве и хоть какие-нибудь мозги у вас в голове имеются, вы волей-неволей научитесь грамоте, притом безо всяких курсов. Из сорока тысяч московских псов разве уж какой-нибудь совершенный идиот не сумеет сложить из букв слово «колбаса»* (с. 125).

Стало быть, в Москве кроме «совершенных идиотов» начальной ступени грамотности достигает всякий... гм... вероятно, имеется в виду — пес. Обращаясь к читателю на *вы* (альтернативно ко всем читателям, мысленным собеседникам: «как вам известно»), повествователь описывает, как протекает первая ступень «высшего образования» собаки — обучение буквам. Возможно, рассказчику не совсем ясно, кто составляет его аудиторию, так как он, видимо, не дает себе отчета в том, что для кого-то из читателей без вывесок и словесной информации может оставаться неизвестным, где следует приобретать колбасу, где мясо, а где — рыбу и прочие продукты питания. Так, рассказчик считает искусство чтения в некоторой степени излишним, явно избыточным ввиду наличия обоняния. Далее, не любому читателю совершенно очевидно, что изучение азбуки удобнее начинать с конца слова «рыба» (здесь можно вспомнить, забегая вперед в содержании повести, первое четко выговоренное слово существа, получившего потом имя Шарикова, — «абыр»).

Во второй главе (самой длинной во всей повести) происходит многое, что нас непосредственно не интересует: профессор Преображенский принимает своих «больных», обращаясь с ними более или менее сурово; к нему приходят Швондер, Вяземская, Пеструхин и Жаровкин (новое домоуправление), от которых профессор отделяется не менее сурово. Всем этим он заслуживает еще более глубокое (если такое возможно) уважение Шарика («Вот это парень (...) Весь в меня. Ох, тыпнет он их сейчас, ох, тыпнет», с. 137).

Нас в первую очередь интересует, как проявляются умственные способности Шарика. Известно, что он читает (и носом, и — кое-как — глазами). Любопытно, что он, по всей видимости, понимает человеческую речь: он реагирует непосредственно на слова, которые люди произносят. Он отмечает, что его называют Шариком (см. пример выше, с. 121); имя Зины он запоминает сразу, когда впервые слышит («... та, которую называли Зиной», с. 128); «Я не кусаюсь?» — удивляется он, когда профессор успокаивает испуганного

пациента (с. 131), а на упреки Дарьи Петровны он реагирует так: «Какой же я карманник? Ошейник вы разве не замечаете?» (с. 149). Когда же профессор, разговаривая сам с собою, спрашивает: «Какой же негодяй тебя обварил?» (с. 127), он отвечает (*молвит жалобными глазами!*): «Повар, каторжник повар!».

При встрече Шарика с бывшими уличными товарищами обнаруживается, насколько выразителен собачий вариант русского языка: его — с недавних пор наделенного ошейником⁶ — облают *барской сволочью* и *шестеркой*. На материале данной повести мы не можем заключить, все, многие или только единицы из московских собак — билингвы, понимающие, подобно Шарикуну, и русский язык и русский лай.

Интересная характеристика речевого сознания Шарика — то, как он называет других протагонистов. Очевидно, что релевантность персонажа для говорящего субъекта имеет важное значение: Зина остается для Шарика Зиной, профессор же — единственный, кого Шарик называет по имени и отчеству, иногда именуя его также каким-либо «высоким» словом, вроде *благодетель*. Младший коллега и ученик профессора, доктор Борменталь, занимает в этом отношении довольно любопытное положение в сознании Шарика. Чаще всего (22 раза) его называют *тяпнутым*: такое имя Борменталь получил благодаря первой встрече с Шариком, — когда Филипп Филиппович и Борменталь лечили его бок, пес оказал сопротивление и покусал ассистента.

(3) *Затем личность навалилась на пса сверху животом, причем пес с увлечением тяпнул ее повыше шнурков на ботинке* (с. 128).

Отношения Шарика с «тяпнутым», между тем, складываются сложные и отчасти противоречивые. Голос Борменталья для Шарика звучит приятно (с. 129), и как явствует из дважды употребленного эпитета *красавец тяпнутый*, его внешний вид псу тоже понравился. Однако на долю Борменталья выпадает роль помощника в лечении и оперировании Шарика; и это воспринимается псом не только с одобрением. Вспомним еще о том, что в дальнейшем терпение Борменталья, которому приходится заниматься воспитанием Полиграфа Полиграфыча, неоднократно подвергается испытаниям, и его отношение к П. П. Шарикову в конце концов постепенно перерастает в с трудом скрываемую ненависть.

4. Заключение

На этом мы заканчиваем свой небольшой экскурс в несобственную собачью речь, так как в последующих главах повести мы уже не встречаем этот голос. Не нашли мы в ней и ни одного примера НПР, который можно было бы считать воплощением воображения Шарикова — неудачного и незрелого

⁶ «Ошейник все равно что портфель» (с. 149).

плода эксперимента профессора Преображенского. В задачи настоящей статьи не входил анализ характера и характеристики Полиграфа Шарикова в повести, однако уже первые наблюдения убеждают нас в том, что его образ менее пронизан для человеческого ума, чем Шарик. Отсутствие «гуманных» черт как будто ограничивает возможности проникновения в эмоциональную сферу этой личности. Во всяком случае, можно сделать вывод, что автор не позволил себе — или не решился — перемешивать свой дискурс с (несобственно прямой) речью этого трагикомического героя. Внутренний мир бедного Полиграфа остался закрытым для нас — и для автора.

Литература

- Волошинов 1930 — *В. Н. Волошинов*. Марксизм и философия языка. Л., 1930.
- Гловинская 1989 — *М. Я. Гловинская*. Морфологическая семантика: Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989. С. 74—146.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Шмид 2003 — *В. Шмид*. Нарратология. М., 2003.
- Якубинский 1923 — *Л. Якубинский*. О диалогической речи. Пг, 1923. (Рус. речь; 1).
- Barentsen 1996 — *A. Barentsen*. Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in ‘reported perception’ // *T. A. J. M. Janssen, W. van der Wurff* (eds). Reported Speech. Forms and Functions of the Verb. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1996. P. 15—55.
- Cotrozzi 2006 — *S. Cotrozzi*. Aspects of Foregrounding in Old Testament Narratives: A Pragmatic Approach. PhD dissertation. London School of Theology, Brunel Univ, 2006.
- Drimba 1976 — *V. Drimba*. Le style indirect libre en turc de Turquie // *Turcica*. 8. 1976. P. 7—20.
- Kurt 2006 — *S. Kurt*. FID and future time reference in German, Italian, French and Spanish fictional texts // *P. Tammi, H. Tommola* (eds). FREE language INDIRECT translation DISCOURSE narratology. Linguistic, Translatological, and Literary-Theoretical Encounters / Tampere Studies in Language, Translation and Culture. A 2. Tampere: Tampere UP, 2006. P. 27—50.
- Tommola 2003 — *H. Tommola*. Conclusion: Aspects of Free Indirect Discourse and the limits of linguistic analysis // *P. Tammi, H. Tommola* (eds). Linguistic and Literary Aspects of Free Indirect Discourse from a Typological Perspective / FID Working Papers. 1. Publications of the Department of Literature and the Arts. Tampere: Univ. of Tampere, 2003. P. 95—114.
- Tommola 2006 — *H. Tommola*. Almost free. Tense and time reference in Slovak and Hungarian FID // *P. Tammi, H. Tommola* (eds). FREE language INDIRECT translation DISCOURSE narratology. Linguistic, Translatological, and Literary-Theoretical Encounters / Tampere Studies in Language, Translation and Culture. A 2. Tampere: Tampere UP, 2006. P. 51—87.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СОЮЗОВ И ТЕОРИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ*

Е. В. Урысон

Елене Викторовне Падучевой

1. Объект и цели исследования. Объект предлагаемой работы — некоторые союзы, а также фразовые частицы русского языка. Цель исследования — показать, что по своим синтаксическим возможностям союзы распадаются на два класса. Союзы одного класса можно условно назвать «жесткими», союзы второго класса — «мягкими». С точки зрения синтаксиса мягкие союзы близки к фразовым частицам. Жесткие союзы обладают гораздо более определенным синтаксическим поведением. Не исключено, что многозначный союз в одном из своих значений может быть жестким, а в другом — мягким. По-видимому, мягкие союзы различаются по степени синтаксической свободы и тем самым не представляют собой однородной группы. Предлагаемое разбиение не совпадает с классификациями союзов, принятыми в традиционных грамматиках, в частности, с делением союзов на сочинительные и подчинительные. Между тем сколько-нибудь полное лексикографическое описание союза невозможно без учета его синтаксических свойств, обсуждаемых ниже.

По ходу работы мы уточним существующее определение синтаксического актанта лексемы. Кроме того, продемонстрируем, что с точки зрения теории валентностей мягкие союзы и фразовые частицы образуют особый подкласс предикатов. Они имеют по два семантических актанта. Однако обозначение этих актантов или хотя бы одного из них не может быть полностью описано лингвистическими правилами. Дело в том, что выражение одного или даже обоих актантов выбранных слов, с одной стороны, регулируется вполне четкими правилами, а с другой стороны, этих правил недостаточно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-04-00289а), Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» и гранта Президента РФ № НШ-3205.2008.6.

для формального определения актанта в синтаксической структуре высказывания и, следовательно, для того чтобы признать анализируемое слово (мягкий союз или фразовую частицу) синтаксически двухвалентным предикатом. Образно говоря, мягкие союзы и фразовые частицы обладают «зачатками» соответствующих синтаксических валентностей.

2. Постановка задачи. Как известно, союзы могут связывать как члены предложения (ср. *Весной Ваня и Маша поженились*), так и предложения, ср. *Было холодно, и шел дождь*¹. Для простоты первый случай из дальнейшего рассмотрения исключается.

Союзы естественно считать предикатами с двумя семантическими актантами — P и Q. Ср.

- (1) *Хотя был сильный мороз (Q), лыжные тренировки не отменялись (P)* [*'хотя Q, P'*];
- (2) *Когда ты сдашь последний экзамен (Q), мы поедem на дачу (P)* [*'когда P, Q'*];
- (3) *Мы пойдem на пляж (P), если не будет дождя (Q)* [*'если P, Q'*];
- (4) *Шел дождь (P), и было холодно (Q)* [*'P, и Q'*];
- (5) *Я устала (P), а тебе никакого дела нет (Q)* [*'P, а Q'*].

Описание семантики союзов представляет собой отдельную проблему. Данная работа посвящена синтаксису, поэтому мы ограничимся самой краткой характеристикой семантических актантов союзов.

Оба семантических актанта союза представляют собой ситуации, и в приведенных примерах каждый актант выражается отдельным предложением. Иными словами, у союза естественно усматривать две семантические валентности. А сколько у союза синтаксических валентностей?

Синтаксическая валентность лексемы — это, по определению, «способность предикатной лексемы синтаксически подчинять себе слово, группу слов или предложение, которые соответствуют ее семантическому актанту» [Апресян 2004: XXV]. Из этого определения следует, что синтаксический актант некоторой предикатной лексемы — это ее синтаксическое зависимое.

Условимся, что в рассматриваемых нами случаях как подчинительный, так и сочинительный союз синтаксически подчиняют себе оба связываемых

¹ Кроме того, союз может связывать и одно слово (член предложения) с целым предложением. Ср. *Я думал уж о форме плана / И как героя назову* (А. С. Пушкин) [союз *и* связывает член предложения *о форме (плана)* и отдельное предложение *как героя назову*]; *В соседней деревне, что раскинулась за рекой, играют свадьбы* [союз *что* присоединяет придаточное к слову *деревня*]. От этих случаев мы абстрагируемся.

предложения. Иными словами, подчинительный союз типа *когда*, *если* или *хотя* подчиняет себе и главное предложение, и придаточное: $P \leftarrow \text{когда} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{если} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{хотя} \rightarrow Q$. Сочинительный союз типа *а*, *и* подчиняет себе оба сочиненных предложения: $P \leftarrow \text{и} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{а} \rightarrow Q$. Заметим, что одно из первых описаний, в котором союзы *и* и *а* трактовались таким образом, принадлежит Е. В. Падучевой [Падучева 1974; Крейдлин, Падучева 1974а,б].

Казалось бы, правила реализации синтаксических валентностей союза принципиально не отличаются от, скажем, правил реализации валентностей глагола. Специфика союза сводится к тому, что его синтаксические валентности насыщаются не отдельными словами или словосочетаниями (таковы глагольные дополнения), а отдельными предложениями в составе сложного.

При ближайшем рассмотрении, однако, картина оказывается далеко не такой очевидной. Сравним следующие примеры:

(6) *Дело к весне, а мороз все жестче.*

(7) *Дело к весне. День удлинился, солнце светит ярче. На календаре — середина марта. А мороз все жестче. Ветер резкий, северный. И волки по ночам воют.*

У нас нет никаких оснований считать, что слово *а* в приведенных примерах выступает в разных значениях. В соответствии с описанием этого союза, данным в работе [Крейдлин, Падучева 1974а], перед нами в обоих случаях лексема² «*а* несоответствия». Однако синтаксические валентности союза *а* насыщаются описанным выше способом лишь в примере (6). В примере (7) валентности этого союза реализуются не отдельными сочиненными предложениями, а целыми кусками текста.

В случаях типа (6) оба синтаксических актанта союза *а* описываются в синтаксических терминах и могут быть полностью заданы синтаксическими правилами. Пример (7) не поддается подобному, строго синтаксическому описанию. Этот факт требуется интерпретировать.

Рассмотрим другой материал, помогающий четче уяснить суть возникающей проблемы. Сравним подчинительный союз *хотя* и фразовую частицу *тем не менее*³.

² В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово, взятое в его одном значении. Таким образом, многозначное слово представляет собой набор лексем.

³ Союз *хотя* и фразовая частица *тем не менее* уже неоднократно привлекали к себе внимание исследователей ([В. Апресян 1999; 2004; Урысон 2003]; из этих работ взято большинство примеров, приводимых ниже). Сейчас мы сосредоточимся на актантажной структуре данных единиц.

3. Союз VS. фразовая частица: синтаксические сходства и различия.

Подчинительный союз *хотя* в его основном значении семантически сближается с фразовой частицей *тем не менее*. Ср.:

(1a) *Был очень сильный мороз (P). Тем не менее лыжные тренировки не отменялись (Q).*

VS.

(1) *Хотя был очень сильный мороз (P), лыжные тренировки не отменялись (Q).*

(8a) *Игрок брал не более пяти-шести нот, лениво тянул их, не стараясь связать их в мотив (P), но тем не менее в его писке слышалось что-то суровое и чрезвычайно тоскливое (Q) (А. П. Чехов).*

VS.

(8) *Хотя игрок брал не более пяти-шести нот и лениво тянул их, не стараясь связать в мотив (P), в его писке слышалось что-то суровое и чрезвычайно тоскливое (Q).*

(9a) *Да, это внезапное появление могло испугать кого угодно (P), и тем не менее оно являлось большой радостью (Q) (М. Булгаков).*

VS.

(9) *Хотя это внезапное появление могло испугать кого угодно (P), оно являлось большой радостью (Q).*

И союз *хотя*, и лексическая единица *тем не менее* описывают положение дел, когда имеют место две ситуации — P и Q, причем ситуация P препятствует существованию ситуации Q (например, ситуация ‘сильный мороз’ препятствует существованию ситуации ‘проведение лыжных тренировок’). Тем самым, слова *хотя* и *тем не менее* имеют по два семантических актанта. Актант P — это ситуация, препятствующая существованию другой ситуации. Актант Q — это та «ключевая» ситуация, которая имеет место вопреки препятствию⁴. Данные слова различаются прежде всего следующим: союз *хотя* непосредственно вводит указание на ситуацию-препятствие (P) и располагается в соответствующем предложении. А слово *тем не менее* вводит указание на «ключевую» ситуацию (Q), существующую вопреки препятствию, и располагается в предложении, обозначающем данную ситуацию. Условимся, что слово *тем не менее* подчиняет себе вводимое им предложение.

Будем приписывать номер 1 тому актанту, выражение которого вводится рассматриваемым словом. При таком соглашении лексическая единица *тем не менее* и союз *хотя* различаются (в частности) номером актантов P и Q.

⁴ Существует и другая точка зрения, в соответствии с которой союз *хотя* (а следовательно, и единица *тем не менее*) имеют по три семантических актанта [Теримова 1986]. Подробное обоснование нашей точки зрения изложено в работе [Урысон 2003].

Хотя: Р [ситуация-препятствие] =1.

Тем не менее: Q [ключевая ситуация] =1.

Тем самым, слово *тем не менее* и союз *хотя* находятся в отношении конверсии. Точнее, *тем не менее* — это квазиконверсив подчинительного союза *хотя* [Урысон 2003]⁵. Сосредоточимся на синтаксических различиях этих единиц.

Напомним, что по принятому нами соглашению подчинительный союз *хотя* подчиняет себе и главное предложение, и придаточное. Придаточное является средством выражения семантического актанта Р (т. е. ситуации-препятствия). Главное предложение выражает «ключевую» ситуацию, т. е. обозначает актант Q. Следовательно, каждому семантическому актанту союза *хотя* соответствует синтаксический актант, причем как оба семантических, так и оба синтаксических актанта союза *хотя* являются обязательными. Подчеркнем, что синтаксические актанты союза *хотя* описываются в синтаксических терминах и могут быть полностью заданы синтаксическими правилами. Союз *хотя* — это и семантически, и синтаксически двухместный предикат.

А сколько синтаксических валентностей (и синтаксических актантов) у слова *тем не менее*?

Необходимо заметить, что теория валентностей (в частности, используемая в модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ») предназначена прежде всего для представления семантических и синтаксических актантов предиката внутри предложения [Мельчук 1974; Апресян 1974]. Рамками высказывания ограничивается и более широкая теория сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996]. Между тем лексическая единица *тем не менее*, как и многие фразовые частицы, принадлежит к тому большому классу слов, которые выражают семантические связи не между единицами внутри высказывания, а между фрагментами текста, иногда достаточно большими. Функционирование таких единиц удастся представить только выйдя за пределы высказывания. Попробуем описать синтаксическую специфику частицы *тем не менее*.

Слово *тем не менее* располагается в начале (реже — внутри) независимого предложения⁶ и, как мы условились, подчиняет себе это предложение. Следовательно, слово *тем не менее* обладает синтаксической валентностью на ситуацию Q, существующую вопреки препятствию. Соответствующий синтаксический актант выражается предложением, в котором находится обсуждаемое слово.

⁵ Сходная точка зрения высказывается в работе [В. Апресян 1999], где, однако, эти единицы признаются точными конверсивами.

⁶ Ср. одинаково нормальные высказывания *Тем не менее лыжные тренировки не отменялись* — *Лыжные тренировки тем не менее не отменялись*.

Что касается ситуации-препятствия Р, то ее обозначение может описываться весьма длинным фрагментом предтекста. Так обстоит дело со следующими примерами — описание «препятствий» для Q занимает в соответствующих произведениях не одну страницу. Ср.

- (10) *Тем не менее костюм от редакции я получил* (С. Довлатов).
 (11) *Тем не менее друг к другу они чувствовали настоящую приязнь и разговаривали обо всем совершенно свободно* (Ю. Домбровский).

Отсюда следует, что к лексеме *тем не менее* — точнее, к выражению ее семантического актанта Р — не может быть применено определение синтаксической валентности и синтаксического актанта. Действительно, из приведенного выше определения следует, что синтаксический актант некоторой предикатной лексемы — это ее синтаксическое зависимое, но такое зависимое располагается в пределах того же высказывания, что и сам данный предикат.

Разумеется, можно счесть примеры типа (10)—(11) маргинальными и сосредоточиться на тех примерах (кстати, столь же нейтральных), где ситуация-препятствие Р выражена в пределах того же высказывания, что и лексема *тем не менее*, или хотя бы в предложении, непосредственно к нему примыкающему. Ср. (1а), (8а) и (9а), а также следующие примеры:

- (12) *Подавленный всем случившимся, он тем не менее продолжает лекцию* [ситуация Р — ‘он подавлен всем случившимся’].
 (13) *Мало что понимая по-немецки, Иван тем не менее догадывался, как издевается над всем виденным Георг Майзель* (А. Азольский) [ситуация Р — ‘Иван мало что понимал по-немецки’].
 (14) *В этом городе, где уже столько лет вытравляется дух приключения, оно тем не менее живет, ползет по улицам, лепится к окнам* (В. Аксенов) [ситуация Р — ‘в этом городе уже столько лет вытравляется дух приключения’].

Однако подобный материал вызывает не меньше трудностей. Обратим внимание на то, что ситуация-препятствие Р в приведенных примерах выражается самыми разными способами: самостоятельным предложением, как в примерах (1а, 8а, 9а); фрагментом, содержащим причастный или деепричастный оборот, ср. (12, 13); придаточным предложением, ср. (14). И, что самое главное, невозможны никакие сколько-нибудь естественные соглашения, при которых соответствующие фрагменты разумно было бы считать синтаксическими зависимыми слова *тем не менее*. Получается, что данная единица не имеет синтаксической валентности, соответствующей ее семантическому актанту Р.

В этом — основное синтаксическое различие между подчинительным союзом *хотя* (в рассмотренном значении) и частицей *тем не менее*: союз *хотя* и

семантически, и синтаксически двухвалентен, а слово *тем не менее*, имея два семантических актанта, должно быть признано синтаксически одновалентным.

Приняв, что слово *тем не менее* имеет лишь одну синтаксическую валентность, мы полностью освобождаем себя от описания поверхностного выражения его второго семантического актанта. Между тем к обозначению этого актанта предъявляются вполне четкие формальные требования.

Во-первых, семантический актант 'ситуация-препятствие' слова *тем не менее* выражается только в предтексте. Во-вторых, обозначение этого актанта должно содержать ремю. Эта рема может быть основной (если ситуация *Р* описывается отдельным самостоятельным высказыванием) или второстепенной — так обстоит дело, если ситуация *Р* обозначается фрагментом, содержащим обособленный оборот. Ср.

(1а) *Был очень сильный мороз (Р). Тем не менее лыжные тренировки не отменялись (Q)* [выражение актанта *Р* представляет собой ремю первого высказывания].

(12) *Подавленный всем случившимся, он тем не менее продолжает лекцию* [актант *Р* — 'он подавлен всем случившимся'; выражение актанта *Р* представляет собой второстепенную ремю высказывания].

Строго говоря, в рамках модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ», да и любой собственно синтаксической концепции, описание подобных ограничений на выражение семантического актанта не предусмотрено. С содержательной точки зрения это вполне понятно: модель «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» (как и различные синтаксические модели) предназначена для представления лишь «настоящих», полноценных синтаксических валентностей. Слово *тем не менее* обладает одной такой валентностью, а вторая синтаксическая валентность у него только намечается — какие-то формальные требования к выражению обсуждаемого актанта есть, однако их слишком мало. (Возможно, эти требования аналогичны требованиям к выражению антецедента местоимения типа *он*.)

Тем не менее требуется описывать и промежуточные случаи, когда синтаксическая валентность слова находится в «зачаточном» состоянии⁷.

Попытаемся применить к нашему случаю концепцию сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996]. Ведь именно эта теория позволяет описывать валентную структуру частиц, семантические актанты которых вы-

⁷ Заметим, что аналогичным «зачатком» синтаксической валентности на выражение ситуации-препятствия обладают неточные синонимы единицы *тем не менее*: ср. *все-таки*, *все же*, *все равно*. Легко убедиться, что они могут быть подставлены в примеры выше вместо единицы *тем не менее* без существенного изменения смысла высказывания (тонкой семантике этих единиц посвящены работы [Пайар 1998а, б; Киселева 1998; В. Апресян 2004]).

ражаются не управляемыми дополнениями, а достаточно сложно определяемыми фрагментами высказывания.

4. Обсуждение теоретического аппарата. Идея И. М. Богуславского состоит в том, что «разумно было бы называть синтаксическим актантом любое синтаксическое образование, значение которого соответствует семантическому актанту» [Богуславский 1996: 43]. Но поскольку термин «синтаксический актант» имеет вполне устоявшееся, традиционное понимание, не распространяющееся на любое синтаксическое образование, то вместо него вводится новый, более широкий термин: синтаксическая сфера действия лексемы по ее семантическому актанту.

Синтаксическая сфера действия лексемы по ее семантическому актанту X — это тот фрагмент синтаксической структуры, смысл которого соответствует семантическому актанту X данной лексемы. Казалось бы, приведенное определение идеально подходит для нашего случая. Тогда у слова *тем не менее* есть синтаксическая сфера действия по семантической валентности на ситуацию-препятствие P, а значит, и соответствующий синтаксический актант.

Обратим, однако, внимание на следующий факт: во всех случаях, разобранных И. М. Богуславским, речь идет о тех синтаксических сферах действия, которые задаются четкими, вполне алгоритмизуемыми лингвистическими правилами. Между тем выражение семантического актанта P лексемы *тем не менее* не может быть задано подобным образом. Это различие между материалом, описанным И. М. Богуславским, и случаем типа нашего имеет принципиальный характер.

Дело в том, что понятие синтаксической сферы действия является расширением более традиционного понятия синтаксического актанта, а оно первоначально было введено для описания глагольного управления. Сущность синтаксического актанта глагола состоит не только в том, что он зависит от глагола, но и в том, что он имеет определенное морфологическое, синтаксическое или морфосинтаксическое оформление, диктуемое лексическими свойствами глагола или семантикой управляемого слова [Апресян 1979]. Благодаря этому синтаксический актант может быть адекватно описан в строгих синтаксических терминах, а значит как синтез, так и анализ такого актанта алгоритмируем. Если, заменяя понятие синтаксического актанта более широким и гибким понятием синтаксической сферы действия, мы откажемся от каких бы то ни было требований к поверхностному выражению семантического актанта, нам придется отказаться и от идеи алгоритмизуемого обнаружения синтаксического представления высказывания.

Фактически и «классическая» теория валентностей, и ее расширение — концепция сфер действия [Богуславский 1996] — предусматривает лишь ту

ситуацию, когда для данного семантического актанта существует четкий набор способов его выражения, благодаря чему можно формально определять тот фрагмент синтаксической структуры (или значения словоформы, или коммуникативной структуры), которым данный актант выражается.

А как быть в ситуации, когда таких правил нет?

В рамках модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» в подобных случаях принято говорить, что данный семантический актант невыразим и лексема не имеет соответствующей синтаксической валентности. Классический пример лексемы с невыразимым семантическим актантом (или, что то же, с нереализуемой семантической валентностью) — глагол *промахнуться* [Мельчук 1974: 135; Апресян 1974: 148].

Глагол *промахнуться* описывает ситуацию, когда субъект стреляет (или бросает нечто) в цель, однако не попадает в нее. Следовательно, цель, или поражаемый объект, является одним из семантических актантов описываемой ситуации. Однако высказывания, в которых данный семантический актант был бы оформлен как обычный синтаксический актант глагола, неудачны или неудовлетворительны. Ср. ^{??}*Охотник промахнулся по тигру* (**в тигра*). Причина этого в том, что в русском языке нет стандартного словосочетания ^{??}*промахнуться по кому-л./чему-л.* (**в кого-л./что-л.*), хотя нормально словосочетание *стрелять в кого-л./что-л.* (Аналогичным образом обстоит дело и с актантом ‘инструмент’ данных глаголов: в русском языке есть стандартное словосочетание *стрелять из чего-л.*, но нет стандартного словосочетания ^{??}*промахнуться из чего-л.*) В терминах модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ», актант ‘цель’ глагола *промахнуться* невыразим и глагол *промахнуться* не имеет синтаксической валентности по данному семантическому актанту.

Существенно, что очень часто данный семантический актант выражен где-то в тексте. Ср. *Охотник выстрелил в тигра, но промахнулся; По выражению лица охотника мы поняли, что он опять промахнулся. А стрелял он, как выяснилось, в лису.* Однако выражение данного семантического актанта невозможно задать теми формальными правилами, которыми описывается реализация валентностей.

Возвращаясь к частице *тем не менее*, заметим, что ее семантический актант Р, указывающий на ситуацию-препятствие, тоже не может быть полностью задан формальными синтаксическими правилами. Следовательно, с точки зрения модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ», один из семантических актантов слова *тем не менее* является невыразимым.

Однако между глаголом *промахнуться* и анализируемой фразовой частицей есть принципиальное различие, на котором мы сейчас и остановимся.

5. *Промахнуться* и *тем не менее*: два типа «невыразимых» семантических актанта. Как продемонстрировано в работе [Плунгян, Рахилина 2005],

невыразимость объекта глагола *промахнуться* обусловлена тем, что данный его семантический актантирует в пресуппозиции лексемы, а не в ее асерции. Аналогичным образом обстоит дело с глаголами, обозначающими ликвидацию результата действия. «У глаголов типа *забинтовать (руку марлей)*, *заворачивать (покупку в бумагу)*, *завязывать (ящик веревкой)* имеется валентность средства-объекта, нереализуемая у их антонимов *разбинтовать (руку)*, *разворачивать (покупку)*, *развязывать (ящик)*, хотя в принципе она у них есть, потому что их невозможно истолковать, не упоминая некоего X-а (средства-объекта), который А снимает с В. Аналогичную семантическую структуру имеют и другие антонимы этого класса, к числу которых можно отнести, помимо уже названных слов, *развьючить (осла)*, *разгрузить (машину)*, *разжать (уши)*, *растегнуть (пальто)* и многие другие (ср. исходные глаголы *навьючить (осла тюками)*, *нагрузить (машину зерном)*, *зажать (уши ладонями)*, *застегнуть (пальто на все пуговицы)*)» [Апресян 1974: 147]. У всех этих слов тоже невыразим семантический актантирующий в пресуппозиции значения лексемы. Естественно, что такой подразумеваемый актантирующий может вообще никак не называться в тексте, что не нарушает его правильности. Ср. *Не знаю, куда он метил, знаю только, что промахнулся; Чем он зарабатывает?* — *Вагоны разгружает* и т. п.

Что касается лексемы *тем не менее*, то выражение ее обсуждаемого актанта в тексте совершенно обязательно. Высказывание типа *Тем не менее костюм от редакции я получил* обязательно предполагает предтекст, содержащий описание ситуации-препятствия Р. Именно поэтому высказывание с *тем не менее* невозможно в абсолютном начале повествования или в качестве первой реплики диалога. Ситуация парадоксальна: семантический актантирующий, с одной стороны, по определению «невыразим», а с другой стороны, его выражение в тексте совершенно обязательно.

Приведенный материал заставляет пересмотреть понятие «невыразимого» семантического актанта. Для представления рассмотренных фактов мы воспользуемся концепцией И. М. Богуславского, привлекающей своей простотой и логичностью, введя, однако, некоторые новые определения. Нам придется разграничить разные типы синтаксических сфер действия лексемы.

6. Типы синтаксических сфер действия лексемы по некоторому актантиру. Специфика «невыразимого» семантического актанта, например, актанта 'цель' глагола *промахнуться*, состоит в том, что его выражение не описывается строгими (формальными) лингвистическими правилами. Иными словами, синтаксическая сфера действия лексемы по такому актантиру не может быть задана лингвистически.

— Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актантиру не может быть описана строгими лингвистически-

ми правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера является лингвистически неопределенной.

В соответствии с этим «невыразимый» семантический актант некоторой лексемы — это такой актант, синтаксическая сфера действия по которому лингвистически не определена.

Обычный («выразимый») актант некоторой лексемы — это такой актант, выражение которого вполне описывается лингвистическими правилами.

— Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанту вполне описывается строгими лингвистическими правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера лингвистически хорошо определена.

Хорошо определены синтаксические сферы действия, соответствующие «классическим» синтаксическим актантам, например глагольным дополнениям. Хорошо определенными являются и синтаксические сферы действия частиц, описанные в книге [Богуславский 1996].

Для описания промежуточного случая, представленного словом *тем не менее*, введем еще одно определение.

— Будем говорить, что синтаксическая сфера действия лексемы по данному семантическому актанту является частично лингвистически определенной, если выражение данного актанта описывается формальными правилами не полностью.

Частично определенной является синтаксическая сфера действия слова *тем не менее* по актанту ‘ситуация-препятствие’.

Сформулируем синтаксическое различие между уступительным союзом *хотя* и частицей *тем не менее* в новых терминах.

И уступительный союз *хотя*, и частица *тем не менее* имеют по два семантических актанта, и каждому семантическому актанту соответствует своя синтаксическая сфера действия. При этом у союза *хотя* обе синтаксические сферы действия являются лингвистически хорошо определенными: синтаксическая сфера действия по одному актанту — это главное предложение, а по другому актанту — придаточное. У частицы *тем не менее* лингвистически хорошо определена синтаксическая сфера действия только по одному актанту («ключевая ситуация»). Синтаксическая сфера действия по второму актанту (‘ситуация-препятствие’) определена лишь частично.

7. Синтаксис союзов. Вернемся к примерам:

(6) *Дело к весне, а мороз все жестче.*

(7) *Дело к весне. День удлинился, солнце светит ярче. На календаре — середина марта. А мороз все жестче. Ветер резкий, северный. И волки по ночам воют.*

Очевидно, что союз «а несоответствия» употребляется в синтаксических контекстах двух типов: (а) между двумя сочиненными предложениями, ср. (6); и (б) между двумя фрагментами текста, ср. (7). В сложносочиненном предложении синтаксическая сфера действия союза по каждому его семантическому актанту является лингвистически хорошо определенной: один семантический актант выражается линейно первым сочиненным компонентом, другой семантический актант — вторым компонентом. При «внутритекстовом» употреблении обе синтаксические сферы действия союза лингвистически определены лишь частично: один семантический актант выражается каким-то фрагментом текста, расположенным левее союза, а второй — каким-то фрагментом текста правее союза.

Аналогичным образом ведет себя союз *а* и в другом значении — «а сопоставления». Ср.:

(15) *Вася умный, богатый, а Ваня дурачок, живет на нищенскую зарплату.*

(16) *Вася умный, богатый. Родители его еще при Горбачеве выдвинулись. Он уже школьником два года жил в Лондоне, потом год в Париже. В 25 лет содиректором банка был. А Ваня дурачок, живет на нищенскую зарплату. Родители у него инвалиды. Он уже после армии мединститут кончил, да так и работает в городской больнице за гроши.*

В (15) союз «а сопоставления» соединяет два сочиненных предложения и по каждому актанту обладает хорошо определенной синтаксической сферой действия. В (16) синтаксическая сфера действия по каждому актанту союза определена лишь частично.

Легко убедиться, что теми же синтаксическими возможностями обладает и союз *но*: достаточно подставить его, вместо союза *а*, в примеры (6) и (7). Ср.

(17) *Дело к весне, но мороз все жестче.*

(18) *Дело к весне. День удлинился, солнце светит ярче. На календаре — середина марта. Но мороз все жестче. Ветер резкий, северный. И волки по ночам воют.*

Заметим, что частично определенной может быть и синтаксическая сфера действия союза *и* по ее «левому» семантическому актанту. Так, в примере (18) союз *и* присоединяет вводимое им предложение не к определенному высказыванию левее, а к фрагменту текста, границы которого, вероятно, не задаются строгими правилами.

Союз, у которого синтаксическая сфера действия хотя бы по одному актанту является частично определенной, назовем синтаксически мягким. При-

меры мягких союзов — сочинительные союзы *а, но, и*, рассмотренные выше. По своим синтаксическим возможностям мягкие союзы близки фразовым частицам (ср. *тем не менее*).

Союз, у которого синтаксические сферы действия по всем актантам хорошо определены лингвистически, назовем синтаксически жестким. Жесткими являются многие подчинительные союзы, ср. *когда, пока, хотя* (в его основном значении), *как* и т. п. Жесткими являются также все те союзы, которые состоят из двух дистантных элементов; ср. *(не) то... (не) то, если...то, чем...тем* и т. п.

Заметим, что в грамматиках сочинительные союзы типа *но, а, и* принято рассматривать в позиции, характерной как для сочинительных, так и подчинительных союзов, т. е. между двумя предложениями в составе сложного. В данном синтаксическом контексте у всех союзов синтаксическая сфера действия по каждому актанту является лингвистически хорошо определенной. Однако по крайней мере для многих сочинительных союзов позиция внутри сложносочиненного предложения — не единственно возможная. Многие сочинительные союзы способны располагаться между достаточно большими фрагментами текста, и в этом случае синтаксическая сфера действия союза хотя бы по одному семантическому актанту лингвистически определена лишь частично.

В целом, однако, деление союзов на синтаксически мягкие и синтаксически жесткие не совпадает с их разбиением на сочинительные и подчинительные: даже близкие по значению союзы могут различаться с точки зрения жесткости / мягкости.

Сравним, например, союзы *так как* и *ибо*. Оба они являются причинными и, хотя различаются стилистически, часто могут заменять друг друга. Ср.

(19а) *Инженер сказал, что сейчас никто не работает на антраците, ибо попытки, имевшие место на разных заводах, были неудачны* (М. Павлов, [МАС]).

VS.

(19б) *Инженер сказал, что сейчас никто не работает на антраците, так как попытки, имевшие место на разных заводах, были неудачны.*

Однако союз *так как* может соединять только придаточное предложение и главное, т. е. является синтаксически жестким. Союз *ибо*, напротив, является мягким: он может связывать вводимое им предложение с любым достаточно большим фрагментом предтекста. Ср.

(20) *Он читал каждую свободную минуту. На работе, когда остальные грузчики балагурили и курили, открывал книгу и погружался в чтение. Ночью сидел допоздна, зубрил английские слова. Молча сносил*

насмешки товарищей и брюзжание хозяйки, считавшей его ненормальным. (P) Ибо знал, что образование — единственный для него способ пробиться наверх (Q).

Во фрагменте текста слева от *ибо* описано некоторое положение дел, а союз *ибо* вводит указание на причину этого положения. Синтаксически данный союз связывает достаточно большой фрагмент текста (P) и отдельное предложение обозначающее причину этого положения дел (Q). При этом синтаксическая сфера действия союза *ибо* по актанту P определена частично: требуется, чтобы она находилась в предтексте союза, но границы ее вряд ли могут быть заданы строгими лингвистическими правилами. Напротив, синтаксическая сфера действия союза по актанту Q определена лингвистически хорошо: это предложение, вводимое союзом.

Союз *так как* в подобном контексте недопустим. Достаточно, однако, трансформировать текст (20), превратив его в одно сложное предложение, и замена союза *ибо* на *так как* станет возможной. Ср.

(20a) *Он читал постоянно, каждую свободную минуту (P), ибо знал, что образование — единственный для него способ пробиться наверх (Q).*

(20б) *Он читал постоянно, каждую свободную минуту (P), так как знал, что образование — единственный для него способ пробиться наверх (Q).*

Союз *ибо* относится к синтаксически мягким союзам, а *так как* — к синтаксически жестким⁸.

Все же можно предположить, что имеет место следующая тенденция: большинство сочинительных союзов (за исключением союзов с повторяющимися дистантно расположенными компонентами типа *то...то*) являются синтаксически мягкими, в то время как подчинительные союзы, напротив, в массе синтаксически жесткие. Проверка этой гипотезы представляет собой отдельную задачу.

Заключение. Хорошо известно, что множество лингвистических объектов, определяемое по тем или иным признакам, имеет неоднородную структуру: в нем выделяются центр и периферия. Объекты, относящиеся к центру, обладают всеми данными признаками, а на периферии располагаются так называемые промежуточные случаи, т. е. объекты, обладающие лишь частью данных признаков. Однако теория валентностей до сих пор описывала лишь центральные, «чистые» случаи. Между тем промежуточные случаи существуют и здесь. К таким периферийным явлениям относятся «зачаточные» син-

⁸ Союз *потому что* сближается в этом отношении с *ибо*.

таксические валентности некоторых союзов и фразовых частиц, рассмотренные выше.

Отметим, что одна из задач автоматического анализа текста — выявление семантических актантов лексем, содержащихся в высказывании. Однако эта задача поддается алгоритмизации лишь в том случае, если синтаксические сферы действия лексемы по ее семантическим актантам лингвистически хорошо определены. Если же синтаксическая сфера действия лингвистически определена лишь частично (и тем более если она вообще лингвистически не определена), то обнаружение семантического актанта лексемы неалгоритмизуемо. Для нахождения семантического актанта, которому соответствует частично определенная синтаксическая сфера действия, требуются не только собственно лингвистические сведения (например, о линейном расположении фрагментов текста), но и понятийный анализ текста, невозможный без привлечения обширных «энциклопедических знаний» о действительности. Возможно, подобная процедура и поддается какой-то алгоритмизации, но при этом предполагается обработка не синтаксической или семантической структуры высказывания (текста), а некоторой понятийной сети.

Итак, для обнаружения семантических актантов фразовых частиц и мягких союзов требуется интеграция собственно лингвистического анализа с анализом содержания текста.

В настоящее время задачи подобного рода могут быть лишь поставлены.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 1979 — Ю. Д. Апресян. К понятию глагольного управления // Wiener Slavistischer Almanach. Bd. 3. Wien, 1979. S. 198—205.
- Апресян 2004 — Ю. Д. Апресян. Лингвистическая терминология Нового объяснительного словаря синонимов русского языка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2004. С. XVIII—XLV.
- В. Апресян 1999 — В. Ю. Апресян. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопр. языкознания. 1999. № 5. С. 24—44.
- В. Апресян 2004 — В. Ю. Апресян. Словарная статья синонимического ряда «Все-таки 1, все же 1, все равно 3, тем не менее, в то же время 2» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2004. С. 166—172.
- Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Киселева 1998 — К. Л. Киселева. Сопоставительная статья: *все же, все-таки* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 226—236.

- Крейдлин, Падучева 1974а — *Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева*. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31—37.
- Крейдлин, Падучева 1974б — *Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева*. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 10. С. 32—37.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. М., 1983.
- Мельчук 1974 — *И. М. Мельчук*. Опыт теории построения моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.
- Падучева 1974 — *Е. В. Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Пайар 1998а — *Д. Пайар*. *ВСЕ ЖЕ* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 208—217.
- Пайар 1998б — *Д. Пайар*. *ВСЕ-ТАКИ* // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998. С. 217—236.
- Плунгян, Рахилина 2005 — *V. Plungian, E. Rakhilina*. *Приземлиться и промахнуться*: семантические механизмы синтаксических ограничений // Восток — Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 2005. С. 374—382.
- Теремова 1986 — *Р. М. Теремова*. Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.
- Урысон 2003 — *Е. В. Урысон*. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // Рус. яз. в науч. освещении. 2003. № 6. С. 217—246.

ВИД И ДЕЙКСИС

Б. А. Успенский

1. Дейктическими принято называть слова, которые соотносятся со своими обозначаемыми не непосредственно, но в процессе коммуникации, т. е. не в языке, а в речи, — иначе говоря, через речевой акт. В обычном случае слова относятся в нашем сознании к некоторой реальности — актуальной или виртуальной¹ — независимо от процесса коммуникации. Так, например, слово *стол* служит для обозначения любого члена открытого класса отождествляемых объектов, которые ассоциируются на основании тех или иных характеристик. Такого рода классификация представлена в языке, которым мы пользуемся, — независимо от того, имеет ли место процесс коммуникации, т. е. в отвлечении от речевой деятельности.

Дейктические слова, между тем, непосредственно относятся к акту коммуникации, и только опосредованным образом — через речевой акт — они соотносятся с той реальностью (актуальной или виртуальной), которая является предметом коммуникации². Они не обладают абсолютно независимым содержанием, в полной мере абстрагированным от акта коммуникации. Поскольку коммуникация осуществляется говорящим, можно считать, что явление дейксиса (лежащее в основе употребления дейктических слов) так или иначе предполагает ориентацию на говорящего — при том, что одновременно может иметь место и ориентация на слушающего (позиция которого соотносена с перспективой говорящего)³.

¹ Актуальная реальность представлена денотатами, виртуальная — значениями (в специальном семиотическом смысле этого слова).

² В частности, только через речевой акт они соотносятся со своими денотатами.

³ См.: Успенский, 2007, с. 12—14. В более узком смысле дейксис понимается как указание на время и место высказывания, ср., например: «The notion of *deixis* (...) is introduced to handle the 'orientational' features of language which are relative to the time and place of utterance» (Lyons, 1968, с. 275). Ср. также: «By deixis is meant the location and identification of persons, objects, events, processes and activities being talked about, or referred to, in relation to the spatiotemporal context created and sustained by the act of utterance and the participation in it, typically, of a single speaker and at least one addressee»

2. Принято различать первичный дейксис, или дейксис в собственном смысле, и вторичный дейксис, при котором соотнесение с речевым актом осуществляется непрямым (опосредованным) образом. В первом случае дейксис ориентирован на говорящего как субъекта речи, т. е. дейктические слова отсылают к реальным условиям порождения речи (в частности, они могут указывать на время и место речевого акта). Во втором же случае дейксис ориентирован на речевую позицию говорящего, которая при этом отличается от реальной позиции говорящего как производителя речи. В этом случае соотнесение с речевым актом осуществляется через какую-то промежуточную инстанцию, которая, в свою очередь, соотносится с говорящим как реальным лицом.

Выбор речевой позиции может определяться при этом как грамматикой языка, так и коммуникативной (в частности, нарративной) стратегией говорящего.

Так, время, выражаемое формой плюсквамперфекта, определяется не отношением действия или состояния к моменту речи (как это имеет место в случае первичного дейксиса), а отношением его к другому действию или состоянию, которое уже непосредственно соотносится с реальным временем речевого акта. Например, во фразе *I had finished my work when he came back* время, обозначаемое глагольной формой *had finished*, соотнесено с временем, обозначаемым формой *came*, которое при этом соотносится с временем речевого акта. Если во фразе *He said that he wanted to go to the cinema* время, обозначаемое глагольной формой *wanted*, так же как и время, обозначаемое формой *said*, соотнесено с временем речевого акта, то в соответствующей по смыслу фразе русского языка — *Он сказал, что хочет пойти в кино* — время, обозначаемое глагольной формой *хочет*, соотносится с временем, обозначаемым формой *сказал*, которое соотнесено с временем речевого акта; иначе можно сказать, что настоящее время глагола *хочет* соотносится не с самой реальностью, а с текстом, который ее описывает⁴. И в первом, и в последнем примере представлен как первичный, так и вторичный дейксис: пер-

(Lyons, 1977, с. 637, § 15.1); «*Дейктическим* называется такой элемент, который выражает идентификацию объекта — предмета, места, момента времени, свойства, ситуации — через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту. (...) Конституирующим признаком дейксиса (...) служит то, что у дейктических слов обращение к контексту речевого акта работает на нужды идентификации (объектов, моментов времени, участков пространства и проч.)» (Падучева, 1996, с. 245—246).

⁴ Очевидным образом это связано с отсутствием в русском языке *consecutio temporum*. Это явление (*consecutio temporum*) часто понимают как согласование времен, в действительности же речь идет не о согласовании как таковом, а об одинаковом отношении обозначаемых действий или состояний к моменту речи.

вичный дейксис предполагает непосредственное соотнесение дейктического слова с речевым актом, тогда как вторичный дейксис предполагает отсылку к слову, соотнесенному с речевым актом, — иначе говоря, вторичный дейксис осуществляется в этих случаях через первичный⁵.

В другом случае соотнесение с речевым актом может осуществляться посредством введения имплицитного наблюдателя, с которым окказионально ассоциирует себя говорящий и который может, в частности, отождествляться с героем повествования⁶; можно говорить о том или ином представителе говорящего в повествовании. Это также случай вторичного дейксиса.

Соответственно различаются речевой режим и нарративный режим. В речевом режиме описываемые события соотносятся с моментом речи, т. е. с настоящим временем говорящего (первичный дейксис), в нарративном режиме — с текстовым временем (вторичный дейксис)⁷. Мы будем различать нарративное время, которое соотносится с внутренней хронологией повествования, т. е. определяется последовательностью событий, и текстовое время, которое соотносится с позицией рассказчика, наблюдателя, действующего лица и т. п. (текстовое время представителя говорящего соответствует настоящему времени самого говорящего). Таким образом текстовое время определяется на хронологической шкале — в рамках нарративного времени. И то и другое понятие актуально для вторичного дейксиса.

О вторичном дейксисе целесообразно говорить в том случае, если позиция, с которой ведется описание, может быть представлена как определенная трансформация позиции говорящего (например, как позиция говорящего, переведенная в тот или иной режим).

⁵ Ср.: «И абсолютное употребление форм времени, и их относительное употребление (при котором исходным пунктом временной ориентации является не момент речи, а какой-то другой момент) связаны с временным дейксисом, однако лишь в первом случае он может быть признан прототипическим. Актуальный момент речи говорящего (при абсолютной временной ориентации в ее прототипическом проявлении), с одной стороны, и момент речи (мысли, чувства, восприятия) того субъекта, которого имеет в виду говорящий (*Он думал, что все придут*), с другой, — это разные точки отсчета. Из них одна первична, а другая — производна. В случаях типа *Он думал, что еще успеет вернуться* явно представлен „вторичный дейксис“: говорящий как бы воспроизводит отношение времени действия к исходному пункту временной ориентации, но не со своей точки зрения, а с точки зрения того субъекта, о котором идет речь» (Бондарко, 1998, с. 75).

⁶ См. о фигуре наблюдателя в этой связи: Апресян, 1995, с. 639—644; Падучева, 1996, с. 265—275.

⁷ Ср. различение речевого и нарративного режима в связи с дейксисом: Падучева, 1996, с. 265—296.

3. Категория времени непосредственно или опосредованно относится к речевому акту: временная форма глагола так или иначе соотносится с моментом речи и, следовательно, представляет собой дейктическое слово. (Категория времени непосредственно относится к речевому акту в случае первичного дейксиса, опосредованно — в случае вторичного.) Сложнее обстоит дело с видом, который традиционно трактуется как недейктическая категория. Отличие времени от вида предстает тогда как различие дейктической и недейктической категорий. При такой интерпретации вид характеризует действие или состояние безотносительно к акту коммуникации⁸.

Это традиционное положение не так давно было подвергнуто пересмотру: в работах последнего времени все чаще высказывается предположение, что вид, так же как и время, связан с дейксисом. Принципиальное значение имеют наблюдения Ю. Д. Апресяна (1986/1995) и Е. В. Падучевой (1996); следует отметить, впрочем, что некоторые соображения, фактически ведущие к этой мысли, были высказаны в свое время уже А. Досталом, Р. Ружичкой, Ю. С. Масловым и особенно О. П. Рассудовой.

4. Так, по наблюдению Ю. Д. Апресяна, разница между высказываниями *Я читал «Войну и мир» в раннем детстве* и *Я прочитал «Войну и мир» в раннем детстве* состоит «в том, как говорящий воспринимает время этого события. В случае совершенного вида говорящий мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, т. е. тем временем, в котором он мыслит себя. Одним из следствий этого обстоятельства является эффект сохранения результата действия в настоящем. В случае несовершенного общезначимого (*Он читал этот роман, Он уже ходил за хлебом, Кто открывал окно?*) говорящий мыслит время события как отличное от того времени, в

⁸ «Aspect, unlike tense, is not a deictic category; it is not relative to the time of utterance» (Lyons, 1968, с. 315); «Aspect (...) differs from tense, as a grammatical category, in that it is non deictic (having to do with such distinctions as extension in time vs. instantaneity, completion vs. non-completion and iteration vs. non-iteration)» (Lyons, 1977, с. 687, § 15.4). Ср. также: «(...) Вид связан с понятием времени, но в отличие от категории глагольного времени он имеет дело не с дейктической темпоральной локализацией обозначаемого „действия“, а с его внутренней темпоральной структурой, как она понимается говорящим. Вид отражает „оценку“ говорящим временной структуры самого действия. Не будучи, следовательно, дейктической категорией, вид принадлежит, однако, к категориям субъективно-объективным, „преимущественно интерпретационным“, устанавливающим тот угол зрения, под которым рассматривается в формах языка объективная внеязыковая действительность» (Маслов, 2004, с. 23—24); «В отличие от категории глагольного времени, вид связан не с дейктической темпоральной (временной) локализацией действия, а с его внутренней „темпоральной структурой“, с тем, как она интерпретируется говорящим» (Маслов, 2004а, с. 500).

котором в момент речи он мыслит себя. Этим объясняется эффект давнопрошедшего, свойственный общефактическому значению»⁹. Точнее говоря, это не давнопрошедшее, а отвлеченное прошедшее (с аористным значением); речь идет о разобщенности действия, отнесенного к прошлому, с моментом речи. Как писал В. В. Виноградов, «прошедшее время несовершенного вида (...) обозначает действие, протекавшее, осуществлявшееся в прошлом, независимо от отношения его к настоящему»¹⁰; в свою очередь, формы совершенного вида обозначают действие именно в его отношении к акту коммуникации.

Равным образом О. П. Рассудова, сопоставляя высказывания *Я уже заполнял анкету. Зачем же еще раз?* и *Я уже заполнил анкету. Она находится у дежурного*, замечает: «В первом предложении говорящий отмечает факт действия, имевшего место в прошлом, не устанавливая его связи с настоящим, и глагол несовершенного вида выражает полную отнесенность действия к прошлому. (...) Употребление глагола совершенного вида во втором предложении дает возможность говорящему установить связь действия, совершенного в прошлом, с моментом речи»¹¹. Ср., наконец, примеры М. Я. Гловинской: «*Я послал сына в магазин* (в момент речи сын в магазине или в пути) — *Я посылал сына в магазин* (неизвестно, где находится сын в момент речи); *Дети остались в школе после уроков* (дети в школе) — *Дети оставались в школе после уроков* (неизвестно, по-прежнему ли дети в школе в момент речи или нет); *Хозяйка вымыла террасу* (пол вымыт) — *Хозяйка мыла террасу* (неизвестно, в каком состоянии пол в момент речи); *Я предупредил его об опасности* (эффект предупреждения — информация о грядущей опасности — сохраняется в момент речи) — *Я предупреждал его об опасности* (неизвестно, сохраняется ли эффект предупреждения в момент речи); *Андрей посмотрел „Ивана Грозного“* (предполагается, что впечатление от фильма сохраняется в момент речи) — *Андрей смотрел „Ивана Грозного“* (неизвестно, сохраняется ли впечатление от фильма в момент речи)»¹².

Заменим в приведенных выше фразах местоимение 1-го лица на местоимение 3-го лица: *Он читал «Войну и мир» в раннем детстве* и *Он прочитал «Войну и мир» в раннем детстве*. В последнем примере действие может быть соотнесено непосредственно с временем говорящего (тогда это первичный дейксис) или

⁹ Апресян, 1995, с. 637—638. Ср.: «Охват действия, выраженный перфектной формой, может быть сколь угодно большим (*Он проспал всю жизнь*), но в центре внимания находится лишь конечная точка» (Корецнý, 1958, с. 98—99; Исаченко, II, с. 135).

¹⁰ Виноградов, 1947, с. 558, ср. также с. 557 («Части речи», гл. VII, § 51). Разрядка наша.

¹¹ Рассудова, 1968, с. 22.

¹² Гловинская, 1982, с. 118, ср. также с. 119—123.

же с временем человека, о котором идет речь¹³ и с которым в данный момент ассоциирует себя говорящий (тогда это вторичный дейксис).

Сходным образом фраза *Он пошел в кино* может заключать в себе как первичный, так и вторичный дейксис: первичный дейксис представлен в речевом режиме, если имеется в виду позиция говорящего (ср., например: *Где Вася? — Он пошел в кино*); вторичный дейксис представлен в нарративном режиме, если имеется в виду позиция наблюдателя или персонажа (ср., например: *Иванов ждал гостей, но они не пришли. Тогда он пошел в кино. Потом он долго вспоминал об этом*; глагольные формы совершенного вида — *пришли, пошел* — соотносятся здесь с текстовым временем, т. е. каждый раз определяются тем временем, которое было на том или ином этапе **н а с т о я щ и м** для героя повествования¹⁴).

5. Сказанное относится и к противопоставлению совершенного и несовершенного вида в будущем времени: фраза *Я буду бросать* фиксирует действие (относящееся к будущему) как таковое, между тем как фраза *Я брошу* выражает связь действия в будущем с настоящим временем говорящего (действие входит в актуальное поле зрения говорящего). Именно поэтому формы совершенного вида будущего времени исторически восходят к формам совершенного вида настоящего времени: сохраняя связь с настоящим временем, действие в будущем рассматривается в перспективе настоящего.

Действительно, в современном русском языке формы, являющиеся по своему происхождению формами совершенного вида настоящего времени, как правило, выражают будущее время¹⁵. На этом основании грамматисты могут утверждать, что глаголы совершенного вида в русском языке имеют только два времени: прошедшее и будущее¹⁶. Это утверждение представляется неточным: правильное было бы говорить о различии в совершенном виде прошедшего и непрошедшего времени, которое может актуализоваться либо как будущее, либо как настоящее.

Вопреки распространенному представлению, совершенный вид настоящего времени вполне возможен в русском языке, хотя и представляет собой относи-

¹³ В частности, это может быть внутренний монолог.

¹⁴ Вместе с тем данная фраза может быть порождена и в речевом режиме, и в этом случае употребление глагольных форм определяется позицией говорящего, а не героя повествования.

¹⁵ Значение будущего времени в формах совершенного настоящего имеет место и в других славянских языках; исключение составляют лишь современные южнославянские (сербохорватский, болгарский, македонский, словенский) языки. См.: Маслов, 1962, с. 411 (примеч. 79).

¹⁶ См.: Дурново, I, с. 37 и 41 (§§ 62 и 68); Виноградов, 1947, с. 540 («Части речи», гл. VII, § 45); Аванесов и Сидоров, 1945, с. 167. Ср., однако: Шахматов, 1941, с. 487, § 558; Виноградов, 1947, с. 575 («Части речи», гл. VII, § 54); Зализняк, 1990; Гловинская, 1998, с. 132—133.

тельно редкое явление — постольку, поскольку сама ситуация, требующая подобной формы, встречается не часто (ср. ниже, § 13). Ср., например, у Гоголя в стихотворении «Италия»: *Среди небес, в сиянии луна // Глядит на мир, задумалась и слышит, // Как под веслом проговорит волна*¹⁷.

Возможность противопоставления по виду в настоящем времени отчетливо видна при переводе текста из плана прошедшего времени в план исторического настоящего (*praesens historicum*): так, фраза *Сидел он в кресле, и вдруг зазвонил телефон* превращается при таком переводе либо в *Сидит он в кресле, и вдруг звонит телефон* (где противопоставление по виду теряется), либо в *Сидит он в кресле, и вдруг (как) зазвонит телефон* (где противопоставление по виду сохраняется, причем глагол совершенного вида соотносится с точкой зрения наблюдателя, противопоставленной более общему плану описания)¹⁸.

Последовательное использование форм совершенного вида настоящего времени наблюдаем в детских рассказах, которые мы цитируем ниже (см. § 6).

6. Можно сказать, что совершенный вид выражает не просто действие как таковое, но действие, представленное как актуальное событие. Событием является то, что так или иначе связано с коммуникационным актом и является значимым в перспективе говорящего или его представителя (например, рассказчика, действующего лица или наблюдателя, с которыми ассоциирует себя говорящий). Актуальность события определяется соотносительностью обозначаемого действия с временем — личным временем говорящего в речевом режиме, внутренней хронологией повествования (нарративным временем) в нарративном режиме.

Так, в процессе повествования формами совершенного вида могут быть отмечены действия (события), актуальные для повествования, на которых по

¹⁷ Гоголь, IX, с. 10. Это стихотворение публикуется в разделе «Приписываемое Гоголю», но комментаторы отмечают, что авторство Гоголя «почти несомненно» (там же, с. 615). Стихотворение было впервые опубликовано без указания автора в журнале «Сын отечества и Северный архив», 1829, т. II, № 12, с. 301—302. Приписано Гоголю на основании свидетельства А. С. Данилевского и других друзей писателя П. А. Кулишом и после этого включалось во все издания сочинений Гоголя.

¹⁸ А. В. Бондарко, рассматривая такие фразы, как *Все молчат, а он вдруг как крикнет* или *Заблудился он, никак дороги не найдет*, считает, что формы *крикнет*, *найдет* выражают в них «настоящее неактуальное», т. е. настоящее, не ориентированное на момент речи (Бондарко, 1962, с. 182). Поскольку в подобных случаях имеет место вторичный дейксис, мы можем считать, что речь идет здесь как раз об актуальном настоящем — при том что описываемое настоящее принадлежит не непосредственно самому говорящему, а воображаемому наблюдателю, которому говорящий сообщает (делегирует) свои функции. Момент речи соотносится, таким образом, с тем временем, которое является настоящим для этого наблюдателя; в перспективе этого наблюдателя и определяется актуальность соответствующего явления.

тем или иным причинам — исходя из нарративной стратегии — фокусирует внимание рассказчик; таким образом описываемое событие соотносится — на временной шкале — с отправным пунктом повествования как коммуникационного акта.

Характерно в этом плане чередование в нарративном тексте форм совершенного и несовершенного вида прошедшего времени у глаголов, вводящих прямую речь (*verba dicendi*), когда глагол совершенного вида относится к герою повествования, а глагол несовершенного вида — к его эпизодическому собеседнику¹⁹.

Ср., например, у Лескова в «Леди Макбет Мценского уезда» (гл. 2): «— Что-го это вы это так радуетесь? — *спросила* Катерина Львовна свекровых приказчиков. — А вот, матушка Катерина Ильвовна (...), — *отвечал* ей старый приказчик»²⁰ (здесь и далее курсивом отмечаем формы совершенного вида, подчеркиванием — несовершенного). Очевидно, что глагол совершенного вида выражает здесь перспективу, в которой ведется повествование, тогда как глагол несовершенного вида фиксирует лишь сам факт события, не соотношенный с точкой зрения рассказчика.

Или у Толстого в «Войне и мире» (т. I, ч. 1, гл. 7): «— Я очень жалею бедного графа, — *говорила* гостья [Карагина] (...). — Что такое? — *спросила* графиня [графиня Ростова] (...). — Вот нынешнее воспитание! (...) — *продолжала* гостья (...). — Скажите! — *сказала* графиня»²¹. Речь эпизодического персонажа (Карагиной) последовательно вводится с использованием формы несовершенного вида (отмечается сам факт действия), тогда как речь графини Ростовой, одного из главных персонажей, столь же последовательно вводится с использованием формы совершенного вида; в первом случае отмечается факт действия (произнесения тех или иных слов), во втором же случае действие представлено как событие (актуальное для повествования, т. е. для нарративной стратегии рассказчика) и последовательность действий представит тем самым как смена событий.

В других случаях аналогичное противопоставление форм совершенного и несовершенного вида может служить не для противопоставления эпизодического и основного персонажа, но для противопоставления эпизодической, фоновой сцены и события, которое происходит на фоне этой сцены. Ср. в той же сцене в «Войне и мире» описание приготовления к именинному обеду в доме Ростовых: «— Ну, ну, Митенька, смотри, чтобы все было хорошо. Так,

¹⁹ Это явление характерно для нарратива. См. в этой связи: Успенский, 2000, с. 128—130.

²⁰ Лесков, I, с. 99.

²¹ Толстой, IV, с. 48. Такого рода чередование форм совершенного и несовершенного вида у глаголов, вводящих прямую речь, наблюдается во всей этой сцене.

так, — говорил он [граф Ростов], с удовольствием оглядывая огромный раздвинутый стол. — Главное — сервировка. То-то... — И он уходил, самоодовольно вздыхая, опять в гостиную. — Марья Львовна Карагина с дочерью! — басом доложил огромный графинин выездной лакей, входя в двери гостиной»²². Граф Ростов, вообще говоря, одно из основных действующих лиц, тогда как лакей представляет собой фигуру эпизодическую; но в данном случае граф выступает в эпизодической сцене (и его слова относятся к фону описываемой картины), а появление лакея представлено как событие, отмечающее переход к новой фазе повествования.

Глаголы, вводящие прямую речь (*verba dicendi*), могут стоять и в настоящем времени (это характерно для бытового рассказа или его имитации), контрастируя в рассказе с формами совершенного вида прошедшего времени. Ср. разговор рыбаков в повести Г. Владимова «Три минуты молчания»: «Тут они являются <...>. — Кореш, — кричат, — салют! <...>. — Салют, — говорю, — кореша. <...>. — Что, — спрашиваю, — бичи? на промысел топаете? — Какой теперь, к шутам, промысел! — пучеглазый орет <...>. Смутился Вовчик <...>. — Ладно, — говорю, — <...>. Кого встречаете, Вовчик? — Своих, трехручевских, — отвечает мне Вовчик <...>. Ну и пошел, конечно, обыкновенный рыбацкий трёп»²³. Глаголы в совершенном виде (*смутился*, *пошел*) отмечают, так сказать, смену экспозиции, т. е. последовательность эпизодов, переход к новой фазе повествования; таким образом, они отмечают действия, актуальные для хода повествования (или, если угодно, для рассказчика, который создает нарративный текст). Напротив, глаголы несовершенного вида фиксируют лишь сам факт действия — безотносительно к времени повествования.

Чередование форм совершенного и несовершенного вида может иметь место и в том случае, когда весь рассказ последовательно представлен в настоящем времени. Ср., например, в рассказе яснополянского ученика Толстого: «Только баба забрюхатеет, муж ходит на поденщину, чтобы заработать деньжонок и получше справиться кстины. Заработает, возьмет деньги и поедет в Тулу купить пшеничной муки. <...> Потом уж баба рожает. Когда рожает, то посылает за бабкой, чтобы она помогла ей. Вот бабка придет и говорит: „о, Господи, помилуй нас грешных! прости грехи наши!“ Вдруг баба вскрикет: „о, батюшки мои! поддержите меня, а то упаду“. Бабка держит ее, а то она упадет. Вдруг баба крепче застонет: „ох, ох, ох, батюшки!“ А бабка схватит ребенка и завернет его в пеленку, а бабе говорит: „ляг, матушка, на лавку“. Баба ляжет и говорит: „бабушка, что я родила — мальчика или девочку?“. Бабка говорит: „мальчика“. Баба говорит: „Ну, слава Богу!“ Потом баба и говорит мужику: „муж, ты получше кстины справь“» («Крестины»)²⁴. Формы совершенного вида здесь представля-

²² Там же, IV, с. 47.

²³ Владимов, II, с. 9—10, ср. также и с. 11—16.

²⁴ Яснополянские рассказы, с. 38—39.

ют собой формы именно настоящего, а не будущего времени: употребление этих форм передает последовательность событий. Этот переход к новой фазе особенно наглядно представлен, когда в одной и той же фразе соседствуют формы совершенного и несовершенного вида: предложение начинается с формы совершенного вида, после чего следует форма несовершенного вида (бабка *придет* и *говорит*; баба *ляжет* и *говорит*).

Или в другом яснополянском рассказе: «Когда какой-нибудь *помирает* человек, то дети *бегают* к лекарю и *говорят*: „дядинька, поди полечи батюшку, я тебе заплачу“. Лекарь *пойдет*, *даст* лекарство и *скажет*: „ты не ешь только-то дней каши, или не пей квасу“. Через сколько-нибудь дней лекарь *приходит* к старику и *говорит*: „что, полегчело тебе?“. А старик *говорит* сквозь зубы: „куда тут полегчить! Неделю целую не ел и даже каши в рот не брал...“ и *заплачет*, а сам и *говорит*: „видно мне пришло время умереть“. Потом все *лежит*, потом он *рыгнет* три раза и *скончается*, — душа *выдет* из его тела и *полетит* в небо. Старика *обмоют*, *наденут* на него белую рубашку, *сошьют* саван и *положат* в гроб. К гробу *приставят* свечку, а старика *покроют* миткалем. Жена *подойдет* к гробу и *воет*: „голубчик ты мой, муженек, на кого ты оставил своих детушек“. И даже все посторонние люди *плачут* и *уговаривают* жену: „ну, будет Арина... видно так Богу угодно“. Арина *замолчит* и *говорит* сыну: „Вань, поди, съезди за попом, чтоб он похоронил отца“. Сын *оденется*, *запряжет* лошадь и *поедет*. *Приедет* и *говорит*: „батюшка, поди похорони мертвого“. Священник *приедет* и *отчитает* молитвы по мертвом. Потом *говорит*: „ну, несите“. Жена *завоет* опять. Гроб *обвернут* холстом и *понесут*. *Принесут* к церкви, поп *почитает* другой раз, и *понесут*, в могилу *опустят*, *закопают* и *пойдут* домой. А Арина *простится* и тоже *пойдет* домой. *Придет* она домой и *ходит* настоящая как кукушка совелая» («Похоронь») ²⁵. И здесь также глаголы совершенного вида явно передают последовательность действий (событий), тогда как глаголы несовершенного вида служат для описания той или иной картины. Очевидно, что глаголы совершенного вида относятся при этом к настоящему, а не к будущему времени: как и в предыдущем рассказе, имеется в виду обобщенное настоящее, когда глаголы совершенного вида настоящего времени используются для создания типизированной, общей картины ²⁶. Наконец, здесь также нередко сочетание в одной фразе глагола совершенного вида (вводящего новую сцену) и следующего за ним глагола несовершенного вида («жена *подойдет* к гробу и *воет*», «Арина *замолчит* и *говорит*», «*приедет* и *говорит*», «*придет* она домой и *ходит*») ²⁷.

²⁵ Там же, с. 42—44.

²⁶ См.: Бондарко, 1971, с. 134—141 (А. В. Бондарко пользуется термином «абстрактное настоящее»). Это значение глаголов совершенного вида настоящего времени наглядно проявляется в сочетании со словом *бывало* (например: *он бывало придет* и *скажет* и т. п.). Ср. в этой связи рассуждения К. С. Аксакова (1855, с. 9—10).

²⁷ Такое же употребление глаголов совершенного вида настоящего времени можно наблюдать в сценических ремарках старинного театра, ср., например, в интермедии нач. XVIII в.: *Вымет трубку и смотрит* {...} и *глаголет*; *Ту бежит скоро и впадет в яму* (Кокорев, 1965, с. 48; Horbatsch, 1993, с. 62). Ср. также описание дейст-

7. Мы видим, что глаголы в совершенном виде выражают последовательность событий, тогда как глаголы в несовершенном виде регистрируют сам факт действия, вне его отношения к ходу времени. Иначе говоря, глаголы в совершенном виде определяют динамику повествования, тогда как глаголы в несовершенном виде имеют описательный или же изобразительный характер; в частности, они могут фиксировать действие в его статике, а не в динамике (даже и в том случае, когда речь идет о движении, ср. выше: *И он [граф Ростов] уходил <...> опять в гостиную*). Выбор видовой формы определяется коммуникативной (в частном случае — нарративной) стратегией говорящего (рассказчика): в одних случаях он стремится рассказать (обозначить последовательность действий), в других — показать (представить произошедшее в виде картины, доступной нашему воображению, и, соответственно, обозначить наиболее типичные действия, способные воспроизвести такого рода картину); подробнее об этом мы скажем ниже (в § 16). Смена глагольного вида в принципе означает смену ракурса.

Ср., например, у Достоевского в «Преступлении и наказании»: «Пульхерия Александровна тотчас же *вышла* встретить его [Лужина] на пороге. Дуня *здоровалась* с братом» (ч. IV, гл. 2)²⁸: форма совершенного вида относится к событию, отмеченному во временном плане, несовершенного — к сопровождающему это событие действию. Едва ли оправдано считать, что форма несовершенного вида выражает здесь продолжающееся действие: это, скорее, статическое изображение, когда действие лишь фиксируется, но не показано в своем течении — образно говоря, оно как бы зафиксировано на фотографии, но не на киноплёнке, т. е. представлено в виде кадра, а не бегущей ленты.

Именно поэтому в несовершенном виде оказываются обычно глаголы, вводящие прямую речь (*verba dicendi*): воспроизведение прямой речи очень часто не связано непосредственно с динамикой повествования, но при этом оно наглядно представляет ситуацию, на фоне которой разворачивается сюжет (см. выше, § 6). Ср., вместе с тем, примеры из «Преступления и наказания», где, в отличие от предыдущих примеров, противопоставление по виду таких глаголов служит не для противопоставления основного и эпизодического, но определяется именно динамикой повествования: «И он [Разумихин] стал на колени среди тротуара <...>. — Перестаньте, прошу вас, что вы делаете? —

вий священнослужителя в служебниках: *На литургии по стихирах вынидетъ по с кадилницею и глаголетъ молитву* (Ковалів, 1960, л. 77; Horbatsch, 1993, с. 62—63); *Діаконъ же в'шедь во святыи олтарь, станеть от десныя страны святаго престола* (Служебник, 1651, л. 153 об.); *И діаконъ взимаеть звѣзду, и трижды притычетъ ко святому дискусу* (там же, л. 155); *Діаконъ <...> приходитъ и станеть на деснѣй странѣ и вземъ ринѣду въ руцѣ, и отмахиваетъ тихо <...>* (Служебник, 1655, с. 309—310) и т. п.

²⁸ Достоевский, VI, с. 226.

вскричала встревоженная до крайности Пульхерия Александровна. — Встаньте, встаньте! — *смеялась* и *тревожилась* тоже Дуня» (ч. III, гл. 1)²⁹. Или еще: « — Так не оставишь меня, Соня? — *говорил* он [Раскольников], чуть не с надеждой смотря на нее. — Нет, нет; никогда и нигде! — *вскрикнула* Соня, — за тобой пойду, всюду пойду!» (ч. V, гл. 4)³⁰; «Соня стояла как бы ошеломленная, но вдруг *вскричала*: — Ты был голоден! ты... чтобы матери помочь? да? — Нет, Соня, нет, — *бормотал* он [Раскольников], отвернувшись и свесив голову, — не был я так голоден...» (там же)³¹; « — Я догадался тогда, Соня — *продолжал* он [Раскольников] восторженно, — что власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее (...). — О, молчите, молчите! — *вскрикнула* Соня, всплеснув руками. — От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!...» (там же)³²; « — А жить-то, жить-то как будешь? Жить-то с чем будешь? — *воскликнула* Соня. — Разве это теперь возможно? Ну как ты с матерью будешь говорить? (...). О Господи! — *вскрикнула* она, — ведь он уже это все знает сам!» (там же)³³. В приведенных примерах глагол в совершенном виде отмечает событие, соотношенное с нарративным временем (с поступательным ходом повествования), тогда как речь персонажа, вводимая глаголом в несовершенном виде, как бы выключена из него и имеет изобразительный характер (относится к описанию изображаемой сцены).

8. Традиционно считается, что совершенный вид обозначает совершенность, исполненность действия (или, соответственно, законченность состояния). Ср. определение Шахматова: «Несовершенный вид означает обычное, неквалифицированное действие-состояние; совершенный вид означает полноту проявления действия-состояния»³⁴. Другие авторы говорят о целостности действия или состояния, выражаемого совершенным видом, об охвате действия-состояния в целом, о соединении его начала и конца и т. п.³⁵

²⁹ Там же, VI, с. 156.

³⁰ Там же, VI, с. 316.

³¹ Там же, VI, с. 317.

³² Там же, VI, с. 321.

³³ Там же, VI, с. 323.

³⁴ Шахматов, 1941, с. 472, § 540.

³⁵ См.: Гловинская, 1982, с. 7—14. — Такого рода определения дополняют друг друга; каждое из них, взятое само по себе, способно вызвать критические замечания. Так, например, критикуя понятие целостности действия как определение значения совершенного вида, М. Я. Гловинская замечает: «весьма сомнительна применимость этого понятия к непарным начинательным глаголам типа *запеть*, *засуетиться* и пр. Если *зацвести* можно представить как начало, середину и конец зацветания, то *запеть* невозможно представить как начало, середину и конец запевания из-за отсутствия глагола *запевать* с соответствующим лексическим значением в русском языке.

Приведенное определение представляется не вполне точным, поскольку действие (resp.: состояние) как таковое при обозначении его формой совершенного вида может продолжаться: в этом случае имеет место, так сказать, кадрирование процесса, когда действие членится на последовательные отрезки и имеется в виду совершение его в пределах того или иного отрезка (мы можем сказать, например, *Когда он пробежал первые пять километров, на лице его выступил пот*, имея при этом в виду, что данный человек продолжает свой бег; и т. п.)³⁶. Ясно, что полнота действия определяется позицией (реальной или мысленной) говорящего или наблюдателя, т. е. организацией речи. Дело идет об итоговой ситуации, определяемой с этой позиции.

Заметим также, что и форма несовершенного вида в каких-то случаях может выражать полноту проявления действия, ср., например: *Он ее имел* (о сексуальной связи с женщиной), *Плевал я на тебя!* и т. п. В такого рода случаях сама

Запеть не может иметь другого значения, кроме как ‘начать петь’» (там же, с. 12). Но говоря о целостности действия, выражаемого формой совершенного вида, следует иметь в виду не начало, середину и конец действия, а его начало и конец, которые смыкаются в мысленном охвате; мысленный охват действия осуществляется говорящим или его представителем; в случае инхоативных глаголов (типа *запеть*, *заговорить* и т. п.) начало действия определяется самой семантикой глагола, а конец его задается моментом речи или текстовым временем. В другом случае, подвергая критике представление о том, что глагол совершенного вида обозначает «действие, в котором конец сливается с началом», М. Я. Гловинская говорит, что такое определение «не охватывает всех глаголов совершенного вида, а выделяет только один узкий подкласс глаголов, у которых начало действия может мыслиться как совпадающее с концом, а именно — глаголы так называемого мгновенного действия (*вздрыгнуть*, *мигнуть*, *взорваться*, *вспыхнуть*, *хлопнуть*)» (там же, с. 11). Но и в данном случае речь должна идти, видимо, о мысленном охвате действия; не обязательно, однако, чтобы начало и конец действия сливались в обозначаемой действительности: существенно, чтобы они смыкались в перспективе говорящего. — Разумеется, начало действия, представленного в совершенном виде, может быть эксплицитно не выражено: когда речь идет о действии, предполагается — в обычном случае, — что у него было какое-то начало. Таким образом, начало действия может быть задано его общей семантикой, конец действия может быть задан семантикой совершенного вида; в этом смысле можно говорить о мысленном охвате действия (представленного в совершенном виде), при котором сходятся воедино его начало и конец.

³⁶ Существуют так называемые предельные глаголы, совершенный вид которых обозначает действие, которое не может продолжаться (такие, например, как *лечь*, *встать*, *сесть*, *надеть*, *умереть*, *упасть* и т. п.), но они представляют собой частный случай. Соответственно, например, нельзя сказать **Он уже надел пальто и продолжает его надевать*, при том что можно сказать *Цены уже очень повысились и продолжают повышаться*; и т. п. См.: Гловинская, 1982, с. 9.

констатация того, что действие имело место, предполагает полноту его проявления (в силу семантики обозначаемого действия). Существенно, однако, что в этих случаях описываемое действие не соотносено с актом коммуникации (как это имеет место в случае совершенного вида).

Поэтому правомернее говорить, что совершенный вид указывает не на законченность или прекращение действия-состояния, как это обычно описывается в грамматиках³⁷, а на позицию говорящего (или его представителя), с которой данное действие-состояние в соответствующий момент речи предстает как осуществившееся. Таким образом каждый раз — на каждом этапе — между описываемым действием или состоянием и позицией говорящего (наблюдателя) предполагается своего рода мысленный барьер. В самом деле, совершенный вид дистанцирует говорящего от обозначаемого им действия: он полагает предел обозначаемому действию, т. е. выражает действие в той мере, в какой оно совершилось, было осуществлено на данном этапе (то же относится и к выражению состояния)³⁸. Если несовершенный вид может выражать процесс (см. ниже, § 14), то совершенный выражает результат действия, который представлен в перспективе говорящего (случай первичного дейксиса) или соотносён с этой перспективой (случай вторичного дейксиса).

Результат действия предстает тогда как переход в новое состояние, т. е. изменение ситуации, которое в перспективе говорящего или его представителя (действующего лица или наблюдателя, которому говорящий делегирует свои функции) воспринимается как осуществившееся событие³⁹.

³⁷ См., например: Дурново, I, с. 41 (§ 68). Ср. в этой связи: Гловинская, 1982, с. 7—8.

³⁸ По мнению А. Достала и Р. Ружички, процесс, выраженный глаголом совершенного вида, находится целиком в поле зрения говорящего; он обзревается как бы и з в н е. Ружичка связывает признак «целостности» процесса, характерный для совершенного вида (т. е. полноту проявления действия), с признаком «ограниченности действия во времени» и вместе с тем с перспективным охватом процесса с внешней по отношению к нему позиции; Достал говорит о «целостном взгляде на внешнее событие» (Ruzicka, 1952, с. 165; Dostál, 1954, с. 15, 18; см. также: Исаченко, II, с. 132; Isačenko, 1962, с. 348, § 202). Ср.: «Совершенный вид сигнализирует достижение предела и, в силу этого, представляет действие в его неделимой целостности, а несовершенный вид нейтрален к признаку достижения предела и к признаку целостности» (Маслов, 2004а, с. 500).

³⁹ Ср.: «Совершенный вид представляет процесс как целостное, сомкнутое событие. Несовершенный вид лишен этого добавочного значения» (Исаченко, II, с. 136; Isačenko, 1962, с. 350, § 202). Сходное определение дает О. П. Рассудова: если при несовершенном виде имеет место простая констатация действия (действия вообще), то совершенный вид выражает «возникновение действия в определенной ситуации»

Описание в совершенном виде уместно сравнить с изображением в прямой или линейной перспективе, когда художник отделяет себя от изображаемого мира и занимает позицию наблюдателя, находящегося вне изображаемой действительности. Соответственно он и строит изображение с позиции такого наблюдателя: между ним и тем миром, который он изображает, находится именно мысленный барьер (то, что Леонардо да Винчи называл «*pariete di vetro*», ср. «*fenestra aperta*» у Альберти)⁴⁰. При изображении в прямой перспективе художник изображает то, что входит в его кругозор; при описании в совершенном виде говорящий (или его представитель) описывает то, что охватывает своим мысленным взором. В одном случае речь идет о пространственном, в другом — о временном охвате, т. е., если угодно, о временной перспективе.

Следует заметить, что прямая перспектива в изобразительном искусстве вообще является ближайшим аналогом дейксиса: подобно тому, как дейктическое выражение соотносено с позицией говорящего (или наблюдателя), перспективное выражение соотносено с позицией художника (или зрителя).

9. Итак, совершенный вид передает не просто действие, но действие, представляемое как событие, т. е. действие в его актуальном ракурсе. Иначе говоря, совершенный вид описывает актуальное действие, несовершенный — действие вообще, действие как таковое. Актуальность при этом оказывается соотносённой с дейксисом.

В самом деле, в чем разница между фразами *Тебе никто не говорил, что так себя нельзя вести?* и *Тебе никто не сказал, что так себя нельзя вести?* В первом случае (форма несовершенного вида) имеется в виду: ‘никто никогда вообще не говорил?’, т. е. некадрированное, обобщенное действие (действие, не ограниченное временным пределом). Во втором случае (форма совершенного вида) имеется в виду: ‘никто до сих пор не сказал?’, т. е. кадрированное (ограниченное временным пределом) действие — действие в его отношении к говорящему. В этом последнем случае вопрос, собственно, ставится таким образом: ‘не было ли такого события в твоей жизни...?’. Форма *сказал* предполагает действие в какой-то конкретный момент, и при этом время действия определяется по отношению к коммуникационному акту, оно представлено в перспективе говорящего или рассказчика; между тем форма *говорил* не предполагает какой-либо временной определенности, перспектива говорящего здесь никак не представлена.

(Рассудова, 1968, с. 18); под ситуацией имеется в виду при этом «взаимная позиция говорящего и слушающего» (там же, с. 12, примеч. 9). Возникновение действия в определенной ситуации, собственно, и представляет собой событие.

⁴⁰ См.: Успенский, 2000, с. 223.

Ср. также описание охоты у Толстого («Война и мир», т. II, ч. 4, гл. 5): «Он видел [констатация действия-состояния], как Карай взял волка, и остановил [констатация события] лошадь <...>»⁴¹.

В том же произведении («Война и мир», т. I, ч. 3, гл. 11) Кутузов говорит князю Андрею: « — Что же, ты думаешь, он мне *ответил?* <...> Да... Вот что мне отвечали!»⁴². Форма *отвечали* (во множественном числе!) — неопределенная форма, не выражающая отношения к описываемому действию, представляющая его как объективный факт; фраза *вот что мне отвечали* означает примерно то же, что 'вот таков был ответ' (в отличие от фразы *вот что мне ответили*, которая прямо выражает отношение говорящего к действию, представленному в форме совершенного вида)⁴³. Используя форму несовершенного вида (*отвечали*), говорящий как бы не дает оценки совершившемуся факту, но предоставляет собеседнику судить о нем (ср.: *Ты представляешь, что он мне отвечал?* и т. п.).

Равным образом переход от совершенного вида к несовершенному может обозначать выход за границы повествования, ср. у Достоевского в «Преступлении и наказании»: «*Это заметили все. (Потом об этом вспоминали.)*» (там же, ч. V, гл. 3)⁴⁴. Глагол *вспоминали* вообще не относится к повествованию, будучи никак не связан с последовательностью событий; он отмечает, можно сказать, формальные «рамки» произведения⁴⁵.

Поскольку совершенный вид обозначает переход в новую фазу, а несовершенный — действие или состояние как таковое, объединение во фразе нескольких глаголов в совершенном виде, как правило, обозначает последовательность действий-состояний во времени (например: *Когда я вошел, я увидел вора*)⁴⁶, тогда как употребление глаголов в несовершенном виде может вы-

⁴¹ Толстой, V, с. 259.

⁴² Там же, IV, с. 318.

⁴³ Ср. то же у Козьмы Пруtkова:

— Вы любите ли сыр? — *спросили* раз ханжу.

— Люблю, — он отвечал. — Я вкус в нем нахожу.

(Козьма Пруtkов, 1933, с. 73)

⁴⁴ Достоевский, VI, с. 305.

⁴⁵ См. вообще о «рамках» художественного текста: Успенский, 2000, с. 229—243.

⁴⁶ В «Бесах» Достоевского (ч. III, гл. 7) находим любопытный пример, когда сочетание глаголов совершенного вида передает последовательность действий в обратном хронологическом порядке: « — Ах, да, помню тебя, Анисим, — улынулся Степан Трофимович. — Ты здесь и живешь? — А подле Спасова-с, в В-м монастыре, в посаде у Марфы Сергеевны, сестрицы Авдотьи Сергеевны, может, изволите помнить, ногу *сломали*, из коляски *выскочили*, на бал ехали» (Достоевский, X, с. 487). Марфа Сергеевна, о которой идет здесь речь, ехала на бал, выпала из коляски и сломала ногу — но события эти излагаются в обратной последовательности.

ражать как синхронные (например: *Когда я входил, я видел вора*), так и последовательные действия-состояния (например: *Он входил, выходил, прислушивался* и т. п.)⁴⁷.

В старых и диалектных географических описаниях пространство показано не в статике, а в динамике — как движение реки, дороги и т. п. Соответственно, эти описания оформляются глаголами совершенного вида (как прошедшего, так и настоящего времени), передающими последовательность действий⁴⁸. Ср., например, в прошедшем времени: *Река Донец Северной вытекла из чистаго поля <...> и потекла под Белград, а мимо Белграда потекла и пала в Дон ниже речки Кондрючы 10 верст* (Книга Большой чертеж)⁴⁹; *Рька обошла деревню и выпала в Вагу; Рька недалеко этта взялась, наша Вага выпала в Двину, а Двина выпала в море; Наша Двина расположилась песками, гора обошла кругом; Нас отделило болотыма, дорога рядом подошла* (шенкур. говор)⁵⁰. В настоящем времени: *Двина ис того же льса потечет, а идет на полуноцье* (Повесть временных лет)⁵¹; *Рика выпадё в Водлу, рика выдёт из Корбозера* (пудож. говор)⁵².

Этот принцип описания мог применяться не только к географическому пространству, но и к другим природным явлениям, ср., например, при описании внешности: *Нось [у гоголя] крѣпкій острый и тонкій, коего верхняя часть загнулась къ низу; Конецъ самага носа [у гоголя] загнулся въ низъ*⁵³; *Рубчикъ по чутью [по морде собаки], которой отъ верхней губы пошоль между ноздрей*⁵⁴. Цитируемые примеры, где глагол является сказуемым, следует отличать от случаев, когда он выступает как определение — с возможным отражением причастного значения, исходно присущего формам на *-л*⁵⁵.

⁴⁷ А. В. Бондарко приводит примеры, когда глаголы совершенного вида выражают одновременность: речь идет об употреблении глаголов делимитативного и начитательного способов действия (*Мы посидели, поговорили, посмеялись*), а также о случаях, когда глаголы в этой форме демонстрируют результативные состояния (*Он постарел, располнел и обрюзг*), см.: Бондарко, 1971, с. 16; Гловинская, 1982, с. 23. По существу, здесь выражается не столько одновременность, сколько комплексное описание ситуации (разные аспекты одной картины), когда одно действие дополняет другое.

⁴⁸ См. в этой связи: Буслаев, 1959, с. 366 (§ 189); Булаховский, 1950, с. 284—285; Селищев, 1941, с. 191; Маслов, 1962, с. 409, примеч. 69; Виноградов, 1947, с. 566—567 («Части речи», гл. VII, § 51). Вопреки мнению Буслаева и других авторов, в подобных примерах существенным является употребление не прошедшего времени, а совершенного вида: именно глаголы совершенного вида передают движение природы.

⁴⁹ Булаховский, 1950, с. 284.

⁵⁰ Мансикка, 1912, с. 134.

⁵¹ ПСРЛ, I/1, 1926, стлб. 7. Ср.: Карский, 1929, с. 24; Ruzicka, 1957, с. 83—84; Ружичка, 1962, с. 318 и примеч.

⁵² Мансикка, 1914, с. 168.

⁵³ Левшин, 1779, с. 245. См.: Буслаев, 1959, с. 366 (§ 189).

⁵⁴ Псовой охотник, 1785, с. 24. См.: Буслаев, 1959, с. 366 (§ 189).

⁵⁵ См. в этой связи: Селищев, 1941, с. 191; Бицилли, 1996, с. 343—344.

В повелительном наклонении вежливее употребить форму совершенного вида, чем несовершенного. Почему так? потому что оправданно просить о результате, и неоправданно — о самом действии, безотносительно к результату. «Повелительное наклонение совершенного вида, обозначая действие, мотивированное результатом, является в общем менее произвольным, следовательно, менее властным и более вежливым, чем повелительное наклонение несовершенного вида. При употреблении последнего внимание переносится на самый процесс, без указания на результат как мотивировку действия. Ср., например, *Реши мне эту задачу* и *Решай мне эту задачу*»⁵⁶. Вместе с тем в военных командах, где от человека ожидается механическое, бездумное подчинение и где требуется именно точное выполнение действия без концентрации внимания на результате, обычно встречаем форму несовершенного вида (например: *Заряжай! Исполняйте команду!*).

10. Именно поэтому в славянских языках при отрицании обычно употребляется вместо совершенного вида — несовершенный. Форма несовершенного вида является в подобных случаях нейтральной, немаркированной формой, тогда как употребление формы совершенного вида оказывается маркированным.

Ср., например: *Он выпил кофе, но еще не завтракал, Он уже проснулся, но еще не вставал*, и т. п. Формы *выпил, проснулся* представляют описываемое действие как осуществившееся событие (соотнесенное с перспективой говорящего). Между тем в формах *не завтракал, не вставал* речь идет о действии вообще, действии как таковом (а не о действии как событии). В этом последнем случае отрицается сам факт действия — безотносительно к говорящему, который мог бы приписать действию статус совершившегося события.

Если же мы говорим *Он выпил кофе, но еще не позавтракал* или *Он уже проснулся, но еще не встал*, то отрицается не только факт действия, но и факт события. В одном случае имеется в виду активность действующего лица, в другом — результат активности или, иначе говоря, поступок.

Ср. также: *Он сказал? — Нет, он (ничего) не говорил*. Так же как и в предыдущем примере, здесь отрицается факт действия (говорения). Одно и то же действие предстает по-разному: как событие, имеющее какое-то актуальное значение, и как некоторый факт, актуальность которого не оценивается говорящим.

⁵⁶ Карцевский, 1962, с. 223. — Ср. у Толстого в «Поликушке» разговор Дуняши с Дутловым: «— *Дай сюда письмо* [тот не дает] (...). — *Да дай сюда* [тот не решается расстаться с письмом] (...). — *Да давай же*» (Толстой, III, с. 333); требование отдать письмо становится все более настоятельным, и это обуславливает появление формы несовершенного вида.

Во фразах *Он говорил* или *Он не говорил* фиксируется сам факт действия или же его отсутствие. Между тем во фразах *Он сказал* или *Он не сказал* этот факт регистрируется в отношении к говорящему.

Итак, в одном случае (при употреблении совершенного вида) говорящий (или его представитель) оказывается задействованным в речи, сообщая свою оценку обозначаемому факту; в другом же случае (при употреблении несовершенного вида) он, напротив, никак не выражает своего отношения.

Взял ты книгу? По словам Карцевского, «отрицательный ответ, направленный на отрицание самого факта, был бы *Я не брал книги*, тогда как ответ *Я не взял книгу* (лучше, чем *книги*) означал бы, что действие имело место, но не привело к желаемому результату»⁵⁷. Точнее было бы сказать: в первом случае отрицается действие, во втором — событие (например: *Я был там, но не взял книгу*; или же: *Я не взял книгу, а предпочел, чтобы мне вернули деньги*).

Ср.: *Кто выполнил это задание? Миша?* (презумпция: задание кем-то выполнено) — *Нет, Миша его не выполнял* (отрицается факт действия со стороны Миши). Речь идет о фактической стороне дела; отрицается тот факт, что Миша совершал данное действие.

Нет, Миша его не выполнил (это означает: ‘его выполнил не Миша’). Речь идет об участии Миши; отрицается тот факт, что данное действие совершил Миша (что это сделал именно он).

Ср. также: *Миша его выполнял* (действие имело место), *но не выполнил* (отсутствие результата). В данном случае отрицается факт события: хотя действие и имело место, оно не привело к результату.

То же имеет место и в повелительном наклонении. Так, например, говорят *позволь ему сделать это* и, вместе с тем, *не позволяй ему этого*⁵⁸.

При этом повелительное наклонение от глаголов совершенного вида в соединении с отрицанием имеет значение предостережения: *не упади, не поскользнься, не подумай плохого*⁵⁹. Это вполне понятно: объектом предостережения является именно событие, а не действие, т. е. результат действия, а не действие как таковое. Ср. слова Счастливецова в «Лесе» А. Н. Островского (акт II, явл. 2): — *Ой! Геннадий Демьяныч, батюшка, помилосердитесь. Не убивайте! Ей-богу, боюсь*⁶⁰. Если бы он сказал: *не убейте*, — это звучало бы как предостережение, но в данном случае имеется в виду другое: глагол в повелительном наклонении относится к действию, а не к его результату и, следовательно, означает в этом контексте: ‘не бейте’. (Глагол *убивать* может означать вообще как ‘лишить жизни’, так и ‘сильно избить, искалечить’; в данном контексте возможно только последнее значение.)

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Добиаш, 1899, с. 115; Виноградов, 1947, с. 671 («Частицы речи», гл. I, § 9).

⁵⁹ Шахматов, 1941, с. 474, § 541.

⁶⁰ Островский, VI, с. 33.

Любопытно в этом плане различие в формулировке заповедей, полученных Моисеем от Бога на Синайской горе (Исх. XX, 1–17), которое обнаруживается в церковнославянской и русской Библии⁶¹. В церковнославянской Библии читаем: *Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія* (4), *Да не поклонишии имъ, ни послужиши имъ* (5), *Не возмещи имени Господа Бога твоего всуе* (7), *Да не сотвориши всякаго дѣла въ онъ* (10), *Чти отца твоего и мать твою* (12), *Не убій* (13), *Не прелюбы сотвори* (14), *Не укради* (15), *Не послушествоуй на друга своего свидѣтельства ложна* (16), *Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего* (17)⁶². Ср., между тем, в русской Библии соответствующие глаголы в несовершенном виде: *Не делай себе кумира и никакого изображения* (4), *Не поклоняйся им и не служи им* (5), *Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно* (7), *Не делай в онъй никакого дела* (10), *Почитай отца твоего и мать твою* (12), *Не убивай* (13), *Не прелюбодействуй* (14), *Не кради* (15), *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего* (16), *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего* (17)⁶³. В настоящее время церковнославянские заповеди воспринимаются как предостережение, т. е. понимаются так, как если бы предметом обсуждения (и осуждения) являлся поступок, т. е. осуществившееся действие, — при том что в соответствующем русском тексте речь идет о действии в вообще, т. е. действии как таковом, вне зависимости от его осуществления⁶⁴. Первоначально церковнославянские фор-

⁶¹ Имеется в виду стандартная церковнославянская (так называемая Елизаветинская) библия и стандартная Библия в русском переводе (так называемый Синодальный перевод).

Мы цитируем Елизаветинскую библию, но аналогичные формы находим и в более ранних версиях славянской Библии — Геннадиевской 1499 г. и Острожской 1581 г. Славянский текст книги Исход не вошел в паремейник; дошедший до нас перевод сделан в Болгарии в эпоху царя Симеона (X в.).

⁶² Ср. соответствующий текст во Второзаконии (V, 8—21): *Да не сотворишии себѣ кумира ни всякаго подобія* (8), *Да не поклонишии имъ, ниже послужишии имъ* (9), *Да не примещи имени Господа Бога твоего всуе* (11), *Да не сотворишии въ онъ всякаго дѣла* (14), *Чти отца твоего и мать твою* (16), *Не убій* (17), *Не прелюбодѣйствуй* (18), *Не укради* (19), *Не послушествоуй на ближняго твоего свидѣтельства ложна* (20), *Не пожелай жены ближняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего* (21). В новозаветном тексте имеем: *не убиеши* (Мф. V, 21), *не прелюбы сотворишии* (Мф. V, 27), *не убиеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши* (Мф. XIX, 18); *не прелюбы сотвориши, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, не обиди, чти отца твоего и мать* (Мк. X, 19); *не прелюбы твори, не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, чти отца твоего и мать твою* (Лк. XVIII, 20); *не прелюбы сотвориши, не убиеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши* (Рим. XIII, 9).

⁶³ В русской Библии текст Второзакония (V, 8—21) не отличается от текста книги Исход (за исключением незначительных деталей). То же может быть сказано и о новозаветном тексте (если не считать лексического различия: *не лжесвидѣтельствуй* в Мк. X, 19; Лк. XVIII, 20; Рим. XIII, 9), ср., однако: *не пожелай чужого* в Рим. XIII, 9.

⁶⁴ В еврейской (масоретской) Библии употреблен имперфект с отрицанием (императив с отрицанием в еврейском не употребляется), что и естественно передать

мы не имели такого значения: противопоставление по виду еще не оформилось в X в. (когда был сделан перевод книги Исход), и такие формы, как *убивай*, могли, по-видимому, восприниматься как итератив.

То же относится к форме *прощай* при расставании, ср. вместе с тем предсмертное (последнее) *прости: прощай* предполагает разлуку, но не смерть, и следовательно, продолжение мысленной коммуникации, состоящей в прощении; *прости*, между тем, предполагает уход из жизни одного из участников коммуникации.

10.1. Употребление формы несовершенного вида в отрицательных конструкциях сопоставимо с употреблением при отрицании родительного падежа. Действительно, во фразах *Ты взял книгу? — Я не брал книги* форма *брал* имеет более общее значение, чем *взял*, поскольку относится к общему действию (в отвлечении от говорящего), а не к конкретному событию: *не брал* может означать ‘вообще не брал’, *не делал* — ‘ни разу не делал’ и т. п. Сходным образом во фразе *Я не брал книги* форма родительного падежа (*книги*) может относиться к книге вообще, а не к конкретной книге — *не брал книги* может означать ‘не брал никакой книги’. Напротив, винительный падеж прямого объекта в отрицательных конструкциях служит для выражения определенности (*Я не брал книгу* означает ‘не брал эту книгу’) ⁶⁵. Поэтому в подобных конструкциях форма родительного падежа, относящаяся к объекту действия, обычно сочетается с формой несовершенного вида.

В некоторых случаях формы несовершенного вида переходного глагола и родительного падежа прямого объекта оказываются соотнесенными в отрицательной конструкции, т. е. одна форма обуславливает другую. Так, например, в совершенном виде можно сказать как *Я не получил Ваше письмо*, так и *Я не получил Вашего письма*; между тем в несовершенном виде мы скажем *Я не получал Вашего письма*, тогда как фраза **Я не получал Ваше письмо* едва ли может считаться удачной.

11. Аналогичное чередование форм совершенного и несовершенного вида может наблюдаться в вопросах. Ср.:

Один брат пошел в армию, другой подумал: зачем идти в армию? И здесь также обсуждается сам факт действия (уместность действия как такового-

формой несовершенного вида. В греческом тексте (семидесяти толковников) употреблены формы будущего времени. Благодарю А. А. Алексеева за консультацию по данному вопросу.

⁶⁵ См.: Timberlake, 1975, с. 125—126; Успенский, 2004, с. 102 (примеч. 143). Речь идет в подобных случаях о каком-то определенном объекте, и отсюда мы всегда можем вставить перед соответствующим словом указательное местоимение без изменения смысла высказывания (ср.: *Я не вижу корову* и *Я не вижу эту корову*). В то же время родительный падеж при отрицании может обозначать как определенный, так и неопределенный объект (ср.: *Я не вижу этой коровы* и *Я не вижу никакой коровы*).

го) — безотносительно к говорящему. Характерным образом мы можем вставить слово *вообще* (*зачем вообще идти в армию?*), не искажая при этом смысла высказывания.

Вместе с тем в этой ситуации в вопросительном предложении невозможна форма совершенного вида. Нельзя сказать **зачем пойти в армию?*. Мы можем сказать *зачем надо было пойти в армию?*, но в этом случае мы неизбежно вставляем форму несовершенного вида (*было*). Таким образом, в отличие от предыдущих примеров говорящий в данном случае лишен возможности выбора между формой совершенного и несовершенного вида; противопоставление видовых форм оказывается здесь нерелевантным, но при этом форма несовершенного вида сохраняет свойственное ей значение.

12. В виду вышесказанного становится понятным, почему форма несовершенного вида в обычном случае не сочетается с родительным партитивным: можно сказать *Я поел каши*, но нельзя сказать **Я ел каши*⁶⁶. Совершенно так же не могут считаться правильными фразы **Я ел немного каши*, **Я пил кружку пива* — в противоположность фразам *Я поел (съел) немного каши*, *Я выпил кружку пива* и т. п.⁶⁷ В самом деле, как уже говорилось, совершенный вид полагает предел обозначаемому действию, т. е. выражает действие в той мере, в какой оно совершилось, было осуществлено. Это обусловлено именно тем, что говорящий (или его представитель — например, наблюдатель) ставит себя вне описываемого процесса. Напротив, в случае несовершенного вида обозначаемое действие не ограничено каким бы то ни было пределом, который оправдывал бы прямое дополнение в партитивном значении.

Связь партитивного родительного с ограничением времени действия соотношенного с ним глагола особенно наглядно проявляется в архаическом словоупотреблении, когда этот падеж появляется у существительных, которые не могут иметь партитивного значения (иначе говоря, у существитель-

⁶⁶ Этот запрет снимается в конструкциях с отрицанием (по причинам, изложенным выше, см. § 10.1), а также при наличии дательного бенефактивного (см. об этом: Падучева, 1996, с. 190): можно сказать *Несу жене яблок*, *Покупаю мяса (нам) на обед*, и т. п.

⁶⁷ В тех случаях, когда прямое дополнение при переходном глаголе сочетается с числительным, это дополнение понимается существенно различным образом в зависимости от того, представлен ли глагол, к которому оно относится, в совершенном или несовершенном виде. Так, например, во фразе *Он рисовал две картины* дополнение *две картины* воспринимается не как два отдельных объекта, а как один общий объект, состоящий из двух предметов (из двух частей): эта фраза означает, по видимому, что художник одновременно работал над двумя произведениями. Если же мы имеем в виду, что сначала он нарисовал одну картину, а затем другую, мы должны употребить глагол совершенного вида и сказать *Он нарисовал две картины*.

ных, обозначающих предметы, которые не могут произвольно члениться на части таким образом, чтобы выделяемая часть представляла целое), ср., например, *дать ножа* (т. е. дать на время) и т. п.⁶⁸ В подобных случаях признак членности переносится с существительного на глагол и относится к обозначаемому им временному процессу. Таким образом, если предмет членится на части, имя в родительном падеже, управляемое переходным глаголом, обозначает часть, вычленяемую из целого; если же предмет не членится на части, отношение членности переносится на действие, которое к нему (т. е. предмету) относится⁶⁹. Такое членение более обычно, как кажется, у глаголов совершенного вида, хотя в принципе возможно и в несовершенном виде⁷⁰.

⁶⁸ Ср. у Гоголя («Записки сумасшедшего»): *Одолжите ножичка починить перышко* (Гоголь, III, с. 194); у Гаршина («Из воспоминаний рядового Иванова»): *Дайка ножа: у тебя нож важный* (пример из Гаршина взят из Нац. корпуса рус. яз.). — Подробнее о партитивном значении см.: Успенский, 2004, с. 11 сл.

⁶⁹ Ср. в грамматике Ломоносова (§ 503): «Принимают нередко действительные [т. е. переходные] глаголы и родительный падеж [наряду с винительным], когда их сила не ко всей вещи, но к части, и не во все время, но ненадолго простирается: *дай воды*, то есть немного, часть оная; в прочем должно сказать: *дай воду*. *Посулить кому лошади* разумеется не на долгое время; *посулить лошадь* значит, чтоб отдать ее вовсе. В сем заключается еще учтивость: *покажи свою книгу* — сказано со властью; *покажи своей книги* — речь учтивее» (Ломоносов, IX, с. 561; ср. то же: Барсов, 1981, с. 212). В подготовительных материалах к грамматике Ломоносова читаем: «*Поддай воды*, часть, на время. *Дай книгу*, значит вовсе. *Дай книги*, значит на час. *Покажи книги* — вежливо. *Покажи книгу* — со властью. *Подержи стакан* [— вежливо]. *Подержи стакан* [— со властью]» (Ломоносов, IX, с. 614—616); насколько можно понять, Ломоносов приписывает значение неполного действия (действия, ограниченного во времени) формам 1-го, но не 2-го родительного, ср.: «*Дай магнита*, т. е. ненадолго. *Дай магниту*, т. е. часть» (там же, с. 637).

Точно так же и Шахматов (1941, с. 322, § 425в) отмечает, что родительный приглагольный может означать «предметы и состояния, испрашиваемые во временное пользование: *Дай шаечки, когда вымоешься* (Помяловский. „Очерки бурсы“), *Дайте мне ножичка*» (ср. еще: Дурново, II, с. 63, § 81). Между тем Якобсон, обсуждая пример *Дай* (совершенный вид) *мне твоего ножа*, замечает: «(...) Родительный партитивный (или разделительный), ограничивающий во времени участие предмета в содержании высказывания, воспринимается как исчезающий в настоящее время [т. е. в начале XX в.] архаизм. Например, у Крылова: *достали нот, баса, альта*. Томсон утверждает, что подобный родительный временного ограничения еще донныне живет в бытовом языке многих образованных людей; однако для разговорного языка культурных центров это, конечно, неверно» (Jakobson, 1971, с. 40, примеч. 6; Якобсон, 1985, с. 147—148, примеч. 3). Ср.: «In den Fällen (...) wie russ. *дай мнѣ твоей книги* ‘gib mir dein Buch auf eine Zeitlang’ liegt wohl eine allgemeinere und unbestimmtere Einschränkung der Verbalbedeutung zugrunde, als diese Übersetzung ausdrückt. Außerdem ist dieser Genetivgebrauch in der Volkssprache und der häuslichen Sprache vieler Gebildeten

13. Это же обстоятельство — именно то, что совершенный вид полагает предел действию, когда говорящий помещает себя вне обозначаемого процесса, — объясняет и неупотребительность формы совершенного вида в настоящем времени. В самом деле, в настоящем времени говорящий оказывается внутри обозначаемого процесса (ср. ниже, § 14). Вообще настоящее время выражает именно процесс (поскольку сама речь реализуется во времени), и, соответственно, выражение результата (т. е. осуществившегося события) естественно относить к прошедшему или же будущему времени — особенно при отсутствии *consecutio temporum*⁷¹. Для говорящего, находящегося во времени, о котором он говорит, не характерно кадрирование процесса, расчленение его на последовательные отрезки (ср. выше, § 8), если же такое кадрирование имеет место, ему свойственно взглянуть на настоящее с позиции будущего наблюдателя — отсюда основным значением совершенного вида настоящего времени является значение будущего времени.

По точному замечанию Падучевой, «совершенный вид ⟨...⟩ фиксирует только ретроспективную позицию [т. е. перспективу, ракурс] наблюдателя,

noch heute vollkommen lebendig, obgleich er von der Grammatik fast unbeachtet geblieben ist und daher in der Literatursprache vermieden ist. So sagt man: *дай мнѣ твоего ножа* ‘gib mir (etwas) dein Messer’; *он давал мнѣ своего ножика* ‘er gab mir (dazwischen), auf kurze Zeit, etwas zum Gebrauch) sein Messer’; *одолжи мнѣ своего пера, своей книги, палки* ‘leih (erlaube) mir (etwas) deine Feder, dein Buch, deinen Stock’; *дай мнѣ твоей шляпы, лодки* ‘gib mir (etwas zum Benutzen) deinen Hut, dein Bot’; *дайте мнѣ вашего самовара, сѣдла* ‘geben Sie mir (auf eine Zeitlang) Ihre Teemaschine, Ihren Sattel’; *позвольте мнѣ ваших часов* (plur. tant.) ‘erlauben Sie mir Ihre Uhr’; *дайте мнѣ пояса, топора* ‘gebt Sie mir einen Gürtel, ein Beil (die ich eben nötig habe)’. Dieser Sinn wird zuweilen noch durch ein hinzugefügtes Wort wie *немного, немножко* ‘etwas’ verstärkt. So im Volksliede: *Открой Аннушка, ах, Анна, окошка, Ты чуланнаго, ах, Анна, немножко* ‘öffne Annchen, ach, Anna, das Fensterchen, Du des Kämmerleins, ach, Anna, etwas’. Aus der älteren Sprache: *хочу поразмять своего плеча богатырского* ‘ich will etwas gelenkig machen meine Heldenschulter’. Ohne diesen speziellen Sinn werden die benannten Verba nur mit Akkusativ gebraucht. Ein ähnlicher Gebrauch des Genetivs findet sich auch im Kleinrussischen und überhaupt im Altrussischen, im Polnischen, Čechischen, Lausitzischen ⟨...⟩ und war zweifellos schon dem Urslavischen eigen» (Thomson, III, с. 250—251).

⁷⁰ Ср. у Достоевского в «Преступлении и наказании» (ч. II, гл. 4) разговор Разумихина и Зосимова: Разумихин рассказывает Зосимову свою версию случившегося, тот его перебивает, на что Разумихин восклицает *Стой! Конца слушай!* (Достоевский, VI, с. 107). *Конца слушай!* означает примерно то же, что *Послушай конец!*

⁷¹ Ср.: «С непротекаемостью перфективных глаголов [т. е. глаголов совершенного вида] связана невозможность выразить посредством этих глаголов актуальное настоящее, т. е. фактически возникший в момент речи результат» (Кореѣнѣ, 1958, с. 98—99; Исаченко, II, с. 135).

который смотрит на событие из его итогового состояния»⁷². Если это итоговое состояние относится к настоящему (переживаемому) моменту, его естественно отнести к (предполагаемой) будущей точке наблюдения. Основное (исходное) значение совершенного вида — это выражение события, имевшего место в прошлом⁷³. Вместе с тем эта ретроспекция может производиться из точки, принадлежащей настоящему или будущему, и тогда возникает эффект «прошлого в настоящем» или «прошлого в будущем».

В свою очередь, для несовершенного вида характерно описание с синхронной позиции. Основное (исходное) значение несовершенного вида — это выражение того, что имеет место в настоящем. Это описание может осуществляться применительно к прошлому или будущему, и тогда возникает эффект «настоящего в прошлом» или «настоящего в будущем». Как говорил Августин, «есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» («Исповедь», XI, 26); эти времена и выражаются несовершенным видом⁷⁴.

По словам Пешковского, «нам трудно мыслить совершенный вид в настоящем времени (формы настоящего времени от основ совершенного вида имеют, как известно, почти всегда значение будущего времени: *заговорю, брошу, куплю, сяду* и т. д.). Ведь настоящее время обозначает то, что происходит во время речи. А сама речь есть процесс, она тянется, и, следовательно, то, что происходит во время ее, тоже легче представить себе тянущимся, чем нетянущимся. Напротив, то, что происходит до речи или будет происходить после нее, легко может быть представлено и „линейно“ и „точечно“. Впрочем, и то, что происходит во время речи, можно при известном усилии мысли представить себе „точечно“, т. е. поместить мысленно „миг“ совершения процесса в середине того крайне малого отрезка времени, который занят названием этого процесса. Это мы и делаем в тех сравнительно редких случаях, когда употребляем совершенный вид в значении настоящего времени, например: *посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их*. Но столь трудное представление непременно должно быть поддержано обычным представлением настоящего времени, и в данном случае, например,

⁷² Падучева, 1996, с. 295.

⁷³ Соответственно, глаголы совершенного вида не образуют причастий настоящего времени, тогда как образованные от таких глаголов деепричастия (*придя, отступя* и т. п.) имеют значение прошедшего времени (Шахматов, 1941, с. 473, § 540).

Характерно в этом плане, что в лексикографических толкованиях глагол совершенного вида обычно бывает представлен в форме прошедшего времени (Гловинская, 1982, с. 77).

⁷⁴ Августин, 1991, с. 297.

понимание всех этих глаголов в плоскости настоящего времени всецело обусловлено тем, что им предпослано „настоящее“ настоящее время (*что делает заяц*), т. е. настоящее время несовершенного вида»⁷⁵.

Ср. рассуждение о времени Димитрия Ростовского: «Время есть мѣра видимаго сего міра и жизни нашея и всѣхъ дѣемыхъ въ поднебесной (...). Дѣлится же время на три части: на мимошедшее, настоящее и будущее. Мимошедшее время вѣмы, яко бѣ, но уже преиде, и погиге, ниже бо возвратится когда. Будущаго же времени чаемъ, но не вѣмы, каково то будет. Настоящее же мнѣмся имѣти, но ни сего имамы кромѣ единаго краткаго часца, глаголемаго: *нынѣ*. *Нынѣ* есть и абіе нѣсть, преиде бо. Паки ино настаетъ *нынѣ*, паки и то переходить: яко же въ дѣлаемыхъ и настраемыхъ часахъ минуты, едина по друзѣй идетъ не становяся; и яко же въ текущей колесницѣ колесо не стоитъ на единомъ мѣстѣ, но съ мѣста на мѣсто течетъ неудержаваемо; сиче настоящее жизни нашея *нынѣ* нѣсть стоящо, но непрестанно текущо. И есть то наше *нынѣ* аки предѣль между мимошедшимъ и грядущимъ временемъ: мимошедшее окончиваяй, грядущее же начинай. И аки въ книзѣ и строкѣ точка, между реченіями раздѣляющая, едино реченіе окончивающая, другое же начинающая. Но точка на единомъ стоитъ мѣстѣ, наше же настоящее время, глаголемое *нынѣ*, не вѣсть стояти, но выну течетъ, аки капля нѣкая въ низъ текущая и черту по себѣ оставляющая, на предняя же простирающаяся, донелѣже оскудѣетъ и исхнеть»⁷⁶. Этот схватываемый момент речи и определяется с позиции того времени, которое в перспективе настоящего является

⁷⁵ Пешковский, 1956, с. 110—111 (разрядка Пешковского). — Характерно, что значение совершенного вида в настоящем времени может сохраняться в отрицательных конструкциях: наличие при глагольной форме отрицательной частицы *не* как бы снимает те трудности, о которых говорит Пешковский. См., например, у Пушкина («Капитанская дочка», гл. 13): *Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба блажь* (Пушкин, VIII, с. 362); или у Толстого («Война и мир», т. I, ч. 3, гл. 15): *Как же вы не поймете, ваше превосходительство, милостивый государь, что растянуться по этому дефилю улицы деревни нельзя, когда мы идем против неприятеля* (Толстой, IV, с. 336). Шахматов усматривает в подобных случаях значение полноты действия, характерное вообще для совершенного вида и не предполагающее отсылки к будущему: «при известных условиях настоящее время совершенного вида имеет значение не будущего времени, а настоящего времени, но настоящего времени квалифицированного, а именно, значение проявления полноты действия в настоящем времени при отрицании; ср. *не скажу* (т. е. не могу сказать); *так и не узнаешь*; *в толк не возьму*; *не сумею вам сказать*; *у него не выпросишь льна*; *не пойму* (не могу понять); *не нарадуюсь*» (Шахматов, 1941, с. 474, § 541).

⁷⁶ Димитрий Ростовский, 1755, л. 90 об.—91 (ч. II, гл. 16); это место цитирует (не совсем точно) К. С. Аксаков в своем исследовании о русских глаголах (Аксаков, 1855, с. 46—47). Ср. в этой связи: Успенский, 2002, с. 33—34.

будущим и в перспективе которого становится оправданным ретроспективный взгляд на переживаемое настоящее ⁷⁷.

Употребление формы настоящего времени для выражения действия или состояния, относящегося к будущему, как это имеет место в русских формах совершенного вида, находит типологические аналогии во французском языке, где, напротив, форма будущего времени может относиться к настоящему, ср., например: *Il sera à Paris à l'heure qu'il est* (букв.: 'Он будет в Париже теперь', т. е. 'Он должен быть в Париже'), *Trop souvent un enfant mal élevé dira en parlant de sa mère: c'est elle qui ne veut pas* ('Очень часто плохо воспитанный ребенок говорит о своей матери [ср.: *бывало скажет о своей матери*]: это она не хочет').

С употреблением настоящего вместо будущего любопытно сопоставить обратное явление: употребление будущего вместо настоящего, которое в русском языке возможно у глагола *быть*, ср.: *Вы кто же будете?* В «Лесе» Островского (акт III, явл. 4) такого рода конструкция становится предметом языковой игры, ср.: (Карп). *Вы кто же будете? Иностранец, что-ли? — (Счастливец). Иностранец буду* ⁷⁸. Подобная конструкция оправдана в случае вопроса, предполагающего процесс *узнавания* (которому с точки зрения говорящего предстоит осуществиться в будущем), но неоправдана в случае ответа, в котором речь идет о наличном *знании*, а не о *узнавании* (т. е. о состоянии, которое характеризует настоящее, а не будущее время). Иначе говоря, речь идет о ситуации, когда некоторое состояние может открыться спрашивающему лишь в будущем времени (по получении ответа), тогда как для отвечающего оно известно в настоящем. Поэтому ответ Счастливецова имеет комический смысл: получается, что он применяет к себе самому форму будущего времени, в результате чего весь диалог приобретает абсурдный характер. Как отмечает А. М. Пешковский, «будущее вместо настоящего от глагола *быть* [служит] для обозначения фактов, реально существующих в момент речи, но имеющих раскрыться сознанию только после речи (...). Это будущее по значению можно было бы назвать „распознава-

⁷⁷ В свою очередь, с точки зрения предполагаемого будущего настоящее может осмысляться как прошлое и соответственно оформляться глаголами прошедшего времени. Поэтому мы можем сказать, например: *Если Брут уцелеет, мы победили*, где формы будущего и прошедшего времени органически сочетаются в контексте, относящемся к настоящему времени; ср. также: *Он не много теряет часов на разговоры, каждое утро он скажет мне: здравствуй, и пошел себе заниматься* (примеры К. С. Аксакова, см.: Аксаков, 1855, с. 19, 10); в «Войне и мире» (т. II, ч. 5, гл. 6) Марья Дмитриевна Ахросимова говорит Наташе о предстоящем визите к княжне Марье: *Ты завтра с отцом к ней поедешь, да приласкайся хорошенько: ты моложе ее. Как твой-то придет, а уж ты и с сестрой и с отцом знакома и тебя полюбили* (Толстой, V, с. 323). В самом деле, мы знаем, что настоящее станет прошлым, когда наступит будущее: соответственно, условно принимая будущую точку рассмотрения, мы переводим в подобных случаях настоящее в план прошлого. Ср. вообще о мене точек зрения в речевой деятельности: Успенский, 2000, *passim*.

⁷⁸ Островский, VI, с. 42.

тельным“, т. к. оно указывает на то, что факт, реально создаваемый как современный (в расширенном смысле) моменту речи, не распознан; распознавание предвидится в будущем и образно отождествляется с самим бытием факта. По социальному употреблению можно бы назвать его „будущим школьником“, у которых оно в большом ходу (*пятью двенадцать будет шестьдесят* и т. д.)»⁷⁹.

14. Если совершенный вид предполагает временной предел обозначаемому действию или состоянию, то несовершенный, напротив, не выражает никакого предела. Соответственно, совершенный вид, как мы видели, в принципе обозначает переход в новое состояние, т. е. смену событий, тогда как несовершенный вид сам по себе не выражает такого перехода. Отсюда — эффект длящегося времени, погруженности в процесс, нахождения говорящего или его представителя внутри описываемого времени, нередко свойственный формам несовершенного вида⁸⁰. Именно это значение и признается обычно основным для несовершенного вида (хотя оно и не является для него обязательным). Так, по мнению Н. Н. Дурново, несовершенный вид описывает «действие, продолжающееся в то время, о котором говорится», тогда как совершенный вид «указывает на законченность или прекращение действия»⁸¹; равным образом, по мнению А. В. Исаченко, в случае несовершенного вида говорящий находится в самом процессе, в случае же совершенного вида он находится вне процесса, обозревая его целиком⁸². Как отмечает О. П. Рассудова, «Связь совершенного вида с охватом действия в целом [см. выше, § 8] находит выражение в абсолютной невозможности употребить глаголы совершенного вида при передаче течения действия, его развития, нарастания. Глаголы совершенного вида не могут отражать становления действия, они показывают действие как бы сразу „в готовом виде“»⁸³. Соответственно, вы-

⁷⁹ Пешковский, 1956, с. 212. — Заметим, что в предложениях типа *будет тебе* и т. п. (т. е.: ‘хватит’, ‘перестань’) форма *будет* имеет значение совершенного вида настоящего времени. Ср. у Толстого в «Войне и мире» (т. II, ч. 3, гл. 13): — *Мама, можно поговорить, да?* — *сказала Наташа.* — *Ну в душку [поцелую] один раз, ну еще, и **будет*** (Толстой, V, с. 196); или в «Поликушке»: *А теперь на задатку. Две красненьких **будет**, что ль?* (там же, III, с. 342).

⁸⁰ Ср.: «Прошедшее время несовершенного вида, представляя прошлое действие в его течении, а не в его результате, живописно и изобразительно. Оно употребляется в тех случаях, когда внимание привлекается не к движению и смене прошедших действий, а к воспроизведению самих этих действий в их течении» (Виноградов, 1947, с. 558; «Части речи», гл. VII, § 51).

⁸¹ Дурново, I, с. 41 (§ 68).

⁸² См.: Исаченко, II, с. 133; Isačenko, 1962, с. 348, § 202. Ср. также: Кошмидер, 1962, с. 115, 129, 135.

⁸³ Рассудова, 1968, с. 6.

ражение процесса, действия в его длительности (а не в его целостности) усваивается глаголам несовершенного вида⁸⁴.

Таким образом оказывается, что и несовершенный вид может иметь дейктическое значение (обозначая связь с говорящим или его представителем). При этом совершенный и несовершенный вид выражают прямо противоположные дейктические отношения. В самом деле, в случае совершенного вида, как мы видели, имеет место включение времени описываемого события в личное время говорящего (или его представителя). Между тем в случае несовершенного вида имеет место обратное явление: включение времени говорящего (или его представителя), т. е. временной позиции, с которой производится описание, в описываемое время. Ср., например:

⁸⁴ Ср.: «Целостное восприятие действия, как основной признак совершенного вида, раскрывается наиболее очевидно при сравнении с несовершенным видом, показывающим действие в его течении <...>. Видовое противопоставление является, таким образом, противопоставлением совершенного вида, указывающего на восприятие действия в целостности, и несовершенного вида, не содержащего такого указания. <...> Поскольку совершенный вид имеет определенный семантический признак — восприятие действия в целостности, постольку сфера употребления совершенного вида ограничена. Как уже было сказано, именно этот семантический признак препятствует употреблению глаголов совершенного вида в том случае, если говорящий хочет передать течение действия, его развитие. Семантический признак целостности действия препятствует и представлению неограниченной повторяемости действия. Следовательно, есть сфера, где совершенный вид, в силу специфики своего значения, не может быть употреблен. Несовершенный вид лишен определенного семантического признака и может быть употреблен без каких-либо ограничений. Вследствие этого неограниченный процесс действия и неограниченная повторяемость передаются глаголами несовершенного вида» (Рассудова, 1968, с. 6—7). По определению А. М. Пешковского, «формы совершенного вида не мирятся с идеями начала, продолжения и конца процесса. Нельзя сказать *я начинаю заговорить* или *начну заговорить*, *начинаю поговорить*, *начинаю улететь*, *начинаю купить*, *начинаю сесть* и т. д. Точно так же нельзя сказать *продолжаю заговорить* или *кончаю заговорить*. <...> Эта несочетаемость идеи течения процесса с совершенным видом абсолютно всеобща, т. е. нельзя указать ни одного инфинитива совершенного вида, который бы мог сочетаться с глаголами *начинаю*, *продолжаю*, *бросаю*, *прекращаю*, *прерываю*, *кончаю* и т. д. <...> Поэтому мы принимаем, что значение несовершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глагола, причем эту непротяженность приходится понимать не как отрицательный признак, а как положительный, потому что несовершенный вид является только отрицанием этого „отрицательного“ признака: никакой особой протяженности в нем, взятом в целом, нет <...>» (Пешковский, 1956, с. 108—109).

Лодка врѣзалась в берег. Описываемое событие соотнесено с временем говорящего или его представителя (наблюдателя, действующего лица и т. п.), т. е. дано в его перспективе и представлено как уже осуществившееся действие. Говорящий (resp.: представитель) находится вне процесса: описание дано с внешней по отношению к процессу точки зрения.

Лодка врѣзалась в берег. Говорящий или его представитель является свидетелем происходящего; речь идет об осуществляющемся действии. Говорящий (resp.: представитель) находится внутри процесса: описание дано с внутренней по отношению к процессу точки зрения.

В тех случаях, когда речь идет об описании географического пространства, актуальными оказываются не временные, но пространственные координаты (не временное, но пространственное отношение говорящего к предмету описания): совершенный вид выражает в этом случае не временную, а пространственную границу, тогда как несовершенный, соответственно, — отсутствие такой границы; речь идет при этом о позиции наблюдателя не внутри или же вне описываемого времени, а внутри или вне описываемого пространства. Ср., например:

Отмель врѣзалась в море. Описание предполагает позицию наблюдателя, который отчужден от описываемой действительности, находится вне того пространства, о котором идет речь. Так, например, может выразиться человек, который говорит о том, что изображено на картине; но так же скажет и тот, кто описывает ландшафт с какой-то внешней, заведомо остраненной позиции — как своего рода картину, открывшуюся его взору.

Отмель врѣзалась в море. Эта фраза либо констатирует фактическое положение вещей (безотносительно к той или иной позиции наблюдателя), либо предполагает позицию наблюдателя, который принадлежит самой описываемой действительности, т. е. находится внутри описываемого пространства.

Если совершенный вид может быть уподоблен прямой перспективе, когда художник отделяет себя от изображаемого мира, занимая позицию наблюдателя, находящегося вне изображаемой действительности (см. выше, § 8), то несовершенный вид, в свою очередь, может быть уподоблен обратной перспективе, когда художник мыслит себя внутри изображения, помещая себя как бы внутрь изображаемого пространства: он изображает мир вокруг себя, а не с какой-то отчужденной позиции, он занимает, таким образом, внутреннюю по отношению к изображению позицию⁸⁵.

Совершенный вид в принципе характеризует действие или состояние в его отношении к коммуникационному акту. Между тем несовершенный вид характеризует действие или состояние как таковое. Это действие или состояние в частном случае может выражать значение, противоположное значению совершенного вида, демонстрируя не внешнюю, а внутреннюю позицию го-

⁸⁵ См. подробнее: Успенский, 2000, с. 223—224; Успенский, 1995, с. 250—258.

ворящего (или его представителя) по отношению к обозначаемому действию или состоянию.

15. При всем том совершенный вид, несомненно, более последовательно связан с дейксисом, чем несовершенный. Действительно, несовершенный вид может обозначать действие как таковое, вообще не соотнесенное с говорящим.

Значение формы несовершенного вида в тех случаях, когда оно не соотнесено с говорящим, может быть очень близким к значению соответствующей формы совершенного вида: как та, так и другая форма может относиться к одной и той же реальной ситуации, различаясь лишь способом представления этой ситуации. Ср., например: *Я читал эту книгу* и *Я прочитал (прочел) эту книгу*, *Я смотрел этот фильм* и *Я посмотрел этот фильм*, и т. п.; в каждом из этих случаев может иметься в виду как итоговый результат действия, так и полнота его проявления, т. е. те характеристики, которые принято считать присущими совершенному виду. Разница состоит лишь в том, что форма несовершенного вида не отмечает (эксплицитным образом) переход к новому состоянию, она не обозначает смену событий — иначе говоря, обозначаемое действие не представлено как актуальное событие (см. §§ 6–9).

Как отмечает О. П. Рассудова, «функция глаголов несовершенного вида сближается с функцией глагола *быть*. Ср.: *Вчера у хирурга был прием?* — *Да, вчера хирург принимал*; — *На вашей кафедре уже было обсуждение этого учебника?* — *Да, мы его уже обсуждали*. Нередко одну и ту же мысль можно выразить двояко, используя глагол *быть* или полнозначный глагол несовершенного вида: *На нашем вечере была литературная викторина* — *Мы проводили литературную викторину*»⁸⁶.

16. Таким образом, у несовершенного вида выделяются два значения, которые условно могут быть определены как протяженное и констатирующее; их называют также актуально-длительным и общефактическим или же процессным и обобщенно-фактическим⁸⁷. В первом случае говорящий или его представитель оказывается внутри обозначаемого процесса или состояния; во втором случае имеет место констатация того, что действие или состояние имело место — безотносительно к позиции говорящего. Связь этих значений может быть понята, если признать, что значение несовершенного вида определяется его противопоставленностью значению вида совершенного. Как уже упоминалось, совершенный вид выражает действие в той мере, в какой оно совершилось, было

⁸⁶ Рассудова, 1968, с. 18.

⁸⁷ Ср.: Рассудова, 1968, с. 6–7, 18; Гловинская, 1982, с. 141; Бондарко, 1983, с. 116–189.

осуществлено к определенному моменту (см. § 8). Противопоставленность несовершенного вида совершенному может осуществляться по разным параметрам. С одной стороны, совершившемуся действию оказывается противопоставленным действие вообще, действие как таковое. С другой стороны, действию, ограниченному временным пределом, оказывается противопоставленным длящееся, продолжающееся, протяженное действие, т. е. действие в его течении.

Описание может строиться как последовательность эпизодов. Переход от одного эпизода к другому выражается глаголами совершенного вида: эти глаголы, как мы знаем, отмечают события, актуальные для повествования (что является и что не является событием, определяется в рамках коммуникативной, в частности, нарративной стратегии), и, соответственно, переход в новое состояние. Глаголы совершенного вида определяют, таким образом, динамику повествования; будучи соотнесены с коммуникационным актом (см. выше, § 4), они выражают нарративное время, определяющее внутреннюю хронологию повествования. Нечто подобное имеет место при демонстрации живых картин, связанных единым сюжетом, т. е. последовательно воспроизводящих развитие событий (другим возможным примером может служить демонстрация диапозитивов).

В свою очередь, отдельные эпизоды, из которых строится повествование, представлены как микросцены, внутри которых нарративное время как бы останавливается. Если при передаче последовательности эпизодов имеет место включение описываемого времени во время говорящего или наблюдателя (с которым так или иначе ассоциируется говорящий), то при воспроизведении самих эпизодов происходит, напротив, выключение из него. Эти эпизоды описываются с помощью глаголов несовершенного вида, которые имеют изобразительный характер⁸⁸. Как мы уже говорили (см. § 7), выбор видовой формы определяется коммуникативной (в частном случае — нарративной) стратегией говорящего (рассказчика): в одних случаях он стремится *р а с с к а з а т ь* (обозначить последовательность событий), в других — *п о к а з а т ь* (представить происшедшее в виде наглядной картины).

Эпизоды, представленные как микросцены, могут быть показаны либо в статике, либо в динамике; в первом случае отмечается сам факт того или другого действия или состояния, во втором случае действие представлено в его течении — как длящееся, продолжающееся; и то и другое значение выражается глаголами несовершенного вида. Таким же образом представлено и по-

⁸⁸ Ср.: «Прошедшее время несовершенного вида не двигает событий. Оно описательно и изобразительно. Само по себе оно не определяет последовательности действий в прошлом, а размещает их все в одной плоскости, изображая и воспроизводя их» (Виноградов, 1947, с. 558; «Части речи», гл. VII, § 51).

вторяющееся действие. В первом случае описание дано вне времени, во втором случае оно имеет свое особое время, не соотнесенное непосредственно с общим временем повествования. Если сцена показана в динамике, проявление действия и, соответственно, его протяженность, длительность выражены относительно говорящего или представляющего его наблюдателя, который оказывается тем самым внутри обозначаемого процесса.

Таким образом возникает сложная, разнонаправленная структура, когда говорящий, с одной стороны, организует общее время повествования, передающее последовательность событий, с другой же стороны, спорадически оказывается коэкстенсивным по отношению к описываемым событиям. В первом случае говорящий выступает как активное, во втором — как пассивное начало; можно было бы сказать, что в первом случае он уподобляется Богу как творцу времени, во втором — человеку, которому присуще вообще пассивное отношение к времени⁸⁹. Это чередование диахронического (ретроспективного) и синхронического описания соответствует чередованию внутренней и внешней позиции (по отношению к изображаемому объекту) как общему принципу организации текста — как словесного, так и изобразительного⁹⁰.

Такова, можно думать, исходная модель, определяющая выбор видовой формы. В наиболее явном виде она представлена в нарративном тексте, в редуцированном виде — в разговорной, диалогической речи; механизм выбора остается при этом одним и тем же.

16.1. Показательно, что глаголы с разными значениями несовершенного вида могут объединяться в пределах одного предложения, причем их сочетание не означает смены ракурса (нарративной перспективы), как это имеет место в тех случаях, когда в предложении объединяются формы совершенного и несовершенного вида. Ср., например, описание поведения графа Ростопчина в «Войне и мире» Толстого (т. III, ч. 3, гл. 5): *Граф же Ростопчин <...> то принимал славу сожжения Москвы, то отрекался от нее; то приказывал народу ловить всех шпионов и приводить к нему, то упрекал за это народ <...>; то **сбирал** народ на Три Горы, чтобы драться с французами, то, чтобы отделаться от этого народа, **отдавал** ему на убийство человека и сам **уезжал** в задние ворота <...>*⁹¹. Если глагольные формы *принимал*, *отрекался*, *приказывал*, *упрекал* относятся к повторяющимся действиям, т. е. выражают действия, которые совершаются на протяжении некоторого отрезка времени, то формы *сбирал*, *отдавал* и *уезжал*, напротив, относятся к однократно совер-

⁸⁹ См. в этой связи: Успенский, 2002, с. 42, 47.

⁹⁰ См.: Успенский, 2000, с. 215—267.

⁹¹ Толстой, VI, с. 285—286.

шенному действию (речь идет о конкретном событии — убийстве Верещагина); при этом они представлены как *действие* (со значением, близким аористному), а не как *событие*, — чем и обусловлена единственно возможная в данном контексте (в прошедшем времени) форма несовершенного вида.

Сходным образом у Достоевского в «Преступлении и наказании» читаем (сцена в трактире, представленная в восприятии Раскольникова): *Они стали говорить о Лизавете. Студент рассказывал о ней с каким-то особенным удовольствием и все смеялся, а офицер с большим интересом слушал и просил студента прислать ему эту Лизавету для починки белья* (ч. I, гл. 6)⁹². Глаголы *рассказывал*, *смеялся*, *слушал* относятся к продолжающемуся действию, между тем глагол *просил* относится, по всей видимости, к действию разовому, однократному.

17. Мы видели, что в славянских языках при отрицании обычно употребляется вместо совершенного вида несовершенный (§ 10). На рассмотренных выше примерах было показано, что при этом отрицается факт действия, а не события: если отрицание относится к форме совершенного вида, отрицается, что имело место событие, если же отрицание относится к форме несовершенного вида, отрицается нечто большее, а именно, что имело место само действие, которое могло бы явиться событием. Ср.:

Что увидел? — *Ничего не видел!* (отрицается факт действия).

Что увидел? — *Ничего не увидел!* (отрицается факт события).

Что услышал? — *Ничего не слышал!* (отрицается факт действия).

Что услышал? — *Ничего не услышал!* (отрицается факт события).

В тех случаях, когда форма совершенного вида при отрицании меняется на форму несовершенного вида, фраза с отрицанием представляет более сильное высказывание, чем соответствующее утверждение или вопрос: высказывание, которое относится к более общей ситуации. Речь идет не просто об отрицании того, что было сказано, но о чем-то принципиально большем: отрицается не только событие как таковое, но сама возможность осуществления события такого рода. Очевидным образом это связано с эмфазой, психологически естественной вообще при отрицании (когда некоторому утверждению считается необходимым противопоставить еще более категорическое высказывание). Таким образом, замена формы совершенного вида на форму несовершенного вида в отрицательных конструкциях служит для выражения *сильнейшего* (полного, абсолютного) отрицания⁹³.

⁹² Достоевский, VI, с. 53.

⁹³ То же имеет место, как мы видели, и в случае родительного отрицания (см. § 10.1).

В точности такое же значение имеет при отрицании замена обычной (немаркированной, стандартной) формы несовершенного вида на соответствующую итеративную форму. Иначе говоря, итеративные формы могут противопоставляться обычным, немаркированным формам несовершенного вида таким же образом, как противопоставляются формы совершенного вида формам несовершенного вида. Ср.:

Что слышал? — Ничего не слышал. — Что видел? — Ничего не видал (Короленко. «Сон Макара», гл. 5)⁹⁴.

Ты, может быть, не видал, а я видел, как хорошие люди (...) делаются жестоки (...) (Толстой. «Война и мир», т. II, ч. 2, гл. 11)⁹⁵.

Видела? Видела? Что видела? — крикнула Наташа. (...) Соня ничего не видала (...). «Но отчего же мне не сказать, что я видела? Ведь видят же другие! И кто же может уличить меня в том, что я видела или не видала?» — мелькнуло в голове Сони (Толстой. «Война и мир», т. II, ч. 4, гл. 12; сцена святочного гаданья)⁹⁶.

А я что и видела, не видала, что и слышала, не слышала (Толстой. «Власть тьмы», акт I, явл. 9)⁹⁷.

Мы слышали еще два выстрела, и кроме шума волн уже ничего не слышали... (Карамзин. «Письма русского путешественника», гл. «Лондон, Сентября... 1790»)⁹⁸.

Итеративные формы при отрицании особенно характерны для древнерусского языка⁹⁹. Ср., например: *Кр[естьянин] Парфенко съ нимъ, Ивашко, на дорогѣ встрѣчался-ли и такія ему рѣчи про Тушинскаго вора говорилъ ли, что онъ живъ (...)? (...)* *Кр[естьянин] Парфенко (...)* *говорилъ, что онъ съ нимъ, съ Ивашко, на дорогѣ нигдѣ не встрѣчивался и про Тушинскаго вора, что будто онъ живъ, ничего не говаривалъ* (из расспросных речей XVII в.)¹⁰⁰; *Крестьянина де*

⁹⁴ Короленко, I, с. 120.

⁹⁵ Толстой, V, с. 119.

⁹⁶ Там же, V, с. 294—295.

⁹⁷ Там же, XII, с. 13.

⁹⁸ Карамзин, 1984, с. 386. — Ср. обратное соотношение форм (утвердительной и отрицательной): *Ты ж не видал ея [пробоину в корабле]? — Видал. Снаружи* (Владимов. «Три минуты молчания», гл. 3; см.: Владимов, II, с. 217). Противопоставление форм (*Не видал? — Видал*), по-видимому, восходит здесь к стандартному противопоставлению (*Видал? — Не видал*), представляя собой результат инверсии. Вообще же о значении итеративной формы в утвердительных конструкциях мы говорим ниже (см. примеч. 108).

⁹⁹ Ср. в этой связи: Булаховский, 1950, с. 286—287; Успенский, 2004, с. 50—51, 55—56.

¹⁰⁰ Новомбергский, I, с. 20—21, №22.

Өомку онъ водянымъ деревомъ не **бывалъ**, и от ево побой он не **умирывалъ**, а умеръ де онъ своею смертью¹⁰¹; А пожитков государя моего никуды я не **сваживал** и ни кому не **отдаывал**, и я к себе не **имывал**¹⁰²; О! ты еще не **служи-вал**, сказал сотник, по тому так и судишь! — Не правда, подхватил Вадим, я довольно **служил**¹⁰³; Но между тем (продолжала она) не были ль вы **страстны**? — Нет, сударыня! я никогда не **любливал**!¹⁰⁴.

Совершенно так же, наконец, простые итеративные формы (такие, как *видал*, *слыхал*) могут противопоставляться производным от них вторичным итеративным формам (таким, как *видывал*, *слыхивал*). Ср. характерное возрастание итеративности при отрицании:

Дал он тебе? — Не давал. — Давал? — Не даывал... — Слышал? — Не слухал [т. е.: *Не слыхал*]. — *Слышал? — Не слыхивал. — Видел? — Не видал. — Видал? — Не видывал*¹⁰⁵.

Не бирала, не бирывала, не жырала эшио (запись из Нижегородской обл.)¹⁰⁶.

Как видим, формы *дал* и *давал* противопоставлены здесь таким же образом, как *давал* соотносится с *даывал*; *видел* и *видал* — таким же образом, как *видал* и *видывал*; и т. п. Иначе говоря, *давал* соотносится с *дал*, а *даывал* — с *давал*; *слыхал* соотносится с *слышал*, а *слыхивал* — с *слыхал*; *видал* соотносится с *видел*, а *видывал* — с *видал*. По аналогии мы можем предположить, что *встречался* соотносится с *встретился*, а *встречивался* — с *встречался*; *говорил* соотносится с *сказал*, а *говаривал* — с *говорил*; и т. п.

Это означает, что *даывал* соотносится с *дал* не непосредственно, а через *давал*; *слыхивал* соотносится с *слышал* не непосредственно, а через *слыхал*; *встречивался* соотносится с *встретился* не непосредственно, а через *встречался*; и т. п.¹⁰⁷

¹⁰¹ Дело Никона, 1897, с. 370, № 100.

¹⁰² Дело Шакловитого, IV, стлб. 593 (Доп. № 21).

¹⁰³ Левшин, II, с. 104—105 (Вечер XVIII).

¹⁰⁴ Там же, II, с. 161 (Вечер XX).

¹⁰⁵ Потебня, IV/2, с. 100.

¹⁰⁶ Селищев, 1941, с. 191—192.

¹⁰⁷ Ср. в этой связи описание значения совершенного вида при помощи несовершенного вида соответствующего глагола у Вежбицкой, по мнению которой предложение *Мицкевич написал «Пана Тадеуша» за один год* включает в себя высказывание *Мицкевич писал «Пана Тадеуша» год*. Ср. также: *Ян сел* = ‘Ян произвел такие действия, которые привели к тому, что он *начал сидеть*’, *Ян садился* = ‘Ян производил такой ряд действий, что если бы он произвел все действия этого ряда, то он *сел бы*’ (Wierzbicka, 1967, с. 2235, 2232; Гловинская, 1982, с. 33, 29, — заменяем, вслед за М. Я. Гловинской, польские примеры русскими).

В самом деле, мы можем понять цитированный выше пример (с возрастающим отрицанием) следующим образом:

Дал он тебе? — Не давал [= не было, что *дал*]. — *Давал?* [= не было ли, что *дал*?] — *Не даывал* [= не было, что *давал*]. — *Слышал?* [= не было, что *услышал*?]. — *Не слышал* [не было, что *слышал*]. — *Слышал?* [= не было ли, что *слышал*?]. — *Не слыхивал* [= не было, что *слыхал*]. — *Видел?* — *Не видал* [= не было, что *видел*]. — *Видал?* [= не было ли, что *видел*?]. — *Не видывал* [= не было, что *видал*].

Равным образом *Ты слышал?* означает: ‘не было ли того, что ты *слышал*?’; иначе говоря, *слыхал* содержит в себе отсылку к *слышал*. В свою очередь, *Ты слышал?* означает: ‘не было ли того, что ты *услышал*?’; таким образом, *слышал* содержит в себе отсылку к *услышал*. Наконец, *услышал* означает: ‘был такой момент, когда человек, о котором идет речь, мог сказать *я слышу*’.

Мы видим, что разные временные формы обнаруживают разную степень дистанцированности от потенциального говорящего, отвлеченности от него и, соответственно, разную степень связи с дейксисом — условно говоря, разную степень дейктичности.

Действительно, форма *слышу* содержит в себе очевидный дейксис. В свою очередь, форма *услышал* обнаруживает прямую связь с дейксисом (через *слышу*). Далее, форма *слышал* обнаруживает косвенную связь с дейксисом (через *услышал*, которое, в свою очередь, связано с *слышу*). Между тем форма *слыхал* представляет еще более опосредственную связь с дейксисом (через *слышал*, которое связано с *услышал*, связанным, в свою очередь, с *слышу*). Наконец, форма *слыхивал* еще более удалена от потенциального говорящего, выражая, соответственно, еще более опосредственную связь с дейксисом (через *слыхал*, которое связано с *слышал*, связанным с *услышал*, которое связано с *слышу*)¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Иное значение имеют итеративные формы в утвердительной конструкции, где они, в частности, могут выражать преждепрошедшее или давнопрошедшее время (см.: Успенский, 2004, с. 46—57). Ср., например: — *Вы знали Якова Иваныча? — продолжал я. — Знавала-с, — проговорила она* (Тургенев. «Яков Пасынков», гл. 3; см.: Тургенев, V, с. 85); (Подколесин). *Ты, однако же, сказал, какой на мне чин, и где служишь? — (Степан). Сказывал* (Гоголь. «Женитьба», акт I, явл. 2; см.: Гоголь, V, с. 10); — *Осмотрели бы вы еще раз комнаты и в ящиках! — озабоченно произнес князь после некоторой задумчивости. — Осматривал-с! — еще умильнее вздохнул Лебедев* (Достоевский. «Идиот», ч. III, гл. 9; см.: Достоевский, VIII, с. 373). Ср. в «Войне и мире» (т. III, ч. 3, гл. 28): — *Послушай, ты знаешь, что завтра будет сражение?.. — Сказывали, — отвечал Герасим* (Толстой, VI, с. 329).

Вместе с тем, итеративный глагол может выражать обобщенное действие, полностью абстрагированное от наблюдателя. Ср.: *Не доезжая государя, Ростов, от-*

Литература

I. Источники

- Владимов, I—IV — *Георгий Владимов*. Собрание сочинений в четырех томах, т. I—IV. М., 1998.
- Гоголь, I—XIV — *Н. В. Гоголь*. Полное собрание сочинений, т. I—XIV. [М.—Л.], 1937—1952.
- Дело Никона, 1897 — Дело о патриархе Никоне. Изд. Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) Библиотеки. СПб., 1897.
- Дело Шакловитого, I—IV — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Изд. Археографической комиссии, т. I—IV. СПб., 1884—1893.
- Достоевский, I—XXX — *Ф. М. Достоевский*. Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. I—XXX. Л., 1972—1990.
- Карамзин, 1984 — *Н. М. Карамзин*. Письма русского путешественника. Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984.
- Ковалів, 1960 — *Пантелеимон Ковалів*. Молитовник-Служебник, пам'ятка XIV століття. Нью-Йорк, 1960.
- Козьма Прутков, 1933 — *Козьма Прутков*. Полное собрание сочинений, дополненное и сверенное по рукописям. Вступ. ст., ред. и примеч. П. Н. Беркова. М.—Л., 1933.
- Кокорев, 1965 — *А. В. Кокорев*. Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1965.
- Короленко, I—X — *В. Г. Короленко*. Собрание сочинений в десяти томах, т. I—X. М., 1953—1956.
- Левшин, I—VI — [*В. А. Левшин*]. Вечерние часы, или Древняя сказка славян древлянских, ч. I—VI. М., 1787—1788.
- Левшин, 1779 — Совершенной егер... С немецкаго на российский язык перевел, приложа многие пополнения, *Василий Левшин*. СПб., 1779.
- Лесков, I—XI — *Н. С. Лесков*. Собрание сочинений в одиннадцати томах, т. I—XI. М., 1956—1958.
- Нац. корпус рус. языка — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorgo.ru>.
- Новомбергский, I—II — *Н. Новомбергский*. Слово и дело государевы, т. I — «Зап. Моск. археологического ин-та», т. XIV. М., 1911; т. II — «Изв. имп. Томск. ун-та», т. XXXVI. Томск, 1910. Репринт: М., 2004.
- Островский, I—XV — *А. Н. Островский*. Полное собрание сочинений, т. I—XV. М., 1949—1953.
- Псовой охотник, 1785 — Псовой охотник... Изданной любителем псовой охоты *Г. Б.* М., 1785.

личный ездок, два раза всадил шпоры своему Бедуину и довел его счастливо до того бешеного аллюра рыси, которою хаживал разгоряченный Бедуин (Толстой. «Война и мир», т. I, ч. 3, гл. 8, см.: Толстой, IV, с. 302). *Хаживал* означает здесь 'вообще ходил', 'бывало ходил'.

- ПСРЛ, I—XLIII — Полное собрание русских летописей, т. I—XLIII. СПб. (Пг./Л.) — М., 1841—2004.
- Пушкин, I—XVI — [А. С.] *Пушкин*. Полное собрание сочинений, т. I—XVI. [М.—Л.], 1937—1949.
- Служебник, 1651 — Служебник. М., 1651.
- Служебник, 1655 — Служебник. М., 1655.
- Толстой, I—XII — Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в двенадцати томах, т. I—XII. М., 1972—1976.
- Тургенев, I—XII — *И. С. Тургенев*. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Изд. 2-е, испр. и доп. Сочинения в двенадцати томах, т. I—XII. М., 1978—1986.
- Яснополянские рассказы — *Tvorcheskie raboty uchenikov Tolstogo v Yasnoi Polyane*. Ed. by Thomas G. Winner. Providence, 1974 («Brown University Slavic Reprint», X). Репринтное переиздание из журнала «Ясная Поляна».

II. Исследования и смежная литература

- Аванесов и Сидоров, 1945 — *Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров*. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
- Августин, 1991 — *Аврелий Августин*. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. Изд. подгот. А. А. Столяров. М., 1991.
- Аксаков, 1855 — *Константин Аксаков*. О русских глаголах. М., 1855.
- Апресян, 1995 — *Ю. Д. Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. — В изд.: *Ю. Д. Апресян*. Избранные труды, т. II. М., 1995 (с. 629—650).
- Барсов, 1981 — Российская грамматика *Антоня Алексеевича Барсова* [1783—1788 гг.]. Подгот. текста и текстов. коммент. М. П. Тоболовой. Под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М., 1981.
- Бицилли, 1996 — *П. М. Бицилли*. Глагольные формы на -ль в истории русского языка. — В изд.: *П. М. Бицилли*. Избранные труды по филологии. М., 1996 (с. 341—352). Перевод работы: *П. М. Бицилли*. Глаголнота форма с -ль в историята на руския език. — «Годишник на Софийския Университет. Историко-филологически факултет», т. XXXI, 1935, ч. 7 (с. 1—15).
- Бондарко, 1962 — *А. В. Бондарко*. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — «Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXIII. М., 1962 (с. 179—203).
- Бондарко, 1971 — *А. В. Бондарко*. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Бондарко, 1983 — *А. В. Бондарко*. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 1983.
- Бондарко, 1998 — *А. В. Бондарко*. Проблемы инвариантности/вариативности и маркированности / немаркированности в сфере аспектологии. — В изд.: «Типология вида: Проблемы, поиски, решения», под ред. М. Ю. Чертковой. М., 1998 (с. 65—79).
- Булаховский, 1950 — *Л. А. Булаховский*. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 3-е испр. и доп. изд. Киев, 1950.

- Буслаев, 1959 — *Ф. И. Буслаев*. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Виноградов, 1947 — *В. В. Виноградов*. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947.
- Гловинская, 1982 — *М. Я. Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская, 1998 — *М. Я. Гловинская*. Инвариант совершенного вида в русском языке. — В изд.: «Типология вида: Проблемы, поиски, решения», под ред. М. Ю. Чертковой. М., 1998 (с. 125—134).
- Димитрий Ростовский, 1755 — [*Димитрий, митрополит ростовский*]. Розыскъ о Расколнической брынской Вѣрѣ, о Ученіи ихъ, о Дѣлахъ ихъ и Из'авленіе яко Вѣра ихъ не права, Ученіе ихъ душевредно и Дѣла ихъ не богоугодна. М., 1755.
- Добиаш, 1899 — *А. А. Добиаш*. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1899.
- Достал, 1962 — *Антонин Достал*. Установление видового значения конкретного глагола (из книги «Исследование о видовой системе старославянского языка», гл. VIII). — В изд.: Маслов, 1962 (с. 287—307). Частич. перевод работы: Dostál, 1954.
- Дурново, I—II — *Николай Дурново*. Повторительный курс русского языка, вып. I—II. М.—Л., [1924]—1929.
- Зализняк, 1990 — *Андрей Зализняк*. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания»). — В изд.: «Metody formalne w opisie języków słowiańskich», red. Zygmunt Saloni. Białystok, 1990 (s. 109—114) (= «Dissertationes Universitas Varsoviensis», 399).
- Исаченко, I—II — *А. В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология, ч. I—II. Братислава, 1960—1965 (ч. I, изд. 2-е — Братислава, 1965, ср. изд. 1-е — Братислава, 1954; ч. II — Братислава, 1960.)
- Карский, 1929 — *Е. Карский*. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. — «Известия по русскому языку и словестности», т. II, 1929, кн. 1 (с. 1—75).
- Карцевский, 1962 — *Сергей Карцевский*. Вид (из книги «Система русского глагола», гл. IV). — В изд.: Маслов, 1962 (с. 218—230). Частич. перевод работы: *S. Karcewski*. Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
- Кошмидер, 1962 — *Эрвин Кошмидер*. Опыт науки о видах польского глагола: опыт синтеза. — В изд.: Маслов, 1962 (с. 105—167). Сокр. перевод работы: *Erwin Koschmieder*. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie: próba syntezy. — «Rozprawy i materiały wydziału I Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie», t. V. Wilno, 1934, zesz. 2.
- Ломоносов, I—XI — *М. В. Ломоносов*. Полное собрание сочинений, т. I—XI. М., 1950—1983.
- Мансикка, 1912 — *В. Мансикка*. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. — ИОРЯС, т. XVII, 1912, кн. 2 (с. 86—144).
- Мансикка, 1914 — *В. Мансикка*. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 2 (с. 143—173).
- Маслов, 1962 — Вопросы глагольного вида. Сост. сборника, ред., вступ. ст. и примеч. *Ю. С. Маслова*. М., 1962.

- Маслов, 2004 — *Ю. С. Маслов*. Очерки по аспектологии. Л., 1984. — В изд.: *Ю. С. Маслов*. Избранные труды (аспектология, общее языкознание). М., 2004 (с. 19—302).
- Маслов, 2004а — *Ю. С. Маслов*. Вид глагольный. — В изд.: *Ю. С. Маслов*. Избранные труды (аспектология, общее языкознание). М., 2004 (с. 500—503).
- Падучева, 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.
- Пешковский, 1956 — *А. М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.
- Потебня, I—IV — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике, т. I—IV. М., 1958—1985.
- Рассудова, 1968 — *О. П. Рассудова*. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1968.
- Ружичка, 1962 — *Рудольф Ружичка*. Заключение (из книги «Глагольный вид в „Повести временных лет“», гл. XI.). — В изд.: Маслов, 1962 (с. 308—319). Частич. перевод работы: Ruzicka, 1957.
- Селищев, 1941 — *А. М. Селищев*. Критические заметки по истории русского языка (*Л. А. Булаховский*. Исторический комментарий к литературному русскому языку). — «Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та», т. V, Кафедра русского языка, вып. 1. М., 1941 (с. 175—196).
- Успенский, 1995 — *Б. А. Успенский*. Семиотика иконы. — В изд.: *Б. А. Успенский*. Семиотика искусства. М., 1995 (с. 219—294).
- Успенский, 2000 — *Борис Успенский*. Поэтика композиции. [Изд. 3-е]. СПб., 2000.
- Успенский, 2002 — *Б. А. Успенский*. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема. — В изд.: *Борис Успенский*. Этюды о русской истории. СПб., 2002 (с. 9—76).
- Успенский, 2004 — *Б. А. Успенский*. Часть и целое в русской грамматике. М., 2004.
- Успенский, 2007 — *Б. А. Успенский*. Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство. М., 2007.
- Шахматов, 1941 — *А. А. Шахматов*. Синтаксис русского языка, вып. I—II. Изд. 2-е. Л., 1941.
- Якобсон, 1985 — *Роман Якобсон*. К общему учению о падеже: Общее значение русского падежа. — В изд.: *Р. О. Якобсон*. Избранные работы. Сост. и ред. В. А. Звегинцева. М., 1985 (с. 133—175). Перевод работы: Jakobson, 1971.
- Dostál, 1954 — *Antonín Dostál*. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954. Ср. перевод гл. VIII: Достал, 1962.
- Horbatsch, 1993 — *Olexa Horbatsch*. Praesens und Futurum scenicum in den älteren polnischen und ukrainischen Bühnenstücken. — In: *Олекса Горбач*. Зібранні статті, т. III. Історія української мови (*Olexa Horbatsch*. Geschichte der ukrainischen Sprache). München, 1993 (с. 53—63).
- Isačenko, 1962 — *A. V. Isačenko*. Die russische Sprache der Gegenwart, Teil I. Formenlehre. Halle (Saale), 1962.
- Jakobson, 1971 — *Roman Jakobson*. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutung der russischen Kasus. — In: *Roman Jakobson*. Selected Writings, vol. II. The Hague—Paris, 1971 (p. 23—71). Ср. рус. перевод: Якобсон, 1985.

- Копеčný, 1958 — *Fr. Kopečný. Základy české skladby*. Praha, 1958.
- Lyons, 1968 — *John Lyons. Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge, 1968.
- Lyons, 1977 — *John Lyons. Semantics*, vols I—II. Cambridge, 1977. Продолж. пагинация в обоих томах.
- Ruzicka, 1952 — *Rudolf Ruzicka. Der russische Verbalaspekt*. — «Russischunterricht: Zeitschrift für den russischen Unterricht», Bd V, 1952, Hft 4 (S. 161—169).
- Ruzicka, 1957 — *Rudolf Ruzicka. Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik*. Berlin, 1957 (= «Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik», № 14). Ср. перевод гл. XI: Ружичка, 1962
- Timberlake, 1975 — *Alan Timberlake. Hierarchies in the Genitive of Negation*. — «Slavic and East European Journal», vol. XIX, 1975, № 2 (p. 123—138).
- Thomson, I—IV — *Alexander Thomson. Beiträge zur Kasuslehre, I—IV*. — «Indogermanische Forschungen», Bd XXIV, 1909 (S. 293—307), Bd XXVIII, 1911 (S. 107—120), Bd XXIX, 1911—1912 (S. 249—259), Bd XXX, 1912 (S. 65—79). (I. Über den Genitiv-Akkusativ im Slavischen; II. Der Gen[itiv] bei Massenbezeichnungen besonders im Russischen; III. Zur Genitivreaktion des Verbuns im Baltisch-Slavischen; IV. Über die Neubildung des Akkusativs).
- Wierzbicka, 1967 — *Anna Wierzbicka. On the Semantics of the Verbal Aspect in Polish*. — In: «To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday», vol. III. The Hague—Paris, 1967 (= «Janua linguarum», vol. XXXII/3) (p. 2087—2108).

СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОСТИ НАРЕЧИЯ *АВТОМАТИЧЕСКИ* И АКЦЕНТНЫЕ СДВИГИ В ТОЛКОВАНИИ

М. В. Филипенко

Дорогой Елене Викторовне с любовью

В русском языке есть ряд наречий, обозначающих исключенность сознания субъекта при начале и/или выполнении действия. Это такие слова, как *автоматически, механически, машинально, интуитивно, импульсивно, невольно, бессознательно, произвольно, неумышленно, непреднамеренно, нечаянно, случайно* и др. Их особенность состоит в том, что в контексте глаголов действия они зачеркивают присущие этим глаголам семантические компоненты, описывающие контроль сознания субъекта при начале или выполнении действия. Наречие *бессознательно* зачеркивает компонент 'потому что хотел' (см. о нем [Wierzbicka 1980: 181]):

(1) *бессознательно повернул рукоятку* (пример из [Падучева 2004: 121]).

А, скажем, наречие *механически* зачеркивает в семантике глагола действия компонент 'сознание субъекта контролирует выполнение действия':

(2) *механически перетирает тарелки*.

В данном классе наречий наиболее разветвленную систему значений имеет слово *автоматически*¹. В данной работе мы рассмотрим семантику этого слова и покажем, что основным источником семантической деривации у него служат акцентные сдвиги в толковании (о роли акцентного статуса компонента в семантике слова см. [Падучева 2004: 93—112 и проч.]). У *ав-*

¹ Анализ некоторых наречий данной группы см. в [Казенин 1991; Левонтина 1999]. В [Петрова 1983; Зализняк 1985; Филипенко 2003: 35, 144] рассматривается наречие *нечаянно*. В работе [Левонтина 2000] подробно сопоставляются наречия *машинально, механически* и *автоматически* в значении 'бессознательно выполняя действие'. Там же указывается, что у *автоматически* есть другие три значения, каждое из значений иллюстрируется конкретным примером.

томатически в результате сдвига акцента в фокусе внимания оказывается в одном случае автоматизация процесса осуществления действия, в другом — автоматизм поведения человека, а в третьем — обязательность наступления ситуации как «автоматического» следствия другой ситуации.

* * *

Наречие *автоматически* предполагает контекст со следующими участниками:

- ситуация Р;
- условие Z, в силу которого наступает Р;
- лицо S, инициирующее ситуацию Р, если Р — действие; в последнем случае в концепт ситуации может входить устройство D, при помощи которого выполняется действие Р.

Различаются пять типов употребления (пять лексем) *автоматически*, в зависимости от типа ситуации Р, а также от того, имеются ли сознательные усилия лица S, инициирующего ситуацию Р. Ниже приводятся примеры на каждый тип употребления и таблица с характеристиками каждого типа:

- I *Двери закрываются автоматически* [надпись в вагонах метро].
- II *Если вода все-таки попадает на палубу, то в этом случае автоматически открываются три выреза на палубе и вода сливается с нее.*
- III *Я автоматически нажал на тормоз.*
- IV *Документы автоматически передаются в кабинет врача.*
- V *Ребенок, родившийся в США, автоматически становится гражданином этой страны.*

Тип употребления	Есть ли сознательные усилия лица S, инициирующего ситуацию Р	Тип ситуации Р
I	да	действие, выполняемое устройством D
II	нет	действие, выполняемое устройством D
III	нет	мгновенное действие-реакция (<i>отшатнулся</i>), простое физическое действие или речевая реакция
IV	да	действие (в нем устройство не участвует)
V	нет	изменение состояния объекта или наступление некоторого положения дел

Разным употреблениям наречия можно дать толкования, состоящие из одних и тех же компонентов, но с разным акцентным статусом.

Первый тип употреблений наречия *автоматически* можно проиллюстрировать примерами (За—г):

- (3) а. Двери закрываются (Р) **автоматически** [надпись в вагонах метро].
б. Вы (S) можете **автоматически** набирать (Р) телефонные номера через модем (D).
в. Начиная от подачи прутков из магазина до выгрузки поковок из автомата все операции осуществляются (Р) **автоматически**.
г. Делайте (Р) погоду **автоматически** [реклама обогревателей].

Наречие *автоматически* 1 сообщает, что действие Р, которое инициируется лицом S, выполняется при помощи некоторого устройства (автомата). Иногда указывается, какое это устройство (см. модем в примере 3б), но чаще — нет. При этом между человеком и устройством может быть посредник — другой механизм. Например, запуск устройства, закрывающего двери, субъект может осуществлять при помощи другого механизма.

Участник Z в этом типе употреблений остается «за кадром» [Падучева 2004: 58—60 и др.]; в данном случае Z — это ‘осознанная субъектом S необходимость осуществить Р’ (закрыть двери, набрать телефонный номер, выполнить ту или иную операцию, обогреть помещение и т. д.). Участник S может быть выражен в предложении — как субъект глагола (см. 3б), а может тоже оставаться «за кадром». То же можно сказать об участнике D — так, он выражен в (3б) и не назван в других примерах; наречие сообщает, что D присутствует в ситуации: наречие указывает на класс участника (устройство, автомат), но не специфицирует его. Если участник D во фразе эксплицитно не выражен, то для наречия характерна постпозиция по отношению к глаголу². Допустим также перифрастический оборот *при помощи автомата*. Мы имеем тут дело с достаточно редкой ситуацией, когда наречие *автоматически* в значении 1 само по себе выражает инструментального участника ситуации Р (точнее, оно вводит саму роль участника — это «автомат» («инструмент»)), — не называя конкретное устройство)³.

Естественно, что *автоматическим* в смысле 1 может быть не любое физическое действие, а лишь такое, при котором усилия человека по его выполнению могут быть переложены на устройство: в выражениях *шагал автоматически, нажимал клавиши автоматически* наречие может пониматься только как ‘бессознательно’, см. ниже *автоматически* 3. Антонимом к *автоматически* 1 является наречие *вручную* (о *вручную* см. [Филипенко 2003: 138—139]).

² Ср. препозицию наречия по отношению к глаголу в случае спецификации устройства, пример (3б).

³ Аналогично ведет себя, например, наречие *экспериментально*. Так, в сочетании *подтвердил экспериментально* наречие выражает участника *эксперимент*, но, так сказать, косвенно [Падучева 2004: 367].

Таким образом, *автоматически* 1 сообщает об автоматизации действия Р.

Второй тип употреблений наречия *автоматически* представлен примерами (4а—г):

- (4) а. *Если вода все-таки попадает (Р) на палубу, то в этом случае **автоматически** открываются (Р) три выреза на палубе и вода сливается с нее.*
 б. *Система Contran (D) **автоматически** подавляет (Р) второй сигнал и извещает об этом его источник (Z — ‘поступление второго сигнала’).*
 в. *Сделайте закладку, и в мае 2009 года вы **автоматически** перенесетесь (Р) на наш сайт (Z — ‘наступление мая 2009 года’).*
 г. *Программа (D) **автоматически** сохранит (Р) последнюю версию файла (≈ ‘если файл станут закрывать (Р), то программа сохранит его последний вариант’).*

В случае *автоматически* 2 (в отличие от *автоматически* 1) компонент ‘действие Р выполняется устройством D’ имеет не ассертивный, а презумптивный статус; значение *автоматически* 2 имеет в фокусе компонент ‘существует устройство D1, иницирующее действие Р при наличии ситуации Z’ (при этом действие может осуществляться этим же устройством D1, то есть тогда $D = D1$), ср.

- (4) б'. *Система Contran (D) подавляет второй сигнал не **автоматически** ≈ ‘подавление второго сигнала осуществляется системой Contran, и при этом нет устройства, иницирующего подавление второго сигнала в случае его поступления’ (напомним, что Z в данном случае — это поступление второго сигнала).*

Из смысла *автоматически* 2 следует, что ситуация Р наступает без чьих-либо сознательных усилий. Как и *автоматически* 1, *автоматически* 2 выражает автоматизацию действия. Но акцент придется при этом на автоматизированность инициации действия Р. Тем самым никакое лицо S вообще не принимает участия в действии.

Отметим, что в [Левонтина 2000] у наречия *автоматически* усматривается лишь первое из двух рассмотренных значений этого слова. Однако именно благодаря различию в смыслах лексемы *автоматически* 1 и *автоматически* 2 по-разному ведут себя, например, в контексте форм повелительного наклонения. Так, контекст повелительного наклонения допустим в случае *автоматически* 1, см. пример

- (3г) *Делайте погоду **автоматически**,*

поскольку *автоматически* в смысле 1 предполагает сознательные усилия лица, инициирующего действие. Напротив, формы повелительного наклонения не встречаются при *автоматически* в смысле 2, ведь в этом случае никакое лицо не принимает участия в действии. В предложениях *Откройте автоматически три выреза на палубе*, *подавите автоматически второй сигнал* наречие *автоматически* может быть понято только в смысле 1, то есть ‘при помощи устройства’.

Во всех остальных контекстах участника «устройство (автомат)» в ситуации нет.

В случае *автоматически* 3 речь идет уже не о том, что действие выполняется автоматом, а об автоматизме поведения субъекта (действующего лица), инициирующего и выполняющего действие. Здесь можно говорить о переносном употреблении наречия: человек действует как автомат. Значение *автоматически* 3 возникает в контексте глагола, обозначающего такое действие P, которое является неосознанной (или не до конца осознанной) реакцией субъекта S на некоторое положение дел Z. Действие P может быть настолько естественной реакцией, что никакого специального этапа принятия решения об инициации P нет. Таким действием может быть:

— практически инстинктивное мгновенное действие-реакция:

- (5) а. *автоматически отдернул* (P) руку (отшатнулся, нажал на тормоз, поправил очки).
- б. — Алло? — *Автоматически я* (S) *нажала* (P) на кнопку с трубкой, и автомат слизнул с карточки единицу (О. Сульчинская)⁴.
- в. ⟨...⟩ его *улыбка*, *автоматически возникавшая* (P) при достаточном приближении (P) покупателя, была совершенно бессмысленная (О. Славникова);

— какое-то простое физическое действие-реакция:

- (6) *Тимоти* (S) был так потрясен (P) этим заявлением, что *автоматически налил* (P) виски в стакан для минеральной воды... (А. Пятигорский);

— стандартная речевая реакция субъекта S на ситуацию Z⁵:

- (7) ⟨...⟩ она (S) опрокинула (P) солонку и *автоматически произнесла* «shit»... (А. Найман).

⁴ Здесь и далее мы приводим примеры из Национального корпуса русского языка.

⁵ Ср. глаголы реакции в [Падучева 2004: 74 и др.].

Наречие *автоматически* З сообщает, что субъект S при начале и выполнении действия P подобен автомату, что его сознание не участвует в принятии решения о начале действия P: действие P является стандартной реакцией субъекта S на ситуацию Z⁶. Поскольку реакция является целостной, точечной ситуацией, *автоматически* З не встречается при глаголах несовершенного вида в актуально-длительном значении, а наблюдается только в контексте глаголов совершенного вида.

При этом ситуация Z, стимулирующая действие P, может быть выражена непосредственно в предложении или в предшествующем тексте, а может задаваться прагматическим (ситуационным) контекстом, то есть с точки зрения выраженности в поверхностной структуре она может оставаться «за кадром». Так, *автоматически поправил очки*, скорее всего, предполагает ситуацию Z ‘очки сползли’.

Полнота выключенности сознания субъекта может быть подчеркнута наречием степени:

- (8) — *Направо вторая дверь, верхний выключатель, — проинструктировала (P) она (S) Кожамкулова чисто автоматически* (А. Щербаков)⁷.

Автоматически З имеет разговорные синонимы на автомате (*Никогда еще я не работал на сцене на таком автомате*; А. Макаревич) и автоматом 1 (*Глаза пустые, как у барана, всё делаешь автоматом, ни о чем не заботишься*; Н. Медведева).

Заметим, что именно *автоматически* З синонимично наречиям *машинально* и *механически*, см. соответствующий синонимический ряд в [Левонтина 2000]. Наречие *машинально*, подобно *автоматически* З, может характеризовать ситуацию P как стандартную реакцию субъекта на ситуацию Z — реакцию, которая не предполагает участия сознания субъекта при начале, а также при выполнении действия P:

- (9) а. *Ест и пьет (P) он машинально, когда дают (P)* (Чехов, Палата № 6).
 б. — *Ел, — машинально отвечал (P) Игорек, читая интересное объявление (Л. Петрушевская)*.
 в. *⟨...⟩ он (милиционер) машинально отметил (P) время [когда он появился (P) на месте преступления]: двадцать часов тринадцать минут* (А. Азольский).

⁶ В [Левонтина 2000: 187] похожим образом действие P характеризуется как типовая реакция на стандартную ситуацию [разрядка И. Б. Левонтиной]. Не ясно, однако, что имеется в виду под «стандартной ситуацией».

⁷ Это могут быть наречия *чисто*, *абсолютно*, а также *совершенно*, см. [Левонтина 2000: 189]. При *автоматически* 1 возможно также наречие *полностью*, если автоматизация действия допускает градации, ср. (Зв).

- г. *Машинально он пощупал (P) бровь [ударившись (P)]* (Ю. Домбровский).

Стандартными могут быть не только действия, но и эмоции субъекта в ситуации Z:

- (10) *⟨...⟩ [он] в очередной раз [воспользовавшись (P) дырявой чашкой Лонли-Локли] машинально удивился тому, что жидкость никуда не выливается* (М. Фрай).

Отметим, однако, что в отличие от *автоматически* 3, *машинально* имеет употребления, при которых значение наречия не имеет компонента 'P — стандартная реакция на Z'; на первый план выходит компонент 'сознание субъекта не участвует в выполнении действия P' — возможно, потому, что сознание поглощено чем-то другим:

- (11) а. *Фрэнк машинально взбалтывал пиво и пил небольшими глотками* (С. Павлов).
б. *Машинально оделся.*

В примере (12) ситуация P относится к классу происшествий, а потому в принципе не может быть стандартной реакцией на что-либо:

- (12) *Еще хватает наглости извиняться! ...А сам ведь меня даже не заметил! Всё машинально: врезался машинально, извинился машинально, так же машинально отдал ногу...* (Т. Перица).

Подробно различия в поведении лексем *автоматически* 3 и *машинально* описаны в [Левонтина 2000].

Четвертый тип употреблений наречия *автоматически* представлен примерами:

- (13) а. *Документы автоматически передаются (P) в кабинет врача.*
б. *⟨...⟩ одна рука [посетителя бара] свалилась, другая упрямо держит на тусклом исцарапанном цинке рюмку, в которую разливальщица (S) автоматически подливает (P) йеневер...* (К. Кобрин).
в. *⟨...⟩ к этому [причастию, дарующему исцеление] нельзя прибегать (P) автоматически, так же, как мы прибегаем, скажем, к аспирину, чтобы не болела голова* (Антоний (Блум), митрополит Сурожский).
г. *Автоматически до 150 досок бесплатно* [из рекламы].

Наречие *автоматически* 4 означает, что при наличии условия Z субъект S должен сделать P (то есть должен инициировать действие и выполнить его).

В данном случае — в отличие от контекста, уместного для *автоматически* 3, — субъект действует абсолютно сознательно. Автоматизм состоит в том, что к действию его побуждают обязательства или представления о правильном поведении в той или иной ситуации (см. 13в). Для (13а) условие Z состоит в том, что документы определенного рода начали находиться в определенном месте (откуда они должны быть переданы в кабинет врача), для (13б) — в том, что рюмка посетителя опустела (тогда разливальщица должна ее наполнить), для (13в) — в том, что человек заболел (тогда для выздоровления он должен прибегнуть к причастию), для (13г) условие Z — это покупка определенного количества досок (тогда в придачу продавцы обязуются отдать еще до 150 досок)⁸.

Отметим, что в [Левонтина 2000] для данного значения предлагается формулировка ‘с необходимостью достигая цели’ и приводится следующий пример:

- (13) д. — *Зайдем, посмотришь, как я живу. Вика хорошо понимала, что значит зайти и посмотреть, как он живет. Но эта формула приглашения действовала на нее почти автоматически* (А. Рыбаков).

Данная формулировка представляется, однако, не совсем удачной, так как она приложима только к примерам с глаголами воздействия, но не с глаголами собственно действия, ср. (13а—г). В случае примера (13д) условие Z — выбранная героем формула приглашения — таково, что, по представлениям героини, практически обязательно предполагает принятие ею приглашения.

В предложении с *автоматически* 4 акцент падает на возникающую у субъекта необходимость сделать Р при наличии Z, и в отличие от других значений *автоматически* 4 предполагает сознательные усилия субъекта по инициации и выполнению Р. Так что наречия максимальной степени при *автоматически* в данном значении оказываются неуместны — ведь обычно необходимость что-либо сделать и сама по себе выступает, так сказать, в максимальном объеме:

- (13) а'. ^{??}Документы **полностью (чисто, абсолютно)** автоматически передаются в кабинет врача.

В случае *автоматически* 4 речь идет об обязательности поступка субъекта; но субъект действует не при выключенном, а при включенном сознании.

Автоматически 4 имеет разговорный синоним *автоматом* 2:

⁸ В (13г) отсутствует глагол, описывающий ситуацию Р. Его смысл выводится из смысла наречия *бесплатно* — это приблизительно ‘переход досок из владения продавца во владение покупателя’ (*дадим, отгрузим, приложим, добавим* и под.), ср. неглаголоцентричную модель семантического анализа предложения в [Филипенко 2003].

- (14) а. Если прописать Снежану (Р), то **автоматом** надо прописывать (Р) и Алю (В. Токарева).
 б. Тогда народ просек суть дела, и начальство подписывало (Р) бумаги **«автоматом»**: пол-литра на стол (Р) — справка (З. Масленникова).

Заметим, что необходимость при наличии Z сделать Р передается в русском языке также модальным словом *должен* в обязывающем значении (см. [Филипенко 1991]). Отсюда характерные перифразы с заменой *автоматически* на *должен*: (13а) \approx *Документы должны быть переданы в кабинет врача* (при наличии Z), (13б) \approx *Разливальщица должна подлить йеневер* (когда рюмка опустеет) и т. д. Тут *автоматически* значит ‘обязательно’.

Если контекст неоднозначен, то слово *автоматически* может быть осмыслено по-разному:

- (15) *Пересчет субсидий будет производиться **автоматически*** —

то ли «при помощи устройства» (*автоматически* 1), то ли «при наличии соответствующего Z (например, при повышении тарифов) сотрудники должны пересчитать субсидии» (*автоматически* 4). Если фраза (15) обращена к работникам, оформляющим субсидии, то возможно первое понимание, если же она обращена к получателям субсидий, то допустимо только второе осмысление. Предложение (13б), которое приводилось как пример на значение 4, видимо, допускает еще одно осмысление — с *автоматически* 3, когда при начале и выполнении действия разливальщица действует подобно автомату (ее сознание не участвует в решении о начале и выполнении действия).

В отличие от первых четырех типов, где наречие *автоматически* употреблялось в контексте глаголов действия, последний, **пятый тип** употреблений представлен в предложениях с глаголами изменения состояния или наступления некоторого положения дел:

- (16) а. Ребенок, родившийся (Р) в США, **автоматически** становится (Р) гражданином этой страны.
 б. Публично заявив (Р), что до тех пор, пока Елевич стоит у руля сборной, он за команду играть не будет, Панов **автоматически** закрыл (Р) себе в нее двери («Известия», 2001) (понятно, что **закрыл** в данном примере — не глагол действия).
 в. Победитель первого этапа (Z) **автоматически** попадает (Р) во второй («Известия», 2001).

Значение 5 возникает не только в контексте изменения состояния, но и тогда, когда изменению предшествует процесс накопления этого состояния:

- (17) а. *При этом (P) автоматически нормализуется (P) вес.*
 б. *В результате такой эволюции (P) общество автоматически поделилось (P) на людей богатых и очень богатых, если, конечно, оставить в стороне парижского босняка (В. Пьецух).*
 в. *Сегодня никто не может дать ответ на вопрос, ведет (P) ли отбор (P) автоматически к прогрессивной эволюции (P. Солнцев).*

Наречие *автоматически* в значении 5 выражает тот факт, что ситуация P наступает как следствие ситуации Z. Никакое лицо не участвует в наступлении ситуации P — P наступает в силу устройства вещей, «в силу самого этого факта», если воспользоваться формулировкой из [Левонтина 2000: 189] (ср. также в этой связи каузальное значение слова *должен* в [Филипенко 1991]). Таким образом, *автоматически* 5 говорит об автоматическом, то есть обязательном наступлении данной ситуации как следствии другой ситуации.

Автоматически 5 синонимично выражению *само собой* в одном из его значений: ≈ ‘если Z, то само собой P’:

- (18) а. *Вы продумываете, где можно сыграть на публику или это получается само собой? — Скорее само собой (М. Измайлов);*
 б. *Уравнивание их темпов может произойти само собой — на аналогичное прошлогоднему повышение зарплат бюджетников у правительства денег нет (Е. Корол);*
 в. *А с «бритоголовыми» даже бороться не надо: расскажите им их родословную — и движение нацистов исчезнет само собой (Известия, 2002).*

Подобно *автоматически* 3 и 4, *автоматически* 5 имеет разговорный синоним *автоматом* 3:

- (19) а. *Даже если человек «по закону Моисееву», по всей строгости Галахи не является евреем, он может репатрироваться и «автоматом» получить израильское гражданство (А. Бовин);*
 б. *Как только мы повышаем первый тариф — автоматом повышается восемнадцатый, и наоборот (К. Косачев).*

Предложения *Она поставит зачет автоматом (И. Адамацкий), Экзамены ему ставили почти автоматом, лишь бы сказал пару слов по теме (Р. Сенчин)* описывают ситуацию, когда получение зачета (экзамена) оказывается «автоматическим» следствием появления студента на зачете (экзамене). Если при этом для достижения P необходимы все-таки некоторые усилия

со стороны экзаменуемого, при наречии имеется ограничитель, ср. *почти автоматом*.

Автоматически 5 синонимично также выражению *тем самым*: \approx 'если Z, то тем самым P'.

* * *

Итак, наречие *автоматически* имеет пять значений, связанных между собой естественными семантическими сдвигами, в значительной мере контекстно обусловленными. Основным источником семантической деривации у наречия *автоматически* служит акцентный сдвиг: в зависимости от того, какой элемент ситуации находится в фокусе внимания — условие Z или вызываемая им ситуация P (с усилиями или нет со стороны лица S); участвует или не участвует в ситуации P устройство D, — семантика наречия варьирует от полной или частичной автоматизации действия P до автоматизма поведения субъекта S и, далее, просто до обязательности наступления ситуации P в условии Z. Варьирует при этом и степень контроля ситуации P со стороны лица S.

Так, идея автоматизации действия возникает тогда, когда в ситуации участвует устройство (*автоматически* 1 и *автоматически* 2). При этом в исходном значении ситуация P является сознательным действием субъекта, который может использовать для достижения своей цели автомат. В этом случае Z находится на заднем плане — как мотив (в смысле [Падучева 2004: 311, 337 и др.]), побуждающий лицо к данному действию. Лицо контролирует инициацию действия P, а выполняет его устройство (это *автоматически* 1). Если в ситуации P не участвует лицо, то действие оказывается полностью автоматизированным: оно не контролируется субъектом, а толчком для его инициации служит наступление ситуации Z. Коммуникативный ранг участника Z при этом либо Периферия, либо За кадром (это *автоматически* 2).

Следующий сдвиг — метафорический: лицо действует как автомат (а устройство в ситуации не участвует). Автоматизм поведения лица — это, чаще всего, стандартная реакция субъекта на ситуацию Z. Если такой реакцией является достаточно простое действие, допускающее выключенность сознания субъекта при своем выполнении, то оно характеризуется наречием *автоматически* 3: начало и выполнение действия P не контролируется лицом. Если же стандартная реакция представляет собой действие, которое невозможно сделать «на автомате», то оно характеризуется при помощи *автоматически* 4, которое выражает полный контроль над действием со стороны некоторого лица. Контекст глаголов, описывающих переход в новое состояние, заставляет интерпретировать слово *автоматически* как сообщающее об обязательности наступления ситуации при данных условиях — ситуация наступ-

пает в силу устройства вещей. При этом, разумеется, ни устройство, ни субъект действия не являются участниками ситуации. Ситуация Z обычно выражена в предложении и играет роль причины по отношению к своему следствию — ситуации P (*автоматически* 5).

Из анализа наречия *автоматически* следует важный вывод об общей структуре толкования глаголов действия. В схеме толкования, предложенной в [Падучева 2004: 314, 478 и др.], фигурирует единый компонент «субъект действовал (с целью)», или «деятельность». Семантика же наречия *автоматически* (см. прежде всего *автоматически* 3) заставляет различать здесь два компонента — решение субъекта о совершении действия и само осуществление действия⁹.

Литература

- Зализняк 1985 — Анна А. Зализняк. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Казенин 1991 — К. И. Казенин. НЕЧАЯННО, НЕВОЛЬНО 1, НЕУМЫШЛЕННО, НЕПРЕДНАМЕРЕННО (рукопись). 1991.
- Левонтина 1999 — И. Б. Левонтина. НЕВОЛЬНО, НЕЧАЯННО, СЛУЧАЙНО 2, книжн. НЕПРОИЗВОЛЬНО, устар. НЕНАРОКОМ, устар. разг. НЕВЗНАЧАЙ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. 2-е изд., испр. М., 1999. С. 216—220.
- Левонтина 2000 — И. Б. Левонтина. МАШИНАЛЬНО, АВТОМАТИЧЕСКИ 2, МЕХАНИЧЕСКИ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. 2-е изд., испр. М., 2000. С. 187—189.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Петрова 1983 — Г. В. Петрова. Наречия «нарочно» / «нечаянно» и их роль в высказывании // Лексико-семантические структуры в языке и речевой деятельности. М., 1983. С. 175—184.
- Филипенко 1991 — М. В. Филипенко. О семантике слова *должен* // НТИ. Сер. 2. 1991. № 9. С. 29—33.
- Филипенко 2003 — М. В. Филипенко. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.
- Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. *Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language*. N. Y.: Academic Press, 1980.

⁹ Автор благодарит Е. В. Падучеву за неоднократное обсуждение предварительных вариантов данной работы и замечания к ним.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ДИАТЕЗЕ

В. С. Храковский

Диатеза, как известно, очень старый лингвистический термин и восходит к древнегреческому слову *διάθεσις*, которое в грамматике этого языка использовалось в качестве эквивалента нашего термина залог. Однако широкого распространения в теоретической лингвистике этот термин не получил. Как отмечается в работе [Успенский 1977], его sporadически использовали французские теоретики Э. Бенвенист и Л. Теньер. Э. Бенвенист употребляет его практически в том же значении, что и термин залог (*voix*), а Л. Теньер с его помощью именуется четыре подзалога (*sous-voix*) переходного залога (*voix*), которые он далее называет активной, пассивной, возвратной и взаимной диатезами.

Иное понятийное содержание этот термин получил в работах [Холодович 1970: 13; Мельчук, Холодович 1970: 114], где новому понятию было дано следующее определение: «Диатезой называется соответствие между семантическими актантами (= партиципантами) и синтаксическими актантами данной глагольной лексемы», ср. [Храковский 2004: 506]. В книге [Падучева 2004: 51] отмечается, что «понятие диатезы было введено в 1970 году в статье Мельчук, Холодович 1970 (см. также [Мельчук 1998]) — в целях уточнения понятия залога». В принципе такая трактовка имеет право на существование, особенно если учесть, что в работах [Холодович 1970: 13; Мельчук, Холодович 1970: 117] залог был определен как «грамматически маркированная в глаголе диатеза». Вместе с тем, как мне представляется, появление нового понятия было связано с обнаружением в разных языках, в том числе и в тех, где у глагола нет морфологической категории залога, класса соотносительных семантических и синтаксических фактов, которые тем самым не могли быть в общем случае истолкованы с помощью морфологического понятия залог. Другое дело, что эти факты были обнаружены при анализе залоговых форм и конструкций с типологической точки зрения.

Напомню в этой связи, что исходным пунктом концепции, развиваемой в работах [Холодович 1970; Мельчук, Холодович 1970] служит сопоставительный анализ русских активной (*Ян убил Пана*) и пассивной (*Пан убит Яном*) и

эквивалентных древнекитайских активной (*Ян ша Пан*) и пассивной (*Пан ша юй-Ян*) конструкций. При этом было замечено, что формальная разница между соотносительными русскими предложениями явно связана с различием залогов — актива и пассива, тогда как у соотносительных древнекитайских предложений различий в залоге нет: глагол в обоих предложениях выступает в одной и той же форме. Соответственно возник вопрос, что обеспечивает, с одной стороны, эквивалентность русской и древнекитайской активной конструкции, а с другой стороны, эквивалентность русской и древнекитайской пассивной конструкции? Ответ на этот вопрос и составил суть предложенной концепции. Он заключался в следующем. Любой глагол, будучи предикатным словом, называет некоторую ситуацию. Каждая ситуация предполагает наличие того или иного количества участников (= партиципентов, семантических актантов), которые обозначаются специальным семантическим языком. К их числу, как было отмечено в работе [Холодович 1970: 5—6], относятся, например, «субъект, объект, инструмент, исходная точка, конечная точка, адресат и т. д.». Наряду с участниками ситуации существуют обозначенные специальным синтаксическим языком участники языковой структуры, т. е. члены предложения: подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение и т. д., иначе: синтаксические актанты, или просто актанты, см. [Холодович 1970: 6]. Активная и пассивная конструкция с глаголом, имеющим значение ‘убить’ и называющим ситуацию с двумя участниками — субъектом и объектом, и в русском и в древнекитайском языке отличаются друг от друга одинаковым образом: и в том и в другом случае участники ситуации в пассивной конструкции соотносятся с участниками языковой структуры иначе, чем в активной конструкции, т. е., в полном соответствии с данным выше определением, имеют разные диатезы. Иначе говоря, пользуясь принятой в то время терминологией, мы можем говорить о том, что, если в активных конструкциях субъект занимает позицию подлежащего, а объект — позицию прямого дополнения, то в соотносительных пассивных конструкциях субъект занимает позицию т. н. агентивного дополнения, а объект — позицию подлежащего. Таким образом, то общее, что объединяет активные и пассивные конструкции русского и древнекитайского языка — это их диатезы, а разъединяет их то, что в русском языке в отличие от древнекитайского пассивная диатеза дополнительно маркируется еще и на морфологическом уровне с помощью специального залогового показателя в глаголе. Иначе говоря, в рамках предложенной концепции диатеза и залог выступают как соотносительные понятия разных уровней: понятие диатезы является семантико-синтаксическим и универсальным — любая глагольная лексема в любом языке имеет по меньшей мере одну диатезу, а понятие залога является морфологическим и не универсальным — не любая глагольная лексема и не в любом языке пред-

ставлена хотя бы двумя формально отличающимися друг от друга залоговыми словоформами, которые соотносятся с разными диатезами.

Введение в научный оборот понятия диатезы естественным образом поставило во главу угла вопрос о том, сколько в принципе может быть диатез у глагольной лексемы с заданным количеством определенных участников обозначаемой этой лексемой ситуации. Иначе говоря, речь шла не об эмпирическом перечислении диатез, обнаруженных у конкретных глагольных лексем в различных языках, а об исчислении, которое не описывает диатезы различных глагольных лексем в конкретных языках, а определяет общее количество диатез (а соответственно, и залогов), которое может иметь глагольная лексема с заданными свойствами в любом языке. Таким образом, исчисление — это своего рода универсальный эталон, по отношению к которому системы диатез различных глагольных лексем в конкретных языках обычно выступают как редуцированные варианты в силу того, что все логические возможности построения диатез могут не реализоваться и обычно не реализуются из-за тех или иных ограничений, которые отдельные языки и конкретные лексемы накладывают на исчисление. Если у глагольной лексемы больше одной диатезы, то уместно различать исходную (лексикографическую) и производные диатезы. Исходная диатеза представляет такое соответствие между участниками ситуации (семантическими актантами, партиципантами) и (синтаксическими) актантами, которое задается толкованием лексемы [Холодович 1974: 363]. Что касается производных диатез, то в них это соответствие изменяется или, если хотите, нарушается таким образом, что участники ситуации (семантические актаны, партиципаны) занимают позиции других (синтаксических) актантов, либо вообще не имеют соотносительных (синтаксических) актантов.

В работах [Холодович 1970; Мельчук, Холодович 1970] была предпринята попытка найти ответ на вопрос о том, сколько в принципе может быть диатез (и соответственно залогов) у глагольной лексемы с заданным количеством определенных участников обозначаемой этой лексемой ситуации. В частности, было показано, что у глагольных лексем типа *убить* с двумя участниками: субъектом и объектом может быть всего семь диатез (и соответственно залогов), тогда как у глагольных лексем типа *очищать* с тремя участниками: субъектом, первым объектом и вторым объектом в принципе может быть тридцать четыре диатезы (и, соответственно, залогов). В последующие годы много внимания проблеме исчисления диатез и залогов уделял И. А. Мельчук, при этом его точка зрения на то, сколько диатез (и, соответственно, залогов) может быть у глагольной лексемы с двумя участниками обозначаемой этой лексемой ситуации, уточнялась, причем уточнение шло по линии увеличения числа диатез, входящих в исчисление. Так в работе [Мельчук 1998] исчисление включает 11 диатез, тогда как в работе [Мельчук 2004:

293] исчисление насчитывает уже 20 теоретически возможных диатез, среди которых 12 логически возможных¹. Попытка исчислить только пассивные диатезы, т. е. те, в которых нарушено исходное соответствие «первый участник ситуации — первый (синтаксический) актанта», была предпринята в работе [Храковский 1970: 31—32], в которой пассивные диатезы (и, соответственно, залого) глагольных лексем с заданными свойствами исчисляются по формуле $2(n + 1)$, где n — число возможностей заполнения позиции первого (синтаксического) актанта участниками ситуации, переходящими в эту позицию в пассивных диатезах, 1 — та возможность, когда позиция первого (синтаксического) актанта остается незанятой, а умножение на 2 обозначает две возможности для первого участника ситуации, который в пассивных диатезах либо занимает позицию т. н. агентивного (субъектного) дополнения, либо не занимает, т. е. вообще не обозначается, ср. [Храковский 1974; 2004].

Если возможное количество диатез любой глагольной лексемы с заданными свойствами устанавливается теоретически, то фактически имеющиеся диатезы и наличные залоговые глагольные формы определяются только эмпирически. По-видимому, можно утверждать, что все наблюдаемые типы соотношений между диатезами и словоформами одной глагольной лексемы находятся между двумя полюсами: (а) каждая диатеза обозначается специальной глагольной формой — число залогов равно числу диатез, (б) все диатезы обозначаются одной и той же глагольной формой — диатезы специально не маркируются в глаголе, и, следовательно, категории залога нет.

Введение в научный оборот понятия диатезы позволило обратить внимание на «диатезы и формирующиеся на их основе залого в области дополнений». Имеются в виду «те диатезы, где соответствие между субъектом и подлежащим остается постоянным, а все изменения соответствия разыгрываются между объектами и дополнениями» [Холодович 1970: 19—20]. Речь идет о примерах типа *He loaded bricks onto truck* \Rightarrow *He loaded the truck with bricks*, *Я выбил пыль из ковра* \Rightarrow *Я выбил ковер*. Правда, эта проблема была только намечена в работах [Холодович 1970; Мельчук, Холодович 1970], но уже сам факт ее постановки имел принципиально важное значение.

В дальнейшем концепция диатез и залогов совершенствовалась в ряде работ И. А. Мельчука. Последней, итоговой в этом ряду является, уже упоминавшаяся статья [Мельчук 2004], в которой автор, давая уточненное исчисление диатез глагольной лексемы с двумя участниками, включающее 20 вариантов, и уточненные определения диатезы и залога, вместе с тем подчеркивает, что исходные представления остались неизменными и что «в основе

¹ Мои комментарии к исчислению, предложенному в работах [Мельчук 1998; 2004], даны в статьях [Храковский 2000; Xrakovskij 2005].

понятия залога лежит соответствие между семантическими [= Сем-] и глубинно-синтаксическими [= ГСинт-] актантами глагольной словоформы, т. е. то, что мы назвали диатезой» [Мельчук 2004: 287]. Исходные представления лежали и в основе ряда публикаций Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН, посвященных проблемам диатез и залогов, см., например, [Холодович (ред.) 1974; Храковский (ред.) 1978; 1981], а принцип исчисления успешно был использован и при описании итеративных, императивных, условных и уступительных конструкций [Храковский (ред.) 1989; 1992; 1998; 2004; Храkovskij (ed.) 1997; 2001; 2005].

В настоящее время можно говорить о том, что понятие диатезы получило все права гражданства в лингвистике. Свидетельством кодификации этого понятия может служить тот факт, что оно включено в Лингвистический энциклопедический словарь (М., 1990), а также то, что появились специальные работы, посвященные анализу этого понятия, см., например, [Крылов 2004]. Об этом же говорит и то обстоятельство, что понятие диатезы широко используется в работах исследователей, принадлежащих к различным школам и направлениям. В частности, очень широко и плодотворно это понятие используется в работах Е. В. Падучевой. Впервые, если я не ошибаюсь, это понятие появилось в ее книге [Падучева 1974: 217—236], в которой X глава называется «Залог и диатеза». В этой книге, как подчеркивает сама Е. В. Падучева, она в основном следует работам [Холодович 1970; Мельчук, Холодович 1970]. Кроме того, она акцентирует внимание на том, что предлагаемый ею подход ориентирован прежде всего на русский язык. Основным предметом обсуждения являются залоговые значения и залоговые трансформации. Характеризуя значение залоговых форм глагола в русском языке, Е. В. Падучева предлагает следующее определение: «Залогово немаркированная форма обозначает, что глагольная лексема имеет исходное синтаксическое употребление; а формы производных залогов обозначают изменение состава синтаксических актантов лексемы и/или изменение их интерпретации через семантические» [Падучева 1974: 224]. Нетрудно заметить, что это определение содержательно эквивалентно определению, в соответствии с которым залог — это маркированная в глаголе диатеза.

Что касается залоговых трансформаций, то специально рассматриваются две таких трансформации: 1) введение страдательного (пассивного) залога и 2) введение возвратного (рефлексивного) залога. Важно обратить внимание на то, что в этой работе Е. В. Падучева в полном соответствии с идеями трансформационной грамматики рассматривает исходные и производные залоговые конструкции как синонимичные. Существенно и то, что в полном соответствии с традицией Е. В. Падучева включает в категорию залога рефлексив. Вместе с тем такое решение является по меньшей мере дискуссион-

ным с теоретической точки зрения. Дело в том, что в некоторых языках (но не в русском!) представлены глагольные формы, в которых показатели пассива комбинируются с показателями рефлексива. К числу таких языков относится, например, литовский. Приводя соответствующие примеры типа *Petras apsirengi* 'Петр оделся' \Rightarrow *Petro apsirengta* (букв.) 'Петром одетось', Э. Ш. Генюшене пишет: «Рефлексивные конструкции ведут себя как конструкции активного залога по отношению к пассиву. Этот факт указывает на то, что рефлексивы и пассив — принципиально разные явления, которые не следует рассматривать в одной грамматической категории (например, залога в узком смысле), хотя, возможно, они могли бы быть объединены в какую-то более широкую категорию, рассматривающую типовые способы изменения глагольной валентности, куда попал бы и каузатив» [Генюшене 1981: 183].

Любопытное прагматическое решение проблемы предлагает И. А. Мельчук. В теории, с его точки зрения, пассив и рефлексив относятся к разным залоговым категориям. Но на практике, если в конкретном языке, как, например, в русском, пассив и рефлексив не комбинируются друг с другом, их можно относить к одной категории [Мельчук 2004: 305—306]. По нашему мнению, такое решение представляется по меньшей мере дискуссионным. Практика не должна противоречить теории. Рефлексив и пассив — неоднородные явления. В случае рефлексива нарушается исходное соответствие: один участник — одна роль. Двум участникам, каждый из которых в активе выполняет по одной роли, в рефлексиве соответствует один участник, который теперь выполняет обе роли. Что касается пассива, то в нем исходное соответствие: один участник — одна роль не нарушается, см., например [Храковский 1981; 2000].

Что касается понятия диатезы, то Е. В. Падучева следует трактовке этого понятия, предложенной А. А. Холодовичем и И. А. Мельчуком, однако вносит важное новшество: она полагает, что это понятие можно использовать при характеристике синтаксического статуса не только глагола, но и других слов. Это новшество она в полной мере реализует в работе [Падучева 1977], в которой рассматриваются производные диатезы отпредикатных имен в русском языке. Указав, что отпредикатные имена делятся на два основных класса: имена ситуации и имена участников ситуации (= актантные имена), Е. В. Падучева избирает в качестве предмета исследования имена ситуации. Задача исследования состоит в том, чтобы построить исчисление редуцированных диатез отпредикатных имен ситуации в русском языке. Редуцированной считается такая диатеза, в которой отсутствует синтаксическая связь, выражающая актантную валентность слова. Введя три классификационных параметра: 1. Каким синтаксическим актантом является отпредикатное имя при подчиняющем предикате? 2. Какая валентность отпредикатного имени запрещена? 3. С каким из синтаксических актантов подчиняющего предиката совпадает

запрещенный к выражению семантический актанти имени (т. е. какова семантическая интерпретация запрещенной валентности)? — Е. В. Падучева построила исчисление, включающее 18 возможностей, и при этом почти все они реально встречаются. Редуцированные диатезы делятся на три класса: 1) с точки зрения синтаксической функции отпредикатного имени — на подлежащие, дополнительные и вторые дополнительные; 2) с точки зрения того, какая валентность запрещена — на безобъектные, бессубъектные и безактантные; 3) с точки зрения синтаксической функции слова, восполняющего недостающий актанти, — на прогрессивные/регрессивные и контактные/дистантные.

Если я не ошибаюсь, новая трактовка понятия диатезы, отличающаяся от стандартной, была впервые предложена Е. В. Падучевой в работе [Падучева 1998]. Вообще-то основная проблема, которая рассматривается в этой статье, состоит в том, что в коммуникативной информации, выражаемой в предложении, наряду с традиционно учитываемым рематическим акцентом существует и т. н. **тематическое выделение**, которое противопоставлено **затушеванности, уходу на задний план**. Для выражения различий в степени коммуникативного выделения вводится специальное понятие **коммуникативного ранга** участника ситуации. «Ранг участника вытекает из синтаксической позиции его экспонента: синтаксическая позиция имеет коммуникативную значимость, которой нельзя пренебрегать. Самый высокий ранг имеет Субъект: это тот участник, которого семантика глагола выделяет как тему». Также высокий ранг имеет и Объект. «Все остальные члены предложения, за исключением Субъекта и Объекта, обеспечивают участнику всего лишь ранг Периферия... Еще ниже ранг тех участников ситуации, которые вообще не упомянуты в предложении в явном виде, а лишь подразумеваются... Эти участники имеют ранг Нуль, соответствующий позиции „за кадром“» [Падучева 1998: 86], ср. [Касевич, Храковский 1983: 16—17]. Противопоставление коммуникативных рангов иллюстрируется рядом примеров, в том числе:

- 1 (а) *Врач лечит Ивана от малярии хинином;*
- (б) *Врач лечит малярию хинином.*

В этом примере участники ситуации, занимающие позиции (синтаксического) Субъекта и Объекта имеют высокий коммуникативный ранг, другие участники, занимающие позиции косвенных дополнений, имеют ранг Периферия, а участник-больной в (б) имеет ранг Нуль, соответствующий позиции «за кадром».

Существенно важными представляются Е. В. Падучевой отличия коммуникативного ранга участника ситуации от семантической роли участника ситуации. Если «семантическая роль характеризует участника с точки зрения его места в когнитивной структуре», то «коммуникативный ранг характеризует участника с прагматической точки зрения — по отношению к фокусу

внимания говорящего. Субъект и (прямой) Объект — это участники, входящие в Центр; остальные участники относятся к Периф(ерии); участник, который синтаксически не выразим при данном глаголе, имеет ранг Нуль, т. е. находится, так сказать, за пределами Периферии» [Падучева 1998: 93—94].

Появление нового понятия для выражения различий в степени коммуникативного выделения послужило основанием для модификации определения понятия диатезы. «Понятие коммуникативного ранга позволяет описать семантику диатетических сдвигов, т. е. представить в явном виде их коммуникативное содержание. Более того, можно просто представить диатетический сдвиг как мену коммуникативных рангов. Слегка отступая от определения диатезы, введенного в [Мельчук, Холодович 1970], мы будем называть диатезой лексемы набор семантических ролей участников с указанием их коммуникативных рангов» [Падучева 1998: 97].

Аналізу понятия «диатеза» в новой формулировке Е. В. Падучева посвятила три недавно опубликованные работы. «Исходной» в кавычках является статья [Падучева 2002]. Дополненный вариант этой статьи представляет гл. 3 Диатеза, Ч. I, в книге [Падучева 2004], а сокращенный вариант — статья [Падучева 2004а]. Исходный пункт этих работ — характеристика понятия диатезы в формулировке, предложенной в работе [Мельчук, Холодович 1970]. Вместе с тем Е. В. Падучева сразу же вводит понятие периферийной синтаксической позиции (*Периф*), занимаемой Агентивным дополнением, которая противопоставляется по умолчанию центральному синтаксическим позициям Субъекта (= подлежащего) и Объекта (= прямого дополнения). Соответственно, изменение диатезы при переходе от актива к пассиву в примерах (2а) и (2б) предлагается представить формулой 2*:

- (2) а. *Разбойники убили крестьянина;*
 б. *Крестьянин был убит разбойниками.*
 (2*) <Агенс-Сб, Пациенс-Об> ⇒ <Пациенс-Сб, Агенс-Периф>

Далее в работе дается характеристика ситуации, называемой глагольной лексемой, и отмечается, что концепт ситуации включает определенный набор участников. Каждый участник ситуации выполняет какую-либо роль, например Агенс, Средство, Тема, а иногда более одной роли. Здесь существенно разведение понятий Участник и Роль, но в то же время отмечается, что «участник — это прежде всего роль» [Падучева 2004: 53]. Это позволяет во многих случаях замещать название участника названием его роли, однако не вполне ясно, можно ли осуществить такое замещение, если у участника не одна, а две роли, что в принципе вполне возможно. «При употреблении глагола **в предложении** участнику с данной ролью обычно соответствует... синтаксический актант; **в словаре** участнику с данной ролью сопо-

ставлена синтаксическая позиция — синтаксическая форма того языкового выражения, которое будет, в том или ином предложении, синтаксическим актантом глагола» [Падучева 2004: 52—53].

Итак, в концепции Е. В. Падучевой пара вида (роль, позиция) необходимые, но, как мы увидим далее, недостаточные компоненты диатезы. Сразу же отметим, что в канонической концепции Мельчука и Холодовича в ее последней редакции необходимые и достаточные компоненты диатезы составляет пара вида (семантический актант, глубинно-синтаксический актант) и предлагается следующее определение диатезы: «Диатезой словоформы W называется соответствие между ее семантическими и глубинно-синтаксическими актантами» [Мельчук 2004: 288].

Особо в указанных работах Е. В. Падучевой вслед за работой [Падучева 1998] оговариваются принципиально важные случаи, когда участнику ситуации не соответствует в предложении синтаксический актант. 1. В исходной диатезе синтаксический актант не соответствует т. н. инкорпорированному участнику. В ситуации, называемой глаголом *видеть*, таким участником являются глаза. Однако сказать **Он увидел ее глазами* нельзя. 2. Не соответствует синтаксический актант участнику-Наблюдателю. В примере *На дороге показался всадник* таким участником является Наблюдатель-Эксперимент, который обычно кореферентен говорящему. 3. Участнику не соответствует синтаксический актант, если этот участник в соответствии с семантикой глагольной лексемы выражается дейктически. Примером может служить глагол перемещения *взять*, у которого не выражается Конечная точка, поскольку она в исходном употреблении глагола фиксирована дейктически. 4. Участник не может быть выражен в предложении, если соответствующая ему словоформа квантифицируется уже в толковании словоформы, что часто возникает в контексте модальности, как в примере *Прогресса не чувствуется*. 5. Участнику может не соответствовать синтаксический актант в одной из производных диатез. Ср. *Он вымел мусор с пола* ⇒ *Он вымел пол*. Во всех диатезах глаголов с отрицательным значением некоторым участникам ситуации могут не соответствовать синтаксические актанты. Классический пример — глагол *промахнуться*. Синтаксического актанта может не быть в силу формально-поверхностных ограничений. В частности, в русском языке не могут быть одновременно выражены участники с ролью Инструмент и Средство, если соответствующие им синтаксические актанты оформляются творительным падежом. Ср. **Сапожник прибивает каблук молотком гвоздиками*.

Особый интерес в этой работе представляет обсуждаемая далее проблема т. н. пропадающих актантов, которая, как мне представляется, не рассматривалась в предыдущих публикациях Е. В. Падучевой. Речь идет о тех случаях, когда при мене исходной диатезы на производную, участник с определенной

ролью не просто меняет коммуникативный ранг, а казалось бы, пропадает во-
все. Имеются в виду примеры типа

- (3) *сообщается о потерях;*
*занятия **проводятся** на воздухе;*
подача газа была приостановлена.

Справедливо считая, что «в активном залоге глаголы *сообщать, проводить, приостановить* имеют Агенса», Е. В. Падучева вместе с тем полагает, что «в пассиве, пример (3), Агенс не то что меняет ранг, а уходит из концепта ситуации вообще. А в таком случае употребление глагола в безагенсном пассиве не соответствует определению залога через диатетический сдвиг» [Падучева 2004: 61].

Для того чтобы все-таки оставить т. н. безагенсный пассив в рамках категории залога, что соответствовало бы его традиционному пониманию, Е. В. Падучева предлагает два взаимоисключающих теоретических решения. В рамках одного решения вслед за работой [Плунгян 2000] «предлагается считать исходными для примеров типа (3) конструкции типа (4), „неопределенно-личные“, т. е. с субъектом — „неопределенным лицом“:

- (4) *сообщают о потерях;*
*занятия **проводят** на воздухе;*
*подачу газа **приостановили**.*

В таком случае в пассивном залоге это неопределенное лицо просто меняет синтаксическую позицию: переходит из позиции подразумеваемого субъекта в подразумеваемое же агентивное дополнение» [Падучева 2004: 61]. В рамках другого решения предполагается, что «конструкция типа (3) может быть получена из агентивной пассивной конструкции в (3') трансформацией „опущение неспецифицированного Агенса“:

- (3') *сообщается* <кем-то> *о потерях;*
*занятия **проводятся*** <кем-то> *на воздухе;*
*подача газа **была приостановлена*** <кем-то>» [Падучева 2004: 61].

С нашей точки зрения, оба предлагаемых решения неудовлетворительны. Нам уже приходилось писать [Храковский 2004: 513—515], что пассивные конструкции с нулевым Агенсом или, как их еще называют двучленные пассивные конструкции типа *Разговор был прерван*, в которых Агенс не назван и соответственно его коммуникативный статус очень низок, наиболее широко распространены в языках мира. Подобные конструкции очень соблазнительно считать производными от исходных активных (неопределенно-личных) конструкций типа *Разговор прервали*, в которых Агенсом является неопределенное лицо. Коммуникативный статус неопределенного лица уже в активной

конструкции достаточно низок, а в пассивной конструкции он еще более понижается. Соответственно на первый взгляд есть все основания считать, что пассивная конструкция типа *Разговор был прерван* «является полным (с точностью до залога и прагматики) семантическим коррелятом» конструкции *Разговор прервали* [Плунгян 2000: 201].

Однако такой вывод по меньшей мере не может рассматриваться как универсальное правило. Дело в том, что не во всех языках, где представлены двучленные пассивные конструкции, параллельно есть и активные конструкции, в которых Агенс является неопределенным лицом. К числу таких языков относится, например, литературный арабский язык, и для двучленной пассивной конструкции в таких языках приходится искать какую-то другую исходную активную конструкцию. Другое соображение состоит в том, что не во всех случаях Агенс, отсутствующий в двучленной пассивной конструкции, соотносится с неопределенным лицом. Иногда Агенс соотносится с вполне определенным лицом, известным из контекста. Ср. *После войны Отто пошатался по свету — города при этом сменялись очень часто* (В. Коротич); *Евгения Петровна очень любила праздники. Справлялись они торжественно, солидно и сытно* (В. Курочкин). В обоих приведенных примерах Агенс вполне определенное лицо, которое названо в предтексте. Еще одно соображение состоит в том, что референтом отсутствующего, но подразумеваемого Агенса, в частности в русском языке, может быть и человек, и животное, и стихийная сила. Например, в предложении *Лодка была опрокинута* не сказано, кто конкретно опрокинул лодку. Это мог быть и человек, и животное (например, медведь), и стихийная сила (например, ураган). В то же время в предложении *Лодку опрокинули* отсутствующий агенс всегда только неопределенное лицо. Наконец, в двучленной пассивной конструкции Агенсом может быть любое лицо, в том числе и то, которое контролирует факт сообщения: в типичном случае это говорящий. Иными словами, во фразе *Лодка опрокинута* Агенсом ситуации в частном случае может быть и то лицо, которое произносит эту фразу. Ср.: — *Объяснять мне почти нечего, товарищ старший лейтенант, — сказал Ивин, и голубые глаза его спокойно, мягко вобрали взгляд лейтенанта. — Все, что написано в объяснительной записке, — правда. — Ну хорошо... пусть будет правда, не веря, согласился лейтенант. — Но скажи мне, Ивин, голубчик, почему ты не придумал другой правды* (А. Ким).

Иначе обстоит дело в неопределенно-личной активной конструкции, где говорящий обычно не может быть Агенсом ситуации. Иными словами, во фразе *Лодку опрокинули* Агенсом не может быть то лицо, которое произносит эту фразу. Исключение говорящего из потенциальных Агенсов активной неопределенно-личной конструкции может специально обыгрываться в тексте: *Девушки любят, когда за ними красиво ухаживают, цветы дарят, в театр*

приглашают, а у меня (= у говорящего. — В. Х.) пока такой возможности нет (В. Чубакова).

Таким образом, и по общелингвистическим, и по семантическим, и по прагматическим соображениям, и прежде всего потому, что неназванный Агенс не всегда является неопределенным лицом, вряд ли двучленные пассивные конструкции целесообразно считать производными от неопределенно-личных активных конструкций, хотя, безусловно, неопределенно-личная активная конструкция выступает как функциональный синоним двучленной пассивной конструкции в том случае, если из значения глагола и/или знаний о реальном мире известно, что Агенс — это неопределенное лицо. Ср.: *Студента пригласили в деканат* и *Студент был приглашен в деканат*.

Что касается второго решения, то оно также не может быть принято по общетипологическим соображениям. Дело в том, что в целом ряде языков, в том числе в уже упоминавшемся арабском, в принципе нет т. н. трехчленных, т. е. агентивных пассивных конструкций, но есть двучленные, т. е. т. н. «без-агенсные» пассивные конструкции, и соответственно нет никаких теоретических оснований считать, что в принципе двучленные пассивные конструкции — это продукт трансформации трехчленных пассивных конструкций. Таким образом, в общем случае наиболее удобно считать, что двучленная пассивная конструкция с лексически не обозначенным агенсом является дериватом исходной активной конструкции с лексически обозначенным агенсом. В производной конструкции Агенс не уходит из концепта ситуации, а становится, если угодно, неизвестным или просто не называется, занимая коммуникативную позицию За кадром. О том, что Агенс не уходит из концепта ситуации, свидетельствует, в частности, специфическая маркировка глагола в двучленной пассивной конструкции. Такой подход и был принят в концепции диатез и залогов.

Рассматривая примеры типа

- (5) а. *Порыв ветра **разбил** окно;*
 б. *Окно **разбилось** от порыва ветра;*
 в. *Окно **разбилось**,*

Е. В. Падучева полагает, что соотношение между *разбить* в (5а) и *разбиться* в (5в) мотивируется двумя сдвигами — декаузативацией (переход от 5а к 5б), которая является обычным диатетическим сдвигом, подобным пассиву, и не меняет числа участников, и интерпретирующей актантажной деривацией, которая обеспечивает опущение участника Каузатор (переход от 5б к 5в), когда о его референте ничего не сообщается: причина наступившего изменения состояния может быть неизвестна, несущественна — или, напротив, она слишком явно подразумевается контекстом. Декаузатив на самом деле полностью

аналогичен пассиву, разница только в том, что в пассиве Каузатор — Агенс, а в декаузативной конструкции — все что угодно, но не Агенс. Тогда Каузатор в (5в) — неопределенная причина в том же смысле, в каком Агенс — неопределенное лицо в (3).

Такая трактовка, на наш взгляд, нуждается в некоторой реинтерпретации. Начнем с того, что в исходной конструкции Каузатором может быть и Причина, как в (5а), и Агенс, как в (5г) *Петя **разбил** окно*. Дериватом этой конструкции является не (5б), а (5в). Здесь действительно можно усмотреть аналогию с образованием двучленной пассивной конструкции из исходной активной. В производной конструкции Каузатор не называется, но из концепта ситуации он не уходит точно так же, как не уходит Агенс из концепта ситуации в двучленной пассивной конструкции. Он может оставаться неназванным или, если угодно, неизвестным, как во взятом вне контекста примере (5в), но он может быть назван в контексте, обычно в предтексте и при этом может быть Агенсом, как в примере (5д), или Причиной, как в примере (5е):

- (5) д. *Тетушка схватила самый маленький горшочек с геранью и швырнула в собаколова. Из этого Чик понял, что она начала успокаиваться. Этот горшочек вдребезги **разбился** у ног собаколова, а герань сломалась (Искандер).*
- е. *В гостинице. Случайно задев рукой, сбросил с тумбочки хрустальнообразный стакан, из которого собирался запить снотворное. Обычный стакан или остался бы цел, или раскололся бы на несколько кусков. Этот **разбился** вдребезги на сотню маленьких осколков (Искандер).*

В свою очередь конструкция типа (5в) может быть трансформирована в конструкцию типа (5б), что соответствует процессу образования трехчленной пассивной конструкции из двухчленной. Однако при такой трансформации позицию косвенного дополнения может занимать только Каузатор-Причина. Таким образом, в примерах типа (5) ни о каком исчезновении участника из концепта ситуации говорить не приходится. Можно лишь говорить, что при переходе от конструкции типа (5в) к конструкции (5б) в роли Каузатора выступает только Причина, но не Агенс.

Как мы уже отмечали выше, пара вида (роль, позиция) в концепции Е. В. Падучевой необходимые, но недостаточные компоненты диатезы. «В полном виде диатеза — это таблица, в которой строка соответствует участнику, а столбцы — его атрибутам: первый столбец — переменная, т. е. имя участника; второй — его синтаксическая позиция (форма) и тем самым ранг, третий — роль, четвертый — таксономический класс» [Падучева 2004: 62]. Набор морфосинтаксических позиций, сопоставленных каждому из участников, Е. В. Па-

дучева называет конфигурацией, а «изменение конфигурации является диатетическим (ранговым) сдвигом, если меняются только ранги участников, а роли и другие аспекты значения слова остаются неизменными» [Там же: 62; выделено Е. П.]. Соответственно сдвиг ‘актив — пассив’ в примере

- (6) а. *Разбойники убили крестьянина;*
 б. *Крестьянин был убит разбойниками*

является диатетическим сдвигом и осуществляется в соответствии с правилом

- (6*) X Сб Агенс \Rightarrow Y Сб Пациенс
 Y Об Пациенс \Rightarrow X Периф Агенс

(Хотя таксономический класс глагольной лексемы считается обязательным компонентом диатезы, он при иллюстрации диатетических сдвигов стандартно не учитывается.)

Легко заметить, что подход Е. В. Падучевой к трактовке понятия диатезы определенным образом отличается от классической трактовки этого понятия в работах [Холодович 1970; Мельчук, Холодович 1970], ср. [Мельчук 1998; 2004]. Представляется важным установить, в чем суть этих различий. По нашему мнению, эти различия, выражаясь фигурально, являются не стратегическими, а тактическими. При классическом подходе в центре внимания находится механизм диатетических сдвигов, а в концепции Е. В. Падучевой — их функция. Однако было бы ошибочным полагать, что при классическом подходе функция диатетических сдвигов вообще оставалась вне поля зрения. О том, что функция диатез и соответственно залогов состоит в изменении коммуникативной информации, говорится, в частности, в работах [Храковский 1970; 1974]. Эта же идея относительно недавно четко сформулирована в работе [Мельчук 1998: 173], где сказано, что «...было бы ошибочным полагать, что залог является полностью асемантическим, т. е. что он сводится к чисто синтаксическому преобразованию. С нашей точки зрения, залог — это семантическая категория; выбор той или иной граммы залогов производится говорящим на основании семантических факторов. Но смысл, присущий залогу, является „коммуникативным“ (а не пропозициональным: залог выражает коммуникативную структуру высказывания). Активная и соответствующая ей пассивная конструкция, строго говоря, не являются синонимичными: описывая одну и ту же ситуацию, они обладают тождественной семантической структурой, но их коммуникативные структуры не совпадают; тем самым их семантические представления оказываются тоже различными».

Другое дело, что понятие коммуникативного ранга и весь аппарат коммуникативного выделения были разработаны и введены в научный оборот в конце 90-х годов прошлого столетия в цикле работ Е. В. Падучевой, начиная

со статей [Падучева 1997; 1998]. Во второй статье дается четкая формулировка, в соответствии с которой «коммуникативный ранг характеризует участника с прагматической точки зрения — по отношению к фокусу внимания говорящего. Субъект и (прямой) Объект — это участники, входящие в Центр; остальные участники относятся к Периф(ерии); участник, который синтаксически не выразим при данном глаголе, имеет ранг Нуль, т. е. находится, так сказать, за пределами Периферии» [Падучева 1998: 94]. Фактически Е. В. Падучева обнаружила наличие однооднозначного соответствия между механизмом диатетических сдвигов и их функцией. Дело в том, что участники, занимающие позиции первого и второго синтаксических актантов, т. е., в ее терминологии, Субъекта и (прямого) Объекта, всегда тематически выделены, участники, занимающие позиции остальных синтаксических актантов, никогда не входят в фокус внимания говорящего, а синтаксически невыразимые участники всегда остаются за пределами внимания говорящего. Важность этого открытия трудно переоценить. Важно и то, что Е. В. Падучева при характеристике диатезы отделила понятие участника ситуации, от выполняемой им роли и показала, что один участник в принципе может выполнять более одной роли. Правда, отдельные примеры, приводимые для иллюстрации этого принципа, не кажутся в полной мере теоретически состоятельными. Таков, в частности, пример

(7) а. *Сигарета прожгла дырку на скатерти;*

б. *Сигарета прожгла скатерть.*

По словам Е. В. Падучевой, «диатетический сдвиг, который соотносит друг с другом эти употребления глагола *прожечь* (а также *пробить*, *прорезать*, *проломить* и др., см. [Апресян 1974: 205], описывается правилом (7*). Участник Z уходит за кадр. Меняется роль участника Y — он становится еще и Пациентом; но именно в этом выражается его повышение в ранге:

(7*) X Сб Каузатор X Сб Каузатор
 Z Об Результат ⇒ Y Об Место/Пациент
 Y Периф Место Z З/кадр Результат» [Падучева 2004: 63].

Итак, по мысли Е. В. Падучевой, при диатетическом сдвиге участник Y с ролью Место получает еще роль Пациента, которой у него не было в исходной диатезе. Не возражая в принципе против такой трактовки, мы тем не менее вправе задать вопрос: могут ли участники ситуации, называемой глагольной лексемой, иметь в разных диатезах нетождественные наборы ролей? Не свидетельствует ли нетождественность набора ролей о том, что речь должна идти не о разных диатезах одной глагольной лексемы, а о разных глагольных лексемах? Мы в свою очередь полагаем, что нет достаточных оснований для того, чтобы приписывать участнику в производной диатезе дополнительную

роль Пациенса. Если согласиться с такой трактовкой, то тогда вообще исчезает база для конфликта.

Пришла пора подводить итоги. Нет сомнений в том, что понятие диатезы, введенное в научный оборот в 1970 г. А. А. Холодовичем и И. А. Мельчуком, оказалось очень плодотворным для анализа семантической, синтаксической и коммуникативной структуры предложения. Важная роль в разработке и популяризации этого понятия принадлежит Е. В. Падучевой, которая создала аппарат тематического выделения и показала, что функция диатетических сдвигов как раз и заключается в изменении тематического выделения, а кроме того использовала понятие диатезы при характеристике не только глаголов, но и других слов. Мне особенно приятно писать об этом в заметках, которые публикуются в сборнике, посвященном юбилею Елены Викторовны Падучевой.

Литература

- Апресян 1974 — *Ю. Д. Апресян*. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Генюшене 1981 — *Э. Ш. Генюшене*. К теории описания рефлексивных глаголов (на мат-ле литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 160—184.
- Касевич, Храковский 1983 — *В. Б. Касевич, В. С. Храковский*. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения. Л., 1983. С. 5—27.
- Крылов 2004 — *С. А. Крылов*. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // Типологические обоснования в грамматике. М., 2004. С. 259—267.
- Мельчук 1998 — *И. А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Мельчук 2004 — *И. А. Мельчук*. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 286—314.
- Мельчук, Холодович 1970 — *И. А. Мельчук, А. А. Холодович*. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124.
- Падучева 1974 — *Е. В. Падучева*. О семантике синтаксиса. М., 1974.
- Падучева 1977 — *Е. В. Падучева*. О производных диатезах отпредикатных имен // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977. С. 84—107.
- Падучева 1997 — *Е. В. Падучева*. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // НТИ. Сер. 2. 1997. № 1. С. 18—30.
- Падучева 1998 — *Е. В. Падучева*. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 82—107.
- Падучева 2002 — *Е. В. Падучева*. Диатеза и диатетический сдвиг // *Russian Linguistics*. 2002. № 2. С. 179—215.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева 2004а — *Е. В. Падучева*. Диатеза как метонимический сдвиг // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 424—444.

- Плунгян 2000 — *В. А. Плунгян*. Общая морфология. М., 2000.
- Успенский 1977 — *В. А. Успенский*. К понятию диатезы // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977. С. 65—83.
- Холодович 1970 — *А. А. Холодович*. Залог I: Определение. Исчисление // Категория залога: Мат-лы конф. Л., 1970. С. 2—26.
- Холодович 1974 — *А. А. Холодович*. *Miscellanea marginaliaque* (Еще раз о залогах и диатезах) // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974. С. 362—379.
- Холодович (ред.) 1974 — *А. А. Холодович* (ред.). Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Храковский 1970 — *В. С. Храковский*. Конструкции пассивного залога (определение и исчисление) // Категория залога: Мат-лы конф. Л., 1970. С. 27—41.
- Храковский 1974 — *В. С. Храковский*. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов. Л., 1974. С. 5—45.
- Храковский (ред.) 1978 — *В. С. Храковский* (ред.). Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Храковский 1981 — *В. С. Храковский*. Диатеза и референтность // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 5—38.
- Храковский (ред.) 1981 — *В. С. Храковский* (ред.). Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
- Храковский (ред.) 1989 — *В. С. Храковский* (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Храковский (ред.) 1992 — *В. С. Храковский* (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Храковский (ред.) 1998 — *В. С. Храковский* (ред.). Типология условных конструкций. СПб., 1998.
- Храковский 2000 — *В. С. Храковский*. Диатезы и залогов (тридцать лет спустя) // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 466—474.
- Храковский (ред.) 2004 — *В. С. Храковский* (ред.). Типология уступительных конструкций. СПб., 2004.
- Храковский 2004 — *В. С. Храковский*. Концепция диатез и залогов (исходные гипотезы — испытание временем) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 503—519.
- Храковский (ред.) 2004 — *В. С. Храковский* (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Xrakovskij (ed.) 1997 — *V. S. Xrakovskij* (ed.). Typology of Iterative Constructions. München; Newcastle, 1997.
- Xrakovskij (ed.) 2001 — *V. S. Xrakovskij* (ed.). Typology of Imperative Constructions. München, 2001.
- Xrakovskij (ed.) 2005 — *V. S. Xrakovskij* (ed.). Typology of Conditional Constructions. München, 2005.
- Xrakovskij 2005 — *V. S. Xrakovskij*. The Concept of Diathesis and Voices in Early XXI Century // East West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. М., 2005. P. 529—537.

ОБЩИЕ (ПОЛНЫЕ) ВОПРОСЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Б. Шатуновский

1. В настоящей статье речь пойдет, в основном, о **полных** (в смысле Ш. Балли [1955]) общих вопросах, т. е. вопросах, оперирующих на пропозиции в целом (а не на какой-то ее части, как в случае частичных вопросов [Там же]). Вопросы представляют собой побуждение сообщить информацию, неизвестную Г-му [= Говорящему] (но, предположительно, известную А-у [= Адресату]). Однако для того чтобы задать вопрос, нужно уже что-то знать о действительности. Даже если Г чего-то не знает, то он по крайней мере знает, что он **этого** не знает (иначе вопрос у него не возникнет даже в уме!) и он должен описать **это** в своем вопросе. Поэтому любой вопрос содержит дескриптивный, описывающий действительность компонент. Дескриптивный компонент, в свою очередь, состоит, используя идеи и терминологию Ш. Балли [1955], из двух частей: описание объективной ситуации — диктум — и компонент 'имеет место', соотносящий диктум с действительностью, — модус. В более поздней терминологии Ч. Филлмора эти части называются «пропозиция» и «модальность» [Филлмор 1981: 403]. Однако в отличие от дескриптивных высказываний — высказываний, описывающих действительность, дескриптивный компонент в вопросах имеет **альтернативный** характер, полный вопрос описывает участок действительности, к которому он относится, в виде дизъюнкции **альтернатив**. «...Задавая вопрос, — отмечает Е. В. Падучева, — говорящий совершает два действия: 1) Он намечает множество альтернатив, которое, по его мнению, исчерпывает ситуацию. ⟨...⟩ 2) Он просит слушающего указать, какая (или какие) из альтернатив имеет место» [Падучева 1985: 240—241].

2. Первичное и наиболее базовое деление в области общих вопросов (как полных, так и частичных) — это противопоставление собственно вопросов — информативных вопросов, по Рестану [Рестан 1972], — и вопросов-предположений (презумптивных вопросов, от лат. *praesumere* 'предполагать', по Рестану [Там же: 183])¹.

¹ См. и ср. также [Bolinger 1978; Русская грамматика 1980, § 2598].

Примечание. Проблема здесь состоит в том, что это интуитивно ясно ощущаемое противопоставление терминологически запутывается вследствие того, что слово *предположение* в научном и обыденном языке употребляется в самых разных смыслах². В каком-то смысле собственно вопросы (чисто информативные вопросы) также **предполагают** альтернативы, которые образуют так называемое исходное предположение вопроса [Падучева 1981: 88; 1996: 238—239]. Однако это предположение в том смысле, что эти альтернативы известны до вопроса, **перед** вопросом и тем самым **предполагаются** вопросом (как и собственно пресуппозиции).

В случае общего полного (собственно) вопроса исходное предположение вопроса образовано альтернативами ‘Р’ vs ‘не Р’ [Падучева 1985: 240] = ‘Р имеет место’ vs ‘Р не имеет места (в действительности)’; при этом альтернативы, образующие альтернативную дескрипцию вопроса, описывают фрагмент действительности, имеющий как таковой, по самой своей природе альтернативный характер, в том смысле, что в одних случаях во фрагментах данного типа Р, а в других не Р таким образом, что когда в данном фрагменте Р, мы понимаем, что могло бы быть (потому что бывает) и не Р, и наоборот. Поэтому когда мы говорим о таком фрагменте, то мы заранее знаем, что в данном фрагменте Р или не Р, но можем не знать, что именно, Р или не Р. В этом случае формулируется вопрос, направленный на получение информации об этом. Такие вопросы как будто проверяют пункты анкеты, известной заранее, на которые возможны только два ответа: да или нет, положительный или отрицательный. При этом оба ответа равноправны с точки зрения информативности и объективности описания: и тот и другой описывают, как устроен данный фрагмент мира. Так, о каждом взрослом мужчине известно, что он или состоит в браке, или не состоит в браке; вопрос: *У вас есть жена?* выясняет объективное положение вещей в отношении данного параметра, «пункта».

Вопросы-предположения образуют более высокий уровень, надстраивающийся над собственно вопросами. В случае вопросов-предположений известно, что имеются альтернативы ‘Р’ и ‘не Р’ или, для другого типа предположений, Р, Q, R, S... и т. д.; Г не просто спрашивает, что имеет место, но «инициативно» предполагает (формулирует в своем вопросе), что ‘имеет место Р’ (а не ‘имеет место не Р’) или что то, что имеет место, это Р (а не Q, R, S... и т. д.), и спрашивает у А, правильно ли его предположение.

² Видимо, отчасти и поэтому Пер Рестан называет эти вопросы *презумптивными*. Последний термин, впрочем, также не очень удачен, поскольку вызывает ассоциации с понятием *презумпции* (= *пресуппозиции*), введенным в оборот Е. В. Падучевой, к которым этот термин не имеет никакого отношения. (Вины Рестана в этом нет, поскольку термин *презумпция* стал использоваться Е. В. Падучевой уже после выхода его книги о вопросах.)

3. Формальные и коммуникативные различия между вопросами в русском языке связаны с различиями с точки зрения новизны/данности составляющих их дескрипцию семантических элементов. Необходимо различать два вида известности, данности/новизны элементов: это новизна/данность в данном **тексте** (**дискурсе**) и новизна/данность в **мире** (участников коммуникации) [Шатуновский 2004]. Для того чтобы успешно осуществлять коммуникацию, у говорящих должен быть не только общий язык, но и общий мир, общая картина мира, в которой имеются одни и те же объекты, классы, признаки и т. д. (ср. понятие «общего знания» в [Prince 1981: 230—233]). Все эти элементы являются известными для участников коммуникации. Однако, разумеется, не все эти элементы присутствуют в конкретном тексте, дискурсе. (Дискурс = текст + ситуация.) Те элементы, которые уже присутствуют в дискурсе (были введены в него на предшествующих этапах его развития или присутствуют непосредственно в ситуации общения, ясны, как-то вытекают из ситуации общения), являются данными (известными, старыми) элементами для данного дискурса. Элемент, который вводится в дискурс впервые, является новым элементом в **данном** дискурсе. При этом, поскольку элемент может быть введен в мир говорящих только посредством предложения, то если объект вводится в мир, то он тем самым одновременно вводится и в дискурс; однако, как было отмечено выше, обратное неверно.

4. Собственно вопросы (чисто-информативные вопросы).

Общие собственно вопросы делятся на различные формально-коммуникативные типы в соответствии с тем, какой (какие) из указанных выше компонентов дескрипции вопроса находится в коммуникативном фокусе, относится к реме, к новому в дискурсе, а какой (какие) относится к данному, известному в дискурсе = уже активирован в дискурсе [Prince 1981].

4.1. Два основных типа общих вопросов, которые могут быть выделены с точки зрения новизны/данности компонентов вопроса в дискурсе, это (1) модальные (*Вы любите сыр?*) и (2) диктально-модальные (*Любите ли вы сыр?*) вопросы. В модальных вопросах в коммуникативном фокусе модус ('имеет место'), диктум, описание ситуации, пропозиция относится к данному, к теме: Р уже введено в дискурс в вербальной форме или как-то вытекает, ясно из ситуации. Согласно определению Балли, в ситуации полного модального вопроса «в уме имеется полное представление (диктальной ситуации. — И. Ш.), но неизвестно, соответствует ли оно действительности» [Балли 1955: 48]. Это представление является в ситуации вопроса известным, данным и для Г, и для А вопроса = является темой вопроса. Новым для А является то, что Г не известно, соответствует ли оно действительности (= ремой вопроса является = в

коммуникативном фокусе вопроса находится соответствие диктума действительности)³. В диктально-модальных вопросах в коммуникативном фокусе (в реме) вопроса и модус ('имеет место' = 'есть в действительности'), и диктум, пропозиция (описание ситуации). В вопросах с *ли* Г вводит в дискурс Р, точнее говоря, альтернативы 'Р' и 'не Р' (тем самым это Р является новым в дискурсе), и спрашивает А, что имеет место. В этом случае новым для А является не только то, что Г не знает, соответствует ли нечто действительности, но и то, **что** представляет собой то, о чем он не знает, соответствует ли оно действительности. Г формулирует, сообщает ему в вопросе, описывает диктальную «область неизвестного».

С формальной точки зрения модальные вопросы характеризуются сильным ударением и резким подъемом тона (интонационным пиком) на предикате/глаголе (его ударном слог); тем самым иконически выделяется модальный компонент 'имеет место', который как раз и заключен в финитной форме глагола, содержащей в своей семантике модальные значения наклонения и времени.

Диктально-модальные (собственно) вопросы маркируются наличием частицы *ли* и выносом на первое место во фразе предиката. С интонационной точки зрения они характеризуются наличием двух интонационных пиков: подъем тона на глаголе, затем снижение и новый, примерно такого же уровня подъем на именной группе (ИГ): *Перее́хал ли он на новую кварти́ру? Уда́лось ли ему купи́ть до́м?* Подобная интонация иконически показывает, что в фокусе и модус, и диктум.

Поскольку *ли*- и *без-ли*-вопросы не являются коммуникативными синонимами, их взаимозамена в конкретных коммуникативных ситуациях или вообще невозможна, или приводит к изменению в интерпретации коммуникативной ситуации⁴. В случае полных модальных вопросов диктальная тема вопроса должна быть так или иначе известна участникам коммуникации, и Г, и А, т. е. или уже упоминаться в предшествующем дискурсе, или как-то вытекать из ситуации и т. п. Ср.: *Ивановы приглашают нас в гости.* (Отсюда вытекает возможность принять приглашение или отказаться, что образует альтернативы последующего вопроса.) *Ты пойдешь?* = *пойдешь или не пой-*

³ «В полном модальном вопросе (<...> ремой является само истинностное отношение к действительности, весь же состав предложения — тема» [Гак 2000: 661].

⁴ Поскольку рассматриваемые типы вопросов различаются не семантически, а коммуникативно, степень аномальности, возникающая при неуместной с коммуникативной точки зрения замене одного типа вопроса на другой, меньше, чем в случае нарушения каких-то грамматических или семантических норм. Здесь возникает противоречие между коммуникативной ситуацией и типом вопроса, и результат часто — не абсолютная неприемлемость, но странность экспериментального примера.

дешь? и *Поидеешь ли ты?. Вы любите сыр?* нормально в ситуации, когда, например, Г обсуждает с А-гостем вопрос, что ему подать или купить к столу, перед витриной с сыром или когда сыр уже на столе; *Любите ли вы сыр?* в такой ситуации неуместно. В ситуации, когда продвигающийся к выходу Г натывается на преграждающего ему путь А, диктальная тема очевидна, поэтому вопрос с *ли* звучит очень странно: *Сходите ли вы на следующей остановке?* — здесь нужен модальный вопрос: *Вы (не) сходите на следующей остановке?* Если есть явные показатели известности Р, если тема вопроса совершенно ясно вытекает из контекста или ситуации, то *ли*-вопрос невозможен. Так, частицы и союзы *уже, еще, ну (и) как, так, также, а* и т. п. предполагают, что содержание диктальной пропозиции (Р) известно, поэтому наличие этих слов в вопросе исключает *ли*: **Приехал ли уже Павел?; А Машу с собой возьмете? — *А возьмете ли Машу с собой?; Маша тоже с вами поедет? — *Поедет ли с вами тоже Маша?; Ну как, Петя приехал?* (повторный вопрос) — **Ну как, приехал ли Петя? Так ты пойдёшь на вечер, который устраивает Иван? — *Так пойдёшь ли ты...?*

И наоборот, если Р по ситуации должно быть неизвестно А, то странен или даже аномален вопрос без *ли*. Поэтому вопросы в письме обычно с *ли* — ведь в письме всегда имеет место отвлечение от коммуникативной ситуации, Р не может быть ясно из ситуации, поскольку при переписке Г и А находятся в разных пунктах пространства и времени и, следовательно, в **разных** ситуациях; поэтому Р необходимо ввести в дискурс, ср.: *Получили ли вы мое письмо?* и странное в письме *Вы получили мое письмо?*⁵.

Модальные вопросы чрезвычайно — с двух сторон — «дискурсообразны». С одной стороны, Р, составляющее содержание модального вопроса, должно вытекать из ситуации или непосредственно предшествующего дискурса; с другой стороны, поскольку такой вопрос представляет собой звено, «заполняющее собой» актуальный, развивающийся дискурс, дискурс не может продолжаться, пока на такой вопрос не дан какой-то ответ. Они живут «здесь и сейчас», они требуют ответа, притом немедленного. В то же время диктально-модальные вопросы с *ли*, сами по себе вводящие в дискурс новую дескрипцию, «инициативны», они сами задают новое направление развития дискурса, новую тему; с другой стороны, для того чтобы задать следующий

⁵ При переписке в Интернете письменная речь сближается с устной речью, поскольку временной интервал между вопросом и ответом сокращается до сопоставимого с тем, что имеет место в устном диалоге. Отсюда более частое и более нормальное употребление модальных вопросов в электронных сообщениях: *Как дела? Выпил тива за наше здоровье?* — обещание выпить пива еще «активировано» в дискурсе, еще не забыто говорящими, не отодвинуто на задний план другими темами и проблемами.

вопрос, нет необходимости ждать, пока в дискурсе возникнет тема (проблема) этого вопроса: следующий вопрос может ввести новую тему, проблему независимо от того, дан ли ответ и какой на предшествующий вопрос. По этой причине ряд последовательных общих вопросов, вне диалога «вопрос — ответ», может быть только с *ли*, ср. нормальный ряд: *Поедете ли вы в будущем году отдыхать на юг? Собираетесь ли вы взять с собой Машу? Планируете ли вы закончить ремонт дома?* и т. д. (например, в письме) и бессвязный: *Вы поедете на юг? Вы возьмете с собой Машу? Вы планируете закончить ремонт дома?* На пресс-конференции каждый новый вопрос обычно задается вне связи с уже прозвучавшими вопросами и ответами. Поэтому на пресс-конференции естественно задать первый вопрос *Выйдет ли Россия из договора ПРО...?* — но не второй: *Россия выйдет из договора ПРО?* Аналогичное положение с анкетами, где каждый вопрос начинает новый пункт: *Имеете ли родственников за границей? Привлекались ли вы к суду? Были ли вы за границей? Награждались ли вы медалями? Являетесь ли вы членом какой-либо террористической организации?* (из анкеты для получения визы в США) — **Имеете родственников за границей? *Вы привлекались к суду?* и т. п.

4.2. Подчеркнем, что когда мы говорим, что *Р*, описываемая в этих вопросах, является новой в дискурсе, мы имеем в виду именно *Р*, **пропозицию в целом**, новизна которой конституируется новизной **соединения** ее элементов. Это не означает, разумеется, что каждый элемент этой *Р* является сам по себе новым в дискурсе. Напротив, какой-то элемент (какие-то элементы), являющийся составной частью *Р* этих вопросов, уже должен быть введен в дискурс. Посредством этого анафорического элемента вопрос соединяется с дискурсом (как это имеет место и в случае невопросительных предложений). Нормальными последовательностями являются (как в письменной, так и в **устной** речи): *Как дела у Пети? Купил ли он квартиру?; А где Тибул? Удалось ли ему бежать?* (Ю. Олеша. Три толстяка; пример из [Баранов, Кобозева 1983]).

Диктально-модальные вопросы способны начинать и дискурс (текст) в целом. Однако и в этом случае какой-то элемент (элементы) пропозиции вопроса должны быть известными, данными в мире говорящих и в дискурсе. Универсальный логический закон, касающийся всех видов коммуникации, — не может быть никакого высказывания или сигнала любого рода, в котором все элементы или аспекты были бы новыми. Любое новое всегда должно быть «зацеплено» за что-то старое, иначе коммуникации не произойдет. Поэтому *ли*-вопросы, образующие абсолютное начало дискурса, должны использовать в качестве данного, известного элементы, которые **присутствуют в ситуации** вопроса (а тем самым в дискурсе в широком смысле); этими-то

элементами вопрос «сцепляется» с миром. Обычно это говорящий, адресат, может быть, что-то еще, присутствующее в ситуации. Так, вопрос Маргариты Мастеру, **первая фраза** между ними: *Нравятся ли вам мои цветы?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) — включает слова, обозначающие объекты, наличные в ситуации: *вы, я (мои), цветы*.

Абсолютно новый вопрос, общий или специальный, в котором не только Р, но и все составляющие ее компоненты являются новыми в дискурсе, вводится в дискурс интродуктивным экзистенциальным предложением, говорящим о наличии у Г вопроса (тем самым он **связывается** с наличной ситуацией, ведь говорящий (спрашивающий) со всем тем, что у него в уме, присутствует в ситуации вопроса): *У меня к вам вопрос/У меня есть вопрос/У меня (следующий) вопрос/У меня к вам один вопрос* и т. п. Например: *У меня (следующий) вопрос: является ли установленным фактом связь косвенных вопросов с фактивностью?* Интродуктивное предложение может принадлежать не спрашивающему, но некоторому другому лицу, посреднику, организующему дискурс (ведущему передачу, пресс-конференцию и т. д.): *Пожалуйста, ваш вопрос!! Теперь ваш вопрос!!* или эллиптически: *Брюнетка, в четвертом ряду, с краю...* (когда уже ясно, что речь идет о предоставлении права задать вопрос). В случае подобной интродукции может происходить нейтрализация формального противопоставления *ли-* и *без-ли-*вопросов, поскольку в любом случае вопрос понимается как имеющий в фокусе и модус и диктум. Например, вопрос, заданный по «прямой (телефонной) линии» А. Ширвиндту: *Добрый день. Меня зовут Наталья. У меня такой вопрос: вы пишете мемуары?* (Известия, 14 окт. 2000 г.). Интерпретацию вопроса как имеющего в фокусе и диктум обеспечивает здесь вводящая его бытийная конструкция, поэтому *ли* здесь хотя и может быть добавлено, но не обязательно.

В предложении, вводящем вопрос, может вводиться и часто вводится в дискурс элемент — составная часть будущего вопроса, через который вопрос соединяется с дискурсом: *У меня вопрос по поводу **косвенных вопросов**: является ли установленным фактом **их** связь с фактивностью?*

Имеются и другие, более косвенные приемы введения в дискурс новых вопросов, однако сохраняющие описанный выше экзистенциальный принцип интродукции нового вопроса через указание о наличии в уме Г интенционального состояния, вызывающего, каузирующего возникновение вопроса: *Интересно/Мне интересно/Меня интересует/Меня интересуется вопрос.../Я хочу/хотел бы спросить у вас.../Я хотел бы узнать...* или еще более косвенно: *Вы не знаете/не скажете...?* — ‘следовательно, я хочу узнать’. Например: [после обсуждения рассказа редактор задает автору, приехавшему из Мурманска, вопрос, абсолютно не связанный с предшествующим дискурсом:] *Интересно, в Мурманске есть копченая рыба?* (С. Довлатов. Ремесло).

4.3. То, что в коммуникативном фокусе в *ли*-вопросах находится все содержание дескрипции в целом, в том числе и диктальное, подтверждается их формальным тождеством с косвенными общими вопросами. Косвенные общие вопросы всегда включают *ли*: *Я не знаю, встретимся ли мы когда-нибудь / едят ли мошки кошек; Интересно, сумеет ли А. Карелин в 4-й раз завоевать олимпийское золото; Узнай/Спроси, приехал ли Петя*. В косвенных вопросах в фокусе совершенно очевидно (и) диктальное содержание Р, ведь косвенные вопросы уже не являются собственно вопросами, они описывают проблему и сообщают А ее содержание, и если бы оно не являлось новым для А, косвенные вопросы лишились бы всякого смысла.

Свидетельством в пользу отмеченной специфики коммуникативного членения *ли*-вопросов является также то, что при дизъюнкции *ли*-вопросов, прямых и косвенных, (в разделительных вопросах) противопоставлены не ‘имеет место’ — ‘не имеет места’ (Р), но все содержание дескрипции в целом, поскольку формулируется, эксплицируется другая диктальная альтернатива: *Далее он [Сепир] ставит два вопроса: присуци ли им совпадения и обусловлена ли их связь [связь расы, культуры и языка] природой или она лишь порождение внешней истории; ...Совершенно неважно, были ли эти чувства обусловлены влиянием внешнего мира или они формировались внутри самого человека; Выйдет ли Россия из договора ПРО или заключит новое соглашение...?* (но не: **Выйдет ли Россия из договора... или не выйдет?*) и т. п. Здесь ясно видно, что альтернативы не просто ‘имеет’ — ‘не имеет места’ (или ‘Р’ — ‘не Р’), но Р в целом, все его содержание: ‘связь расы, культуры и языка обусловлена природой’ — ‘связь расы, культуры и языка лишь порождение внешней истории’ и т. п.⁶

4.4. Важная коммуникативная особенность *ли*-вопросов заключается в особенностях набора презумпций (пресуппозиций), или, в других, более слабых терминах — исходных предположений вопроса (о презумпциях, или исходных предположениях вопроса см. [Падучева 1985: 238—239; Булыгина, Шмелев 1997: 263]) и компонента «запрос информации» в нем. Общий вопрос с *ли* (так же, как и специальные вопросы), обращенный к А, не предполагает, что А обязательно знает ответ (хотя и не исключает этого), и как таковой не содержит конкретного побуждения к ответу. Понятно, почему. Деск-

⁶ Союз *или* и без *ли* способен соединять в альтернативный вопрос полные диктально-модальные вопросы (в фокусе которых и модус и диктум): *Вы поедете домой или останетесь у нас ночевать? = Поедете ли вы домой или останетесь у нас ночевать?* В каком-то смысле *или* как показатель типа вопроса дублирует *ли*; в конце концов *или* и произошло из *и* и *ли* [Фасмер 1967].

риптивное содержание модального вопроса известно А, поэтому если это не вопрос, то он теряет всякую функцию. Другое дело *ли*-вопрос. Такой вопрос ставит перед А, формулирует перед ним Р как новую для данного дискурса проблему. В этом своем качестве он не теряет смысла и в тех случаях, когда А **не знает ответа**. Что касается действий, к которым побуждается А, то эта часть коммуникативного задания в проблемных вопросах «размыта», и эта размытость чрезвычайно полезна. Ведь А может не знать ответа в тот момент, когда задается вопрос, но он может подумать над проблемой, сформулированной в вопросе, и найти ответ, он может предпринять какие-то действия исследовательского характера, и найти ответ, он может спросить у другого человека, посмотреть справочники и учебники и т. д. и узнать ответ, и т. п. В зависимости от содержания вопроса и особенностей коммуникативной ситуации побуждение, направленное к А, может трансформироваться в ‘если знаешь ответ, скажи’, или в ‘подумай, и если найдешь ответ, скажи’, или в ‘постарайся угадать правильный ответ и скажи его’ (в загадках), ‘выбери из предложенных правильный ответ и скажи...’ (в викторинах), ‘вспомни правильный ответ и скажи’ или ‘реши задачу и найди правильный ответ и скажи (напиши) его’ (в экзаменационных вопросах и задачах). Например: *Поднимется ли в воздух воздушный шар, если вес шара..., температура воздуха в оболочке..., объем шара..., температура наружного воздуха...?* Иногда речевой реакции вообще не требуется и вопрос просто побуждает А **найти** ответ **для себя** — и только. Таковы, например, вопросы в задачах, загадках, викторинах, которые Г решает/разгадывает для собственного удовольствия или тренировки, в отсутствие А. Подобного рода вопросы широко распространены и в ситуациях «естественного», неигрового употребления языка: [*Прежде, чем принять решение, подумай,*] *сможешь ли ты перенести разлуку с родиной, с близкими людьми?* Часто Г адресует вопрос этого типа одновременно А и самому себе: ≈ ‘давай подумаем и т. п. вместе и попробуем найти ответ’. [Начальник уголовного розыска своим подчиненным на совещании:] [*Нам необходимо выяснить:*] *знал ли Иванов об оружии, спрятанном в его квартире?*

4.5. Иллокутивный компонент «побуждение сообщить информацию» может в общих *ли*-вопросах вообще исчезать. Такие вопросы становятся в один ряд с собственно дескриптивными высказываниями, отличаясь от них тем, что описывается не то, что Г известно, а то, что ему неизвестно⁷. Такой

⁷ Вопрос может быть связан сочинительной связью с речевыми актами, относящимися формально к другим типам [Падучева 1985: 46—47], в том числе и с повествовательными высказываниями (см. [Ноерelman 1983: 193]). В этих случаях, однако, одно из высказываний переосмысливается так, что они становятся «однородными» с

вопрос является «описанием» проблемы, описанием области неизвестного, своего рода дескрипцией проблемы. Понятно, что в таких вопросах описание диктальной проблемы должно быть в фокусе по определению, иначе в них не было бы никакого коммуникативного смысла. Таким образом, вопросы далеко не всегда представляют собой побуждение к передаче информации, очень часто они просто **сообщают**, в чем проблема. (Подобные вопросы, пишет П. С. Попов, равносильны проблематическому суждению [Попов 1950: 22].) В этом отношении они подобны собственно интродуктивным (повествовательным) предложениям, отличаясь от них тем, что описание фрагмента действительности, которое они вводят, является не однозначным, а альтернативным, представляет собой дизъюнкцию альтернатив. Поэтому интонационный контур у них такой же, как и интродуктивных предложений, вводящих в дискурс новое событие, положение вещей и т. д., а именно: тон плавно поднимается на первом слове (его ударном слоге) вопроса, держится на этом уровне почти на всем протяжении вопроса и затем плавно опускается в конце (интонационная «шапка», *hat-construction*): *Знаете ли вы украинскую ночь?* (Гоголь). И это очень важная функция вопросов. Будем называть такого рода вопросы **проблемными вопросами**⁸. Заметим, что само слово *вопрос* употребляется в значении ‘проблема’ и может, наряду со словом *проблема*, употребляться как своего рода классификатор и «экспликатор» соответствующего употребления: *Возможно ли создать компьютер, который будет играть в шахматы лучше человека?* *Этот вопрос встал перед создателями шахматной программы...*; *Смутную душу мою тяготит Странный и страшный вопрос: Можно ли жить, если умер Атрид, Умер на ложе из роз?* (Н. Гумилев. *Воин Агамемнона*); *Возникает естественный вопрос: не означает ли [это], что около 20 млрд лет назад было «начало света»?* (И. С. Шкловский. *Вселенная, жизнь, разум*); *Товарищи, всех вас интересует вопрос, есть ли жизнь на Марсе* (к/ф «Карнавальная ночь»); [В. Путин:] *Мы должны ответить на следующие вопросы: делает ли этот договор систему безопасности более совершенной? Укрепляет ли он позиции России? Проблема в следующем: мож-*

точки зрения подлинной иллюкативной силы [Падучева 1985: 46—47]. Показательно, что в русском языке повествовательные (дескриптивные) высказывания могут сочетаться в рамках сочинительной конструкции из общих вопросов только с *ли*-вопросами: *Хюбнер выдающийся шахматист, но сможет ли он выдержать напряжение турнира?*; *Если Петя придет, то он нам поможет, но придет ли Петя?*, ср. **Хюбнер выдающийся шахматист, но он сможет выдержать напряжение турнира?*

⁸ Аналогичным образом, как дескрипция проблемы, могут употребляться также специальные и альтернативные вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?», «Быть или не быть, вот в чем вопрос!». В данном контексте существенно то, что полные модальные вопросы так употребляться не могут.

но ли защититься от магнитной бури?; [В «Ювентусе» травмированы 2 ведущих игрока.] *Сможет ли Фабио Капелла обойтись без них?* («Европьюс», 10.08.2004) и т. д.

Важно, однако, отметить, что имеется принципиальное различие между проблемными вопросами и «проблематическими суждениями» (П. С. Попов) и вообще дескриптивными высказываниями любого рода, в том числе и высказываниями возможности. В дескриптивных высказываниях описание имеющихся альтернатив является «конечным пунктом» назначения этих высказываний. В то же время в проблемных вопросах это **только начало**. В проблемных вопросах имеется чрезвычайно важное свойство, наследуемое ими от собственно вопросов и отраженное в самом слове *проблема*. *Проблема* — это то, на что нет ответа в данный момент (в момент, когда она формулируется), но это то, что **требует ответа** (какая именно из альтернатив имеет место, если это проблема познания) или **решения** (если это проблема действия, выбора между различными альтернативами). Проблемные вопросы содержат в себе идею **необходимости поиска ответа (решения), стремление найти ответ** (неважно, будет ли он в конечном итоге найден или нет): *Есть ли жизнь на Марсе? Наука пока не знает ответа на этот вопрос*. Возможный ответ (в случае успеха) лежит впереди, в области будущего, куда и устремлен вектор обобщенного побуждения проблемного вопроса. Все это придает проблемным вопросам **динамизм, напряжение, незаконченность и неокончателность**, обусловленные стремлением Г решить проблему, найти ответ на сформулированный вопрос. Формулировка (постановка) проблемы часто сопровождается эксплицитной или имплицитной **постановкой задачи ее решения**, ср. в примерах выше: *Мы должны ответить на следующие вопросы...; Всех вас интересует вопрос...* (= вам интересно, вы хотите узнать, найти ответ на вопрос...); *Вопрос... тяготит душу* (т. е. требует решения) и т. д.

В других случаях, а именно в случае так называемых метатекстовых вопросов [Падучева 1996: 346, 390; Булыгина, Шмелев 1997: 261, 264], ответ на проблемный вопрос дает тут же в тексте сам автор: *Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи* (Гоголь). Близки к метатекстовым вопросам проблемные вопросы, выступающие как названия различных типов информационных произведений: книг, глав книги, статей, кинофильмов, телевизионных передач, тем экзаменационных сочинений и т. п. В этом своем качестве они формулируют проблему (тему), которой посвящено данное произведение и на которую оно **дает ответ**: *«Легко ли быть молодым?»* (название докум. фильма о проблемах молодежи); *«Доживет ли Советский Союз до 1980 года?»* (название книги А. Амальрика); *«Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью?»* (название статьи Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева); *«Воздействует ли язык на*

культуру?», «Является ли язык обязательным признаком этноса?», «Можно ли считать табу „сознательным воздействием на язык“?» (названия глав книги Н. Б. Мечковской «Социальная лингвистика»); близки к этому названия различных передач, обсуждений, дискуссий, диспутов, обрисовывающие проблему, на которую данный диспут и т. д. должен дать ответ, например: «Этично ли брать взятки?» (шутка) и т. д.

Проблемными вопросами являются вопросы-переспросы, которые употребляются исключительно с *ли* ([Русская грамматика 1980: § 2595; Падучева 1985: 233]; см. также [Есперсен 1958: 353]): *Ты знаешь Петю? — Знаю ли я Петю? Трудно сказать. Смотря что понимать под «знаешь»/Знаю ли я Петю? Да я с ним с 1 класса за одной партией сидел!* (пример Е. В. Падучевой). Употребление *ли* в переспросе переводит вопрос в другой «регистр», в другой разряд. Иначе не было бы смысла в переспросах. Запрос об информации переводится в **проблему**, которую Г ставит перед собой.

4.6. Поскольку Р, составляющая дескрипцию проблемных вопросов, является новой в дискурсе, такие вопросы, как и собственно *ли*-вопросы, обладают способностью начинать новую тему в тексте, а также текст в целом. Вообще, начинательная, «зачинательная» функция гораздо более характерна и типична для проблемных вопросов, чем для собственно *ли*-вопросов. Тема, которую начинают собственно вопросы, ограничена в своем разворачивании рамками ответа, который не может быть слишком большим по сравнению с вопросом (если это не вопрос на экзамене, на который отвечает отличник). В то же время не требующие ответа проблемные *ли*-вопросы естественно могут начинать новый раздел учебника или научной монографии, статью, басню, роман, вообще, текст любого характера и размера; ограничения здесь только стилистические (скажем, в официальных документах такие вопросы не употребляются). Однако, как и в случае собственно *ли*-вопросов, Р вопроса должна содержать какие-то известные, данные элементы, через которые вопрос соединяется с миром.

Такие элементы вопрос может черпать из ситуации его употребления, единственным обязательным компонентом которой, заведомо присутствующим в ситуации **реализации** вопроса, является адресат (читатель или слушатель) с его внутренним опытом. Поэтому стандартным началом текста является проблемный вопрос, обращенный к А и апеллирующий к его опыту, который он заведомо, до всякого вопроса, или имеет, или не имеет: *Помните ли вы то блаженное время, когда в нашей литературе пробудилось было какое-то дыхание жизни, когда..., когда...?* (начало статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания»); *Ты знал ли дикий край, под знойными лучами, Где роши и луга поблекшие цветут?* (Лермонтов. Жалобы турка); *Видали ли вы*

когда-нибудь, как навьючивают ослов? (начало рассказа А. П. Чехова «Стража под стражей»); Видели ли вы, Как бежит по степям, В туманах озерных кроясь, Железной ноздрей храпя, На лапах чугунных поездов? (С. Есенин, начало раздела в поэме «Сорокоуст»); Знаете ли вы украинскую ночь? (Гоголь. Майская ночь, или Утопленница, начало главы «Голова»).

Другой вариант — экзистенциальная интродукция вопроса, имеющая, по сравнению с интродукцией собственно вопросов, следующие отличия. Первое. Поскольку такие вопросы обычно начинают письменный текст, интродуктивная бытийная часть может не только предварять вопрос, но и следовать за ним, см. выше: *Возможно ли...? Такой вопрос встал...* Другое отличие: если собственно вопрос Г в широком смысле **имеет** и в каком-то смысле **создает (задает)**, то проблемный вопрос в его уме, что очень характерно, очень часто **возникает, встает** (как бы сам собой — что, видимо, отражает его реальное когнитивное происхождение); см. примеры выше. При этом *интересует/интересно* может вводить оба типа вопросов, но, если судить по внутренней форме, первично это все-таки проблемный вопрос.

В случае использования проблемных вопросов как названий разделов и произведений интродукция имеет имплицитный характер, происходит «по умолчанию»: в силу расположения, размера, особенностей шрифта вопрос понимается как заглавие, описывающее проблему, которой посвящено **данное, наличное в ситуации** произведение.

4.7. Чрезвычайно характерной функцией проблемных вопросов является их использование в рассуждении, в осуществлении и описании мыслительного процесса: «Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?» — **рассуждает** сама с собой Алиса из сказки Льюиса Кэрролла. Для таких вопросов абсолютно и буквально справедлива мысль В. Гумбольдта: «Мысль не выражается в предложении, но совершается в предложении» [Гумбольдт 1984]. Проблемные вопросы могут использоваться в процессе мышления, рассуждения не только потому, что такие вопросы не содержат направленного к адресату (А) побуждения сообщить информацию (дать ответ на вопрос) и не предполагают обязательного наличия А, но, главное, потому, что такие вопросы динамичны, нацелены на поиск ответа, а этот **поиск (переход от одного состояния ума к другому, в данном случае — от проблемы к ответу, от незнания к знанию) и есть мысль**.

Заметим, что частично функции проблемных вопросов могут выполнять и другие типы вопросов. Так, в качестве заголовков могут употребляться полные вопросы-предположения (см. далее). Ср.: «Есть ли жизнь на Марсе?» — название статьи представляет собой полный диктально-модальный вопрос, — и «На Марсе есть жизнь?» — экспликативный вопрос, вопрос-

предположение, который может быть высказан в ситуации, когда найдены какие-то факты, обнаружены какие-то обстоятельства, позволяющие сделать такое предположение. Аналогично: «Либерман готовит войну?» (Страна.Ру. 24.10.05). Однако такие вопросы не могут использоваться в процессе мышления, рассуждения: **На Марсе есть жизнь?*— думала она. При этом и отношение между заглавием и содержанием произведения в случае вопросов-предположений иное, нежели в случае *ли*-вопросов. В случае *ли*-вопросов это проблема и ответ на нее или описание поиска ответа. В случае вопросов-предположений содержание заметки (обычно небольшой) дает **основание** выдвинуть предположение, образующее заглавие, однако ни ответа на это предположение, ни описания его поиска такая заметка не содержит. Добавление *неужели* делает вопрос возможным «орудием мысли», но лишает его возможности употребляться как заглавие: *Неужели на Марсе есть жизнь?*— думала она.

Аналогичным образом, как дескрипция проблемы, могут употребляться также специальные вопросы (постановка задачи, метатекстовые вопросы, названия и т. д.): «Кто виноват?», «Что делать?», «Кто боится Вирджинии Вульф?», «Где находится Нофелет?» (название фильма); «Кто стрелял в Ленина?» (название телепередачи, «Россия», 9. 11.2006). Однако они в своем стандартном виде не могут употребляться как средство мышления. Чтобы получилась мысль, надо добавить *же* (и часто произвести еще кое-какие преобразования): *Кто же на самом деле стрелял в миссис Смит?* — думал детектив Эркуль Пуаро; *Так кто же подменил пленку?* (думает вслух, глядя на подозреваемого, лейтенант Коломбо из полиции Лос-Анджелеса); *Где же находится этот Нофелет?* и т. д. При этом в таком преобразованном виде они уже не могут использоваться как заглавия.

Все функции проблемных вопросов, в том числе и самую интригующую — функцию средства мышления, рассуждения, — могут выполнять альтернативные *или*-вопросы (которые вообще близки к *ли*-вопросам, ведь *или*, как уже было сказано, происходит из *и* и *ли*). Ср. монолог (мысли вслух) Гамлета: *Быть или не быть? Вот в чем вопрос! Что благороднее: сносить ли гром и стрелы Враждующей судьбы или встать На море бед и кончить их борьбою?* (пер. А. Кронеберга). Обратим внимание на то, что подчиненный альтернативный вопрос делает специальный вопрос в целом (*Что благороднее...?*) актом мысли. Ср.: *Чем все это кончилось?* — вопрос, не способный выражать акт мысли. Причина, очевидно, в том, что мысль, в отличие от просто вопроса, должна иметь в своем распоряжении материал — конкретные альтернативы, которые она перебирает и между которыми она выбирает. В то же время стандартный специальный вопрос, вопреки общепринятому мнению, вовсе не имеет дела с конкретными альтернативами, которые перебира-

ет в уме говорящий. Так, вопрос *Кто изобрел велосипед?* совершенно явно не предполагает, что Г имеет в уме список всех индивидов — возможных изобретателей велосипеда (Шекспир, Виктор Гюго, Черепанов, Стефенсон, Менделеев, дядя Ваня из соседнего подъезда... и еще несколько миллиардов); спрашивающий ожидает, что этот индивид не будет выбран из готового списка людей, существующих в его картине мира, но будет **введен в нее** посредством определенной процедуры: указание имени, времени и места проживания и, факультативно, некоторых признаков того, кто изобрел велосипед (см. [Шатуновский 2004]). Однако такой вопрос **может** иметь дело и с конкретными альтернативами, которые в этом случае уже должны быть как-то введены в мир говорящего (мыслящего) и дискурс. Видимо, эта «уже введенность», наличие конкретных альтернатив, которые перебирает мысль, и сигнализируется фокусирующей частицей *же*, оперирующей на конечном, заданном наборе альтернатив. Ср.: *Кто же подменил пленку: вы или миссис Смит?* — может быть как просто вопросом, так и актом мысли — и *Кто подменил пленку: вы или миссис Смит?* Последнее не может быть мыслью, но только просто вопросом.

5. Вопросы-предположения. Обширная область вопросов-предположений также делится на различные коммуникативные типы. Один из них можно назвать диктально-модальными вопросами-предположениями. В этом случае Г предполагает, что нечто **есть (будет, было)** (в данном случае), и одновременно предполагает, **что** именно будет (= что будет **P**), и спрашивает А, верно ли его предположение: *Лука. Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдёте?* (М. Горький. На дне). Первый вопрос в этой последовательности может быть понят и как (собственно) модальный = ‘обыграли или не обыграли?’. Второй вопрос предпочтительно понимается как диктально-модальное предположение, ср. с интонацией модального вопроса: *Водочку пить пойдёте?* Аналогично: *Я получил много денег. — Теперь переёдешь на новую квартиру?* Подобные вопросы образуют непрерывную шкалу с точки зрения вероятности (уверенности) предположения [Рестан 1972: 181—193] и, соответственно, с коммуникативной точки зрения от собственно вопросов к (почти) утверждениям, требующим (а иногда уже и не требующим) лишь подтверждения А.

Другой тип вопросов-предположений — это диктальные вопросы-предположения. В ситуации употребления таких вопросов Г-му известно, что нечто имеет место (тем самым модальный компонент ‘имеет место’ в этих вопросах относится к теме), но неизвестно, что именно имеет место; он выдвигает предположение, что имеет место **P** (другими словами, Г говорит, что это, возможно, **P** (противопоставляя его другим возможным альтернативам Q, R, S, T и т. д.), что имеет место) и спрашивает А, верно ли его предположение:

Он не может идти. — Почему? Что случилось? Он сломал ногу? В коммуникативном фокусе таких вопросов находится диктальное Р⁹. Интонационный контур таких вопросов, опять-таки иконически, характеризуется отсутствием резкого выделения какого-либо слова; тон плавно повышается от начала высказывания и достигает пика на последнем слове вопроса; вопрос в целом произносится в более высоком регистре¹⁰. В последнем случае интонация похожа на ту, которую имеет частичный модальный (в не очень удачной, в данном случае, терминологии Ш. Балли) вопрос: *⟨Куда пошел Павел?⟩ Павел пошел в школу? ⟨Что он сломал?⟩ Он сломал ногу?*, однако в последнем случае нет той интонационной слитности всей вопросительной фразы, которая характеризует полный вопрос, и более резко выделяется слово, находящееся в коммуникативном фокусе. (Подобие интонационных контуров этих вопросов объясняется тем, что частичный модальный вопрос является частичным экспликативным вопросом, **частичным вопросом-предположением**.) Это предположение противопоставлено другим возможным диктальным альтернативам (*сломал ногу — заболел — пьян* и т. д.).

С точки зрения порядка появления в дискурсе такие вопросы носят третий характер. Первичными вопросами, не предполагающими никаких предварительных сведений у А, являются, как было отмечено выше, полные модально-диктальные вопросы. Полные модальные вопросы имеют вторич-

⁹ Этот тип вопросов был впервые выделен, насколько нам известно, И. П. Распоповым: «Предложения, ставящие вопрос о реальности действия, следует отличать от предложений, в которых речь идет о действии в его конкретном проявлении. В первом случае под вопросом стоит только глагол-сказуемое, в последнем случае — глагол с уточняющим его содержание дополнением». Со стороны функции в речи такие предложения «соотносительны с местоименными вопросительными предложениями типа „Что будете делать?“, „Чем занимаетесь?“ (...) С формальной стороны эти предложения характеризуются отсутствием логического ударения при наличии фразового ударения (несколько ослабленного) на дополнении» [Распопов 1953: 14—15]. В систематическом виде с привлечением понятий и терминов актуального членения данный тип вопросов описан под названием «экспликативные вопросы» в работах Х. Мелига ([Mehlig 1991] и др.).

А. Н. Баранов и И. М. Кобозева [1983], также выделяющие (фактически) этот тип вопросов, называют его «вопросами с неингерентной темой».

¹⁰ В вопросах данного типа порядок «субъект — глагол — объект» является нейтральным и прототипическим. Маркированные варианты порядка слов в этом типе связаны с меной местами объекта и глагола: *Чего это вы в молочный отдел постоянно наведываетесь? Вы сыр любите?; Что вы теперь будете делать? Водочку пить пойдете?* В этом случае объектная ИГ «уводит» с собой подъем тона (акцентный пик). Заметим, что такой порядок слов не всегда возможен, ср. неестественность: *Он ногу сломал?* Кроме того, объект вообще может отсутствовать: *Что с тобой? Ты устал?*

ный характер: они употребляются, когда уже известна ситуация, о которой идет речь, но не известно, имеет ли она место. Также вторичными, но с другой стороны, являются полные диктальные вопросы Балли: *Что случилось? Что происходит? Что вы делаете? Чем вы занимаетесь?* и т. п. Они употребляются тогда, когда Г-му известно, что что-то происходит, имеет место, но не известно, что именно; Г хочет это узнать у А. Диктальные вопросы-предположения являются своего рода продолжением, развитием полных диктальных вопросов. Они употребляются в ситуациях, когда известно, что что-то имеет место (происходит и т. п.), и известно, что Г-му неизвестно, что именно происходит; Г выдвигает диктальное предположение, своего рода «гипотезу», о том, что происходит, описывает, что, по его мнению, имеет место, происходит, и спрашивает А о том, правильно ли его предположение = правильно ли описана им имеющая место диктальная ситуация. Ср. тезис Х. Р. Мелига: задавая такой вопрос, «спрашивающий хочет... выяснить, правильно ли классифицирована или же идентифицирована ситуация, существование которой предполагается» [Mehlig 1991: 119]. Во многих случаях вопрос-предположение буквально следует в тексте за полным диктальным вопросом: Г задает полный диктальный вопрос и, не дожидаясь ответа А, задает вопрос, содержащий его предположение о том, что имеет место: *Что случилось? Собака укусила мальчика?* Ср. примеры экспликативных вопросов Х. Р. Мелига, где в скобках указывается предполагаемый предшествующий полный диктальный вопрос: «(Что случилось?) *Автобус столкнулся с ГРУЗОВИКОМ?*» [Mehlig 1991: 119], «(Что это был вчера за шум за стеной?) *Соседи передвигали ПИАНИНО?*» [Ibid.: 120]. Формальным показателем экспликативных вопросов являются частицы, включающие окаменевшее местоимение *что* — своего рода «след» полного диктального вопроса с *что*: *что, что ли, а что*, ср.: *Ты что собираешься делать? Голову мыть? — Ты что, голову собираешься мыть?* [Плюшкин:] *А что, вы уж собираетесь ехать?* (Гоголь. Мертвые души); *Что, свинья, не спится? На, погребу!* (из анекдота); *Ты что, с ума сошел?* Предшествующие экспликативному вопросу дискурсивные звенья могут полностью опускаться, полностью оставаться в области подразумеваемого, и тогда трактовка вопроса как экспликативного, как диктального вопроса-предположения целиком опирается на ситуацию + специфическую интонацию, описанную выше: *Петр*. (Прислушиваясь к разговору Тетерева и Поли). *Вы объясняетесь в любви? Может быть, мне уйти?* (М. Горький. Мещане) [Распопов 1953: 14—15], ср. также: *Вы собираетесь уезжать?* (полный модальный вопрос) и *Вы собираетесь уезжать?* (полный экспликативный вопрос, вопрос-предположение). При отсутствии дополнения и вообще зависимых от предиката слов, позволяющих в полной мере «разыграться» различительной интонации, полный экспликативный вопрос сов-

падает по интонационному рисунку с полным модальным вопросом и интерпретация вопроса как полного модального или экспликативного полностью опирается на контекст или ситуацию, ср.: *Вы завтра уезжаете?* = (1) Вы завтра уезжаете или нет? (без какого-либо предположения) или ≈ (2) Верно ли мое предположение, что вы завтра уезжаете? (диктально-модальный или экспликативный вопрос-предположение).

Фактически разновидностью вопросов-предположений являются «вопросы с неингерентной темой», описанные в статье А. Н. Баранова и И. М. Кобозевой [1983]. Вопросы с неингерентной темой формулируются «в том случае, когда пропозициональное содержание вопроса интересует говорящего не само по себе, а в качестве возможного объяснения для ситуации, заинтересовавшей его в ходе общения» [Там же: 265]. Например: Г, услышав фразу *Вчера первый раз был на занятии студии молодых поэтов*, спрашивает: *Ты пишешь стихи?* [Там же]. Тема вопроса с неингерентной темой — ‘думая о причинах некоторой актуальной ситуации Q’ [Там же]. В духе И. П. Распопова можно было бы сказать, что эти вопросы соотносительны с местоименными вопросами о причине: *Почему, зачем, для чего вы это сделали, делаете?* Например, наблюдая за тем, как X закупает огромное количество разнообразных сортов сыра, Y может спросить его: *Вы любите сыр?* (= Почему вы это делаете? Потому что вы любите сыр?) Заметим, что данные вопросы совсем не обязательно имеют вспомогательный характер. Предметом подлинного интереса Г может быть пропозициональное содержание вопроса само по себе; актуальная ситуация Q в этом случае является лишь основанием для предположения. Так, в примере выше Г вполне может интересоваться не причина посещения А-ом занятия студии молодых поэтов, а именно то, пишет ли он стихи; в случае утвердительного ответа в такой ситуации возможны следующие продолжения: *А вы их где-нибудь публиковали? / Как интересно! Не дадите ли мне почитать? / И зачем вы такой ерундой занимаетесь!* и т. п.; ср. пример, однозначный в этом отношении: *А что, вы уж собираетесь ехать?* — сказал он [Плюшкин], заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок (Гоголь. Мертвые души). Здесь ясно по контексту, что Плюшкина интересует никак не объяснение движения Чичикова, а то, когда он наконец уедет (собирается ли он уже уезжать).

«Неингерентность» темы вопросов-предположений — не только диктальных, но и диктально-модальных — является частным случаем общей дискурсивной особенности всех вопросов-предположений. А именно: для того, чтобы сделать предположение, нужно иметь какие-то **основания**, и эти основания так или иначе присутствуют в предшествующем тексте или ситуации (дискурсе).

6. Наконец, третья чрезвычайно важная группа общих вопросов (как, впрочем, и не только общих, но также частных вопросов) связана с введением в мир (в картину мира) участников коммуникации, Г и А, **самой идеи возможности Р (или не Р)**. В собственно вопросах и вопросах-предположениях представление о возможности Р (и тем самым не Р, отсутствия Р — поскольку возможность Р конституируется возможностью не Р, см. [Шатуновский 1996: 181—186]), иными словами, представление об альтернативности рассматриваемого фрагмента мира в отношении Р и не Р, о том, что в данном фрагменте мира может быть Р и может быть не Р или, для диктальных предположений, что в данном фрагменте может быть Р, или Q, или R, или S, или... и т. д., имеет место в умах участников коммуникации ДО постановки вопроса и является тем самым пресуппозицией, исходным предположением вопроса¹¹. Однако идея о наличии альтернатив в данном фрагменте мира, о возможности Р и не Р, может отсутствовать в умах участников коммуникации. В этом случае Г в своем вопросе сообщает (или формулирует) саму идею возможности Р, которая тем самым является в таких вопросах новой в картине мира А, а иногда и самого Г (уточнения см. далее). В русском языке имеется три типа таких вопросов; два из них маркируются отрицательной частицей *не*, которая не имеет здесь собственно отрицательного значения. Поэтому такие вопросы мы будем называть *позитивными не-вопросами*. Позитивные *не-вопросы* следует отличать от диктальных и модальных *не-вопросов* — предположений, описывающих отрицательную альтернативу. Последние не имеют никакой собственной специфики, совпадая функционально, семантически и интонационно с соответствующими позитивными вопросами-предположениями (с тем само собой разумеющимся отличием, что позитивные и отрицательные предположения высказываются в различных объективных ситуациях). Например, хозяин гостю, который даже не притронулся к стоящему на столе сыру: *Вы (что,) не любите сыр?* Ср. также: *Вы не получили мое письмо?* ≈ ... *получили или не получили?* ≈ *Вы получили мое письмо?* и диктальное отрицательное предположение: *Вы (что,) не получили мое письмо?* — ‘я предполагаю, что вы не получили мое письмо, и спрашиваю, правильно ли мое предположение’. Далее рассматриваются именно и только позитивные *не-вопросы*.

7. **Отрицательные вопросы (ОВ)**. Противопоставление позитивных вопросов (ПВ) и ОВ основывается на различии в **картинах мира** участников

¹¹ Точнее говоря, в случае собственно вопросов альтернативный характер относительно данного Р имеет картина мира Г; что касается А, то в его уме данный фрагмент действительности представлен в безальтернативном виде: он знает, Р или не Р. Это и обуславливает то, что Г формулирует не проблематическое (гипотетическое) высказывание, а вопрос.

коммуникации, предполагаемых этими вопросами. Можно выделить следующие основные случаи «устройства» картины мира относительно какого-либо Р. (1). Картина мира может иметь (в отношении данного Р) определенный, однозначный характер, то есть субъект (С) знает, полагает, думает и т. п., что Р, или же он знает и т. п., что не Р. (2). Картина мира (состояние ума С) может иметь альтернативный характер: С не знает, что имеет место, Р или не Р, но он знает, что в данном фрагменте мира или Р, или не Р. (3). Наконец, С может вообще не иметь никакого представления о Р, ни в каком виде, ни в определенном, ни в альтернативном. На месте Р в его уме «пробел», абсолютная «пустота».

ОВ употребляются в ситуации (3). Специфика **всех** (позитивных) отрицательных вопросов заключается в том, что они вводят в мир (в картину мира) участников коммуникации, Г и А (иногда только А, иногда и Г, и А), **саму идею возможности Р**, иными словами, сообщают, что в мире в целом или каком-либо его фрагменте Р или не Р = имеет место Р, или не имеет место Р.

Ситуация с наличием идеи возможности Р различна в случае *не-...* и *не-ли-*вопросов.

8. Не-вопросы. В случае *не-*вопросов Г имеет в своем уме идею возможности Р, он знает, понимает и т. п., что в данном фрагменте реальности есть альтернативы 'Р' и 'не Р', однако он понимает, что А может не иметь в своем уме представления о Р ни в каком виде. Само состояние ума А, как его представляет Г, является «альтернативным»: ситуация такова, что А может не иметь представления о (возможности) Р, а может и иметь. Поэтому Г, формулируя *не-*вопрос, (а) **сообщает** А-у (как бы на всякий случай), что Р возможно (что Р или не Р), и (б) спрашивает, Р или не Р. Заметим, что в ряде случаев (как, например, в вопросе о получении письма выше) ОВ и ПВ сближаются, происходит, в силу особенностей значения предиката, формы времени и самой ситуации вопроса, почти нейтрализация их противопоставления, специфика ОВ поэтому затушевывается. Наиболее показательными (диагностическими) являются такие случаи, когда в норме возможен только ОВ (или, напротив, только ПВ). Поэтому рассмотрим сначала случаи, где специфика ОВ проявляется особенно ярко. Например: *Вы не забыли ключи?* **Вы забыли ключи?* (Заметим, что как диктальное предположение, с другой интонацией, ПВ возможен: *Что случилось? Вы забыли ключи?*) Собственно ПВ здесь невозможен, потому что если А забыл ключи, то он не может иметь в уме до вопроса альтернативу 'Я забыл ключи', поскольку это означало бы, что он не забыл ключи. Это противоречие блокирует употребление ПВ. В то же время ОВ здесь абсолютно уместен, поскольку он вводит в картину мира А пред-

ставление о такой возможности и затем побуждает А ответить на этот вопрос. Вопрос *Вы видели новый спектакль Марка Захарова?* предполагает, что А имеет представление о возможности Р 'Я видел новый спектакль Марка Захарова'; он или видел этот спектакль или не видел, но и в последнем случае он знает, что такой спектакль идет и он мог бы его увидеть. Такой вопрос как бы проверяет имеющийся в голове пункт анкеты, известной заранее. Другое дело: *Вы не видели здесь мальчика на велосипеде?* ?? *Вы видели здесь мальчика на велосипеде?* Здесь если А видел мальчика на велосипеде, то он имел / имеет в уме представление о Р, однако если он его не видел, то он не имел до вопроса никакого представления о том, что он мог увидеть здесь мальчика на велосипеде.

Как было отмечено выше, различие между ОВ и ПВ может в некоторых случаях частично нейтрализоваться. Так, если Г уведомил А, что он послал ему письмо, то он должен употребить ПВ: *Вы получили мое письмо?* (А если и не получил письма, то он знает, что он не получил письма.) Однако если такого уведомления не было, то предпочтителен ОВ: *Вы не получили мое письмо?*, предполагающий следующее. А мог получить письмо, и в этом случае у него в уме имеется представление о фрагменте мира 'получение письма от Г' (в позитивной форме). Однако он мог и не получить (еще или вообще) этого письма. Тогда у него нет ни малейшего представления о том, что он должен был получить письмо, и он получит информацию о том, что такая возможность есть (была), из данного вопроса. Однако с некоторой натяжкой в данной ситуации возможен и ПВ. Объясняется это тем, что глагол СВ *получили* содержит пресуппозицию, что письмо было отправлено, откуда следует, что есть возможность его получить или не получить, и А «вычислит» эту пресуппозицию и вытекающую из нее импликацию, услышав этот вопрос. Аналогично, *Вы помните меня?* ≈ *Вы не помните меня?*, поскольку глагол *помнить* содержит пресуппозицию, что А видел Г.

Из общего значения *не*-вопросов проистекает ряд более частных их особенностей, реализующихся уже не во всех ОВ, но в каких-то их группах, в зависимости от временной отнесенности Р, значения предиката и т. п.

Поскольку такие вопросы являются не просто вопросами, но одновременно **сообщениями о возможности Р**, в ряде ситуаций происходит (вполне предсказуемый и закономерный) сдвиг в их употреблении. Позитивный модальный вопрос предполагает, что А знает ответ на него, и поэтому если А заведомо не знает ответа, то вопрос теряет смысл. Не то с *не*-вопросами. Даже если А заведомо не знает ответа, то вопрос не теряет смысла, поскольку в нем остается сообщение (информация) о возможности Р. Г и А ждут Z. Z не пришла на встречу, ни Г, ни А не знают, почему. Г А-у: **Она заболела?* ПВ бессмыслен, поскольку А не знает ответа, но: *Она не заболела?* — нормально.

Возможность, выражаемая такими вопросами, эпистемическая¹² *≈* *Может быть, она заболела?*

Аналогичный сдвиг в *не*-вопросах регулярно происходит в будущем времени в контексте неконтролируемых и частично контролируемых Р. Если Р является контролируемым, то есть происходит по выбору субъекта (С), то ПВ осмыслен: Г знает (предполагает), что А (= С действия), выбрал или не выбрал делать Р, и поэтому может ответить на вопрос, будет оно или не будет: *Вы поедете на конференцию?* ОВ, например *А вы не поедете на конференцию?*, в этих случаях тоже может быть употреблен, однако с другими исходными предположениями. Г в этом случае не уверен, что А (= С) уже сделал выбор: может быть, он уже сделал выбор и поэтому имеет в уме 'Р будет' или 'Р не будет', однако может быть и так, что он еще и не задумывался об этом и выбор еще не сделан. В случае неконтролируемых Р ПВ часто абсолютно аномален, поскольку в этом случае Р не зависит от воли А и он не может знать, будет оно или не будет: **Вы получите государственную премию? *Вы выиграете автомобиль в лотерею? *Вы заболете? *Простудитесь ли Вы? *Мы заблудимся? *Мотор заглохнет?* В то же время ОВ, содержащие в себе сообщение о возможности Р, в контексте предикатов определенного типа вполне уместны и весьма продуктивны. Глаголы в этом случае обозначают специфические с точки зрения контролируемости Р, а именно, такие, которые происходят не по воле С, но вот не происходит они могут как не по воле С, так и по его воле, т. е. под контроль (обычно частичный) может браться только их неосуществление: *упасть, простудиться, поскользнуться, проговориться* и т. п. [Шатуновский 1996: 194]. Осуществление некоторых из этих Р в какой-то степени также контролируется С; так, С может нарочно ходить в холодную погоду по улице без пальто, для того чтобы простудиться. Однако эти Р являются нежелательными для С, поэтому даже там, где он может сделать так, чтобы было Р, он не выбирает это делать. В то же время С может предпринять что-то для того, чтобы предотвратить наступление этих Р; так, он может одеться потеплее для того, чтобы не простудиться. В подобных ситуациях *не*-вопросы приобретают следующее типизированное значение: они сообщают А (= С) о возможности нежелательного Р (как бы на всякий случай, потому что А может и сам понимать, что такая возможность существует) и (поскольку это будущее время и Р еще не наступило) побуждают его принять меры для того, чтобы не допустить этого Р (конвенционализованная импликатура). Например, [А ставит стул на стол и забирается на него с целью достать лампочку. Г обеспокоенно:] *Вы не упадете?* Вопрос отражает следующие установки Г. Имеет место возможность падения А; Г не знает, осо-

¹² О видах возможности см. [Шатуновский 1996: 194—210].

знаёт ли наличие такой возможности А; Г сообщает ему (на всякий случай), что возможно падение А и (косвенно, тем самым) побуждает его усилить контроль над ситуацией, чтобы не допустить этого. Возможность здесь, в отличие от прошедшего времени, объективная \approx (*Осторожно,*) *Вы можете упасть* \neq **Может быть, вы упадете*. Прагматически выводной компонент побуждения сближает эти вопросы с императивами СВ: \approx (*Осторожно,*) *не упадите!* ПВ здесь аномален: *Вы упадете?* — воспринимается так, как будто Р контролируемое и А уже выбрал, упасть ему или не упасть, или же как будто А всеведущее существо и заранее знает, что произойдет или не произойдет помимо его воли. Аналогично, [Г обеспокоенно А-у, собирающемуся в легкой одежде на улицу в холодную погоду:] *Ты не замерзнешь?* (\rightarrow ‘оденься потеплее’); ср. **Ты замерзнешь?*; [Г и А собираются в лес:] *Мы не заблудимся?* (меры, которые здесь можно предпринять, это, например, взять с собой карту, пригласить проводника и т. п. и, наконец, просто отказаться от данного похода); *Мотор не заглохнет? Петя не подведет?*

В той мере, в которой положение дел поддается исправлению, компонент побуждения содержится и в *не*-вопросах в прошедшем времени: *Вы не забыли ключи?* \rightarrow ‘проверьте и возьмите, если забыли’, *Ты не замерз?* \rightarrow ‘выпей чего-нибудь горячего’; ср. диалог: *Ты не забыла сделать копию?* — *Забыла. Сейчас сделаю.*

С описанным выше общим значением ОВ связана следующая яркая особенность ОВ: Р, о возможности которого они сообщают, очень часто является **случайным**, = **незапланированным** или **незакономерным** (в соответствии с двумя основными значениями слова *случайно*). (Отсюда частое употребление слова *случайно* в таких вопросах, эксплицирующее эту особенность; там, где его нет, во многих случаях можно его подставить без изменения в общем смысле, поскольку это в любом случае если произойдет/произошло, то случайно: *Петя сюда, случайно, не заходил?*; ср. **Петя сюда, случайно, заходил?*) Понятно, почему. ПВ относятся к области **известного** участникам коммуникации. А **известным заранее** по определению может быть только то, что человек **запланировал** или познал, опираясь на найденную им **закономерность**. В **известной** картине мира нет случайностей. Случайные отклонения **по определению** не могут быть в этой картине, поскольку они являются **отклонениями** от того, что есть в этой картине.

Отсюда также вытекает та особенность ОВ, что описываемые в них Р часто являются **нежелательными**, **плохими** для С [Баранов, Кобозева 1983]¹³.

¹³ Ср. также замечание в [Русская грамматика 1980], что *не*-вопросы могут выражать опасение [§ 2604]: *опасение* — это предположение, что случайно может произойти нечто плохое, нежелательное для Г.

Желательное выбирается и планируется и поэтому имеется в уме субъекта Р (он знает, что он выбрал Р и поэтому Р будет, или он знает, что он не выбрал Р и поэтому Р не будет); соответственно, в этих случаях употребляются ПВ (С может совпадать с А вопроса, но может и не совпадать; поскольку С-у известно, Р или не Р, он может сообщить об этом и другим лицам). В то же время нежелательное не выбирается, не планируется и происходит, если происходит, не по воле С, случайно, поэтому его может не быть заранее в уме участников коммуникации: *Вы не упадете? Ты не замерз?* — А не планировал замерзнуть или упасть, потому что это плохо для него, и может быть, поэтому не подумал о такой возможности, планируя или делая что-то другое.

Особую группу *не*-вопросов составляют вопросы, касающиеся действий А (Р как-то описывает или квалифицирует действия А), в которых Г сообщает о том, что он считает возможным (= вводит как возможную альтернативу), что Г неискренен, обманывает, вводит в заблуждение Г (вопросы **недоверия**): *Вы не обманываете? Вы не шутите? А вы его не заберете? ≈ Вы его действительно не заберете, как вы говорите?* В этом случае если А неискренен, то он имеет в уме Р до вопроса (например, он знает, что он обманывает Г), но если он искренен, то ему, скорее всего, не приходит в голову такая возможность. Если человек обманывает, трудно рассчитывать, что он тут же в этом признается, поэтому вопрос превращается в нечто следующее: 'Я сообщаю вам, что считаю возможным, что вы меня обманываете и т. п., и побуждаю вас..., жду от вас заверений, подтверждений, доказательств, клятв, что это не так'.

9. Не-ли-вопросы. Не-ли-вопросы делятся на два основных типа.

1-й тип — это собственно вопросы (или информативные, в терминологии Рестана): *Скажите мне, фру Хельмер, не помните ли вы случайно дня смерти вашего отца?* (Г. Ибсен; пер. с норв.); *Не найдете ли вы сегодня или завтра свободную минутку побывать у меня?* (из письма А. Н. Островского); *Что мой Руслан? Не продается? Не запретила ли его цензура?* (А. С. Пушкин Л. С. Пушкину; примеры из [Рестан 1972]). Эти вопросы близки к *не*- (без *ли*) вопросам. Они также вводят в мир (картину мира) Г идею возможности Р (что в данном фрагменте Р или не Р). Отличие этих вопросов связано с общей функцией частицы *ли*, которая показывает новизну Р в дискурсе. В *не*-вопросах **если** А имеет Р в уме, то оно вытекает из ситуации или текущего дискурса, поэтому оно является **данным в дискурсе**. (Тем самым эти вопросы похожи на полные модальные вопросы, это как бы «половинчатые», «неуверенные» модальные вопросы; неуверенность здесь заключается в том, что Г не уверен, что А имеет представление о Р/возможности Р в уме.) В *не-ли*-вопросах Р не вытекает из ситуации/дискурса, поэтому должно быть введено в дискурс как новое. Поэтому если Р явно, очевидно вытекает из ситуации,

«активировано» в дискурсе, то *не-ли-вопрос* невозможен. [Г упавшему А:] *Вы не ушиблись?* — если А ушибся, то он актуально чувствует боль ушиба в момент вопроса; *Не ушиблись ли вы?* звучит очень странно! [Г заглядывает на нашу кафедру и спрашивает:] *Хозяинов* [проректор нашего университета] *сюда не заходил?* *Не-ли-вопрос* **Не заходил ли сюда Хозяинов?* в данной ситуации неуместен, потому что если Хозяинов сюда заходил, то представление об этом Р присутствует, «активировано» в уме А-а и является известным, данным в данном дискурсе. Заметим, что *не-вопросы*, функционируя в текущем дискурсе, «привязаны» к координатам ‘здесь’ (‘сюда’) и ‘сейчас’ и часто включают эти слова как эксплицитные показатели текущего места и времени. Соответственно, наличие таких слов блокирует возможность употребления *не-ли-вопросов*. Например: *Вы не видели здесь маленького мальчика?* — в данном случае *здесь* эксплицитно, а ‘сейчас’ в расширительном значении ‘только что’ подразумевается. Другое дело вопросы, которые задает в сказке Пушкина королевич Елисей месяцу, солнцу и ветру: *Не видал ли где на свете ты царевны молодой?* (= ‘где-нибудь, когда-нибудь’, но не ‘только что, здесь’). Если А и видел царевну, то он видел ее где-то далеко и давно, поэтому представление об этом не присутствует актуально в его сознании, не является (до вопроса) актуальным, активированным в данном дискурсе. Поэтому здесь, напротив, неуместен вопрос *без ли*: *Ты не видел молодой царевны?* Такой (привязанный к текущей ситуации) вопрос создает впечатление, будто она где-то здесь, рядом и лишь на минутку куда-то отлучилась. Понятно поэтому, что *не-ли-вопросы* особенно активно употребляются в тех случаях, когда Р является отвлеченным, сложным и поэтому просто не может вытекать из текущей ситуации/дискурса. В таких случаях часто возможны только *не-ли-вопросы*: *Владислав Валерьевич, не осложнит ли новый закон взаимоотношений банка с клиентами?* (Столица. 1997. 03.04)^{# 14}.

Благоприятным контекстом для *не-ли-вопросов* являются вопросы о мнении А-а: *Не считаете (думаете/полагаете/боитесь) ли вы, что...; Не кажется ли вам, что...; Не считаете ли вы, что использование народных масс, открыто выражающих протест на улицах, может привести к опасному, неконтролируемому развитию политической ситуации в стране?* (О. Власова. Пора извлекать уроки)[#] — настолько благоприятным, что даже там, где эксплицитного указания на мнение нет, оно подразумевается; так, вопрос выше, скорее всего, понимается как: *В. В., как вы считаете, не осложнит ли...?* Понятно, почему: Г вряд ли может заранее предполагать, что А имеет в уме какое-то сложное, не вытекающее из ситуации Р; поэтому в подобных вопросах Г фактически излагает свое мнение по какой-либо теме; вопрос по-

¹⁴ Знаком # отмечаются примеры из Национального корпуса русского языка.

буждает А высказать свое отношение к данному мнению, согласиться или не согласиться с ним; иногда это побуждение усиливается до косвенного побуждения согласиться, принять это мнение: \approx 'согласитесь, что Р'.

Не-ли-вопросы, как и *ли-вопросы*, особенно характерны для письменной речи, где они норма, поскольку при переписке Г и А находятся в разных пунктах пространства и времени и, следовательно, в разных ситуациях: *Не изменились ли у тебя, Аллочка, планы?* (письмо бабушки внукам) #.

2-й, чрезвычайно продуктивный, **тип не-ли-вопросов** надстраивается над первым типом, представляя собой его усложнение. В вопросах этого типа Г формулирует идею возможности Р в мире (что в данном фрагменте мира или Р, или не Р) (это значение 1-го, более простого типа) и одновременно на этой базе делает предположение, что имеет место (именно) Р. Можно сказать, что это двойной вопрос, вторичное предположение: диктальное предположение Р накладывается на сообщение о возможности Р (и не Р). Например (при обсуждении причин гибели подводной лодки «Курск»): *Не столкнулась ли подводная лодка с миной?*

Совпадая на уровне лексико-синтаксической структуры, *не-ли₁* и *не-ли₂* вопросы резко различаются интонационным рисунком. Ср.: *Не запретила ли его цензура?* — (1) *не-ли₁*-вопрос: двойной пик на *запретила* и *цензура* (интонация такая же, как и в позитивных *ли-вопросах*; (2) вопрос-предположение *не-ли₂*: резкий подъем на *запретила*, затем держится на том же уровне, спад к концу, произносится в целом в более высоком регистре.

Значение *не-ли₂*-вопросов формируется противопоставлением разноуровневых альтернатив одновременно:

1). Первое противопоставление: возможно Р [и возможно не Р] (= Р имеет место [или Р не имеет места] (теневая, пресуппозитивная альтернатива) (см. [Шатуновский 1996: 181—186]) наряду с другими возможностями: Q vs не Q (= Q имеет место или не имеет места), R vs не R, S vs не S, и т. д.; эти возможности присутствуют в мире участников коммуникации до вопроса. Возможность Р здесь противопоставлена (как новое в мире) возможности Q, R, S и т. д. (известным, старым возможностям).

2). Второе противопоставление: возможно, что имеет место Р (а не Q, не R, и т. д.). Это то же самое Р, но взятое в другом противопоставлении, в другом измерении: Р vs Q, R, S, T и т. д.

Чрезвычайно важной особенностью этих вопросов является то, что А в этом случае не имеет абсолютно никакого, ни в каком виде представления о возможности Р (о наличии альтернатив Р и не Р) в данном фрагменте мира. Возможность Р здесь является **абсолютно и безусловно новой** для А. Соответственно, А не может ответить (непосредственно) на этот вопрос, поскольку он не располагает сведениями о Р. Это уводит этот тип в сторону от собст-

венно вопросов. Так, вопрос *Не закрыли ли вы дверь?* используется в ситуации, когда А не имеет в своем уме никакого представления о том, закрыл он дверь или нет, и вообще не думает об этом, не имеет идеи закрытия двери ни в каком виде, ни в положительном, ни в отрицательном, на этом месте в его уме пробел, пустота. Например, он закрыл дверь и потом забыл об этом или закрыл дверь случайно и не заметил этого. Поэтому А и не может на него непосредственно ответить: он должен напрячься и попытаться вспомнить, закрыл он дверь или не закрыл, или вернуться и проверить, закрыта дверь или открыта. Такой вопрос значит что-то вроде: *Может быть, вы закрыли дверь?*

Имеется и другое, возможно, более общее и более важное свойство *не-ли*-вопросов-предположений. Возможность Р (идея возможности 'Р' и 'не Р' и то, что предположительно имеет место именно Р, а не Q и т. д.) является здесь новой не только для А, но и **для самого Г!** Такие вопросы употребляются в ситуации, когда до момента формулировки вопроса Г сам не имел в своем уме идеи о возможности Р (Р или не Р) в данном фрагменте действительности; Г формулирует *не-ли*-вопрос не только и не столько для А, сколько **для самого себя.** В таких вопросах особенно ярко и наглядно проявляется то, что язык является не только средством коммуникации, но и средством мышления. Есть вопросы чисто коммуникативные, они немислимы без А; таковы модальные собственно вопросы и диктальные вопросы-предположения, а также «полумодальные» *не*-вопросы; так, мы не можем спросить сами у себя, без всякого А: *Петя приехал? Он не упадет?* и т. д. В то же время *не-ли*₂-вопросы могут употребляться и чаще всего употребляются без всякого А. Они не нуждаются в адресате, адресат здесь факультативен, поскольку такие вопросы являются средством мышления — «разговора с самим собой» (Платон). Такие вопросы первично являются средством формулировки предположения в уме Г-го (посредством языка) или, вторично, средством описания процесса и результата формирования такого предположения (в художественной и научной литературе). Разумеется, такие вопросы могут выполнять одновременно и коммуникативную функцию; они могут формулироваться в присутствии другого человека (других людей), который является здесь в некотором смысле, **частично** адресатом: Г формулирует предположение одновременно для себя и для А; может быть, А, для которого это предположение также является новым, подумав, найдет ответ на этот вопрос? Таков, например, вопрос на совещании, где обсуждаются возможные причины гибели подводной лодки: *Не столкнулась ли подводная лодка с миной?*

*Не-ли*₂-вопросы, формулируемые в присутствии А, бывают двух типов: (1) стандартные вопросы-предположения, предполагающие кооперативное участие А в поиске ответа на этот вопрос (пример выше); (2) вопросы, предполагающие, что А некооперативен, что он может знать ответ на этот вопрос-

предположение, но не захочет ответить на него, скроет или исказит истину. Такие вопросы соответствуют «вопросам недоверия» в области *не-вопросов* (*Вы не шутите? Вы не обманываете меня?*). Отличие в том, что в случае *не-вопросов* сохраняется «вопросительность» — побуждение дать какой-то ответ; в случае *не-ли-вопросов*, являющихся самодостаточными как предположения, никакого ответа не предполагается (вряд ли можно рассчитывать, что А разоблачит сам себя), и вопросы недоверия трансформируются в вопросы подозрения: *Не обманываете ли вы меня?* (\approx *Уж не обманываете ли вы меня?*); *Не украли ли вы эти деньги?* (*Уж*) *не думаете ли вы, что я хочу занять ваше место?! Не подменили ли вы эту пленку?* В случае вопросов подозрения, предполагающих возможную неискренность Г, Р не может быть безусловно новым для А, поскольку если он неискренен, то он имеет Р в уме (а если искренен, то не имеет). Но остается то, что Р является новым в мире самого Г. В этом случае и в присутствии А-а Г формулирует вопрос в большей степени для себя: [Плюшкин, пораженный предложением Чичикова платить подати за его умерших крестьян, выдвигает предположение, позволяющее объяснить подобное поведение гостя:] *Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?* (Гоголь. Мертвые души). Характерно, что хотя Чичиков и ответил, что он не служил в военной службе, а служил по статской, Плюшкин не поверил ему и «заклучил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками».

10. Наконец, **3-й тип** вопросов, говорящих о возможности Р, — это вторичные позитивные *ли-вопросы* «сомнения» (дубитативные вопросы, по [Рестан 1972]). Все *Не Р-ли-вопросы*, в том числе и косвенные (*Уходя из дома, проверьте, не забыли ли вы выключить газ*), выдвигают идею возможности Р на фоне пресуппозитивной альтернативы ‘не Р’. Точнее говоря, до формулировки вопроса ‘не Р’ рассматривается не как альтернатива, а как фактическое положение вещей, альтернативой оно оказывается после формулировки вопроса. То есть «думали, полагали, планировали, что..., ожидалось, должно быть и т. д. ‘не Р’», в *не-ли-вопросе* это ‘не Р’ «альтернативизируется», сообщается, указывается на то, что возможна альтернатива Р; тем самым и ‘не Р’ оказывается уже не фактическим положением вещей, а только возможной альтернативой. В совершенно ясном (хотя и несколько расширенном смысле) это относится и к *Не Р (ли)-вопросам-предположениям*, в случае которых до формулирования вопроса на месте Р «пустота», пробел. В совершенно очевидном смысле эта «пустота» с денотативной точки зрения (в «прозрачном», *de re* понимании) представляет собой ‘не Р’, отсутствие Р; после формулирования вопроса эта «пустота» альтернативизируется и становится (уже и кон-

цептуально, *de dicto*) не просто «пустотой», а отсутствием Р, ‘не Р’. Позитивный *ли*-вопрос-предположение формулируется в противоположной ситуации, а именно, фон образует позитивная альтернатива: фоновым исходным положением вещей является ‘Р’; в вопросе это положение вещей альтернативизируется, оказывается только альтернативой. Иными словами, «думали, считали, полагали, что Р»; вопрос выдвигает предположение возможности не Р и тем самым делает Р только альтернативой: *(Да) Завозят ли сюда продукты? (Да) Служил ли он в армии?*; [X дал Y-у крупную сумму денег для передачи, Г X-у:] *А он надежный человек?* (вручение денег предполагает, что X считает, что Y человек надежный; Г ставит это в своем вопросе под сомнение); [А. Лебедь в программе «Герой дня», НТВ, о политике Путина:] *Это [деление на 7 округов и назначение «генерал-губернаторов»] показывает силовой вектор развития событий. Нужен ли нам такой вектор?* Заметим, что это относится ко всем видам общих вопросов, то есть не только полным (в смысле Балли) вопросам, но и частичным модальным (по Балли) вопросам. Так, *Не Освальд ли убил Кеннеди?* употребляется в ситуации, когда думали, что Кеннеди убил не Освальд, или, шире, не думали, что Кеннеди убил Освальд (вообще не думали об Освальде как о возможном убийце Кеннеди); в вопросе выдвигается как новое предположение, что Кеннеди убил Освальд. *Освальд ли убил Кеннеди?* предполагает противоположную исходную фоновую ситуацию: думали, что Кеннеди убил Освальд; выдвигается как новое предположение, что Кеннеди убил не Освальд.

11. Заметим, что сказанное выше позволяет объяснить противоречие между формой вопроса и выдвигаемым в нем предположением, то есть то, что негативный по форме вопрос выдвигает позитивное предположение, а позитивный — негативное. Видимо, это отражает следующую деривацию: сначала формулируется пропозиция, отражающая фоновое, исходное представление о положении вещей (в одних случаях это ‘не Р’, в других — ‘Р’); затем это представление ставится под вопрос = подвергается сомнению; тем самым это положение вещей альтернативизируется, становится не тем, что фактически есть, а только альтернативой. Поскольку исходное фоновое представление о положении вещей является известным, данным, в коммуникативный фокус попадает представление о противоположной невыраженной альтернативе — ‘Р’ и ‘не Р’, соответственно.

12. Как вторичные *не-ли*-вопросы-предположения, так и вторичные *ли*-вопросы сомнения являются прежде всего средством мышления, в них совершается акт мысли. В этом отношении они подобны первичным проблемным *ли*-вопросам, выступающим в мыслительной функции. Однако мысли,

отраженные и совершаемые в таких вопросах, принципиально различны. В первых, как было отмечено выше, мысль движется от проблемы (наличия альтернатив) к решению, ответу (безальтернативному состоянию ума). Во вторых движение мысли противоположное: от безальтернативного состояния ума (отсутствия проблемы) к ее «созданию», к раздвоению мыслимого положения дел на альтернативы, к осознанию, что есть такая проблема.

Литература

- Балли 1955 — *Ш. Балли*. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Баранов, Кобозева 1983 — *А. Н. Баранов, И. М. Кобозева*. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 3. С. 263—274.
- Булыгина, Шмелев 1997 — *Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев*. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Гак 2000 — *В. Г. Гак*. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
- Гумбольдт 1984 — *В. Гумбольдт*. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 37—298.
- Есперсен 1958 — *О. Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.
- Падучева 1981 — *Е. В. Падучева*. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // Разработка формальной модели естественного языка. Новосибирск, 1981. С. 80—105.
- Падучева 1985 — *Е. В. Падучева*. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Попов 1950 — *П. С. Попов*. Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1950. С. 5—36.
- Распопов 1953 — *И. П. Распопов*. Типы вопросительных предложений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1953.
- Рестан 1972 — *П. Рестан*. Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос. (Главным образом на материале современного русского языка). Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.
- Фасмер 1967 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967.
- Филлмор 1981 — *Ч. Филлмор*. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 369—495.
- Шатуновский 1996 — *И. Б. Шатуновский*. Семантика предложения и неререферентные слова. М., 1996.
- Шатуновский 2004 — *И. Б. Шатуновский*. Основные принципы и способы интродукции объектов и событий в тексте // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. М., 2004. С. 231—244.

- Bolinger 1978 — *D. Bolinger*. Yes-no questions are not alternative questions // H. Hiz (ed.). *Questions*. Dordrecht, 1978. P. 87—105.
- Hoepelman 1983 — *J. Hoepelman*. On Questions // *Questions and Answers* / F. Kiefer (ed.). Dordrecht etc., 1983. P. 191—227.
- Mehlig 1991 — *H. R. Mehlig*. Экзистенциальные и экспликативные вопросы // *Russian Linguistics*. Vol. 15. 1991. С. 117—125.
- Prince 1981 — *E. F. Prince*. Towards a taxonomy of given-new information // P. Cole (ed.). *Radical Pragmatics*. N. Y., 1981. P. 233—235.

ПОСЕССИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

А. Д. Шмелев

Елене Викторовне Падучевой

В данной заметке речь пойдет о грамматических свойствах русских посессивов. Самую многочисленную часть класса посессивов в русском языке составляют так называемые притяжательные прилагательные, образуемые от существительных при помощи «притяжательных» суффиксов *-ов* и *-ин* и согласующиеся с существительным, с которым они связаны атрибутивной связью, в числе, падеже, роде¹. Помимо этого, к классу посессивов относятся притяжательные местоимения (в частности, *мой, твой, наш, ваш, свой, чей*) и, возможно, еще какие-то единицы (вопрос о составе класса посессивов в русском языке будет рассмотрен ниже).

Именную группу, возглавляемую существительным, с которым согласуется посессив, назовем посессивной конструкцией. Референт посессива можно условно назвать посессором. Разумеется, это лишь условный ярлык: атрибутивная связь в посессивной конструкции может скрывать за собою весьма разнородные отношения, зависящие, в частности, от семантического класса, к которому принадлежит существительное, являющееся вершиной конструкции [Падучева 1984; Копчевская-Тамм, Шмелев 1994; Рахилина 1996; Чинчлей 1996]. Так, *Машина ручка* — это ручка, принадлежащая Маше, *Машина семья* — это семья, членом которой является Маша, а *Машина статья* и *Машина фотография* — это, скорее всего, статья, написанная Машей, и фотография, на которой изображена Маша.

В целом набор значений, выражаемых посессивной формой, весьма близок к набору значений, выражаемых генитивом (особенно если ограничиться

¹ В грамматических описаниях к «притяжательным прилагательным» принято относить также прилагательные, образованные от существительных при помощи суффикса [j], напр. *лисий*. Однако их языковые свойства совсем иные, нежели у класса посессивов, рассматриваемых в данной работе.

теми значениями, в которых имя в форме генитива может иметь определенную референцию, исключить прилагольное и припредложное употребление, сочетания типа *человек чести* и т. п.). Так, приведенным выше примерам можно сопоставить такие употребления, как *ручка Ивана*, *семья Ивана*, *статья Ивана* и *фотография Ивана*. Соответственно, при выражении значений из указанного набора возникает проблема выбора между посессивом и генитивом. В некоторых случаях возможно употребление и той, и другой формы; однако, наряду со случаями их конкуренции, существуют случаи, когда можно употребить только посессив, случаи, когда можно употребить только родительный падеж, и, наконец, случаи, когда без перестройки синтаксической структуры соответствующий смысл не может быть выражен ни той, ни другой формой. Так, напр., в предложении *В комнате девочек зеленый стол, а в Николкиной — белый* форму родительного падежа *девочек* нельзя заменить на какой бы то ни было посессив, а посессив *Николкиной* — на родительный падеж (пример из статьи [Копчевская-Тамм, Шмелев 1994]).

Сразу же следует отметить, что для местоимений возможности употребления родительного падежа для выражения значений из указанного набора оказываются значительно более ограниченными по сравнению с существительными. Так, употреблениям *ручка Ивана*, *семья Ивана*, *статья Ивана* и *фотография Ивана* ставятся в соответствие вопросы *чья ручка?*, *чья семья?*, *чья статья?*, *чья фотография?* (вопросы *ручка кого?*, *семья кого?*, *статья кого?*, *фотография кого?* возможны лишь при переспросе, если собеседник не расслышал словосочетания с родительным падежом существительного); а сочетания *моя ручка*, *моя семья*, *моя статья*, *моя фотография* нельзя заменить на сочетания **ручка меня*, **семья меня*, **статья меня*, **фотография меня*.

Иногда говорят, что замена притяжательного местоимения на родительный падеж возможна лишь в том случае, когда притяжательное местоимение обозначает актант, но не тогда, когда оно выступает в «собственно посессивном» значении, когда оно обозначает «принадлежность». Однако затруднительно дать точное определение значению «принадлежности»; в конечном счете это некоторый ярлык, а попытки дать ему толкование, используя русский глагол *принадлежать* или, тем более, глаголы *владеть*, *обладать*, наталкиваются на очевидную семантическую неэлементарность этих глаголов. Кроме того, разграничение «собственно посессивных» и «актантных» значений притяжательных местоимений мало что дает в интересующем нас отношении, поскольку замена притяжательного местоимения на родительный падеж во многих случаях невозможна и для актантных употреблений (см. об этом в статье [Падучева 1984]).

Притяжательные прилагательные (по материалам *Алешиной с Машей статьи*)²

Морфологические ограничения на образование посессивных форм

Посессивы не образуются от отадъективных существительных (типа *больной*), от русских фамилий на *-ов*, *-ин*, *-ский*. Затруднено образование посессивов от несклоняемых существительных, однако данное ограничение не имеет абсолютного характера; ср. выражения *Теддина мать*, *Теддин отец*, *Теддино плечо* в русском переводе сочинения Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» (перевод К. Чуковского).

Затруднено образование посессивов от существительных так называемого 3-го склонения (существительных женского рода, оканчивающихся в именительном падеже на согласный) при помощи суффикса *-ин*, напр. [?]*Эсфирин*, [?]*Юдифин*, [?]*Любовин*, [?]*Суламифин*. В отношении форм *материн*, *свекровин*, *дочерин* мнения носителей языка расходятся: некоторые используют их относительно свободно, напр., *Это надо будет посмотреть в материной книге*; ср. также *по материной дорожке* (Бажов); *материны сны* (Шукшин); *дочерин жених* (Г. Владимов); другие же, напротив, считают их аномальными.

От слов так называемого 2-го склонения (существительных мужского рода, оканчивающихся в именительном падеже на согласный) посессивы при помощи суффикса *-ов* образуются не вполне свободно. С одной стороны, используются (хотя и не слишком активно — см. далее) формы *Алексеев*, *отцов*, *дедов* и т. д., напр. *движение Алексеево* (Пушкин), *тетка Шура*, *жена отцова брата* (Ю. Трифонов), *отцовы очки* (Вас. Аксенов), *похлопал по дедовой рубашке* (Л. Петрушевская); с другой стороны, неупотребительны такие формы, как [?]*сынов*, [?]*другов*, [?]*мальчиков*.

Некоторая затрудненность образования посессивов от существительных мужского рода 2-го склонения возникла в русском языке сравнительно недавно. Об этом свидетельствует значительное число устойчивых выражений, в которых используются посессивы на *-ов*, образованные от существительных мужского рода 2-го склонения, напр. *Эйфелева башня*, *Пифагоровы штаны*. Многие такие выражения уже в большой степени утратили внутреннюю форму. Особенно это касается таких выражений, как *буриданов осел*, *Петров пост*, *антонов огонь* (ср. известные строчки Козьмы Пруткова: *Антонов есть огонь, но нет того закону, / Чтобы всегда огонь принадлежал Антону*). В част-

² Языковые особенности русских «притяжательных прилагательных» были описаны в статье [Копчевская-Тамм, Шмелев 1994]. В данном разделе я опираюсь на основные выводы указанной статьи, излагая их с необходимыми уточнениями и дополнениями.

ности, именно поэтому особенно плохо образуются посессивы от «неосвоенных», недавно заимствованных слов 2-го склонения, напр. «экзотических» имен: ¹*Бьёрновы сапоги*, ²*Перова книга* (лучше сказать *сапоги Бьёрна* и *книга Пера*).

Свободнее всего посессивы образуются от существительных так называемого 1-го склонения (существительных женского и мужского рода, оканчивающихся в именительном падеже на *-а*) при помощи суффикса *-ин*, напр. *Машин*, *Петин*, *мамин* и т. д., но и здесь существуют некоторые ограничения. Образованию посессивов препятствует ударение на окончании — неупотребительны посессивные формы от слов *швея*, *голова* (в значении ‘сельский голова’); форма *Ильин*, образованная от имени *Илья*, употребляется почти исключительно в устойчивом сочетании *Ильин день*; ср., впрочем, *женин*, *сестрин* и др. (обратим внимание на перенос ударения на основу).

Преимущественное образование посессивов от существительных первого склонения приводит к тому, что суффикс *-ин* оказывается более употребительным, чем суффикс *-ов*, причем наблюдается даже его экспансия: *братнин* (вместо более редкого *братов*), *Толикин* (наряду с *Толиков*), *Андреин* (по свидетельству Е. В. Падучевой, эта форма используется иногда вместо *Андреев*), напр. *братнино обращение в веру* (Шукшин), *братнин «опель»* (Ю. Трифонов); ср. также *Шарикино ружье* (Э. Успенский).

Впрочем, в речи некоторых носителей языка суффиксы *-ов* и *-ин* регулярно смешиваются. Так, у Маяковского посессивы постоянно образуются вопреки правилам: *туша Авророва*, *коммунова стройка*, *бабочка поэтинога сердца*, *ноздри метранпажисны*.

Прагматические ограничения на образование посессивных форм

Посессивы образуются только от «неформальных» имен. Так, словосочетание *слова папы* неоднозначно: оно может пониматься — в соответствии с двумя значениями слова *папа* — как ‘слова отца’ или как ‘слова папы римского’. Но сочетание *папины слова* имеет лишь одно прочтение: оно однозначно понимается как ‘слова отца’.

Например, среди женских личных собственных имен, представляющих собою существительные так называемого 1-го склонения, для образования посессивов так называемые уменьшительные имена подходят более, нежели полные, официальные имена³: *Надин* звучит более естественно, нежели *Надеждин*, *Сашин* — естественнее, чем *Александрин*, *Ирин* — естественнее, чем *Иринин*, *Валин* — естественнее, чем *Валентинин*, *Варин* — естественнее, чем

³ В случаях, когда «уменьшительная» форма имени совпадает с полной формой (*Вера*), посессив, как правило, образуется совершенно свободно.

Варварин, Раин — естественнее, чем *Раисин, Ленин* — естественнее, чем *Еленин, Лизин* — естественнее, чем *Елизаветин*, а *Катин* — естественнее, чем *Екатеринин*. Если существуют две разные «полные» формы имени, то посессив легче образуется от более разговорной формы, так что возникает «шкала естественности»: *Машин* — *Марьин* — ?*Мариин*, *Настин* — *Настасьин* — ?*Анастасин*, *Дунин* — *Авдотьин* — ?*Евдокин*. И особенно охотно образуются посессивы от «уменьшительно ласкательных» или фамильярных имен, образованных при помощи суффиксов *-к*, *-оньк*, *-очк* и т. д.: *Иркин*, *Машенькин*, *Верочкин*⁴.

Есть основания полагать, что описанные выше морфологические ограничения на образование посессивов в значительной мере обусловлены прагматическими ограничениями, о которых идет речь в настоящем разделе. В самом деле, подавляющее большинство неформальных личных имен — это существительные 1-го склонения, тогда как соответствующие им полные имена (и женские, и мужские) часто относятся к 3-му (женские) и 2-му (мужские) склонению: *Люба* — *Любовь*, *Петя* — *Петр*, *Лева* — *Лев*, *Ваня* — *Иван*, *Володя* — *Владимир*, *Миша* — *Михаил* и т. д. Тем самым затрудненность образования посессивов от существительных 2-го и 3-го склонения, возможно, определяется не морфологическими, а прагматическими факторами — а именно тем, что эти существительные не являются неформальными именами. Этим же может быть обусловлено затрудненное образование посессивов от существительных 1-го склонения с ударением на окончании (*Кузьма*, *Илья*, *швея*, *ворожея*): они также не являются неформальными личными именами. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что в тех редких случаях, когда в качестве неформального личного имени используется существительное 2-го склонения, от него посессив образуется довольно свободно: так, о семье знакомого, которого зовут Кот, вполне можно сказать *Котово семейство*⁵.

Референциальные ограничения на образование и употребление посессивных форм

Посессивная форма может быть употреблена только в тех случаях, когда ее референтом является лицо или индивидуализируемое персонализируемое

⁴ Вероятно, это ограничение также возникло в языке относительно недавно — ср. такие клишированные обороты, как *Татьянин день*.

⁵ Примечательно, что посессивы могут быть образованы даже от именованного лица посредством имени-отчества, при условии что такое именование носит неформальный характер: *Сан-Санычева* (но не **Александр Александровичева*) *шутка*.

существо. С этим связано словарное ограничение: в норме посессивные формы не образуются от неодушевленных существительных и от большинства названий животных (невозможны формы *стулов, *шапкин, *рыбин). В то же время от собственных имен (кличек) животных посессивы образуются достаточно свободно (ср. *Жучкина миска*, *Муркина подстилка*), и это совершенно естественно: наличие у животного имени собственного свидетельствует о том, что животное индивидуализируется, вычленяется из ряда себе подобных. Точно так же возможно образование посессивов и от нарицательных названий животных в случае олицетворения, напр. *кошкин дом*, *бегемотово брюхо* (Корней Чуковский). В редких случаях возможно образование посессивов даже от неодушевленных существительных, напр. в поэзии Маяковского: *тучкины штучки*, *губы вещицы засюсюкают*, *чахоткины плевки*, *скрипкиной речи*. Здесь, впрочем, следует отметить, что, как уже говорилось, для Маяковского вообще характерно довольно небрежное отношение к правилам образования посессивов, проявляющееся и в аномальном выборе суффикса *-ов* или *-ин*.

Посессивы не могут соотноситься с множественным числом существительного. Поэтому в соответствии с именами множественного числа может использоваться только родительный падеж: словосочетание *юбки девочки* приблизительно равнозначно сочетанию *девочкины юбки*, но *юбки девочек* в силу указанного ограничения не может быть заменено на конструкцию с посессивом.

Использование посессива предполагает определенность референта. Поэтому особенно охотно посессивы образуются от имен собственных и имен родства, характеризующихся ингерентной определенностью. В этом отношении посессивы коренным образом отличаются от родительного падежа, употребления которого не связаны ни с какими референциальными ограничениями⁶. *Девушкин портрет* следует перевести на английский язык как ‘portrait of the young girl’, тогда как *портрет девушки* в самом естественном понимании — это ‘portrait of a young girl’. Родительный падеж, в отличие от посессива, может использоваться и в тех случаях, когда предполагается родовой статус референта, напр.: *Лучшее украшение девушки — скромность и прозрачное платьице* (Е. Шварц). В силу сказанного именно родительный па-

⁶ Ср. замечание Н. С. Трубецкого: «В современном русском языке... притяжательные прилагательные, производные от имен лиц, всегда указывают на наличие определенного лица, тогда как обороты с генитивом имени лица не содержат такого оттенка: *мельникова дочь* всегда означает ‘дочь этого мельника’, тогда как *дочь мельника* может с тем же успехом значить и ‘дочь этого мельника’, и ‘дочь всякого мельника’» [Трубецкой 1987: 43].

деж, а не посессив используется в характеризующем значении, напр.: *Я слышу речь не мальчика, но мужа* (Пушкин)⁷.

Синтаксические ограничения на употребление посессивных форм

Посессивы не могут иметь при себе зависимые слова. Поэтому в соответствии с именными группами (существительными, имеющими при себе зависимые слова) может использоваться только форма родительного падежа, но не посессив. Так, равно возможны (хотя и не полностью синонимичны) сочетания *портрет девочки* и *девочкин портрет*, а сочетание *портрет девочки с персиками* не имеет соотносительной конструкции с посессивом. Точно так же *мамины родственники* — это то же самое, что *родственники мамы* (и первое сочетание — с посессивом — употребляется чаще), но выражение *родственники моей мамы* нельзя заменить на конструкцию с посессивом, образованную от существительного *мама*. В связи с этим оказывается непереводаемой на русский язык английская шутка, обыгрывающая притяжательные формы от словосочетаний: *The son of Pharaoh's daughter was the daughter of Pharaoh's son. How could it be?*⁸

Не являются исключением такие используемые в разговорной речи «составные» посессивные формы, как *тети Машины дети*, *дяди Васина стамеска*, *Марьи Ивановнин дом* (ср. в сказке Льва Толстого «Три медведя»: *Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровнина...*)⁹. Внешне они выглядят как сочетания родительного падежа имени посессора и образованного от него посессива. Такой тип посессивной конструкции, образованной от словосочетания, когда один член словосочетания заменяется посессивным прилагательным, а другой ставится в родительном падеже, хорошо известен специалистам по старославянскому и древнерусскому языку [Зализняк 1995: 140]. Однако в

⁷ Посессив может использоваться в «качественном» значении, когда в основе уподобления лежат свойства единичного лица: *У нее мамина улыбка; Он обладает геркулесовой силой*. Б. М. Гриншпун называл это «индивидуально-качественным значением притяжательного прилагательного» [Гриншпун 1967].

⁸ Отгадка, напомним, состоит в том, что в двух частях предложения тождества имеет место различное членение на составляющие: *the son of (Pharaoh's daughter) = (the daughter of Pharaoh)'s son; (the son of Pharaoh)'s daughter = the daughter of (Pharaoh's son)*.

⁹ В более строгих стилях речи соответствующее значение может быть выражено только родительным падежом: *Сан-Санычева шутка*, но *шутка Александра Александровича*. Это непосредственно вытекает из описанного выше прагматического ограничения на образование посессивов.

современном русском языке статус «составных» форм иной. Совпадение первой части рассматриваемых посессивных форм с родительным падежом носит в известном смысле случайный характер и имеет место только в тех случаях, когда первая часть исходного словосочетания представляло собою слово 1-го, «женского» типа склонения. В прочих случаях имеет место совпадение не с родительным, а с именительным падежом: *Сан-Санычев, Лев Иванов* (а не **Льва Иванов*), *Марк Твен* (а не **Марка Твен*); ср. ...*матушки взяли с собой побольше сладостей, конфеток, бутербродов, любимого мать Софьиного* (а не **матери Софьиного*) *томатного сока и поближе к вечеру тихонько забрались к ней в гости* (Майя Кучерская). Заметим, что «составные» посессивные формы образуются лишь от тех сочетаний, которые представляют собою единые наименования и могут восприниматься как единое слово (можно было бы писать *тетя-Маша, Марья-Иванна* или *Марь-Ванна*¹⁰). О том, что сочетания типа *тетя Саша, дядя Петя* являются не аппозитивными словосочетаниями, а едиными наименованиями, свидетельствует, в частности, тот факт, что, в отличие от аппозитивных сочетаний с именем собственным, они не толкуются по типу *das so-und-so Genanntsein* [Шмелев 1989]¹¹. Тем самым рассматриваемые наименования не обладают внутренней структурой, характерной для аппозитивных сочетаний с собственными именами. Соответственно, образованные от них «составные» посессивы могут рассматриваться как однословные, и недаром в проекте свода правил русского правописания предлагается писать их через дефис: «С прописной буквы пишется вторая часть сложных прилагательных типа *дяди-Васин, тётки-Валин, бабы-Дусин*» [Свод 2000: 210]¹².

Единственным исключением из правила, запрещающего зависимые слова при посессивах, является образование посессивов в соответствии с комитативными именными группами: *Алешина с Машей статья о посессивах* (\approx *Машина с Алешей статья о посессивах*). При этом существенно, что посессивная конструкция, восходящая к комитативной именной группе (ее тоже можно назвать комитативной), семантически противопоставлена конструкции, в которой два посессива соединены сочинительным союзом. Комитативная посессивная конструкция в норме указывает на «группового посессора», тогда как конструкции, в которых два посессива соединены сочинительным сою-

¹⁰ Ср. написание *Анна-Ванна* в детском стихотворении Льва Квитко «Анна-Ванна — бригадир», переведенном на русский язык С. Михалковым.

¹¹ *Девочка Аня* — это «девочка, которую зовут Аня», но *баба Шура* — это не «баба которую зовут Шура», а «женщина, которую я называю баба Шура».

¹² А в большинстве изданий стихотворений С. Михалкова про дядю Степу используется слитное написание соответствующего посессива: *дядистепино* *роста*, *дядистепин сын*, *дядистепина жена*.

зом, во всех случаях, когда это возможно, понимаются как возникшие в результате сочинительного сокращения (такое понимание назовем распределенным). Так, сочетание *Алешина с Машей статья о посессивах* указывает на совместную статью, тогда как сочетание *Алешины и Машины дети* означает ‘Алешины дети и Машины дети’, а не ‘общие дети Алеши и Маши’. Если на вопрос: *Какие статьи ты прочел в сборнике?* — будет дан ответ: *Алешину и Машину*, — то ясно, что речь идет о двух статьях, а не об одной совместной. Этим обе посессивные конструкции отличаются от сочетаний с родительным падежом, которые оказываются двусмысленными (*статьи Алеши и Маши* — то ли ‘совместные статьи Алеши и Маши’, то ли ‘статьи Алеши и статьи Маши’; *дети Алеши и Маши* — то ли ‘общие дети Алеши и Маши’, то ли ‘дети Алеши и дети Маши’).

Указание на «группового посессора» может быть сделано посредством двух посессивов, соединенных сочинительными союзами, лишь в тех случаях, когда распределенное понимание конструкции невозможно¹³: *Алешина и Машина встреча* ≈ *Алешина с Машей встреча*; *Алешина и Машина совместная статья* ≈ *Алешина с Машей совместная статья*; *Алешины и Машины общие дети* ≈ *Алешины с Машей общие дети* (аномально было бы **Алешина встреча и Машина встреча*; **Алешины общие дети и Машины общие дети*; **Алешина совместная статья и Машина совместная статья*).

С другой стороны, возможны и случаи, когда распределенное понимание возникает у комитативной посессивной конструкции, если такое понимание навязывается подчиняющим предикатом, напр.: *Машины с Катей представления о будущем не совпадают* (или: *отличаются друг от друга*).

Выбор между родительным падежом и посессивной формой: синтаксические факторы

Мы видели, что на образование и употребление посессивов, образованных от существительных, в современном русском языке накладывается множество ограничений. Поскольку использование для обозначения посессора родительного падежа существительного не наталкивается на эти ограничения, могло бы показаться, что посессивная форма может быть всегда или

¹³ Сочинение двух посессивов при невозможности распределенного понимания конструкции чаще всего имеет место, когда подчиняющее имя восходит к симметричному предикату (напр., *встреча*) или же содержит такие слова, как *общий* или *совместный*. В прочих случаях, когда распределенное понимание невозможно, использование сочинения нежелательно: ²*Алешин и Машин ребенок* (для указания на «группового посессора» лучше сказать *Алешин с Машей ребенок*); ³*Алешина и Машина статья* (для указания на «группового посессора» лучше сказать *Алешина с Машей статья*).

почти всегда заменена на существительное в родительном падеже. Однако это вовсе не так.

В частности, недопустимо употребление родительного падежа в эллиптических, именных группах (с опущенной вершиной), как в приведенном выше примере: *В комнате девочек зеленый стол, а в Николкиной* (не **Николки*) — *белый*. Ср. также: *Так, впрочем, пахло от всех хозяев, но Русланов еще любил душиться одеколоном, который он покупал в офицерском ларьке* (Г. Владимов). В этом примере посессив *Русланов* замещает сочетание *Русланов хозяин*, тогда как вершина синонимичной именной группы *хозяин Руслана* не могла бы быть опущена (невозможно: **но Руслана еще любил душиться одеколоном...*). Причины этого ограничения понятны. Посессивы несут информацию и о характере опущенной вершины (т. е. о ее числе и роде), и о ее синтаксической функции, реализуемой посредством определенного падежа, тогда как родительный падеж не способен передать эту информацию. Ср. приведенный в нашей статье [Копчевская-Тамм, Шмелев 1994] пример из адаптированного для иностранцев издания сказки Льва Толстого «Три медведя», где согласованное определение передает необходимую информацию и делает употребление родительного падежа при опущенной вершине возможным: *Там стояли три кровати: одна большая — Михаила Ивановича, другая средняя — Настасьи Петровны, а третья маленькая — Мишутки*¹⁴.

Использование формы посессива оказывается обязательным в тех случаях, когда замена ее на родительный падеж приводит к синтаксической неоднозначности. Это имеет место, во-первых, когда стержневое слово представляет собою нарицательное существительное и стоит в родительном падеже, а посессив соотносится с собственным именем, а во-вторых, когда стержневое слово уже имеет при себе зависимое слово в родительном падеже. Так, сочетания *Анниной свекрови, Петрова брата* нельзя заменить на сочетания *свекрови Анны, брата Петра*, поскольку эти последние могли бы восприниматься как аппозитивные; невозможна замена посессива на родительный падеж и в таких сочетаниях, как *бабушкиного соседа учителя Циммера* (Паустовский); *дедов образ Богородицы* [Гриншпун 1967]. К числу случаев, когда замена посессива на родительный падеж практически невозможна, относятся также сочетания с главным словом — именем собственным: *Анютин Миша, Петина Оля* (но не ^{??}*Миша Анюты, ??* *Оля Пети*).

В статье [Падучева 1984: 50] (со ссылкой на книгу [Виноградов 1947: 335]) отмечается также, что родительный падеж невозможен в роли сказуемого: *Он Кати*. Действительно, в большинстве случаев использование родительного

¹⁴ В оригинале было: *Там стояли три кровати: одна большая — Михайлы Ивановича, другая средняя — Настасьи Петровны, а третья маленькая — Мишенькина*.

падежа в позиции предиката оказывается аномальным или по меньшей мере сомнительным и для выражения соответствующих значений предпочтительно употребление в этой роли посессива, напр.: *Я не папина, я не мамина, я на улице росла, меня курица снесла* (но не **Я не папы, я не мамы...*); *Чья эта статья?* — *Мамина* (сомнительно: *Чья эта статья?* — [?]*Мамы*); *Это кольцо не бабушкино, а мое* (хуже: [?]*Это кольцо не бабушки, а мое*). Однако следует добавить, что в случаях, когда в силу указанных выше ограничений образование или употребление посессивов затруднено или блокировано, использование родительного падежа в функции сказуемого оказывается возможным и даже предпочтительным, а иногда единственно возможным: ср. *Это кольцо не отца, а мое* (пожалуй, лучше, чем [?]*Это кольцо не отцово, а мое*); *Чья эта статья?* — *Моей мамы* (но не **моей мамина*). Кроме того, здесь могут играть роль и другие факторы, такие, как, напр., синтагматическое давление сочиненных именных групп: ср. правильное *Эта комната не мамина, а моя* при сомнительности [?]*Эта комната не мамина, а нашего жильца*; лучше, хотя стилистически тоже небезупречно, было бы: *Эта комната не мамы, а нашего жильца*.

Точно так же «групповая принадлежность», которая, как уже отмечалось, обозначается посессивными формами лишь в исключительных случаях, блокирует использование посессивов и в функции сказуемого: на вопрос *Чьи это дети?* следует ответить: *Алеши и Маши*, — если речь идет об общих детях, в то время как ответ *Алешины и Машины* предполагает распределенное понимание.

Притяжательные местоимения

Состав класса притяжательных местоимений

Хотя посессивы, образованные от существительных, составляют самую многочисленную группу, ядром класса посессивов в русском языке можно считать притяжательные местоимения. Притяжательные местоимения образуются в русском языке от субстантивных местоимений, которые могут соотноситься с лицами (*я — мой, ты — твой, мы — наш, вы — ваш, кто — чей, никто — ничей* и т. д.). Формы *его, её, их*, употребленные в препозиции к определяемому имени, во многих грамматических описаниях считаются формами родительного падежа местоимений *он, оно, они*. Однако против такой трактовки можно привести целый ряд аргументов; ряд таких аргументов приведен в статье [Падучева 1984]. Так, Е. В. Падучева (ссылаясь на В. В. Виноградова, который, однако, не причисляет формы *его, её, их* к притяжательным местоимениям) отмечает, что, во-первых, препозиция к определяемому имени при нормальном словорасположении и нормальном фразовом ударении не характерна для генитивов, а во-вторых, как уже говорилось, генитивы не

употребляются в роли сказуемого (ср. *Лиза теперь его* vs. **Он Катю*). Она указывает на еще одно отличие форм *его, её, их* от генитивов: формы *его, её, их* в притяжательном употреблении не имеют параллельного варианта *него, неё, них* в положении после предлога: *У моих детей была ветрянка, а у ее — нет* понимается как ‘у ее детей ветрянки не было’ (...а у нее — нет понималось бы как ‘ветрянки не было у нее самой’).

Можно добавить к этим соображениям еще один аргумент (см. [Булыгина, Шмелев 1992]). Притяжательные прилагательные отличаются от падежных форм существительного, среди прочего, тем, что (будучи прилагательными) они не могут иметь при себе зависимых (согласуемых по каким-либо категориям) слов-атрибутов. Смысл, выражаемый словами-атрибутами, согласованными с падежными формами местоимений-существительных, в высказываниях, содержащих притяжательные местоимения-прилагательные, выражается иными средствами. Ср. следующие квазисинонимичные пары предложений:

Тебе одному могла прийти в голову такая мысль → *Только в твою голову (*В твою одного) голову могла прийти такая мысль.*

Что мне (тебе) учить других воспитывать детей, когда у меня самого (у тебя самого) сын не ангел → *...когда (*мой самого, *твой самого) мой собственный (твой собственный) сын не ангел*¹⁵.

Точно так же:

Ему одному (Ей одной) могла прийти в голову такая мысль → *(*В его одного, *В ее одной голову могла прийти такая мысль) → Только в его (её) голову могла прийти такая мысль.*

Что ему (ей, им) учить других воспитывать детей, когда у него самого (у неё самой, у них самих) сын не ангел → *...когда (*его самого, *её самой, *их самих) его (ее, их) собственный сын не ангел.*

Соображения такого рода заставляют заключить, что, несмотря на формальное и генетическое тождество, формы *его, её, их* в разных типах употребления характеризуются разными синтаксическими свойствами. Поэтому следует согласиться с Е. В. Падучевой, что для расщепления каждой из этих форм на два омонима есть объективные основания. Незначительное усложнение морфологического описания позволяет существенно упростить формулировку синтаксических правил: поведение «генитивных» форм *его, её, их* оказывается полностью аналогичным поведению форм родительного падежа *меня, тебя,*

¹⁵ Замечу, что целый ряд языковых свойств слова *собственный* в употреблении такого рода позволяет считать его посессивом, образованным от местоимения *сам*, и лишь непривычность такой трактовки не позволяет мне на ней настаивать.

нас, вас, кого и т. д., а поведение несклоняемых притяжательных местоимений *его, её, их* — подобно поведению местоимений *мой, твой, наш, ваш, чей* и т. д.

В число русских притяжательных местоимений принято включать и местоимение *свой*, образованное от возвратного местоимений *себя*. Местоимение *свой* в своем основном употреблении указывает на принадлежность лицу (объекту), обозначенному подлежащим. Кроме того, *свой* имеет производные значения ('собственный', 'свой особый', 'особый', 'надлежащий' и др.). Употребление в именительном падеже по понятным причинам возможно лишь для производных значений местоимения *свой* [Падучева 1983: 78—80], которое тем самым может быть разделено на две лексемы: собственно притяжательное *свой*₁ и «переносное» *свой*₂, при этом *свой*₁ характеризуется дефектной парадигмой — отсутствием именительного падежа.

Выбор между «обычным» притяжательным местоимением и возвратным местоимением *свой*₁ во многих случаях зависит от целого ряда нетривиальных факторов. Так, в высказывании *Даже в такой ситуации я бы не мог ударить мою жену* в наиболее естественном прочтении именная группа *мою жену* соотносится с референтом, фиксированным в реальной действительности, и понимается *de re* (женщина, реально являющаяся женой говорящего); а в высказывании *Даже в такой ситуации я бы не мог ударить свою жену* естественно понимать именную группу *свою жену de dicto*, и тем самым она может характеризоваться дистрибутивной референцией (различные референты в возможных мирах). Иными словами, первое высказывание можно понимать как 'Моя жена такова, что я не мог бы ее ударить', а второе — 'Я таков, что не мог бы ударить свою жену'. Первое высказывание в естественном прочтении может быть произнесено только женатым человеком, тогда как для второго высказывания это вовсе не обязательно. Таким образом, формулируя правила рефлексивизации в русском языке, необходимо учитывать довольно изощренные референциальные противопоставления [Шмелев 1988: 77].

Синтаксические особенности употребления притяжательных местоимений

Свойства притяжательных местоимений в русском языке во многих отношениях аналогичны свойствам посессивных форм, образованных от существительных.

Так, подобно посессивным формам, образованным от существительных, они предполагают определенность посессора, что, впрочем, не должно рассматриваться как референциальное «ограничение», поскольку и личные местоимения (равно как и возвратное местоимение *себя*), с которыми они соотносятся, характеризуются ингерентной определенной референцией. Разумеется,

для притяжательных местоимений (как и для личных местоимений и для возвратного местоимения *себя*) возможны отклонения от «канонической» определенности. В частности, может иметь место дистрибутивная определенность в том понимании, которое было предложено в работе [Шмелев 1984: 7], — ср. дистрибутивную определенность референта местоимения *своего* (равно как и всей именной группы *своего отца*) в высказывании *Каждый человек должен почитать своего отца*. Возможны и «расплывчатая» определенность притяжательного местоимения (ср. референцию местоимения *наш* в словосочетании *наш человек*), и употребление притяжательного местоимения в «индивидуально-качественном значении» (ср. *Черты у нее папины, а улыбка твоя*). Однако при всех отклонениях определенность посессора сохраняется.

Синтаксическое поведение притяжательных местоимений внешне также похоже на свойства посессивных форм, образованных от существительных: они не могут иметь при себе зависимые слова, что опять-таки вполне естественно, поскольку, как известно, присоединение зависимых слов к личным местоимениям также затруднено. Здесь также нет необходимости вводить специальное синтаксическое «ограничение», запрещающее образование посессива от именных групп с вершиной — личным местоимением.

Единственный тип конструкций с зависимыми словами при притяжательных местоимениях — это конструкции, внешне напоминающие комитативные конструкции с посессивными формами, образованными от существительных: *наша с тобой статья* (как *Машина с Алешей статья*). Однако в данном пункте полной аналогии нет.

Тривиальное отличие состоит в том, что в рассмотренных выше комитативных посессивных конструкциях каждый из двух компонентов указывает на отдельное лицо: в конструкции *Алешина с Машей статья* форма *Алешина* указывает на Алешу, а форма *Машей* — на Машу. Напротив того, в аналогичной конструкции с притяжательным местоимением (ее можно назвать квазикомитативной) первый компонент указывает на «группового посессора»: в конструкции *наша с тобой статья* речь идет о статье, написанной двумя соавторами и форма *наша* обозначает и того, и другого. В этом вообще-то нет ничего удивительного: в местоименных конструкциях, с которыми соотносятся конструкции рассматриваемого типа, имеет место тот же эффект (сочетание *мы с тобой* указывает на двух человек, причем первый компонент — *мы* — обозначает и того, и другого¹⁶). Однако квазикомитативные

¹⁶ В статье [Boguslavsky, Iomdin 1992: 212—213] показано, что трактовка, согласно которой первый компонент такой конструкции указывает на одно лицо (т. е. *мы* в сочетании *мы с тобой* означает ‘я’, и тем самым *мы с тобой* — это просто ‘я и ты’), не позволяет удовлетворительно объяснить функционирование этих конструкций в русском языке.

конструкции с притяжательным местоимением обладают определенными свойствами, отличающими их от комитативных посессивных конструкций. Главное из них заключается в том, что они гораздо охотнее употребляются в словосочетаниях, предполагающих распределенное понимание. Такое употребление возможно для них во всех случаях, когда оно возможно для комитативной посессивной конструкции, напр.: *Наши с ним пути разошлись*; *Их с Катей представления о будущем не совпадают* (ср.: *Алешины с Петей пути разошлись*; *Машины с Катей представления о будущем не совпадают*). Но кроме того, обнаруживается множество употреблений с распределенным пониманием квазикомитативной конструкции с притяжательным местоимением, таких что аналогичные употребления с комитативной посессивной конструкцией невозможны или сомнительны. Ср.: *наши с ним жены* (сомнительно *Алешины с Петей жены*); *их с Машей дети* (речь может идти о его детях и Машиных детях, тогда как сочетание *Алешины с Машей дети*, как уже говорилось, предполагало бы общих детей Алеши и Маши). Ср. пример из Национального корпуса русского языка: *Виной тому, правда, и наши с мужем взрывные характеры* (сомнительно было бы: *Светины с мужем взрывные характеры*).

Необходимо добавить, что возможны и конструкции с притяжательным местоимением, в которых притяжательное местоимение указывает на одно лицо, а подчиненная группа $s + N_{instr}$ — на другое, напр. *моя с Машей встреча*, *мое с Петей сходство*. Однако ряд соображений побуждает усматривать здесь независимую реализацию двух валентностей номинализованного симметричного предиката, т. е. считать, что *моя с Машей встреча* \approx *моя встреча с Машей*, *мое с Петей сходство* \approx *мое сходство с Петей* — с точностью до порядка слов и коммуникативной перспективы. Действительно, нельзя сказать **Я с ним встретились*, а только *Я с ним встретился*; тем самым очевидно, что мы имеем дело не с единым комитативным субъектом, а с единичным субъектом и вторым участником ситуации, обозначенным посредством N_{instr} .

В силу всего сказанного оказывается, что конструкции *наша с Петей встреча* и *моя с Петей встреча* могут соотноситься с одной и той же ситуацией (когда встретились два человека: 'я' и Петя), но синтаксически различны. В первом случае мы имеем дело с квазикомитативной конструкцией, в которой первый член указывает сразу на обоих участников ситуации, а второй — уточняет, кто был вторым участником (поскольку первый определяется однозначно); во втором случае каждый из участников ситуации обозначен отдельно (имеет место независимая реализация двух валентностей номинализованного симметричного предиката). Напротив того, конструкции *Петина со мной встреча* и *Петина с нами встреча* синтаксически однотипны — каждый из участников ситуации обозначен отдельно (и предпочтителен порядок слов, при котором это еще более очевидно: *Петина встреча со мной*;

Петина встреча с нами); однако соотносятся они с разными ситуациями: в первом случае встретились два человека (Петя и 'я'), во втором — Петя встретился сразу с несколькими людьми (с 'нами').

Литература

- Булыгина, Шмелев 1992 — *Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев*. Семантические и морфологические особенности местоимений: структура парадигм // *Linguistique et slavistique. Mélanges offerts à Paul Garde*. Paris, 1992. С. 425—449.
- Виноградов 1947 — *В. В. Виноградов*. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Гриншпун 1967 — *Б. М. Гриншпун*. Притяжательные прилагательные с суффиксами *-ин, -ов* в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Зализняк 1995 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Копчевская-Тамм, Шмелев 1994 — *М. Копчевская-Тамм, А. Д. Шмелев*. *Алешина с Машей статья* (о некоторых свойствах русских «притяжательных прилагательных») // *Scando-Slavica*. 1994. Т. 40. С. 209—228.
- Падучева 1983 — *Е. В. Падучева*. Местоимение «свой» и его непритяжательные значения // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. М., 1983. С. 78—80.
- Падучева 1984 — *Е. В. Падучева*. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984. С. 50—66.
- Рахилина 1996 — *Е. В. Рахилина*. Поссесивность и вопрос // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 118—129.
- Свод 2000 — Свод правил русского правописания: Орфография. Пунктуация: Проект. М., 2000.
- Трубецкой 1987 — *Н. С. Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Чинчлей 1996 — *К. Г. Чинчлей*. Поле поссесивности и поссесивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 100—118.
- Шмелев 1984 — *А. Д. Шмелев*. Определенность — неопределенность в названиях лиц в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Шмелев 1988 — *А. Д. Шмелев*. Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 64—82.
- Шмелев 1989 — *А. Д. Шмелев*. Пробный камень теории референции // Вопросы кибернетики: Семиотические исследования. М., 1989. С. 49—80.
- Boguslavsky, Iomdin 1992 — *I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin*. Asymmetry of symmetric predicates, or Who made whose acquaintance // *Le mot, les mots, les bons mots. Hommage à I. Melčuk*. Montréal, 1992. P. 201—214.

ИНТОНАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ НЕЗАВЕРШЕННОГО ТЕКСТА

Т. Е. Янко

В работе [Падучева 1989: 18] «Предлагаются правила, которые описывают сочетаемость тоновых групп в составе допустимых интонационных контуров предложений и, тем самым, порождают интонационные контуры предложений произвольной длины и синтаксической сложности». В данной работе мы надеемся продвинуться по пути, проложенному Е. В. Падучевой, и предложить новые правила, которые отражают сочетаемость локальных, т. е. ограниченных масштабами предложения, коммуникативных смыслов, таких как тема и рема, с дискурсивными показателями незавершенности текста и позволяют вычислять тональные средства выражения этих смыслов и их композиций (скажем, сочетания значений ‘рема’ плюс ‘незавершенность’), а также находить по заданной лексико-синтаксической структуре предложения слова-носители соответствующих тональных пиков.

Введение

Пример композиции коммуникативных значений представлен в предложении разговорной речи *Я тогда пиджак снял...*, где, в соответствии с нашей гипотезой, которая обсуждается ниже, падение тона на дополнении *пиджак* служит показателем ремы, а подъем на глаголе — показателем того, что текст еще не кончился. В этом предложении мы наблюдаем характерное для русского языка раздельное — аналитическое — выражение локальных и дискурсивных значений, когда у ремы и текстовой незавершенности разные акцентоносители.

В русском и в других языках распространен и другой тип выражения дискурсивной незавершенности, когда простое предложение в составе сложного концептуализуется как тема. Исходя из тех отношений, которые существуют между темой и ремой, тема включает в себе ожидание ремы, т. е. тоже представляет собой род незавершенности. Так, предложение с лексико-синтаксической структурой, приведенной выше, в роли темы может быть реали-

зовано с подъемом на словоформе *пиджак*: *Я тогда снял пиджак*↗... Дискурсивной незавершенности в чистом виде здесь нет, но есть близкое к незавершенности значение темы, которое в составе сложного или простого, но распространенного предложения, включающего однородные группы, может служить для моделирования структуры, подобной связному нарративу: *Я тогда снял пиджак*↗, *поскорее побежал на почту*↗, *дал жене телеграмму о снижении цен на фрукты*↗, *потому что личный покой прежде*↘ *всего*. В этом предложении как минимум три темы. Рема последнего предложения служит заключительной ремой всего фрагмента. При этом в последнем предложении *потому что личный покой прежде всего* может выделяться и его внутренняя (четвертая в составе этого сложного предложения) тема *личный покой* с акцентоносителем *личный*: *потому что личный*↗ *покой прежде*↘ *всего*. Словоформа *личный* служит здесь акцентоносителем темы, потому что отражает противопоставление личных интересов говорящего интересам других людей.

В нарративе такие сложные предложения-тексты даже могут быть не завершены ремами, потому что говорящий, не закончив повествования, переключается на другой сюжет. В таком случае незаконченным остается не только повествование, но и не завершённый ремой речевой акт, ср. фрагмент из речи ребенка о том, какой он видел сон: *Она бежала*↗, *ударилась*↗ *обо что-то*, *потом упала*↗, *из носа текла кровь*↗, *я подошел*↗, *испугался*↗...О базе данных устных отчетов детей об их сновидениях, из которой почерпнуты многие приводимые здесь примеры, см. [Кибрик, Подлесская 2003].

Этот последний тип незавершенности, при котором отсутствует различие между темой и незавершенностью и граница между предложением и текстом, соответственно, стирается, мы называем синтетическим, потому что категории предложения и текста имеют здесь единый акцентоноситель. Именно этот тип поддержания незавершенности текста мы наблюдаем в большинстве западноевропейских языков.

Единицы, подобные падениям и подъемам в приведенных выше примерах, мы рассматриваем как основные единицы интонации. Это двусторонние единицы, для которых релевантен ряд признаков, таких как способность быть носителем некоторого значения, фиксация на словоформе-акцентоносителе, которая выбирается согласно определенным правилам, тонально-темпоральные характеристики, такие как движение тона на ударном слоге акцентоносителя и заударных слогах, если они есть, растяжки, аллегро и др. признаки. Эти единицы мы называем акцентами. Они близки интонационным конструкциям Е. А. Брызгуновой [Русская грамматика 1982: 97—101]. Акценты складываются в интонационные контуры предложений. Акценты мы считаем элементами интонационной фонологии. Это неатомарные единицы, они

представимы в виде структур своих элементов с учетом специфики наложения на несущий сегментный материал.

Рассмотренные выше два типа выражения текстовой незавершенности, аналитический и синтетический, могут дополнительно осложняться значениями контраста, эмфазы и верификации, что меняет выбор акцентоносителей по сравнению с предложениями в отсутствие этих значений¹. Так, в незавершенном предложении с контрастом *⟨Он не привязан,⟩ а **прибит** ↘ **звездами** ↗...* выбор акцентоносителей не такой, как если бы контраста *привязан vs прибит* не было. Тогда распределение акцентов было бы *Он звездами ↘ **прибит** ↗...*, т. е. в соответствии с моделью, представленной в примере *Я тогда пиджак ↘ снял ↗...*

Далее. Дополнительные дискурсивные значения, соединяющиеся с незавершенностью, могут привноситься в предложение и с помощью разнообразия восходящих акцентов, которых в русском языке более одного. Поясним это положение. Выше, говоря о подъеме тона, мы приводили примеры с типичным (наименее семантически нагруженным) русским подъемом тона типа ИК-3 (по Брызгуновой), при котором на ударном слоге словоформы-акцентоносителя фиксируется подъем, а на заударных, если они есть, падение (заударная редукция). Между тем, если на акцентоносителе фиксируется подъем с относительно ровными и растянутыми заударными по типу ИК-6, предложение включается в контекст мечтательного воспоминания *Я тогда пиджак ↗ сня-ял, телеви-изорг ↗ включил...* Подъем же на заударных по типу ИК-4, которому предшествует падение (или ровный низкий тон) на ударном слоге, или, в отсутствие заударных, нисходяще-восходящий тон на ударном слоге акцентоносителя, привносит в повествование семантику педантичного рас-

¹ Определения модифицирующих коммуникативных значений — контраста, эмфазы и верификации — см. в нашей работе [Янко 2001: 47, 65], а здесь поясним, что контраст традиционно связывается с выбором из некоего заранее известного говорящему и слушающему множества и соотносением текущего высказывания с некоторым известным мнением, предположением или ожиданием, а эмфаза — с нарушением норм жизни и выражением говорящим сильных чувств по поводу ненормативных явлений. Для контраста и эмфазы в нашем понимании существенно, что эти значения последовательно соединяются с коммуникативными значениями, формирующими компоненты предложений, — темами, ремами, компонентами вопросов и императивов — с образованием контрастных и эмфатических тем, рем, контрастных и эмфатических компонентов вопросов и императивов. В предложении могут быть контрастная тема и простая рема, простая тема и контрастная рема или тема и рема контрастные. Своей первичной иллокутивной силы сообщения, вопросы и императивы от композиций с контрастом, эмфазой и верификацией не теряют. Так, в предложении *Его новая книга нравится мне больше предыдущей* контрастная тема *новая*, а в предложении *У тебя уже есть сын?!* эмфатический вопросительный компонент *сын*.

сказа «по порядку», когда говорящий заранее очерчивает для себя множество событий или объектов, о которых он собирается говорить, и выстраивает их в цепочку, т. е. задает на этом множестве отношение линейного порядка: *Я тогда снял пиджак*↘↗, *включил телевизор*↘↗...

Семантику, привносимую типом восходящего акцента, и ее возможную сочетаемость с двумя выделенными выше стратегиями — аналитической и синтетической — мы в данной работе оставим в стороне. Заметим только, что в русском языке основным немаркированным акцентом темы и незавершенности служит акцент типа ИК-3 (по Брызгуновой) с падением на заударных, если они есть. В других же языках, например в немецком и в польском, немаркированным способом выражения текстовой незавершенности служит акцент типа русского ИК-4 с подъемом на заударных или конечной части ударного слога, если заударных нет. При этом никакой особой семантики рассказа «по порядку», как при русском ИК-4, здесь не возникает. Для немецкой же темы характерен акцент типа русского ИК-3, а в польском тема может характеризоваться как акцентом типа ИК-3, так и акцентом типа ИК-4. Эти сведения мы приводим здесь для того, чтобы лишний раз показать, что тип акцента привносит в предложение особую семантику, что в разных языках эта семантика различна и что в качестве немаркированного типа указания на тему и незавершенность в языках могут использоваться разные акценты.

Цель данной работы — выделить стратегии указания на незавершенность в русском языке, в частности, в композиции с контрастом и эмфазой, определить набор и линейную последовательность акцентоносителей в предложении, а также показать, что выделенные здесь стратегии и их комбинации с контрастом и эмфазой — разные.

В разделе 1 рассматривается стратегия манифестации незавершенности, при которой маркером незавершенности служит сказуемое, как в предложении *Я тогда пиджак*↘ *снял*↗... В разделе 2 рассматривается стратегия незавершенности, при которой начальные предложения в составе сложного (или распространенного предложения с однородными членами) оформлены как темы, как в рассмотренном выше примере *Она бежала*↗, *ударилась*↗ *обо что-то, потом упала*↗, *из носа текла кровь*↗, *я подошел*↗, *испугался*↗... В разделе 3 рассматриваются стратегии незавершенности, осложненной контрастом и эмфазой (раздел 3.1), а также верификацией (раздел 3.2).

1. Конечное сказуемое как показатель незавершенности

В данном разделе мы обратимся к стратегии, проиллюстрированной во Введении при постановке задачи предложением *Я тогда пиджак*↘ *снял*↗... Рассмотрим эту стратегию более детально и в контексте большего числа

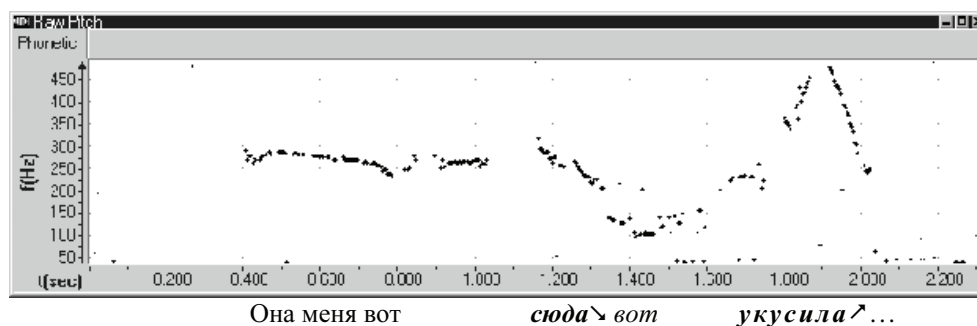
примеров. Обратимся к фрагменту из рассказа маленького мальчика о том, какой он видел сон.

- (1) *Стоял я с тетей Наташей возле двери, а мышь вот эта вот была в подвале. Да, около подвала, ну вот. Она на меня как поползла, я ее ногой хотел убить, а потом, — это — рукой прихлопнуть. Она меня вот сюда вот укусила, мне тетя чё-то сказала: ...Укус это... чё-то там надо... чё-то... уколы делать.*

Рассмотрим предложение (1а) — фрагмент текста (1) — и соответствующую ему Тонограмму 1.

- (1а) *Она меня вот сюда↘ вот укусила↗...*

Тонограмма 1

Тонограмма показывает, что в этом предложении два тональных пика: падение типа ИК-1 на *сюда* и подъем на *укусила*. Мы можем видеть существенное повышение частоты на ударном слоге *-си-* глагола *укусила*. Заударный слог *-ла* характеризуется заударным падением с большим перепадом частоты. Это типичный пример акцента типа ИК-3. Оба акцента — на *сюда* и на *укусила* — явно вычленимы с перцептивной точки зрения, и их графики обнаруживают существенные перепады частоты основного тона. Возникают два вопроса: что обозначают эти акценты и почему каждый из них фиксируется на этих, а не на других словоформах?

Акценты, совершающиеся в больших диапазонах частот, заставляют предположить возможный контраст. Однако, как кажется, когда мальчик говорит, что мышь укусила его «вот сюда», т. е. в руку, это не значит, что он хочет подчеркнуть, что мышь укусила его в руку, а не в какое-нибудь другое место. В данном предложении мы не видим никаких необходимых для контраста противопоставлений, ни эксплицитных, ни подразумеваемых. Для того чтобы это продемонстрировать, мы приводим анализируемое предложение не изолированно, а в контексте (1). Мальчик просто сообщает о том, куда укуси-

ла его мышь. Если перед нами просто сообщение, возникает гипотеза о том, что словоформа *сюда* — это акцентоноситель сообщаемой части предложения, или ремы: акцентоноситель ремы выбран здесь в полном соответствии с правилами выбора акцентоносителей в ремах с синтаксической структурой глагольной группы VP (эти правила см. в наших работах [Янко 1991; 2001: 190]). Акцент на словоформе *сюда* — как и должно быть у ремы — нисходящий. Итак, предположительно, перед нами рема, и словоформа *сюда* — ее акцентоноситель. Дополнительным аргументом в пользу этого решения может служить сравнение предложения (1a) с предложением (1b), у которого та же лексико-синтаксическая структура, что и у (1a), но акцентоноситель ремы расположен в конце предложения, т. е. в «дефолтной», немаркированной, позиции.

(1b) *Она укусила меня вот сюда*↘.

Мы видим, что акценты (падение тона) и акцентоносители падения в предложениях (1a) и (1b) совпадают.

Обратимся теперь к глаголу *укусила* в примере (1a). Почему носителем восходящего акцента ИК-3 здесь служит глагол и что обозначает восходящий тон? Акцент на глаголе позволяет предположить верификацию в терминах П. Адамца [Адамец 1978: 101—103]: когда заранее известно, в чем именно состоит положение дел, но неизвестно, имело это положение дел место или не имело, то, когда это положение дел наконец наступает, говорят *таки укусила, уже укусила* или просто интенсивное *укусила*. Другой пример: когда мы говорим *Вот Вася пришел, и мы все пошли гулять*, это значит, что приход Васи ожидался и когда он наконец наступил, мы пошли гулять. Здесь перед нами верификативная тема. Однако что касается предложения (1a), о каком бы то ни было событии, которое ожидалось бы или о котором говорилось бы в предположительном смысле, ни в тексте, ни в экстралингвистическом контексте речи нет. Кроме того, если мы имеем дело с верификацией, то акцент на глаголе единственный, а в предложении (1a) два акцента: на *сюда* и на *укусила*. Значит, акцент на *укусила* не обозначает верификации.

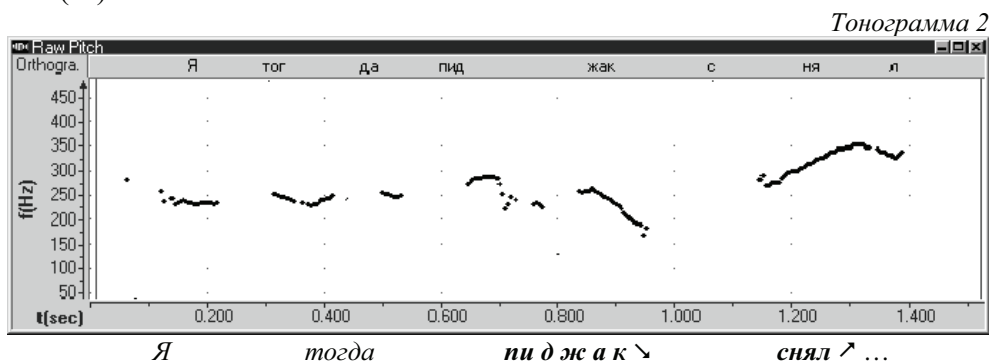
Далее. Верификация — это частный случай контраста: выбор между «да» и «нет», «истиной» и «ложью». Предположим, что здесь перед нами не верификация, а простой контраст типа *укусила, (а не поцеловала)*. Однако контекст говорит о том, что такого значения здесь тоже нет. Таким образом, апелляция к понятию контраста не объясняет распределения акцентов в предложении (1a).

Обратимся к более широкому языковому материалу. Рассмотрим примеры с той же коммуникативной и линейно-акцентной структурой, что и в предложении (1a). Прежде всего нашим требованиям отвечает пример *Я тогда пиджак снял*↗..., к которому мы обращались во Введении:

- (2) (а) Я тогда **пиджак**↘ **снял**↗, (б) на **почту**↘ **поскорее побежал**↗,
 (с) жене телеграмму о снижении цен на **фрукты**↘ **дал**↗. ⟨Потому что личный покой прежде всего.⟩

Предложения (2а), (2б) и (2с) демонстрируют ту же коммуникативную и интонационную структуру, что и предложение (1а). Например, на тонограмме 2 предложения (2а) можно наблюдать подъем на *снял* в конце предложения и падение на *пиджак*.

- (2а) Я тогда пиджак ↘ снял ↗ ...

Заметим, что для получения тонограммы предложение (2а) было прочитано в лабораторных условиях информантами автора. Это отличает данный опыт от условий записи примера (1), взятого из спонтанной речи. Однако наши наблюдения говорят о том, что для анализа языковых (в противовес речевым) явлений одних только данных *in vivo* недостаточно. Без работы с лабораторными примерами *in vitro* интерпретация языковых явлений невозможна.

Если сравнить предложения (2) с их коррелятами (2.1) типа «тема/рема» с ремой в конце предложения, нетрудно заметить, что носители нисходящего акцента и в других предложениях примера (2) совпадают с акцентоносителями ремы в предложениях (2.1):

- (2.1) (а) Я тогда снял **пиджак**↘; (б) Я побежал на **почту**↘; (с) Я дал жене телеграмму о снижении цен на **фрукты**↘.

Вернемся к предложениям (2). Что касается восходящего тона в предложениях (2), то он фиксируется опять же на глаголе, как и в (1а). Итак, наша гипотеза в отношении предложений (1а) и (2) состоит в том, что ударность глагола указывает на то, что текст еще не кончился, т. е. функция подъема на глаголе не локальная, а дискурсивная. Ударность глагола направлена на связь с текстом. Поэтому предложение (1а) следует сравнить с его минимальной

парой — предложением (1с), в котором никакого указания на то, что продолжение следует, нет:

(1с) *Она меня вот сюда* ↘ *укусила*.

Глагол здесь, как и следовало ожидать, «безударен»².

Сделаем здесь терминологическое уточнение, которое касается положения о глаголе как показателе незавершенности при использовании анализируемой здесь стратегии. Более точно здесь было бы говорить об акцентировании не глагола, а сказуемого, ср. пример (2.2) с нефинитным сказуемым в роли акцентоносителя незавершенности:

(2.2) *У меня пиджак* ↘ *снят* ↗, *воротник* ↘ *растянут* ↗, *телеграмма жене* ↘ *дана* ↗...

Однако выше, говоря о незавершенности типа *пиджак* ↘ *снят* ↗, мы пользовались термином «глагол», так как глагол — это прототипическое сказуемое и статистически большинство восходящих акцентов незавершенности при использовании рассматриваемой здесь стратегии приходится именно на финитную форму глагола. Между тем финитный глагол, в свою очередь, служит акцентоносителем верификации, и при ударности глагола приходится выяснять, что перед нами: незавершенность или верификация? Это объясняет то, что при сравнительной «диагностике» незавершенности и верификации мы пользовались термином «глагол», хотя в применении к незавершенности более точно было бы использовать термин «сказуемое».

Итак, анализируемая линейно-акцентная стратегия характеризуется падением на акцентоносителе ремы и подъемом на сказуемом. Падение в линейной цепочке коммуникативно релевантных акцентов предшествует подъему. Стратегия поддержания связности текста со сказуемым в роли маркера незавершенности используется, когда говорящий хочет выразить, что каждое событие в цепи передаваемых событий мыслится как отдельное и что описание этого события «продвигает» повествование вперед. Это особая стратегия русского языка, при которой для ремы и незавершенности предусмотрены отдельные акцентоносители. Такой тип выражения незавершенности мы называем аналитическим. Он встречается не во всех языках.

2. Множественные темы

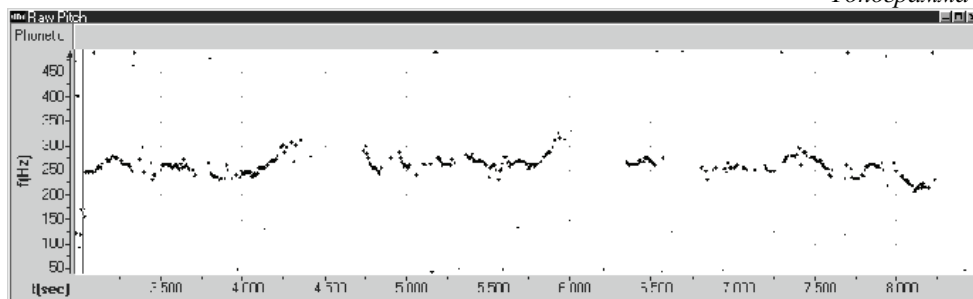
Обратимся к другой стратегии поддержания связности текста. Эту стратегию иллюстрирует пример (3), который тоже взят из рассказа ребенка. Эта

² «Безударность» здесь понимается в смысле отсутствия коммуникативно релевантных акцентов.

стратегия основана на принципе множественных тем: неконечные предложения фрагмента, реализующего эту стратегию, играют роль тем, конечное предложение — рема. Выбор акцентоносителя при такой стратегии следует правилам выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей с синтаксической структурой целого предложения S.

- (3) *За мной бегала **баба-яга**↗, я от нее **бегу**↗, <и думаю, куда же мне **побежать**↘>.*

Тонограмма 3

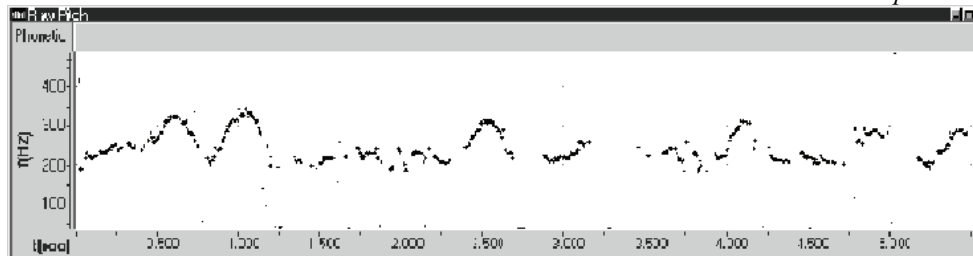
*За мной бегала **баба-яга**↗, я от нее **бегу**↗, и думаю, куда же мне **побежать**↘.*

Тонограмма 3 демонстрирует два явных подъема на акцентоносителях *баба Яга* и *бегу*. Это акцент типа ИК-3 в отсутствие заударных слогов.

При такой стратегии события могут пониматься как одновременные или как последовательные, но никакой внутренней законченности каждому из этих событий в отдельности не приписывается. Скорее они рассматриваются как сюжетный фон для какого-то более важного события. Приведем также тонограмму примера, к которому мы уже обращались во Введении. Здесь этот пример приводится под номером (4). Это тоже фрагмент из реальной речи.

- (4) *Она **бежала**↗, **ударилась**↗ обо что-то, потом **упала**↗, из носа текла **кровь**↗, я **подошел**↗, **испугался**↗...*

Тонограмма 4

*Она **бежала**↗, **ударилась**↗ обо что-то, потом **упала**↗, из носа текла **кровь**↗, я **подошел**↗, **испугался**↗...*

Тонограмма 4 ясно показывает, что на словоформах *бежала, ударилась, упала, кровь, подошел* и *испугался* фиксируется акцент типа ИК-3. Акцентоносители выбраны в полном соответствии с правилами выбора акцентоносителей, имеющих синтаксическую структуру целого предложения S, и с учетом фактора активации (правила см. в [Янко 1991; 2001: 190]).

Покажем теперь, что стратегия множественных тем применима и к лексико-синтаксической структуре (2) о пиджаке. Для удобства сравнения повторим здесь пример (2) под номером (2.3). Вслед за ним приведем пример (2.4), в котором тот же сюжет изложен с использованием стратегии множественных тем, которая рассматривается в данном подразделе:

- (2.3)(а) *Я тогда пиджак\ снял*, (б) *на почту\ поскорее побежал*,
 (с) *жене телеграмму о снижении цен на фрукты\ дал*. *(Потому что личный покой прежде всего.)*
- (2.4)(а) *Я тогда снял пиджак*, (б) *поскорее побежал на почту*, (с) *дал жене телеграмму о снижении цен на фрукты*, *(потому что личный покой для меня всегда прежде всего.)*

Примеры (2.3) и (2.4) демонстрируют разные способы «упаковки» одной и той же информации. Указание на то, что текст еще не кончился, есть и в (2.3) и в (2.4). Это говорит о том, что одни и те же события могут излагаться разными способами в зависимости от коммуникативных стратегий говорящего. Эти стратегии затрагивают не только коммуникативную и соответствующую ей линейно-акцентную структуру предложения. Они также имеют выход в текст, указывая на то, что продолжение повествования следует.

3. Незавершенность в контексте контраста, эмфазы и верификации

В данном разделе рассматривается незавершенность, у которой, как и у стратегий, рассмотренных в разделах 1 и 2, основным средством выражения служит акцент типа ИК-3, но где выбор акцентоносителей не укладывается в картину, представленную в разделах 1 и 2. Основная задача данного раздела — проанализировать типы незавершенности, не совпадающие с рассмотренными выше, и выяснить, в чем различия.

3.1. Незавершенность в контексте контрастной и эмфатической ремы

Как было показано в разделе 1, выражением одной из стратегий незавершенности служит восходящий акцент типа ИК-3 на сказуемом плюс предшествующий нисходящий акцент типа ИК-1 на акцентоносителе ремы (если ак-

центноноситель ремы не глагол³), ср. примеры (1а) и (2). Между тем в речи мы сталкиваемся с примерами незавершенности, в которых тоже имеется последовательность акцентов ИК-1—ИК-3 (или ИК-2—ИК-3⁴), однако с иным, чем в примерах (1а) и (2), выбором носителей соответствующих акцентов. Рассмотрим группу примеров (5)—(9) из базы отчетов детей об их сновидениях.

- (5) *Не сходилa* \ так в туалет \ ...
 (6) *Он не привязан, а прибит* \ гвоздями \ ...
 (7) *Это была третья* \ часть моего сна \ ...
 (8) *Там я ходил еще* \ по какому-то лабиринту \ ...
 (9) *Не хотелось* \ мне этого делать \ ...

Можно заметить, что в примерах (5)—(9) представлены разнообразные ситуации, связанные с контрастом. Так, в примере (5) говорящий корректирует ожидания слушающего, который должен был бы предположить, что говорящий реализовал свое намерение. Это намерение, между тем, осталось неосуществленным, рассказчица подчеркивает: *так и не сходилa*... В примере (6) контраст выражен эксплицитно: *не привязан, а прибит*... В примере (7) контекст подсказывает, что третьей части сна предшествовали первая и вторая и что говорящий фиксирует внимание слушающего на переходе именно к третьей части. В примере (8) фигурирует слово *еще* в его контрастном употреблении. Оно здесь обозначает, что говорящий раньше уже ходил по лабиринту и в точке отсчета ему приходится снова ходить по лабиринту, об этом значении *еще*, требующем интонационного акцентирования *еще* см. [Николаева 1985: 69, 122]. За всеми этими ситуациями стоит некоторое сопоставление либо противопоставление объектов или ситуаций, т. е. примеры (5)—(8) содержат в себе лингвистические или экстралингвистические контексты контраста. И наконец, в примере (9) мы наблюдаем не контраст, а скорее эмфатическое выделение, связанное с выражением чувств говорящего, никак не желающего делать то, к чему вынуждают его обстоятельства: *Ну не хотелось*... Эмфаза, как и контраст, требует особого акцентного выделения. Об интонировании контраста и эмфазы см. [Янко 2001: 95, 119—121].

³ Если акцентноноситель ремы — глагол, на него приходится сразу две роли — быть акцентноносителем ремы и незавершенности одновременно. В таком случае на глаголе фиксируется композиция нисходящего («рематического») и восходящего (показателя дискурсивной связности) акцентов. Она реализуется в виде ИК-4, однако, как кажется, этот акцент можно трактовать и как последовательность ИК-1+ИК-3, которая фиксируется на едином акцентоносителе: *Я его тогда снял* \ ...

⁴ С некоторой долей упрощения действительного положения дел будем считать, что ИК-2 — это «интенсивный» и совершающийся с бóльшим, чем при ИК-1, падением частот вариант ИК-1. Более подробно о корреляции ИК-1/ИК-2 см. [Янко 2001: 92—97].

Таким образом, наше предположение состоит в том, что русский язык располагает средствами для композиционного выражения в одном предложении сразу трех коммуникативных значений: ремы (собственно иллокутивного значения), контраста и дискурсивной незавершенности. Акценты и акцентоносители в таком случае выбираются в соответствии со следующими принципами. Контраст и рема выражаются синкретично. В контрастной реме акцентоноситель выбирается по правилам выбора акцентоносителя в контрастной коммуникативной составляющей (см. [Янко 2001: 73])⁵. Он несет нисходящий акцент (ИК-1 или ИК-2), потому что маркирует рему, а то, что эта рема контрастная, выражается повышенной интенсивностью и увеличенным диапазоном частот. Акцентоноситель контрастной ремы располагается в цепочке релевантных акцентов на первом месте. Акцентоноситель же, связанный с выражением незавершенности, выбирается по правилам выбора акцентоносителя в ситуации, как если бы контраста в предложении не было, т. е. как это было бы в семантически наименее нагруженной — «дефолтной» — ситуации. Ср. (5а)—(9а), которые служат коррелятами (5)—(9) соответственно в отсутствие контраста и в отсутствие незавершенности.

(5а) *Я не сходила в туалет*↘.

(6а) *Он прибит гвоздями*↘.

(7а) *Это была третья часть моего сна*↘.

(8а) *Там я ходил по какому-то лабиринту*↘.

(9а) *Мне не хотелось этого делать*↘.

Мы видим, что акцентоносители незавершенности в (5)—(9) совпадают с «дефолтными» акцентоносителями в соответствующих лексико-синтаксических структурах (правила выбора см. в [Янко 1991; 2001: 190]). Акцентоноситель незавершенности несет восходящий акцент типа ИК-3 и располагается на втором месте цепочки из двух релевантных акцентов.

При эмфазе распределение выбора акцентоносителей такое же, как при контрасте, но акцент, выражающий эмфазу, имеет интонационные признаки, характерные для эмфатической ремы. О толковании эмфазы и ее тональном выражении см. [Янко 2001: 64—66, 118—120]. Принципы распределения акцентоносителей при эмфазе не отличаются от таковых при контра-

⁵ Поясним, что в контрастной коммуникативной составляющей акцентоноситель выбирается в соответствии со следующими правилами. Если под контраст попадает референт одиночной словоформы, то она ударна и образует цельную контрастную составляющую. Если под контраст попадает референт составляющей, которая представляет собой именную группу (NP), глагольную группу (VP) или целое предложение (S), то акцентоноситель выбирается по правилам для именных, глагольных и синтаксических групп соответственно.

сте, поэтому мы помещаем примеры на контраст (5)—(8) и эмфазу (9) в один список.

Покажем теперь, что тип акцентирования в предложениях (5)—(9) не такой, как при стратегиях, рассмотренных в разделах 1 и 2. Сравним акцентирование в примерах (5)—(9) с типом акцентирования (5b)—(9b). Этот тип имели бы лексико-синтаксические структуры (5)—(9) при стратегии, рассмотренной в разделе 1.

- (5b) *Я в туалет* ↘ *не сходила* ↗... (ср. (5) *Не сходила* ↘ *так в туалет* ↗...);
 (6b) *Он гвоздями* ↘ *прибит* ↗... (ср. (6) *Он...* *прибит* ↘ *гвоздями* ↗...);
 (7b) *Это уже третья часть моего сна* ↘ *была* ↗... (ср. (7) *Это была третья* ↘ *часть моего сна* ↗...);
 (8b) *Там я по какому-то лабиринту* ↘ *ходил* ↗... (ср. (8) *Там я ходил еще* ↘ *по какому-то лабиринту* ↗...);
 (9b) *Мне этого делать* ↘ *не хотелось* ↗... (ср. (9) *Не хотелось* ↘ *мне этого делать* ↗...).

Значение контраста в искусственно сконструированных примерах (b) сходит на нет, но значение незавершенности текста здесь есть.

Итак, мы показали, что тип акцентирования, представленный в настоящем разделе, отличается от типа акцентирования, который представлен в разделе 1. Покажем теперь, что анализируемый здесь тип акцентирования, отличается и от стратегии с множественными темами из раздела 2.

Если бы в предложения с множественными темами был привнесён контраст, лексико-синтаксические структуры (5)—(9) имели бы другую расстановку акцентов, ср., например, контраст в контексте лексико-синтаксических структур (6) и (7):

- (6c) *Он не привязан, а прибит* ↗, *и не за руки, а за рукава пальто* (ср. (6) *Он...* *прибит* ↘ *гвоздями* ↗...);
 (7c) *Это была уже третья* ↗ *часть моего сна, (и на этом меня разбудили)* (ср. (7) *Это была третья* ↘ *часть моего сна* ↗...).

В (6c)—(7c) незавершенность принимает облик темы, с которой скомпонован контраст. Это синтетическая стратегия с одним акцентоносителем, поэтому ее сравнительная «диагностика» не представляет трудности: в примерах (5)—(9) — два акцента. Примеры (6c)—(7c) можно назвать представителями стратегии множественных контрастных тем. Этот термин демонстрирует отличие, с одной стороны, от простых (не контрастных) множественных тем и, с другой стороны, от аналитической стратегии выражения незавершенности в контексте контраста. В результате мы показали, что стратегии, рассмотренные в разделах 1, 2 и 3.1, разные.

Итак, резюмируем. Русский язык разрабатывает специальную стратегию для выражения в предложении контраста/эмпазы в композиции со значением дискурсивной незавершенности. Контраст в этом случае выражается интенсивным нисходящим акцентом на акцентоносителе, выбранном в соответствии с правилами русского языка для контрастных рем, а сам акцентоноситель располагается на первом месте в цепочке акцентоносителей. Акцентоноситель дискурсивной незавершенности выбирается по правилам выбора акцентоносителя ремы в соответствующем предложении без контраста и располагается на втором месте в цепочке акцентоносителей, т. е. тяготеет к концу предложения. Эту стратегию иллюстрируют примеры (5)—(9). Другим способом комбинации контраста и незавершенности служит стратегия множественных тем, осложненная контрастом, или стратегия множественных контрастных тем. Этот тип иллюстрируют предложения (6с) и (7с). Стратегия в (5)—(9) демонстрирует пример интонационного аналитизма, при котором для текстовой незавершенности выделяется отдельный акцентоноситель. При стратегии же в (6с) и (7с) отдельного акцентоносителя для текстовой незавершенности не предусмотрено. Следовательно, в русском языке есть как минимум два разных способа выразить текстовую незавершенность в композиции с контрастом. В следующем разделе будет рассмотрена стратегия манифестации незавершенности в контексте верификации.

3.2. Незавершенность в контексте значений верификации, совершившегося факта и необходимого условия

Комбинация значений 'незавершенность' плюс 'верификация' (по [Адамец 1978]) реализуется в рамках стратегии множественных тем, рассмотренной в разделе 2. При этой стратегии незавершенность не отличается от темы. Верификация в контексте темы заслуживает отдельного рассмотрения, т. к. соединение значений 'тема' плюс 'верификация' дает идиоматичное значение, не всегда в точности сводимое к комбинации составляющих его значений. Таким оригинальным значением оказывается референция к положению дел, наступление которого служит условием для наступления другого положения дел или сигналом перехода к нему: 'Когда событие E_1 наступает/становится фактом, становится возможным и событие E_2 '. В фокусе референции здесь не столько собственно положение дел E_1 , сколько понимание положения дел E_1 как совершившегося факта, позволяющего перейти к событию E_2 .

Значение сигнала к переходу от E_1 к E_2 , или условия E_1 , необходимого для реализации E_2 , весьма характерно для повествования именно о цепи событий: *Вот Вася **пришел**, и мы все пошли гулять; Вот Вася **придет**, и мы все пойдем гулять; Вот погода хорошая **будет**, и мы пойдем гулять; Вася*

пришел, и мы пошли гулять; Я из комнаты **вышла**, а там папа стоит. Напомним, что показателем верификации как в контексте темы, так и в контексте ремы служит выбор в качестве акцентоносителя глагола в личной форме.

В повествовательном монологическом тексте верификация в рамках темы встречается существенно чаще, чем верификация в рамках ремы, где верификация означает не сигнал и не условие, а имеет значение ‘Е действительно имеет место в мире’: *уже **пришел**, так **пришел**, действительно **пришел***. Верификация в контексте ремы не требует продолжения и характеризует совсем другой тип текста: полемический диалог или дискуссию. При таком типе дискурса высказываются различные мнения, получающие впоследствии подтверждение — верифицирующиеся — или, наоборот, опровергающиеся. Так, лексико-синтаксическая структура *Я вышла из комнаты*, в контексте верификативной ремы реализующаяся как *Я **вышла** из комнаты*, может означать ‘вышла, как и ожидалось’, ‘вышла, а можно было подумать, что не выйду’, ‘вышла, и это верно’. Это предложение также может быть ответом на вопрос *вышла или нет*. Все эти смыслы более сообразны диалогу, чем связному повествованию о цепи событий.

База данных рассказов детей об их сновидениях содержит примеры верификативной темы в большом количестве, что подтверждает наше предположение о том, что свершившийся факт, за которым следует его логическое продолжение, — это типичная ситуация повествования о цепи событий:

- (10) *А потом вот я **пошла** домой, а зайчик за мной бежал-бежал;*
- (11) *Собака **выходит** из будки, (а вместо того чтобы бежать со двора,) начинаю с ней биться);*
- (12) *Затем **видовцы** **пришли**, и перерисовали его⁶;*
- (13) *Я **посмотрела** на окно, там никого не было.*

Если бы говорящий использовал не верификативную стратегию сообщения о факте, а стратегию сообщения о неverifiedированном событии, описанную в разделе 2, предложения с лексико-синтаксической структурой (10)—(13) имели бы другой акцентоноситель:

- (10а) *Я потом пошла **домой**, а зайчик за мной бежал-бежал;*
- (11а) *Собака **выходит** из будки, а я, вместо того чтобы бежать со двора, начинаю с ней биться;*
- (12а) *Затем **пришли** **видовцы**, и перерисовали его;*
- (13а) *Я **посмотрела** на **окно**, там никого не было.*

Ср. также другие пары уже фигурировавших выше примеров, где первый член пары реализует стратегию в режиме верификации, а второй — страте-

⁶ Видовцы — сотрудники телекомпании ВИД.

гию простых тем, рассмотренную в разделе 2: *Вася пришел*[↗], и мы пошли гулять vs *Пришел Вася*[↗], и мы пошли гулять; *Вот погода хорошая будет*[↗], и мы пойдем гулять vs *Вот будет хорошая погода*[↗], и мы пойдем гулять; *Я вышла*[↗] из комнаты, а там папа стоит vs *Я вышла из комнаты*[↗], а там папа стоит.

Различие в семантике между (10)—(13) и (10а)—(13а) весьма тонкое: в примерах (10а)—(13а) акцент на том, в чем состоит событие (которое служит сигналом или условием для наступления нового положения дел), а в примерах (10)—(13) — акцент на том, что такое событие действительно имело или будет иметь место. Здесь противопоставлено представление о событии как таковом экзистенциальной семантике наступления такого события. Обе стратегии повествования широко распространены в устных рассказах.

Информация, содержащаяся в примерах (10)—(13), может быть «упакована» (в терминах У. Чейфа) и в формате стратегии с ремой в первом предложении, т. е. когда семантика незавершенности вообще остается невыраженной:

(10b) *Я пошла домой*[↘]. А зайчик за мной бежал-бежал.

(11b) *Собака выходит из будки*[↘]. И я начинаю с ней биться.

В примерах (10b) и (11b) перед нами стратегия с простыми (не-верификативными) ремами. Между тем стратегия с верификативной ремой (в отличие от верификативной темы) в изложении неконечного события в цепи событий выглядит совсем неуместно:

(10c) [?]*Я пошла*[↘] домой. А зайчик за мной бежал-бежал.

(11c) [?]*Собака выходит*[↘] из будки. И я начинаю с ней биться.

Мы видим, что интерпретация верификативной ремы требует не нарративного, а диалогического или внутренне полемического контекста. Можно предположить, что при изложении цепи событий верификация естественно совместима только с темой. Тогда она служит для референции не столько собственно к событию, сколько к факту его наступления: наступление одного события дает «зеленый свет» для следующего.

Итак, контекст верификативной темы служит основой для выработки дискурсивного приема, который применяется при изложении цепи событий, где одно — не первое — событие наступает после того, как реализовалось предыдущее положение дел. Противопоставление верификативных тем верификативным ремам лишний раз демонстрирует необходимость различения двух типов дискурсивной связности — связности монологического текста, функция которой указывать на то, что продолжение повествования следует, и связности диалога, функция которой — в поддержании адекватности диало-

гических реплик: получения ответов на вопросы, построения подтверждений высказанных ранее гипотез и ожиданий, опровержений ложных заключений и др. Для первого типа связности русским языком разработана, в частности, стратегия, в основе которой лежит верификативная тема, а для второго типа связности весьма характерны разнообразные контексты верификативных рем. Монологическая связность сопровождается прежде всего нарративный режим повествования и интерпретации, а диалогическая — речевой. Естественно, и в речевом режиме компоненты диалога, относящиеся к речи одного собеседника, могут иметь нарративную структуру: *Пришел Вася[↗], и все сели обедать[↘]*. О противопоставлении нарративного и речевого режима см. [Падучева 1996: 13 и далее].

Покажем теперь, что рассмотренная в данном подразделе стратегия отлична от стратегии связного текста, рассмотренной в разделе 1, ср. *Я тогда пиджак[↘] снял[↗]...* Основанием для сравнения служит восходящий акцент ИК-3, носителем которого в обоих случаях служит глагол.

Обратимся к семантике. В данном разделе была высказана гипотеза, что соединение коммуникативных значений ‘тема’ и ‘верификация’ дает результирующее значение факта, т. е. положения дел, которое действительно имеет место в мире. Если это предположение верно, то в контексте референции к событиям и процессам, которые мыслятся как таковые, т. е. безотносительно к условиям истинности, и которые тем самым противопоставлены фактам, стратегия, обозначающая факт, должна быть неприменима. (О противопоставлении ‘событие’ vs ‘факт’ см. [Арутюнова 1998: 488—539].) И действительно, восходящий акцент на глаголе, говорящий о референции к факту, в лексико-синтаксической структуре, соотносящейся с событием в его протекании, совершенно неуместен:

- (14) [?]*Я в тот момент как раз **разговаривал[↗]** по телефону и поэтому и не заметил, как пришел Вася.*

Акцентоносителем темы здесь может служить только словоформа *телефону*, т. е. выбора типа *пошла **домой[↗]*** vs *пошла[↗] домой* здесь нет: акцентоносителем восходящего акцента может быть только словоформа *телефону*:

- (14b) *Я в тот момент как раз **разговаривал по телефону[↗]** и поэтому и не заметил, как пришел Вася.*
 (14c) *Я в тот момент как раз по **телефону[↗]** разговаривал и поэтому и не заметил, как пришел Вася.*

Между тем стратегия с двумя акцентами, описанная в разделе 1, которая, как мы предположили, не связана с верификацией, в применении к рассматриваемой лексико-синтаксической структуре вполне уместна:

(14d) *Я в тот момент как раз по телефону\ разговаривал^ и поэтому не заметил, как пришел Вася.*

Итак, стратегия, обозначающая факт, к лексико-синтаксической структуре (14), выражающей событие, неприменима. Здесь семантика видо-временной формы глагола и специального — «событийно-процессного» — контекста противоречит коммуникативному значению линейно-акцентной конструкции предложения с ее референцией к факту. Между тем стратегия незавершенности, рассмотренная в разделе 1, у которой подъем тона типа ИК-3 фиксируется тоже на глаголе, но которая также имеет и акцент типа ИК-1 на акцентоносителе именной группы, прекрасно сочетается со значением события, разворачивающегося перед глазами наблюдателя. Значит, эти две стратегии разные. Верификативная стратегия, рассматриваемая в данном подразделе, отлична от той, которая рассмотрена выше в разделе 1.

Заметим, что в рамках семантических структур, которые обозначают или могут обозначать факт, например, в предложении (2а), уместны все стратегии — и стратегия, описанная в разделе 1 (ср. ниже пример 15а), и стратегия, описанная в разделе 2 (ср. пример 15b), и стратегия, описанная в настоящем разделе (ср. пример 15с):

(15а) *Я как раз пиджак\ снял^ и побежал на почту.*

(15b) *Я как раз снял пиджак^ и побежал на почту.*

(15с) *Я как раз снял^ пиджак и побежал на почту.*

Эти примеры показывают, что в рамках одного и того же сюжета говорящий может использовать разные стратегии, которые зависят от его коммуникативного замысла и дискурсивных приемов построения предложения и текста, сложившихся в речи.

Итак, композиция значений темы и верификации образует идиоматичное значение свершившегося факта, который служит необходимым условием или сигналом для наступления другого события. Акцентоносителем верификативной темы служит глагол, и можно заметить, что со статистической точки зрения восходящий акцент типа ИК-3 на глаголе в базе данных нарративных текстов гораздо более частотен, чем нисходящие ИК-1 или ИК-2. В базе данных интервью и допросов удельный вес верификативных рем с нисходящим акцентом на глаголе был бы больше: *Да, видел\;* *Нет, не пошел\.*

* * *

Рассмотрены некоторые русские интонационные стратегии поддержания незавершенности текста в комбинации со значениями контраста, эмфазы и верификации, выражение значений и их композиций средствами изменения

частоты тона и выбора словоформ-носителей акцентных пиков, а также особенности функционирования стратегий в тексте.

Литература

- Адамец 1978 — *П. Адамец*. Образование предложений из пропозиций в русском языке. Praha, 1978. (*Acta Universitatis Carolinae Philologica*. LXIX).
- Арутюнова 1998 — *Н. Д. Арутюнова*. Язык и мир человека. М., 1998.
- Кибрик, Подлеская 2003 — *А. А. Кибрик, В. И. Подлеская*. К созданию корпусов устной русской речи // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2003. № 10. С. 5—12.
- Николаева 1985 — *Т. М. Николаева*. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Падучева 1989 — *Е. В. Падучева*. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики: Семиотические исследования. М., 1989. С. 18—29.
- Падучева 1996 — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Русская грамматика 1982 — Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1982.
- Янко 1991 — *Т. Е. Янко*. Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1991. № 7. С. 27—32.
- Янко 2001 — *Т. Е. Янко*. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

THE MEANING OF THE SENTENCE IN CORPUS TAGGING*

E. Hajičová, J. Panevová, P. Sgall
(University of Prague)

The programme of the Prague Dependency Treebank comprises a semi-automatic **syntactic annotation** of a part of the texts of the Czech National Corpus, based on the Praguian Functional Generative Description, the core of which is a dependency based account of underlying sentence structures, i.e. of representations of the linguistic **meaning** of the sentence (Cz. *významová stavba věty*). These **tectogrammatical** representations (TRs, basically appropriate to serve as input to semantic interpretation, see [Sgall et al. 1986; Sgall 1992]) are technically modified for the given purpose, so that we distinguish between TRs proper and Tectogrammatical Tree Structures (TGTSSs), see [Hajičová 1998].

As characterized by [Hajič 1998], the first phase of the tagging procedure consists of morphemic and «surface» annotations, during which the intermediate ‘**analytic level**’ (AL) is achieved. As is often the case in tagging procedures, the analytic tree structures (ATSSs) contain a node for every token of a word, and even of every punctuation mark.

The second phase, to which the core of the present contribution is devoted, constitutes the main step of syntactic tagging, namely the procedure that is being prepared for transducing from AL to syntax itself, i.e. to TGTSSs. An important aspect of the TRs and TGTSSs is their **topic-focus** articulation (TFA) with a scale of communicative dynamism, represented as underlying word order; see [Sgall 1967; Hajičová 1984; 1993; Hajičová, Partee, Sgall 1987].

In the present version (PDT 2.0) 116 065 sentences from the Czech National Corpus have obtained their full morphological and ‘analytical’ annotations, out of which 49 442 sentences are annotated also on the tectogrammatical level.

* A preliminary version of the present contribution was published as [Hajičová et al. 2001]; its new wording is based on analyses prepared in the project T201120505.

1. Main properties of the representations

Both on AL and on the tectogrammatical level, the representations have the form of **dependency trees**. However, in the TRs only nodes corresponding to lexical (autosemantic) items are present; function words (or, more exactly, their functions) are represented by indices of the lexical labels, i.e. by syntactic functors and by grammatemes (which mark values of tense, aspect, modalities, number, and of other grammatical categories). While in the TRs more than 40 kinds of underlying syntactic relations are distinguished (classified in the valency grids included in the lexical entries of the head words as arguments or adjuncts, and as obligatory or optional for the given head words, see [Panevová 1974; 1998]). On the other hand, AL is understood as a technical layer of an auxiliary character for the purposes of annotation. Its inclusion is useful for gaining a possibility to master the complex task of the transition from morphemics to the underlying structure, especially having in view the prospects of a semi-automatic procedure. However, AL itself is not directly relevant from the viewpoint of linguistic theory. In ATs, such differences as those between types of objects or of adverbials are absent and syntactic relations are classified only on a «surface» layer.

TFA is understood as one of the fundamental aspects of the TRs, constituting the linguistic patterning of the semantic relation of **aboutness**, which is relevant for the scope of negation in a sentence. In a declarative sentence, the focus is what is being asserted as holding (or, in a negative sentence, as not holding) about the topic; see the discussion in [Hajičová, Partee, Sgall 1998], where it is pointed out how the tripartite structures with Operator, Restrictor and Nuclear Scope, introduced by [Heim 1982] can be used in the semantic interpretation of TFA. The individual items are classified either as contextually bound (belonging to the topic, if not embedded under items from the focus) or as non-bound (belonging to the focus, if not embedded under items from the topic). Furthermore, a scale of communicative dynamism is defined on the nodes of the tree, e.g. an adjective is prototypically more dynamic than its head, even if preceding it in the surface, i.e. in the word order of the morphemic representation (a string without parentheses), cf. *malý* ‘small’ in the example (1) below.

Since, for technical reasons, we want also the relationship of coordination to be represented within a tree, in tagging we use nodes for **coordinating** conjunctions (as heads of the coordinated items) in the TGTs. We are aware that this does not exactly correspond to the theoretical specification of TRs, in which coordination constitutes an ordering different from that based on the dependency relation (in this point we differ from [Mel’čuk’s 1988] view, cf. the formal treatment of TRs including all combinations of dependency and coordination and based on the detailed specification of the linguistic approach in [Sgall et al. 1986] presented by

[Petkevič 1995]). This is one of the main points in which TGTSs differ from TRs; cf. Fig. 1, i.e. a (highly simplified) underlying TGTS tree for ex. (1):

- (1) *Marie a Jan, kteří mají malého syna, žijí v Lomnici.*
Mary and John, who have small son, live in Lomnice.

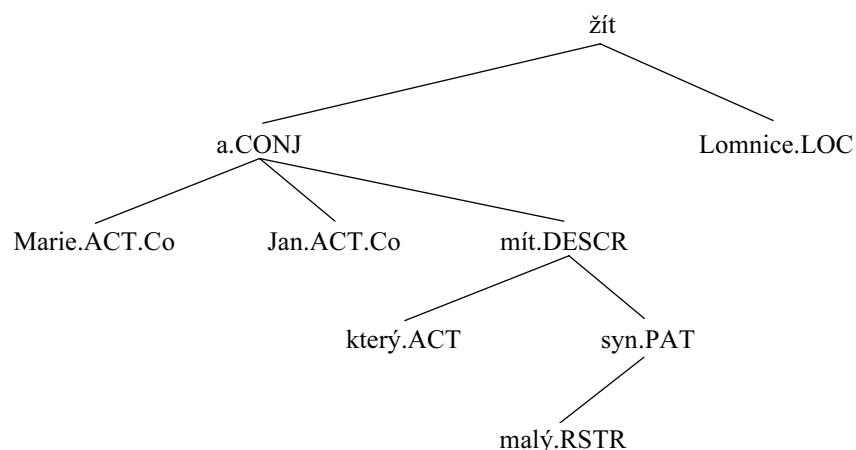

Fig. 1.

A highly simplified TGTS of (1), with functors attached to dependent nodes (Conjunction, Locative, Actor / Bearer, Patient, Restrictive and Descriptive adjunct, Co for the Coordinated items).

While the TRs cannot be represented by bidimensional trees (due to the presence of the just mentioned third ordering), they can be unambiguously **linearized**, if instead of the edges of a tree we use pairs of parentheses both for the dependency relation and for coordination; e.g. the preferred TR of (1) can be written as (1'), with each dependent item and each coordinated construction closed into parentheses; the subscripts (at the parenthesis oriented to the head word) indicate functors:

- (1') ((Marie Jan)_{Conj} (Descr (který.Plur)_{Actor} mít (Obj syn.Plur (Restr malý))))_{Actor} žít (Loc.in Lomnice)

Unmarked grammatemes (Sing, Pres, Declar, etc.) are not written here.

A further example:

- (2) *Iniciátoři dosud nesehnali potřebných třicet podpisů poslanců.*
Initiators hitherto have-not-gathered necessary thirty signatures of-MPs

- (2') ((Iniciátor.Plur (Pat on))_{Act} (dosud)_{Temp.on} (Neg)_{Rhem} sehnat.Pret (Pat podpis.Plur (Appurt poslanec.Plur) (Restr třicet) (Restr potřebných))

Note that the pronoun *on* ‘he, it’ is understood as deleted on the surface and re-stored in the TR, since such a deverbal noun as *iniciátor* has an obligatory Patient. With cases of coreference (anaphora), the data on the antecedent are registered in the label of the coreferential node (see Sect. 2 (ii)(c) below).

2. The transduction of ATs to TGTs

It is possible to formulate a part of the transduction procedure (see [Hajičová 1998]) as general steps, carried out **automatically**:

(i) The ATs constitute the input of an automatic ‘**pre-processing**’ module, by which the tree structures are pruned, i.e. the nodes that are marked as auxiliary items in the ATs get deleted, without losing any important pieces of information these auxiliary items carry. During this pre-processing, most of the analytical morphemic forms are put together (being placed in the position of the highest node in the given subtree), and the information they convey is added in the form of indices (esp. grammatemes) of the TGTs complex tags. This concerns the values of morphological categories such as tense (Preterite, Future), verbal modality (Conditional), deontic modality (with *musí* ‘must’, *může* ‘can, may’ and other modal verbs), diathesis, etc. and also such values of ‘synthetic’ morphology as aspect, or gender and number with nouns, and degrees of comparison with adjectives and adverbs; they get their values on the basis of their morphemic tags (some asymmetries between forms and their respective functions will be solved later, during the manual procedure). The grammateme of sentential modality (with the values ENUNC, INTERR, IMPER, DESID) is specified automatically with all heads of main clauses on the basis of the node standing for the final sentence boundary and of other data (esp. particles) present in the analytical tree.

The analytical function Subject with an active verb is converted into the tecto-grammatical functor ACT (Actor / Bearer).

The analytical function AuxR denoting the particle of reflexive passive is converted into a node with the lexical value General and the functor ACT.

(ii) An automatic **adjusting** module, which is being prepared, which will serve after the intellectual (manual) handling of TGTs (see below) to add information that can be retrieved automatically now in the preliminary version of TGTs:

- (a) the gender and number values are cancelled with word tokens with which they only indicate agreement (adjectives in most positions, certain pronouns, numerals, etc.); thus, an adjective retains its gender value only if it does not depend on a noun (e.g. a superlative);
- (b) the sentence modality value with ‘content’ clauses (indirect speech and similar, see Panevová 1971) is added into the respective grammateme of

the head verbs of these clauses in accordance with the conjunction present, e.g. ENUNC (*že*), IMPER (*ať, necht', aby*), INTER (*zda* and other interrogative words);

(c) certain additions are carried out which can be specified in this phase of the procedure, e.g.:

(ca) the lemma of the node carrying the functor value ACT is assigned to the grammateme COREF of an occurrence of *se* that has not yet been treated (i.e. the PAT of an active verb in the prototypical case);

(cb) the remaining nodes without lemmas (in coordinated constructions or in apposition) are assigned the lemmas of their counterparts in the given construction; e.g. in

Jirka pozval Marii a Karel Milenu

(lit. Jirka invited Mary and Karel Milena)

the node corresponding to the deleted second occurrence of the verb (which has been added «by hand» as governing both *Karel.ACT* and *Milenu.PAT*) gets a lemma identical to that of the lefthand coordinated item;

(cc) the secondary values of syntactic grammatemes (cf. Section 5 below) are added there, where a preposition allows for a reliable choice: ACCOMPANIMENT.WITHOUT (*bez*), BENEFACTIVE.NEG (*proti*), DIR3.IN (*do*), etc.;

(cd) the remaining nodes corresponding to commas, dashes, quotes, etc. are deleted.

In the next stages, the automatic procedure is supposed to be **enriched** in various respects, to cover at least the most regular phenomena of subdomains such as:

— word derivation (up to now only the deverbal adjectives, possessive adjectives and pronouns, and adverbs derived from adjectives are handled on the basis of the lemmas of the source words),

— certain elementary ingredients of the build-up of the lexicon, which should contain several kinds of grammatical data especially including the valency frames or grids),

— the development of the degrees of activation of the ‘stock of shared knowledge’ (see [Hajičová 1993]) as far as derivable from the use of nouns in subsequent utterances in a discourse.

The following operations of underlying tagging can only be performed **intellectually**, (before further analysis helps to find reliable criteria to identify specific contexts in which secondary functions occur):

(i) the analytic functions (such as Subject, Object, Adverbial, Attribute), expressed by case endings, subordinating conjunctions and prepositions, are changed

into corresponding functors; e.g. Dative with an AL object primarily yields ADDRESSSEE, with an adverbial it yields BENEFACTIVE, Cz. *aby* or *na* yields Objective with AL objects and AIM or LOC, respectively, with adverbials; the syntactic grammatememes accompanying LOC (corresponding to the primary functions of prepositions such as *v* ‘in’, *na* ‘on’, *pod* ‘under’, *mezi* ‘between’, and so on) are left for further treatment (the original preposition is retained as the value of a specific attribute in the complex symbol of the noun; cf. Section 4 (ii) (c) as for the subsequent automatic step);

(ii) nodes for the deleted items are ‘restored’ either as pronouns (including specific symbols for a General Participant, for a Controller and for an ‘Empty Verb’ (with the non-verbal heads of sentences that are neither Vocatives, nor pure denominations, such as nominal headings) or the attribute ‘lemma’ is left vacant for further treatment (e.g. in coordinations, see Section 2 (ii) (c) above);

(iii) the topic-focus articulation of the sentence is accounted for by means of three values of the corresponding attribute, namely *f* for focus (more exactly: contextually non-bound), *t* for non-contrastive (part of) topic (contextually bound) and *c* for contrastive (part of) topic;

(iv) possessive adjectives and pronouns dependent on nouns are converted, in the TRs, into the corresponding underlying lemmas; the number and gender values of their basis are taken as the values of their respective grammatememes:

(a) with those corresponding to the underlying lemma *on* ‘he, it’:

- *jeho* ‘his’ gets the values SING, ANIMATE (or INANIMATE or NEUTER, according to the context, i.e. to the gender of the antecedent,
- *její* ‘her’ gets SING, FEMININE,
- *jejich* gets PLUR and the appropriate gender,

(b) *můj* ‘my’ gets SING and either ANIM or FEM,

(c) *matčín* ‘mother’s’ gets SING, FEM, and so on.

The annotators use the help of a user-friendly software that enables them to work with diagrammatic shapes of trees.

3. Concluding remarks

It has been demonstrated by the festschrift many times (see e.g. [Paducheva 2004]) that a linguistic description aspiring to be exact is too complex a task, which includes the semantics of syntax (see [Paducheva 1974]), as well as the semantics of lexicon (see [Paducheva 2004]). The existence of large text corpora and, more-

over, of corpora associated with a rich grammatical annotation, and also the present possibilities connected with an application of statistical methods (and specific combined procedures, including those of automatic learning) represent a very stimulating source for investigation of such a type.

In this way a theoretically substantiated labelling of the TRs can be gained, distinguishing between different kinds of objects and adverbials, between meanings of function morphemes, topic and focus, and so on. The result will be much more complex than that of a parser or tagger of the usual kinds: not only the grammatical well-formedness will be checked, but disambiguated representations of sentences will be achieved, which (although underspecified in the points in which the sentence structure is not fully specific — indistinctness, «systematic ambiguity», scopes of quantifiers) would constitute, in principle, an appropriate input for a procedure of semantic(-pragmatic) interpretation.

References

- Hajič 1998 — *J. Hajič*. Building a Syntactically Annotated Corpus: The Prague Dependency Treebank // *Issues of Valency and Meaning*. Studies in Honour of Jarmila Panevová / Ed. by E. Hajičová. Prague, 1998. P. 106—132.
- Hajičová 1984 — *E. Hajičová*. Presupposition and Allegation Revisited // *Journal of Pragmatics*. 8. 1984. P. 155—167; amplified in: Sgall (ed.) 1984. P. 99—122.
- Hajičová 1993 — *E. Hajičová*. *Issues of Sentence Structure and Discourse Patterns*. Prague, 1993.
- Hajičová 1998 — *E. Hajičová*. Prague Dependency Treebank: From analytic to tectogrammatical annotations // *P. Sojka et al.* (eds.). *Text, Speech, Dialogue*. Proceedings of the Conference TSD 98. Brno, 1998. P. 45—50.
- Hajičová, Partee, Sgall 1998 — *E. Hajičová, B. H. Partee, P. Sgall*. *Topic-Focus Articulation, Tripartite Structures, and Semantic Content*. Dordrecht, 1998.
- Hajičová et al. 2001 — *E. Hajičová, J. Panevová, P. Sgall*. Tectogrammatcs in Corpus Tagging // *I. Kenesei, R. M. Harnish* (eds.). *Perspectives on Semantics, Pragmatics, and Discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 293—299.
- Heim 1982 — *I. R. Heim*. *The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases*. Ph. D. dissertation. Univ. of Massachusetts, Amherst, 1982. Published: N. Y., 1989.
- Mel'čuk 1988 — *I. Mel'čuk*. *Dependency Syntax: Theory and Practice*. N. Y., 1988.
- Paducheva 1974 — *J. V. Paducheva*. *O semantike sintaksisa*. Moskva, 1974.
- Paducheva 2004 — *J. V. Paducheva*. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. M., 2004. (*Studia Philologica*).
- Panevová 1971 — *J. Panevová*. *Vedlejší věty obsahové* // *Slovo a slovesnost*. 32. 1971. P. 289—300.
- Panevová 1974 — *J. Panevová*. *On Verbal Frames in Functional Generative Description* // *Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*. 22. 1974. P. 3—40; 23. 1975. P. 17—52; a revised version in: *Prague Studies in Mathematical Linguistics*. 6. 1978. P. 227—254.

-
- Panevová 1998 — *J. Panevová*. Ještě k teorii valence // *Slovo a slovesnost*. 59. 1998. P. 1—14.
- Petkevič 1995 — *V. Petkevič*. A New Formal Specification of Underlying Structures // *Theoretical Linguistics*. 21. 1995. P. 7—61.
- Sgall 1967 — *P. Sgall*. Functional Sentence Perspective in a Generative Description // *Prague Studies in Mathematical Linguistics*. 2. 1967. P. 203—225.
- Sgall (ed.) 1984 — *P. Sgall* (ed.). *Contributions to Functional Syntax, Semantics and Language Comprehension*. Amsterdam; Prague, 1984.
- Sgall 1992 — *P. Sgall*. Underlying Structure of Sentences and Its Relations to Semantics // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 33*. 1992. P. 273—282.
- Sgall et al. 1986 — *P. Sgall, E. Hajičová, J. Panevová*. *The Meaning of the Sentence in its Semantic and Pragmatic Aspects* / Ed. by J. L. Mey. Dordrecht; Prague, 1986.

TRANSITIVITY IN RUSSIAN FROM A COGNITIVE PERSPECTIVE *

L. A. Janda

(University of Tromsøe)

0.0. Transitivity and Russian syntax

This paper will explore the variations in form observed in expressing transitivity in Russian. Given the prototypical transitive construction, it is possible to examine its relationship to many similar constructions, thus deriving a radial category of constructions that express transitivity to a varying degree. The semantic core of transitivity is the transfer of energy to an object. Transfer of energy to an object requires a verb and an object, but does not specify the way in which the object must be expressed. As we shall see, the verb and the object are indeed the most crucial elements in expressing transitivity, which can be present even when there is no subject or when the object is expressed in a non-prototypical way.

A rich Slavic morphological heritage has endowed Russian with a plethora of syntactic constructions that encode interactions among participants in the action of a verb. Cognitive linguistics has heretofore focused primarily on the semantic variety among transitive expressions, usually under the assumption that transitivity is syntactically unitary and discrete. In other words, most researchers have focused on the semantic variation available within the confines of a single (prototypical) transitive construction. Russian syntax offers us the opportunity to explore a complex network of over a dozen interrelated syntactic constructions that express transitivity. By examining these constructions, we can obtain an accurate picture of the true complexity of transitivity and analyze the relationship between semantics and syntax in expressing transitivity. In so doing, we can construct a radial network for Russian transitive constructions that reveals a hierarchy of constructions and specific constraints on the types of constructions that can express transitivity. Ultimately this radial network can provide a basis for cross-linguistic comparison of transitivity constructions.

* I would like to thank V. Körösi and S. Tiedemann for suggesting that I prepare a paper on transitivity and inviting me to present it at Ludwig-Maximilians University in Munich. I am grateful to them for the inspiration to work on this topic. I, of course, retain full responsibility for the contents of this article.

This article will commence with an overview of what the community of cognitive linguists can provide us on the topic of transitivity (1.0). After a brief summary of relevant facts of Russian syntax (2.0), I will proceed to the analysis of transitivity constructions in Russian (3.0), first identifying the prototypical transitive construction (3.1), and then examining elaborations on that construction related via the addition of items to the construction (3.2), alterations in the case-marking of items in the construction (3.3), and removal of items from the construction (3.3). The resulting family of constructions will be then gathered into a radial network (3.4). In the conclusion (4.0) I will discuss the advantages derivable from this type of analysis.

1.0. Primacy of semantics

Cognitive linguistics is predicated on the assumption that language is structured through symbolic relations between semantic structures and their expression, be it syntactic, phonological, etc. [Croft 2001: 203—240; Langacker 1987: 76—96]. In other words, the relationship between meaning and form is the primary force motivating linguistic phenomena. For cognitive linguists, meaning plays the more crucial role in this relationship, and meaning itself is grounded in human embodied experience. There will be no attempt to challenge any of these assumptions in this paper, but it does appear that in the case of transitivity, focus on the semantics of transitivity has thus far largely excluded discussion of the expression of transitivity. We will depart from this trend by focusing on the various syntactic forms that transitivity can take in Russian. The advantage of this undertaking is that it will facilitate a more nuanced view of transitivity, as a linguistic category that encompasses several constructions, making it possible to determine which syntactic elements play more or less important roles in expressing transitivity. Thus we can see both the «parts» of the transitivity «whole», as well as how those «parts» interact, rather than seeing a single, unanalyzable «whole».

Transitivity is itself a highly salient phenomenon, well-rooted in human experience. Langacker's [2000: 13—14] famous «billiard-ball model» demonstrates the way in which folk models of the world motivate the conceptualization of nouns as representing discrete objects and verbs as representing energy, thus providing the basic elements that participate in transitivity. The grammatical expression of transitivity is the projection of an «abstract story» of agency and causation onto grammatical structure [Turner 1996: 140—168]. Dowty [1991] identifies the properties of the «Proto-Agent» (volition, sentience, causation, movement, independence) and the «Proto-Patient» (change of state, incremental, affectedness, stationary, dependent) in the transitivity relationship. Langacker's [1991: 285] «role archetypes» for agent and patient are very similar: «The archetype agent is a person who volitionally initiates physical activity resulting, through physical contact, in

the transfer of energy to an external object. Its polar opposite is an archetypal patient, an inanimate object that absorbs the energy transmitted via externally initiated physical contact and thereby undergoes an internal change of state». For Langacker [2000: 69], «[a]n essential component of transitivity is the interaction of participants.» Langacker [1991: 285—286] combines these concepts in the «canonical event model», which contains an agent that produces an effect on a patient in a setting seen by a viewer; thus «the canonical event model represents the normal observation of a prototypical action». Langacker's canonical event serves as a prototype both of transitive events and of events in general, and it will serve as the starting point for our discussion of transitivity in Russian. However, Langacker (cf. especially [1991: 293—329]) directs his discussion to the encoding of various types of semantic structures with transitive constructions, without exploring the possibility of syntactic variation in the transitivity construction. Furthermore, Langacker [1991: 321] assumes that transitivity entails the presence of both participants: «Subjects occur in both transitive and intransitive clauses, whereas only the former have direct objects — or to put it another way, a direct object presupposes a subject, but not conversely».

Croft, Goldberg, and Taylor maintain focus on transitivity as the syntactic encoding of a relationship between an agent and a patient. Croft [2001: 136] asserts that relationships such as transitivity must be identified according to their semantics, and that syntax follows secondarily. Although Croft does explore various means of encoding transitivity, his is a typological study aimed at sorting out the different conceptualizations involved in accusative vs. ergative marking, and he does not take up the issue of variation in transitivity marking within a given language. Goldberg [1995: 101—119] assumes that the transitive construction is a «unitary structure» related to other similar units such as ditransitive, caused-motion, intransitive, etc. She admits that «it may be more felicitous to assign a family of related meanings to it» [Goldberg 1995: 118], but does not recognize variation in syntactic form within transitivity. Taylor [2002: 415—426] allows some variation within transitivity: he admits that it is often hard to distinguish between participants and circumstances, that construal plays a role, and that participants can sometimes be omitted. Unfortunately Taylor's discussion is limited to English, but at least there is a recognition that transitivity may not be syntactically monolithic. Talmy [2000: 92—93] foregrounds the role of construal in transitivity, by recognizing that transitivity is dependent upon construal and that similar semantic structures may be encoded differently.

As we shall see, Russian provides us with opportunities to vary the transitivity construction and delete items, even including the subject participant, so we will find it necessary to amend and extend Langacker's model. Talmy's model of construal will also facilitate insights into the ways in which similar constructions may be related.

2.0. Relevant facts about Russian syntax

The presence of a complex system of grammatical cases facilitates relatively free word order in Russian. It also means that grammatical roles are quite clear, obviating the need for «dummy» subjects: if a nominative subject is present, a verb agrees with it (according to some subset of person, number, and gender, depending upon tense), but if there is no nominative subject, a verb will have default (neuter singular) agreement. All of the non-nominative cases share some of the burden of expressing transitivity, so it is worth giving a brief overview of their meanings before looking at the constructions they appear in. The characterizations below are by no means comprehensive, but they do represent a significant departure from traditional accounts of Russian case. They target only the case meanings relevant to transitive constructions; a fuller account of Russian case meaning (from which these characterizations are derived) can be found in [Janda, Clancy 2002].

Accusative: This is the case of destinations, be they of motion, purpose, or merely of the energy of an action, as we see in the prototypical direct object, which is marked with the accusative.

Dative: The dative has three overlapping roles, as the receiver of an object, the experiencer of an event, or a competitor which may be on an equal footing with or submit to the superiority of a nominative subject. Crucial to the dative is the ability to react, to serve as a potential subject.

Instrumental: An instrumental entity is a peripheral accessory to something else, be it a verb or a noun. When associated with a verb, the instrumental marks a conduit for the action of the verb, the means by which the action takes place, which can be either an instrument or the agent of an action. When associated with a noun, the instrumental can identify a label through which another item is accessed.

Genitive: The genitive is usually a mental address for something else. It is the point of origin, or source of another item, or conversely the goal of an item. The genitive can also mark the whole of which another item is a part, or can just be a reference point for locating the other item. To generalize: «[t]he genitive is a backgrounded item... that yields focus of attention to something else... which exists or maneuvers in its proximity» [Janda, Clancy 2002: 112].

Locative: The locative marks a place in space, time, or another metaphorical domain.

The cases and their meanings play an important role in demonstrating the relationship between semantics and syntax in the expression of transitivity in Russian.

3.0. A radial network of transitive constructions

After identifying the prototypical transitive construction in Russian, I will move on to variations of that construction and discussions of how these variants are re-

lated to the prototype and how well they express transitivity by signaling a transfer of energy to an object. Variation will be explored along three parameters: addition of items, alteration in case marking of items, and removal of items. Once all the variants have been presented, it will be possible to posit a network of related constructions.

3.1. The prototypical transitive construction: N + V + A

Let's assume that the prototypical transitive construction for Russian is a clause containing a nominative subject, a verb, and an accusative direct object, which we can represent as N + V + A (though word order may vary), as in:

- (1) *Девушка сшила юбку.*
 [Girl-N sewed skirt-A.]
 'The girl sewed a skirt.'

where *the girl* serves as the agent and *a skirt* serves as the patient. This construction instantiates the canonical event model and its participants conform to Langacker's definitions of role archetypes. In this construction prototypical transitive verbs focus energy on a patient; they involve «doing something to X». The prototypical transitive construction is clearly distinct from the prototypical intransitive construction which contains only a nominative subject and an intransitive verb (often describing a state or emotion), N + V, as in:

- (2) *Мальчик спит.*
 [Boy-N sleeps.]
 'The boy is sleeping.'

The prototypical transitive construction, N + V + A, will serve as the point of departure for our analysis of transitivity. As we look at variants of this construction and examine their expression of transitivity, it is important to remember that even the N + V + A construction does not always entail a transfer of energy to an object. Here is an illustration of an intransitive clause with N + V + A structure, where the verb does not transfer energy to an object and the accusative marks instead the duration of the action:

- (3) *Девушка работала всю ночь.*
 [Girl-N worked all night-A.]
 'The girl worked all night.'

3.2. Adding items to N + V + A

It is possible to add more items to a transitive N + V + A clause, and this strategy does not disturb the capacity of the clause to signal a transfer of energy to an

object. The items that can be added to N + V + A include: a prepositional phrase, producing N + V + A + P + G/L/A/D/I; a Dative participant, producing N + V + A + D; and an Instrumental participant, producing N + V + A + I. We will examine each of these possibilities in turn.

N + V + A + P + G/L/A/D/I: The addition of a prepositional phrase to N + V + A does no harm to transitivity, regardless of what case follows the preposition. All of the following examples, illustrating the use of prepositions governing the genitive, locative, accusative, dative, and instrumental cases, illustrate the transfer of energy to an object:

- (4) *Девушка сшила юбку из старого пальто.*
[Girl-N sewed skirt-A from old coat-G.]
'The girl sewed a skirt from an old coat.'
- (5) *Девушка сшила юбку на машинке.*
[Girl-N sewed skirt-A on machine-L.]
'The girl sewed a skirt on a machine.'
- (6) *Девушка принесла юбку в школу.*
[Girl-N brought skirt-A to school-A.]
'The girl brought a skirt to school.'
- (7) *Девушка купила юбку на лето.*
[Girl-N bought skirt-A for summer-D.]
'The girl bought a skirt for the summer.'
- (8) *Девушка сшила юбку с подкладкой*
[Girl-N sewed skirt-A with lining-I.]
'The girl sewed a skirt with a lining.'

In (4)—(8) the transitive relationship between *the girl* and *the skirt* is every bit as strong as in the prototypical example (1).

N + V + A + D: Making the clause ditransitive by adding a dative participant likewise does not decrease the impact of the agent on the patient, and thus does not negatively affect the transfer of energy to an object, as in:

- (9) *Людмила сшила мужу костюм.*
[Ljudmila N sewed husband-D suit-A.]
'Ljudmila sewed her husband a suit.'

Again, the transitivity interaction between *Ljudmila* and *a suit* is equivalent to that observed in (1).

N + V + A + I: The addition of an instrumental participant does not detract from transitivity either; rather this construction instantiates what Langacker [2000: 38] terms «a canonical transitive clause that profiles a full action chain», since it specifies an instrument as well, illustrated here:

- (10) *Девушка резала рыбу ножом.*
 [Girl-N cut fish-A knife-I.]
 ‘The girl cut the fish with a knife.’

Langacker is correct in according special status to this enlarged transitive construction. As we shall see, this construction provides crucial motivation for subjectless transitive constructions that will be examined in 3.4.

In sum, the addition of items to the N + V + A structure simply gives us more transitive constructions that are just as capable of expressing transitivity as the prototypical construction. The next type of adjustment, involving altering the case marking of participants, is less straightforward.

3.3. Changing A and N to other cases

Our second strategy is to examine what happens to transitivity when the participants in the prototypical N + V + A construction are given alternative case marking. For the nominative subject, there is only one alternative option, that of dative case, yielding D + V + A. The accusative direct object can, however, be replaced by all of the other cases, giving us prepositional constructions with the accusative and the locative N + V + P + A and N + V + P + L, the genitive N + V + G, the dative N + V + D, the instrumental N + V + I, and the nominative N + V + N. Case marking plays an important role in the expression of transitivity in these constructions, as we will see.

D + V + A: We will commence with the replacement of the nominative subject by a dative participant, recalling that a dative entity can serve as a potential subject for an action. This clearly includes transitive actions, as in:

- (11) *Что нам делать?*
 [What-A us-D do?]
 ‘What are we (supposed) to do?’

Here the dative has an experience of a transitive situation, rather than being an agent. There is a transfer of energy to *what*, similar to what we see in a sentence like:

- (12) *Что мы делали?*
 [What-A we-N did?]
 ‘What were we doing?’

Example (11) illustrates a fairly common construction in Russian and has a strong modal flavor. Aside from *мочь* ‘be able’, Russian lacks modal verbs, and the subject potential of the dative is often used to express possible actions, including transitive ones as in (11) and (13):

- (13) *Где нам искать правду?*
 [Where us-D look truth-A?]
 ‘Where should we look for truth?’

At this point we have to acknowledge that it is possible for transitivity to exist when the subject of the verb is not nominative, and the verb exhibits default neuter singular agreement, as illustrated in (14):

- (14) *Что нам было делать?*
 [What-A us-D was do?]
 ‘What were we (supposed) to do?’

In 3.4 we will encounter transitive constructions that have no subject at all, be it nominative or dative, and those constructions show the same agreement pattern.

Substituting another case marking for the accusative direct object has varying effects upon the expression of transitivity, and in nearly all instances it is possible for the resulting constructions to signal a transfer of energy to an object.

N + V + P + A: This construction can express both intransitivity and transitivity. The use of intransitive motion verbs in this construction is very common, as in:

- (15) *Девочка пошла в школу.*
 [Girl-N went to school-A.]
 ‘The girl went to school.’

There are, however, some transitive verbs that use this construction. For example *надеяться на* ‘hope for’, using N + V + P + A, is very similar in its expression of transitivity to *хотеть* ‘want’, which is constructed with N + V + A, as we see by comparing the following two examples:

- (16) *Любой спортсмен надеется на победу.*
 [Every athlete-N hopes for victory-A.]
 ‘Every athlete hopes for victory.’
 (17) *Каждый клуб хочет победу.*
 [Every club-N wants victory-A.]
 ‘Every club wants victory.’

Thus transitivity is possible, but not obligatory for this construction.

N + V + P+ L: Replacing the accusative direct object with a locative prepositional phrase yields a construction that is usually unambiguously intransitive, as in:

- (18) *Мама работает в своем кабинете.*
 [Mother-N works in her office-L.]
 ‘Mother is working in her office.’

However there are verbs that use this construction to express transfer of energy to an object. Compare the following N + V + P + L construction in (19) with the nearly-synonymous and similarly transitive construction in (20):

- (19) *Конашенко признался в убийстве.*
 [Konashenko-N confessed in murder-L.]
 ‘Konashenko confessed to murder.’
- (20) *Конашенко признал свою вину.*
 [Konashenko-N admitted own guilt-A.]
 ‘Konashenko admitted his guilt.’

So N + V + P + L does allow some limited expression of transitivity.

N + V + G: An object in the genitive case does signal transfer of energy to an object, as we see in:

- (21) *Рахманинов избегал всяких интервью.*
 [Rakhmaninov-N avoided all interviews-G.]
 ‘Rakhmaninov avoided all interviews.’

The energy transferred is in some sense negative, since it is avoidance, but uncontroversially transitive verbs that take accusative objects while signaling similarly «negative» energy flow, such as *ненавидеть* ‘hate’, are easy to find. There are basically three groups of verbs that can use the N + V + G construction: verbs expressing avoidance as in (21), usually with meanings of fear or aversion (related to the source meaning of the genitive); verbs expressing approach, with meanings of attainment, need, or expectation (related to the goal meaning of the genitive); and verbs that involve quantification (related to the genitive’s meaning of a whole of which another item is a part). Table 1 illustrates all three types of genitive-governing verbs and compares their N + V + G constructions with nearly-synonymous N + V + A constructions:

Table 1: N + V + G vs. N + V + A constructions

	N + V + G	N + V + A
avoidance	<i>Игорь боится жены.</i> ‘Igor is afraid of his wife.’	<i>Игорь боится жену.</i> ‘Igor is afraid of his wife.’
quantification	<i>Игорь выпил чаю.</i> ‘Igor drank (some) tea.’	<i>Игорь выпил чай.</i> ‘Igor drank (all the) tea.’

It is often possible to replace the genitive in the N + V + G construction with the accusative. As seen in the table, this can even be done when using the same verb. Though some genitive-governing verbs do not allow this substitution, it is usually possible to find a near-synonym of the verb that uses the N + V + A construction.

In either case, however, the meaning and /or use of the N + V + G construction will differ from that of the corresponding N + V + A construction. In the first row of the table the case used with the verb *бояться* ‘be afraid of’ varies according to register; the genitive case is the norm for the standard language, whereas the accusative is often used in colloquial style. Of the two cases, only the genitive can imply quantification, as illustrated in the last row of the table, where the N + V + G construction tells us that Igor had a cup of tea, as opposed to the N + V + A construction which tells us that he drank up all the tea that was available and there is none left now.

This comparison of N + V + G with N + V + A shows us that we can get robust transitivity in a construction that differs from the prototypical transitivity construction. Both constructions express an interaction between N + V and an object. In comparison with N + V + A, N + V + G de-emphasizes the effect of N + V on the object, which is merely a reference point for the situation. However, nearly all verbs associated with N + V + G can also be constructed as N + V + A. Although this usually entails some difference in meaning, it is hard to draw a firm line between the two constructions, both of which are transitive.

N + V + D: This construction involves many verbs where the object is a receiver, experiencer, or competitor /submitter, as we see in (22):

- (22) *Мальчик ей улыбнулся.*
 [Boy-N her-D smiled.]
 ‘The boy smiled at her.’

Although this is not a typical expression of transitivity, it is surely the case that we have an action chain in which the participants are engaged in an interaction flowing from one to the other, fulfilling Langacker’s definitions noted above. Dative-governing verbs produce constructions that are related to ditransitive constructions, as illustrated in the cline in (23)—(25):

- (23) *Людмила сказала ему свое имя.*
 [Ludmila-N said him-D her name-A.]
 ‘Ludmila told him her name.’
 (24) *Людмила сказала ему «вы».*
 [Ludmila-N said him-D «vy».]
 ‘Ludmila said «vy» to him.’
 (25) *Людмила ему выкала.*
 [Ludmila-N him-D vy-said.]
 ‘Ludmila addressed him formally.’

Saying something can be reduced to a verb which means ‘say «vy»’, where «vy» is the formal second-person pronoun. The N + V + D construction is therefore

both semantically and formally intermediary between the ditransitive and the transitive constructions. Because the dative case can mark receivers and experiencers, dative-governing verbs often convey meanings related to ‘give’, such as *позвонить* ‘ring’ (+ communication verbs with the meaning ‘give a message’), *заплатить* ‘pay’ (+ verbs meaning ‘gifts/money’), *помогать* ‘help’ (+ verbs meaning ‘give benefit’), *наскучить* ‘bore’ (+ verbs meaning ‘give harm’). Dative-governing verbs of these types have a N + V + D construction motivated as a version of N + V + A + D in which A is implicit in the verb (in other words, ‘pay’ implies money, which need not be specified as an accusative direct object; cf. [Janda 1993]). There are other dative-governing verbs where the use of the dative for the object is motivated by the comparison of the actual subjecthood of the nominative with the potential subjecthood of the dative case. Such verbs denote either equal relationships, as in *сопутствовать* ‘accompany’, or relationships in which the nominative entity submits to the dative, as in *подчиниться* ‘submit to’. However, as we saw with the genitive-governing verbs, it can be hard to draw a firm line between constructions with different cases marking the object. Table 2 compares dative constructions with the prototypical transitive construction:

Table 2: N + V + D vs. N + V + A

	N + V + D	N + V + A
giving	<i>Я заплатила адвокату.</i> ‘I paid a lawyer.’	<i>Я вознаградила адвоката.</i> ‘I rewarded a lawyer.’
giving benefit	<i>Я помогла ему.</i> ‘I helped him.’	<i>Я защищала его.</i> ‘I protected him.’
giving harm	<i>Он наскучил жене.</i> ‘He bored his wife.’	<i>Он раздражал жену.</i> ‘He irritated his wife.’
equal relationship	<i>Он сопутствовал ей.</i> ‘He accompanied her.’	<i>Он сопровождал ее.</i> ‘He accompanied her.’
submission	<i>Он подчинился жене.</i> ‘He submitted to his wife.’	<i>Он избаловал жену.</i> ‘He spoiled his wife.’

Unlike the genitive, we cannot show that the same verbs use both the dative and the accusative cases for their objects, but we can show that near synonyms take different cases. Thus giving compensation or monetary reward is rendered as *заплатить* ‘pay’, which requires the dative, or alternatively as *вознаградить* ‘reward’, which requires the accusative, and similar comparisons are offered for each type of dative-governing verb in Table 2. In both constructions the nominative entity has an impact on an object, which, depending upon the verb, is rendered as dative or accusative. Thus both constructions are arguably transitive. The constructions differ in that the dative case places greater emphasis on the ability of the object to react to N + V.

N + V + I: The instrumental case can be used in both intransitive and transitive contexts. The instrumental can mark the means by which an intransitive action such as motion is carried out, as in (26):

- (26) *Он улетит следующим рейсом.*
 [He-N fliesaway next flight-I.]
 ‘He leaves on the next flight.’

With verbs expressing being, seeming, and becoming, the instrumental identifies a category label for the nominative entity, as in (27):

- (27) *Почему я не родилась мужчиной?*
 [Why I-N not born man-I?]
 ‘Why wasn’t I born a man?’

Whereas (26) and (27) are uncontroversially intransitive, there are many types of verbs that appear in N + V + I constructions that have transitive properties. These include movement verbs like *махать* ‘wave’, leadership verbs like *командовать* ‘command’, possession verbs like *владеть* ‘possess’, manipulation verbs like *снабдить* ‘supply’, verbs of filling like *заниматься* ‘occupy’, and verbs expressing enjoyment or disgust like *наслаждаться* ‘enjoy’. The use of the instrumental with these verbs is motivated because they require some object through which their action is channeled. But once again we face the problem of deciding where to draw a line between objects marked with the accusative case (where transitivity is usually clear), and objects marked with another case. Table 3 provides comparisons between nearly synonymous expressions using the instrumental and the accusative.

Table 3: N + V + I vs. N + V + A

	N + V + I	N + V + A
movement	<i>Я бросал(ся) камнями.</i> ‘I threw stones.’	<i>Я бросал камни.</i> ‘I threw stones.’
manipulation	<i>Я хлопнул дверью.</i> ‘I slammed the door.’	<i>Я закрыл дверь.</i> ‘I shut the door.’
leadership	<i>Он командовал солдатами.</i> ‘He commanded the soldiers.’	<i>Он вел солдат.</i> ‘He led the soldiers.’

Both constructions describe how the energy of a nominative entity affects an object. As opposed to N + V + A, N + V + I de-emphasizes the impact of N + V on the object, which serves merely as a conduit for the action. Still, there is certainly overlap between N + V + I and N + V + A in the expression of transitivity. We even note that with movement verbs, sometimes the same verb can be constructed as both N + V + A and N + V + I.

N + V + N: This construction is only possible with verbs meaning ‘be’ and is unambiguously intransitive, as illustrated in (28):

- (28) *Отец был человек глубоко верующий.*
 [Father-N was person-N deeply religious-N.]
 ‘Father was a deeply religious person.’

To conclude this section, we have found that substitutions in the case marking of both participants can yield constructions with varying ability to express transitivity. A dative potential subject can serve as the head of a transitive action chain. Furthermore, genitive, dative, and instrumental, along with locative (with a preposition) can serve as the tail of a transitive action chain. In the next section we will look at constructions that result when participants are removed from the action chain.

3.4. Removing items from N+V+A and its enlargements

Most of the constructions we have examined thus far have contained a nominative subject which governed personal agreement for the verb. It is possible to create constructions without a nominative subject, and the resulting impersonal constructions show default neuter singular agreement for the verb. These constructions differ from the D + V + A construction discussed in 3.3 above in that they have no subject at all. In addition, it is sometimes possible to remove the verb as well, but in all instances one can recover the verb from context. In other words, the verb has been elided, but an implicit verb remains, and at any rate constructions without verbs are not very common or productive. Ultimately we will see that the most important item necessary to express transitivity is an object, with an explicit or implicit verb. Russian syntax shows that a subject/agent is not an essential element in the expression of transitivity.

In this section we will analyze the constructions that result when we remove the subject and/or verb from the prototypical transitive N + V + A construction, as well as from the «full action chain» construction of N + V + A + I, and from the ditransitive N + V + A + D. The constructions that result from these removals are V + A, N + A, A, V + A + I, and A + D. The removal of the nominative subject from both the prototypical transitive construction and the «full action chain» construction result in constructions that are both robustly productive and strongly transitive in Russian, whereas the remaining constructions are very limited in their use.

V + A: Russian has a subjectless construction that consists of only a verb and an accusative object. There are several verbs involving sickness and discomfort that use this construction, as in (29):

- (29) *Меня тошнит.*
 [Me-A be-sick.]
 'I feel sick'

This construction is very productive, especially for expressing unpleasant circumstances. Table 4 gives samples of the types of expressions that use this construction (with additional clauses and/or adverbials set off in parentheses).

Table 4: More examples of V + A

death	<i>(Что там,) человека убило?</i> '(What happened there,) was somebody killed?'	<i>Эту молодую женщину убило (в авиакатастрофе.)</i> 'That young woman was killed (in a plane crash.)'
injury	<i>(Они сперва вместе воевали, потом) Пашу ранило (но он поправился и опять пошёл воевать)</i> '(First they waged war together, then) Pasha got wounded (but he got better and again went to war).'	<i>(Вдруг) его обожгло.</i> '(Suddenly) he got burned.'
destruction	<i>Чью хату зажгло?</i> 'Whose hut was set on fire?]	<i>Квартиру разбомбило.</i> 'The apartment was bombed.'
damage	<i>Помпеи засыпало (не в 79 г. н. э., а в средние века.)</i> 'Pompei got buried (not in 79 AD but in the middle ages).'	<i>(У тебя что,) пластинку заело?</i> '(What's with you,) did the record get jammed?'
disturbance	<i>Трамвай трянуло.</i> 'The tram shook.'	<i>Всех всколыхнуло.</i> 'Everyone got roused up.'
discomfort	<i>(Смотри, как) её искорежило.</i> '(See how) she was writhing (with pain).'	<i>(При слове «разведусь») Людю передернуло.</i> '(At the word «I'm getting a divorce») Ljuda shuddered.'
uncontrolled experience	<i>(Он долго ждал, он терпел, и наконец) его прорвало.</i> '(He waited a long time, he suffered, and finally) he burst.'	<i>Риту осенило.</i> 'It dawned on Rita (an idea occurred to her).'

The V + A construction tends to profile actions that are not controlled, most of which are unpleasant. Though no agent is identified by the construction, for at least some examples it seems that an agent must have been present: someone bombed the apartment, someone or something must be responsible for death and injury. For most other examples, it is impossible to recover an agent. However, the degree to which an agent is recoverable seems to have no bearing on whether there is a trans-

fer of energy to an object. An energy transfer to an object is clearly present, indeed no less present than in N + V + A, indicating that the most important element in expressing transitivity is the patient. Contrary to what we might expect given Langacker's definitions, transitivity is evident even where an agent is absent.

N + A: This verbless construction is extremely limited, though it does allow a famous example:

- (30) *Кто кого?*
 [Who-N who-A?]
 'Who will get whom?'

As the translation indicates, there really is a verb here, though it is not expressed. Because a verb is implied, this construction is really just an abbreviated version of N + V + A, not an independent construction at all.

A: This construction, if it can be called that, can only occur in very specific contexts, as indicated in (31)—(32:)

- (31) (*Я сказал:*) «*Деньги!*»
 [(I-N said: «Money-A!»)]
 'I said: «Money!»'
 (32) (*Игорь сказал:*) «*На руку!*»
 [(Igor-N said: «Here hand-A!»)]
 'Igor said: «Here, take my hand!»'

As with N + A above, I will argue that this is not really a separate construction. Like N + A, this construction only occurs when there is an implied verb, and in this instance the implied verb is always an imperative, which means that there is also an implied second-person subject. (31) assumes a verb like 'give', and the only plausible way to parse the word на 'here, take' in (32) is as a verb meaning that has only one form, the imperative, in its paradigm.

V + A + I: The removal of the nominative subject from the «full action chain» gives us a verb with its transitive object and an instrumental means, as illustrated in (33):

- (33) *Москвича убило сосулькой.*
 [Muscovite-A killed icicle-I.]
 'A Muscovite was killed by an icicle.'

This construction is closely allied with the V + A construction and shares the characteristics of uncontrolled and often unpleasant activities. V + A + I is likewise a productive construction, and examples are provided in Table 5.

Table 5: More examples of V + A + I

death	<i>Мальчика убило током.</i> 'A boy was killed by an electrical shock.'	<i>Упавшим деревом убило 14-летнюю школьницу.</i> 'A 14-yr-old school girl was killed by a falling tree.'
destruction	<i>Молнией зажгло деревню.</i> 'Lightning set the village on fire.'	<i>Наводнением склон размыло.</i> 'The slope was washed away by the flood.'
damage	<i>Помпеи засыпало пеплом.</i> 'Pompei got buried by ash.'	<i>Машину засыпало снегом.</i> 'The machine got covered by snow.'
uncontrolled experience	<i>Тебя обдало ужасом.</i> 'You were overcome with horror.'	<i>Ирину обдало жаром.</i> 'Irina (suddenly) felt hot all over.'

Several of the examples in Table 5 use the same verbs as those in Table 4 (specifically *убило* 'killed', *зажгло* 'set fire', *засыпало* 'buried, covered', demonstrating that V + A + I is precisely an enlargement of V + A. Transitivity is clearly present again, despite the absence of a nominative subject. The link to V + A is essential in motivating the fact that the instrumental entity in this construction cannot be construed as the agent (cf. [Smith 1994]), even though this is a normal outcome for many (passive) constructions. Thus the semantics of the construction as a whole overrides the capacity of the instrumental to express the agent, making it impossible to say something like (34):

- (34) **Москвича убило солдатом.*
[Muscovite-A killed soldier-I.]
'A Muscovite was killed by a soldier.'

If a sentence like this means anything at all, it can only mean that some unnamed force wielded a soldier like a weapon and used it to beat the Muscovite to death. The strategy of avoiding assignment of an agent is so powerful in motivating this construction that a potential agent cannot be inserted, only instruments are acceptable.

A + D: There is some limited use of an abbreviated form of the N + V + A + D construction that involves the removal of both the nominative subject and the verb, as in (35):

- (35) *Кому что?*
[Who-D what-A?]
'Who gets what / What is for whom?'

However, we cannot really claim that the verb is missing here. The context in which this construction is possible requires a group of objects, a group of people, and someone who is trying to achieve the correct distribution of objects to people.

Some synonym of ‘give’ must be assumed, and it is possible to recover the agent as well. Once again we are dealing with a shorthand version of a fuller construction, namely $N + V + A + D$.

3.5. The radial network

By adding, changing, and removing participants involved in the prototypical transitive $N + V + A$ construction, we have identified eleven other constructions that can express transitivity in Russian. The three parameters suggest a semantic map for relationships among the constructions, as diagrammed in Figure 1.

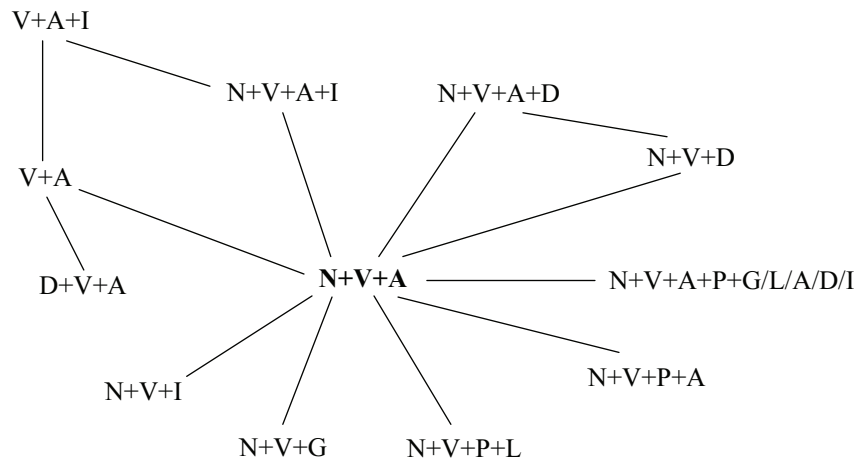

Figure 1: Semantic map of transitivity in Russian

Figure 1 is a radial category arranged around the prototype, with more peripheral members linked by relationships of addition, change of case marking, and removal.

The radial category shows both what types of constructions are related to the prototype and what the relationships are between constructions. Within the framework of the radial category it becomes possible to motivate relationships even among constructions that share no participants, for example $N + V + G$ and $V + A + I$ share no participants, but they both bear a relationship to the prototype and they both express transitivity. The strong links that hold $V + A + I$ in this category also motivate the fact that the instrumental is blocked from expressing an agent; this can be explained by the fact that the instrumental is necessarily an instrument also in the closely related «full action chain» $N + V + A + I$ construction: the role of the instrumental case remains the same across related constructions.

The radial category suggests a correlation between prototypicality and the order of appearance of constructions. As we see in Figure 1, there are no unexpected gaps in the network, and a construction that is further removed from the prototype (such as V + A + I) implies the presence also of an intermediary construction (such as N + V + A + I).

Furthermore, the pattern of constructions suggests an abstract schema that can account for all constructions that express transitivity. Transitivity can be present whenever we have a verb that impacts on an object. This schema gives us insight into the nature of transitivity, which can be characterized as a transfer of energy to an object. Prototypically there is an agent present, but Russian provides plenty of evidence to support the claim that an agent is not a necessary component in transitivity.

4.0. Conclusion

We have seen that it is possible to use the framework of cognitive linguistics to explore the syntax of transitivity. By exploring how transitivity is expressed across a range of constructions, we have been able to discover what the relationships are among constructions, and what their relationship is to the prototype. Ultimately we have been able to discover what elements are most essential in expressing transitivity (the verb and the object) and what elements are secondary (the subject and additional participants). The role of the object is so crucial that its complete removal is catastrophic for transitivity because a construction with no object instantiates instead the prototype for intransitivity. It is possible to change the marking of the object, with varying degrees of success (some resulting constructions are clearly transitive, some are only weakly transitive, and some are not). The same is not true for the subject, which can be both changed and deleted altogether. The schema that we have derived extends Langacker's model to include constructions that lack a subject. The interaction of semantics and syntax are responsible for the behavior of the V + A and V + A + I constructions: because they lack an agent, they are used specifically to describe events that are not under the control of an agent, or are construed to lack control, and thus provide a strategy for expressing situations that are out of normal human control. The radial network can serve as a model for a semantic map of transitivity that could facilitate cross-linguistic comparison.

This has been a modest attempt to apply cognitive linguistics to the analysis of relationships among syntactic constructions using semantic criteria. Since syntax is a product of semantic motives, similar work could be done on other categories, such as impersonal and causative, to reveal the various semantic strategies that underlie syntactic expressions.

Works cited

- Croft 2001 — *W. Croft*. *Radical Construction Grammar*. Oxford, 2001.
- Dowty 1991 — *D Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 67 (3). 1991. P. 547—619.
- Goldberg 1995 — *A Goldberg*. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, 1995.
- Janda 1993 — *L. A. Janda*. The Shape of the Indirect Object in Central and Eastern Europe // *Slavic and East European Journal*. Vol. 37. № 4. 1993. P. 533—563.
- Janda, Clancy 2002 — *L. A. Janda, J. Steven Clancy*. *The Case Book for Russian*. Columbus; Ohio, 2002.
- Langacker 1987 — *R. Langacker*. *Foundations of Cognitive Grammar Vol. I: Theoretical Prerequisites*. Stanford, 1987.
- Langacker 1991 — *R. Langacker*. *Foundations of Cognitive Grammar Vol. II: Descriptive Application*. Stanford, 1991.
- Langacker 2000 — *R. Langacker*. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, 2000.
- Smith 1994 — *M. B. Smith*. Agreement and Iconicity in Russian Impersonal Constructions // *Cognitive Linguistics*. 5. 1994. P. 5—56.
- Talmy 2000 — *L. Talmy*. *Toward a Cognitive Semantics. Vol. II: Typology and Process in Concept Structuring*. Cambridge (Mass.), 2000.
- Taylor 2002 — *J. Taylor*. *Cognitive Grammar*. Oxford, 2002.
- Turner 1996 — *M. Turner*. *The Literary Mind: The Origins of Thought and Language*. Oxford, 1996.

REMARKS ON SEMANTIC NEUTRALIZATION

Igor Mel'čuk

(University of Montreal)

1. Introduction

As far as I know, the notion of `semantic neutralization` (with the content that will interest me here) was introduced by Ju. Apresjan [1974: 158 ff.]. This notion seems important because it is directly related to paraphrasing, and linguistic paraphrase is at the heart of modern semantic studies. The following fact is crucial:

It is possible to construct (more or less) exact paraphrases, that is, paraphrases that have (almost) identical meanings, out of linguistic units — lexemes, idioms and meaningful syntactic constructions — that themselves share important semantic material, but are far from fully synonymous, that is, do not have identical meanings, showing only semantic inclusion or intersection, and therefore can be contrasted with one another.

This happens fairly often, in fact — in the majority of cases of paraphrasing. Because of this, the notion of semantic neutralization clearly deserves to be included in the conceptual apparatus of linguistics. However, it is not well defined as yet: it remains vague enough to allow for some uses that I find erratic. Therefore, in this paper I will try to make the term `semantic neutralization` more precise. The subsequent discussion is carried out in the framework of Meaning-Text theory, and certain familiarity with this theory is presupposed; several basic concepts of the theory — such as `semantic structure`, `semantic actant`, `lexical unit`, `lexical function`, etc. — are used without explanation.

Informally, semantic neutralization is the elimination, in a particular linguistic context, of the possibility of a semantic contrast between two lexical units [= LUs] or two meaningful syntactic constructions that in principle contrast semantically. More precisely, in this context, either 1) both of them are possible, but they lose their contrastive character and contribute to their respective utterances the same 'chunk' of meaning, or 2) only one of them is possible. The notion of semantic neutralization should be derived from the generalization obtained by considering in

parallel phonological and morphological neutralizations; that is, it should be defined by analogy with the latter. In other words, I want to introduce a general notion of neutralization that includes semantic neutralization as a particular case; this general notion must be founded on the notions of phonological and morphological neutralization. Therefore, I will start with the definitions of phonological and morphological neutralizations, in order to base on them the proposed definition of semantic neutralization. As a result, one third of the paper that discusses semantic neutralization is dedicated to phonological and morphological neutralization; however, I have no choice — this is within the logic of my construction.

I proceed from the notion of semantic neutralization as presented in [Apresjan 1974: 156—163, 239—242, 281—283], and then elaborated on in [Milićević 2006]. (For more on neutralization in general, see [Martinet (ed.) 1957; Martinet 1968; Rodríguez-Díez 1994; Devís-Márquez 1994]. [Ivanov 1957] explicitly states, even if in a sketchy way, the idea that phonological, morphological and semantic neutralization — in Ivanov's terms, 'neutralization in the lexicon' — should be defined in parallel and based on a general schema.)

2. Phonological and Morphological Neutralization

Definition 1: phonological neutralization¹

Phonological neutralization is a state of affairs within a word-form **w** (or within a phonological phrase) such that a phonological opposition $\mathbf{P} = \{/p_1/ : /p_2/\}$ between two phonemes is 'disabled' in a particular phonological context **X__Y** in **w**, where **X** and **Y** are phonological elements (phonemic features, phonemes, prosodic features, prosodies, or phonological positions).

The boldface colon «:» indicates a contrast; the meaning of the expression *is 'disabled'* is made more precise below. A stock example is neutralization of the opposition «/C_[+voiced]/ : /C_[-voiced]/» in the word-final position in Russian, where only voiceless consonants are possible: /l'és/ *lez* '[He] climbed' (*/l'éz/), with the radical /l'éz/, cf. /l'ézla/ '[She] climbed', etc.

Definition 2: morphological neutralization

Morphological neutralization is a state of affairs within a lex (= wordform or analytical form phrase) **I** such that a morphological opposi-

¹ (Def. 1) We owe the notion of phonological neutralization to N. Trubetzkoy (1939 [1949: 246—261]). In clarifying the general notion of neutralization, I am persistently following Trubetzkoy's basic ideas and distinctions.

tion $C = \{ 'G_1' : 'G_2' \}$ between two grammemes is ‘disabled’ in a particular morphological context X_Y in w , where X and Y are morphological, i.e., inflectional, elements (grammemes).

An example: in Russian, in a verbal form of the conjunctive mood the opposition of tenses is neutralized; the form such as *spal by_{CONJ}* ‘I/you_{SG}/he would sleep’ does not distinguish tenses and can refer to the present, the past or the future.

Remarks

1. In reference to morphological neutralization, we mean exclusively inflectional values — grammemes; thus, ‘morphological neutralization’ equals ‘inflectional neutralization’, but I opt for the current terminological usage.

2. In both cases, for simplicity’s sake, I consider binary oppositions, although natural languages have ternary and — in the domain of morphology — even more complex oppositions. This, however, does not reduce the generality of discussion.

3. A morphological opposition is nothing else but an inflectional category: for instance, the opposition of the grammemes ‘_{SGNOM}’ : ‘_{PLNOM}’ is the category of nominal number.

Now let us consider both types of neutralization in parallel. First I will identify logically possible varieties of neutralization, then consider what is common in both notions and, finally, indicate the differences between them.

Neutralization can manifest itself in one of the following three varieties:

— Only one of the opposed elements is possible in the neutralizing context (e stands for ‘element’):

Xe_1Y , **but not** $*Xe_2Y$; or Xe_2Y , **but not** $*Xe_1Y$.

This is *reducing neutralization*. (I will not consider a rare case when a third element, different from e_1 and e_2 , appears in the X_Y context.)

— Neither of the opposed elements is possible in this context:

neither $*Xe_1Y$, **nor** $*Xe_2Y$.

This is *absolute neutralization*. The whole opposition becomes non-expressible in the X_Y context.

— Both opposed elements are possible in this context, but without contrasting:

Xe_1Y is possible, **and** Xe_2Y is possible, **and** $Xe_1Y \equiv Xe_2Y$.

This is *equalizing neutralization*.

Common features of phonological and morphological neutralizations

1. **Place:** Both occur within a wordform **w** or within an analytical form phrase **l**, that is, the neutralizing context is inside **w/l** — a minimal text stretch.

2. **Content:** Both consist in 'disabling' of a phonological/morphological opposition **O** = {**e**₁ : **e**₂} in a particular phonological/morphological context **X__Y**. 'Disabling' means that the opposed elements **e**₁ et **e**₂, which, generally speaking, contrast in **L**, do not contrast in this particular context. In phonology, the corresponding phonemic feature **P** loses its distinctive power in the context of some other phonological phenomena: **P**'s values become excluded or non-contrastive. In morphology, the same thing happens with the corresponding inflectional category **C**: its grammemes cease to be able to contrast in the context of some other grammemes. The necessity of choice between **e**₁ and **e**₂ is not there anymore: this choice becomes impossible or irrelevant.

3. **Context:** Both neutralizations take place strictly in the corresponding type of the context, that is, phonological neutralization is conditioned exclusively by phonological context, and morphological neutralization exclusively by morphological (= inflectional) context.

4. **Role in a linguistic model:** Both types of neutralization appear in a linguistic model as constraints on the well-formedness of the representations of the corresponding level, that is, as filter rules [Mel'čuk 1992—2000, V: 52 ff., 142—143]; for more, see below in the examples.

In both types of neutralization it is 'one-sided' linguistic units (*figurae*, in L. Hjelmslev's terminology) that are neutralized: phonemes or grammemes. According to Definitions 1 and 2, 'two-sided' linguistic units — that is, signs — do not undergo neutralization.

Cf. a remark to this effect in [Ivanov 1957: 57].

Differences between phonological and morphological neutralizations

Of course the linguistic nature of phonological and morphological neutralizations is different:

1'. **Contexts:** The context of a phonological neutralization involves ordered strings of phonemes; it consists of phonemic features, phonemes, prosodemic features, prosodemes and phonological positions and presupposes either 'physical' cooccurrence of phonemes/prosodemes within the signifier of the wordform (or the phonological phrase) **w** or their 'physical' presence in a particular linear position in this signifier (say, initial or final position). The context of a morphological neutralization involves unordered sets of grammemes; it consists of grammemes and presupposes 'mental' cooccurrence of grammemes within the wordform's signified, i.e., belonging to the same set.

2'. **Varieties:** Because of their different substantial nature, it is to be expected that phonological and morphological neutralizations do not admit the same logical varieties: it seems that phonological neutralization cannot be absolute, while morphological neutralization cannot be equalizing².

Let us consider some examples.

Phonological Neutralization

Reducing neutralization

— In Russian, the consonant opposition $[\text{+voiced}] : [\text{-voiced}]$ is neutralized in the word-final position, where only the $[\text{-voiced}]$ member is possible: $*/l'éz/$ '[he] climbed' (cf. $l'ézla/$ '[she] climbed') $\rightarrow l'és/$, homophonous with $l'és/$ 'forest' (cf. $l'ésa/$ 'of-forest'); the pronunciation $*/l'éz/$ is impossible. (Cf. $/zón/$ 'of-zones' vs. $/són/$ 'dream_N', $/zl'ít'/$ 'angerv' vs. $/sl'ít'/$ 'pour', etc.)

In a model of Russian, this neutralization is reflected as the following filter rule (# stands for the 'wordform boundary'): $*/C_{[\text{+voiced}]}\#/$. This filter triggers the corresponding surface morphological alternation: $/C_{[\text{+voiced}]} \rightarrow /C_{[\text{-voiced}]}$.

— In French, the vocalic opposition $/e/ : /ɛ/ : /ə/$ is neutralized in a closed word-final syllable, where only $/ɛ/$ is admitted:

$/\tilde{e}\text{-se-re}/$ *insérer* 'insert' and $/a\text{-}\tilde{s}\tilde{a}\text{-te}/$ *acheter* 'buy', but only $/\tilde{e}\text{-sɛr}/$ *insère* '[he] inserts' and $/a\text{-}\tilde{s}\tilde{e}\text{t}/$ *achète* '[he] buys', $*/\tilde{e}\text{-ser}/$ and $*/a\text{-}\tilde{s}\tilde{a}\text{t}/$ being impossible;
 $/fe/$ *fée* 'fairy' vs. $/fɛ/$ 'fact', but only $/fɛ\text{t}/$ *faite* 'done_{FEM}' or $/fɛr/$ *faire* 'do', $*/fet/$ and $*/fer/$ being impossible.

In a model of French, the above neutralization is reflected as the following filter rules: $*/C_1eC_2\#/$ and $*/C_1əC_2\#/$, which trigger the corresponding alternations.

² The 'free' alternation of grammatical cases in Rus. *Xočeš' vodk+u_{ACC} / vodk+i_{GEN}?* 'Do you want some vodka?' does not represent morphological neutralization: the context is not grammemic, which is required by Definition 2. More than that, this is not neutralization at all, but a case of variable government by a transitive verb, see below. (Besides, in most environments this alternation is not free, but semantically controlled: *On vypil vodk+u* 'He drank up the vodka' vs. *On vypil vodk+i* 'He drank some vodka'.) The free alternation of grammatical numbers in sentences such as Rus. *Požiloj čelovek_{SG} legko prostužajetsja* 'An elderly person catches cold easily' \equiv *Požilye ljudi_{PL} legko prostužajutsja* 'Elderly people catch cold easily' [Zalznjak, Padučeva 1974] is not morphological neutralization, either: it represents semantic neutralization, see Note 6. Further examples of the semantic neutralization of the grammatical number opposition include neutralization in the context of a negated verb and a generic noun complement (*Ja ne uvidel ni odnoj pticy_{SG} / nikakix ptic_{PL}* 'I did not see any bird / I saw no birds'; *Nikakoj nadeždy_{SG} / Nikakix nadezd_{PL} ne ostavalos* 'There remained no hope / no hopes'. — This type of example was indicated to me by Ju. Apresjan).

Equalizing neutralization

— In Russian, the consonant opposition ‘[_{+palatalized}] : [_{-palatalized}]’ is neutralized in the labial consonant /f/ before a palatalized voiceless consonant; both /f/ and /f’/ are admissible before a voiceless /C’/, but in this position they do not distinguish meanings, i.e., they do not contrast: /stáft’i/ *stav’te* ‘put!_{IMPER-2PL}’ and /stáf’t’i/ are equally possible, as /d’éfk’i/ *devki* ‘girls’ and /d’éf’k’i/, /gatófs’a/ *gotov’sja* ‘prepare yourself!_{IMPER-2SG}’ and /gatóf’s’a/ — without any semantic difference. (Cf. /króf/ *krov* ≈ ‘shelter, roof’ ~ /króf’/ *krov’* ‘blood’, /fón/ *fon* ‘background’ vs. /fón’/ *fěn* ‘foehn wind’, etc.)³.

In a morphological model, this neutralization is reflected by the absence of the filter rule forbidding the sequence /C_{1[+labial, -palatalized]}C_{2[+palatalized]}/. Because of this, the surface morphological alternation /C_[+labial, -palatalized]/ → /C_[+labial, +palatalized]/ | ___/C_[+palatalized, -voiced]/ is optional, so that both variants — without the palatalization of the labial or with it — can be obtained in the process of text synthesis.

Morphological Neutralization

Reducing neutralization

— In Russian, the inflectional aspectual opposition ‘perfective : imperfective’ is neutralized in the reflexive passive form of the verb, where only the imperfective is possible:

*Analiz vypolnjaetsja*_{IMPERF} *texnikom* ‘The analysis is-being-carried-out by a technician’. ~ *Analiz vypolnjalsja*_{IMPERF} *texnikom* ‘The analysis was-being-carried-out by a technician’. ~ *Analiz *vypolnitsja*_{PERF} / **vypolnitsja*_{PERF} *texnikom* ‘The analysis was/will-be-carried-out by a technician’. [Instead, corresponding forms of the participial passive are used: *Analiz byl / budet vypolnen*_{PERF} *texnikom* ‘The analysis was/will-be carried-out by a technician’.]

Inversely, the same opposition is neutralized in the participial passive, except that here only the perfective is possible:

*Analiz *vypolnjaem*_{IMPERF} *texnikom* ‘The analysis is-being-carried-out by a technician’. ~ *Analiz *byl vypolnjaem*_{IMPERF} *texnikom* ‘The analysis was-being-carried-out by a technician’. ~ *Analiz byl / budet vypolnen*_{PERF} *texnikom* ‘The analysis was/will-be-carried-out by a technician’.

³ The palatalization opposition is neutralized in Russian in several other cases as well: the oppositions /s/ ~ /s’/ and /z/ ~ /z’/ are neutralized before /l’/ (/sl’ít’/ *slit’* ‘pour’ ~ /s’l’ít’/ and /zl’ít’/ ‘anger’ ~ /z’l’ít’/), /t/ ~ /t’/ and /d/ ~ /d’/ before /v’/ (/v’étv’í/ *vetvi* ‘branches’ ~ /v’ét’v’í/ and /d’vér’/ *dver’* ‘door’ ~ /d’v’ér’/), etc.; see [Avanesov 1983: 671 ff.].

[Instead, corresponding forms of the reflexive passive are used: *Analiz vypolnjaetsja*_{IMPERF} / *vypolnjalsja*_{IMPERF} / *budet vypolnjat'sja*_{IMPERF} *texnikom* 'The analysis is / was / will-be carried out by a technician'.]

Absolute neutralization

— In Russian, the inflectional opposition of the three adjectival/verbal genders is neutralized in the plural; that is, plural adjectives/verbs do not distinguish genders at all:

*umn+yj*_{MASC} *mal'čik* 'intelligent boy' : *umn+aja*_{FEM} *devočka* 'intelligent girl' : *umn+oe*_{NEU} *ditja* 'intelligent child' ~ *umn + ye*_{NEU} *mal'čiki, devočki, deti* 'intelligent boys, girls, children';

Mal'čik sidel+Ø '[The] boy was-sitting' : *Devočka sidel+a* '[The] girl was-sitting' : *Ditja sidel+o* '[The] child was-sitting' ~ *Mal'čiki / Devočki / Deti sidel+i* '[The] boys / girls / children were-sitting'.

— In Estonian, the opposition of the three verbal person and two numbers is neutralized in the negative polarity in all tenses (this does not happen in related and typologically very close Finnish); cf. the conjugation of the Estonian verb in the indicative:

LUGE-(*ma*) 'read'

present				past			
positive polarity		negative polarity		positive polarity		negative polarity	
<i>ma</i>	<i>loe+n</i> 'I read'	<i>ma</i>		<i>ma</i>	<i>luge+si+n</i> 'I read'	<i>ma</i>	
<i>sa</i>	<i>loe+d</i> 'you _{SG} read'	<i>sa</i>		<i>sa</i>	<i>luge+si+d</i> 'you _{SG} read'	<i>sa</i>	
<i>ta</i>	<i>loe+b</i> 'he reads'	<i>ta</i>	<i>ei loe</i>	<i>ta</i>	<i>luge+s+Ø</i> 'he read'	<i>ta</i>	<i>ei lugenud</i>
<i>me</i>	<i>loe+me</i> 'we read'	<i>me</i>		<i>me</i>	<i>luge+si+me</i> 'we read'	<i>me</i>	
<i>te</i>	<i>loe+te</i> 'you _{PL} read'	<i>te</i>		<i>te</i>	<i>luge+si+te</i> 'you _{PL} read'	<i>te</i>	
<i>nad</i>	<i>loe+vad</i> 'they read'	<i>nad</i>		<i>nad</i>	<i>luge+si+d</i> 'they read'	<i>nad</i>	

All these morphological neutralizations are reflected in the respective models by filter rules concerning the possible/impossible combination of grammemes. Thus, for the first Russian neutralization we have the filters *_{REFL} & _{PERF} | _{PASSIVE} and *_{NON REFL} & _{IMPERF} | _{PASSIVE} (i.e., «In the passive, the grammemes _{REFL} & _{PERF} and _{NON-REFL} & _{IMPERF} are respectively incompatible»).

In order to avoid confusion, I would like to formulate a warning against the two most current fallacies concerning morphological neutralization⁴.

⁴ I have myself been a victim of this confusion, having uncritically repeated others' statements: [Mel'čuk 1992—2000] contains several erroneous descriptions mentioning

• **Identity of formal expressions \neq neutralization**

The fact that some opposed grammemes have the same formal expression does not automatically mean neutralization of these grammemes: there are homophonous forms, too. Forty years ago A. Martinet [1968] proposed the term *syncretism* to describe identical forms that express contrasting grammemes (cf. as well [Rodríguez-Díez 1994]); this use of the term has a respectable tradition and can be recommended. Here is a formal definition:

Definition 3: syncretism

Let there be grammemes 'G1' and 'G2' that belong to the same inflectional category **C**; **form**('G') is a linguistic form that expresses the grammeme 'G'.

The grammemes 'G₁' and 'G₂' are said to be in *syncretism relation* in a particular context if and only if in this context they are expressed by identical forms:

$$\mathbf{form}('G_1') = \mathbf{form}('G_2')$$

Accordingly, the following is not an example of case neutralization (although it is rather often described as one). In Chukchee, all the oblique cases of non-human nouns have the same form in the singular and the plural, while the nominative has different forms in the two numbers.

For instance, the noun KEJŋƏN '(brown) bear' has the following case forms:

	SG	PL
NOM	kejŋ + ən	kejŋ + ət
INSTR	kejŋ + e	kejŋ + e
LOC	kejŋ + ək	kejŋ + ək
ABL	kajŋ + epə	kajŋ + epə
DAT	kajŋ + eta	kajŋ + eta
...

An oblique case has the same (homophonous) forms in the singular and the plural. However, these forms do express the number: they are by no means numberless. First, in all human nouns, oblique cases formally distinguish the singular and the plural. And second, even in non-human nouns, in the instrumental the number can be seen through agreement with the Main Verb:

'neutralization of grammemes' in cases where there is no neutralization. For instance, in vol. 2, 1994, p. 13—14, (2), the obligatory singular after a numeral in Turkish and the obligatory present (instead of the future) after the French conditional conjunction SI (if) are described as cases of neutralization, which is a mistake.

<i>Kejŋ</i> + <i>e</i>	Ø	+ <i>ʎu</i> + <i>nine</i>	+ <i>t</i>	<i>revəmrevət</i>
bear SG .INSTR	3SG .SUBJ	see 3SG .OBJ	PL .OBJ	partridges
'A bear saw partridges'.				
vs.				
<i>Kejŋ</i> + <i>e</i>	<i>ne</i>	+ <i>ʎu</i> + <i>ne</i>	+ <i>t</i>	<i>revəmrevət</i>
bear PL .INSTR	3PL .SUBJ	see 3SG .OBJ	PL .OBJ	partridges
'Bears saw partridges'.				

(Chukchee has the ergative construction of transitive verbs, so that the Subject KEJŋƏN, which controls the agreement of the MV, is in the instrumental.) Non-human Chukchee nouns in oblique cases are like the English nouns of the type SHEEP, MOOSE, BUFFALO, etc., which of course feature the two numbers, although the singular and the plural forms are homophonous; but agreement shows the opposition: *This buffalo is...* : *These buffalo are...* The bottom line is that there is no neutralization of grammatical case in the Chukchee noun; this is a typical manifestation of case syncretism. The similar situation is observed in closely related Koryak and Alutor.

As another example of syncretism, I can cite Russian invariable nouns (borrowings of the type PAL'TO 'coat_N', DEPO 'railroad repair shop', KAKADU 'cockatoo', ŠIMPANZE 'chimpanzee'). They have the same form in all cases of both numbers, yet they do of course carry the grammemes of number and case, which is clearly seen in agreement: *k mo+emu pal'to*_{SG-DAT} 'to my coat' vs. *s mo+imi pal'to*_{PL-INSTR} 'with my coats' or *Èt+o*_{SG-NEU-NOM} *depo byl+o*_{SG-NEU...} 'This repair shop was...' vs. *Èt+i*_{PL-NEU-NOM} *depo byl+i*_{PL...} 'These repair shops were...'. (The grammemes of number and case are expressed in the nouns of this type cumulatively — by the whole form.) So again there is no morphological neutralization, but rather syncretism.

• Morphological dependency ≠ neutralization

When one lexeme imposes a particular grammeme on another lexeme this is by no means morphological neutralization, because in this case the 'neutralizing' context is not grammemic. In such a situation we are dealing with a morphological dependency: government or agreement. Thus, the following four cases are not manifestations of neutralization, but of morphological government:

— The impossibility of the grammeme 'FUTURE' in the verb after the conditional conjunction IF / Fr. SI: the reference to future must be expressed here by the grammeme 'PRESENT' (*If Mary leaves ...* vs. **If Mary will leave ...*; *Si Marie part ...* 'If Mary leaves' vs. **Si Marie partira ...* 'If Mary will-leave').

— The impossibility of the grammeme 'PERFECTIVE' in the past tense verb modified by the adverb Rus. NIKOGDA 'never': this verb can be only imperfective (*On*

*nikogda ne vstavala*_{IMPERF} *rano* 'He never was getting up early' vs. **On nikogda ne vstal*_{PERF} *rano* 'He never got up early'; to express the corresponding meaning one has to use an adverbial expression NI RAZU 'not once': *On ni razu ne vstal rano* 'He did not get up early even once').

— The impossibility of the grammeme 'PLURAL' in the noun modified by a quantifying lexeme in Kartvelian, Uralic and Altaic languages: such a noun can be only singular (Geor. *xuti bavšv+i* < **bavšv+eb+i* _{lit.} 'five child' or *cola saxli* < **saxl+eb+i* _{lit.} 'few house').

— The impossibility of the opposition 'indicative : subjunctive' in the context of French LUs *Il faut [que X...]* 'It is necessary that X...' or *quoique* 'although': only the subjunctive is admissible here. ([Martinet 1968: 13—14] wrongly treats this as a case of morphological neutralization.)

In a similar vein, the impossibility of the grammeme 'MASCULINE' in an adjective that modifies a feminine noun (Fr. *table ronde* 'round table' vs. **table rond*) does by no means manifest neutralization, either: this is the most trivial agreement.

Having discussed phonological and morphological neutralizations, I am able to say what semantic neutralization is.

3. Semantic Neutralization

Let there be a Semantic Structure [= SemS] 'S', a sentence *S* that is being synthesized out of 'S', and two non-synonymous LUs L_1 and L_2 that manifest a semantic opposition $\mathbf{O} = \{s_1 : s_2\}$, such that $L_1(s_1)$ and $L_2(s_2)$. These LUs can be quasi-synonyms or quasi-conversives or else stand in a relation of syntactic derivation, see below. What interests us here is, under which condition — that is, in what context — does the choice between L_1 and L_2 become irrelevant, because the opposition \mathbf{O} is neutralized? Such a condition is of course the presence in 'S' of a particular semanteme configuration. (A semanteme is, generally speaking the signified of a LU of the language.)

Definition 4: semantic neutralization

Semantic neutralization is a state of affairs within a sentence *S* such that the semantic opposition $\mathbf{O} = \{s_1 : s_2\}$ of two lexical units is 'disabled' in a particular semantic context X_Y within 'S', where *X* and *Y* are semanteme configurations.

Semantic neutralization is defined for a sentence (or a fragment thereof), not for a wordform (or an analytical form phrase): it is manifested in the process of producing of a sentence — namely, in the process of lexicalization. As a result, one

should not say, for instance, that the semantic opposition ‘male : female’ characteristic for the names of domestic animals is neutralized in the names of young ones (as is rather often said): BULL ~ COW, but CALF (both sexes), DOG ~ BITCH, but PUPPY (both sexes), HEN ~ ROOSTER, but CHICK (both sexes), etc. (cf. the same phenomenon with CHILD, BABY, INFANT, TODDLER, etc.). Strictly speaking, according to Definition 4, this is by no means a case of semantic neutralization.

As we see, just as in both previous types of neutralization (i.e., phonological and morphological), semantic neutralization is conditioned by a purely linguistic — namely, semantemic — context. It can give rise to exact paraphrases (in case of complete neutralization, see below) and shows two varieties: reducing and equalizing neutralizations; due to the nature of semantic neutralization, absolute semantic neutralization is logically impossible.

Semantic neutralization of an opposition between semantemes under lexicalization of a given SemS can involve three major types of semantically related LUs: quasi-synonyms (1), quasi-conversives (2), and syntactic derivatives (3). Below are some examples, followed by a brief discussion.

(1) Neutralization of quasi-synonyms (adapted from [Apresjan 1974: 242])

a. (i) Rus. SNAČALA ≈ ‘at the beginning’ vs. PERVYM DELOM ≈ ‘[do something] first’: *snačala P* ‘the first thing is P’ vs. *pervym delom P* ‘the first thing **person X does** is P’ [the difference between the two semantemes is boldfaced].

These two LUs are quasi-synonyms such that their semantemes are in a relation of inclusion: ‘pervym delom’ \supset ‘snačala’. The semantic difference that must be neutralized here is ‘person X does...’ present in ‘pervym delom’, but absent from ‘snačala’⁵. Because of this, ‘pervym delom’ can be used only when P is a conscious, teleological action by a person, while ‘snačala’ is acceptable with every P. Therefore, three cases have to be distinguished:

Let there be a SemS that contains a fact ‘P’.

- (i) If P is not a teleological action fully controlled by the Semantic Actant [= SemA] A1(P), then only ‘snačala’ is possible (this is a reducing neutralization).
- (ii) If P is a teleological action fully controlled by A1(P), then both ‘snačala’ and ‘pervym delom’ can be used indiscriminately, since in the context of such a P these semantemes do not contrast (an equalizing neutralization).
- (iii) If P is a teleological action, but it can be or not controlled by A1(P), then both ‘snačala’ and ‘pervym delom’ are possible, but then they contrast semantically.

⁵ There are other, more subtle differences between in (pervym delom) and (snačala), which can be ignored in this discussion.

Cf. the examples:

- (i) 1. *Snačala* ⟨**Pervym delom*⟩ *zabolel Petja, a potom i Kolja*
 ‘First, Petja fell ill, and then Kolya, too’.
 2. *Snačala* ⟨**Pervym delom*⟩ *idět dožd’, a potom stanovitsja xolodno*
 ‘First, it rains, and then it gets cold’.
- (ii) *Snačala* ⟨≡ *Pervym delom*⟩ *nado dostat’ bilet, a potom uvidim*
 ‘First, we need to get a ticket, and then we’ll see’.
- (iii) *Snačala my povernuli napravo, a potom pošli prjamo*
 ‘First, we turned right, and then continued straight ahead’. [it just happened like that] ≠
Pervym delom my povernuli napravo, a potom pošli prjamo
 ‘First, we chose to turn right, and then continued straight ahead’. [we decided
 to do this.]

b. Eng. EVERY vs. ANY

These two LUs in principle contrast semantically, cf.:

We will test every student in the class. [all of them] ≠

We will test any student in the class. [just one arbitrarily selected student]

Every student had this book. [all of them] vs. **Any student had this book.*

But in a generic context, their opposition is neutralized (again, an equalizing neutralization):

Every <≡ *Any*> *student has the right to be tested.* [all of them]

(2) Neutralization of quasi-conversives (adapted from [Apresjan 1974: 159])

Rus. SČITAT’ *Y-a Z-om* ‘consider’ vs. SČITAT’SJA *u X-ov Z-om* ‘be considered’:

X sčitaet Y-a Z-om : ⟨X considers Y to be Z⟩

vs.

Y sčitaetsja u / sredi X-ov Z-om : ‘Y is considered by several Xs to be Z’

These two LUs are quasi-conversives such that ‘sčitaetsja’ ⊃ ‘sčitaet’; ‘sčitaetsja’, in contrast to ‘sčitaet’, contains the semantic component ‘several’, which is to undergo the neutralization. If in the starting SemS the SemA X is just one person, only SČITAT’ can be used (a reducing neutralization). But if X is a group of people, then both quasi-conversives are possible — without any semantic distinction between them (this is also an equalizing neutralization):

(i) *Ètot fizik sčitaet Petju geniem* ‘This physicist considers Pete to be a genius’.

vs.

**U ètogo fizika / Ètim fizikom Petja sčitaetsja geniem*

‘By this physicist Pete is-considered to be a genius’.

- (ii) *Èti fiziki sčitajut Petju geniem* ‘These physicists consider Pete to be a genius’. ≡

U / Sredi ètix fizikov / Ètimi fizikami Petja sčitaetsja geniem
 ‘By these physicists Pete is-considered to be a genius’.

(3) Neutralization of syntactic derivatives (borrowed from [Milićević 2006])

a. The sentences

There is no doubt that he will return. ≈ *There is no doubt of his return.*

are not fully synonymous, because, unlike the verb phrase (*he*) *will return*, the noun phrase (*his*) *return* may refer both to the future and to the past (to a return that already happened). However, in the context, say, of the semanteme ‘tomorrow’ (or a different indication of a future moment) this semantic difference gets neutralized, so that this is another equalizing neutralization:

- b. *There is no doubt that he will return tomorrow / next year.* ≡

*There is no doubt of his return tomorrow / next year*⁶.

(Note that in (3), neutralization affects not the signifieds of the LUs RETURN_V and RETURN_N as such, because these signifieds are identical. What is semantically neutralized is the different capacity of accepting inflectional categories: any form of RETURN_V obligatorily expresses the tense, i.e., a reference to time, while RETURN_N cannot express time reference at all.)

⁶ In addition to the three major cases of semantic neutralization considered so far—concerning quasi-synonyms, quasi-conversives, and syntactic derivatives — there are some minor, more specific cases. Those include, for instance, the neutralization of the semantic inflectional opposition ‘SINGULAR : PLURAL’ in the noun in a distributive context in French, as in

- (i) Fr. *Ils étaient accompagnés de leur épouse* lit. ‘They were accompanied by their wife’. ≡

Ils étaient accompagnés de leurs épouses lit. ‘They were accompanied by their wives’.

The sentences in (i) are perfectly synonymous, since the semantics of French allows the speakers to mark the distributed plural DirO by the singular grammeme. (The example is from E. Buyssens — in [Martinet (ed.) 1957: 35]; Buyssens, however, does not recognize this as a case of neutralization.) Let me emphasize that this, as well as grammatical number neutralization in a generic context (see Note 2), is a case of semantic neutralization, not morphological: first, it takes place within the boundaries of a sentence, not of a wordform or an analytical form; and second, although the difference neutralized is between grammemes, the neutralizing context is semantemic, rather than grammemic.

Interestingly, I am not aware of any case of semantic neutralization of quasi-antonyms. There are, as far as I can say, no general reasons why this particular case of neutralization is impossible; perhaps the reason is that paraphrasing even with exact antonyms is not a wide spread phenomenon?

Let us now summarize the properties of semantic neutralization.

1. **Place:** Semantic neutralization of the opposition between two LUs happens within the sentence *S*, or, more precisely, in the SemS (*S*) of this sentence — rather than within a wordform, as is the case with phonological and morphological neutralizations.

2. **Content:** Semantic neutralization also consists in ‘disabling’ a semantic opposition $\{s_1 : s_1'\}$. But while phonological and morphological oppositions are very few in number in a language — at most about a couple of dozen — and therefore they recur with a very high frequency, semantic oppositions are extremely numerous — in the order of tens of thousands — and their recurrence is minimal. This fact is responsible for the hazy status of semantic neutralization: the notion cannot be as clear-cut as phonological/morphological neutralization. The analogy is useful, but we must understand its limitations. Semantic neutralization has an aura of metaphor about it, and this has to be accepted.

In a sharp contrast to phonological and morphological neutralizations, semantic neutralization can be gradable: complete or partial, the latter showing variable degrees. Complete semantic neutralization leads in principle to exact paraphrases, while partial semantic neutralization underlies approximate paraphrases. This is, however, another story.

3. **Context:** The context of semantic neutralization is semantemic; in this sense, it corresponds to the general idea of linguistic neutralization.

4. **Role in the model:** It is in this respect that semantic neutralization is the most different from its phonological and morphological counterparts. Because of the practically unlimited number of semantic oppositions in a language, semantic neutralizations do not translate into specific constraints on semanteme combinations. There are, to be sure, rules for well-formedness of a SemS, but they are of a very general nature: roughly, of the type ‘Avoid logical contradictions!’ These rules cannot and do not specify particular forbidden semanteme configurations.

To sum up, semantic neutralization is observed in the SemS of a sentence during its lexicalization. The phenomenon can be visualized as a semantic rule; let me give in Fig.1 (next page) the rule for the production of the paraphrases in (2).

Now I can switch to two linguistic phenomena that resemble semantic neutralization in some respects without really being subclasses of it: one is neutralization, but not semantic; the other, semantic, but not neutralization.

4. Two Phenomena Similar to — but Different from — Semantic Neutralization

4.1. Pragmatic Neutralization

This is not a case of LINGUISTIC neutralization at all, although it is a neutralization: it is a phenomenon that only looks like semantic neutralization, being formally and substantially different from it:

- Semantic neutralization is conditioned by strictly linguistic factors, namely, by the presence of a particular semanteme configuration inside the SemS of a sentence; pragmatic neutralization is conditioned by extra-linguistic, or pragmatic, factors, namely, by the presence of a particular state of affairs in the universe.
- Semantic neutralization can yield exact paraphrases (if it is complete), pragmatic neutralization, only approximate paraphrases.

Semantic Structure Deep-Syntactic Structure Neutralizing Context

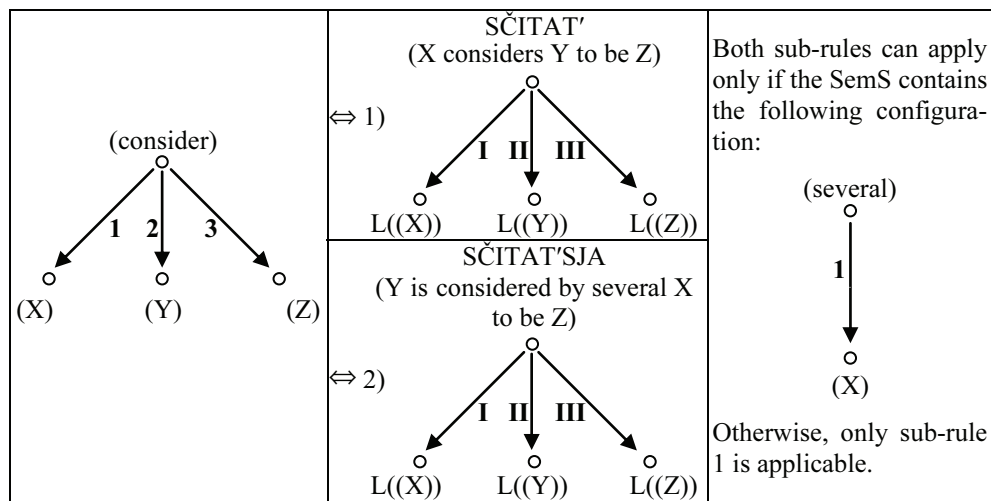

Figure 1: The Semantic Rules for the Paraphrases

Oni sčitajut ego geniem ‘They consider him [a] genius’. ~
On sčitaetsja u nix geniem ‘He is-considered by them [a] genius’.

- Semantic neutralization is conditioned by strictly linguistic factors, namely, by the presence of a particular semanteme configuration inside the SemS of a sentence; pragmatic neutralization is conditioned by extra-linguistic, or pragmatic, factors, namely, by the presence of a particular state of affairs in the universe.

- Semantic neutralization can yield exact paraphrases (if it is complete), pragmatic neutralization, only approximate paraphrases.

Yet this is neutralization — it boils down to ignoring some semantic differences in a particular pragmatic context. 15

Definition 5: pragmatic neutralization

Pragmatic neutralization is a phenomenon involving a pair of sentences that, although their meanings and referents are different, are accepted by speakers as equivalent in a given context, because their perceived semantic differences are judged irrelevant in the situation under consideration.

For instance (examples (4) and (5) are adapted from [Milićević 2006]):

(4) **a.** *John walked quickly across the road.*

and

b. *John hurried across the road.*

Sentence (4a) and (4b) are not fully synonymous nor do they refer to the same state of affairs:

- HURRY does not entail (walk), since you can hurry running, riding a bike or even driving;
- HURRY is not implicative, while WALK is: at least for some speakers, (4a) implies that John reached the other side of the road, while (4b) does not (cf. *John walked quickly across the road, *but was stopped in the middle of it by a policeman.* vs. *John hurried across the road, but was stopped in the middle of it by a policeman.*).

Yet in spite of this, (4a) and (4b) are paraphrases, albeit approximate: if it is clear from what has been already said that John was on foot and reached the other side of the road, no one will bother to insist on the distinctions being explicitly expressed—it is simply not interesting; therefore, any of the sentences (4) can be used indiscriminately.

(5) **a.** *The victim was stabbed to death.*

and

b. *The victim was killed with a knife.*

This is more or less the same story: in (5a), the victim could have been stabbed with a screwdriver or a knitting needle, in (5b), the knife could have been used not to stab, but to slit the victim's throat. And yet, under most circumstances, a journalist reporting the event can optionally use one or the other sentence: they are approximate paraphrases, the differences being 'neutralized' by the situation.

Now, before considering a more complex illustration of pragmatic neutralization in (6) below, I would like to point out another phenomenon that is often said to represent semantic neutralization, although this is not at all the case. The phrases *heavy accent* and *thick accent* mean the same: ‘heavy accent’ = ‘thick accent’, but of course ‘heavy’ ≠ ‘thick’. Can we say then that here we see semantic neutralization of opposed signifieds ‘heavy’ and ‘thick’ in the context of ‘accent’? By no means. The fact is that the adjective that appears in *thick accent* is not the adjective THICK_i ‘having relatively great extent from one surface to the opposite’ (*a thick plate*) or a similar one, but the adjective HICK_i, whose signified is a reference to the Lexical Function **Magn**, a collocational intensifier:

Magn(ACCENT) = *thick* [= ‘such that the deviation from the phonetic norm is big’]

And *heavy* in *heavy accent* is HEAVY_j, also a value of the same Lexical Function **Magn**:

Magn(ACCENT) = *heavy* [= ‘such that the deviation from the phonetic norm is big’]

Therefore, THICK_i and HEAVY_j are perfect (= absolute) synonyms, so that the cases of the type of *thick* ≡ *heavy* *accent*, which involve Lexical Functions, do not reflect semantic neutralization.

Here is a nice example of how the use of LUs that are not fully synonymous can lead, in an appropriate context, to pragmatic paraphrases accepted as fully equivalent.

	<i>Chaos</i>	<i>fou/folle</i>	
(6) Fr.	<i>Confusion</i>	<i>démentiel(le)</i>	<i>sur les autoroutes du Midi</i>
	<i>Pagaille</i>	<i>incroyable</i>	
	<i>Désordre</i>	<i>terrible</i>	

[*Le français dans le monde*, 1990, n° 235, p. 66 ff.]

	Chaos	crazy	
lit.	‘Confusion	insane	on the highways in the South’
	Mess	incredible	
	Disorder	terrible	

In the left column, *chaos* is not fully synonymous with *confusion*, and *pagaille* with *désordre* — no more than *chaos* is with *pagaille* or with *désordre* (although of course these lexemes have heavy semantic overlaps: they are quasi-synonyms). However, the sixteen options that one can obtain combining the four nouns with the four adjectives in all possible ways are quite equivalent in this particular context — as headlines for a newspaper article about the beginning of the holiday season: the existing semantic differences are ignored, because they are perceived as ir-

relevant. Note, however, that the differences neutralized in (6) by the extralinguistic situation are semantic differences between the nouns in the left column. There is no semantic neutralization or even pragmatic neutralization between the four adjectives in the right column: all of them mean the same, namely, 'intense', because they represent the values of the Lexical Function **Magn**; therefore, they are simply synonymous.

Substantially, pragmatic neutralization is extra-linguistic — its context calls for the knowledge about the universe. Yet technically, it is a 'normal' contextual neutralization: the neutralizing context is created by data about the situation to which the sentence in question refers. More than that: the paraphrases that are obtained due to pragmatic (= extra-linguistic) neutralization are themselves linguistic: they can be produced by semantic rules for approximate synonymy. This is, however, a question to be analyzed in a different work.

4.2 Semantic Compensation

This phenomenon does not represent a NEUTRALIZATION, although it is fully linguistic. Suppose we have the same situation as for Definition 4: a SemS 'S', a sentence **S** that is being synthesized out of 'S', and two non-synonymous LUs L_1 and L_2 that manifest a semantic opposition $\mathbf{O} = \{s_1 : s_2\}$, such that ' $L_1 \supset s_1$ ' and ' $L_2 \supset s_2$ '. These LUs compete for a place in the sentence **S** just as above, but this time the SemS 'S' does not contain any context that could produce semantic neutralization of \mathbf{O} . Suppose that for some special reasons the Speaker wants the LU L_2 , but it lacks the semanteme ' s_1 ', necessary for the meaning he wants to express. In the absence of the context that could neutralize this lack, the Speaker can add another LU L_3 that expresses the semanteme ' s_1 ' and thus 'counterbalance' the semantic deficiency of L_2 . What he does is compensate for the lack of ' s_1 ' in ' L_2 '.

Definition 7: semantic compensation

Semantic compensation in sentence **S** is an operation performed by the Speaker in case the opposition $\mathbf{O} = \{s_1 : s_2\}$ between two LUs is not 'disabled' by context, so that **S** fails to express the semanteme ' s_1 ' which the Speaker wants expressed; this operation introduces into **S** an additional LU that expresses the semanteme ' s_1 '.

For instance, sentences in (3a), which are not exact paraphrases, are rendered exact by introducing the LU $\text{FUTURE}_{\text{Adj}}$ into the second sentence:

(7) *There is no doubt that he will return.* = *There is no doubt of his **future** return.*

FUTURE_{Adj} expresses the configuration of semantemes ‘after now’ [= ‘s₁’]⁷ and thus compensates for the lack of tense in English nouns, which makes it impossible to mark on RETURN_N the reference to the future.

Semantic compensation does not correspond to the general schema of the definition for neutralization: the presence of a corresponding context is a defining feature of phonological and morphological neutralization, and the idea that guides us is to follow the analogy as closely as possible. Therefore, semantic compensation is of course not neutralization. Nevertheless, it is difficult not to call it something like ‘compensatory neutralization’: the name simply rolls off the tongue. The fact is that in such a usage we are dealing with a different sense of the word *neutralization*, the one we see in *By adding this liquid, he neutralized the acid in the solution*. The semantic neutralization we have defined presupposes a context that makes an opposition irrelevant; the ‘compensatory neutralization’ presupposes a Speaker who adds LUs to the sentence he is synthesizing in order to ‘extinguish’ an opposition he does not want. In the final analysis, one can speak about *compensatory neutralization*, but at a price: this complex term is phraseologized — an idiom, since within it, and only within it, the term *neutralization* does not have the same meaning as in all other *neutralizations*.

Acknowledgements

Lidija Iordanskaja went through the preliminary version of the paper (more than once), and her remarks led to an overhaul of the text; subsequent variants were read and criticized by M. Alonso Ramos, Ju. Apresjan, L. Iomdin, E. Marshman, and J. Milićević. My most cordial thanks to all these colleagues: they ensured the semantic neutralization and compensation of several blunders and inaccuracies in my original text. Whichever survived their scrutiny remain on my personal conscience.

References

- Apresjan 1974 — Ju. Apresjan. *Leksičeskaja semantika. Sinonimičeskie sredstva jazyka*. M., 1974 [Reprinted: 1995. See also the updated translation: *Ju. Apresjan. Lexical Semantics: User’s Guide to Contemporary Russian Vocabulary*. Ann Arbor (MI), 1992.]
- Avanesov 1983 — R. Avanesov. *Svedenija o proiznošenii i udarenii* // S. Borunova, V. Voroncova, N. Es’kova. *Orfoèpičeskij slovar’ russkogo jazyka*. M., 1983. P. 659—684.
- Devís-Márquez 1994 — P. P. Devís-Márquez. *Some Cases of Neutralization on the Sentence Syntactic Level* // A. Briz, M. Pérez-Saldanya (eds.). *Categories and Functions* [= LynX. Vol. 4]. Valencia, 1994. P. 97—116.

⁷ In the first sentence, this semanteme configuration leads to the grammeme ‘FUTURE’.

- Ivanov 1957 — *V. Ivanov*. Ponjatie nejtralizacii v morfologii i leksike // *Bjulleten Ob'edinenija po problemam mašinnogo perevoda*. Vyp. 5. 1957. P. 55—57.
- Martinet 1968 — *A. Martinet*. Neutralisation et syncrétisme // *La linguistique*. 4. 1. 1968. P. 1—20.
- Martinet (ed.) 1957 — *A. Martinet* (ed.). La notion de neutralisation dans la morphologie et le lexique. Paris [= *Travaux de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris*. Vol. II], 1957.
- Mel'čuk 1992—2000 — *I. Mel'čuk*. Cours de morphologie générale. Vol. 1—5. Montréal; Paris: Les Presses de l'Université de Montréal / CNR.S, 1992—2000.
- Milićević 2006 — *J. Milićević*. La paraphrase. Modélisation de la paraphrase langagière. Bern, 2006.
- Rodríguez-Díez 1994 — *B. Rodríguez-Díez*. Syncretism and Neutralization in the Domain of Grammar // *A. Briz, M. Pérez-Saldanya* (eds.). *Categories and Functions* [= *LynX*. Vol. 4], Valencia, 1994. P. 27—65.
- Trubetzkoy 1939 — *N. Trubetzkoy*. Grundzüge der Phonologie. Prag, 1939 [Principes de phonologie / French transl. by J. Cantineau. Paris, 1949].
- Zaliznjak, Padučeva 1974 — *A. Zaliznjak, E. Padučeva*. O kontekstnoj sinonimii edinstvennogo i množestvennogo čisla suščestvitel'nyx // *Informacionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomatičeskogo perevoda*. 4. 1974. P. 30—35.

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ГРАММАТИКЕ И ЛЕКСИКЕ: ВКЛАД ЕЛЕНА ВИКТОРОВНЫ ПАДУЧЕВОЙ И ЕЁ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

С. А. Крылов

1. Краткая биографическая справка о Е. В. Падучевой

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ПАДУЧЕВА окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова в 1957 г. Работает во Всероссийском институте научной и технической информации РАН, главный научный сотрудник. Доктор филологических наук (с 1984 г.), профессор (с 1996 г.), иностранный член Американской академии наук и искусств (с 1976 г.), член Европейского лингвистического общества (с 1987 г.), член Грамматической комиссии Международного комитета славистов (с 1991 г.).

Кандидатскую диссертацию защитила в 1965 году под руководством Вяч. Вс. Иванова. Занималась применением математических методов в описании языка, машинным переводом, трансформационным синтаксисом русского языка, логическим анализом языка, семантикой грамматических форм времени и вида, просодией и коммуникативной структурой предложения.

В 1974 году опубликовала книгу «О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка», посвященную проблеме описания вклада синтаксической структуры в смысл предложения; в 1985 году — книгу «Высказывание и его соотнесенность с действительностью» о теории референции и прагматических аспектах языка. В книге «Семантические исследования» (1996 г.) развивается подход к семантике нарратива, продолжающий традиции московско-тартуской семиотической школы и пионерские идеи Р. Якобсона и Э. Бенвениста о речевом и нарративном режиме интерпретации дискурса. Книга «Динамические модели в семантике лексики» (2004 г.) отражает результаты многолетних исследований по грамматической и лексической семантике русского глагола, а также опыт работы автора с лексическими базами данных.

Преподавала и выступала с лекциями в университетах Германии, Италии, США, Финляндии, Швеции, Швейцарии. Читала курсы лекций по теоретической семантике и компьютерным словарям на филологическом факультете МГУ и на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ.

Руководила проектами Международного фонда INTAS «A formal description of the verb lexicon, semantic prediction of morpho-syntactic combinability and meaning shifts»; Российского фонда фундаментальных исследований «Компьютерные подходы к выявлению системной организации в лексике» 2001 года; Российского гуманитарного научного фонда: «Словарь как база данных» 1995 года; «Грамматика сочетаемости» 1997 года; «Тематические классы и парадигмы регулярной многозначности русских глаголов» 1999 года; «Таксономические классы актантов и парадигмы многозначности глагола» 2002 года; «Семантические классы глаголов и отглагольных существительных в экспертной системе “Лексикограф” и в Национальном корпусе русского языка» 2005 года.

2. Основные направления исследовательской деятельности научной школы Е. В. Падучевой в области динамической семантики¹

На протяжении трех десятилетий своего существования (то есть с середины 1970-х гг.) научная школа Е. В. Падучевой проводила исследования семантики естественного языка. Вначале речь шла о семантике грамматики (т. е. синтаксиса и морфологии), позднее к грамматике добавились лексика и проблемы взаимодействия грамматики и лексики. Исследования носили отчасти прикладной характер, но в сущности теоретические разработки и конкретные приложения всегда объединялись воедино: разрабатывался концептуальный аппарат, в рамках которого оказывалась возможной постановка новых, все более общих задач. Существенно, что прикладная направленность порождала установку на формализацию.

2.1. Семантика синтаксиса

В основе этого цикла работ, обобщенного в книге Е. В. Падучевой «О семантике синтаксиса» 1974 г., лежала очевидная идея о том, что смысл синтаксического целого — будь то словосочетание или фраза — никогда не равен сумме смыслов частей и что, следовательно, синтаксис имеет свою семантику. К синтаксическим конструкциям было применено нечто подобное

¹ Ссылки на литературу даются лишь в той мере, в какой они касаются основных направлений работ Е. В. Падучевой или представителей ее научной школы.

методу толкований (такая схема в это время уже с успехом применялась в лексике): семантика синтаксической конструкции описывалась путем трансформационного порождения ее из других, более примитивных синтаксических же конструкций, смысл которых считался самоочевидным. За самоочевидный был принят синтаксис языка логики предикатов первого порядка (все синтаксические связи в котором, действительно, сводятся к аргументно-предикатным). Диссертация и монография Т. Д. Корельской (см. [Корельская 1975]) была посвящена формализации эксплицирующих трансформаций.

На этой основе было дано «толкование» целому ряду конструкций русского языка — определительным, сочинительным, эллиптическим, кванторным; конструкциям с числительными, с отрицанием, с предикатными именами и под. Естественным продолжением работ этого цикла были две статьи в соавторстве с Г. Е. Крейдлиным о союзе *a*, а также статьи самого Г. Е. Крейдлина о словах *даже* и *наоборот* и его диссертация «Служебные слова в русском языке: семантические и синтаксические аспекты их изучения» (1979). Статьи о союзе *a*, выявившие взаимодействие семантики, актуального членения и ассоциативных связей, до сих пор привлекают внимание лингвистов, а позднейшие исследования выявили новые аспекты семантики этого союза — эгоцентричность и, как следствие этого, синтаксическую неподчинимость.

Для работы с «глубинным» синтаксисом потребовались уточнения в поверхностном, см. статью [Падучева 1964] о способах представления синтаксической структуры предложения; для представления эллипсиса использовалось понятие нулевого анафорического знака (по Якобсону), который стал предшественником нулевого дейктического знака — Наблюдателя; в синтаксисе использовалось понятие диатезы (по [Мельчук, Холодович 1970]), которому суждено было сыграть впоследствии важную роль в семантике.

2.2. Логический анализ языка и лингвистическая теория референции

Монография [Падучева 1985] (см. также [Падучева 1982a]) посвящена фундаментальной проблеме связи языка и действительности, до последнего времени не поддававшейся точной постановке в рамках лингвистики.

Исходное положение автора состояло в том, что лингвистическая семантика должна изучать не только предложение в системе языка, но и предложение в контексте речевого акта, т. е. высказывание. Эта мысль, несмотря на ее простоту и очевидность, ранее не принималась всерьез в лингвистических исследованиях. Между тем она позволила объединить и поставить на твердую формальную основу два важнейших направления в семантике, наметившихся в 1970-е годы (в значительной мере благодаря связям лингвистики с логикой). Это теория референции, которая изучает связь языковых выражений с

действительностью, и теория коммуникативных актов, в частности, теория диалога.

Работы Е. В. Падучевой 1970—80-х гг. внесли существенный вклад в лингвистическую теорию референции. В них был введен ряд важных новых понятий, главными из которых являются понятия прагматической переменной и денотативного статуса имени.

Понятие прагматической переменной служит для выделения в традиционном классе дейктических слов четырех первичных параметров речевой ситуации: «я», «ты», «здесь», «сейчас». Они принимают фиксированное значение в контексте речевого акта, в результате чего пропозициональная форма, каковой обычно является смысл предложения, обращается в замкнутую пропозицию, т. е. в суждение, соотношенное с действительностью.

Понятие денотативного статуса, охватывающее как именные группы (ИГ), так и пропозициональные компоненты высказывания, разработано Е. В. Падучевой в работах 1979—1985 гг. Там же была осуществлена и классификация денотативных статусов именных групп на конкретно-референтные, родовые, универсальные, экзистенциальные неконкретные, дистрибутивные и т. п. [Падучева 1979; 1985]. Ценность этой классификации состоит в том, что она дает возможность проследить связи между денотативными статусами именных групп и другими их свойствами, а также свойствами содержащих их контекстов. В частности, были рассмотрены связи денотативного статуса имени с синтаксической и коммуникативной структурой предложения и с семантикой лексики [Падучева 1984а; 1985]; был поставлен вопрос о согласовании статусов ИГ друг с другом и статуса ИГ со статусом пропозиции²; дается толкование основным семантико-прагматическим противопоставлениям денотативных статусов, таким как определенность/неопределенность/слабая определенность; известность/неизвестность и т. п. (впоследствии эти понятия сыграют роль при анализе генитива отрицания).

С другой стороны, в работах Е. В. Падучевой были существенно уточнены некоторые важные понятия теории референции. Это относится прежде всего к понятию презумпции³ (как семантической, так и прагматической) и ее роли в механизмах конкретной референции. В том же контексте следует

² Первый опыт классификации статусов пропозиций содержался еще в работе [Падучева 1974], где эти статусы назывались «модальностями».

³ Само понятие «презумпции» используется Е. В. Падучевой (для описания семантики отрицательных предложений) уже в работе [Падучева 1969]; вскоре понятие презумпции было использовано в книге [Падучева 1974], где фигурирует понятие «презумптивной модальности». Но подробнее всего анализ презумпций дан в статьях [Падучева 1977] и [Падучева 1981].

упомянуть понятия кореферентности (под разными названиями изучавшееся Е. В. Падучевой еще с 1965 года: см. [Падучева 1965; 1967; 1973а; 1973б]), денотативной зависимости, сферы действия кванторных слов⁴, денотативного пространства текста и многие другие⁵.

В рамках предложенной концепции референции Е. В. Падучевой был проведен анализ основного типа языковых единиц, служащих в естественном языке для осуществления референции, — местоимений и местоименных слов, и рассмотрены, с той или иной степенью подробности, все основные логико-семантические разряды местоимений — личные местоимения, анафорические местоимения третьего лица, возвратные, указательные, неопределенные (кванторные), относительные и вопросительные.

Теория референции изучает когнитивную составляющую предложения, то есть его пропозициональное содержание. Другая часть смысла предложения — та, которая остается за вычетом пропозиции, — подлежит ведению теории коммуникативных актов как одного из разделов лингвистической прагматики. Помимо нескольких глав книги [Падучева 1985], этой теме посвящены многие другие работы Елены Викторовны. Основными результатами этих работ являются: исследование коммуникативной структуры предложения [Падучева 1984б] и понятия прагматической презумпции [Падучева 1977]; описание перформативных глаголов в их связи с типами коммуникативных актов; анализ условий успешности основных коммуникативных актов [Падучева 1982б] и источников коммуникативных неудач [Падучева 1982г]; исследование согласования коммуникативных функций смежных реплик в диалоге [Падучева 1982в]. Обращение Е. В. Падучевой к контексту речевого акта обеспечило возможность конструктивного подхода к описанию семантики и прагматики одного из важнейших типов неутвердительных высказываний — вопроса. В частности, это позволяет произвести анализ вопросов с нестандартной семантикой.

Статьи Е. В. Падучевой 1986—1987 гг. тоже логически связаны с проблематикой теории референции. Одновременно в них был намечен выход за те ограниченные пределы, в которые по необходимости было поставлено изучение референции на начальном этапе. А именно: если раньше автор ограничивался преимущественно референцией слов с предметным значением, то в этих работах речь идет об онтологии непредметных сущностей [Падучева 1986б]. В этой связи Е. В. Падучева проанализировала понятие ситуации и

⁴ Понятие сферы действия активно используется Е. В. Падучевой уже в работах раннего периода (до 1974 г.) — напр., в статьях 1961, 1970 и 1972 гг.

⁵ Этот круг проблем был в дальнейшем изучен в работах [Крылов 1984; Шмелев 1994] и др.

ее разновидностей (события, процесса, состояния, обладания свойством) — в противоположность фактам и другим объектам, имеющим не реальную, а пропозициональную природу. В работах 1979—1985 гг. внимание Е. В. Падучевой было сосредоточено в первую очередь на референции именных групп; между тем ряд ее более поздних работ, начиная со статьи [Падучева 1986а] (включая специальную книгу [Падучева 1996]), были посвящены дейктическим (а следовательно, референциальным) компонентам в значениях глагольных грамматических категорий.

Работы Е. В. Падучевой, при своей преимущественно теоретической направленности, имеют тем не менее самые непосредственные выходы в практику. Можно указать следующие возможности практического применения полученных результатов (некоторые из этих возможностей уже были частично реализованы или реализуются)⁶:

1) Проведенное Е. В. Падучевой исследование семантики местоимений содержит в себе в том или ином виде большинство формальных правил, необходимых для автоматического анализа местоимений в тексте. Эта актуальная задача вычислительной лингвистики была поставлена давно, но до сих пор не нашла окончательного решения ввиду того, что во многих случаях материал не поддается формализации. Показательно, что один из немногих реалистичных алгоритмов обработки местоимений был создан Е. В. Падучевой еще в 1970-х годах в ВИНТИ.

2) Исследование семантики вопроса необходимо для решения задач информационного поиска в фактографических системах с реляционными базами данных. В частности, оно может быть использовано в лингвистическом процессоре экспертной системы.

3) Исследование проблем диалога и возможностей его формализации приобретает практическое значение в связи с задачей общения с машиной на естественном языке. Соответствующие результаты исследований Е. В. Падучевой используются в прикладных работах, проводимых при разработке систем человеко-машинного общения.

Понятие денотативного (иначе — референциального) статуса вошло в круг понятий первостепенной важности в современной лингвистике.

В отличие от семантики в логике, которая основывается, по Моррису, на понятии истинности, для лингвистической семантики в обычном понимании истинность имеет ограниченное значение. Единственное исключение — понятие пресуппозиции: по законам языка пресуппозиция должна быть истин-

⁶ Мы благодарны Ю. Д. Апресяну, предоставившему в распоряжение редколлегии сборника текст своего отзыва о научной деятельности Е. В. Падучевой, фрагмент которого приводится далее.

ной — диалог, в котором собеседник не разделяет пресуппозиций говорящего, обречен на коммуникативную неудачу.

2.3. Теория речевых актов и коммуникативная структура предложения

Исследования по теории референции стали возможны благодаря «погружению» предложения в контекст речевого акта. В этот период речевой акт сам стал предметом исследования — возникла теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, Я. Хинтикка и др.).

В этой связи внимание было обращено на перформативные глаголы: перформативы — это один из первых лексических классов глаголов, который вошел в зону внимания Е. В. Падучевой и ее школы⁷.

Обращение к контексту речевого акта обеспечило возможность конструктивного подхода к семантике и прагматике вопроса⁸.

В контексте речевого акта исследовалось понятие коммуникативной структуры предложения. На примере слов *тоже* и *также* было, быть может впервые, отмечено влияние семантики на просодические свойства слова (см. статью [Падучева 1974б] и продолжение обсуждения этой темы в более поздних публикациях).

Коммуникативным аспектам предложения — порядку слов и интонации — посвящена написанная в том же русле диссертация Т. Е. Янко; в ее монографии (см. [Янко 2001]) разработан понятийный аппарат и метаязык для описания коммуникативных значений, их композиций и средств выражения.

Коммуникативные аспекты семантики предложения и слова занимают важное место в монографии [Филипенко 2003].

2.4. Семантика грамматических категорий

Интерес школы Е. В. Падучевой к аспектологии был непосредственным продолжением линии на логический анализ естественного языка. Главным авторитетом в сфере логического анализа языка заслуженно считается Г. Рейхенбах. Среди главных заслуг Рейхенбаха перед лингвистикой — то, что он

⁷ В этом русле написана диссертация М. Ю. Михеева «Речевой акт обоснования и причинное отношение: семантика и прагматика», созданная под руководством Е. В. Падучевой. Основные положения работы отражены в [Михеев 1990].

⁸ Непосредственным продолжением этих исследований явились статьи сотрудников Отдела семиотики ВИНТИ Г. Е. Крейдлина и Е. В. Рахилиной, а также монография Е. В. Рахилиной [Рахилина 1990], посвященная логическому анализу семантики вопроса и вопросам с нестандартной семантикой.

ввел в описание семантики вида и времени понятие точки отсчета⁹. В статье [Падучева 1986а] точка отсчета, существенная для семантики видового противопоставления, интерпретировалась как временная позиция наблюдателя, которая может быть синхронной и ретроспективной. Это дало возможность предложить то, что потом, в работах К. Смит, было названо «двухкомпонентной» теорией вида.

Парадоксальным образом вид, грамматическая категория с запатентованно сложной семантикой, стал одной из первых грамматических категорий, где был применен метод толкований. Начало толкованиям видовых значений было положено в работе Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1967]; в работах М. Я. Гловинской [1982; 1989] метод толкований был применен к большому массиву глаголов русского языка.

Именно на базе семантики вида был впервые испытан динамический подход, впоследствии примененный в лексической семантике: было осознано то обстоятельство, что одно из частных значений несовершенного вида, так наз. актуально-длительное (иначе — прогрессив), может быть принято за исходное, так что остальные будут представлены как полученные из него с помощью семантических преобразований, обусловленных меняющимся контекстом.

В работе А. Г. Пазельской [Пазельская 2003] была рассмотрена проблема наследования глагольных видовых противопоставлений отглагольными именами. Автор исходит из того, что у предикатных имен в современном русском языке грамматического вида нет, так что, в принципе, любое имя могло бы употребляться в равной мере в имперфективных контекстах, с синхронной перспективой (например: *во время погружения*), и в перфективных — ретроспективных (например: *после погружения*). Но лексическая семантика имени может накладывать ограничения как на возможность употребления имени и в перфективных, и в имперфективных контекстах, так и на набор частных видовых значений. Такие ограничения положены автором в основу предлагаемой им аспектуальной классификации предикатных имен (см. также [Пазельская 2007]).

В статье [Падучева 1986а] был выявлен также важный аспект семантики глагольного времени и введено понятие РЕЖИМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ. В примере Ю. Д. Апресяна *На стене справа висела картина* неоднозначна не только форма вида, но и форма времени: фраза может пониматься в прошедшем речевом и в прошедшем нарративном, которое как бы равно настоящему.

Разнообразие видовых значений (в основном, у формы несовершенного вида) порождается принадлежностью глагола к различным акциональным

⁹ Интересно, что за 10 лет до Г. Рейхенбаха понятие точки отсчета использовал У. Коллинсон в своей книге о референциальной семантике местоименных слов, вышедшей в 1937 году.

(= аспектуальным) и тематическим классам. Так, актуально-длительное значение невозможно у глаголов, обозначающих агентивное состояние (*generic state* по З. Вендлеру), ср. пример Т. В. Булыгиной: на вопрос «Где она?» нельзя ответить *Она в коридоре руководит аспирантом*. Зависимость набора видовых значений от акционального класса глагола описана в [Падучева 1996].

При описании этой зависимости можно обратиться к введенному Ю. С. Масловым понятию функциональной дефектности парадигмы: просто дефектной естественно назвать парадигму, в которой отсутствует какой-то член, как род. мн. от слова *мечта*; функциональная дефектность — это отсутствие у формы того или иного значения. Понятие функциональной дефектности парадигмы играет важную роль в книге О. Н. Ляшевской [Ляшевская 2004]. Работа посвящена существительным с дефектной числовой парадигмой. Было проанализировано более тысячи имен и показано, что круг имен с дефектной числовой парадигмой гораздо шире, чем обычно предполагалось. Для описания дефектности функциональной парадигмы используется понятие таксономического класса имен. Имена обычных объектов, типа *стол*, противопоставлены нескольким классам «необычных» объектов. Различаются сложные объекты (*брюки*), пары (*руки*), наборы (*клавиши*), цельнооформленные множества (*лес*), вещества и материалы (*песок*), совокупности (*белье*). Принадлежность слова к тому или иному классу предсказывается его семантикой в существенной степени — хотя и не до конца: объект может допускать двоякую концептуализацию, ср. *плечики* и *вешалка*. И этот факт не единичен. Как неоднократно отмечалось (в частности, в работах Ю. Д. Апресяна), семантическая мотивировка в таких случаях редко имеет универсальный характер.

Представление о семантической мотивированности явлений морфосинтаксиса лежит в основе ряда исследований П. М. Аркадьева (см. [Аркадьев 2005]). Конечной целью ее является построение типологически значимых обобщений о соотношении универсальных семантических параметров глагольной лексики и способов их отражения в морфологии и синтаксисе конкретных языков. В его работах проведено типологическое исследование морфосинтаксических типов непереходных глаголов в языках разных систем (в связи с проблемой так наз. *unaccusativity*) и выявлен круг разнообразных явлений, функционально-семантическая мотивация которых обнаруживает нетривиальные черты сходства.

Другой важной грамматической темой стал родительный падеж при отрицании. Семантическая мотивировка выбора падежа несомненна, но не стопроцентна. Так, в паре *Сомнений не возникло — Сомнения не исчезли* генитив ведет себя предсказуемым образом: он употребляется в контексте, где объект отсутствует; а в паре *не помню ее имени — не забыл ее имени* генитив во втором случае семантически необъясним (имя находится в памяти, см. [Падучева 2004]).

2.5. Динамическая семантика лексики

В современной семантике осознана огромная роль, которую играет в языке многозначность, прежде всего — регулярная многозначность по Ю. Д. Апресяну. Существующие подходы к многозначности разрушают слово. Динамическая семантика ставит задачу сохранения единства слова за счет установления связей между его значениями, и эти связи моделируются как семантические переходы от одного значения к другому.

Формирование концепции динамической семантики возникло в ходе работы школы Е. В. Падучевой над системой «Лексикограф» (см. [Кустова, Падучева 1994]).

Современная лингвистическая семантика исходит из того, что лексика (как и другие уровни — грамматика, фонетика языка) устроена как система. В основе лексической системы языка лежат повторяющиеся смысловые компоненты (такие как ‘знать’, ‘видеть’, ‘двигаться’, ‘причина’, ‘предмет’) и параметры лексического значения — такие как категория, тематический класс, участник обозначаемой ситуации, таксономический класс участника.

До последнего времени в семантике основную роль играли толкования и смысловые компоненты значения. Принципиальная роль таксономии была показана в книге Е. В. Рахилиной [Рахилина 2000]; там же были разработаны способы описания семантики предметных имен — долгое время предметом семантики были преимущественно глаголы.

Языковое поведение слова — возможные сочетания с другими словами, наличие тех или иных грамматических форм и значение этих форм, ударность / безударность во фразе — в существенной степени предопределено его значением. Скажем, у несов. вида глагола *тереть* есть актуально-длительное значение, а у *терять* — нет; грамматическая форма повелительного наклонения *трите!* от *тереть* имеет нормальное значение побуждения к действию, а *теряйте!* от *терять* — нет. И это объясняется различием в категории: *тереть* — действие, а *потерял* — это происшествие, то, что с человеком случилось. Параметры и компоненты задают классы слов, сходных в своем языковом поведении.

Осознав зависимость языкового поведения слова от значения, лингвист сталкивается, однако, с тем, что у слова, как правило, бывает не одно значение, а несколько: многозначность в природе языка (см. [Зализняк 2006]). Причем именно параметры и повторяющиеся компоненты являются теми аспектами значения, которые в наибольшей степени подвержены изменению. Поэтому разные значения одного и того же слова часто различаются параметром. Так, *застилать стол скатертью* — действие, а *слезы застилают глаза* — состояние; глагол *требовать*, который относится к речевым, в кон-

тексте *Машина требует ремонта* переходит в класс модальных, т. е. меняет тематический класс; *стучать в Ветер стучит ставней* — глагол звука, а в *Открой, кто-то стучит* — семиотический.

Эта двоякая и на первый взгляд парадоксальная роль параметров закономерна. Дело в том, что многозначность (регулярная многозначность по Ю. Д. Апресяну, т. е. полисемия) представляет собой (или может быть представлена как) сдвиг значения; и сдвиги значения тоже происходят системно: слова с одинаковым значением тех или иных параметров подвержены одинаковым сдвигам. Поэтому параметры различают не только разные слова, но и разные значения одного слова.

Традиционные словари указывают для слова список отдельных значений. Современная семантика тоже нередко работает с отдельными значениями, пренебрегая семантическим единством слова. Возникает задача воссоздать это единство. Исходя из этого, система «Лексикограф» ставит перед собой две связанные между собой задачи:

— представить каждое данное значение слова так, чтобы получили объяснение особенности языкового поведения слова в данном его значении;

— показать, как значения слова связаны друг с другом, т. е. построить иерархию значений слова или даже парадигму значений, общую для определенного класса слов.

«Лексикограф» — не просто словарь, а база данных. Это соответствует исходной установке на формализацию представления значения. Параметры и смысловые компоненты — это основные инструменты формализации.

Система «Лексикограф» имеет экспериментальную направленность; ее словник не претендует на полноту. Система предлагает форматы представления основных типов значений слов, и пользователь может, имея базу в своем распоряжении, пополнять ее новыми словами, опираясь на имеющиеся форматы как образцы.

В русле динамической семантики находятся работы [Кустова 2004] и [Розина 2005], в которых развивается идея о том, что тематический класс слова позволяет предсказать его деривационный потенциал и, в конечном счете, парадигму многозначности. Книга Г. И. Кустовой «Типы производных значений и механизмы языкового расширения» посвящена стратегиям образования производных значений слов разных семантических и грамматических (глаголов, прилагательных, наречий, предлогов) классов. В первой части, «Глаголы физического действия: модели значений и механизмы деривации», речь идет о глаголах, которые в своем исходном значении описывают агентивную ситуацию. При описании этих глаголов используется методика анализа и идеология семантического представления глагольного значения, при-

нятая в системе «Лексикограф». Во второй части, «Механизмы семантического расширения в экспериенциальной сфере», исследуются типы производных значений слов с экспериенциальной семантикой — то есть слов, обозначающих ощущения, эмоциональные состояния и реакции, восприятие и другие внутренние состояния и процессы.

Ключевыми в работе являются понятия прототипической ситуации и семантического потенциала слова. Семантический потенциал слова определяет набор его производных значений — как уже реализованных, так и возможных. Прототипическая ситуация — это семантическое представление, соответствующее исходному значению. Это понятие последовательно применяется как к лексике физического мира, так и к словам экспериенциальной сферы. Прототипическая ситуация рассматривается как источник не только семантической структуры, которая реализована в исходном значении, но и тех многочисленных импликаций, которые служат базой для производных значений. Например, у глагола *бросить* (например: *бросить вещи на полку*) перемещение объекта имплицитно подразумевает утрату контакта с ним и контроля над ним — эта импликация реализована в значениях *бросить дома*, *бросить вещи у подъезда* и под. Импликации лежат в основе метонимических и метафорических значений слов.

В книге Р. И. Розиной «Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: Глагол» речь идет, в частности, о глаголах полного охвата, глаголах обладания и различных подгруппах глаголов движения. Оригинальность работы состоит в том, что в ней затрагиваются социальные аспекты языка: речь идет о различии путей семантического развития слова в литературном языке и в современном сленге. Современный сленг представляет необъятный полигон, где действие законов семантической деривации практически не регулируется нормой. Отдельный интерес представляет проведенное в работе сопоставление нарушений правил деривации, свойственных сленгу, с индивидуальными, поэтическими отступлениями от семантических норм.

В последние годы Е. В. Падучева и большой коллектив ее сотрудников, учеников и единомышленников принимают участие, наряду с другими научными коллективами, в создании Национального корпуса русского языка. Научные достижения и большой опыт работы коллектива в сфере создания электронных баз данных находят разнообразное применение в сфере разработки идеологии Корпуса и совершенствования его лингвистических параметров. С другой стороны, само создание Национального корпуса русского языка ставит исследование семантики и сочетаемости на новую основу и значительно расширяет перспективы семантических исследований.

3. Общая оценка научного вклада Е. В. Падучевой

В данном разделе уместно, с позволения академика Ю. Д. Апресяна, привести пространную цитату из его неопубликованной рецензии на цикл работ Е. В. Падучевой «Высказывание и диалог». В своей рецензии, написанной в середине 1980-х годов, Ю. Д. Апресян отмечает:

«Е. В. Падучева — исследователь, занимающий уникальное положение не только в отечественной, но и в мировой лингвистике. Как никто другой, она соединяет в себе талант незаурядного логика с выдающимися лингвистическими способностями.

Характерной чертой творческой личности Е. В. Падучевой является гармоничное сочетание способностей теоретика с лингвистической зоркостью на детали, с даром проникновения в самые глубокие тайны мельчайших единиц языка. Это связано не только с ее изощренной научной интуицией, но и с добротностью используемого ею фактического материала. В результате формальные лингвистические построения Е. В. Падучевой выгодно отличаются от других аналогичных систем (и у нас, и за рубежом) своим реализмом, редким для формальных моделей богатством лингвистического содержания и эстетичностью.

Классичность творчества Е. В. Падучевой проявляется и в том, что применяемый ею теоретический аппарат и виртуозная техника лингвистического анализа всегда соразмерны объекту, являющемуся предметом исследования. Есть много лингвистов, которые становятся рабами придуманного ими формализма. Есть другие лингвисты, которые становятся рабами изучаемого языкового материала. Е. В. Падучева никогда не позволяет поработить себя ни формализму, ни фактам.

Поразительна широта научных интересов Е. В. Падучевой. Как исследователь-практик, она действует на всем пространстве языка, т. е. изучает единицы всех уровней во всем разнообразии их связей друг с другом. Как теоретик, она действует на всем пространстве лингвистических понятий, концепций и проблем. Хочу особо подчеркнуть, что хотя Е. В. Падучева никогда не занималась специально проблемами лексикографии, ее перу принадлежат десятки замечательных описаний-портретов отдельных слов, мимо которых не может пройти ни один лексикограф.

Е. В. Падучевой не надо делать усилий, чтобы быть современной. Она наделена даром непосредственного понимания того, что является насущным для лингвистики сегодняшнего дня и что будет насущным завтра. Поэтому в течение двух с половиной десятилетий Е. В. Падучева была и остается по сей день на высоте современных лингвистических задач. Если бы от лингвистов потребовался прогноз наиболее перспективных направлений их науки, достаточно было бы обратиться к работам Е. В. Падучевой.

Сказанным определяется то исключительно сильное и плодотворное влияние, которое Е. В. Падучева оказывает на всю нашу лингвистику в целом и на логический анализ языка в особенности.

Научные достижения Е. В. Падучевой намного превосходят меру их официального академического признания. Давно став одним из немногих действительно ведущих лингвистов нашей страны, Е. В. Падучева лишь три года назад (здесь имеется в виду 1982 год; см. [Падучева 1982а]. — С. К.) сочла для себя возможным претендовать на ученую степень доктора филологических наук. Это, конечно, делает честь ее скромности. Но научная общественность должна руководствоваться собственной шкалой оценок. Ее долг — позаботиться о том, чтобы труды и достижения ее лидеров отмечались соответствующими академическими отличиями. Сейчас у нее есть повод и возможность привести в большее, хотя и не в полное соответствие выдающиеся академические заслуги Е. В. Падучевой и ее официальные отличия».

Думается, что эта оценка разделяется многими из нас. Можно только добавить, что за годы, прошедшие с момента написания данной рецензии, вклад Е. В. Падучевой в отечественную и мировую лингвистику пополнился фундаментальными монографиями 1985, 1996 и 2004 гг. и множеством статей, охватывающих широкий спектр важнейших проблем науки о языке.

Литература

- Аркадьев 2005 — П. М. Аркадьев. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // *Вопр. языкознания*. 2005. № 4. С. 101—120.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1989 — М. Я. Гловинская. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект*. М., 1989. С. 74—146.
- Зализняк 2006 — Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы её описания. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Корельская 1975 — Т. Д. Корельская. О формальном описании синтаксической синонимии. М., 1975.
- Крейдлин 1975 — Г. Е. Крейдлин. Лексема *даже* // *Семиотика и информатика*. Вып. 6. М., 1975. С. 102—114.
- Крейдлин 1976 — Г. Е. Крейдлин. Значение и употребление слова *наоборот* // *Семиотика и информатика*. Вып. 7. 1976. С. 79—92.
- Крейдлин 1979 — Г. Е. Крейдлин. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- Крейдлин, Падучева 1974 — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Значение и синтаксические свойства союза *а* // *НТИ*. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31—37.
- Крейдлин, Падучева 1974 — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Падучева. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // *НТИ*. Сер. 2. 1974. № 10. С. 32—37.
- Крылов 1984 — С. А. Крылов. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // *Семиотика и информатика*. Вып. 23. М., 1984. С. 124—154.

- Кустова 2004 — *Г. И. Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кустова, Падучева 1994 — *Г. И. Кустова, Е. В. Падучева*. Словарь как лексическая база данных // *Вопр. языкознания*. 1994. № 4. С. 96—106.
- Ляшевская 2004 — *О. Н. Ляшевская*. Семантика русского числа. М., 2004.
- Мельчук, Холодович 1970 — *И. А. Мельчук, А. А. Холодович*. К теории грамматического залога (определение, исчисление) // *Народы Азии и Африки*. М., 1970.
- Михеев — *М. Ю. Михеев*. Причинная связь, обоснование и чистое объединение событий // *Семиотика и информатика*. Вып. 30. М., 1990. С. 53—74.
- Падучева 1964 — *Е. В. Падучева*. О способах представления синтаксической структуры предложения // *Вопр. языкознания*. 1964. № 2. С. 99—113.
- Падучева 1965 — *Е. В. Падучева*. О структуре абзаца // Ю. М. Лотман (отв. ред.). *Труды по знаковым системам*. Вып. 2. Тарту, 1965. С. 284—292. [= Учен. зап. ТГУ. Вып. 181].
- Падучева 1967 — *Е. В. Падучева*. Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста // А. И. Михайлов и др. (ред.). Всесоюз. конф. по информационно-поисковым системам и автоматизированной переработке научно-технической информации. III-я. Москва, 19—22 декабря 1966 г. *Труды...*: В 4-х тт. Т. 2. Семиотические проблемы автоматизированной обработки информации. М., 1967. С. 101—132.
- Падучева 1973а — *Е. В. Падучева*. Анафорические связи и глубинная структура текста // А. А. Зализняк (отв. ред.). *Проблемы грамматического моделирования*, М., 1973. С. 96—107.
- Падучева 1973б — *Е. В. Падучева*. Наименование объектов — проблема семантики и стилистики // Ю. М. Лотман (отв. ред.). *Сб. ст. по вторичным моделирующим системам*. Тарту, 1973. С. 148—152.
- Падучева 1974а — *Е. В. Падучева*. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 1974.
- Падучева 1974 — *Е. В. Падучева*. *Тоже и также*: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей // *Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике*. Вып. 55. 1974. С. 3—14.
- Падучева 1982а — *Е. В. Падучева*. Референциальные аспекты высказывания. Семантика и синтаксис местоименных слов. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1982а.
- Падучева 1982б — *Е. В. Падучева*. Актуализация предложения в составе речевого акта // А. С. Нариньяни (отв. ред.). *Формальное представление лингвистической информации*. Новосибирск: СО АН СССР, 1982. С. 38—63.
- Падучева 1982в — *Е. В. Падучева*. Прагматические аспекты связности диалога // *Изв. АН СССР. ОЛЯ*. Т. 41. 1982. № 4. С. 305—313.
- Падучева 1982г — *Е. В. Падучева*. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // *Семиотика и информатика*. Вып. 18. М., 1982. С. 76—119.
- Падучева 1984а — *Е. В. Падучева*. Референциальные аспекты семантики предложения // *Изв. АН СССР. ОЛЯ*. 1984. № 4. С. 291—303.
- Падучева 1984б — *Е. В. Падучева*. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // *НТИ*. Сер. 2. 1984. № 10. С. 25—32.

- Падучева 1985 — *Е. В. Падучева*. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1986а — *Е. В. Падучева*. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 64. 1986. № 5. С. 413—424.
- Падучева 1986б — *Е. В. Падучева*. О референции выражений с непередметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1. С. 23—31.
- Падучева 1996а — *Е. В. Падучева*. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пазельская 2003 — *А. Г. Пазельская*. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 72—90.
- Пазельская 2003 — *А. Г. Пазельская*. Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Мат-лы конференции «Диалог 2005». М., 2005. С. 401—406.
- Рахилина 1986 — *Е. В. Рахилина*. К описанию вопросо-ответного отношения // НТИ. Сер. 2. 1986. № 2. С. 24—28.
- Рахилина 1990 — *Е. В. Рахилина*. Семантика или синтаксис. К анализу частных вопросов в русском языке. München, 1990.
- Рахилина 2000 — *Е. В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен. М., 2000.
- Розина 2005 — *Р. И. Розина*. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: Глагол. М., 2005.
- Филипенко 2003 — *М. В. Филипенко*. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.
- Шмелев 1984 — *А. Д. Шмелев*. Определенность-неопределенность в названиях лиц в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Шмелев 1996 — *А. Д. Шмелев*. Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
- Янко 2001 — *Т. Е. Янко*. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Wierzbicka 1967 — *A. Wierzbicka*. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967. P. 2231—2249.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ЕЛЕНА ВЕКТОРОВНЫ ПАДУЧЕВОЙ

1958

1. (совм. с М. М. Ланглебен) Устранение морфологической и синтаксической омонимии при анализе английского текста // Тезисы конф. по машинному переводу [15—21 мая 1958 г.]. М., 1958. С. 100—101.
2. Некоторые вопросы анализа сложных предложений и предложений с однородными членами // Тезисы конф. по машинному переводу [15—21 мая 1958 г.]. М.: МГПИИЯ, 1958. С. 107—108.
3. Рец. на кн.: *N. Chomsky. Syntactic structures*. 's-Gravenhage, 1957. 116 p. («Janua linguarum», IV) // Бюллетень Объединения по проблемам машинного перевода. № 7. М.: МГПИИЯ, 1958. С. 50—59.
4. (совм. с З. М. Волоцкой, И. Н. Шелимовой и А. Л. Шумиловой) Синтагмы русского языка (на материале математических текстов) // Тезисы конф. по машинному переводу [15—21 мая 1958 г.]. М.: МГПИИЯ, 1958. С. 87—88.
5. Статистическое исследование структуры слога // Вопросы статистики речи (Мат-лы совещания). Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 100—111.

1959

6. Рец. на кн.: *N. Chomsky. Syntactic structures*. 's-Gravenhage, 1957. 116 p. («Janua linguarum», IV) // Вопр. языкознания. 1959. № 1. С. 133—138.
7. (совм. с Н. М. Ермолаевой) Информационный язык для геометрии и правила перевода с русского языка на информационный и обратно // Тезисы Совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 года. Л.: ЛГУ. КПЛ, 1959. С. 88.
8. Некоторые замечания о падежной системе существительного в русском языке // Тезисы Совещания по математической лингвистике 15—21 апреля 1959 года. Л.: ЛГУ. КПЛ, 1959. С. 24—25.

1960

9. Об описании падежной системы русского существительного // *Вопр. языкознания*. 1960. № 5. С. 104—111.
10. Классификация сложных предложений на основе способа их порождения из простых // *Питання прикладної лінгвістики. Тези доповіді Міжвузівської наукової конференції 22—28 вересня 1960 р. Чернівці, 1960. Чернівці: Чернівецьк. ун-т, 1960. С. 111—112.*

1961

11. (совм. с А. Л. Шумиловой) Описание синтагм русского языка (в связи с построением алгоритма машинного перевода) // *Вопр. языкознания*. 1961. № 2. С. 105—116.
12. Об алгоритме анализа английского языка (для перевода через язык-посредник) // *ЛИМП. М.: ВИНТИ*, 1961. С. 210—227.
13. (совм. с А. В. Кузнецовым и Н. М. Ермолаевой) Об информационно-логическом языке геометрии и алгоритме перевода с информационно-логического языка на русский и обратно // *ЛИМП. Вып. 2. М., 1961.*
14. (совм. с А. В. Кузнецовым и Н. М. Ермолаевой) Об информационном языке для геометрии и алгоритме перевода с русского языка на информационный [начало статьи] // *МПипЛ. Вып. 5. М., 1961. С. 3—21.*
15. (совм. с А. В. Кузнецовым и Н. М. Ермолаевой) Об информационном языке для геометрии и алгоритме перевода с русского языка на информационный [окончание статьи] // *МПипЛ. Вып. 6. М., 1961. С. 3—21.*
16. Об избыточности некоторых противопоставлений в падежной системе русского существительного // *ЛИМП. М.: ВИНТИ*, 1961. С. 156—165.
17. (совм. с М. М. Ланглебен) Обработка слов с омонимией части речи при анализе английского текста // *ЛИМП. М.: ВИНТИ*, 1961. С. 228—233.
18. О правилах порождения предложений стандартизованного языка геометрии // *Тезисы докл. на КОИМПАЧТ. М., 1961. С. 78.*
19. О правилах порождения предложений стандартизованного языка геометрии. М., 1961. 25 с. [= М КОИМПАЧТ-5].
20. Классификация сложных предложений в связи с построением правил образования для стандартизованного русского языка. М., 1961. 6 с. = [М КОИМПАЧТ-5].
21. Предварительное членение фразы при синтаксическом анализе (На материале русского языка) // *ЛИМП. М.: ВИНТИ*, 1961. С. 114—116.
22. (совм. с А. Л. Шумиловой) Синтагмы русского языка // *ЛИМП. М.: ВИНТИ*, 1961. С. 89—113.

23. Возможности изучения языка методами теории информации. М., 1961. 38 с. [= М КОИМПАЧТ-5].
24. Возможности изучения языка методами теории информации // Тезисы докл. на КОИМПАЧТ. М., 1961. С. 77—78.
25. Возможности изучения языка методами теории информации // О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка (о так называемой математической лингвистике), М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 98—149.

1962

26. Искусственный язык, обнаруживающий сходства синтаксической структуры сложных предложений естественного языка и формул исчисления высказываний // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докл. М., 1962. С. 87—190.

1963

27. Логическое ударение в текстах реклам и объявлений // НТИ. Сер. 2. 1963. № 5. С. 31—32.

1964

28. On an information language for geometry and a translation algorithm from Russian into this information language // Information storage and retrieval. V. 1. 1964. № 2—3. P. 147—165.
29. Некоторые вопросы перевода с информационно-логического языка на русский // НТИ. Сер. 2. 1964. № 2. С. 20—27.
30. О способах представления синтаксической структуры предложения // Вопр. языкознания. 1964. № 2. С. 99—113.
31. Опыт логического анализа значения союза *или* // НДВШ. Философские науки. 1964. № 6. С. 145—148.
32. Синтез сложных предложений с однозначной синтаксической структурой (при переводе с информационно-логического языка на русский) // НТИ. Сер. 2. 1964. № 6. С. 43—49.
33. (совм. с М. В. Ломковской и В. А. Успенским) Лингвистические исчисления // Труды IV Всесоюз. математич. съезда. Вып. 2. Л., 1964. С. 83—90.
34. (совм. с А. А. Зализняком) О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста // Программа и тезисы докл. в летней школе по вторичным моделирующим системам. 19—29 августа 1964 г. Тарту, 1964. С. 7—9.

1965

35. О понятии конфигурации // *Вопр. языкознания*. 1965. № 1. С. 56—68.
36. Некоторые вопросы синтаксиса в связи с проблемой автоматического перевода с русского языка на языки математической логики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: АН СССР. ИТМиВТ, 1965. 23 с.
37. О структуре абзаца // Ю. М. Лотман (отв. ред.). *Труды по знаковым системам*. Вып. 2. Тарту: Изд-во ТГУ, 1965. С. 284—292. [= Учен. зап. ТГУ. Вып. 181].

1966

38. О связях глубины по Ингве со структурой дерева подчинений // *НТИ*. Сер. 2. 1966. № 6. С. 38—43.
39. Глубина по Ингве и другие оценки синтаксической сложности предложения // Ю. М. Лотман (ред.). *Летняя школа по вторичным моделирующим системам*. 2-я. Тарту, 1966 (16—26 августа). Тезисы докл. Тарту: Тартуский ун-т, 1966. С. 61—65.
40. Отождествление и различение объектов как одна из проблем анализа связного текста // А. И. Михайлов и др. (ред.). *III Всесоюз. конф. по информационно-поисковым системам и автоматизированной переработке научно-технической информации*. Тезисы докл. М.: ВИНТИ, 1966. С. 44—45.
41. Семантический анализ отрицательных предложений при переводе на язык исчисления предикатов // *Третья Всесоюз. конф. по информационно-поисковым системам и автоматизированной переработке научно-технической информации*. Тезисы докл. Москва, 19—22 декабря 1966 г. М., 1966. С. 47—49.
42. О структуре многосоставных сложных предложений в русском языке // *Лингвистические исследования по общей и славянской типологии*. М.: Наука, 1966. С. 141—165.

1967

43. *Международная конференция по семиотике в Польше* // *НТИ*. Сер. 2. 1967. № 2. С. 35—44.
44. Семантический анализ естественного языка при переводе на языки математической логики // *Труды III Всесоюзной конф. по информационно-поисковым системам и автоматизированной переработке научно-технической информации*. Москва, 19—22 декабря 1966 г. Т. 2. М., 1967. С. 156—169.

45. Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста // А. И. Михайлов и др. (ред.). Всесоюзная конф. по информационно-поисковым системам и автоматизированной переработке научно-технической информации. III-я. Москва, 19—22 декабря 1966 г. Труды...: В 4 тт. Т. 2. Семиотические проблемы автоматизированной обработки информации. М., 1967. С. 101—132.
46. Два подхода к семантическому анализу категории числа // To honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. The Hague; Paris: Mouton, 1967. P. 1474—1488.

1968

47. Логическое ударение в естественных и логических языках // Ю. М. Лотман (отв. ред.). III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Кяэрику, 1966, 10—20 мая. Тезисы. Тарту: Тартуский ун-т, 1968. С. 67—69.
48. La langue de la logique mathématique comme modèle sémantique pour la langue naturelle // Information sur les sciences sociales. 7(6). 1968. P. 27—39.

1969

49. О сокращении сочинительных групп с повторяющимися элементами // НТИ. Сер. 2. 1969. № 2. С. 27—34.
50. Language of mathematical logic viewed as a semantic model of natural languages // A. Greimas, R. Jakobson, M. R. Mayenowa etc. (eds.). Sign. Language. Culture. The Hague; P.: Mouton, 1969. С. 219—231.
51. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // МПиПЛ. Вып. 12. 1969. С. 15—35.
52. Отрицание и логическое ударение // Проблемы прикладной лингвистики. Тезисы межвузовской конф. 16—19 декабря 1969 г. Ч. II. М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1969. С. 262—263.

1970

53. (совм. с Л. А. Бассальго) Структурные функционалы бесконтекстной грамматики и оценки сложности вывода // НТИ. Сер. 2. 1970. № 2.
54. Anaphoric relations and their manifestations in the text // Actes du X-me Congrès Internationale des linguists. 1967, 28 août — 2 septembre. Bucarest, 1970. P. 693—698.

55. Anaphoric relations and their manifestations in the text // M. Bierwisch, K. E. Heidolph (eds.). *Progress in linguistics*. The Hague; P.: Mouton, 1970. P. 224—232.
56. (совм. с А. А. Зализняком) О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные процессы, эвристическое программирование, проблемы нейрокибернетики, распознавание образов, проблемы семиотики. (Мат-лы V Всесоюз. симпозиума по кибернетике. Тбилиси, 25—29. X. 1970 г.). Тбилиси, 1970. С. 350—352.
57. (совм. с Т. Д. Корельской) О формальном аппарате синтаксических преобразований // ПГЭПЛ. Вып. 10. М.: ИРЯ, 1970. С. 1—39.
58. (совм. с Т. Д. Корельской) О формальном аппарате синтаксических преобразований // Структурно-математические методы моделирования языка. Всесоюз. научн. конф. Тезисы докл. и сообщ. Ч. 1. Киев, 1970. С. 66—67.
59. Проблемы семантического сопоставления естественных языков с языками математической логики // Исследования логических систем. М., 1970. С. 86—121.

1971

60. О порядке слов в предложениях с сочинением: сочинительная проективность // НТИ. Сер. 2. 1971. № 3. С. 14—18.
61. J. Paduczewa. O strukturze akapitu (z języka rosyjskiego przez T. Dobrzyńska) // M. R. Mayenowa (ed.). *O spójności tekstu*. Wrocław etc.: Ossolineum, 1971. S. 95—103.
62. De la projectivité coordinative // Documents de linguistique sémantique quantitative. № 10. La sémantique en URSS. Paris, 1971.
63. La langue de la logique mathématique comme modèle sémantique pour la langue naturelle // J. Kristeva, J. Rey-Debove, D. J. Umiker (eds.). *Essays in Semiotics. Essais de Sémiotique*. Sous la direction de Julia Kristeva, J. Rey-Debove et Donna Jean Umiker. The Hague; Paris, 1971. P. 175—187.
64. Semantic analysis of Russian negative sentences // *Formal linguistics in the Soviet Union*. Dordrecht: Reidel, 1971.
65. О структуре абзаца // К. Eimermacher (Hrsg.). *Texte des sowjetischen literaturwissenschaftlichen Strukturalismus*. München: Wilhelm Fink, 1971. S. 195—203.
66. (в соавт. с Т. Д. Корельской) О возвратных, личных и указательных местоимениях в русском языке // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 1. М., 1971. С. 46—66.
67. Проблемы перевода с логического языка на русский: кванторные слова // Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики. Мат-лы Всесоюз. конф. Кишинев, 1971. С. 82—86.

1972

68. О логическом анализе русских кванторных прилагательных // НТИ. Сер. 2. 1972. № 2. С. 20—27.
69. (совм. с Т. Д. Корельской) О формальном аппарате синтаксических преобразований // Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. М.: Наука, 1972. С. 27—58.
70. О порождении сложного предложения из простых // Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. М.: Наука, 1972. С. 59—78.
71. О трансформациях прономинализации: глубинные структуры предложений со словами *один, другой* // ПГЭПЛ. Вып. 27. М.: ИРЯ, 1972. С. 1—22.
72. (совм. с Г. Е. Крейдлиным) О парных указательных местоимениях в русском языке // Всесоюз. семинар по информационным языкам. Предварительные публикации. Вып. 6. М.: НСК, 1972. С. 1—24.

1973

73. (совм. с Т. К. Лященко) Эллипсис как нулевой анафорический знак // НТИ. Сер. 2. 1973. № 5. С. 20—25.
74. (в соавт. с Т. Д. Корельской) Трансформации в симметричных конструкциях: сочинение и эллипсис // НТИ. Сер. 2. 1973. № 9. С. 29—38.
75. Two approaches to the semantic analysis of the category of number // Linguistics. Vol. 103. The Hague, 1973. P. 5—23.
76. On the logical analysis of Russian quantifier adjectives // F. Kiefer (ed.). Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Dordrecht (Holland); Boston (USA): D. Reidel, 1973. P. 149—171.
77. Анафорические связи и глубинная структура текста // А. А. Зализняк (отв. ред.). Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 96—107.
78. Наименование объектов — проблема семантики и стилистики // Ю. М. Лотман (отв. ред.). Сб. ст. по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 148—152.
79. Логическое ударение и отрицание в формализованных и естественных языках // Recherches sur les systèmes significants. Symposium de Varsovie 1968. The Hague; Paris: Mouton, 1973. P. 1—27 или 261—278.
80. О трансформациях прономинализации: глубинные структуры предложений со словами *один, другой* // А. А. Зализняк (отв. ред.). Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 138—154.

1974

81. (совм. с Г. Е. Крейдлиным) Значение и синтаксические свойства союза *a* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9. С. 31—37.
82. (совм. с Г. Е. Крейдлиным) Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *a* // НТИ. Сер. 2. № 10. 1974. С. 32—37.
83. On the structure of the paragraph // *Linguistics*. Vol. 131. July 1. 1974. P. 49—58.
84. Semantic analysis of Russian negative sentences // V. Ju. Rozenčvejk (ed.). *Machine Translation and Applied Linguistics II*. *Linguistische Forschungen*. Bd. 17. 1974. S. 159—206.
85. Semantic analysis of Russian negative sentences // V. Ju. Rozenčvejk (ed.). *Essays on Lexical Semantics*. Vol. 2. Stockholm: Scriptor, 1974. [= *Soviet Papers in Formal Linguistics*. Vol. I and II / Ed. by F. Kiefer].
86. *Тоже и также*: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей // ПГЭПЛ. Вып. 55. 1974. С. 3—14.
87. О словах, не входящих в словосочетания (*тоже и также*) // Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докл. на секционных заседаниях. М.: ИЯ АН СССР, 1974. С. 104—108.
88. (совм. с А. А. Зализняком) О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 4. М.: ВИНТИ, 1974. С. 30—35.
89. (совм. с В. М. Живовым) Местоимения // БСЭ. Т. 16. М., 1974. С. 109—110 (стлб. 315—316).
90. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка М.: Наука, 1974. 292 с.
91. Rev. on: *R. Hudson*. *English complex sentences* // *Linguistics*. 1974. № 122.

1975

92. Некоторые проблемы моделирования соответствия между текстом и смыслом в языке // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 34. 1975. № 6. С. 548—559.
93. (совм. с А. А. Зализняком) К типологии относительного предложения // СиИ. Вып. 6. М.: ПИК ВИНТИ, 1975. С. 51—101.
94. О синтаксических свойствах слова // Труды семинара по синтаксису. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1975.

1976

95. *J. W. Paduczewa*. O związkach semantycznych między bajką moralem (na przykładzie bajek Ezopa). Z rosyjskiego przełożyła Elżbieta Janus // *Semantyka tekstu i języka*. Wrocław etc.: Ossolineum, 1976. S. 96—115.
96. Rev. on: *P. M. Peranteau, J. N. Levi, G. C. Phares* (eds.). Papers from the Eighth Regional Meeting Chicago Linguistic Society. April 14—16, 1972. Chicago: Chicago Linguistic Soc., 1972. 615 p. // *Linguistics*. Vol. 167. Mouton, 1976. P. 103—112.
97. Презумпции существования и их роль в описании денотативного аспекта предложения // *Проблемы синтаксической семантики*. Мат-лы научн. конф. М.: МГПИИЯ, 1976. С. 188—192.

1977

98. On coordinative projectivity // *Papers for computational linguistics*. Budapest, 1977. P. 119—124.
99. Modalities in Russian and in a language of semantic representations // *Computational and mathematical linguistics. Proceedings of the international conference on computational linguistics*. Pisa, 27/VIII—1/IX 1973. Firenze: Leo S. Olschki (editore), 1977. P. 577—583.
100. *К. В. Чвани*. О синтаксической структуре предложений с глаголом «быть» в русском языке. Рец.: *К. V. Chvany*. On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.): Slavica, 1975. 312 p. // *Грамматика русского языка в свете генеративной лингвистики*. Реферативный сб. М.: ИНИОН, 1977. С. 57—67.
101. Актуальное членение и способы называния объектов в тексте // *Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика*. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1977. С. 162—177. [= Сб. научн. тр. Вып. 112].
102. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) // *Ю. М. Лотман* (отв. ред.). *Труды по знаковым системам*. Вып. IX. Тарту, 1977. С. 27—54. [= Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 422].
103. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // *В. С. Храковский* (отв. ред.). *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Л.: Наука, 1977. С. 84—107.
104. (в соавт. с Т. Д. Корельской) Использование информационно-логического языка для формализации понятия обратного утверждения // *Автоматическая переработка текста методами прикладной лингвистики*. Мат-лы II-й Всесоюз. конф. 6—7 октября 1977 г. Кишинев, 1977. С. 115—117.

105. Понятие презумпции в лингвистической семантике // СиИ. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 91—124.
106. Трансформационная грамматика // БСЭ. 3-е изд. Т. 26. М., 1977. С. 168.

1978

107. (в соавт. с Т. Д. Корельской) Обратная теорема (алгоритмические и эвристические процессы мышления) // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Математика, кибернетика». 1978. № 2. С. 1—63.
108. Еще раз о семантике синтаксиса // International review of slavic linguistics and poetics. Vol. 3. 1978. № 3. P. 427—453.
109. (в соавт. с Т. Д. Корельской) К определению обратной теоремы // НТИ. Сер. 2. 1978. № 2. С. 23—29.
110. Актуальное членение и структура имен объектов // М. R. Maýenowa (ed.). Text. Język. Poetyka. Wrocław etc.: Ossolineum, 1978. S. 59—71.

1979

111. О книге Л. Линского «Имена и дескрипции» // НТИ. Сер. 2. 1979. № 11. С. 24—28.
112. *E. V. Padučeva. Tože et takže en russe: interaction de la structure communicative et des relations associatives. Traduit du russe par Nadia Arbatchevsky-Jumarie* // Т. А. Informations. Vol. 20. 1979. № 2. P. 27—37.
113. Topic and focus in Russian binominative sentences // Journal of linguistic calculus. Vol. 3. 1979. № 4. P. 29—48.
114. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения // НТИ. Сер. 2. 1979. № 9. С. 25—31.
115. (совм. с В. А. Успенским) Подлежащее или сказуемое? Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях // ИОЛЯ. Т. 38. 1979. № 4. С. 349—360.
116. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. [Перевод отд. глав] // Studie z transformacně grammatiky. V. III. Nekteré neortodoxné směry. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979.
117. (совм. с А. А. Зализняком) Синтаксические свойства местоимения *который* // Т. М. Николаева (отв. ред.). Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289—329.
118. Абзац // ЭРЯ. М., 1979. С. 10—11.
119. Кванторные слова и их сферы действия // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. Тезисы докл. Л.: ЛГУ, 1979. С. 132—134.

120. (совм. с В. Б. Борщевым) Математические методы в теории научно-технической информации. Ч. I. Множества и отношения. М.: ИПКИР, 1979. 90 с.
121. Отрицание // ЭРЯ. М., 1979. С. 186.
122. Отрицательные слова // ЭРЯ. М., 1979. С. 186.
123. Обнаружение сферы действия кванторов в предложениях математического текста // А. С. Нариньяни (отв. ред.). Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Новосибирск: Наука, 1979. С. 47—76.
124. Об одной проблеме логического анализа языка: сфера действия кванторов // Логический анализ естественных языков. 2-й Советско-финский симпозиум по логике. М., 1979. С. 74—78.
125. Об именных группах со сдвоенной денотативной характеристикой // СиИ. Вып. 11. 1979. С. 134—141.

1980

126. О денотативном статусе именных групп в предложении // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1980. С. 48—81. [= Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 519].
127. Проблемы логического анализа местоимений // СиИ. Вып. 15. М., 1980. С. 125—153.
128. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации // МПиПЛ. Вып. 20. М., 1980. С. 3—44.

1981

129. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // НТИ. Сер. 2. № 11. 1981. С. 23—30.
130. Om textstyckets struktur // Textkoherens. Nyare riktingar: studiet av textens struktur. Uppsala, 1981. P. 65—75 [= Uppsala slavic papers. Vol. 2].
131. Местоимение *это* с предметным антецедентом // ПСЛ 1979. М.: Наука, 1981. С. 72—88.
132. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // А. С. Нариньяни (отв. ред.). Разработка формальной модели естественного языка. Новосибирск, 1981. С. 80—105.
133. О связности диалогического текста // Структура текста-81. Тезисы симпозиума. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1981. С. 20—23.
134. Презумпции и их роль в диалоге человека с машиной // Интерактивные системы. Докл. и тезисы докл. 3-й школы-семинара. Тбилиси: Мецниереба, 1981. С. 44—59.

1982

135. Рец. на кн.: *Syntax and semantics*. V. 11. *Presupposition* // ИОЛЯ. Т. 41. 1982. № 1. С. 81—84.
136. Прагматические аспекты связности диалога // ИОЛЯ. Т. 41. 1982. № 4. С. 305—313.
137. Значение и синтаксические функции слова *это* // ПСЛ 1980. М.: Наука, 1982. С. 76—91.
138. Референциальные аспекты высказывания. Семантика и синтаксис местоименных слов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1982.
139. О логическом анализе семантики вопроса // Логический анализ естественного языка. Мат-лы к VIII Всесоюз. конф. «Логика и методология науки». Вильнюс, 1982. С. 50—53.
140. Референциальные аспекты высказывания. Семантика и синтаксис местоименных слов: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1982. 422 с.
141. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // СиИ. Вып. 18. М.: ВИНТИ, 1982. С. 76—119.
142. (совм. с Анной А. Зализняк) Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*: Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 142—148.
143. Актуализация предложения в составе речевого акта // А. С. Нариньяни (отв. ред.). *Формальное представление лингвистической информации*. Новосибирск: СО АН СССР, 1982. С. 38—63.

1983

144. К теории референции: имена и дескрипции в неэкстенциональных контекстах // НТИ. Сер. 2. 1983. № 1. С. 24—29.
145. Местоимение *свой* и его непритяжательные значения // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1983. С. 78—80.
146. (совм. с С. А. Крыловым) Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // В. И. Герасимов (отв. ред.). *Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики*. М.: ИНИОН, 1983. С. 25—96.
147. Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрролла // *Tekst i Zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław. Kraków. Gdańsk. Łódź, 1983. S. 139—160.
148. Референциальные аспекты семантики предложения // САФИД. Всесоюз. школа-семинар «Телави-1983». М., 1983. С. 231.
149. Возвратное местоимение с косвенным antecedентом и семантика рефлексивности // СиИ. Вып. 21. М.: ВИНТИ, 1983. С. 3—33.

1984

150. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // НТИ. Сер. 2. 1984. № 10. С. 25—32.
151. Rev. on: W. Klein, W. Levelt (eds.). Crossing the boundaries in linguistics. Studies presented to M. Bierwisch. Dordrecht: Reidel, 1981. 292 p. // Journal of pragmatics. Vol. 8. 1. Dordrecht, 1984. P. 149—154.
152. О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа) // Г. Л. Пермяков (ред.). Паремнологические исследования. 1984.
153. Перевод с естественного языка на язык логики предикатов. Лекция. М.: ВИНТИ, 1984. 10 с.
154. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // ПСЛ 1982. М.: Наука, 1984. С. 50—66.
155. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1984. № 4. С. 291—303.

1985

156. (совм. с С. А. Крыловым) Новая книга о трансформационном синтаксисе. Рец. на кн.: Z. S. Harris. A Modern English grammar on mathematical principles. N. Y. et al.: John Wiley & sons // НТИ. Сер. 2. 1985. № 5. С. 27—29.
157. Семантические типы ситуаций и значение *всегда* // СиИ. Вып. 24. 1985. С. 96—116.
158. Классификация анафорических отношений и проблема перевода местоимений // Междунар. конф. «Теория и практика научно-технического перевода». Тезисы докл. М., 1985. С. 46—48.
159. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.
160. О референции языковых выражений с непередметным значением // А. И. Михайлов (отв. ред.). Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Кутаиси-85». Тезисы докл. и сообщ. М.: ВИНТИ, 1985. С. 334—338.
161. (совм. с Н. Д. Арутюновой) Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3—42.
162. О синонимии нексусного и юнктивного оформления подчиненной предикации // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985. С. 25—27.

1986

163. О референции выражений с непередметным значением // НТИ. Сер. 2. № 1. 1986. С. 23—31.
164. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 64. 1986. № 5. С. 413—424.
165. Question-answer correspondence and the semantics of questions // Language and discourse: Test and Protest. A Festschrift for Peter Sgall. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1986. P. 373—382.
166. E. V. Padučeva. Zur Struktur des Absatzes (1965), übersetzt von Adelheid Schramm-Meindl // K. Eimermacher (Hrsg.). Semiotica Sovietica 1. Sowjetische Arbeiten der Moskauer und Tartuer Schule zu sekundären modellbildenden Zeichensystemen (1962—1973). Bd. 1. Aachen: Rader Verlag, 1986. S. 393—405. [= Aachener Studien zur Semiotik und Kommunikationsforschung / Hrsg. von A. Eschbach. Bd. 5.]
167. Внеязыковая информация и семантика вида // Сочетание лингвистической и нелингвистической информации в автоматическом словаре (Мат-лы Всесоюз. школы-семинара). Ереван, 1986. С. 87—88.
168. Понятие ситуации в грамматике и в теории референции // Функционально-типологическое направление в грамматике. Вологда, 1986.

1987

169. Рец. на кн.: *И. М. Богуславский*. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985 // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 46. 1987. № 2. С. 176—179.
170. Об одном подходе к семантике и референции (книга П. Сьюрена «Семантика текста») // НТИ. Сер. 2. 1987. № 7. С. 30—32.
171. (совм. с Анной А. Зализняк) Подъем отрицания: синтаксис, семантика или прагматика? // НТИ. Сер. 2. 1987. № 8. С. 29—36.
172. On semantic contents of identity statements in natural language 8-th International Congress of logic, methodology and philosophy of science. Moscow, 1987.
173. Towards a calculus of intonation contours of sentences of arbitrary syntactic complexity // The XI-th International congress of phonetic sciences. Vol. 4. Tallinn, 1987. P. 362—367.
174. Presupozycje a inne typy informacji zdaniowej nie wyrażonej explicite // Przegląd humanistyczny. 1987. № 6. S. 93—109.
175. (together with Anna A. Zalizniak) Negation Raising: Syntax, Semantics, or Pragmatics? // Scientific and technical information. Allerton Press, 1987. P. 99—112.

176. Le particule *ŽE*: semantique, syntaxe et prosodie // Les particules énonciatives en Russe contemporain. Vol. 3. Paris, 1987. P. 11—44.
177. (совм. с Анной А. Зализняк) О семантике вводного употребления глаголов // А. П. Ершов (отв. ред.). Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М.: НСК, 1987. С. 89—96.
178. Слова, подчиняющие косвенный вопрос: список или семантический класс? // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. М.: Институт языкознания АН СССР, 1987. С. 86—91.
179. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория. М.: Центральный совет философских (методологических) семинаров при Президиуме АН СССР, 1987. С. 152—163.

1988

180. How to get an intonation contour for a sentence of arbitrary syntactic complexity // Theoretical linguistics. Vol. 15. 1/2. 1988/89. P. 87—101.
181. Referential properties of generic terms denoting things and situations // COLING-88: Proceedings of the 12-th International conference on computational linguistics. Vol. 2. 1988. P. 502—506.
182. Referentielle Aspekte der Semantik des Satzes // M. Bierwisch, W. Motsch, I. Zimmermann (Hrsg.). Syntax, Semantik und Lexikon. Rudolf Ružička zum 65. Geburtstag; Berlin: Akademie-Verlag, 1988. S. 171—184. [= Studia Grammatica. Bd. XXIX].
183. Что значит «*всегда*»? // Semiotics of culture. In honour of Ju. M. Lotman. 1988. С. 303—313.
184. Снова анафора и кореферентность // Вопросы кибернетики. Вып. 137. Проблемы разработки формальной модели языка. М.: НСК, 1988. С. 71—86.
185. Вид и время в повествовательном тексте // Семиотика культуры. Тезисы докл. Всесоюз. школы-семинара по семиотике культуры 8—18 сентября 1988. Архангельск, 1988. С. 57—60.
186. К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 190—201.
187. К семантике несовершенного вида русского императива // Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность. Императив в разноструктурных языках. Тезисы конф. Л.: ЛО ИЯ, 1988.
188. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // ЛАЯ: Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 33—46.
189. Референциальная семантика перед лицом непредметных сущностей // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности.

Тезисы Всесоюз. школы-семинара «Боржоми-88». Боржоми, 1988. С. 358—365.

190. О референциальном статусе родовых выражений // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М.: Центральный совет филологических семинаров при президиуме АН СССР, 1988. С. 162—168.

1989

191. (совм. с О. С. Кулагиной и Е. В. Рахилиной) О конференции по вычислительной лингвистике в Будапеште (COLING-88) // НТИ. Сер. 2. 1989. № 3. С. 33—39.
192. К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // НТИ. Сер. 2. № 12. 1989. С. 24—31.
193. Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 48. 1989. № 1. С. 26—37.
194. Идея всеобщности в логике и естественном языке // Вопр. языкознания. 1989. № 2. С. 15—25.
195. Contribution à la quête d'un invariant dans la signification de l'aspect verbal russe // La licorne. Études de linguistique à partir du domaine russe. Traduction — énonciation — aspect: Études de l'université de Poitiers. 1989. P. 171—186. [= Bulletin de l'UFR de langues et littératures de l'Université de Poitier. 15].
196. К семантике указательных местоимений: *тот же* и *тот самый* // А. Б. Пеньковский (отв. ред.). Русские местоимения: семантика и прагматика. Владимир: Владимирский гос. пед. ин-т, 1989. С. 51—60.
197. Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // Studia slavica finlandensia. Т. VI. 1989. С. 37—62.
198. (совм. с Анной А. Зализняк) Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // ЛАЯ: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 92—115.
199. О семантике грамматических категорий времени и вида в повествовательном тексте // СиИ. Вып. 29. М.: ВИНТИ, 1989. С. 164—176.
200. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М.: НСК, 1989. С. 18—29. [= ВК-159].

1990

201. (together with E. V. Rakhilina) Predicting co-occurrence restrictions by using semantic classifications in the lexicon // COLING-90. Papers presented to the

- 13-th International conference on computational linguistics. Vol. 3. Helsinki, 1990.
202. Deixis in a narrative text: general strategies of interpretation // *Festschrift till Carin Davidsson «Carina Amicorum: Carin Davidsson septuagenariae 28.3.1990 oblata»*. Åbo: Åbo Academy Press, 1990. S. 235—251.
203. Liens sémantiques entre la fable et sa morale // *Tel grain tel pain. Poétique de la sagesse populaire*. M.: Progress, 1990. P. 168—206.
204. Fatto e valore generico-fattuale del'aspetto imperfettivo. Traduzione di F. Fici Giusti // *Quaderni del dipartimento di linguistica Università degli studi di Firenze*. Firenze: Università degli studi di Firenze, 1990. P. 153—164.
205. Анафорическое отношение // В. Н. Ярцева (отв. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: СЭ, 1990. С. 32.
206. Употребление видов в императиве: вариативность или прагматическая норма? // Д. С. Лихачев (отв. ред.). *Res philologica. Филологические исследования: Сб. памяти Г. В. Степанова*. М.: Наука, 1990. С. 191—199.
207. Вид и лексическое значение глагола (от лексического значения глагола к его аспектуальной характеристике) // *RL*. Vol. 14. 1990. P. 1—18.
208. К семантике видо-временных форм глагола в повествовательном тексте // *Tekst w kontekście*. Wrocław etc.: Wyd. PAN, 1990. S. 215—221.
209. Говорящий: субъект речи, субъект сознания, физическое тело // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). *Концептуальный анализ. Тезисы конф.* М.: Наука, 1990.
210. К семантике действительных элементов в повествовательном тексте // Вяч. Вс. Иванов (отв. ред.). *ВК. Язык логики и логика языка*. М.: НСК, 1990. С. 168—185.
211. Кореферентность // В. Н. Ярцева (отв. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: СЭ, 1990. С. 243.
212. (совм. с С. А. Крыловым) Местоимения // В. Н. Ярцева (отв. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: СЭ, 1990. С. 294—295.
213. (совм. с С. А. Крыловым) Местоименные слова // В. Н. Ярцева (отв. ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: СЭ, 1990. С. 295—296.
214. (совм. с Анной А. Зализняк) О сочетаемости модальных глаголов с предикатами пропозициональной установки // *Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности. Тезисы конф.* Иркутск, 1990.
215. Между предложением и высказыванием: субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // *Revue des études slaves*. LXII. 1990. № 1—2. P. 303—320.
216. Субъективная модальность и синтаксическая неподчинимость // Z. Salony (red.). *Metody formalne w opisie językow słowiańskich*. Białystok, 1990. S. 91—108.

217. Отрицание // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 354—355.
218. Отрицательные слова // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 355.
219. Пресуппозиция // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 396.
220. Суждение // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 499.
221. Опыт исчисления частных видовых значений (К семантике несовершенного вида в русском языке) // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология и грамматика. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 126—134.

1991

222. Semantic features and selection restrictions // Papers presented to the 5-th European chapter of the Association on computational linguistics. Berlin, 1991. P. 194—197.
223. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. № 5. 1991. С. 21—31.
224. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение // Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 34—45.
225. *Тоже и также*, но двадцать лет спустя // M. Grochowski, D. Weiss (eds.). «Words are physicians for an ailing mind...». München: Otto Sagner, 1991. S. 311—322. [= Sagners Slawistische Sammlung. Band 177].
226. О семантическом подходе к синтаксису: генитивный субъект глагола *быть* // Дмитриева О. Л. и др. (ред.). Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюз. научн. конф. 20—23 мая 1991. Доклады. Ч. 2. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 34—45.
227. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // ЛАЯ: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 164—168.

1992

228. Toward the problem of translating grammatical meaning: the factual meaning of the imperfective in Russian // META. Journal des traducteurs. Vol. 37. 1992. № 1. P. 113—127.
229. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола *быть* // RL. Vol. 16. 1992. № 1. P. 53—63.
230. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3. С. 34—40.

231. Taxonomic categories and the formats of definitions of a verbal lexeme // *Arbeitspapiere der Gesellschaft für Mathematik und Datenverarbeitung*. № 671. Darmstadt, 1992.
232. (together with E. V. Rakhilina, M. V. Filipenko) Semantic dictionary viewed as a lexical database // *Papers presented to the 14-th International conference on computational linguistics*. Nantes, 1992.
233. *Еще и уже* в контексте обстоятельства времени: точка отсчета // *Le mot, les mots, les bons mots. Hommage à Igor A. Mel'čuk par ses amis, collègues et élèves a l'occasion de son soixantieme anniversaire*. Montréal: Montréal Univ. press, 1992. P. 279—293.
234. (совм. с С. А. Крыловым) Общие вопросы дейксиса // Т. В. Булыгина (отв. ред.). *Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис*. М.: Наука, 1992. С. 154—194.
235. Глаголы действия: толкование и сочетаемость // *ЛАЯ: Модели действия*. М.: Наука, 1992. С. 69—77.
236. Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. М., 1992. С. 36—55.
237. Факт и общефактическое значение несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение // Т. Reuther (Hrsg.). *Festschrift für V. Ju. Rozencvejk zum 80. Geburtstag*; Wien, 1992. S. 63—73. [= *Wiener Slawistischer Almanach*. Band 32].

1993

238. (совм. с Г. И. Кустовой, Е. В. Рахилиной, Р. И. Розиной, М. В. Филипенко, Н. М. Якубовой, Т. Е. Янко) Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе «Лексикограф» // *НТИ. Сер. 2*. № 11. 1993. С. 18—20.
239. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение // *Вопр. языкознания*. 1993. № 1. С. 64—74.
240. Таксономические категории глаголов *imperfectiva tantum* в русском языке // *НТИ. Сер. 2*. 1993. № 2. С. 17—29.
241. Каузальное отношение, факт и общефактическое значение русского глагольного вида // *Каузальность и структуры рассуждений в русском языке*. М.: РГГУ, 1993. С. 27—33.
242. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // *Изв. РАН. ОЛЯ*. 1993. № 3. С. 33—44.
243. (совм. с Р. И. Розиной) Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // *Вопр. языкознания*. 1993. № 6. С. 5—16.

244. Les noms verbaux et leur définition lexicographique // P. Sériot (éd.). Relations inter- et intrapredicatives. Cahiers de l'Institut de linguistique et de Sciences du langage. Vol. 3. 1993. P. 185—201.
245. О так называемой конкуренции совершенного и несовершенного вида в русском языке // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 31. Wien, 1993. S. 259—273.
246. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // ЛАЯ: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 111—120.

1994

247. Типы каузальных отношений в семантической структуре лексемы // RL. Vol. 18. 1994. № 1. P. 1—16.
248. (совм. с Г. И. Кустовой) Словарь как лексическая база данных // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 96—106.
249. From Pushkin to Nabokov: narrator in the position of the observer // Russian literature. 1994. Vol. 34. P. 353—370.
250. (together with G. I. Kustova) Semantic dictionary as a lexical database // W. Martin, Meijs, M. Moerland, ten E. Pas, P. van Sterkenburg, P. Vossen. Euralex 1994. Proceedings. Amsterdam, 1994. P. 479—485.
251. Вид и время перформативного глагола // ЛАЯ: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 37—42.
252. (совм. с Г. И. Кустовой) Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // ЛАЯ: Речевые действия. М.: Наука, 1994. С. 30—37.
253. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // СиИ. Вып. 34. М.: ВИНТИ; Русские словари, 1994. С. 7—31.

1995

254. В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // ИАН СЛЯ. Т. 54. 1995. № 3. С. 39—48.
255. Видовая парность и количественный предел действия // Русистика сегодня. № 3. 1995. С. 38—50.
256. К определению лингвистических параметров несобственно-прямой речи // Лотмановский сборник. [т.] 1. М.: ИЦ-гарант, 1995. С. 642—654.
257. Лингвистика для литературоведов: отвечая на вызов М. Бахтина // Междунар. юбилейная сессия, посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. В. В. Виноградова. Тезисы докл. М.: [МГУ], 1995. С. 2—3.
258. Лингвистика нарратива: коммуникация в неканонической коммуникативной ситуации // Диалог-95. Казань, 1995.

259. Разрушение иллюзии реальности как поэтический прием // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и в языке. М.: Наука, 1995. С. 93—109.
260. Taxonomic categories and semantics of aspectual opposition // M. Bertinetto et al. (eds.). Temporal reference, Aspect and actionality. Vol. I. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995. P. 71—90.
261. Theme-Rheme structure: Its exponents and its semantic interpretation // B. H. Partee, P. Sgall (eds.). Discourse and meaning. Papers in honour of Eva Hajičova. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 273—287.

1996

262. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
263. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // Problemi di morphosintassi delle lingue slave. V. 5. Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Padova: Unipress, 1996. P. 163—186.
264. О семантическом инварианте лексической деривации // Computational linguistics and its applications. International workshop. Moscow, ДИАЛОГ-1996. Moscow, 1996.
265. Роман Якобсон: преодоление структурализма // С. И. Гиндин, Н. П. Гринцер, Е. П. Шумилова (отв. ред.). Мат-лы междунар. конгресса «100 лет Роману Якобсону». М.: РГГУ, 1996. С. 65—66.
266. Феномен Анны Вежбицкой. Предисловие к книге // Анна Вежбицка. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
267. Definiteness effect: the case of Russian // Proceedings of the Konstanz Workshop «Reference and anaphorical relations», Konstanz, 1996.
268. Narrative and speech mode interpretation of egocentrals // ELSNET goes East Workshop on integration of language and speech. Proceedings. Moscow, 1996. P. 140—151.
269. Thematic roles and the quest for semantic invariants of lexical derivation // VII International conference on functional grammar. Cordoba, 1996.

1997

270. Абзац // Ю. Н. Караулов (ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 10.

271. (совм. с В. А. Успенским) Биноминативное предложение: проблема согласования связки // Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 170—182.
272. *Давно и долго* // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 253—267.
273. (совм. с А. А. Зализняком) К типологии относительного предложения // СиИ. Вып. 35. Opera selecta. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. С. 59—107.
274. Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // ИАН СЛЯ. 1997. № 2. С. 20—27.
275. (совм. с А. А. Зализняком) О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // СиИ. Вып. 35. Opera selecta. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. С. 7—14.
276. Отрицание // Ю. Н. Караулов (ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 310—311.
277. Отрицательные слова // Ю. Н. Караулов. (ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 312.
278. Пресуппозиция // Ю. Н. Караулов (ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 374—375.
279. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопр. языкознания. 1997. № 2. С. 101—116.
280. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // НТИ. Сер. 2. № 1. 1997. С. 18—30.
281. Ситуация // Ю. Н. Караулов (ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 479—480.
282. Ситуация речевая // Ю. Н. Караулов (ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 480—481.
283. Суждение // Ю. Н. Караулов (ред.). Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 546.
284. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // СиИ. Вып. 18. М.: ВИНТИ, 1982. С. 76—119.
285. Verb categorization and the format of a lexicographic definition // Recent trends in meaning-text theory. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 61—74.

1998

286. Анафорическое отношение // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 32.
287. Вид и время русских причастий на *-н/-т* // Polytronon. К 70-летию В. Н. Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 294—305.
288. К семантике пропозициональных предикатов: знание, фактивность и косвенный вопрос // ИАН СЛЯ. Т. 57. 1998. № 2. С. 19—26.
289. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Русские словари, 1998. С. 82—107.
290. Кореферентность // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 243.
291. (совм. с С. А. Крыловым) Местоимения // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 294—295.
292. (совм. с С. А. Крыловым) Местоименные слова // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 295—296.
293. Наблюдатель и его коммуникативные ранги // НТИ. Сер. 2. 1998. № 12. С. 23—28.
294. Неоднозначность как следствие метонимических переносов: русский перфект на *н/т* // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. С. 142—156.
295. О парадигме регулярной многозначности (на примере глаголов звука) // НТИ. Сер. 2. № 4. 1998. С. 28—40.
296. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // RL. Vol. 22. Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 35—58.
297. Отрицание // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 354—355.
298. Отрицательные слова // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 355.
299. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопр. языкознания. 1998. № 5. С. 3—23.
300. Пресуппозиция // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 396.

301. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. С. 332—342.
302. Суждение // В. Н. Ярцева (отв. ред.). Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. С. 499.
303. Bakhtin and His Influence upon Contemporary Linguistics // Elementa. Vol. 4. Overseas Publishers Association. 1998. P. 45—63.
304. On non-compatibility of Partitive and Imperfective in Russian // Theoretical linguistics. V. 24. 1998. № 1. P. 73—82.
305. Paradigms of semantic derivation for Russian verbs of sounding // Papers submitted to the Eighth EURALEX International Congress of Lexicography in Liège, Belgium. V. 1. Liège, 1998. P. 231—238.
306. Perfect and perfective state // Issues of valency and meaning. Studies in honor of J. Panevova. Prague: Charles University Press, 1998. P. 190—196.
307. Thematic Roles and the Quest for Semantic Invariants of Lexical Derivations // Folia Linguistica. Vol. XXXII. № 3—4. Berlin: Mouton de Gruyter; Societas Linguistica Europea, 1998. P. 349—363.

1999

308. Аспектуальные свойства глаголов с семантическим актантом Результат // Вопр. филологии. № 3. 1999. С. 19—26.
309. Глаголы движения и их стативные дериваты (в связи с так называемым движением времени) // Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский (отв. ред.). Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Междунар. университет природы, общества и человека «Дубна». ИЯ РАН, 1999. С. 87—107.
310. К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 761—776.
311. Лексика поэзии и поэзия лексики // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 552—568.
312. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить* // Теория и типология языка. От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999. С. 488—502.
313. О корреляции между видом и диатезой // В. Тоšović (Hrsg.). Die grammatischen Korrelationen. GraLiS — 1999. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, 1999. P. 215—228.

314. О роли метонимии в концептуальных структурах // Труды Междунар. семинара Диалог'99. Т. I. Теоретические проблемы. Таруса, 1999. С. 215—225.
315. Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопр. языкознания. № 5. 1999. С. 3—23.
316. Семантика вины и контекстные сдвиги акцентов в толковании лексем // НТИ. Сер. 2. 1999. № 8 (или № 10). С. 149—166.
317. Семантика глаголов выбора // ИАН СЛЯ. 1999. № 5—6. С. 34—42.
318. The egocentric semantics of the conjunctions A and NO // RASK: International Tidsskrift for sprog og kommunikation. Odense, 1999. № 9/10. P. 189—202.

2000

319. Наблюдатель как Эксперимент за кадром // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (отв. ред.). Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 185—201.
320. Наблюдатель как эксперимент за кадром // Труды Междунар. семинара Диалог'2000. Т. I. Теоретические проблемы. Таруса, 2000.
321. О семантической деривации: слово как парадигма лексем. // Русский язык сегодня (Сб. памяти Д. Н. Шмелева). М.: Азбуковник, 2000. С. 395—417.
322. Пространство в облинии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 239—254.
323. Семантика вины и смещение акцентов в толковании лексем // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 149—166.
324. Definiteness effect: the case of Russian // K. Von Heusinger, U. Egli (eds). Reference and anaforic relations. Dordrecht etc.: Kluwer academic publishers, 2000. P. 133—146.
325. Status of «anticausative» component in the semantic decomposition of decausatives: Pragmatic interpretation // 7-th International pragmatics Conference. Abstracts. Budapest, 2000. P. 60—61.
326. Verbal semantics in its struggle against time // First Annual Conference of the Slavic Cognitive linguistic association. Chapel Hill, NC, November, 2000.
327. Verbs implying semantic role of Result: correlation between diathesis and aspectual meaning // Linguistische Arbeitsberichte 75. 3 Europäische Konferenz «Formale Beschreibung slavischer Sprachen». Leipzig, 1999. Leipzig: Institut für Linguistik, Universität Leipzig, 2000. S. 125—136.

2001

328. Актуальное членение // Л. П. Петрановская (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. Москва: Аванта +, 2001. С. 472.
329. Важно не перестараться // Л. П. Петрановская (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. Москва: Аванта +, 2001. С. 477.
330. Высказывание и диалог // Л. П. Петрановская (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. Москва: Аванта +, 2001. С. 471—477.
331. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 2-е изд. М.: УРСС, 2001. 288 с.
332. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопр. языкознания. № 4. 2001. С. 23—44.
333. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русск. яз. в науч. освещении. № 1. 2001. С. 52—79.
334. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001. С. 184—197.
335. *Некоторый* // Л. П. Петрановская (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. Москва: Аванта +, 2001. С. 476.
336. Об отражении коммуникативных аспектов семантики слова в его толковании (на примере так называемых бытийных глаголов) // V. S. Chra-kovskij, M. Grochowski, G. Hentschel (Hrsg.). Studies on the syntax and semantics of Slavonic Languages. Papers in Honour of A. Bogusiawski on the Occasion of his 70th Birthday. Oldenburg: Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2001. P. 303—323.
337. Предложение и высказывание // Л. П. Петрановская (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. М.: Аванта +, 2001. С. 471.
338. Попросят или предлагают? // Л. П. Петрановская (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. Москва: Аванта +, 2001. С. 476.
339. *Риск — благородное дело*: о системе значений глагола РИСКОВАТЬ // Диалог'2001. Теоретические проблемы. 2001. С. 189—194.
340. Русский декаузатив и его формальные модели // НТИ. Сер. 2. № 1. 2001. С. 23—34.
341. Русский литературный язык до и после Пушкина // Gerhard Ressel (ed.). A. S. Pushkin und die kulturelle Identität Russlands. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2001. P. 97—108.
342. Сказано — сделано // Л. П. Петрановская (отв. ред.). Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. Москва: Аванта +, 2001. С. 473.

343. Фазовые глаголы и семантика начинательности // ИАН СЛЯ. № 5. 2001. С. 29—39.

2002

344. (совм. с В. А. Успенским). Биноминативное предложение: проблема согласования связки // В. А. Успенский. Труды по НЕматематике. С приложением семиотических посланий А. Н. Колмогорова к автору и его друзьям. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 470—482.
345. (совм. с В. А. Успенским) Подлежащее или сказуемое? Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях // В. А. Успенский. Труды по НЕматематике. С приложением семиотических посланий А. Н. Колмогорова к автору и его друзьям. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 453—469.
346. Глагол *РИСКОВАТЬ*: яркая индивидуальность или рядовой элемент лексической системы? // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: ВИНТИ, 2002. С. 147—171.
347. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М.: Индрик, 2002. С. 121—136.
348. Диатеза и диатетический сдвиг // Russian linguistics. Vol. 26. 2002. № 2. P. 179—215.
349. (совм. с А. А. Зализняком) К типологии относительного предложения // А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 648—698.
350. Каузатив и декаузатив как типологические параметры // Третья зимняя типологическая школа. М., 2002. С. 227—229.
351. Начинательность в семантике русских глаголов совершенного вида // Die Welt der Slaven. Vol. XLVII. 2002. S. 201—212.
352. О параметрах лексического значения глагола: таксономический класс участника // Русск. яз. в науч. освещении. 2002. № 1 (3). С. 87—111.
353. Образы и изображения // Тезисы Междунар. конф. «Проблемы семантического анализа лексики (5-е Шмелевские чтения)». М.: ИРЯ, 2002. С. 72—75.

2003

354. Акцентный статус как фактор лексического значения // ИАН СЛЯ. Т. 62. 2003. № 1. С. 1—14.

355. К когнитивной теории метонимии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. Диалог'2003 (Протвино, 11—16 июня 2003 г.). 2003. С. 409—507.
356. Semantic and pragmatic inferences of decausative verbs // *Studies in Communication Sciences*. V. 3. 2003. № 1. P. 133—154.
357. Diathesis: some extended applications of the term // *Proceedings of the 1-st International conference on Meaning-Text theory*. Paris, Ecole Normale Supérieure, Lexical meaning and semantic derivation: the case of image creation verbs. June 16—18. 2003. P. 201—210.
358. Lexical meaning and semantic derivation: the case of image creation verbs // *Second International workshop on generative approaches to the lexicon*. May 15—17, 2003, Geneva. P. 230—237.
359. Глаголы речевого действия как тематический класс // Л. П. Крысин (ред.). *Русский язык сегодня. 2. Активные языковые процессы конца XX века*. М.: Азбуковник, 2003. С. 201—226.
360. Глаголы восприятия: опыт выявления структуры тематического класса // А. В. Бондарко (ред.). *Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность*. СПб: Наука, 2003. С. 75—100.
361. Параметры лексического значения глагола эмоции. // *Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов*. Любляна, 2003 г. М.: Индрик, 2003. С. 470—482.
362. Таксономическая категория как параметр лексического значения // *Русск. яз. в науч. освещении*. 2003. № 2 (6). С. 192—216.
363. Нужен ли лингвистике эпитет «когнитивная» (о новых идеях и подходах в семантике)? // *НТИ*. Сер. 2. 2003. № 11. С. 38—43.
364. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // *Вопр. языкознания*. 2003. № 6. С. 30—46.
365. Is there an «anticausative» component in the semantics of decausatives? // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 11. 2003. № 1. P. 173—198.

2004

366. Метафора и ее родственники // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян*. М., 2004. С. 187—203.
367. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
368. Эффект снятой утвердительности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. Диалог'2004 («Верхневолжский»), 2—7 июня 2004). М.: Наука, 2004. С. 479—486.

369. Роли участников и диатезы глаголов эмоции // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 2004. С. 379—389.
370. Накопитель эффекта и русская аспектология // ВЯ. 2004. № 5. С. 46—57.
371. О параметрах лексического значения глагола: онтологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Т. 3. Проблемы русской лексикографии / Ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 213—238.
372. О семантике просодических сдвигов и вкладе просодии в семантику предложения // ИАН СЛЯ. 2004. № 5. С. 10—15.
373. Splitting of Possessive NPs and External Possessor in Russian // Ji-yung Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (eds.). Possessives and Beyond: Semantics and Syntax. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29, GLSA Publications. Amherst (Mass.), 2004. P. 351—363.
374. [Рец. на:] С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002 // Вопр. языкознания. 2004. № 5. С. 121—127.
375. О семантическом инварианте видового значения глагола в русском языке // Русск. яз. в науч. освещении. 2004. № 2 (8). С. 5—16.
376. The genitive subject of the verb БЫТЬ // Studies in Polish linguistics. V. 1. 2004. P. 47—59.

2005

377. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании // Вопр. языкознания. 2005. № 5. С. 84—99.
378. Режим интерпретации как прием (стихотворение Пастернака «Марбург») // ИАН СЛЯ. 2005. Т. 64. № 2. С. 40—46.
379. Соответствие «Смысл ↔ Текст» в исторической перспективе // Восток—Запад: Вторая междунар. конф. по модели «Смысл ↔ Текст». М.: ЯСК, 2005.
380. Модальность как сценарий // Труды междунар. конф. «Диалог'2005». 2005. С. 395—401.
381. Семантика количества и ее отражение в просодии // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005. С. 652—667.
382. Глаголы интерпретации: таксономия и акциональные классы // НТИ. Сер. 2. 2005. № 6. С. 28—34.
383. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин» // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 916—931.

384. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русск. яз. в науч. освещении. 2005. № 2(10). С. 17—42.
385. (совместно с Г. И. Кустовой, О. Н. Ляшевской, Е. В. Рахилиной) Семантическая разметка лексики в национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Москва: Индрик, 2005. С. 155—174.
386. (together with V. Borschev, B. H. Partee, Y. G. Testeleets, I. Yanovich) Sentential and constituent negation in Russian BE-sentences revisited // H. Filip, S. L. Franks, J. Lavine, M. Tasseva-Kurktchieva (eds.). Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Princeton Meeting 2005 (FASL 14). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2005.

2006

387. Глаголы интерпретации: таксономия и аспектология // I. Bobrowski, K. Kowalik (eds.). Od fonemy do tekstu. Prace dedukowane Professorowi Romanowi Laskowskiemu. Kraków: LEXIS, 2006. С. 85—303.
388. [Рец. на:] *A. Groenn*. The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective, 2004 // Russian linguistics. 2006. P. 293—302.
389. Диатеза, генитив отрицания, наблюдатель // Проблемы типологии и общей лингвистики. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. А. А. Холодовича. СПб.: Нестор—История, 2006. С. 103—109.
390. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды междунар. конф. Диалог 2006. 2006. С. 403—413.
391. Родительный отрицания и проблема единства дейктического центра высказывания // ИАН СЛЯ. 2006. № 4. С. 3—10.
392. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 498—515.
393. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2005. С. 206—218.
394. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка как лаборатория семантического анализа лексики // Изв. РАН. 2006. № 6. С. 16—29.
395. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопр. языкознания. 2006. № 6. С. 21—44.

2007

396. В поисках наблюдателя: глаголы *выглядеть* и *быть* (Quest for the observer: Russian verbs *vygljadet'* 'look' and *byt'* 'be') // Диалог-2007. С. 436—443.
397. Causatives, decausatives and unaccusatives // Meaning—Text Theory 2007. Proceedings of the 3rd International conference on Meaning—Text Theory. Klagenfurt, May 20—24, 2007. Wiener slawistischer Almanach. Sbd. 69. München; Wien, 2007. P. 367—376.
398. *Какой-нибудь* и *любой*: контекст снятой утвердительности // Язык и действительность: Сб. в честь В. Г. Гака. М.: Комкнига, 2007. С. 406—415.

2008

399. Имперфектив отрицания в русском языке // Вопр. языкознания. 2008. № 3. № 1. С. 3—21.
400. Семантические явления в высказываниях от 1 лица: Говорящий и Наблюдатель // Доклады к Съезду славистов. Охрид, 2008. С. 372—395.
401. Генитив отрицания и Наблюдатель в глаголах типа *звенеть* и *пахнуть* // Сб. ст., посвящ. юбилею Н. Ю. Шведовой. С. 164—171.
402. Генитив отрицания: морфология, семантика, синтаксис // Объектный генитив при отрицании в русском языке / Сб. ст. под ред. Е. В. Рахилиной. М., 2008. С. 123—147